Ф.Р. Штильмарк

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО РОССИИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ИСТОРИЯ

Феликс Робертович Штильмарк

(2.09.1931 — 31.01.2005)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова
Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
"Живая природа: современное состояние и проблемы развития"
Благотворительный фонд "Центр охраны дикой природы"

Ф.Р. ШТИЛЬМАРК

ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО РОССИИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2014

ББК 28.088л6
Ш91

Ф.Р. Штильмарк. Заповедное дело России: теория, практика, история. Избранные труды. М.: Т-во научных изданий КМК. 2014. 511 с.

Феликс Робертович Штильмарк обосновал научные принципы заповедания, дал чёткое определение заповедности, создав таким образом теорию заповедного дела.

В опубликованных работах представлены: наука и практика заповедного дела, биосферные, туристические и дугие формы деятельности в заповедниках разных природных зон. Таким образом, охвачены чуть ли не все вопросы устройства и деятельности заповедников и их систем.

Теоретические статьи представлены в книге в хронологической последовательности. Приведен полный список печатных работ Ф. Р. Штильмарка, основные даты жизни и деятельности. Фотографии — из его архива.

Для широкого круга профессионалов-экологов, специалистов природоохранного дела, студентов и натуралистов.

Редактор и составитель: *Н.К. Носкова*

ISBN 978-5-9905832-0-7

© Ф.Р. Штильмарк (наследники), 2014.
© Благотворительный фонд
"Центр охраны дикой природы", 2014
© ИПЭЭ РАН, 2014.
© ООО "КМК", издание, 2014.

Оглавление

Введение 5
1. ТЕОРИЯ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА 9
1.1. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты) 9
1.2. Принципы заповедности и развитие системы биосферных заповедников 20
1.3. Проблемы оптимального размещения заповедных территорий в РСФСР 23
1.4. О концепциях особо охраняемых природных территорий и принципе заповедности 25
1.5. Проблема «заповедники и туризм» 28
1.6. Заповедники, экологическое просвещение и экотуризм 30
1.7. Трансформация понятий и трактовок о заповедности в XX веке 33
1.8. Природные заповедники России как социально-общественный феномен 34
1.9. Абсолютная заповедность — последний оплот реальной охраны дикой природы 40
1.10. Сочетание научных и морально-этических аспектов в заповедном деле 42
1.11. Понятие абсолютной заповедности… юридически почти утрачено 44
1.12. «Помни праотцев — заповедного не тронь!» 48

2. ПРАКТИКА ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА: ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ ЗАПОВЕДНИКОВ, ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПОВЕДНОЙ СЕТИ РОССИИ 52
2.1. Проектирование и организация заповедников 52
2.2. Проектирование заповедников (на примере Таймырского) 58
2.3. Первый проект географической сети заповедников для территории СССР 107
2.4. Проблемы создания степных заповедников в РСФСР 111
2.5. Заповедники в тайге 121
2.6. Система заповедников Сибири в прошлом и настоящем 123
2.7. Формирование системы государственных природных заповедников России в XX веке и обзор их географического размещения 124

3. ИСТОРИЯ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА РОССИИ 139
3.1. Историография российских заповедников (1895–1995) 139
3.1.1. Предисловие 139
3.1.2. Определение заповедности и обзор литературы 140
3.1.3. Заповедники Российской империи (1895–1917) 145
3.1.4. Ленинский этап (1918–1925) 158
3.1.5. Компромисс или капитуляция? (1926–1933) 169
3.1.6. Заповедное хозяйство на исходных позициях (1934–1940) 184
3.1.7. Заповедники в годы войны СССР с Германией (1941–1945) 199
3.1.8. «Под влиянием целеустремленности» (1946–1951) 210
3.1.9. «Заповедно-охотничье хозяйство» (1952–1960) 225
3.1.10. Соревнование ведомств (1961–1969) 237
3.1.11. Время поисков и надежд (1970–1976) 249
3.1.12. «Дитя подросло — одёжка жмёт» (1977–1985) 258
3.1.13. Количество и качество (1986–1991) 271
3.1.14. Заповедники на новых рубежах (1992–1995) 286
3.1.15. Оглядываясь на пройденный путь 322
3.1.16. Как Феникс из пепла 334

3.2. Роль Личностей (и их судьбы) в истории заповедников 338
3.2.1. Григорий Александрович Кожевников 338
3.2.2. Василий Никитич Макаров 343
3.2.3. Франц Францевич Шиллингер 347
3.2.4. Христофор Георгиевич Шапошников 357
3.2.5. Александр Николаевич Формозов 361
3.2.6. Валериан Иванович Белоусов 374
3.2.7. Вадим Вадимович Раевский 378
3.3. К новейшей истории заповедного дела 381
3.3.1. О проблемах природных заповедников и заповедного дела на данном этапе 381
3.3.2. Об истории управления охраной природы в нашем государстве (драма или фарс?) 385
3.3.3. «Но надежда все поет вдали...» 389
Сокращения 395
Литература 400
Список опубликованных трудов Ф. Р. Штильмарка 420
Основные даты жизни и деятельности Ф. Р. Штильмарка 444
Фотоиллюстрации 447

Введение

Заповедное дело России второй половины XX века неразрывно связано с именем Ф.Р. Штильмарка.

Основываясь на положениях отечественных учёных, посвятивших свои жизни делу охраны природы и почти забытых к началу 50-х гг., Феликс Робертович обосновал научные принципы заповедания, дал чёткое определение заповедности, создав таким образом теорию заповедного дела, скромно подчёркивая при этом, что он только продолжает дело своих великих предшественников, почти не привнося ничего нового. Действительно, заслуга его велика в том, что, тщательно изучая архивы, он возродил наше заповедное дело и дал ему новое развитие.

Подробнее о теории: наука, биосферные, туризм и др. несвойственные формы деятельности, заповедники в разных природных зонах. Таким образом, охвачены чуть ли не все вопросы устройства и деятельности заповедников и их систем.

Внёс он и огромный практический вклад. Его энергия, неравнодушие, накопленные знания, умение общаться с людьми содействовали восстановлению некоторых заповедников, уничтоженных в 1951 г., созданию новых в различных ландшафтных зонах. Можно смело утверждать, что около 20 заповедников возникли только благодаря его личным усилиям. *«...Предложение о создании нового заповедника или даже его научное обоснование — лишь самый первый этап, за которым должна следовать большая организационная работа: необходимо обследовать территорию проектируемого заповедника — выявить предполагаемые границы, уточнить современное состояние наиболее ценных природных объектов, оценить реальные возможности и пути их охраны в настоящем и будущем. Далее предстоит рассчитать, какие средства необходимы для работы заповедника, каким будет его штат, где разместятся центральная усадьба и кордоны, как будет обеспечена охрана лесов от пожаров. Но самое сложное — юридическое оформление, составление землеустроительного дела. Необходимо собрать отзывы и заключения всех ведомств и организаций, заинтересованных в какомлибо хозяйственном использовании намечаемой под заповедник территории, провести серию специальных совещаний, на которых обсуждаются все эти вопросы, подготовить детальные картографические материалы. Соединенные вместе в один или несколько увесистых томов, все эти бумаги и документы представят собой проект организации нового заповедника...»* (из дневника Ф.Р.).

Феликс Робертович участвовал во всех этапах создания каждого нового заповедника, непременно сам обследовал территории, предназначенные для заповедания.

Создавались заповедники согласно «Генеральной схеме рационального размещения на территории РСФСР государственных заповедников, заказников, лесоохотничьих, охотничьих и промысловых хозяйств на период до 1990 года» (утверждена Госпланом РСФСР 2 ноября 1979 г. и внесена в государственный план развития народного хозяйства). Эта сложная и трудоёмкая работа (создание схемы по заданию Госплана) тоже благодаря активному личному участию Ф. Р. Штильмарка была выполнена за очень короткий срок, получила высокую оценку специалистов, удостоена наград ВДНХ СССР. Более половины из намечаемых вариантов, к сожалению, не осуществлены, остались только на бумаге, тем не менее к концу 2000 г. в Российской Федерации было 100 природных заповедников, суммарная площадь заповедных территорий составляла 33,5 млн. га — около 2% всей территории страны (на 1 января 1952 г. их оставалось 20 с общей площадью — 802, 5 тыс. га).

Опубликованные Ф. Р. Штильмарком «Практические руководства по проектированию заповедников» получили признание среди специалистов.

Как научный редактор книги американского историка Д. Уинера «Экология в советской России — архипелаг свободы: заповедники и охрана природы» (М.: Прогресс, 1991) Ф.Р. Штильмарк получил известность и за рубежом. Правда, и до этого некоторые его теоретические работы были опубликованы на английском языке в научных журналах США и Англии. Оказывая Д. Уинеру конкретную помощь в подготовке его книги, Феликс Робертович ощущал немалую горечь оттого, что историей нашей охраны природы занимается иностранный учёный — сможет ли он понять всю сложность российской действительности? — «*...как высокая идея заповедания с научными целями была искажена социалистической государственной системой и разного рода «прометейцами», осуществлявшими конкретные задачи материалистического плана, превратившими подлинное заповедание в «заповедное хозяйство» или в советское научно-исследовательское учреждение низшего разряда*» (из книги Ф.Р. Штильмарка «Историография...», с. 311).

Начавшаяся в стране «перестройка», отменившая строжайшую цензуру (прежние непременные требования редакций — убрать все негативные высказывания по поводу использования или охраны природы), вдохновила Феликса Робертовича на создание собственной книги об истории наших заповедников. Российское представительство Фонда Макартуров оказало финансовую поддержку, началась серьёзная, кропотливая работа, и в 1996 г. книга «Историография российских заповедников (1895–1995)» увидела свет. Позднее она была представлена как докторская диссертация. Автореферат, написанный на её основе, назывался «Анализ эволюции системы государственных заповедников Российской Федерации».

Таким образом, Ф.Р. Штильмарк как учёный предстаёт в трёх ипостасях — теоретик, практик и историк заповедного дела нашей страны. Соответственно из трех разделов состоит и предлагаемый читателям сборник «Избранных трудов Ф.Р. Штильмарка».

На трудовой путь Феликс Робертович вступил очень рано. Потеряв мать (умерла в 1944 г.) и отца (арестован сразу после войны и осужден по пресловутой статье 58–10 на 10 лет лагерей), он был вынужден бросить школу и искать средства для выживания. На всю жизнь он сохранил священную благодарность Александру Николаевичу Дружинину — зав. Отделением сравнительной анатомии Зоомузея МГУ (познакомили с ним друзья матери), который принял живое участие в судьбе голодного бездомного мальчика, поддержал его морально, устроил в Зоомузей помощником таксидермиста. С тех самых школьных (без школы) лет началось образование и воспитание Феликса — ему довелось общаться с выдающимися учёными-зоологами — С.И. Огнёвым, В.Г. Гептнером, А.Н. Формозовым, Г.П. Дементьевым. Именно их он считал своими учителями, хотя и среди преподавателей Московского пушно-мехового института, который он окончил в 1956 г., было немало достойных людей.

Позднее, будучи научным сотрудником Института леса СО АН СССР (с 1959 г. работал в Красноярске, куда был переведён Институт из Москвы) и занимаясь чисто зоологическими исследованиями, он с болью и тревогой наблюдал, как нещадно вырубаются кедровые леса, как загрязняются чистейшие горные реки молевым сплавом, сколько гибнет всего живого при массовых обработках полей и лесов ядохимикатами и т. д. И уже тогда ясно осознал, что гораздо важнее уберечь участки кедровника, намеченные к вырубке, чем изучать в них состав мышевидных грызунов. С этого времени фактически и стал он причастен заповедному делу.

В 1964–1967 гг., работая в Комсомольском заповеднике (на Амуре), он немало сделал как просветитель — проводил бесконечные встречи с жителями города Комсомольска, выступал с лекциями и докладами об охране природы края, о той роли, которую играет в этом благородном деле вновь созданный заповедник (на месте бывшего лесничества и лагеря политзаключенных).

Со времени работы в этом заповеднике Феликс Робертович стал заниматься и теоретическими вопросами заповедного дела. Он горячо поддержал классические принципы заповедания, разработанные Г.А. Кожевниковым, В.В. Докучаевым, А.П. Семеновым-Тян-Шанским и др., то есть создание заповедников и как строго охраняемых территорий, и как научных учреждений, цель которых проводить долгосрочные исследования природных процессов на этих охраняемых участках. Но постепенное извращение этих принципов, внесение разных коррективов (деление заповедников на категории, применение регуляционных и биотехнических мероприятий на заповедных территориях, частичное их хозяйственное использование, научные исследования, нарушающие строгую охрану, и т. д.) показало, что тот высший духовный принцип, на котором базируется классическое заповедание, не может устоять перед натиском материального, потребительского отношения к природе. Чтобы как-то противостоять этому, Феликс Робертович все чаще и настойчивее говорил о необходимости **строгой** заповедности, полного прекращения прямого воздействия человека на заповедные природные комплексы. Он понимал, что **абсолютная** заповедность на Земле, населенной людьми с их «постоянно растущими материальными потребностями», невозможна. И тем не менее именно в ней видел «последний оплот» реальной охраны дикой природы, призывал к ней как к идеалу, к которому должно стремиться человечество, если оно хочет остаться на Земле. В одной из своих работ он приводит мнение академика Н.Н. Моисеева, который считал, что возможности нынешней цивилизации исчерпаны: или она исчезнет, или произойдут коренные изменения не только технологического, но и — что гораздо важнее — нравственного порядка. Должно произойти коренное изменение взаимоотношений между людьми и природой. И то, что нынче выглядит идеалистической утопией, завтра может оказаться вполне естественным и единственно верным.

К практике заповедного дела Феликс Робертович приступил с 1969 г., когда, работая в отделе учётов охотничьих животных ЦНИЛ Главохоты РСФСР и выбрав в качестве модели север Тюменской области (Ханты-Мансийский национальный округ), оказался на территории бывшего (закрытого в 1951 г.) Кондо-Сосвинского заповедника. Обнаружив в старом сарае брошенный архив заповедника, а среди бумаг — полусгнившие рукописи зоолога В.В. Раевского, он решил во что бы то ни стало спасти эти рукописи (а значит, возродить память о замечательном натуралисте, умершем здесь), и восстановить заповедник. С этого момента все учетные, зоологические, охотоведческие работы отошли на задний план. Вернувшись в Москву, он добился своего перевода в ЦНИЛе из отдела учетов в отдел заповедников и занялся проектированием заповедников уже профессионально.

С 1969 по 1976 г., преодолевая и физические, и моральные трудности (непонимание коллег-учёных, нежелание местных властей отдавать лакомые кусочки в этом нефтегазоносном крае, нередко прямые издевательства разных чиновников на местах), он добивался восстановления Кондо-Сосвинского заповедника. В конце-концов заповедник был создан, правда на значительно меньшей площади и под другим названием («Малая Сосьва»).

К сожалению, семилетняя эпопея создания этого заповедника самим Феликсом Робертовичем не написана, лишь частично упоминается в книге «На службе природе и науке (Документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике и о людях, которые там работали. — М.: «Логата», 2002). Но о ней свидетельствуют его многочисленные письма, дневники. Вполне возможно, что по этим документам правдивая история создания заповедника «Малая Сосьва» будет все-таки написана.

Зато история создания Таймырского заповедника подробно им изложена в книге «Свидание с Таймыром» (Красноярск, 1979). Проектирование этого заповедника не столь типично, как восстановление «Малой Сосьвы» (здесь больше приходилось «воевать» с

учеными-коллегами, чем с бюрократами-чиновниками) и изложено в научно-популярном стиле, но весь процесс отражен очень точно, емко и красочно. Надо сказать, что Феликс Робертович был и замечательным литератором — журналистом, писателем. Язык его не только безупречно чёток и грамотен, но и очень живой, выразительный. Он — автор научно-художественных книг «Таёжные дали», «Лукоморье — где оно?» и др. Но и все его научные работы читаются легко, с интересом — как хорошие литературные произведения. Будучи научным сотрудником Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова до конца своих земных дней, защитив в стенах этого института докторскую диссертацию, Феликс Робертович стал составителем и ответственным редактором двухтомника «Заповедники Сибири», изданием которого была завершена десятитомная серия «Заповедники СССР» (России).

Он планировал также продолжить «Историографию» заповедников, взяв для анализа последующие (после 1995 г.) десять лет. Но человек, отдавший все силы делу охраны природы, не мог быть простым регистратором фактов, тем более что эти факты свидетельствовали о нынешнем катастрофическом состоянии заповедного дела. Его жизненная позиция требовала вмешательства, а для этого надо было много сил и здоровья. Именно поэтому Феликс Робертович согласился на сердечную операцию, которая, по мнению врачей, могла бы вернуть его к прежней активной жизни. Но судьбе угодно было распорядиться по-другому…

Сохранился большой архив — дневники, которые он вёл в течение всей жизни и при любых обстоятельствах, переписка с самыми разными людьми, многочисленные очерки о личностях, оставивших немалый след в истории охраны природы.

За две недели до операции он завершил автобиографическую книгу, изданную уже посмертно — «Отчёт о прожитом (записки эколога-охотоведа)» (М.: Логата, 2006. 528 с.)

Ученики и последователи Феликса Робертовича считают, что он был совестью нашего заповедного дела, постоянно возвращая нас к классическим принципам заповедности. «Мы должны с благодарностью принять от предыдущих поколений всё то, что они сохранили для нас, сберечь всё это и передать поколению последующему» — этим нравственным принципом, который является основой продолжения жизни на Земле, всегда руководствовался Феликс Робертович. Этот же принцип должен стать девизом планируемых «Чтений памяти Ф.Р. Штильмарка».

Теоретические статьи представлены в книге в хронологической последовательности. Приведен полный список печатных работ Ф. Р. Штильмарка, основные даты жизни и деятельности. Фотографии — из его архива.

Составители искренне благодарны Н.А. Формозову, И.В. Третьяковой.

1. Теория заповедного дела

1.1. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты)*

"Роль заповедников как неприкосновенных территорий, сохраняющих человечеству и его будущим поколениям животный и растительный мир, очевидна и бесспорна".
Чл.-корр. АН СССР Г.Я. Бей-Биенко

Последние годы характеризуются определенным подъемом заповедного дела в нашей стране[1]. Несколько ускорились темпы развития сети заповедников (в 10-й пятилетке в СССР создано около 30 заповедников и общее их количество переросло показатель 1951 г., когда перед реорганизацией их было 120).

На 1 июля 1980 г. в стране было 128 заповедников, семь заповедно-охотничьих хозяйств и шесть национальных парков. В 1977–1979 гг. опубликовано несколько научных монографий и сборников, посвященных заповедникам (Куражсковский, 1977; Реймерс, Штильмарк, 1978; Опыт работы и задачи заповедников СССР, 1979; и др.). В 1979 г. впервые в стране создан Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела МСХ СССР. Особое значение имеет постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов», которым предусмотрена разработка типовых положений о заповедниках и других особо охраняемых природных территориях (газ. «Правда», 6 января 1979 г.).

Тем не менее сохраняются многие трудности в работе действующих заповедников и на пути их развития. Это прежде всего структурная и организационная неупорядоченность, отсутствие единых, устоявшихся взглядов на задачи и цели заповедников, различные и порой противоречивые представления о заповедном режиме, даже о самом термине «заповедность». Действующее законодательство содержит определение заповедника как территории, изъятой из хозяйственного использования в научных или культурно-просветительных целях, но даже в специальной литературе понятие заповедности трактуется весьма широко. Так, например, специалист в области природоохранного права В.Г. Емельянова пишет в специальном пособии: «*Заповедание природы производится у нас в различных формах (заповедники, заказники, памятники природы). В интересах охраны природы и организации отдыха трудящихся предполагается создать в нашей стране сеть таких заповедных территорий, как национальные парки*» (Емельянова, 1971, с. 4). О.К. Гусев (1969) также намечает несколько форм заповедания территорий, в том числе такие, как «*заповедники — акклиматизационные парки*» и «*заповедники — национальные парки*», т. е. предназначенные для непосредственного хозяйственного использования. В недавно изданном учебном пособии по охране природы для студентов (Гусев, Петров, 1979) под «*заповедной охраной природы*», «*заповедным режимом охраны природы*» подразумеваются различные формы ограничения

---

* Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. М., 1981. С. 60–76.

[1] Термин «заповедное дело» получил распространение начиная с середины 50-х годов, чему способствовало, в частности, издание бюллетеня «Охрана природы и заповедное дело в СССР» (АН СССР, 1956–1960 гг.).

воздействия человека на природу (заказники, зеленые зоны, курорты и т. д.). «*Степень заповедности,* — пишут авторы, — *устанавливается законодательством в зависимости от формы, избранной для природного комплекса. Так, для заповедников установлен полный запрет на все виды деятельности... Заказники имеют запрет на эксплуатацию одного или нескольких объектов природы... Национальные, природные парки, лесопарки, курорты сочетают в своем режиме хозяйственные запреты с разрешением использования среды для отдыха, экскурсий, туризма*» (Гусев, Петров, 1979, с. 30–31).

Столь же широкая трактовка термина заповедности была вложена в понятие о «*природно-заповедном фонде*» (Рашек, 1975), получившее широкое распространение[2]. Согласно этим представлениям, в особый фонд выделяются не территории (земли), а объекты. В официально утвержденном республиканском стандарте Украинской ССР устанавливается разделение «заповедных объектов» по всем «заповедным категориям»: заповедники, заказники, заповедно-охотничьи хозяйства, природные парки, памятники природы и парки — памятники садово-паркового искусства («Порядок согласования, утверждения и государственной регистрации заповедных объектов». РСТ УССР 1974–76, Киев, 1977). В соответствии с такой классификацией на карте «Природные заповедные объекты Украинской ССР» (М., 1977) указано свыше 3100 «заповедных объектов», хотя фактически на Украине имеются лишь 10 небольших заповедников и 4 заповедно-охотничьих хозяйства.

Принятый в 1976 г. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» установил возможность учреждения историко-культурных заповедников, что не учитывается природоохранным законодательством, понимающим под заповедниками лишь природные объекты[3]. Все это приводит к смешению понятий, вольному обращению с терминологией, нивелирует представления о природоохранных объектах разного режима и в конечном счете грозит полной деградацией самого понятия заповедности.

С нашей точки зрения (Реймерс, Штильмарк, 1978), термин «заповедность» или «заповедный» (объект, режим, территория и т. д.) несет на себе весьма высокую и ответственную нагрузку и не может использоваться столь широко и произвольно, как это принято в настоящее время.

Заповедность означает прежде всего прекращение всех видов и форм утилитарного хозяйственного использования территории, включая пребывание людей, за исключением сугубо научных целей[4]. Заповедность обеспечивается специальными законодательными и правовыми мерами, она неизбежно связана с изъятием и отводом земель, без чего невозможно даже представить себе никаких «заповедных объектов». Поэтому совершенно неправомерно отнесение к «заповедным территориям» заказников, национальных и природных парков (не говоря уже о лесопарках и курортах), памятников природы, всевозможных музеев в природе и т. д. Все это может быть отнесено к разновидностям охраняемых, но не заповедных природных территорий. Грозящая утрата исконного смысла термина «заповедность» заставляет нас обратиться к историческому и литературному анализу, чтобы более обстоятельно аргументировать эту точку зрения.

Как известно, одним из первых инициаторов создания наших заповедников был профессор В.В. Докучаев (Докучаев, 1895; см. также Насимович, 1974, 1979; и др.).

---

[2] Хотя проект Союзного Положения «О природно-заповедном фонде» не был принят, некоторые республики, например, Киргизская ССР ввели это понятие в республиканское законодательство.

[3] При разработке типовых положений комиссией АН СССР рассматривались только природные заповедники, хотя в тексте постановления правительства говорится о «государственных заповедниках».

[4] Это относится, конечно, к природным, а не к историко-культурным заповедникам, «заповедность» которых весьма условна.

Известнейший почвовед, работавший непосредственно над практическими нуждами земледелия, ставил вопрос не только об освоении и преобразовании целинных степей, но и о заповедании степных участков. «*Вековой опыт народов и государств и простой, но здравый смысл... свидетельствуют, что только то прочно и устойчиво, только то и жизненно, только то и имеет будущее, что сделано в согласии с природой*» (Докучаев, 1895). Ученый призывал сохранить оригинальный степной мир для потомства не только с познавательными целями или ради спасения редких животных, но «*для понимания степи*», «*для овладения ее силами*», т. е. и с научными, и с практическими целями. С большой горечью приходится констатировать, что этот призыв остался, по сути, не воплощенным в жизнь — во всяком случае, на территории РСФСР степных заповедников не имеется[5].

Идея сбережения именно девственных, не тронутых человеком участков с тем, чтобы проводить научные наблюдения вне сферы хозяйственной деятельности, явилась краеугольным камнем нашего заповедного дела. Именно отсюда возник принцип невмешательства, особенно четко сформулированный в начале XX века проф. Г.А. Кожевниковым. «*Участки эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова... Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы... Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты*» (Кожевников, 1909). Несколько позднее им же было введено в науку понятие о заповедниках как эталонах природы, «*которых не будет касаться рука человека*» (Кожевников, 1928).

Принцип неприкосновенности заповедных участков получил конкретное юридическое воплощение в широко известном ленинском декрете СНК от 16.09.1921 г. «Об охране памятников природы, садов и парков». Именно в то время сложилось представление о заповедании как ограждении природных участков «*от всякого вмешательства в жизнь природы со стороны человека*» (Подъяпольский, 1929). Еще более четко сформулировано понятие заповедности в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1921 г. «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение» («Декреты...», 1929). «*Участки природы... представляющие особую научную или культурно-историческую ценность, подлежат охране или с ограничением их использования, или с оставлением в неприкосновенном виде. С этой целью им может быть присвоена заповедность*». Именно последняя формулировка определяет сущность заповедности: заповедано то, что оставлено в неприкосновенности.

В первом типовом положении о заповедниках, состоящих в ведении Наркомпроса («Декреты...», 1929), статья 1 давала вполне четкое определение заповедников. «*Заповедниками признаются участки земельной или водной площади, которые навсегда подлежат оставлению в неприкосновенном виде... Вследствие этого естественное состояние полного заповедника не может быть нарушаемо воздействием человека на природу*».

В 1930 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» (журн. «Охрана природы», 1930, № 6, с. 150–152) задачи заповедников были несколько изменены, однако формулировка об их неприкосновенности сохранилась («*Заповедниками называются участки природы или отдельные ее произведения, объявляемые неприкосновенными*» — статья 5). Но это было последнее упоминание в официальных документах о неприкосновенности заповедников от вмешательства

[5] Разработанный в 1979 г. проект степного заповедника в Ростовской области признан Ростовским облисполкомом «преждевременным» (Зыков, Нухимовская, Штильмарк, 1981). — добавить от редакции о современных степных заповедниках.

человека. Этот принцип вскоре был подвергнут резкой критике и фактически предан забвению (Макаров, 1935; и др.). «*Прежний взгляд на заповедники как на неприкосновенные участки никто не будет отстаивать как практически ложный и политически вредный*», — писал Е.Л. Марков (1934, с. 134).

Увлечение реконструкцией и преобразованием фауны, использованием заповедников как мест для акклиматизационных экспериментов и дичеразведения сейчас рассматривается как отход от научных принципов заповедного дела (Насимович, 1974, 1979; Филонов, 1975, 1977; и др.). Однако «преобразовательская» позиция оказала заметное влияние, последствия ее сказываются до настоящего времени. Следует сказать, что ее разделяли не только практики, но и некоторые видные ученые. Так, например, проф. И.И. Барабаш-Никифоров и А.Н. Формозов в учебном пособии «Териология» (1963) писали о том, что в заповедниках так же, как и в охотничьих хозяйствах, намечаются и проверяются «*пути направленного воздействия на млекопитающих*» путем применения различных биотехнических мероприятий: закладки солонцов, развесок гнездовий и т. д.

В период деятельности специальных ведомств по управлению заповедниками РСФСР (1933–1951 гг.) официальные положения о заповедниках были приняты в 1933, 1940 и 1944 гг. В этих документах заповедниками признавались «*определенные, имеющие особую хозяйственную, научную и культурную ценность участки природы, хозяйственное использование которых запрещается или ограничивается в целях сохранения от грозящей порчи или уничтожения*» (Макаров, 1940). Круг задач заповедников заметно расширился, среди них указывалась необходимость выявления новых сырьевых ресурсов, проведения учетных и акклиматизационных работ, организации туризма. С разрешения Главного управления допускалось пользование природными ресурсами заповедника — сбор грибов и ягод, ловля рыбы, широко практиковался отстрел и отлов животных для научных коллекций. Именно в этот период в заповедниках сложилась ситуация, при которой им вменялись в обязанности взаимоисключающие задачи. В заповедниках по-прежнему запрещалось нарушение естественного состояния природных комплексов, но вместе с тем главной их задачей ставилось увеличение численности полезных животных, количественное и качественное обогащение территории заповедников новыми представителями фауны и растительности путем завоза «*как из других мест СССР, так и чужеземных*» (Макаров, 1940, с. 6).

Именно в этот период возникло и развилось представление о «*заповедном хозяйстве*» (Архипов, 1938; Макаров, 1940; и др.). Сюда вкладывались понятия об управлении заповедными объектами, соотношении элементов «заповедного фонда», режиме заповедности, управлении деятельностью заповедника и т. д.

По мнению С.С. Архипова, заповедники призваны выполнять активную народнохозяйственную функцию, не имеющую ничего общего с «созерцательным» отношением к заповедному фонду. Конечно, это в принципе верно, и заповедание вовсе не исключает важных народнохозяйственных функций охраняемых участков, но нельзя совмещать несовместимое — заповедники и хозяйство. Против установок на активное воздействие и преобразование природных комплексов заповедников выступали такие видные ученые, как В.В. Алехин, В.Н. Сукачев, В.Г. Гептнер, Н.А. Прозоровский, В.Н. Скалон и др., но их обвиняли в поддержке «фетиша неприкосновенности», «созерцательности», «пассивности», попытке противодействовать решению злободневных хозяйственных задач и т. д.

Реорганизация заповедного дела, предпринятая в 1950–1951 гг., явилась прямым следствием и развитием такого направления. При этом ранее выступавший против «фетиша неприкосновенности» В.Н. Макаров выглядел уже сам как сторонник этого принципа. Сменивший в 1950 г. К.М. Шведчикова на посту начальника Главного управле-

ния по заповедникам при Совете Министров РСФСР лесовод А.В. Малиновский был ярым поборником преобразовательско-хозяйственных тенденций. «*Требуется решительный переход от заповедности вообще к заповедному хозяйству... Нужно хозяйничать, а не просто наблюдать*», — говорил он, в частности, на заседании Научного совета главка 21 мая 1951 г.[6] Повестка дня включала обсуждение принципов заповедности и заповедного хозяйства. Один из членов Совета, проф. П.А. Мантейфель, говорил, что обычно под заповедностью понимают невмешательство в природу, но замена этого представления «заповедным хозяйством» позволяет «*упростить те споры, которые всегда возникают при вопросе о том, как должны работать заповедники*»[7]. Само понятие заповедности отстало от жизни, природу надо переделывать, а не оберегать от воздействия человека — таково (безусловно, в духе времени) было заключение Совета. В резолюции предлагалось «*пересмотреть положение о заповедниках в сторону ведения сознательного активного хозяйства*»[8].

А.В. Малиновский в своих многочисленных выступлениях того времени неоднократно выдвигал правильный в принципе довод о том, что охрана природы осуществляется в нашей стране всей системой народного хозяйства, однако нельзя согласиться с тем, будто бы из этого вытекает возможность отказа от государственных и общественных органов по охране природы (в свое время А.В. Малиновский настаивал на ликвидации Всероссийского общества охраны природы, где возглавляет теперь секцию охраны леса).

Многие авторы, так же как и А.В. Малиновский, отмечают, что людям надо хозяйствовать на земле, а не просто наблюдать, что «*жить — значит преобразовывать*» (Гусев, 1975) и т. п. Но такие представления требуют оговорки — они не касаются именно заповедников, поскольку на этих относительно ничтожных по размеру участках «хозяйничать» должна только природа, а не люди, в распоряжении которых остается достаточное количество земель, помимо заповедных. Однако и А.В. Малиновский (1953), и другие авторы, неизменно ссылающиеся на принцип единства охраны и рационального использования природных ресурсов, не учитывают одного первостепенного момента: даже верные принципы не сразу воплощаются в жизнь. Охрана природы, безусловно, осуществляется в процессе ее использования, но отнюдь не всегда это может происходить само собой, и государству приходится прибегать к определенным мерам принуждения, чтобы обеспечить сбережение природных ресурсов, предотвратить их уничтожение, преодолеть объективные противоречия между товарным производством и охраной природы ради более отвлеченных целей (в интересах будущих поколений). Если бы все было иначе, то в нашей стране давно не было бы ни браконьерства, о котором так много и часто сообщает печать, ни многих других правонарушений.

Охраняемые природные территории, в частности заповедники, как раз и являются одним из наглядных проявлений принудительных мер государства по охране природы. И нет ничего удивительного в том, что в период отказа от принципов подлинной заповедности, в момент замены ее «заповедным хозяйством» территории заповедников страны сократились почти в 10 раз, а количество их уменьшилось со 120 до 40. В 1952 г. было утверждено новое Положение «О государственных заповедниках СССР», которое может считаться действующим, хотя оно безусловно отстало от жизни и в большой мере не применяется на практике. В этом документе заповедниками признавались участки земли, имеющие особую ценность, природные богатства которых используются для научно-исследовательской работы в практических интересах народного хозяйства.

---

[6] ЦГА РСФСР. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 1036. Л. 6.

[7] Там же.

[8] Там же, Л. 118.

Задачами заповедников являлись сохранение и обогащение флоры и фауны, изучение ценных в хозяйственном отношении видов животных и растений, охрана лесов и проведение лесохозяйственных мероприятий, содействие научным исследованиям, практике студентов и туризму. Заповедникам разрешалось регулирование численности животных, сбор плодов, ягод, грибов, ловля рыбы, заготовка семян и выделение земельных участков для своих нужд. Этот документ, направленный во все союзные республики, по существу, превратил заповедники в хозяйства особого типа. Не менее наглядным проявлением подобных тенденций явилось преобразование ряда старейших заповедников, в частности, Крымского, Азово-Сивашского и Беловежской пущи в заповедно-охотничьи хозяйства, получившие особое развитие в УССР. По своему нынешнему режиму их следует называть не «заповедно-охотничьими», а «лесо-охотничьими» или «спецохотничьими» хозяйствами. Само по себе сочетание слов «заповедность» и «хозяйство» неправомерно даже юридически. Многочисленные попытки научной общественности вернуть заповедный статус этим хозяйствам успеха пока не имели.

Результаты влияния хозяйственных тенденций в заповедниках еще не оценены в полной мере. Один из старейших специалистов отечественного заповедного дела, доктор географических наук А.А. Насимович характеризует их следующим образом: «*Регуляционные мероприятия почти во всех заповедниках, где они проводились или проводятся, были начаты чисто эмпирическим путем и до сих пор, как правило, не имеют под собой надежной научной базы в виде специальных исследований, обоснований и т. п.... Некоторые из этих мероприятий, как, например, отстрел различного рода копытных, рубки ухода и т. п., сильно скомпрометированы администрацией или даже главками заповедников, заинтересованными не столько в регуляции численности и ликвидации очагов размножения стволовых вредителей, сколько в получении мяса, деловой и другой древесины, устройстве охот для чиновников, переводе заповедников на частичную или полную самоокупаемость и т. п.*» (Насимович, 1974, с. 118). Не менее критически оценивает применение лесохозяйственных и лесопатологических мероприятий в заповедниках А.М. Краснитский (1975, 1979). Только для степных и некоторых луговых фитоценозов в заповедниках учеными в отдельных случаях признана необходимость периодического вмешательства (выкашивания) для поддержания динамики фитоценозов и предотвращения нежелательных сукцессий (Семенова-Тян-Шанская, 1977; Гребенщиков, 1979).

В конце 50-х гг. взгляды на заповедники заметно изменились в сторону признания их эталонами природы, а не экспериментальными «заповедными» хозяйствами. Этому, в частности, весьма содействовали республиканские законы об охране природы, где давались иные, более близкие к классическим, определения заповедности. Так, в Законе РСФСР «Об охране природы в РСФСР», принятом в 1960 г., говорилось, что территории государственных заповедников «*навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях*» (ст. 9-я). Согласно «Основам земельного законодательства Союза ССР и союзных республик», утвержденным в 1968 году, «*всякая деятельность, нарушающая природные комплексы заповедников или угрожающая сохранению природных объектов, имеющих особую научную или культурную ценность, запрещается как на территории заповедников, так и в пределах устанавливаемых вокруг заповедников охранных зон*» (ст. 40-я).

Постановление Совета министров СССР от 10.06.1961 г. № 521 обязало Советы Министров союзных республик разработать и утвердить новые положения о государственных заповедниках. В 1962 г. Совет министров РСФСР утвердил ныне действующее «Положение о государственных заповедниках РСФСР, находящихся в ведении Главного управления охотничьего хозяйства, и заповедников при Совете министров РСФСР» («Сборник...», 1978). Этот документ значительно улучшен по сравнению с союзным

«Положением» 1951 г. Однако, наряду с хорошими общими формулировками, соответствующими текстам законов об охране природы, в «Положении» заложен ряд пунктов, предопределяющих отход от классических понятий заповедности. Это — разрешение регуляции численности животных, проведение биотехнических и противопожарных мероприятий, санитарных рубок, борьбы с вредителями, уничтожение волков, содействие экскурсиям и туризму. Правда, в документе имеется специальный пункт о том, что в заповедниках могут выделяться участки, «*на территории которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы*» (ст. 11-я) — своего рода дань классикам! Однако тут же сделана оговорка о том, что в больших заповедниках общая площадь таких участков не должна превышать 10% их территории. На практике в ряде заповедников стали выделяться зоны так называемой «абсолютной заповедности», а также зоны ограниченного заповедного режима и участки хозяйственного назначения.

Организационная неупорядоченность заповедников, большое число ведомств, ими управляющих, различие в толковании принципов заповедности усиливают противоречивость и разночтение тех или иных формулировок, включаемых в республиканские или ведомственные положения о заповедниках[9]. Хотя союзное законодательство («Основы земельного законодательства») запрещает нарушение природных комплексов, однако не только из научной литературы, но даже из многочисленных газетных публикаций широко известно о порой массовых нарушениях заповедного режима. Такие явления, как пастьба скота, ловля рыбы, рубки леса, нерегулируемый туризм, охота, отнюдь не представляют редкости. Как пишет, например, газета «Лесная промышленность» в номере от 14 июня 1980 г., рубка леса в Полесском заповеднике (УССР) в несколько раз превышает уровень, допустимый для обычных лесхозов. Никакая научная работа там не ведется. Можно напомнить также выступление газеты «Правда» об отстреле зубров в Кавказском заповеднике[10]. Таких примеров немало.

Даже непосредственно самим заповедникам в процессе научной или хозяйственной деятельности «случается» нарушать природные комплексы при проведении тех или иных мероприятий. Большие нарушения вносятся в природу заповедников при проведении лесоустройства, прокладке просек, дорог, трансектов, закладке пробных площадей. В ряде случаев есть основания говорить о том, что численность редких животных сокращается под влиянием факторов беспокойства, оказываемого непосредственно работниками заповедников. Исключений из режима заповедности порой так много, что трудно рассматривать их как исключения. Например, временное типовое положение о заповедниках системы МСХ СССР разрешает санитарные рубки, отловы животных для мечения и расселения, а также отстрел в научных целях, возведение построек, проведение топографических и геодезических работ, сенокошение, сбор грибов, орехов и ягод для личных нужд. В положении предусмотрена возможность выделения «участков особого режима», где исключается всякая деятельность человека, т. е. вводится собственно заповедность. Она рассматривается, видимо, как некий «особый режим».

Безусловно, имеются научные доводы против повсеместного слепого использования принципа невмешательства в заповедниках. Многие экологи, в частности Ю.А. Исаков, рассматривают его (данный принцип) как один из возможных факторов деградации природных комплексов в заповедниках. «*Принцип полного невмешательства в жизнь природных комплексов заповедников во многих случаях перестал оправдывать себя. Становится необходимым применение активных мер для управления природны-*

[9] Помимо вышеуказанного «Положения о заповедниках Главохоты РСФСР», утвержденного Советом министров РСФСР, имеются положения о заповедниках внутри отдельных ведомств (МСХ СССР, АН СССР и др.), а также индивидуальные положения о каждом отдельном заповеднике. Все это увеличивает противоречивость тех или иных формулировок и приложение их к отдельным заповедникам.

[10] Газета «Правда» от 13.12.1979 г.

ми комплексами, таких, как: регулирование численности диких копытных, сохранение исходного типа растительности целинных степей, природных комплексов речных дельт и т. д.» (Криницкий, Митрюшкин, Исаков, 1976, с. 57). Иногда понятие об абсолютной заповедности рассматривается даже как «*мощный фактор вмешательства человека в природу*» (Козло, 1977). «*Человек в заповеднике не должен быть пассивным зрителем, пустившим на самотек развитие природных явлений*», — пишет О.С. Гребенщиков (1979), отчасти перекликаясь с тезисом А.В. Малиновского о том, что в заповедниках нужно активно хозяйствовать, а не просто наблюдать.

Экологов более всего тревожит возможность разрушения или обеднения наиболее ценных, с их точки зрения, природных комплексов и объектов, выпадение из ценозов редких видов, замена их нежелательными, но более активными «вселенцами» извне. Действительно, будучи в большинстве случаев лишь небольшими клочками весьма относительно сохраненной природы среди огромных преобразованных человеком пространств, заповедники, предоставленные сами себе, рискуют утратить не только качества эталонности, но и своей ценности как резерватов флоры и фауны. Реальность такой угрозы невозможно оспаривать, однако неверно, с нашей точки зрения, подменять понятие эталона природы признаками красоты и обилия.

Многие экологи не учитывают условность представлений о неприкосновенности заповедников. Они не могут быть уже ни при каких обстоятельствах и никакими усилиями изолированы от влияния деятельности человека, ставшей, как известно, реальной «геологической силой». Человек оказывает химическое, радиационное, промышленное воздействие на любые участки планеты. Многие виды загрязнения окружающей природной среды сказываются в глобальных масштабах и безусловно затрагивают заповедные участки, так же как и последствия крупных гидростроительных или мелиоративно-осушительных работ. Да и весь климат планеты сейчас испытывает антропогенное воздействие (Будыко, 1977; Никитин, Новиков, 1980; и др.).

Тем не менее прибегать к специальным вмешательствам в заповедниках сплошь и рядом означает (по образному выражению Н.Ф. Реймерса) «гнуть стрелку барометра в желаемую сторону». Суть и цель заповедности не в том, чтобы сохранить все богатства, все разнообразие живой природы (это цель всей системы особо охраняемых природных территорий), а прежде всего — в сохранении самой возможности сравнивать освоенные территории с нетронутыми. В ряде случаев, когда на чашу весов поставлена судьба уникальных объектов и грозит исчезновение невосполнимого природного фонда, возникает необходимость отказа от заповедности с допущением того или иного хозяйственного вмешательства, но тогда это будет уже не заповедник в классическом понимании, а иная категория охраняемых участков (резерват генофонда, заказник и т. д.). По существу, именно такой путь предлагается, например, в одной из последних работ А.А. Насимовича (1979) для Хоперского заповедника. В целях сохранения выхухоли рекомендуется, в частности, «*разработка и осуществление инженерно-гидротехнических и других мероприятий*», подобно тому, что планируется и делается сейчас в Астраханском заповеднике. Действительно, в условиях зарегулированной волжской дельты без специальных мер обречены на гибель ценнейшие гнездовья птиц, нерестилища рыбы и т. д. Невмешательство только ради принципа стоило бы обществу слишком больших потерь.

Но такие примеры нельзя возводить в правило и делать из них широкие заключения. Биологам порой трудно наблюдать и регистрировать превращения богатых прежде природных эталонов в разрушающиеся и беднеющие экосистемы («эталоны деградации», как выразился на одном из совещаний В.В. Криницкий). Однако же в условиях глобальных антропогенных изменений именно такой может стать со временем одна из главных функций заповедников. Недопустимо и не нужно заменять правила исключе-

ниями. Заповедность присваивается для того, чтобы человек не вмешивался в ход природных процессов непосредственно на территории заповедника (отчасти — в пределах охранных зон). Оградить же заповедники от всякого вмешательства, конечно, невозможно. К тому же влияние чисто природных и антропогенных факторов нередко выражается совместно. Каспий мелеет и сам по себе, и под влиянием хозяйственной деятельности. Вполне правомерно представление о роли прикаспийских заповедников в том, чтобы вести наблюдения за всеми изменениями природы на одном и том же месте, даже если вместо былых джунглей и плавней образовались соляные пустыни. В штатах заповедника герпетологи сменят ихтиологов, сократится число орнитологов и ботаников, но непреходящая ценность стационарных наблюдений не будет утрачена. Резерват же ради сохранения ценных животных может кочевать вслед за Каспием.

Отнюдь не во всех случаях наступает резкая и необратимая деградация природных сообществ, гораздо чаще (например, в пресловутых случаях угнетения копытными лесных угодий) она может быть частичной, временной, неполной, а то и мнимой, особенно если учесть кратковременность и беглость наших наблюдений. У природных сукцессий иные мерки времени. Очевидно, в принципе идеалом заповедной природы являются сбалансированные климаксовые сообщества, но даже и в них может нарушаться естественное равновесие, происходят многовековые смены биогеоценозов, наблюдаемые нами лишь на отдельных этапах. С такой точки зрения нельзя трагически смотреть на свежие гари, возникшие от сухих гроз, на леса, поврежденные насекомыми или копытными, на недостаток кормовой базы для отдельных животных и т. д. Зато недопустимость любых рубок, регуляций, истребления хищников и «вредителей» несомненна уже потому, что отказ от заповедности принесет ущерб науке, лишит ее важнейшего источника информации. Нельзя забывать и о том, что наши ведущие биологи, в частности Г.Ф. Морозов, неоднократно указывали на то, что в природе нет «полезных» или «вредных» животных. Понятия о вреде и пользе животных носят чисто хозяйственную трактовку, совершенно неуместную для заповедников. Недаром академик ВАСХНИЛ Д. Брежнев, выступая недавно в защиту заповедников (газета «Правда» от 5 июня 1980 г.), отмечал, что положение о заповедниках должно предусматривать их автономию, исключающую какое бы то ни было хозяйственное вмешательство в жизнь охраняемых биогеоценозов. Особое возражение автора, кстати, вызывает именно сенокошение, признаваемое в ряде заповедников системы МСХ СССР.

В связи с этим первостепенное значение приобретает официальное оформление заповедного статуса, конкретное определение заповедности. Выше говорилось о том, что только в Положении о заповедниках Главохоты РСФСР ныне предусматривается выделение участков, в пределах которых не допускается никакого вмешательства человека в жизнь природных комплексов. Многие экологи возражают против разделения территории заповедников на участки различного режима, утверждая, что «весь заповедник должен быть заповедником». Но на практике единого строгого режима для всей территории заповедника не удавалось выдержать никогда и нигде. Определенное разумное зонирование неизбежно и даже оправдано для всех категорий охраняемых природных объектов, включая и заповедники. Всегда приходится выделять в них какие-то участки ограниченного пользования для нужд самого заповедника, проведения научных исследований и т. д. Другое дело, что размер абсолютно заповедной неприкосновенной (даже для науки) площади должен составить не 10%, а гораздо больше, в среднем до 90% территории. Возможно, что на них допустимы через определенные промежутки времени научные наблюдения, проводимые при условии минимального вмешательства и беспокойства, но в принципе они могут производиться при помощи самописцев, особых приборов, авианаблюдений и т. д. (этот вопрос очень сложен и требует еще детальных разработок).

В целом можно констатировать, что классические принципы отечественного заповедного дела в настоящее время уступают свое место идеям регуляции и управления популяциями диких животных. Но это ни в коем случае не означает, что сама по себе идея невмешательства в заповедную природу окончательно потерпела крах и отвергнута жизнью. Дело в том, что мы не можем достоверно судить об этом принципе, потому что он, по существу, остался невоплощенным и непроверенным, такая проверка требует длительных сроков.

Весьма показательно, что в практике мировой науки главный отечественный принцип заповедного дела — принцип неприкосновенности заповедников — все же получил признание. Это наглядно подтверждает «Многоязычный словарь терминов по охране природы» (1976), в составлении которого принимали участие и научные сотрудники ЦЛОП МСХ СССР (ныне — ВНИИПрирода МСХ СССР). В разделе «Охраняемые объекты» приводятся два термина в отношении заповедников. «*Полный заповедник*» определяется как «*охраняемый участок природы, на котором полностью исключено любое вмешательство человека, кроме строго контролируемых научных исследований, не оказывающих влияния на охраняемые объекты*» (с. 80). С некоторыми оговорками можно признать, что такое определение соответствует классическим принципам заповедности. Оговорки касаются проведения научных исследований, которые часто связаны с непосредственными и порою весьма существенными вмешательствами (закладка пробных площадей, отлов и отстрел животных в научных целях, маркирование, сбор гербариев, обнажение корневой системы растений, почвенные пробы и др.). Конечно, эти нарушения значительно меньше тех, которые производятся при лесоустройстве, противопожарной охране, при заповедно-режимных мероприятиях, различных «обустройствах» с закладкой дорог, просек, трансектов и т. п., но все-таки даже простое хождение (а еще чаще — езда) по территории заповедника его многочисленных работников уже само по себе является значительным фактором беспокойства.

Вторая категория заповедников по данной терминологии — «*заповедник направленного режима: охраняемый участок природы, для сохранения которого в желаемом состоянии требуется особое вмешательство человека*» (Там же). Это в настоящее время соответствует, пожалуй, подавляющему большинству, если не всем нашим заповедникам.

В отличие от предельно ясного и недвусмысленного принципа неприкосновенности (полной заповедности) данная формулировка характеризуется возможностью разнообразных разночтений. Что, собственно говоря, означает «сохранение в желаемом состоянии»? В желаемом для кого? Ботаники и зоологи, не говоря уже о профилях и специализациях этих ученых, администраторы и работники ведомств могут иметь всевозможные представления о «желательности» состояния природы заповедников и способах достижения этого. К тому же здесь неизбежно скажутся привходящие обстоятельства организационного, финансового, наконец, просто субъективного характера. Поэтому, не отвергая термин «заповедник направленного режима» (поскольку это в ряде случаев необходимая реальность), требуется дать для него более четкое определение, исходя из конкретных задач и направлений деятельности таких заповедников (Реймерс, Штильмарк, 1978).

Н.Ф. Реймерс (1979) предпринял попытку дать развернутое и детализированное определение разных категорий заповедников (к сожалению, автор не включил в свой словарь термин «заповедность»). «Полным заповедником» Н. Ф. Реймерс называет особо охраняемые природные территории, изъятые из какого бы то ни было традиционного использования и предназначенные исключительно для сохранения информационных ресурсов (включая генетическую информацию) для научных целей. К заповедникам направленного режима (управляемым резерватам) автор относит «полный» заповедник

(раз «направленного режима», значит, уже не «полный»!), не представляющий естественной саморегулирующейся экологической системы, или такой, в котором направление развития природы не соответствует нормам, признанным целесообразными, а потому требующий проведения определенных мероприятий по поддержанию оптимальных условий для отдельных видов.

Это определение, по нашему мнению, также нельзя считать достаточно удачным ни по форме, ни по смыслу, поскольку оно допускает разные толкования и чересчур усложнено. То же касается формулировок в статьях «Биосферный заповедник», «Эталонный заповедник» и некоторых других. Безусловно, правильным можно признать положение из статьи «Заповедник», где автор пишет, что заповедником в узком смысле следует называть лишь полный (абсолютный) заповедник, куда запрещен вход посетителям. Все же формы охраняемых территорий, предназначенные для посещения, необходимо называть разного рода парками. Можно считать, что на сегодняшний день жизнь уже разрешила спор между теми, кто пытался провести идею о национальных и природных парках как разновидностях заповедников, и противниками таких представлений. Даже официальные типовые положения в настоящее время готовятся отдельно по заповедникам и национальным (природным) паркам, а в большинстве заповедников, по существу, прекращен организованный туризм. Видимо, правильнее говорить о категориях охраняемых природных объектов, а не пытаться классифицировать вместе заповедники, парки, акклиматизационные сады, питомники и т. д. (Гусев, 1972).

Нельзя забывать о том, что стремление к использованию заповедников в практических целях, в частности для туризма и рекреации, остается весьма значительным. Так, председатель Центрального Совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС А.Х. Абуков в книге «Туризм сегодня и завтра» (1978) пишет о необходимости «*хорошо продумать и организовать посещение заповедных мест*» (с. 190). «Теоретическую» базу под это подводит Е.А. Котляров (1978), поместивший в своей книге специальный раздел «Рекреационное использование заповедников и заказников». Автор не видит разницы между национальными парками и заповедниками, которые, по его мнению, «*весьма заманчивы для организации туризма*» (с. 197).

Итак, хотя понятие о подлинной заповедности (неприкосновенности заповедников) официально признано мировой наукой, он не может пока пробить себе дорогу в практику наших заповедников. Мы видим в этом существенный недостаток заповедного дела на современном этапе, который является самым суровым наследием недавней стратегии натиска на природу, призывов о ее полном преобразовании и т. д. Содействуют такому положению упрощенно воспринимаемые экологами представления о мнимом единстве охраны и рационального использования природы. Дело в том, что существенные противоречия между использованием и охраной природы пока неизбежны. Это убедительно показано, в частности, в труде О.С. Колбасова (1976) и др.

В условиях, когда в заповедниках еще не могут быть реализованы принципы неприкосновенности, следует более осторожно относиться к созданию новых резерватов в удаленных и малообжитых территориях страны. Разумеется, сейчас трудно найти такие районы, где на природу не оказывали бы влияние люди, даже если они не живут здесь постоянно (экспедиции, туристы и т. д.). Но нужно учитывать уровень, частоту и степень факторов беспокойства. Браконьеры могут проплыть на лодке по дальней речке 1–2 раза в год, а моторки с работниками охраны или учетчиками плавают по заповедным речкам постоянно. Авиаучеты, особенно если они проводятся на бреющем полете, несомненно оказывают неблагоприятное действие на животных. Так, например, копытные звери бегут по глубокому насту, что может вызвать у их пневмонию (одна из воз-

можных причин гибели нескольких овцебыков на острове Врангеля), птицы слетают с кладок, теряя потомство, и т. д. К сожалению, этот вопрос совершенно не затронут в литературе.

Более того, как это ни парадоксально, даже при «заповедно-режимных», противопожарных и некоторых научных мероприятиях в заповедниках природе может быть причинен значительно больший ущерб, чем в результате редкого и нерегулярного браконьерства в отдаленных местностях.[11]

На этом фоне значительно возрастает природоохранная и научно-информационная (потенциально!) роль неосвоенных и отдаленных территорий, в частности, в Арктике, в зонах тайги и тундры, поскольку степень фактического воздействия антропогенного фактора там может быть даже ниже по сравнению с действующими заповедниками. Кстати, в ряде стран участки сохранившейся «примитивной» или «дикой» природы рассматриваются как особая форма охраняемых природных территорий (Snyder, 1976; Стоилов, 1979; и др.). Было бы целесообразно осуществить, как это ранее рекомендовалось (Зыков, Нухимовская, 1979; и др.), резервирование таких участков для создания там абсолютных заповедников в будущем. Заповедание в современном представлении может в отдельных случаях привести к развитию факторов беспокойства и усилить уровень антропогенного воздействия на природные комплексы.

Первостепенной задачей в настоящее время является официальное юридическое признание главных принципов подлинной заповедности, внесения их в законодательные акты, в государственные стандарты и другие документы. Следующим этапом, возможным лишь при коренном организационно-правовом изменении заповедного дела, явится внедрение этих принципов в практику деятельности наших заповедников. В конечном торжестве этих принципов над хозяйственно-прагматическими приемами не может быть никаких сомнений.

1.2. Принципы заповедности и развитие системы биосферных заповедников*

Понятие о заповедности в настоящее время по-разному употребляется и воспринимается даже специалистами. В широком смысле многие говорят об уровне и степени заповедности, рассматривая, кроме собственно заповедников, и другие формы территориальной охраны природы — заказники, памятники природы, охраняемые ландшафты и т. п. В узком же и более конкретном плане под заповедностью необходимо понимать не только полное исключение того или иного участка из всякого утилитарного хозяйственного использования, но и отсутствие непосредственного антропогенного воздействия. Именно такой смысл был вложен в термин «заповедник» классиками отечественной науки в начале XX века (В.В. Докучаевым, И.П. Бородиным, Г.Ф. Морозовым, Г.А. Кожевниковым и др.). Заповедность понималась ими как абсолютное невмешательство в природу, и этот тезис был принят советским природоохранным законодательством, хотя впоследствии неоднократно подвергался ревизиям.

---

[11] Особенно опасным оказывается использование в заповедниках механизированной техники (вездеходов, тракторов и т. д.); к сожалению, насыщенность ею службы охраны рассматривается как достижение, хотя в принципе она должна применяться лишь в исключительных случаях. Такие средства передвижения, как велосипеды, лошади, оленьи и собачьи упряжки гораздо предпочтительнее для заповедников по сравнению с разного рода машинами. Гусеничный же транспорт вообще недопустим.

* Всесоюзное совещание: Биосферные заповедники. Современное состояние и перспективы развития. Тезисы докладов. Пущино, 1981. С. 20–24.

Ныне заповедниками признаются территории, исключенные из хозяйственного использования в научных или культурно-просветительных целях[12]. Заповедность, как правило, обеспечивается правами землепользования на данный природный участок и прекращением воздействия людей, включая их пребывание, — в этом основное отличие заповедников от национальных парков, заказников и других охраняемых территорий. Разумеется, всевозможные формы глобального антропогенного влияния (загрязнение и др.) сказываются и на заповедных территориях, но прямое должно прекращаться.

К сожалению, классические принципы заповедности с большим трудом осуществляются в реальной действительности. Потребность человека в конкретной практической и преобразовательной деятельности столь велика, что идеи невмешательства в заповедную природу часто рассматриваются как консервативные, если не реакционные, они заменяются требованиями направленной регуляции и управления биоценозами подчас даже в тех случаях, когда для этого нет объективных условий и достаточной научной базы. Широкая общественность, а также большинство экологов неспособны в течение длительного времени, не вмешиваясь, наблюдать нежелательные с общепринятой точки зрения, изменения в заповедных биогеоценозах. Они стремятся воздействовать «в желательном направлении» на ход сукцессии, регулировать численность животных, их видовой состав, осуществлять «заповедно-режимные мероприятия» и т. д. При этом часто ссылаются на проявления хозяйственной деятельности вне заповедника, не считаясь с тем, что этот фактор становится уже общим глобальным фоном и должен рассматриваться наравне с природными.

Подавляющее большинство официальных положений о заповедниках (включая недавно принятые «Типовые положения», утвержденные в апреле 1981 г. Госпланом СССР и ГКНТ), включают в себя статьи, допускающие в заповедниках самую различную деятельность, направленную на «выполнение поставленных перед ними задач». В условиях существующей многоведомственности и отсутствия научно-методического центра эта формулировка, по существу, развязывает руки тем, кто видит в наших заповедниках специфические «заповедные хозяйства» (термин, получивший широкое официальное признание, несмотря на его юридическую неправомочность).

Хотя практически во всех заповедниках выделялись те или иные участки различного режима («зоны покоя», «зоны абсолютной заповедности», участки для ограниченного хозяйственного использования, экспериментальные и другие), официальное зонирование в научной литературе пока признается только для биосферных заповедников, где, по мнению большинства авторов, должно существовать как заповедное («срединное») ядро, так и обширная буферная зона, в которой изучается не только природа, но и воздействие различных форм землепользования. Вместе с тем, многочисленные попытки официального зонирования существующих заповедников всегда вызывали и вызывают резкую критику со стороны ученых, поскольку были, по существу, стремлением к передаче части заповедных площадей для экспериментальных или научно-хозяйственных целей. Новые «Типовые положения» зонирования заповедников не предусматривают.

Концепция биосферных заповедников рассматривается как более высокий этап охраны природы по сравнению с классическими консервационными принципами. «*Научно-исследовательская деятельность в них*, — пишут в журнале «Курьер ЮНЕСКО» (май 1981, с. 34) В. Лусиги и Д. Робертсон, — *включает вопросы не только экологии флоры и фауны, но и рационального использования природных ресурсов... Выходя за рамки сохранения, концепция биосферного заповедника предусматривает активное*

[12] Следует учитывать, что помимо природных заповедников существуют ещё историко-культурные, в также промежуточные формы между этими категориями (историко-архитектурные и природные музеи-заповедники, например, Соловецкие острова).

изучение более широкого вопроса использования и преобразования человеком экосистем в целом». Такую постановку вопроса, которую разделяют и наши ведущие специалисты, можно только приветствовать, однако она показывает, что биосферные заповедники являются принципиально новой формой особо охраняемых природных территорий, сочетающей в себе лишь некоторые признаки заповедности с активной научно-хозяйственной деятельностью. Недаром указанные выше авторы пишут далее, что сам термин «заповедник» в данной концепции является неточным.

В самом деле, биосферные заповедники мыслятся как весьма обширные территории (участки биосферы!), позволяющие прежде всего изучать, контролировать и прогнозировать антропогенные изменения в биосфере как среде жизни людей. Задача сохранения генетического и экологического разнообразия биоты, что является главным для наших заповедников по действующему законодательству и подчеркнуто еще раз недавним Законом об охране и использовании животного мира, несомненно уступает здесь основную роль глобальному и региональному мониторингу.

На первоначальной стадии формирования сети отечественных биосферных заповедников, казалось бы, не подлежало сомнению, что они будут создаваться как крупные территориальные единицы в различных географических регионах страны. Конкретно намечалось создать шесть больших биосферных заповедников-станций, в частности, там, где государственных действующих заповедников не имеется — на Земле Франца-Иосифа, в Якутии и т. д. (Герасимов, Израэль, Соколов, 1976). Однако в последующем статус биосферных заповедников получили несколько давно созданных заповедников, преимущественно системы Минсельхоза СССР. Ныне большинство из них стоит перед сложной проблемой сочетания традиционных и привычных заповедных задач с новыми научно-хозяйственными концепциями, с необходимостью официального выделения зон различного режима, что противоречит новым «Типовым положениям», которые, кстати, совершенно не предусматривают ни статуса, ни самого понятия о биосферных заповедниках. А поскольку вовлечение окружающих заповедники территорий в буферную зону довольно сложно, наблюдается тенденция выделения этой зоны за счет заповедной площади, что опять же вызывает критику со стороны многих ученых и энтузиастов охраны природы. К тому же развертывание довольно сложных мониторинговых исследований и даже простое увеличение числа научных сотрудников в заповедниках неизбежно связано с дополнительными нагрузками на заповедные комплексы, с возрастанием фактора беспокойства.

Таким образом, нынешние тенденции возведения уже действующих заповедников в будто бы более высокий ранг биосферных станций нельзя признать правильным. Биосферные станции (такое многими принимаемое название более верное) должны составлять самостоятельную и отдельную категорию охраняемых природных территорий. Высокие ведомства, заинтересованные в создании биосферных заповедных станций (Академия наук СССР, Госкомгидромет СССР), безусловно в состоянии решить проблему их создания без использования системы действующих государственных заповедников, кроме, быть может, исключительных случаев, когда это вызвано особой необходимостью (Репетекский или Центральночерноземный заповедники). Но и при этом недопустимы попытки изменить или ослабить режим заповедности в связи с развитием научно-хозяйственных и экспериментальных работ, которые должны осуществляться только за пределами действующих заповедников (в крайних случаях — в их охранных зонах). В нашей стране достаточно территории, чтобы развернуть сеть биосферных станций без ущерба для заповедного дела страны.

Необходимо учитывать, что и обычные, и биосферные заповедники могут плодотворно осуществлять свои функции только в составе всей системы особо охраняемых природных территорий (Реймерс, Штильмарк, 1978). При ее формировании нужно действовать

так, чтобы повышать, а не понижать степень охраны или заповедности в широком смысле слова. Организация же биосферных заповедников пока грозит пойти по другому пути, и эту опасность необходимо вовремя увидеть и устранить. Разумеется, все сказанное не снижает важности проблемы скорейшего развития общегосударственной системы биосферных заповедников-станций, имеющих первостепенное научное значение при решении многочисленных проблем охраны окружающей природной среды.

1.3. Проблемы оптимального размещения заповедных территорий в РСФСР*

Под заповедными территориями согласно законодательству следует понимать участки земельного и водного пространства, изъятые из хозяйственного использования в научных и культурно-просветительных целях. Реально к ним относятся территории государственных заповедников и отдельные участки других особо охраняемых объектов, если их заповедный режим юридически и фактически обеспечен (например, заповедно-охотничьих хозяйств, национальных парков, памятников природы).

Формирование сети заповедников Российской Федерации характеризуется неравномерностью и существенными колебаниями по отдельным периодам. Первый заповедник России (Саянский) был создан в 1915 г. В 1925 г. в РСФСР (по современному административному делению) имелось 8, в 1935 — 29, в 1945 — 39, в 1955 — 21, в 1965 — 27, в 1975 — 38 заповедников. На 1.03.1985 г. в Российской Федерации действуют 55 заповедников общей площадью 12 909 317 га и три природных национальных парка.

Развитие заповедной системы осуществлялось преимущественно на регионально-географическом принципе, первоначально предложенном еще в начале нашего века (В.П. Семенов-Тян-Шанский, Г.Ф. Морозов и др.), а в последующем — уточненном и детализованном (Лавренко и др., 1958; Зыков, Нухимовская, 1979). Однако существенное влияние на этот процесс оказывали различные экономико-хозяйственные и другие моменты, в частности, необходимость особой охраны тех или иных ценных животных, стремление к сохранению уникальных объектов, элементы местного патриотизма и т. п. Серьезный ущерб заповедной системе был причинен реорганизацией 1951 и 1961 гг., когда сеть охраняемых территорий была существенно сокращена.

Последние два десятилетия характеризуются рядом положительных сдвигов в процессе формирования сети заповедных территорий. С начала 70-х годов осуществляется специальное проектирование заповедников (проектно-изыскательские экспедиции Главохоты РСФСР). С 1976 г. организация заповедников включена в народно-хозяйственные планы, учреждена статистическая отчетность. Определенную роль сыграла разработка генеральной схемы рационального размещения природоохранных и охотхозяйственных объектов в РСФСР (Семкин, Штильмарк, 1981).

Показатели роста заповедной сети существенно возросли за две последние пятилетки. С 1976 г. в РСФСР организовано 17 новых заповедников общей площадью свыше 7 млн. га (свыше половины всей заповедной территории Федерации). Из них четыре расположены в горах юга Сибири (Саяно-Шушенский, Витимский, Олекминский и «Азас»), два — в зоне тундры («Остров Врангеля» и Таймырский), два — в европейской тайге (Костомукшский и Нижне-Свирский), два — в Западной Сибири («Малая

* Теоретические основы заповедного дела: Тезисы докладов Всесоюзн. совещ., Львов, 18–19 декабря 1985 г. М., 1985. С. 313–316.

Сосьва» и Юганский), два — в акватории и на островах Тихого океана (Дальневосточный морской и Курильский), по одному — в Средней Сибири (Центральносибирский), на севере Дальнего Востока (Магаданский), в высокогорьях Кавказа (Кабардино-Балкарский) и европейской лесостепи («Лес на Ворскле»). Расширены территории Жигулевского, Кандалакшского, Комсомольского, Хинганского, Кроноцкого и Лапландского заповедников.

Как видно из этого перечня, общий и количественно значительный рост заповедной системы происходит в основном за счет отдаленных труднодоступных регионов, преимущественно горных и таежных ландшафтов, между тем как наиболее уязвимые и нуждающиеся в особой охране природные комплексы заповедниками не обеспечены. Подготовлены проекты новых, очень крупных по размерам заповедников — Верхне-Тазовского (1,2 млн. га), Усть-Ленского (1,5 млн. га), проектируются Байкало-Ленский, Баджальский и некоторые другие горно-таежные резерваты.

Не ставя под сомнение целесообразность заповедания участков пионерного или предпионерного освоения, в частности региона БАМа, необходимо подчеркнуть отсутствие или острый недостаток заповедников в ряде обжитых местностей. Как и прежде, первостепенной задачей остается выделение заповедных участков в зоне степи и лесостепи, в центральных районах страны. Не удалось и, вероятно, уже не удастся восстановить такие важные для охраны природы заповедники, как «Тульские засеки», «Клязьминский», «Бузулукский Бор», «Пензенский». Из пяти заповедников Подмосковья ныне существует только один, площадь которого не расширена, хотя предложений об этом было множество. Все попытки организации заповедников в степях как Европейской, так и Азиатской частей РСФСР пока безуспешны. Безрезультатно закончилось проектирование Ростовского и Оренбургского степных, Хакасского и Тувинского горно-степных заповедников, не реализуются многочисленные предложения ученых о заповедании последних степных участков в центральной части РСФСР (Данилов, Нухимовская, Штильмарк, 1983). Весьма проблематичным остается создание заповедников в Дагестане, в Малоземельской тундре, на арктических островах, в Даурии, на Сахалине и ряде других местностей, где необходимость их особенно велика. Не создан заповедник на озере Ханка.

В этих условиях наметившаяся тенденция организации гигантских по размерам таежных и тундровых заповедников вызывает определенное беспокойство, поскольку создает опасную иллюзию стремительного развития всей системы заповедников в целом. Установка проектировщиков на большие площади послужила причиной ряда неудач, кроме того, возникают серьезные трудности с охраной чрезмерно крупных и отдаленных заповедников. Наконец, увлечение заповеданием чрезмерно больших площадей не имеет под собой достаточно серьезных научных обоснований и таит в себе определенную угрозу для принципов заповедности и заповедного дела в целом.

Что касается национальных парков, то они в РСФСР подчиняются органам управления лесного хозяйства и, по существу, не имеют пока заповедного режима даже на особо охраняемых участках. В соответствии с лесным законодательством в лесах могут выделяться заповедные лесные участки, резерваты и другие особо охраняемые территории, но эти возможности на практике реализуются еще весьма слабо. Не приведены в соответствие с новыми законодательными актами и многочисленные памятники природы России, на многие из которых должен быть распространен подлинный заповедный режим. Однако это может оказаться реальным только для конкретных, ограниченных по площади объектов, а не для обширных территорий, как правило используемых для тех или иных практических целей (в частности, туризма и отдыха).

Оптимизация размещения заповедных территорий требует не только серьезного научного обоснования и существенного улучшения практики проектирования, она может

быть реально осуществлена только при условии изменения ныне действующего природоохранительного законодательства, в частности, порядка изъятия и отвода земель для целей охраны природы. Необходима разработка общесоюзных Основ законодательства по всем категориям особо охраняемых природных территорий, а также решение давно назревшей проблемы их организационно-административного подчинения.

1.4. О концепциях особо охраняемых природных территорий и принципе заповедности*

Создается впечатление, что серьезной дискуссии призывы к разработке новых концепций особо охраняемых природных территорий (ООПТ) не вызвали. Это связано прежде всего с несвоевременностью постановки данных проблем в условиях социально-политической нестабильности (достаточно сослаться на неопределенность земельного законодательства, без чего невозможно определение статуса любых форм ООПТ). Поэтому многие рассуждения по теме предложенной дискуссии носят отвлеченный характер, это относится и к данному тексту.

Со времени публикации известной монографии (Реймерс и Штильмарк, 1978) научное направление, посвященное разработке системы ООПТ (названное Реймерсом «сепортологией»), получило довольно серьезное развитие в нескольких направлениях. Прежде всего это существенное расширение категорий и форм охраняемых территорий, среди которых следует выделить ОПТ, создаваемые не только на экологических или биогеографических (ландшафтных) принципах, но и на социальной основе («этнические» и/или «экоэтнические территории, земли традиционного освоения», «родовые угодья» и т. п.). В различных списках и таблицах формы ООПТ, выделяемые в разработках некоторых авторов и даже в официальных документах, приближаются к сотне...

Учение об охраняемых природных территориях вызвало появление большого числа специальных обзоров, а соответственно, и разнообразных публикаций — от тезисов и статей до больших монографий (чтобы не перегружать данный текст, ссылки на соответствующую литературу мы, за редкими исключениями, не приводим).

Н.Ф. Реймерс предложил перейти от принципа «каждому региону — свой заповедник» к формированию региональных систем ООПТ, обеспечивающих экологическое равновесие данного района. Н.А. Соболев (1998) сформулировал положение о том, что «*росту нагрузок на природу должно соответствовать адекватное развитие системы ООПТ*» (назвав его правилом Реймерса–Штильмарка. — *Ред.*).

В развитие данных представлений возникли понятия о таких территориальных комплексах, как «районы особого природопользования», «территории природного наследия», а в самое последнее время стали очень модны термины «экологический каркас» и «экологическая сеть», причем в основе этих трактовок лежат именно различные ООПТ. В сочетании с принятым в 1995 г. законом РФ об охраняемых природных территориях все это предоставляло весьма широкий фронт работ ученым, специалистам и энтузиастам охраны природы как в центре, так и на местах, использовалось в официальных служебных документах при дублировании указанного закона в областях, краях и республиках РФ, увеличивало поток информации.

На фоне столь явной «сепортологической эйфории» не хотелось бы выражать скептицизм и сомнения, но время идет, а попыток критического анализа не предпринимается, лишь множатся публикации с возрастающим количеством всевозможнейших охра-

* Охрана дикой природы. 1999. № 3 (14). С. 35–38.

няемых территорий, свидетельствуя об очередных экологических достижениях. Между тем оглядеться стоит.

Еще в период работы с Н.Ф. Реймерсом меня более всего смущали мысли о наличии или отсутствии граней между «особо охраняемыми» и хозяйственно используемыми территориями. Прежде всего вспомним своего рода афоризм о том, что «неохраняемых природных территорий в СССР нет». Есть ли они в нынешней России — вопрос спорный, однако можно с полным основанием утверждать, что сегодня четкой грани между «особо охраняемыми» и хозяйственными территориями не существует. Более того, ее не существовало никогда. С начала нашего века, со времени самых первых классификаций охраняемых территорий и объектов (Соловьев, 1918), к таковым относили хорошо организованные охотничьи хозяйства, различные питомники рыбы и дичи, зоопарки и зоофермы. Хотя весьма известный термин «заповедно-охотничьи хозяйства» сам по себе вызывал серьезные возражения и был официально отвергнут, все знают, что территории высокоразрядных охотхозяйств подчас охраняются куда лучше, нежели иные заповедники, в то же время отдельные «избранные» лица охотятся там абсолютно бесконтрольно. И отнюдь не только такие, но и почти любые организованные предприятия способны сочетать всевозможные виды хозяйствования с реальными формами как рационального природопользования, так и с различными категориями территориальной охраны природы (постоянные и временные заказники, «зоны покоя», «микрозаповедники» и т. п. — примеров тому слишком много, чтобы их приводить).

Проще говоря, здесь наглядно проявляется экологическая культура, которая сама по себе является частью культуры общечеловеческой. Подлинно рациональное природопользование безусловно вмещает в себя весь спектр задач, стоящих перед современными системами ООПТ, за исключением участков абсолютной заповедности (см. ниже).

Глядя правде в глаза, разве правомерно относить к особо охраняемым природным территориям такие общепринятые их категории, как зеленые зоны вокруг наших крупных городов? Взять хотя бы столицу, где почти весь лесопарковый зеленый пояс густо заселен (плотность 8,4 чел./га), почти половина его урбанизирована. Напомним, что ранее существовавшие в Московской области заповедники не восстановлены (так же как близкие к Москве «Тульские засеки» и Клязьминский), а проекты новых в Подмосковье были отвергнуты. С большими сомнениями мы включили в перечень ООПТ леса 1-й группы и полезащитные лесные полосы, в которых ведутся самые разнообразные хозяйственные мероприятия от выпаса скота и сбора плодов до сплошных рубок («восстановительных» и др.), между тем к ним, вместе с зелеными зонами, относятся обширные площади в списках ООПТ. Подобные примеры нетрудно продолжить. Ведь работники охотничьего, рыбного, лесного, сельского хозяйства и даже многих отраслей промышленности вполне способны регулировать использование предоставленных им природных территорий и ресурсов. Всегда ли при этом есть необходимость их ограничения системами ООПТ, причем чаще всего иллюзорными и недееспособными? Хороший хозяин не станет уродовать свой дом, неизбежно подрывая тем самым собственную экономику.

К сожалению, даже общепризнанные формы ООПТ — такие, как памятники природы, заказники и национальные парки, — пока не выдерживают строгой проверки на соответствие их природоохранному назначению. Что касается заказников и памятников природы, то относительно действенны среди них только те, которые имеют федеральный статус, тогда как «местные» чаще всего существуют лишь на бумаге, не имеют реальной охраны, причем так называемые охотничьи заказники (численно преобладающие) вообще юридически неправомочны и не вписываются в действующее законодательство. Не являясь, как правило, землепользователями, даже федеральные заказники (не говоря уже о местных) не в состоянии реально противостоять горе-хозяйственникам и разного рода природоразрушителям.

Наши национальные и природные (региональные) парки находятся, по сути, только в стадии становления. Эта форма ООПТ представляется нам наиболее важной как в природоохранном, так и в социально-общественном плане, однако, подчиняясь местным органам лесного хозяйства (или же администрации), они, по существу, также не выполняют своего высокого предназначения. Сказывается их неестественная и обоюдовредная конкуренция с заповедниками, вольно или невольно подогреваемая теми, кто отождествляет две эти принципиально различные категории ООПТ, стремится к сближению их исходно различных функций (не станем здесь это детально обосновывать). Важно подчеркнуть, что все многочисленные лозунги о значимости ООПТ в экологической пропаганде, в экопросвещении, об их роли «как гордости и символа нации» полностью относятся именно к национальным и природным паркам, но не к заповедникам, о которых надо знать все, но далеко не всем и каждому. Парки — для красоты и славы, заповедники — во имя великой пользы и ради будущего. Понимание этой существенной разницы между заповедниками и парками есть надежный признак подлинно экологического мышления. Подобно тому как не может быть «заповедного фонда» вне соответствующих территорий, заповедник не должен принимать на себя никаких функций по обслуживанию населения.

Сложившееся неестественное положение во многом обусловлено всей историей нашего заповедного дела: национальные парки в России стали появляться на полвека позднее заповедников, которые отчасти были вынуждены брать на себя их задачи. Недаром и прежде, и в наше время не раз предлагалось преобразовать некоторые наши заповедники в национальные парки (в прошлом — И.И. Пузанов, недавно — А.А. Никольский). Мне представляется, что в настоящее время нельзя понижать статус таких старых заповедников, как Кавказский, Тебердинский, Кроноцкий, «Столбы», хотя и приходится вычленять в них участки для регулярного посещения туристами. Более закономерно придать статус национальных парков таким недавно созданным заповедникам в средней полосе России, которые не в состоянии соблюдать заповедный режим уже в силу своего географического и социального положения — прежде всего из-за конфликтов с местным населением. Это, в первую очередь, «Брянский лес» (причем национальный парк может занимать гораздо более обширные площади, чем нынешний заповедник, в частности включать лесные участки, связанные с партизанским движением), Керженский, «Калужские засеки», Воронинский, «Большая Кокшага», а из старых — «Лес на Ворскле» и Воронежский, который также может существенно увеличить свои размеры. Конечно, каждый из этих парков должен иметь заповедные зоны. Можно напомнить — мне пришлось быть тому свидетелем, — что ряд дальневосточных заповедников предлагался именно в качестве «пригородных» и «парковых» (Большехехцирский, Комсомольский, Хинганский и Зейский). Именно из-за официального статуса пришлось менять в 70-е годы расположение Комсомольского заповедника, «отселяя» его подальше от города. Можно ли сегодня признать нормальным полное отсутствие национальных парков на юге Дальнего Востока при наличии там довольно обширной заповедной сети? Что же касается дальневосточных и сибирских заповедников-гигантов (Командорский, Большеарктический, Таймырский и др.), то их надо рассматривать как своеобразные резервы неосвоенных территорий, «законсервированных» на будущее.

Из всех конкретных предложений нам представляется наиболее серьезным мнение А.А. Никольского о создании специального государственного органа для управления заповедниками и национальными парками при Правительстве РФ. По сути, то же самое недавно предлагал А.В. Яблоков в проекте концепций экологической политики России. Им рассматриваются варианты организации самостоятельного комитета («Гос(Рос)Комитет по национальным паркам, заповедникам и редким видам») при Федеральном Правительстве (Яблоков, 1998). Правда, комментируя такого рода предложения, начальник

Управления заповедного дела Госкомэкологии В.Б. Степаницкий проявил немалый скептицизм, хотя и поддержал их в принципе. Надо надеяться, что рано или поздно высшие эшелоны власти осознают исключительную значимость национальных парков и заповедников как подлинных хранителей природных богатств нашей страны и уделят им должное внимание. Но для этого требуется приложить большие усилия, причем в первую очередь — именно тем, кто сегодня возглавляет наше заповедное дело.

Самое же трудное и важное — вернуть исходный смысл понятию «заповедность» — полному прекращению всех форм хозяйственной деятельности, под какими бы благовидными предлогами она ни велась. Именно эйфория в развитии территориальной охраны природы привела к тому, что различные системы ООПТ фактически слились с хозяйственными формами, а подлинная заповедность оказалась почти утраченной. Этому способствуют иные сверхусердные международные контакты, при которых в силу тех или иных вынужденных обстоятельств наши специалисты предпочитают использовать зарубежный опыт, забывая о собственном и подчас пренебрегая отечественными принципами заповедного дела. Важнейший из них — принцип невмешательства, хотя он отнюдь не означает процветания природы. При длительных процессах динамики биоценозов и их сукцессии он может приводить к внешне неприглядным этапам, но пусть об этом судят потомки! Абсолютные заповедники и резерваты есть единственная «внехозяйственная» форма ООПТ, и грозящая ныне ее утрата совершенно недопустима.

Только осознав принципиальную разницу заповедников и национальных парков, будущее управление этими учреждениями («Роскомзаповедник») сможет найти верное соотношение между их задачами, структурами и всей деятельностью. Научное подразделение сосредоточится на заповедниках, ибо именно научная функция должна оставаться для них ведущей, тогда как вся эколого-просветительская, «музейная» и экотуристическая (рекреационная) деятельность переместится на развивающуюся систему национальных парков. Они должны преобладать над заповедниками, превосходя их и в количестве, и в площади. Более того, национальные парки в условиях рыночной экономики и при правильной постановке дела способны материально поддерживать строго бюджетные «бездоходные» заповедники. Что касается их дифференциации, а также других форм ООПТ (биосферных резерватов, заказников, памятников природы), пока можно сказать только одно: пусть время покажет!

1.5. Проблема «заповедники и туризм»*

В данное время мы стали свидетелями заметного оживления и развития так называемого «экологического туризма», который многими рассматривается как один из важных факторов экономической поддержки заповедной системы в период сокращения бюджетного финансирования. С позиций классической теории заповедного дела это явление представляется безусловно опасным и нежелательным. Любой туризм, как его ни называй, есть форма хозяйственного использования, неизбежно причиняющая ущерб заповедной природе. Народная мудрость гласит: «Один человек оставляет след, сотни людей — тропу, тысячи — пустыню». Не надо быть большим специалистом или экологом, чтобы понимать ту простую истину, что именно для экологического туризма предназначена развивающаяся система национальных и природных парков, с которой наши заповедники (научные учреждения!) вступают теперь в прямую конкуренцию.

---

* Заповедное дело в новых социально-экономических условиях: Тезисы докладов международного совещания, Санкт-Петербург, 24–27 апреля 1995 г. СПб: 1995. С. 43–45.

Но реалии жизни редко вписываются в научные концепции. Безусловно, мы предпочитали бы видеть заповедники России не в красочных альбомах и буклетах, а полузакрытыми «лабораториями природы», доступ в которые открыт лишь весьма немногим. Однако нельзя утешаться иллюзиями, хотя туризму распахнуты ворота нацпарков и культурно-исторических мемориалов, да и вообще страна еще не обделена пространством для маршрутов на все вкусы.

Обозначенная проблема отнюдь не нова. На первоначальном этапе развития советских заповедников под эгидой Наркомпроса (1919–1932 гг.) речь шла лишь о некоем «экскурсионном деле» в заповедниках. Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК (1933–1938 гг.) и Главное управление по заповедникам при СНК (позднее — Совмине) РСФСР (1939–1951 гг.) официально признали целесообразность туризма и экскурсий в заповедниках. В основной документ «Положение о государственных заповедниках» в 1940 г. был включен особый пункт, по которому одной из задач заповедников является *«ознакомление населения с природой заповедников и их работой путем организации туризма и научных экскурсий в заповедники»* (Макаров, 1940). На этом поприще выделялись заповедники Кавказа, а также «Столбы», где существует особый «туристическо-экскурсионный район». Это было обусловлено рядом причин, в частности, отсутствием системы нацпарков, смешением функций парков и заповедников (многие и сейчас стремятся их сблизить и уравнять, что неверно в принципе), слабостью заповедного ведомства. Вскоре прежние главки были ликвидированы, а уцелевшие кое-где заповедники отчасти потеряли интерес для туристов, став научно-опытными станциями. Однако по мере восстановления прежней системы оживал и «заповедный туризм» (один из родов «заповедного хозяйства»). Слишком велико искушение использовать заповедники не для охраны природы, а ради элементарной пользы людской, преодолеть его невозможно. Администраторы, руководившие заповедным делом в 60–70-е годы, упорно декларировали значимость туризма в заповедниках. Вот, например, что говорил на заседании Научно-технического совета начальник Главного управления по охране природы и заповедникам МСХ СССР Б.Н. Богднов в июне 1967 г.: «*...вопросам организации туризма и отдыха на природе в заповедниках уделялось недостаточное внимание... необходимо разработать систему мероприятий (капстроительство, организацию маршрутов, обслуживание и т. д.), что позволит позитивно сочетать интересы охраны уникальных памятников природы и развитие массового туризма*». Мы видим в подобных высказываниях яркий пример советского двоемыслия: «употребить, но сберечь», хотя на деле надо выбирать одно из двух. Многие члены НТС тогда выступили против таких предложений, объясняя начальству разницу между заповедниками и нацпарками (Ю. Ефремов, Л. Шапошников и др.). Помогла тогда и риторика о «ленинских» принципах заповедности. К тому же обустроить заповедники для массового туризма не так-то просто.

Но сейчас обстановка иная, чем в «застойные времена». Общая площадь заповедников России теперь превышает территории большинства отделившихся республик СНГ (больше Белоруссии и Эстонии, вместе взятых), такие пространства пустовать не заставишь, особенно когда руководству хочется непременно к чему-то руки приложить, и многим видится в экотуризме решение не только экономических, но даже и своего рода «политических» проблем, в частности установления контактов с местным населением и администрацией. Угроза «конвергенции» и своего рода «срастания» заповедников и нацпарков становится все более реальной, тем более что поддерживается Минприродой РФ.

Это не только будет означать окончательный крах заповедной системы как системы научно-исследовательских учреждений, но и может привести к полному разрыву с местными властями, которые пока что «терпят» бездоходные госбюджетные заповедники,

но не поддержат их коммерческую деятельность на федеральном уровне. Примеры такого рода уже возникают.

Национальные парки могут быть очень большими, богатыми достопримечательностями, могут быть и весьма доходными (пока что все не так). У заповедников же другие цели, другой принцип и другая жизнь — деньги не всегда способны помочь сбережению природы (впрочем, нацпарки могли бы с ними и поделиться). Но все дело в том, что происшедшие после 1991 г. изменения в законодательстве почти лишили само понятие заповедности прежнего толкования. Да и невозможно на самом деле заповедать такие гигантские территории. Нам представляется необходимым вернуться к ранее существовавшей практике выделения участков «абсолютной заповедности» и попытаться, пока не поздно, обезопасить ради сохранения хотя бы отдельные участки относительно первозданной природы.

1.6. Заповедники, экологическое просвещение и экотуризм (Размышления по поводу нескольких газетных публикаций)*

Едва ли не главной особенностью в реальной жизни российских заповедников за последние пять-десять лет было смещение приоритетов в их деятельности от научных к эколого-просветительским. Для этого перестраивались структуры, возникали новые отделы и должности, изменялись формы отчетности.

Можно составить целую библиотеку из всевозможных публикаций — от книг и брошюр, руководств и буклетов до бесчисленных статей и заметок на темы о том, как должны нести заповедники экологические знания в массы, как организовывать «марши парков», пробуждать к себе всенародное внимание и вечную любовь.

В этом новейшем движении особенно велики заслуги Центра «Заповедники» в Москве, возглавляемого Н.Р. Данилиной, и Киевского эколого-культурного центра СоЭС во главе с В.Е. Борейко. Эти центры регулярно проводят конференции и семинары по экологическому образованию на базе охраняемых природных территорий, издают серию специальной литературы на сей счет. Газета «Заповедные острова» едва ли не в каждом номере публикует либо восторженные впечатления наших деловых «экотуристов» от поездок в дальние страны, либо рекламирует достоинства российских заповедников именно с «туристических» позиций.

Уже сам тот факт, что стало традицией говорить и писать о заповедниках и национальных парках как о самых близких родственниках, говорит сам за себя. Курс на «конвергенцию» этих принципиально различных форм ООПТ, по сути, положен в основу официальной природоохранной политики, и нельзя отрицать большого личного вклада в эту «смену вех» Н. Данилиной и В. Борейко персонально.

Но что мы вдруг видим? В центральной экологической газете «Зеленый мир» (2000. № 21–22) читаем объемистую статью В.Е. Борейко «Опасные тенденции и ошибки в экопросветительской деятельности заповедников». Одновременно в «Заповедных островах» (2000. № 10 (35) появляется передовица от Н.Р. Данилиной под заголовком «Заповедники на рубеже веков», в которой ставится вопрос о совместимости заповедной идеологии с туристической деятельностью. Символично, что примерно в то же самое время появляется еще одна газетная статья на близкие темы, написанная Б. Пестряковым, «директором Центра по проблемам России, Арктики и Антарктики, почетным доктором Международной академии туризма» (поистине, чего у нас только нет...). Опубли-

* Зеленый мир. 2000. № 27–28.

кована она в «Природно-ресурсных ведомостях» (№ 27/44) — рупоре Министерства природных ресурсов (МПР РФ), недавно принявшего на себя функции упраздненных Госкомэкологии и Рослесхоза. Заглавие этой статьи — «Свободу туристским территориям».

Да, проблема «заповедники и туризм» отнюдь не нова, она возникла едва ли не с появлением самых первых заповедников и национальных парков. В начале нашего уходящего века было недолгое время, когда эти понятия в самом деле признавались синонимами. Однако заповедное дело в России и в СССР пошло по иному пути. Государственные заповедники создавались «от людей для людей» как научно-исследовательские учреждения, а национальные парки призваны не только охранять природу, но и содействовать человеческому общению с нею — тут-то и самое место экопросвещению. Поскольку возможности для сближения людей с природой в нашей Отчизне весьма и весьма широки, а способы общений очень различны, насущная потребность в национальных и природных парках стала ощущаться сравнительно недавно: первые такие парки в России возникли лишь в начале 1980-х гг., и число их до сих пор заметно уступает количеству государственных заповедников.

Не только каждый подлинный эколог, но и всякий юрист, знающий наши законы, подтвердит тот непреложный факт, что любые виды туризма (в том числе и «экологический», хотя сам термин «экотуризм» вызывает большие сомнения) представляют собой совершенно определенные формы хозяйственной деятельности. И как ни толкуй, как ни заворачивай эту простую и горькую истину в экологические обёртки и фантики, суть дела от этого не изменится. А ведь «экотуризм», как можно прочитать в тех же «Заповедных островах» (№ 10), «*есть часть экологического просвещения*», и вывод отсюда напрашивается сам собой. Недаром такой страстный приверженец экопросвещения, как В. Борейко, ПЕРВОЙ ошибкой в этом деле считает «*активное использование туризма и школьных лагерей на базе заповедников*», а ТРЕТЬЕЙ (из десяти!) — «*формальный, неадаптированный перенос экопросветительного опыта американских национальных парков на наши заповедники*». Полностью соглашаясь с этим, нужно еще подчеркнуть огромную и принципиальную разницу в отношении к природе со стороны вполне обеспеченных, традиционно законопослушных американцев и населения нашей страны. Слишком уж разные у нас, как принято теперь говорить, «менталитет», обычаи и привычки. Первые привыкли к праздному отдыху на лоне природы, любованию ее красотами (подчас из своих автомобилей), а вторые без ружья, удочки или корзины для сбора лесных «даров» вообще в лес не ступят. Кстати, вполне законна и ограниченно допустима формула «охотничье-рыболовный туризм». Как биолог-охотовед берусь доказать его безусловную экологичность (хотя бы при необходимости регулирования численности животных).

На вопрос уважаемой Н.Р. Данилиной о совместимости «заповедной идеологии» с туризмом ответить очень просто, ибо «спор здесь неуместен». ЛЮБОЙ ТУРИЗМ В ЗАПОВЕДНИКАХ НЕДОПУСТИМ И ПРОТИВОРЕЧИТ НАШИМ ЗАКОНАМ, ибо там должны прекращаться ВСЕ формы хозяйственного пользования — здесь просто нет почвы для обсуждений и дискуссий.

Другое дело, когда проблема ставится так, как на развороте «Заповедных островов» (вынесено в аншлаг): «Экотуризм и ООПТ — совместимость или полярность?» Такая формулировка вопроса просто наивна или, скорее, лицемерна, ибо полностью НЕСОВМЕСТИМ ЛЮБОЙ ТУРИЗМ ТОЛЬКО С ЗАПОВЕДНИКАМИ, тогда как со ВСЕМИ ДРУГИМИ охраняемыми природными территориями, включая национальные и природные парки, безусловно, совместим, хотя и в разной степени. Что касается упоминаемых в газете музеев, то они расположены в населенных пунктах, а не в заповедной природе.

Возможности туризма — в самых разных его проявлениях — для России поистине неограниченные, и это подтверждается несколько оригинальной, но интересной статьей Б. Пестрякова в «Природно-ресурсных ведомостях», где автор предлагает придать статус «свободных туристических территорий» обширным пространствам Сибирского Севера и Дальнего Востока.

В самом деле, настоящий любитель дикой природы стремится вовсе не в строго закрытые научные лаборатории, которыми должны быть «по идее» наши государственные заповедники, ему хочется «на волю, в пампасы!», ему не нужны экономаставники, проводники и надзиратели. Если же турист действительно хочет углубить свои познания в экологии, что ж, прекрасно, милости просим в национальные и природные парки, судьбой и законом предназначенные для общения людей с природой (за исключением заповедных участков или зон, разумеется!). Здесь и экологические тропы, и музеи природы, а кое-где, возможно, и территории ограниченного природопользования — сбора грибов и ягод, купания, даже и рыбной ловли. Правда, на примере столичного нацпарка «Лосиный остров» (живу на его окраине) можно с горечью убедиться в полнейшей беспомощности наших реальных экопросветителей — столь убоги выставленные в людных местах аншлаги, призывы и вывески, хотя уж здесь-то имеются все возможности для подлинной и убедительной экологической пропаганды.

Не стоит скрывать того, что так называемый «научный» или «экотуризм» в наших заповедниках есть следствие великой нужды, невнимания государства к передовому краю охраны природы. Но нельзя же кривить душой, выдавая черное за белое, нельзя хитрить и лицемерить, получая иностранные гранты за пользование заповедной природой. Жизнь есть жизнь, и всякое в ней бывает.

Был период, когда посещение знаменитой Долины гейзеров в Кроноцком заповеднике решили строжайше запретить. Однако люди все равно стремились туда сквозь все природные препоны, вопреки любым запретам (избранных же возил вертолетами сам заповедник). Долго так продолжаться, конечно, не могло. Есть простое правило: нельзя заповедовать, полностью закрывать от населения такие достопримечательные места, которые как бы предназначены для любования ими. Заповедники есть ЭТАЛОНЫ ЛАНДШАФТОВ, А НЕ МУЗЕИ В ПРИРОДЕ, для последних существуют иные формы ООПТ. Это не значит, что нужно немедленно изъять Долину гейзеров на Камчатке или красоты Карадага на юге Крыма из границ соответствующих заповедников (теория не всегда согласуется с практикой), но СТАТУС этих уникумов природы должен отличаться от строго заповедного.

То же самое со знаменитыми красноярскими «Столбами», которые НИКОГДА не были и не будут заповедными, они существуют на режиме природного парка. Если же когда-нибудь — а ведь давно пора! — будет создан Красноярский национальный парк, он протянется вдоль правого берега Енисея от ближних «Столбов» до Дивногорска или далее вдоль водохранилища, и тогда заповедник может уступить свой туристско-экскурсионный район нацпарку, сам же должен быть расширен за Ману (это, кстати, давно уже предлагалось).

Таких примеров «оптимизации» ООПТ немало. Более того, существуют биосферные заповедники, располагающие, помимо «заповедного ядра» (то есть государственного заповедника), еще и особыми полигонами, на которых допускается ограниченная традиционная деятельность, в том числе возможен и туризм, даже рыболовно-охотничий.

Довелось недавно слушать в Московском доме ученых Российской академии наук отчет туристской группы, совершившей поход от западного берега Байкала к верховьям Лены и далее сплавлявшейся по реке на байдарках. Весь этот маршрут проходил по территории Байкало-Ленского заповедника (в буклете, изданном Экоцентром «Запо-

ведники» в 1998 г., говорится о ТРЕХ туристских маршрутах в заповедных пределах). Это были вполне культурные «экотуристы», но даже они чувствовали себя неловко, рассказывая о своем путешествии сквозь заповедник. Такая же картина во многих наших горно-таежных заповедниках, а в иных странах СНГ (в частности, в Украине) заповедники НИКОГДА НЕ БЫЛИ ТАКОВЫМИ, работая либо как нацпарки, либо как спецхозяйства. Таково уж там толкование «заповедности», и на это не стоит закрывать глаза. Впрочем, помнится, в буклете еще одного из сибирских заповедников туристов заманивали даже возможностью ловли тайменя — одного из очередных кандидатов в Красную книгу...

Было лестно прочитать в подборке В. Красильникова о «зеленых юбилеях» (Зеленый мир, 2000. № 23–24) весьма высокую оценку серии «Заповедники СССР» (по мнению автора подборки, это «один из шедевров нашего научно-популярного и справочного книгоиздания»). К сожалению, ему неизвестно, что в прошлом году вышел в свет девятый том этой серии — первая из двух книг «Заповедники Сибири». Подготавливая сейчас в качестве ответственного редактора десятый том (второй для Сибири и последний для всей серии), мне пришлось дать к тексту о Байкало-Ленском заповеднике такую редакционную сноску:

«Хорошо известно, что туризм в отдаленной горно-таежной местности фактически неконтролируем и причиняет серьезный ущерб природным комплексам. Вполне уместный в национальных парках пешеходный и водный туризм (пусть даже под маркой «экологического») в заповеднике должен быть полностью запрещен. Вынужденное развитие в последние годы туризма — одной из форм хозяйственной деятельности — в наших заповедниках есть прямое нарушение заповедного режима и действующего законодательства. ПРИМЕЧАНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ» (кстати, в нее официально входят и наши руководители заповедного дела).

Истоки великой Лены все-таки не Долина гейзеров; в Сибири предостаточно красивых сплавных рек, да и Лена хороша не только в заповеднике. Пусть же в ее верховьях плавают ленки и таймени (заметим, что не осталось там тайменей сегодня, заповедник хочет их восстанавливать), а не байдарки с так называемыми «экотуристами».

1.7. Трансформация понятий и трактовок о заповедности в XX веке*

Исконный смысл термина «заповедность» связан с понятием строжайшего запрета, священного заклятия, полной неприкосновенности. В.В. Докучаев, создавая первые заповедные участки, считал необходимым «*предоставить их в полное пользование первобытных степных обитателей*». И.П. Бородин и Г.А. Кожевников неоднократно призывали к строгому соблюдению полной заповедности на специально выделенных эталонных участках природы. Первые официальные декреты и постановления о заповедниках в начальный советский период также подчеркивали недопустимость какого-либо вмешательства человека в природные процессы на их территориях.

В начале 30-х годов эти принципы вошли в острое противоречие с установками социалистического строительства и были подвергнуты критическому пересмотру. Заповедниками стали признаваться участки природы, имеющие особую хозяйственную, научную или культурную ценность, использование которых запрещается или ограничивается «в целях сохранения от грозящей порчи или уничтожения». В годы лысенков-

* Особо охраняемые природные территории: Материалы II Международной конференции. СПб., 2000. С. 14–15.

щины, после памятной сессии ВАСХНИЛ 1948 г., наступила окончательная ревизия всей системы заповедников (*«требуется решительный переход от заповедности вообще к заповедному хозяйству»*). Однако в конце 50-х гг. эти представления начинают изменяться, и Закон «Об охране природы в РСФСР» (1960 г.) устанавливает, что территории государственных заповедников *«навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительских целях»*. Официальное ведомственное положение о гос. заповедниках (1962 г.) содержит эту формулировку, но вместе с тем и ряд пунктов, допускающих самые различные формы вмешательства. Как «дань классикам» звучит тезис о необходимости выделения «участков, на территории которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы». В более поздних «Типовых положениях» о заповедниках (1981 г.) такого пункта не содержится. В этом документе также декларируется *«полное изъятие заповедников из хозяйственного использования»*, но вместе с тем допускается проведение в них самых разнообразных мероприятий по усмотрению самих заповедников или соответствующих ведомств.

В 70–80-е гг. проявилась тенденция «расширительного» толкования понятия заповедности, когда этот термин стал применяться не только к различным охраняемым природным территориям, но даже к... видам растений и животных, занесенным в красные книги (В.В. Петров, 1984; и др.). Между тем, «представление о внетерриториальных охраняемых природных объектах — ярчайший пример «неэкологического мышления» (Реймерс, 1992, с. 212). К сожалению, благодаря излишнему усердию отдельных юристов и экологов, именно такой подход нашел свое воплощение в ныне действующем законодательстве (Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» 1991 г.; Закон России «Об особо охраняемых природных территориях» 1995 г. и ряд других). Наиболее ярким примером такого «неэкологического мышления» является ныне узаконенная трактовка «природно-заповедного фонда», обобщающая в себе не только реальные, но и многие сугубо мнимые категории и форму заповедности. На самом деле подлинная «заповедность», означающая полное прекращение всякой хозяйственной деятельности, обязательно должна быть обеспечена не только конкретной территорией, но и правами землепользования на нее. В наше время это могут быть государственные заповедники, определенные зоны или участки национальных и природных парков, а также федеральные заказники высокого уровня.

К сожалению, в данный период продолжается процесс «размывания» и девальвации классических представлений о заповедности. Особенно способствуют этому тенденции к сближению наших заповедников с национальными парками (хотя официально это разные категории ООПТ), а также «смена приоритетов» в их деятельности, обусловленная резким снижением финансирования.

1.8. Природные заповедники России как социально-общественный феномен*

Скончавшийся в начале 2000 г. академик Никита Николаевич Моисеев, признаваемый прямым продолжателем идей и концепций В.И. Вернадского, в ряде капитальных своих трудов, в частности недавней книге «Быть или не быть... человечеству?», настоятельно подчеркивал реальность и значимость стремительно нарастающего экологического кризиса (по его выражению — «проклятья, вызванного цивилизацией»), кото-

* Современные проблемы географии и природопользования. Барнаул, 2001. Вып. 5–6. С. 202–207.

рый все более настойчиво угрожает глобальным кризисом нашей планете и всему человечеству. Для преодоления этого кризиса и спасения вида Homo sapiens требуются уже не только радикальные меры по рационализации природопользования, или четкое выполнение программ «устойчивого развития» (точнее, принципа «Sustainable development», что не вполне тождественно принятому русскому переводу), но и решительное изменение принципиальных основ людского бытия, включая морально-нравственные, и прежде всего — во взаимоотношениях человечества и природы.

В своем предсмертном обращении к участникам круглого стола, на котором обсуждалась указанная книга, Н.Н. Моисеев не впервые пророчествовал: «Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости... Можно лишь утверждать... что планета и мировое сообщество вступили в новую стадию развития... Деятельность человечества, вероятнее всего, ведет к деградации биосферы и не способна гарантировать существование Человека в ее составе... Человек подошел к пределу, который нельзя переступить ни при каких обстоятельствах. Один неосторожный шаг — и человечество сорвется в пропасть...

...Новая цивилизация должна начаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и новых образовательных программ. Человечество должно научиться жить в согласии с природой, ее законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека» (Мыслитель планетарного масштаба, М. 2000. С. 18–19). Таков общий фон, на котором приходится сегодня рассматривать те или иные конкретные экологические проблемы.

В наши дни одной из наиболее реальных форм сохранения биоразнообразия и земной природы в целом принято считать системы разнообразных особо охраняемых природных территорий (ООПТ), причем наиболее высокой их категорией справедливо признаются государственные природные заповедники. Первый такой заповедник России (Баргузинский) был официально учрежден в конце 1916 г., но фактически истоки отечественного заповедного дела берут начало во второй половине XIX века, в частности, с опытных участков В.В. Докучаева (Насимович,1979; Штильмарк, 1996). В конце 2000 г. в Российской Федерации организован СОТЫЙ по общему счету действующий природный заповедник; их суммарная площадь составляет 33,5 млн. га, что близко к двум процентам от всей территории страны.

Действующая ныне система государственных заповедников прошла длительный путь развития и всевозможных преобразований. Анализируя этот весьма сложный процесс, мы убеждаемся в том, что главной его чертой была **необычайная противоречивость**, проявлявшаяся буквально во всех аспектах становления и деятельности наших заповедников — от выбора их территорий и законодательных основ до конкретной текущей работы.

Согласно классическим представлениям о заповедности и природных заповедниках, сформулированных в конце XIX – начале XX века В.В. Докучаевым, Г.А. Кожевниковым, И.П. Бородиным, В.Н. Сукачевым и другими видными биологами, заповедники создавались в качестве эталонов природы на ландшафтно-географической основе, причем главным их принципом, как мы неоднократно подчеркивали, признавался **принцип невмешательства** людей в заповедную природу, которая как бы передавалась из человеческого подчинения «в пользование» ее коренных обитателей, то есть обитавших на ней растений и животных. Вместе с тем, одновременно предусматривалось учреждение при заповедниках опытных научных станций для проведения долговременных наблюдений и исследований.

Уже в этом исходном постулате было заложено существенное противоречие, ибо научные исследования, проводимые на территории заповедников, неизбежно требуют определенного и подчас довольно значительного вмешательства в жизнь тех или иных

«коренных обитателей». Отстрелы и отловы животных, сборы всевозможных коллекций и гербариев (включая даже самые редкие виды), закладка пробных площадей с проведением разного рода экспериментов — все это осуществлялось и осуществляется в наших природных заповедниках как нечто само собой разумеющееся: и только в самые последние годы на это обратили внимание отдельные сторонники взглядов А. Швейцера и соблюдения экологической этики (Швейцер, 1992; Никольский, 1996; Борейко,1998; Борейко и Поминова, 2000; и др.). Более того, в свете высказываний Н.Н. Моисеева, стоит обратить внимание на развиваемые В.Е. Борейко нетрадиционные представления об «идеологии заповедного дела», согласно которым следует отойти от привычных нам научно-материалистических принципов, заменив их своеобразной «религией природоохраны», когда интересы человека должны уступить место интересам заповедной («дикой») природы.

«*Как попугаи мы повторяем байку, что заповедники создаются для науки, а чтобы полюбить природу, ее надо изучить (во что давно уже никто не верит), и одновременно стесняемся или боимся признаться в своих ощущениях дикой природы как священного пространства*» (Борейко, Поминова, 2000, с. 5). Если учесть, что наши заповедники с момента их зарождения возникали как научные учреждения, официально оставаясь ими по сей день, а также тот факт, что в них работает около 500 научных сотрудников, осуществляющих экологический мониторинг («Летописи природы») и ряд разнообразных научных программ («Научные исследования..., 1997; «Организация научных исследований...», 1999; и др.), то расхождения и противоречия между общепринятыми взглядами ученых и новаторскими суждениями В.Е. Борейко кажутся совершенно непреодолимыми. Но так ли это на самом деле? Даже в сугубо атеистические советские времена в слова «заповедь» и «заповедник» вкладывался, как писал О.В. Волков (1976), «некий **священный** смысл». Ни один из энтузиастов заповедного дела, надо надеяться, не откажется от известного афоризма Жана Дорста о том, что природу может спасти от гибели только наша любовь: «*Природа будет ограждена от опасности только в том случае, если человек хоть немного полюбит ее просто потому, что она прекрасна, и потому, что он не может жить без красоты...*» (Дорст, 1968, с. 405).

Но формы антропогенного вмешательства в заповедную природу при научных исследованиях не идут ни в какое сравнение с тем, что на самом деле допускалось и допускается в наших заповедниках, причем на правовой основе, в соответствии с действующим законодательством. Двоемыслие и демагогия, столь присущие советскому строю (когда провозглашалось одно, а делалось нечто совершенно иное), особенно ярко проявились именно в сферах охраны природы и заповедного дела. Почти во всех законах и положениях о заповедниках говорилось о «вечном» и «полном» прекращении «всякой» хозяйственной деятельности, после чего следовали длинные разделы и параграфы, позволявшие не только проводить биотехнические мероприятия и регулирование численности животных (проще говоря — массовые отстрелы или отловы), не только устройство музеев и питомников, но и разнообразное строительство, прокладку коммуникаций, дорог и просек (чего только не делалось в заповедниках также и при лесоустройстве!), рубку и посадку лесов, ловлю рыбы и т. д., и т. п. Десятки, а порой до сотен единиц всевозможной техники, включая гусеничные трактора и тяжелые вездеходы бороздили заповедные земли, и все это считалось (и считается сегодня) в порядке вещей. Редкие призывы отдельных наивных лиц использовать в транспортных целях лошадей и ездовых собак воспринимаются как некое чудачество.

Обратимся к другому, ничуть не менее явному, но очень слабо отраженному в литературе вопросу относительно выбора территорий под заповедники, самого процесса их организации. Научные принципы здесь известны — от прежних регионально-геогра-

фических подходов до комплексных экологических, когда заповедники рассматриваются в качестве элементов более обширных **систем ООПТ** (Реймерс, Штильмарк, 1978; и др.). Но что же мы видим в реальности?

Первоначально главными и вполне прагматическими мотивами создания заповедников были интересы охраны наиболее ценных — для хозяйства! — животных (соболя, зубра, бобра, выхухоли, северного оленя, охотничьих птиц в дельте Волги или гаги на Севере). Позднее и вплоть до нашего времени очень важную роль играли факторы субъективности и престижности, когда происходило своего рода «соревнование» тех или иных «субъектов Федерации» (особенно это было характерно для автономных республик). «Почему это у наших соседей есть госзаповедник, а у нас его нету?» — грозно спрашивал некий секретарь обкома (или глава администрации), после чего в центр направлялись соответствующие запросы и ходатайства. Иногда существенную роль могла играть инициатива отдельных энтузиастов, но так или иначе сугубая субъективность или конкретные интересы хозяйственников, как правило, преобладали над любыми доводами науки. Правда, усилиями ученых были разработаны известные «перспективные планы» сети заповедников СССР и Российской Федерации, а также официальные «Генсхемы», но более половины из намеченных вариантов по сей день остались на бумаге (Штильмарк, 1997; Сыроечковский, Штильмарк, 2000; и др.).

Приведем лишь некоторые примеры из противоречий этого рода. Ни в каких научных планах и генсхемах мы не отыщем многих заповедников, созданных в последнее десятилетие — таковы, в частности, «Бастак» (Еврейская автономная область); «Большая Кокшага» в Республике Марий-Эл; Джергинский в Бурятии; «Норский» (Амурская обл.); «Нургуш» (Кировская обл.); Полистовский в Псковской области и смежный с ним Рдейский в Новгородской; Присурский в Чувашии; Тигирекский в Алтайском крае (намечался как национальный парк); «Эрзи» в Ингушетии. Крайне неудачно выбрана территория бездействующего Гыданского заповедника (Ямало-Ненецкий авт. округ), между тем как остаются неосуществленными такие насущные и весьма важные для охраны природы объекты, как проектируемые заповедники на Южном Ямале и в дельте Селенги (недавно там начаты буровые работы в поисках нефти, несмотря на то, что эти участки относятся к нескольким категориям ООПТ); чуть ли не сто лет предлагается Барабинский лесостепной заповедник и ряд других вариантов. Из ранее необоснованно ликвидированных заповедников не восстановлены Саянский, Клязьминский, «Тульские засеки», «Бузулукский бор» и ряд других.

Стоит напомнить, что в столичной Московской области ранее имелось 7 заповедников, а сейчас невозможно создать хотя бы еще один в дополнение к единственному Приокско-Террасному, попытки расширения которого окончились неудачей. Короче говоря, развитие заповедной системы шло и продолжает идти по явно антинаучному пути компромиссов с разными уровнями власти, и это противоречие непреодолимо уже почти столетие...

Такое положение лишь отчасти можно поставить в укор нашим природоохранным ведомствам, тем более что структуры их постоянно меняются (вспомним, что Государственный Комитет по охране природы, создание которого предлагалось еще до 1917 г., был учрежден лишь в 1988 г. и после ряда преобразований недавно расформирован). Все указанные противоречия явственно отражают тот социально-общественный феномен, который представляет собой наша заповедная система. Достойны большого уважения работающие в ней энтузиасты, причем не только те, кто трудится непосредственно в заповедниках, но и деятели управленческой сферы, так или иначе тянущие эту нелегкую лямку. Конечно, предпочтительнее было бы, как писал мне в 1964 г. покойный Н.Ф. Реймерс, работавший тогда на Сахалине, «*чтобы наш экологический воз тянула лихая тройка, но не лебедь, рак и щука*».

Ведь указанные недостатки и противоречия есть прежде всего отражение всей социальной ситуации, сложившейся в нашей стране, в частности, в сфере экологии. Мы наблюдаем явный откат общественного экологического движения от «бума» конца 1980-х гг. к нынешнему положению, когда на глазах возвращаются лозунги лысенковских времен о покорении природы и доводы в пользу возобновления былых «строек века» (одна из них — сооружение Юмагузинского водохранилища на реке Белой, не уступающей красотой Катуни) или даже поворота северных рек. Поэтому перед заповедным делом ныне могут возникать — и возникают! — новые немалые проблемы. Одной из самых серьезных угроз нам представляется тенденция на «конвергенцию» природных заповедников и национальных парков (НП), которые стали создаваться в Российской Федерации лишь с начала 1980-х гг. Здесь также заложено серьезное противоречие, которое может привести к последствиям весьма печальным для природы и общества. Ведь наши заповедники, при всех изъянах, все же в большинстве своем отражают величие относительно первозданной природы, которой в мире осталось так мало, а в Европе нет вовсе.

Главное же назначение национальных парков — сохранение природы не ради нее самой, а в интересах общения с людьми. Туризм — пусть даже «экологический» (хотя термин этот весьма сомнителен уже в своей основе) — всегда представляет собой вполне определенную форму хозяйственной деятельности, юридически недопустимую в природных заповедниках и губительную для них. Почему-то эту несложную истину чаще признают зарубежные ученые. Вот лишь одно высказывание: «*...когда построится последний гостевой домик и будет создано множество удобств, необходимых туристам,* ***заповедники перестанут существовать****, ибо именно отсутствие человека определяет систему заповедников*» (О. Родес, цит. по А. Горяшко, 2000; см. также Д. Харпер, 2000 и др.). Не место гостям-туристам в заповедниках, что же касается форм и методов научной деятельности, то при желании можно избежать серьезных уронов.

Еще один парадокс из сферы «заповедных противоречий»: фактическое перерождение заповедников в национальные парки началось в системе... Российской академии наук (правда, не от хорошей жизни, а из-за отсутствия государственной заботы). Вот что с горечью писал зоолог Ю.Д. Чугунов, в прошлом главный проектировщик Дальневосточного морского заповедника: «*...пришла пора сказать: заповедники себя изжили и должны перестраиваться в национальные парки. По этому пути уже идет наш Дальневосточный морской. Так, на острове Попова создана экскурсионная зона...*» (Чугунов, 1998). Добавим, что не только сам ДВГЗ идет, но и других зовет за собой. Вот пример его официальной тематики: «Распространение опыта развития эколого-познавательного туризма и эколого-экскурсионной деятельности в заповедники Дальнего Востока». Ожидаемые результаты: «*Увеличение числа экскурсантов и экотуристов на базе вовлеченных заповедников до 5000 чел. в первый год реализации проекта*». Вроде бы излишни комментарии! Но на эту тематику был выделен грант в 49 тыс. «зеленых» (подобная тематика, как правило, охотно и щедро спонсируется). По существу, не имел (и не имеет) заповедного режима «строго академический» Ильменский заповедник — один из первых в СССР.

С прагматической точки зрения общественная роль национальных парков на данном этапе более существенна по сравнению с подлинными природными заповедниками, несмотря на все их высокое предназначение. Во всяком случае, нацпарков в стране должно быть больше по сравнению с заповедниками и по количеству, и по площади (сейчас их число почти в три раза меньше, чем заповедников). При должной постановке дела они вполне могут не только обеспечить материально сами себя, но и поддержать финансами другие типы ООПТ, включая заповедники. Именно национальные парки (а не заповедники — будь то научные или «священные») способны стать «гордостью

народа и символом нации», тогда как рекламировать заветные заповедные земли вообще есть дело сомнительное (впрочем, и в этом пункте скрыто явное противоречие).

«По идее» — сугубо теоретически — часть наших заповедников несомненно может быть преобразована в национальные парки. Яркий пример тому — экскурсионный участок заповедника «Столбы», который всегда имел статус НП, а не заповедный. Обследуя массивы брянских лесов, мы убедились, что форма национального парка здесь гораздо предпочтительнее заповедника, надо было бы только выделить в таком парке (он мог быть весьма обширным) ряд заповедных участков или зон. Думается, что это же относится и к ряду других территорий Европейской России, где лишь недавно созданы заповедники, неизменно вступающие в острые конфликты с местным населением (Керженский, Калужские засеки и ряд других). Другое дело, что понижение статуса может привести к нежелательным последствиям — значит, надо было сразу создавать не заповедники, а национальные (федеральные) или природные (муниципальные) парки; последние приобретают популярность в ряде регионов Сибири и Дальнего Востока. Заметим также, что **подлинные** природные заповедники, как правило, не могут занимать огромные пространства на миллионах гектаров, и не только потому, что невозможно обеспечить реальную охрану, — такой гигантизм может вызвать общественный протест и дискредитировать саму идею настоящей заповедности. Более того, в отдаленных районах Крайнего Севера или ДВ создание госзаповедников при современных реалиях способно даже увеличить антропогенный пресс на относительно нетронутую ранее природу.

Ограниченность публикации не позволяет детально обсудить противоречия в подходах разных авторов и специалистов к проблеме создания новейших концепций системы охраняемых природных территорий и оценить роль тех или иных научных или общественных организаций в разработке этой тематики (см. «Охраняемые природные территории..., 1998; Дежкин, 1999; Дежкин, Пузаченко, 1999; и др.). Отметим лишь, что предложения некоторых из указанных авторов о ревизии общепринятых взглядов на заповедное дело и предлагаемая классификация природных заповедников вызывает возражения ряда специалистов. Подчеркивая значимость роли Российского представительства Всемирного фонда дикой природы (WWF) и Центра охраны дикой природы (ЦОДП) в попытках оптимизации заповедной системы России, мы склонны с определенной опаской относиться к широкой пропаганде зарубежного опыта в этой сфере. Особую настороженность вызывает явно чрезмерная активность Центра «Заповедники» в стремлении поставить на первый план в деятельности наших природных заповедников экологическое просвещение: экопропаганду и экотуризм. Положительной стороной деятельности WWF и ЦОДП — надо надеяться! — должны быть признаны обширные проектные разработки по созданию систем ООПТ в ряде российских регионов, в частности на Алтае и в Саянах («Теория и практика...», 1999; Шурин, 2000; и др.).

Выше упомянутый нами автор (Горяшко, 2000) завершает свою интересную статью тезисом о том, что наши заповедники можно рассматривать «*как первые примеры общества будущего, где люди уже сегодня научились жить в согласии с природой, ограничили свое присутствие и свои потребности ради гармоничного сосуществования всего живого*». С этим можно согласиться лишь с очень существенной оговоркой, а именно: при условии, что люди живут ВНЕ заповедника, предоставив его природе не только из научных и экологических целей, но и ради высоких нравственных соображений. Но пока что в наших заповедниках все-таки хозяйничают именно люди, а не живая природа. Тем не менее уже сегодня можно рассматривать отечественные природные заповедники как определенный шаг на трудном пути **коэволюции человека и природы**, что, по представлениям Н.Н. Моисеева, приближает нас к понятию В.И. Вернадского о ноосфере.

«Изучение проблем коэволюции человека и биосферы открывает новое и, возможно, важнейшее направление фундаментальных исследований. Все предшествующее развитие научной мысли мне представляется предысторией развития науки, цель которой должна состоять в том, как обеспечить такую коэволюцию» (Моисеев, 1999, с. 253). Думается, что наши заповедники могут внести существенный вклад в исполнение таких сверхзадач, особенно в том случае, если бы удалось преодолеть противоречия и разногласия между сторонниками научных, морально-этических и религиозных принципов заповедания.

1.9. Абсолютная заповедность — последний оплот реальной охраны дикой природы*

Проблема защиты дикой природы достойна **большой** философии, а не нашей сугубо доморощенной, на уровне личных представлений. На тему «дикой природы» и отношения нашего к ней размышляли Шатобриан и Байрон, Шопенгауэр и Швейцер, Булгаков (философ, конечно, а не писатель!) и Флоренский, когда же Леонов пишет «любите природу дикую, а людей культурных», то хотя это и верно, однако выражает «простоту хуже воровства». Здесь проблема не только этическо-моральная, но и религиозно-нравственная, проблема **духа** и **тела**, даже, если хотите, своего рода «борьба противоположностей». Да, охота — это страсть, но ведь чувства могут быть и сильнее разума, **любовь тоже** страстное чувство, а ведь прав Жан Дорст, что **природу спасет только наша любовь**, то есть **чувство**, а **не расчет**! Если мне придется все-таки писать о дикой природе, надо обратиться к творчеству двух братьев Кожевниковых, старший из которых был философом-идеалистом, а второй — экологом.

Хочу еще раз обратиться к Г.А. Кожевникову как к классику нашего отечественного заповедного дела. Нужно постоянно разъяснять, что есть «абсолютная заповедность», я ведь за всю жизнь — учтите это! — не добавил ни одного слова к тому, что говорил и писал об этом Г.А. Кожевников. Замечу, что в научно-методических записках «Заповедное дело» (Вып. 2. М., 1997) были помещены мои материалы о Г. А. (причем в оглавлении нет даже упоминания обо мне как авторе статьи о Кожевникове и составителе подборки его материалов). Не уместно ли сейчас еще раз напомнить: *«Основной задачей охраны природы является **сохранение отдельных участков ее в неприкосновенности*** (это и есть «абсолютная заповедность»! — *Ф. Ш.*) *в целях научного изучения... Если мы взглянем глубже, то увидим, что познание природы есть основа как правильного миропонимания, так и материального благополучия отдельных людей и целых народов». «А у нас,* — писал Г.А., — *«заповедным» **официально** считается Лосиный остров, превращенный в дачный поселок».* Именно этот же тезис преподносят с важным видом сегодня руководители отечественного заповедного дела.

«Охранять **первобытную дикую природу** ради нее самой, смотря на прикладные вопросы как на стоящие на втором плане, — вот основная идея охраны природы». Отказ **от абсолюта** ради узких экономических интересов (это и экотуризм, а подчас и экопросвещение, чаще всего профанируемое ради элементарной выгоды. — *Ф.Ш.*), с моей точки, зрения **есть полный крах** идеи охраны природы. Всякое «хозяйство» (в том числе и так называемое «заповедное». — *Ф.Ш.*) по существу своему в корне противоречит идее охраны природы. Человеческое хозяйство есть всегда уродование природы. **Только невмешательство в жизнь природы сделает природу научно интерес-**

---

* Гуманитарный экологический журнал. 2001. Т. 3. Спецвыпуск. С. 111–113.

ной. Если мы с этой позиции сойдем, то никогда не осуществим охрану природы в истинном смысле этого слова. Пусть это крайнее мнение, но оно истекает из сути дела. И мне было весьма грустно слышать, что вместо того, чтобы отстаивать идею **полных** заповедников для охраны **первобытной** (конечно, в условном смысле «первобытной», ибо глобальные формы тех или иных загрязнений и вмешательств проявлялись уже во времена Г.А. — *Ф.Ш.*) природы и изучения ее, отстаивать хотя и трудный, но **принципиальный** подход к делу, сразу переходят на защиту идеи более легко осуществимой, но чуждой всякого идейного интереса...» В данном случае некоторые экологи, отказываясь от идеи абсолютной заповедности, защищают интересы ненавистных им охотничьих хозяйств. Ведь когда В.В. Докучаев и Г.А. Кожевников предлагают предоставить территории «абсолютно заповедных» участков природы в безраздельное владение «коренных обитателей!» (растений и животных), они вовсе не отвергают наличие **научных станций**, проведение научных исследований, конечно же избегая при этом отстрелов и отловов, рубок и покопок. Печально, что нашу заповедную природу надо охранять не только от браконьеров, которых порой гонит голодуха, но и от иных доцентов с кандидатами... Известно немало печальных примеров более чем активного научного вмешательства в живую природу заповедников, и нередко наука оправдывает откровенное природопользование под видом всевозможных «регулирований» и «управлений биоценозами». Поэтому-то столь необходимо само по себе понятие **абсолютной заповедности** как едва ли не последнего оплота **реальной** и **действенной охраны дикой природы**.

Надеяться, что советские (пусть «пост», один черт) люди увидят в дикой природе нечто Священное, что они примут Религию природоохраны, увидят в В. Борейко или С. Забелине новых «Гуру», конечно, более чем наивно. Общество СНГовное не только бездуховно и тупо, но и предельно материалистично + технократично. Ведь почему я отстаиваю науку заповедную и заповедность «от людей для людей» (кстати, сей мотив звучит и в Законе США)? Потому что не поймут иного и не примут, раздавят, как Чечню! Вот сегодня, слышно, обсуждают вопрос ООПТ в правительстве похоже, что речь идет о передаче заповедников в Министерство госимущества, конечно, ради приватизации и коммерциализации, торговли ими — вот наша реальность, а не Священное пространство...

Разве я не знаю, что такое «заповедная наука» с учеными советами из бухгалтеров, сборами никому не нужных коллекций и методами сплошного отстрела? Когда мы плыли по Логате, то видели волков, «пасущих» стада диких оленей, а первое, за что взялся Таймырский «заповедник» — авиаотстрел на деньги, выделенные для патрулирования (и начальник отдела заповедников из главка в этом участвовал непосредственно). Примеров таких множество, но я рассматриваю заповедную науку лишь как **форму наименьшего зла**, ибо было бы хуже, если вместо этих жуликов пришли бы нефтяники и газовики. Наука — единственная реальная защита заповедности в нашем обществе, недаром Кожевников и Макаров обманывали — до поры до времени! — этим большевиков, пока не пришел «невинный» Малиновский. А у наших сегодняшних (не только министра МПР Яцкевича, но и у президента Путина!) психология абсолютно малиновская (она же — мичуринско-лысенковская): кроме уплаты парижских долгов и сбора налогов, для них сегодня ничего более священного нет и не предвидится. Ельцин и тот был человечнее, хоть и груб, но не рядовой советский материалист, как эти.

И все-таки развернуть на примере США саму по себе **идею** охраны дикой природы совершенно необходимо и своевременно, надо только придать ей более рациональную и приемлемую для общества форму, не ориентироваться только на некое «светлое будущее», а попытаться внедрить как уже принятую Западом (приходится прислушиваться!) и проверенную в реальности. Хотя в наших условиях это, скорее всего, будет чис-

тая профанация, ибо даже с официальными ООПТ никто не считается, а так можно ВСЕ объявить особо охраняемым и повсюду творить что вздумается.

1.10. Сочетание научных и морально-этических аспектов в заповедном деле*

Наше заповедное «древо» выросло из трех основных корней: материального, научного и этического. Об этике и эстетике охраняемых территорий неоднократно писали и говорили Г.А. Кожевников, Андрей и Вениамин Семеновы-Тян-Шанские и другие основоположники отечественного заповедного дела. Но в советский период основное внимание уделялось материальным и научным аспектам, тогда как этические почти не затрагивались. Только в самое последнее время, на фоне общеизвестных общественных перемен, в частности, в условиях гласности и при заметном возрастании роли церкви, морально-этической стороне заповедного дела стали уделять серьезное внимание. Приведем несколько цитат в подтверждение этого.

«Наша отечественная защита природы становится все менее духовной, чистой и все более прагматичной... Над нашей природоохраной довлеет меркантилизм, марксизм, антропоцентризм и комплекс двойных стандартов. Отечественная идеология охраны природы заблудилась и никак не может выбраться из чащи сомнительных лозунгов и мифов эпохи развитого социализма типа «рационального использования природных ресурсов на благо народа... Как попугаи мы заученно повторяем байку, что заповедники создаются для науки, а чтобы полюбить природу — ее нужно изучить (во что давно уже никто не верит), и одновременно стесняемся или боимся признаться в своих ощущениях дикой природы как священного пространства. Мы по-прежнему слепо верим в полицейские и экономические меры защиты природы и не задумываемся о ее нематериальных духовных ценностях» (Борейко, Поминова, 2000, с. 5).

Наука и экологическая этика, повторимся, должны не противостоять, а естественным образом дополнять друг друга. Изучение природы есть своего рода как бы оправдание мнимого «изъятия» заповеданных земель из хозяйственного оборота (на самом деле, как показал Н.Ф. Реймерс, это только иная, совершенно особая форма природопользования «от людей — для людей»). В идеале же в заповеднике может не быть ни охранников, ни наблюдателей, конечно, при условии, что туда не проникнут нарушители — картина пока что явно утопическая, но надо помнить, что идеалы создаются не для немедленного воплощения в жизнь, а лишь для обозначения избранного пути (в данном случае идеал **абсолютного** заповедника).

Здесь уместно коснуться темы о религии, самым теснейшим образом связанной с этикой. Вот что писал православный священник А. Мень: *«Господь привлекает наше внимание к окружающей нас природе, в которой так много есть уроков, в которой заключена Божественная мудрость и Божественная красота... Господь говорит нам: «присмотритесь, оглядитесь вокруг себя — многому природа может научить человека!» Прежде всего она наша мать и сестра, она тоже вышла из рук Творца, и мы, глядя на прекрасные творения, прославляем Того, кто их создал... И когда человек научается так смотреть на это, его сердце как бы постоянно находится перед великой иконой природы». Эта глава из проповеди евангельских истин так и называется «Природа-икона». В ней утверждается, что красоты природы влекут к себе иных людей*

---

* Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты: Материалы международной школы-семинара «Трибуна-8», Киев, 27–30 мая 2002 г. Киев: Логос, 2002. С. 9–12.

гораздо более, чем рукотворные иконы (которые, конечно, следует глубоко чтить). Среди всех творений нет более прекрасного произведения, чем сама природа. Кто мог создать что-либо более прекрасное, чем восход солнца?.. В часы усталости, душевного угнетения, мрачности, когда бури повседневности душу нашу гнетут, — воспользуйтесь моментом, пройдитесь, вот рядом, за кладбищем — лес, и сразу с души, как будто живительной влагой, смывается пыльная накипь дня» (А. Мень, 1991, с. 152).

Разве не звучит здесь голос верующего эколога (напомним, что А. Мень, будучи студентом, обучался биологии в Балашихе и Иркутске), разве невозможно включить эти слова страдальца-священника в сугубо научный «Экологический манифест» Н.Ф. Реймерса, который был по натуре своей атеистом (хотя к религии относился уважительно), но искренне **веровал** в торжество человеческого разума, в «экологический императив», в конечную победу добра над злом. Каждый человек «во что-то» **верует**, и это уже само по себе есть свидетельство единства науки и биоэтики.

Одной из ярких разновидностей человеческой веры является чувство благоговения перед дикой (первозданной) природой[13].

Это может быть и наивное удивление перед творческой силой Всевышнего, и более материализованное ощущение величия окружающего нас мира, о чем так ярко писал в начале века В.И. Талиев, говоря о природе как «источнике сознательных и бессознательных переживаний **высшего порядка**». Красота природы имеет собственную высокую ценность, является особым «духовным» богатством. **Заповедание** с давних времен означает именно такую **высшую**, то есть **духовную**, форму сохранения особо ценных природных объектов, и это очень наглядно выражено в широко известных выражениях из словаря В. И. Даля (заповедный лес, в котором настрого запрещена рубка, назывался «божелесьем» или «моленым лесом»). Впрочем, определения заповедности давались на Руси и задолго до Даля, о чем наглядно свидетельствует «Лесной журнал» № 9 от 1837 г.: «*Из лесов казенных выделяются заказные рощи в неприкосновенный запас... и тогда рощи сии получают от поселян название* ***заповедных****. В сем названии заключается для жителей селений* ***нечто священное****, ибо рощи, получившие такое название, согласно предначертанию своему, становятся* ***неприкосновенными****... Автор проверял районы Тверской губернии и ни в одной заповедной роще не нашел ни одного срубленного дерева со времени заказа. Крестьяне до них не касаются, название «заповедный» есть для них добрый гений, охраняющий от порубок и иных истреблений*» (статья Г. Вильдермета «О пользе выдела заказных рощ»)... Очень близкие этические основы заповедного дела позднее отстаивал А.П. Семенов-Тян-Шанский («Свободная природа как великий живой музей»).

Многие философы считают, что ответственность за современный экологический кризис, который проявляется все более явственно, несет именно христианская религия, провозгласившая полное господство человека над природой. Этот упрек, увы, относится и к науке.

«*Современная наука и техника столь пропитаны ортодоксальным христианским высокомерием в отношении к природе, что не следует ждать разрешения экологического кризиса только от них одних. Корни наших бед столь основательно религиозны, что и средства избавления тоже должны стать религиозными по своей сути*» — пишет Л. Уайт-младший (White L. Jr, 1967, цит. по сб. «Глобальные проблемы...», 1990, с. 202), призывая, как и В.Е. Борейко, к своеобразной смене религиозных вех. Этот автор

[13] Провести строгую грань между дикой и «недикой» природой в наше время очень трудно или даже невозможно. Определение «дикости» как полной безлюдности зачастую условно, такие места все труднее найти, в «глуши» подчас могут жить люди, а цветок одуванчика у обочины дороги человек с чистой душой рассматривает как «первозданный», как «Божье творение».

видит главного покровителя для экологов в учении святого Франциска Ассизского (что и было провозглашено Папой Ионанном Павлом Вторым в 1979 г.), близки к этому неоязыческие призывы Борейко о «священном пространстве» дикой природы. Не менее радикально высказывался на эту тему и Н.Ф. Реймерс: «*Совершенно очевидно, что на очереди создание «общечеловеческой» синтетической религии, вернее* ***надрелигиозной идеологии****, объединяющей все религии мира... Нужна светлая религия добра, без жертв во имя Его... Добро для добра, добро всем! Хватит истязаний!*»

На всем этом фоне деятельность Киевского эколого-культурного центра во главе с В.Е. Борейко в области экоэтики и «природоцентризма» видится нам с позиций экологии и заповедного дела более прогрессивной и правильной по сравнению с доводами его критиков, несмотря на всю их внешнюю рациональную убедительность. Над нами действительно, доминирует примитивный материализм — весьма тяжкое наследие советского времени, когда все, что выходило за рамки «передового учения», категорически отвергалось. Уже сам факт «крамольной» экологической пропаганды школы В.Е. Борейко безусловно весьма значителен и отраден.

Однако подобно тому, как человек при бессмертной своей душе имеет грешное живое тело, нуждающееся в известных потребностях, так и материалистическая сторона нашей жизни не может быть отвергаема. Наука в заповедниках очень долгое время была главным доводом и основным оправданием их организации и деятельности. Нынешние тенденции преобладания экопросвещения, экопропаганды и экотуризма ведут лишь к весьма опасной конвергенции и подмене заповедников национальными парками. Последние сегодня в общественном плане более значительная форма ООПТ, чем заповедники, но подменять одно другим совершенно недопустимо (это тема другая, хотя и очень серьезная).

У каждой палки два конца, но истина обычно располагается посередине. Нельзя переходить определенные грани в полемике, надо уважать оппонентов, выслушивать их, стремясь найти пользу в неком промежуточном равнодействии. Научные и этические аспекты в заповедном деле должны быть уравновешены в интересах нашего единого дела и общего дома-экоса.

1.11. Понятие абсолютной заповедности... юридически почти утрачено*

...Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.
О. Мандельштам

«И снова я подивился, какую же чудную планету подарил Господь этой неблагодарной звероподобной свинье, под названием человек, что от рождения своего подрывает корни под собой, похабит землю, которая его кормит, терзает прекрасный лик матери-природы. Теперь уж и не знает... как избавиться от надвигающейся гибели это двуногое существо, смевшее называть себя разумным, чтобы погибнуть в безумии».

Так писал мне из красноярской больницы всего за несколько месяцев до своей кончины любимый мой современный писатель Виктор Петрович Астафьев (мы переписы-

* Гуманитарный экологический журнал. 2005. Т. 7. Вып. 2. С. 4–8.

вались больше 20 лет, не раз я сподобился общаться с ним и лично). Столь обличительные слова по адресу всего рода человеческого этот великий сибиряк произнес не впервые. Он не раз называл людей «*страшным проклятием земным и небесным... Природа сделала трагическую ошибку, вложив разум именно в это двуногое существо, и теперь сама, стеная, плача, корчась в судорогах, не в силах ни сдержать, ни исправить деяния своего выродка, так и не обуздавшего в себе первобытного дикаря*» («Вечно живи, речка Виви!», 1989. С/с, Т. 12, С. 9).

Астафьев всегда живописал не просто с предельной искренностью, но поистине кровью и болью надорванного жизнью сердца. Лишь по противоречивой и «супротивной» своей натуре я не мог принять столь суровые обличающие слова без раздумий и сомнений, равно как не способен воспринять трагическую его предсмертную эпитафию (не стану ее приводить, она сейчас общеизвестна). Что бы сказали, прочитав это, великие наши религиозные философы, такие, как Павел Флоренский или Сергей Булгаков? «Окстись, Петрович, не бунтуй, — вероятно, было бы ему ответом, — ведь человек создан по образу и подобию Божию, так возможно ли так его поносить?» Тем паче что Астафьев не раз осуждал атеистов-безбожников.

Правда, у нашего классика были предшественники, например, знаменитый француз Жан-Батист Ламарк, еще в начале XIX века предупреждавший об угрозе самоистребления человечества. Цитата из второй части его «Аналитической системы положительных знаний человека» обычно приводится в сокращении, мне же хочется дать ее полностью, хоть она и длинна.

«*Человек, ослепленный эгоизмом, становится недостаточно предусмотрительным даже в том, что касается его собственных интересов; вследствие своей склонности извлекать наслаждение из всего, что находится в его распоряжении, одним словом — вследствие беззаботного отношения к будущему и равнодушия к себе подобным, он сам как бы способствует уничтожению средств к самосохранению и тем самым — истреблению своего вида. Ради минутной прихоти он уничтожает полезные растения, защищающие почву, что влечет за собой ее бесплодие и высыхание источников, вытесняет обитавших среди них животных, находивших здесь средства к существованию, так что обширные пространства земли, некогда очень плодородные и густо населенные разного рода живыми существами, превращаются в обнаженные, бесплодные и необитаемые пустыни. Подчиняясь своим страстям, не обращая внимания ни на какие указания опыта, он находится в состоянии постоянной войны с себе подобными, везде и под любым предлогом истребляя их, вследствие чего народности, весьма многочисленные в прошлом, мало-помалу исчезают с лица земли. **Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар необитаемым***» (именно выделенная заключительная фраза цитируется чаще всего). Мы убеждаемся, что спокойные фразы старого французского ученого, жившего два столетия тому назад, полностью согласуются с взволнованной речью художника слова — нашего современника.

В Западной Европе давно уже нет неосвоенных территорий, по сути, нет и дикой природы, на всем лежат отпечатки и следы человеческих рук. Иные наши сограждане видят в том достоинство и готовы принять за образец именно окультуренный ландшафт, радующий глаз ухоженными садами и плантациями, отсутствием лесных чащоб, замененных парками и клумбами. Этому весьма содействовало недавнее сугубо материалистическое воспитание, когда многим поколениям советских людей внушали, будто бы весь смысл их жизни состоит в том, чтобы «покорить», «преобразовать», «повернуть вспять», что на месте отброшенной за Байкал тайги должны возникнуть голубые города с фабриками и заводами.

В двадцати семи (!) изданиях школьного учебника «Родная речь» печатался отрывок «Наступление на тайгу» из романа В. Ажаева «Далеко от Москвы», где тракторист, охваченный страстью разрушения, кричит во все горло: «Так ее, тайгу! Врешь, поддашься, не устоишь! Круши ее!..» Эти призывы воплощались в жизнь не только в годы сталинских пятилеток, но и позднее, например, при прокладке памятного БАМа, который сибирские экологи и этнографы до сих пор считают «ударом ножа в спину Сибири». Как ни боролись защитники природы за Байкал, но проиграли эту неравную битву, и человечество никогда не простит советской власти и ее вождям фактической погибели уникального озера. Конечно, за полвека такого гиганта не убьешь насмерть, но никогда уже не увидеть людям того Байкала, какой открылся впервые мне, коренному москвичу, в середине прошлого века. Седобородые почтенные академики учили тогда нас, молодых, поставить на службу человеку все силы и ресурсы природы. Призывы «не ждать милостей» от нее висели даже в кинотеатрах.

Знаменитый геолог В.А. Обручев (автор столь популярной «Плутонии», где ученые, попав во вновь открытый мир, буквально устилают свой путь трупами неведомых науке животных) в своем завещании молодежи мечтал о том времени, когда человек научится управлять погодой. Кто только — от школьных учителей до руководителей страны — не внушал, что тайге с ее замшелым хламом и комарами нет места в нашем светлом будущем. В тексте отчетного доклада, подготовленного умными головами для выступления Брежнева на очередном съезде КПСС, где часто звучали дежурные фразы об охране природы, помнится, было сказано, что живая природа должна представлять собой не что иное, как «цветущий сад», и сей тезис сразу же подхватили, словно попугаи, не только газетчики, но и природоохранители. Во всех газетах были тогда дежурные рубрики «С любовью к природе», «Бережем природу», «Так поступают советские люди...» (посадили, например, где-то дерево, подобрали и выходили брошенного птенца или звереныша — что общего тут с охраной-то?).

Не то теперь! Тему охраны природы начисто заменили санитарно-гигиенические аспекты, связанные с «окружающей средой», качеством воды и воздуха, всевозможными загрязнениями — от дымовых до шумовых. Слово «экология» — будь она «хорошая» или «плохая»! — стало поистине безразмерным и беспредельным, оно затаскано так, что каждый может его понимать по-своему. С легкой руки академика Д.С. Лихачева (Царствие ему Небесное) пошло гулять понятие «экология культуры» (варианты — литературы, театра, кино), хотя не грех было бы обратить внимание на **культуру экологии**. Огромная рать оставшихся не у дел философов-марксистов переместилась на экологическую тематику, ибо в охране природы, как и в футболе, оказывается, разбираются все... Даже профессиональные зоологи и ботаники, учитывая трудности и тяготы дней текущих, были вынуждены искать себе совсем новые экологические ниши. Пример тому — массовая разработка всевозможных «Красных книг» и их бесчисленных разновидностей (от книжек-раскрасок для дошколят до вузовских учебных пособий). Когда-то начиналось с единой общегосударственной книги, в которую заносились редкие и исчезающие виды животных и растений (учтем, что книга эта должна представлять сигнал бедствия!). Вслед за ней возникли Красные книги республик — сперва союзных, потом и автономных. С появлением в новой России самостоятельных «субъектов Федерации» наступил черед краевых и областных Красных книг, а теперь составляются таковые для... городов (например, Москвы), районов, а там, видимо, дойдет и до сельсоветов, улиц, отдельных домов... Не вникая в детали, заметим только, что все приводимые в этих **красивых** и **очень дорогих** книгах сведения требуют постоянного обновления, стало быть, их надо дополнять, переделывать и переиздавать — вот вам и широкий фронт работ для профессионалов, и это при нынешнем-то развитии информатики!

Нет более медленного и затратного способа распространения такого рода сведений, чем типографские переиздания с красивыми картинками и картосхемами. Почему не публиковать и не запускать в интернет лишь конкретные списки и материалы, рассчитанные на специалистов и распространяемые именно для них, а не для широкой публики, часть коей использует Красные книги в качестве пособий отнюдь не охранительного свойства? Ведь редкие виды растений и животных пользуются особым спросом, на них можно очень неплохо заработать. Поэтому эти книги бедствий подчас превращаются в пособия для браконьеров. Но это — частный пример.

Еще больше злоключений происходит с особо охраняемыми природными территориями — до недавнего времени едва ли не основной и наиболее реальной формой сбережения природы. В свое время (примерно когда вышла в свет наша с Н.Ф. Реймерсом монография «Особо охраняемые природные территории». М., Мысль, 1978) в стране имелось несколько широко известных форм и объектов территориальной охраны — заповедники, заказники, памятники природы, защитные и запретные зоны. Теперь же недавно изданный официальный справочник насчитывает до 250 категорий ОПТ (охраняемые природные территории — аббревиатура эта стала общепринятой).

Согласно нынешнему законодательству, «природно-заповедный фонд» нашей страны составляется из всей суммы ОПТ, среди которых явно преобладают земли, где продолжается разнообразная хозяйственная деятельность. Тем самым, по сути, исчезло, как бы «растворилось» принципиальное понятие о строгой **заповедности**, представляющее собой **полное** прекращение какого-либо хозяйства (включая и туризм как несомненную и активную форму людской деятельности). Каждый из ста ныне действующих российских заповедников — от первого из них, Баргузинского, созданного на исходе царской власти, до последнего, «Эрзи» в Ингушетии, организованного в декабре 2000 г. (заметим кстати, что уже почти три года, как в стране не создано ни одного нового заповедника!), — возникал и утверждался в долгих муках. Их предназначением было прежде всего избавить природные участки различных регионов и ландшафтов от воздействия человеческих рук, дать возможность природе творить и действовать по собственному усмотрению.

Классики нашего отечественного заповедного дела считали первостепенным условием подлинной заповедности изначальный принцип **неприкосновенности заповедной природы**, не терпящей вмешательства наших рук, остающихся торопливыми и суетливыми даже в тех случаях, когда они действуют из самых лучших побуждений и намерений. У природы иные мерки, иной отсчет времени.

Основополагающий для заповедников принцип неприкосновенности был грубо отвергнут и сметен еще в начале сталинских пятилеток, а в настоящее время считается не более чем анахронизмом и не рассматривается всерьез даже в новейших словарях-справочниках. Каждый государственный заповедник не только имеет свою территорию со всевозможными природными объектами, но представляет собой определенное официальное **предприятие** с довольно большим штатом работников, занимающихся отнюдь не только охраной и наукой, но и своего рода хозяйственной деятельностью. Иные наши заповедники имели гораздо больше транспорта и строений, чем соседние колхозы или совхозы.

Будучи в советское время всегда строго бюджетными организациями, заповедники оказались в очень трудном положении на новых этапах социально-экономического развития страны, когда внимание к ним государства ослабло и финансирование резко сократилось. Их главной задачей стало самое элементарное «выживание».

Казалось бы, в гораздо более выгодных в материальном отношении условиях находятся национальные парки, которые начали создаваться в Российской Федерации только в начале 1980-х гг. (их сейчас в стране насчитывается 35). Они могли бы не только

сохранять природу и содействовать общению с нею населения, но и давать при этом определенный экономический эффект. Однако наши традиции природопользования, не говоря уже о сложностях правового и экономического регулирования, таковы, что эти парки тоже едва сводят концы с концами. Попробуйте-ка доказать приезжим (а тем более — местным) людям, что за пользование природными благами, например, теми же грибами-ягодами, следует платить, причем не символически, а по рыночным условиям. На вилы поднимут!

И все-таки исконные отечественные принципы строгой заповедности (в кратчайшем виде они выражены знаменитой фразой из словаря Даля — «Помни праотцев — заповедного не тронь!») сохраняются, несмотря ни на что, ибо они соответствуют духовным российским идеалам, преодолению жажды непомерного потребления. Неспроста на новом витке нашей истории мы видим нападки на само понятие заповедности, испытываем всевозможные «искушения», начиная от щедрой помощи западных фондов, исповедующих совершенно иные устои и ценности, до прямой измены своих же специалистов-экологов, ратующих за различные формы использования наших заповедников в практических целях. Но всего опаснее при этом тенденция некоторых ведомств к объединению («конвергенции») государственных заповедников с национальными парками, непосредственно предназначенными для прямого общения людей с природой. Именно такие парки были призваны оградить заповедники от наплыва жаждущих приобщиться к природным красотам, в действительности же происходила подмена понятий и смешение функций в деятельности этих учреждений.

Поскольку национальных парков в стране сравнительно мало (в три раза меньше, чем заповедников), многие субъекты Федерации стали создавать «свои», так называемые «природные» парки, что предусмотрено Законом об ОПТ, принятым в 1995 году. Число таких парков быстро превысило количество имеющихся федеральных, но их статус и характер деятельности остается весьма неопределенным, эта форма ОПТ носит своего рода «поисковый» характер, причем говорить о заповедности в них чаще всего вообще не приходится. Например, в Республике Алтай даже сам термин «природный парк» заменен понятием парка «природно-хозяйственного» — комментарии, как говорится, излишни! Говоря объективно, провести сейчас четкую грань между охраняемыми и хозяйственными территориями вообще невозможно, тем более что понятие абсолютной заповедности, как уже сказано, юридически почти утрачено.

1.12. «Помни праотцев — заповедного не тронь!» (К продолжению давнего спора о проблемах заповедного дела)*

Миновало более пяти лет после публикации полемической статьи известного знатока проблем охоты и охраны природы доктора биологических наук В.В. Дёжкина «Назойливые проблемы (к концепции заповедного дела)» в №3–4 журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1999 г. Впрочем, острота заповедных проблем и забот за это время только возросла. Помнится, профессор А.Г. Банников советовал коллегам писать о заповедниках только «самое хорошее», чтобы у власть имущих с этим понятием были связаны исключительно положительные эмоции. Не то теперь, когда заповедники стали для нас сплошной болью и бедой, оставаясь тем не менее последней опорой реальной охраны природы. «Заповедники — это наш Сталинград!» — провозгласил знаменитый журналист-эколог Василий Песков, даже обращавшийся к президенту страны с

* Охота и охотничье хозяйство. 2005. № 1. С. 12–14.

воззваниями на эту тему (правда, ответа он, увы, не получил, зато откликов читателей оказалось множество).

В.В. Дежкин предложил, по сути, классифицировать наши заповедники и режим этих учреждений в зависимости, главным образом, от состояния природных комплексов и их нарушенности антропогенной деятельностью. В самом деле, каждый из 100 ныне официально существующих заповедников самобытен и неповторим, их разнообразие (как природное, так и по своей общественно-культурной значимости) исключительно велико. Но ведь именно это и не дает возможности осуществить рекомендуемую автором дифференциацию, хотя такого рода предложения имеются в научной литературе по заповедному делу (от Д. Соловьева до О. Гусева и С. Стойко). Дело в том, что один и тот же заповедный объект, как правило, **совмещает в себе** признаки самых разных категорий: он может быть в какой-то своей части эталоном природы, в другой представлять участки, нарушенные человеком, в третьей эти признаки как бы сливаются воедино... Оппоненты В.В. Дёжкина (К.П. Филонов и другие) не раз возражали ему из опасений, что всякая «перетряска» в наших условиях неизбежно ухудшает реальное положение дел («хотелось как лучше, получилось как всегда»), но это лишь одна сторона медали. Другая причина в том, что такого рода консерватизм более соответствует классическим понятиям о заповедности, тогда как стремление к различным усовершенствованиям, «упорядочению» и — особенно! — рациональному регулированию (управлению) природными комплексами в принципе враждебно подлинной охране природы. Здесь мы неизбежно переходим от прагматики материализма (которым от начала до конца проникнуты все работы уважаемого В. В. Дёжкина) к явному идеализму и духовно-поэтической сфере. До недавних пор превосходство первого подхода признавалось однозначно и полностью, но сейчас ситуация изменилась, свидетельством чему могут быть, например, выступления В. Борейко в защиту прав и свобод дикой природы самой по себе. Крайности всегда опасны, но нельзя отрицать значимость морально-нравственных основ российских постулатов заповедания природы, главным признаком которых является «великий и ужасный» **принцип неприкосновенности**. Его можно отрицать и отвергать любыми научными доводами, но это ни к чему не приведет, ибо формула «заповедного не тронь» лежит вне рационального пространства, **«заповедность проходит через наши души»** (кстати, эти слова принадлежат одному священнослужителю — бывшему работнику Кавказского заповедника).

В недавних статьях В.В. Дёжкина, А.С. Исаева, В.М. Пескова перечислено немало бедствий, присущих современному заповедному делу. Авторы приводят много ценных указаний и советов для выхода из нынешней тяжелой ситуации. Конечно, заповедникам нужны и надежное ведомственное управление, и достойное государственное финансирование, но все-таки основные первопричины нынешнего кризиса лежат не в этом. Их определяет прежде всего принятый в начале 1990-х гг. официальный курс на замену основ отечественного заповедного дела принципиально иным, присущим тем странам, где, по сути, никогда не было заповедников нашего типа и где в основе деятельности подобных учреждений лежат не научные или духовные, а сугубо потребительские интересы. Конкретно это выражается сейчас уже не в первоначальной «конвергенции», а в полном стирании граней между заповедниками и национальными парками, в замене примата «заповедной науки» на экопросвещение (кстати сказать, весьма примитивное и убогое, о чем можно судить даже по столичному национальному парку «Лосиный остров») и экотуризм. Как провидчески писал еще в 1996 г. один из наиболее авторитетных в данной сфере экологов проф. Ю.Г. Пузаченко, *«разрушение базовых идей заповедания и системы заповедников происходит, по существу, изнутри»* (добавим к этому активную поддержку такого процесса зарубежными доброхотами, которые легко и сравнительно дешево находят себе сторонников в лице многих наших экологов и других специалистов). Скажем

сразу, что такие парки следует признать более значимой и даже главенствующей формой ОПТ, у них много общего с заповедниками, но гораздо важнее понять их основное различие: парки создаются для общения людей с природой, а заповедники обязаны таковое прекратить **во всех проявлениях**.

В данных условиях пытаться что-либо оспорить, остановить, а тем более изменить к лучшему практически невозможно. Заповедники есть часть общества и эволюционируют заодно с ним. Поэтому хотелось бы далее отвлечься от сегодняшнего дня с его заботами и для наглядности представить себе сугубо гипотетическую картину из некоего «прекрасного далека», не предопределяя ни его временных сроков, ни даже будущего общественного устройства. Просто вообразить себе, будто свершилось чудо «экологической альтернативы» (по Н.Н. Моисееву, продолжателю великого Вернадского), после коего охрана природы заняла должное место.

Однако прежде чем предаться таким мечтаниям, еще два слова полемики с В.В. Дёжкиным, точнее с недавно изданным словарем «Заповедное дело», написанным им вместе с В.В. Снакиным, автором словаря-справочника «Экология и охрана природы» (М., 2000), единственного, где отыскалась статья «Абсолютное заповедание», составленная в тоне скептическом. У двух авторов, при всем их внимании к заповедным делам, такой статьи нет.

Книга «Заповедное дело» (М., 2003, положительная рецензия Ю. Лихацкого в журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 2 за 2004 г.) имеет подзаголовок: «Толковый терминологический словарь-справочник с комментариями». В том, что это издание в целом полезно, нет никаких сомнений, но, пожалуй, было бы правильнее назвать его «информационно-дискуссионным», ибо большинство статей написано в ключе полемическом, когда приводятся разноречивые толкования, из коих читателю предлагается предпочесть то, которое больше нравится авторам. Но где гарантия в его справедливости и «что есть истина?». Поэтому назвать эти тексты и книгу в целом «справочником», на наш взгляд, трудно. Часто упрекая своих оппонентов в субъективности, авторы (во всяком случае, первый из них), вольно или невольно грешат этим же, здесь уместно вспомнить совет врачу: «Исцелися сам». Правда, в научных публикациях всегда присутствует элемент личности автора, бросающий отблеск на его деятельность. Зато информативность обсуждаемой книги высока, это ее главное достоинство.

Теперь обратимся к чисто условному «далёко». При всем уважении к нашей на самом деле замечательной и уникальной заповедной системе (имея в виду именно сегодняшние 100 государственных природных заповедников, не затрагивая ничего другого), нет уверенности в том, что она сохранится. Трудно предвидеть, станет ли их меньше или больше, но заповедники будущего надо видеть прежде всего **подлинно заповедными**, настоящими лабораториями природы, в которых полностью отсутствуют любые формы прямых ее контактов с людьми. Заповедники эти не могут занимать больших площадей, научные исследования ведутся преимущественно с помощью редко проверяемых приборов, аэро- и космических съемок, посещение их строжайше ограничено, никакого туризма и просвещения там быть не может. Останутся в прошлом и сами былые заповедники как государственные учреждения с большими коллективами и неизбежными склоками. Охрана осуществляется извне. Местоположение и деятельность этих сугубо научных заповедников не предается широкой огласке, не афишируется в средствах массовой информации, финансовое обеспечение исключительно бюджетное, предполагаемое ведомство — Академия наук или соответствующее министерство. Само собой — только государственное землепользование, недопустимость приватизаций. Наряду с заповедниками возможно существование в той же системе **биосферных резерватов**, включенных в глобальную международную сеть. В них могут иметь место заповедные «ядра» или участки.

Основное звено в будущей системе ООПТ — национальные и природные парки, занимающие довольно большие пространства в зависимости от природно-ландшафтных условий и не зависящие от административных границ (областей или губерний). На землях, принадлежащих непосредственно паркам, обязательно выделяются заповедные объекты, участки или зоны. Примерами расположения национальных парков в Европейской части России могут быть территории известных лесных массивов — таких, как Усманский бор, Брянские леса, Жигулевские горы. Такие парки видятся самостоятельными государственными организациями, совмещающими в своей деятельности функции как нынешних национальных парков, так и заповедников, то есть они многофункциональны (охрана, просвещение, экотуризм, наука, строго регулируемый бизнес). Государственное управление осуществляет специальное ведомство (Министерство или Комитет), располагающее не только опытными чиновниками, но и научно-методическими учреждениями. Важным условием деятельности этой системы является охрана не только природы, но и всех культурно-исторических объектов (без нынешнего ведомственного деления на природу и культуру, с объединением всех «музеев под открытым небом»). Здесь полный простор для просвещенцев и экотуристов, издателей книг, альбомов и буклетов, различных форм мелкого частного бизнеса, направляемого в интересах общего природоохранного дела. Перспективы развития этой системы во всей стране, особенно же на Крайнем Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, поистине безграничны. Большинство наших «концепций заповедного дела», таких, как значимость ООПТ для местного населения, принципы Севильской стратегии, возможно, образование «экосетей» и «экокаркасов» относятся прежде всего к национальным и природным паркам, но не к подлинным заповедникам.

Конечно, «неприкосновенными» могут быть и некоторые «точечные» памятники природы, тогда как основная их часть, равно как все категории заказников, такого строгого режима иметь не будут. Юридически заповедность определяется прежде всего правами землепользования, тогда как национальные парки (как и теперь) сочетают на своей территории участки разного режима, это же касается и заказников, на землях которых хозяйственное использование обычно только регулируется, не прекращаясь.

Насколько далеко все это от сегодняшних реалий, можно видеть даже на примере злободневной борьбы с дачной застройкой вблизи подмосковных водоемов. Газеты захлебываются от сообщений о самовольном заселении «заповедных мест», хотя на самом деле в Подмосковье имеется только единственный крохотный Приокско-Террасный заповедник (ни могучее МСХ СССР, ни тем более Минприрода или Госкомэкология РФ так и не смогли его расширить, несмотря на многочисленные попытки). И вот свежая цитата: «Олег Репченко, эксперт компании «Индикатор рынка недвижимости», также полагает, что решить проблему можно только экономическим путем: если человек хочет жить в заповеднике или на берегу озера — пусть живет. Государство может просто установить цену на эту привилегию, расписать условия экологических норм и следить, чтобы они соблюдались» (Известия. 2004. 30 июня). В самом деле, все уже позастроили, а вода из кранов литься пока не перестала.

...Рискуя навлечь на себя гнев руководства и коллег по Институту проблем экологии и эволюции РАН, отлично представляя скептическую усмешку деятелей из наших экологических и природоохранных центров и фондов, осмелюсь сказать, что вынесенные в заголовок пять слов из Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля представляются сегодня значительнее «премногих томов», созданных нашей наукой и общественностью в сфере заповедного дела.

2. Практика заповедного дела: проектирование природных заповедников, формирование заповедной сети России

2.1. Проектирование и организация заповедников*

Организация и будущая деятельность любого заповедника связаны с проектно-изыскательскими работами, от которых в большой мере зависит реальность выполнения возлагаемых на него задач.

В проекте организуемого заповедника дается обоснование выбора территории, его площади и границ, характеризуются направления будущей деятельности, порядок финансирования, прилагаются карты, разнообразная официальная документация и другие материалы.

Если проблема рационального размещения сети заповедников целиком относится к прерогативам науки, то проектные изыскания и процесс организации заповедников совмещают как научные, так и технические и юридические аспекты. Поэтому в них должны принимать участие специалисты разных профилей и представители директивных органов, выносящих официальные решения.

Работы по проектированию и организации заповедников в нашей стране ведутся давно, и в этой области накоплен значительный опыт. К сожалению, до последнего времени он был мало отражен в литературе и оставался необобщенным.

Проектирование заповедников на всех стадиях опирается на законодательство, действующее в области охраны природы, а также на соответствующие положения земельного права (Колбасов, 1970, 1975, 1976; Земельное право, 1971; Емельянова, 1975а, б; Дегтярев, 1975). Важные для проектирования заповедников указания приводятся в своде «Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» (1968), земельных кодексах и специальных законодательных актах об охране природы, принятых во всех союзных республиках.

В этих нормативных актах имеются специальные разделы, касающиеся организации и деятельности заповедников. Так, статья 9 «Закона об охране природы в РСФСР» определяет, что территории государственных заповедников **«навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях»**[1]. Разрешение на организацию заповедника на территории Российской Федерации санкционирует Совет министров РСФСР после согласования этого вопроса с Госпланом СССР[2].

В соответствии с действующим законодательством земли государственного земельного фонда разделены на шесть категорий соответственно их целевому назначению. Земли заповедников входят в категорию земель несельскохозяйственного назначения, так называемых земель «промышленности, транспорта, курортов, заповедников и иного несельскохозяйственного назначения» (Основы земельного законодательства..., 1968, ст. 4).

При обсуждении в конце 60-х гг. нового земельного законодательства предлагалось выделить специальную категорию «природоохраняемых земель», но это не было осу-

---

* Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 183–189.

[1] Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 586 (Охрана природы, 1971).

[2] Постановление Совета министров СССР от 10 июня 1961 г., № 521 (СП СССР, 1961, № 10, ст. 82).

ществлено. Между тем создание государственных заповедников всегда связано с изменением целевого назначения земель, с переводом их из одной категории в другую путем изъятия и отвода. На этих важнейших актах землепользования основывается порядок организации новых заповедников.

Статья 40 «Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» и статья 108 «Земельного кодекса РСФСР» (1970) признают землями заповедников «**выделенные в установленном порядке участки земли, в пределах которых имеются природные объекты, представляющие особую научную или культурную ценность (типичные или редкие ландшафты, сообщества животных и растительных организмов, редкие геологические образования, виды растений, животных и т. д.)**».

Действующий ныне порядок организации заповедников в РСФСР определяется Постановлением Совета министров РСФСР от 23 марта 1974 г. за № 175, которым утверждено «Положение о порядке возбуждения и рассмотрения ходатайств о предоставлении земельных участков»[3]. Принятый согласно этому «Положению» порядок выделения и отвода земель отличается от практиковавшегося ранее требованием более строгого согласования еще в период, предшествующий проведению проектно-изыскательских работ.

Между тем выбор территории для создания будущего заповедника нельзя относить к непосредственному проектированию, поскольку проблема географического размещения заповедников — задача научных, а не проектных организаций. Однако ни один, даже самый подробный, научный план заповедной сети не может предусмотреть всех нюансов конкретного расположения заповедных участков. Поэтому в соответствующих планах, как правило, указывается лишь та или иная область, район и т. п.

В дальнейшем при знакомстве с районом на месте часто приходится сталкиваться с необходимостью изменения ранее намеченных планов и с большим числом возможных вариантов и предложений, сильно затрудняющих работу проектировщиков. Поэтому конкретному проектированию заповедников должно предшествовать биолого-экономическое обследование. Необходимость проведения таких обследований и согласований подчеркивается и ныне действующим порядком отвода и изъятия земель (Мизонов, 1974). При составлении для проектирования заповедников биолого-экономических обоснований особенно большую роль играют принимающие участие в обследовании территории биологи и географы.

Совет министров союзной республики, получив решение местных Советов депутатов трудящихся о желательности организации заповедника и соответствующее ходатайство, запрашивает мнение заинтересованных ведомств и республиканского Госплана и ставит проект нового заповедника на обсуждение. В случае положительного решения материалы направляются в Госплан СССР. После одобрения проекта Госпланом СССР (с внесением при необходимости поправок) Совет Министров союзной республики выносит постановление об организации данного заповедника с указанием площади и категории земель, изымаемых из хозяйственного использования у прежних землепользователей и предоставляемых для создания заповедника.

Таким образом, проектирование заповедников — весьма ответственная и сложная работа, требующая от исполнителей исключительной тщательности.

Процесс проектирования нового заповедника длится обычно долго и реализуется широким кругом исполнителей. Для выполнения этой задачи организуются специальные проектно-изыскательские экспедиции или группы, а иногда она решается силами местных специалистов.

---

[3] СП РСФСР, 1974, № 10, ст. 47.

Большой вклад в разработку основ проектирования заповедников принадлежит известному охотоведу Д.К. Соловьеву, принимавшему непосредственное участие в создании Саянского заповедника. Он оставил ряд публикаций на эту тему, не потерявших значения до наших дней (Соловьев, 1918, 1920). Много усилий в проектирование и создание новых заповедников вложили Ф.Ф. Шиллингер, А.П. Протопопов, М.П. Розанов, С.С. Туров, работавшие в экспедициях, организованных Главнаукой Наркомпроса РСФСР, Комитетом по заповедникам при Президиуме ВЦИК и Главным управлением по заповедникам.

В настоящее время проектированием заповедников на территории Российской Федерации занимается Центральная проектно-изыскательская экспедиция Главохоты РСФСР.

К проектированию заповедника приступают после официального обращения местных органов советской власти с кратким обоснованием целесообразности создания заповедника в данной области. Обычно эти материалы подготавливаются местной научной общественностью, нередко отделениями обществ охраны природы и другими организациями.

Процесс проектирования включает три этапа: подготовительный, полевой и камеральный.

Подготовительный период — это этап работы до выезда специалистов на полевые изыскания. На этом этапе готовится проектное задание и заключается договор между заказчиком и проектной организацией. В роли заказчика выступают, как правило, областное управление охотничьего хозяйства или же ведомство, заинтересованное в организации заповедника. Договор и проектное задание определяют сроки работ, основные требования к проекту, состав проектно-изыскательской партии и порядок финансирования.

Входящие в состав изыскательской партии специалисты должны в этот период проектирования детально ознакомиться с литературой, а также ведомственными и архивными материалами по району предстоящих обследований[4].

Период полевых изысканий начинается после проведения в облисполкоме специального совещания с участием представителей изыскательской партии, заинтересованных ведомств и организаций. Принятые на совещании решения служат официальным основанием для проведения полевых работ на той или иной территории.

Полевой период обычно длится 3–4 месяца. В течение этого времени производится сбор материалов для характеристики природных условий и оценки особенно примечательных природных объектов с тем, чтобы обосновать целесообразность организации заповедника в данной местности.

Для общей характеристики флоры и фауны будущего заповедника изыскательская партия должна провести ботанические, зоологические и другие научные исследования и затем сопоставить личные наблюдения с имеющимися в литературе сведениями, что позволит уточнить предварительные данные о состоянии ценных объектов.

При проектировании, например, Таймырского заповедника нами были проведены количественные учеты диких северных оленей и выявлены основные места концентрации на гнездовании краснозобых казарок. В Западной Сибири на Малой Сосьве были обследованы места поселений аборигенных речных бобров. В районе горного массива Сохондо в Забайкалье выявлены редкие виды альпийских растений.

---

[4] Методики специальных обследований, а также подготовки экспедиций мы здесь не касаемся. Из полезных книг в первую очередь следует назвать «Справочник путешественника и краеведа», т. 1-2 (1949, 1950), руководство Г. А. Новикова (1953) и книги «Полевая геоботаника» (1959–1972).

Главная задача полевого периода проектирования — уточнение площади и границ будущего заповедника. К сожалению, научные принципы определения минимально допустимых размеров заповедных территорий для разных типов ландшафтов пока не разработаны.

В свое время при организации охотничье-промысловых таежных заповедников важнейшими условиями считали большие размеры территории и набор разнообразных биотопов, что должно было создавать предпосылки для восстановления и дальнейшего роста численности промысловых животных и их последующего расселения в прилегающие к заповеднику районы (Соловьев, 1920). При определении границ заповедника большое значение придавалось также учету сезонных и других перемещений животных с тем, чтобы пути их миграций не выходили за пределы заповедной территории. В тех же случаях, когда протяженность миграционных путей была очень велика, основным условием считалась обеспеченность района местами, пригодными для массового размножения (отёла, гнездования). Последнее условие послужило основным при выдвижении «пясинского» варианта проектируемого Таймырского заповедника, названного так в связи с предложением включить в состав этого заповедника большого массива тундр по левобережью Пясины, где в большом количестве гнездится краснозобая казарка — редкий, эндемичный вид с ограниченным ареалом и неуклонно сокращающейся численностью.

Не отрицая важности учета всех этих условий, от которых в большой мере будет зависеть, сможет ли заповедник обеспечить сохранение тех или других редких видов, следует подчеркнуть, что в настоящее время особенно большое значение придается эталонной функции заповедника. В связи с этим на первый план выдвигается требование типичности природы заповедника для провинции, подзоны или зоны, которые он призван характеризовать.

Все остальные требования (в отношении существования на территории заповедника уникальных природных объектов — редких видов растений и животных, интересных геоморфологических образований, уникальных ландшафтов) остаются важными дополнительными критериями.

Исходя из эталонных функций заповедника, минимально допустимый параметр его территории должен соответствовать параметру такого участка того или иного ландшафта, который может существовать как саморегулирующаяся экологическая система. Вполне понятно, что в условиях биологически малопродуктивных северных природных зон размеры заповедника должны быть гораздо крупнее, чем в богатых жизнью южных лесах.

Указать точные параметры заповедников применительно к разным природным условиям мы пока не можем. Обосновать их путем построения экологических пирамид невозможно без точного знания интенсивности потока энергии, запасов биомассы, продуктивности и других показателей. В качестве самого грубого приближения можно ориентироваться на размеры охотничьих участков крупных хищников, например волка или рыси, принимая за минимально допустимый размер заповедной территории десятикратную величину такого участка.

Практически же площадь заповедника часто определяется отнюдь не экологическими соображениями, а исходя из общей хозяйственной освоенности региона. Поэтому в центральных и южных частях европейской территории СССР площади отдельных заповедников редко превышают 25–30 тыс. га, а часто бывают и значительно меньше (Центрально-Черноземный — 4,8 тыс., Приокско-Террасный — 4,9 тыс., Волжско-Камский — 9,4 тыс., Хоперский — 16,2 тыс.). Зато в условиях Сибири заповедники могут быть площадью больше 200 тыс. (Баргузинский — 263,2 тыс., Саяно-Шушенский — 389,6 тыс., Алтайский — 863,7 тыс.).

Естественно, что в условиях все более возрастающего освоения природных ресурсов страны выделение площадей под заповедники становится очень трудным делом. Например, Сихотэ-Алинский заповедник должен был по первоначальному проекту занимать 3,5 млн. га, с 1935 по 1951 г. его территория составляла 1,8 млн. га, а теперь — всего около 0,3 млн. га.

По приближенным расчетам, основанным главным образом на опыте проектирования заповедников за последние 10 лет, в качестве первых ориентировочных прикидок возможные размеры заповедных территорий в различных регионах РСФСР (с учетом их природных и экономических условий) могут быть следующими:

в Арктике, неосвоенных тундрах азиатской части страны, отдельных участках горной тайги — не менее 500 тыс. га;

в отдельных районах равнинной и горной тайги в малоосвоенных регионах азиатской части страны — не менее 200 тыс. га;

в горах юга Сибири и Дальнего Востока — не менее 100 тыс. га;

на Урале, в освоенных районах Сибири, Европейского Севера, отдельных высокогорных районах Кавказа — не менее 50 тыс. га;

в центральных районах европейской территории СССР и большей части высокогорных районов Кавказа — не менее 10 тыс. га.

Уточнение границ намеченной под заповедник территории может быть проведено путем ее наземного обследования или путем облета. Последнее может быть рекомендовано для горных или обширных равнинных районов. Наиболее удобны вертолет Ми-1, самолеты Як-12 и Ан-2. При полетах следует пользоваться топографическими картами масштаба не мельче 1 : 300 000. Прежде всего следует осмотреть намеченную территорию в целом, произведя облет ее по периметру с последующим пересечением наиболее интересных участков. Обычно для этого достаточно одного-двух вылетов (4–6 летных часов); в отдельных случаях обзор территории можно сочетать с авиаучетом некоторых охотничье-промысловых животных.

Границы заповедника предпочтительнее проводить по водоразделам, стремясь к тому, чтобы заповедник был расположен в пределах одного речного бассейна. Однако это далеко не всегда выполнимо. Следует учитывать также перспективы организации охраны заповедника, расположение населенных пунктов, дорог, троп и т. п.

Один из наиболее сложных и трудоемких разделов проектирования — сбор материалов, необходимых для составления землеустроительного дела. Эта работа выполняется в лесхозах, леспромхозах, колхозах, совхозах, отделах землеустройства и т. п. Учитывая принципиальные интересы охраны природы, необходимо тем не менее реально подходить к проблеме создания заповедника, всесторонне учитывать возникающие трудности и тем самым предотвращать конфликтные ситуации. Опыт показал, что в случае конфликта с интересами хозяйственных организаций проект заповедника обычно не удается воплотить в жизнь.

Наибольшие трудности возникают в случае необходимости изъятия из хозяйственного пользования сельскохозяйственных угодий, а также лесов, закрепленных в качестве лесосырьевых баз за леспромхозами. В отдельных случаях против намечаемого заповедания территории могут возражать представители рыбного и охотничьего хозяйства. В связи с широко развитыми в нашей стране геологоразведочными работами большое внимание следует уделять также согласованию проектов заповедников с организациями Министерства геологии и охраны недр.

При проектировании заповедников необходимо учитывать интересы развития туризма и отдыха трудящихся. В соответствии с природоохранным назначением заповедников необходимо избегать включения в их пределы объектов, особенно привлекательных для туристов и местного населения. Еще Д.К. Соловьев (1920) указывал, что при

организации заповедников необходимо учитывать интересы и традиции местного населения, поскольку это позволяет избежать впоследствии многих осложнений.

Заповедник предпочтительнее учреждать в границах одного административного района. Населенные пункты и дороги общего пользования, если они имеются в пределах заповедника, составляют особую категорию земель. Центральную усадьбу заповедника желательно размещать на его территории или в непосредственной близости от нее. Если опыт создания поселков для сотрудников заповедника в большом отрыве от ближайшего достаточно крупного населенного пункта не всегда себя оправдывал (трудности со снабжением, обучением детей, оказанием медицинской помощи, доставкой почты и т. п.), то и перемещение центральной базы заповедника в ближайшие к заповеднику крупные населенные пункты нельзя считать правильным. Проводить в заповеднике научные работы экспедиционным способом — это значит лишиться возможности использовать главное преимущество заповедной системы— вести непрерывные и постоянные наблюдения. Экспедиционный способ наблюдений может быть оправдан только в особенно суровых условиях, например в Арктике или высоко в горах. Оптимальным решением представляется устройство центральной усадьбы в небольшом, но благоустроенном поселке близ границ заповедника, имеющем постоянные пути подъезда.

Одновременно с выбором места усадьбы намечается сеть кордонов, опорных пунктов и баз. Для этого желательно использовать пустующие или освобождающиеся строения (бараки, избушки и др.) на территории будущего заповедника. После завершения полевых работ в районном и областном центрах проводится обсуждение результатов обследования, и в оптимальном случае принимается окончательное решение о целесообразности организации заповедника. Однако принимать такие решения и тем более направлять соответствующие ходатайства в Совет министров республики правильнее лишь после представления экспедицией окончательного проекта.

Камеральный период заключается в подготовке проекта, картографических материалов и землеустроительного дела. Основа проекта — объяснительная записка. Она обычно содержит следующие разделы:

Введение (сроки, объем работ, состав партии и т. п.).

1. Возможные варианты организации заповедника, их анализ и сопоставление. Подробное обоснование лучшего из них.

2. Физико-географическая характеристика территории проектируемого заповедника (границы, площадь, экспликация земель, рельеф, климат, гидрография, почвы).

3. Растительность.

4. Животный мир.

5. Экономико-географическая характеристика (численность населения на территории проектируемого заповедника и в соседней местности, основные отрасли хозяйства и т. п.).

6. Природные объекты, нуждающиеся в особенно строгой охране и изучении.

7. Рекомендации по внутрихозяйственной организации заповедника (место центральной усадьбы, устройство территории, необходимые штаты и средства, финансирование).

8. Основные направления научных исследований.

Заключение, список литературы, включая рукописи.

Важнейшая часть проекта — землеустроительное дело, содержащее всю официальную документацию, связанную с изъятием и отводом земель[5],— обычно представляется в виде отдельного тома, прилагаемого к объяснительной записке.

---

[5] Полный перечень документов, включаемых в землеустроительное дело, приводится в упомянутом «Положении о порядке возбуждения и рассмотрения ходатайств о предоставлении земельных участков».

Физико-географический очерк включает лишь те материалы, которые имеют непосредственное отношение к проектируемой территории.

Подробнее характеризуются растительность, животный мир, особенно ценные природные объекты; рассматриваются основные вопросы внутрихозяйственной организации.

Картосхемы предпочтительнее включать в проект, а не давать отдельным томом. Их изготовляют в мелком и крупном масштабах. На обзорной карте мелкого масштаба показывают местоположение проектируемого заповедника, а на крупномасштабных — маршруты обследований, намечаемые границы заповедника, варианты его размещения, преобладающие типы растительности, расположение особо ценных участков или объектов, план внутрихозяйственной организации.

Готовый проект и том, посвященный землеустройству, представляют на рассмотрение исполкома областного (краевого) Совета депутатов трудящихся или Совета министров АССР. Если эти инстанции принимают положительное решение в отношении организации данного заповедника, то областные организации направляют проект, решение о желательности создания заповедника и соответствующее ходатайство в Совет министров республики, и на этом этап проектирования заканчивается.

Общая продолжительность проектных работ, судя по опыту Центральной проектно-изыскательской экспедиции Главохоты РСФСР, составляет 10–12 месяцев, из которых более половины уходит на предварительный и полевой периоды. Стоимость проектирования крупного заповедника в различных регионах Сибири, даже при значительном использовании авиатранспорта, не превышает 15–20 тыс. руб., что составляет не более 0,1 коп. на 1 га территории проектируемого заповедника.

2.2. Проектирование заповедников (на примере Таймырского)*

...Когда-то Фритьоф Нансен, любуясь Сибирью, назвал ее страной будущего. В этом будущем, которое становится настоящим, мы хотим видеть не только грандиозные достижения техники, не только городские кварталы, но и всю пленительную красоту сибирской природы, неизменно покоряющую людские сердца. Невозможно, немыслимо представить себе Сибирь завтрашнего дня без саянских кедровников, хрустальных озер Путорана, наполненной птичьими голосами таймырской тундры.

Заповедники сегодня — передний край в деле охраны природы. Это те самые «зачарованные острова», куда не должна проникать хозяйственная деятельность, где земля предоставлена в распоряжение ее исконным обитателям — растениям и животным. Заповедные территории тоже служат людям, их значимость возрастает день ото дня и год от года. Вот почему ученые настойчиво говорят о необходимости создания заповедников в зоне Крайнего Севера.

В ближайшие годы намечена организация нескольких крупных заповедников и в материковых тундрах — на Таймырском и Ямальском полуостровах, в дельте Лены и на Чукотке[1]. Наиболее известным среди этих вариантов, несомненно, является Тай-

---

* Сокращенный вариант документальной повести с первоначальным названием «Долгие поиски», которая была издана отдельной книгой — «Свидание с Таймыром» (Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1979. 157 с.)

[1] Сейчас действует несколько тундровых заповедников: Таймырский (организован в 1979 г.), Путоранский (1988), Большой Арктический (1993) — на Таймыре, Верхне-Тазовский (1986), Гыданский (1996) и Ненецкий (1997) — в Ямало-Ненецком авт. округе, Остров Врангеля (1976) — в Чукотском авт. округе, Усть-Ленский (1985) — в Якутии.

мырский. И не случайно «полуостров сокровищ», как нередко называют Таймыр геологи, быстрыми темпами превращается в край интенсивного промышленного освоения. Давно нет белых пятен на карте Таймыра, все меньше остается участков, где не проявлялось бы воздействие человека на природу. И все-таки именно на Таймыре мы еще можем выбрать места, которые станут подлинным эталоном первозданной тундровой природы. ...Выявить и сберечь такие участки — наш долг перед ныне живущими людьми и будущими поколениями.

Большой жизненной удачей считаю участие в проектировании Таймырского заповедника, благодаря чему увидел чудесный мир тундры, близко познакомился с далеким прекрасным краем, который стал близок моему сердцу.

...Считаю долгом почтить светлую память профессора Бориса Анатольевича Тихомирова, известного ботаника, большого знатока природы Севера, автора первого официального проекта заповедника на Таймыре, а также выразить признательность своим спутникам по таймырским поездкам — В.А. Шестопалову, З.У. Танкачееву, А.И. Матюшину, Н.К. Носковой. В главном мы едины: заповедник на Таймыре необходим, и наше общее желание, чтобы он возник там как можно скорее...

* * *

Итак, 27 мая 1973 г. из Москвы в Красноярск вылетела группа специалистов, которым поручено проектирование Таймырского государственного заповедника. Начальник проектно-изыскательской партии — Закир Умарович Танкачеев, человек средних лет, медлительный, немногословный, мнение свое предпочитает держать при себе и не торопится его высказывать. Валентин Андреевич Шестопалов сравнительно молод, ему еще нет тридцати, он — зоолог, а по штатному расписанию значится инженером-охотоведом. Ведь проектирование заповедника выполняется Центральной проектно-изыскательской экспедицией Главохоты РСФСР[2]. Начальник этой экспедиции — Александр Иванович Матюшин — летит с нами, он будет принимать участие в совещаниях на первых этапах работы, а потом вернется в Москву. Это опытный, бывалый охотовед, энергичный, быстрый в движениях, несмотря на свои шестьдесят лет.

Остается представить и научного руководителя Таймырской проектно-изыскательской партии. Это ст. н. сотр. Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедника Главохоты РСФСР. Он же — лицо, именуемое автором. Таймыр — не первая для него поездка, связанная с устройством новых заповедников.

В 1970 г. вместе с А.И. Матюшиным и Б.П. Иващенко мы дружно «воевали» в Ханты-Мансийском национальном округе Тюменской области за создание заповедника «Малая Сосьва», а в 1972-м проектировали заповедник «Сохондинский» в Забайкалье[3].

...Да, Таймырский заповедник — объект непростой. Наша экспедиция — третья по счету, которая занимается его проектированием. В предвоенные годы он значился в плане заповедной сети страны; на одном из документов, хранящихся ныне в Центральном государственном архиве РСФСР, рукой заместителя начальника Главного управления по заповедникам В.Н. Макарова был даже проставлен год организации Таймырского заповедника — 1943-й. Увы, в 1943-м, в разгар военных действий, другие заботы оказались важнее, хотя все-таки именно тогда были созданы

---

[2] Главохота РСФСР — Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР.

[3] Сохондинский заповедник организован в декабре 1973 г., а заповедник «Малая Сосьва» — в начале 1976-го. О проектировании Сохондинского заповедника я писал в книге «Таежные дали» (М.: Мысль, 1976) и в ряде статей и очерков.

два новых заповедника на Урале. На Таймыр же вскоре после войны отправилась большая комплексная экспедиция Арктического, Ботанического и Зоологического институтов, участниками которой были известные исследователи Крайнего Севера — ботаник Борис Анатольевич Тихомиров и зоолог Василий Михайлович Сдобников. Базой для работ служила полярная станция в бухте Ожидания на северном берегу Таймырского озера. Там же находился тогда писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов, оставивший яркие зарисовки северной природы («Таймырский дневник» и др.). Комплексная экспедиция не занималась специально проектированием заповедника, но Б.А. Тихомиров и В.М. Сдобников по своей инициативе представили в 1949 г. Главному управлению заповедников при Совете министров РСФСР объемистую докладную записку под названием «Краткая характеристика природных условий Таймыра в целях организации Таймырского заповедника»[4]. Это и был самый первый проект, а точнее говоря — биологические обоснования к созданию заповедника на Таймыре. Ученые писали, что Таймырский заповедник должен взять под государственную охрану и навеки сберечь для потомства весь природный комплекс первозданной северной природы вместе с Таймырским озером, крупнейшим полярным водоемом, чтобы здесь по-прежнему бродили стада диких северных оленей, гнездились непуганые птицы, сохранялись нерестилища ценных рыб... Точные границы будущего заповедника не указывались, но по замыслу авторов он был огромен — свыше десяти миллионов гектаров, почти десятая часть всего Таймырского полуострова. Тогда же Б.А. Тихомиров указал на необходимость включения в заповедник уникального участка Ары-Мас на реке Новой, где располагаются самые северные в мире лиственничные редколесья. А в 1951 г. сеть заповедников страны была значительно сокращена, и об организации новых резерватов думать тогда не приходилось.

В 1956 г. специальная комиссия по заповедникам Академии наук СССР под руководством член-корр. АН СССР, известного ботаника Е.М. Лавренко разрабатывала новый проект развития географической сети заповедников Советского Союза. Одним из первых по зоне Арктики был включен в этот план проектируемый Таймырский заповедник, площадью около одного миллиона гектаров. Заповедник намечался в районе озера Таймыр в соответствии с прежним проектом Б.А. Тихомирова и В.М. Сдобникова.

«Это предложение целесообразно: в районе озера Таймыр контактируют арктические пустыни (равнинные и горные), арктические и кустарниковые тундры. Многие животные, живущие в этом районе, на зиму откочевывают к югу: таковы дикий северный олень, тундряная и белая куропатки. Поэтому встает вопрос об охране местных популяций указанных животных в их зимовьях, т. е. об организации филиала этого заповедника в лесотундре. В лесотундровый филиал Таймырского заповедника необходимо включить лесотундровое редколесье Ары-Мас, являющееся самой северной в мире точкой произрастания древесных пород (лиственницы даурской)» (Лавренко и др., 1958).

Красноярский крайисполком поддержал ученых. Центральная усадьба Таймырского заповедника намечалась тогда в Усть-Тарее, на Пясине, а основная территория должна располагаться восточнее, в бассейне Верхней Таймыры.

Шли годы. Все чаще звучали настойчивые предложения о создании новых заповедников, и вот в 1966 г. директор Научно-исследовательского института сельского хозяйства Крайнего Севера МСХ РСФСР[5] П.Н. Востряков и ст. н. сотр. М.Х. Геллер вновь предложили создать заповедник в Таймырском национальном округе, но уже не в рай-

[4] Центральный гос. архив РСФСР. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 716.

[5] Далее в ряде случаев мы будем называть этот институт сокращенно — НИИСХ.

оне озера Таймыр, а в западной его части, в Междуречье рек Пура и Пясины, к северу от речки Агапы. Площадь заповедника по этому, пясинскому, варианту должна была составлять 3,1 млн. га, основной его задачей являлась охрана тундровой фауны — дикого северного оленя, песца, водоплавающих птиц, рыб. В качестве центральной усадьбы заповедника предлагался поселок Агапа на реке Пясине. Так возникли два основных варианта создания заповедника на Таймырском полуострове: прежний — восточный — в районе озера Таймыр и западный — в бассейне Пясины.

Предложение норильчан заинтересовало Главохоту РСФСР, и уже в 1967 г. та же центральная проектно-изыскательская экспедиция при участии А.И. Матюшина взялась за конкретное проектирование заповедника на Пясине. К этой работе подключились ученые — д. б. н. Савва Михайлович Успенский, работавший в то время в Московском государственном университете, Григорий Дмитриевич Якушкин из норильского Института сельского хозяйства Крайнего Севера и некоторые другие. Экспедиция провела обширные авиаобследования и учеты численности диких северных оленей, после чего обосновала целесообразность создания Пясинского заповедника площадью в 2,9 млн. га. К югу от намечаемого в Пуринско-Пясинском междуречье заповедника должно было располагаться специальное охотничье-промысловое хозяйство — Таймырский госпромхоз, основным объектом деятельности которого намечались сильно увеличившиеся за последние годы запасы диких северных оленей. Количество оленей настолько возросло, что пастбища не всегда могли их прокормить.

Ленинградские ученые, узнав, что заповедник собираются создавать на Пясине, стали активно отстаивать свой прежний вариант. Они писали тогда, что именно район озера Таймыр отличается наибольшим разнообразием нетронутых ландшафтов, между тем как бассейн Пясины в этом отношении менее интересен.

Для решения возникших разногласий в Москве было собрано большое совещание, на котором выступили сторонники обоих вариантов, и прийти к единому мнению не удалось. Тогда было принято поистине соломоново решение — создавать заповедник и в районе озера Таймыр, и на Пясине, да еще и филиал в Ары-Масе, против которого никто, разумеется, не возражал: его научная ценность слишком очевидна.

Экспедиция уточнила границы и площадь участков, намеченных к заповеданию, — на западе 2,9 млн. га, на востоке — 2,0 млн. га, включая лишь западную часть Таймырского озера. Таким образом, на Таймыре намечалось заповедать почти 5 млн. га, что в то время превышало общую площадь всех заповедников Российской Федерации. Немудрено, что этот вариант, явно оторванный от реальной жизни, встретил серьезные возражения и не был осуществлен на практике.

Это происходило в 1968 г. А в 1970-м в Дудинке состоялось первое межведомственное совещание по проблеме охраны и рационального использования дикого северного оленя. Поскольку одним из официальных организаторов совещания была наша лаборатория, я был назначен ученым секретарем оргкомитета. В ходе этой работы мне довелось как следует ознакомиться со всеми аспектами проблемы дикого оленя на Таймыре (об этом речь впереди) и заодно коснуться вопроса о Таймырском заповеднике. Необходимость его создания отмечалась в резолюции совещания, на котором присутствовали Б.А. Тихомиров, М.Х. Геллер и другие специалисты, но практических усилий к реализации таких предложений никто не прилагал...

В 1971 г. Совет министров РСФСР вынес специальное постановление об организации в Норильске крупного Таймырского госпромхоза для рационального использования запасов диких северных оленей и других биологических ресурсов Таймыра. Угодья этого хозяйства заняли почти 10 млн. га, в том числе и ту территорию в бассейне Пясины, которую намечали под заповедник. Надо иметь в виду, что госпромхозы и заповедники подчинены одному и тому же ведомству — Главохоте РСФСР.

В начале 1973 г. директор Таймырского госпромхоза Анатолий Викторович Саркин отчитывался о своей работе в отделе Севера Совета Министров РСФСР. И опять кто-то спросил насчет заповедника — дескать, как же так, госпромхоз для добычи оленей создан, а заповедника на Таймыре до сих пор нет. Надо исправить это положение.

И вот есть Таймырская проектно-изыскательская партия в составе трех человек (не считая А.И. Матюшина), выделены средства (15 тысяч рублей), наметились и подошли своим чередом сроки работы...

Глядя в ночную мглу за иллюминатором, я не мог отвлечься от тревожных мыслей. Сумеем ли мы справиться с поставленной задачей и обеспечить реальное создание заповедника на Таймыре? Ведь спор между сторонниками двух существующих вариантов продолжается. Правда, в Главохоте РСФСР по этому поводу сейчас не существует разных мнений. После того как создан госпромхоз, вопрос об организации заповедника в бассейне Пясины фактически снят. В настоящее время речь идет только о заповеднике в районе озера Таймыр и об Ары-Масе. Так говорится и в официальном письме Красноярскому крайисполкому, которое мы везем, то же самое А.И. Матюшин написал в норильский институт, приглашая его сотрудников принять участие в наших работах. Жаль только, что мы не успели получить ответа и не знаем, согласятся ли норильчане наконец с восточным вариантом или опять будут настаивать на Пясине.

— Как это вы отважились на такую сложную миссию? — спросил меня при последней встрече С.М. Успенский. — Ведь на этом таймырском деле уже многие шею сломали...

— На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся, Савва Михайлович, — отвечал я. — Посоветуйте нам, как действовать в этой ситуации, какой вариант заповедника, по вашему мнению, оптимальный.

Успенский говорил, что в идеале Таймырский заповедник представляется ему таким, чтобы в его пределы вписывались основные сезонные перемещения животных — кочевки северных оленей, песцов, миграции некоторых рыб.

Прямо из Центральной лаборатории охраны природы, где состоялся этот разговор, я позвонил в отдел заповедников Главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству МСХ СССР, которому подчинена эта лаборатория, и спросил В.В. Криницкого, какого размера, по его мнению, может быть проектируемый на Таймыре заповедник, первый из заповедников, намечаемых в тундровой зоне нашей страны. Криницкий отвечал, что 200 тысяч гектаров вполне достаточно. Я прикинул в уме — 2 тыс. квадратных километров — это значит пятьдесят километров длиной, сорок шириной... Такую площадь не то что олень — человек пересечет за день, какие уж тут сезонные миграции. Нет, мы все-таки будем планировать по-прежнему в пределах одного-двух миллионов га[6].

По словам С.М. Успенского, на Таймыре нельзя ограничиваться созданием только одного заповедника. Там есть много природных объектов, нуждающихся в особой охране. В частности, он считал, что необходимо принять меры в защиту птичьих базаров на острове Преображения и лежбищ моржа в бухте Марии Прончищевой — это предложение было отражено в официальном протоколе совещания, значит, нам надо попытаться его реализовать.

Вспомнилась мне и горячая речь географа, занимающегося проблемами Крайнего Севера, в то время — сотрудника музея землеведения МГУ Василия Васильевича Крючкова, страстного сторонника создания заповедника на Таймыре. На совещании, которое мы провели с работниками географического факультета МГУ, он подробно рассказывал о своих недавних изысканиях в бассейне Хатанги, где ему удалось установить наличие

[6] До 1951 г. в стране было пять заповедников площадью свыше 1 млн. га.

лесных участков более северных по сравнению со знаменитым Ары-Масом. Этот лесной остров находится на левобережье Хатанги, а на правом берегу реки леса тянутся на север еще дальше. Их абсолютный предел находится в районе речки Лукунской — небольшого правобережного притока Хатанги. По предложению В.В. Крючкова в резолюции совещания было записано о необходимости заповедания и этого участка.

«Природа — это единый взаимосвязанный комплекс, динамическое равновесие которого неустойчиво и легко нарушается человеком, — говорил Крючков, обращаясь к нам с такой проникновенностью, словно именно от присутствующих зависело решение всех этих вопросов. — Причем как происходят нарушения и какие будут последствия — часто неизвестно. В средней полосе вырубки и различные нарушения поверхностных слоев почвы быстро затягиваются. На вечномерзлых грунтах в тундре начинается усиленное протаивание, на глазах изменяется ландшафт. Вездеход, проехавший два-три раза по одному и тому же месту, навсегда уничтожает растительный покров, обнажается грунт, здесь могут появиться термокарстовые впадины, начнут развиваться овраги. Нет, вы только представьте себе, как ранима наша северная земля! Для всех зон разработаны противоэрозионные мероприятия, а для Севера их нет. Мы знаем, как нужно бороться с оврагами в степи, как восстанавливать гари и вырубки в лесу, но что делать с выгоревшими северными редколесьями, с лесотундрой, с термокарстовыми оврагами мы совершенно не знаем. А ведь по мере освоения Крайнего Севера катастрофически растет площадь территорий, где природа обезображена. Ботаники утверждают, что в результате потепления Арктики лес наступает на тундру, а вместе с тем широким фронтом расширяются вторичные тундровоподобные пустоши, и граница их быстро смещается к югу в лесотундру и даже в северную тайгу. Ведь на Севере подчас нет даже элементарных представлений об охране природы»!

...Во всей нашей Арктике, по всей необъятной тундровой зоне, нет ни единого заповедника! Между тем на Аляске имеется 17 заповедников, несколько национальных парков и заказников, общая территория которых 16,4 млн. га, или 11% от всей площади штата. В Северной Канаде с 1922 г. существует крупнейший заповедник Вуд Буффало площадью 4,5 млн. га. В 1972 г. созданы три новых национальных парка в тундровых ландшафтах бассейна Юкона, в северо-западных провинциях и на Баффиновой земле. Кроме того, принят закон об экологических резерватах, предназначенных специально для сохранения и изучения не тронутых человеком северных экосистем. А ведь между нашей страной, США и Канадой заключен ряд соглашений о сотрудничестве в области охраны окружающей среды».

Крючков говорил, что в будущем в Арктике возникнет широкая сеть не только заповедников, но и других охраняемых природных территорий для того, чтобы люди могли знакомиться с романтической природой Севера. Заповедники будут большие, они займут не только миллионы гектаров материковой тундры, но и морские архипелаги, участки океанских просторов, которые также нуждаются в сбережении. Но первоочередная нынешняя задача — создать первый крупный тундровый заповедник, и для него нельзя найти лучшего места, чем на Таймыре...

* * *

Красноярск встретил нас теплой, но очень ветреной погодой, синоптики предсказывали скорое похолодание. Танкачеев уже намечал срок отъезда в Дудинку, но я привык не доверяться заранее составленным графикам движения. Конечно, нам хотелось побыстрее приступить к делу на месте, но нельзя было уехать из Красноярска до совещания в крайисполкоме. Его решение явится основанием для всех последующих этапов работ — таков порядок проектирования.

В крайисполкоме нас внимательно выслушал заместитель председателя Виктор Михайлович Буйновский, возглавляющий на общественных началах краевой совет Всероссийского общества охраны природы. Экспедиция была непосредственно связана с этим обществом, и центральный совет, по рекомендации Ю.К. Ефремова, принял решение всемерно поддерживать наши работы. В.М. Буйновский сказал, что крайисполком считает весьма важным создание в крае нового заповедника и окажет этому делу всемерное содействие. Ввиду множества срочных дел он назначил совещание только через неделю. В список участников совещания мы включили представителей хозяйственных и научных краевых организаций, связанных с проблемами освоения природных ресурсов.

В последующие дни мы побывали в различных учреждениях Красноярска — у геологов, рыбохозяйственников, лесников. Не миновали, конечно, ученых. Выслушивали мнения специалистов о перспективах хозяйственного освоения Таймыра, выписывали различные статистические и справочные сведения. В общем, работы хватало и жаловаться на задержку не приходилось.

Геологи сообщили о больших перспективах разработки полезных ископаемых на Таймыре, где ведется поиск нефти, газа и ценных цветных металлов. Уже сейчас Норильск получает газ из енисейской тундры, а со временем найдены будут новые месторождения, возникнут города и поселки на местах нынешнего безлюдья... «Однако мы считаем, что и заповеднику хватит места, — сказали нам в геологическом управлении, — надо будет только конкретно согласовать намечаемые площади с нашими товарищами из Норильска и Дудинки».

Живой интерес к организации заповедника в районе озера Таймыр проявили работники рыбного хозяйства («Енисейрыбвода»), озабоченные необходимостью усиления охраны ценных рыб в полярных водоемах. Предлагалось даже заповедать полностью все огромное озеро Таймыр, площадь которого больше 450 тысяч гектаров. Интенсивная рыбная ловля, которую с помощью авиации ведет на Таймырском озере Норильский рыбозавод, стала всерьез угрожать поголовью гольца, муксуна, чира и других «деликатесных» рыбных пород. Однако представители рыбной промышленности — «Красноярскрыбпрома», — напротив, просили вообще не включать в заповедник ни Таймырское озеро, ни другие крупные водоемы Таймыра.

...Приближался день, на который было назначено совещание в крайисполкоме. Накануне резко изменилась погода, над городом разразилась гроза, ветер был такой, что дома в Академгородке у Енисея дрожали под его порывами. Температура упала с двадцати восьми до двух градусов тепла, а ночью выпал сильный снег.

Совещание открылось выступлением В.М. Буйновского, который напомнил, что вчера впервые отмечался Всемирный день охраны окружающей среды (5 июня). Основной доклад делал А.И. Матюшин. Потом посыпались вопросы. Где конкретно будет располагаться Таймырский заповедник? Чьи хозяйственные интересы он может затронуть? Как он впишется в программу освоения Крайнего Севера? Наконец, не является ли на сегодняшний день заповедником почти весь Таймыр, в силу его малой освоенности?

Последний вопрос, заданный председателем краевой плановой комиссии, не был для нас неожиданностью. Даже зоолог В.М. Сдобников в одной из своих статей писал, что Таймыр пока еще гигантский заповедник, только без научного штата. Но ведь это было почти тридцать лет назад! С тех пор многое изменилось. Волнение, кажется, придало убедительности моему выступлению. Говорил я о новой фазе освоения Севера в условиях применения мощной современной техники, об отсутствии заповедников в тундре, об изменении отношения людей к природе в последние десятилетия. Заповедники, их создание — передний край фронта охраны природы, проверка вы-

полнения соответствующих решений партии и правительства на конкретных примерах[7].

Активно поддержал нас председатель научно-технического совета общества охраны природы д. б. н. В.Н. Смагин. Начальник «Енисейрыбвода» И.Г. Костров вновь предложил включить в заповедник все озеро Таймыр, чтобы прекратить в нем ловлю рыбы. Говорил он и о беспорядочных рубках, которые ведутся в особо ценных северных лесах, об отсутствии в них лесного и охотничьего надзора.

Большое впечатление произвело выступление геолога Л.В. Махлаева из Научно-исследовательского института минерального сырья. Он поделился личными впечатлениями, накопленными в длительных таймырских экспедициях, рассказал о массовом браконьерстве, ставшем системой, о пренебрежении к элементарным нормам охоты и рыбной ловли в тех местах, где люди предоставлены сами себе. Его выступление прозвучало убедительным ответом на вопрос, не является ли сегодня весь Таймыр заповедником...

Обрадовало нас высказывание начальника Красноярского территориального геологического управления В.Д. Челышева, который подтвердил, что на богатой и обширной земле Таймыра, несомненно, найдется место заповеднику. В некоторых выступлениях прозвучали опасения, что создание заповедника может отрицательно сказаться на освоении природных ресурсов. Мы обещали учесть все конкретные пожелания в процессе проектирования.

Решено было уточнить выбор территории и границ будущего заповедника на следующем этапе работ — в Дудинке и Норильске. Председатель с удовлетворением отметил единодушие собравшихся и огласил проект решения, который был одобрен.

Вечером в гостинице А.И. Матюшин, довольный результатами обсуждения, принялся подсчитывать, сколько он помнит совещаний, посвященных Таймырскому заповеднику. Он досчитал до двадцати двух и сбился со счета. Если бы он знал, как много их еще впереди!

* * *

Как обычно после больших совещаний, чуть не целый день ушел на перепечатку и оформление протокола. Но билеты в Норильск были взяты заранее, и утро восьмого июня мы встречали в аэропорту. Зная о непогоде (холода, конечно же, шли с Севера), мы ожидали задержек, но улетели точно по расписанию.

Когда самолет приземлился в Алыкеле (так называется аэропорт у Норильска), мы едва различили очертания зданий за снежной пеленой. Стояла сущая зима, рейсы задерживались, в помещениях было тесновато. С трудом мы уговорили хозяйку камеры хранения принять наши грузы.

В ожидании вечерней электрички мы с Валей пошли бродить по тундре, а точнее говоря, по тем самым «тундроподобным пустотам», о которых толковал В.В. Крючков, — в окрестностях аэропорта. Мне живо вспомнилось, как три года назад в ожидании вылета московского рейса довелось экскурсировать здесь же с зоологом из Лапландского заповедника, доктором биологических наук О.И. Семеновым-Тян-Шанским. Пожилой натуралист с юношеским азартом выслеживал пролетных куликов, фотографировал, рассказывал об их повадках. Это происходило в конце июня, но погода стояла ненастная, мокрый снег у земли прихватывало ледяной корочкой. Я боялся опоздать на самолет, удерживал Олега Измаиловича от дальних маршрутов, но мы все же посмот-

[7] Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 29 декабря 1972 г. «Об усилении охраны природы и рационального использования природных ресурсов».

рели на турухтаньи тока, и я взял на память о Севере несколько веточек тундровой ивы с очень крупными желтыми сережками.

...На этот раз мы с Валей не встретили ничего живого. Вся тундра лежала под свежевыпавшим снегом; наверное, здесь гуляла та самая метель, что дала знать о себе в Красноярске. Но днем выглянуло солнце, стало теплее и вновь начали появляться проталины.

Странно видеть среди ровной заснеженной тундры привычную для горожан зеленую электричку. Слегка покачиваясь, она не спеша побежала вдоль огромных деревянных щитов, ограждавших железную дорогу от снежных заносов. Нам надо было пересесть на встречный поезд, идущий из Норильска в Дудинку, и мы сошли на станции Кайеркан. Оставался еще час утомительного ожидания, но такова уж доля всех странствующих.

Хорошо, когда попутчики умеют скоротать время интересной беседой. Александр Иванович начал вспоминать о своих поездках по Таймыру, об экспедиции на Пясину, о том, как они чуть ли не час летели на самолете Ан-2 над огромным оленьим стадом в несколько десятков тысяч животных. Вспомнили мы и «оленье совещание» в Дудинке, на котором были вместе с Матюшиным.

...Между тем пассажиры начали выходить на улицу. Показался синий тепловозик, тащивший с десяток пассажирских вагонов. К нашему удивлению, они оказались такими переполненными, что сесть было почти невозможно. Матюшин и Танкачеев кое-как пробрались на площадку, Валентин, едва уцепившись, повис на подножке, а я побежал к соседнему вагону. Не сразу удалось протиснуться в тамбур, но постепенно я даже пробрался внутрь вагона. Там звучали гитары, слышались песни. Несколько туристских групп отправились смотреть ледоход на Енисее — была ночь с пятницы на субботу.

...В два часа ночи поезд остановился в Дудинке. Какая-то воинская грузовая машина с дощатыми сиденьями вдоль бортов шла в город, и мы поехали в ней в гостиницу. Я заметил, как Матюшин, усаживаясь на лавку, бережно положил свой портфель за спину.

Ехали по усыпанной шлаком разбитой дороге, ныряли в ямы, нас качало и бросало в разные стороны, и Матюшин недовольно морщился, бормотал что-то нелестное для дудинцев. Неожиданно он принялся шарить у себя за спиной.

— Портфель... А где мой портфель? Нету! Вылетел в щель между сиденьем и бортом. Все бумаги экспедиции! У меня там денежные документы, — бормотал побелевший шеф.

Валя Шестопалов на ходу соскочил с машины, кинулся бегом по дороге к станции и с торжеством извлек портфель из огромной лужи. До гостиницы мы ехали молча — тема о портфеле была исчерпана...

На следующий день я решил побывать в тундре. Для этого нужно было съездить на небольшой разъезд.

— Сейчас туда «крокодил» пойдет, можете поехать, — сказала дежурная по станции и тут же закричала в селектор: — «Крокодила» на четвертый путь, на четвертый!

Большой двухсекционный зеленый тепловоз важно и медленно подошел к станции. Машинист взял меня в кабину, и всю дорогу мы вели охотничьи беседы. Он рассказывал, что гусь хорошо шел на север в конце мая, но после метелей повернул назад, а сейчас летают вразнобой — одна стая к югу, другая к северу...

Общий фон тундры был зимний, но солнце заметно набирало силу, под снегом и поверх него появлялась вода, на глазах возникали проталины и озерца, на них кое-где виднелись утки — нарядные самцы шилохвостей, чернети, лутки. В тундру вышли охотники, кто пешком, кто на лыжах. Некоторые лыжники тащили за собой нарты с поклажей, с надувными резиновыми лодками. Во время весенней охоты здесь прихо-

дится пользоваться одновременно и лыжами, и лодками. Нередко слышались выстрелы, проносились в небе вспугнутые утки, изредка и на большой высоте появлялись гуси. Возле пристанционных домиков подпрыгивали, угрожая друг другу, несколько турухтанов, смешно распушив свои воротнички. Турухтаны делают вид, что дерутся, таков уж их весенний ритуал. Этот кулик замечателен не только такими танцами, но и тем, что среди сотен птиц невозможно найти даже двух особей одинаковой окраски, настолько разнообразна их видовая изменчивость. Они бывают и черными, и рыжими, и пестрыми — каждая птица на свой лад. Длинные перья на шее и голове отрастают весной только у самцов, самочки же окрашены очень скромно.

К домику подошли двое школьников, каждый держал в руке связку куропаток. Оказалось, птицы были подобраны под проводами на линии, которая тянется вдоль железной дороги. Часть обратного пути я прошел вдоль проводов и убедился в правоте ребят — почти на каждом километре можно было встретить погибших куропаток, распластавших свои белые крылья. В изобилии появились кулики. Кроме турухтанов, я видел еще краснозобиков, ржанок, зуйков. Неприятно было смотреть, как пожилой благообразный охотник на берегу речки Косой стрелял этих доверчивых птиц, вернувшихся на свою далекую родину после дальнего пути. Конечно, как охотовед, я бы мог отметить, что налицо вовлечение в хозяйственный оборот ранее неиспользуемой части природных ресурсов. Ведь объектом промысла могут быть не только утки или куропатки, но и черепахи, певчие птицы (как это наблюдалось в Италии), даже летучие мыши. Но все-таки мне хочется видеть в куличках и других мелких птахах просто доверчивых птичек, украшающих своим присутствием нашу жизнь, а не дополнительный объект охоты. Помимо куликов встретились дрозды Науманна, какие-то овсянки, желтые и белые трясогузки, краснозобые коньки и чечевицы. По-видимому, был в разгаре пролет птиц.

Железная дорога Дудинка-Норильск расположена в типичной лесотундре, но здесь появилось много вторичных открытых участков, когда были вырублены деревья и кустарники. Кое-где сохранились лиственничные редколесья, общий фон создают заросли кустарниковой ольхи.

...Только к вечеру вернулся я в Дудинку. Поход и новые впечатления от вида оживающей весенней тундры приподняли настроение. Вместе с Матюшиным и Танкачеевым мы отправились на берег Енисея смотреть ледоход. Он, видимо, уже кончался. Лед шел серединой реки, на берегах громоздились громадные ледяные глыбы. Небольшой ледокол расчищал территорию порта. Подъемные краны были подняты на период паводка на запасную, «верхнюю» позицию. На другой стороне широкой реки едва виднелись первые пароходы, пришедшие из Красноярска. В Дудинке их уже ждали норильские школьники, чтобы отправляться в пионерские лагеря — «на материк», как здесь принято говорить.

...Между тем наступил понедельник, пришли и новые заботы. Матюшин и я уже бывали в Дудинке, и нас тут ждали. В окружкоме КПСС нам любезно предложили самим назначить время совещания, но для этого необходимо было пригласить наших норильских коллег, без которых мы не могли уточнять районы обследований. Матюшин поручил мне поехать в Норильск, и на сей раз я отправился туда с комфортом — в удобном мягком вагоне.

...Мне повезло — удалось купить в Дудинке книгу В. Крючкова о проблемах рационального использования природных ресурсов Крайнего Севера, и она оказалась как нельзя кстати. Автор критикует журналистов, которые любят писать, будто тундра в Норильске начинается там, где кончаются дома. Крючков убедительно доказывает, что этот город расположен не в тундре, а на пределе северного распространения тайги. Безлесие же здесь вторичное, связанное с хозяйственной деятельностью людей. Мы, биологи, произносим такие фразы с невольным упреком. Но, глядя в окно, я поймал

себя на мысли, что наслаждаюсь комфортом вместе с другими пассажирами лишь благодаря колоссальному труду, вложенному сюда строителями. «*Справа дороженька, насыпи узкие, столбики, рельсы, мосты*», — всплыли сами собой некрасовские строки... Трудно упрекать тех, кто в свое время оставлял пеньки на месте лиственничных лесов и редколесий. Но нынешним строителям, вооруженным современной техникой, можно было бы не повторять ошибок прошлого и бережнее относиться к северному лесу. «*Возле самого сельца Дудина истребление леса рукой человека было чрезвычайно заметно*», — писал А.Ф. Миддендорф, указывая, что в округе попадают пни толщиною 7–9 футов в поперечнике, — сейчас такое даже и вообразить трудно...

...Залежи угля и руды в районе норильских озер также были известны еще со времен Миддендорфа, то есть с середины прошлого века. В 1865 г. купцы Сотниковы поставили заявочный столб на склонах горы Рудной. Название горы Медвежьей на речке Норилке тоже упоминает А.Ф. Миддендорф. Полярная экспедиция А.И. Вилькицкого в 1905 г. снабжалась норильским углем, который доставляли через тундру на оленьих упряжках. В 1919 г. в районе Норильска впервые побывал один из главных его основателей, геолог и путешественник Николай Николаевич Урванцев. Он сразу оценил перспективность «Норильских камней», как называли эти горы русские землепроходцы.

...Поезд приходит на главный вокзал, откуда в город надо ехать автобусом. Но мне более запомнился мой первый приезд, когда алыкельская электричка остановилась прямо в центре, у Октябрьской площади. Как и всякий, кто впервые приезжает в Норильск, я долго смотрел на монументальные каменные здания, расположенные вдоль широких прямых проспектов и просторных площадей. В «почерке» архитекторов чувствуется рука ленинградца — та же четкость планировки, черты определенного «классицизма» в зданиях. За громадами домов виднелся целый лес заводских труб, приютившихся у подножия плосковершинных сопок. Это и есть «Норильский камень», край несметных богатств и тяжелых людских трудов. Вряд ли мог думать Никифор Бегичев, промышляя пятьдесят лет назад песцов и горностаев, что на этом месте возникнет такой город...

К специфике Норильска (помимо всего прочего) относится и хорошая работа предприятий обслуживания. Так, например, в гостинице мне сразу же предоставили место без всяких предварительных заявок и звонков. Случай, прямо скажем, не частый!

Институт сельского хозяйства Крайнего Севера располагается недалеко от центра города в двухэтажном кирпичном доме, внешне не похожем на солидное научное учреждение. Я шел туда, обдумывая предстоящие переговоры, от которых зависело многое. Зная, что большинство сотрудников НИИСХ являются сторонниками пясинского варианта, я все же надеялся на компромисс. Ведущие специалисты отдела промысловой биологии во главе с его руководителем М.Х. Геллером были мне хорошо знакомы по дудинскому совещанию, а с Г.Д. Якушкиным мы когда-то вместе учились в балашихинском пушно-меховом институте, потом в одно время работали в Красноярске. Бывая в отделении института охотничьего хозяйства и звероводства, я частенько заставал Якушкина за огромным фотоальбомом о первом авиаучете дикого северного оленя на Таймыре. Его глаза загорались, когда он рассказывал о Таймыре, о тысячных оленьих стадах под крылом самолета, но я в то время жил только тайгой и не очень-то разделял его восторги. И все же я очень рассчитывал на помощь Якушкина — все-таки свой парень, однокашник, да и дело у нас единое. Лишь бы застать на месте и его, и других. Время-то весеннее, зоологам не сидится дома...

Мои опасения оправдались. В отделе промысловой биологии стояла тишина, все сотрудники разъехались. Большинство из них находилось на полевых работах в самых разных уголках Таймыра — кто на Пясине, кто на Верхней Таймыре, кто на Балахне. М.Х. Геллер был в отпуске. Директор тоже уехал в командировку. Все дела вел ученый секретарь А.П. Поляков, пригласивший для беседы Александра Панфиловича Рослякова,

опытного северянина, ранее работавшего в Таймырском окружкоме партии. Рассказав им о наших делах, я спросил, кто же поедет от их института на совещание в Дудинку.

— Кроме нас, некому, — отвечал Поляков. — Вот Панфилович и поедет.

— Почему же никто не откликнулся на наше предложение принять участие в проектировании заповедника? Ведь мы писали официальное приглашение.

— Ваше письмо пришло слишком поздно, когда сотрудники уже уехали или же готовились к отъезду. Григорий Дмитриевич сейчас на Верхней Таймыре, он примет участие в большой экспедиции совместно с москвичами и ленинградцами. Там и зоологи из лаборатории охраны природы, и ботаники, и географы. Впрочем, я знаю их мнение — все мы считаем, что заповедник должен быть не на Центральном Таймыре, а в бассейне Пясины.

— Но там организован госпромхоз, причем именно ваш институт был инициатором его создания. Ведь нельзя на одной и той же территории создавать и охотничье-промысловое хозяйство, и заповедник. А главное, этот вопрос официально уже решен, у нас нет сейчас выбора.

— Вот это здорово! — воскликнул Поляков. — Как же вы приглашаете нас на совещание, если вопрос уже решен? От кого же он зависит и какова тогда наша роль?

— Заповедники создаются не ведомствами, а органами советской власти. Постановление об организации заповедника Совет министров РСФСР должен вынести на основании решения Красноярского крайисполкома и Таймырского окрисполкома. Конечно, такие решения принимаются не вслепую, а по рекомендации ученых и после всестороннего обсуждения. Наша задача — разработать проект организации заповедника и представить его на рассмотрение директивных инстанций. Мы, проектировщики, не выбираем места, мы вообще не беремся судить, где быть заповеднику на Таймыре, наше дело техническое — определение границ, уточнение площади, разработка обоснований. Разумеется, мы не будем делать все это вслепую, но для нас наиболее авторитетны предложения тех, кто в свое время обосновал основной вариант. Он положен в наше задание, и отходить от него мы не имеем права. Совещание в Дудинке окончательно определит район наших работ и местоположение будущего заповедника. Сейчас речь идет о Хатангском районе, о территории где-то между Логатой и озером Таймыр. Ваше право выступить на совещании со встречными предложениями, они будут там обсуждаться. Мнений может быть очень много, а решение бывает лишь одно.

— Какие участки намечаются в Хатангском районе? — спросил Росляков.

— Профессор Тихомиров предлагает вытянуть территорию будущего заповедника в меридиональном направлении от Ары-Маса до Таймырского озера, но вряд ли это реально. Геологи возражают.

— Конечно, к тому же там пастбища хатангских колхозов. А против озера будут возражать все рыбкомбинаты.

— Но ихтиологи доказывают, что лов рыбы там надо срочно прекращать и, во всяком случае, заповедать устье Верхней Таймыры, ее нижнее течение с нерестилищами.

Я рассказал о новых предложениях Крючкова и Успенского — их тоже надо обсудить на совещании в Дудинке.

— А Борис Михайлович Павлов все толкует про необходимость создания заповедника в горах Путорана, — сказал Поляков. — Там и снежный баран, и олень. Красота, говорит, неописуемая...

— Да, дела... — задумчиво протянул Росляков. — Смотрите, Пясина, Таймырское озеро, Ары-Мас, Лукунская, бухта Марии Прончищевой, горы Путорана. Но ведь нельзя

---

[8] Писатель Юрий Рытхэу писал в газете «Известия», что на Чукотке в период охоты на гусей охотников даже сбрасывают на парашютах.

сделать весь Таймыр заповедником. Надо, действительно, выбирать что-то главное. Я обязательно поеду в Дудинку. А сейчас постараемся связаться по рации с Якушкиным и Павловым.

Мы прошли в комнату, где помещалась рация. Начался прием, все наполнилось шумом и свистом, но связаться с норильчанами почему-то не удалось.

— Непроходимость сегодня, — пояснил радист. — А вчера Гриша говорил — снова гусь полетел. У Павлова на Балахне олень идет. Куксов с Половинного озера лодку просит.

— Завтра наши снабженцы повезут лодку на Половинное озеро, вы можете слетать с ними, поговорите с ребятами, — предложил мне Росляков, и я охотно согласился. Предстояло лететь на вертолете Ми-4, чтобы доставить лодку-«казанку» и продукты.

На следующее утро я был в аэропорту Валек, расположенном на реке Норилке, и вместо полета пришлось просидеть там весь день с неунывающими снабженцами, цветущий вид которых свидетельствовал о хорошем обеспечении нашего Севера продуктами питания. Такую неудачу мои попутчики связывали с окончанием сезона весенней охоты. По их словам, все вертолеты заняты в это время вывозкой охотников, заброшенных ранее в просторы тундры. Здесь, вероятно, не было большого преувеличения[8].

...Весь день нас не отпускали из аэропорта, обнадеживали, просили подождать, но полет так и не состоялся. Я тем временем побывал в госпромхозе. Его контора, расположенная в двухэтажном бревенчатом доме, находилась недалеко от аэропорта.

А. В. Саркин, могучего сложения, неторопливый, уверенный в себе человек, хорошо понял сложившуюся ситуацию и сказал, что предвидит осложнения с проектированием заповедника из-за стремления норильчан к Пясине.

— Все же она им своя земля, — сказал Саркин, — а Хатангский район — это край вроде бы чужой. Мы не против заповедника, госпромхозу хватит угодий. Надо только сохранить зимний промысел по всей Пясине.

Договорились продолжить это обсуждение на совещании в Дудинке.

Следующим утром, когда мы снова собрались в аэропорту, над рекой стелился туман, а над городом стояла сплошная пелена густого дыма. В безветрие воздух застаивается в горном котловане. Лучи солнца никак не могли пробить толщу дымовых облаков. Валек был уже залит солнечным светом, а в городе стояла сумрачная мгла.

— Да, выносливое существо — человек, — сказал один из сотрудников, летевший вместе с нами на стационар. — Недавно я слушал в обществе охраны природы доклад о загрязнении атмосферы в Норильске. После перевода с угольного топлива на газ воздух в городе стал чище, но все-таки главная наша беда — выбросы сернистых соединений.

Сернистый ангидрид, соединяясь с кислородом воздуха, образует кислоту, которая оседает на город, на окрестные леса. Люди-то выдерживают, а деревья — нет. Лес погиб по Ерхолаку, по Рыбной...

— Почему же раньше лес не погибал? Ведь комбинат давно работает.

— Производство растет. Вот особенно Талнах сказывается. Но теперь думают об этом, беспокоятся. Новые трубы поставят, очистку введут постепенно. Всего-то сразу не сделаешь...

...Разговор о плюсах и минусах цивилизации был прерван сообщением, что наш вертолет готов к вылету. Мы подвезли лодку и долго затаскивали ее в узкую дверцу Ми-4. Наконец погрузили все пожитки и взлетели.

Словно на ученическом макете, лежит внизу и Медвежья гора, и Зуб-гора, и Шмидтиха, видны прямоугольники городских кварталов, новый мост над Норилкой, растущие среди тайги здания Талнаха и Октябрьского. Лес постепенно редеет, уступая место лесотундре.

...На просторе озера Пясино среди сплошного льда кое-где обозначились первые разводья, выступила вода у берегов. Мы летим вдоль восточного берега над редкостойной тайгой и зарослями кустарников ольхи. Все больше появляется совсем открытых участков — болот, озер, вдали виднеется сплошная заснеженная равнина. Озеро Половинное все подо льдом. Видим небольшой черный прямоугольник, возле него две фигурки отчаянно машут руками, бегают собаки...

Сели на бугре рядом с балком. Это самодельный дощатый домик, который поставлен на полозья и может быть доставлен трактором на новое место. Вокруг жилья множество каких-то банок, ящиков, отбросов, перьев птиц... В деревянных клетках сидят два канюка, поодаль привязаны собаки. В.А. Куксову и его спутникам не до меня — надо принять грузы и почту, узнать о новостях, передать свои поручения. Мы вытаскиваем из вертолета лодку, продукты, включая два ящика с пивом, свежий хлеб. Куксов и другие летят за бочками с горючим, которые зимою трактор не довез сюда и оставил где-то неподалеку. Вертолет уходит, и постепенно восстанавливается блаженная тишина, прерываемая криками чаек да песнями куликов.

Вдали опять слышится нарастающий рокот, обозначается в синем небе приближающаяся черная точка, и нет уже ни звенящей тундры, ни крика чаек. Опять спешка, и мы с Куксовым кричим друг другу что-то про Логату, Пясину, заповедник, совещание в Дудинке...

— Логата и так заповедник, — кричит Куксов, — там же никого не бывает!

— А казарка краснозобая есть на Логате?

— Была, да рыбаки выбили, — отвечает Володя.

— Ты же говорил, что там никого не бывает.

— В устье Логаты рыботочка, плавают по реке, а верховья безлюдные, вообще никто не бывал. Там не до заповедника; Пясина нам нужна, тут двух мнений и быть не может.

...В тот вечер я долго не мог уснуть. Озеро Половинное, задымленный Норильск, лемминг, бегущий по краю сугроба, — все смешалось каким-то замысловатым хороводом...

* * *

Совещание было назначено на семнадцатое июня, и оставшиеся дни пролетели незаметно, заполненные обычной рабочей сутолокой: хождением по организациям, перепиской многочисленных служебных бумаг и сводок, необходимых главным образом для обязательной во всех подобных проектах главы, посвященной экономико-географической характеристике района. Особенно нас интересовали дела охотничьи и рыболовецкие. Оказалось, что уже не первый год и колхозы, и рыбная промышленность Таймыра испытывают серьезные трудности. Уловы рыбы на Енисее резко сократились — пришлось ввести ряд запретов. Экспедиционный лов на дальних озерах обходился в копеечку и подрывал сырьевые ресурсы ценных пород рыб.

Норильский и Хатангский рыбозаводы завозят рыбаков на дальние «точки», доставляют туда продукты, топливо, сети, лодки. Жилищами служат балки или временные «хибары», палатки. Все перевозки осуществляются на самолетах Ан-2, что очень дорого. Поэтому вывозят рыбу нерегулярно; летом ее солят в брезентовых чанах, и вместо свежей деликатесной рыбки население получает малоценную и дешевую продукцию. Научный сотрудник Красноярского отделения Сибирского института рыбного хозяйства (СибНИОРХ) Н.С. Романов говорил, выступая на одном из совещаний в Дудинке, что Таймырское озеро может служить печальным примером нерационального использования рыбных ресурсов. Ценные породы, такие, как голец, чир, муксун, пелядь, постепенно сходят на нет, уступая место хищному налиму, который представляет для рыбной промышленности своего рода никчемный «балласт», а для других рыб является

опаснейшим конкурентом. В уловах большой процент составляет молодь, и это еще более подрывает рыбные ресурсы. Среди рыбаков, которых завозят на дальние точки, преобладают малоопытные, даже случайные люди, заинтересованные лишь в кратковременном заработке. О рациональных способах ловли в таких условиях не приходится и говорить. В газетах рассказывали о случае, когда Норильский рыбозавод разместил рыболовецкий пункт прямо на нерестилище. Эта точка была даже специально «закодирована», и лишь случайно на нее наткнулась рыбинспекция...

Читая эти материалы, я невольно вспомнил ходатайства работников «Енисейрыбвода» о заповедании всего озера Таймыр, что, разумеется, было нереально. Но неужели нельзя ограничить ловлю рыбы, не создавая заповедника со всеми его строгостями? Кстати говоря, аналогичные ситуации возникают нередко. То необходим заповедник, чтобы сохранить участок особо ценного леса, то нужно спасти луг с редкими растениями от пастьбы и сенокоса, то требуется взять под охрану участок обитания какого-нибудь животного. Но ведь эксплуатация природных ресурсов у нас осуществляется государственными планами, значит, можно регулировать и рубку леса, и выпас скота, и охоту; вовсе не обязательно городить всюду заповедный огород. Ведь заповедников всегда будет мало, сейчас их площадь составляет 0,4% страны, пусть их даже станет вдвое больше — все равно останется 99% территории. Создание каждого заповедника — подлинное событие, и нельзя решать таким способом текущие хозяйственные проблемы.

...Совещание проводилось в окружном комитете КПСС, председательствовал первый секретарь окружкома Владимир Иванович Барсуков. Средних лет, моложавый, высокий человек со спортивной выправкой, он сравнительно недавно приехал в Дудинку из Хатанги. Во вступительном слове Барсуков сказал, что задержка создания заповедника наносит ущерб не только науке, но и интересам развития округа.

В совещании участвовало более тридцати человек — руководители предприятий и отраслей, ответственные работники округа. Многие были мне знакомы по встречам на «оленьей конференции» 1970 г. Норильский институт был представлен только А.П. Росляковым. Основной доклад, как и в Красноярске, делал А.И. Матюшин.

На этот раз он говорил еще дольше и слушали его очень внимательно. Матюшин помянул не только северных оленей, краснозобых казарок и природные комплексы тундры, которые нужно сохранить для потомства, но напомнил и про белых медведей, взятых под охрану еще в 1956 г., и про моржей в бухте Марии Прончищевой, и о снежном баране Путорана. В самом деле, ведь на всех необъятных просторах Таймыра до сих пор нет ни одного особо охраняемого природного участка — даже местного заказника. Терпимо ли такое положение? Наряду с заповедником надо запланировать создание и других охраняемых природных территорий. Вопроса о Пясине он дипломатично коснулся вскользь, и поэтому сразу же раздались реплики. Здесь люди были в курсе дела и привыкли к конкретности.

— Как будет организована охрана заповедника?

— Почему не был реализован предыдущий проект по Пясинскому варианту?

— Будет ли Главохота возмещать ущерб рыбозаводу, связанный с закрытием лова на Верхней Таймыре?

А.П. Росляков выступил основным оппонентом плана создания заповедника в Хатангском районе. Он хорошо подготовился, собрал все доводы в пользу Пясины — о наличии там основных отельных пастбищ диких оленей, высокой численности водоплавающих птиц, относительной доступности сообщения; речь его была убедительна.

— В самом деле, — говорил он, — как вы организуете охрану отдаленных территорий в районе Таймырского озера? Каждый полет туда — целое предприятие. Закрыть рыботочки на Таймыре — значит, нанести ущерб Норильскому рыбозаводу. Я заметил, что Барсуков кивнул при этих словах.

Рослякова активно поддержал Гаврила Михайлович Привалихин, начальник окружного управления сельского хозяйства. Заместитель А.В. Саркина (сам он не приехал) охотовед М.К. Крылов говорил, что Пясина интенсивно осваивается, а Верхняя Таймыра слишком далека, и предложил рассмотреть Путоранский вариант заповедника. Мне пришлось дать справку, что горы Путорана в географическом отношении очень своеобразны, заслуживают отдельного обсуждения, теперь же речь идет о тундровом Таймырском заповеднике. Тогда Крылов тоже поддержал сторонников Пясины.

Учитывая такой ход совещания (а мы заранее предвидели это), Матюшин выступил с предложением организовать на Пясине не заповедник, а республиканский заказник. Такая форма больше отвечает задачам охраны оленьих пастбищ. Учитывая сложившуюся обстановку, Таймырская партия берет на себя проектирование не только заповедника в Хатангском районе, но и заказника на Пясине.

Необходимо пояснить, что такое заказник и в чем его отличие от заповедника.

Согласно строгой букве закона, в заказниках допускается частичное хозяйственное использование природных объектов, между тем как в заповедниках оно должно прекращаться полностью и навсегда[9]. Разумеется, речь идет об утилитарном хозяйственном использовании, потому что даже заповедные земли продолжают служить людям, но их «отдача» выражается уже не в кубометрах древесины, не в тоннах продукции на гектар, а в другом измерении. Заповедники как природные лаборатории дают невесомую, но весьма важную научную продукцию, сберегают эталоны первозданных ландшафтов, генетический фонд животных и растений, поддерживают экологический баланс. Попросту говоря, в заповеднике человек не должен вмешиваться в природные процессы.

Заказник — более простая категория охраняемых участков. В них природопользование запрещается частично, например, в охотничьих заказниках нельзя охотиться, но там ведется сельское и лесное хозяйство. Лесные заказники, наоборот, запрещают вырубку леса, а охота в них допускается. В Российской Федерации больше всего распространены именно охотничьи заказники, их больше семисот, охраняются они охотинспекторами и егерями. С конца пятидесятых годов стали создавать так называемые республиканские заказники, которые учреждаются уже не местными Советами, а Советом министров РСФСР. В таких заказниках (их в республике около двадцати) сравнительно большие штаты охраны, возглавляемые специалистом-охотоведом, для них выделяется кое-какая техника и транспорт. Недаром эти заказники называют «младшими братьями заповедников». При создании заказника территории остаются в подчинении прежних владельцев, поэтому нет необходимости в подготовке землеустроительного дела[10]. Именно такой республиканский заказник и предложили мы создать на Пясине.

Главный геолог Таймырской геологической экспедиции Д.Б. Тальвирский говорил о том, что и в Хатангском районе, и в бассейне Пясины велики перспективы геологического освоения, поэтому трудно уточнять территорию заповедника, пока не закончены поиски. Однако он поддержал необходимость срочных мер для охраны природы Таймыра.

Перелом в ходе совещания внесло выступление председателя окружной плановой комиссии А.Ф. Паули.

— Я всегда был за Пясину, — сказал он, — но сейчас вижу, что оставаться на прежних позициях нельзя. Это не по-государственному. Мне тоже Пясина кажется «своей» землей, а Хатангский район вроде как «чужой». Но если посмотреть объективно, то все доводы сейчас за восточный вариант. Пясина вся под контролем госпромхоза, там его

[9] Статья 9 Закона «Об охране природы в РСФСР».

[10] Землеустроительное дело — документация, необходимая для оформления отвода земель (в частности, при организации заповедника).

сырьевая база, заказника там будет достаточно. А заповедник как образец нетронутой природы следует создавать в низовьях Верхней Таймыры, на Логате. Кстати, в этом очень заинтересованы наши ихтиологи. Так что давайте прекращать споры, пусть товарищи проектировщики со спокойной душой едут в Хатангу, а то ведь они до сих пор не знают, где им придется работать — там или на Пясине...

— Пясину мы и так знаем, есть проект, сделанный в 1967 году, — сказал Привалихин.

— Ну, жизнь не стоит на месте, проекты надо обновлять, но сейчас я предлагаю совещанию принять твердое решение: заповедник на Хатанге, республиканский заказник — на Пясине.

Последовало еще несколько выступлений с поддержкой такого предложения. В.И. Барсуков, как говорится, «подвел черту» и прочитал проект решения. В нем было сформулировано все очень четко: признать целесообразность создания заповедника в Таймырском национальном округе; рекомендовать проектно-изыскательской партии провести обследования в бассейне рек Верхней Таймыры и Логаты, включая западные участки озера Таймыр; предусмотреть заповедание Ары-Маса и лесов по речке Лукунской; просить Главохоту разработать проект создания республиканского заказника в междуречье Пура и Пясины, а также наметить меры для усиления охраны редких животных Арктики в пределах Таймыра (белый медведь, морж и др.). Серьезных замечаний не было, и совещание утвердило проект.

Теперь наконец все прояснилось. Можно было отправляться в Хатангу, но возникло новое осложнение — у нас кончились деньги, а перевод из Москвы, который должны были выслать в Дудинку, никак не поступал. Матюшин позвонил в бухгалтерию, выяснилось, что чековая книжка для расчетов с авиаторами и наши переводы отправлены простой почтой. Ждать их пришлось еще несколько дней.

Воспользовавшись вынужденной задержкой, мы решили отметить закрытие весенней охоты поездкой по Енисею с местными охотоведами.

...В день нашего возвращения Матюшин получил долгожданные переводы и сразу же уехал на пароходе в Туруханск, где работала другая изыскательская партия. Теперь ничто не держало нас в Дудинке, но улететь в Хатангу оказалось трудной проблемой. Единственный рейс туда бывает через сутки, самолет идет из Абакана через Красноярск, Енисейск, Подкаменную Тунгуску и Норильск. От саянских гор до таймырских просторов Ан-24 летит довольно долго, а в случае задержек при непогоде рейс растягивается порой на несколько дней. Билетов на Хатангу не было, но мы с Танкачеевым так надоели авиационному начальству, что нас обещали отправить «при первой возможности». Время тянулось мучительно, рейс задерживался уже более двух суток. Затем стало известно, что самолет вылетел, но билеты не продавали, даже когда он прибыл. Напряжение достигло предела. Наконец начальник аэропорта после серии звонков из Дудинки дал распоряжение отправить нас. Короткая схватка у кассы, и заветные билеты на руках! Но тут-то и началось самое трудное...

Машина с нашим грузом приближается к самолету, который уже готовится выруливать со стоянки «Не возьму, — заявляет командир, — некуда, один багажник занят грузом, другой почтой. И вообще — кто вам продал билеты? Все, запускай!»

Не помню, что я говорил командиру, — он только мотал головой. Наконец я в полном отчаянии выкрикнул: «Сколько раз из Абакана улетал, никогда не случалось, чтобы летчики подводили!»

Командир плюнул, распахнул люк и показал, что весь задний багажник забит посылками. Но тут за нас вступились пассажиры. Они помогли разместить посылки в проходе и в переднем багажнике. Мы летели, еще не веря в свершившееся чудо... Когда снизились, открылась широкая река, лес по правому берегу болота и протянувшийся вдоль реки большой поселок.

* * *

Таскать и перетаскивать — такова уж наша экспедиционная доля... Наконец вещи перенесены в здание аэропорта. Валя остался при них, а мы с Танкачеевым отправились в райисполком. Поселок вытянут вдоль правого берега Хатанги между рекой и аэродромом. Селение это старше Дудинки, в 1976 г. ему исполнилось 350 лет. Одним из первых жителей «пясидо-хетского зимовья» был знаменитый землепроходец Ерофей Хабаров, пробравшийся на Енисейский Север со своим братом Никифором в поисках мест, богатых пушниной.

...Возле здания райкома КПСС и райисполкома на высоком речном берегу стоит небольшой деревянный обелиск. Это памятник работникам Хатангского райисполкома, зверски убитым в авамской тундре в 1932 г., где собирали ребят для обучения в школах.

...Нас приняли секретарь райкома И.С. Савченко и председатель райисполкома К.Л. Поротов. Савченко вечером должен был уезжать и предложил провести совещание не откладывая, пригласив заинтересованных людей по телефону. Мы охотно согласились и были очень рады узнать, что все наши предложения о заповеднике в Хатангском районе здесь поддерживаются. Даже работники Хатангского рыбозавода в самой категорической форме высказались за прекращение ловли рыбы в низовьях Таймыры и некоторых участках в западной части Таймырского озера. На этом совещании наметились восточные и южные границы заповедника, которые определялись размещением выпаса оленей и участков лова рыбы на озере.

Наши коллеги — сотрудники Ленинградского ботанического института Академии наук СССР, которые должны были принять участие в обследованиях, — обосновались на территории Хатангской гидробазы, где разместился целый поселок из разноцветных балков. Оказалось, что все ботаники уже выехали в Ары-Мас, в Хатанге же их полпредом оставался Володя Морозов — студент Ленинградской лесотехнической академии. Он охотно согласился с тем, чтобы я составил ему компанию в балке. Танкачеев и Шестопалов предпочли поселиться в гостинице.

На совещании в райисполкоме мы познакомились с районным рыбинспектором А.М. Крицким, человеком немногословным, но очень деловым, который принял наши заботы с вниманием и обещал помочь добраться в Ары-Мас. Плыть туда предстояло пятьдесят километров вниз по Хатанге и еще около ста вверх по реке Новой. Крицкий сдержал слово, и наутро в гостинице появился высокий парень по имени Женя, бывший рыбак, а ныне работник рыбнадзора. Лодка «Прогресс» с мотором «Вихрь» была уже на ходу, оставалось только достать бензин. Кое-как нам продали сто литров на рыбозаводе (за 60 рублей), а еще столько же подарили на гидробазе, пожелав успеха в создании заповедника. Доброе отношение местных людей к нашему делу мы встречали очень часто и находили в этом серьезную поддержку.

Конечно, весь день ушел на хлопоты с бензином, разборку и перевозку вещей, и только к вечеру моторист Женя, Шестопалов и я собрались наконец в долгожданный путь.

Весело бежит моторка вниз по простору Хатанги, и мне любо присматриваться к новым местам. Женя держит курс вдоль низменного левого берега, заросшего высоким ольховым кустарником. Большие кочки, зеленеющие свежей травой, свешиваются к воде. Противоположный правый берег крут, обрывист и напоминает реки Эвенкии — кудрявится над откосом лиственничная тайга, чуть подернутая зеленой дымкой (хвоя едва распускается, весна нынче затяжная и холодная).

Миновали речку Казачью, славившуюся когда-то обилием рыбы и дичи, прошли мимо острова с обрывистыми берегами, где среди черной торфяной почвы проглядывали пласты вечной мерзлоты. В таких местах нередко обнажаются останки мамонтов,

исполинских быков и других древних обитателей Таймыра. Довольно часто встречались стаи турпанов, шилохвостей, чернетей, попадались чайки и поморники.

Устье реки Новой открылось неожиданно из-за большого острова с мощными ледяными глыбами у берегов. Вся река при впадении в Хатангу была перегорожена рыбацкими сетями. Два чума стояли на берегу, возле них отчаянно токовали турухтаны. Поблизости вялилась рыба, висела свежеснятая оленья шкура. Мы прошли еще немного и остановились на пологой возвышенности, сплошь усеянной весенними первоцветами.

...Кругом было так хорошо, привольно, тихо. Мы даже не стали ставить палатку, расстелили ее, достали спальные мешки. Я уже привык спать на свету и заснул сразу, зато утром проснулся очень рано, разбуженный «хохотом» белой куропатки, приблизившейся к нам вплотную.

Странное ощущение при взгляде вокруг — слишком уж широк горизонт. Коллеги из Института леса рассказывали мне, что охотовед Лев Мичурин, переехавший из Норильска в Красноярск, долго не мог привыкнуть к тайге. «Встанешь утром, — говорил он, — поглядишь, ничего кругом не видно, то ли дело у нас...» Мне же неуютными кажутся гряды всхолмленной тундры, непривычно чувствуешь себя на этом открытом бугре, точно выставили тебя на общее обозрение. В криках чаек слышалась тоска...

— Чем этот Ары-Мас так замечателен, что все ученые туда набились? — поинтересовался Женя.

Я объяснил, что до последнего времени Ары-Мас считался самым северным лесным участком в мире, и только недавно В.В. Крючков показал, что по правобережью Хатанги лес тянется еще дальше к северу[11].

— Экое открытие, — усмехнулся моторист, — мы все знаем, что Лукунская севернее, а лес там есть, правильно...

— Леса эти исключительные, таких нигде больше нет, — сказал я. — Там каждое дерево, как прибор, оно регистрирует и погоду, и климатические изменения. Ученые могут изучать здесь условия жизни леса и тундры. Это нужно и науке, и хозяйству.

Женя потянулся за новой кружкой чая.

— Я слышал, что скоро в Ары-Масе начнут работать нефтеразведчики. Нагонят туда тракторов, вездеходов, ничего тогда от вашего леса не останется.

— Нет, дорогой! Ученые писали про Ары-Мас и в крайисполком, и в Министерство геологии...

— Подумаешь, писали... Пошлют вас геологи куда подальше, и все тут. Нефть-то поважнее ваших дел.

— Ошибаешься. Красноярские геологи отлично поняли, что речь идет о памятнике природы мирового значения. Если его утратим, не поможет нам ни наука, ни техника. По тресту «Красноярскнефтеразведка» издан специальный приказ, который категорически запрещает прокладку дорог и трасс и проведение изысканий в Ары-Масе[12]. Запрещено даже планировать сейсмопрофили в этом районе.

— Тогда, может быть, не надо и заповедник делать?

— Нет, нужна гарантия для сохранения навечно. Начальники у геологов меняются. И главный вред Ары-Масу причиняют сейчас местные жители. Они рубят лиственницы, лес редеет, чахнет. Мы объясним колхозникам положение, они должны нас понять, дать согласие на заповедание.

— Через Ары-Мас часто гоняют стада. Верно, там лиственницу рубят на чумы, пасти ставят, дрова опять же... Ну, наверное, согласятся, если председатель правиль-

---

[11] Ары-Мас лежит на 72°28' с. ш., а Лукунская — на 72°34' с. ш. Отдельные куртины лиственницы по правому берегу Хатанги достигают 72°40' с. ш. (Крючков, 1973).

[12] Приказ № 194 от 6 декабря 1972 г. подписан нач. треста В. Млотэк (из архивов Главохоты РСФСР).

но поставит это дело на собрании... Однако, парни, давайте плыть, а то далеко еще нам.

Мотор, как обычно, покапризничал после ночевки, но в конце концов завелся, и мы двинулись вверх по Новой среди однообразной кустарниковой тундры.

...Шли вдоль высокого правого берега, над которым тянулся невзрачный корявый лиственничник — это и был знаменитый Ары-Мас. Среди пятен снега и льдин возле берега несколько раз мелькали пегие зайцы. Наконец за лесистым мысом открылся палаточный городок, над ним под порывами дождя и ветра развевался флаг из вафельного полотенца с коричневой головой оленя, лиственничной веткой и надписью «Ары-Мас-73».

Вскоре мы сидели за длинным дощатым столом и обменивались первыми впечатлениями. Начальник ленинградской экспедиции Борис Николаевич Норин, пожилой, сухощавый, с профессорской седенькой бородкой, в окружении дюжих помощников радушно встречал полуночных гостей. Он подтвердил обещание взять на себя всю ботаническую часть нашей работы, однако заявил, что основные дела у него здесь, в Ары-Масе, поэтому выехать отсюда надолго не удастся.

...Нет, не радовался Ары-Мас нашему приезду! Утро первого июля было пасмурным, холодным и дождливым. Ледяной дождь перемежался с крупой и мокрым снегом, густой зябкий туман окутал спящий лагерь.

Поднявшись на невысокий пригорок, я оказался в самом центре знаменитого лесного острова: меня окружали корявые деревья высотою не более десяти метров при толщине у основания 12–15 см. Лишь у некоторых лиственниц и ольховых кустарников чуть-чуть приоткрылись почки, подставляя нежную зелень ударам холодных ветров.

...После плотного рыбного завтрака мы отправились с Б.Н. Нориным и Алексеем Кнорре (сотрудником заповедника «Столбы», работавшим вместе с ленинградцами в Ары-Масе) на экскурсию вверх по речке Улахан-Юрхе, в устье которой был расположен лагерь.

Хорошо бродить по незнакомым местам с ботаниками. Они представляются мне живыми справочниками — надо же держать в памяти столько мудреных названий, знать каждую травинку, почти каждый вид мхов и лишайников. Впрочем, флористический состав Ары-Маса не так разнообразен, всего каких-нибудь две-три сотни видов...

— Это драба, вот элитрихия, она похожа на нашу незабудку, валериана, мытник, нордосмия... Посмотрите, сие нежное существо называется пингвикуля, а по-русски — жирянка, она ловит насекомых своими клейкими листочками, вот какая хищница, и не подумаешь.

Выясняется, что вездесущая в лесотундре ива с крупными желтыми сережками называется мохнатой. Уточняю названия основных лишайников и мхов, но в то же время надо примечать и птиц — я едва успеваю записывать. Встречены краснозобые коньки, обыкновенные чечетки, пролетает полярная крачка, тулес, поморник...

— Смотрите, вон гнездо на большой лиственнице, — показывает Кнорре. — Это сапсан, он гнездится здесь ежегодно. А рядом с ним выводит потомство куропатка и две пары гусей. Сапсан не обижает птиц, которые гнездятся рядом с его жильем.

Со школьных лет мы слышим, что в тундре гуси и казарки гнездятся рядом с пернатыми хищниками. Теперь довелось увидеть.

— Вот одна из самых крупных лиственниц в Ары-Масе, — показывает Норин. — Высота ее 18 метров, настоящий гигант. Сейчас таких деревьев уже мало, а когда в начале тридцатых годов Ары-Мас впервые описал А.И. Толмачев, их было гораздо больше.

— А в чем, собственно, уникальность Ары-Маса? — «подначиваю» я Норина. — Ведь леса на границе с тундрой растут и на Лене, и на Оби, и на Кольском полуострове.

— Но здесь абсолютный северный предел лесов для всей планеты; это разве не уникальность? Такого места нет больше на всем земном шаре.

— А Лукунская? — спросил Валя.

— По-моему, Лукунская не так интересна, как Ары-Мас, потому что здесь нарушается всякая зональная закономерность. Ведь Ары-Мас действительно остров в тундре. Посмотрите, — он показал на юг, где виднелись открытые пространства, — типичные тундры, даже не кустарниковые, а пятнистые, полигонально-трещиноватые, что свидетельствует о неглубоком залегании вечной мерзлоты. И вот здесь вдруг появляется такой лес. Конечно, это не лес, а редколесье, но ведь деревья живут, создают свой биогеоценоз, свое ландшафтное окружение, отличное от тундрового. Впрочем, и Лукунскую как абсолютный лесной предел тоже надо взять под охрану.

Норин искренне разволновался:

— Подумайте только, основное поколение местной лиственницы имеет возраст 200–250 лет, они современники Петра Первого. Следующие поколения возникли в начале и конце XIX века, современный подрост отмечается в 1930 и 1950 годах. Ведь не каждый год складываются условия для появления самосева и выживания всходов. Каждое дерево — подлинный герой: десятки и сотни лет требуются для замены одних поколений другими, а лиственницы рубят на дрова, на чумы, рубят как попало, бездумно... Надо как можно скорее заповедать весь Ары-Мас!

— Борис Николаевич, — спросил я, — а вы или ваши сотрудники бывали в Жданихе или Крестах, в тех колхозах, которые сейчас владеют Ары-Масом? Может быть, стоило бы рассказать о научном значении этого леса, поговорить с председателями, написать в районную газету...

— Надо бы, конечно, да ведь времени не хватает. И потом, от этого трудно ждать реальных результатов.

— Почему же? Ведь удалось повлиять на геологов. Многие люди просто не имеют представления о значении и ценности Ары-Маса, он для них настолько привычен, что и в голову не приходит мысль о его охране.

Мы вышли на южную оконечность массива. Внешний облик редколесий заметно изменился. Здесь встречались большие редины и прогалины, возникшие от беспорядочных выборочных рубок. На месте срубленных деревьев возникали своеобразные кусты. Кроны многих лиственниц имели особую стланиковую или шпалерную форму. Над некоторыми кустами возвышались корявые стволики с искореженной, искривленной кроной. Глядя на эти несчастные, скрюченные морозами и ветрами чахлые деревца, я невольно вспомнил могучие лиственничники в долинах дальневосточных рек — трудно было представить себе, что это один и тот же вид — лиственница даурская.

— Посмотрите, — сказал Норин, — еще Миддендорф писал про то, что на границе с тундрой леса приобретают непривычный облик, он говорил, что непогоды породили ту древесную форму, которую садовник получает посредством подстригания дерева. Морозы губят побеги, не дают стволу расти вверх, и все же лиственница не сдается, ее жизненная сила так велика, что она долгими десятилетиями сохраняется в таком состоянии. Ведь эти притундровые леса смягчают действие холодного полярного климата, принимают на себя удары морозных ветров, защищая материковую сушу. По-моему, глядя на эти деревца, каждый человек должен проникаться к ним невольным уважением.

...Между тем холодный дождь вновь усилился, и мы повернули к лагерю. На обратном пути наткнулись на гнездо мохноногого канюка, расположенного на невысокой, но толстой лиственнице с причудливо изогнутыми ветвями. Под гнездом лежало множество остатков леммингов и перья разных птиц — морянок, куликов, крачки. Самка слетела с гнезда — она насиживала яйца, — и мы ушли, чтобы не загубить кладку.

Я подробно информировал ботаников о положении наших дел, о результатах проведенных обсуждений и просил непременно принять участие в обследовании намечен-

ных под заповедник территорий. К сожалению, Норин отказался от планируемых походов по Логате и даже от поездки на Лукунскую, ссылаясь на занятость и недостаток бензина. Единственное, на что он согласился, — принять участие в полетах для предварительного обследования, которые мы намечали провести после 10 июля. Мы уточнили предполагаемый маршрут: Хатанга — Ары-Мас — озеро Кокора, озеро Нада-Турку — река Логата — Верхняя Таймыра — озеро Таймыр — река Балахня — река Лукунская — Хатанга. Полет был рассчитан на максимальную продолжительность — 6–7 часов.

Остаток дня — если можно так выразиться в пору полярного лета — был посвящен препарированию, съемке птичьих шкурок. Перед отъездом из Москвы я узнал, что в зоомузее МГУ нет коллекций из Ары-Маса, кроме того, без отстрела нельзя установить видовой состав птичьего населения, тем более в таком необычном месте. Пользуясь карманным справочником, я узнал, что здесь обитает чечетка не тундряная, а обыкновенная, пеночка оказалась обычной весничкой. Заодно я снял шкурки с двух леммингов и полевки, которые были пойманы возле самой палатки сеттером Сильвой, принадлежавшей одному из ботаников.

Поставленную нами палатку в ночь на второе июля засыпал мокрый снег. Растительность перестала развиваться, цветы поникли в ожидании тепла.

Наскоро позавтракав, я отправился в маршрут с тем, чтобы пройти весь Ары-Мас и как следует посмотреть птиц. В такие походы лучше отправляться в одиночку, чтобы не отвлекаться от наблюдений. Охотники и натуралисты не любят ходить в компании.

Недалеко от лагеря сразу же наткнулся на пару овсянок. Мне показалось, что это были овсянки-ремезы — типичные таежные птицы. Хотя стрелять не хотелось, но пришлось принести их в жертву науке, и не напрасно — при ближайшем рассмотрении овсянки оказались не ремезами, а крошками[13].

У самой реки на невысокой лиственнице сидел сокол-сапсан. Конечно, неплохо было бы украсить его шкуркой коллекцию, но не хотелось «разбивать семью» в пору весенних забот — ведь хищники выкармливают птенцов совместно.

Вдоль русла Новой тянулись типичные дриадово-кассиопеевые лиственничники с примесью ерников, ольхи и ивы в подлеске. По рединам господствовали мшистые кочки, покрытые мелким кустарником. Лес начал редеть, открылась широкая низина, занятая желтой прошлогодней осокой; в середине понижения лежало озеро Богатырь-Кюэль; с его берегов слышались пронзительные крики чаек и крачек. Пересекая кочкарниковую низину, я спугнул с гнезда самку шилохвости. Шесть голубоватых яиц осталось лежать на осоковой кочке, и почти мгновенно рядом появился «фомка-разбойник», как называют полярники короткохвостого поморника. При мне он не решался напасть на гнездо, но как только я удалился, резко спикировал вниз. Достаточно спугнуть утку с гнезда, чтобы кладка погибла... Вот это и называется «фактором беспокойства». Человек погубил гнездо утки, даже не причиняя ему, казалось бы, никакого вреда.

Озеро было еще подо льдом, но у берега вода уже открылась, и над ней кружились птицы. На нерастаявшем снегу я видел много заячьих следов и дважды встретил самих зверьков, которые держались очень доверчиво. В приручьевом ольшанике меня атаковали два дрозда Науманна, хорошо знакомые по Дальнему Востоку, где их бывает очень много на пролете. Здесь, на пределе лесотундры, эти дрозды выводят потомство. Еще одним старым знакомцем оказалась варакушка, «болотный соловей», как называют этих птичек в Центральной России. Отличный певец с красивым ярким «галстуком» на груди. Область распространения варакушки велика, охватывает почти всю лесную зону Европы и Азии.

---

[13] Овсянка-крошка (*Emberiza pusilla*) — обитатель северной тайги и лесотундры.

Птиц много, то и дело отмечаю в дневнике встречи куропаток, чаек, поморников. Вот протянули вверх по ручью три морянки. Два канюка с криками преследуют черного ворона. Носятся белохвостые песочники... Постепенно даже на протяжении одного маршрута начинают проявляться особенности фаунистических комплексов: в лесу почти нет таежников, преобладают обитатели лесотундры — дрозды, варакушки, чечетки; у водоемов — чайки, поморники, водоплавающие, в открытой тундре — кулики, прежде всего — ржанки; подорожники, куропатки. Все же Ары-Мас не назовешь лесом, это какое-то «тундролесье», совершенно специфичный биоценоз.

Дождь и ветер заставили меня вернуться, но все-таки представление об Ары-Масе теперь у нас было. Его общая площадь около пяти тысяч гектаров. Ботаники настаивали на том, чтобы включить в территорию заповедника не только сами редколесья, но и прилежащие тундры. Пользуясь картами, мы начертили план будущего заповедного участка и рассчитали его площадь — 15,5 тысяч га. К сожалению, граница землепользования двух хатангских колхозов проходила как раз по озеру Богатырь-Кюэль в самом центре Ары-Маса, поэтому улаживать землеотводные дела надо было теперь с двумя колхозами — в Жданихе и Крестах. В каждом предстояло провести общее собрание колхозников и просить их согласия на отвод этих участков в заповедник.

Только пятого июля погода стала меняться к лучшему. Облака уносило куда-то к западу, проглядывало чистое небо. Женя починил мотор, мы простились с ботаниками и двинулись в обратный путь. После дождей по реке несло мутную пену, и вода в Новой напоминала густое какао. Мы спустились километров на десять и свернули в узкую протоку, приблизившись по ней к поросшей редколесьем сопке. Здесь остановились, решили сделать еще один маршрут, а Женя поставил сети, чтобы привезти домой рыбки.

У подножия сопки протянулась полоса полигонально-валиковых болот, где было множество плосконосых плавунчиков. Эти чудесные птицы, занятые своими делами, совершенно не обращали внимания на людей — как будто бы нас и не было поблизости. Они летали, садились на воду, плавали, словно миниатюрные уточки. Биология плавунчиков замечательна тем, что яйца насиживают не самки, а самцы, которые окрашены скромнее, чем их более нарядные супруги. Состав орнитофауны здесь был примерно тот же, встретили только еще рогатого жаворонка (типичного обитателя тундры) и каменку, яркую птичку, широко распространенную и в открытых ландшафтах, и в редколесьях (особенно по долинам рек).

Вечером долго не могли укрепить палатку — металлические колышки сразу же упирались в мерзлоту, пришлось лить кипяток под штыри. После непогоды ярко светило солнце, и мне не спалось. Одолевали раздумья, как организовать поездку для обследования основной территории. Первоначальный замысел — сплыть на резиновых лодках по Логате и делать пешие маршруты — был правильный, но кто же поедет, кроме меня и Вали? Танкачеев не сможет, он будет заниматься в Хатанге оформлением землеотводных дел, Норин отказался... Правда, был еще вариант насчет приезда запасного участника нашей экспедиции, моей жены, зоолога Н.К. Носковой. Конечно, Надя не полярный волк, однако имеет порядочный опыт участия в экспедициях по Дальнему Востоку и Сибири. В Приамурье мы неоднократно сплывали на резиновых лодках по реке Гур (Хунгари), а в 1970 г. во время проектирования заповедника «Малая Сосьва» прошли с ней и охотоведом Андреем Пановым по Конде от самых верховий до Турсунтского тумана, преодолевая десятки труднейших завалов. Но ведь здесь совершенно нежилые места, необозримые безлюдные пространства, суровый климат. К таким маршрутам надо готовиться всерьез, нужны и легкие моторные лодки, типа польских «грифов», и специальные палатки, разные там КАПШи[14]. А что у нас? Две стандартные

[14] КАПШ — сокращенное название специальной палатки круглой формы, используемой в Арктике полярниками.

резиновые лодочки; даже примусы и те куплены в хозмаге перед самым отъездом... Я слышал, есть какой-то «шмель», но сам его в глаза не видел.

Плыть надо на двух лодках — в одной Валентин с двумя веслами, в другой мы с Надей — я на корме, она в носу, и по веслу у каждого, так удобнее. Две палатки — польская с тентом и одноместная для Вали. У него особый режим — он часто не спит по ночам, пьет чай, пишет письма... Плыть по Логате надо начиная с верховий, до Верхней Таймыры, наверное, не дойти. При авиаобследовании нужно наметить место, где бы нас потом мог взять гидросамолет.

План неплох, только слишком много в нем «если». Поедет ли Надя, дадут ли ей командировку, успеет ли она оформить пропуск и добраться в Хатангу до начала намеченного маршрута — ведь его нельзя затягивать. Уже шестое июля, числа десятого надо лететь на разведку, а не позднее двадцатого отправляться в маршрут, чтобы закончить его к середине августа. Ведь нам предстоит еще и обследование Пясины под республиканский заказник...

Утренний маршрут не добавил ничего нового к материалам о фауне Ары-Маса. Конечно, наши сведения лишь предварительные, будем надеяться, что детальные исследования проведут здесь будущие сотрудники Таймырского заповедника...

...Обратным путем мотор, подобно бегущему к дому коню, не остановился ни разу. Я пытался убедить Женю достать где-нибудь еще бензину и съездить на Лукунскую, но время было упущено, пришлось возвращаться. На обратном пути видели много гусей и добыли турпана — большую черную утку, шкурке которой теперь было предназначено ехать в зоологический музей МГУ.

* * *

Хатангский аэропорт стал для нас чуть ли не родным домом. Пятый день подряд ждем вылета. Все начальство, сами летчики, работники метеослужбы сочувствуют нам, утешают — ничего, мол, ребята, бывает и хуже. Хатанга считается самым гостеприимным местом по всему Северу, она принимает самолеты даже в ту пору, когда закрыт и Норильск, и Диксон, и Тикси...

Главное в таких случаях — не терять чувство юмора, другое утешение найти трудно. Первый раз полет был назначен на 12 июля, но пилот наш, Анатолий Прожогин, пользующийся репутацией одного из наиболее опытных летчиков, улетел по срочному санзаданию. Потом два дня «не давали» погоды. Вчера чуть было не полетели, да что-то не заладилось с заправкой. Норин сегодня заявил мне, что больше ждать не намерен и вечером уедет на стационар.

За десять дней, минувших после возвращения из Ары-Маса, в хатангской природе произошло много перемен. Буйно зазеленели тайга и тундра, развернулись листья ольхи и берез, зацвели кустарнички, куропатки вывели птенцов, во множестве появился знаменитый таймырский комар.

Пока мы с Валей плавали по Новой, Закир Умарович нанял дом на улице Полярной, но я предпочел остаться в балке. Половину арендованного им дома занимали какие-то геологи, которых я обычно заставал в лежачем положении. Союз геологов и охотоведов возник довольно прочный, началось с чьего-то дня рождения, потом отмечали получение письма, зацветание морошки...

Неужели и сегодня не полетим? Анатолий Прожогин — крупный, сутуловатый, глядящий чуть исподлобья — отправился объясняться с метеорологами. Через минуту послышались его торопливые шаги, и все мы, ног под собой не чуя, бросились за ним к самолету. Заправка максимальная, темноты, слава богу, не предвидится...

Самолет разбегается, остались позади отчаянно гнавшиеся следом мохнатые псы, и вот мы уже над поселком. Все участники полета — ботаники, охотоведы, приехавший к

нам из Дудинки землеустроитель Коротцев — прильнули к иллюминаторам, держа в руках заранее разграфленные блокноты. Сверены часы, чтобы записи не расходились по времени.

Какой широкой выглядит Хатанга сверху! Под крылом сплошной фон лесотундры, листва развернулась лишь за последние дни. Нынче лето холодное, затяжная весна. Кнорре рассказывал, что в 1971 г. в Хатанге в эту пору стояла тридцатиградусная жара и люди купались в реке, чтобы спастись от зноя.

Летим на высоте примерно двести метров и скорость 180 км в час. Видимость отличная, заметны и чайки, и поморники, даже взлетающие кулички над водой. Лесотундра постепенно кончается, внизу только бурые пятнистые тундровые пространства. Но вскоре лес возникает снова — появляется Ары-Мас, и я вижу места, по которым бродил недавно. Лиственница здесь тоже наконец-то распустилась, резко выделяется зелень по руслам рек, она здесь густого, темного цвета, наверное, это ивняки и карликовые березки.

Неимоверное переплетение русел и проток в пойме Новой. За нею в просторах тундры блестят пойменные озера и старицы замысловатой формы. Видны крохотные островки лиственничных стлаников на левом берегу, и затем уже полностью господствует только тундровый ландшафт.

Общий фон тундры здесь желто-бурый. Это наиболее распространенные нано-полигональные и пятнистые тундры, занимающие водораздельные пространства. Они наиболее бедны по составу животного мира, и мы лишь изредка видим взлетающих куропаток. Зато над участками кочкарниковых травяных и пушициево-осоковых тундр гораздо чаще видны птицы. Над озерами проносятся тени, кажется, это гагары. Видны стаи уток. Распластав огромные белые крылья, плавно парят чайки-бургомистры.

...Под нами огромное озеро Кокора, вытянутое с юга на север. Примерно половина его еще подо льдом, кое-где сверху видно, что по льду разлилась вода. На мысу выделяется белый квадратик — это жилища рыбаков, «рыботочка» Хатангского завода. Появляются возле балка две фигурки, но, увидев наш колесный Ан-2, возвращаются назад — сесть на озеро может только гидросамолет.

За озером началась опять пятнистая тундра с участками щебнистых россыпей по вершинам отдельных увалов. Довольно часто видны норы песцов на буграх, выделяющихся яркой растительностью. Известно, что на песцовых выбросах хорошо растут некоторые травы и цветы.

Штурман показывает карту, и я с трудом ориентируюсь, глядя вокруг на эти разноцветные пространства. Слева большое озеро Нада-Турку, откуда берет начало один из истоков Логаты. Теперь мы летим уже над территорией проектируемого заповедника. Внизу бесконечное число озер, их, наверное, даже не тысячи, а многие десятки тысяч, причем различной формы — округлой, эллипсовидной, похожих на подковы или вопросительные знаки...

Впервые после вылета вижу диких оленей — небольшие группы по 5–10 голов, они двигаются своим путем, не обращая внимания на пролетающий самолет.

Теперь мы летим вдоль вьющейся среди всхолмленной тундры тонкой синей ленточки — это река Логата. Трудно угадать с высоты характер ее течения, глубину, а мне хотелось бы все это знать, прежде чем пускаться по ней в плавание. Как-то не по себе от мысли, что предстоит долго находиться в этих странных для непривычного человека местах... Вопрос еще в том, как же высадиться? Логата слишком узка для гидроплана. Но Прожогин решает эту задачу просто — любое из ближних озер может служить посадочной площадкой, а из него потом нетрудно перебраться на Логату.

Потревоженные самолетом стаи линных гусей то и дело отплывают от берега. Я прошу лететь чуть ниже и отчетливо вижу две стайки краснозобых казарок. Если эта птица гнездится на Логате, то это веский довод за создание заповедника. Ведь красно-

зобая казарка одна из самых редких и ценных птиц нашего Севера, к тому же она здесь находится на восточной границе своего ареала. Правда, сотрудник Геологического института АН СССР Л. Д. Сулержицкий говорил мне в Хатанге о встрече с казаркой еще восточнее, в верховьях Большой Балахны[15].

Все чаще попадаются олени. Они держатся поодиночке или небольшими группами. В большинстве своем это самцы, или «хоры», как их здесь называют. Самок же с телятами не видно, хотя пора отела уже прошла. Основные пастбища находятся к западу отсюда. Много оленей уходит летом на север, направляясь к Ледовитому океану за горы Бырранга.

Мы летим вдоль русла Логаты, срезая ее извилистые петли. Река становится шире, и почти у каждого поворота от берега отплывают стаи гусей или казарок. Птицы тесно прижимаются друг к другу, сверху кажется, будто по воде плывет светлый островок, оставляя характерный водяной след... Здесь берега более круты, появляются прибрежные яры и обрывы, вся местность становится холмистой, пересеченной. На прибрежных буграх видны свежие выбросы у песцовых нор. Вот и хозяин одной из них удирает, вытянув длинный, по-летнему тонкий хвост. От его зимней красоты не осталось и следа, весь он худой и грязно-бурый...

Внезапно самолет делает крутой вираж, пересекая путь уходящему на махах волку. Все в самолете сразу оживились, слышны восклицания, кто-то даже начинает искать ружье, но не наше сейчас дело гоняться за волками. Довольно и без нас таких энтузиастов.

Длинный ряд цифр ложится в дневник — непрерывно отмечаю встречи гусиных стай на реке. Но вот и устье Малой Логаты, где я предварительно намечаю окончание будущего маршрута. Место приметное: ниже по течению тянутся мощные береговые уступы-яры, отвесно спадающие к реке. Самолет разворачивается над ними, спугнув пару белых сов, и берет курс к долине Верхней Таймыры, приходится сокращать намеченный путь; для того чтобы облететь проектируемый заповедник по всем его границам, нам не хватит горючего.

Справа появляется озеро Сырута-Турку, одно из самых крупных на Восточном Таймыре (не считая, разумеется, самого Таймырского озера). Вблизи него много оленей, видим стада до тридцати-сорока голов. Чаще всего заметны самцы с большими рогами, у некоторых еще только мелкие «шпильки». Очевидно, из-за холодного лета и отсутствия гнуса в тундре часть оленьих стад задержалась на правобережье Верхней Таймыры и не пошла дальше на север.

Чем ближе продвигается самолет к северу, фон тундры становится все более бурым, постепенно слабеют и блекнут не только зеленые, но даже желтые тона, зато белые пятна нерастаявших снежников и льда на озерах мелькают все чаще. Наконец среди красновато-бурой тундры появляется мутная свинцовая полоса. Это и есть Верхняя Таймыра — главная река восточной части полуострова. Ее берега из мелкой черной гальки совершенно пологи и кажутся безжизненными; очень редко встречаются стаи гусей, нет казарок, даже чайки и поморники почти исчезли. Какое различие с оживленной, насыщенной жизнью Логатой — точно мы пересекли какой-то невидимый рубеж. Но это так и есть, потому что где-то по водоразделу проходит граница между субарктическими мохово-лишайниковыми тундрами и обедненной арктической тундрой.

Теперь самолет летит по левому берегу Верхней Таймыры вдоль отрогов гор Бырранга, самого северного нашего кряжа (если не считать гористых островов), который пока что доводится видеть сравнительно немногим. Когда-то этот хребет служил пределом проникновения человека на север Таймыра. «Камни там так остры, — говорил

---

[15] Б.М. Павлов сообщил нам, что краснозобая казарка встречена гораздо дальше к востоку, вплоть до границ Якутии.

Миддендорфу один из его проводников, — что наша обувь изнашивается в один день. Оттого там не растет и мох для нашего скота, там голая, мерзлая земля». Тундровые участки вдоль реки чередуются с настоящими щебнистыми арктическими пустынями. На пологих склонах совсем нет растительности, фон ландшафта становится уже не бурым, а серым и местами черным, только еще отчетливей выделяются многочисленные пятна снежников. Вокруг неземные, космические краски. Я невольно вспоминаю гренландские полотна Рокуэлла Кента, но и они гораздо ярче и живее по сравнению с этими пейзажами. Такова настоящая «Таймурия», как называли когда-то эту землю иностранные ученые.

Оставляя слева протянувшееся среди гор узкое и длинное озеро Левинсона-Лессинга, названное в честь известного геолога, мы выходим к бухте Ледяной — это уже один из заливов Таймырского озера. Вокруг мрачные серые горы, а ведь именно на этом участке нам необходимо уточнить границу будущего заповедника с учетом замечаний геологов. Для нас очень важно, чтобы в пределах заповедника были представлены не только тундровые, но и горно-арктические ландшафты, которых совершенно нет в бассейне Пясины...

Вот перед нами и долгожданное Таймырское озеро во всем своем величии. Почти все оно, кроме истоков Нижней Таймыры, сплошь забито льдом. Огромное ледяное поле продвигается на запад к открытой воде. В такие холодные годы лед на озере держится почти все лето. Это уже настоящая Арктика. Местность напоминает иллюстрации к фантастическим романам, поражая глаз суровостью и четкостью линий. Вот мыс Саблера — очень важная точка для описания границы заповедника. Видна вся бухта Нестора Кулика и уходящая черным ущельем на север долина Нижней Таймыры.

Впереди бухта Ожидания, где находится та самая полярная станция, которая так долго «не давала» нам погоды. От восточной оконечности бухты замысловатым полумесяцем выдается узкая щебнистая коса, куда могут при особой необходимости сесть самолеты на колесах.

Запросив по рации разрешение, пилот делает два пробных захода и мастерски совершает посадку. Колеса бегут в нескольких метрах от края воды, наконец самолет подпрыгивает на гальке и замирает.

Мы вылезаем, оглядываемся, и я с трудом осознаю, что нахожусь в романтическом месте, давно знакомом по описаниям И.С. Соколова-Микитова и В.М. Сдобникова. Черная галька, холодная вода, холмики, похожие на курганы... Токуют кулики, цветет по краю косы желтая сиверсия... Мы направляемся к метеостанции. Это два бревенчатых домика, ощетинившихся всевозможными мачтами, антеннами, флюгерами, а позади раскинулся целый городок из однотипных деревянных балков. Рядом несколько вездеходов и два больших трактора, весь берег усеян бочками с горючим. Это, конечно, геологи, ведущие разведочные работы в южной части хребта Бырранга. Они поддерживают регулярную связь с Хатангой вертолетами Ми-8 и Ми-6, которые я нередко видел над поселком.

Начальник метеостанции в отпуске. Его помощница, Людмила Глаголева, рассказала нам, что станция подчиняется Диксону, в штате всего пять человек. Обычно здесь всегда тихо, но в этом сезоне многолюдье, больше шестидесяти геологов, экспедиция будет работать много лет подряд.

— В этом году очень долго лед держится, — рассказывала Глаголева, — обычно ветер гонит к заливу, а нынче все не так. И геологов разместили, говорят, «в порядке исключения» — ведь нельзя им ближе пяти километров к станции. У нас тут всякие замеры, нарушается обстановка. Всю зиму возили бочки с горючим, весной лед взломало, часть бочек ушла на дно, некоторые наполовину с горючкой... Пленка нефтяная и сейчас держится.

...Беда нам с этими геологами, — продолжала Глаголева, — ничего живого кругом не осталось, рыбу кончили, все с ружьями, как на войне; куропатки вблизи ни одной не увидишь. На вездеходах за оленями гоняются, хотят балки на вездеходы поставить, тогда хоть куда беги. Поздно вы надумали заповедник делать, надо было раньше разворачиваться...

Мы вошли в домик, где в печке жарко горел уголь. Добывают его здесь же неподалеку, на речке Угольной, где устроены примитивные открытые карьеры.

Один из работников метеостанции работал прежде на мысе Челюскин и на острове Преображения. Узнав о наших целях, он стал охотно делиться своими впечатлениями.

— На острове Преображения зимуют 28 полярников с метеостанции. Каждый год собирали они яйца на птичьих базарах, хатангская гидробаза раньше даже принимала их, но постепенно все кончилось. Сейчас собирать больше нечего. В прошлом году кое-как сдали 300 яиц, и то одни только кайры остались. Для себя, конечно, берут, но уже совсем мало. Моржей на лежбищах там теперь нет, остались только в бухте Марии Прончищевой. Бьют их охотники на песцов, а больше так, зазря переводят. Запреты? Ну а кто про них там слышал-то? Ни одного инспектора не бывало, да и вряд ли появятся они в тех краях. Белый медведь считается под охраной, а на самом деле бьют их почем зря, непонятно, откуда они еще берутся!

— А кинооператор Ледин из Норильска, говорят, на Преображении снимал моржей и медведей? — спросил Прожогин.

— Не на Преображении, а на Песчаном. К тому острову никакое судно подойти близко не может, мели там, людей нет. Ледин этот — мужик отчаянный, как это он ухитрился там снять и живым остаться! А насчет медведя, ребята, так я прямо скажу, вам его от смерти неминучей не спасти. Били его полярники, бьют и бить будут, вот и весь сказ! ...Кто же от такой шкуры откажется? Человек сперва о себе думает, а потом уже о природе... А заповедник — что же, дело хорошее, только не поздно ли за него взялись?

Мы попрощались и вышли из помещения полярной станции. На растяжках большой радиомачты густо висели гольцы — арктические лососи, ловля которых запрещена. «Если бы сейчас рыбинспектор предъявил штраф, пожалуй, геологам не хватило бы их длинных северных рублей, чтобы расплатиться», — невольно подумалось мне. Угадав мою мысль, Танкачеев махнул рукой, дескать, брось, не связывайся... Сопровождаемые настороженными взглядами, мы повернули к мысу, за которым стояла наша краснокрылая «Аннушка».

— Держись, геолог! С голоду не пропади! — только и сказал Прожогин, помахав рукой поднявшемуся с базы вертолету.

Самолет взял курс на юг. Вдоль покрытого льдом огромного залива Байкура-Неру лежат красноватые выпуклые тундры с зелеными прожилками вдоль водостоков. Здесь опять начали встречаться олени, куропатки, гуси. Видели еще одну рыбацкую стоянку на самой южной точке залива, как раз там, где должна проходить граница намечаемого заповедника.

Насколько хватает глаз, расстилаются пространства полигональных болот, напоминающие гигантские вафли неестественных красновато-желтых цветов... Фантастические, неземные пейзажи, даже глазам не верится... Все это — проделки вечной мерзлоты и полярных грунтов. Снова речки, протоки — наверное, верховья Большой Балахни. И опять самолет входит в полосу густого тумана, ничего не видно, лишь изредка сквозь клочья облаков мелькают озера, болота, зеленые пятна тундры...

Я прошу Анатолия лететь к Лукунской, но он качает головой — горючее на исходе, мы летаем уже больше шести часов. Летим по-прежнему вслепую и выходим из тумана где-то возле Новой. Опять под крылом самолета Ары-Мас, зелень лесотундры и красивые синие озера, потом за лабиринтами проток появляется Хатанга, белые домики по-

селка. Спасибо нашим пилотам — Прожогину, Белокриницкому, штурману Освальду. Славная у них работа!

* * *

На другой день после полета почти все его участники собрались вместе, разложили на столах и даже на полу таймырские карты и вычертили границу предлагаемого заповедника. Теперь задача Коротцева — рассчитать по материалам землеустройства его площадь, а наша — провести наземное обследование. В тот же день я составил текст письма с примерным описанием намеченного под заповедник участка, Валентин начертил картограммы, чтобы разослать их во все заинтересованные организации для предварительного согласования. Рассылка писем заняла у нас почти два дня. Только 20 июля я получил известие о вылете Н.К. Носковой из Москвы. В Хатангу она должна прилететь 22 июля после пересадки в Красноярске.

Таким образом, все складывалось, казалось бы, удачно. Наш рейс с вылетом на Логату наметили на утро двадцать пятого июля — это был уже крайний срок, тем более что завершить маршрут мы наметили пятнадцатого августа — на обследование оставалось всего три недели.

Я даю наставления как быть, если Надя опоздает. Договариваемся, что Танкачеев отвезет ее в Ары-Мас для более подробного зоологического обследования и постарается организовать выезд на Лукунскую.

Опять знакомый до деталей хатангский аэропорт, волнения, не задерживается ли рейс из Красноярска. Но нет, кажется, уже вылетел и скоро будет здесь. Неимоверно долгие минуты ожидания — и вот она, собственной персоной, с большим рюкзаком — все-таки прибыла за два часа до нашего отлета... Мы вместе летим на Логату, светит полярное солнце, и мир поистине прекрасен!..

На этот раз все шло как по маслу. Погрузка, короткий разбег против ветра, будто летишь на санках с крутой ледяной горки, и самолет ложится знакомым курсом на Ары-Мас, Новую, Кокору.

Полет от Хатанги до южной границы проектируемого заповедника занял полтора часа, и в половине четверого Прожогин посадил самолет на одном из безымянных озер невдалеке от Логаты, немного ниже того места, где в нее впадает речка Северная. Мы тут же окрестили это озеро «Посадочным».

Самолет, тихо разбрызгивая поплавками воду, подрулил к самому берегу, и мы легко перетащили вещи на высокую прибрежную террасу. Славное было здесь место — высокое, цветистое, залитое ярким солнцем, пронизанное птичьими криками... Мы еще раз повторили уговор — встречаемся пятнадцатого августа в устье Малой Логаты или немного ниже, на более прямом участке русла.

Тундра вновь наполнилась гулом, самолет взлетел, развернулся, покачал крылышками и скрылся из виду, оставив нас троих наедине с тундрой.

На высоком сухом пригорке все вокруг пестрело цветами, густой яркой зеленью. Цвели камнеломки, лапчатки, мытник, какие-то колокольчики. Успокоились и продолжали заниматься своими делами потревоженные самолетом птицы. Прямо возле нас токовал самец бурокрылой ржанки. То взлетая вверх, то опускаясь возле своей подруги, птица смешно семенила, топорща крылышки, точь-в-точь как заправский танцор на сцене. Несколько крупных чаек-бургомистров и пара белых сов летали неподалеку от озера, там, где виднелась полоса нерастаявшего льда. Лед проглядывал и из-под воды. Я невольно представил себе, какая же холодная вода в этом озере. Как только плавает в нем эта гагара? В бинокль рассмотрел огромный белый клюв и убедился, что это не обычная чернозобая, а полярная гагара, которую называют также белоклювой. Это самый крупный вид из семейства гагар.

Комары все-таки обнаружили нас и давали о себе знать. Но это было совсем не то, что в лесотундре где-нибудь под Хатангой. Всем нам, привыкшим к лесу, казалось неестественным, что негде найти палки для установки палаток (хорошо, что сообразили взять с собой!), нельзя собрать дров и развести костер. Обнаружилось серьезное упущение — оказались забытыми рыболовные принадлежности.

Жизнь в тундре шла своим чередом. Все птицы и звери здесь, похоже, привыкли заниматься своими делами, не обращая особого внимания друг на друга. Нас, наверное, тоже принимают за «своих» и не стесняются. Я вижу, как по долине ручья, впадающего справа в наше озеро, спокойно шествует пара гусей. В бинокль видны и пять маленьких гусят, пробирающихся среди кочек и карликового ивняка, словно в настоящем лесу.

Время, по нашим понятиям, позднее, ночь на дворе, но яркий солнечный свет заливает палатку. Солнце висит низко над горизонтом, и его лучи просвечивают насквозь всю округу, словно нас освещает боковой рефлектор. Крики птиц не умолкают ни на минуту, в них слышится праздничное ликование. Нет, заснуть сегодня не удастся, и я отправляюсь осматривать местность.

Вокруг нас типичные субарктические мохово-лишайниковые и кустарничковые тундры. Кустарничками называют (в отличие от кустарников) специфические мелкие растения, занимающие как бы промежуточное положение между травами и древесно-кустарниковой растительностью. Такова, например, всем известная брусника. Она тоже была здесь в тундре, но очень мелкая, едва заметная среди других. А фон создавали кассиопея, дриада, или куропаточья трава. В понижениях господствовали травы — арктическая осока и мятлик, лапчатка, местами пушица. Лишайники — главный корм оленей в зимнее время — растут лишь на отдельных возвышенных участках. Но частые кучки оленьего помета говорят о том, что летом зверей здесь бывает много. Повсюду также помет зайцев и следы деятельности леммингов — норы, ходы, покопки. Нередко встречаются сами зверьки, а вскоре мне начали попадаться их трупики. Все это были старые самцы без признаков какого-либо заболевания при внешнем осмотре. Некоторые зверьки были с раздробленной или оторванной головой, это разумеется, проделки сов или поморников, свидетельство изобилия грызунов. Их численность сейчас, по-видимому, так высока, что к осени могут начаться знаменитые миграции, если только до этого зверьки не погибнут в массовом количестве.

...Я прибегаю к помощи компетентных авторов, книги которых помогали нам познавать природу тундры. Только для себя мы заново открывали то, что уже было хорошо известно нашим предшественникам. Но это отнюдь не значит, будто тундра настолько исследована, что в ней уже нечего делать биологам. Напротив, будущих сотрудников Таймырского заповедника — когда он будет создан! — ожидает очень широкое поле научной деятельности, потому что эта зона нашей страны изучена слабее, чем другие. Мы же, проводя наши обследования, не пытались вести специальных научных наблюдений (за исключением предварительных фаунистических описаний), поскольку это предстоит тем, кто будет работать в заповеднике.

Чтобы разведать место для предстоящей перетаски лодок, я обогнул наше озеро и убедился, что от его северного берега до Логаты немного более километра. Над пологой сопкой между озером и рекой кружились чайки и поморники, там же летала белая сова, и мне было видно, как птицы то и дело опускались на землю, хватая леммингов. На обратном пути видел на озере несколько морянок и серебристых чаек. Из воробьиных птиц встречались только подорожники.

Свернуть лагерь оказалось делом недолгим. Мы накачали лодки и переплыли через озеро. Лодки перетащили на реку не сдувая, потом в два приема отнесли рюкзаки — вещей было немного, продуктов — в обрез, при условии жесткой экономии. Поскольку

на рыбу надеяться теперь не приходилось, я разрешил Вале считать сезон научной охоты открытым, тем более что нам нужно было собирать шкурки для обещанной коллекции зоомузея МГУ. Пока мы с Надей готовили чай, Валя огласил тишину тундры выстрелами и принес пару куропаток, поморника и морянку.

Долгожданная Логата ниже устья Северной оказалась небольшой тихой речкой, шириной метров тридцать пять–сорок с илистыми пологими берегами, сплошь испещренными следами гусей, оленей, куликов и чаек. Я вспомнил о «грязевых альбомах», про которые писал А.Н. Формозов в книге «Спутник следопыта». Здесь хоть весь берег, хоть любой участок бери в альбом и разглядывай — чего-чего только тут нет!

У самого берега реки лежала куча деревянных предметов. Это, по-видимому, была долганская или нганасанская могила. Здесь были остатки нарт, очевидно оставленные, чтобы помочь покойнику добраться к «верхним людям», шесты, дощечки, планочки, старые кости, принадлежавшие, как мы убедились, северному оленю.

...Невозможно получить представление о земле, пока не пройдешь по ней пешком, не увидишь воочию. Это на Луне пробы грунта берут аппараты, а мы должны свой край пощупать сами...

Мы пообедали популярным в экспедициях супом из горохового концентрата и в четыре часа дня тронулись в свой первый путь по Логате. Погода, как накануне, была отменная, плыть оказалось нетрудно, хотя поначалу мешали мелкие перекаты.

Этот день первого плавания вспоминается мне теперь как удивительный сон. Ничего подобного я в жизни никогда не видел и, наверное, не увижу. Мы проникали в непотревоженную жизнь первозданной тундры в самый разгар лета, в кульминационный момент развития живой природы, и вскоре убедились, что долина реки, ее прибрежные участки являются местом сосредоточения всей тундровой живности, особенно — хищных и водоплавающих птиц, зайцев, песцов и других животных.

Линных гусей и казарок начали встречать, едва отплыв от стоянки. Гуси держались очень осторожно, они уплывали, как только показывалась наша лодка, и скрывались за ближайшим мысом. Совершенно иначе вели себя казарки. В первой встреченной стае было четырнадцать линных птиц. Сбившись плотной группой, они не спеша удалялись прочь, подпуская на верный выстрел, но нам не хотелось стрелять краснозобых казарок, хотя получить шкурку для коллекции не мешало бы.

Краснозобая казарка в самом деле очень красива, вся она складная и элегантная, точно изящная игрушка. Я помню, как во время работы в Московском зоопарке, каждый день проходя мимо пруда, любовался этими птицами. Казарки мельче гусей, но заметно крупнее уток. Три цвета — черный, белый и красный — распределены по туловищу птицы весьма замысловато. Краснозобая казарка вроде бы черная и сверху, и снизу, но прежде всего бросается в глаза окраска ее груди и шеи. Она даже не красного, а какого-то особого ярко-шоколадного цвета, окаймленного белой оторочкой. Между глазами и маленьким аккуратным клювиком расположено белое пятно, часть перьев крыла и подхвостья тоже белые, а щечки — шоколадные с каемкой. Эти яркие белые пятна на шее и голове заметны издали; и по ним-то сразу можно узнать казарок. В те годы, когда я работал в зоопарке, мне не приходило в голову задумываться, откуда появились казарки на московских прудах.

Краснозобая казарка обитает в нашей стране в низовьях Енисея, на Таймыре и на севере Западной Сибири — больше нигде в мире она не встречается, и даже в прошлом этот вид никогда не был особенно многочисленным. Общие ее запасы по данным учета на зимовках определялись когда-то в 40–50 тысяч голов[16]. Однако со временем числен-

[16] В недавнем прошлом краснозобые казарки на зимовках держались на Каспии, где и проводились учеты. В настоящее время казарка зимует вне пределов СССР, в частности в дельте Дуная.

ность ее значительно сократилась и сейчас составляет, по-видимому, не более двадцати тысяч, а возможно, и меньше.

На Таймыре, где проходит восточная граница обитания краснозобых казарок, обилием этих птиц славилась Пясина и некоторые ее притоки (Агапа, Пур, Янгода и др.). Но по мере освоения Севера и усиления охоты количество казарок быстро сокращалось. Серьезное влияние на поголовье этой птицы в бассейне Пясины оказали отловы, которые велись специальными бригадами, чтобы поставлять казарок в зоопарки. В отдельные годы в бассейне Пясины ловили до трехсот-четырехсот голов молодняка и взрослых птиц, поскольку краснозобая казарка на международном рынке пользуется большим спросом. При таких массовых заготовках, проводимых главным образом в период гнездования, конечно, немало птиц погибало, и все это заметно сказалось на общей численности. Опустели когда-то богатые «чугунковые яры» на Агапе (чугунок — местное название краснозобой казарки), редкостью стала эта птица и по самой Пясине[17]. Краснозобая казарка не может вывести потомство иначе как под защитой других, более сильных птиц. Поэтому гнездовые колонии казарок всегда расположены там, где гнездятся соколы-сапсаны или мохноногие канюки, отгоняющие со своих участков поморников и чаек. Правда, зоолог А.В. Кречмар наблюдал на Пуре гнездование казарок в колониях серебристых чаек, которые, как и хищники, не трогали расположенные поблизости гнезда водоплавающих птиц. Почему хищники не нападают на гнездящихся рядом с ними казарок, гусей или куропаток, обычно объясняют тем, что эти птицы играют роль «сторожей» и предупреждают о появлении «разбойников», ворующих птичьи яйца.

...Вскоре к стайке линных казарок, которые плыли метрах в ста перед нашей лодкой, присоединилась еще одна группа таких же птиц — теперь их было уже штук тридцать. Впереди у поворота виднелась большая стая гусей-гуменников, и они тоже быстро отплывали прочь. Плыли мы почти бесшумно, тем не менее всех птиц на реке сгоняли вниз подобно поршню насоса. Ощущение было такое, точно забрались в чужую квартиру. Мы пристали к правому берегу и решили немного подождать. Слева виднелись высокие прибрежные увалы с характерными обрывами у берегов. Кое-где такие возвышенности были пересечены руслами ручьев и оврагами. Даже без бинокля видны были несколько крупных птиц, летающих над берегом. На этих ярах под покровительством пернатых хищников расположилась колония казарок. А теперь птицы отвели птенцов на реку.

Мы решили обойти тундрой, выбраться к берегу напротив яров и хорошенько подсчитать количество выводков.

Описав небольшую дугу по ивняковым «зарослям», едва доходившим до голенища сапог, и спугнув две пары куропаток, мы снова вышли к берегу напротив левобережной возвышенности. Наше неожиданное появление вызвало великий переполох среди многочисленных гусей, которые, как оказалось, притаились под противоположным берегом, там же, где плавали казарки. Линные гуси во всю прыть кинулись кто куда, плеская по воде неокрепшими крыльями. Брызги так и летели во все стороны, и не успели мы опомниться, как все гуси исчезли из поля зрения. Большинство их уплыло за поворот, некоторые начали нырять, а самые отчаянные вылезли на берег и таились между кочками.

Казарки вели себя гораздо спокойнее. Под яром плавало не менее десятка взрослых птиц с выводками. При каждой взрослой паре было по пять-шесть птенцов темно-серой, почти черной окраски. Там же мы видели и встреченную ранее стаю линных птиц.

---

[17] После того как краснозобая казарка были занесена в «Красную книгу редких и исчезающих животных СССР», отловы ее для зоопарков прекращены. Сейчас поголовье ее на Пясине постепенно увеличивается.

Мы вернулись к лодкам и поплыли дальше. Когда проходили мимо яров, оба взрослых сапсана носились над нами, один даже «спикировал» к воде. Пронзительно кричали канюки, оповещая округу о появлении «чужестранцев». По-летнему серый заяц проковылял по берегу и скрылся за бугром. У воды мы увидели другого, мертвого зайца. Причина его гибели была для нас неясной, но я сразу вспомнил многочисленные трупики леммингов — уж не мор ли какой на Логате? С того же левого берега внезапно услышали отрывистый хриплый кашель. Облезлый худой песец стоял у самой воды и взирал на нас с явным неодобрением, надрываясь тревожным «кашлем». Неподалеку виднелся холмик, весь в земляных буграх и выбросах. Здесь-то и располагалось песцовое семейство. Бугор и старые выходы густо поросли травой с яркими цветами.

За мысом открылась та же, уже ставшая привычной картина — сбившиеся в стаю гуси стремительно уплывали вниз по течению. И опять от них отделилась группа казарок, которые доверчиво подпустили нашу лодку совсем близко. Мы плыли серединой реки, оставляя казарок у берега, но все-таки старались держаться поближе, чтобы сфотографировать птиц. Одно семейство — две взрослые казарки и пять крохотных птенцов — оказалось от нас метрах в тридцати. Внезапно самец отделился от своего семейства и быстро поплыл к нам наперерез, словно добровольно подставляя себя под удар. На сей раз с наших лодок последовали только щелчки фотоаппаратов, и отважный папаша с достоинством возвратился к семейству.

Следующий отрезок пути принес новый сюрприз. На пологом рыжем холме с правого берега два волка спокойно подошли к берегу, но затем насторожились, очевидно заметив лодку, и так же спокойно ушли прочь. Я решил устроить здесь стоянку.

Мы проплыли примерно 15 километров. Вот запись о встречах с животными за этот путь (выписка из полевого дневника): «Сокол-сапсан —1 пара, мохноногий канюк — 4 пары, белая сова — 3 пары, выводки гусей-гуменников — 19, выводки краснозобых казарок — 9, стаи линных казарок — 3 группы, всего 34 птицы, группы линных гусей (гуменников, реже пискульки) — примерно 12 стай общим числом более 500 птиц, заяц-беляк — 6 и один погибший, волки — 2, песец — 3 (все встречи по одному). Кроме того — поморники, чайки — бургомистры и серебристые, крачки полярные, кулики-воробьи, галстучники, белые трясогузки, каменки, подорожники».

Эта запись свидетельствовала о том, что Логата вовсе не «пустынная», а, напротив, весьма богатая речка! Это связано с рельефом местности, наличием прибрежных яров и увалов, где в первую очередь поселяются хищники и сопутствующие им виды водоплавающих птиц. В общем, встреча с Логатой показалась нам истинным праздником.

Мы поставили палатки метрах в пятидесяти от уреза воды на низменном ровном берегу, сплошь заросшем карликовым ивняком. Издали это место казалось совершенно ровным и гладким, но на самом деле здесь рос настоящий пойменный лес, только высота его не превышала десяти-пятнадцати сантиметров. Весь берег был утоптан гусями, всюду виднелся их помет и перья. Отчетливо выделялись на илистом песке свежие волчьи следы, можно было разглядеть отпечаток каждой морщинки на лапе зверя. Следы оленей тоже были свежими. Мы не встречали оленей во время плавания, но различные признаки говорили о их пребывании здесь: то в лощине видны побелевшие рога или кости, то весь берег истоптан оленьими копытами.

Установка палаток на этот раз отняла у нас массу времени: мешал сильный ветер, брезент рвался из рук, пришлось ставить дополнительные колышки. Земля была талая, сырая и очень холодная.

Мы начали привыкать спать под ярким солнцем, уже не так раздражали резкие крики поморников и чаек, к тому же в низине птиц было меньше. Часто встречались куро-

патки, они летом ведут себя очень скромно: самочки с выводками затаиваются среди камней, на них можно даже наступить ногой. Кулики занимаются своими делами, не обращая внимания на людей или принимая их за обычных обитателей этих мест.

Валя получил разрешение добыть пару линных гусей для пропитания и отправился вниз по Логате. Ходил долго, но вернулся довольный, переполненный впечатлениями.

— Правду пишут, что линного гуся на лошади догнать трудно, — говорил он. — Как припустит, окаянный, куда там за ним угнаться. А на воде не подпускают, очень осторожно держатся. Кое-как удалось прихватить одного хитреца, хотел в кочках спрятаться, да хвост его выдал.

Заодно Валя добавил мне работы, обогатив нашу коллекцию шкурками веретенника, рогатого жаворонка и краснозобика. Вскоре список птиц пополнился еще гагой-гребенушкой. Стайки этих птиц были встречены на Логате и у ближнего озера. В полете гаги похожи на обычных уток, но выделяются более крупными размерами.

Ранним утром следующего дня мы отправились в маршрут по руслу небольшой речушки, впадающей в Логату выше нашей стоянки. Несколько раз встречали выводки куропаток, фотографировали затаившихся птенцов и маток. Километра через три наткнулись на труп оленя. Большой беловато-бурый самец с очень крупными ветвистыми рогами, еще не очистившимися от шерсти, лежал на правом боку, резко выделяясь на фоне яркой зелени долины. Зверь оказался сытым, без каких-либо признаков болезни (судя, конечно, лишь по беглому наружному осмотру), по-видимому, его недавно загрызли волки.

Продолжая путь, миновали довольно безжизненную равнину и вышли к истокам речки, где располагались два небольших озера, соединенных мелкой протокой. Птиц там было много. Мы насчитали 18 птенцов и несколько взрослых гуменников, две пары гаг-гребенушек, вновь встретили полярную гагару. Словно торпеда, оставляя за собой след на воде, она быстро отплыла от берега на середину озера. Мы не стали открывать пальбу… Даже если нужно было стрелять, чтобы добыть неизвестную птицу, приходилось буквально заставлять себя нажимать на спуск. Слишком уж не сочетался грохот выстрела с окружающей тишиной и покоем первозданной природы…

На обратном пути то и дело встречались куропатки — на десятикилометровом отрезке мы вспугнули 16 птиц, бурокрылые ржанки — самые массовые обитатели тундры — встречались здесь еще чаще.

Вечером я долго рассматривал карту. Вниз по Логате от нашей стоянки будем двигаться на юго-запад, кое-где даже прямо на юг. Между тем основная территория будущего заповедника находится к северу от нас и основное обследование следует вести именно здесь. Расстояние между Логатой и Верхней Таймырой на этом участке — около пятидесяти километров, а потом оно начнет увеличиваться, так как Логата течет здесь к югу. Мы почти достигли Таймыро-Логатского водораздела при вчерашнем маршруте и решили отправиться в новый, более продолжительный поход, причем идти налегке, не брать ни мешков, ни палатки, только ружья, примусы и немного провизии. Правда, отдыхать комары не дадут, ну, не поспим сутки, лишь бы погода не подвела. Собралась облачность. Как бы не начались дожди…

Не задерживаясь ни для отстрела, ни для фотографирования птиц и лишь отмечая коротко в блокнотах встречи с ними, мы быстро миновали тундровую равнину, держа направление строго на северо-запад. Ходить по тундре легче, чем по лесу, но утомляет однообразие и скудность окружающего пейзажа. Одни и те же бурые пологие сопки, минуешь одну — начинается другая, точно такая же, как и предыдущая. Правда, ландшафты и растительность меняются. Прежние ивняковые заросли уступают место совсем открытым пространствам — то щебнистым, то поросшим чахлым лишайником — тундра по мере продвижения к водоразделу заметно беднела.

Через несколько часов утомительной ходьбы перед нами открылись необъятные дали, наверное, вплоть до самой Верхней Таймыры, которую мы безуспешно пытались разглядеть в бинокли. Сверкали пятна снега и льда на озерах, уходила вдаль желтобурая низина, и казалось странным, что так просто можно «охватить» пешей ходьбой довольно порядочный участок географической карты. Мы пошли дальше. Нам встретились небольшие озера, где можно было видеть и чаек, и гребенушек, но все-таки птиц было совсем мало по сравнению с богатой, насыщенной жизнью долиной Логаты.

Возле одного озерца мы остановились отдохнуть, наладили примус, с трудом укрыв его от ветра, согрели чай. Крепчал холодный ветер, ползли низкие тяжелые тучи, и вскоре начался дождь. Он заставил нас прервать маршрут и возвратиться к лагерю, хотя было жаль отказываться от своего замысла. Дождь разошелся всерьез, мы пришли в палатки уже «ночью» совсем мокрые. Даже в тайге, когда можно развести костер и обсушиться, такой дождь бывает в тягость. Здесь же было совсем невесело. Пришлось развесить мокрую одежду в палатке, кое-как приделав веревки, а потом греться горячим чаем, слушая, как стучит дождь и хлопает брезент под порывами ветра.

Наутро над Логатой низко висели тяжелые облака, по-прежнему налетал ветер, плыть было невозможно. Я взял топорик и пошел к трупу оленя, чтобы вырубить рога, которые мне хотелось взять на память о таймырской эпопее…

Я шел нагнув голову и глядя под ноги, а когда достиг того места, где лежали останки оленя, отчетливо увидел на гребне увала силуэт волка. Зверь стоял неподвижно и внимательно наблюдал за мной. Я двигался навстречу, ружье было со мной, но волк не уходил и, казалось, приглядывался к пришельцу. Он-то был дома!

…Вале в тот день удалось встретить новый (конечно, новый только для нашего списка!) вид куликов — камнешарку, а также обнаружить тулеса и плосконосого плавунчика, которые, видимо, находятся здесь на северном пределе обитания. Камнешарка, по свидетельству Фрейхена и Саломонена, является «самой северной птицей, когда-либо добытой человеком». Они имеют в виду полярную экспедицию И. Вульфа. Камнешарка — небольшой серый кулик. По-моему, на Логате была добыта кочующая, негнездящаяся птица.

Погода не улучшалась. Следующий день опять был холодным и ветреным, мы занимались препарированием, приводили в порядок записи и коллекции. Быт наш вошел в определенный режим, мы освоились и с примусом в палатке, и с частым появлением волков в поле зрения, нам стали казаться естественными пронзительные крики птиц и даже холодные ветры.

Наступило утро третьего августа, а мы все стояли на том же месте и никаких признаков улучшения погоды не предвиделось. Я начал беспокоиться, посоветовался со спутниками, и мы решили плыть навстречу ветру, хотя бы понемногу продвигаясь вперед.

Нелегко было снять и сложить палатки, ветер буквально рвал их из рук. Река, казалось, устремилась против своего течения, лодки быстро несло вверх, в обратную сторону. Как мы ни старались грести, движения по реке не было, в лучшем случае стояли на одном месте. Пришлось идти берегом. Привязали к лодкам длинные веревки и побрели, словно бурлаки, мелководьем, используя прибрежные отмели. Дело шло медленно, но все-таки кое-как дотащились до поворота, за которым можно было плыть. Ветер здесь переменил направление, и мы спрятались от него за высоким берегом.

Началась новая серия прибрежных возвышенностей с тем же птичьим комплексом — пара сапсанов, две пары канюков, белые совы, множество гусей и казарок.

Мы с Валей долго искали гнездо сапсана, но безуспешно. У нас сложилось впечатление, что птицы были без потомства. Дело в том, что сапсаны на зимовках нередко отравляются ядохимикатами и становятся бесплодными (если не погибают сразу). Зато гнездо мохноногого канюка нашли быстро. Оно было укреплено на речном обрыве,

сделано из разных щепок и веток ивняка, под гнездом множество погадок почти сплошь из леммингoвой шерсти, были здесь и птичьи косточки.

За этот день мы прошли не более десяти километров и остановились на левом берегу под невысоким крутоярьем. С трудом я выбрал относительно сухое место для палатки, то есть такое, где не стояла бы открытая вода. Налево от нас осталась речка, которую мы назвали Оленьей, — в ней виднелись кости и рога животных. Волчьи следы встречались здесь повсюду — очевидно, мы приблизились к их логову.

Ночь была очень холодная, и мы решили, что наступает прояснение. Ждали ясного дня, но утром снова дождь лил как из ведра. Много существует примет погоды, но ни одна из них не годится на этом краю земли. Среди совершенно ясного неба появляется вдруг небольшое облачко и выливается холодным дождем. Но в тундре вся жизнь идет своим чередом. На реке полярная крачка учит плавать двух своих птенцов, все так же суетятся кулички, снуют чайки и кричат поморники.

Я прошел вдоль Логаты, посчитал казарок; их оказалось несколько десятков, преобладали линные птицы, а гусей — видимо-невидимо. Двигаясь вдоль берега, еще издали увидел песцовое норовище на крутом холмике, похожем на скифский курган. В этом зверином городке оказалось множество нор и выбросов. Из одного отверстия показалась сама мамаша — худущая, бурая, облезлая. Она не видела меня. Раздался ее особый позыв, и внезапно из всех нор начали вылезать щенята. Их было семь, они весело возились, пока мать сидела поодаль и наблюдала. На обратном пути опять встретились волки. Они то показывались на гребнях увала, то пробегали где-то в стороне.

Под вечер, когда ветер немного утих, мы с Надей отправились в ту сторону, откуда слышался накануне волчий вой. Шли щебнистой тундрой, долго наблюдали за песцом, ловившим леммингов. Издали снова донеслись протяжные волчьи «песни», невольно наводящие тоску. Мы шли быстро и как раз поднимались на пологий увал, когда прямо под ноги светлым комочком метнулся заяц-беляк. Мы и опомниться не успели, как тут же, почти рядом, на гребне увала возник волк-переярок, явно увлеченный погоней и недовольный нашим появлением на его пути. Увидев нас, остановился, словно споткнувшись, затем трусцой побежал вдоль склона, и почти тут же я отчетливо разглядел небольшую группу оленей, спокойно пасущихся в долине речушки.

Олени рядом с волчьим логовом, и охотящийся за беляком волк не обращает на них внимания! Неужели волки действительно «пастухи и санитары», как уверял, в частности, известный таймырский охотовед Лев Мичурин, который долго работал в Норильском НИИСХ, потом переехал в Красноярск и недавно скончался. Я слушал его доклад на втором совещании зоологов Сибири в Томске. Лев Николаевич упорно отстаивал точку зрения, что волки на Таймыре — необходимый компонент тундровой природы, что они регулируют численность оленей, поддерживают их «жизненный тонус», поскольку жертвами волков становятся либо слабейшие, либо неудачники. Л.Н. Мичурин высказывал эти взгляды гораздо раньше, чем стали у нас известны популярные книги Крайслер и Моуэта, написанные в защиту канадских волков. Правда, далеко не все специалисты соглашались с подобным мнением, но во всяком случае вряд ли оправдано специальное истребление волков при помощи авиации в малонаселенных и тем более в совершенно безлюдных районах Таймыра.

В 1970 г. я познакомился в норильской гостинице с работником красноярского охотоуправления, который занимался истреблением волков на Таймыре. В его распоряжении были самолет Ан-2 и даже вертолет, игравший роль разведчика. У меня остались неприятные воспоминания об этом человеке, производившем впечатление не натуралиста и даже не охотника, а дельца, занятого своим «бизнесом» и толковавшего о барышах. Тем не менее он получил большую известность как рекордсмен по числу убитых

волков. Правда, на Таймыре, как я вскоре узнал, у него была дурная слава, и деятельность его вскоре прекратилась.

Конечно, там, где волки причиняют конкретный вред животноводству, с ними нельзя прекращать борьбу. Но истреблять их в далекой тундре, где нет даже домашнего оленеводства, — дело явно неразумное.

Между тем мы вновь услышали волчьи «песни». На этот раз к басовитому вою взрослого зверя присоединились визгливые призывы волчат. Двигаясь против ветра, мы засекли направление и быстро приближались на звуки волчьего концерта. На вершине холма немного задержались и стали спускаться вниз. Я никак не ожидал, что волчата окажутся так близко. Они сидели на небольшом холмике и мгновенно разбежались в разные стороны — словно ветром их сдуло! Помню только, что было их семеро, ростом каждый был немного меньше взрослого песца. Мы начали искать само логовище, но найти его не смогли. Взрослые волки на глаза не появлялись, но, наверное, наблюдали за нами.

* * *

На следующий день было по-прежнему ветрено и холодно, но дождь перестал, и мы быстро свернули лагерь. У песцового бугра знакомая мне «хозяйка» устроила подлинный скандал. Она бегала по берегу, отчаянно кашляя и «ругаясь», а все ее потомство вылезло из нор; щенята с интересом глядели, как мать отгоняет от реки каких-то чудовищ. Задержались мы в глубоком узком овраге, где лежал большой снежник. По моим расчетам, именно здесь было волчье логово; мы с Валей обшарили весь овраг, но напрасно. Зато наткнулись на выводок полярных белых сов. Семеро (опять семь!) совят, покрытых серым пухом, еще не умеющих как следует летать, смешно подпрыгивали, грозно щелкая клювами. Интересно, что они были разного роста и развития. Тут же с ними держался самец, довольно дерзко подлетевший к нам совсем близко. Мы узнали его по снежно-белой груди (самка у белой совы с темными пестринами).

Гусей на этом участке реки было особенно много. Кое-как мы разминулись с большой стаей краснозобых казарок, их оказалось более ста в одной группе. Я насчитал там 49 птенцов, значит, среди взрослых было примерно двадцать родителей, остальные — линные птицы. Много казарок держалось также с гусями, уплывавшими вниз по Логате. Среди линных птиц мы видели выводки пискулек и гуменников, всего же за этот маршрут встретили не менее шестисот гусей и казарок, миновали пять песцовых логовищ, отметили три пары белых сов, два гнезда мохноногих канюков, а также выводки варакушки и краснозобиков.

Наша очередная стоянка называлась «Озерная», потому что на левом берегу было скопление озер. Здесь мы вновь обнаружили пребывание на Логате людей. Во-первых, на высоком холме на правом берегу реки находилась безымянная могила. Словно опознавательный знак, возле нее была воткнута деревянная рейка, а на земле выложен крест из камней. А дальше через тундру вел явственный след гусеничного вездехода, четко выделявшийся на фоне растительности, хотя люди были здесь три года назад. На возвышенности был укреплен железный триангуляционный знак — дело рук геодезистов.

Озера за ближней сопкой были разного типа. Ближнее располагалось в крутых высоких берегах, мы видели на нем морянок, гребенушек, гуменников. Второе оказалось низинным и торфяным, с кочками и сплавинами. Здесь мы впервые встретили чернозобиков и краснозобых гагар, а также много чаек и крачек.

Двигаясь дальше к югу, наблюдали резкое изменение облика тундры. Появились сфагновые мхи, голубика, багульник, брусника. Теперь мы уже начали разбираться в типологии тундровой растительности. Присмотревшись, нетрудно отличить мохово-кустарничковые тундры от кустарниково-моховых или лишайниковых, не спутаешь щеб-

нистые участки на водоразделах с ивняковыми зарослями или осоковыми низинами. Да и птицы помогают различать растительные ассоциации. В ивняках, например, полным-полно куропаток и лапландских подорожников, а в пятнистой тундре встречаются одни лишь бурокрылые ржанки.

На очередной стоянке мы долго занимались съемкой птичьих шкурок после похода на озера (у нас накопилось почти пятьдесят экспонатов).

Одиннадцатого августа мы были в устье Малой Логаты. После впадения слева речки с экзотическим названием Малагу-Мари Логата стала шире и полноводнее, а к устью Малой Логаты весь ландшафт вокруг заметно изменился: долина выглядела сглаженной, со сплошными зарослями густых ивняков, большим количеством заливов и отмелей и очень напоминала долину Новой. Мы остановились на правом берегу среди ровной ивняковой тундры. Здесь можно было найти какое-то подобие плавника, обломки веток и старых стволов, когда-то принесенных рекой. Мы собрали по веточке, словно птицы для гнезда, небольшую охапку топлива и зажгли костерок, дым которого показался нам таким родным и знакомым после бензинного примусового духа.

В последние дни стали все чаще попадаться северные олени. Это были группы из трех-пяти животных, державшихся сравнительно осторожно. Один крупный олень-хор, правда, спокойно прошел недалеко от палатки и на наших глазах переплыл Логату. В одном месте мы нашли берег, сплошь усеянный оленьей шерстью; видимо, здесь через реку перешло очень большое стадо.

Погода оставалась неустойчивой: то шел дождь, то проглядывало солнце, освещая низко нависшие синие тучи. Такого удивительного своеобразного неба с яркими синими тонами мне никогда не приходилось видеть.

Мы ходили на большие яры, расположенные ниже нашей стоянки. Они были сложены из плотного песчаника и очень четко рассечены оврагами так, что получились своеобразные «пирамиды». На ярах гнездилось много хищников, а под высоким обрывистым берегом плавало не менее пяти выводков краснозобых казарок. Мы окончательно убедились, что Логата, безусловно, «казарочья» река и вполне достойна заповедания.

Каждый маршрут приносил новые материалы и маленькие находки. На болотах левобережья добыли бекаса. Добытая в ивняках куропатка оказалась не тундряной, как все предыдущие, а белой — это разные виды. В палатку забежала арктическая землеройка и была поймана во славу науки; теперь ей предстояло стать музейным экспонатом. Но быт наш стал довольно труден. Кончились продукты, не было сухарей и сахара, под полом палатки хлюпала дождевая вода, мучила сырость. Нас беспокоило, сможет ли гидросамолет сесть здесь на Логату. Уровень воды быстро падал, в реке образовались мели и песчаные наносы, мне казалось, что даже сам Прожогин не рискнет садиться. Поэтому мы решили сплыть ниже и остановиться за большими ярами, где река образует сравнительно прямое ровное русло.

Чувствовалось, что спутники мои устали от похода, им не хотелось сниматься с места и плыть дальше, мне же хотелось доплыть до намеченного места, и я на правах начальника настоял на этом. Правда, мы не дошли нескольких километров до устья Кубулаха, остановившись на хорошем, прямом отрезке реки, где мог совершить посадку гидросамолет. Здесь тоже были свои яры, мы насчитали четыре пары канюков, пару сапсанов, сов, несколько раз встречались зайцы, песцы и по-прежнему радовали глаз выводки гусей и казарок.

Большой маршрут мы совершили четырнадцатого августа к устью Кубулаха, провели заключительный учет птиц. Нашли и отметили гнездовье тундрового лебедя в пределах намечаемого заповедника. До этого лебедей на Логате мы не видели, а здесь рядом со взрослой птицей по берегу озера двигались два уже крупных птенца. На озерах встретили чернозобых и полярных гагар, круглоносых плавунчиков и гребенушек.

Ранним утром пятнадцатого августа я переплыл Логату и отправился в последний маршрут по холмистому правобережью. Чувствовалось приближение осени, начинали блекнуть ивовые листочки, меньше оставалось цветущих растений. Я видел молодых, но уже хорошо летающих сов, дважды вспугнул зайцев и встретил трех оленей. Вновь и опять безуспешно пытался найти гнездо сокола-сапсана.

С грустью думал о расставании с Логатой, которую искренне полюбил за время нашего плавания. Мое предубеждение ко всякому безлесию было побеждено и развеяно богатством и доступностью тундровой природы. Вся ее жизнь шла у нас на виду, и от нас самих зависело, будем ли мы добрыми или злыми великанами в этом доверчивом мире.

Я вернулся в лагерь. Сварили последний обед, оставалась еще крохотная горсть пшена на крайний случай. Не снимая палатки, пили пустой чай, разговаривали. Время шло, а самолета все не было. Мы уже хотели начинать варить ужин, когда над устьем Малой Логаты появился красный самолетик. Он летел довольно высоко и, не снижаясь, прошел куда-то на север. Я предположил, что самолет полетел к рыбакам на Сырута-Турку (так оно и было на самом деле).

Спустя полтора часа мы увидели тот же самолет, летящий обратным курсом. Он уже начал удаляться, когда неожиданно резко развернулся, сделал круг и с первого же захода мастерски «приводнился» посреди Логаты, а затем подрулил к самому берегу. Вмиг свернули палатку и спустя два часа оказались в Хатанге.

* * *

Уже на другой день мы с Танкачеевым были у председателя Хатангского райисполкома Константина Лукьяновича Поротова, внимательного человека, с большим интересом относившегося к нашим делам и заботам. К тому времени пришли ответы на ранее разосланные письма относительно выбора территории будущего Таймырского заповедника. Почти все организации, куда мы обратились, прислали положительные заключения. Возражал против хатангского варианта только норильский рыбозавод, ссылаясь на расположение рыболовецких пунктов на Верхней Таймыре. Мы понимали, что это серьезное возражение, но надеялись его преодолеть при поддержке работников рыбного хозяйства. Ведь они сами настаивали на запрете рыболовства по Верхней Таймыре и в Таймырском озере.

К.Л. Поротов, выслушав нашу информацию, назначил обсуждение вопроса о заповеднике на двадцатое августа. К этому времени мы должны были подготовить все необходимые материалы, чтобы райисполком мог вынести официальное решение и начать тем самым этап юридического оформления организации заповедника.

Пока мы были на Пясине, Танкачеев и Коротцев получили согласие обоих хатангских колхозов на изъятие земель по Ары-Масу и Лукунской. Поскольку в оленьих пастбищах эти колхозы не ощущали недостатка, а участки изымались сравнительно мелкие, возражений не возникло.

Много времени заняла подготовка пункта решения, посвященного местному заказнику для охраны моржей и белых медведей в бухте Марии Прончищевой. Самим слетать туда не удалось, пришлось ограничиться сбором сведений в Хатангском рыбкоопе, работники которого хорошо знали эти места. Помогли нам тогда гидрологи, речники, охотники — все, кто не раз бывал в низовьях Хатанги и на побережьях Таймыры. На нашу просьбу откликнулась также сотрудница Ботанического института Н.В. Матвеева, которая изучала флору арктических побережий и островов как раз в том районе. Вот что она писала: «*Отрадно, что дело с охраной природы Севера как-то двигается. Что касается бухты Марии Прончищевой, то основной объект охраны там, конечно, мор-*

жи. В этом году моржи пришли первого августа (в прошлом году — девятнадцатого августа), стадо голов в сто пятьдесят. Расположились на косе. Приходят они каждый год, как только море и бухта освободятся ото льда. На них охотятся, хотя охотой это, конечно, назвать нельзя, они подпускают человека вплотную. В прошлом году на приваду песцам убили восемнадцать моржей. Способ, конечно, варварский, так как туши полностью не используются. В хорошие годы охотник добывает до двухсот песцов за год, всего здесь шесть охотничьих участков. Но в прошлую зиму песца совсем не было, поймали лишь семь штук. Белый медведь заходит сюда зимой, и под видом самообороны его тоже бьют. В прошлую зиму, по-моему, убили штук пять. Птичьих базаров в бухте нет, они есть на острове Преображения.

В бухте имеется метеостанция, где работают шесть человек. Они охотятся и на оленей, и на гусей, но не очень интенсивно. Так что прежде всего нужно принять меры для охраны моржей и медведей».

В рыбкоопе, пользуясь картами и схемами охотничьих участков, мы составили план будущего заказника, очертили его границы и рассчитали примерную площадь, а кроме того, был предложен еще один местный заказник — на реке Балахня, где зоолог Б.М. Павлов из Норильска обнаружил в этом году колонию розовых чаек. Эта экзотическая полярная птица может быть эмблемой Арктики, обитает она у нас только на севере Якутии и вот впервые встречена на Таймыре. Павлов написал об этом в местной газете, и мы сразу откликнулись на предложение принять меры для охраны этого редкого вида.

После нашего отъезда с Логаты сразу же установилась теплая и сухая погода. Наступила чудесная предосенняя пора (боюсь называть ее «бабьим летом»), и в хатангской лесотундре появилось множество грибов, главным образом лиственничных маслят. Ягоды нынче не вызрели, хотя обычно здесь изобилие морошки, черники, голубики и даже красной смородины.

Наступил день заседания в исполкоме. Танкачеев доложил составленную нами справку о проведенных работах и полученных результатах, предложил одобрить план организации первого тундрового заповедника на Логате и Верхней Таймыре с включением участков Таймырского озера и хребта Бырранга, его филиалов в Ары-Масе и Лукунской, а также двух местных заказников — в районе бухты Марии Прончищевой и по реке Балахне. Мы пояснили, что заказники создаются главным образом для охраны ценных животных. В РСФСР имеется почти восемьсот охотничьих заказников, а в Таймырском национальном округе пока нет ни одного.

Большинство вопросов касалось планов организации будущего заповедника, размещения его центральной усадьбы. В самом деле, если заповедник — научно-исследовательское учреждение, то где будет расположено его управление, где будут жить научные работники, как разместится охрана? Мы отвечали, что устройство Таймырского заповедника будет во многом отличаться от всех других. Нет необходимости «обживать» его территорию, ставить там кордоны, поселять егерей для охраны. Достаточно будет — особенно в летнее время, — регулярно патрулируя с воздуха над территорией заповедника, проводить учеты и наблюдения. Управление же заповедником целесообразно разместить непосредственно в Хатанге. В отдельных участках можно организовать временные опорные пункты на манер рыболовецких «точек», где будут проводиться и научные наблюдения. Программу научных работ мы рассчитывали согласовать с норильским НИИСХ и другими научными учреждениями, работающими на Крайнем Севере. Особое внимание заповедник должен уделить охране леса в Ары-Масе и Лукунской. Таким образом, осуществление этого плана, особенно с учетом создания республиканского заказника в бассейне Пясины, привело бы к организации на Таймыре целой сети охраняемых природных участков. Ведь заповедник мог бы взять под свою опеку и заказники.

В целом нашу работу одобрили и вынесли положительное решение. Нас просили только учесть, что хатангцы не заинтересованы в строительстве временных помещений. Если уж строить усадьбу заповедника, то капитально, чтобы не переделывать. Сейчас поселку, замкнутому между рекой и аэродромом, уже тесновато, а ведь предстоит еще расширяться и расти.

Утро нашего отлета из Хатанги (двадцать второе августа) было ясным и холодным, на землю лег первый иней, короткое северное лето было уже на исходе. Опять кольнуло сердце, видно, какой-то его кусочек привык к этим местам и не хотел с ними расставаться...

В Норильске я узнал, что большинство научных сотрудников НИИСХ уже вернулись с полевых работ, но Якушкин еще находится на Верхней Таймыре, как раз в устье Логаты. Завтра за ним должен лететь самолет, и я решил воспользоваться этим, чтобы увидеть Верхнюю Таймыру и низовья Логаты. Мне говорили в институте, что именно от мнения Якушкина во многом зависит отношение НИИСХ к нашим предложениям. Но намеченный вылет в тот день не состоялся, хотя погода была прекрасная.

В Норильск пришло запоздалое лето — стояла почти тридцатиградусная жара. Полет за Якушкиным вновь сорвался, пришлось опять брести в институт, где собралось много научных сотрудников из Москвы и Ленинграда, принимавших участие в летних таймырских экспедициях. Здесь были и зоологи, и ботаники, и почвоведы — от профессоров до студентов. При встрече с ними сразу же разгорались дебаты о выборе места для заповедника. У меня уже голова шла кругом от этих споров, и мы договорились, что по приезде Якушкина проведем общее собеседование, прежде чем выносить вопрос в официальные органы.

Дни мои начинались и кончались на аэродромах — я упорно не хотел упустить полета за Якушкиным. Но что-то, как говорится, «заколодило». Жара внезапно сменилась туманом и дождем, к тому же наступило воскресенье, и опять я просидел целый день в Вальке. Только в понедельник долгожданный полет наконец состоялся. До Логаты, сказал штурман, пятьсот пятьдесят километров...

Шли вдоль правого берега Пясины, постепенно отклоняясь к востоку. Устье Дудыпты пролетели в сплошном тумане, я с трудом различал какие-то кустарники и отдельные деревца, буреющую осеннюю тундру. За Дудыптой стали появляться в поле зрения единичные олени, а потом и небольшие стада. Виднелись озера со стаями гусей, но шли мы высоко, и различать птиц не удавалось.

Около двенадцати часов миновали речку Янгоду, впадающую в Пясину справа, и здесь ландшафт стал таким же, как и в Хатангском районе. Мы «обрезали» верховья реки Лухтах, пересекли Горбиту — второй после Логаты приток Верхней Таймыры. Начиная с верховий Лухтаха олени ни на минуту не исчезали из поля зрения. Я видел множество самок-важенок с телятами, единичных хоров и скопления животных разного пола и возраста. Впрочем, единых обширных стад не попадалось — большинство оленей были рассредоточены, как бы разбросаны по всему этому необъятному пространству. Я считал, записывал, ставил в своем дневнике то палочки, то цифры, «точковал», хотя летели мы высоко и учет не мог быть правильным. Постепенно фон расстилавшихся внизу ерников и зарослей ивняка стал желтеть, в нем появились яркие красные тона, потом осенние цвета стали преобладать над зеленоватыми и бурыми — ведь мы летели к северу, навстречу полярной зиме. За Горбитой олени встречались реже и только у самой Логаты вновь начали попадаться. Вокруг расстилалась привычная пятнистая тундра, словно на макете, виднелось место впадения Логаты в Верхнюю Таймыру — соединялись две серые ленты среди желтой равнины.

Так часто бывает — стремишься увидеть какое-то место, ждешь, рвешься, надеешься, а свершится, глядь — ничего особенного, вроде бы и стараться не стоило. И

только спустя долгий срок нет-нет, да и екнет сердечко, вспомнится и ожидание, и дорога, и встречи...

Самолет развернулся и сел посередине Верхней Таймыры прямо против стоянки рыбаков, где виднелся небольшой балок и просторная палатка из толстого белого брезента. Рядом висело несколько оленьих туш, рога, шкуры. Очумелые псы на привязи заливались лаем. Я увидел Григория Дмитриевича Якушкина. Среднего роста, сухощавый, он оставался таким же, каким помнился по Красноярску, и нисколько не удивился моему появлению. Нас позвали в балок выпить чаю. Там же были двое рыбаков — рослые красивые ребята, приветливые.

...Долго распивать чаи не пришлось — летчики нас торопили. Мы стаскали в самолет заранее приготовленные вещи, погрузили лодку «Прогресс», с трудом протолкнув ее боком через дверцу.

Самолет разбежался по воде, шлепая поплавками и, вздымая брызги, набрал высоту, и снова поплыла внизу разноцветная осенняя тундра. Мы с Якушкиным сидели рядышком на лежавшей вверх дном лодке.

— Ну что, Феликс, выбрали место для заповедника? — спросил Якушкин.

Я решил быть откровенным до конца. Мы же с ним свои люди, как-никак однокашники, коллеги, оба пушмеховцы...[18]

— Гриша, пойми правильно, вопрос сложный, возиться с ним придется нам еще очень долго. Но сейчас все зависит от тебя. Поддержишь наш вариант — пробьемся и сделаем, начнешь возражать — никакого заповедника не будет.

— Почему это не будет? Он будет там, где ему надо быть — на Пясине. На Логату я не соглашусь никогда.

— Чем же плоха тебе Логата? Ты всю реку видел?

— Видел до устья Малой Логаты, до больших яров. Казарка там есть, но дело не в этом. Все-таки я видел много других рек и других мест, работаю здесь уже давно, могу судить и сравнивать.

Да, с таким утверждением спорить не приходилось. Разумеется, Якушкин и его коллеги из Норильска несравнимо лучше знают Таймыр, чем мы; они буквально избороздили эти края. Григорий Дмитриевич недавно защитил диссертацию о песце Таймырского полуострова, он автор многих статей о северном олене, готовит вместе с другими сотрудниками научную монографию, им все карты в руки... Мало ли, что никто из них не бывал в верховьях Логаты, — все равно мнение местных ученых окажется решающим, и без их согласия ничего нам тут не сделать.

— Гриша, да поверь же ты, что я хочу пользы общему делу. Вы, конечно, знаете Таймыр лучше меня, но плохо представляете себе хитрую механику устройства и создания заповедников. Одних доводов ученых здесь мало, надо учитывать и другие факторы кроме биологических. Заповедник будет создавать то самое ведомство, которое сейчас ведет там промысел оленей. Раз на Пясине устроен госпромхоз — а ты ведь сам добивался этого вместе со всеми норильчанами — значит, заповеднику там уже не место. Вопрос сейчас стоит так — или Логата, или ничего. Я бы не взялся проталкивать логатский вариант против вашей воли, но ведь вы не правы, когда ставите на первое место задачу охраны оленьих пастбищ. Заповедник на Таймыре следует создать как настоящий эталон девственной, первозданной тундровой природы во всей ее красе, какой мы видели ее в верховьях Логаты. Скажи, разве она недостойна заповедания? Поддержи, и ты получишь эту прекрасную синицу прямо в руки! Ведь какие места! И олень там, и казарка, и гуси!

— Какой там олень? Одна жалость! Ты сколько насчитал за все время? Штук пятьсот? Да мы сейчас по дороге домой в десять раз больше встретим! Не нужна нам твоя синица! Там и так заповедник!

[18] То есть, выпускники Московского пушно-мехового института.

— Заповедник, говоришь?! Только кругом его обложили, как волка в загоне: там геологи, там рыбаки, там пастухи с оленями. По всему нашему Северу сейчас идет наступление на природу. Нигде в стране не удается выделить такой эталонный участок, такой памятник первозданной природе. Сам станешь жалеть, только поздно будет...

Гриша мучительно морщился, глядя сквозь иллюминатор на медленно текущую под крылом тундру. Бурыми волнами — гряда за грядой — проплывала она внизу, словно застывшее море, но обманчиво было это безлюдье. Даже здесь нет-нет и мелькал балок, рубцы гусениц то и дело пересекали просторы, неторопливо проплыл мимо нас вертолет Ми-8, державший путь дальше на север. Я видел, как мается Якушкин, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— Согласиться с вами, что ли? — проговорил он в раздумье, но потом ударил себя кулаком по колену и воскликнул:

— Нет! Не отступимся! Будем спорить с москвичами до последнего!

Коренной москвич, я очень не люблю, когда меня так называют в дальних краях. Вместо гордости за свой город чувствуешь что-то недоброе, словно ты виноват в том, что родился, вырос и живешь в Москве, приехал сюда ненадолго и должен в свой срок вернуться...

Мне стало вдруг все безразлично. В конце-то концов, пусть дело идет своим чередом. В ногах мне валяться у норильчан, что ли? В самом деле, им виднее, ну и пусть предлагают, что хотят. Не будет заповедника? Так ведь он им нужнее, чем нам. Моя задача, моя научная тема — сам процесс проектирования, а не конечный его результат. Свое дело мы делаем добросовестно, ну а чем все это кончится, угадать трудно.

— Смотри, Григорий Дмитриевич, тебе здесь жить. Мы приехали помочь, а не воевать с вами. Вам-то заповедник нужнее, чем москвичам, как ты изволил выразиться. Дадите отрицательное заключение на наш вариант, никто с вами спорить не будет, все останется, как было до нас.

Мои слова, кажется, подействовали на Якушкина. Он снова углубился в раздумье, но больше за весь полет не сказал ни слова.

Прямо с аэродрома мы вместе поехали в институт, где к тому времени собрались почти все «заинтересованные лица». Здесь были сотрудники биолого-почвенного и географического факультетов МГУ (В.Д. Василевская, Н.М. Шалаева), Ботанического института АН СССР (Б.А. Томилин, М.В. Соколова, В.Ф. Шамурин и др.), зоолог А.А. Винокуров из Центральной лаборатории охраны природы, большинство сотрудников отдела промысловой биологии НИИСХ, словом, в большой комнате всем не хватило места.

Сколько голов, столько умов! Большинство собравшихся считали, что природные условия в бассейне Пясины более интересны с точки зрения организации заповедника, по сравнению с нашим, Логатским вариантом. Правда, на Логате почти никто из присутствующих не бывал, но и мы, в свою очередь, совсем не знали Пясину, так что спорить с маститыми «таймыроведами» нам было трудно. «Логата хороша, но Пясина лучше, а лучшее — враг хорошего» — так можно было сформулировать мнение большинства. К тому же — Пясина близко от Норильска, а Логата — далеко...

Я не мог убедить собравшихся, что выбора у нас, по сути, нет. Они же не хотели слушать моих доводов о невозможности создания заповедника на Пясине. Только Б.А. Томилин и В.Ф. Шамурин сразу оценили ситуацию и встали на нашу сторону.

— Даже если Логатский вариант почему-либо неудачен, — сказал Б.А. Томилин, — и то не следует пренебрегать реальной возможностью создания на Таймыре и заповедника, и республиканского заказника. Если мы сейчас не поддержим этих планов, то заповедника на Таймыре не будет еще десятки лет. К тому же, мне кажется, что доводов за Логату много. Там интересный набор ландшафтов, есть участки хребта Бырранга и озера Таймыр. По-моему, возражения норильчан не вполне объективны.

Но большинство присутствовавших стеной стояли за Пясину, не слушая никаких доводов. Мы спорили уже третий час.

— Все согласны с тем, что лучше вообще не иметь заповедника на Таймыре, чем создать его на Логате? — спросил я, обозлившись.

Москвичи и ленинградцы промолчали, норильчане же загудели, кто-то выкрикнул:

— Согласны!

— Все! Прекращаем базарить! Готовьте официальное решение на ученый совет НИИСХ, дадите заключение, и никакого заповедника на Таймыре не будет. Хватит!

Наступило молчание. Кажется, в этот момент до всех дошла ответственность нашего собеседования. Ведь мнений может быть множество, а решение всегда только одно.

...Вечером того же памятного и трудного для меня августовского дня мы встретились в норильской гостинице с В.Ф. Шамуриным. Мой собеседник был человеком ярким и остроумным, разговоры о делах мы перемежали чтением стихов, философскими раздумьями, шутками. Но все же сказались неудачи дня, и постепенно ко мне вернулось гнетущее настроение и подавленность.

Мы расстались, не зная, что больше уже не встретимся. На другой день я улетел на Пясину, а Владимир Федорович уехал в Ленинград, где вскоре трагически погиб.

* * *

На июльском совещании в Дудинке нашей экспедиции было поручено разработать проект для организации Пясинского республиканского заказника (помимо проекта заповедника). Поэтому теперь нам предстояло провести полевые обследования и собрать необходимые материалы, касающиеся бассейна Пясины. З.У. Танкачеев вместе с директором госпромхоза А.В. Саркиным арендовали гидросамолет Ан-2 для авиаучетов оленей, но подводила погода. Наше нетерпение усиливалось еще и тем, что В.Ф. Шамурин, улетая в Ленинград, оплатил спецрейс для вывозки из Тарейского стационара орнитолога А.В. Кречмара, для которого уже был взят билет на ленинградский рейс. Забрать из Тареи Кречмара поручили нам, и я живо представлял себе, с каким нетерпением он нас там дожидается, зная день и час своего ленинградского рейса.

Самолета нет. Измученные ожиданием, мы — в который раз! — докучаем дежурному по аэропорту.

— Ждите, туман рассеивается, не уходите... Если Тарея откроется, полетите на Пясину.

Возвращаемся в осточертевший зал ожидания. Не хочется ни разговаривать, ни читать, вообще жить не хочется... Можно утешать себя тем, что в полярных аэропортах иногда сидят не сутками, а неделями и месяцами.

«Наш» пилот — невысокий крепыш по фамилии Загибуллин — возвращается с Ламы. Тарея по-прежнему не дает погоды. Снова идем объясняться с начальством. Командир говорит: «Чтобы время не терять, летите считать оленей на Пясине, выполняйте запланированный маршрут, но без посадки. Будет возможность сесть в Тарее — сядете, а на нет — суда нет, не взыщите».

Что будешь делать? Все-таки это лучше, чем просто сидеть. Мы соглашаемся, идем к самолету. И вот я снова вижу с высоты панораму «Норильского камня», окутанные дымом горы, паутину вездеходных следов вокруг озера Пясино. А вот и знакомое озеро Половинное.

За ним остались последние редкие лиственницы и начались сплошные заросли кустарниковой ольхи. Опять стали встречаться стада оленей, преобладали важенки с телятами. Показалась река Агапа — крупный левый приток Пясины, известное место на Таймыре, когда-то славившееся обилием дичи. В устье Агапы стояла раньше фактория, а сейчас — участок госпромхоза. Самолет «приводняется», Саркин беседует с бригади-

ром, дает ему какие-то наставления. Сезон оленьего промысла уже начался, для госпромхоза сдвинули обычные сроки «в порядке исключения», начали отстрел в августе при жаркой погоде, а теперь трудности с вывозкой мяса.

Аэропорт в Тарее по-прежнему закрыт, мы полетим к междуречью Пура и Пясины, где намечалась ранее территория заповедника (по проекту 1968 г.), а сейчас должен быть предлагаемый заказник. Оленей внизу все больше и больше, я не успеваю записывать, стада становятся крупнее, в них по нескольку десятков голов, но животные пока еще рассредоточены по тундре и не собрались в стада для зимних кочевок.

Да, отельные пастбища, ничего не скажешь. Должно быть, тундра здесь богаче по составу растительности, если приходят сюда на отел важенки из года в год. На озерах, как и на Логате, взлетают бургомистры, поморники, плавают гуси. А вот и пара лебедей летит, отчетливо выделяясь на фоне тундры.

Впереди Пуринские озера. Их два — ближнее лежит в бассейне Агапы, а из второго вытекает Пур — самый крупный приток Пясины. Озера округлые, с ровно очерченными берегами, очень большие и красивые. Может быть, норильчане правы, настаивая на том, чтобы заповедать именно Пясину? «Ну-ка, поставь себя на их место,— говорю я себе, — ты бы знал здесь каждую речку, давал предложения, а какие-то приезжие ребята все бы это отвергли... Небось не больно понравится...» Но только почему же ни Г.Д. Якушкин, ни его коллеги ничего не предприняли, чтобы Пясина стала заповедной? На оленьем совещании в Дудинке, помню, они дружно толковали о госпромхозе, добиваясь его скорейшей организации, а про заповедник сказал тогда один В.Д. Скробов и то между делом. В резолюцию совещания пункт о заповеднике был вписан лишь в самый последний момент, и его даже не хотели обсуждать.

На берегу озера видны балки — здесь пункт Норильского рыбозавода. Вот нашлись союзнички: рыбозавод и норильский институт. Такого во всей моей практике проектирования заповедников еще не было. Когда мы воевали в Ханты-Мансийском округе за «Малую Сосьву», там возражали лесозаготовители. Против Сохондинского заповедника в Забайкалье — геологи, против заповедника «Азас» в Тувинской АССР — охотники и лесники. Но чтобы против создания заповедника возражали ученые, такое трудно припомнить.

Наш самолет летит теперь над щебнистыми пологими сопками. Оленей здесь мало, но как только начинаются понижения, животные сразу же оказываются на виду. Сплошными строчками ложатся ряды цифр, я не успеваю записывать.

За Пуринскими озерами ольховые заросли сменились тундрами и карликовыми ивняками. По мере продвижения на север густеет туман — вот почему не принимает самолеты Тарея. Верховья реки Мокаритто проходим в сплошном тумане, оленей внизу трудно различить, а птиц совсем не видно. Среди безлюдной тундры стоит балок, вокруг него — следы вездеходов, пустые бочки из-под горючего. Нет на свете белых пятен!

Летим вдоль Мокаритто; Якушкин уверял, что эти места славятся обилием песцов и водоплавающей дичи. Поворачиваем круто на восток в сторону Пясины. Если Тарея не откроется, сядем на базу госпромхоза в Кунгудояре.

Усиливается ветер, самолет бросает из стороны в сторону, бедняга Танкачеев, кажется, чувствует себя неважно, да и все мы устали от долгого полета. Вижу большую реку в крутых обрывистых берегах. Самолет идет на снижение и вскоре качается на заметных волнах. По правому берегу видны какие-то постройки, палатки, балки — здесь, на базе Кунгудояр, где недавно построен специальный мерзлотник для хранения оленьего мяса, живут охотники госпромхоза, в том числе бригада студентов-охотоведов из Иркутского сельскохозяйственного института.

Отстрел оленей уже вовсю. Вся округа завалена «отходами производства» — рогами, копытами, оленьими головами и внутренностями, над базой стоит специфический

запах. Мы пьем чай в бригадирском балке вместе с пилотами. Неожиданно прибегает радист, остававшийся в самолете, и кричит:

— Скорее, скорее, Тарея открылась!

Я радостно вскакиваю, но Загибуллин говорит:

— Время полетное кончилось, завтра заберут вашего птичника, какая ему разница.

Самолет с Танкачеевым и Саркиным полетел обратно в Норильск, а я остался в Кунгудояре. Ребята рассказали мне, что кругом множество песцов, есть и канюки, и гуси, даже краснозобые казарки были, но постепенно их выбили охотники.

...Утром следующего дня, переночевав на Кунгудояре, я встал очень рано, чтобы идти в намеченный поход к Белому озеру. Мне хотелось походить одному, поглядеть на пясинскую тундру и спокойно обдумать сложившуюся ситуацию с заповедником. Кстати, был день моего рождения, а провести его среди природы — для меня всегда истинный праздник.

Чуть ниже Кунгудояра в Пясину впадает небольшая речка Сырута, и я пошел вверх по руслу одного из ее притоков. Склоны оврага были сплошь сложены из мелкого ракушечника. Миллиарды и миллионы различных раковинок — плоских, извитых, ребристых — лежали в этой земле. Попадались и россыпи ракушек, словно специально кем-то приготовленные и сложенные в кучи.

Вскоре я стал встречать знакомых по Логате обитателей тундры. Распластав широкие округлые крылья, парили две пары мохноногих канюков, оглашая округу резкими пронзительными криками. Те же, что и там, бурокрылые ржанки и тулесы, те же чайки и поморники, разве что встречаются они пореже и не видно так часто погибших леммингов. Тундра здесь другого облика, она несколько напоминает ту, какую мы видели в устье Малой Логаты. Здесь больше трав, много осоки, большие участки занимают ерники, обильные мхи и таежные кустарнички, а типичные пятнистые тундры встречаются только по вершинам гряд вместе со щебнистыми участками. Конечно, здесь лучшие кормовые условия для оленей в летний период, поэтому идут сюда самки в период отела. Но ведь не всегда они концентрируются в бассейне Пясины. В тридцатых годах основная масса северных оленей на Таймыре сосредоточивалась в восточной части полуострова. Да и при последних авиаучетах было заметно смещение крупных стад оленей к востоку. Возможно, сказывается истощение пясинских пастбищ. Надо учитывать также, что наши маршруты по Логате проходили в момент максимального продвижения оленей на Север, а сейчас там тоже, наверное, много животных.

Но здесь олени на виду почти непрерывно. Вот передо мной небольшое озеро, возле него не меньше сотни оленей. Я иду наискосок, постепенно приближаясь к животным (обычная уловка охотников). У оленей неважное зрение, поэтому человека с торчащим из-за спины ружьем они нередко принимают за своего сородича. Но все-таки, подпустив к себе шагов на сто, олени насторожились, стали поворачиваться в мою сторону, потом не торопясь пошли прочь. Звери здесь у себя дома, и у них свои заботы.

У меня тоже. Я продолжаю мысленно прежние споры, нахожу новые и новые доводы, вспоминаю разные коллизии из практики устройства заповедников, и меня гложет горечь. Наверное, мы сами с Матюшиным отчасти повинны в сложившейся ситуации. Нужно было заранее посвятить норильчан в наши планы, привлечь их к своей работе, вести совместные обследования. Какие все-таки несуразности, какая несогласованность усилий! К тому же, как ни говори, налицо пренебрежение настоящей науки к делу создания заповедника. Нынче на Таймыре работали десятки экспедиций из научных центров, все они изучали те или иные природные объекты, все жалуются на обеднение природных комплексов, на отрицательную роль антропогенных факторов, толкуют о необходимости усиления охраны природы. Когда же коснулось дела — у каждого, оказывается, свои дела, свои заботы, свои сроки и планы. Нет уж, братцы, говорят, давай-

те-ка управляйтесь с заповедником сами, а мы потом вас послушаем и покритикуем. Наше дело научное — выдвинуть предложения, а кто и как будет их воплощать, смотрите сами. Никому неохота спускаться с теоретических высот на грешную землю, разбираться в реальных возможностях воплощения научных рекомендаций, толковать с теми людьми, от которых зависит решение вопроса. Ведь заповедники-то создаются не ведомствами, не наукой, не учеными. Они организуются в соответствии с установленными порядками органами советской власти.

...В открывшейся впереди обширной низине блеснули холодной синевой еще два озера. Как старых знакомых, вижу гуменников, гребенушек, морянок. Птицы держатся гораздо осторожнее, чем на Логате, и я не могу подойти к ним на выстрел. Ну и не обязательно, с меня хватит пары белых куропаток, которые попадаются чуть не на каждой сотне метров. Молодые уже хорошо летают и ничуть не опасаются человека.

Уже к вечеру, то и дело встречаясь с идущими навстречу стадами оленей, я вышел к берегу огромного озера Белого. Оно показалось мне неприветливым, свинцовым и пустынным. Берега его высокие, всхолмленные и сплошь изборождены недавними оползнями. В жаркие дни августа они буквально «стекли» к урезу воды, настолько давала себя знать термокарстовая эрозия.

На берегу стоит старый балок, возле него разбросаны старые доски и разный хлам. Внутри балка оказалось неуютно, я развел снаружи небольшой костерок и решил отдохнуть здесь. Ночи уже становились заметнее, с каждым днем они удлинялись. Было холодно, чуть приморaживало, пришлось спать урывками, греться горячим чаем. На рассвете мимо балка почти непрерывной чередой шли олени, изредка слышались крики гагар и гусиное гоготанье. Когда утром я пошел через тундру в направлении Пясины, ко мне прибился одинокий олененок, по-видимому отставший от стада или потерявший мать. Со своеобразным «хрюканьем» он подбежал ко мне, словно просил защиты в этом неуютном мире. «Чем же я могу помочь тебе, дорогой?» — спросил я у него, но он долго не отставал, все шел следом...

Вот и отстрел оленей на переправах. Дело, конечно, необходимое, но картина забоя, что ни говори, отвратительная. Правильно ли направлять сюда студентов-практикантов? Можно ли сделать так, чтобы избежать напрасной гибели зверей и полностью использовать все, что добыто?

В Кунгудояре во время радиосеанса мне сообщили: «Вам телеграмма от директора лаборатории, срочно возвращаться в Москву. На базу идет наш катер «Гвардеец», выезжайте с ним. Может быть, и вертолет будет завтра». Катер пришел в тот же вечер, и я решил ехать на нем, не ожидая вертолета, чтобы посмотреть саму Пясину.

Ночи стали длиннее, а в темноте плыть по Пясине нельзя. Ночевали, приткнувшись в берег возле устья Якима, а чуть рассвело, поплыли дальше. Погода была пасмурной и прохладной, тундра на глазах становилась все более однообразной и блеклой. Река стала заметно шире, по одному берегу тянулись обрывы с неизменными оползнями, другой берег был низким и песчаным. Начиная с устья реки Средней появились единичные куртины лиственничных стлаников.

Вторую ночь провели возле бывшей фактории «Кресты» — известное место на Пясине, через которое был в свое время путь из Дудинки на Хатангу. Наутро местность резко изменилась, сразу появились лиственничные рощи и редколесья вперемежку с зарослями кустарниковой ольхи. Река сузилась, течение стало быстрым, берега пошли высокие с двух сторон, и вся местность чем-то напомнила мне окрестности Хатанги или даже Эвенкию. Здесь часто через реку переходили вплавь стада диких оленей, не обращая внимания на наш катер, и я бегал по палубе, стараясь сфотографировать животных.

Миновали почти незаметный для постороннего глаза пясинский порог и вышли в озеро. Лиственницы только начинали блекнуть, а ивняк по берегам стоял уже весь жел-

тый... Озеро оказалось мелким и грязным, с огромными нефтяными разводами. Рыбы в нем, как мне объяснили, давно уже нет, хотя в прошлом оно кормило чуть ли не весь город. Катер осторожно пробирался, минуя мели, и наконец вошел в речку Норилку. Ровно в два часа дня мы подошли к Вальку, и я отправился покупать билет на самолет до Москвы.

Вот и закончились мои встречи с таймырской тундрой. Как натуралист и зоолог я был, конечно, доволен множеством свежих впечатлений, однако же ощущал неудовлетворенность ходом наших дел с проектированием заповедника. Будет ли он создан на Таймыре или же все усилия окажутся такими же тщетными, как и у наших предшественников?

А почему, собственно, меня это должно так уж волновать? Ведь не мне тут жить — так вот я и сказал Якушкину. Сейчас улечу и, может быть, никогда больше не увижу этот самый Север. Откуда же это чувство тревоги за его судьбу, эта невольная привязанность к чужой и непривлекательной с виду земле с ее тундрами, болотами, озерами?

* * *

Все чаще и чаще говорят сейчас о том, будто бы старушка-земля наша стала вращаться вокруг своей оси заметно быстрее, уплотнилось, спрессовалось время, сократились сутки... Незаметно прошло пять лет после нашего свидания с Таймыром. За эти годы довелось побывать мне и в Приамурье, и в Арктике — на острове Врангеля, и в различных районах Кавказа, но тревоги и заботы о судьбе Таймырского заповедника всюду были со мной. Не стану утомлять читателей описанием всех совещаний, обсуждений, споров, которые велись после наших работ в Дудинке и Норильске, в Красноярске и Москве. Одни только сухие протоколы заняли бы целый увесистый том. Больше всего пришлось полемизировать с учеными из НИИСХа, считавшими, что заповедник должен быть создан только в бассейне Пясины специально для охраны северных оленей, хотя этот вид пока не требует особой заботы[19]. Потребовались новые обсуждения в Академии наук СССР, в Президиуме ВАСХНИЛ и во многих других инстанциях, чтобы прийти наконец к окончательному правильному решению.

Летом 1975 года Красноярский крайисполком внимательно рассмотрел наши предложения и принял решение просить Совет министров РСФСР об организации Таймырского заповедника и Пясинского республиканского заказника в границах, предложенных экспедицией. После этого многие центральные газеты и всесоюзное радио сообщали об организации заповедника на Таймыре, затем эти сведения стали появляться в журналах и даже в книгах (например, в книге «Лесное хозяйство СССР» – М., 1977), хотя до окончательного решения вопроса было еще очень далеко. Ведь постановлению правительства союзной республики о создании нового заповедника предшествуют длительные обсуждения и согласования с ведомствами.

Министерство сельского хозяйства РСФСР, например, решительно высказалось против каких-либо мер, связанных с охраной диких северных оленей в бассейне Пясины, поскольку там намечается интенсификация домашнего оленеводства. Хотя биологи и охотоведы вряд ли согласятся с таким мнением, однако оно сразу же затормозило воплощение в жизнь проекта республиканского заказника на Пясине. Тем более не удалось бы создать там заповедник, как это предлагалось норильчанами. Против же нашего хатангского варианта возражений не возникло. Поддержали этот проект и все другие заинтересованные ведомства.

---

[19] За исключением новоземельского подвида дикого северного оленя, занесенного в «Красную книгу редких и исчезающих животных СССР».

Тем не менее время было упущено. Если бы не норильские споры, Таймырский заповедник мог быть создан уже в 1974 году. Но затем у него появился конкурент — в 1975 году Магаданский облисполком предложил учредить заповедник на острове Врангеля. Там и был организован первый в нашей стране арктический заповедник (в начале 1976 года).

Это сразу резко снизило интерес к Таймыру, зародило к нему невольные сомнения. В самом деле — территория большая и очень отдаленная, заповедник будет сложным, потребует и забот, и расходов... Вновь слышались знакомые вопросы: не рано ли браться за охрану таймырской тундры, от кого ее там охранять-то?

К сожалению, охранять нужно от самих же себя, от нашей порой излишней активности, от невнимательности и спешки. Что же упрекать различных экспедиционников, которые ставят на вездеходы балки и гоняют по тундре куда только вздумается или норовят проплыть на моторках по всем дальним северным речкам, если подчас не хватает элементарной экологической грамотности даже биологам. Научный сотрудник из Сыктывкара всерьез рекомендует проводить летом в тундре учет белых куропаток с вездеходов — вот уж, как говорится, и нарочно не придумаешь. Не говоря уже о никчемном расходе бензина, все куропатки, вместе взятые, не стоят той загубленной гусеницами земли... А вот слышится опять голос из Норильска (официальное заключение ученого совета!) о том, что природные комплексы по реке Логате неполноценны, так как там мало оленей. И невдомек, что живая природа не может быть неполноценной.

С гордостью пишет корреспондент в популярной газете «Неделя»: «Двое суток наш вездеход утюжил тундру — мы надеялись встретить овцебыков. Хотя ясно, что затея бессмысленная — их двадцать, а у острова 7300 квадратных километров площади» (это он об острове Врангеля, в ту пору уже заповедном!). Ведь расчет здесь самый элементарный — на каждые десять километров пути вездеход оставляет за собой от одного до трех гектаров искалеченной земли, причем водители вездеходов, как правило, предпочитают вести машину по зарослям кустарников, по ивнякам — так надежнее — и очень не любят уже проложенных однажды следов. Вот и посчитайте, сколько «наутюжит», а точнее — загубит северной земли такой поиск при неограниченности полярного дня и выносливости участников...

Да, приходится снова и снова с горечью повторять, что время работает сегодня против заповедников, ибо каждый день приносит новые потери. Пока нет заповедников в дальних краях, кажется, что можно еще и подождать, время терпит. Когда же наступает пора интенсивного промышленного освоения, оказывается, уже поздно, думать о заповедниках надо было раньше. Именно так получилось, например, на БАМе. То спрашивали, от кого, дескать, охранять тайгу в таком безлюдье, а теперь удивляются, о чем охранники природы раньше думали.

...В 1977 году во время всенародного обсуждения новой Конституции СССР, где впервые были сформулированы специальные статьи об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов, академик В.Е. Соколов и член-корр. ВАСХНИЛ проф. Е.Е. Сыроечковский выступили в «Правде» со статьей, в которой подробно говорилось о необходимости создания новых заповедников, в частности на Таймыре. Одновременно с письмом в поддержку этих предложений обратился в Совет министров РСФСР президент Академии наук СССР академик А.П. Александров. Из Ленинграда вновь ходатайствовали «за Таймыр» академики А.Л. Тахтаджян, Е.М. Лавренко и другие видные ученые.

В декабре 1978 года ЦК КПСС и Совет министров СССР вынесли постановление о дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов. И, как бы откликаясь на него, Совет министров РСФСР в конце февраля 1979 года постановил организовать государственный Таймырский заповедник Гла-

вохоты РСФСР общей площадью 1 348 316 гектаров — самый крупный в нашей стране и один из крупнейших в мире.

Итак, заповедник у Таймырского озера создан!

Конечно, мы вправе говорить, что только так и должна была закончиться вся эта эпопея, иначе и быть не могло. Сохранение знаменитых рощ Ары-Маса, Лукунской, девственных тундр Логаты со всеми их живыми достопримечательностями гарантировано теперь правительственными постановлениями. Ведь заповедник — единственная в нашей стране форма землепользования, предназначенная специально для охраны природы.

Теперь дело за тем, чтобы заповедник этот не обманул тех надежд и усилий, которые были вложены многими и многими людьми в его создание. Его будущим работникам предстоит не только обеспечить неприкосновенность заповедных участков, но и наладить в контакте с другими учреждениями разносторонние научные исследования. Этому будет предшествовать большая организационная работа — ведь предстоит обжиться на новом месте, а это не так-то просто. Хочется при этом предостеречь будущих руководителей заповедника от увлечения техникой при обследовании своих «владений», при учетах животных. Авиаучеты, например, в заповедниках должны проводиться с чрезвычайной осторожностью и осмотрительностью, а использование вездеходов в бесснежный период должно быть исключено полностью. Контрольные облеты территории лучше совершать только вдоль границ или в охранной зоне. Нет необходимости и в устройстве кордонов, что обычно практикуется в других заповедниках. Заповедная территория — земля, отданная казаркам, песцам, оленям и прочей живности, чтобы они существовали там вовеки так, как это было прежде. Коллектив же заповедника должен стать подлинным научным звеном, решающим проблемы охраны природы Красноярского Севера. Этот могучий край и сегодня остается страной будущего.

2.3. Первый проект географической сети заповедников для территории СССР*

В ряде работ, посвященных развитию заповедного дела в нашей стране, упоминается «записка» под названием «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков», представленная В.П. Семеновым-Тян-Шанским 2 октября 1917 г. Природоохранительной комиссии Русского географического общества.

«*В этой записке*, — пишет Л.К. Шапошников (1967, с. 8), — *ставился вопрос о необходимости сохранения "для потомства на вечные времена образцов физических ландшафтов" и предлагалось в качестве таковых 46 участков в различных географических зонах страны*»[1].

Известно, что проект В.П. Семенова-Тян-Шанского никогда не публиковался. Поэтому мы обратились в Центральный архив Географического общества СССР в Ленинграде, где нам предоставили возможность ознакомиться с личным архивом Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского (фонд 48). Докладная записка, имеющаяся в этом архиве, была составлена автором как членом Природоохранительной комиссии, и рассмотрение ее должно было состояться 19 октября 1917 г. (по старому стилю). Сведений о результа-

---

* Бюллетень МОИП. Отд. биол. 1977. Т. 82(2). С. 153–156. — Соавтор *Г.С. Аваков*.

[1] В очерке А.Г. Банникова, помещенном в книге «Заповедники Советского. Союза» (1969), упоминается, что В.П. Семенов-Тян-Шанский «предлагал создать шесть заповедников в различных географических зонах России» (с. 18). Можно посчитать, что это опечатка, поскольку книга изобилует ими. Однако та же фраза повторена в книге А.Г. Банникова «По заповедникам Советского Союза» (1974, с. 10).

тах такого обсуждения мы не имеем. Записка датирована 2 октября 1917 г. К ней приложена картосхема с нанесенными точками на месте предлагаемых парков и дано небольшое пояснение. Во введении к записке говорится о единстве всех черт природных ландшафтов и цитируются известные строки Ф.И. Тютчева «Не то, что мните вы, природа...».

«*Философский путь широкого географического синтеза*, — пишет В.П. Семенов-Тян-Шанский, — *ведет нас в одни и те же врата национальных парков. Научные наблюдения немыслимы иначе, как на площадях в десятки и сотни квадратных верст, причем в охраняемые ландшафты будут включены различные "естественноисторические предметы"...Наилучшее время для основания национальных парков в России настало именно теперь*», — заключает автор свою записку. Предложения о самой сети заповедников В.П. Семенов-Тян-Шанский дает по отдельным природным регионам.

Хибинские горы, хребет Адак и лесотундровые Мезенский и Обдорский парки. В русской Лапландии наиболее удобным местом для организации парка признана группа Хибинских гор близ оз. Имандры. Представляет также интерес хребет Адак при слиянии р. Адзьвы с Усой в Печорском крае, а для создания лесотундровых парков — местность близ Мезени и Обдорска.

Олонецкий ледниковый парк канадского лаврентьевского типа с гранитными возвышенностями, «бараньими лбами», водопадами и торфяниками предложено создать где-либо недалеко от линии Мурманской железной дороги в Кемском уезде Архангельской губернии или же в Повенецком и Петрозаводском уездах Олонецкой губернии. Отмечается, что с созданием этого парка необходимо спешить ввиду проводимых там лесозаготовок.

Моренный парк Валдайской возвышенности. В смежных уездах Новгородской, Тверской и Псковской губерний, т. е. в Валдайском, Осташковском и Торопецком уездах. Подчеркивается, что тип флоры и фауны этой местности аналогичен известному для Йеллоустонского парка.

Беловежская пуща. Признается желательным создание здесь парка, если территория «будет возвращена нам немцами не в слишком изуродованном виде».

Жигулевский парк желательно учредить на Приволжской возвышенности.

Парк «Сурской шишки». На лесистой возвышенности (около 360 м над ур. моря).

Парк Среднерусской возвышенности. Рекомендовалось заповедать речную долину с гипновыми и травяными болотами.

Овражный парк. Сеть «живых оврагов» в верховьях Оки или овраг «Зеркало» близ р. Раковы.

Подземные парки. Пещеры Бортуковская (по р. Пьяне в Нижегородской губернии), Кунгурская и Крымские.

Парки Галичьей горы и Дивногорья. На берегу Дона в Елецком уезде и у Дивногорского монастыря.

Уремные парки. По р. Вороне в Тамбовской губернии и на казачьих землях Уральской обл. по Уралу.

Парк Святых гор. По Северскому Донцу в Харьковской губернии.

«Степные парки»[2] — Старобельский, Хреновский и Бузулукский. Степи в Харьковской и Воронежской губерниях, в том числе и те, о которых писал Н.В. Гоголь.

Зоопарки Аскания-Нова и Левашовский. Последний под Петроградом близ ст. Левашово в имении князя Вяземского.

Кубанский. Для охраны зубра на месте бывшей Кубанской охоты, но с включением в него не только лесного, но и альпийского пояса.

---

[2] Ниже к степным паркам отнесен только Старобельский, а Хреновский и Бузулукский причислены к большой группе лесостепных парков. — *Ред.*

Дагестанский. В интересах сохранения своеобразного горного ландшафта желательно организовать парк где-либо в районе Гуниба.

Лагодехский. Парк необходим в интересах сохранения флоры этой части горного Кавказа.

Черноморский. Парк с колхидской растительностью от побережья моря и, возможно, выше в горы.

Уральские парки «благоразумнее не основывать, так как их пришлось бы отвести под разработку ископаемых».

Кондинский таежный парк — в Кондинском краю Тобольской губернии.

Барабинский лесостепной парк — в Ишимской или Кулундинской степи с участками колков и озерами.

Киргизский мелкосопочный рельеф. Для сохранения его целесообразно учредить парк южнее березовой лесостепи, между Ишимом и Иртышом, в Кокчетавском и смежном с ним уездах на территории с ковыльными степями и озерами. «Основание национального парка здесь совершенно необходимо».

Алтайский горный парк. На склонах горы Белухи с включением в границы парка ледникового озера, например Кочурлинского или Аккемского.

Саянский горный парк. Поскольку местность точнее не указана, очевидно, имелся в виду созданный в Саянах в 1915 г. заповедник.

Баргузинский горный парк — тогда только что основанный.

Парк Среднесибирского плоскогорья. Близ Ангары или Подкаменной Тунгуски, в интересах сохранения ландшафта «сибирских траппов»[3].

Забайкальский парк. На границе тайги с ковыльными степями в Нерчинском округе.

Амурский парк. В бассейне Зеи, на территории, где тайга граничит с лесостепью.

Уссурийский парк. В области третичных лесов между Сихотэ-Алинем и Уссурийской железной дорогой.

Шантарский парк. На одном из Шантарских островов в области охотской тайги.

Камчатские парки. В вулканической местности с одной из действующих сопок; на Карагинском острове — для сохранения мира зверей и птиц.

Мангышлакский пустынный парк. Для изучения пустынных форм выветривания.

Репетекский и Саксауловый пустынные парки. Первый в окрестностях Репетека, где создана была научная станция, второй — в ближайших к этой станции хорошо сохранившихся саксауловых лесах.

Тугайный парк. Для сохранения тугаев, по Амударье или Сырдарье.

Ферганский парк. В поясе лесов из грецкого ореха.

Тянь-Шаньский парк. В Семиречье на одном из склонов Тянь-Шаня.

Таким образом, предлагалось «**представить и сохранить для потомства**» природу на территории «**не менее 46 национальных парков**», систематизированных географически следующим образом:

Европейская Россия

Лесотундровые: Парки Хибинских гор, Адакский горный, Мезенский равнинный.

Лесные: Олонецкий ледниковый, Валдайский моренный, Левашовский, Беловежская пуща.

---

[3] Траппами называют основные горные породы, происшедшие из габро-базальтовой магмы и широко распространенные на древних платформах, где они образуют пластовые залежи, жилы и т. д. Часто имеют ступенчатую форму, откуда и происходит название (по-шведски trappa — лестница). — *Ред.*

Лесостепные: Жигулевский, «Суровской шишки», Среднерусской возвышенности, Овражный, Галичьей горы, Дивногорья, Святых гор, Уремный, Хреновский, Бузулукский.

Подземные: Бартуковский, Кунгурский, Крымской яйлы.

Степные: Старобельский, Аскания-Нова.

Кавказ

Горно-лесные: Кубанский, Дагестанский, Лагодехский, Черноморский.

Сибирь и Дальний Восток

Лесотундровые: Обдорский, Карагинский.
Равнинно-таежные: Кондинский, Средне-Сибирского плоскогорья, Шантарский.
Лесостепные: Барабинский, Киргизский мелкосопочный.
Горно-таежные: Алтайский, Саянский, Баргузинский.
Смешанные таежно-степные: Забайкальский, Амурский.
Третичных лесов: Уссурийский.
Вулканический: Камчатский.

Средняя Азия

Пустынные: Мангышлакский, Репетекский, Саксауловый.
Равнинный: Тугайный.
Горно-лесные: Тянь-Шаньский, Ферганский.

Каковы же основные особенности этого проекта, подкупающего своей простотой и логичностью? Во-первых, речь шла о национальных парках, аналогичных имеющимся в США и Канаде, а не о заповедниках в их современном понимании, деятельность которых в большой мере посвящена изучению природных комплексов на их территории. Поэтому в проекте не предусмотрено создания национальных парков в Арктике и на Памире вследствие «безлюдности» этих регионов.

Во-вторых, ландшафтно-географический принцип выделения природоохраняемых территорий сочетался с подбором особо интересных природных объектов, например пещер.

В-третьих, в ряде случаев были учтены интересы развития хозяйственной деятельности в стране, в частности на Урале.

В-четвертых, хотя и предусматривалось проведение научных наблюдений в парках, но имелось в виду и посещение этих мест туристами.

Развитие заповедного дела в нашей стране, как известно, пошло не по пути создания обширной сети заповедников специализированного назначения, в том числе и собственно национальных парков, а пыталось сочетать разнородные задачи, в частности научно-исследовательские, опытно-производственные, культурно-просветительные, туристские и другие в одном и том же заповеднике. В дальнейшем это привело ко многим трудностям и противоречиям в деятельности заповедников, не решенным и по сей день.

Первый национальный парк в нашей стране, в котором туризм и культурно-просветительная работа должны преобладать над другой деятельностью при условии поддержания природного комплекса в хорошем состоянии, создан в 1971 г. в Эстонии. Как уже отмечалось выше, ряд положений и значительная часть конкретных предложений по созданию «парков», имевшихся в «записке» В.П. Семенова-Тян-Шанского, были ис-

пользованы в последующих планах развития сети заповедников[4] и в такой форме сыграли большую роль в становлении заповедного дела в Советском Союзе. Весьма примечательно, что местоположение многих ныне существующих, а также некоторых упраздненных заповедников близко соответствует конкретным пунктам или районам, в отношении которых в «записке» В.П. Семенова-Тян-Шанского отмечалась желательность или необходимость создания там «парков». А с учетом учрежденных памятников природы или долгосрочных заказников число таких пунктов и районов еще более возрастет и составит не менее 75–80%.

В 1923 г. Отдел охраны природы Главнауки Наркомпроса РСФСР, представляя официальный план создания новых заповедников, положил в основу его рукописный труд В.П. Семенова-Тян-Шанского. В последующие годы В.Н. Макаров, выдвигая различные предложения по развитию сети и организации заповедников, также опирался на большую работу, проделанную его предшественниками, и прежде всего В.П. Семеновым-Тян-Шанским (Штильмарк, 1974). Конечно, жизнь и в начальный, и в последующий планы создания в стране сети заповедников вносила свои коррективы, и многие заповедники так и не были организованы, а ряд других возник вне этих планов.

Некоторые предложения о создании заповедников («парков») в «записке» В.П. Семенова-Тян-Шанского заслуживают серьезного внимания и теперь, поскольку заповедников подобного рода нет. Это относится, например, к предложениям о создании Барабинского, Валдайского, Средне-Сибирского (на территории, где хорошо выражены «сибирские траппы») и некоторых других заповедников.

В.П. Семенов-Тян-Шанский был не только известным географом и ученым, но и активным борцом за развитие заповедного дела. Он отстаивал научные подходы к организации заповедного дела в стране, был противником чисто утилитарного использования заповедников для охотохозяйственных и других целей. Благодаря его усилиям в 1920-х годах Русское географическое общество и Центральное бюро краеведения подготовили список предлагаемых заповедников, заказников и других природных объектов, заслуживающих охраны, включающий более 500 названий (Семенов-Тян-Шанский, 1928; Васильковский, 1929; Северцов, 1929).

2.4. Проблемы создания степных заповедников в РСФСР*

Согласно представлениям Е.М. Лавренко (1980), Евразиатская степная область (зона) простирается от нижнего течения Дуная на западе до Маньчжурской равнины на востоке. Она разделяется на две подобласти — причерноморско-казахстанскую и центральноазиатскую (даурско-монгольскую) — и включает четыре подзоны — луговых степей и остепненных лугов (лесостепи), разнотравно-типчаково-ковыльных (настоящих) степей, типчаково-ковыльных (сухих) и пустынных полынно-типчаково-ковыльных степей (полупустынь). В горах юга Сибири они образуют особые пояса горных степей. При всей обширности этой зоны, разнообразии природных условий и важнейшей роли в народном хозяйстве заповедников в ней крайне мало.

---

* Бюл. МОИП. Отд. биол. 1983. Т. 83. Вып. 6. С. 92–104. — Соавторы *В.И. Данилов, Ю.Ю. Нухимовская*.

[4] Все это в полной мере относится и к «Перспективному плану географической сети заповедников в СССР (проект)» (Лавренко и др., 1958), но имя В. П. Семенова-Тян-Шанского в нем, к сожалению, не было упомянуто.

В лесостепной подзоне России фактически имеется только один заповедник (Центрально-Черноземный), который охраняет несколько сравнительно крупных участков лугово-степной растительности. В маленьком заповеднике «Галичья гора», тоже расположенном в лесостепной подзоне, общая территория со степной растительностью не превышает 60 га. Примерно такова же площадь степных участков в Хоперском заповеднике. На границе лесов и лесостепей в РСФСР имеются незаповедные участки со степной растительностью в Орловской, Московской и Горьковской обл. Разнотравно-типчаково-ковыльные, типчаково-ковыльные, а также полынно-дерновиннозлаковые степи не охраняются и стационарно не исследуются ни в одном заповеднике Российской Федерации.

Такое странное положение сложилось вовсе не по причине безразличия к этой проблеме со стороны научной общественности нашей страны. Более того, не будет преувеличением сказать, что именно из «степного вопроса», поднятого В.В. Докучаевым (1892, 1895) еще в конце XIX в., возникло само представление о заповедниках — эталонах природы, о необходимости их использования в научных и практических целях. Первые степные заповедники возникли до революции на частнособственнических землях, владельцы которых восприняли идеи охраны природы (Насимович, 1979). Проблема первоочередного заповедания целинных степей юга России активно обсуждалась на рубеже XIX и XX вв. (работы и выступления И.К. Пачоского, И.П. Бородина, Г.А. Кожевникова, В.И. Талиева и др.). В 30-х годах известный специалист по степной растительности Б.А. Келлер (1931, с. 3) писал: «*От прежних безбрежных травяных степей уцелели небольшие случайные клочки, растительность которых претерпела уже сильные изменения под влиянием хозяйственной деятельности человека. Но приходится беспокоиться, чтобы и эти клочки скоро не исчезли совершенно. А между тем они нужны нам не в качестве только любопытной древности, курьезного памятника прошлого... Они необходимы для разработки и разрешения больших научных и практических вопросов. Ключ к этим вопросам будет потерян навсегда, если мы не сохраним несколько участков травяных степей, по возможности в их первобытном состоянии*». И далее (с. 6): «*...**история наших степей есть только неразрывная часть истории не только нашей, но и всей европейской природы**. Вот почему в сохранении степных заповедников заинтересована общеевропейская, а вместе и мировая наука*».

Позднее изучению, охране и заповеданию участков степной растительности на территории Европейской России много внимания уделили Б.А. Келлер, В.В. Алехин, И.И. Спрыгин, Е.М. Лавренко, И.М. Крашенинников, И.В. Новопокровский, Н.С. Камышев, С.В. Голицын, Г.И. Дохман, А.М. Семенова-Тян-Шанская и другие ученые, и тем не менее заповедников, сохраняющих настоящую степную растительность, в европейской и азиатской частях России практически нет. Спустя 63 года с момента постановки В.В. Докучаевым проблемы охраны степных участков во введении к перспективному плану географической сети заповедников СССР его составители Е.М. Лавренко, В.Г. Гептнер, С.В. Кириков и А.Н. Формозов писали (1958, с. 8): «*С горечью нужно признать, что завет В.В. Докучаева об организации ряда заповедников в степной зоне не выполнен: ни в донских, ни в поволжских, ни в приуральских, ни в кубанских, ни в казахстанских степях в настоящее время нет ни одного заповедника, а на Украине остались лишь мелкие клочки заповедных целинных степей*».

Несмотря на многочисленные призывы и протесты отдельных ученых, участки степной растительности постепенно распахиваются. Например, на территории центрально-черноземных областей начиная с 30-х годов нашего столетия были распаханы знаменитые Краснянские степи (41 тыс. га), Тойденские степи (несколько тысяч га), Хреновская степь (1,2 тыс. га), степь в совхозе «Культура» (Воронежская обл.), Ямская и Ивановская степи в Тамбовской обл., Степной остров и Лотаревская степь в Липецкой обл.

и др. В настоящее время от знаменитых в прошлом больших территорий степей в центрально-черноземных и других южных областях РСФСР остались в основном трудные для вспашки мельчайшие клочки степной растительности, однако и они обычно используются под интенсивный выпас. Некоторые сведения о таких участках степной растительности, которые желательно сохранить в системе государственных заповедников, приводятся ниже.

Московская область

В пределах этой области давно (Кауфман, 1866; Горожанкин, 1888) известны участки со степными фитоценозами в окрестностях сел Лужки и Никифорово Серпуховского р-на. Это — классическое местонахождение известной в ботанической литературе южной «окской флоры». В их составе фитоценозы со *Stipa pennata* L., *Festuca valesiaca* Gaud., *Melica picta* C. Koch., *Cerasus fruticosa* (Pall.) Woronow, *Tulipa biebersteiniana* Roem. et Schult., *Inula hirta* L., *Scorzonera purpurea* L., *Cotoneaster melanocarpus* Fisch. ex Blytt, *Phleum phleoides* (L.) Karst., *Carex obtusata* Liljebl., *Dentaria tenuifolia* Ledeb., *Veratrum nigrum* L., *Aconitum nemorosum* Bieb., *Prunus spinosa* L. и другими видами.

Организованный в 1945 г. Приокско-Террасный заповедник частично включил в свою территорию один из наиболее известных участков окской флоры в окрестностях с. Лужки. Второй (Никифоровский) участок оказался за его пределами, хотя там имеются все основные степные растения и, кроме того, ряд других видов, отсутствующих в заповеднике. За пределами заповедника (хотя и вблизи его границ) находятся и участки с *Tulipa biebersteiniana* (степной формой), *Dentaria tenuifolia,* с множеством растений *Stipa pennata, Scorzonera purpurea* и другими степными видами.

Остатки степной растительности сохранились и в бассейне Осетра (Серебряно-прудский р-он), где по склонам правого берега Полосни у с. Подхожее (Скворцов, 1947, 1951) и у леса близ с. Белогородье есть несколько десятков гектаров степных фитоценозов с участием *Stipa pennata, S. stenophylla* (Lindem.) Trautv., *S. dasyphylla* (Lindem.) Trautv., *Scorzonera purpurea, Inula hirta, Adonis vernalis* L., *Iris aphylla* L., *Echium russicum* J.F. Gmel., *Spiraea crenata* L., *Cotoneaster melanocarpus, Arenaria micradenia* P. Smirn., *Carex humilis* Leyss. и других степняков. Вообще вся южная половина Серебряно-прудского р-на Московской обл. занята выщелоченными черноземами, что свидетельствует о распространении здесь в прошлом луговых степей, остатки которых сохранились теперь только по склонам долины Полосни и ее отрогов. Сохранение в системе заповедников этих самых северных и очень богатых степными видами фитоценозов — крайне важная для всех московских ботаников задача.

Горьковская область

Было бы целесообразным заповедать и отдельные участки степной растительности в Сергачском, Починковском и Арзамасском р-нах, где в окрестностях сел Уразовка, Ендовищи, Чуфирово, Сеченово (Межпьянье), у деревень Дивеев Усад, Маресьево, Янкин стан (Започинье), у г. Арзамаса и сел. Кожино, Игалово, Ратманово, Стексово и др. (Смирнов, 1927; Полуяхтов, 1971) произрастает 9 видов ковылей *(Stipa pennata, S. stenophylla, S. dasyphylla, S. pulcherrima* C. Koch., *S. glabrata* P. Smirn., *S. capillata* L., *S. rubentiformis* P. Smirn., *S. lessingiana* Trin. ex Rupr., *S. praecapillata* Alech.), а также *Helictotrichon desertorum* (Less.) Nevski, *Artemisia sericea* Web. ex Stechm., *A. armeniana* Lam., *A. latifolia* Ledeb., *Onosma simplicissima* L., *Cerasus fruticosa, Prunus spinosa* и другие виды.

Орловская область

В этой области также имеются участки степной растительности (Вернандер, 1929; Куренцов, 1929; Носова, 1966). Это — Черкасская степь на водоразделе рек Ока-Кнубрь, наполовину занятая лесом, Паньковская степь (правый берег р. Кнубрь), где имеются *Stipa pennata* и *S. stenophylla,* а также Хомутовская (Бобринская) степь, расположенная по правому берегу р. Кнубрь. Здесь помимо уже упомянутых двух видов ковылей встречаются *Bromopsis riparia* (Rehm.) Holub, *Phleum phleoides, Carex humilis, C. caryophylla* La Tourr., *C. obtusata, Echium russicum, Inula hirta, Scorzonera purpurea* и другие степные виды.

Пензенская область

В восточной части Европейской лесостепи, т. е. в этой области, И.И. Спрыгин еще в 1917 г. наметил участки для заповедания луговых степей. Главные из них: Попереченская в Каменском р-не (219 га) и Кунчеровская в Кузнецком р-не (220 га).

Попереченская степь расположена на узком водоразделе между верховьями Хопра и его правого притока Арчеды. Степь в ботаническом отношении изучали И.И. Спрыгин (1925), А.А. Уранов (1925), Е.М. Лавренко (1940), Л.М. Носова (1965), А.А. Солянов (1971).

Кунчеровская степь представляет собой высокий водораздел двух речек — Верхозимки и Ериклея. Степь изучали И.И. Спрыгин (1925), Л.М. Носова (1965). В 1901 и 1926 гг. ее посетил Б.А. Келлер. Попереченская степь была объявлена заповедником в 1919 г., Кунчеровская — в 1926 г. В 1927 г. обе степи вошли в состав Жигулевского заповедника, который после этого стал называться Средне-Волжским. В 1937 г. он был переименован в Куйбышевский, а в 1951 г. — ликвидирован. В окончательно восстановленный в 1966 г. Жигулевский заповедник не вошли пензенские степи, которые с 1952 г. находятся в ведении хозяйственных организаций и используются под выпас скота. По сведениям Л.М. Носовой (1965), обе степи (особенно Кунчеровская) сильно вытравливались. В 1965 г. решением Пензенского облисполкома эти степи были объявлены охраняемыми памятниками природы и в последние годы их использование значительно сокращено. Однако многочисленные попытки официально восстановить их в правах заповедника пока не дали результатов.

Если степи Центрально-Черноземного заповедника представляют собой типичные варианты луговых степей Среднерусской возвышенности с господством не только плотнодерновинных злаков *Stipa pennata* и *Festuca valesiaca,* но и мезофильной дерновинной осоки *Carex humilis,* то пензенские степи (Попереченская и Кунчеровская), помимо исключительно важного обстоятельства — сохранности сравнительно крупных массивов (по 220 га каждый), представляют большой интерес из-за наличия в них ряда восточных флористических элементов, отсутствующих в степях к западу от этой области. Это в первую очередь относится к *Helictotrichon desertorum,* который в ряде ценозов Кунчеровской степи является эдификатором.

Скорейшее заповедание своеобразных восточных вариантов европейских луговых степей в Пензенской обл., которые по ряду флористических и фитоценотических показателей отдаленно напоминают знаменитую в ботанической литературе Лотаревскую степь, — вопрос первостепенного значения природоведов и ботаников нашей страны.

Воронежская область

На территории этой области на очень небольших участках сохранилась растительность северных (луговых) степей, южных разнотравно-типчаково-ковыльных степей, а

также петрофильные кустарничковые растительные сообщества на выходах карбонатных пород (мела и мелового мергеля).

Наиболее известна Хреновская луговая степь, расположенная в Бобровском р-не на землях одноименного конного завода. Здесь в 1935–1937 гг. на площади 283 га существовал заповедник. К этому времени общая площадь Хреновской степи еще составляла более 1200 га, но в последующие годы она постепенно распахивалась. В настоящее время сохранилось около 80 га степной растительности, которая ежегодно сильно выбивается и перетравливается лошадьми. Хреновскую степь в разное время изучали Б.А. Келлер (1931), Н.С. Камышев (1951, 1955, 1956), Н.Ф. Комаров (1940) и др. На степи преобладают костров-типчаково-разнотравные ассоциации. В природном комплексе Хреновской степи имеются также осиновые кусты и болота, что дает возможность проводить исследования по динамике различных типов растительности и изучать их взаимное влияние.

Краснянские степи находятся в Таловском р-не. В предреволюционное время здесь сохранялась 41 тыс. га степей, которые позднее стали постепенно распахиваться. В настоящее время степные фитоценозы имеются на площади 150 га в системе балки Карайчева (в 25 км к югу от ст. Елань-Колено). Краснянские степи исследовали Т.И. Попов (1931), Н.С. Камышев (1956, 1970), Л.Г. Раменский, Б.С. и А.А. Кожуховы, Н.Ф. Комаров и другие ученые. В настоящее время сохранились участки тырсовых, узколистно-ковыльных, лессингианово-ковыльных и ракитниковых степей с *Paeonia tenuifolia* L.

Хрипунская степь (Кантемировский р-н) находится в плакорных условиях в 5 км к югу от с. Новоникольского на границе с Ростовской обл. Ее общая площадь вместе с урочищем Берестовым около 80 га. Степь исследовали Н.Ф. Комаров (1931 а, б) и Н.С. Камышев (1956). На степи господствует в основном *Stipa lessingiana*, имеются и другие виды ковылей, живут степные сурки (байбаки). Степь находится в прекрасной сохранности.

Степь в урочище Майдан расположена в 3 км к востоку от хутора Сердюки Репьевского р-на на склоне балки, впадающей в пойму р. Потудани (60 га). Здесь господствует низкоосоково-перисто-ковыльная ассоциация, в составе которой имеются редкие горные виды. Степь исследовали Н.П. Виноградов и С.В. Голицын (1956).

Степь в урочище Крутцы расположена в 4 км на северо-запад от с. Россошки Репьевского р-на по левому берегу Девицы (200 га). На степи господствуют низкоосоковые и перисто-ковыльные ассоциации, а также тимьянники с участием *Thymus cretaceus* Klok. et Shost, *Helictotrichon desertorum, Gentiana pneumonanthe* L., *Linum ucranicum* Czern., *Pimpinella titanophila* Woronow, *Crambe tataria* Scbeok и других видов. Степь интенсивно используется под выпас.

Степи, тимьянники и иссопники у с. Кувшин, Подгоренского р-на (190 га) и у с. Украинская Буйловка (35 га). В составе фитоценозов этой степи *Schivereckia podolica* (Bess.) Andrz. ex DC, *Alyssum lenense* Adam, *Thymus cretaceus, Festuca cretacea* T. Pop, et Proskor., *Hyssopus cretaceus* Dubjan, *Clausia aprica* (Steph.) Korn. Tr. и другие редкие виды.

Иссопники, тимьянники и полынные фитоценозы по рекам Овчинной и Белой (50 га) у с. Волоконовки Кантемировского р-на — пожалуй, наиболее богатое редкими меловыми эндемичными видами растений урочище. Здесь встречаются *Hyssopus cretaceus, Thymus cretaceus, Scrophularia cretacea* Fisch. ex. Spreng., *Hedysarum ucrainicum* Kaschm., *Scutellaria supina* L., *Alyssum lenense, Ephedra distachya* L., *Linaria cretacea* Fisch. ex Spreng., *Matthiola fragrans* Bunge, *Genista tanaitica* P. Smirn. и другие виды.

Ю.А. Мекаев (1980) сообщает о трех участках степной растительности: 1) 106–107 км шоссе Рогачевка — Саратов; 2) прибрежная полоса вдоль речки Кондрашин Лог шириной до 0,5 км, длиной 10–15 км в Каширском р-не; 3) гряда холмов к востоку от железнодорожной линии Кантемировка — Гартмашево.

Оренбургская область

В последние годы получило известность предложение ученых Оренбургского научно-исследовательского института охраны и рационального использования природных ресурсов, функционирующего при Оренбургском политехническом институте. По инициативе директора этого института член-корр. АН СССР А.С. Хоментовского предложено создание степного заповедника в Губерлинских горах и на Урало-Илекском междуречье, где преобладают низкогорные типчаково-ковыльные степи (Чибилев, 1978; Хоментовский, 1980). Здесь пока еще встречаются стрепет, крайне редко дрофа, степной орёл, а также сурки и другие степные обитатели. Однако Оренбургский облисполком не дал предложений для включения данного варианта в план создания заповедников и заказников на XI пятилетку.

Ростовская область

В европейской части РСФСР это наиболее подходящая область для создания в настоящее время относительно крупного степного заповедника. Вопрос об устройстве на Дону заповедников был поднят И.В. Новопокровским на 12-м съезде русских естествоиспытателей и врачей, где он сообщил о запроектированном защитном участке девственной степи у Новочеркасска площадью 200 десятин для ведения на нем ботанических, почвенных и других наблюдений (Дневник съезда..., 1910), и на совещании по сельскохозяйственному опытному делу (Новопокровский, 1911).

Практические шаги по осуществлению этого замысла были предприняты с возникновением Русского ботанического общества и его Новочеркасского отделения.

4 ноября 1918 г. на заседании этого отделения был заслушан доклад К.М. Залесского «О степных станциях и заповедниках». В резолюции заседания отмечалось: «*В целях более успешного изучения природы Донского края, что важно не только для науки, но и для поднятия местного сельского хозяйства, необходимо сохранение в качестве заповедников ряда участков целинных степей, этого ценнейшего, почти повсеместно исчезнувшего памятника природы*» (Новопокровский, 1919). На этом заседании была избрана комиссия в составе известных ученых, главным образом ботаников и почвоведов (В.М. Арциховский, А.Ф. Флеров, И.В. Новопокровский, Б.Б. Полынов, В.Н. Вершковский, И.М. Крашенинников, К.М. Залесский) для выработки конкретных мер в целях осуществления постановления. После обсуждения подготовленных комиссией материалов 18 декабря 1918 г. на открытом заседании Новочеркасского отделения В.М. Арциховский сделал доклад «Об организации на Дону степных заповедников и научной станции при них» (Арциховский, 1919). В декабре того же года отделением было подано в Отдел земледелия и землеустройства ходатайство об учреждении на Дону заповедников и научной станции при них и ряд материалов по этому вопросу: объяснительная записка, штаты, программа станции и пр. Заповедники намечались в шести местах; сюда вошли Персияновская степь и территория Манычско-Гудильской санитарной станции (северный берег оз. Маныч-Гудило). Предполагалось организовать в 1919 г. поездку на места особой комиссии из специалистов при участии представителя Отдела земледелия и землеустройства для установления точных размеров и местонахождения всех этих участков (Арциховский, 1919; Новопокровский, 1919). Осуществлению этого плана, по-видимому, помешала Гражданская война.

Вопрос о Донском заповеднике поднимался и позже (Постановления и резолюции..., 1923; Новопокровский, Богданов, 1927). В июне 1926 г. была организована комиссия, которой было поручено осмотреть место, запроектированное для заповедника, и наметить его границы. Комиссия остановилась на участке в Кашарском р-не (северная часть нынешней Ростовской обл.) общей площадью около 1000 га. По возвращении комиссии

И.В. Новопокровский сделал доклад, сообщив краткие сведения о природе, и представил проект организации заповедника и смету (Новопокровский, Богданов, 1927; Новопокровский, 1928). Однако и этому проекту не суждено было осуществиться.

В последующие годы на необходимость заповедания степей Ростовской области неоднократно обращали внимание Г.М. Зозулин (1961, 1962 а, б, 1973, 1976, 1977) и другие работающие на Дону ученые (Балаш и др., 1970; Балаш, Зозулин, 1971; Зозулин, Пашков, 1971; и др.). Донской степной заповедник был предусмотрен в перспективном плане географической сети заповедников СССР, подготовленном членами Комиссии по охране природы АН СССР (Лавренко и др., 1958), в плане А.Г. Банникова с соавторами (1974).

В 1960 г. Ученый совет биолого-почвенного факультета Ростовского университета на расширенном заседании вместе с ростовскими отделениями ряда научных обществ и представителями городских и областных институтов и учреждений предложил создать Ростовский степной заповедник в составе 5–7 разобщенных участков, представляющих основные ландшафтные типы степей. В 1963 г. решением Ростовского облисполкома они были объявлены заказниками, однако это не обеспечило их сохранения. В 1977 г. решением облисполкома в области выделено довольно большое число памятников природы областного и районного значения, среди которых более десяти участков целинных степей, сохранившихся главным образом по логам и балкам, не представляющих большого хозяйственного значения, но имеющих несомненный научный интерес. Ряд особо ценных степных участков выделен в области в качестве «микрозаповедников», приближающихся по режиму к заказникам.

В соответствии с многочисленными предложениями научной общественности Ростовский облисполком в 1968 г. поставил перед Главохотой РСФСР вопрос об организации степного заповедника. Летом 1970 г. специальная комиссия в составе главного госохотинспектора области А.С. Гусева, заведующего отделом заповедников Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) Главохоты РСФСР К.Д. Зыкова и ботаника Б.Н. Горбачева провела предварительное обследование ряда конкретных участков и наметила их заповедание, согласовав эти вопросы с местными органами советской власти. Как основной массив будущего заповедника предлагался участок площадью около 3,0 тыс. га на землях подсобного хозяйства санатория «Маныч» и госплемзавода «Орловский»; второй участок площадью 2,5 тыс. га расположен на стыке Орловского и Ремонтненского р-нов. Предлагалось также заповедание некоторых степных участков более северных районов. Ростовский облисполком подготовил по этому вопросу соответствующее решение. Вопрос о создании заповедника был включен в число мероприятий на IX пятилетку. Однако вместо него в 1975 г. (в связи с проектированием в Калмыцкой АССР) был создан республиканский заказник «Маныч-Гудило», в основной своей части располагающийся на территории Калмыцкой АССР и частично включающий юго-восточную часть Ростовской обл. Предполагалось последующее преобразование его в заповедник (Кривенко и др., 1975). Заказник включил в себя именно те участки целинных степей Ростовской обл., которые должны были составить основу Ростовского заповедника. Организация заказника снова отсрочила создание степного заповедника. В 1976 г. решением Ростовского облисполкома намечалось просить Совет министров РСФСР «организовать на базе государственного республиканского заказника «Маныч-Гудило» государственный степной заповедник».

К этому времени предложения научной общественности были включены в Научно-производственный план развития заповедной сети в РСФСР, разработанный отделом заповедников ЦНИЛ Главохоты РСФСР (Зыков, Нухимовская, 1979). Ростовский степной заповедник значится первоочередным в Схеме рационального размещения природоохранных и охотхозяйственных объектов в РСФСР, составленной по заданию Госплана РСФСР и Совета министров РСФСР в 1977–1978 гг. Центральной проектно-изыс-

кательской экспедицией (ЦПИЭ) совместно с ЦНИЛ Главохоты РСФСР и утвержденной в 1979 г. Госпланом РСФСР.

В 1978 г. Ростовский облисполком вновь официально ходатайствовал перед Главохотой РСФСР о проведении проектно-изыскательских работ для создания в области степного заповедника. Главохота РСФСР поручила ЦПИЭ провести изыскательские работы и составить проект организации заповедника[1]. К моменту проектирования многие из ранее предлагавшихся к заповеданию степных целин уже были распаханы (например, Аксайская, значащаяся в плане под редакцией Е.М. Лавренко, 1958) или же их площади сильно сократились. Намеченные в проекте заповедника целинные массивы — наиболее крупные и хорошо сохранившиеся на территории области. Они же предлагались к заповеданию ранее.

В проектируемый Ростовский степной заповедник были включены 4 участка на юго-востоке области, расположенные в долине Маныча, и Персияновский участок, расположенный на западе области. Первый из них — Островной (2657,5 га) — представляет собой о. Южный на оз. Маныч-Гудило. Второй — собственно Манычский участок (3736 га) — расположен на первой надпойменной террасе долины Маныча, в настоящее время имеет статус заказника. Третий — Краснопартизанский (2811 га) — расположен в 12—15 км к северу от берега Маныч-Гудило, имеет статус заказника. Четвертый — Цан-Хак (1023 га) — это острова соленого озера урочища Цан-Хак. Большое число полупустынных среднеазиатских элементов и обилие тюльпана Шренка *(Tulipa schrenkii* Regel) разнообразных фенотипов — причины выделения участка в число памятников природы районного значения с режимом заказника. Растительность этих четырех участков типична для засушливых юго-восточных районов области, расположенных в подзонах сухих и пустынных степей. Намеченная к заповеданию территория образует как бы разрез северного склона долины Маныча, так как занимает значительные площади первой и второй террас с долинами, а также плакорными степями.

Персияновский степной участок площадью 66 га находится в землепользовании учебно-опытного хозяйства «Донское» Донского сельскохозяйственного института. Это единственный сохранившийся в области плакорный массив целинной приазовской разнотравно-дерновиннозлаковой (настоящей) степи. С 1977 г. объявлен памятником природы областного значения с режимом заповедника.

Несмотря на своевременное и качественное выполнение изыскательских работ, впервые в практике проектирования заповедников Ростовский облисполком отказался рассмотреть представленный проект и даже не счел нужным дать ответ на обращения по этому поводу со стороны Главохоты РСФСР, Всесоюзного научно-исследовательского института охраны природы и заповедного дела МСХ СССР и Всероссийского общества охраны природы. Таким образом, вопрос о создании Ростовского (Донского) степного заповедника уже семь десятилетий не снимается с повестки дня. Пожалуй, не найдется другого заповедника, организация которого решалась бы столь длительно и пока безуспешно. К тому же в 1978 г. на землях подсобного хозяйства санатория «Маныч» был создан новый одноименный совхоз, что резко усилило хозяйственную нагрузку на территории, предполагавшейся к заповеданию. При обсуждении плана развития заповедной сети на XI пятилетку Ростовский облисполком не дал никаких предложений.

Следует сказать, что работники проектно-изыскательской партии не учли рекомендации ученых (консультантов) ограничить размеры территории проектируемого степного заповедника двумя-тремя тысячами гектаров, составив их из 8–10 небольших участков в различных районах области. Ссылаясь на установки ведомства, ориентируясь

[1] Начальник партии Б.П. Иващенко, геоботаник Н.И. Голева.

на возможную в будущем роль степного заповедника для восстановления численности дрофы и стрепета, они пошли по пути максимального увеличения площади намечаемого заповедника (до 10 тыс. га), что вызвало возражения со стороны хозяйственных областных инстанций и привело в конечном счете к неудаче.

Красноярский край, Хакасская автономная область

Среди различных вариантов создания степных заповедников в азиатской части СССР наиболее известно предложение А.В. Куминовой относительно Хакасской автономной области на юге Красноярского края. «*Несмотря на большие нарушения, вызванные в растительном покрове Хакассии хозяйственной деятельностью, вероятно, все же именно здесь из всех степных районов Сибири можно найти достаточно обширный и типичный участок, пригодный для организации степного заповедника. Одним из таких участков может быть массив гор Саксары, расположенный в округе приабаканских степей в южной части Хакассии. Он занимает центральную часть треугольника, образованного долинами реки Абакан и его левых притоков — рек Камышта и Уйбат*» (Куминова, 1976, с. 373). Именно здесь, как считает автор, хорошо представлен набор различных типов хакасских степей: мелко- и крупнодерновинные типичные луговые степи с березовыми перелесками по северным склонам, а также петрофитные и галофитные варианты степей.

В конце 70-х годов одному из авторов данной статьи довелось беседовать в Хакасском облисполкоме, где к идее создания степного заповедника отнеслись с пониманием. Однако при посещении Хакассии в 1981 г. не удалось провести даже предварительного обследования указанных территорий, поскольку облисполком считает невозможным в данное время выделение заповедных участков в степной зоне из-за необходимости увеличения поголовья овец (та же мотивировка, что и в Ростовской обл.). Междуречье Камышты и Уйбата — один из наиболее осваиваемых в сельскохозяйственном отношении регионов Хакассии. Никаких других вариантов для создания заповедника изыскать пока не удалось.

Тувинская АССР

Схема рационального размещения природоохранных объектов в РСФСР в XI пятилетке включает организацию горно-степного заповедника в Тувинской АССР (Зыков, Нухимовская, 1979). Здесь предполагалось заповедать участок сухих горных степей в районе хребта Танну-Ола на площади около 150 тыс. га.

Управление охотничье-промыслового хозяйства при Совете министров Тувинской АССР рекомендовало для этих целей урочище Качик в Сангиленском нагорье (Качик — правый приток реки Тес-Хем, текущей по территории МНР и СССР). Предварительное обследование, проведенное Ф.Р. Штильмарком и Н.К. Носковой в июне 1981 г., показало, что этот удаленный и очень труднодоступный участок не соответствует представлениям о горно-степном заповеднике. Здесь преобладают светлохвойные таежные ландшафты с вкраплениями сухих высокогорных степей, почти достигающих пояса гольцов. Район довольно интенсивно осваивается под летние пастбища и перспективен в геологическом отношении.

В качестве примера типичного горно-степного ландшафта в условиях Южной Тувы может быть предложен сравнительно близкий и в то же время мало используемый в хозяйственном отношении участок урочища Чанге-Даг по южным склонам горы Улуг-Хайыркан-Даг, включая высоту Бай-Даг, расположенную между ручьями Тарлашкын-Хем и Шен-Сайыр (правые притоки Тес-Хема). Все это юго-западные отроги хр. Остроконечного Танну-Ола (граница Эрзинского и Тес-Хемского р-нов).

Совет министров Тувинской АССР намерен рассматривать вопрос о степном заповеднике лишь после создания заповедника «Азас», против которого выступает Министерство лесного хозяйства РСФСР. Таким образом, и в этом случае перспективы заповедания горно-степных участков неопределенны.

Читинская область

В работе Е.М. Лавренко с соавторами (1958) предлагалось выделить ряд заповедных участков в Забайкальских степях (бассейнах Селенги, Онона и Аргуни). В статье К.Д. Зыкова и Ю.Д. Нухимовской (1979) предусматривалось создание Даурского заповедника в центральноазиатских степях Онон-Аргунского междуречья (район Торейских озер и уникального Цасучейского бора, расположенного в типичных Забайкальских степях). Однако возможность реализации данного предложения весьма проблематична. Пока что с большим трудом решается лишь вопрос о том, чтобы объявить Торейские озера и Цасучейский бор республиканским заказником и прекратить там спортивную охоту, а также несколько уменьшить хозяйственную нагрузку, грозящую полным уничтожением ряда редких видов птиц. В 1978 г. Читинский облисполком ответил отказом на предложение предусмотреть проектирование Даурского степного заповедника (мотив отказа все тот же — перспективы развития овцеводства)[2].

Итак, возможности организации степных заповедников как в европейской, так и в азиатской частях страны весьма ограничены. Практически в степных зонах создать те заповедники, о которых писали классики нашей науки, не удалось и уже вряд ли удастся, поскольку освоенность земель не позволяет более говорить о подлинно эталонных участках.

Организацию степных заповедников затрудняют прежде всего объективные противоречия между необходимостью заповедания и стремлением к интенсивному хозяйственному использованию территории. Отрицательно сказывается и действующий порядок учреждения заповедников, при котором решающее слово фактически принадлежит не только местным органам власти, но и землепользователям, не заинтересованным в деле охраны природы. Надо учесть, что земельное законодательство исходит из примата интересов сельского хозяйства, и создание заповедников, при котором земля изымается у прежних пользователей, рассматривается как нарушение их интересов. Определенные трудности связаны также с тем, что проектирование и учреждение новых заповедников в РСФСР производится главным образом системой Главохоты РСФСР, не заинтересованной в создании мелких по площади, разбросанных степных заповедников преимущественно ботанического направления. По-видимому, на территории Европейской России целесообразно использовать опыт создания маленьких заповедников в системе Министерства высшего образования («Галичья гора», «Лес на Ворскле», «Каневский» и др.) или филиалов при уже существующих крупных заповедниках. В то же время надо учитывать и необходимость сохранения редких степных обитателей, в первую очередь дрофы и стрепета, которые внесены в Красную книгу СССР (1978) с рекомендацией о создании заповедников для сбережения этих видов.

В разделе «Охрана природы» «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года», утвержденных XXVI съездом КПСС, предлагается «продолжить формирование научно обоснованной сети заповедных территорий и национальных парков и проводить на их базе изучение

[2] В Приложении 1 к сборнику «Охрана растительного мира Сибири» (Новосибирск, 1981) кроме отмеченных выше заповедников Саксары и Даурского степного намечается создание Ольхонского (Иркутская обл.) и Аргунского (Читинская обл.) лесостепных и Селенгинского степного (Бурятская АССР) заповедников.

природных систем и объектов с целью выработки рекомендаций по рациональному использованию природных ресурсов»[3]. Опираясь на эти высокие решения, необходимо остро и со всей широтой поднять вопрос о сохранении последних участков степной растительности в европейской и азиатской частях РСФСР и добиться заповедания наиболее интересных из них. Необходимо создать Ростовский и Пензенский степные заповедники, расширить Центрально-Черноземный заповедник за счет участков степей на территории Воронежской обл., включить в состав Приокско-Террасного заповедника участки со степной растительностью на территории Серпуховского и Серебряноприудского р-нов Московской обл.

От редакции: Из предлагаемых степных заповедников созданы: «Приволжская лесостепь» (Пензенская обл.) – в 1989 г. на пл. 8339 га; «Ростовский степной» – в 1995 г. пл. 9 456 га; «Хакасский» (на 9 участках) – в 1999 г. пл. 125 124 га; «Азас» (Тува) – в 1985 г. пл. 300 390 га; «Даурский» (биосферный) – в 1987 г. пл. 44 752 га.

2.5. Заповедники в тайге*

1. В настоящее время в таежной зоне Сибири существуют лишь три заповедника — «Столбы», Алтайский и Баргузинский. Все они расположены в южной Сибири, между тем как огромные таежные пространства от Урала до Тихого океана (за исключением южной части Дальнего Востока) не представлены в заповедниках совершенно.

Перспективный план географической сети заповедников СССР, разработанный Комиссией по охране природы АН СССР в 1956 г. (Лавренко и др., 1958), предусматривал восстановление Кондо-Сосьвинского и Саянского заповедников, а также создание Кузнецкого, Васюганского, Красночикойского, Верхоянского, Джугджурского и Комсомольского заповедников. Однако ни один из этих проектов не был воплощен в жизнь[1].

2. Непрерывно возрастающее хозяйственное освоение Сибири требует безотлагательного расширения сети таежных заповедников. При этом надо учитывать, что территории некоторых бывших или проектируемых заповедников в настоящее время настолько нарушены рубками лесов и разработками недр, что уже непригодны для заповедности (в частности, уникальный в прошлом Кондо-Сосьвинский заповедник). Поэтому перспективный план, в смысле выбора конкретной территории новых заповедников, требует уточнения. Первоочередными районами, в которых необходимо создавать заповедники, представляются центральная часть Западно-Сибирской низменности, северное Забайкалье, левобережное Приамурье, Якутия, Тува. Выявление особо ценных и достопримечательных природных объектов таежной Сибири остается важной задачей, поскольку сведения, имеющиеся в литературе, страдают неполнотой или же содержат прямые ошибки (Замечательные природные ландшафты СССР. М., 1966).

3. Основной задачей таежных заповедников как территорий, навечно изъятых из хозяйственного использования, является охрана природных объектов от человеческого вмешательства. Однако большинство действующих заповедников, как известно, не от-

---

[3] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 184.

* Природа, ее охрана и рациональное использование: Тезисы докладов второй Иркутской областной конференции по охране и рациональному использованию природных ресурсов. Иркутск, 1970. С. 21–23. Фактически это была первая проблемная публикация по заповедникам Ф. Р. Штильмарка (*прим. ред.*).

[1] Позднее были созданы «Малая Сосьва» (вместо Кондо-Сосьвинского), Саяно-Шушенский (как вариант Саянского) и новые — Джугджурский, Комсомольский, Кузнецкий Алатау; так и не созданы Васюганский, Красночикойский, Верхоянский заповедники (*прим. ред.*).

вечают этим требованиям, поскольку в них проводятся различные мероприятия, включая борьбу с хищниками и вредными насекомыми, акклиматизируются новые виды, а также широко развивается туризм.

Между тем именно таежные заповедники, располагая большой территорией, способны взять на себя роль подлинных «эталонов природы» и полностью исключить всякое вмешательство человека в природные процессы. Это уже невозможно ныне в условиях Европейской части СССР из-за малых размеров заповедников и освоенности окружающей их местности, но тем более правомерно и важно (пока не поздно!) создать такие подлинные заповедники в условиях таежной Сибири.

В таежных заповедниках следует полностью запретить борьбу со всеми хищниками (включая волка), а также вредными насекомыми, не допускать никаких биотехнических и тем более акклиматизационных мероприятий. Задачей заповедников в течение столетий должны оставаться только постоянные наблюдения за естественным развитием природных процессов, сохранение генетических фондов, а также охрана территории от нарушителей режима. Для выполнения этих целей вовсе не обязательно иметь большой штат научных сотрудников. Тематика научной работы не должна быть связана с конкретными вопросами сельского, лесного или охотничьего хозяйства, поскольку огромная роль заповедника, как эталона природы, несопоставима с частными (и обычно преходящими) интересами практики.

4. В деле охраны природы несомненно велика роль туризма. Следует всемерно развивать различные формы общения людей с природой. Поэтому вполне своевременно создание резерватов нового типа — национальных парков, которые должны служить местами массового туризма и отдыха. Под национальные парки следует выбирать территории, представляющие особую ценность, но с учетом их использования в целях туризма. Ныне подобными парками, по существу, являются заповедник «Столбы» и в большей мере — Алтайский. Наиболее целесообразно создание таких парков в живописной местности вблизи крупных новостроек — в районе Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, в Приангарье, на южном Байкале и т. д. Аналогично должны развиваться и зеленые зоны вокруг крупных городов. Заповедность здесь должна быть частичной (запрет различных форм хозяйственного пользования при свободном посещении людьми).

5. Представляется серьезной ошибкой тенденция к развитию массового туризма в заповедниках. Национальный парк — не заповедник, задача его — обслуживание населения. Важнейшая роль заповедника — эталон природы — несовместима с массовым туризмом, представляющим конкретную форму хозяйственного использования территории. Там, где отдельные участки заповедников уже вошли в зону массового туризма (Телецкое озеро, «Столбы»), надо разграничить площади заповедников и парков.

6. Для выполнения возложенных на заповедники важных функций необходимо предоставить им реальные права для действенной охраны своей территории. Положение о том, что посещение заповедников разрешается лишь администрацией, ныне ничем не подкрепляется. Работники заповедника не могут пресечь действия нарушителя, пока он не начнет охотиться или рубить лес. Не парадоксально ли, что взыскания за нарушение заповедного режима у нас вообще не существует!

Заповедники — величайшее общенародное достояние, и любые посягательства на них (включая пребывание на территории заповедника) должны пресекаться строго и оперативно.

2.6. Система заповедников Сибири в прошлом и настоящем*

Самыми первыми заповедными участками в Российской империи были степные станции В.В. Докучаева и Аскании-Нова на Украине, орнитологические научные стационары в Прибалтике, отдельные памятники природы, возникшие на рубеже XIX и XX веков. Но государственные заповедники как учреждения возникли именно в Сибири. Их главным назначением была охрана соболя как ценнейшего пушного зверя нашей страны.

Баргузинский и Саянский заповедники, организованные экспедициями Департамента земледелия (Г.Г. Допельмаир и Д.К. Соловьёв) начали функционировать в 1915 г. Первый из них был утверждён царским правительством и сохранился до наших дней. Саянский прекратил свою деятельность в 1919 г., в 1939 г. был создан заново, а в 1951 г. снова ликвидирован. Существовали также соболиные резерваты, создаваемые местной властью (Китойский и др.). В 1920 г. был принят декрет «О Байкальском заповеднике», разработанный зав. отделом охраны природы Наркомпроса РСФСР Ф. Ф. Шиллингером и подписанный В.И. Лениным. Однако фактически этот заповедник не функционировал.

Заповедник «Столбы» под Красноярском возник в 1925 г. в качестве природного парка (расширен в 1947 г. до нынешних размеров). В 1929 г. был организован Северо-Уральский боброво-соболиный охотничий заповедник (в дальнейшем – Кондо-Сосьвинский), действовавший до 1951 г.

Предложений о создании новых заповедников в Сибири было много, но воплощались они в жизнь очень трудно и медленно. К 1950 г. в Сибири имелось шесть заповедников общей площадью порядка 4 млн. га. В 1951 г. были упразднены Алтайский, Кондо-Сосьвинский, Саянский и созданный в 1948 г. Читинский заповедники.

Баргузинский был сокращен до 50 тыс. га. В прежних размерах (97 тыс. га) сохранился только заповедник «Столбы». В 1970 г. была увеличена площадь Баргузинского заповедника (до 240 тыс. га) и восстановлен Алтайский заповедник. Таким образом, в целом в Сибири осталось 3 заповедника общей площадью немногим больше 1 млн. га.

В 1970–1990 гг. в связи с повышением значимости экологических проблем для государства и общества в Сибири началось расширение заповедной системы, которое осуществлялось проектно-изыскательскими подразделениями Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР в содружестве с Центральной научно-исследовательской лабораторией этого же ведомства и другими научными учреждениями. Методика проектирования новых заповедников была разработана Ф.Р. Штильмарком, принимавшим активное участие в этой работе. Наиболее успешными проектировщиками были Б.П. Иващенко (г. Москва) и А.С. Александров (г. Новосибирск). Активную поддержку в создании систем сибирских заповедников оказали известные учёные — профессора С.С. Туров, В.Н. Скалон, С.М. Успенский, Е.Е. Сыроечковский и др. В 1988–1991 гг. новые заповедники создавались Комитетами (Министерствами) по охране природы СССР и РСФСР.

Результатом всех этих усилий явилось создание довольно большого числа нынешних сибирских заповедников – «Малая Сосьва» (1976) и Юганского (1982) в Ханты-

---

* Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Роль особо охраняемых природных территорий в экономике, экологии и политике Сибирского региона», 14–15 октября 2003 г. Ханты-Мансийск, 2003. С. 7–8.

Мансийском авт. округе; Верхне-Тазовского (1986) в Ямало-Ненецком авт. округе; Таймырского (1979) и Путоранского (1988) в Долгано-Ненецком авт. округе; Сохондинского (1973), Витимского (1982) и Байкало-Ленского (1986) в Забайкалье и Прибайкалье; Олекминского (1984) и Усть-Ленского (1985) в Якутии; Центральносибирского (1985) в Эвенкии; «Азас» (1985) в Туве.

К 1990 г. в Сибири сложилась система из 19 заповедников общей площадью 11,5 млн. га.

В сложный исторический период начала 1990-х гг. увеличение числа заповедников Сибири происходило благодаря усилиям существовавших тогда специальных ведомств по охране окружающей среды (иногда при поддержке отечественных и зарубежных спонсоров). С 1991 по 1996 г. в Сибири было организовано ещё 6 заповедников. Их общее число достигло 25, а суммарная площадь — 18,4 млн. га, что составляет более половины заповедной территории России. На этих показателях сказалось создание огромного Большеарктического и существенное расширение Таймырского заповедников. Последним в Сибири был организован Гыданский заповедник (1996). Министерство природных ресурсов, которому с 2000 г. стали подчиняться все заповедники, прекратило реализацию планов развития заповедной сети в России.

Первоочередными проектируемыми заповедниками в Сибири следует считать Барабинский (Новосибирская обл.) и Таволожский (Тюменская обл.) в лесостепи; Сайлюгемский в Горном Алтае и Алтайский степной; Индигирский или Верхоянский в Якутии; «Таёжный» в Томской области. Особого внимания заслуживает вопрос о восстановлении Саянского заповедника в Тофаларии (Иркутская обл. и Красноярский край) – примерно там же, где он возник ещё в 1915 г.

Главными проблемами сибирских заповедников в настоящее время (как и для страны в целом) являются: недостаточное внимание со стороны государства, в частности, трудности с финансированием, из-за чего невозможно организовать реальную охрану заповедников большой площади; тенденция к замене научной роли заповедников функциями экологического просвещения (часто при поддержке зарубежных спонсоров); отсутствие подготовки специальных кадров на должном уровне; недостатки в сфере законодательства (особенно в области земельных отношений).

Наибольшей угрозой нашим заповедникам представляется стремление многих специалистов к объединению («конвергенции») заповедников с национальными и природными парками и – особенно! – предложения об их использовании для так называемого «экотуризма». Любой туризм представляет собой одну из типичных форм хозяйственной деятельности, которая должна быть полностью исключена в государственных заповедниках. Для всех видов туризма достаточно сибирских просторов вне заповедных мест. Экологический туризм вполне оправдан в национальных и природных парках, сеть которых в Сибири должна развиваться весьма активно. В заповедниках ему не место.

2.7. Формирование системы государственных природных заповедников России в XX веке и обзор их географического размещения*

По официальным сведениям государственных природоохранных органов (до 2000 г. Госкомэкология, ныне Министерство природных ресурсов Российской Федерации —

* Заповедное дело: Научно-методические записки. М., 2001. Вып. 9. С. 140–158.

МПР РФ), в 2000 г. был организован сотый по общему счету государственный заповедник России («Эрзи» в Республике Ингушетия)[1].

История и мотивы формирования сложившейся ныне заповедной системы России изложены в других наших работах (Штильмарк, 1973, 1974, 1979, 1996, 1996а, 1997, 2001; Аваков, 1977), поэтому целью данной публикации является не исторический обзор, но подведение результатов длительного процесса создания в стране сети государственных заповедников — начиная с первого из них (Баргузинского, 1916 г.) до самого последнего («Эрзи», 2000).

Прежде чем приступать к обзору, необходимо представить фактические сведения о нашей заповедной системе, не забывая и те объекты, которые в свое время действовали, но ныне по разным причинам не существуют. В публикуемом списке приводится полный перечень государственных заповедников Российской Федерации по всем ее 89 субъектам (они приведены в алфавитном порядке), сгруппированным по недавно официально выделенным семи федеральным округам. В табл. 1 приведены название заповедника, год организации и площадь в тыс. га, при этом использован упомянутый «Сводный список..., 2001», в который вносились существенные поправки по новейшим данным МПР РФ, поскольку сведения о площадях, а также датах организации заповедников в этом «Списке» зачастую неточны, в частности, в них не отражены изменения территорий государственных заповедников в последние годы. В тех случаях, когда заповедник находится на территории смежных субъектов Федерации, он указывается там, где размещается наибольшая его площадь (см. Приложения к таблице).

Следует принять во внимание, что некоторые из перечисленных там заповедников в отдельные периоды не функционировали (Алтайский — в 1952–1957 и 1962–1966 гг.; Кроноцкий — в 1952–1958 и 1962–1967 гг. и т. д.). Кроме того, площади многих заповедников неоднократно изменялись.

В приведенном ниже перечне даны сведения о реально существовавших государственных заповедниках федерального уровня (помимо «местных»), которые позднее прекратили свое существование. Перечень приведен по федеральным округам. В скобках указаны годы их деятельности.

Северо-Западный федеральный округ — заповедник *«Семь островов»*, Мурманская область (1938–1951) и его *Новоземельский* филиал, Архангельская область (1947–1951).

Центральный федеральный округ — *Верхне-Клязьминский* заповедник, Московская область (1946–1951); *Верхне-Москворецкий* заповедник, Московская область (1946–1951); *Глубоко-Истринский* заповедник, Московская область (1946–1951); *Клязьминский* заповедник, Владимирская и Ивановская области (1935–1951); *Косинский* заповедник, Московская область (1919–1929); *Приволжско-Дубненский* заповедник, Московская область (1946–1951); заповедник *«Тульские засеки»*, Тульская область (1935–1951).

Приволжский федеральный округ — заповедник *«Бузулукский бор»*, Оренбургская область (1933–1949); *Марийский* заповедник, Марийская АССР (1967–1973); *Пензенский* заповедник, Пензенская область (1919–1951).

Уральский федеральный округ — заповедник *«Висим»*, Свердловская область (1946–1951); заповедник *«Денежкин камень»*, Свердловская и Пермская области (1946–1951);

---

[1] Фактически это был не сотый, а сто первый заповедник, поскольку в официальных списках не отражался существующий с 1966 г. ведомственный (федеральный) Восточно-Уральский заповедник, расположенный на месте радиационной катастрофы в Челябинской области [14]. Он упомянут нами во втором томе монографии «Заповедники Сибири» [22] и включен ныне в кадастровый перечень особо охраняемых природных территорий Российской Федерации [17] именно как государственный заповедник федерального уровня.

Кондо-Сосвинский заповедник, Тюменская область (1929–1951); заповедник *«Кунгурская ледяная пещера»*, Пермская область (1943–1951); заповедник *«Предуралье»*, Пермская область (1943–1951); *Троицкий* заповедник, Челябинская область (1927–1951).

Сибирский федеральный округ — *Саянский* заповедник, Иркутская область и Красноярский край (1915–1919 и 1939–1951); *Читинский* заповедник, Читинская область (1948–1951).

Дальневосточный федеральный округ — *Средне-Сахалинский* заповедник, Сахалинская область (1948–1951); *Южно-Сахалинский* заповедник, Сахалинская область (1948–1951).

Некоторые из этих объектов, в частности заповедники *«Висим»*, *«Денежкин камень»* и *Кондо-Сосвинский*, позднее были частично восстановлены, но на значительно меньшей площади.

Таблица 1. Распределение заповедников по федеральным округам

Субъект федерации	Заповедник	Год организации	Площадь, тыс. га
1	2	3	4
Северо-западный федеральный округ			
Архангельская область	Пинежский	1974	51,5
Вологодская область	Дарвинский[1)]		
Калининградская область	Природных заповедников нет		
Республика Карелия	«Кивач»	1931	10,9
	Костомукшский	1983	47,5
Республика Коми	Печоро-Илычский	1930	721,3
Ленинградская область	Нижне-Свирский	1980	41,6
Мурманская область	Кандалакшский	1932	70,5[2)]
	Лапландский	1930	278,4
	«Пасвик»	1992	14,7
Ненецкий автономный округ	Ненецкий	1997	313,4[3)]
Новгородская область	Рдейский	1994	36,9
Псковская область	Полистовский	1994	38,0
Итого в округе 11 заповедников общей площадью 1624,7 тыс. га + часть Дарвинского заповедника (45,1 тыс. га).			
Центральный федеральный округ			
Белгородская область	«Белогорье»	1979	2,1
Брянская область	«Брянский лес»	1987	12,2
Владимирская область	Природных заповедников нет	-	-
Воронежская область	Воронежский	1927	31,1
	Хоперский	1935	16,2
Ивановская область	Природных заповедников нет	-	-
Калужская область	«Калужские засеки»	1992	18,5
Костромская область	Природных заповедников нет	-	-
Курская область	Центрально-Черноземный	1935	5,3
Липецкая область	«Галичья гора»	1925	0,2
	Воронежский[4)]		
Московская область	Приокско-Террасный	1945	4,9
Орловская область	Природных заповедников нет	-	-
Рязанская область	Окский	1935	55,7[5)]
Смоленская область	Природных заповедников нет	-	-
Тамбовская область	Воронинский	1994	10,3

1	2	3	4
Тверская область	Центрально-Лесной	1931	24,5
Тульская область	Природных заповедников нет	-	-
Ярославская область	Дарвинский	1945	112,7
Итого в округе 12 заповедников общей площадью 293,7 тыс. га.			
Приволжский федеральный округ			
Республика Башкортостан	Башкирский «Шульган-Таш» Южно-Уральский	1930 1984 1978	49,6 22,5 252,8
Кировская область	«Нургуш»	1994	5,9
Коми-Пермяцкий автономный округ	Природных заповедников нет	-	-
Республика Марий-Эл	Большая Кокшага	1993	21,4
Республика Мордовия	Мордовский	1936	32,2
Нижегородская область	Керженский	1993	46,9
Оренбургская область	Оренбургский	1989	21,7
Пензенская область	«Приволжская лесостепь»	1989	8,3
Республика Татарстан	Волжско-Камский	1960	10,1
Самарская область	Жигулевский	1927	23,2
Саратовская область	Природных заповедников нет	-	-
Удмурдская Республика	То же	-	-
Ульяновская область	То же	-	-
Чувашская Республика	Присурский	1995	9,0
Итого в округе 12 заповедников площадью 503,6 тыс. га.			
Южный федеральный округ			
Республика Адыгея	Кавказский[6)]		
Астраханская область	Астраханский Богдо-Баскунчакский	1919 1997	66,8[7)] 18,5
Волгоградская область	Природных заповедников нет	-	-
Республика Дагестан	Дагестанский	1987	19,1[8)]
Республика Ингушетия	«Эрзи»	2000	6,0
Республика Кабардино-Балкария	Кабардино-Балкарский	1976	82,5
Республика Калмыкия	Черные Земли	1990	121,9
Карачаево-Черкесская Республика	Тебердинский Кавказский[9)]	1936 -	85,0 -
Краснодарский край	Кавказский[10)]	1924	280,3
Республика Северная Осетия (Алания)	Северо-Осетинский	1967	29,5
Ставропольский край	Природных заповедников нет	-	-
Чеченская Республика	То же	-	-
Итого в округе 10 заповедников общей площадью 709,6 тыс. га.			
Уральский федеральный округ			
Курганская область	Природных заповедников нет	-	-
Пермская область	«Басеги» Вишерский	1982 1991	37,9 241,2
Свердловская область	Висимский «Денежкин камень»	1971 1991	33,5 78,2
Тюменская область	Природных заповедников нет		
Ханты-Мансийский автономный округ	«Малая Сосьва» Юганский	1976 1982	225,6 648,6

1	2	3	4
Челябинская область	Восточно-Уральский	1966	16,6
	Ильменский	1920	34,4
Ямало-Ненецкий автономный округ	Верхне-Тазовский	1986	631,3
	Гыданский	1996	878,2
Итого по округу 10 заповедников общей площадью 2825,5 тыс. га			
Сибирский федеральный округ			
Агинский Бурятский автономный округ	Природных заповедников нет	-	-
Республика Алтай	Алтайский	1932	881,2
	Катунский	1991	151,7
Алтайский край	Тигирекский	1999	40,7
Республика Бурятия	Байкальский	1969	165,7
	Баргузинский	1916	374,3[11)]
	Джергинский	1992	238,1
Иркутская область	Байкало-Ленский	1986	660,0
	Витимский	1985	585,0
Кемеровская область	«Кузнецкий Алатау»	1986	412,9
Красноярский край	Саяно-Шушенский	1976	390,4
	«Столбы»	1925	47,2
	Центральносибирский[12)]		
Новосибирская область	Природных заповедников нет	-	-
Омская область	То же	-	-
Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	Большой Арктический	1993	4 169,2
	Путоранский	1988	1 887,3
	Таймырский	1979	1 781,9
Республика Тыва	«Азас»	1985	300,4
	«Убсунурская котловина»	1933	323,2
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	Природных заповедников нет	-	-
Республика Хакасия	Хакасский	1991	257,5
Читинская область	Даурский	1987	44,8
	Сохондинский	1973	211,0
Эвенкийский автономный округ	Тунгусский	1995	296,6
	Центральносибирский	1985	972,0
	Путоранский[13)]		
Итого по округу 21 заповедник общей площадью 14191,1 тыс. га.			
Дальневосточный федеральный округ			
Амурская область	Зейский	1963	99,4
	Норский	1998	211,2
	Хинганский	1993	94,0
Еврейская автономная область	«Бастак»	1997	91,4
Камчатская область	Командорский	1993	3 648,7[14)]
	Кроноцкий	1934	1142,1[15)]
Корякский автономный округ	Корякский	1995	327,2[16)]
Магаданская область	Магаданский	1983	883,8
Приморский край	Дальневосточный морской	1978	64,3[17)]
	«Кедровая Падь»	1925	17,9
	Лазовский	1935/1957	121,0
	Сихотэ-Алинский	1935	401,4
	Уссурийский	1932	40,4
	Ханкайский	1990	39,3

1	2	3	4
Республика Саха (Якутия)	Олекминский	1984	847,1
	Усть-Ленский	1985	1 433,0
Сахалинская область	Курильский	1984	65,4
	Поронайский	1988	56,7
Хабаровский край	Болоньский	1997	103,6
	Большехехцирский	1963	45,3
	Ботчинский	1994	267,4
	Буреинский	1987	358,4
	Джугджурский	1990	860,0[18)]
	Комсомольский	1963	64,3
Чукотский автономный округ	«Остров Врангеля»	1976	2225,7[19)]
Итого по округу 25 заповедников общей площадью 13 509,0 тыс. га.			
Всего по России на 1.01.2002. 101 заповедник общей площадью 33 657,2 тыс. га.			

Примечания: 1 — см. Ярославская обл.; 2 — в том числе 49,6 — морская акватория; 3 — в том числе 181,9 — морская акватория; 4 — см. Воронежская обл.; 5 — в общую площадь включен т. н. «биосферный полигон» (32,8); 6 — см. Краснодарский край; 7 — в том числе 11,3 тыс. га морская акватория; 8 — в том числе 18,5 тыс. га морская акватория; 9 — см. Краснодарский край; 10 — по данным МПР РФ 18 тыс. га в Адыгее спорные, идет их отторжение; 11 — в общую площадь включен «биосферный полигон» (111,2); 12 — см. Эвенкийский автономный округ; 13 — см. Таймырский автономный округ; 14 — в том числе 3 463,3 — морская акватория; 15 — в том числе 135,0 — морская акватория; 16 — в том числе 83,0 — морская акватория; 17 — в том числе 63,0 — морская акватория; 18 — в том числе 53,7 — морская акватория; 19 — в том числе 1430,0 — морская акватория.

Таблица 2 демонстрирует рост заповедной системы страны в XX веке. Отчетливо видно, что наиболее активно заповедники создавались в 1980–2000-х годах, несколько выделяется в этом плане также период середины 1930-х годов, тогда как в середине века наблюдался своего рода «откат», связанный с эпохой лысенковщины и «реорганизациями» 1951 и 1961 гг.

В таблице 3 представлены сведения о государственных структурах, создававших природные заповедники федерального уровня, включая ранее ликвидированные.

Так или иначе, существующая к началу XXI века в Россия сеть государственных заповедников из более чем ста объектов вполне может рассматриваться как определенная *система,* хотя и весьма неоднородная. Приведенные выше перечни по федеральным округам явствуют, что наиболее обширные по площади заповедники расположены на севере Сибири и Дальнего Востока, тогда как в европейской части России они невелики по размерам. Максимально насыщены заповедниками зоны азиатской тайги и тундры, минимальное их число представлено в зоне европейских степей и лесостепей. Их создание практически всегда сводилось к тем или иным компромиссам между хозяйственными и научно-природоохранными интересами; в ряде случаев имело место проявление волюнтаристских решений.

Показать географическое размещение заповедников в стране предпочтительнее всего при сравнении сложившейся ситуации с ранее представленными весьма многочислен-

Таблица 2. Изменение числа и площадей заповедников Российской Федерации

Годы	1920	1930	1937	1950	1952	1970	1983	1995	2000
Число заповедников	4	15	31	45	20	34	51	91	101
Общая площадь, млн. га	0,2	2,9	8,6	10,0	0,9	4,5	10,4	18,1	33,7

Таблица 3. Государственные структуры, создававшие заповедники

Государственные ведомства	Число заповедников	Годы деятельности
Правительственный сенат царской России	1	до 1917
Народный комиссариат по просвещению РСФСР	11	1917–1933
Комитет по заповедникам при ВЦИК РСФСР	12	1933–1937
Главное управление по заповедникам при Совете народных комиссаров (с 1946 г. — при Совете министров РСФСР)	11	1938–1951
Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР	36	1955–1987
Комитет по охране природы РСФСР	9	1988–1292
Министерство (Госкомитет) по охране окружающей среды РФ (Минэкология или Госкомэкологии)	22	1993–1999
Министерство природных ресурсов РФ	1	2000–2001
Академия наук СССР	9	1918–1991
Российская академия наук (РАН)	0	1991–2001
Главное управление по заповедникам при Совете министров СССР	0	1952–1953
Министерство сельского хозяйства (и заготовок) СССР	0	1954–1987
Государственный комитет по охране природы СССР	0	1988–1991
Местные — охотничьи и прочие организации	10	1919–2001

ными научными предложениями. Из них наиболее известны специальные разработки планов развития заповедной сети (Дежкин, Алексеева, Бибикова и др., 1988; Зыков, Нухимовская, 1979; Зыков, Нухимовская, Штильмарк, 1981; Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958; Макаров, 1931; Семенов-Тян-Шанский, 1928; Штильмарк, 1974, 1996; Штильмарк, Аваков, 1977). Не раз звучали рекомендации по развитию сети заповедников на различных представительных конференциях и съездах, в частности ботанических (Малышев, 1980). Общее же количество подобных научных предложений не поддается обозрению, и наши обзоры такого рода (Штильмарк, 1979, 1996), безусловно, неполны. Помимо научной литературы мы использовали официальные государственные планы развития системы заповедников. Последние среди них, ранее разработанные Департаментом заповедного дела Минэкологии и утвержденные Правительством РФ в 1994 г., были пересмотрены в 2001 г. и утверждены заново в значительно сокращенных и уточненных объемах (Заповедники и национальные парки. 2001, № 35. С. 9–11)[2]. Но длительный опыт показывает, что ни один из официальных документов такого рода не был до конца воплощен в жизнь.

Переходим к рассмотрению заповедной системы России по конкретным географическим регионам, отходя от ранее перечисленных федеральных округов, поскольку административные границы, как правило, не совпадают с географическими выделами. За основу при этих описаниях взята схема физико-географического подразделения России из статьи К.Д. Зыкова и Ю.Д. Нухимовской (1979) с некоторыми изменениями.

1. Арктика, острова Северного Ледовитого океана. В настоящее время здесь заповеданы острова *Врангеля, Геральд,* а также ряд мелких островов вдоль побережья

[2] «Перечень государственных природных заповедников и национальных парков, рекомендуемых для организации на территории Российской Федерации в 1994–2005 гг.» (Распоряжение Правительства РФ от 23.04.94 № 572-р) включал 70 наименований предлагаемых заповедников, из которых 15 были организованы в 1994–2000 гг. и 5 вошли в новый план на 2001–2010 гг. Предлагаемые в плане 1994 г. варианты отражены в нашей монографии. Приложение 3. С. 273–288.

Таймырского полуострова, включенных в *Большой Арктический* заповедник. *Земля Франца-Иосифа* объявлена федеральным заказником, статус Северной Земли, как свидетельствует «Сводный список...» (2001), остается неопределенным; на Новой Земле и Новосибирских островах, согласно тому же источнику, не выделена ООПТ даже местного значения. Между тем, помимо указанных крупных архипелагов, создание заповедников рекомендовалось и для других отдельных островов — Вайгач (Калякин, Романенко, Молочаев и др., 2000), Колгуев, Айон. Предлагался и ряд морских заповедников в акватории Ледовитого океана, в частности Великой Сибирской Полыньи к востоку от Новосибирских островов (Бычков, 1990; Сыроечковский, Рогачева, 1994). Первоочередными объектами заповедания представляются Новая Земля, остров Вайгач и Новосибирские острова. *Новоземельский* заповедник официально значился в перспективных планах 50–70-х годов (Зыков, Нухимовская, 1979; Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958), но так и остается нереализованным.

2. Фенноскандия. Здесь расположены такие заповедники-старожилы, как *Лапландский, Кандалакшский, Кивач,* и относительно недавние объекты — *Нижне-Свирский, «Пасвик», Костомукшский* (первоначальный вариант — *Муезерский,* так он обозначен в схеме 1979 г.). Говоря о нереализованных предложениях, следует вспомнить вариант *«Мурманского тундрового»* заповедника, который предлагалось объединить с *Семиостровским* участком *Кандалакшского.*

Отсутствие заповедного участка на Мурманском побережье — явный пробел системы для данного региона. Что касается предложений о заповеднике *«Варзуга»* (Зыков, Нухимовская, 1979), то здесь, вероятно, более подходит режим заказника. В лесной зоне Фенноскандии заповедники неоднократно планировались для Карельского перешейка *(«Раковые озера»* и др.), но, учитывая значительную обжитость этих мест, более предпочтительными для них представляются национальные или природные парки.

3. Русская равнина.

3.1. Тундровая зона и лесотундра. Очень давно и многократно предлагавшийся *Ненецкий (Большеземельский)* заповедник был организован в 1997 г. Старое предложение В.П. Семенова-Тян-Шанского о заповеднике в районе «слияния р. Адзьвы с Усой возле хр. Адак» (Штильмарк, Аваков, 1977), вероятно, утратило свою актуальность из-за нефтегазового освоения. Вариант создания заповедника на Северном Урале в пределах Республики Коми рассматривается для Уральского округа.

3.2. Лесная зона и лесостепь. В таежной подзоне этого региона имеются *Пинежский, Дарвинский* и частично — *Печоро-Илычский* заповедники, среди вновь созданных — *Рдейский* и *Полистовский* (болотные массивы на границе Псковской и Новгородской областей), а также *«Нургуш»* в Кировской области. Предлагался к заповеданию *«Вепсский лес»* (не осуществлено, действует как региональный заказник). Очень настойчиво ставился вопрос о заповеднике южной тайги в Костромской области (Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958). Этот *«Южно-таежный* заповедник» проектировался еще в конце 1960-х гг., но проект не был осуществлен. В самом последнем перечне намечаемых к созданию заповедников России фигурируют *«Кологривский лес»* (Костромская обл., 80 тыс. га) и *«Ингерманландский»* (острова и акватории в восточной части Финского залива, 14,2 тыс. га), который мог быть создан уже в 2001 г., если бы не организационные помехи (Степаницкий, 2001).

В подзоне среднерусских хвойно-широколиственных и более южных широколиственных лесов действуют старые заповедники: *Центрально-Лесной, Приокско-Террасный, Окский, Волжско-Камский, Мордовский,* а также несколько относительно новых — *Керженский, «Брянский лес», «Калужские засеки», «Большая Кокшага», Присурс-*

кий, большинство из которых не входило в ранее разработанные научные планы и созданы усилиями местных организаций. Явным уроном для заповедного дела представляется тот печальный факт, что не удалось восстановить ранее созданные, но ликвидированные в 1949–1951 гг. заповедники *«Бузулукский бор», «Тульские засеки», Клязьминский.* Из четырех ликвидированных заповедников Московской области особенную ценность представляли *Глубоко-Истринский* и *Верхне-Москворецкий.* Попытки их хотя бы частичного восстановления, равно как и заповедания некоторых других наиболее ценных участков Подмосковья *(«Черустинский лес», «Журавлиная родина»),* не увенчались успехом. Можно констатировать, что научная общественность не проявила достаточной настойчивости для реальной охраны наиболее ценных лесных массивов Русской равнины (предлагалось заповедание участков дубрав Теллермана и Шипова леса, восстановление *«Тульских засек»* и *«Бузулукского бора»).* Не удалось даже расширить единственный в столичной области *Приокско-Террасный* заповедник. Неопределенна судьба таких мало известных вариантов, ранее включенных в официальные перспективные планы, как *«Истоки реки Камы»* (Удмуртия), *«Камско-Бакалдинский»* (Нижегородская обл.), *«Ирендык»* (Башкортостан), *Кайский* (Кировская обл.), *Кумикушский* (Пермская) и других по данному региону.

В подзоне лесостепей расположены известные заповедники — *Воронежский, «Белогорье»* (включая прежний *«Лес на Ворскле»), «Галичья гора», Центрально-Черноземный, Хоперский, Жигулевский;* новыми являются *«Приволжская лесостепь»* (частично — прежний *Пензенский)* и *Воронинский* в Тамбовской области. Предложения имеются только прежних лет, например *«Сурская шишка»* (Семенов-Тян-Шанский, 1928).

3.3. Степная зона. В этой наиболее хозяйственно освоенной природной зоне заповедников долгое время фактически не было. После неоднократных неудачных попыток в 1995 г. был создан *Ростовский степной* заповедник, который остается пока единственным. В последнем перечне заповедников, намечаемых к созданию в 2001–2010 гг., фигурирует *«Ставропольский лесостепной»* (площадь 19 тыс. га) с участками степей и байрачных лесов на отрогах Ставропольской возвышенности (горы Стрижамент и Брык). Не вошли в этот список ряд предыдущих вариантов *(«Дьяковский лес»* и *Заволжско-степной* в Саратовской области, дельта Дона, *Дивногорский* в Воронежской области, *Нижне-Хоперский* в Волгоградской и др.).

4. Кавказская горная страна. Для Северного и Центрального Кавказа наиболее известными являются *Кавказский* и *Тебердинский* заповедники, сохраняющие весьма ценные горно-лесные урочища этого региона. Преимущественно высокогорные ландшафты представлены в *Северо-Осетинском* и *Кабардино-Балкарском* заповедниках, а также недавно организованном заповеднике *«Эрзи»* в Ингушетии.

Дагестанский заповедник на западном побережье Каспия по сути интразонален, а горные участки Дагестана не заповеданы, как и уникальные леса в бассейне Самура (единственные лиановые леса в России). Говорить о давно намеченном заповеднике в Чечне пока несвоевременно. Среди намечаемых заповедников одно из первостепенных по актуальности мест принадлежит *Утришскому* заповеднику (5 тыс. га), давно предлагаемому для северных субтропиков Черноморского побережья (Геленджикский р-н Краснодарского края), хотя он и не отражен в известных научных планах.

5. Уральская горная страна.

5.1. Полярный и Приполярный Урал. В этом регионе отсутствуют действующие заповедники, и это явный довод к их созданию. В схеме Зыкова–Нухимовской фигурировал проектируемый заповедник *«Полярный Урал»* (около 500 тыс. га) в районе горы

Народная и к северу от нее, но этот вариант ни разу всерьез не прорабатывался в отношении реальности создания здесь заповедника.

5.2. Северный Урал. Здесь располагается основная территория давнего *Печоро-Илычского* заповедника, а также *«Денежкиного камня»*, который после долгих усилий был частично восстановлен в 1991 г. Целесообразно говорить лишь о расширении его территории. Предлагалось создание в этом регионе заповедника *«Лешак-Щелья»* на восточных склонах Уральского хребта (план 1994–2005 гг.)

5.3. Средний Урал. В этом регионе находится действующий *Висимский* заповедник, территория которого недавно несколько расширена.

5.4. Южный Урал. Помимо давно действующих заповедников *Ильменского, Башкирского* и *«Шульган-Таш»* (бывшего его филиала), здесь расположены весьма специфические «ведомственные» федеральные заповедники — *Восточно-Уральский* (Челябинская область) и *Южно-Уральский* (Башкортостан), а также степной *Оренбургский* заповедник на четырех отдельных участках[3]. Многократно отраженный в различных перспективных схемах заповедник *«Шайтан-Тау»* остается в числе первых, организация которых проектируется в РФ (включен в план 2001–2010 гг.).

6. Западная Сибирь.

6.1. Зона тундры и лесотундры. В этом регионе в 1996 г. был создан *Гыданский* заповедник, но его территория была выбрана неудачно и нуждается в корректировке (Калякин, Романенко, Молочаев и др., 2000). Следует вернуться к ранее не осуществленному варианту *Ямало-Гыданского* заповедника с выделением заповедника на юге Ямальского полуострова (р. Щучья) (Калякин, 1985; Крючков, 1987). Предлагавшийся ранее заповедник *«Мангазея»* отчасти заменен *Верхне-Тазовским* (см. ниже).

Не включен в перечень первоочередных ранее предложенный *Куноватский* заповедник по правобережью Оби (места гнездования стерха).

6.2. Лесная зона и лесостепь. С начала 30-х гг. здесь действовал крупный *Кондо-Сосвинский* заповедник, упраздненный в 1951 г. В 1976 г. на бывшей его территории создан небольшой заповедник *«Малая Сосьва»*, позднее заметно расширенный, а в 1982 и 1986 гг. — крупные *Юганский* и *Верхне-Тазовский* заповедники. Первый из них, по существу, заменил давно предлагаемый Васюганский вариант (Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958), а второй — соответственно, Мангазейский. В южной части таежной подзоны заповедники отсутствуют, в связи с чем предусматривается создание *Южно-таежного пихтового* заповедника (83 тыс. га) в Томской области (включен в перечень 2001–2010 гг.).

Предлагался здесь и «кедрово-таежный заповедник» (Малышев, 1980). В западносибирской лесостепи с начала века многократно, но безрезультатно предлагалось создание лесостепного *Барабинского* заповедника (Новосибирская область), который отражен во всех перспективных планах развития заповедной сети, включая и самый последний из них. Не удалось реализовать и организацию *Таволжанского* заповедника в озерной лесостепи юга Тюменской области. Отсутствуют в последнем перечне ранее известные варианты *Кулундинского* и *Волчихинского* заповедников (степи на севере Алтайского края).

7. Прикаспийско-тургайская страна. Заповедники представлены в этом регионе одним из самых старейших — *Астраханским* в дельте Волги — и недавно созданными в подзоне полупустынь резерватами *«Черные земли»* в Калмыкии (1990 г.) и *Богдо-*

[3] Подходя более строго, некоторые участки этого заповедника следует относить к другим географическим регионам.

Баскунчакским (создан в 1997 г., хотя первоначально был предложен к организации вместе с Астраханским). Последний из перспективных планов развития заповедной сети предусматривает создание в ближайшие годы также *Эльтонского* заповедника площадью 40 тыс. га в районе одноименного озера (Волгоградская область), хотя логичнее было бы присоединить его к *Богдо-Баскунчакскому.*

8. Средняя Сибирь.

8.1. Тундровая зона и лесотундра. На территории Таймырского автономного округа, занимающего основную часть данного подразделения, в настоящее время расположены два крупнейших заповедника страны — *Таймырский* (1979 г., 1,8 млн. га) и *Большой Арктический* (1993 г., 4,2 млн. га). Таким образом, этот регион выделяется максимальной для РФ насыщенностью заповедных территорий (порядка 10%).

8.2. Лесная зона, лесостепь и степи Хакасии. В регионе действуют *Путоранский, Центральносибирский* и *Тунгусский* заповедники, причем в первом из них представлены главным образом северные горно-таежные ландшафты, а в двух других — средняя тайга в пределах Эвенкийского округа и отчасти пойма Енисея (Туруханский р-н Красноярского края). Восточная часть региона охватывает на схеме К.Д. Зыкова и Ю.Д. Нухимовской и левобережье Лены, где эти авторы предлагали создать *Вилюйский* (или, по другим источникам, *Центральноалаасный)* заповедник. Значительно южнее, в бассейне Ангары, неоднократно намечалось создание заповедника сосновых боров (Салатова, 1973). В еще более южной части региона, на отрогах Восточного Саяна, расположен весьма специфический заповедник *«Столбы»,* части которого более соответствует статус национального парка. В степях Хакасии с начала 1990-х гг. выделено несколько заповедных участков, относящихся к *Хакасскому* заповеднику, хотя наиболее представительные степи междуречья Саксары и Уйбата в него не вошли, и заповедание их по-прежнему весьма желательно.

9. Горы юга Сибири. Этот регион относительно полно насыщен заповедниками; наиболее старый из них — *Алтайский.* Фактически же самым первым заповедником не только для Сибири, но и для всей России был *Саянский* заповедник, учрежденный на год раньше Баргузинского в результате известных «соболиных экспедиций» еще в 1915 г. (Соловьев, 1920), и действовавший вплоть до 1919–1920 гг. В 1939 г. он был восстановлен и функционировал до печальных событий 1951 г. Расположен Саянский заповедник был в районе горного узла на стыке Иркутской области и Красноярского края, где берут начало реки Агул, Тагул, Гутара, Казыр и Кизир (включая живописные озера Агульское и Медвежье). Организация в 1976 г. *Саяно-Шушенского* заповедника никоим образом не заменяет прежнего *Саянского* (вариант названия — *Тофаларский),* восстановление которого предлагалось неоднократно (Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958; Малышев, 1980; Штильмарк, 2001). Таежные участки расширенного в 2001 г. *Хакасского* заповедника занимают довольно обширные территории в бассейне Большого и Малого Абакана (Западный Саян). Горно-таежные ландшафты Кузнецкого Алатау хорошо представлены в одноименном заповеднике, созданном в 1989 г. (Кемеровская область). Явным пробелом представляется отсутствие заповедника (или филиала одного из действующих резерватов) в так называемом *«Кузедеевском липовом острове»,* предлагавшегося очень многими авторами. Южнее, в Республике Тыва, действуют заповедники *«Азас»* и *«Убсунурская котловина»* (ряд участков как чисто таежных, так и горно-степных). На Алтае, помимо упомянутого *Алтайского,* созданы заповедники *Катунский* (1991 г.) и *Тигирекский* (1999 г.), планируется расширение их территорий, а также организация крупного заповедника *«Сайлюгемский»* (241 тыс. га) на границе с Монголией, включенного в перечень 2001–2010 гг. Восточнее, в Забайкалье, в этом же регио-

не представлен *Сохондинский* заповедник (1973 г.), нуждающийся в расширении территории в соответствии с первоначальным проектом, тогда как предусмотренный схемой Зыкова–Нухимовской лесостепной *«Заганский»* или — как вариант — *Селенгинский* степной (Малышев, 1980) созданы не были и новыми планами развития заповедной сети не предусмотрены.

10. Яно-Колымская страна. Занимает преимущественно северо-восточную часть Республики Саха (Якутии) и частично Магаданскую область (бассейн р. Колымы). На северо-западной его границе с типично арктическим регионом ныне расположен крупный *Усть-Ленский* заповедник, учрежденный в 1985 г. Основная его часть расположена в дельте Лены, но небольшой горно-таежный участок *(«Сокол»)* — на правобережье низовий Лены. Второй действующий резерват — это Верхнеколымский (или Сеймчанский) участок *Магаданского* заповедника. Для данного региона многократно предлагалась организация крупного горно-таежного и тундрового *Яно-Индигирского* заповедника (Дежкин, Алексеева, Бибикова и др., 1988; Зыков, Нухимовская, 1979; Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958; Успенский, 1967) с филиалом на Новосибирских островах, но это не осуществлено и не отражено новейшими планами 2001–2010 гг. Более детально варианты создания заповедников в Якутии были недавно рассмотрены в нашей совместной работе с Е.Е. Сыроечковским (Сыроечковский, Штильмарк, 2000). Все они в настоящее время представляются весьма проблематичными на фоне отношения Республики Саха к заповедникам федерального уровня. Помимо указанного Яно-Индигирского варианта, для данного региона в литературе фигурирует множество других (*Китчанский, Верхоянский, Верхнеалданский*). В южной части региона, в частности на побережье Тихого океана в районе полуострова Кони и южнее в бассейне р. Челомджи, расположено несколько участков *Магаданского* заповедника, организованного в 1982 г.

11. Байкало-Джугджурская горная страна. Непосредственно к побережью Байкала выходят три заповедника: старейший среди всех *Баргузинский* (1916 г.); сравнительно недавно созданный на западном берегу озера крупный *Байкало-Ленский* (1986 г.) и *Байкальский* (1969 г.) на его южном побережье, который было бы точнее называть *Хамар-Дабанским* (его отделяет от Байкала узкая полоса шоссе и транссибирской железнодорожной магистрали, сама же территория входит в пределы гор Южной Сибири). В этом же регионе, но на определенном отдалении от Байкала, функционируют горно-таежные заповедники *Витимский* (1982 г.) и *Олекминский* (1984 г.), возникновение которых было обусловлено строительством БАМа. На самом крайнем востоке региона, вблизи Тихого океана расположился высокогорный *Джугджурский* заповедник (1990 г.).

Наконец, на юге этой горной страны, в сухих степях южного Забайкалья, находится *Даурский* заповедник (1987 г.), включающий знаменитые озера Зун и Барун-Торей и поэтому имеющий особое значение для охраны редких видов птиц. К этому резервату тяготеет особо ценный Цасучейский бор, объявленный федеральным заказником, хотя он имеет все основания на включение в пределы существующего заповедника.

Непосредственно на Байкале многократно предлагалось создание нового заповедника на Ольхоне (с включением части акватории Малого моря) и в дельте Селенги, а также расширение территорий существующих заповедников, в частности, заповедание Ушканьих островов (рекомендация восходит к предложениям В.Н. Сукачева в начале XX века) и включение в пределы Байкало-Ленского заповедника массива горы Черского, а также присоединение Фролихинско-Туралинского заказника как участка *Баргузинского* заповедника (и гора Черского, и указанный заказник расположены в Бурятии). Имеются рекомендации и по оптимизации Олекминского заповедника (Голяков, 1997; Сыроечковский, Штильмарк, 2000).

12. Амуро-Сахалинская страна. В западной части региона функционируют из относительных «старожилов» *Зейский* и *Хинганский* заповедники, а также недавно созданные *Норский* (1998 г.) в Амурской области и *«Бастак»* (1997 г.) в Еврейской автономной области. Вместо ранее намечаемого *Омельдинского* заповедника, включенного в схему Зыкова–Нухимовской, в 1987 г. был создан *Буреинский* заповедник (Верхнебуреинский район Хабаровского края). В южной части этого края к ранее действующим *Большехехцирскому* и *Комсомольскому* заповедникам присоединились *Ботчинский* (1994 г.) на побережье Тихого океана и *Болоньский* (1997 г.) на левобережье нижнего течения Амура. Таким образом, заповедная сеть в данном регионе довольно хорошо развита; пробелами же можно назвать отсутствие заповедника в бассейне Большой Уссурки (по Бикину или Хору), а также по правобережью нижнего Амура (река Хунгари) (Штильмарк, 1965) и у озер Удыль и Кизи в его низовьях.

Давно пора придать заповедный статус также Шантарским островам.

На Сахалине, где в прошлом было два заповедника (*Средне-* и *Южно-Сахалинский),* ныне действует только один — *Поронайский* (1988 г.), что явно недостаточно для столь своеобразной «страны». Указанный в схеме Зыкова–Нухимовской предлагаемый *«Сахалинский»* заповедник в северной части острова не создан. Это же касается и гряды Курильских островов, где существует лишь единственный заповедник на острове Кунашир — *Курильский* (1984 г.), но этот объект относится к другому региону (см. ниже).

Приморский край с 1930-х гг., когда были созданы *Сихотэ-Алинский* (в то время крупнейший в стране, 1800 тыс. га) и *Судзухинский* (ныне *Лазовский)* заповедники, всегда выделялся охраняемыми природными территориями. Давно получили известность «академические» заповедники: *Супутинский* (ныне *Уссурийский,* расширенный в 70-х гг.) и *«Кедровая падь»;* в 1978 г. к ним присоединился специфический *Дальневосточный морской* заповедник; в 1990 г. наконец-то удалось заповедать участок у озера Ханка (предлагался с начала 30-х гг.), недавно немного расширенный, как и старейший здесь *Сихотэ-Алинский,* сильно пострадавший при сокращении в 1950-х гг. Всего в Приморском крае сейчас функционируют шесть заповедников. Предлагается создать более крупный резерват на базе *«Кедровой пади»* для охраны барса (дальневосточного леопарда).

13. Северо-Притихоокеанская страна. Эта наиболее восточная часть России охватывает такие своеобразные ее пространства, как Чукотский и Камчатский полуострова, архипелаги Курил и Командор (остров Врангеля относится к Арктике). В соответствии с рекомендациями схем Е.М. Лавренко и др. (1958), К.Д. Зыкова и Ю.Д. Нухимовской (1979), здесь были созданы уже упомянутый *Курильский* заповедник на Кунашире и крупнейший *Командорский* (1993 г.) с очень обширной акваторией. Предусматривалось указанными авторами и создание *Корякского* заповедника, организованного в 1995 г. в дополнение к «старожилу» *Кроноцкому* (1934 г.), правда испытавшему немало бед в 1950–60 гг. в период временных ликвидаций.

Отсутствие в наше время заповедника в материковой части Чукотки представляется нам одним из самых серьезных «прорывов» в заповедной системе России. Рекомендаций на эту тему было более чем достаточно (Железнов, Васьковский, 1987; Успенский, 1967; 1981), все перспективные планы развития заповедной сети включали в себя *Чукотский* заповедник, но создать его, к сожалению, не удалось.

Приведенный обзор дает возможность составить перечень природных объектов, наиболее актуальных для скорейшего заповедания в Российской Федерации. Приводим его, возвращаясь к исходному делению страны на официальные федеральные округа.

Северо-западный федеральный округ. 1. *Новоземельский* заповедник и «*Остров Вайгач*» как его филиал — Архангельская область. В плане 2001–2010 гг. не обозначены 2. *Мурманский тундровый* заповедник — Мурманская область, в плане 2001–2010 гг. не обозначен. 3. *Ингерманландский* заповедник — Ленинградская область, Финский залив; включен в план 2001–2010 гг.

Центральный федеральный округ. 4. Заповедник *«Кологривский лес»* — Костромская область, включен в план 2001–2010 гг. как первоочередной, проектирование осуществлено[4]. 5. Заповедник *«Подмосковье»*, включающий, помимо Приокско-Террасного, ряд других участков Московской области (озеро Глубокое, Черустинский лес, верховья Москвы-реки и др.). Несмотря на явную первоочередность, в план 2001–2010 гг. не включен. 6. *Клязьминский* заповедник во Владимирской области — необходимо хотя бы частичное его восстановление в границах 1935 г. В план 2001–2010 гг. не включен. 7. Заповедник *«Тульские засеки»* — Тульская область, то же самое. 8. Заповедник *«Островные дубравы»* — Воронежская область, участки дубрав Теллермана и Шипова леса. Возможен степной филиал *«Дивногорье»*. В официальных проектах и планах отсутствует.

Приволжский федеральный округ. Реальных и достаточно обоснованных предложений нет (Бузулукский бор целесообразнее рассматривать как национальный парк).

Южный федеральный округ. 9. Заповедник *«Утришский»* — Краснодарский край, побережье Черного моря. Включен в план 2001–2010 гг. 10. Заповедник *«Эльтонский»* — Волгоградская область, оз. Эльтон. Возможно объединение с Богдо-Баскунчакским заповедником. Включен в план 2001–2010 гг. 11. Заповедник *«Ставропольский лесостепной»* — Ставропольский край. Включен в план 2001–2010 гг. 12. Заповедник *«Дагестанский горный» (Тляратинский)* и *«Самурский»* как его участок или филиал. В официальные планы не включен.

Уральский федеральный округ. 13. Заповедник *«Полярный Урал»* — Северо-восточная часть Республики Коми; в плане 2001–2010 гг. не обозначен. 14. Заповедник *«Шайтан-Тау»* в Башкортостане и Оренбургской области. В план до 2010 г. включен только участок в Оренбургской области. 15. Заповедник *«Таволжанский»* на юге Тюменской области. В план до 2010 г. не включен.

Сибирский федеральный округ. 16. Заповедник *«Южно-таежный пихтовый»* в Томской области. Включен в план 2001–2010 гг. 17. Заповедник *«Барабинский»* в Новосибирской области. Включен в план 2001–2010 гг. 18. Заповедник *«Сайлюгемский»* в Республике Алтай. Включен в план 2001–2010 гг. 19. Заповедник *«Саянский»* (Тофаларский) на стыке Иркутской области и Красноярского края. Несмотря на явную первоочередность, в плане до 2010 г. не отражен. Важен не только по природным свойствам, но и как памятник заповедного дела. 20. Заповедник *«Дельта Селенги»* в Республике Бурятии — в плане 2001–2010 гг. не отражен, равно как и заповедание Ушканьих островов, участки на острове Ольхон, массив горы Черского, Фролихинско-Туралинский заказник и значительная часть акватории Байкала за счет расширения существующих заповедников. 21. Заповедник *«Северная Земля»* (с акваторией Великой Полыньи) в Таймырском автономном округе. В плане 2001–2010 гг. не представлен.

[4] Заповедник «Кологривский лес» создан в январе 2006 г. на площади 59 000 га (*прим. ред.*).

Дальневосточный федеральный округ. 22. Заповедник *«Яно-Индигирский»* с филиалом *«Новосибирские острова»* в Республике Саха (Якутия). В плане 2001–2010 гг. не представлен. 23. Заповедник *«Вилюйский»* в западной части Республики Саха. В плане 2001–2010 гг. не представлен. 24. Заповедник *«Чукотский»* в материковой части округа. В плане 2001–2010 гг. не представлен. 25. Заповедник *«Хунгарийский»* («Гурский») в Хабаровском крае. В плане 2001–2010 гг. не представлен. 26. Заповедник *«Нижнеамурский»* с филиалом *«Шантарские острова»* — Хабаровский край, озера Кизи и Удыль, Шантары. В планы не включен. 27. Заповедник *«Барсовый»* в Приморском крае на основе «Кедровой пади». В план 2001–2010 гг. не включен.

Подчеркнем, что здесь отражены лишь наиболее значимые варианты из предлагаемых к организации заповедников. Полный обзор таких предложений занял бы слишком много места, хотя в принципе и возможен. Более подробные (хотя также весьма неполные) описания планов развития заповедной системы приведены в серии монографий «Заповедники СССР (России)» (Сыроечковский, Штильмарк, 2000).

При составлении приведенного списка учитывался и такой немаловажный фактор, как возможность развития системы национальных и природных парков. Как известно, она начала формироваться в нашей стране гораздо позднее, чем система заповедников (с 1983 г.). Многие специалисты надеялись, что эти парки снимут с заповедников туристические нагрузки и помогут им укрепиться как научно-исследовательским учреждениям. Но этого не произошло, более того, парки стали своего рода «троянским конем» для наших природных заповедников. Причин тому несколько, но главная из них — курс, взятый нашими природоохранительными органами (Минприрода и Госкомэкология РФ) на своеобразную конвергенцию заповедников с национальными парками. Особенно способствовали этому зарубежные спонсоры, явно предпочитавшие развитие экотуризма и экопросвещения в наших заповедниках ранее привычной для них научной деятельности. Не меньшую роль сыграло, конечно, и резкое сокращение бюджетного финансирования, когда многим заповедникам пришлось «выживать» за счет посторонней помощи и собственных средств. Характерно, что даже специалисты стали объединять заповедники с парками, видя в этом единую систему (что в принципе совершенно неверно и не соответствует законодательству). Смещение акцентов в официальной деятельности заповедников с научной деятельности на массовую экопропаганду и развитие экотуризма, неумеренное развитие этих направлений (всевозможные «марши парков» и т. п.) сделали свое дело, и ранее существовавшая грань между заповедниками и парками была в ряде случаев стёрта. А поскольку количество заповедников по-прежнему значительно превышает число национальных парков, то первые стали подменять собой вторые, и понятие заповедности и заповедного режима в этих условиях оказалось размыто.

Выход из этой ситуации мы видим отнюдь не в дальнейшем сближении функций парков и заповедников, но, напротив, в четком их разграничении. При этом допустимо, как мы полагаем, преобразовать часть наших заповедников в национальные парки с тем, чтобы сохранить остальные как полноценные природные резерваты и научные учреждения.

3. История заповедного дела России

3.1. Историография российских заповедников (1895–1995)*

3.1.1. Предисловие

В 1985 г. московское издательство «Мысль» начало выпуск книжной серии «Заповедники СССР», которая планировалась в десяти томах. К 1992 г. было издано семь томов, восьмой («Национальные парки и заказники») сдали в типографию, девятый («Заповедники Сибири») проходил редакторскую подготовку. Последний, десятый том намечался как обобщающий, под названием «Заповедное дело в СССР».

...По договоренности с редакцией и главными редакторами нами был начат сбор архивных и документальных материалов для указанного заключительного тома, однако эта работа вскоре прервалась, поскольку изд-во «Мысль» прекратило работу над серией и расторгло договоры с авторами[1].

В 1993 г. мы предложили тему об истории заповедного дела в России на первый конкурс российского представительства Фонда Макартуров и оказались в числе его стипендиатов 1994–1995 гг. Сбор материалов был возобновлен и проводился в Государственном архиве РФ (ГАРФ, б. ЦГА СССР и ЦГАОР СССР, Москва), Госархиве экономики РФ (б. ЦГАНХ СССР, М.), Архиве РАН (б. Архив АН СССР, М. и СПб.), Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХиДНИ, б. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, М.), Центре хранения современной документации (б. Архив ЦК КПСС, М.), Архиве Русского географического общества (б. Архив ГО СССР, СПБ.), Ханты-Мансийском окружном архиве (г. Ханты-Мансийск Тюменской обл.), а также ряде ведомств и учреждений, в частности, Минприроде РФ, ВНИИприроды МП РФ, Департаменте охоты Минсельхозпрода РФ, ЦНИИ этого департамента, заповедниках Воронежском, «Брянский лес», «Галичья гора», Дарвинском, Приокско-Террасном, «Малый Абакан», Саяно-Шушенском и др.

Использованы и прежние материалы, собранные при работе автора в заповедниках «Комсомольский» (1963–1968) и «Юганский» (1984—1985), посещениях заповедников: Баргузинского (1976, 1978), Байкальского (1976), Большехехцирского (1966, 1976), Ильменского (1961), Воронежского (1969, 1976, 1979, 1993), Кавказского (1969, 1986), Лапландского (1977, 1979), «Остров Врангеля» (1978), «Столбы» (1960–1982), Хоперского (1948–1976) и др., при проектировании заповедников «Малая Сосьва» (1969–1972, 1993), Сохондинского (1972, 1978), Таймырского (1973), «Азас» (1971), Витимского (1976), Ростовского степного (1979), Дагестанского (1978), Олекминского (1981), Ненецкого (1982), Центральносибирского (1982–1983) и др.

В период подготовки настоящего издания автор принимал участие в совещаниях и конференциях по заповедному делу в Москве, Сочи (декабрь 1994), Перми (ноябрь 1994), С.-Петербурге (апрель 1995), встречался со многими руководителями, сотрудниками и ветеранами наших заповедников, вел с ними активную переписку. Особенно мы благодарны М.А. и Л.В. Заблоцким, М.Л. Калецкой, И.М. Олигер, Н.Н. Поливановой, Ю.Н. Куражсковскому, С.Г. Приклонскому, В.С. Храмцову, В.И. Данилову, А.Н. Малешину, И.П. Шпиленку, А.М. Васину, А.Н. Зырянову, В.В. Черпакову, Н.Ф. Марченко и другим работникам заповедников, предоставившим конкретные материалы для настоящего из-

---

* *Штильмарк Ф.Р.* Историография российских заповедников (1895–1995). М.: Логата, 1996. 340 с.

[1] «Заповедники Сибири» (редактор-составитель Ф.Р. Штильмарк) вышли в свет в изд-ве «Логата»; М., том I – 1999 г., том II –2000 г. (*прим. ред.*).

дания. Это относится и к ранее работавшим в заповедниках Е.В. Дорогостайской, Т.Н. Гагиной, И.П. Бреслиной, Ю.Д. Чугунову, К.П. Филонову и др. При выполнении работы нам активно содействовали работники Управления (Главного управления) заповедного дела Минприроды РФ В.Б. Степаницкий, Н.Р. Данилина, Д.А. Горин, Н.В. Гаспарян, которым автор премного обязан. Он благодарен также академикам Н.Н. Воронцову, Е.Е. Сыроечковскому, чл.-корр. РАН В.Н. Тихомирову, доктору биол. наук О.Л. Россолимо, канд. биол. наук Т.Н. Корнеевой, научному сотруднику ИИЕТ РАН А.Ю. Стручкову, бывшим работникам Главохоты РСФСР А.М. Шалыбкову, Л.С. Таманцевой, зарубежным коллегам Д.Р. Уинеру (США), В.В. Мазингу (Эстония), В.Е. Борейко (Украина), К.Ф. Елкину (Казахстан) и др. Особой признательности заслуживают Фонд Макартуров, финансировавший и работу, и публикацию, а также лица, частично прочитавшие рукопись и сделавшие свои замечания. В такой книге неизбежны и упущения, и прямые ошибки, поэтому автор просит направлять отклики в Комиссию по заповедному делу РАН (117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, д. 33, ИПЭЭ РАН, Комиссия по заповедному делу).

Частности: ссылки на литературу, включая газетные статьи и рукописи, даются с указанием авторов. Цитаты выделены курсивом, а особо значимые слова и выражения — жирным шрифтом или прописью.

3.1.2. Определение заповедности и обзор литературы

Что такое заповедное дело и заповедность вообще. Многозначность и разнотолкования термина. Его истоки и словарные определения. Краткий обзор литературы об отечественных заповедниках с выделением работ, посвященных их истории.

Если понятие о заповедности уходит своими корнями в глубины веков, то термин «заповедное дело» сравнительно молод и возник в середине нашего века (условно его можно связать с появлением бюллетеня «Охрана природы и заповедное дело в СССР», который начал издаваться Академией наук СССР в 1956 г.).

Известный словарь Н.Ф. Реймерса (1990, с. 110) определяет «ДЕЛО ЗАПОВЕДНОЕ» как *«теорию и практику организации и способов сохранения природных комплексов на территории заповедников, заказников и других форм административно оформленных участков (особо) охраняемых территорий»*. Мы рассматриваем этот термин в более узком смысле, чем ныне принято, относя его лишь непосредственно к заповедникам и почти не касаясь иных форм особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Собственно ЗАПОВЕДНОСТЬ в нашем понимании означает ПОЛНОЕ изъятие земельного участка (также водного, воздушного и недр) из ВСЯКОГО хозяйственного пользования, включая такие нетрадиционные или экстенсивные его формы, как ВСЕ виды туризма и отдыха, музейное дело и т. п. Нет сомнений, что это возможно только на специальных категориях земель, поэтому обязательным условием заповедания является право землепользования, необходимость изъятия земельного участка у прежних владельцев для предоставления в неограниченное и свободное распоряжение **природы**. Пусть это не всегда возможно и не везде удается воплотить в реальности, но таков непреложный смысл заповедности, и от этого нельзя отрекаться. «Если соль потеряет силу, что же сделает землю соленою?» — спрашивается в Библии, которая, кстати сказать, и является источником самого понятия ЗАПОВЕДНИК.

Детальное разъяснение понятия о заповедности в первоначальном его смысле содержится в известном словаре В.И. Даля (1863—1866, 1978, т. 1). Н.Ф. Реймерс (1990) понимает под *ЗАПОВЕДАНИЕМ «изъятие определенного пространства в природе (или какого-либо объекта) из сферы обычной хозяйственной деятельности (до полного зап-*

рета посещения его людьми) для достижения особых, нетрадиционно-экономических, социальных и экологических целей...». Новейший «Толковый словарь по охране природы» (редактор В.В. Снакин, автор статей по заповедному делу Ю.Г. Пузаченко) дает более простое и прагматичное определение: *«ЗАПОВЕДАНИЕ — изъятие определенной территории, комплекса или объекта... из сферы традиционной хозяйственной деятельности и использование в научных, ресурсно-восстановительных и иных целях»* («Толковый словарь...», 1995, с. 47). Соответственно, под заповедником авторы этого словаря понимают *«участок территории или акватории, для которого в целях сохранения всего природного комплекса и биологического разнообразия полностью исключаются все производственные формы хозяйственной деятельности и допускаются научные исследования, методы проведения которых не вносят нарушений и возмущений в естественный ход природных процессов; является природоохранной и научно-исследовательской государственной организацией обычно федерального подчинения; сопровождается введением определенного заповедного режима»* (Там же).

Под *ЗАПОВЕДНЫМ РЕЖИМОМ,* в свою очередь, понимается *«порядок функционирования охраняемых территорий и акваторий. Различают абсолютно заповедный (полное исключение всякой деятельности человека) и относительно заповедный (когда, напр., в целях имитации поедающей деятельности животных вводят периодическое сенокошение) режимы. 3. р. различен в различных формах охраняемых территорий.»* (Там же, с. 48–49). С указанными различиями заповедного режима и определением заповедности как «изъятия для использования» согласиться мы не можем, но полемика с авторами словаря увела бы нас в сторону от основного содержания книги. Факт тот, что отраженная новейшим словарем размытость и нечеткость нынешнего официального понятия о заповедности и заповедании приводит к таким двусмысленным трактовкам, как «МОСКВА ЗАПОВЕДНАЯ» (заголовок брошюры Ю. Александрова, 1991) или «ЗАПОВЕДНЫЙ КУРОРТ» (статья А. Ларина о Теберде, 1992), т. е. к сочетанию взаимоисключающих понятий. Такого рода примеров, к сожалению, весьма много. В книге «Заповедники Кавказа» читаем: *«На территории заповедника имеется... городкурорт Дилижан, различные дома отдыха, санатории, пионерские лагеря и пр.»* (Агаронян и др., 1990, с. 340). Заметим, забегая вперед, что в научных планах одного из наших заповедников значилась тема «Влияние пастьбы скота на участки заповедного леса», а в 1994 г. Главное управление заповедного дела МП РФ распространило по системе циркуляр «О порядке ведения ограниченной хозяйственной деятельности на территории государственных заповедников» («Сборник...», 1994). Все дело здесь в том, что подлинная заповедность (равно как и заповедный режим) не может быть «полной» или «неполной», «относительной» или «частичной»; она либо есть (если люди не оказывают прямого воздействия на природные объекты), либо ее нет (когда таковое оказывается). Поэтому заповедность немыслима вне конкретных земельных территорий (акваторий). Мы еще коснемся этих непростых вопросов в заключительных главах книги.

Разнотолкования терминов в заповедном деле зашли весьма далеко. Во-первых, действующее законодательство, помимо природных заповедников, рассматривает «заповедники» историко-архитектурного и мемориального назначения (т. н. «заповедники-музеи»), чем вносит прямую путаницу в терминологию (на это не раз указывал Н.Ф. Реймерс). Во-вторых, относительное или частичное «заповедание» иногда применялось на практике, например, при создании так называемых «заповедных» зон (в северной части Каспийского моря и др.), что явственно дискредитировало понятие о заповедности. И в научной, и в массовой печати предлагалось «заповедание» Байкала, Волги, Камчатки и чуть ли не всей страны.

Еще в 50-х гг. на Южном Урале вполне официально, хотя и негласно, появился «заповедник» на месте ядерной катастрофы, а после майских событий 1986 г. пришлось

создавать «заповедную зону» вокруг Чернобыля. Эти в полном смысле слова ОСОБО охраняемые пространства В.В. Дежкин предлагает рассматривать как разновидности ООПТ, включив в тот же разряд, кроме радиационных пустынь, пустыни сельскохозяйственные и «лунные» ландшафты. Все эти «антизаповедники» объединяются им в категорию «Территории, разрушенные антропогенным воздействием» (Дежкин, 1993, с. 14). Они вполне могут символизировать результаты «рационального» социалистического природопользования.

Нельзя отрицать, что разночтения понятий о заповедности имеют глубокие корни, и это отражено в словаре Даля. На Руси под «заповедными местами» понимались и участки царских или княжеских охот, и засечные леса, и корабельные рощи, сохраняемые для строительства флота. Разумеется, «заповедность» в таких случаях более чем относительна, поскольку речь шла об ограничении природопользования или охотничьих заказниках. Научное понятие заповедника возникает только в конце XIX века, причем толкуется неоднозначно (см. гл. I). Весьма условно можно предполагать наличие даже в древности подлинно заповедных участков, связанных с религиозными представлениями, будь то языческие, христианские или буддийские «святые места», различные «табу» и т. п. Хорошо известна роль монастырей в сбережении особо ценных природных участков (Кожевников, 1914), и это подтверждается тем фактом, что многие нынешние заповедники исторически связаны с предшествующей деятельностью тех или иных культовых учреждений (Мордовский, Воронежский, Волжско-Камский, Крымский заповедники и др.). Мы вернемся к анализу представлений о заповедности, связав их с природоохранным законодательством 90-х гг., но это уместнее сделать уже после того, как будет прослежена историография отечественного заповедного дела и освещено его современное состояние.

Среди обширной литературы о наших заповедниках (мы будем вести речь в основном лишь о монографиях или серийных изданиях) можно выделить несколько отдельных блоков:

Описания природы заповедников открываются книгой В.Н. Макарова «Заповедники СССР» (1940), а завершаются упоминавшейся серией под тем же названием (М.: Мысль, 1985–1992). Каждый из вышедших в свет семи томов имеет свои подзаголовки («Заповедники Дальнего Востока» /1985/, «Заповедники Украины» /1986/ и т. д.). В промежутке между тонкой книжицей Макарова и семью крупными серийными томами выходили в свет под тем же заголовком двухтомник, изданный «Географгизом» (М., 1951) и справочники, выпущенные в свет в 1964 г. (Главохота РСФСР), в 1980 и 1983 гг. (МСХ СССР). Под названием «Заповедники Советского Союза» выходили два справочных издания: в 1969 г. (М.: Колос) и «Краткий справочник» в 1977 г. (М., «Лесная промышленность»). Кроме того, справочные сведения о заповедниках РСФСР содержатся в книгах В.А. Борисова и др. «Заповедники и национальные парки мира» (М., 1969) и «Охраняемые природные территории мира» (М., 1985). Для историографии полезно сопоставление статьи о заповедниках в трех изданиях Большой советской энциклопедии (1933, 1952 и 1981 гг.). В 1994 г. вышел в свет малотиражный справочник «Заповедники России» (М.: Росагросервис. 600 экз.). Таким образом, справочных материалов по советским заповедникам не так уж мало, однако они быстро отстают от жизни.

К «описательному» блоку относится огромное количество книг, альбомов, буклетов и т. п., посвященных отдельным заповедникам, а также некоторые научно-популярные издания (Банников, 1966, 1974; «Заповедными тропами», под редакцией Т.А. Адольф /1980, 1988/; и др.).

Научные монографии по заповедникам, среди которых преобладают также описания природных условий, флоры и фауны, не столь многочисленны. Они издавались специальной серией в «Агропромиздате», кроме того, имеются итоговые научные обобще-

ния по заповедникам отдельных регионов (Дальний Восток, Кавказ и др.). К этому же разделу относятся и разнообразные серийные издания, начавшиеся в двадцатых годах (Труды по изучению заповедников, М.: Главнаука НКП). С 1935 г. начали выходить в свет самостоятельные научные сборники («Труды») отдельных заповедников, суммарное их количество ныне превышает двести томов и продолжает возрастать. В 30– 40 гг. издавались «Научно-методические записки» Комитета (Главного управления) по заповедникам (вышло в свет тринадцать выпусков), позднее — упоминавшийся бюллетень «Охрана природы и заповедное дело в СССР» (опубликовано шесть выпусков в 1956–1961 гг.). Тематические научные сборники заповедников системы Главохоты РСФСР регулярно выходили в свет в 70–80-х гг. и в начале 90-х. Комиссия по заповедникам АН СССР (РАН) в 1986 г. начала издавать книжную серию «Проблемы заповедного дела» (вышло в свет семь сборников), а также оперативно-информационные брошюры «Флора и фауна заповедников СССР» (более 50 выпусков). Отдельную «субдиректорию» в данном блоке занимают издания, связанные с биосферными заповедниками (см. ниже).

При столь большом объеме научного фактологического материала долгое время отсутствовали серьезные обобщения работ всей заповедной системы — они начали появляться лишь в 70-х гг. Первой монографией такого рода надо считать книгу Юрия Николаевича Куражсковского «Заповедное дело в СССР» (Ростов-на-Дону, 1977). Много внимания этой теме уделял Андрей Александрович Насимович, опубликовавший серию значительных аналитических статей (1966, 1974, 1978 и др.) и составивший весьма ценный сборник «Опыт работы и задачи заповедников СССР» (М., 1979). Привлекла внимание читателей книга Николая Федоровича Реймерса (в соавторстве с Ф.Р. Штильмарком) «Особо охраняемые природные территории» (М.: Мысль, 1978), в основном посвященная заповедникам. Алексей Михайлович Краснитский, в то время директор Центрально-Черноземного заповедника, издал в 1983 г. монографию «Проблемы заповедного дела». Результаты обобщающих исследований на основе обработки материалов «Летописей природы» заповедников опубликовал Константин Павлович Филонов (1977, 1989 и др.). Своеобразными «микромонографиями» являются литературные и аналитические обзоры о заповедниках (Шапошников, 1967, Фокина, 1978, Дежкин и др., 1985, Юфанова, 1992). Следует выделить ценную, хотя и мало известную работу Анны Юрьевны Александровой «Экономика и организация заповедников и национальных парков» (М., 1991). Ей предшествовали диссертация и статьи Л.В. Алексеевой на эти темы по заповедникам РСФСР.

Блок **популярной и художественной литературы** о заповедниках (помимо вышеуказанных описаний, альбомов и т. п.) — и тем более об их истории — сравнительно невелик. Можно отметить объемистую красочную книгу Вадима Васильевича Дежкина «В мире заповедной природы»; скромные по форме, но весьма содержательные очерки Олега Васильевича Волкова «Чур, заповедано!» (одна из немногих работ, из которой хоть что-то узнаешь не только о красотах природы, но и о жизни людей в заповедниках). Интересны и насыщены фактами научно-популярные работы о Кавказском заповеднике А.А. Оленича-Гнеденко «Четыре времени года» (1940, 1949, 1963) и А.В. Молчанова «Что там, за горами?» (1985). Имеются воспоминания зоологов о своих работах в заповедниках (Туров, 1952, 1979; Кириков, 1989; и др.). Своеобразные мемуары оставили некоторые из директоров заповедников: В.М. Элеш (1970) рассказал о собственном жизненном пути партийного работника, тогда как Л.Ф. Сташкевич (1991) посвятил свою «Арктическую заповедь» преимущественно описанию природы острова Врангеля. Специфический быт сотрудников дальнего таежного заповедника в годы войны описан К.В. Гарновским (1993). Несколько популярных книг о заповедниках написано для детей (Г.А. Скребицкий «Наши заповедники», 1959; Г.А. Успенский «Заповедными тропами», 1956, 1961).

Один из ветеранов заповедного дела, Алексей Александрович Малышев, опубликовал серию книг, посвященных «жизни заповедников»; среди них можно выделить издания «Встреча ветров» (М., 1982) об Алтайском заповеднике и «Повесть о таежном следопыте» (Владивосток, 1966, 1971), посвященную Л.Г. Капланову. Большую ценность представляют выходившие малыми тиражами в местных издательствах популярные книжки талантливого натуралиста и эколога Елены Александровны Крутовской («Были заповедного леса», Красноярск, 1990, и др.).

О заповедниках писали такие известные авторы как А. Аграновский, В. Песков, Н.Дроздов и другие, но мы прервем этот обзор, позволив себе упомянуть в заключение о своих книжных изданиях (Таежные дали, 1972, 1976; Свидание с Таймыром, Красноярск, 1979; Заповедники и заказники, М., 1981; Лукоморье — где оно? М.: 1992; Счастливый неудачник (в соавторстве с Д.А. Костиным), Шадринск, 1994.

Что касается специальных работ по истории заповедного дела, то еще недавно приходилось констатировать их явный дефицит или даже почти полное отсутствие. Тема эта была трудной, без особых перспектив на издание. Недаром в советский период публикации такого рода долгое время не появлялись, за исключением краткой статьи Б.П. Дитмара (1928). Во многих руководствах и пособиях по охране природы приводился стандартный набор общеизвестных сведений с рефреном о тягостном состоянии охраны природы в царской России и заботе о ней в СССР, о знаменитых декретах советской власти, «ленинском этапе», постановлениях партии и правительства и т. п. Лишь в 70-х гг. стали публиковаться специальные обзоры и статьи (Пузанов, 1970; Борисов, 1971; Насимович, 1974, 1979; Штильмарк, 1974, 1975, 1979; и др.). Некоторые из указанных авторов стали использовать архивные материалы. Затем появились соответствующие разделы в монографиях Куражсковского (1977), Реймерса и Штильмарка (1978), Краснитского (1983), отчасти дополняющие друг друга. Вскоре были предприняты более детальные архивные изыскания Владимира Михайловича Хрусталева по истории советских заповедников 20—30-х гг. (материалы Центрального гос. архива РСФСР публиковались им в журналах «Советские архивы», «Природа», «Наука и жизнь» в 1979—1983 гг.). Тогда же была выполнена работа Веры Геннадьевны Лариной по истории Всероссийского общества охраны природы, тесно связанного с заповедниками (Ларина, 1983, Баришпол и Ларина, 1984).

В конце 80-х гг. под эгидой академического Института истории естествознания и техники было издано две монографии на тему об истории взаимоотношений природы и общества (Круть и Забелин, 1988, Рахилин, 1989). Первая из них сугубо философична (заповедникам в ней посвящено лишь несколько общих фраз), вторая же при сравнительно небольшом объеме содержит колоссальный фактологический материал (636 названий в списке литературы). К сожалению, даже обобщение этих изданий не дает нам сколь-нибудь полной картины истории заповедного дела, хотя В.К. Рахилин выделяет специальную главу о территориальных формах охраны природы и дополняет ее статьей «Из истории развития идеи заповедности в нашей стране» (Рахилин, 1993). Обширный обзор литературных и некоторых архивных сведений есть несомненное достоинство, но вся эта фактология изложена, на удивление, бессистемно, содержит множество упущений, неточностей и даже прямых ошибок (их обзор занял бы слишком много места). Наконец, все указанные исследователи, включая В.М. Хрусталева, В.Г. Ларину и В.К. Рахилина, рассматривают относительно дальнее прошлое российских заповедников (начало нашего века), тогда как более поздняя их история остается вне поля зрения авторов.

В определенной мере это же касается интересной монографии американского историка Дугласа Р. Вайнера (Уинера), вышедшей у нас в переводе Е.П. Крюковой под названием «Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы» (М.: Прогресс, 1991). В подлиннике заголовок звучит несколько иначе: «Мо-

дели природы. Охрана природы и культурная революция в Советской России» (Weiner, 1988). Однако и это исследование не выходит за рамки 30-х гг. Краткий обзор развития принципов заповедного дела в СССР до 70-х гг. содержит статья К.П. Филонова (1975).

Надеемся, что наша книга в какой-то мере продолжает и развивает вышеупомянутые работы. Уже в период подготовки книги автор получил от Владимира Евгеньевича Борейко из Киева его новые издания: «Аскания-Нова: тяжкие версты истории (1826–1993)» (Киев, 1994), «История заповедного дела в Украине» (Киев, 1995) и «Царские охоты: от Владимира Мономаха до Владимира Щербицкого» (Киев, 1995а). Некоторые из прежних и новых работ этого активного автора касаются не только Украины, но и СССР в целом, а также непосредственно РСФСР и РФ (см. ниже).

Наше заповедное дело зародилось и началось в Российской империи, осуществилось в СССР (РСФСР) и продолжается в «постсоветской» Российской Федерации. Есть нечто символическое в том, что наша книга готовилась к изданию в 1995 г., который по праву должен считаться юбилейным для заповедного дела России, поскольку именно сто лет назад В.В. Докучаевым и его помощниками был опубликован проект организации **заповедных** станций (см. гл. 1), и отсюда следует вести отсчет времени наших научных заповедников (Докучаев, 1895). Минувшее столетие в отношении развития заповедного дела разделено нами на двенадцать временных этапов, каждому из которых посвящена отдельная глава. Некоторые итоги подведены в заключении. Вторая часть нашей работы (обзорно-аналитическая), как и многочисленные иллюстрации (фотопортреты), к сожалению, остались неопубликованными, поскольку не хватило средств.

Существенное внимание в этой работе уделяется организационным аспектам, а также людям, работавшим в сфере заповедного дела. Если природе наших заповедников посвящены тысячи публикаций от статей до больших монографий, то материалов о них как государственных учреждениях пока крайне мало, сами же работники заповедников чаще всего остаются вне поля зрения авторов. Основная сложность и самой книги, и авторской работы над нею состоят в крайней противоречивости и даже парадоксальности наших заповедников, представляющих собой своеобразные «конгломераты», своего рода «социофеномены», нуждающиеся в изучении и оценке. Заповедники подвергались восхвалениям и унижениям, о них можно писать восторженные гимны и острые фельетоны одновременно, причем каждый из этих жанров окажется юридически оправданным. Заповедники часто оказывались далеки от тех научных принципов и высоких нравственных идеалов, которые были заложены в их основание, но это вовсе не означает отрицания того, что ими было сделано в сферах науки и охраны природы. В книге отражено много негативных моментов из прошлого и из нашей действительности, в ней немало критических высказываний, однако читателям (особенно работникам самих заповедников) не следует воспринимать их болезненно. Автор стремился писать «не по лжи», а правда о своем прошлом и настоящем не может повредить ни людям, ни работе.

История заповедного дела, конечно же, не начинается с определенного числа и не кончается сегодняшним днем. Но принятый нами за точку отсчета 1895 год был столь же реален, как и недавний 1995-й. На протяжении этого срока своеобразная «эволюция» наших заповедников определялась далеко не одними научными постулатами, но всем ходом общественно-исторического развития, политическими событиями и потрясениями, на которые оказался столь щедр наш бурный век.

3.1.3. Заповедники Российской империи (1895–1917)

Опытные степные станции — первые научные заповедники. Академия наук и Русское географическое общество у истоков заповедного дела. Поражение на Кавказе. Государственные и местные охотничьи заповедники.

Многие авторы пишут о мнимых «заповедниках» древности, подразумевая всевозможные охотничьи хозяйства, например, Беловежскую пущу или другие места царских и княжеских охот, засечные или запретные леса, священные («заповедные») рощи и т. п. На эту тему имеются обширные и малоизвестные сведения в интереснейших трудах А.Н. Афанасьева, С.В. Максимова, Н.П. Кутепова, а также работах недавних и современных исследователей (Налимов, 1928; Мельхеев, 1959; Сатимбеков, 1981; Рыжиков, 1993; Борейко, 1995а; и др.). Однако все эти «пра-заказники», псевдозаповедные угодья и урочища не имеют прямого отношения к научным заповедникам, оставаясь за рамками данной книги. Далеко не всякая охраняемая природная территория вправе называться заповедной.

История возникновения первых российских заповедников подробно и объективно представлена в работе А.А. Насимовича (1979), книгах А.М. Краснитского (1983), Д. Вайнера (1991) и других публикациях, однако же некоторые исторические детали остались вне поля зрения авторов. Удивителен тот факт, что первостепенная для заповедного дела роль Василия Васильевича Докучаева и его соратников по «Особой экспедиции» долгое время вообще не отмечалась исследователями (в том числе и многочисленными биографами великого почвоведа), на что обратил внимание А.А. Насимович лишь в 70-х гг.

Сама по себе идея сопоставления участков земли, охваченных различной хозяйственной деятельностью, с естественными (или «первобытными», как было принято говорить раньше), ненарушенными территориями, вполне возможно, родилась до работ Докучаева в Деркуле или Пачоского в Аскании-Нова. Уже к середине XIX века в России было множество всевозможных опытных сельскохозяйственных станций как государственного («казенного») типа, так и общественных (Вольного экономического общества и ряда других). Однако же никому, насколько нам известно, не удавалось ранее столь четко и ясно выразить подлинные принципы заповедания, как это было сделано В.В. Докучаевым.

«Вековой опыт разных народов и государств и простой, но здравый смысл одинаково резко и одинаково согласно свидетельствуют, что только то прочно и устойчиво, только то и жизненно и выгодно, только то и имеет будущность, что сделано в согласии с природой, по возможности не насилуя ее нормальной текущей жизни, и что, так сказать, вытекает из местных зональных условий и потребностей. С другой стороны, можно положительно ручаться, что при несоблюдении этого основного требования нашего разума и жизни никакие начинания, ни при каких усилиях, субсидиях и льготах, ни при каком таланте и умении исполнителей, не будут долговечны и еще менее выгодны для человека вообще и его земледельческой деятельности в особенности» (Докучаев, 1953, соч., т. 7, с. 178).

Этот докучаевский принцип, неоднократно подвергавшийся ревизии в СССР (всегда с отрицательным результатом), был взят за основу при работах «Особой экспедиции Лесного департамента по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России», начавшей свою деятельность в 1892 г., когда и были намечены основные стационары — Каменная степь, Старобельский или Деркульский и Великоанадольский. В первом же отчете за 1894 г. (опубликован в 1895 г.) Докучаев дает блестящее обоснование необходимости заповедания степей, которое мы (вслед за Насимовичем и Краснитским) принимаем как закладку научного фундамента отечественного заповедного дела.

«Как известно, наши русские черноземные степи по характеру климата, рельефа местности, растительности и животным, а отчасти также по грунтам и почвам составляют неразрывную часть того великого степного пояса, который почти сплошь опоясывает все северное полушарие...

К сожалению, наши девственные черноземные степи, с их своеобразной прелестью, беспредельной ширью и с их оригинальными обитателями — серебристым ковылем, дерезой, байбаком, дрофой и пр. — с удивительной быстротой исчезают с лица земли русской, и если сохранились где-либо в Европейской России в целом, в своем первобытном девственном состоянии, то почти исключительно на участках государственного коннозаводства и у двух-трех крупных степных землевладельцев; пройдет, конечно, немного времени, и они исчезнут бесследно, раз навсегда...

И это тем обиднее, тем нежелательнее, что наши степи, с их в высшей степени своеобразной природой, никогда не подвергались систематическим исследованиям и более менее продолжительному непрерывному (из года в год, изо дня в день) учету, что представляет, помимо научного, и высокий, общепризнанный практический интерес и что безусловно необходимо как для понимания степи, так и для овладения ее силами и особенностями, достоинствами и недостатками.

Чтобы реставрировать степь, по возможности, в ее первобытном виде, чтобы воочию убедиться в том могущественном влиянии, которое может оказывать девственный травянистый покров на жизнь и количество грунтовых и поверхностных вод; чтобы не дать окончательно обестравить наши степи (как обезлесили лесостепную Россию); чтобы сохранить этот оригинальный степной мир потомству навсегда; чтобы спасти его для науки (а частью и практики); чтобы не дать безвозвратно погибнуть в борьбе с человеком целому ряду характернейших степных растительных и животных форм, государству следовало бы заповедать (как это сделано в отношении Беловежской пущи) на юге России больший или меньший участок девственной степи и представить его в исключительное пользование первобытных степных обитателей, каковы упомянутые, ныне вымирающие организмы. И если на таком участке будет устроена постоянная научная станция (наподобие Неаполитанской и Соловецкой), снабженная необходимыми приборами для исследований и доступная ученым всех стран, то, нет сомнения, затраты (два-три десятка тысяч рублей на постройку дома, рабочих кабинетов, приборы и пр.), сопряженные с устройством такой заповедной дачи и станции, быстро окупятся, и притом сторицею» (Докучаев, 1951, соч., т. 6, с. 178–179). В этой программе научного заповедания вызывает сомнение лишь сравнение с Беловежской пущей, активно использовавшейся для высочайших охот, но это детали. Именно на землях государственного Деркульского конного завода, где еще сохранились участки первозданных степей, было выбрано место для научного стационара, а затем и предприняты меры для создания степного заповедника.

«Но покамест организуется такая станция, — продолжает отчет Докучаев, — *министром двора И.И. Воронцовым-Дашковым было разрешено отвести в распоряжение Экспедиции 35 десятин, разбросанных по девственным Деркульским степям, где и приступлено с 1894 года к ряду опытов и исследованиям по вышеупомянутой программе, одобренной министром земледелия и напечатанной в Сборном отделе Трудов Экспедиции»* (там же).

К сожалению, Насимович и Краснитский, цитируя приведенные выше слова Докучаева о необходимости заповедания степей, не рассматривают предпринятые им конкретные действия. Между тем, на перевале рек Деркул и Камышная были установлены две метеостанции, а на плато, у пруда Лаго-Маджиоре, по личному распоряжению Докучаева, был построен дом, который *«предназначался играть роль международной станции и лаборатории, где можно было бы вести всесторонние исследования Деркульской степи. Лаборатория эта нашла себе приют среди живописной ковыльной степи, у самого пруда «Lago-Maggiore», и окружена типичной девственной травяной растительностью, кое-где разнообразящейся порослями дерезы, кислицы, терна и др.... Пункт*

этот для изучения степей выбран как нельзя более удачно», — писал один из преемников работ Экспедиции (Кравков, 1901).

В докучаевских программах прямо указано, что *«участок девственной ковыльной степи будет служить масштабом для всех других участков»*, то есть, говоря современным языком, ЭТАЛОНОМ при комплексных долгосрочных исследованиях — в чем и заключается первейший принцип научного заповедания. О серьезности намерений Докучаева свидетельствует его письмо А.А. Измаильскому от 10 мая 1894 г.

«Как Вы уже знаете, вероятно, из газет, я хлопочу теперь о том, чтобы в наших степях был заповедан участок (не менее 100 десятин) девственной степи, участок, предоставленный в исключительное пользование самой природы, так сказать, первобытных обитателей (растений и животных) девственной степи...» (Докучаев, 1961, соч., т. 8, с. 310). Кстати сказать, Измаильский был управляющим имением князя В. Кочубея на Полтавщине, где также имелся степной заповедный участок (Дитмар, 1928, и др.). В письме ему же от 16.04.1900 г. Докучаев сообщал:

«...после 20 апреля я намерен отправиться на юго-запад, чтобы взглянуть на один «Докучаевский» участок девственной степи» (Там же, с. 344). Редактор издания, академик И.В. Тюрин поясняет, что речь идет об участке *«заповедной целинной степи»*, специально выделенном для наблюдений Докучаева землевладелицей Адлер в Херсонской губернии. Более полных данных об этом не найдено. Кроме того, определенные участки *«заповедных девственных степей»* уцелели и на другом докучаевском стационаре, в Каменной степи Воронежской губернии. Об этом сообщалось в разделе хроники Бюллетеня Харьковского общества любителей природы № 2 за 1915 г. («Каменностепная опытная станция имени В. В. Докучаева», с. 89–90). Позднее наши ботаники писали об остатках степной растительности на залежах Каменной степи (Исаева-Петрова и др., 1983), а в конце 60-х гг. местный институт обращался в Главприроду МСХ СССР с просьбой о создании госзаповедника, на что был дан отрицательный ответ.

К сожалению, работы Особой экспедиции были свернуты в конце прошлого века, а после смерти Докучаева в 1903 г. Деркульская станция оказалась заброшена. С горечью писал о ее судьбе другой энтузиаст охраны природы, В.И. Талиев, посетивший эти места в 1914 г.:

«Опытный участок был огорожен, но теперь целина находится в общем пользовании, завод (конный. — *Ф. Ш.*) *не знает, кому это принадлежит, целина сильно выбита скотом... Такова печальная участь одного из интереснейших русских научных начинаний, притом связанных с именем, которым должна гордиться русская наука»* (Талиев, 1915).

Восстановить опытный участок, по мнению Талиева, уже невозможно. Правда, значительно позднее почвовед С.В. Зонн писал: *«...в 1953 году участок был восстановлен Полезащитной экспедицией АН СССР под руководством В.Н. Сукачева. В те годы, а также в 1978 году на нем еще сохранялись участочки ковыльно-типчаковой с дерезой целинной степи между лесными полосами и пашней»* (Зонн, 1991). Однако сам академик Сукачев, выступая на Всесоюзном совещании по заповедникам в 1958 г., говорил, что от докучаевских заповедных участков не осталось ничего.

Если работы Докучаева все же учтены специалистами заповедного дела, то нельзя этого сказать о другом дореволюционном степном заповеднике, который лишь изредка упоминается без каких-либо уточнений (Дитмар, 1928; Насимович, 1979). Речь идет о Биологической степной станции «имени графини С.В. Паниной», организованной в 1914 г. Петроградским обществом естествоиспытателей. Вероятно, столь одиозно звучащее название («имени графини») отпугивало исследователей. Между тем, это был настоящий научный заповедник, причем он освещен в специальной литературе, хотя полностью обойден вниманием историков.

А.А. Насимович (1979) указывает, что прежним докучаевским участком у Деркула некоторое время ведало Петербургское общество естествоиспытателей. Это не совсем так. Общество лишь намеревалось взять докучаевский участок под опеку, о чем в 1906 г. докладывали на заседании отделения ботаники Кашманский и Сукачев, но первый из них вскоре умер, и обследования не состоялись. В 1911 г. они были поручены В.А. Дубянскому, однако он тоже не смог побывать в Деркуле, а в 1912 г. представил обществу доклад *«о заповеднике целинной степи в имении графини С.В. Паниной близ слободы Вейделевки в Валуйском уезде Воронежской губернии. Упомянутый заповедник был учрежден в 1908 году тамошним управляющим имением В.И. Волковым...»* (Ильин, 1916, с. 5).

Отделение ботаники Общества предпочло отдаленному Деркулу (ныне это Луганская область Украины) более доступное имение Паниной, заложив там Степную биологическую станцию и увеличив первоначально выделенный небольшой целинный участок до 50 десятин за счет залежей. Дубянский бывал там с 1911 г. наездами, а в начале 1914 г. была завершена постройка здания станции (лаборатории), на что удалось получить специальные средства от Министерства просвещения и земельного ведомства. Общество выделило также средства на поездки, содержание лаборанта и прислуги. Первым временным заведующим был ботаник А. Рихтер, а постоянным лаборантом — В.С. Ильин. Руководила степной станцией специальная комиссия во главе с академиком И.П. Бородиным (в составе ее были почвовед Костычев, зоологи Дерюгин и Римский-Корсаков). В стационарных наблюдениях и опытах Ильину помогали студенты петроградских курсов (Стебутовских, Лесгафта) и университета; на станцию регулярно приезжал В.А. Дубянский, дважды побывал Б.А. Келлер.

В изданном в 1916 г. специальном выпуске Трудов Общества (Т. 46, Отд. бот., вып. 3, № 1–6) содержится ряд статей В. Ильина и его соавторов, принимавших участие в исследованиях. Из подробных описаний с иллюстрациями лабораторных помещений и перечнями оборудования станции явствует, что наблюдения за растительностью на заповедном участке велись не только геоботанические, но и по физиологии растений. За четыре года участки прежней залежи изменились «до неузнаваемости» и постепенно превращались в «чистую степь». На 12 пробных площадках по 100 кв. саженей вели наблюдения за разными стадиями остепнения, пользуясь методикой И. К. Пачоского. *«Степь принимает другой облик. Контраст между крайними ее состояниями так велик, что просто не хочется верить, что это один и тот же участок»* (Ильин, 1916). В № 2 того же выпуска трудов Общества помещена статья Ильина «О некоторых растительных сообществах заповедника Степной биологической станции имени графини С.В. Паниной» (результаты пятилетних наблюдений с участием Келлера и Кохановского, учеты по шкале Друде и описания по методу Раункиера). Дальнейшие номера данного выпуска (с третьего по шестой) заняты работами по физиологии растений, проведенными на тех же участках.

Графиня Панина была избрана почетным членом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и членом Природоохранительной комиссии ИРГО, она была участницей последнего собрания этой Комиссии, состоявшегося накануне октябрьского переворота, но дальнейшая судьба ее, вероятно, так же печальна, как и самой станции, сгинувшей в революционно-военных лихолетьях (Гинецинская, 1993).

Уместно заметить, что приоритет реального заповедания с научными целями уже принадлежал тогда не только Докучаеву и основателям Степной биостанции в имении Паниной, но и Фридриху Эдуардовичу Фальц-Фейну, владельцу знаменитой Аскании-Нова. Известно, что самый первый участок целины в урочище «Кролики» был выведен из хозяйственного пользования еще в 1888 г. (Пачоский, 1904; Дрогобыч и Семенова-Тян-Шанская, 1988), хотя официально датой основания асканийского заповедника признается 1898 г. Мы избегаем подробно говорить об Аскании не только из-за того, что

ныне она (как Деркул и Крым) оказалась в пределах другого государства; история ее хорошо изучена. Если же рассматривать прежнюю Российскую Империю (без царств Польского и Финляндского), можно констатировать, что первые из доныне сохранившихся заповедников возникли на территории Прибалтики (остров Вайка, Эстония /1910/ и Морицсала, Латвия /1912/). Это было достижением Рижского общества естествоиспытателей и его активиста, профессора К.Р. Купфера (Куллапери, 1989). Как частные заповедники России упоминаются также степные участки в имениях Карамзиных (600 десятин, Самарская губ.) и князя Вяземского (Воронежская губ.), известный «Лес на Ворскле», принадлежавший графу Шереметеву (см. ниже), заповедный лес близ Диканьки в имении Кочубея (Полтавская губ.), «заповедник Пилявин» графа Потоцкого в Новоград-Волынском уезде (Волынская губ.), напоминавшим собой подобие Аскании-Нова (Дитмар, 1928; Малышев, 1928; Вайнер, 1991; и др.).

В начале XX века развитие заповедного дела в России стимулировалось, с одной стороны, активным движением за охрану памятников природы в Европе (активистом и лидером здесь был Гуго Конвенц, приезжавший в Россию, в частности, на Кавказ, неоднократно общавшийся с Бородиным и Кожевниковым), а с другой — существованием системы национальных парков Северо-Американских Соединенных Штатов, служивших своего рода образцом и как бы «укором» для российской природоохранной общественности. Нужно заметить, что в то время термины «национальный парк» и «заповедник» звучали несколько иначе, чем в наши дни. Понятие заповедного участка подчас отождествлялось и с заказником, и с памятником природы, тогда как под национальными парками подразумевались прежде всего обширные территории, создаваемые для сохранения животного и растительного мира и ради сбережения красот природы (Брызгалин и Захаров, 1919).

Характерен в этом смысле и заголовок известного доклада эконом-географа Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского, представленного Природоохранительной комиссии Русского географического общества (см. ниже): «О типах местностей, в которых надлежит учредить заповедники типа американских национальных парков». Это было в 1917 г., но устная и печатная пропаганда необходимости создания крупных заповедников (а не таких «точечных», как на степных станциях или в Прибалтике) велась и значительно раньше. Особая заслуга в этом принадлежит старшему брату Вениамина Петровича, известному биологу, Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому, который часто публиковался не только в научной печати, но и в популярных газетах, где усердно проповедовал необходимость спасения «приютов русской природы» (А. Семенов-Тян-Шанский, 1911) и создания заповедников. Только в газете «Новое время» в 1911–1916 гг. им опубликовано более 20 статей на темы охраны природы. Вот лишь несколько примеров: «Накануне разгрома последних резервов природы» (о лесоистреблении в центральной России); «О нуждах русской природы» (о сохранении природных памятников); «О заповедниках природы» (отклик на выступления Г.А. Кожевникова); «К вопросу о заповедниках нашей природы» (о судьбе лесов Новгородской губ.). Выступая в Клубе общественных деятелей Санкт-Петербурга в марте 1908 г., А.П. говорил: *«Значительные нетронутые лесные площади должны быть превращены заблаговременно, подобно тому, как это сделано во многих местах Северной Америки, в заповедные пространства, в национальные парки, в которых навсегда сохранилась бы тайга в ее неприкосновенном виде»* (А. Семенов-Тян-Шанский, 1908). В неопубликованных мемуарах Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского имеются сведения о том, что старший брат был «идеологом» его работ по охране природы, в частности пророческого доклада о географической сети будущих заповедников России (сообщение А.Ю. Стручкова, читавшего указанные мемуары).

В том же 1908 г. прозвучал своего рода манифест подлинной заповедности, провозглашенный профессором Московского университета Г.А. Кожевниковым в докладе «О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы» (прочитан на заседании Всероссийского акклиматизационного съезда в Москве и в 1909 г. опубликован в «Трудах съезда», а также отдельным оттиском).

«Чтобы иметь возможность изучать природу, мы должны стараться сохранить ее в первобытной неприкосновенности в виде ее наиболее типичных формаций» — эти слова Кожевникова есть своего рода «альфа и омега» научного заповедания. *«...Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить образцы первобытной природы, должны быть довольно большого размера, чтобы влияние культурности соседних местностей не отражалось на них, по крайней мере на далеких от края частях их. Участки эти должны быть заповедными в полном смысле слова... Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы... По отношению к флоре необходимо отменить прорубание просек, подчистку леса, даже сенокос и уж конечно всякие посевы и посадки. Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты»* (Кожевников, 1909, с. 25–26). *«Основной задачей охраны природы является сохранение отдельных участков ее в неприкосновенности в целях научного изучения»*, — не уставал повторять ученый позже (Кожевников, 1925, с. 1). Первостепенными объектами для заповедания он признавал целинную степь и первобытный лес таежного типа.

Близким к этому было понимание заповедности академиком Иваном Парфеньевичем Бородиным, доклад которого на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей в 1910 г. («О сохранении участков интересных в ботанико-географическом отношении») произвел большое впечатление на российскую общественность и вызвал массу откликов, в которых давались конкретные рекомендации для отдельных регионов от Бессарабии до Сибири (Кузнецов, 1911; Сюзев, 1911; Миллер, 1912; и др.). Пермский активист Уральского общества естествоиспытателей, ботаник-самоучка, Павел Васильевич Сюзев, описывая свое впечатление от доклада И.П. Бородина, указывал, что, по мнению выступившего тогда же Г.Ф. Морозова, *«выделение заповедных участков должно происходить по возможности планомерно, с положением в основу ботанико-географического подразделения»* — таков еще один важный постулат научного заповедания. *«Заповедные участки должны находиться в каждой ботанико-географической области, представляя в своей совокупности ряд характернейших и наиболее ценных в научном отношении типов растительности... Нельзя не согласиться с Г.Ф., что выдел заповедных участков может стать прочным делом, когда будет объединен таким авторитетным и высоким учреждением как Академия наук»* (Сюзев, 1911, с. 83–34).

Именно Императорская академия наук впервые выступила за создание относительно крупного заповедника — в то время он чаще назывался национальным парком или «заповедным парком» — для сохранения первобытной природы горного Кавказа и спасения кавказского зубра. В литературе это связывается с именами академика Н.В. Насонова, заведующего зоологическим музеем АН и старшего зоолога (позднее — члена-корреспондента АН СССР), А.А. Бялыницкого-Бирули, но имеются сведения о том, что первым инициатором заповедания Кубанской охоты был будущий директор Кавказского заповедника, лесничий Белореченского лесничества Кубанской охоты, Христофор (Хачатур) Георгиевич Шапошников. Об этом нам стало известно из материалов его сына (Г. Шапошников, 1995). Именно в результате ходатайства Белореченского лесничего Насонов убедил Президента Академии наук возбудить вопрос о создании Кавказского зубрового заповедника (или Кубанского национального парка).

Надо пояснить, что упомянутая Кубанская охота была арендована у Рады Кубанского войска великим князем Сергеем Михайловичем Романовым, как известно, страст-

ным охотником. Она занимала огромную площадь в 522 тыс. десятин по северному склону Западного Кавказа от р. Большой Лабы до Белой. Управление охотой находилось в Псебае (Черноречeнске), а царский охотничий дворец — в Красной Поляне (Романовске). Егерские караулы размещались по периферии, внутри прокладывались тропы, устраивались охотничьи приюты и стоянки, проводилась подкормка животных, закладка солонцов и т. п. Егерям разрешалось ловить куниц, стрелять медведей и кабанов (других копытных стреляли только при великокняжеских охотах), но зубры строго охранялись — штраф был установлен в 500 рублей.

По данным бывшего управляющего этой охотой Ютнера, поголовье зубров за 20 лет возросло и составляло к 1910 г. 600 голов. Но в 1909 г. срок аренды истек, и земли Кубанской охоты могли быть отданы «станичникам», что грозило бедствиями для живой природы. В письме президента Академии наук, направленном великому князю Сергею Михайловичу, указывалось, что единственное спасение кавказских зубров и других ценных животных от угрозы неминуемого истребления заключается в создании ЗАПОВЕДНИКА (или заповедного парка). Сергей Михайлович воспринял прошение ученых благосклонно и поддержал сие благое начинание...

Прошение на высочайшее имя пошло через Министерство просвещения и 1.07.1909 г. Николай Второй утвердил Межведомственную комиссию *«под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича для выработки мер к охранению кавказского зубра»* (цит. по статье «Кавказский государственный заповедник», 1913–1914, с. 208). Было разработано положение о заповеднике *«в целях сохранения на вечные времена в первобытной неприкосновенности местной кавказской природы с ее представителями растительного и животного царств, особенно зубров... Земли заповедника признаются нераздельным имуществом, составляющим неотчуждаемую собственность государства и не могут быть обращаемы ни под сельскохозяйственную культуру, ни под разработку ископаемых»* (там же).

Документ интересен как первый опыт разработки положения о конкретном государственном заповеднике. Заведование им намечалось поручить специальному Комитету при Академии наук в составе трех выбираемых академиков, представителей от Военного Министерства, Главного управления земледелия и землеустройства, от Государственного контроля, а также от Императорского лесного (Петербургского) и Императорского сельскохозяйственного (Московского) институтов. В штат заповедника предлагалось включить начальника, его помощника, заведующего биологической станцией и лабораторией при ней со служителями, а также лесную стражу в количестве 64 человек. Расходы намечалось относить за счет казны, исчислялись они серьезной суммой в 36 тыс. 650 руб. ежегодно и 50 тыс. единовременно на первоначальное оборудование. Открыть заповедник намечалось в 1914 г., его площадь должна была составлять 350 тыс. десятин.

В 1910 г. специальная комиссия с участием Бялыницкого-Бирули проводила обследования на месте; при этом возникло много трудностей и возражений, исходивших и от представителей населения, и от Наместника Его Величества, требовавшего исключения из пределов заповедника трех дач, где зубры не обитали постоянно. Тем не менее Академии наук удалось вынести этот вопрос на обсуждение Совета министров в феврале 1914 г., однако результаты были отрицательными — правительство усомнилось в реальности проекта. Учли возражения с мест и сомнения ведомств (Госконтроль предложил вообще отложить дело «до более благоприятного времени»), поэтому было решено возвратить проект в Комиссию и рассмотреть его на месте дополнительно. Вскоре началась Первая мировая война, а конечным результатом этого поражения впоследствии стало исчезновение кавказских зубров с лика земли.

Все же активистам охраны природы Кавказа, таким, как ботаники Н.И. Кузнецов, Д.И. Сосновский, Р.Г. Шмидт и др., в 1911–1914 гг. удалось взять под государственную

опеку несколько природных объектов (рощи эльдарской и пицундской сосны, березы Радде на горе Гуниб, часть Лагодехского ущелья и др.). Правда, официальная дата создания Лагодехского гос. заповедника (1912 г.) по сей день вызывает большие сомнения (более верная — 1929 г.). Комиссия по охране памятников природы при Кавказском отделе ИРГО впервые наметила создание особого «Попечительного комитета», т. е. специального подразделения для учреждения и деятельности охраняемых природных территорий (Шмидт, 1912; Насимович, 1979). Местный энтузиаст заповедного дела В.М. Савич еще в 1910 г. предлагал, ссылаясь при этом на Докучаева как основоположника научного использования образцов нетронутой природы, организацию *«вечных заказников»* (то есть заповедников) как своего рода эталонов лесных сообществ. *«В заказниках мы сохраняем естественный ход новообразования, и на наших глазах, на глазах наших потомков, будут протекать поучительные процессы естественной смены пород, смены лесных формаций... Нужно спешить с выделением заповедных участков, пока имеются нетронутые леса, пока не исчезли вымирающие типы!»* (Савич, 1910). В том же выпуске «Вестника Тифлисского ботанического сада» помещена и другая статья Савича, где он описывает три «заповедных участка», выделенных им на территории ботсада. Примечательно, что автор делает сноску на высказанное «несколько лет назад» (ранее 1910 г.) предложение В.Н. Сукачева о запрете рубок леса в Боровом лесничестве Самарской губ., т. е. в Жигулях. Действительно, будущий академик АН СССР начинал свою природоохранную деятельность именно там, опубликовав известную статью «Об охране природы Жигулей» (Сукачев, 1914–1915), в которой не только обоснована необходимость создания заповедника, но и впервые дана развернутая программа научных исследований, сохраняющая свое значение и в наши дни (Насимович, 1979; Семенова-Тян-Шанская, 1981).

Не удалось создать новых заповедников и весьма представительной Природоохранительной комиссии, созданной в 1912 г. при Императорском русском географическом обществе по инициативе и под фактической эгидой академика И.П. Бородина, значившегося «товарищем председателя» (официальным председателем был стареющий министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов). В нее вошли известные ученые и общественные деятели — Богданович, Буш, Кузнецов, А. и В. Семеновы-Тян-Шанские, Шокальский, Кожевников, Насонов, Чернышев, Морозов, Дерюгин, Сукачев, Шевырев, Высоцкий, А. Достоевский. Дополнительно были приняты Берг, Завадский, Козлов, Медведев, Марков, Поляков и Талиев. Секретарем Комиссии стал ботаник В.А. Дубянский, членами Бюро были князь Масальский, Раунер и В. Семенов-Тян-Шанский. В Комиссию включили представителей ряда ведомств, члена Госдумы Звягинцева, а также Фальц-Фейна и графиню Панину как учредителей степных заповедников.

Комиссия работала довольно активно, материалы о ней имеются в архиве Российского географического общества в Санкт-Петербурге и отчасти отражены в печати. Намечалось создание Комитета по охране памятников природы, разработка специального «Положения о заповедниках» и схемы их географического размещения. Комиссия создавала свои отделения на местах. Предпринимались и конкретные действия в поддержку охраняемых участков, рассылались различные предложения, велась обширная переписка, составлялся общий каталог памятников природы. В письме к А. Хребтову, например, содержался запрос о «крестьянских заповедниках в деревне Перелучь Вороничского уезда и в деревне Вели Лужского уезда» (Архив РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 79). Лесничий В. Иванов обратился в Комиссию с просьбой содействовать охране группы старых дубов Шилова леса и получил письменную поддержку. Польское общество краеведения хлопотало об охране озера Свитязь, ответ с прошением подписали Ермолов, Бородин и Дубянский. Пензенское общество любителей естествознания в 1914 г. сообщало о выделении заповедных участков степи.

Особый интерес представляет обращение Полтавского земства от 5.08.1913 г. об официальном заповедании участка целинной степи «одного крупного землевладельца». Губернская земская управа просила разъяснить: 1. Какими правами, какими статьями закона нормируется учреждение заповедников? 2. Как обеспечивается на будущее ненарушимость заповедника? 3. Как губернскому земству получить право на распоряжение заповедником? 4. Каков формальный порядок учреждения заповедных участков? На это Дубянский ответил, что законов о заповедниках нет, поэтому обосновать их оформление «затруднительно». Он сообщал, что Комиссия всячески одобряет участие земства в заповедании, особенно в отношении целинной степи, и занята сейчас «разработкой законопроекта об охране природы» (Там же. Л. 102–103).

Это важное дело было поручено юристу, профессору С.В. Завадскому[2].

Он открывался разделом «Учреждение заповедников», включавшим 17 статей; первая из них провозглашала, что «для сохранения в неприкосновенности местной природы с ее растительными и животными царствами соответствующие земельные участки могут быть обращаемы в заповедники». Согласно второму разделу («Отличительные особенности заповедников»), «заповедники признаются имуществом нераздельным, неотчуждаемым, не обращаемым в другой вид угодий. Учрежденные заповедники принадлежат к составу государственных имуществ (здесь, как и в ряде других статей, даны ссылки на Свод Законов издания 1914 г. — *Ф.Ш.*), но состоят в распоряжении и заведовании Комитета о заповедниках при Имп. Русском Географическом Обществе» (Там же). Исключение сделано для Кавказского заповедника, поскольку он планировался при Академии наук.

Третий раздел («Управление заповедниками») определял режим и функции заповедников, четвертый («Учреждение Комитета о заповедниках») — предусматривал весьма широкий состав Комитета с представительством Академии наук, других ведомств и научных учреждений. Председатель Комитета должен был назначаться Советом Географического общества. Комитет мог иметь свои отделения на местах. Раздел 5 — «Учреждение местных управлений заповедниками и научных установлений в них» — оговаривал подбор кандидатур для работы в заповедниках, включая научные подразделения и лесную стражу, а также определял условия проживания работников. Раздел 6 трактовал всевозможные нарушения правил о заповедниках, основываясь на довольно строгом Лесном Уставе 1905 г.

Помимо «Комитета о заповедниках» Комиссия планировала учреждение Общегосударственного Природоохранительного комитета и его отделений (Там же. Л. 78, см. ниже). В фондах и трудах Комиссии мы находим материалы, связанные с некоторыми будущими заповедниками (Пензенский, «Галичья гора», «Лес на Ворскле» и др.). Главную причину незавершенности создания научных заповедников надо объяснить трудностями военного времени. Успех же пришел к прагматикам, к тем, кто занялся организацией заповедников в более практических целях, а именно для охраны ценных пушных зверей, прежде всего — драгоценного соболя, которому, как писали историки, Россия обязана присоединением Сибири. Резкое оскудение его запасов в начале XX века заставило прибегнуть к трехлетнему запрету промысла, установленному с февраля 1913 г., но эта мера не могла сыграть существенной роли, поскольку запрет не соблюдался. Пришлось изыскивать более реальные меры спасения соболя, связанные с охраной конкретных территорий (угодий).

---

[2] Сергей Владиславович Завадский (1871–1943) — судебный деятель дореволюционной России, товарищ обер-прокурора Синода. В 1918 г. был державным (государственным) секретарем в правительстве гетмана П. П. Скоропадского на Украине, позднее эмигрировал в Чехию, жил в Праге. Разработанный им проект первого официального «Положения о заповедниках» (Российской империи) представляет собой детальный и объемистый документ на двадцати двух машинописных страницах большого формата (Там же. Л. 157–175).

Так называемые «охотничьи заповедники», которые удалось создать в Сибири в досоветский период, представляют собой положительное явление для заповедного дела в целом, но как принципы их организации, так и ведомственная подчиненность существенно отличались от планировавшихся научных заповедников. Строго говоря, охотничьи заповедники были, скорее, заказниками высокой категории, в которых запрещалась прежде всего охота и вся деятельность сосредотачивалась на охране и увеличении численности (а также и разведении) соболя. Однако, располагаясь в дальних горно-таежных районах, они могли играть и роль эталонов природы. Научная же работа в них первоначально не планировалась.

Охотничьи заказники, т. е. выделение участков, где запрещена охота, — весьма древняя форма ограничения природопользования. Известен, например, соболиный заказник на Камчатке, стихийно охранявшийся населением и получивший официальное признание в 1882 г. (Васильев и др., 1985). С оскудением запасов соболя на Урале и в Сибири стали появляться предложения не только об ограничении промысла, но и о выделении запретных («заповедных») участков. Управляющий государственными имуществами Енисейской губернии И. Окулич ходатайствовал в 1910 г. об отводе «заповедника» в бассейне реки Казыр-сук (правый приток Енисея в Западных Саянах), но это предложение не осуществилось.

Благодаря благосклонному отношению Иркутского генерала-губернатора Князева к мерам по охране соболя, в 1914 г. в Китойской лесной даче Ангарского лесничества был учрежден «заповедник для зверя и птицы всякого рода, в котором всякая охота совершенно запрещена» (АРАН. Ф. 445. Оп. 4. Д. 203. Л. 5). Площадь его была определена в 20 тыс. десятин, охрана возложена на объездчиков. Как писал заведующий лесоустройством Иркутской губернии Ф. Карльс, на Китое образуется «естественный рассадник ценного зверя» (там же). По существу это был самый первый охотничий заповедник в Сибири. Китойский заповедник отмечался как действующий в некоторых публикациях и отчетах вплоть до начала 20-х гг., но затем прекратил свою деятельность и забыт нынешними авторами.

Это примеры местной инициативы, основную же роль в создании заповедников для сохранения соболя сыграла петербургская школа охотоведения, возникшая при Императорском лесном институте (будущей Лесотехнической академии) и возглавляемая выдающимся охотоведом и зоологом Анатолием Алексеевичем Силантьевым, одно время служившим также в Департаменте земледелия. Весной 1913 г. Силантьев представил «Проект обследования соболиных районов России в 1913–1915 гг.» (Егоров, 1990), смысл которого заключался в том, чтобы до истечения трехлетнего срока запрета охоты на соболя создать резерваты («заповедники») в местах обитания наиболее ценных рас и подвидов этого зверя. Директор Департамента, Владимир Константинович Бражников, поддержал идею организации трех экспедиций — в Забайкалье, к верховьям Енисея (Саяны) и на Камчатку. Все это обсуждалось с зоологами Академии наук — А.А. Бялыницким-Бирулей и Н.А. Смирновым, который должен был возглавить Байкальскую экспедицию, но не смог поехать из-за болезни. Его успешно заменил Георгий Георгиевич Доппельмаир. Сложнейший Саянский маршрут выбрал воспитанник Петербургского университета Дмитрий Константинович Соловьев, этнограф и знаток охотничьего дела. На Камчатку должен был ехать Сергей Владимирович Керцелли, ранее работавший в Архангельской губернии.

Мы не описываем организацию и выполнение «соболиных экспедиций», поскольку об этом сообщается в работе О.А. Егорова (1990) и книгах самих исследователей (Соловьев, 1920; Доппельмаир, 1926). Однако же нужно вспомнить тех людей, имена которых оказались забытыми.

Лишь в последнее время появились публикации о страстном энтузиасте охоты и охраны природы Франце Францевиче Шиллингере, между тем его предложения о со-

здании заповедников на Байкале опережают работы экспедиции Доппельмаира — они были опубликованы в малоизвестном журнале «Семья охотников» (Шиллингер, 1914)[3].

Австриец по национальности и месту рождения, Шиллингер был подлинным патриотом России и Сибири, заядлым путешественником и мастером таксидермии, а впоследствии активистом охраны природы, работником государственной заповедной системы СССР. Он предложил устройство на полуострове Святой Нос у Чивыркуйского залива особого заповедника-зоопарка, как бы естественной «зоофермы» для разведения соболей. Еще один заповедник предлагался им в «Тункинских Альпах» (урочище Синты). Удивительнее же всего то, что позднее эти прожекты облеклись в форму одного из самых первых ленинских декретов по охране природы («О Байкальских заповедниках», 1921 г., см. ниже). Предложения Шиллингера, ставшие потом статьями советского законодательства, были, в свою очередь, навеяны интересной, но забытой ныне работой О.В. Маркграфа (1903), предлагавшего устройство в естественных условиях своеобразных питомников-рассадников, окруженных строго охраняемыми «заповедными» пространствами. Кроме того, до начала «соболиных экспедиций» намечалось устройство соболиных заповедников на Урале («Матвеевская парма» в Чердынском уезде / Белоусов, 1915/ и участок в верховьях Печоры /Нат, 1922/).

В 1915 г. постановлением Иркутского генерал-губернатора *«проектируемая под Саянский заповедник лесная площадь была изъята из пользования населения... В этом же году Департаментом земледелия было ассигновано 1795 рублей на предварительную охрану заповедника, и три стража были поселены на северных зимовьях проектируемого заповедника»* (Соловьев, 1920, с. 294). Директором заповедника был назначен участник экспедиции А.Г. Лепп, на центральной базе (в селении Гутара) учреждена метеостанция, начато строительство усадьбы.

На восточном побережье Байкала, в бухте Сосновка, также приступили к постройке домов для заповедника и оформили нескольких стражников из местных охотников. По словам Доппельмаира, одного присутствия экспедиции оказалось достаточно, чтобы пресечь истребление соболей.

Прежде чем вынести постановление о создании первых охотничьих заповедников, требовалось принять соответствующий закон, который был проведен в спешном порядке и распубликован в Собрании узаконений и распоряжений правительства, от 30 октября 1916 г., № 304, ст. 2396 «Об установлении правил об охотничьих заповедниках». На основании этого закона министру земледелия предоставлялось право образовывать заповедники на землях единственного владения казны для сбережения и размножения охотничьих и промысловых зверей и птиц (полный текст закона см. Соловьев, 1920, с. 309).

По издании закона министром земледелия было сделано представление в сенат «Об учреждении Баргузинского заповедника», и это представление опубликовано в Собрании узаконений и распоряжений правительства 20 января 1917 г., № 18, ст. 107, в следующем виде: *«Министр земледелия, 29 декабря 1916 г., представил Правительствующему сенату об установлении в Забайкальской области, Баргузинского уезда, Баргузинского охотничьего заповедника, расположенного по северо-восточному побережью озера Байкала в нижеследующих границах... Таким образом учреждение первого в России охотничьего заповедника в законодательном порядке было проведено»* (Доппельмаир, 1926, с. 10–11, описание границ здесь опущено). К сожалению, относительно Саянского заповедника такого постановления вынесено не было.

1916 г. принимается как официальная дата создания еще одного из ныне действующих заповедников — «Кедровая падь» в Приморском крае у Владивостока. Лесничему

[3] Помимо архивных материалов мы располагаем воспоминаниями дочери Ф.Ф., Адели Францевны.

Славянского лесничества Т. Гродецкому удалось учредить в Посьетском районе заказник с довольно строгим режимом, *«поэтому 1916 год следует считать годом основания заповедника»* (Васильев и др., 1985а). Это мнение очень спорное, тем более, что после 1917 г. все ранее принятые запреты не соблюдались (в печати высказывалось мнение, что даже Баргузинский заповедник с 1918 по 1926 г. не функционировал). В архивах и литературе упоминания о «Кедровой пади» появляются в середине 20-х гг. Вообще неточностей и неувязок с датами очень много. Так, в литературе указывалось, что Супутинский (ныне Уссурийский) заповедник создан в 1911 г. (Банников, 1966, 1969 и др.). Фактически, как сообщал нам Г.Ф. Бромлей, в 1911 г. один из местных начальников предложил запретить рубки леса в Супутинской даче. Заповедник же был создан лишь в 1931 г.

Итак, до 1917 г. в России было официально принято постановление о создании только одного госзаповедника (Баргузинского). Департамент земледелия направлял экспедиции на Урал (Белоусов, 1915), в дельту Волги (Житков, 1914), но заповедники там возникли позже.

Таким образом, в России наметились две разные позиции в заповедном деле — сохранения «девственных» эталонов природы на принципе невмешательства в ход природных процессов и создание охотничьих заповедников, в постановлениях о которых не было ни слова о науке или научных наблюдениях, зато предусматривалось расположение вблизи резерватов специальных охотничье-промысловых участков (в Прибайкалье — в непосредственной близости от заповедника, в Саянах — отдельного Казырсукского хозяйства). Такая двойственность вскоре дала о себе знать и в определенной степени сохранялась впоследствии.

Правительственное постановление об организации Баргузинского заповедника было принято всего за два месяца до крушения самодержавия. Материалов о деятельности Временного правительства в сфере охраны природы очень мало. В.К. Рахилин (1993) сообщает, что в мае 1917 г. к Временному правительству обращались Общество акклиматизации и Вольное экономическое общество с письмами о необходимости создания комитетов по охране «заповедников» и памятников природы.

С этим же периодом связана организация Крымского заповедника, в котором мы долгое время были склонны видеть первый официальный заповедник советской эпохи. Но при более детальном рассмотрении все оказывается гораздо сложнее. Общество естествоиспытателей Крыма и Крымско-Кавказский горный клуб предлагали запове-

МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

УПРАВЛЕНИЕ
Національными
Сельскохозяйственными
предпріятіями в Крыму
22 ноября 1917 года
№ 2101
Массандра
Ялта

Удостовереніе

Дано сие от Управления національными предпріятіями сельско-хозяйственными в Крыму Михаилу Павловичу Розанову в том, что онъ, дѣйствительно, состоит на службе въ должности Помощника Комиссара по ликвидаціи бывшей царской охоты в Крыму и по организации національного заповѣдніка.

Изложенное подписями с приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

Вр. исп. об. Начальника Управленія

подпись

Делопроизводитель

подпись

дание казенных лесов обоих склонов Крымской Яйлю еще в конце прошлого века. Царская охота в Крыму официально числилась «заказником» (впоследствии — абсолютно заповедным участком) с 1913 г. Именно при Временном правительстве 19.07.1917 г. в Крым был направлен зоолог Владимир Эммануилович Мартино *«в качестве комиссара-заведующего»* (Троицкий, 1927) *для преобразования бывшей царской охоты в «национальный заповедник»*. Его помощником стал Михаил Павлович Розанов, один из будущих активистов советского заповедного дела. До конца жизни он сохранял совсем стертое на сгибах уникальное удостоверение, которое мы здесь воспроизводим частично (передано нам Валентиной Михайловной Розановой).

О самом первом этапе деятельности Крымского заповедника очень живо рассказал Иван Иванович Пузанов в книге «По нехоженому Крыму». Мартино, приехавший со своей женой, выполнявшей функцию препаратора-чучельщика, и Михаил Розанов весьма активно взялись как за охрану территории, так и за сбор животных для научной коллекции. Рослый и сильный, «Миша-музей» (так называли Розанова) стал грозой крымских браконьеров, которыми славились ближние к заповеднику селения. Их подчас поддерживали некоторые работники бывшей царской охоты, тогда как другие стали охранниками и наблюдателями. *«Летом 1917 года стража заповедника отбирала до 50 ружей в некоторые дни. На охоту приезжали даже с вьючными лошадьми для погрузки добычи»* (Троицкий, 1927, с. 15). Осенью 1917 г. браконьеры убили в лесной сторожке на Чучеле егеря Краснова, вырезали всю его семью — жену и троих детей, сожгли избушку. Розанов сообщал, что за время организации заповедника погибло 9 человек из числа охраны или же их близких.

Природоохранительная Комиссия РГО продолжала действовать: довольно представительное ее совещание состоялось в Петрограде 17–20 октября 1917 г., когда были заслушаны доклады А. Семенова-Тян-Шанского, Кожевникова, Талиева. Представитель Главного земельного комитета В. Никитин сделал доклад «Об обеспечении земельным фондом заповедников и памятников природы в России в связи с предстоящей земельной реформой». Затем обсуждался проект еще одного закона, разработанного С.В. Завадским (Рахилин, 1993). Предполагалось тогда и *«создание правительственного центрального органа природоохранения с широкими правами по отчуждению необходимых земельных участков»* («Совещание...», 1917, с. 1162). В.П. Семенов-Тян-Шанский представил свой проект географической сети заповедников *«типа американских национальных парков»*. Совещание решило *«ходатайствовать перед правительством о назначении областных комиссаров из числа активных деятелей по охране природы»* (там же), но спустя всего лишь пять дней власть перешла совсем к другим «комиссарам». Были разгромлены многие усадьбы и заповедные участки («Современная разруха и охрана природы», 1917). Известна, в частности, горестная судьба зверски убитого князя Б. Вяземского, выделившего часть своего владения в Тамбовской губернии под степной заповедник (Лотаревская степь, о которой писал В.В. Алехин /1921/, где остатки целины были распаханы уже при колхозах), сгинули степные станции и заповедники-зоопарки... Начинался новый этап истории огромной страны, сменившей двуглавого орла на пятиконечную звезду, серп и молот. Дата образования Российской Советской Федеративной Социалистической Республики — 25 октября 1917 г.

3.1.4. Ленинский этап (1918–1925)

Старые ученые на службе новой власти. Охрана природы и заповедники в системе Наркомата по просвещению. Становление и первоначальное развитие сети советских заповедников. Большие надежды и суровая реальность. Ведомственные разногласия. Ленинские декреты и их неведомые авторы.

Мы убедились, что научные и организационные принципы заповедания сформировались в России усилиями научной общественности при широкой поддержке энтузиастов охраны природы. Большинство ученых придерживалось демократических убеждений и приветствовало падение самодержавия (Талиев, например, в своем «Бюллетене» откликнулся на это событие статьей «Да здравствует новая, свободная Россия!»). К большевикам, насколько можно судить по материалам новейшего времени (мемуарам, архивам и т. п.), отношение было иным, но для очень многих ученых главным в их жизни оставались возможности научной работы или же воплощения на практике своих предложений (в частности, в сфере охраны природы). Несмотря на все потрясения, научная и общественная деятельность продолжались в условиях новой постреволюционной эпохи.

Примером служения своему делу независимо от политической ситуации может служить профессор Московского университета Г.А. Кожевников, отстаивавший такую позицию еще в дни политического скандала в связи с известным постановлением министра Кассо, из-за которого многие профессора подали в отставку. Кожевников не присоединился к ним, считая, что политика несовместима с наукой и просвещением. Выступая в канун Октябрьского переворота на заседании Природоохранительной комиссии ИРГО с докладом «О современном положении и задачах охраны природы в России», Кожевников (вслед за Талиевым) уделил особое внимание необходимости создания «комиссариата по охране природы», что и было отражено в резолюции собрания. Этот же тезис прозвучал в докладной на имя наркома по просвещению А.В. Луначарского, составленной Кожевниковым летом 1918 г. в связи с национализацией Московского зоопарка.

Первые же декреты, «О земле» (26 октября 1917 г.) и более развернутый «О социализации земли» (27 января 1918 г.), при всей их декларативности (ибо землю крестьянам советская власть так и не отдала), по сути, обратили всю страну в огромный «национальный парк», где все принадлежит «всему народу», а точнее говоря — государству. Это сразу же сняло самый трудный вопрос, всегда стоявший на пути создания заповедников, — вопрос о праве собственности. *«Всякая собственность,* — гласила статья 1 декрета «О социализации земли», — *на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда»* («Об охране...», 1986, с. 18). Это положение служило главной правовой основой для организации будущей заповедной системы страны. Надо полагать, что в случае движения России после 1917 г. по демократическому пути, скорее всего, заповедное дело развивалось бы весьма успешно, однако наличие частной собственности само по себе постоянно осложняло бы создание заповедников, требуя больших организационных усилий (государственного выкупа земель, компенсаций за них и т. д.). Провозглашение принципов социализма, по существу, сняло эту проблему, хотя и породило более серьезные, которые привели спустя 70 лет к экономическому краху Советов.

Становление советской системы охраны природы и заповедного дела вполне справедливо связывают с бурной деятельностью Народного комиссариата по просвещению, возглавлявшегося Анатолием Васильевичем Луначарским. Однако уже существовавшие тогда охотничьи заповедники оказались в другом ведомстве — Наркомате земледелия. В сотнях книг описывается или упоминается историческая встреча Владимира Ильича Ленина с делегатом астраханского Губисполкома Николаем Николаевичем Подъяпольским, приехавшим в начале 1919 г. в Москву для решения ряда вопросов, среди которых был проект создания университета и заповедников при нем — дельтового и солонцово-степного.

Думается, что большинство наших авторов, воспевавших это событие, не вникали в суть статьи Подъяпольского «Владимир Ильич Ленин и охрана природы», свидетельствующей о том царстве случайностей и неразберихи, которым характеризовался ле-

нинский этап. В самом деле, встретив нечаянного посетителя из дальнего российского города, Владимир Ильич предложил ему «к завтрему» составить проект декрета об охране природы, документ по важнейшему делу, которому вождь *«придает срочное значение»* (Подъяпольский, 1929, с. 36), и это в Москве, где трудились многие специалисты в данной области.

Ю.Н. Куражсковский и Д. Вайнер подчеркивают подлинность интереса Ленина к охране природы (он был охотником, любителем пеших походов, когда-то хотел стать естественником). Тем более странным выглядит поручение вождя, которое Подъяпольский добросовестно выполнил. Проект декрета СНК «О государственном заповедании с научной целью участков суши, вод и недр земли» был экстренно составлен, в подготовке его участвовали *«профессор К.* (очевидно, Кулагин — *Ф. Ш.*) *из Петровской сельскохозяйственной академии и один профессор юрист»* (Там же). Хотя этот документ так и остался лишь проектом, его текст, опубликованный в статье Подъяпольского, представляет несомненный интерес. Во-первых, понятие заповедания в нем весьма четко определялось как ограждение *«от всякого вмешательства в жизнь природы со стороны человека»* (там же), во-вторых, предлагался поныне действующий порядок организации заповедников решением высшего государственного органа страны (в то время Совета народных комиссаров).

Наутро Подъяпольский отнес документ Ленину и в тот же день получил его обратно: *«бережно относясь к молодому аппарату Государственного Управления, он указал, что проект декрета должен быть внесен в Совет народных комиссаров Наркомпросом»* (Там же, с. 37). Далее рассказывается, как эту бумагу затеряли в научном отделе НКП, который был создан еще в начале 1918 г. Декретов «О государственном заповедании с научными целями» или о заповедниках Астраханского края так и не последовало, однако же доклад Подъяпольского в Наркомпросе состоялся, и там была создана комиссия в составе профессоров Кожевникова, Кулагина, Житкова, Бутурлина, Котса и сотрудников Наркомпроса Ваграна Тиграновича Тер-Оганесова (по основной профессии астронома) и Петра Петровича Смолина, которая рекомендовала «поставить вопрос о заповедниках в общегосударственном масштабе, для чего в дальнейшем создать особый орган, которому поручить разработку положения о заповедниках, а также организацию, регулирование, инструктирование и заведование всеми заповедниками в пределах Российской Республики» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 117. Л. 14–14 об., см. также: Хрусталев, 1979, 1980, 1982). Астраханский заповедник был организован губернскими властями в апреле 1919 г., а тогда же намеченного «Солонцово-степного» в районе озер Эльтон и Баскунчак нет и по сей день (он проектируется по другому варианту).

«Учреждением Астраханского заповедника было положено начало организации сети государственных заповедников в нашей стране», — пишет В.М. Хрусталев (1979, с. 52), и этот тезис очень распространен в нашей литературе, хотя он неточен. Астраханский был первым заповедником Наркомпроса, но не России и не СССР. С 1916 г. действовал Баргузинский заповедник, существовали Крымский, Китойский и некоторые другие. Тем же 1919 г. датировался Пензенский заповедник, созданный усилиями группы активистов местного общества любителей природы во главе с ботаником И.И. Спрыгиным, ставшим его директором (Спрыгина, 1982).

Важную организационную роль в охране природы играло тогда Главное музейное управление Наркомпроса, которым заведовала Н.И. Троцкая (Седова). Главмузеем был подготовлен декрет «Об охране научных ценностей», подписанный Лениным 05.12.1918 г., где наряду с музеями упоминались и питомники, и опытные станции, и заповедники, «и другие специально приспособленные для научных работ учреждения» (ГАРФ, Ф. 2307, Оп. 2, Д. 2, Л. 118). Это помогло и заповедному делу.

В Наркомпросе (как и по всей стране) происходили постоянные преобразования,

перетряски и перестройки. Вот как изменялся в 1918—1925 гг. центральный аппарат органов управления охраной природы и заповедным делом (по материалам В.М. Хрусталева):

а) исполнительный орган

1918–02.05.1921 — Научный отдел Наркомпроса

01.01.1921–05.05.1921 — Отдел охраны природы Главмузея НКП

01.01.1922–05.05.1923 —не имелось

01.07.1923–01.08.1923 — Подотдел охраны природы Музейного отдела Главнауки НКП

1.08.1924–10.06.1927 — Отдел охраны природы Главнауки НКП

б) совещательный орган

15.04.1919–03.06.1920 — Комиссия по заповедникам при Научном отделе НКП

04.06.1920–01.07.1920 — Комитет по охране памятников природы при Научной секции НКП

02.07.1920–02.05.1921 — Государственный Комитет по охране памятников природы при Научной секции и Академцентре НКП

03.05.1921–31.12.1921 — Ученый совет при отделе охраны природы Главмузея НКП

01.01.1922–01.07.1922 — Ученый совет при подотделе охраны природы Музейного отдела Главнауки НКП

10.05.1923–04.10.1925 — Всероссийский Комитет по охране памятников природы при Главнауке НКП

Отделом охраны природы Главмузея в 1921 г. первоначально заведовал Талиев; он пригласил помощником (заместителем) Кожевникова, который некоторое время исполнял обязанности заведующего. Однако отдел не просуществовал и года. Проект декрета о Государственном Комитете по охране памятников природы первоначально обсуждался еще в 1919 г., но был отложен и вновь рассматривался в 1920 г. Решением коллегии Научного сектора НКП в него первоначально были включены Н.М. Кулагин, В.И. Талиев, Н.Н. Смирнов, а председателем намечен геолог Дмитрий Николаевич Артемьев (позднее он был командирован за границу и не вернулся). От Наркомзема в Комитет вошли Д.Н. Россинский и В.С. Мальков, от Центрохоты — С.А. Бутурлин. 2 июля 1920 г. Комитет стал именоваться государственным, хотя существовал на общественных началах. На заседаниях Комитета рассматривалось довольно много вопросов об уже существовавших и намечавшихся заповедниках. Один из отчетов этого Комитета за 1921 г. опубликован (Хрусталев, 1981); много частных деталей о его деятельности содержится в работах Вайнера (1991) и Рахилина (1993).

Сумбурная система управления страной заставляла ее руководителей подчас решать самим даже мелкие частные вопросы, но большинство их выпадало все же на долю аппаратных работников, среди которых были разные люди — от революционных матросов до старой профессуры. Не может не удивлять, например, появление в научном отделе Наркомпроса, который был создан в начале 1918 г., уже упоминавшегося Ф.Ф. Шиллингера. Его сибирские экспедиции осуществлялись на средства австрийских музеев, поэтому незадолго до Октября Шиллингер был арестован, что не помешало ему в мае 1921 г. неожиданно оказаться в роли сперва заместителя, а затем и заведующего отделом охраны природы Главмузея Наркомпроса (Шиллингер писал, что «профессор Талиев отказался в мою пользу от этой должности» /АРАН. Ф. 445. Оп. 4. Д. 190. Л. 110/).

Шиллингер был неутомим в сочинении докладных записок и разного рода обращений в правительство. Незаурядный фантазер, он справедливо считал главным своим достижением декрет об учреждении Байкальских государственных заповедников, текст которого был сочинен им самолично и подписан Лениным 31.01.1921 г. Этот довольно сумбурный документ объявлял «подлежащими заповеданию» остров Ольхон с Малым

морем и береговой полосой до гребня Приморского хребта, полуостров Святой Нос с перешейком, Чивыркуйский залив и прибрежную полосу до Баргузинского хребта, а также местность Синты близ села Тунка. Позднее Шиллингер даже пытался выехать на Байкал для заведования «своим» заповедником, но осуществить эти планы не удалось, так же как и намеченную им экспедицию в Афганистан. Вопрос о Байкальских заповедниках был передан из Наркомпроса в Центрохоту, и Бутурлин командировал на Байкал молодого зоолога Сергея Сергеевича Турова для уточнения ситуации. Напомним, что на Святом Носу в тот период совсем не было соболей, и Доппельмаир, проектируя Баргузинский заповедник, отказался от этой территории.

Туров отправился на Байкал летом 1921 г., когда все Забайкалье относилось к Дальневосточной Республике (намечался специальный «международный» договор между РСФСР и ДВР о передаче Святого Носа и Чивыркуйского залива в аренду на 25 лет). Он подтвердил прежнее скептическое заключение Сватоша и Доппельмаира о нецелесообразности заповедания Святого Носа, а кроме того, побывал в Сосновке, констатировав крайне печальное состояние Баргузинского заповедника. Прежние стражники уволились из-за отсутствия средств, и уцелевшие там соболи подвергались почти беспрепятственному истреблению. *«В настоящее время внимание хищников сосредотачивается на р. р. Кудалды и Сосновке, т. е. в самом центре заповедника, причем добывание соболей идет открыто на глазах бессильной что-либо сделать администрации»* (Туров, 1923, с. 6). Еще раньше прекратили существование Саянский и Китойский заповедники, Байкальский же вообще не был организован (позднее под этим названием в 1969 г. был учрежден заповедник на хребтах Хамар-Дабана). Энергичного, но беспокойного Шиллингера при переменах структур Наркомпроса, ведавших охраной природы, сменил Владимир Петрович Зылев, о котором мы почти не имеем литературных или архивных сведений, а затем В.Т. Тер-Оганесов; при нем отдел был усилен по составу (туда пришли биолог С.А. Северцов, геолог Б.П. Дитмар и др.).

В. Хрусталевым тщательно прослежена документация, связанная с учреждением Ильменского заповедника, инициатива создания которого принадлежала известным минерологам, Николаю Михайловичу Федоровскому и Александру Евгеньевичу Ферсману, но официальная дата ленинского декрета (14.05. 1920 г.) и фактического создания заповедника существенно различны. Первоначальный заголовок декрета — «О предоставлении права Народному Комиссариату по просвещению по соглашению с Горным Советом объявлять отдельные участки Ильменских гор на Южном Урале у Миасса Государственным Минералогическим Заповедником» (ГАРФ. Ф. 358. Оп. 2. Д. 5. Л. 105). Уточнение границ и площади заповедника, первоначально чаще называвшегося Миасским, было проведено сначала Военно-топографическим управлением Всероссийского главного штаба, а в 1924 г. Уральским земельным управлением. Тогда же он был включен в сеть учреждений Главнауки НКП, находящихся на госбюджете, и начал функционировать (первый директор — Дмитрий Иванович Руденко, его зам. по науке — Николай Иванович Кураев).

На значимость декрета «Об охране памятников природы, садов и парков», подписанного Лениным 16.09.1921 г., указывали многие авторы. Текст готовила группа видных деятелей науки и культуры (И.Э. Грабарь, В.И. Талиев, Т.Г. Трапезников, Г.А. Кожевников и др.). Во второй части проекта декрета предлагалось создание общегосударственного органа по охране памятников природы, но это предложение было отклонено при обсуждении в Совнаркоме. На тексте декрета сказались прежние представления о заповедниках как особой разновидности памятников природы большого размера. Характерно также, что декрет предусматривал создание не только заповедников, но и национальных парков. Советские историки считали декрет 1921 г. важнейшей вехой в заповедном деле РСФСР. Между тем, в начале 30-х гг. он был отменен и почти забыт, к

нему активно обратились вновь уже во времена хрущевской «оттепели», наивно противопоставляя ленинский этап в развитии страны сталинскому.

В Петрограде в 1918 г. перестала действовать Природоохранительная Комиссия Географического общества, зато активно работали там охотоведы силантьевской школы. Так, Д.К. Соловьев издал не только отчет о Саянской экспедиции, но и весьма интересную брошюру «Типы организаций, способствующих охране природы» (1918); Г.Г. - Доппельмаир (1922) дополнил предложения В.П. Семенова-Тян-Шанского о географической сети заповедников страны с позиций охотоведа, намечая участки для сохранения особо ценных или редких зверей. В его планах легко разглядеть контуры ныне существующих заповедников — Лапландского, Воронежского, Кавказского, Алтайского, Кроноцкого и ряда других.

А.П. Семенов-Тян-Шанский, продолжая серию своих прежних ярких выступлений с призывами об охране природы, прочитал 18. 02. 1919 г. на конференции музейных работников доклад «Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения», где сформулировал «План общего государственного строительства в деле охраны природы». Первой и главной задачей он считал учреждение в разных частях страны обширных заповедников (национальных парков), «составляющих собственность государства». Одновременно он предусматривал и создание «небольших заповедников для сохранения всех основных физико-географических типов нашей природы». Автор подчеркивал морально-нравственный аспект охраны природы: *«...на нас лежит и большой нравственный долг,* — писал ученый, — *сыновний долг перед матерью»* (А. Семенов-Тян-Шанский, 1919), но вместе с тем приводил и научные трактовки, подхваченные и развитые в дальнейшем. Не ограничиваясь призывами, Андрей Петрович включился в кампанию за создание под Петроградом Лахтинского заповедника, который намечался (и даже недолгое время функционировал) при Центральном географическом музее (докладная записка А.П. в Наркомпрос о Лахтинском заповеднике приведена В.М. Хрусталевым /1983, с. 46–47/).

Наступившая полоса войн и разрухи почти полностью парализовала работу едва зародившегося Крымского заповедника. Один из лесничих агитировал охотников и даже своих егерей перебить завезенных в Крым беловежских зубров, из-за которых, дескать, и учредили охрану. Эти призывы не прошли бесследно, и все девять имевшихся зубров были убиты (последний, самый крупный, в 1919 г.), заодно погибло много оленей, косуль и завезенных с запада муфлонов. Браконьеры часто поджигали стога сена и охотничьи домики. Розанов уехал в Москву, Мартино в Севастополь, и заповедник в 1918–1920 гг. практически не функционировал. С 1922 г. директором стал вернувшийся в Крым М.П. Розанов, его заместителем тогда был Александр Павлович Гунали. В середине 1923 г. принимается решение Всероссийского Совнаркома о Крымском заповеднике, после чего были уточнены его границы (выделены участки абсолютной заповедности и «охранные районы»), но работа шла с большими трудностями. *«Потребовалось еще два года упорной борьбы, чтобы отстоять свое право на жизнь. Для разрешения на месте возникших разногласий в апреле 1925 г. в Крым приезжала Комиссия в составе члена Малого Совнаркома т. Платонова, зав. отд. охраны природы НКП Тер-Оганесова и представителя ВСНХ* (Высший Совет народного хозяйства — *Ф.Ш.) т. Котикова»* («Хроника», 1925). Разногласия вызывались прежде всего спорами из-за права рубок в охранной зоне заповедника (требовалась особая клепка для винных бочек).

В 1925 г. произошли существенные кадровые перемены: ушли Розанов и Гунали, директором стал лесовод Арнольд Робертович Штамм, научной работой занимались главным образом Поплавская-Сукачева под руководством своего мужа, а также лесовод Иваненко из Московского лесного института. Сукачев (1924) отмечал большую роль

недавно скончавшегося в Крыму Г.Ф. Морозова в деле охраны природы и предлагал присвоить заповеднику наименование «Государственный лесной заповедник имени Г.Ф. Морозова». Дочь Морозова, Лидия Георгиевна (в будущем зоолог, жена С.С. Турова), собрала первый гербарий заповедника. В конце 1925 г. там числилось 24 работника, в том числе 13 наблюдателей. Заведующим биостанцией значился В.Н. Сукачев. В отчете за 1925 г. указывалось, что для оленей и косуль установлены кормушки и численность животных возросла.

В Астраханском заповеднике формирование научного коллектива протекало довольно трудно из-за крайней ограниченности в денежных средствах: на первый год удалось получить только ссуду в университете (50 тыс. руб.). Для управления заповедником создали межведомственную комиссию во главе с Владимиром Алексеевичем Хлебниковым (натуралист-орнитолог, отец знаменитого поэта), с участием ботаника Н.Л. Чугуновой, ихтиолога А.Ф. Орлова и др. На должности наблюдателей были приняты К.К. Павлинов и И.С. Франгулов. На Павлинова были возложены и функции заведующего. В своем первом отчете, представленном в январе 1920 г., он писал, что местные власти и население идут навстречу заповеданию и сочувствуют охране. Но научные работы удавалось вести только краткосрочными наездами, оформление трех участков заповедника проводилось так же трудно и медленно. Даже в 1925 г., когда заповедники Главнауки НКП уже состояли на госбюджете, директор заповедника А.Г. Дюнин сообщал в отдел охраны природы, что научная работа практически не ведется, а ботаник Чугунова-Сахарова работает «на энтузиазме, фактически бесплатно». Тем не менее общий штат заповедника уже составлял более 20 человек, в том числе 12 объездчиков (по четыре на каждый участок, причем почти без оружия), три наблюдателя, сторож, делопроизводитель и заведующий (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 387).

Официальную дату создания заповедника принято определять правительственным постановлением о его организации, хотя она нередко расходится с фактической. Если Ильменский заповедник начал действовать спустя четыре года после ленинского декрета, то с Кавказским получилось наоборот. Постановление Совнаркома было принято в мае 1924 г., функционировать же он начал в 1920 г., причем получал даже некоторую поддержку от Наркомпроса еще до своего «законного» создания. Весьма сложная история начальной деятельности Кавказского заповедника детально описана в литературе (Шапошников, 1928; Акатов и др., 1990; Молчанов, 1985; и др.) и связана прежде всего с именем первого директора Христофора Георгиевича Шапошникова. При содействии директора Кубано-Черноморского НИИ, энтузиаста охраны природы Александра Петровича Протопопова и пользуясь поддержкой Реввоенсовета Кавказского фронта, он не только поставил перед Наркомпросом проблему срочного спасения последних зубров на Кавказе, но и получил мандат для организации заповедника. Первый декрет об этом был принят Кубано-Черноморским ревкомом в декабре 1920 г. после обращения Шапошникова, поддержанного ходатайствами ряда ученых (проф. Кулагин, Головнин, Филатов и др.). Комиссия при Музейном отделе народного образования Кубанского края ставила вопрос об организации Кавказского национального парка на очень большой территории (до 650 тыс. га), включая часть Абхазии, но это не осуществилось. Временное постановление Кубано-Черноморского облисполкома о границах заповедника 1923 г. касалось территории порядка 250 тыс. га, которая в дальнейшем неоднократно уточнялась и изменялась.

Сын Х.Г. Шапошникова, энтомолог Георгий Христофорович Шапошников вспоминает: *«В зиму с 1920 на 1921 г. на Кубани был голод... Денег заповедник не имел, не получал зарплаты и директор, к тому же в хлопотах о заповеднике, он, будучи в Краснодаре, свалился в сыпняке. И несмотря на все это, отец подбирал людей на еще не существующие штатные должности, и в первую очередь егерей. Помогало ему хоро-*

шее знание людей в горных станицах и аулах, его авторитет среди жителей... Управление заповедником в первые годы размещалось в доме Х.Г. во второй по величине комнате. В двух поменьше жила семья, а в самой большой находились коллекции и научная библиотека» (Шапошников, 1995, цит. по рукописи).

Первые средства на содержание заповедника были выделены по линии Наркомпроса в начале 1922 г., но они позволяли держать не более 2–3-х работников, а в горах не только велась охота и рубка леса, но и постоянно пребывали вооруженные отряды, наводившие страх на местных жителей и лесников. В 1925 г. инструктор Кавказского зубрового заповедника И. Макоровский докладывал директору о слабости вооружения охраны: «*...тогда как бандиты вооружены превосходно, и результат столкновения не может быть для нас благоприятен. Таким образом, каждая наша поездка сопряжена с огромным риском быть убитым, а в случае захвата бандитами живыми, быть подвергнутыми истязаниям и казни*» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 374. Л. 153). От рук «бело-зеленых» бандитов тогда погибли проф. В.М. Исаев, лесничий Постников, лесники Лимарев и Двурядко.

В отчете о деятельности «по Кавказскому заповеднику за 1923/24 г.», направленному в Главнауку (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 369. Л. 44–48об), сообщается, что испрашивалось 15,4 тыс. руб. на содержание 32 постоянных единиц и 12 временных, получено же от НКП 1,8 тыс. руб. и от Центрохоты 200 руб.; содержались фактически — заведующий, его помощник (с осени), нач. охраны, 4 объездчика, 9 лесников (до июня — 3), 2 служителя при управлении. Научные обследования проводили геолог Робинсон по командировке Геологического управления и профессор-энтомолог от Коммунистического университета им. Зиновьева. В отчете описываются тяготы жизни и массовые нарушения режима заповедности, подчеркивается, что представители местных учреждений «больше отстаивали так называемую заинтересованность жителей в том или ином вопросе, чем сами представители населения» (Там же. Л. 47).

12 мая 1924 г. было принято постановление СНК РСФСР о Кавказском зубровом заповеднике. Шапошников был против такого наименования, ибо оно как бы настраивало станичников на уничтожение зубров (чтобы некого было здесь охранять), но с его мнением в Москве не посчитались. Штаты несколько увеличились, были получены некоторые денежные средства. Переехавшему из Крыма Гунали было поручено выяснить ситуацию с зубрами. Зимой 1924/25 г. отдельные небольшие группы этих зверей еще встречались в глухих участках по верховьям рек, но отсутствие средств не позволяло даже нанять лошадей, не было и вооружения. «Тем не менее Гунали удалось пешком обойти довольно большие площади и выяснить места пребывания зубров (два стада по 6–8 голов и два отдельных одинца-зубра)» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 368. Л. 186). Присутствие бандитов на Лабе, докладывал Шапошников, заставило Гунали прервать маршруты. Зима была очень суровой, что также сказалось на сокращении поголовья зубров. В 1927 г. в районе горы Алоус были убиты последние звери; кавказский зубр как подвид *Bison bonasus* с тех пор считается «вымершим» (Башкиров, 1940; «Каталог...», 1981).

Сразу же после создания заповедника посыпались запросы в правительство от имени местного населения Адыгеи и Сочинского района с претензиями на пастбища. В ответ на обращение председателя Сочинского райисполкома Григорьева предсовнаркома Рыков отправил в Майкоп телеграмму с разрешением выпаса скота до уточнения границ «под вашу личную ответственность соблюдение охраны заповедника» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 374. Л. 23 об). Затем последовали протесты ученых (проф. Головнина, обратившегося за поддержкой к академику А.Н. Северцову), и была назначена Комиссия во главе с зам. предс. ВЦИК Я.В. Полуяном (позднее его заменил Я.Н. Дробнис), которая согласилась с претензиями на некоторые пастбища, но предложила создать новую, более основательную комиссию.

В литературе (Вайнер, 1991 и др.) освещена своеобразная «тяжба» между Наркомпросом и Наркомземом о заповедниках и принципах их деятельности. Владелец охотничьих заповедников Наркомзем видел в них прежде всего охотхозяйственные резерваты, служащие целям увеличения поголовья пушных зверей, и мало интересовался научной работой. В то же время это ведомство было не прочь увеличить число своих заповедников за счет таких заманчивых регионов, как Кавказ или Крым. С другой стороны, и в самом Наркомпросе были влиятельные люди, не особенно склонные к делу охраны природы и заповедников, которое казалось им не соответствующим профилю Наркомата. По воспоминаниям Шиллингера, к таковым относились искусствовед И.И. Гливенко, возглавлявший одно время научный отдел, а также и Н.И. Троцкая (зав. музейным отделом). В недавно опубликованном нами письме Шиллингера Кулагину (Данилов, Штильмарк, 1994)[4] сообщается, что в мае 1923 г. Коллегия Наркомпроса по инициативе проф. Гливенко вынесла постановление о том, чтобы охрану природы и заповедники упразднить, но комиссия во главе с Н.М. Федоровским опротестовала эти решения, в результате чего был создан отдел охраны природы при Главнауке (Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями). Новый начальник Главнауки НКП, Федор Николаевич Петров относился к заповедным делам благожелательнее, чем Гливенко и Троцкая.

Осенью 1924 г. Наркомзем обратился к правительству с предложением передать ему все заповедники. В газетах было опубликовано следующее сообщение: «ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЗА НАРКОМЗЕМОМ ЗАПОВЕДНИКОВ. 1-го августа под председательством А.И. Рыкова состоялось очередное заседание СНК РСФСР. Совнарком СССР одобрил решение Малого СНК (Малый Совнарком готовил предстоящие решения правительства — *Ф.Ш.*) об оставлении на госбюджете имеющих научное значение заповедников: Астраханского, Ильменского, Кавказского, Крымского, Косинского, Пензенского, Баргузинского. Учитывая тесную связь заповедников с общим лесным хозяйством Наркомзема, Совнарком постановил передать ведение заповедниками из Наркомпроса в Наркомзем» (ГАРФ. Ф. 358. Оп. 2. Д. 5. Л. 91). Казалось бы, вопрос был предрешен, заповедниками должны были заняться лесники и охотники. Но ученые и активисты охраны природы проявили большое упорство. Вновь была создана комиссия, на этот раз под руководством проф. И. Смольянинова (члены — Кулагин, Тер-Оганесов, Бутурлин и др.), которая опять решила дело в пользу Наркомпроса, учитывая «исключительное» значение заповедников для науки; в Наркомземе был оставлен только Баргузинский с выделением ему кредита на содержание. Одновременно было предложено «реорганизовать существующий в Наркомпросе Ученый Комитет по охране природы путем привлечения в его состав представителей заинтересованных Наркоматов и представить проекты новых декретов по охране природы и административной охране заповедников» (ГАРФ. Ф. 358. Оп. 2. Д. 2. Л. 25).

Конференция по изучению естественных производительных сил страны в марте 1923 г. решительно высказалась за необходимость срочного создания Комитета по охране природы *«при высшем государственном федеральном органе»*, которому было бы поручено все дело охраны природы в республике (см. «Бюлл. Всероссийской конференции по изучению естественных производительных сил» 20–26 марта 1923 г. М., № 6, с. 20). По мнению В.Г. Лариной (1983), это весьма прогрессивное предложение о реальном государственном органе по охране природы могло бы воплотиться тогда в жизнь, если бы не убежденность Луначарского в том, что это дело именно Наркомпроса, где лишь номинально существовал «рекомендательно-совещательный» Госкомитет под председательством Кулагина (секретарем его был Подъяпольский). В октябре 1925 г.

[4] Письмо публикуется в настоящем сборнике.

он был преобразован в государственный междуведомственный Комитет по охране природы при Наркомпросе РСФСР с организацией системы междуведомственных комиссий по всей республике. Это повысило его авторитет, но не могло изменить ситуацию — Комитет оставался «рекомендательным» и «общественным», а не государственным органом, наделенным реальными функциями управления.

Одновременно был принят пакет новых природоохранных декретов (по сути — все же это, скорее, были ведомственные документы Наркомпроса, хотя и за подписями председателя ВЦИК М. Калинина и зам. председателя СНК А. Лежавы). Постановление ВЦИК и СНК от 5.10.1925 г. носило длинное название: «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение». Заповедники подразделялись на «полные» и «частичные», устанавливался порядок объявления заповедности, правила пользования в охранных районах и т. д. *«Руководство делом охраны произведений природы... возлагается на Народный Комиссариат по просвещению в лице Главного управления научными, художественными и музейными учреждениями по Отделу охраны природы; финансирование дела охраны природы проходит по смете Народного Комиссариата по просвещению РСФСР»* («Декреты», 1929, с. 15). Далее следовало детальное описание «Госкомитета по охране природы» при Главнауке НКП, хотя всем была ясна ограниченность его возможностей. Правда, ведомственная «Инструкция по применению Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 5.10.1925 г.» расписывала и цели, и «предметы ведения» Госкомитета, и порядок создания местных «межведомственных комиссий по охране природы», но все равно наружу выпирал сугубый формализм и явственная беспомощность нового органа «по регулированию согласованием» и «управлением восхода и захода солнца», как невесело шутили тогда коллеги Тер-Оганесова, намекая на его прежнюю профессию астронома. И все-таки к 1925 г. положение Отдела охраны природы Главнауки НКП и сети заповедников при нем несколько стабилизировалось. Были приняты на госбюджет НКП заповедники: Крымский, Пензенский, Ильменский, Астраханский, Косинский и недавно созданный Кавказский. Подмосковный Косинский заповедник, основанный в 1921 г. и включающий озера Белое, Черное и Святое, возник усилиями проф. Кожевникова на базе ранее организованной здесь гидробиологической станции Московского университета (известно, что Кожевников иногда содержал эту станцию фактически на свои личные средства). Именно на примере Косинского заповедника ученый стремился обосновать главные принципы заповедного дела.

«Основной задачей охраны природы, — писал он в статье «Значение Косинского заповедника» в 1925 г., — *является сохранение отдельных участков ее в неприкосновенности в целях научного изучения. Познание природы путем научного ее изучения является одной из важнейших задач культурного человечества. Более того, если мы взглянем глубже, то увидим, что познание природы есть основа как правильного миропонимания, так и материального благополучия отдельных людей и целых народов»* (Кожевников, 1925, с. 1). Но добиться реальной «неприкосновенности» небольших озер, расположенных близ столицы, было не менее сложно, чем сохранить кавказского зубра. Разработанное в 1925 г. «Положение о государственном Косинском заповеднике» гласило, что заповедник имеет целью сохранить в неприкосновенном состоянии для целей научного исследования находящиеся при селе Косино Ухтомской волости Московского уезда Московской губернии три озера: Белое, Черное и Святое с прилегающими к ним болотами и лесом. Полностью заповедными объявлялись сами эти озера, торфяные болота вокруг Святого и Черного озер и трехсаженная полоса твердого берега вокруг озера Святого. Частично заповедными были болото между Белым и Черным озерами, хвойный лес вокруг оз. Святого и некоторые другие участки. Запрещались рыбная ловля и лодочная езда на озерах, купание и отдых. Ясно, что соблюдать такие

условия при высокой населенности данной местности было крайне трудно. Научный сотрудник биостанции, гидробиолог Леонид Леонидович Россолимо, назначенный заведующим Косинского заповедника, потратил немало времени на судебные тяжбы, а два наблюдателя не могли управиться с частыми нарушениями установленных правил. Правда, удалось приостановить рубки леса вокруг озер и расторгнуть договор на их аренду для лодочных прогулок, для чего потребовалось обращение в прокуратуру.

Кроме этих «своих» заповедников, Отдел охраны природы помогал вновь создаваемым резерватам, финансировавшимся из местного бюджета. Таковы были «Столбы» под Красноярском, забытый ныне подмосковный заповедник «Живая Книга» в пойме Клязьмы под Богородском (Ногинск), «Лес на Ворскле», «Галичья гора», местные «заповедники», точнее заказники, Дагестана (Самурский, Парабочевский, Гунибский и Уч-Коса) и некоторые другие. История многих из них весьма сложна и достойна более внимательного рассмотрения (материалы для этого имеются).

Намечалось и отчасти велось Главнаукой НКП проектирование ряда будущих заповедников и заказников, в частности, для охраны бобров (Станчинский, Граве), выхухоли (Парамонов), лосей (Шиллингер) и др.

В отчете Главнауки за 1923/24 гг. сообщалось, что «отсутствие достаточных денежных средств лишает возможности Главнауку организовать правильную охрану заповедников от разного рода хищников и поставить на должную высоту научную работу в них, однако, ввиду огромного значения, которое имеют заповедники для хозяйственной и научной жизни страны, Главнаука в новом операционном году выдвигает работу по заповедникам на первый план и будет стремиться подвести под их деятельность прочную экономическую базу» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 368. Л. 51).

Обобщая итоги развития заповедного дела РСФСР в 1917–1925 гг., следует учитывать объективные трудности этого периода, с чем связаны и почти символическое финансирование создаваемых резерватов, и разнобой в документации, и частые ведомственные преобразования. На всех действиях властных структур (как высших, так и местных) лежит печать торопливости, суеты, плохой проработки, но вместе с тем, происходившая в стране яростная борьба за власть маскировалась стремлением к осуществлению высоких целей и принципов «на благо трудового народа», «во имя лучшего будущего» и т. д. Вольно или невольно подстраиваясь под эти лозунги, энтузиастам охраны природы удалось осуществить ряд конкретных действий, причем наиболее реальной и высокой формой спасения природных объектов оказались именно государственные заповедники. Первоначально они делились как бы по назначению («минералогический», «зубровый»), но в большинстве сгруппировались в Наркомпросе — ведомстве, не связанном с хозяйственным использованием ресурсов, как научные заповедники, противопоставляемые прагматическим охотничьим заповедникам Наркомзема (Баргузинский, намечавшиеся Воронежский, Кроноцкий и др.).

Таким образом, в определенной степени реализовать ранее возникшие планы создания научных заповедников удалось лишь после установления советской власти, чему несомненно способствовали отмена частной собственности на все природные ресурсы и социализация земли. Однако же эти успехи надо связывать прежде всего с необычайной и самоотверженной энергией энтузиастов охраны природы (в первую очередь — ученых), бурной деятельностью общественных и научных организаций, стремившихся воплотить в жизнь свои предложения на переломе исторического развития страны. Многие ученые в тот период еще сохраняли надежды на подлинность провозглашенных большевиками лозунгов, верили в их научно-материалистические принципы. Новое государство (в лице Наркомата по просвещению) оказало определенное содействие движению по охране природы и заповедному делу, хотя выделявшиеся на это средства были более чем скудны.

Нельзя отрицать тот факт, что система научных советских заповедников зародилась в тот период, когда во главе партии и государства находился В.И. Ульянов-Ленин. Вместе с тем, оглядываясь на большой пласт советской литературы об исключительной роли Ленина в деле охраны природы, следует относиться скептически к этой апологетике. Известно, что инициаторами многих из ленинских природоохранных декретов (а их при жизни Ильича было принято около 300) были не только Ф. Петров, Н. Федоровский или Ф. Шиллингер, но и управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич, секретарь первого советского правительства Н.П. Горбунов и другие «приближенные лица». Можно вспомнить, что многие из первых советских вождей, в частности Троцкий, Бухарин, Крыленко, Ворошилов, были любителями природы (охотниками, путешественниками, альпинистами). Более обстоятельные архивные изыскания позволят будущим исследователям, не отягощенным стереотипами недавнего прошлого, объективнее отразить ситуации этого сложнейшего исторического периода.

3.1.5. Компромисс или капитуляция? (1926–1933)

Заповедники как научно-исследовательские учреждения нового типа. Расширение заповедной сети. Кризис природоохранного дела в Наркомпросе. Василий Никитич Макаров и Петр Гермогенович Смидович. Комитет умер, да здравствует Комитет! Соглашательство — путь к будущей катастрофе.

Читая книгу Д. Вайнера (1991) и работы многих советских авторов, можно представить себе, что в начале и в середине 20-х гг. заповедное дело в РСФСР развивалось успешно и весьма бурно. Действительно, и в Госкомитете, и в отделе охраны природы Наркомпроса, а также в Наркомземе и других ведомствах шла энергичная работа, проводились многочисленные заседания и совещания, выносились решения и резолюции, отправлялись циркуляры и предписания. Однако же всем этим не следует обольщаться. «*Жизнь у нас как будто деловая*, — писал Г.А. Кожевников А.П. Семенову-Тян-Шанскому в 1920 г., — *но это похоже на работу мельницы, в которой нет зерна. Все стучит, гремит, вертится, жернова стираются друг о друга, а муки не получается... Есть машины, в которых очень много трения и очень мало полезного действия. Разные современные комиссии и учреждения напоминают такие машины... Только заседают и разрабатывают несбыточные проекты*» (СПБ-АРАН. Ф. 722. Оп. 3. Д. 37. Л. 221). В недрах Наркомпроса одно время значилась «Музей-лаборатория по охране природы», но единственная штатная единица, предназначенная Талиеву, была вскоре сокращена, и сей предок Института охраны природы канул в небытие. Постоянные структурные перемены были характерны для этого ведомства, как и для всей советской системы в целом. Такие принципиальные ученые, как Кожевников или Россинский, даже в официальных бумагах оценивали положение вновь созданных заповедников как «совершенно катастрофическое» из-за крайнего недостатка средств. Что-то делалось «на энтузиазме» или при помощи местных инстанций, но в целом заповедники не могли выполнить в тот период свое научное и природоохранное назначение. Это подтверждается фактами истребления кавказских зубров и резким сокращением численности других животных.

Сейчас нам представляется некоторой натяжкой прежнее суждение о наших заповедниках того времени как первых научно-исследовательских учреждениях молодой республики (Штильмарк, 1974, 1984). Хотя к 1925 г. и в Крымском, и в Пензенском, и в Астраханском заповедниках были осуществлены определенные научные исследования, они чаще всего носили периодический, экспедиционный характер и выполнялись в первую очередь усилиями таких выдающихся ботаников, как Сукачев (в Крыму) и Спры-

гин (на пензенских участках). В 1925 г. Главнаука начала публикацию серии «Труды по изучению заповедников», положив тем самым начало издательскому делу в заповедной сфере. Первые выпуски посвящены были лесам Крыма (Г.И. Поплавская, Б.И. Иваненко) и природе Пензенской степи (И.И. Спрыгин и др.). Уже само по себе выделение природных участков для постоянных научных исследований давало надежды на их развитие в будущем. Во всяком случае, заповедники как стационары с первого же момента своего появления стали привлекать внимание биологов.

Новая экономическая политика, провозглашенная Лениным и очень недолго развиваемая после его кончины правительством, возглавлявшимся Рыковым, положительно сказалась и на сфере охраны природы, во всяком случае, расходы на содержание заповедников и проведение в них научных исследований стали увеличиваться. Сравнения здесь трудны из-за различий курса рубля. Шиллингер в отчете за 1923 г. сообщал, что только за четыре летних месяца Крымскому заповеднику было отпущено 117 миллиардов 131 миллион рублей, а всего за такой же срок «на дело охраны природы, садов и парков, кроме содержания личного состава, 240 миллиардов 606 миллионов рублей (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 4), однако эти цифры отнюдь не означают денежного изобилия, напротив, подтверждают убогость финансирования (табл. 1).

В тексте документа общая сумма выделенных заповедникам средств выражена цифрой 99 800 руб. (со строительством и экспедициями). Отделу охраны природы в 1926 г. дали 45 597 руб. против 14 698 руб. в предыдущем сезоне (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 369. Лл. 154–157).

В 1928/29 гг. Наркомпрос выделил по госбюджету на заповедники 198,8 тыс. руб. и около 3 тыс. руб. госсубсидий для местных заповедников (Красноярский, «Живая книга», «Лес на Ворскле», Гунибский, Железнинский, «Галичья гора», Кунгурская пещера и парк «Ботик» у Переславля), а также 3,1 тыс. руб. для Всероссийского Общества охраны природы и издания одноименного журнала (АРАН. Ф. 445. Оп. 4. Д. 194). Примерно 15–20% выделяемых средств тратилось на науку, остальное — на хозяйственные и охранные нужды.

И.И. Пузанов выделяет 1925–1928 гг., когда он руководил научной работой **Крымского** заповедника, как время первоначального расцвета этого учреждения. Там трудилось много молодых специалистов: зоолог С.К. Даль, энтомолог и эколог В.Н. Буковский, охотоведы Шерешевский и Симонов. Регулярно приезжали ученые и студенты из разных вузов. Профессор С.В. Токмачев организовал сеть метеорологических и гидрологических пунктов; почвы изучались будущими академиками Л.И. Прасоловым и И.Н. Антиповым-Каратаевым; из Ленинграда наведывалась Г.И. Поплавская-Сукачева.

Определенное оживление предпринимательской деятельности, вызванное НЭПом, сказалось и на заповеднике, где активно работала экскурсионная база, расположившаяся в зданиях бывшего женского монастыря. В архивах отыскалось объявление об открытии Отделом охраны природы НКП в Крымском госзаповеднике Дома отдыха (в б.

Таблица 1. Штаты и средства госзаповедников НКП РСФСР

Название заповедника	1924/25		1925/26 (план)	
	Штаты	Кредиты	Штаты	Кредиты
Астраханский	9	1 204	24	3 298
Ильменский	4	3 409	15	5 150
Кавказский	17	4 429	80	10 380
Крымский	24	19 163	36	7 944
Косинский	3	365	3	688
Пензенский	6	1 127	12	1 000
ВСЕГО	63	29 597	170	28 470

Космо-Дамиановском монастыре). «*Сухие, светлые помещения расположены среди вековых девственных лесов в живописнейшей горной долине у подножия Чатыр-Дага в 12 верстах от Алушты. Прекрасные виды... Рядом сады и виноградники... купание в источнике «Святая вода» ... экскурсии по заповеднику и охранному району... демонстрация животных в естественной обстановке... все это за умеренную плату*» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 377. Л. 143). Заметим, что такой борец за охрану природы, как Пузанов, не видел в том непримиримых расхождений с интересами научных исследований и даже издал в 1928 г. путеводитель по Крымскому заповеднику. Правда, он подчеркивал, что территория «абсолютного заповедника» для экскурсий закрыта, а для охранного района разработаны особые правила посещения.

Но период «первоначального расцвета» длился недолго, он сменился этапом резких конфликтов и трудностей. Штамм оставил должность директора, а исполняющий его обязанности Троицкий всерьез поссорился с Пузановым и поддерживающими его молодыми сотрудниками. «*Зав. научной станцией проф. Пузанов и метеоролог А. Лапшин были отстранены распоряжением врио директора Н.Д. Троицкого. Зам. заведующего охотовед Н.И. Благовещенский, охотоведы Симонов, Кадышевский, Шерешевский, ассистент-зоолог С.К. Даль и метеоролог Гоерц уволились по прошению. В октябре 1928 года заповедник подвергся ревизии Главнауки с участием тт. Потемкина и Станчинского. С 1.02.1928 г. должность директора замещена Б.К. Фортунатовым*» («Хроника», 1928, текст Пузанова). Один из московских ученых, посетивший заповедник по заданию Главнауки, сообщал, что дирекцией «*подбирается персонал, непривычный к лесу, неспособный выполнять обязанности наблюдателей. Настроение персонала неважное, он недоволен развалом дела, а также разрешением рубок леса в охранной зоне*» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 373. Л. 75).

В начале 1930 г. Крымский заповедник постигло несчастье — при стычке в лесу с браконьерами был убит выстрелом в упор Даниил Фомич Седун, мужественный и честный человек, натуралист-самоучка, возглавлявший всю службу охраны. Тяжело переживший эту весть Пузанов написал о погибшем проникновенную статью-некролог (Пузанов, 1930). В том же 1930 г. должности заместителя директора и начальника охраны были упразднены. Фортунатов уехал в Москву, где работал при зоопарке и Обществе охраны природы, пока не был осужден и сослан в Северный Казахстан (Борейко, 1994). Пострадали строения заповедника и от Ялтинского землетрясения 1928 г. Вскоре он был переведен на госбюджет Крымской АССР, что еще более осложнило ситуацию. В резолюции по докладу директора Крымского заповедника Шафрановича на пленуме Госкомитета Наркомпроса в конце 1930 г. отмечается невнимание Крымнаркомпроса к охране природы и указывается на частую смену директоров. Коллективу предлагается усилить политико-просветительную работу («*участие в проведении всеобуча, в посевной кампании, хлебо- и мясозаготовках, ликбезе, обороне страны и т. д.*» /ж. «Природа и соц. х-во», 1931, с. 1–3). Пузанов (1960) пишет, что до 1934 г. заповедник влачил жалкое существование.

Границы **Кавказского** заповедника в 1925 г. не были установлены окончательно. Комиссия ВЦИК («Полуяна-Дробниса»), в которую входил проф. М.В. Крылов, признала необходимым согласиться с претензиями Адыгеи и Сочи на ближние к ним пастбища (Лагонаки и др.), но для уточнения границ рекомендовала создать новую комиссию. В отчете Крылова во ВЦИК и Главнауку (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 373. Л. 26–40) приведены страшные факты об истреблении зубров на Кавказе. «*Варварству и хищничеству человека не было предела. Не так давно только один человек (некто Совелко из Даховской станицы) совершенно бесцельно убил 18 шт. зубров, а другой охотник из Псебайской станицы в конце мая 1920 года убил 7 зубров-самок, оказавшихся в последней стадии беременности... вместо стад в 200–300 голов, какие мож-*

но было наблюдать 3–4 года назад, стали попадаться только группы в 5–10 голов ценных животных» (Там же. Л. 26). Х.Г. Шапошников еще в 1922–1923 гг. неоднократно предупреждал о грозящем истреблении зубров, но ни Наркомпрос, ни правительство РСФСР не откликнулись на эти обращения и не приняли достаточно действенных и реальных мер.

В 1926–1927 гг. велись обследования заповедника новой Комиссией уже во главе с членом Центральной контрольной комиссии Н.И. Подвойским. Зоологическая экспедиция Главнауки НКП с участием Д.П. Филатова и М.П. Розанова констатировала отсутствие зубров; какие-то слабые надежды тогда еще оставались, но вскоре и они рассеялись (Розанов, 1928; Насимович, 1934). В 1927 г. ВЦИК вынес решение о границах, но это не устранило проблем заповедника, который даже и в 1928 г. *«как вполне организованное учреждение не существовал»* (Краснобрыжев, 1930, с. 169).

В Комиссию Подвойского был включен ряд ученых, которые проводили специальные обследования территории. Зоологические исследования в заповеднике выполнялись под руководством Турова (в 1930 г. в них участвовал и один из будущих ведущих специалистов по заповедному делу А.А. Насимович, в ту пору еще студент МГУ, позднее ставший научным сотрудником заповедника). Первыми же были энтомолог П.И. Слащевский, зоологи Розанов и О. Пассон. В 30-х гг. штат сотрудников стал расширяться. Были учреждены так называемые «научные станции» — сначала энтомологическая в Гузерипле, затем охотоведческая и лесоводственная (или лесная опытная) в Красной Поляне. Особое место должна была занять «педагогическая биостанция» (Молодчикова, 1931) в связи с взятым заповедником курсом на массовый туризм по главному маршруту заповедника Майкоп — Гузерипль — Красная Поляна. *«Весь маршрут оборудован домиками-лагерями, вьючная тропа приведена в порядок, устраиваются перевальный пункт и базы для отдыха»*, — писал А.И. Молодчиков (1931) в статье с показательным заголовком «На пути к советскому Йеллоустону».

Летом 1930 г. Х.Г. Шапошников участвовал в киносъемках заповедника в качестве консультанта. Вот что он писал о своих впечатлениях Кожевникову: «*Картина печальная! Дрязги, всюду склоки, мелкое жульничанье, формальное отношение к делу; отсутствие действительного желания охранять границы заповедника от «законных» и незаконных грабителей. Лесные разработки находятся внутри заповедника; охотятся на дичь «по разрешению» (например, Туров с компанией) и еще больше браконьеры; на бумаге охранная зона переходит в абсолютный заповедник, фактически же весь заповедник делается «охранной зоной»... Подъезжая к границам заповедника от Хамышков, я слышал канонаду; казалось, морские орудия бомбардируют крепость. Это всюду рвутся пороги, чтобы дать возможность сплава леса. Здесь все время играют фразой «природа не храм, а мастерская», понимая это не философски, не как естественники, а как понимали бы коммерсанты старого режима. Будет ли польза от этих разработок — вопрос?! Да уже, кажется, ГПУ было вынуждено вмешаться прошлым летом... Да! Обидно вложить столько сил и средств, личных и государственных, чтобы сделать «базу» для наживы и карьеры чуждых и науке, и природе, и Советскому строю людей*» (письмо от 18.02.1932 г. АМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 614).

Более спокойная обстановка была в **Астраханском** заповеднике, хотя финансировался он в 20-х гг. из местного бюджета и был очень ограничен в средствах. Но его первые администраторы (Хлебников, Дюнин, Ермолаев) сами были опытными натуралистами и совмещали организаторскую работу с научной. Приступил к работе орнитолог К.А. Воробьев, сразу столкнувшийся с одной из характерных для наших заповедников проблем регулирования численности животных. В 70-х гг. К.А. рассказывал автору этой книги: «Кожевников в университете учил нас, что в заповедниках не должно быть никакого вмешательства в природные процессы. Вот я его спрашиваю: а ворон уничто-

жать нужно, если они вредят редким птицам? Кожевников отвечает: «Ни в коем случае, пусть все идет своим чередом. Я его, однако же, не послушался и стал стрелять ворон при первой возможности».

Позже уничтожение бакланов как вредителей рыбного хозяйства приняло в заповеднике промышленные масштабы (см. ниже).

Первыми научными сотрудниками **Ильменского** заповедника были зоолог Сергей Иванович Снегиревский и геоботаник, будущий доктор наук, известный исследователь и путешественница Людмила Николаевна Тюлина. Аспирантка МГУ Н.М. Дукельская изучала там мелких млекопитающих, материалы ее вскоре были опубликованы. Заповедник долго оставался «минералогическим», то есть «частичным», в нем уделялось много внимания экскурсионной деятельности. *«По желанию экскурсантов посещаются наиболее живописные места заповедника»,* — писал его первый директор (Руденко, 1928, с. 27). Конечно же, территорию посещали не только туристы и любители самоцветов, но и специалисты различных профилей.

Подмосковный **Косинский** заповедник, как и следовало ожидать, не смог долго сопротивляться «антизаповедному» окружению и в конце 20-х гг. тихо сошел со сцены, хотя гидробиологическая станция на озерах сохранялась (в системе гидрометеослужбы) до начала войны. Не помогли и компромиссы, на которые согласились пойти ученые, допуская серьезные «изъятия из правил охраны» по требованиям местных органов власти для граждан села Косино:

а) Гражданам села Косино разрешается иметь лодки на Белом и Святом озерах в количестве, установленном по соглашению между администрацией заповедника и сельсоветом, для каждого озера особо.

б) Гражданам села Косино разрешается ловить в озерах рыбу и раков. Орудиями лова могут быть только удочки и рачницы. Пользование другими орудиями лова не допускается.

в) Гражданам села Косино разрешается поить скот в Белом озере» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 385. Л. 8).

Ученые склонны предаваться иллюзиям. Надо полагать, что граждане села Косино недолго пользовались своими привилегиями насчет рыбы и раков, да и дни Косинского «заповедника» были уже сочтены.

Период 1926–1927 гг. можно считать высшей точкой деятельности отдела охраны природы Главнауки Наркомпроса РСФСР (заведующий — В.Т. Тер-Оганесов, его заместитель С.А. Северцов). Отдел довольно активно занимался организацией новых заповедников и различными изысканиями. Надо сказать, что еще в 1923 г. Кожевников составил объяснительную записку для Госплана, где наметил перспективную сеть заповедников РСФСР в соответствии с прежними разработками В. Семенова-Тян-Шанского (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 281. Л. 143–144). В отчетном докладе для коллегии Наркомпроса в 1926 г. Тер-Оганесов указывал, что сеть заповедников «принята Госпланом... и легла уже в основу не только работы НКП, но и других ведомств» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 11. Д. 31. Л. 29). Подразумевался, надо полагать, Наркомзем, принявший в середине 20-х гг. постановления о новых охотничьих заповедниках (Воронежском бобровом, «Кедровая падь», Лопаткинском на Камчатке и др.).

Планами 1926–1927 гг. намечались обследования мест обитания речных бобров в европейской части РСФСР и в Сибири, на реке Конде (они были выполнены в 1928 г. тобольским охотоведом В. В. Васильевым), Уссурийского края, залива Кзыл-Агач в Азербайджане, заповедников и памятников природы Дагестана, озера Неро под Ростовом Великим, реликтовой флоры Курской области, района рек Суры и Медведицы в среднем Поволжье и др. Далеко не все планы сбывались, но все-таки Шиллингеру удалось немало поездить: он посетил Туруханский район, Красноярские «Столбы», «Лес на Ворскле», успешно проектировал Печоро-Илычский заповедник, учрежденный в 1930 г., а

также Алтайский, Алма-Атинский, «Боровое», Кзыл-Агачский и др. (Шиллингер, 1929, 1930, 1931; Штильмарк, 1972а; Данилов, Штильмарк, 1994).

В 1927 г., благодаря усилиям Спрыгина, удалось создать Жигулевский участок Пензенского заповедника, который был переименован в Средневолжский, а позднее в Куйбышевский. Этот же исследователь (вместе с Шиллингером) занимался созданием лесостепного Наурзумского заповедника (учрежден в 1930 г. в пределах нынешнего Казахстана). В организации Башкирского заповедника в 1930 г. (несколько ранее — в создании Аксу-Джабаглы /Казахстан) участвовал С.А. Северцов. Смоленский профессор Григорий Леонидович Граве несколько лет упорно добивался организации Центрально-Лесного заповедника, открытого в 1930 г. лишь после того, как лучшие доступные леса там были вырублены.

Благоприятен для заповедного дела был выход в свет в 1928 г. нового журнала «Охрана природы», отводившего много места именно заповедникам. В первом же его номере была помещена программная статья Кожевникова «Как вести научную работу в заповедниках». Журнал издавался Всероссийским обществом охраны природы (отв. редактор — Н.М. Федоровский). Большое внимание заповедникам уделяло краеведческое движение, многие активисты которого были энтузиастами охраны природы. Широко известен детальный список заповедников, заказников и других охраняемых территорий СССР, представленный В. П. Семеновым-Тян-Шанским и неоднократно публиковавшийся (Семенов-Тян-Шанский, 1928; Васильковский, 1927, 1929; Рахилин, 1993).

Конец 1927 г. в Наркомпросе был обозначен существенными переменами. Ф.Н. Петрова на посту начальника Главнауки сменил Мартын Николаевич Лядов (в 1930 г. на эту должность был назначен Иван Капитонович Луппол, а в конце 1929 г. вместо А.В. Луначарского наркомом стал А.С. Бубнов). Отдел охраны природы в середине 1927 г. расформировали, и Тер-Оганесов сменил место службы; С.А. Северцов продолжал работать в научном отделе Главнауки НКП, но в начале 30-х гг. ушел оттуда (сначала в Башкирский заповедник, затем в Институт морфологии животных АН СССР). Вот как описывал этот драматический момент Шиллингер в письме к Пузанову от 27.08.1927 г.: «*Отдел охраны природы совершенно ликвидировали, и все сотрудники с 15 сентября увольняются... Тер-Оганесов устроился в ВОКС* (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей — *Ф.Ш.*). *Делом охраны природы будет ведать научный отдел, и при нем будет числиться один консультант по охране природы, которым намечается С.А. Северцов. Председатель Госкомитета Кулагин подал заявление об освобождении его от председательства. Комитет совершенно бездействует, да он и раньше не функционировал правильно, заседал всегда лишь один президиум, да, признаться, и был Госкомитет игрушкой в руках Ваграна Тиграновича*» (Тер-Оганесова. — *Ф.Ш.*). (АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 339). В том же письме Шиллингер сообщает, что Федоровский тоже предлагал создание Государственного комитета по охране природы при СНК, но Наркомпрос отстоял свои прежние ведомственные позиции.

Таким образом, заповедники до 1930 г. подчинялись научному отделу, а затем — научному сектору Наркомпроса. Продолжал действовать и Госкомитет по охране природы под председательством Кулагина (очевидно, отставка его не была принята).

Естественно, что с ликвидацией отдела охраны природы внимание со стороны Наркомпроса к расширяющейся сети заповедников стало заметно ослабевать; вновь сократилось в начале 30-х гг. и финансирование. «Лебединой песней» Наркомпроса явилось издание сборничка документов по охране природы (Декреты..., 1929), включавшего первое советское «Типовое положение о заповедниках, состоящих в ведении Наркомпроса», разработанное прежним отделом и Госкомитетом. Поскольку документ никогда не обсуждался в специальной литературе, приведем несколько отрывков:

«Заповедниками признаются участки земельной или водной площади, которые навсегда подлежат оставлению в неприкосновенном виде или ограничению их хозяйственного использования в порядке постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1925 г. Территория заповедников и их охранных районов признается участками особого назначения, состоящими в ведении Наркомпроса по Главнауке.

2. Заповедники могут быть «полные» и «частичные»:

а) полным заповедником признается участок земельной или водной площади, который со всеми находящимися на нем и в нем произведениями природы (растениями, животными, почвами, горными породами, минералами и пр.) навсегда сохраняется в неприкосновенном виде. ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО, ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛНОГО ЗАПОВЕДНИКА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НАРУШАЕМО ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИРОДУ, А ТАКЖЕ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАПОВЕДНОЙ ТЕРРИТОРИИ. Воздействие человека на природу полного заповедника разрешается лишь поскольку это необходимо для достижения поставленных перед заповедником целей научного исследования и охраны» (Там же; с. 23, выделено нами).

Здесь впервые возникает формулировка, позволяющая вмешиваться в природу заповедника в зависимости от субъективного толкования целей заповедника самыми различными лицами — от директора и лесничего до уборщицы, выступающей на общем собрании или в стенгазете (чаще всего вмешательство осуществляется именно по причинам сугубо житейского свойства). Эволюцию этой оправдательной казуистики мы еще увидим. Цели учреждения заповедников трактуются в документе так:

«а) сохранение в неприкосновенности участков природы...

б) научное исследование природы в ее прошлом и настоящем в связи с хозяйственными задачами страны;

в) культурно-просветительная работа, в частности пропаганда идей охраны природы как промысловой базы и пропаганда естественно-исторических знаний» (Там же, с. 24).

Согласно статье 9, Наркомпрос мог предоставлять заповедникам права научно-исследовательских учреждений. Им разрешалось организовывать *«станции, музеи, библиотеки, лаборатории, обсерватории, опытные участки, ЗООФЕРМЫ и др.»* Разрешалось издавать труды, устраивать конференции, привлекать другие научные учреждения и отдельных лиц, а также *«организовывать на своей территории ЭКСКУРСИОННОЕ ДЕЛО; эксплуатировать строения и УГОДЬЯ в соответствии с задачами заповедника на основании существующих законоположений»* (Там же, с. 25, выделено нами).

Таким образом, на первоначальном (наркомпросовском) этапе развития советских заповедников классический принцип заповедности (т. е. невмешательства человека в природные процессы) был принят официальным законодательством: заповедным признавалось то, что подлежит «оставлению в неприкосновенном виде». Однако одновременно в законоположения вносились различные исключения и оговорки, искажавшие основные правила и допускавшие различные толкования. В заповедниках уже тогда поощрялось создание экспериментальных баз и зооферм, организация музеев, туристическая работа («экскурсионное дело») и т. д. Было составлено и «Положение об административной охране Заповедников и Памятников Природы» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 149. Л. 127), переданное юристам НКП, но в опубликованный сборник «Декреты, 1929», этот документ не вошел.

Между тем надвигалась пора больших социальных перемен, эра строительства сталинского социализма, или эпоха «культурной революции», как называют этот период западные исследователи. Рубежом стал 1929 г., весьма метко (хотя первоначально в ином смысле) названный годом «великого перелома». По иронии судьбы именно в 1929

г. состоялся Первый Всероссийский съезд по охране природы, где и прозвучало во всеуслышание предупреждение о решительном повороте от охраны природы как таковой к **природопользованию** в интересах социалистического строительства, причем на съезде эти призывы исходили не только от представителей официальных ведомств (Смидовича, Потемкина, Вангенгейма), но и от некоторых рядовых работников (Смолина, Киселева и др.).

Активисты охраны природы, а также присутствовавшие на съезде ученые (Васильковский, Пузанов, Кашкаров и другие) пытались обосновать свои природоохранные установки именно заботой о государственных и партийных интересах, но это звучало не очень убедительно. Все более явственно обозначался разрыв между прагматически настроенными представителями деловых ведомств, в первую очередь Наркомзема, извечного соперника НКП, и активистами охраны природы. Особые разногласия возникали вокруг вопросов о регулировании численности животных (в частности, хищников) и акклиматизации в заповедниках новых видов. С.А. Северцов, в то время один из наиболее видных теоретиков заповедного дела, еще в 1927 г. опубликовал в журнале «Охотник» статью, в которой писал, что *«заповедники ставят своей целью охрану природы и ее изучение..., нарушение исторически установившегося равновесия биоценоза вселением новых видов в большинстве случаев нежелательно»* (Северцов, 1927, с. 22). Выделенная нами оговорка уже оставляла реальную возможность для вторжения в заповедники. Пришлось смириться и с повсеместно развернутой в заповедниках борьбой с волками, зачастую при помощи сильных ядов. Тем не менее Главнаука и Госкомитет усердно отстаивали именно научные приоритеты деятельности заповедников, подчеркивая их как «наиболее интересную и важную сторону дела, отличающую заповедники Главнауки от заповедников за границей, а у нас от заповедников НКЗ» (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 373. Л. 76, текст Северцова).

Съезд 1929 г. действительно обозначил собой настоящий перелом и переход в новое качество советского бытия. *«Давление на деятелей охраны природы в СССР и особенно на представителей старой «буржуазной» профессуры, составлявших столь значительную часть движения, в 1930 г. продолжало нарастать. Во время Шахтинского процесса 1928 г. и процесса Промпартии, последовавшего через два года, окарикатуренная фигура в бородке, пенсне и фетровой шляпе стала излюбленной мишенью самого разнузданного поношения»* (Вайнер, 1991, с. 182).

Проиллюстрировать сказанное легко на примере профессора Григория Александровича Кожевникова. Ученый с мировым именем, участник международных конгрессов и совещаний в Париже, Берне, Берлине, Турине, Дрездене (его приглашали также на конгрессы в Цюрих и Нью-Йорк), воспитатель многих зоологов, среди которых были Л. Берг, С. Огнев и другие видные деятели, Кожевников не только заложил научные основы отечественного заповедного дела, но и со всей страстью души служил новому строю, не жалея для него ни сил, ни личных средств и сбережений. Советская Родина «отблагодарила» заслуженного профессора, многолетнего директора Зоологического музея МГУ (при нем было построено ныне действующее здание на Большой Никитской) и заведующего Научно-исследовательским институтом при 1-м МГУ тем, что 12.09.1929 г. он получил извещение на узкой полоске папиросной бумаги следующего содержания:

«Правление 1 Московского Гос. Ун-та сообщает, что согласно извещения Центральной Комиссии по руководству перевыборами профессоров и преподавателей вузов, Вы на должность профессора не избраны, почему с 1. IX. 29 г. от этой должности освобождаетесь. Ректор. Упр. делами.» (АМГУ. Ф. 200. Д. 278).

Конечно, это не было для Г.А. неожиданностью. За месяц до этих событий А. Семенов-Тян-Шанский писал Кожевникову: «*Отношение к Вашим выборам университетс-*

кого правления, понятно, возмутительное, тем более что Вас хотят заменить величиной ни для кого не убедительной. Вторжение же в дело чистой науки соображений, ничего с ней общего не имеющих, глубоко удручительно, несмотря на то, что нам пора бы привыкнуть к подобным положениям» (АМГУ. Ф. 200. Д. 585).

Причины происшедшего раскрываются в краткой публикации, помещенной под рубрикой «Письма в редакцию» в последнем номере журнала «Охрана природы» за 1930 г. и заслуживающей цитирования (в сокращении):

«Что такое охрана природы? Научно-исследовательский институт зоологии и Зоомузей МГУ созвал специальное совещание об использовании госзаповедников для опыта посадки в них представителей промысловой фауны, на котором сам собой возник вопрос, поставленный в заголовке. Представители одного взгляда, некоторые университетские профессора, имеющие еще и сейчас сторонников в нашем обществе, считали, что природу надо оградить от всякого вмешательства человека... По отношению к заповедникам это значит, что в них недопустима какая-либо хозяйственная деятельность и даже от самой идеи заселения заповедников дикими пушными или копытными животными надо отказаться, чтобы не «засорить» природу заповедника чуждыми ей элементами. Прямым следствием этого академического взгляда является вывод, что охотничье хозяйство в заповедниках не имеет ничего общего с делом охраны природы». Прервав цитату, заметим, что здесь слово в слово изложены взгляды именно Кожевникова, неоднократно им высказанные.

«К счастью, на том же собрании были представители другой точки зрения, именно представители хозяйственно-промысловых и научно-планирующих организаций, которые подняли свой голос за право человека не только преклоняться перед природой, но и вмешиваться в ее законы... Старая теория охраны природы для самой же природы, от которой так и веет древним ее обожествлением, настолько резко противоречит как нашим хозяйственным, так и научным интересам, что не должна иметь место в нашей стране строящегося социализма. Понятно также, в какое противоречие впадает эта старая теория с принципами диалектического материализма, призывающими нас не преклоняться перед силами природы, а изучать и овладевать ими. Не сохранение во что бы то ни стало существующего положения в природе, а разумное вмешательство, изучение, овладение и регулирование естественно-производительных сил природы — вот что должно быть начертано на знамени нашего общества» (Карпов, 1930, с. 216).

Эта длинная цитата с предельной четкостью выражает всю ту антизаповедную позицию, которая не только разрушила заповедное дело в прошлом, но еще и сегодня прочно закреплена в сознании многих людей. Хотя автор публикации Владимир Владимирович Карпов (один из работников Московского зоопарка и руководителей КЮБЗа, позднее сотрудник ТСХА) не снискал особой известности, но он четко выразил позицию более крупных фигур, таких, как Петр Александрович Мантейфель, Павел Александрович Петряев, Леонтий Васильевич Бойцов, убежденных сторонников «реконструкции фауны», упрекавших заповедники в «созерцательности».

Журнал не приводит высказываний самого Кожевникова на том собрании, однако можно привести цитату из его статьи 1928 г., напечатанной в малоизвестном издании, которая читается сегодня не только как своеобразное научное завещание подлинного ученого-природоохранителя, но и как реквием по научным принципам охраны природы в СССР:

«Охранять первобытную дикую природу ради нее самое, несмотря на прикладные вопросы, как стоящие на втором плане, — вот основная идея охраны природы... Отказ от этого абсолюта ради узких экономических интересов, с моей точки зрения, есть полный крах идеи охраны природы. Всякое хозяйство по существу своему в корне

противоречит идее охраны природы. Человеческое хозяйство есть всегда уродование природы. Только невмешательство в жизнь природы делает жизнь природы научно интересной. Если мы с этой позиции сойдем, то никогда не осуществим охрану природы в истинном смысле этого слова. Это крайнее мнение, но оно вытекает из сути дела. И мне было весьма грустно слышать, что вместо того, чтобы отстаивать идею полных заповедников для охраны первобытной природы и научного изучения ее, отстаивать принципиальный, хотя и трудный подход к делу, сразу переходят на защиту идеи более легко осуществимой, но чуждой всякого идейного интереса, идеи «охотничьего хозяйства», с охраной природы ничего общего не имеющей» (Кожевников, 1928а, с. 380–381).

Приведенное выше «Письмо в редакцию» В. Карпова сопровождалось редакционным примечанием со ссылкой на опубликованное еще в предыдущем номере Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране и развитии природных богатств в РСФСР» от 20.06.1930 г. (Охрана природы. 1930. № 6, С. 150–152), из которого явствовало, что преобразователи просто ломились в открытую дверь, уже одержав полную победу над консерваторами. Во втором разделе «Постановления» («*О заповедниках*») говорилось, что целями заповедников являются не только сохранение характерных черт *«первоначальных природных условий до изменения их деятельностью человека», но и введение природных объектов "в хозяйственный оборот"* (Там же). *«Кроме того,* — говорилось далее, — *заповедники могут преследовать, в качестве дополнительных задач, охрану промысловых животных, охрану режима вод ... оборону страны и проч., а также могут быть использованы для отдыха трудящихся»* (Там же, с. 52). Этим же постановлением, кстати, отменялся ленинский декрет 1921 г. «Об охране памятников природы, садов и парков». Несмотря на все это, в 1930 г. ведущие зоологи СССР снова обратились с призывом о создании ВСЕСОЮЗНОГО органа по охране природы (Кулагин и Кожевников, 1930), а уже в самом последнем из вышедших в свет номеров журнала «Охрана природы» была помещена еще одна статья на ту же тему (Шиллингер, 1930). Советское правительство все-таки было вынуждено создать Комитет СССР по охране природы, но произошло это лишь спустя 58 лет... Напомним, что к созданию такого Комитета Кожевников призывал еще в 1918 г. Прежний Комитет охраны природы Наркомпроса был преобразован в «Междуведомственный комитет содействия развитию природных богатств РСФСР» (Там же. Ст. 2. раздел I), а журнал «Охрана природы» получил новое название «Природа и социалистическое хозяйство». Главным его редактором вместо Н.М. Федоровского стал В.Н. Макаров.

О В.Н. Макарове, сыгравшем ведущую роль в заповедном деле периода 30–40-х гг., необходимо рассказать более подробно. Мы используем для этого прежде всего варианты его автобиографии (1938 и 1950 гг.), предоставленные нам его сыном Виктором (ныне покойным) и внучкой Ольгой Викторовной (архив автора).

Василий Никитич родился 23 июля (6 августа) 1887 г. в селе Луневе Боголюбской волости Владимирского уезда Ивановской губернии в крестьянской семье, где было семеро детей. Окончив начальную земскую школу, Макаров учился во Владимирском городском училище, а в 1908 г. закончил Московский учительский институт, принимая участие в революционном движении и подвергаясь преследованиям полиции. С 1.09.1908 г. он стал учителем естествознания в городском училище Костромы. Через три года, желая продолжить образование, В.Н. переехал в Москву и поступил на экономический факультет вечернего Коммерческого института, но вскоре перевелся преподавателем-естественником в город Макарьев Костромской губернии, имея к тому времени уже троих детей и продолжая заочную учебу в Москве (закончил ее в 1916 г.). Работая в провинции, В.Н. Макаров в 1916 г. вступил в партию эсеров и даже был выдвинут от нее в члены Учредительного собрания. Порвав с эсерами вскоре после

Октября 1917 г., он стал заведующим средней трудовой школой в слободе Перерве под Москвой, а затем заместителем заведующего Бауманским отделом народного образования Москвы. В 1930 г. В.Н. был назначен научным сотрудником 1-го разряда в сектор науки Наркомпроса РСФСР, где стал затем заместителем и заведующим этого сектора, а по совместительству также директором Зоомузея МГУ (после отстранения Кожевникова его некоторое время замещал Л.А. Зенкевич). В Наркомпросе он курировал всю деятельность Всероссийского общества охраны природы, а вскоре был выбран его председателем. В 1925 г. Макаров стал кандидатом, а с апреля 1928 г. был переведен в члены ВКП(б). Так на ниве научного сектора Наркомпроса появилась новая величина. Во всех официальных документах В.Н. указывал, что состоял в партии эсеров, и это обстоятельство существенно сказалось на его дальнейшей карьере.

Наступление иной эры в заповедном деле было обозначено уже самим фактом выхода в свет первого номера журнала «Природа и социалистическое хозяйство» за 1931 г. с передовой статьей В.Н. Макарова «Наши задачи». Хотя в последние годы она упоминалась в печати Д. Вайнером (Уинером), К.П. Филоновым и нами, невозможно обойтись здесь без ее цитирования:

«Общество охраны природы и содействия развитию природных богатств лишний раз подтверждает, что им окончательно изжиты проскальзывавшие кое-где и кое в чем старые тенденции, «охраны природы» ради самой природы, что отныне Общество мыслит и не представляет своей деятельности, лежащей вне общих задач социалистического хозяйства СССР. Общество понимает, что богатства и силы природы должны быть разумно использованы в первую очередь для осуществления великих мировых задач построения социализма. В условиях социалистического строительства охрана природы должна быть и является лишь одним из многих факторов наилучшего, наискорейшего хозяйственного и культурного строительства СССР. Ясно, что вся работа в области охраны природы также должна быть проникнута классово-пролетарским содержанием» (Макаров, 1931, с. 2).

Д. Вайнер (1991) считает эту статью рассчитанной на внешний эффект, полагая, что Макаров использовал риторику соцстроительства, чтобы сохранить подлинное движение за охрану природы. Надо, конечно, учитывать всю силу и весь мрак наступившей коммунистической реакции, когда фигуры «старых профессоров» преподносились в печати уже не в карикатурных, а в уничтожающих тонах, когда заслуженных ученых напрямую обзывали «матерыми черносотенными волками» и «кулаками от науки» (Немилов, 1939), когда государство перешло к прямым репрессиям. Недаром такие активные в прошлом борцы за охрану природы, как Бородин или Талиев, отошли от нее, погрузившись в научную деятельность. В январе 1930 г. Кожевников писал А.П. Семенову-Тян-Шанскому:

«Спешу сообщить Вам, что бригада «чистильщиков», которые «чистят» Главнауку, усиленно настаивают на закрытии Общества охраны природы, Комитета и самого «института» О. П. (охраны природы — *Ф.Ш.*) *как несоответствующего требованиям текущего момента»* (СПБ-АРАН. Ф. 722. Д. 499. Л. 82). Но в Ленинграде, равно как и в Москве, именно в это время шел настоящий разгром Академии наук СССР, в результате которого десятки людей были арестованы и направлены на Беломорканал, в Соловки или в другие «злачные места». Как указывает автор ценной статьи «Академия наук на "великом переломе", подробно разбирающий всю историю этого погрома, *«последняя волна арестов прокатилась в ноябре 1930 г. (А.А. Бялыницкий-Бируля, Б.М. Энгельгардт, Н.А. Пыпин, А.А. Достоевский, П.А. Саликов); отдельные аресты по «делу АН» происходили и позже»* (Перченок, 1991, с. 223; см. также Тугаринов, 1990). Так что дело не ограничивалось карикатурами... Сокрушительные удары уже в конце 20-х гг. были нанесены по всей ранее разветвленной сети научных обществ естествоиспыта-

телей и любителей естествознания, которые играли ведущую роль в деле охраны природы на местах (междуведомственные комиссии Госкомитета НКП серьезного влияния в этом плане не оказали и прекратили существование). Вскоре пришел черед и ранее мощным обществам краеведения (Вайнер, 1991; Борейко, 1991), после чего из-под природоохранного движения сразу была выбита общественная опора, а сохранившиеся официальные структуры Наркомпроса (включая финансируемое им Всероссийское общество охраны природы) вынуждены были встать на общегосударственные позиции, заменяя принципы охраны природы ее освоением.

Усилия государственной науки в этот период действительно были направлены на изучение и поиски полезных ископаемых, запасов угля, нефти, леса, пушнины («нужно хорошенько тряхнуть уральскую землю», говорил, например, академик А.Е. Ферсман). Для этого создавались специальные научно-производственные объединения, комплексные экспедиции отправлялись во все концы страны, жившей пафосом мнимого созидания за счет растраты своих природных ресурсов.

Разумеется, все это происходило не без определенного сопротивления официальных деятелей охраны природы и краеведения, которые были вынуждены прибегать к своеобразной маскировке (или «защитной окраске», как удачно выразился Д. Вайнер в своей книге). Они пытались подвести «марксистский базис» под свои доводы и даже иногда отвечали ответными выпадами на яростные удары своих врагов, объединившихся при таких новоявленных и одиозных учреждениях, как Коммунистическая академия, Институт красной профессуры, ВАРНИТСО («Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству») и т. п. Так, на статью Э. Кольмана «Вредительство в науке», опубликованную в партийном журнале «Большевик» (1931. №2), где автор напрямую обвинял сторонников охраны природы в противодействии соцстроительству и коллективизации, последовало официальное обращение Общества охраны природы в сектор науки и партколлектив Наркомпроса с требованием «дать решительно по рукам и головам любителям «левацких» заскоков, передергивания и искажения истинного характера деятельности Общества» (ГАРФ. Ф 404. Оп. Д. Л.8). Подписан этот документ был Макаровым как председателем Всероссийского общества охраны природы. Занявший руководящие посты и в секторе науки НКП, и в ВООПе, Макаров вел трудную борьбу за выживание охраны природы и заповедников. Удалось отбить прямую атаку Наркомзема на заповедники, отменив решение ЭКОСО (Экономическое совещание при СНК) о передаче Кавказского и Астраханского заповедников, сформировать новый Президиум Междуведомственного Комитета содействия развитию природных богатств РСФСР, однако охрана природы в целом все более явно становилась в тягость Наркомпросу, а Госкомитет при нем утрачивал прежнюю роль. «*Решения его* (Госкомитета — *Ф.Ш.*) *рассматриваются как решения органа ведомственного и следовательно необязательными для выполнения другими ведомствами, которые очень часто их игнорируют (Наркомлес, НКВТ и др.)... большинство хоз. органов привыкли смотреть... лишь с точки зрения местных потребностей и учитывать только интерес сегодняшнего дня*» (из отчета Госкомитета за 1932 г. – АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 223. Л. 23–24). Там же предлагалось включить Госкомитет в сеть союзных учреждений (системы ЦИК).

Таким образом, назревал кризис, который мог разрешиться или полной передачей заповедных дел в сферу хозяйственных наркоматов, или даже ликвидацией системы заповедников. Удачный выход из этой ситуации связан с именем видного партийного и государственного деятеля, члена Президиума ЦИК и Президиума ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет, 1917–1936), П.Г. Смидовича.

Петр Гермогенович родился в 1874 г. в дворянской семье в белорусском городке Рогачеве, куда его дед был выселен из Польши, учился в МГУ и за границей (окончил высшую электротехническую школу в Париже), был агентом «Искры» и участником

революционных событий 1905 г., неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1918 г. стал первым председателем Моссовета, затем пред. Мосгубсовнархоза, в 1921 г. был избран членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б), членом Президиума ВЦИК, а позднее также и ЦИК СССР. Несмотря на эти высокие посты, П. Г. в широких кругах пользовался репутацией наиболее либерального интеллигента среди «культурных большевиков». Как рассказывают его родственники, Ленин относился к Смидовичу несколько иронически, упрекая за «мягкотелость» в отношении буржуазии и интеллигенции. После переезда Ленина в Москву Смидович был отстранен от руководства Моссоветом. В 1924 г. он возглавил Комитет содействия народностям северных окраин (более известный как «Комитет Севера»), а позднее также и Всесоюзное общество краеведения. Все это не слишком высокие чины для революционного вождя такого уровня, каким П.Г. был в 1918 г. Ведь Комитет Севера, как и Комитет по охране природы, по существу был лишь общественной организацией, хотя и пользовался авторитетом.

В начальный период коллективизации Смидович разошелся со Сталиным как по национальной политике, так и по вопросу борьбы с кулачеством, понимая, что это приведет к развалу традиционных отраслей хозяйства на Севере. От расправы его, очевидно, спасли возраст и «своевременная» кончина 06.04.1935 г. Эти предположения отчасти подтверждаются тем, что сын Смидовича, Глеб Петрович, был арестован вскоре после кончины родителя и провел долгие годы в сталинских лагерях.

Ф.Ф. Шиллингер, бывший член Президиума Комитета содействия развитию природных богатств РСФСР, обращаясь в конце 1937 г. к своему прежнему руководителю, академику Н.М. Кулагину, писал: «*В начале 1931 года дело охраны природы, особенно заповедников, опять попало под удар: власти Кавказа, да и некоторых других республик, а также Наркомлес, поставили перед Совнаркомом вопрос о ликвидации всего этого дела. Специальная комиссия Рыскулова* (Зампред Совнаркома РСФСР — *Ф.Ш.*) *была занята рассмотрением данного вопроса. Мне почти одному пришлось защищать охрану природы, ее комитет и заповедники. Любимое и столь нужное дело уцелело, и я был счастлив. Однако с начала 1933 года началась опять атака на охрану природы, заповедники и Комитет. На сей раз борьба была очень серьезной — Совнарком, несмотря на пожелания Всесоюзного съезда охраны природы, постановил передать все это дело Наркомзему РСФСР, протест т. Бубнова* (наркома НКП — *Ф.Ш.*) *тоже не помог, так как и он, как я имел случай убедиться, считал все это скорее вредным, чем полезным делом. В защите этого вопроса мне никто не помогал. В последний момент — уже во время передачи дел Наркомзему — я пошел к товарищу Смидовичу, рассказал ему о случившемся, и Петр Гермогенович сумел приостановить передачу и добиться учреждения Комитета заповедников при ВЦИК*» (АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 339).

Возможно, что излишне честолюбивый Шиллингер слегка переоценивал свою личную роль в этом деле, вряд ли оно могло обойтись без участия Макарова, Потемкина и других ответственных лиц Наркомпроса и Госкомитета — оставим уточнение этого вопроса на будущее. Однако же нет сомнений, что общая напряженная обстановка того времени передана в письме достоверно. Решение о создании Управления по заповедникам при Наркомземе было утверждено Совнаркомом РСФСР 17.07.1933 г., но тут же опротестовано и отменено. Более детально эта запутанная история была представлена секретарем межведомственного комитета Е.Г. Блошенко (1933) и «реставрирована» Д. Вайнером (1991).

Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 20.08.1933 г. об организации Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК под председательством П.Г. Смидовича (вместо ранее намеченного главка при Наркомземе) предшествовал Всесоюзный съезд по охране природы и содействию освоения природных богатств РСФСР — именно таково было

его полное название (председателем оргкомитета был Смидович, в орггруппе работали Макаров и Шиллингер). Открывшийся 25.01.1933 г. Всесоюзный съезд был омрачен кончиной двух виднейших ученых-природоохранителей — накануне съезда (4 января) умер Д.М. Россинский, а в его разгаре (29 января) скончался Г.А. Кожевников, присутствовавший на съезде как представитель Абхазского (Сухумского) акклиматизационного института. *«Он приветствовал съезд от имени самого молодого научного учреждения, которое своей задачей ставит... восстановление фауны и разведение животных исчезнувших, а также обогащение природы путем акклиматизации новых форм»* («Труды»... 1935, с. 5). В редакционном некрологе («Зоол. ж», т. 2, № 4, 1933) говорилось, что Кожевников стремился идти в ногу со временем и даже хотел вступить в ВАРНИТСО. В качестве сомнительного комплимента авторы некролога указывают, что Г.А. *«в частных беседах с руководящими коммунистами-естественниками старался уяснить себе значение общеметодологических установок Энгельса»* (Там же, с. 7).

Известно, что после отчисления из МГУ и с должности директора Зоомузея Кожевников значился профессором Геолого-разведочного института ВСНХ по кафедре палеонтологии. Он присутствовал на фаунистической конференции 1932 г. в Ленинграде вместе с А.П. Семеновым-Тян-Шанским и М.Н. Римским-Корсаковым, которые символизировали собой научную оппозицию, осмеливаясь возражать против партийного произвола в науке (Вайнер, 1991, личные воспоминания Н.К. Верещагина). В одном из своих последних писем Кожевников сообщал о глубоком разочаровании положением дел с охраной природы и отказывался от намерения писать книгу на эту тему. Что касается Акклиматизационного института в Сухуми, то, очевидно, были только планы его перехода в это учреждение (Кожевников ранее бывал там при создании обезьяньего питомника).

Всесоюзный съезд был открыт Тер-Оганесовым как представителем Ученого Комитета при ЦИК СССР; председателем Съезда избрали Смидовича, сказавшего в своей вступительной речи, что заповедники есть узловой пункт работы Съезда. Споры вокруг заповедников, их назначения и ведомственной подчиненности заняли много времени и сил участников собрания, среди которых было значительно больше работников хозяйственных ведомств, чем на предыдущем Всероссийском съезде 1929 г. Одной из наиболее значительных фигур здесь был представитель Наркомпроса В.Н. Макаров (заметим, что на предыдущем форуме он даже не значился в общем списке), который сделал большой доклад о заповедниках, сообщив об их существенном количественном росте: только в системе НКП (без охотничьих заповедников) общая площадь резерватов РСФСР составляла тогда 3 727 974 га. Докладчик предал анафеме «группу лиц», которая *«все еще по-старому продолжала смотреть на заповедники, на их работу и на охрану природы главным образом с точки зрения абсолютной неприкосновенности. Эти люди считают, что если заповедник существует, то ни о каком воздействии человека на естественный ход природных процессов речи быть не может»* («Труды...», 1935, с. 25). Отрекшись от принципа заповедности, Макаров, в порядке большевистской самокритики, признал, что одно время на этой позиции стоял и Госкомитет НКП, но теперь «фетиш неприкосновенности», названный в резолюции «буржуазной теорией», окончательно отброшен. Этим он старался прежде всего отвести от заповедников упреки прагматиков, доказать, что заповедное дело целиком и полностью вписывается в новые социальные установки. В конечном итоге такая цель была достигнута, но, как показала действительность, слишком дорогой ценой. Что же касается охраны природы в целом, то она определялась как *«система мероприятий, направленных на всемерное улучшение, развитие, рациональное использование и обогащение природных ресурсов страны»* (там же, с. 52), проще говоря, под «охраной» понималось использование.

В многочисленных выступлениях представителей ближних и дальних заповедников сплошной чередой звучали сетования на слабое финансирование, отсутствие жилья, недостаток научных кадров и т. д. Немало прозвучало и пожеланий о заповедании тех или иных конкретных участков. Кавказский заповедник в докладе директора Краснобрыжева предстал как полноценная научно-исследовательская организация с биостанцией, охотоведческой, лесной опытной, горно-луговой, энтомологической станциями и метеорологической сетью, включенной в общую структуру. *«Шефство над заповедником осуществляется дуб. заводом, а заповедник шефствует над 3-м кавалерийским эскадроном»* — сообщил директор, добавив, что для полного освоения площади заповедника нужно 3–4 млн. рублей капитальных вложений на строительство, что заповедник до сего дня не имеет оперативного руководства и это *«заставляет ставить вопрос о создании центрального органа по управлению и руководству всеми заповедниками, т. е. Комитета по заповедникам при ВЦИК и в отдельных республиках при соответствующих ЦИК»* (Там же, с. 120–121).

Если только эта фраза не была вписана позднее (Труды съезда изданы в 1935 г.), то директор ведущего заповедника СССР оказался пророком. К тому же его предшественник, А. Молодчиков, сменил в то время С. Северцова в Научном секторе Наркомпроса, возглавляемого Макаровым. Казалось бы, все к тому и шло, чтобы превратить умирающий там Госкомитет в полноправный государственный орган, и П.Г. Смидовичу, проникнувшись на съезде заботами заповедников, удалось так сделать. Но ведь надо учитывать реальность противодействия хозяйственников, прежде всего производителей «мягкого золота», пушнины, как одного из главных источников валюты в то время. Наркомзем, постепенно уступавший эту роль Наркомвнешторгу с его системой предприятий пушно-мехового хозяйства и заготовок, видел в заповедниках весьма лакомый кусочек; косился на заповедные массивы и Наркомлес (особенно в отношении Кавказа). Турар Рыскулович Рыскулов, зампред СНК РСФСР, возглавивший комиссию по проверке заповедников и намеченный председателем нового Междуведомственного комитета, решил вопрос о заповедниках в пользу Наркомзема, но на уровне комиссии ВЦИК (в составе предсовнаркома Сулимова, а также Бубнова, Смидовича, Лисицына и Беленького) он был пересмотрен в пользу создания Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК (Блошенко, 1933). Председатель Комитета Смидович в нем, разумеется, только «царствовал», правил же его заместитель, В.Н. Макаров, одержавший крупнейшую на первый взгляд победу, которая оказалась, однако же, типично пирровой. В этом Макаров убедился 18 лет спустя, когда возведенное им многоэтажное заповедное здание обрушилось под тяжестью тех же самых доводов, которыми он громил «старорежимных» профессоров, сторонников «буржуазной теории невмешательства».

Бывший провинциальный учитель, член несостоявшегося Учредительного собрания от партии эсеров, член ВКП(б) с 1928 г., зав. научным сектором НКП и директор Зоологического музея МГУ, зампред Комитета по заповедникам, кандидат биологических наук, В.Н. Макаров — фигура неоднозначная и трагическая. Он не мог вписать заповедники в структуру социалистического строительства без компромиссов как научного, так и морально-нравственного порядка. Однако, как мы теперь убеждаемся, у всякого компромисса есть свой предел. Макаров же такой предел перешел, по сути отрекшись от принципов заповедности и уступив основные позиции в угоду прагматикам и преобразователям. Вот как он формулировал задачи заповедников СССР на пленуме Госкомитета НКП в декабре 1931 г. (они же повторены в статье для первого издания Большой советской энциклопедии):

1) изучать первоначальные природные условия до их изменения деятельностью человека; 2) научно разрабатывать вопросы учета природных ресурсов, способы их обогащения и наиболее рационального использования; 3) вводить в хозяйственный обо-

рот естественные произведения природы, не используемые еще человеком; 4) проводить опытные работы по реакклиматизации и акклиматизации хозяйственно-полезных иноземных животных и растений; 5) содействовать хозорганам, предприятиям, ведомствам и учреждениям в научной разработке вопросов, относящихся к эксплуатации лесных, водных угодий, недр земли, а также рациональной постановке охотничьего хозяйства, искусственного разведения диких промысловых зверей, птиц и т. д.; 6) вести пропаганду и внедрять естественно-исторические знания в пролетарские и колхозные массы населения; 7) охранять редкие или вымирающие виды животных и растений, а также другие объекты природы, представляющие научное, культурное или хозяйственное значение; 8) охранять и обогащать природные фонды, а также режим вод и нормальные климатические и санитарные условия для трудовой деятельности и жизни населения СССР; 9) привлекать к выявлению природных ресурсов и к их учету широкие рабочие, колхозные массы населения, учащуюся молодежь, всемерно используя в этих целях краеведческие и юннатские организации и пролетарское туристическое движение; 10) всемерно развивать пролетарский туризм и иностранный туризм в пределах заповедников, не снижая, однако, научно-исследовательского значения заповедников и выдерживая принцип заповедности» (БСЭ, 1933. Т. 26, с. 234).

В советском обществе слово чаще всего не было делом (мы думаем одно, говорим другое, а делаем с третьего на десятое), и Макаров пытался скрыть за набором всех этих слов свои добрые по сути намерения сохранить природу любыми путями, любой сделкой с принципами, это часто подчеркивает Д. Вайнер. Но советские заповедники уже на этом начальном этапе своего становления были в большей степени хозяйственными учреждениями, чем настоящими заповедниками. Официально являясь *«подчиненной частью социалистической системы хозяйства, как один из элементов планового и рационального использования природных ресурсов»*, совмещая в себе *«хозяйственное, научное и просветительское значение»*, взявшись разом за выполнение *«теоретической, опытно-прикладной и широкой культурно-просветительской работы»* (Там же), они уже на этой начальной стадии потеряли исходное назначение как научных эталонов природы.

Винить в этом, разумеется, надо не личности, а историческую эпоху. Вдумаемся в строки некоторых документов, свидетелей времени: «*...Медленность темпов пролетаризации и коммунизации как научных, так и административно-технических кадров... Слабое развитие пролетарского туризма и интуризма, недооценка турдвижения заповедниками... Необходимо пересмотреть все установки работы заповедников и их управления под углом зрения проведения в жизнь 6-ти условий тов. СТАЛИНА, в частности, провести в работе заповедника принцип как внутреннего, так и внешнего хозрасчета, заключая договора с соответствующими хозобъединениями о выполнении силами заповедника тех или иных заданий последних*» (АМГУ. Ф. 200. Д. 307, текст Макарова).

Те, кто не доверяет архивам или автору, могут открыть журнал «Природа и социал. х-во» за 1931 г. № 9–10 на с. 250 и прочитать этот приговор заповедному делу, тяготеющий над ним вплоть до наших дней. Вряд ли сегодня кто-либо помнит шесть условий товарища Сталина, однако многие работники нашей заповедной сферы, сами того не зная, подчас следуют его заветам.

3.1.6. Заповедное хозяйство на исходных позициях (1934–1940)

Комитет набирает силу. Константин Матвеевич Шведчиков. Бурный рост заповедной сети и дальнейшие преобразования. Заповедники для чужеземцев. Архипелаг свободы или убежища инакомыслящих? Служители науки и натуралисты в объятиях природы.

Предвоенный период сейчас рисуют только в черных тонах, связывая его с нарастанием сталинских репрессий. Однако пафос социалистического строительства 30-х гг. не был только лозунговым, он был реальным, как и подлинный энтузиазм народа, включая уцелевшую интеллигенцию. Сочетание пропаганды и террора давало свои плоды, не оставляя людям никакого выбора — или со Сталиным к победе социализма, или погибни! Отрекшись от прежней веры, сокрушая старые храмы во имя нового созидания, страна и общество объявили всенародный бой не только прошлому, но и самой природе. Эти идеи особенно ярко выражал Максим Горький, еще в начале века воспевавший всесилие человека и человечества. *«Нужно истребить тех врагов, которые стоят на нашей дороге,* — говорил он, выступая на слете ударников Беломорстроя, — *и взяться за основного древнего врага нашего — за борьбу с природой»* (М. Горький, Собрание сочинений. М., 1953. Т. 27. С. 76). Именно тогда тема преобразования и покорения природы буквально заполонила литературу, открывая дорогу и лысенковщине, и «мантейфелевщине», как ее своеобразной разновидности.

«Новая история творит новую географию», — утверждал известный писатель-географ в книге «Лицо страны меняется» (Михайлов, 1976, с. 63). Характерны заголовки ее глав: «уничтожаем пустыни»; «осушаем болота»; «поворачиваем реки»; «переселяем животных»... Кстати, тема акклиматизации животных и «реконструкции фауны» заняла видное место и на Съезде 1933 года; она уже не могла миновать заповедников. Как говорил в своем докладе П.А. Мантейфель, *«лозунг — управление природой — требует пересмотра и реконструкции научно-исследовательских работ, которые должны быть тесно связаны с производством... Сама по себе охрана природы есть производственное дело... нужны научно-экспериментальные заповедники, зоосады, зоопарки, ботсады, большие живые лаборатории..., сочетание потребностей соцстроительства с делом точного изучения живой природы, регулирующего формы использования живых природных богатств и направляющих хозорганы по верному пути завоевания природы»* (ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 307; см. также: Мантейфель, 1934, 1935, 1935а; и др.). Появились даже публикации о принципиально новых «заповедниках будущего», которые должны представлять собой *«образцы природы, развитой и обогащенной в социалистическом хозяйстве, образцы того, что сможет в условиях социализма сделать с природой творческая воля человека»* (Вейцман, 1934, с. 106). Автор статьи не был отвлеченным мечтателем, он отчасти воплотил эти планы в жизнь, участвуя в организации и устройстве Тебердинского «акклиматизационного заповедника» — так и назвали его официально при организации в 1936 г.

В конце 1933 г. вновь созданный Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК располагал лишь немногим более десятка официальных учреждений. Основу составляли прежние заповедники Наркомпроса: Крымский, Кавказский, Средневолжский (в нем уже оформился как самостоятельный участок «Бузулукский бор», детище И.И. Спрыгина), Ильменский, Астраханский; из вновь созданных выделялись, благодаря Граве и Северцову, Центрально-Лесной и Башкирский, в организационной стадии пребывали Печоро-Илычский и Алтайский. В сфере забот Комитета находились также Красноярский заповедник («Столбы»), «Галичья гора», «Лес на Ворскле», Троицкий и другие местные резерваты (заповедники вскоре отделенного от РСФСР Казахстана не рассматриваются). Действующими «охотничьими» заповедниками, ведомственная подчиненность которых часто менялась, были Баргузинский, Воронежский, Кондо-Сосвинский (первоначально — Северо-Уральский), вновь созданные Лапландский (1930), Кандалакшский (1932) и Кроноцкий (1934), а из местных ряд других дальневосточных объектов — «Кедровая падь» (в 1936 г. передана АН СССР), Лопаткинский, формирующийся Сихотэ-Алиньский. В дополнение к ним намечался ряд «целевых» охотзаповедников — для охраны соболя, выхухоли, водоплавающих птиц и др. В системе Академии наук

СССР в 1932 г. были созданы заповедники «Кивач» в Карелии и Супутинский в Приморском крае.

Первоначальный состав Комитета по заповедникам удивляет разнообразием именитых людей, значившихся его членами:

П.Г. Смидович — председатель; В.Н. Макаров — заместитель председателя; члены: В.В. Алехин, Е.Г. Блошенко, А.А. Борзов, С.А. Бутурлин, П.И. Валескалн, А.Ф. Вангенгейм, В.Н. Вучетич, Б.М. Житков, С.А. Зернов, Н.В. Крыленко, Н.М. Кулагин, М.Л. Левин, П.А. Мантейфель, С.А. Новиков, Н.Н. Нурмаков, С.А. Петрушин, К.И. Покалюк, А.П. Протопопов, А.Ф. Родин, С.А. Северцов, А.С. Серебровский, С.Я. Соколов, П.Ш. Терлецкий, В.Т. Тер-Оганесов, А.Н. Формозов, Б.К. Фортунатов, Ф.Ф. Шиллингер, А.В. Шотман, В.Н. Яковлев, А.А. Ярилов (архив Макарова). Позднее в Комитет были включены также Д.Н. Кашкаров, Б.М. Келлер, А.В. Козлинский, Б.М. Козо-Полянский, М.П. Розанов, С.С. Туров и два директора заповедников — И.В. Ливанов (Кавказский) и А.М. Ермолаев (Астраханский).

Непосредственно в штате Комитета на его первом этапе значились Макаров, Шиллингер, Блошенко, Молодчиков, позднее — Фофанов. В отдельных документах фигурируют также Фридман, Гиллер, Скребицкий, Борткевич и др. Были выделены сектора: научный и культурно-просветительский. Одновременно при Комитете было учреждено Бюро кольцевания (В.Н. Вучетич). Комитету подчинялось и Всероссийское общество охраны природы.

Согласно «Положению о Комитете по заповедникам при Президиуме ВЦИК», утвержденному 25.08.1933 г. и опубликованному в сборнике «Природа и соц. хоз-во» (1934. Т. 7. С. 225–226), функции Комитета были довольно широкими, выходящими за рамки заповедного дела и охватывающими широкий круг вопросов охраны природы и природопользования, включая контроль за деятельностью хозведомств в отношении *«наиболее ценных объектов растительного и животного мира»*. Очень важно, что на комитет возлагалось *«общее руководство работой всех заповедников, находящихся на территории РСФСР, дача указаний о проведении необходимых мероприятий по развитию и охране заповедников»* (Там же). Если обращения прежнего межведомственного Комитета НКП чаще всего игнорировались, то новый орган все же обладал определенными государственными полномочиями. Другое дело, что в самих заповедниках Комитета далеко не все было благополучно. Н.М. Кулагин еще в 20-х гг. писал, обращаясь в Наркомзем, о том, что никакой хозяйственной эксплуатации даже в охотничьих заповедниках не должно допускаться, что все заповедники имеют практическое значение исключительно вне своих пределов за счет расселения животных, но повсеместно выдерживать этот принцип фактически не удавалось. В охотничьих же заповедниках режим охраны, как правило, распространялся лишь на отдельные виды животных (соболя, бобра и т. д.).

В начале 1934 г. по предложениям Комитета была вынесена целая серия правительственных постановлений, связанных с усилением охраны ценных охотничьих животных, в частности выхухоли и соболя, и организацией для них заповедников («Природа и соц. хоз-во». 1934. Т. 7. с. 220–225). Таким образом Макарову удалось перехватить прежние инициативы охотхозяйственников и повернуть их в пользу Комитета. Этим прежде всего и объясняется резкий взлет числа вновь созданных заповедников в 1935 г., когда одновременно появились Клязьминский, Хоперский, Окский («выхухолевые»), Сихотэ-Алинский («соболиный», уже заложенный ранее усилиями К.А. Абрамова и Ю.А. Салмина при кураторстве П.А. Мантейфеля). К числу тогда же созданных «научных» резерватов надо отнести Центрально-Черноземный (его создателем был проф. В.В. Алехин, а первым директором — Н.А. Прозоровский) и «Тульские засеки». Семь новых заповедников за один год — это своего рода рекорд и зримый успех, равно как и включение в систему Комитета в 1934 г. Воронежского заповедника со значительным

расширением его территории (постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 20.07.1934 г, «О Воронежском государственном бобровом заповеднике» предшествовала поездка туда Макарова и Шиллингера осенью 1933 г.).

1.04.1934 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР с утверждением нового Положения о заповедниках и отменой предыдущего. Его формулировки предусматривали конкретные хозяйственные задачи, в частности акклиматизацию и реакклиматизацию диких животных и растений. Сохранялось деление заповедников на полные и частичные, общегосударственного и местного значения, однако пункт 3 провозглашал, что «все заповедники являются научно-исследовательскими учреждениями». Служащие охраны заповедников наделялись правами «лесной стражи», предусматривалась научная работа как силами штатных научных сотрудников, так и по договорам с другими учреждениями; все ведомства, в управлении которых имелись заповедники, обязывались выделять им средства на содержание и проведение научно-исследовательской и культурно-просветительской работы (текст опубликован в том же сборнике /1934. Т. 7/ и в «Научно-методических записках Комитета по заповедникам» /НМЗ, 1938. Вып. 1. С. 90–91/).

В феврале 1934 г. Комитет утвердил Положение «О научных советах государственных заповедников», а в декабре того же года было принято постановление 2-го Пленума Комитета «О комплексных естественно-исторических станциях в заповедниках». Но особо следует выделить резолюцию пленума «Организация научно-исследовательских работ в заповедниках», утвержденную Президиумом Комитета 4.06.1934 г. Этот документ по сути официально заложил программу научной деятельности советских заповедников. Хотя в нем и говорилось, что *«ведущие проблемы должны включать работы заповедников в народно-хозяйственный план хозяйственного строительства»* («Природа и соц. хоз-во». Т. 7. С. 228), однако предусматривались регулярность и длительность наблюдений, картирование, изучение видового состава флоры и фауны, «постоянные метео-, фено- и бионаблюдения», т. е. основы всего того, что было названо позднее «Летописями природы». Были разработаны и утверждены индивидуальные положения о каждом из действующих заповедников, определяющие их задачи и научный профиль. Тогда же было намечено регулярное издание «Трудов» заповедников под руководством единой редакции Комитета. К числу первых изданий относятся «Труды» Астраханского и Крымского заповедников (1936), «Труды по лесному опытному делу Тульских засек» и др.

В марте 1935 г. было принято «Положение о комиссиях содействия научно-исследовательской работе заповедников при госуниверситетах» (НМЗ, 1938, Вып. 1, с. 92—93). Отмечая личный вклад В.Н. Макарова в советскую науку, Высшая аттестационная комиссия НКП 15 ноября 1935 г. утвердила представление МГУ о присвоении ему ученой степени кандидата биологических наук (зоология) без защиты диссертации.

Комитет приступил к составлению специального списка животных и растений для особой законодательной охраны (прообраз «Красной книги»), много внимания уделялось проблеме реакклиматизации и акклиматизации (этим занимался лично Макаров), а также организации ряда новых заповедников (Горно-Шорского, который не был создан, Тебердинского и Мордовского /1936/; «Семь островов» /1937/; Саянского /1939/; и др.).

План Комитета на 1935 г. был очень детализированный; за Шиллингером, например, значилось более 30 конкретных вопросов, за Молодчиковым — 29, за Макаровым — 8. Но жизнь вносила свои коррективы. Весной умер П.Г. Смидович (его именем был назван поселок в Еврейской автономной области Хабаровского края и Мордовский заповедник, учрежденный в 1936 г.); А.И. Молодчикова сменил В.Н. Фофанов; неугомонного Шиллингера в конце года против его желания отправили на пенсию.

В большой докладной записке Комитета от 19.12.1935 г. на имя председателя ЦИК СССР и ВЦИК Калинина сообщалось, что отдел науки ЦК ВКП(б) создал специальную комиссию для проверки работы заповедников. В ее состав входила О.Б. Лепешинская, прославившаяся позднее мнимыми «открытиями» в биологии, которая, ознакомившись с деятельностью Комитета, а также посетив Кавказский, Астраханский и Центрально-Лесной заповедники, пришла к выводу о целесообразности передачи заповедников в Наркомзем.

Документ содержит обзор деятельности Комитета за два года (проведено три пленума, 48 расширенных заседаний Президиума, на которых рассмотрено 286 вопросов, организовано 10 экспедиций, в аппарате состояло 7 человек). Главными недостатками признавались текучесть кадров из-за плохого финансирования заповедников (в Кавказском сменилось 30 человек из 76, в Печоро-Илычском 11 из 24 и т. д.). После обоснования значимости заповедного дела предлагалось реорганизовать Комитет в Управление по охране природы и заповедникам с отделами организационно-хозяйственным и научным, с Бюро кольцевания, ВООП и Научным советом, сохранив его при надведомственном органе — ЦИК СССР или СНК РСФСР. Подписан документ Макаровым как заместителем председателя Комитета (АРАН. Ф. 445. Оп. 4. Д. 19, Л. 76–80).

В мае 1936 г. Комитет по заповедникам возглавил новый председатель, К.М. Шведчиков, в прошлом профессиональный революционер, соратник Ленина, член РСДРП(б) с 1904 г. В литературе о заповедниках каких-либо сведений о нем нет, хотя он руководил ведомством более десяти лет.

Константин Матвеевич Шведчиков родился в 1884 г. в селе Малеть Вятской губернии, окончил реальное училище и уехал в Петербург, где служил в редакции газеты «Наша жизнь», вскоре занявшись и революционной деятельностью. Жил то в России, то за границей, подвергался арестам и ссылкам, в марте 1917 г. был назначен заведующим изданием газеты «Правда», в 1919 г. — чрезвычайным уполномоченным СНК по делам бумажной промышленности и полиграфии, а в 1922 г. — председателем Центробумтреста. Дальнейшая деятельность Шведчикова была связана с Наркоматом внешней торговли, а позднее с кинематографией (был зам. председателя «Союзкино»). В августе 1932 г. его назначают членом коллегии Наркомздрава и директором Всероссийского объединения курортов, а в мае 1936 г. — председателем Комитета по заповедникам при ВЦИК (автобиография предоставлена его дочерью, Н.К. Шведчиковой).

Как профессиональный партиец К.М. Шведчиков не слишком-то вникал в существо заповедных дел и его научных проблем, доверяясь своему заместителю Макарову, но занимался кадровыми вопросами, охотно встречался с приезжавшими в Москву директорами и сотрудниками, проявлял к ним живое внимание и со временем завоевал себе несомненный авторитет. По воспоминаниям очевидцев, это был человек принципиальный и скромный. Шведчиков обладал определенным влиянием в правительстве, и это сразу же ощутила на себе вся заповедная система. Недаром ветераны заповедного дела (например, М.А. Заблоцкий) вспоминают предвоенный период и свою работу под руководством Шведчикова и Макарова как подлинный «золотой век» для заповедной системы.

Комиссия отдела науки ЦК, конечно, надолго вывела Комитет из равновесия, тем более, что бдительная Лепешинская отметила присутствие во многих заповедниках «неблагонадежных элементов» и вообще «засоренность» системы подозрительными личностями, упомянув среди них «бывшего эсера Макарова» и отметив его «мягкотелость». Особую обеспокоенность у нее вызвала «буржуазная направленность» самой идеи гармоничности и равновесия природы, на которой базируется «теория» заповедания. Природа есть не «*вещь в себе, а вещь для нас, плацдарм для подчинения людям... природу взять в руки и переделать для целей соцстроительства ... сделать заповедники боль-*

шевистскими, зажиточными, научными и райскими уголками» — писала она. В ее отчетной докладной для ЦК ВКП(б) рекомендовалось сменить состав Комитета (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 102; Борейко, 1995б).

Не исключено, что именно с этим обследованием связано не только увольнение Шиллингера на пенсию, но и его последующая гибель. 7.11.1937 г. он отправил ранее цитируемое письмо о своей жизни академику Кулагину[5], а в начале 1938 г. был арестован и приговорен к восьми годам заключения. Даже из лагерей он пытался в письмах оказать содействие делу охраны природы, которому был так предан (Борейко, 1994б).

Надо сказать, что страшный каток сталинских репрессий прошелся и по заповедникам. На Украине было арестовано более 20 деятелей охраны природы, в том числе Станчинский, Гунали, ботаник Яната (вскоре погибший), энтомолог Медведев и др. В Крымском заповеднике в 1937 г. был «взят» Смолин, позднее освободившийся. В ночь с 5 на 6 ноября 1937 г. в Майкопе арестовали создателя Кавказского заповедника, замечательного натуралиста Шапошникова, который вскоре был там же расстрелян. В Москве был осужден Фортунатов, в Красноярске арестовали директора заповедника «Столбы» А.Л. Яворского — все это лишь печальные примеры, а не полный перечень. Еще в 1931 г. был арестован (потом отпущен) директор Ильменского заповедника Д.И. Руденко. Как сообщил нам из Майкопа директор Адыгейского филиала Кавказского заповедника В.В. Черпаков, «по сведениям бывшего директора КГЗ А.И. Мартынова, В.И. Краснобрыжев (директор КГЗ в 1930–1934 гг. — *Ф.Ш.*) был расстрелян перед войной за то, что передал Всемирному геологическому конгрессу карты заповедника. Конгресс проходил в 1939 г. в Кавказском заповеднике» (архив автора). Среди начального состава Комитета, кроме Шиллингера, был репрессирован основатель советской системы гидрометслужбы А.Ф. Вангенгейм, одно время возглавлявший ВООП и погибший на Соловках в 1937 г. Не обошла эта судьба и наркома-альпиниста Н.В. Крыленко.

Научный отдел Комитета по заповедникам первоначально возглавил Кулагин, но фактически научное руководство осуществлялось тогда Макаровым, уделявшим особое внимание акклиматизационной тематике. В конце 1934 г. он выступил на 2-м Пленуме Комитета с докладом на эту тему, выдержанным в сугубо директивном стиле. Его проект постановления признавал работы по реакклиматизации и акклиматизации животных первоочередными для заповедников «как обязательные для каждого из них» (архив Макарова). Подчеркивалась необходимость научно-исследовательских работ в этой области под особым контролем Комитета «в целях плановости и согласованности» (там же). Эта тематика заняла большое место и в конкретных программах работ заповедников, и в печати (Макаров был ответственным редактором бывшего журнала «Природа и соц. хоз-во», который с 1932 г. стал выходить ежегодными сборниками). Систематическая работа «по обогащению» фауны заповедников новыми видами началась с 1932 г. расселением в отдельных заповедниках ондатр и американских норок, а с 1934 г. осуществлялись регулярные перевозки бобров из Воронежского заповедника, ставшего основным «поставщиком» этих животных для расселения (отловы бобров были начаты еще в 1932 г., а вскоре был заложен и бобровый питомник). Первая партия этих зверей была отправлена из Воронежа в Лапландский заповедник, затем их завезли в Мордовский, Окский, Хоперский и Центрально-Лесной. Старалась не отставать и система «Союзпушнины»: в 1934 г. довольно интенсивным отловом бобров занялись в Кондо-Сосвинском заповеднике, где также действовал специальный питомник, хотя и весьма примитивный, а в 1935 г. четырнадцать бобров повезли оттуда на реку Демьянку (выпущено было девять). Одновременно на Конде выпустили большую партию американских норок (в Воронежский заповедник их завезли еще в 1932 г., но неудачно); еще

[5] Это письмо приводится полностью в очерке «Франц Францевич Шиллингер» в этом томе (*прим. ред.*).М.,

ранее акклиматизировали на Малой Сосьве и в Лапландском заповеднике ондатру. Завезли норку и в Сихотэ-Алиньский заповедник. Енотовидную собаку (тогда ее чаще называли «уссурийским енотом») в большом количестве (300 штук) выпустили в Астраханском заповеднике, а также на территории намечаемого Тебердинского в Карачаево-Черкесии, еще до его официального создания. В 1936 г. этим опасным для местной фауны зверем «обогатили» Воронежский заповедник (вскоре в Усманских лесах перестал гнездиться тетерев, ранее там довольно обычный, а позднее «енотку» принялись истреблять как переносчика бешенства). Тремя годами прежде там же изредка попадались на глаза странные звери с белой оторочкой спины и пушистым хвостом — американские скунсы. Конечно же, все 20 несчастных «вонючек» вскоре исчезли. То же произошло в Судзухинском заповеднике, где кроме скунсов выпускали еще енотов и норок. Зато 125 белок-телеуток прижились в лесах Теберды, хотя утратили прежние пушные качества и стали причинять урон местной флоре и фауне. Такое же количество телеуток в 1940 г. выпустили (с тем же результатом) в Крымском заповеднике. Из Окского заповедника в Мордовский завезли более сотни выхухолей.

Особое место занимала эпопея акклиматизации каланов с Тихого океана у Мурманского побережья. Сначала велись специальные работы на острове Медном (Малькович, 1938), затем более 20 зверей там отловили и повезли во Владивосток, однако все они погибли в пути. *«При второй попытке из 9 каланов к месту назначения (губа Ярышная) пароходом и поездом удалось довезти 2, причем только самцов»* (Павлов, 1973). Они жили в вольере при специально созданной Комитетом Северной станции до самой войны (один зверь попал на волю и был убит в 1944 г.). На лекциях в МПМИ Мантейфель говорил обо всем этом как весьма перспективном деле, которое следовало бы продолжить. Его призывы были услышаны, и в конце 50-х гг. каланов повезли с острова Уруп Курильской гряды на остров Монерон близ Сахалина. Результатом, как и в первом случае, была очередная трата сил и средств, а также напрасная гибель редких животных. За подобные поистине щедринские сюжеты наши трубадуры от советской биотехнии славят ее по сей день (Граков, 1994).

В 1937–1938 гг. большое внимание уделялось перевозкам и выпускам копытных зверей, особенно пятнистых оленей с Дальнего Востока (А.А. Насимович говорил, что бытовало мнение о необходимости спасения этих оленей на случай войны с Японией). По 53 оленя было выпущено в Тебердинском и Мордовском заповедниках, по 27 — в Окском, Хоперском, Ильменском, Куйбышевском и «Бузулукском бору». В 1937 г. в Хоперский заповедник привезли 5 маралов, в Мордовский — 4. Тогда же 5 зубробизонов из Аскании появилось в Крыму, а в 1940 г. и на Кавказе. В 1940 г. большие партии маралов были выпущены в Ильменском и Башкирском заповедниках. Вскоре лесоводы забили тревогу: копытные повреждали подрост. Выпуск в европейской части СССР пятнистых оленей и енотовидной собаки был признан в конечном счете ошибкой такими виднейшими специалистами, как А.А. Насимович, В.Г. Гептнер, и рядом других зоологов.

Читатели сатирической повести Фазиля Искандера «Созвездие козлотура» не знают, что скрещиванием туров с домашними козами увлекались в Тебердинском заповеднике в 50–60-х годах. Но начало было положено гораздо раньше. В газете «Животноводство» от 23.02.1940 г. читаем: *«Кавказский заповедник проделал много опытов по скрещиванию туров с козами. Плоды этого скрещивания — турокозы — отличаются высоким качеством мяса».*

В Якутии ученики Мантейфеля усердно скрещивали снежных баранов с домашними. Впрочем, сам Петр Александрович из года в год поручал юннатам КЮБЗа случать собак с лисицами, хотя приплода почему-то не получалось. В Салтыковском зверосовхозе этим же занималась студентка ВЗИПСХ З.А. Соколова: ее руководитель Петряев мечтал вывести породу лисиц ростом с овчарку (личное сообщение М.А. Заблоцкого).

Базовый бобровый питомник Воронежского заповедника сыграл важную роль в процессе восстановления численности бобров в СССР. С 1936 г. до своей кончины в 1991 г. там работал Леонид Сергеевич Лавров, зоотехник-звероводь, доктор биологических наук, видный специалист по бобрам и «боброводству». Его коллега по ВЗИПСХ-МПМИ, Александр Григорьевич Костин, осуществивший в 1935 г. вместе с М. Овсянкиным выпуск бобров на Демьянке, получил от Мантейфеля установку на создание питомника кабарги при Алтайском заповеднике «для прижизненного получения мускуса» (правда, неясным оставалось, каким образом это осуществить). Позднее этой темой увлеклись в «Столбах». В заповеднике «Бузулукский бор» занялись одомашниванием лосей (Кнорре, 1939).

Продолжалась регулярная борьба с волками во всех заповедниках. По рекомендации Бутурлина Комитет привлек известного охотоведа и натуралиста Н.А. Зворыкина, который вместе со своим другом, писателем И.С. Соколовым-Микитовым выезжал в Воронежский заповедник, чтобы спасать благородных оленей от кровожадных хищников. И.И. Пузанов, побывавший в 1935 г. в Кавказском заповеднике, возражал против намеченного там отстрела серн для волчьих привад и применения сильных ядов. Критиковал он и отловы куниц в целях регуляции численности этого вида, однако почему-то поддержал выпуск белок в Крыму (АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 200).

Вся эта акклиматизационно-биотехническая деятельность курировалась прежде всего звероводом, доктором биологических наук, профессором Леонтием Васильевичем Бойцовым (другими штатными консультантами Комитета в то время были А.Н. Формозов, Г.Г. Боссэ и С.С. Архипов), верховодил же этой тематикой Петр Александрович Мантейфель, рассматривавший заповедники как хорошую базу для «острых опытов» и проверок тех или иных своих предложений. «*Надо задать природе вопросы*, — говорил он, — *пусть она даст нам свой ответ*». Множество различных его рекомендаций по акклиматизации животных в заповедниках можно найти в материалах Научного совета главка. Выступая на заседании в мае 1940 г., П.А. протестовал против изучения экологии волка в Окском заповеднике, утверждая, что волков надо не изучать, а истреблять «*всюду, где они есть*». Ему возражал Формозов, считая, что изучение необходимо «даже и для борьбы» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 188. Л. 158).

В 1938 г. Комитет одержал окончательную победу над своими соперниками, получив (по специальному постановлению правительства) в свое подчинение три важнейших «охотничьих» заповедника — из Наркомзага Кондо-Сосвинский и Кроноцкий, а из Наркомзема Баргузинский (все они были признаны имеющими общегосударственное значение). Зато формально учрежденный (по ленинско-шиллингеровскому декрету) и никогда не существовавший в действительности Байкальский был официально ликвидирован. Перешел в ведение Комитета и Лапландский заповедник, ранее сменивший множество «хозяев» (Наркомзем, Союзлеспром, Наркомснаб, Всекохотсоюз, Союззаготпушнина). Его создание и деятельность связаны с такими известными именами, как Герман Михайлович Крепс (первый директор) и Олег Измаилович Семенов-Тян-Шанский, внук знаменитого географа (Берлин, 1985). В 1935–1937 гг. удалось создать очень интересный северный заповедник «Семь островов» (в большой мере благодаря усилиям энтузиаста-орнитолога и полярника Льва Осиповича Белопольского). В январе 1937 г. Комитет принял от Уральского филиала АН СССР Ильменский заповедник, сменивший до этого нескольких «хозяев» (Уральский отдел народного образования и др.), у которых влачил жалкое существование. В акте передачи фигурировало множество сторонних организаций на территории заповедника, связанных с подсочкой леса, разработкой ископаемых, туризмом и т. п. Заповедник был взят на госбюджет, включен в число общегосударственных, его площадь была увеличена до 49,9 тыс. га за счет Аргазинской лесной дачи, но разработки золота и торфа там сохранились.

Несколько укрепилась материальная база заповедников. Если в 1935 г. для них было выделено 1,6 млн. руб., то в 1938 г. – 11,5 млн., из них 3,0 млн. составляли спецсредства (архив Макарова). В отчете Комитета за 1938 г. подчеркивалось значение заповедников для туризма, но развит он «пока слабо: через Крымский заповедник проходит зарегистрированных 10 тыс. человек, через Кавказский и Тебердинский — по 40, через «Столбы» — 30, Ильменский — 5 тыс. и т. д.» (Там же). Вскоре были разработаны специальные «Правила для турбаз и лагерей, расположенных на территории госзаповедников», утвержденные Комитетом и Туристско-экскурсионным управлением ВЦСПС (НМЗ. 1939. Вып. 2. С. 142–143). Еще в 1930 г. в серии «Библиотека пролетарского туризма» вышел путеводитель «Через Кавказский государственный заповедник» (Акодус и Зарубин, 1930), позднее ТЭУ ВЦСПС выпустило книжечку инструктора туризма Ю. Промптова «По Кавказскому заповеднику»; это характерно и для многих других заповедников, выполнявших функции национальных парков (Крымский, Ильменский, Теберда, «Столбы» и др.).

С 1938 г. стали регулярно издаваться «Научно-методические записки Комитета по заповедникам» под редакцией Макарова. Все они выходили с весьма характерным эпиграфом: *«Данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связь с практикой, с опытом — какая же это наука?..» СТАЛИН.*

Открывался первый выпуск «Записок» речью тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. и передовицей «Советская наука» из газеты «Правда» от 11 мая 1938 г. Установочная статья В.Н. Макарова «О задачах и содержании научно-исследовательской работы в заповедниках» еще раз повторяла вышеприведенный эпиграф и посвящалась главным образом организационным вопросам. *«Всю свою научно-исследовательскую работу заповедники должны строить в плановом порядке, начав с составления плана организации заповедного хозяйства»* (Макаров, 1938, с. 12). Этот термин — ЗАПОВЕДНОЕ ХОЗЯЙСТВО — и при своем появлении в конце 30-х гг., и значительно позже — вызывал возражения многих ученых двусмысленностью и явным противоречием столь принципиально разных понятий, как «хозяйство» и «заповедность».

Самым горячим приверженцем понятия о заповедном хозяйстве был лесовод Сергей Сергеевич Архипов, ученый специалист Комитета, деятельность которого была тесно связана с заповедником «Тульские засеки». Он категорически отводил возражения и упреки некоторых членов Комитета (в частности, Алехина и Турова), настойчиво требуя разработки планов организации заповедного хозяйства от всей системы госзаповедников. На IV пленуме Комитета (март 1938 г.) Макаров и Боссэ поддержали Архипова, и двусмысленный термин был как бы принят. *«Заповедное хозяйство есть планомерная деятельность человека, организованная на заповедной территории для выполнения специальных задач, — будь то простая охрана заповедного фонда или умножение его, реконструкция и т. п.»* (Архипов, 1938, с. 52). Под «заповедным фондом» он понимал не только конкретные территории, но и фауну, флору, даже *«климат, гидрологию, геологию и др.»* (там же, с. 51). Каждый заповедник был обязан представлять годовые и долгосрочные планы «организации заповедного хозяйства», где предусматривались и разные исследовательские темы, но главное внимание уделялось именно акклиматизации. Порой в планах писали любые «прожекты», кто во что горазд. Так, Алтайский заповедник в 1940 г. заложил в проект «заповедного хозяйства» не только выпуск баргузинских соболей и расселение алтайских сурков, но даже завоз в горные тундры полярных леммингов с перспективой акклиматизации в дальнейшем песца (!), а также посевы кедрового стланика и запуск в Телецкое озеро форелей (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 223). Кондо-Сосвинский заповедник в 1935 г. планировал выпуск «баргузинцев», и директор Васильев специально ездил для этой цели на Байкал, но намеченное мероприятие не было осуществлено (Штильмарк, 1993).

Как можно видеть, все это было довольно далеко от классических принципов научного заповедного дела. Тем не менее экологические исследования в заповедниках велись довольно активно. Этому способствовали научно-методические разработки и рекомендации таких видных ученых, как В.Н. Сукачев, который в 1935 г. выступил на втором пленуме Комитета по заповедникам с докладом «Содержание и направление научно-исследовательской работы в заповедниках в области изучения растительности» (Сукачев, 1936). Профессор В.В. Станчинский, которого Г.Л. Граве приютил в Центрально-Лесном заповеднике, опубликовал в «Научно-методических записках» программную статью «Задачи, содержание, организация и методы комплексных исследований в госзаповедниках». В этом же издании были помещены полезные методические разработки ряда других видных специалистов (Малышев, 1939; Теплов, 1939; Гептнер, 1940; и др.).

В конце 1938 г., в связи с созданием Верховного Совета СССР и РСФСР (после того, как была принята сталинская конституция), ВЦИК перестал существовать. До мая 1939 г. Комитет по заповедникам значился при Совнаркоме РСФСР, а 10 мая был преобразован в Главное управление по заповедникам при СНК РСФСР. В октябре 1939 г. оно стало называться Главным управлением по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при СНК РСФСР, в связи с чем произошли внутренние структурные преобразования, появились новые отделы, увеличились штаты. При Научном совете было создано научно-методическое бюро и квалификационная комиссия, сыгравшая очень большую роль в процессе роста научных кадров в заповедниках. Кроме С.С. Архипова и Г.Г. Боссэ в главк вошли лесовод и ботаник М.В. Герасимов, охотовед А.В. Федосов и другие специалисты.

При каждом изменении требовалось пересматривать и обновлять официальные положения о ведомстве, принятые 10.05.1939 г. и 5.04.1940 г. Соответственно, в 1940 г. было принято и очередное «Положение о государственных заповедниках на территории РСФСР» (Пост. СНК РСФСР от 17.03.1940 г. (НМЗ. 1939. Вып. 5. С. 236). В нем сохранялись пункты о разрешении задач акклиматизации и об организации в заповедниках туризма и научных экскурсий.

Главк заметно окреп, улучшилось его финансирование, значительно расширилась издательская деятельность. За 3 года (1938–1940) было издано 7 томов «Научно-методических записок» общим объемом более 50 печ. листов и научные «Труды» почти всех заповедников (некоторые издали к тому времени уже по несколько сборников). Объем их так велик, а тематика столь разнообразна, что трудно даже отвести место для их обзора. Это несомненная и серьезная заслуга Макарова как организатора и ответственного редактора многих из этих изданий. Не будучи специалистом-биологом, он сумел объединить вокруг Комитета и главка широкий круг видных ученых из разных отраслей науки. Надо отдать должное и таким деятелям, как академики А.Е. Ферсман или А.А. Григорьев, которые соглашались быть членами Научного совета, созданного при главке, да и президент АН СССР В.Л. Комаров благоволил ему. Но постоянными, «рабочими» участниками Совета были ведущие (в основном университетские) специалисты Москвы, причем не только в области зоологии и ботаники, но и лесоведения, почвоведения, географии. Вот состав Научного совета Главного управления в 1939 г.:

В.В. Алехин (геоботаник), В.И. Аносов (Кавказский заповедник), В.А. Булкин (Воронежский зап-к), С.И. Ванин (фитопатолог), М.В. Герасимов (главк), В.В. Гиммерлинг (почвовед), А.А. Григорьев (географ), В.Г. Гептнер (териолог), Г.П. Дементьев (орнитолог), А.М. Ермолаев (Астраханский зап-к), П.М. Жуковский (ботаник и генетик), Л.А. Зенкевич (зоолог), Д.Н. Кашкаров (эколог), Б.М. Козо-Полянский (ботаник), Г.П. Корнилов (Ильменский зап-к), Н.М. Кулагин (зоолог), Н.Н. Липина (гидробиолог), В.Н. Макаров (главк), П.А. Мантейфель (биотехник-охотовед), Г.В. Никольский (ихтиолог),

И.И. Пузанов (зоогеограф), А.А. Роде (почвовед), Н.Н. Смирнов (геолог), В.Н. Сукачев (геоботаник и лесовед), С.С. Туров (териолог), А.Е. Ферсман (минералог), А.Н. Формозов (эколог и териолог).

По сравнению с первоначальным составом Комитета, Совет существенно обновился за счет квалифицированных ученых. Новые специалисты пополнили и научный отдел главка: пришли фенолог, канд. биол. наук Сергей Михайлович Преображенский, ботаник, будущий профессор МГУ Николай Александрович Прозоровский, зоолог С.Е. Клейненберг, лесовод Ф.Н. Правдин, гидробиолог В.А. Васнецов. Заведовал же научным отделом ботаник, проф. Георгий Густавович Боссэ, личность довольно своеобразная. А.В. Яблоков, издавший в 1957 г. совместную с ним брошюру об охране природы, сообщил, что Боссэ был не только бывшим эсером, как и Макаров, но даже министром в составе одного из временных правительств на юге России, что не помешало ему получить в 1951 г. Сталинскую премию за изучение отечественных растений в качестве каучуконосов.

В юбилейном номере журнала «Наука и жизнь» (№ 11 за 1937 г., к 20-летию Октябрьской революции), рядом со статьей о работах академика Лысенко, был помещен очерк Боссэ «Советские заповедники», где со ссылками на Ленина и Энгельса доказывалась необходимость их деятельности *«как элемента социалистического хозяйства и общей советской культуры»* (Боссэ, 1937, с. 23). Это был реальный успех. Однако расплачиваться за него надо было не только отказом от научных принципов, но и преобразованием отдельных заповедников в своего рода комплексные хозпредприятия. В планах научных работ все больше места занимала конкретная хозяйственная тематика, такая, как «клеточное разведение баргузинских соболей», «искусственное разведение гаги», «улучшение меховых качеств бобров при клеточном содержании», «одомашнивание лосей» и т. д.

Некоторые из отечественных зоологов, в частности, Северцов, Туров, Гептнер и др., даже в 30-х гг. относились ко всей этой акклиматизационной и биотехнической суете скептически, но не шли дальше призывов к осторожности и проверке: понимая сложность ситуации, они доверяли стратегии Макарова и старались ему помогать. В то время люди часто сдерживали свои мысли и чувства. Однако бывали исключения. Вот что писал Макарову Пузанов в 1940 г. в связи с планами массовых отстрелов копытных в Крымском заповеднике для регуляции численности животных: *«По существу заповедников у нас нет, а есть своеобразные учреждения, в которых лесное хозяйство ведется хуже и худшими специалистами, чем в лесоохране. А охотничье хозяйство ведется просто по-варварски!»* (АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 240. Л. 10–11). На этот крик души Макаров отвечает с пониманием: *«Вы можете представить себе, в каком я нахожусь нередко состоянии, отбиваясь от подобных наскоков на ряд заповедников... За 11 лет работы на этом поприще мне пришлось испытать не только непонимание, но и ряд тяжелых мытарств, а иногда насмешки и оскорбления»* (Там же). Под «наскоками» Макаров имел в виду прежде всего бесконечные претензии хозяйственников, то и дело предъявлявших права на различные природные ресурсы заповедников (сельхозугодья, леса, запасы торфа, полезных ископаемых и т. д.). Подчас приходилось идти на уступки: так, еще в 1940 г. СНК разрешил поисковые работы на нефть в Куйбышевском заповеднике (в Жигулях) с постройкой 8 буровых вышек «при соблюдении основных правил заповедности» — как будто это можно совместить! Более 100 местных колхозов предъявили права на сенокосы в бассейне Клязьмы и Оки — таких спорных вопросов было множество, причем при их обсуждении высокопоставленные государственные и партийные деятели проявляли полное непонимание дела охраны природы. Заповедная система постоянно «висела на волоске», поэтому Макарову было так тяжело принимать упреки от своего научного окружения.

Конечно же, заповедники и в то время занимались не только акклиматизацией животных и борьбой с волками. Тот же Пузанов на заседании Научного совета в мае 1940 г. говорил о заповедниках как замечательных лабораториях природы, которых не имеет Академия наук. В них формировались подлинные научные коллективы, работали многие яркие исследователи, оставившие заметный след в науке статьями или отчетами. Среди первых (некоторых мы уже называли) упомянем Б.П. Сацердотова, А.Р. Де-Ливрона, Н.Н. Кузнецова-Угамского, Е.Г. Кузьмину, Л.О. Белопольского. В Кавказском заповеднике с энтузиазмом работали будущие известные зоологи А.А. Насимович, В.П. Теплов, И.В. Жарков, С.С. Донауров. В Кондо-Сосвинском с 1937 г. трудился выдающийся натуралист Вадим Вадимович Раевский (он бывал здесь в 1934 г.), туда же переехала из Воронежского заповедника Зоя Ивановна Георгиевская, изучавшая экологию бобров; научным руководителем в 1938 г. стал будущий профессор Василий Николаевич Скалон; вскоре туда приехала из Ленинграда чета молодых ботаников — Кронид Всеволодович Гарновский и Евгения Витальевна Дорогостайская, дочь известного иркутского профессора, одного из основателей советского звероводства, расстрелянного в 1938 г. Ближайший друг Раевского, выдающийся натуралист-зоолог Лев Георгиевич Капланов в то время изучал экологию тигра и других животных в Сихотэ-Алинском заповеднике, первый директор и организатор которого, Константин Георгиевич Абрамов, собрал целую группу молодых исследователей-энтузиастов (Ю.А. Салмин, К.В. Грунин, В.Д. Шамыкин и др.).

Можно было бы рассказать многое о замечательных исследованиях Капланова, Раевского, Насимовича и других зоологов (равно как и ботаников или иных специалистов) в заповедниках, где исследователи могли круглогодично вести наблюдения в условиях относительно нетронутой природы, но об этом уже немало написано и в специальной, и в популярной литературе. К сожалению, авторы часто избегали выносить на свои страницы подлинную правду жизни, не касались другой стороны «заповедной медали» — работы заповедников как специфических советских учреждений, вкрапленных в общий лагерь строящегося социализма.

...Центральной усадьбой Кондо-Сосвинского заповедника был поселок Шухтунгорт, где размещалось отделение охотсовхоза. Добираться сюда надо было из Омска или Тюмени пароходом до Березова, а далее по рекам Северной и Малой Сосьве на попутных катерах или лодках; этот путь занимал около месяца. Первый директор и организатор заповедника, тобольский охотовед Василий Владимирович Васильев с женой Марией Александровной не только руководили заповедником, но и определяли всю жизнь местного населения, среди которого были как русские люди, так и представители коренных народностей — ханты, манси, коми. Васильев привлек аборигенов к работе в охране заповедника и пользовался среди них большим уважением (его называли «Васька-ойка-суд», т. е. «старший судья»), он привык чувствовать себя здесь полноправным хозяином, у него были отличные отношения с руководителями охотхозяйственных ведомств, которым подчинялся заповедник, он активно занимался отловами бобров, выпусками ондатры и норки, но переход в Комитет по заповедникам воспринял без энтузиазма. Вскоре был назначен новый директор, местный партиец-хозяйственник Яков Федорович Самарин, а заместителем его стал молодой, но весьма опытный сибирский зоолог Василий Николаевич Скалон. Между ним и Васильевым возник острейший конфликт, полностью расколовший не только коллектив, но и все население глубинного поселка на два противостоящих друг другу лагеря. Прибытие из Москвы инспектора И.О. Черненко лишь подлило масла в огонь, хотя при составлении акта проверки он дал предложения из 23-х пунктов и написал 7 листов выводов... Такие ситуации возникали отнюдь не только на Малой Сосьве, они весьма типичны для многих дальних мест.

Прямой потомок известного дворянского рода, рано осиротевший и хвативший горя в детстве и юности, Вадим Раевский занялся в заповеднике детальным изучением экологии соболя. Он договорился с дирекцией о том, что его жена, микробиолог, жившая тогда в Барнауле, получит место фельдшерицы в строящейся новой усадьбе заповедника (Хангокурт, расположенный еще выше Шухтунгорта по реке). Тем временем Раевская была арестована и тогда же погибла в застенках НКВД (официально она получила по приговору «десять лет без права переписки», и Раевский до конца жизни надеялся на ее возвращение). Было о чем подумать научному сотруднику во время долгих зимних переходов по соболиным следам с постоянными ночевками у костров или в таежных «хорохотах» (местное таежное зимовье, отапливающееся «по-черному», через дыру в крыше). Раевский избегал общения с раздираемым распрями коллективом и месяцами не возвращался в Хангокурт, вызывая нарекания дирекции. А его друг и коллега Лев Капланов, выслеживая тигров в горах Сихотэ-Алиня, не только получил выговор от сменившего Абрамова нового директора, но даже был отчислен во время вынужденной задержки в тайге (Малышев, 1971).

В Кавказском заповеднике смена директоров (охотоведа-партийца И.В. Ливанова на партийца-геолога В.И. Аносова) привела буквально к распаду научного коллектива — оттуда ушли Насимович (в Лапландский заповедник, а затем в научный отдел главка), Аверин (в Кроноцкий), Теплов (в Печоро-Илычский) и другие зоологи. А.Н. Формозов возмущался этим, выступая на одном из Научных советов главка. Более «устойчивыми» оказались лесовод Л.И. Соснин, ставший зам. директора по науке, географ А.В. Кожевников, родственник Г.А. Кожевникова, ботаники Э.Н. Альпер и Р.А. Еленевский.

На Алтае в то время собралась своеобразная группа «из бывших» (т. е. из бывших дворян и старой русской интеллигенции). Там работали Петр Борисович Юргенсон, внук известного музыкального издателя; организатор и первый директор Лапландского заповедника Герман Михайлович Крепс, предпочитавший держаться подальше от прежней российской столицы; Федор Дмитриевич Шапошников (тоже родовитого семейства). Директором был туда «сослан» с Кавказа И. В. Ливанов, старавшийся не вмешиваться в дела «научников» и сам, по-видимому, симпатизировавший их настроениям. В Яйлю царили запустение и разруха, о чем весьма красочно вспоминает А. Г. Костин, приехавший туда не только с планами создания кабарожьей фермы, но и с большой семьей. Научный коллектив встретил новичка неприветливо: выпускник-охотовед школы Мантейфеля в глазах зоологов-университетцев был недоучкой, и ему не нашлось места сотрудника; Костина назначили начальником охраны.

«Я стал председателем группы содействия прокуратуре, — вспоминал Костин, — *приходилось ко всему присматриваться... Случалось находить в скалах тайники с оружием, с гранатами. Попадались перебежчики, которых мы передавали в погранотряды. К тому же шла полоса «ежовщины», и многих людей тогда брали по доносам вовсе беспочвенным. Жертвой их пал, например, председатель Турочакского аймака... По его делу выезжал из Москвы следователь, а накануне его приезда прокурор области застрелился. Потом беднягу-председателя освободили, но это был уже не человек и не работник (как и мой брат Иван, взятый в 1939 г.)».* Далее Костин рассказывает, как он подробно написал о положении дел в заповеднике и вместо адреса главка вывел на конверте: «редакция газеты «Правда»...

«Не прошло двух недель, как приехал человек лет 55, слез с саней и не в контору, а на конный двор, в пекарню, магазин, зашел в квартиры рабочих... К вечеру стало известно: ревизор из Москвы, член партии с 1903 г., Бородавкин Владимир Александрович. Занял он кабинет директора, вызывал к себе людей, а больше ходил по поселку, присматривался. На третий день появились люди из НКВД и начались аресты. Забрали 15

человек, у которых оказались не в порядке документы. Некоторых давно разыскивали — сбежавшие из окрестных мест кулаки-кержаки. Одновременная проверка на соседнем прииске тоже привела к многочисленным арестам. Потом говорили, что многие из арестованных встречались здесь с Н.И. Бухариным, не раз приезжавшим в Яйлю и рисовавшим здесь виды Телецкого озера. На берегу его был большой лиственничный пень, на котором Н. И. любил сидеть. Этот пень весной 1938 г. мы дружными усилиями выкорчевали и сбросили в озеро...» (цитаты из писем Костина автору, см. Штильмарк и Костин, 1994, с. 19). Надо ли объяснять, что и те, кто встречался с Бухариным, и «кулаки-кержаки» были на самом деле простыми сибиряками-тружениками, напрасными жертвами сталинского террора.

«Ливанова сняли, первым пунктом обвинения было — «потеря классовой бдительности». Забегая вперед, скажу, что суровой кары ему не было. То ли помогли таймени и мед, которыми он одаривал прежних ревизоров из Комитета, то ли что другое, но он быстро устроился на должности лесничего где-то под Москвой. Тогда вообще както странно было: по липовым доносам людей истязали и ссылали, а тех, кто этого действительно заслуживал, выгораживали или давали минимум.

Новым директором стал В. А. Бородавкин. Последнее время работал он заместителем председателя Далькрайисполкома, в чем-то проштрафился, вызвали его в Москву и дали новое назначение... Он был один из героев Волочаевки, имел орден Красного Знамени, вскоре стал депутатом облсовета и членом обкома партии... Дела пошли лучше. Появилось 20 рабочих лошадей, 10 ходков на железе, приехало несколько семей рабочих, появилась соль и хороший хлеб» (Там же, с. 20).

Это не случайные эпизоды, здесь проявилась политика не столько Комитета по заповедникам, сколько Компартии и Совнаркома, выдвигавших на руководящие должности именно таких людей, как В.А. Бородавкин, — участников Гражданской войны, бывших партизан или матросов, считавших своим партийным долгом честно выполнять любое порученное им дело. Как администраторы и организаторы они подчас оказывались на высоте, хотя были очень далеки от заповедной науки. И.И. Пузанов в своих воспоминаниях пишет: *«Несколько лет директором заповедника состоял известный партизан времен Гражданской войны А.В. Мокроусов. Окрестные браконьеры, хорошо понимавшие, что с этим подтянутым волевым человеком шутки плохи, приутихли»* (Пузанов, 1960, с. 195). Надо сказать, что в то время за браконьерство, как один из видов хищения социалистической собственности можно было по сталинскому указу от 7.08.1932 г. не только получить десять лет, но и лишиться жизни.

«Через год после назначения Бородавкина заповедник было не узнать. Крепкое хозяйство, два жилых дома, транспорт, торговля. Окреп местком, открылся клуб, зажглось электричество, подсобное хозяйство давало овес, сено, овощи, картофель, заложили хороший сад. А Бородавкина в результате отозвали и назначили директором Крымского заповедника, выделив большие средства на строительство» (Там же, с. 20). Мы снова встретимся с Бородавкиным в 1943 г. (см. ниже).

«В Алтайский заповедник приехал новый директор, М.П. Журавлев, отставной полковник НКВД, уже пожилой человек, жена много моложе, двое детей-подростков. Вместе с ним появился новый зам. по науке — В.Ф. Исаков (Крепс и Юргенсон при Бородавкине переехали в другие заповедники — *Ф.Ш.*). *Они поручили Шапошникову спроектировать установку для получения электроэнергии от волн Телецкого озера, тот кое-как отказался от этого задания»* (Там же, с. 21). Журавлев прославился тем, что велел поставить на лыжи лошадей для преодоления заснеженных перевалов, затем приказал всем жителям Яйлю держать не менее 100 кур каждому. Он строго запретил кому-либо писать в главк и даже не выпускал никого из поселка. Молодая геоботаник Гришаева прошла через тайгу и горы в Артыбаш, добралась до Шведчикова, и... *«Жу-*

равлева с Исаковым точно ветром сдуло, даже без комиссий и райкома. Журавлева перевели директором местной школы, а позднее выяснилось, что он был душевнобольным» (Там же, с. 22). Вообще, история Алтайского заповедника насыщена криминальными сюжетами (Малышев, 1982 и др.).

А.Г. Костин при Бородавкине получил свою «кабарожью» тематику, и ему удалось построить первую в СССР ферму для содержания этих зверей в неволе, но возник конфликт с Исаковым и Шапошниковым, признавшими эту тему ненужной. Об этом был большой спор в Научном совете главка между Мантейфелем и Гептнером. И хотя последний согласился с доводами П.А., тему Костина все-таки сняли, кабарожий питомник на Алтае ликвидировали, а зверей отправили в Московский зоопарк, где все они вскоре погибли. Костин же после окончания трехлетнего договора был вынужден отправиться в путешествие на плоту по Бие и Оби со всем семейством, которое увеличилось еще на сына Бориса. Его теща (бабушка академика В.Е. Соколова) и младший сын Стасик не перенесли этого пути и умерли в дороге, сам же он более в заповедниках не работал. В печати Костин никогда не публиковался, и его опыт разведения кабарги в неволе отражен лишь в отчетах (Штильмарк, 1995).

Это лишь отдельные примеры реальной жизни заповедников в предвоенный период. Они свидетельствуют о весьма сложном и противоречивом процессе их становления в качестве своеобразных советских комплексных учреждений, ведущих как практическую, так и научную, а также культурно-просветительскую работу, успех которой во многом определялся фактором конкретного руководства и непосредственно личностью тех или иных руководителей (прежде всего директоров). И.И. Пузанов в своем заключении о проверке работы Астраханского заповедника в 1938 г. указывал, что несомненный и реальный успех его деятельности прежде всего объясняется *«умелым и бессменным руководством директора* (А.М. Ермолаева. — *Ф.Ш.*), *являющегося одним из основателей заповедника, сумевшего сплотить вокруг себя штат хороших административно-хозяйственных и научных работников... Благодаря этой бессменности руководства, Астраханский зап-к не знал периодов упадка и деградации, столь часто повторяющихся в истории Кавказского и Крымского заповедников в результате хронической директорской чехарды, всегда вызывающей в лучшем случае застой и нарушение преемственности работы, а нередко и разрушение результатов проделанной работы»* (Пузанов, 1939, с. 213).

В этом плане весьма интересно выступление члена Научного совета главка, проф. Н.Н. Липиной на заседании от 15 декабря 1939 г. «Что у нас самое плохое в заповедниках? Я думаю, что встречу единогласное одобрение, если скажу: директора. Это говорят абсолютно все, это общий вопль. Они разрушают нам заповедник за заповедником (с места — отдельные директора). Я, конечно, не говорю о таких уникумах, как Ермолаев, о котором все говорят с хорошей улыбкой, я не говорю о Булкине (директор Воронежского зап-ка. — *Ф.Ш.*), но в массе наши директора — это наше зло. Что тут сделать — не знаю. Может быть, директора сами в какой-то степени должны быть научными работниками, может быть, тогда они будут понимать их нужды. На что больше всего жалуются научные сотрудники? «Еду на работу — лошади нет. Возвращаюсь домой — воды нет. Иду к себе — холод стоит в лаборатории такой, что работать невозможно». Кто так бесчеловечно относится — директор... Они выживают сотрудников, и те вынуждены уходить» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 136. Л. 68–69).

Формозов, Гептнер и другие ведущие ученые, выступавшие на том же заседании, подчеркивали, что заповедники собрали многих молодых выдающихся натуралистов, способности которых только там могут быть полностью открыты при ведении долгосрочных наблюдений в природе. Все это было совершенно справедливо, однако, как заметил председательствующий Шведчиков, у директоров были и другие, более суще-

ственные для них заботы, причем не только такие, как строительство, строгая отчетность, финансирование и т. п., но также лавирование по разным партийно-хозяйственным «линиям» и «установкам», отношения с местными властями и населением — со всем этим могли успешно управиться в самом деле лишь отдельные «уникумы» (и Ермолаев, и Булкин были заслуженными партийцами, участниками Гражданской войны). Надо учитывать и такой фактор, как отдаленность и труднодоступность многих заповедников, где люди, по выражению одного из выступавших на Совете, «просто дичают». Среди ветеранов заповедного дела известен рассказ о том, как побывавший в Кавказском заповеднике Шведчиков сказал: «Здесь могут работать или энтузиасты или те, кто не в себе». По словам же Насимовича, начальник главка выделял три категории работников: энтузиасты, студенты и неудачники... Так или иначе, система советских заповедников, как и многое другое в СССР, становилась парадоксальным явлением, непостижимо сочетая в себе высокие идеи с теневыми сторонами реальной жизни.

3.1.7. Заповедники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Заповедная система в начале 1941 года. Период лихолетий; потери и уроны. Недолгая эвакуация главка в Астрахань и его работа по возвращении в Москву. Начало восстановительного этапа. Неизвестные страницы заповедной действительности военного периода.

Отстояв советские заповедники в предвоенный период от различных ведомственных посягательств, Главному управлению удалось на время укрепить их официальное место в общей системе соцстроительства, обеспечить относительно увеличенное по сравнению с недавним прошлым финансирование, развить все то, что теперь принято называть «инфраструктурой», т. е. материальную основу деятельности. Есть основания считать 1940–1941 гг. (до начала войны) верхней точкой функционирования системы, объединившей к тому времени почти все заповедники РСФСР (кроме академических — Супутинского, «Кедровой пади», «Кивача», а также местных — «Столбы», «Галичья гора», «Лес на Ворскле», «Троицкий лесостепной» и других, уже намечавшихся к передаче в главк). Структура Главного управления существенно расширилась, создались новые отделы: организации территорий (нач. — лесовод Павел Сергеевич Бельский) и планово-финансовый (нач. — Георгий Петрович Лазич). При главке работало хозрасчетное предприятие «Росорглес» (в Вологде), укрепились связи и контакты на местах. В 1939–1940 гг. в правительстве вновь рассматривался вопрос о создании Всесоюзного органа по охране природы при СНК СССР, однако дело ограничилось учреждением главных управлений по заповедникам при СНК шести союзных республик, кроме РСФСР (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 248. Л. 200 и др.).

Наиболее сильные заповедники, такие, как Астраханский, Кавказский, Воронежский, достигли уровня комплексных научно-исследовательских учреждений. Это обуславливалось не одним лишь количеством и направлением научных «станций» или лабораторий, но и четкостью главной задачи, поставленной перед научным коллективом заповедника, а также во многом зависело от руководства (директора и его заместителя по научной работе). Например, успех Астраханского заповедника состоял в подчиненности всей тематики проблемам дельты Волги — от общих физико-географических до частных биологических. Это видно даже по штатному составу научного отдела заповедника в 1940 г.: зав. научной частью, старшие сотрудники: климатолог, гидролог, геоморфолог, гидробиолог, гидрохимик, геоботаник, ихтиолог, орнитолог, териолог. В духе времени была должность «лесовод-интродуктор». Научно-технический персонал включал шесть метеорологов-фенологов, шесть лаборантов разных профилей, зоолога-пре-

паратора и зав. музеем. Надо учитывать, что в то время все работники охраны числились «наблюдателями» и были обязаны участвовать в ведении «Летописи природы», т. е. постоянной регистрации всех наблюдений за природными процессами и явлениями на территории заповедника (об истории «Летописи» и происхождении термина см. ниже, а также: Пузанов, 1939).

Благодаря организаторским способностям Макарова и его хорошим контактам с вузами (МГУ, ВЗИПСХ-МПМИ и др.), с такими наставниками молодежи, как Формозов в университете или Мантейфель в Балашихе, заповедники вскоре стали своеобразными прибежищами для натуралистов разных профилей. Кроме того, в них вольно или невольно сконцентрировалось много представителей российской интеллигенции, которая в то время преследовалась в крупных центрах и столицах. К уже упоминавшимся ранее представителям этого сомнительного для советской власти «класса» (Станчинский, Крепс, Юргенсон, Кнорре, Скалон, Раевский и др.) можно добавить имена известных ныне, но в свое время считавшихся «неблагонадежными» Г.Д. Дулькейта, Г.Ф. Бромлея, Г.Н. Лихачева, Е.А. Крутовской, Ю.А. Исакова, сестры и брата Грюнеров и многих других. Нет нужды убеждать в том, что это были добросовестные и честные работники, обеспечивающие выполнение своей научной тематики.

Достижением заповедной системы и ее руководства была не только необычайная издательская активность, но и внимание к методическим разработкам. Недаром основное издание Комитета (главка) по заповедникам называлось именно «Научно-методическими записками», а не чисто научными «трудами».

Еще на первом этапе деятельности Комитета по заповедникам С.А. Северцов разработал проект инструкции проведения научно-исследовательских работ в заповедниках и ввел понятия научного профилирования, стационарности заповедников как «лабораторий природы» (позже стало ходовым выражение «лаборатории в природе», искажающее первоначальный научный смысл термина). Ядром тематики признавалось «изучение закономерностей естественно-исторического развития (филогенетического и экологического порядка) современных форм жизни заповедной территории». При этом предусматривались контакты с Академией наук, НИИ и вузами под непосредственным руководством Комитета. (АРАН. Ф. 445. Оп. 4. Д. 194. Л. 30–35. дата 20.07.1934 г.)

Конечно, многие научные разработки были сильно нарушены и искажены позднейшими установками на «обогащение» заповедников акклиматизацией и биотехнией, а также составлением планов «заповедного хозяйства», но все-таки они сохранялись и в некоторых пунктах официальных положений о госзаповедниках, и в их текущей работе. В.Н. Макаров часто напоминал сотрудникам заповедников о необходимости изучения природных закономерностей и развития экологических исследований, хотя само понятие экологии становилось все более чуждым духу времени.

Научная тематика заповедников в 1940–1941 гг. отличалась большим разнообразием (в общей сложности около 200 тем, подтем и научных мероприятий), причем главк стремился охватить едва ли не все области биологических, а частично и других дисциплин (география, геология, климатология, гидрология), уделяя особое внимание хозяйственно значимым видам животных и растений. Макаров лично просматривал все отчеты, делая многочисленные замечания и давая (вместе с консультантами научного отдела) окончательное заключение. Он прекрасно знал свои кадры и следил буквально за каждым сотрудником, вникая не только в дела, но и в проблемы бытового порядка. Директоров и их заместителей по науке вместе с бухгалтерами регулярно вызывали в Москву на балансовые комиссии, где заслушивались их отчеты и детально обсуждались планы на предстоящий год (эта традиция сохранялась по ведомствам до недавнего времени). Важнейшее значение для научных работников имела строго налаженная сис-

тема рецензирования отчетов и рукописей, причем рецензентами были не только штатные сотрудники или консультанты главка (Боссэ, Формозов, Клейненберг, Правдин и др.), но и видные ученые АН СССР, вплоть до академиков. Первостепенную роль для роста научных кадров в заповедниках сыграла деятельность квалификационной комиссии, которая была учреждена еще при Комитете в начале 1936 г. Она рассматривала законченные работы, рекомендуя тех или иных авторов на соискание научных степеней, утверждала должности старших сотрудников. Первыми в таких списках мы видим зоологов Башкирова, Насимовича, Юргенсона, Теплова, Шестакова; ботаников и лесоводов Введенского, Соснина, Доброхотову; тогда же было решено утвердить в должности старшего научного сотрудника О.И. Семенова-Тян-Шанского и С.С. Фолитарека, несмотря на отсутствие у них высшего образования. Н.Н. Кузнецов-Угамский, Г.Л. Граве и И.И. Спрыгин были рекомендованы ВАКу для присвоения ученых степеней без защиты диссертаций. В целом можно говорить о заповедной системе довоенного периода как определенной научной школе, воспитавшей многих специалистов. Недаром, по мнению К.П. Филонова, именно в «макаровский период» (30–40 гг.) заповедники накопили наиболее ценные материалы по экологии позвоночных животных.

При всем отрицательном отношении автора (со студенческой поры) к увлечению акклиматизацией и биотехнией, было бы несправедливым полностью отрицать все то, что было сделано в этой области в предвоенный период. Нельзя отвергнуть первостепенную роль заповедников (прежде всего, конечно, Воронежского) для восстановления в стране поголовья речных бобров. Вызывает уважение, хотя и не без оговорок, самоотверженная и сложная работа с зубрами и зубробизонами, связанная с именами Б.К. Фортунатова, М.М. Завадовского, Н.М. Кулагина, М.А. Заблоцкого, И.С. Башкирова, С.Г. Калугина и многих «низовых» работников «Аскании-Нова», Крымского и Кавказского заповедников. Но других положительных примеров, связанных с акклиматизацией животных в заповедниках, привести трудно. Не говоря уже о том, что сочетание акклиматизации и заповедности так же противоестественно, как «заповедное хозяйство»; подавляющее большинство мероприятий в этой сфере было непродуманным и ненужным. Даже если считать успехом акклиматизацию в СССР ондатры и американской норки, не было необходимости использовать в этих целях заповедники. Попытки реакклиматизации выхухоли принесли больше ущерба коренным популяциям этого вида, чем реальной пользы. Все же остальные масштабные работы с перевозками и выпусками животных относятся к области ненаучной фантастики, хотя и сейчас еще есть немало сторонников насилия над природой. Не менее отрицательные последствия имела для заповедников и акклиматизация растений. Если же достигались конкретные успехи в питомниках (например, с женьшенем в Теберде), то они по сути не связаны с охраной природы и были бы гораздо уместнее в совхозах или на опытных станциях. Что же касается биотехнии, то эта разновидность охотхозяйственных мероприятий вообще не имела отношения к заповедникам (за редчайшими исключениями при вынужденной поддержке редких видов в особых экстремальных ситуациях). К сожалению, подмена экологии биотехнией в то время шла активно в общем русле переустройства природы и общества.

Большие перспективы открывались перед заповедниками в связи с планами расширения их географической сети, причем Макаров развивал прежние замыслы В.П. Семенова-Тян-Шанского («Резолюция», 1931). В разработанном в 1939 г. проекте расширения сети госзаповедников РСФСР фигурировало более 20 проектируемых объектов в различных ландшафтных зонах; особое внимание уделялось Европейскому Северу, Сибири и Дальнему Востоку. При обсуждении документа многие члены Научного совета внесли конкретные дополнения (см. Штильмарк, 1974, с. 149; ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 94. Л. 67–69). В структуре главка не было проектного подразделения, но эту функцию брали на себя такие энтузиасты, как Протопопов, Туров, Розанов, охотно выезжавшие в

экспедиции по заданиям главка. Именно они занимались перед войной проектированием Окского, Керженского, Московского, Дарвинского заповедников. В Московской области, включавшей тогда и территории ряда нынешних смежных областей (Калужской, Владимирской и др.), А.П. Протопопов обследовал около 20 участков, из которых заповедными должны были стать 10 (реализовано было 5, а до наших дней дожил только один). М.П. Розанов перед самой войной завершил проектирование заповедника в районе строящегося Рыбинского водохранилища и даже был назначен его директором. С.С. Туров по предложению Формозова наметил будущий заповедник по реке Керженец в Горьковской области. На 1941–1942 гг. намечалось создание заповедника на Таймыре и в Забайкалье, перед войной готовилась организация заповедников в Чечено-Ингушетии (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 162). и в Якутской АССР (Там же, Д. 122; Скалон, 1939). Отдельным заповедником должна была стать Хреновская степь в Воронежской области, первоначально являвшаяся участком Центрально-Черноземного (туда был даже назначен директор, воронежский ботаник Н.С. Камышев).

Итак, в начале 1941 г. система заповедников РСФСР, занимавшая общую площадь около 9 млн. га и возглавляемая специальным ведомством, была на подъеме, что явилось своеобразной победой стратегии Макарова с его компромиссами и уступками, планами «организации заповедного хозяйства» и реконструкции фауны и флоры для «обогащения природы». Трудившийся в то время буквально на износ, успевавший читать, рецензировать и редактировать груды научных материалов из всех заповедников РСФСР, Василий Никитич не мог знать, что воздвигнутому его усилиями заповедному зданию остается всего десять лет жизни, из которых пять приходится на военное лихолетье. Если бы это здание устояло, пережив годы сталинщины и лысенковщины, оно со временем могло бы очиститься от всего того, в чем сегодня легко упрекать Макарова (Филонов, 1986 и др.), ему хватило бы мужества отказаться от акклиматизации или планов «заповедного хозяйства», чтобы возродить когда-то преданные анафеме подлинные принципы заповедности. Но историю не перепишешь...

Грозовой июнь 1941 г. ознаменовался не только взрывами немецких бомб и первыми сводками Информбюро. Двадцать третьим июня датирован ордер на арест и обыск зав. научной частью Центрально-Лесного заповедника, одного из отечественных первопроходцев теоретической экологии, профессора В.В. Станчинского, которому были предъявлены обвинения в том, что он проводил на территории СССР шпионскую деятельность, а кроме того «истолковывал в антисоветском духе среди сотрудников ЦЛЗ решения XVII партконференции и распространял клеветнические измышления в отношении коммунистов» (архив В. В. Станчинского-сына). Следственная машина отправила дело Станчинского на рассмотрение Особого совещания, которое приговорило его к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Находясь в заключении, выдающийся ученый, член экологических обществ Британии и США, скончался от сердечной слабости 29 марта 1942 г. В начале войны была арестована и осуждена (также на 8 лет) Евдокия Григорьевна Блошенко, долгое время работавшая ученым секретарем Госкомитета по охране природы НКП и затем в Комитете по заповедникам. Накануне войны забрали (как бывшего офицера) Сергея Сергеевича Архипова, первого активиста «заповедного хозяйства» (сообщ. М. Заблоцкого).

Многие работники заповедников — и научные сотрудники, и служители охраны — ушли на фронт и не вернулись. Где-то на Смоленщине погиб в 1942 г. талантливый орнитолог Юрий Михайлович Кафтановский, проводивший наблюдения в заповедниках «Семь островов», Кандалакшском и Астраханском. После успешной защиты кандидатской диссертации он получил место заместителя директора по науке в Клязьминском заповеднике, но предпочел отправиться добровольцем в действующую армию. Чуть ранее погиб его близкий друг Владимир Михайлович Модестов, а спустя

год та же участь постигла Юрия Алексеевича Салмина, одного из организаторов и исследователей Сихотэ-Алинского заповедника. Не пережили военных лихолетий и многие ветераны заповедного дела. В осажденном Ленинграде умерли Андрей и Вениамин Семеновы-Тян-Шанские, при эвакуации скончался на станции Хвойной Даниил Николаевич Кашкаров. В 1943 г. умер в Москве проф. Б.М. Житков. В том же году окончилась земная жизнь Франца Францевича Шиллингера. Этот жизнелюб, человек богатырского сложения, погиб в уральском лагере «Сосьва» от пеллагры, то есть от истощения.

Некоторые заповедники, в частности, Центрально-Лесной, Центрально-Черноземный, Крымский, «Тульские засеки» оказались в зоне боевых действий и оккупации. Многие работники Крымского заповедника стали участниками партизанского отряда, возглавлявшегося бывшим директором А.В. Мокроусовым. Один из наиболее перспективных научных сотрудников, эколог Владислав Буковский геройски погиб в бою с фашистами, подорвав себя последней гранатой. От рук оккупантов погибли вдова и дочь лесника Седуна, заподозренные в связях с партизанами.

Урон, причиненный живой природе заповедников, хотя он позднее был официально подсчитан, по сути, не поддается точному учету. Вырубались уникальные леса Крыма (как пишет И.И. Пузанов /1960/, немцы вырубили в заповеднике более 15 тысяч сосен, организовав даже специальный лесной трест), уничтожались ценнейшие животные (в Крыму выбили всех зубробизонов и почти полностью истребили косуль, муфлонов и оленей), сжигались постройки и мосты, минировались шоссе и дороги. Пострадали леса Крыма и от пожаров. Впрочем, номинально заповедник сохранялся, немцы даже поставили одного из его бывших сотрудников директором.

В 1942–1943 гг. в зону боевых действий попали Воронежский и Кавказский заповедники, а Тебердинский был ненадолго оккупирован и превращен в охотничье угодье, где размещалась альпийская дивизия «Эдельвейс» и разрешалась охота высшим армейским чинам. По данным главка, за годы войны в Крыму и на Кавказе было убито 1726 оленей, 2050 косуль, 47 туров, 323 серны, 300 муфлонов, разрушено около 100 построек; в Крымском заповеднике было полностью уничтожено подсобное хозяйство и научные ценности. Животных стреляли также наши бойцы и партизаны. В отчете Л.И. Соснина упоминается отстрел 820 копытных для Красной Армии в Кавказском заповеднике (ГАРФ. ФА-358. Оп. 2. Д. 159. Л. 160).

В августе 1942 г. бои шли непосредственно на территории Кавказского заповедника, о чем сегодня напоминают скромные обелиски у перевала Аишхо-1 и в других местах. Немцы заняли кордон Умпырь, рвались к перевалам Псеашхо, подошли вплотную к Гузериплю, который удалось отстоять роте под командованием старшего лейтенанта Федора Шипа. Директор заповедника Владислав Иванович Аносов повел из Гузерипля в Красную Поляну караван с лошадьми, но у горы Тыбга его остановили военнослужащие НКВД, требуя возвращения; произошла «разборка», при которой Аносов был убит (сообщ. В.В. Черпакова, архив автора). Его сменил Николай Елизарьевич Лаврентьев, который вместе со своим заместителем по науке Сосниным оставался всю войну в заповеднике. Уже весной 1943 г. они добивались восстановления заповедного режима и возобновления научной работы. Как и после Гражданской войны, в горах еще таились бандиты и браконьеры, от рук которых в августе 1943 г. погиб наблюдатель Н.С. Литягин. «*С бандитизмом на территории заповедника было покончено лишь в октябре 1943 г. Жизнь в заповеднике постепенно приходила в норму, и в этом огромная заслуга Николая Елизарьевича Лаврентьева, возглавившего заповедник в самое трудное время*» (Молчанов, 1985, с. 69–70). Как пишет этот автор, Лаврентьев любил природу до самозабвения.

Тяжелейшие сражения шли на Воронежском фронте. В Усманском бору создавались рвы, укрепления и окопы; об охране природы, разумеется, говорить тогда не при-

ходилось, тем более что строгий директор Булкин воевал далеко отсюда, а сменивший его Н. Латышев 7 июля 1942 г. издал приказ о ликвидации заповедника. Станцию Графскую интенсивно бомбили, в окружающих лесах разместились армейские части, когда же фронт отодвинулся, Воронежский облисполком принял решение о массовых рубках леса для восстановления народного хозяйства, и усадьба на Усманке превратилась в базу Комсомольского леспромхоза. Однако дальнейшие события приняли иной оборот, и леса заповедника были спасены от гибели.

Главное управление по заповедникам при СНК РСФСР осенью 1941 г. эвакуировалось из Москвы в Астрахань Сталинградской области, и архивных документов этого периода нам известно немного. Научная работа в заповедниках частично была свернута, хотя наиболее значительные темы сохранялись и финансировались. Во многих дальних заповедниках (Кондо-Сосвинский, Алтайский, Саянский и др.) те научные сотрудники, которые по состоянию здоровья или иным причинам (в частности — «неблагонадежности» по национальным признакам, это особенно касалось российских немцев) не были взяты в армию, перешли на должности наблюдателей и поддерживали себя личным хозяйством или «дарами природы». Во многих сибирских заповедниках занимались заготовкой лекарственных растений и ягод (брусники, шиповника), рассматривая это как вклад в дело борьбы с врагом.

«В самое тяжелое время войны — в конце 1941 г. — было выдвинуто предложение произвести в заповедниках некоторые рубки леса. Ответ правительства был весьма определенен — заповедники призваны охранять природу и обязаны в этих условиях заботиться об охране и не думать о рубках» (Гептнер, Благосклонов, 1970, с. 491). Действительность, как показывают архивные материалы, была сложнее. Лесовод П.С. Бельский, человек в системе сравнительно новый, в самом деле предложил осенью 1941 г. разрешить в заповедниках ограниченные рубки, но коллеги его не поддержали. Когда же возникала конкретная потребность рубок леса в заповедниках для оборонных нужд, они проводились по специальным правительственным распоряжениям. Так, в сентябре 1941 г. Совнарком разрешил Наркомлесу провести в Кавказском заповеднике выборочную рубку пихты («в местах по согласованию с Главным управлением») в количестве 30 тыс. кб.м (ГАРФ. Ф. 259. Оп. 2. Д. 251. Л. 26). Для обеспечения лесом Орского завода металлургического оборудования в 1942 г. проводились рубки леса в заповеднике «Бузулукский бор». Больше всего «досталось» в этом отношении Ильменскому и Мордовскому заповедникам, расположенным вблизи оборонных предприятий. Это было связано не только с потребностями в древесине, но и с необходимостью прокладки коммуникаций и подъездных путей. Осенью 1943 г. распоряжением СНК СССР Наркомзагу СССР (В/О «Заготживсырье») было поручено совместно с Главным управлением по заповедникам произвести в Баргузинском заповеднике отлов 100 племенных соболей для совхозов Наркомвнешторга (подписан документ Микояном как зампредом СНК СССР – ГАРФ. Ф. 259. Оп. 2. Д. 251. Л. 28). В 1944 г. СНК СССР отвел 500 га из Жигулевского заповедника Куйбышевскому нефтекомбинату под промысловое и жилищное строительство «для освоения Зольненского нефтяного месторождения» (Там же. Л. 35).

На этом фоне приятно удивляет Постановление СНК РСФСР от 6 мая 1944 г. «Об отмене решения Воронежского облисполкома от 9.6.1943 г. «О размещении Комсомольского леспромхоза в Воронежском бобровом заповеднике» за подписью председателя СНК РСФСР А.Н. Косыгина (Там же. Л. 40). Этому событию предшествовал приезд в заповедник уже известного нам В.А. Бородавкина в роли инспектора от Главного управления, которому была поручена проверка состояния дел в Воронежском заповеднике после того, как от него отодвинулась линия фронта.

В архиве сохранился акт проверки, написанный Бородавкиным от руки (карандашом) почти на 40 страницах убористым почерком. Документ характеризует его автора

как весьма тщательного инспектора, проявившего большую заботу о работе заповедника. Еще недавно, отмечается в акте, линия фронта проходила в 30 км, в лесу размещались войска, помещения также были заняты военными, тем не менее коллектив «не встал на путь трусливого бегства, а принял все возможные меры к сохранению материальных ценностей и животного мира, что и было достигнуто». В настоящее время (март 1944 г.), говорится далее, территория тыловая, но заповедность не соблюдается, нет шлагбаумов и аншлагов, много новых дорог, ведется массовая рубка леса. Более тысячи лесорубов живут в усадьбе заповедника, стеснив работников науки и охраны, а директор Латышев (заменивший фронтовика Булкина) со всем этим смирился (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 13).

Очевидно, именно в результате приезда Бородавкина и после представленных им материалов о положении дел, появилось указанное постановление СНК РСФСР, в котором отмечалось, что «*Воронежский облисполком допустил незаконные действия в отношении Воронежского бобрового заповедника, выражающиеся в проведении осушительных работ на торфоболоте без постройки плотины и переселения бобровых семей, рубке леса и прокладке трассы ж-д. пути по территории заповедника без разрешения правительства, размещении в заповеднике Комсомольского ЛПХ, оставлении в лесу большого количества срубленной и невывезенной древесины*». Строгое постановление заканчивалось не только перечнем мер по ликвидации нарушений, но и запретом «*кому бы то ни было нарушать заповедность в заповедниках Воронежской области*» (Там же. Л. 42). Комсомольскому ЛПХ пришлось спешно убраться из Толши, а в январе 1945 г. была сдана новая плотина на речке Ивнице.

В похвалу правительству РСФСР, председателем которого тогда являлся Косыгин, надо поставить и тот факт, что в годы войны ни один заповедник не был закрыт или сокращен в площади, наоборот, появилось два новых — «Предуралье» и «Кунгурская ледяная пещера», включенные в число республиканских объектов и поставленные на госбюджет в 1944 г., как и заповедник «Столбы».

Надо пояснить, что уже в октябре 1942 г. Главное управление опять размещалось в привычных, хотя и тесных московских апартаментах на Неглинке и не только возобновило оперативную работу по всей заповедной системе, но и привлекло сохранившиеся в Москве научные силы. В отчете 1943 г. говорится о существенном сокращении штатов системы, о трудностях проведения бухгалтерских ревизий и неблагополучии с учетом и отчетностью, сокращении поголовья лошадей, отсутствии спецодежды, научного оборудования и других трудностях. По пяти заповедникам, где были разрешены рубки леса для оборонных нужд, из 1438 тыс. кб.м было фактически заготовлено лишь 722 тыс. (почти половина этого объема пришлась на Ильменский заповедник). Резко участились факты браконьерства и лесных пожаров. Научная тематика была перестроена на прямые нужды народного хозяйства — поиски полезных ископаемых, минералов, лектехсырья и т. д. В плане научно-исследовательских работ на 1944 г. значились следующие темы:

1. Геологическая съемка территорий заповедников и поиск полезных ископаемых (Алтайский, Баргузинсий, Саянский, Сихотэ-Алинский);

2. Морфографическое изучение территорий заповедников (господствующие высоты, перевалы, переходы, тропы, пещеры, укрытия, площадки, броды) — Кавказский, Баргузинский, Алтайский, Саянский и др.;

3. Поиски редких и оборонозначимых минералов (Ильменский, Саянский);

4. Выявление видов лекарственных, технических и пищевых растений, их распределение по территории зап-ка, учет запасов (во всех зап-ках);

5. Экология бересклета бородавчатого и отыскания наиболее гуттоносных видов для плантационного разведения;

6. Возделывание культурных растений в горнотаежной зоне северо-восточного Алтая (Алтайский);

7. Разработка методов облесения лесосек и гарей в условиях засушливого климата («Бузулукский бор»);

8. Организация и методы лесного хозяйства в заповедниках (Воронежский и др.);

9. Болезни древесных пород заповедников и выработка мер борьбы с ними в условиях заповедности (Мордовский);

10. Процесс естественного лесовозобновления в разных типах лесов Сихотэ-Алиня и на гарях (Сихотэ-Алинский);

11. Изучение закономерностей массового размножения насекомых — вредителей лесов и выработка мер борьбы с ними (Ильменский, Бузулукский);

12. Изыскание биологических способов в борьбе с короедами и другими вторичными вредителями лесов (Воронежский, Хоперский);

13. Экология промысловых зверей заповедников (соболь, бобр, выхухоль, европейский олень, пятнистый олень, марал, горал, снежный баран и др.) — Баргузинский, Саянский, Кондо-Сосвинский, Кроноцкий, Судзухинский, Воронежский, Хоперский, Окский и др.;

14. Динамика роста и перспектива естественного расселения акклиматизируемых в заповедниках бобров, ондатры, пятнистых оленей и других зверей (итоги 4-х лет);

15. Рыбная продуктивность пойменных озер и факторы, ее обуславливающие, выработка мероприятий по ее повышению (Хоперский, Клязьминский);

16. Биология семги и исследование условий ее нереста и ската (Печоро-Илычский);

17. Установление важнейших факторов среды, влияющих на жизнь выхухоли и динамику ее численности (Клязьминский, Окский, Хоперский);

18. Изучение болезней бобра на воле и при содержании в вольерных условиях (Воронежский);

19. Паразитические болезни промысловых зверей (Судзухинский);

20. Составление руководств по бонитировке (выбору) угодий, пригодных для обитания бобра (Воронежский);

21. Астраханский зап-к как станция пролета и место линьки водоплавающей птицы и его значение в поддержке и восстановлении запасов этой птицы в северных районах европейской части СССР и Западной Сибири;

22. Распределение разной породы рыб в водоемах заповедника по сезонам года (Астраханский).

Всего по всем заповедникам на 1944 год намечено к проработке тем — 125, научных мероприятий — 155[6].

18.12.43 г. Зам. уач. Главного еправления В. Макаров» (Архив Макарова, «Справка»).

Возобновилась борьба с волками, учет животных и проведение фенологических наблюдений. Акклиматизационные работы полностью прекратились. Конечно же, в дальних таежных заповедниках людям жилось несравненно легче, чем в прифронтовых. Директор Кроноцкого заповедника В.М. Элеш (соратник Бородавкина по борьбе за советскую власть на Дальнем Востоке, также приглашенный Шведчиковым для работы в своей системе) вспоминает о военном времени в самых радужных красках — *«работать было легко и приятно... Небольшой сплоченный коллектив заповедника состоял из опытных охотников, плотников, слесарей, научных работников. В первый же год в*

[6] Примечание: Многие темы в целях выяснения роли географического фактора и особенно мероприятия проводятся в нескольких заповедниках. Поэтому названий тем и мероприятий значительно меньше.

заповеднике был построен жилой 2 квартирный дом в усадьбе, кордоны в Богачевке и в устье Шумной, баня, скотный двор на 10 голов, достроена конюшня» (Элеш, 1970). Там работал переехавший с Кавказа зоолог Юрий Викторович Аверин, автор монографии о птицах Камчатки. Его жена, геоморфолог Татьяна Ивановна Устинова прославилась открытием в 1940 г. знаменитой «Долины гейзеров». При территории порядка 1 млн. га, коллектив заповедника, по словам Элеша, состоял всего из 10 человек. Однако автор не писал о том, что в 1945 г. Богачевской нефтеразведке был передан участок заповедника в 115 тыс. га с разрешением рубки 600 кб.м леса ежегодно.

Совсем иначе пишет о военных годах в Алтайском заповеднике А.А. Малышев в повести «Встреча ветров». Приходилось корчевать тайгу, чтобы вырастить скудные урожаи зерновых для себя и лошадей, причем делалось все это исключительно руками женщин и стариков. Научные работы проводил только Георгий Джемсович Дулькейт, нередко конфликтовавший с администрацией из-за частых нарушений заповедного режима (*«он негодовал, видя, как падают вековые деревья под топором наших рабочих, готовивших участки для пашни»* /Малышев, 1982, с. 57).

Главк официально разрешал добычу в заповедниках не только волков, но и медведей как вредных хищников (также и рысей). Добывали копытных животных, боровую дичь, уток, рыбу. В Кондо-Сосвинском заповеднике даже молодая женщина-ботаник Е.В. Дорогостайская, ставшая рядовым наблюдателем, не расставалась с дробовиком, стреляла рябчиков, ловила карасей вместе с хантами. Типичной, хотя и не очень умелой таежницей была и З.И. Георгиевская, изучавшая экологию бобров. Семья Скалонов уехала из Хангокурта, а В.В. Васильев в начале 1941 г. был переведен в Печоро-Илычский заповедник и скончался от сердечного приступа вскоре после приезда в Якшу (он добирался туда на оленьих упряжках через Уральский хребет). В начале июня 1941 г. в заповедник приехал новый заместитель директора по науке Владимир Васильевич Решеткин, призванный вскоре в армию, а позднее работавший директором ряда заповедников (до этого они с женой Н.К. Шидловской, тоже охотоведом, «пасли» двух каланов на Северной станции). Из научного отдела в Кондо-Сосвинском заповеднике оставался только В.В. Раевский.

Знакомясь с архивами Кондо-Сосвинского заповедника военного периода, невольно поражаешься обилию бухгалтерской и отчетной документации, представлявшейся не только в главк, но и в местные (районные, окружные, областные) инстанции. Отчеты требовались поквартальные, полугодовые, месячные, учитывался каждый гвоздь и каждый шаг людей, находившихся в заброшенной таежной глубинке, где писчая бумага была забытой роскошью (отчеты писали на обоях, а письма даже на бересте). В то же время ни сельсовет, ни райисполком не проявили особого беспокойства, когда в Шухтунгорте пропал зимой старик-охотник Саиспаев.

Редкие циркуляры главка ориентировали на заготовку разной продукции, максимальное сокращение средств и штатов. Отмечался успешный опыт Ильменского заповедника по предотвращению замора рыб в местных озерах и ударная работа рыбацких бригад в Хоперском заповеднике. Большое место в то время занимали подписки на займы, для чего даже в самые глухие уголки добирались специальные уполномоченные. В 1944 г. собирали средства на авиаэскадрилью «Советские заповедники». Была введена трудовая повинность на перевозки грузов, заметно возросли различные налоги. В самом начале войны установили особую ответственность «за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Дорогостайская писала тогда: «*Вся наша летняя зарплата ушла на погашение займа, теперь выплачиваем на эскадрилью... хлеба и вид забыли, ухитряемся печь из грибов, картофеля и репы какое-то подобие лепешек*» (архив автора). Представляет интерес письмо, направленное Макаровым из главка директору Кондо-Сосвинского заповедника Самарину в июле 1942 г.:

«Главное управление указывает Вам, что никто не давал Вам права самовольно нарушать установленный правительством режим заповедности и никто не освобождал Вас от обязанности вести последовательную решительную борьбу с нарушителями заповедного режима, независимо от служебного положения их в области. Главное управление предупреждает Вас, что Вы, как директор заповедника, несете не только административную, но и судебную ответственность за сохранение доверенных Вам государством природных ценностей» (ХМОА. Ф. 1528. Д. 37. Л. 91). Вероятно, что поступившие к Макарову сведения о браконьерстве в заповеднике послужили причиной смещения Самарина и замены его в 1946 г. Б. Зубковым.

Браконьерство, конечно, имело место во всех таежных заповедниках, но наиболее проявлялось там, где были крепки охотничьи традиции аборигенов или русских старообрядцев («кержаков»), т. е. на Алтае, в Саянах и особенно — на юге Дальнего Востока, где еще не были забыты бандиты-хунхузы и скупщики пушнины. Именно с этим, по официальным версиям, связана гибель выдающегося натуралиста-зоолога Льва Георгиевича Капланова, работавшего перед войной в Сихотэ-Алинском заповеднике и осенью 1941 г. назначенного директором Судзухинского (ныне Лазовского) заповедника. Удивительная и полная приключений жизнь этого замечательного человека описана в очерке А.Н. Формозова (1948), в двух изданиях популярной книги А.А. Малышева (1966, 1971, второе издание с послесловием В.Г. Гептнера); недавно опубликованы письма Капланова в посвященном ему выпуске Бюллетеня МОИП (Отд. биол. Т. 98. В. 3,1993).

Л.Г. Капланов был убит несколькими винтовочными выстрелами 13 мая 1943 г. в таежном распадке и найден лишь две недели спустя. *«Следствие выяснило, что Капланов, идя по распадку, встретил на сиверах* (т. е. на северном склоне сопки. — *Ф.Ш.*) *младшего Зуева. Браконьер, убив накануне черного медведя, перепрятывал мясо. Зуев увидел Капланова первым. Он выстрелил ему в спину, а когда тот обернулся, — в лицо. Потом, чтобы уже наверняка, выпустил в него еще две пули...*

По настоянию московских ученых, в Чингоу прибыл следователь по особо важным делам. Картина преступления была им полностью выявлена, убийца понес заслуженное наказание» (Малышев, 1971, с. 157).

У людей, знакомых с нравами нашего общества, уже сам оптимистический тон такого текста должен вызывать невольное сомнение. Давно ходили слухи, что вернувшийся из заключения «младший Зуев» в самых доверительных беседах клялся и божился, что не убивал Капланова. Он признавал, что вместе со старшим братом охотился в заповедной тайге, это для них было вполне естественно, но поднять руку на человека старообрядцу не так-то просто. Директор Лазовского заповедника имени Капланова, Василий Сергеевич Храмцов, работающий там с 1973 г., в ответ на обращение автора этой книги сообщил следующее:

«Вопрос о гибели Капланова не утихает, и нет-нет кто-то его взбудоражит новым сообщением. Мне лично эту версию рассказал лесник заповедника (фамилию, имя и отчество опускаем. — *Ф.Ш.*), *ныне пенсионер, страстный охотник. Он рассказал, что на вершине сопки, разделяющей речку Прямушку и ключ Соболиный, во время войны стоял пост, своеобразный блиндаж или, точнее, полуземлянка. Те солдаты, что служили в это время на посту, занимались охотой от безделья, точнее, они были отъявленные браконьеры и особенно здешний житель, служивший на посту, NN* (имя его и фамилия в письме приведены. — *Ф.Ш.*). *Как-то Капланов зашел к ним в блиндаж. Все стены его были завешаны шкурами горалов, леопарда, рыси. После этого посещения Капланов побывал в блиндаже с политруком той части, к которой относился этот пост. Солдаты пояснили, что шкуры якобы были добыты солдатами, которых забрали на фронт, и их якобы уже нет в живых. Однако, по словам лесника, солдаты продолжали отстрел диких зверей. Старшина части приезжал на полуторке и увозил*

туши изюбрей, оленей, кабанов к себе в часть. Этот старшина женился на местной девушке и после войны сразу же уехал к себе на родину. Где-то в начале 80-х годов он вернулся в то село, где служил во время войны (в письме село названо. — *Ф.Ш.*), *и вот как-то на одной из гулянок, подвыпив медовухи, этот бывший старшина признался, что в Капланова стрелял NN. Они тогда это дело скрыли, потому что боялись, что и его, старшину, и политрука, и NN заберут на фронт. Одним словом, следствие пошло по ложному пути...*» (письмо от октября 1994 г., архив автора).

В следующем письме Храмцов писал, что лесник-ветеран С. из пос. Валентин, принимавший участие в поисках Капланова, а также бывший участковый милиционер С. также категорически отрицают вину осужденного Зуева. «*Странно,* — пишет далее Храмцов, — *почему следователь с особым поручением, прибывший, как писали, из Москвы, не заинтересовался этим вопросом. Ведь место, где нашли тело Капланова, было совсем недалеко от военного поста. Если даже солдаты не стреляли, то они не могли не слышать выстрелы. А я и не удивляюсь...*» (письмо от 17 ноября 1994 г.; архив автора, который тоже не удивляется).

Возвращаемся к деятельности Главного управления по заповедникам в годы войны. На заседании научно-методического бюро главка в октябре 1942 г., кроме нескольких постоянных членов Научного совета, присутствовали ученые, остававшиеся тогда в Москве — Б.М. Житков, С.П. Наумов, Е.М. Лавренко, П.А.Петряев. Именно тогда было решено вменить в обязанность всем заповедникам ведение «Летописи природы» по единой форме, составление которой было поручено Преображенскому. Его доклад «Летописи природы госзаповедников» был заслушан на заседании методбюро 22 июня 1943 г., при этом Макаров заметил, что летописи природы ведутся с 1937 г., а Формозов добавил, что они начаты в Астраханском заповеднике по его инициативе (ГАРФ. Ф. А-358, Оп. 2. Д. 190. Л. 45). Порядок обязательного представления «Летописей» был введен только в 1945 г., как ежегодное научное мероприятие и свод научных сведений по динамике природы, причем первые «Летописи» составлялись за все годы деятельности заповедника.

Много внимания уделялось в главке восстановлению заповедного режима и борьбе с развившимся браконьерством. Макаров вел долгую переписку с НКВД, чтобы обеспечить службу охраны нарезным оружием (карабинами), тогда как «органы» настаивали на использовании лишь дробового. В официальных обращениях, помимо Капланова, указывалось, что в июле 1942 г. погиб старший наблюдатель Ильменского заповедника, а в августе 1942 г. убито два наблюдателя Алтайского зап-ка. «*В Баргузинском заповеднике,* — указывается в письме главка от 16.2.1943 г., — *шайка дезертиров терроризировала поселок и дважды ограбила кладовую. В Печоро-Илычском заповеднике нередки встречи с бежавшими из лагерей заключенными, задержание которых невозможно без оружия*» (ГАРФ. Ф. 259. Оп. 2. Д. 164. Л. 56-62). Начальник Главного управления милиции НКВД Галкин распорядился составить и согласовать список заповедников «отдаленных районов», где можно разрешить использование карабинов, в остальных же — только дробовики. Пистолеты были сочтены «нецелесообразными». Долго длилась эта переписка, пока СНК РСФСР за подписью Косыгина распорядился отпустить карабины по заявке Главного управления заповедников.

В конце войны вновь усилилось давление на хозяйственное пользование в заповедниках. В Ильменском заповеднике была разрешена добыча ильмено-рутиловой руды с постройкой на его территории «сооружений временного типа» и прокладкой дороги для вывозки ископаемых. В Кавказском заповеднике постановлением Совнаркома Союза (за подписью Молотова) разрешили заготовку 200 тыс. кб.м деловой древесины для восстановления народного хозяйства Краснодарского края, а затем выборочную рубку пихты для авиадревесины. Усилились рубки в Куйбышевском заповеднике и «Туль-

ских засеках». Тернейскому леспромхозу закрепили сырьевую базу в охранной зоне Сихотэ-Алинского заповедника.

Победный 1945 г. для заповедной системы был отмечен организацией двух заповедников — Московского и Дарвинского. Оба они были намечены еще до войны. Проектированием Московского занимался А.П. Протопопов, обследовавший многие участки ближнего и дальнего Подмосковья. По первоначальному плану, одобренному Мособлисполкомом в 1940 г., были намечены река Дубна; озеро Глубокое и река Малая Истра; река Протва; верхо́вья Москвы-реки; истоки Клязьмы; подмосковные дубравы (два варианта); река Ока ниже Серпухова; подмосковная Мещера (Фрязево или Шатура) и центральный участок — Лосиный Остров. Вокруг каждого варианта шли долгие споры. Лишь на последнем этапе по настоянию начальника Главлесоохраны Г.П. Мотовилова отклонили Лосиный Остров как имеющий особое значение для отдыха москвичей и поэтому не подлежащий заповеданию. В конце концов остановились на пяти официально созданных в 1945 г. участках Московского госзаповедника — Приокско-Террасном (4,9 тыс. га), Приволжско-Дубненском (3,8), Глубоко-Истринском (2,0), Верхне-Клязьминском (2,7); и Верхне-Москворецком (2,7); таким образом, общая площадь составляла 16,1 тыс. га. Директором заповедника первоначально был назначен А.П. Протопопов (до 1946 г.).

Дарвинский заповедник официально вступил в действие в июле 1945 г., когда заполнение Рыбинского водохранилища еще не завершилось. На его территории, первоначально составлявшей более 170 тыс. га, функционировало большое количество трудовых лагерей, занятых очисткой ложа будущего водохранилища. Первым директором был Андреев, военный, ранее готовивший стрелков-снайперов. В 1946 г. приехал первый научный сотрудник — Иван Михайлович Олигер, паразитолог и зоолог. Приступив к обследованиям, он обнаружил всплывшие на поверхность воды болота, гнездовые колонии цапель и другие достопримечательности. По сей день не оставляет научную работу вскоре прибывшая в заповедник зоолог Мирра Львовна Калецкая.

В середине 1945 г. была завершена работа госкомиссии по определению ущерба, причиненного системе заповедников за весь период войны. Общий ущерб всех двенадцати заповедников, пострадавших от военных действий, был определен суммой около 34 млн. р. (акт от 1.6.1945 г., председатель В.Н. Макаров, члены — гл. бухгалтер В.Б. Москаленко и нач. планово-финансового отдела Г.П. Лазич (ГАРФ. Ф. 259. Оп. 2. Д. 251. Л. 68). Здесь не учтен ущерб от воинского призыва работников системы, прекращения воспроизводства животных и остановки подсобного хозяйства. Но самый страшный урон заключался в том, что в послевоенный период деятельность Главного управления по заповедникам покатилась уже под уклон, навстречу своему краху, наступившему в 1951 г.

3.1.8. «Под влиянием целеустремленности» (1946–1951)

Послевоенный подъем и новый рост заповедной сети. Тучи сгущаются. Александр Васильевич Малиновский и его взгляды на заповедное дело. Работа госконтроля и попытки спасения системы. Ликвидация Главного управления по заповедникам при Совете министров РСФСР и разрушение заповедной сети. Подлинные причины этих событий.

Мы переходим к наиболее драматическому периоду развития заповедного дела, который до недавнего времени весьма приглушенно освещался в нашей литературе, а ныне вызывает споры специалистов (Вайнер, 1991; Борейко, 1991а, 1995г; Штильмарк, Гептнер, 1993).

Послевоенный этап, целиком приходящийся на правление И.В. Сталина, обозначался резким усилением международной напряженности («железный занавес» и холодная война), максимальным идеологическим давлением вплоть до прямого мракобесия в науке вообще и биологии в особенности (разгар лысенковщины). По нашему убеждению, события 1951 г. были обусловлены прежде всего концепцией охраны природы в советском обществе, трактующем ее как одну из форм «рационального» природопользования. Однако и роль личностей в этой «заповедной истории» не вызывает сомнений.

Декабрем 1945 г. датировано очередное преобразование главка: от него отошли зоопарки и зоосады (они были переданы в подчинение системы органов культуры); вернулось первоначальное название Главного управления по заповедникам (ГУЗ). Попытка Макарова создать отдел памятников природы не увенчалась успехом, однако же в 1946 г. было принято постановление Совета министров РСФСР (в марте 1946 г. ушли в прошлое Советы народных комиссаров) «Об охране природы на территории РСФСР» (сб. «Охрана природы», в. 2, М., 1948), в соответствии с которым предписывалось увеличить количество госзаповедников. Был обновлен ранее составленный план расширения заповедной сети, велась активная переписка с местными органами. Силами научной общественности было проведено несколько специальных экспедиций и обследований (Туров и Протопопов на Урале, Герасимов на Сахалине, Гладков в Забайкалье, Сдобников и Б. Тихомиров на Таймыре и др.). В 1946 г. были созданы заповедники «Денежкин камень» и «Висим» (Свердловская обл.), в 1948-м — Средне- и Южно-Сахалинский, Читинский; каждый из московских заповедников стал самостоятельным, кроме того, возникло еще несколько «местных»: в Тамбовской и Магаданской обл. (Мучкапский, полуостров Кони и др.), намечался новый заповедник из ряда участков под Ленинградом (этим занялось Географическое общество СССР), в Кабардино-Балкарии, на Вологодчине, в Якутии и других регионах. В 1947 г. был создан Новоземельский филиал заповедника «Семь островов» (губа Грибова и Безымянная), которым заведовал С.М. Успенский. Ставился вопрос о выделении этого участка в отдельный резерват. В то же время некоторые из ранее подготовленных вариантов (в частности, Керженский) были отклонены облисполкомами.

Штаты центрального аппарата главка и самих заповедников обновились и усилились за счет возвращения в систему специалистов, служивших в армии (Насимович, Юргенсон, Жарков, Теплов, Заблоцкий, Белопольский и др.). М.А. Заблоцкий после армии некоторое время работал в центральном аппарате (именно ему, в частности, удалось в 1946 г. успешно решить вопрос о расширении заповедника «Столбы» с 3,0 до 47,2 тыс. га), а затем, после создания под Москвой (по инициативе Гептнера, поддержанной Макаровым) зубрового питомника в Приокско-Террасном заповеднике, перешел туда на постоянную работу зам. директора по науке. На такой же должности в годы войны служил в Хоперском заповеднике С.Е. Клейненберг, позднее снова работавший в главке вместе с будущим начальником научного отдела, орнитологом А.В. Михеевым. Полностью возобновил прежнюю деятельность обновленный Научный совет (НС) и Научно-методическое бюро (НМБ) при нем. Продолжая прежние традиции, Макаров привлекал к деятельности в заповедниках видных ученых, особенно из Московского университета. Известный почвовед Н.П. Ремезов заложил комплексные стационары в Воронежском, Центрально-Лесном и Мордовском заповедниках. Геоботанические и ботанико-картографические работы курировались Н.А. Прозоровским и Г.И. Дохман. Оставался фактическим руководителем экологических исследований в заповедниках А.Н. Формозов, хотя он уже не значился официальным консультантом. В.Г. Гептнер на заседании Научного совета ГУЗ в декабре 1949 г. оспаривал старые преобразовательские установки П.А. Мантейфеля, его «теорию» имбридинга в природе и акклиматизаторские прожекты, на что оппонент сразу же ответил ему обвинением в «научной реак-

ционности» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 757, стенограмма заседания НС ГУЗ). Совет все же решил ограничиваться расселением только бобров и соболей, отказавшись от перевозок других животных. Возобновило работу и Бюро кольцевания, действовавшее при Главном управлении.

В подмосковных заповедниках проводил ландшафтно-географические исследования Н.А. Солнцев. Профессора В.В. Алехин, А.А. Роде, Е.С. Смирнов, Г.П. Дементьев, Л.Л. Россолимо не только были членами НС и НМБ, но и выезжали в заповедники или поддерживали с ними живую связь. На заповедную науку шло тогда до одной четверти бюджетных средств. У Макарова были основания написать в отчете о том, что «*по заключению ряда университетов и ученых в области экологии животных заповедники заняли первое место*» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 827. Л. 178). В его перечне наиболее выдающихся трудов фигурируют работы Раевского о соболе, Семенова-Тян-Шанского по северному оленю, лосю и бобру, Насимовича о млекопитающих Кавказа, Капланова по тигру; упомянуты Белопольский, Кафтановский, Теплов, Кириков, Ушков, Лавров, Заблоцкий, Мертц, Аверин — можно продлить список замечательных экологов-натуралистов, работавших тогда в заповедниках. Недаром экологическая конференция в Киеве в 1953 г. выделила деятельность отечественных заповедников как особый этап изучения животных в СССР.

Структура Главного управления по заповедникам в конце 1948 г. была сравнительно простой. Начальник, его заместитель, нач. сектора кадров, инспектор по кадрам, юрисконсульт, инспекторов — 2. Научный отдел: нач. отдела, ученый секретарь, ст. научных сотрудников — 6, зав. научно-издат. частью, библиотекарь. Отдел организации территорий и лесокультуры (позднее — и лесного хоз-ва): нач. отдела, старших инженеров — 3. Планово-финансовый отдел: нач. отдела, ст. экономистов — 2. Центральная бухгалтерия: главный бухгалтер, его заместитель, ст. бухгалтер — 2, ст. ревизор-инструктор — 2. Адм.-хозяйств. отдел: начальник, товаровед, кладовщик-экспедитор, завхоз, уборщица, шофер легковой автомашины. Секретариат: заведующий, секретарь, машинистки — 2, швейцар-гардеробщик, курьер-уборщица. Ядром главка был научный отдел.

Послевоенный период (1946–1947 гг.) был очень труден для всего народа, но к 1948 г. система заповедников РСФСР все же оправилась от потрясений военного времени и даже несколько развилась в количественном отношении (табл. 2).

В отчете за 1948 г. Макаров ставил в актив деятельности главка прежде всего восстановление и увеличение численности ценных охотничье-промысловых животных (соболь, бобр, лось, куница, выдра и др.); разрешение проблемы разведения бобров в неволе и расселение этого вида по разным регионам РСФСР; роль заповедной системы как научно-исследовательского и научно-методического центра с большим выходом печатной продукции («*несмотря на отсутствие своей типографии и острый недостаток бумажных фондов, Главное управление... выпустило печатной продукции более 1175*

Таблица 2

Штаты государственных заповедников РСФСР

(ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 611. Л. 11)

Показатели	1937 г.	1940 г.	1948 г.
Количество заповедников	19	27	31
Штаты (всего)	753	969	1170
в том числе:			
наука	199	237	264*
наблюдатели и охрана	237	381	485

* в т. ч. 15 кандидатов и 1 доктор наук.

авторских листов»); значительный объем строительства («*в основном закончено восстановление строений, разрушенных в период оккупации*»); культурно-просветительные и лесокультурные мероприятия. К числу недочетов относил плохие бытовые условия работы в большинстве заповедников; крайний недостаток штатов, различных фондов (в частности, строго фондируемых стройматериалов), транспортных средств; плохие контакты с местными органами советской власти; пребывание на территориях заповедников посторонних учреждений и граждан; нарушения заповедного режима при попустительстве местных властей и правовых органов; большую текучесть персонала, плохой подбор директоров и научных сотрудников, низкий уровень их зарплаты. Общий перечень этих и других недостатков в отчете занимал 35 пунктов на нескольких страницах. Особое место уделялось трудностям работы научного отдела главка, поставленного «в совершенно невыносимые условия» — отсутствие заведующего отделом, не приспособленное для работы помещение, невозможность привлечения консультантов, проведения научных съездов и республиканских совещаний, крайний недостаток средств на командировки и издания.

Что же представлялось Макарову необходимым для коренного улучшения ситуации? Характерно, что на первое место он ставил создание Центрального научно-исследовательского института заповедников и охраны природы. Этот вопрос первоначально возникал еще во времена Комитета при ВЦИК, затем настойчиво выдвигался уже не только перед правительством РСФСР, но и на уровне ЦК ВКП(б) (в переписке участвовали руководители АН СССР и даже члены Политбюро), однако так и не был разрешен положительно (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 446 и др.).

Вторым важнейшим моментом представлялось признание заповедников научно-исследовательскими учреждениями не де-юре, а де-факто, распространение на них правил и положений (включая финансовые вопросы), действовавших в «настоящих» НИИ и вузах (в заповедниках тогда не платили даже надбавок за научные степени).

Ситуация в конкретных заповедниках, особенно пострадавших от войны, была сложная. Пузанов, посетивший в 1946–1947 гг. Крымский заповедник, сообщал, что директор Бородавкин слишком увлекся строительством и заготовками леса, не уделяя никакого внимания науке. Уже тогда намечался новый отстрел оленей «в порядке регуляции поголовья», к чему Пузанов относился резко отрицательно («*была охота царская, теперь будет коммунистическая*» — писал он /АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 210. Л. 22/). Вскоре Бородавкина сменил прежний директор Тебердинского заповедника Рыбальчик (Тебердинский в то время перешел от РСФСР в состав Грузии).

Отдаленные заповедники, такие, как Саянский или Кондо-Сосвинский, постепенно пустели или даже существовали почти номинально, будучи совсем оторванными от обжитых мест. Испытывая большие трудности с доставкой в Хангокурт разных грузов, еще в конце войны «кондо-сосвинцы» взялись пробивать зимнюю дорогу на Обь. К этим тяжелым работам привлекли единственного тогда «научника» В.В. Раевского, закончившего в 1944 г. тему по соболю и отправившему в Москву рукопись будущей книги «Жизнь Кондо-Сосвинского соболя» (Раевский, 1947), которую Формозов, Огнев и Гептнер признали образцом экологических исследований. От холодов и недоедания у зоолога обострился остановившийся было туберкулезный процесс, он не мог более работать в тайге и уже тяжело больным трудился над рукописью «Наземные позвоночные Кондо-Сосвинского заповедника» (она была издана лишь много лет спустя / Раевский, 1982/). Главк проявил заботу, отправив больного на курорт, но это уже не могло ему помочь... В июне 1947 г. Раевский был уволен из заповедника «в связи с переходом на инвалидность» и вскоре скончался на руках своей сестры, приехавшей в Хангокурт и работавшей библиотекарем заповедника. В 1946 г. уехали из Хангокурта Шидловская и Васильева, вскоре за ними последовали Раевская и Георгиевская. Доро-

гостайская и Гарновский еще до окончания войны перевелись в Ильменский заповедник. В пустеющем Хангокурте единственным сотрудником стал А.И. Кошелев, занимавшийся изучением условий жизни бобров, но у него не сложились отношения с новым зам. директора по науке П.Г. Агеенко, и он тоже покинул заповедник, за которым оставалось лишь выполнение программы «Летописи природы» и борьба с хищниками. Правда, в 1949–1950 гг. проводилось силами конторы «Росорглес» лесоустройство и уточнение территории, составившей 737 тыс. га.

Усложнялась и «совершенствовалась» до замысловатых таблиц всевозможная отчетность: статистическая, бухгалтерская, ведомственная и т. д., достигая поистине фантастических объемов.

В 1948 г., ознаменовавшемся августовской сессией ВАСХНИЛ и полным торжеством «учения» Мичурина-Лысенко, произошло еще несколько событий, весьма значительных для заповедного дела. В начале года Шведчиков тяжело заболел, и руководство ГУЗ полностью перешло к Макарову, хотя это и не было официально оформлено (он по-прежнему оставался заместителем).

В Совете министров РСФСР давно назревало недовольство в отношении Макарова лично и «заповедного архипелага» в целом. Показательна в этом смысле «Справка о работе с кадрами в Главном управлении по заповедникам при СМ РСФСР», представленная в середине 1948 г. на имя председателя Совета Министров М.И. Родионова. Специфический — в стиле эпохи! — этот документ достоин быть представленным почти полностью.

«*Проверкой установлено, что в Главном управлении по заповедникам работа по подбору, расстановке и воспитанию кадров находится в запущенном состоянии. Нач. ГУЗ т. Шведчиков и нач. отдела кадров т. Черненко слабо изучают кадры, нарушают принцип подбора работников по деловым и политическим качествам и совершенно не уделяют внимания их воспитанию... Среди номенклатурных работников ГУЗ происходит большая сменяемость и часто на руководящие должности назначаются случайные, непроверенные люди, не внушающие доверия. За 1946–1947 гг. и 1-й кв. 1948 г. из 240 номенклатурных работников зап-ков сменилось 120 чел., или 50%. В аппарате главка за один 1946 г. из 42 чел. сменилось 27, или 60%. Особенно велика текучесть директоров. Так в Кавказском зап-ке за 10 лет сменилось 10 директоров, в Печоро-Илычском за 14 лет — 11, в Судзухинском за 7 лет трое...* (следуют примеры злоупотреблений. — *Ф.Ш.*). *В ряде заповедников работают старшими научными сотрудниками немцы (Грюнер, Кнорре и др.). Эти люди в период Отечественной войны были изъяты и высланы органами МВД в отдаленные районы СССР, а по окончанию войны этих же немцев Главное управление пригласило на научную работу в заповедники*» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 6. Д. 5416. Л. 3–5). Далее приводятся яркие примеры плохого подбора бухгалтерских кадров и финансовых нарушений, затем следует компромат уже непосредственно на центральный аппарат: «*Начальником планово-финансового отдела руководит Лазич, который в 1938 году имел строгий выговор за притупление бдительности, сын Лазича в 1939 г. был осужден органами НКВД за антисоветскую деятельность к 7 годам лишения свободы. В должности нач. отдела... работает Бельский, сын священника, в работе пассивен, авторитетом среди коллектива не пользуется. Указанных лиц ГУЗ представило в СМ РСФСР для утверждения членами коллегии* (коллегия не была создана. — *Ф.Ш.*).

Начальник ГУЗ К.М. Шведчиков имеет престарелый возраст, систематически болеет. Управлением руководит слабо. Авторитетом среди работников управления не пользуется. Учитывая наличие серьезных недостатков в работе с кадрами и хозяйственной деятельности, ГУЗ считал бы необходимым данный вопрос обсудить на бюро Совета министров РСФСР» (Там же). Макаров в «справке» не упомянут, но ведь и так

всем было известно, что он бывший эсер и «мягкотелый интеллигент», даже внешним обликом напоминавший сельского учителя. В 1947 г. ему исполнилось 60 лет, вышла его — первая в стране Советов — книжка «Охрана природы в СССР»; 20 октября в большой зоологической аудитории старого здания МГУ состоялось заседание пленума Центрального совета ВООП с чествованием Макарова по случаю его 60-летия, 40-летия научной и педагогической работы и 25-летия работы по охране природы и заповедному делу. Юбиляр получил свыше ста приветствий от научных учреждений и обществ, его славили видные ученые Москвы. Однако руководство отказало ему даже в том, чтобы оформить исполняющим обязанности начальника главка, и Василий Никитич два года подряд тянул эту лямку буквально «задарма». Все его ходатайства и докладные о необходимости помощи главку были оставлены без ответа; Совету министров РСФСР было не до него (репрессированного председателя Совмина Федерации М.И. Родионова сменил Б. Н. Черноусов, а курировал ГУЗ его заместитель, М.М. Бессонов).

Большое значение для заповедной системы имело постановление Совета министров СССР «О закреплении лесов за заповедниками и контроле за ведением лесного хозяйства в них» от 17.05.1948 г., а также последовавшее преобразование прежней службы наблюдателей и охраны в лесников и создание лесных отделов при заповедниках (в главке отдел организации территорий и лесокультур стал называться «организации территорий и лесного хозяйства»). Работники лесной службы в заповедниках стали пользоваться определенными льготами, но система в целом приобрела некий «лесохозяйственный крен». Одновременно был ликвидирован заповедник «Бузулукский бор» как имеющий особое значение для лесного хозяйства и лесоразведения. Это был как бы сигнал о грядущей катастрофе. Зато в 1947 г., в связи со столетним юбилеем В.В. Докучаева, имя ученого было присвоено заповеднику «Тульские засеки» (что не защитило его от расправы). Символичным оказалось и природное явление: после сильного ливня подвальное помещение ГУЗ на Неглинке было залито водой, пострадало множество документов, рукописей и книг.

Нам остаются неясными подробности и обстоятельства назначения на пост начальника Главного управления по заповедникам при Совете Министров РСФСР в январе 1950 г. Александра Васильевича Малиновского, но его биографические данные известны.

Он был земляк Макарова, родился на Владимирщине (в Киржаче) в 1900 году. Окончив в 1923 г. Петроградский лесной институт, работал в системе Наркомзема и ВСНХ, в Главлесоохране, занимался лесоустройством. В 1942 г. при эвакуации Брянского лесохозяйственного института в г. Советск (Кировской обл.) был назначен директором и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рубки главного пользования в еловых лесах»; в 1943 г. вступил в ряды ВКП(б). В 1945–1949 гг. занимал пост начальника лесного отдела Советской Военной Администрации в Германии. Никакого отношения к делу охраны природы и заповедников он до своего нового назначения не имел, но известен был как большой любитель спортивной охоты (особенно — коллективной, на крупного зверя).

Разумеется, вопрос о назначении Малиновского решался на высоком уровне, но мы не располагаем конкретными сведениями о нем, как о человеке, *«связанном с Берия»* (выражение Вайнера, 1991, с. 334, со ссылкой на сообщение Насимовича). Конечно, система политического сыска в те годы пронизывала все общество, не говоря уже о человеке, долгое время работавшем за рубежом. Но, скорее всего, рекомендации для назначения Малиновского исходили из органов лесного хозяйства.

Смене руководства ГУЗ предшествовало создание специальной комиссии СМ РСФСР под председательством работника Мингосконтроля РСФСР М.И. Щербакова. В материалах комиссии имеется запись: «*Сельхозотдел ЦК ВКП(б) в декабре 1949 г.*

обследовал Главное управление по зап-кам и разрабатывает мероприятия по улучшению его работы» (ГАРФ. А-358. Ф. 259. Оп. 4. Д. 7148). Комиссия оценила работу главка как неудовлетворительную (текучесть кадров, неуправляемость, нарушения финансовой дисциплины, а также уклонение от мичуринской тематики). Этот упрек пришлось признать, хотя в делах главка имелась отдельная папка — «Материалы по обсуждению августовской сессии ВАСХНИЛ» с протоколами специальных заседаний научных советов всех заповедников (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 612). Выступающие дружно клеймили морганистов-вейсманистов и славили Лысенко, но это носило откровенно формальный характер. Впрочем, в плане исследований 1949 г. значилась и проблема «Выведение новых пород домашних животных на основе учения Мичурина–Лысенко» (четыре темы в трех заповедниках — Воронежском, Хоперском и Печоро-Илычском).

Макаров оспаривал выводы комиссии, но его аргументы отвергли. Акт приема главка был утвержден в СМ РСФСР 3.02.1950 г. В то время система ГУЗ со штатом центрального аппарата в 51 человек насчитывала 37 заповедников общей площадью 10,03 млн. га, в которых трудилось 1020 человек, из них 519 наблюдателей.

Коллектив главка настороженно встретил своего начальника, который не скрывал негативного отношения к новой для него сфере деятельности. Это стало ясным на первом же общем собрании 10 января 1950 г., когда Малиновский был официально представлен работникам Главного управления. Нелестные для них выводы комиссии были уже сформулированы. Макаров тщетно пытался объяснить нелепость ситуации, в которую он был поставлен Совмином РСФСР, — два года система оставалась без официального руководства. «*Ряд недочетов*, — сказал он, — *я передаю на счет Совета Министров, который не обратил внимания на наши сигналы. Думаю, что комиссия за краткостью времени не смогла по существу рассмотреть всю нашу работу, посмотреть рукописи, изданные нами труды и т. п., посмотреть работу нашего актива, а мы создали с большими усилиями большой актив вокруг заповедников из крупнейших ученых нашей страны*» (ГАРФ. Ф.А-358. Оп. 2. Д. 836. Л. 19).

По своей скромности Макаров даже не упомянул о тринадцати вышедших к тому времени томах «Научно-методических записок», семи выпусках Центрального бюро кольцевания, многочисленных монографиях и сборниках, редактором большинства которых был он сам. Надо сказать, что 8-й выпуск «записок» вышел в свет в 1941 г. (подписан к печати 9 июня и получил гриф ДСП при тираже в 500 экз.), 9-й — в 1947-м, а последний (13-й) — в 1949-м, после чего издание прекратилось. Десятый том содержал ряд итоговых и обзорных публикаций, два последующих были тематическими (11-й «энтомологический», 12-й «ботанический»), в заключительном опубликованы материалы двух зоологических конференций и дополнения к прежним литературным обзорам. Но комиссию меньше всего интересовали научные труды, которыми гордились экологи. А.А. Насимович (он работал в системе 12 лет, из них 9 — на периферии) тоже напрасно старался объяснить комиссии сложности работы заповедников и главка. Довольно самокритично выступил начальник научного отдела А.В. Михеев, выразив надежду, что теперь дела пойдут лучше. Другие сотрудники отмечали плохую связь центрального аппарата с дальними заповедниками, которые, по сути, предоставлены сами себе. На командировки не хватало ни сил, ни средств, ни времени.

«*Самый большой недостаток*, — сказал в первом выступлении на новом поприще А.В. Малиновский, — *заключается в том, что не было определенной напористости в работе... Ставился ли вопрос о Переходящем Знамени для присуждения лучшему заповеднику? Нет, не ставился, и мы до сих пор не знаем, какие заповедники являются лучшими... Теперь самое существенное. Мне кажется, что слишком необоснованно в некоторых местах подходили к некоторым заповедникам с точки зрения заповедности. Заповедник должен быть такой лабораторией, которая действительно показывает в при-*

роде, что можно сделать под влиянием человека, под влиянием целеустремленности. Меня интересует, почему какой-либо лесной заповедник должен быть заповедником на все 15 000, а почему не сделать так — 5 000 на заповедность, а другие 5 000 на другие мероприятия, а третьи 5 000 на преобразование природы. Этого никто не сказал. Мы сейчас следим за движением науки, если мы говорим только о заповедности, то сама природа изменить внешних условий не может. Мы должны получить то, что интересно для народного хозяйства... В правительстве поставлен вопрос о том, что нам нужно изменить положение научных работников. «Кадры решают все». Положение очень плохое и мы сами из него выйти не можем. Нужно решить сначала самые коренные вопросы» (ГАРФ. А-358. Оп. 2. Д. 836. Л. 3–4, стенограмма заседания).

В. Борейко считает, что поручение Совета министров СССР от 20 июля 1950 г. в отношении сети заповедников и улучшения их деятельности было дано Маленковым, курировавшим в то время лесное хозяйство. Однако вот что говорил Малиновский на общем собрании ГУЗ 7 июля 1950 г.:

«Вчера состоялось заседание Президиума Совета министров СССР по вопросу заповедников, т. е. вопрос настолько назрел, что требует коренного изменения. Для меня, как человека нового, тоже совершенно ясно, что в таком виде, как сейчас существуют зап-ки и Главное управление, дальше существовать невозможно... Сейчас мы смотрим на заповедники, как будто они существуют в таком государственном устройстве, где все направлено как в капиталистическом государстве — на расстройство, на истощение и хищническое использование природных ресурсов. Тов. Макаров в качестве догмы мне говорил, что даже при царском правительстве в таких-то местах существовали зап-ки, а мы при советских условиях хотим их закрыть... Совершенно несовместимая вещь. Если царское правительство ограничивало (создавало. — *Ф.Ш.) зап-ки, чтобы сохранить от эксплуатации, то советское правительство — чтобы преобразовать природу — совершенно другое начало. И с этой точки зрения нам, возможно, придется пересмотреть направление работ заповедников.*

Обсуждая вопрос вчера, был подготовлен такой проект: рассмотреть число запков не только в РСФСР, а и по всему Союзу. Там не могли сказать, сколько по Советскому Союзу существует зап-ков. Лесная группа Совета министров РСФСР дала цифру 85, ЦСУ СССР на 12 больше... Это уже подсказывает, что зап-кам должного внимания не уделялось. Поэтому вопрос поставлен так: пересмотреть число зап-ков, их направление, их задачи и, может быть, некоторые из них ликвидировать... Избрали правительственную комиссию, которой поручили выработать мероприятия по улучшению работы заповедников... Положение очень серьезное и придется поработать в направлении тех изменений, которые мы считаем целесообразными. Образование единого органа по всему Советскому Союзу — этот вопрос еще в проекте. На следующей неделе мы узнаем результат. Мы же, готовясь к реконструкции, должны самым практическим и строгим образом пересмотреть свои позиции» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 837. Л. 174–174 об.).

Вряд ли обремененный государственными заботами Маленков или другой член Политбюро проявил бы инициативу в отношении заповедников. Заинтересованы здесь были, конечно, лесохозяйственники.

В.Н. Макаров выступил на том собрании с возражениями. *«Я думаю, что большую ошибку делают те, кто стирает грань между заповедниками и некоторыми отраслями народного хозяйства. Например, между лесным хозяйством и заповедником разница громадная, то же между зап-ком и управлением по делам охота хоз-ва, зап-ками и рыбным хозяйством. Я убежден, что зап-ки имеют свои собственные цели, свои собственные задачи и специфику, отличные от интересов народного хозяйства, они существуют для интересов общественных»* (Там же. л. 170).

В личностях Малиновского и Макарова здесь, по существу, сошлись два принципиально разных подхода к заповедному делу; если же смотреть глубже, то столкнулись два уровня культуры и нравственности. Правда, слушая Малиновского, Макарову можно было вспомнить не только Вейцмана с его «заповедниками будущего», не только Архипова с планами «заповедного хозяйства» как прямых предшественников новых установок, но и свои собственные пассажи начала 30-х гг. о «буржуазной теории с фетишем невмешательства». Теперь же Василий Никитич в максимально доступной форме пытался объяснить заповедные принципы, доказать необходимость сохранения заповедной системы. Его поддержали Преображенский и Бельский, упомянувшие о ленинских декретах и заветах, что лишь усугубило ситуацию. Зато сотрудница отдела кадров Е.А. Цветкова решительно высказалась за идеи преобразования природы в духе Мичурина–Лысенко.

Малиновский добавил к сказанному несколько существенных аргументов в отношении лесного отдела. «*...Я согласен с тем, что министр т. Бовин был прав в своем заключении вчера, что по существу лесное хозяйство в зап-ках не ведется, т. е. нет активных рубок ухода за лесом, очень мелки культурные лесонасаждения и особенно оно упирается в сухостой, а задача зап-ков не только сохранить, но и восстановить насаждения, которые присущи данной географической зоне*». Он предложил разбить заповедники по группам направления лесного хозяйства, а в ответах на вопросы еще раз подчеркнул: «*Все равно принципы заповедности будут пересматриваться*». Закончил же словами: «*Не поймите меня, что я хочу все заповедники поломать. Я болею в равной степени, как и вы*» (Там же).

Конечно же, полное уничтожение заповедной системы было не в интересах Малиновского. Другое дело — создание нового союзного главка при существенном сокращении сети заповедников и коренном изменении их статуса. И нужно отдать должное убежденности Малиновского в своей правоте и той энергии, с которой он осуществил свои намерения. Мы не можем принять версию о том, будто указания о разгроме заповедников исходили лично от Сталина или Берии (эта версия принадлежит самому Малиновскому, поддерживается его преемником по охотничьему журналу О.К. Гусевым, частично была воспринята Насимовичем /Вайнер, 1991/ и полностью — В. Борейко). По желанию Сталина все заповедники были бы сметены в самый кратчайший срок. Однако «дело заповедников» тянулось долго, тщательно обсуждалось и согласовывалось, причем никто из его участников существенно не пострадал. Оно в принципе отличается от характерного «почерка» сталинских репрессий. Фактологическая его сторона, насколько это возможно, отражена в работах Борейко и нашей (Штильмарк, Гептнер, 1993). Располагая большими объемами дополнительных архивных материалов, мы не можем полностью представить их здесь, ограничиваясь самым кратким изложением.

Положение Малиновского как начальника реорганизуемого главка было весьма сложным. Годовой отчет ГУЗ за 1949 г., написанный Макаровым, вызвал претензии Минфина и был признан в Совмине РСФСР неудовлетворительным. В серии докладных записок на имя зампредсовмина Бессонова Малиновский пытается объяснить причины трудностей и неудач: «*Большим недостатком заповедников являлась засоренность кадров репрессированными лицами и большое количество неквалифицированных работников... Освобождено в 1950 г. научных работников, не подходящих по политическим и деловым качествам — 25 человек* (среди них — брат и сестра Грюнеры, работавшие в заповеднике «Висим». — *Ф.Ш.*) *и 4 директора заповедников*» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 8. Д. 8664. Л. 13 и 126). В этой обстановке создание правительственных комиссий по заповедникам, возглавлявшихся сначала председателем Госплана СССР Сабуровым, а затем недавно назначенным министром Госконтроля СССР Меркуловым (ранее — пря-

мой помощник Берии), объективно было на руку Малиновскому, тем более что он был включен туда наряду с такими фигурами, как Н. Хрущев, А. Козлов, И. Бенедиктов, А. Колданов (Борейко, 1991а).

«*Что-нибудь определенное — какие заповедники будут сокращены и какие нет, — говорил Малиновский на НС ГУЗ летом 1950 г. — я не имею данных, но сейчас стоит вопрос, целесообразно ли сохранять все заповедники, которые были организованы в течение долгого периода времени... Жизнь идет вперед, все меняется*» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 889. Л. 44). Он указывал, что нет никакого смысла сохранять такие заповедники как «Тульские засеки», Центрально-Лесной и почти все подмосковные, поскольку вокруг них преобладают леса 1-й группы и требуется применение лесохозяйственных мер. «*Режим здесь такой же, как и в заповедниках. Зачем иметь заповедник в 2000 га* (Верхне-Клязьминский. — *Ф.Ш.*), *когда кругом настолько бурно течет жизнь? Зачем держать заповедник с прежними его традициями и направлениями? Очевидно, что это нецелесообразно*» (Там же). Все эти высказывания не только ярко демонстрируют личные взгляды Малиновского, но и подчеркивают его активную роль в «деле заповедников». Он работал с большой энергией, рассылая по всем заповедникам не только множество строгих циркуляров, но и ревизоров для проверок. Важно было проявить себя перед руководством.

Для Макарова два года работы с Малиновским были подлинной пыткой, совсем подорвавшей его здоровье. Василий Никитич старался выполнять требования нового начальника, подавляя свои личные взгляды и убеждения. По требованию Малиновского он подготовил для НС доклад на тему «Переделка природы и заповедники», где пытался соединить официозные установки с принципами охраны природы. Впрочем, словесной эквилибристикой в то время трудно было кого-либо удивить. На докладе Макарова, например, выступил проф. Гладков, утверждавший, что по законам диалектики заповедность и переделка природы вообще неразделимы…

Можно себе представить настроение ученых и ветеранов заповедного дела на пленуме НС ГУЗ в апреле 1950 г. с отчетом Михеева за 1949 г. и докладом Бельского об участии зап-ков в Сталинском плане защитного лесоразведения. Были заслушаны доклады профессоров Н.Г. Солнцева о ландшафтных исследованиях в заповедниках и Н.П. Ремезова — о почвенных. Роль заповедников в деле лесоразведения выразилась в заготовке 77 кг хвойных семян, 46 тонн желудей, 430 тыс. штук посадочного материала. В содокладе В.Я. Частухина говорилось о микрофлоре и микоризе дуба применительно к лесокультурному делу. Малиновский подчеркнул необходимость вмешательства в природу и разделения заповедников на «определенные части». В докладе Михеева также предлагалось «*повести работу по разделению зап-ков по зонам и установить для каждой зоны особый режим заповедности*» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 880. Л. 32, 71).

Конечно, ученые не сдавались без боя. Прозоровский говорил о большой опасности утраты заповедников. Преображенский подчеркнул сложность классификации заповедников и призвал к осторожности при любых вмешательствах. Туров и Дементьев заявили, что «хозяйственная деятельность сама по себе не должна иметь места в запках... надо изучать эффект заповедности» (там же). «Летопись природы» была оценена учеными как «золотой фонд, на котором мы планируем наше хозяйство». Роде высказался против зонирования и за комплексность исследований. Клейненберг подчеркнул «монополию» наших заповедников на экологические работы с позвоночными. Но переубедить Малиновского было не так-то просто.

Пользуясь поддержкой научного актива, Макаров перешел в атаку: «*Как только мы допустили хозяйственную эксплуатацию — нет заповедника. Это будет любая организация, но не заповедник. И нужно прямо говорить, что с того момента, как мы станем на путь эксплуатации — конец жизни заповедников; системы более не суще-*

ствует... Но это не значит, что мы вообще против всякого вмешательства... Нужны участки, где природа предоставлялась бы самой себе, а могут быть и опытные» (Там же. Л. 132–134). Возможно, что все это несколько поколебало Малиновского, во всяком случае намечался какой-то компромисс. Макаров и Михеев подготовили план-минимум сокращения заповедной сети за счет ряда недавно созданных небольших заповедников (некоторых подмосковных, «Висим» и др.). Однако Малиновский существенно расширил этот список. В очередной докладной Совету министров РСФСР он писал о ревизии заповедников (кроме самых ближних и Кроноцкого). Растрат и хищений не было выявлено, но недостатков оказалось много. Прекращено строительство в «Висиме» и Средне-Сахалинском, «т. к. эти зап-ки намечены к ликвидации». Всего в системе 37 зап-ков, 1188 единиц штатных и 64 вакансии. Фонд зарплаты на 1950 г. — 6995 тыс. р. В 4 кв. 1949 г. штаты сокращены на 226 единиц. Пожары в Баргузинском зап-ке с 1939 по 1949 г. уничтожили до 40% лесов (Там же. Ф. 259. Оп. 6. Д. 7151. С. 415).

Первый план сокращения сети зап-ков у Малиновского выглядел таким: «*1) выяснилось, что дальнейшее существование ряда зап-ков нецелесообразно. Некоторые запки на значительной площади уже освоены промышленной эксплуатацией, как, например, Куйбышевский. Вокруг других зап-ков настолько сильно изменились условия, что существование их как самостоятельных единиц теряет всякий смысл, как, например, Верхне-Клязьминский. Наконец, некоторые зап-ки дублируют работу, имея одни и те же задачи, находясь в одних и тех же областях, например «Висим» и «Денежкин камень» в Свердловской области... Исходя из этого, можно ликвидировать 9 зап-ков, в т.ч. Верхне-Клязьминский, Приволжско-Дубненский, Глубоко-Истринский, Куйбышевский, «Висим», Клязьминский, Центрально-Лесной, «Семь островов» и Средне-Сахалинский. Все крупные заповедники можно сократить, а остальные оставить*» (Там же. Д. 836. Л. 271–281). Был даже проект соответствующего постановления Совета министров СССР (Там же. Д. 838. Л. 240–242).

В. Борейко (1991а) сообщает о «либеральном» варианте, составленном комиссией Госплана СССР, по которому сокращалось только три заповедника. Сейчас трудно понять и объяснить причины отказа от выводов комиссии Сабурова и поручение этого дела Министерству Госконтроля во главе с Меркуловым, но вряд ли здесь могло обойтись без Малиновского, учитывая его статус и установки. Ведь к тому времени у него уже созрел план преобразования «своего» республиканского главка в более крупный и престижный союзный. Значительное сокращение сети госзаповедников оказывалось весьма кстати, поскольку руководить сложной и разветвленной системой гораздо труднее, нежели простой и малочисленной.

Далее события следовали в стремительном темпе. Предложения комиссии Госплана СССР («либеральный вариант») датированы 18 ноября, а уже 24 ноября по Мин-ву Госконтроля СССР был издан приказ за подписью Меркулова о проведении массовой проверки госзаповедников во всех союзных республиках по специальной программе. Число проверяющих, привлеченных на местах, достигло 200 человек. Материалы этих проверок, хранящиеся в Гос. архиве РФ (б. ЦГАОР), представляют немалый интерес, они содержат большой фактический материал о территории, кадрах, тематике заповедников. Характерно, что лишь в единичных случаях были сделаны выводы о целесообразности ликвидации ревизуемых объектов, чаще же давались рекомендации по улучшению работы и подчеркивалась ее большая значимость.

Тем временем Малиновский, включенный в состав новой комиссии, вошел в тесный контакт с теми людьми, которых Борейко считает подлинными виновниками трагедии — главным государственным контролером МГК Калашниковым и его помощником Фетисовым. Не будет преувеличением сказать, что в общих контурах все это дело было решено уже в конце 1950 г., а последующие проверки лишь давали для него (при

соответствующем подборе фактов) дополнительный материал. Одновременно Малиновский проводит в жизнь свой проект нового «Положения о заповедниках», разработанного еще в 1950 г., но утвержденного позже. Он направляет в Мингосконтроль на имя Калашникова тезисы доклада «Принципы организации заповедного хозяйства в заповедниках РСФСР» (не зная работ Архипова, он приписывал себе этот старый, но обновляемый по содержанию термин). Активное ведение заповедного хозяйства «по Малиновскому» означало уже прямое «хозяйственное использование в заповедниках, как например, отстрел копытных и пушных зверей, заготовка древесины при рубках ухода, организация семенных хозяйств, сбор гагачьего пуха и т. д.» (ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 24. Д. 1729. Л. 40). Проще говоря, предлагалось придать зап-кам статус «царских охот» или подсобных хозяйств. Характерен часто приводимый Малиновским пример «неправильного» отношения к сухостою — начальник ГУЗ заставлял подчиненные заповедники вырубать старые дуплистые деревья, столь нужные для зверей и птиц.

В конце 1950 г. состоялся новый пленум НС ГУЗ, на котором собралось довольно много ученых. Во вступительном слове Малиновский сказал, что этап пассивной охраны флоры и фауны пройден и «*продолжать так нельзя, когда вся страна, все отрасли народного хозяйства идут сейчас на активное вмешательство в природу*». Начальник научного отдела Михеев доложил план на 1951 г., составленный уже с учетом новых требований. Количество научных тем уменьшилось до 82, большое внимание уделялось заготовкам сена для подкормки копытных животных и борьбе с вредными хищниками. Мантейфель спрашивал относительно расширения акклиматизационных работ, Михеев ответил, что в этой проблеме «нет ясности». На вопрос о заповедной сети Малиновский сообщил: «*Без сомнения некоторая доля заповедников в общей системе будет ликвидирована. Какие — я сейчас просто не имею возможности сказать*» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 889. Л. 43–44). Первым в прениях взял слово Мантейфель, сразу осудив «созерцательность» зап-ков и отвергая сомнения в необходимости акклиматизации. «*Вот в Кавказском зап-ке достигла потолка и не размножается серна. Почему бы ее не акклиматизировать в других местах? Она там закисла, размножается в себе, создает слабую популяцию. Нужно ее освежить новыми экологическими условиями. Почему Крым не насыщен копытными животными? И среди пушных зверей нашлись бы такие, которых полезно иметь в заповедниках. А сейчас там много «наукообразия», но мало производственного направления*» (Там же). В таком же плане против заповедности высказался лесовод Г.Р. Эйтинген. Но большинство ученых были настроены совсем иначе. Почвовед Роде резко возражал против ликвидации Центрально-Лесного зап-ка. Его поддержал Прозоровский, говоря о накопленном заповедниками большом и ценном опыте, считая, что сохранять заповедники надо независимо от режима на смежных территориях, прежде всего как научные стационары. Об этом же говорил и Г.М. Зозулин на примере Центрально-Черноземного зап-ка. Насимович упрекнул Мантейфеля в том, что он раньше хвалил заповедники, а теперь, когда им стало трудно, ругает. «*Заповедники внесли огромный вклад в практическую работу... Ваши ученики, Капланов и Раевский, разделили бы со мной чувство обиды*» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 885. Л. 10). В.Г. Гептнер сказал, что научное наследство наших заповедников следует всячески оберегать. Но резче всех против взглядов Малиновского и Мантейфеля выступила ботаник Г.И. Дохман. «*Основной и первой задачей должна быть организация заповедности как таковой... первая стадия — заповедность, вторая — научная работа, третья — внедрение результатов научной работы в народное хозяйство. Мы как бы стыдимся, что охраняются участки природы, целые природные комплексы, и хотим заповедность оправдать темами производственного порядка... Нет, нужна заповедность, а все остальное приложится*» (Там же. Л. 12). Она горячо возражала против «раззаповедания» Тульских засек и Центрально-Лесного массива, на что Малиновский

заметил, что до сих пор зап-ки «брали аванс» у государства, теперь же пора «отдавать». В.П. Теплов, который отчитывался о проделанной работе наряду с Ю.А. Исаковым из Дарвинского зап-ка, предлагал уделять больше внимания запросам и задачам на местах, временно отказавшись от биоценотических исследований общего плана. А.А. Насимович сделал обзорный доклад о биотехнических мероприятиях в заповедниках, включая борьбу с хищниками, отметил недостаток специальной литературы и инструкций. До 1949 г. в зап-ках ежегодно добывали от 134 до 179 волков (за 1937—1947 гг. их было уничтожено 1161); в 1949 г. в 24 заповедниках добыто 243 волка, кроме того, 12 росомах, 7 харз, 5 рысей, 28 бурых медведей; в 1950 г. в Сихотэ-Алинском зап-ке новым методом (с собаками) добыта 31 харза. В заповедниках Севера за 1950 г. уничтожено 5 626 чаек и поморников, в Астраханском 12 217 бакланов. Истреблялись вороны, ястребы, на Севере также орланы. Широко использовались яды против волков.

С.С. Туров и С.Е. Клейненберг вновь выразили серьезное опасение судьбой запков. Заключительное слово Малиновского показало, что тревоги их обоснованны. «*Заповедники очевидно стоят накануне нового этапа. Я вполне признаю и разделяю точку зрения, что зап-ки в прошлом играли колоссальную роль в сохранении отдельных участков природы, в отношении ее изучения... Но вместе с тем мы знаем, что наше хозяйство движется вперед, и методы... и даже сами принципы заповедности... Вопрос о дальнейшем улучшении деятельности заповедников сейчас стоит в вышестоящих организациях*» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 885. Л. 10–152).

В.Н. Макаров не выступал на том пленуме. Ему было ясно, что рушилась вся система заповедников РСФСР, то есть дело его жизни. Накануне пленума, 20.12.1950 г., он отправил на имя Калашникова докладную записку с просьбой сохранить заповедники, имеющие особое значение — Судзухинский, Сихотэ-Алинский, Печоро-Илычский, Кондо-Сосвинский и Верхне-Москворецкий. Это был «крик отчаяния», который ничего не изменил: справка, составленная Калашниковым и Фетисовым, где все эти заповедники значились обреченными, датирована 25.12.1950 г.

Нет оснований отрицать негативную роль в этом деле работников Госконтроля СССР (Меркулова, Павельева, Калашникова, Фетисова), хотя низовые ревизоры относились к заповедникам при проверке сочувственно. Однако для нас совершенно очевидна особая значимость Малиновского, работавшего в составе комиссии с большим энтузиазмом. Именно он решал конкретные вопросы сохранения или ликвидации каждого из заповедников РСФСР, определял пределы допустимой, по его мнению, площади оставляемых резерватов. Лично им была произвольно установлена предельная площадь заповедников — 100 тыс. га (исключение составлял лишь Дарвинский заповедник — 176 тыс. га, — и то из-за преобладания акватории).

Уже в конце 1950 г. в принципе был решен вопрос о создании единого союзного главка по заповедникам вместо шести имевшихся республиканских, в этом и заключалась важнейшая часть всей реформы (конечно, ни Сталин, ни Берия такими «мелочами» не занимались). С другой стороны, хозяйство получало обширные массивы ранее заповедных лесов и земель. Естественно, что начальником нового союзного ведомства был предложен именно Малиновский. Положительная характеристика на него визирована Фетисовым 5.01.1951 г. (ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 24. Д. 1786. Л. 32).

Итоговый документ на имя Сталина, который должен был подписать Меркулов, завизирован Калашниковым и Фетисовым еще 13.12.50 г. В нем четко определялись главные мотивы реорганизации системы заповедников, которые вошли затем в текст постановления Совета министров СССР от 29 августа 1951 г. № 3192 «О заповедниках» (он приведен в работе В. Борейко, 1991а). В черновом тексте докладной госконтролеров легко видеть не только отражение взглядов Малиновского, но и непосредственные его формулировки об отсутствии в заповедниках лесного хозяйства, пассивности на-

блюдений, оторванности от практики и т. п. Поистине символически звучат отдельные строки этого «приговора»: «*Научная работа в заповедниках оторвана от практических интересов народного хозяйства. До последнего времени эта работа носила неправильный характер полного невмешательства в процессы, происходящие в природе заповедников*» (Там же. Л. 1–8). Завершалась «записка» неотразимыми по тому времени выводами о том, что правительство СССР само принимает нужные меры по охране природы и природных ресурсов в государственных масштабах, поэтому заповедники как специальные природоохранные учреждения не нужны и могут иметь место лишь как научно-опытные подразделения для обслуживания соответствующих отраслей хозяйства (сельского, лесного, охотничьего).

Затем довольно долго велось согласование плана по сокращению заповедной сети с руководством республик, краев и областей. Понимая значимость зап-ков, многие советские и партийные руководители выступили с возражениями. Имеются письма и телеграммы, решительно протестующие против ликвидации Центрально-Лесного, «Висим», Кроноцкого, Судзухинского и других зап-ков, но протесты не оказали никакого действия.

Нарастало беспокойство научной общественности. В Министерство Госконтроля СССР поступило заявление от профессоров Формозова, Е. Смирнова, Огнева, Никольского, Дементьева с просьбой созвать специальное совещание по вопросу о заповедниках. Как ни странно, просьба ученых была услышана. В архиве имеется список участников совещания у Меркулова 28.12.1950 г., подписанный Калашниковым (А.И. Бовин, Т.Д. Лысенко, его фамилия зачеркнута, видимо, он не явился, С.В. Потапов, А.В. Малиновский, В.Д. Денисов, И.А. Цитович, А.И. Опарин, Н.Е. Кабанов, П.А. Мантейфель, Г.П. Дементьев, Г.В. Никольский, С.И. Огнев, Е.С. Смирнов, А.Н. Формозов, А.А. Роде. Намечалось участие академиков Бардина и Павловского /ГАРФ. Ф.8300. Оп. 24. Д. 1786. Л. 9).

В. Борейко (1991а) пишет, что Меркулов «*превратил встречу в фарс*» — все аргументы ученых блокировались высокопоставленными чиновниками. В архивных документах нет стенограммы или протокола совещания. Единственное известное о нем упоминание принадлежит А.Н. Формозову: «*Я твердо знаю, я сам участвовал в том заседании, сам спорил с Меркуловым, доводы не принимались во внимание. Мы знаем точно и найдем свидетелей, что решение было принято до получения материалов 200 обследователей. Голоса с мест не принимались во внимание. Очень важно, что правительство было введено в заблуждение своеобразно подготовленным материалом. Какова роль Главного управления — вопрос неясен. История разберется, и каждый получит по заслугам*» (Архив МОИП. Д. 54. С. 63).

Думается, что Александр Николаевич проявил здесь сдержанность из-за присутствия в зале заседания Малиновского, державшегося со своей обычной «напористостью». Формозов отлично знал — и автор книги слышал это от него лично! — сколь велика была роль руководителя ГУЗ в разгроме заповедников. А статьи В.Е. Борейко, где он пытается оправдать главного виновника, показывают, что не так-то просто разобраться в этой истории. Возможно, тут сказывается позиция журнала «Охота и охотн. хоз-во», редакция которого вполне разделяет преобразовательские взгляды Малиновского и Мантейфеля, пропагандируя их даже в наши дни.

«Реорганизация», подготовленная в конце 1950 г., затянулась из-за оформления документации и согласований. Благодаря хлопотам и настойчивости ученых, в частности проф. В.А. Варсонофьевой, удалось сохранить в списке оставляемых заповедников Печоро-Илычский и Сихотэ-Алинский, первоначально намеченные к ликвидации. Но волюнтаристски установленный Малиновским предел площади в 100 тыс. га был распространен и на них, и на Кавказский заповедник. Леса упраздняемых заповедников переводились в разные категории. В третью (эксплуатационную) группу вошли леса Кро-

ноцкого, Читинского, Саянского, Алтайского, Кондо-Сосвинского, Лапландского и Средне-Сахалинского зап-ков. Ко второй (ограниченной эксплуатации) были отнесены «Висим», Башкирский и Судзухинский. В первую (защитную) группу лесов попали все подмосковные зап-ки (кроме оставляемого Приокско-Террасного), Центрально-Лесной, Клязьминский и Южно-Сахалинский, а «Тульские засеки» удостоились статуса особо ценных лесов, слившись с окружающими массивами, после чего последние участки старолесья были вырублены в порядке «ухода» и «восстановления».

Интересен архивный документ «О мотивах оставления и сокращения площади заповедников», подготовленный, видимо, лично Малиновским.

«Кавказский зап-к... 319,7 т. га... Площадь необходимо (!) сократить до 100 тыс. га (т. е. на 68,7%. — *Ф.Ш.*), исключив из него все пастбища, а также западную и южные части, занятые лесом». «Сихотэ-Алинский зап-к, 1804,6 т. га... Площадь зап-ка чрезмерно велика, что не позволяет обеспечить надлежащую охрану и развернуть научную работу. Для сохранения типичной растительности и фауны достаточно оставить зап-к на пл. 100 тыс. га» (чуть более 5%. — *Ф.Ш.*).

«Печоро-Илычский зап-к, 1134,6 т. га... можно уменьшить до 75 т. га» (т. е. на 93,4%) «Баргузинский зап-к, 570,9 т. га уменьшить до 50 т. га» (т. е. до 8,7%). «Денежкин Камень... 135,3 т. га... Сохранение животных и зверей (!) в условиях заповедного режима не вызывается необходимостью, пл. можно уменьшить до 35,3 тыс. га» (ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 24. Д. 1786).

На все 100% были ликвидированы в РСФСР 21 госзаповедник и пять местных (Мучкапский и др.), всего же по СССР — 88. В целом Малиновский преподнес хороший подарок родному Минлесхозу СССР и с гордостью заявлял при каждом удобном случае, что передал в хозяйственное пользование около 10 млн. га ценных лесов (автор книги был тому непосредственный свидетель). Минлесхоз СССР и ГУЗ разработали специальную инструкцию «О порядке передачи лесов и имущества упраздненных и уменьшаемых по площади заповедников», установив очень краткий срок — 15 октября 1951 г. (ГАРФ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 845. Л. 5).

В. Борейко (1995г) недавно опубликовал «Новые сведения трагедии заповедников СССР», где еще раз пытался оправдать Малиновского на основании новых материалов (к сожалению, автор не указывает архивных источников, без чего публикация вообще некорректна). Но даже принимая эти сведения на слово, мы не находим в них чего-либо принципиально нового. Приводимое автором Распоряжение Совета министров СССР (подписанное Сталиным) датировано 25 июля 1951 г., когда вся работа комиссии Меркулова была уже закончена. Не Сталин и Берия, а указанная комиссия (и в первую очередь именно Малиновский, как ведущий специалист и руководитель ГУЗ) определяли, где, какие и какого размера останутся заповедники и сколько их ликвидировать. Но главные причины трагедии и тот общий фон, на котором она происходила, отражены в новых материалах достоверно. «*...Заповедники, которые охраняли громадные территории, отжили сами себя, то есть строй перестал быть заинтересован в этой надстройке...*» (Борейко, 1995г, с. 8). Источник и автор этого высказывания не указаны, но по стилю очень типично именно для Малиновского.

...Осень 1951 г. для российских заповедников выдалась поистине жаркой. В Ханго-курте на Малой Сосьве, равно как и во всех других ликвидированных таежных заповедниках, оформляли акты приема-сдачи с таким трудом построенных в глубине тайги зданий (лаборатория, музей, школа, контора), составляли списки сдаваемого имущества, книг, документации, инвентаря. Охотники радовались возможности пройтись по ранее запретным заповедным дебрям. А где-то в областных и столичных кабинетах уже рассчитывали объемы заготовок деловой древесины. Спустя несколько лет давно намеченная железнодорожная магистраль протянулась от уральского городка Ивделя до са-

мой Оби, на территории бывшего Кондо-Сосвинского заповедника обосновались новые леспромхозы, а вскоре в этот край пришли геологи, газовики и нефтяники.

Итак, трагедия советских заповедников 1951 г. была закономерно обусловлена общественно-социальными установками, однако существенно усилена субъективными моментами. Неизбежность разгрома предопределялась не только вульгарно-материалистическими принципами, определившими потребительское и разрушительное отношение советского общества к окружающей природе, но и присущее этому обществу двоемыслие (охрана — освоение, мир — война, свобода — рабство). Все это прикрывалось демагогией о преобразовании (вариант — «обогащении») природы в интересах людей. Фактически само понятие заповедности было отброшено еще на «макаровском» этапе, и это сказывается вплоть до сегодняшних дней. Парадокс заключался в том, что заповедная система — творение и гордость советского строя — им же была разрушена, причем с особой жестокостью. Главное же, что представления Малиновского о заповедниках как своеобразных гибридах хозяйственно-исследовательских учреждений и многие его другие формулировки пустили глубокие корни.

Трагическая судьба В.Н. Макарова, отрекшегося от подлинных заповедных принципов в начале 30-х гг. и тщетно пытавшегося их отстаивать через 20 лет перед Малиновским, была предрешена, хотя, как законопослушный советский гражданин и добросовестный член ВКП(б), он всю жизнь выполнял установки и предначертания Коммунистической партии и Советского правительства (теперь это обозначается формулой «колебался вместе с линией»). Он проклял «фетиш неприкосновенности», взял курс на акклиматизацию новых видов в заповедниках, проводил там биотехнические мероприятия, создавал питомники бобров и зубров, боролся за мичуринское направление в биологии, наконец, согласился подготовить доклад на тему «Преобразование природы и заповедники». Но даже этот вымученный и фальшивый текст, противоречащий его убеждениям и взглядам, свидетельствует о стремлении любой ценой сохранить главное — природу своего Отечества, которому Макаров служил верой и правдой, пробиваясь через все тяготы жизни и партийные указания, словно идущий на нерест лосось. Все-таки в этом «мягкотелом интеллигенте» была заложена могучая душа настоящего русского человека дооктябрьского (не советского!) периода. Он принципиально отказался продолжать работу в учрежденном сталинским постановлением Главном управлении по заповедникам при Совете министров СССР, и уже в конце 1951 г., благодаря поддержке В.Н. Сукачева и Н.Е. Кабанова, перешел на работу в систему Академии наук СССР, но его жизненные силы были исчерпаны (см. след. главу).

Кого же считать теперь истинным виновником событий 1951 года? Пусть одни назовут Лысенко, другие Берию, третьи Сталина (который, как известно, был для нас «Ленин сегодня»), автор же обратит взор на памятный ему профиль четырех классиков... Более отчетливо выступают названные В. Борейко фигуры Маленкова, Меркулова, Калашникова и других, среди коих выделяется министр А.И. Бовин, лично заинтересованный в ликвидации заповедников. И наконец, совершенно очевиден сам исполнитель карательной акции — Александр Васильевич Малиновский. Он был очень удачно выбран властью для этой роли, но главные корни незабываемой трагедии того времени произрастали в глубинах общественно-политического строя, с которым пока не в силах расстаться наше общество.

3.1.9. «Заповедно-охотничье хозяйство» (1952–1960)

Крах или кризис? Академия наук и МОИП не сдаются. Времена меняются. Конец союзного ведомства и начало междуцарствия. Главохота РСФСР как преемник заповедного наследства. Новый план географической сети заповедников и на-

чало созидания. Последние «достижения» А. В. Малиновского. Совещания по заповедному делу и закон об охране природы в РСФСР.

В систему вновь учрежденного Главного управления по заповедникам при Совете министров СССР было передано из прежних заповедников РСФСР: Астраханский — 23,2 тыс. га; Баргузинский — 50,0 (сокращен на 520,9); Воронежский — 30,8; Дарвинский — 170,0 (сокращен на 6,0); Кавказский — 100,3 (сокращен на 109,5); Кандалакшский — 20,1 (3,3 из ликвидированного зап-ка «Семь островов»); Крымский — 29,6; Мордовский — 33,2; Окский — 22,3; Печоро-Илычский — 75,0 (сокращен на 1054,9); Приокско-Террасный — 4,8; Сихотэ-Алинский — 100,0 (сокращен на 1704,6); «Столбы» — 46,5; Хоперский — 16,2; Центрально-Черноземный — 4,0; Ильменский — пл. 30,1 т. га (сокращен на 20,0, передан АН СССР). Кроме того, в этом ведомстве сохранялись зап-ки: Супутинский (15,9); «Кедровая падь» (15,1); «Кивач» (10,3) и Пушкинский (0,6).

Таким образом, общая площадь существовавших на 1 января 1952 г. в РСФСР 20-ти заповедников составляла 802,5 тыс. га (6,8% от прежней), тогда как ранее 47 зап-ков всех ведомств (включая два местных) занимали 11 696,7 тыс. га. Ликвидированы были заповедники: Алтайский, Башкирский, Верхне-Клязьминский, Верхне-Москворецкий, «Висим», Глубоко-Истринский, Клязьминский, Кондо-Сосвинский, Кроноцкий, Куйбышевский, Лапландский, Приволжско-Дубнинский, Саянский, «Семь островов», Средне-Сахалинский, Судзухинский, «Тульские засеки», Читинский, Центрально-Лесной, Южно-Сахалинский, а также местные и подчиненные учебным заведениям — Уваровский, Мучкапский, «Предуралье», Троицкий, «Галичья гора» и «Лес на Ворскле» — всего 26 общей площадью 6 501,6 тыс. га (на 4 392,0 тыс. га была сокращена площадь оставшихся).

В союзном главке значились также прежние заповедники ряда союзных республик: Азово-Сивашский (УССР, 6,9 тыс. га), «Аксу-Джабаглы» (КазССР, 70,6), Бадхызский (ТуркССР, 70,0), «Барса-Кельмес» (КазССР,19,3), «Беловежская пуща» (БелССР, 74,2), Гассан-Кулийский (ТуркССР, 69,7), Горно-Лесной (УзбССР, 22,0), Закатальский (АзССР, 25,4), Кзыл-Агачский (АзССР, 93,0), Лагодехский (ГрузССР, 13,2), Тебердинский (с 1945 г. в ГрузССР, 69,6), Черноморский (УССР, 12,0); всего же вместе с российскими — 28.

Как начальник Главного управления при Совете министров СССР, Малиновский получил ряд реальных благ — дополнительную должность заместителя (ее занял А.В. Романецкий, ранее работавший в Управлении делами Совмина РСФСР), новую легковую автомашину, просторное помещение в Большом Черкасском переулке, улучшил свое материальное положение (в то время номенклатура таких рангов получала, помимо официальной зарплаты, так называемые «конверты», т. е. дополнительные ежемесячные выплаты, особый доступ к разному «дефициту» и другие привилегии).

Состав главка существенно изменился. В мае 1951 г. А.В. Михеева в должности начальника научного отдела сменил П.Б. Юргенсон, а затем его преемником стал А.И. Корольков. Бывший работник Совмина РСФСР Романецкий свою деятельность в новом главке начал с того, что предложил поставить гриф секретности на всех «Летописях природы». Позднее Насимович писал: «*В 1952 г. Комиссия Госконтроля СССР снова обследовала главк. На ее имя я, П.Б. Юргенсон и С.М. Преображенский — научные сотрудники главка — подали заявление об ошибочности сокращения сети заповедников. Для заповедников это окончилось ничем, зато С.М. скоро вывели на пенсию. На защите докторской диссертации я получил от Малиновского разгромный отзыв, но он подействовал как бумеранг — голосование было единогласным. Как только я был утвержден ВАКом, Малиновский уволил меня из главка по сокращению штатов*» (рукопись, архив автора).

Главным событием 1952 г. стало утверждение нового положения о госзаповедниках, существенно отличного от всех предыдущих. Основные его принципы внедрялись уже в 1951 г. Показательно в этом плане заседание НС ГУЗ от 21 мая 1951 г. с докладом Малиновского «О принципах организации заповедного хозяйства». Конечно, А.В. не заглядывал в «Научно-методические записки» и не читал там статей Архипова дословно с такими же заголовками. Но трактовка Малиновского отличалась от прежней. Архипов под «заповедным хозяйством» подразумевал все-таки правильную организацию работы заповедника (пусть даже с отступлениями от классических представлений), новые же установки превращали былые заповедники в хозяйственные учреждения особого типа. Об этом он и доложил присутствующим, подчеркивая необходимость пересмотра положения о заповедниках, как он выразился, «в сторону ведения сознательного активного хозяйства» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 1037). Присутствовало всего 5 постоянных членов НС, и выступающих было мало. Охотно поддержал Малиновского П.А. Мантейфель: «*Александр Васильевич нашел надлежащее слово "заповедное хозяйство". Каждый раз, когда заходит разговор о научных работах, ставится вопрос, что такое заповедник. Под этой заповедностью во всем мире понимают невмешательство в природу, что она должна оставаться такой на веки-вечные. В социалистической стране не на веки, а на сколько нужно, и термин "заповедное хозяйство", по-моему, упростит те споры, которые всегда возникают при вопросе, как должны работать заповедники*» (Там же. Л. 76). Далее Петр Александрович выразил опасение планами сокращения заповедной сети, полагая, что «заповедные хозяйства» надо все же не закрывать, а укреплять, заменяя их «пассивную» тематику «активной». «*Нужно хозяйничать, а не просто наблюдать — вот в чем смысл*», — подвел черту Малиновский в заключение.

Новое положение «О государственных заповедниках СССР» не утверждалось Советом министров СССР и не публиковалось в открытой печати, оно рассылалось по списку. Утвержденное самим Малиновским в марте 1952 г., оно трактовало заповедники как научно-опытные учреждения, работающие в интересах конкретных отраслей народного хозяйства. Одновременно было принято и очень детализированное положение об охране заповедников. В заслугу себе Малиновский ставил некоторое улучшение материального состояния в заповедниках, которого удалось добиться, приравняв эти учреждения к научно-опытным сельскохозяйственным станциям. В 16 заповедниках главка числилось тогда 105 научных сотрудников (от двух в «Денежкином камне» до семнадцати в явно привилегированном Воронежском). Вся тематика была максимально приближена к практике — звероводство, лесное хозяйство, полезащитное лесоразведение и т. д. От заповедников запросили сведения об открытиях и усовершенствованиях, «заслуживающих немедленного внедрения в практику» (ГАРФ. Ф. А-358. Оп. 2. Д. 1085. Л. 53). К ним были отнесены работы по одомашниванию лосей («домашнее лосеводство»), меры по борьбе с заморами рыб, изучение их болезней на Рыбинском море (И.М. Олигер) и некоторые другие. Орнитологи усердно развешивали скворешни ради спасения лесов от вредителей. В Дарвинском зап-ке В. В. Немцев разработал оригинальную методику использования дуплянок для гнездования гоголей, планировалась акклиматизация огарей, занимались там и переселением лесных насекомых. В Тебердинском заповеднике изучались особенности произрастания различных культурных растений в горных условиях, широко ставились опыты по скрещиванию овец и коз с турами и сернами (Воробьева, 1960; Лопырин, Логинова, Инякова, 1960). На пойменных лугах Мордовского заповедника изучали результаты применения гербицида 2,4-Д, отметив выпадение при этом, кроме сорняков, почти всей массы лугового разнотравья и бобовых растений (Цингер, 1964). Лишь по традиции в некоторых заповедниках продолжали отдельные экологические темы и составление «Летописей природы», хотя после ухода Преображенского главк потерял к ним всякий интерес.

В архивной документации этого периода очень много ходатайств разных организаций о работах в заповедниках. В них широко проводились отстрелы птиц для познания их положительной роли в жизни леса (изучение питания и т. д.), много заявок туристических групп и даже рыболовецких организаций, причем все они удовлетворялись. Особое внимание уделялось борьбе с волками (разрешили применять цианистый калий) и с бакланами. Малиновский даже обращался в Институт охотничьего хозяйства за разработкой способов выделки птичьих шкурок.

Существенно увеличились объемы подсобного хозяйства в заповедниках. Так, посевы зерновых культур в Воронежском зап-ке в 1955 г. составляли 30,7 га, корнеплодов и бахчевых — 7,2, однолетних трав — 18,5, многолетних — 10,5, озимых посевов — 14,1 га, сенокошение для зап-ка проводилось на 76,7 га, кроме того значительные участки отводились под сенокосы по требованию местных (районных) инстанций. Директоров — как правило, членов КПСС — вызывали в райкомы и в порядке партийной дисциплины обязывали принимать участие в подъеме сельского хозяйства, выполнении планов района по различным отраслям и т. д. Это довольно тягостное для заповедников явление имело место почти повсеместно. Кое-где было правилом привлекать сотрудников заповедника (включая научный персонал) к выполнению хозяйственных работ — уборке урожая, заготовкам сена и т. п. Особенно «доставалось» заповедникам, расположенным в обжитой части страны (Мордовский, Окский, Дарвинский, Хоперский и др.).

В целом же 1952 г. был для главка организационным, а уже в 1953 г. Главное управление по заповедникам при Совете министров СССР прекратило существование. Сокращенная до предела заповедная система страны утратила самостоятельное союзное руководство, начался долгий период многоведомственности.

Научная общественность была потрясена «реорганизацией» заповедников. Малиновского не поддерживали тогда даже те, кто разделял его преобразовательские взгляды (Мантейфель, Боссэ, отчасти директор Воронежского заповедника В.В. Криницкий, один из будущих руководителей заповедного дела), все были угнетены произошедшим разгромом. Научные кадры в какой-то степени еще сохранялись, работали в уцелевших заповедниках В.П. Теплов, И.В. Жарков, П.А. Мертц, Ю.А. Исаков, Г.Н. Лихачев и другие ветераны. О.И. Семенов-Тян-Шанский перебрался в Печоро-Илычский заповедник, Г.Ф. Бромлей — из Судзухинского в Сихотэ-Алинский. Разумеется, множество ценных работников при «реорганизации» остались вне разрушенной заповедной системы. П.Б. Юргенсон явно тяготился своей службой у Малиновского. Однако же уроки Лысенко и Презента не прошли для биологов даром и заставили смириться с печальной действительностью. Только наиболее стойкие борцы, например А.П. Протопопов, не могли успокоиться. «*В научных и общественных кругах такое сокращение территорий и количества заповедников рассматривается как катастрофа заповедного дела и полное разрушение географического принципа размещения заповедников по природным зонам*, — писал Протопопов Пузанову в те дни. — *Лично я с этим положением примириться не могу. Издание «Заповедники СССР»* (двухтомник, изданный Географгизом в 1951 г. под редакцией географа А.И. Соловьева с предисловием Макарова. — *Ф.Ш.*) *разошлось в Москве в три дня. Это издание я рассматриваю как литературный памятник над могилой описанных в нем заповедников. Но плакать над этой могилой я не намерен, так как памятник над ней зовет к борьбе*» (АРАН. Ф. 674. Оп. Д. 240. Л. 24).

Спасательный круг гибнущему заповедному делу бросила тогда Академия наук СССР. Инициатива принадлежала академику В.Н. Сукачеву, директору Института леса АН СССР, одному из последних подлинных классиков русской биологической науки. Он не только обеспечил переход В.Н. Макарова в академическую систему (первоначально — в комплексную экспедицию по полезащитному лесоразведению, которой ру-

ководил почвовед С. В. Зонн), но и добился создания в структуре Президиума АН СССР специальной Комиссии по заповедникам. Возглавил ее проф. Н.Е. Кабанов (заместитель Сукачева в Ин-те леса), фактически же там работал перешедший незадолго до своей кончины Макаров.

Комиссия по заповедникам при Президиуме АН СССР была создана постановлением Президиума от 23.03.1952 г. № 69 на основании п.7 постановления 1951 г. «О заповедниках», в соответствии с которым АН СССР была обязана осуществлять «научно-методическое руководство научно-исследовательской работой государственных заповедников, ежегодно рассматривать планы НИР зап-ков, а также отчеты об их выполнении». Это же постановление распространяло на сотрудников заповедной системы права на оплату научных степеней (правда, по категории отнюдь не академической, а «установленной для низовой сети научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству» (Борейко, 1991а, с. 1). В состав Комиссии по зап-кам были включены академики Сукачев, Григорьев, доктора наук Кабанов (и. о. председателя), Дементьев (зам. председателя) канд. биол. наук Макаров (зам. председателя), доктора наук Барсанов, Гептнер, Гиляров, Дубинин, Кириков, Ларионов, Ливеровский, Наумов, Роде, Соколов, Формозов, кандидаты наук Галахов, Дылис, Живаго, Михеев, Рябов, Шахов, Л.К. Шапошников (ученый секретарь), Щербаков. 27.06.1952 г. Президиум АН СССР утвердил «Положение о комиссии по заповедникам», разработанное Макаровым.

Он успел написать проект нового положения о заповедниках системы АН СССР (по всем республикам их было тогда общей площадью немногим более 120 тыс. га), а также план доклада «Задачи научной работы заповедников АН СССР и АН союзных республик в свете решений XIX съезда КПСС» для намеченного совещания по зап-кам, но тяжелая болезнь и перенесенные испытания подточили его жизнь, которая прервалась 2 июня 1953 г. Некрологи о Василии Никитиче написали Туров и Дементьев, сказав немало добрых слов, однако они не могли тогда объяснить подлинной причины его жизненной трагедии. Показательно, что Академия наук СССР не включила в состав Комиссии по заповедникам ни самого Малиновского, ни кого-либо из его союзного управления. Впрочем, как уже было сказано, дни этого главка тоже были сочтены, он прекратил свое существование еще при жизни Макарова, всего две недели спустя после смерти Сталина, 17 марта 1953 г. Главное управление по заповедникам было передано Министерству сельского хозяйства и заготовок СССР в качестве главка по заповедникам и охотничьему хозяйству. С декабря того же 1953 г. он стал функционировать при Министерстве сельского хозяйства СССР, а в марте 1955 г. был реорганизован в Управление по заповедникам и охотничьему хозяйству Главного управления лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения Минсельхоза СССР. Фактически это был конец деятельности Малиновского в заповедной сфере, хотя ему удалось еще раз проявить себя, добившись преобразования некоторых заповедников страны (Крымского, Азово-Сивашского, «Беловежской пущи») в так называемые «заповедно-охотничьи хозяйства» (см. ниже). Однако в середине 1955 г. Малиновскому пришлось заняться передачей заповедников республиканским ведомствам.

В РСФСР преемником останков заповедного наследства стало Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР (Главохота РСФСР), созданное 19.07.1955 г. (ранее оно существовало как Главное управление охотничьего хозяйства и непосредственно заповедниками не занималось).

Этим событиям предшествовало совместное заседание Московского общества испытателей природы, Московского филиала Географического общества СССР и Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов (так звалось тогда многострадальное ВООП) с программой «О заповедниках и перспективах заповедного дела в СССР». Это было едва ли не первое официальное упоминание

данного термина (издаваемый АН СССР бюллетень «Охрана природы и заповедное дело в СССР» вышел на два года позже). Надо сказать, что общая атмосфера в стране после смерти Сталина, расстрела Берии и Меркулова начала заметно разряжаться. Это и послужило главной причиной созыва совещания.

Его открыла вице-президент старейшего в России Московского общества испытателей природы профессор Вера Александровна Варсонофьева. После краткого вступления она предоставила слово Алексею Ивановичу Королькову, начальнику научной группы в главке МСХ СССР, которым руководил Малиновский. Речь его состояла из набора официальных формулировок типа «научно-исследовательская работа в системе госзаповедников, согласно указаниям правительства от 29. 08. 1951 г., должна быть направлена на содействие в разрешении практических задач лесного и сельского хозяйства, охотничьего и рыбного промысла, иначе сказать, вопросы специфического заповедного хозяйства» (Архив МОИП. Д. 54). Докладчик говорил о рубках ухода, расселении животных, содействии полезащитному лесоразведению, а от вопросов относительно восстановления прежних заповедников или создания новых решительно уклонялся. Формозов задал острый вопрос: как следует относиться к проверке заповедников, осуществленной врагом Родины Меркуловым? Но ответ был прост — проверку проводил не лично Меркулов, а двести контролеров, в комиссию входили Хрущев, Козлов, Бенедиктов, Черноусов...

Николай Евгеньевич Кабанов (знаток лесов Дальнего Востока, где работал еще с Арсеньевым) в докладе о заповедниках Академии наук мог добавить лишь общие пожелания относительно расширения существующей сети. Когда в 1953 г. Главк по заповедникам был передан Минсельхоззагу СССР, Академия обратилась в Совмин Союза с просьбой освободить ее от курирования заповедников, поскольку эта функция теперь должна принадлежать ВАСХНИЛ (говорят, это была инициатива Т.Д. Лысенко, осуществленная «с подачи» Малиновского). Просьбу охотно приняли, а Комиссия по заповедникам после смерти Макарова совсем бездействовала.

Выступивший на заседании Формозов не скрывал негодования. Он сказал, что постановление 1951 г. причинило страшный урон научным и культурным достижениям советской власти. В настоящее время отмечается чуть ли не поголовное истребление животных на территориях бывших заповедников Кавказа, Алтая, Дальнего Востока, а наши ведомства относятся к этому безразлично. «*Вопрос, от которого вы отмахнулись* (о Меркулове. — *Ф.Ш.*), — *обратился он к Королькову, — очень серьезный*». Далее последовал рассказ о встрече у Меркулова, приведенный в предыдущей главе. «*Необходимо восстановить дискредитированное заповедное дело, восстановить прежнюю сеть заповедников*» (Архив МОИП. Д.54). Формозов сослался на работы Докучаева, отсутствие степных заповедников, многочисленные запросы с мест на темы охраны природы. Его страстное выступление задало соответствующий тон собранию. Никольский, Гептнер, Клейненберг, Новиков и другие выступающие развивали больную заповедную тему, говорили об утрате экологической школы, о потерянных кадрах, критиковали увлечение акклиматизацией (примеры — планы завоза глухаря в Крым и рябчиков в Воронежский заповедник). Но присутствующий в зале Малиновский и не думал соглашаться с настроенной против него аудиторией. Он заявил, что заповедное дело улучшилось в качественном отношении, поскольку укрепилась материальная база (оплата сотрудников, транспорт, снабжение и т. п.), доказывал общность заповедников с охотничьими хозяйствами, отвергал упреки в отсутствии издательской деятельности («это развалили еще до меня» — заявил он).

«*Почему вы не хотите считаться с жизнью?* — обратился он к Формозову. — *Рудники и нефтепромыслы изменили все Жигули, разве мы можем тормозить развитие народного хозяйства, если у нас там заповедник?*» (Там же). Приводились пре-

жние доводы об охранном режиме в особо ценных лесах (Тульские засеки, Брянский лес и др.), о необходимости ведения заповедного хозяйства (этот тезис поддержал тогда директор Воронежского заповедника В.В. Криницкий). В заключение Малиновский отказался работать в создаваемой совещанием общественной комиссии по заповедникам и покинул заседание. Выступали Протопопов, Розанов, Варсонофьева и многие другие активисты, приводились обращения с мест о восстановлении заповедников. Об отсутствии теории заповедного дела и соответствующего центра говорил охотовед С.Д. Перелешин.

Нельзя утверждать, что именно это совещание определило завершение карьеры Малиновского в заповедных делах, но оно ярко показало противодействие научной общественности его стратегии. Это подтвердилось на Первом съезде Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов в августе 1955 г., когда Малиновский открыто выступил против общества и заповедников, хотя большинство присутствующих ставили вопрос о Комитете по охране природы и о расширении заповедной сети («Материалы...», 1956). Времена менялись, под влиянием хрущевской оттепели оттаивали льды сталинского режима, впервые поколебалась лысенковщина, исчез из МГУ «философ от биологии» Презент. Все настойчивее звучали голоса в защиту природы, заглушая былые восторги преобразователей. Вместо переизданий книг типа «Земля в цвету» (В. Сафонов) уже готовилась новая публицистика из серии «Земля в беде» (В. Чивилихин, автор очерков о Кедрограде и др.). После долгого перерыва ученые вновь смогли пользоваться иностранной литературой, возник реферативный журнал. Зарождались новые научные центры АН СССР (Уральский, Сибирский и др.), уделявшие внимание экологии.

В марте 1955 г. Комиссия по заповедникам АН СССР была преобразована в более солидную Комиссию по охране природы при Отделении биологических наук АН СССР. Исполняющим обязанности председателя стал проф. Г.П. Дементьев, его замом В.Б. Дубинин, ученым секретарем Л.К. Шапошников, членами Бюро академики Герасимов, Григорьев, Павловский, Сукачев, член-корр. Никольский, доктора наук Зонн, Кириков, Б. Тихомиров, канд. наук Микешин и Михеев. Членов комиссии значилось 46, в том числе Лавренко, Формозов, Гептнер, Роде, Протопопов, Кабанов и др. Аналогичные комиссии были вскоре созданы при большинстве филиалов АН СССР. Уговорили войти в бюро и Малиновского (Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1956, Вып. 1 С. 132–133). Впоследствии включили Н.В. Елисеева, начальника вскоре созданной Главохоты РСФСР и его заместителя Г.Е. Бурдина, курировавшего заповедники.

Николай Васильевич Елисеев родился в 1912 г. в Ростовской области, окончил Новочеркасский ветеринарно-зоотехнический институт, служил в армии, работал ветеринаром. С 1940 г. шесть лет провел в Монголии в качестве госветинспектора и инструктора животноводства, затем работал районным ветврачом в Подмосковье, начальником ветотдела Мособлсельхозуправления, откуда и был переведен на должность начальника главка и руководил им с 1955 г. до конца жизни (1982 г.), свыше 25 лет. В конкретной работе он доверялся своим заместителям, решая лично лишь кадровые и особо значимые деловые вопросы. Поэтому непосредственно заповедниками на описываемом этапе занимался главным образом Григорий Евграфович Бурдин (ни датами жизни его, ни биографическими сведениями мы, к сожалению, не располагаем), наладивший хорошие контакты с учеными, в частности, с Комиссией охраны природы АН СССР, которая с 1956 г. стала издавать бюллетень «Охрана природы и заповедное дело в СССР» (Шапошников, 1956; «Хроника», 1956). Печатались и «Краткие сообщения» данной Комиссии.

В Комиссии была создана особая группа во главе с Е.М. Лавренко (члены — Бурдин, Валескалн, Воронов, Гептнер, Герасимов, Кабанов, Кириков /зам. председателя/,

Формозов), которой поручили разработку проекта географической сети заповедников СССР. Эта работа была успешно выполнена и опубликована (Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958), причем кроме авторов в ней принимал большое участие Насимович и другие сотрудники ИГАН СССР, план широко обсуждался по всей стране, на него собирали отзывы не только от ученых, но также из местных органов власти. Мы не рассматриваем здесь этот план, поскольку он опубликован и широко известен. Комиссия рекомендовала восстанавливать в первую очередь зап-ки Судзухинский, Башкирский, Кроноцкий, Алтайский, Центрально-Лесной, Лапландский, Кондо-Сосвинский и Жигулевский, а из предлагаемых выделяла как первоочередные Красночикойский (Забайкалье), Южнотаежный (Костромская обл.), Барабинский, Командорский и Верхоянский. План рациональной сети заповедников СССР был заслушан на Бюро биоотделения АН СССР 18.06.1957 г. (в обсуждении участвовали академики Григорьев, Курсанов, Павловский, Сукачев, Тюрин, Энгельгардт, члены-корр. Лавренко и Мишустин, а также ученый секретарь биоотделения Спасский, секретарь Комиссии Шапошников и представитель МСХ СССР Бельский) и утвержден 30.07.1957 г. (указанный «Бюллетень», вып. 3. 1958).

Итак, в 1955 г. в систему Главохоты РСФСР были переданы заповедники: Астраханский, Баргузинский, Воронежский, Дарвинский, Денежкин Камень, Кавказский, Кандалакшский, Окский, Печоро-Илычский, Приокско-Террасный, Сихотэ-Алинский, «Столбы», Тебердинский (он «вернулся» в РСФСР), Хоперский и Центрально-Черноземный. Крымский в 1954 г. «ушел» от России вместе с Крымской областью. В подчинении управления по заповедникам и охоте МСХ СССР некоторое время оставались «Беловежская пуща», Закатальский, Лагодехский и некоторые другие, но к концу 50-х гг. все они «разошлись» по своим республикам, и Малиновский постепенно оттеснялся от заповедного дела, занимаясь некоторыми вопросами охотхозяйства, а также журналом «Охота и охотничье хозяйство» (он стал его главным редактором). Своеобразной «лебединой песней» А.В. была организация т. н. «заповедно-охотничьих хозяйств».

История эта началась с того, что приглашенный Малиновским в начале 1952 г. из аппарата Совмина РСФСР А.В. Романецкий, член КПСС с 1927 г., в 1955 г. послал на имя Хрущева докладную записку-жалобу, обвиняя своего шефа в пренебрежении государственными интересами ради сугубо личных, в зазнайстве, барстве, использовании подчиненных ему служащих главка как егерей для барских охот и даже охраны личной дачи. Писал Романецкий и о том, что некоторые из оставленных заповедников (например, Баргузинский) вовсе, по его мнению, не нужны, а среди закрытых есть и особо ценные (РЦХиИДНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 85). Письмо было переправлено Бовину и осталось «без последствий», но Малиновскому пришлось все-таки оправдываться, ему требовалось как-то снова проявить себя, и вскоре такой случай представился.

То ли в недрах Сельхозотдела ЦК КПСС, то ли в самом Минсельхозе СССР, а возможно, и во внеслужебной обстановке зародилась идея создания крупных охотничьих хозяйств особого типа, предназначенных для видных иностранных гостей и дипломатических миссий. Не исключено, что инициатива исходила даже от членов Политбюро, в частности А. Микояна, побывавшего в подобных хозяйствах Югославии и нашедшего это дело не только важным, но и высокодоходным. В. Борейко считает, что инициатором мог быть и сам Хрущев, устроивший И. Броз-Тито ответную охоту в Крымском заповеднике. Во всяком случае, ЦК КПСС дал Минсельхозу специальное поручение, после чего Малиновский подготовил проект создания государственных охотничьих хозяйств с организацией в них отелей, прокладкой дорог и баснословными суммами за право охоты. Среди них фигурировало пять, создаваемых на базе существующих госзаповедников: «Беловежская пуща», Крымский, Азово-Сивашский, Тебердинский и Кзыл-Агачский. Несмотря на протесты научной общественности и возражения самих запо-

ведников (особенно — «Беловежской пущи»), вопрос был решен весьма оперативно. В 1957 г. «Беловежская пуща», Крымский и Азово-Сивашский заповедники получили официальный статус «заповедно-охотничьих хозяйств», что по форме и существу вполне соответствовало прежнему понятию «царских охот». Для Крымского это было особенно трагично, потому что вновь назначенный директор Прокопенко, имевший большой опыт рубок в Карпатах, начал широко применять его в лесах Крыма, а барские охоты — вплоть до применения вездеходов с мощными прожекторами — приняли массовый характер (мы закрываем эту тему, поскольку Крым тогда официально уже не был территорией РСФСР).

Тебердинский заповедник сохранил прежний статус. Главохота РСФСР создавала ведомственные охотничьи хозяйства, не используя заповедники, и это надолго расположило научную общественность в пользу Елисеева.

«*Начальник республиканских заповедников Елисеев и его заместитель Бурдин оставляют благоприятное впечатление, с ними можно иметь дело, они прилагают большие усилия к налаживанию дела, но встречают значительные трудности. Все попытки восстановления прежних размеров заповедников или вообще восстановления ликвидированных встречают палки в Минсельхозе СССР, где продолжает орудовать Малиновский. Дело в том, что все подобные проекты Совет министров рассылает по министерствам, Малиновский же сумел втереться в доверие к Мацкевичу* (в 50-е годы зам. министра сельского хозяйства, а позднее министр. — *Ф.Ш.*), *зарекомендовав себя «оберегерем», в этой роли, по-видимому, и теперь выступает. Правда, эти связи позволили ему восстановить, точнее открыть, охотничий журнал, но и его прибрала к рукам та же компания*» (из письма Насимовича Пузанову – АРАН. Ф. 1684 Оп.1 Д. 24 Л. 64–65).

Главохота РСФСР (Елисеев, Бурдин, начальник отдела зап-ков, охотовед Анатолий Иванович Кондратенко и перешедший в эту систему П.Б. Юргенсон, который возглавил научно-методическую группу, заменявшую научный отдел) сразу же взяло курс на восстановление ликвидированных или «сокращенных» заповедников. Планы были очень обширными (в унисон с предложениями АН СССР), но их реализация зависела не только от Совета министров, но и от местных органов власти, а также от активности тех, кто не хотел смириться со всем происшедшим. Первой ласточкой было решение Свердловского облисполкома о расширении заповедника «Денежкин камень» (в 1955 г. — до 57,4 тыс. га, а в 1959 г. — до 146,7 вместо прежних 135 тыс. га). Приморский крайисполком ставил вопрос о восстановлении Судзухинского заповедника и расширении Сихотэ-Алинского.

Вскоре после перехода Кавказского заповедника в Главохоту РСФСР его сотрудники Л.Ф. Рябов и В.А. Котов (последний переехал в Кавказский из Кроноцкого заповедника, где был директором), директор Федоров, старший лесничий Лаврентьев и зам. по науке Мертц начали борьбу за восстановление заповедника. Зоологи приводили факты массового браконьерства на бывшей заповедной земле, где теперь хозяйничали лесорубы и геологи. Копытные звери были истреблены настолько, что даже следы их перестали встречаться. В адрес правительства стали поступать тревожные обращения, в частности, от академика В.А. Обручева, писателя Леонида Леонова (инициатором их был географ, активист охраны природы, Юрий Константинович Ефремов), от сотрудника сочинского дендрария Б.В. Лещенко, отправившего на имя Председателя Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова развернутое письмо с описаниями многочисленных фактов уничтожения фауны в пределах бывшего Кавказского заповедника. Климент Ефремович, который был лично знаком с этими местами как охотник, дал распоряжение, и в конце 1955 г. Краснодарский крайисполком принял постановление о возвращении заповеднику 108 тыс. га (при условии сохранения лесоразработок на отдельных участках). Даже Бовину и Малиновскому по указанию Верховного Совета СССР при-

шлось заниматься восстановлением заповедникака. Дело решалось долго и трудно, однако к марту 1959 г. площадь Кавказского зап-ка увеличилась со 100 до 251,8 тыс. га, Баргузинского — с 52,4 до 248,2, Печоро-Илычского — с 75 до 714,3, расширились границы Астраханского и Тебердинского заповедников. В 1958–1959 гг. удалось восстановить Алтайский, Башкирский, Лапландский, Судзухинский и Кроноцкий заповедники, но организационный период и уточнение границ в ряде случаев затянулись вплоть до новых «потрясений» (см. ниже). Это же касается и расширения Сихотэ-Алинского (крайисполком наметил для него в 1958 г. 750 тыс. га, в 1960-м – 560, но и это не было осуществлено). История каждого восстанавливаемого заповедника была полна драматизма. Так, перед Лапландским стояла дилемма: либо сократить прежнюю площадь примерно на одну треть, либо оставить прежнюю, но продолжать рубки в наиболее ценных ягельных борах Кольского Севера. Насимович и Семенов-Тян-Шанский, которые вели переговоры в Мурманском облисполкоме, предпочли второй вариант. Около 10% лесов прежнего зап-ка было вырублено.

В январе 1956 г. Главохота РСФСР провела совещание директоров заповедников и их заместителей по науке с участием ученых и представителей ряда ведомств. Это было, по сути, первое знакомство руководства нового ведомства с работниками заповедников, первое обсуждение планов и дел. Основной доклад сделал Г.Е. Бурдин, отметив узкоотраслевой и прикладной характер заповедников уже как недостаток, а не достоинство. Он подчеркнул, что хозяйственные работы заслонили охрану природы, привел ряд конкретных примеров (вырубка черноольшатников в пойме Усманки, увлечение плантациями женьшеня, размах рубок ухода, засилье туристов в «Столбах» и Теберде и т. д.).

Директора в свою очередь жаловались на многие трудности. Так, в пределах Дарвинского заповедника функционировали не только колхозы, которым пришлось уступить еще около 5 тыс. га, но и велись лесоразработки силами заключенных. Главный лесничий заповедника Л. Куражсковский говорил: «*У нас нет заповедника на суше, нет сухого клочка, где не стоял бы поселок*» (ГАРФ., Ф. Д-358. Оп. 3. Д. 581). Проявились определенные разногласия и споры о заповедном режиме, некоторые директора (Криницкий, Цыцаркин, Юхно) поддерживали взгляды Малиновского о «заповедном хозяйстве», большинство же их критиковало.

В 16 заповедниках РСФСР значилась тогда 61 научная тема и 101 мероприятие, работало 198 научных сотрудников, на практике в заповедниках побывало 767 студентов из 25 вузов, посетило их 113 тыс. экскурсантов. Благодаря усилиям Теплова, переехавшего в 1952 г. из Печоро-Илычского заповедника в Окский, удалось организовать первую орнитологическую станцию — центральную (спустя несколько лет Северной орнитологической станцией при Кандалакшском заповеднике стал заведовать Всеволод Николаевич Карпович, ранее работавший в Окском зап-ке). Забегая вперед, отметим, что Владимиру Порфирьевичу Теплову удалось наладить хорошие деловые контакты с руководством Главохоты РСФСР, где он во многом определял стратегию и тактику научной работы, а Окский заповедник благодаря ему надолго стал своеобразной «экспериментальной лабораторией». Теплов был наставником известного натуралиста, нынешнего директора Окского заповедника Святослава Георгиевича Приклонского. В 1959 г. там была организована группа биологической съемки, а также зубровый питомник.

Много было сказано на совещании о необходимости восстановления заповедников (в том числе подмосковных), о слабости заповедной науки, утрате научных кадров. Со стороны ученых звучала острая критика всего связанного с «реорганизацией» 1951 г. Один из страстных пропагандистов заповедного дела паразитолог В.Б. Дубинин сказал, что «подул ветерок свежий, а лучше — буря, чтобы вымести все плохое прошлое», его поддержал Клейненберг, заметив, что за деяния Малиновского ученые испытывают

чувство стыда. Была создана комиссия для разработки перспективного плана НИР на 1956–1960 гг. (Жарков, Мертц, Теплов, Семенов-Тян-Шанский, Козлов, Скрябин, Бельский, Красовский, Юргенсон). Тематика пятилетнего плана сочетала собственно заповедные проблемы с прикладными (проблема «Природные комплексы заповедников и методы их охраны» соседствовала с такими как «Природные комплексы как охотничьи угодья, методы их таксации, обогащения и использования» или «Расселение и акклиматизация ценных животных и растений и их результаты»).

Главохота РСФСР сохраняла традиции борьбы с волками и бакланами, но уже появлялись тенденции охраны редких видов, включая хищных птиц и зверей. Не ставилось более задачей истребление рыси и росомахи в таежных заповедниках. Работа Н.Н. Скоковой в Астраханском заповеднике поставила под сомнение целесообразность борьбы с бакланами как вредителями рыбного хозяйства. В 1956 г. было принято правительственное постановление «Об охране природы Арктики» — одно из первых в серии последующих документов на эту тему. Заметно улучшилась публикация трудов заповедников, началось издание ведомственного бюллетеня научно-технической информации (Кондратенко, 1960, первый в нашей литературе справочник «Заповедники СССР» /1964/, отредактированный Жарковым). Ради объективности отметим, что и Минсельхоз СССР финансировал издание ряда трудов (Дарвинского, Воронежского и некоторых других). В 1952–1954 гг. союзный главк провел несколько совещаний об использовании птиц в борьбе с вредными насекомыми и привлечении насекомоядных птиц в степные лесонасаждения (см. «Привлечение...», 1954; «Пути и методы...», 1956). В 1956 г., благодаря усилиям Юргенсона, издали книгу об изучении млекопитающих («Сборник материалов», 1956). Жарков написал по заданию главка пособие для наблюдателей заповедников («Простейшие наблюдения в природе»), изданное в 1954 г. В 1956 г. Минсельхоз СССР начал издание Государственной племенной книги зубров и бизонов (том I был составлен М.А. Заблоцким). Год спустя Главохота РСФСР выпустила в свет инструкцию о загонном содержании зубров (Заблоцкий, 1957). Это ведомство возобновило издание «Трудов» отдельных заповедников, среди которых выделялись монографии О.И. Семенова-Тян-Шанского «Экология тетеревиных птиц» (Труды Лапландского зап-ка, вып. 5) и В.П. Теплова о динамике численности промысловых животных в Печорской тайге (Труды Печоро-Илычского зап-ка, вып. 8).

Заметными событиями описываемого периода явились научные совещания, проведенные по инициативе МОИП и Географического общества СССР в 1957 (по вопросам охраны редких и исчезающих видов животного и растительного мира) и в 1958 гг. (Всесоюзное совещание по вопросам развития заповедного дела в СССР), свидетельствующие о заметном оживлении научной общественности в сфере охраны природы. Это был разгар борьбы с культом личности Сталина, который тут же заменялся еще более интенсивным культом Ленина. Биологи внесли в это свой вклад, отмечая роль вождя в деле охраны природы (Куражсковский, 1958 и др.). На совещании 1957 г. с большим докладом на эту тему выступил Ф.Н. Петров (бывший начальник Главнауки НКП РСФСР). Широко звучали предложения о расширении и восстановлении заповедников, причем не только в РСФСР, но и в других республиках. В.В. Ламакин представил интересный проект расширения Баргузинского заповедника с включением Ушканьих островов и участков северо-западного побережья в районе мысов Заворотного и Котельниковского (О.К. Гусев широко пропагандировал сходный вариант под названием «Берег бурых медведей»). К.Г. Абрамов, первый директор Сихотэ-Алинского заповедника, призывал к его расширению и восстановлению Судзухинского. Другой ветеран заповедного дела, ботаник Б.П. Сацердотов, говорил о Попереченской степи. Все это нашло отражение в сборнике «Охрана и рациональное использование естественных ресурсов СССР» (редактор А.П. Протопопов), который был уже набран, но не вышел в свет, задержанный Главлитом. Как сообщил

нам К.М. Эфрон, цензоры сказали так: каждая статья в отдельности возможна, но все вместе производят слишком тягостное впечатление...

Председателем Всесоюзного совещания по заповедникам, состоявшегося в марте 1958 г., был профессор В.Г. Гептнер, в оргкомитете работал И.О. Черненко, один из ветеранов заповедной системы. На совещании докладывали Сукачев, Лавренко, Варсонофьева, Дементьев, Формозов, Насимович и многие другие видные ученые. Выступали Ф. Петров, Н. Елисеев, Г. Мотовилов (в то время председатель ЦС ВООП), П. Валескалн; вообще, совещание получилось весьма представительным. Немало присутствовало сотрудников заповедников (Теплов, Семенов-Тян-Шанский, Криницкий, Зозулин, Мертц, Котов, Леонтьев и др.). Проф. Туров сделал специальный доклад, посвященный памяти Макарова, и собрание почтило его вставанием. Интересно, что Малиновский не только присутствовал на совещании, терпеливо выслушивая острейшую критику в свой адрес, но и активно полемизировал, проявляя прежнюю «боевитость» и ничуть не изменив своих убеждений. Он выступил с большим докладом, доказывая, что принял заповедники в очень тяжелом состоянии. По его утверждению, в 1951 г. судьба всех заповедников висела на волоске и был выбран «оптимальный» вариант — сохранить лишь малую часть, укрепив их материальную базу. «Я болею за лес, охоту и заповедники более, чем кто-либо в зале», — сказал Малиновский и тут же от имени Минсельхоза СССР категорически высказался против организации Комитета охраны природы, на чем настаивало большинство выступающих. Он долго пропагандировал создание лесоохотничьих и заповедно-охотничьих хозяйств, по-прежнему отвергая «бесцельное» заповедание «ради самой природы». Однако ему не удалось убедить аудиторию (поддержал его лишь директор Приокско-Террасного заповедника охотовед Юхно). Формозов прямо заявил: «*Вы нанесли смертельный удар заповедникам, уничтожив республиканское управление и всю систему, причинили большой вред нашей стране... Для заповедного дела и лесного хозяйства было бы лучше, если бы вы были от них подальше*» (Архив МОИП. Д. 142).

Развернутая резолюция с большой преамбулой о «ленинских принципах» и т. п. призывала к расширению географической сети заповедников, организации «союзно-республиканских органов по охране природы, заповедникам и контролю за рациональным использованием природных ресурсов» («Резолюция», 1958). Среди других первоочередных ходатайств поминалась и борьба с браконьерством, и прекращение рубок леса на территориях восстанавливаемых заповедников, и вывод за пределы заповедных границ сторонних организаций. Главохоте РСФСР было рекомендовано создание Научного Совета для научно-методического руководства заповедниками (он был вскоре создан под наименованием научно-технического), расширение Баргузинского, Приокско-Террасного, Окского, Хоперского заповедников, присвоение одному из российских заповедников имени В.Н. Макарова в знак его заслуг. Первоочередными признавались проекты создания новых заповедников в Татарии, Хреновской, Попереченской и Чуйской степях, «Шайтан-Тау» на юге Урала, Чечено-Ингушского карстового, в Кузнецком Ала-Тау, в тайге Обь-Енисейского водораздела, на Гыданском и Таймырском полуостровах, на озере Ханка и др.

К 1959 г. уже в пяти союзных республиках (Эстония, Армения, Грузия, Молдавия и Литва) были приняты законы об охране природы, постепенно готовился такой закон и в РСФСР, хотя властные сферы не скрывали своего негативного к нему отношения. Слишком сказывались традиции покорения и преобразования природы, убеждения в бескрайности и неисчерпаемости природных ресурсов. Тем не менее данный этап несомненно отличался в лучшую сторону по сравнению с предыдущим, что было обусловлено, конечно же, общим изменением всей общественной атмосферы в послесталинский период. Все-таки удалось расширить общую площадь заповедников в РСФСР более чем в

четыре раза, а под конец периода (в 1960 г.) восстановить, хотя и не в полной мере, Центрально-Лесной заповедник и создать Волжско-Камский, единственный зап-к, вновь учрежденный после 1948 г. В октябре 1960 г. был принят Закон «Об охране природы в РСФСР», в подготовке которого принимали участие не только ведомства, но и научная общественность, особенно Всероссийское общество охраны природы, где активно работал Ю.К. Ефремов, отдавший много сил разработке текста этого закона. Именно он, совместно с Л.Н. Соболевым и Д.Л. Армандом, был автором текста статьи 9 («Государственные заповедники и заказники»), согласно которой территории заповедников *«навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительских целях»* («Сборник...», 1978). Такая формулировка юридически как бы возвращала исконные классические принципы заповедания, поэтому значение этого документа для заповедного дела в последующем оказалось очень велико, но, поскольку СССР оставался сугубо тоталитарным, а не правовым государством, новый закон не мог сразу обрести реальную силу, и это было вскоре продемонстрировано весьма наглядно. Есть нечто символическое в том, насколько грубо пренебрегло этим законом правительство страны и республики при второй реорганизации заповедной системы, осуществленной в 1961 г.

3.1.10. Соревнование ведомств (1961–1969)

Вторая реорганизация и ее преодоление. Новое положение о заповедниках. Снова союзное ведомство и его отношение к заповедному делу. «Гвардейские, армейские и штрафные». Совещание 1968 года. Начало проектно-изыскательских работ по созданию заповедников. Новые научные учреждения.

Если разгром заповедников в 1951 г. лишь смутно ассоциируется с именем Сталина и был обусловлен его эпохой, то события 1961 г. непосредственно связаны с другим советским вождем — Никитой Сергеевичем Хрущевым, прямым продолжателем большевистской системы, личностью довольно противоречивой. Эти события свидетельствуют о том, насколько глубоко пустили в стране корни лысенковщина и «малиновщина» с их примитивными представлениями о природе и обществе.

Официально вопрос о новом упорядочении сети заповедников был поставлен на Президиуме Совета министров СССР 31.12.1960 г. (Борейко, 1993). Госплану СССР совместно с МСХ СССР, Минфином СССР, АН СССР и Совминами союзных республик поручалось проверить сеть имеющихся заповедников и гослесоохотхозяйств, представив Совету министров СССР доклад и предложения об устранении существующих «излишеств». Выступая на пленуме ЦК КПСС 1961 г., Никита Сергеевич сказал, что недавно просмотрел кинофильм о Горном Алтае (Борейко считает, что это был видовой документальный фильм «Золотое озеро», снятый в 1934 г. известным кинорежиссером В.А. Шнейдеровым по сценарию писателя А.В. Перегудова, однако в госархиве кинофотодокументов такой материал отсутствует). *«Картина очень хорошо сделана,* — говорил Хрущев. — *Там показано, как пышущий здоровьем человек, вероятно, ученый — если заповедник, то там все ученые* (веселое оживление в зале)... *лежит на камне и наблюдает в бинокль, как белка грызет орехи. Потом он перемещает бинокль и смотрит, как идет медведь. Что это за заповедник? Это заповедник для тех, кто там живет. Они и пасутся там, пасутся лучше, чем медведи и белки. Ведь если бы этих людей не было, белка все равно грызла бы орехи. Ей-то безразлично, есть там ученый или его нет. Но разница в том, что она грызет теперь орехи под наблюдением ученого, а ученый за это деньги получает, и хорошие деньги* (веселое оживление в зале). *Что такое заповедник? Это богатство народное, которое надо сохранять. Но у нас неред-*

ко бывает так, что заповедниками объявляются такие места, которые не представляют никакой ценности. Надо навести порядок в этом деле. Заповедники должны быть там, где необходимо сохранять ценные уголки природы, вести там действительно научные наблюдения. Такие заповедники, представляющие научную и государственную ценность, у нас, конечно, есть. Но значительная часть теперешних заповедников — это надуманное дело. Что произойдет в лесах, если там не будет заповедников? Ничего. Природу надо, конечно, беречь, охранять, но не путем создания заповедников с большим штатом обслуживающих их людей» (Мат-лы январского пленума КПСС, 1961; цит. по: Борейко, 1993, 1995).

«Рациональное зерно» в простодушных рассуждениях Хрущева присутствует, но наивно объяснять это высказывание только эмоциями под влиянием кинокартины. Выступления партийных руководителей подготавливались заранее и весьма тщательно. Хозяйственники и плановики (особенно представители Минсельхоза СССР, где продолжал функционировать Малиновский) были раздражены той энергией и настойчивостью, с которой местные власти под давлением научной общественности восстанавливали заповедники, намечая к тому же и новые. Это начинало всерьез сказываться на интересах лесной промышленности, между тем в обществе преобладали в то время представления о неисчерпаемости наших природных ресурсов, идеи охраны природы еще не воспринимались всерьез. Нельзя исключить и возможности обсуждения темы о заповедниках «на высоком уровне» в одном из привилегированных охотхозяйств (хорошо известно, что Н.С. Хрущев был заядлым охотником, регулярно посещал Завидово и другие места «барских охот»).

Поскольку Хрущев воспринимался интеллигенцией как реформатор, отношение к нему было двойственное. Характерно мнение К.Г. Абрамова: «*Общее впечатление от всей речи: большущая бочка здоровых мыслей и советов, а в конце ложка дегтя. Невольно приходит мысль о том, что опять приподняли голову какие-то «темные силы» и стремятся взять реванш, используя нашего лидера. Да и картина об Алтайском зап-ке подвела: если б на ней было показано кольцевание белки и зачем оно делается, то был бы совсем другой аспект... Да, не продумал наш премьер своего выступления, или ему кто подсунул? Мое мнение таково: заповедников у нас не хватает. Работают они плохо. Надо навести порядок и увеличить их сеть*» (из письма А.Н. Формозову, архив автора).

В изложении В. Борейко (1993) последующие события развивались так: Совет министров Российской Федерации принялся усердно выполнять указания сверху, наметив ликвидацию 11 заповедников Главохоты РСФСР из 25 имевшихся в то время. Далее предлагалось существенно сократить площади еще трех заповедников, уволить 163 научных сотрудников из 200 имевшихся. «*Аппетит российского правительства разжигал начальник Главлесхоза РСФСР Бочкарев. Тот самый Бочкарев, который одновременно возглавлял и Всероссийское общество охраны природы, задушил Кедроград, а затем, попавшись на браконьерстве (лов рыбы сетями) и прославившись благодаря «Крокодилу», был снят с должности*» (Борейко, 1993, с. 13).

Что касается М.М. Бочкарева, то он действительно был застигнут за ловлей рыбы запрещенным способом на реке Оке (поймал его на этом, кстати, не кто иной, как профессор Гептнер со своим сыном Михаилом), но фельетон в журнале «Крокодил» («Вот какие караси!») был опубликован в 1965 г., т. е. значительно позже. Тогда же за спасение заповедников боролись МОИП, Академия наук СССР и ее отделения (в частности, Сибирское), определенные усилия прилагало и руководство Главохоты РСФСР, используя имеющиеся контакты с Госпланом Союза, от которого зависела подготовка вопроса. К сожалению, должность заместителя начальника Главохоты РСФСР по заповедникам, которую занимал Г.Е. Бурдин, в 1959 г. была сокращена (перед оформлением пенсии Г.Е. работал зам. директора в Хоперском заповеднике), а Н.В. Елисеев в то время был

более озабочен созданием системы госпромхозов, чем заповедниками (как рассказал Ю.К. Ефремов, даже работники Госплана Союза отнеслись к судьбам заповедников более внимательно, чем Елисеев). В итоге в правительственном решении «Об упорядочении сети государственных заповедников и охотничьих хозяйств» (Пост. Совмина СССР от 10 июня 1961 г. № 521, приведено в работе Борейко, 1993, с. 14) оказались «приговоренными» заповедники: Алтайский, Жигулевский, Кроноцкий, «Денежкин камень», Башкирский и только что созданный Марийский. Лапландский был преобразован в филиал Кандалакшского, Хоперский — в филиал Воронежского, Судзухинский — Сихотэ-Алинского; площадь Дарвинского заповедника была сокращена на 53,6 тыс. га (почти на одну треть), Сихотэ-Алинского до 300 тыс. га. Не без труда удалось отстоять намеченный к ликвидации Тебердинский заповедник, в защиту которого пришло особенно много писем. Тогда же было отменено расширение Баргузинского заповедника (до 800 тыс. га с включением Святого Носа, Ушканьих островов и участков северо-западного побережья), определенное в 1960 г. постановлением «Об охране и использовании природных богатств в бассейне озера Байкал» от 9 мая № 652.

Однако самой существенной и зловещей для заповедного дела в этом постановлении была формулировка, согласно которой «образование новых государственных заповедников производится Советами министров союзных республик по согласованию с Госпланом СССР» (Там же). Это поставило надежную преграду перед дальнейшей организацией заповедников и надолго отложило реализацию планов развития их рациональной географической сети. Характерно, что Комиссия по охране природы при биоотделении АН СССР в апреле 1961 г. была передана в Госплан СССР, где в 1962 г. учредили при ней Центральную лабораторию «по разработке научных основ охраны природы», директором которой стал Лев Константинович Шапошников. Два года спустя Центральная лаборатория охраны природы (ЦЛОП) была передана из Госплана СССР в Министерство сельского хозяйства СССР. Публикация прежнего Бюллетеня «Охрана природы и заповедное дело в СССР» в 1961 г. прекратилась.

Если даже Академии наук СССР было тогда не до охраны природы, что же приходилось ожидать на местах? Алтайский крайисполком письмом от 06.04.1961г. рапортовал Совмину РСФСР: «*Крайисполком, рассмотрев работу Алтайского госзаповедника, считает критические замечания товарища Хрущева Н.С. в адрес заповедника правильными. Состояние и организация работы заповедника не отвечает целям и задачам по рациональному использованию природных ресурсов и их охране. В целях более полного освоения природных богатств и увеличения материальных ресурсов, необходимых для развития народного хозяйства края, крайисполком просит Совет министров РСФСР ликвидировать Алтайский гос. заповедник с восстановлением Телецкого лесхоза, передав его в ведение Главлесхоза РСФСР для правильного ведения лесного хозяйства и рационального использования кедровой тайги*» (ГАРФ. Ф. 259. Оп. 42. Д. 7531. Л. 8–9). Те, кому доводилось видеть воочию результаты сплошных рубок в кедровниках Алтая (Саян, Прибайкалья, Дальнего Востока), поймут, что скрывается за словами «рациональное использование кедровой тайги» Главлесхозом (кстати, по всему Алтаю рубили кедр именно предприятия этого ведомства, а не Минлеспрома СССР). Когда планировалось восстановление Алтайского заповедника в конце 50-х гг., важным доводом была нерентабельность и расточительность Телецкого лесхоза, затраты государства на его содержание не шли ни в какое сравнение с расходами на заповедник.

В Воронежском заповеднике проводились интенсивные рубки ухода в целях реконструкции осинников на местах прежних вырубок. В 1957 г. объем рубок составил 27 тыс. кб. м, но Воронежский облисполком при поддержке местных лесоводов (Рубцов, Науменко и др.) настаивал на увеличении рубок до 65 тыс. кб. м, в том числе 40 тыс. только сосны, аргументируя тем, что для бобров не имеют значения сосновые леса, а

они, дескать, нуждаются в обновлении. Даже истребительные сплошные рубки подводятся у нас под категорию «лесовосстановительных», ведь в понятиях советских лесоводов культура леса начинается с пней, а старолесье — особенно заповедное! — являет собою дикость и варварство. Претензии воронежских «лесолюбов» удалось отбить авторитетом В.Н. Сукачева, решительно поддержавшего заповедник. Однако ему не удалось отстоять старые дубравы Теллермановского и Шипова леса.

Научная общественность была вновь тягостно подавлена происходящим. Конечно же, в адрес Госплана СССР и ЦК КПСС ученые писали гневные послания и разъяснения, но вера и былая энергия оказались утрачены, даже у самых стойких борцов опустились руки. В книге А.А. Формозова о своем отце говорится о глубокой неудовлетворенности Александра Николаевича Формозова своей научной деятельностью, хотя он стал признанным лидером экологического направления и возглавлял научную школу. Надо полагать, что причины разочарования и скептицизма многих наших научных работников, сказывающиеся не только в 60–70-е гг., но и позднее, были заложены именно подобными событиями, корни которых уходят опять-таки в партидеологию. Если эпоха Сталина, усиленная атмосферой репрессий, могла вызывать в людях вольный или подневольный энтузиазм, то демагогия Хрущева и Брежнева порождала цинизм, столь явственно проявившийся уже в нынешнее время. Чувство стыда ученым теперь пришлось испытывать уже не за самодурство Малиновского или даже Лысенко, а за руководителя государства. Впрочем, сам «премьер» вскоре тоже поплатился за своеволие и все то, что было названо тогда «хрущевским волюнтаризмом».

Говорят, что время лучший лекарь, но многие события оставляют незаживающие рубцы. Дело даже не в том, что и сегодня не восстановлены сокращенные в 1961 г. территории Сихотэ-Алинского и Дарвинского заповедников, где на месте прежних заповедных лесов теперь только захламленные вырубки, что ныне действующий заповедник «Денежкин камень» имеет мало общего со своим предшественником (заповедник был преобразован в госпромхоз, основная деятельность которого свелась к лесоразработкам, восстановить его удалось лишь почти 30 лет спустя на значительно меньшей площади). Главный урон от событий 1961 г. был моральный. Заповедники занимались «переобустройством», создавались филиалы, потом они снова отделялись и восстанавливались, а это в советских условиях требовало создания специальных комиссий, составления актов приема и сдачи с огромными объемами документации.

Тем не менее жизнь продолжалась. В 1962 г. было наконец принято и утверждено постановлением Совета Министров РСФСР (от 5 июня № 769) «Положение о государственных заповедниках РСФСР, находящихся в ведении Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при СМ РСФСР», согласно которому заповедники определялись как *«участки земель и водного пространства, представляющие особое научное или культурно-просветительское значение, как типичные или редкие ландшафтные образования, как места обитания редких или ценных животных и растений»* («Сборник...», 1978, с. 484). Разработчики документа не решились сказать, что заповедники создаются «навечно» (как звучало в Законе «Об охране природы в РСФСР»), написали *«образуются Советом министров РСФСР в установленном порядке»* (Там же).

В разделе о целях и задачах госзаповедников мы вновь видим своеобразное сочетание классических принципов заповедности с прагматическими («обогащение окружающих территорий» и др.). Раздел о режиме заповедников содержал перечень запретов и ограничений, после чего следовала статья 13, разрешающая (под контролем главка) *«отстрел и отлов зверей, птиц и рыбы в порядке регулирования численности их, а также в научно-исследовательских целях; сенокошение для сохранения исторически сложившихся ассоциаций травянистой растительности; проведение биотехнических мероприятий для обеспечения лучшей сохранности основных объектов растительного и*

животного мира...; использование земельных участков для проведения экспериментальных работ, возведения лабораторных, жилых и сельскохозяйственных построек, а также для других хозяйственных нужд заповедника» (Там же. с. 496).

Разрешались *«санитарные рубки, рубки ухода за лесом и другие работы, способствующие естественному и искусственному восстановлению леса на участках, пострадавших от пожаров и других стихийных бедствий»; «противопожарные мероприятия и борьбу с вредными насекомыми в случаях их массового размножения, а также истребление волков»* (там же).

Особый интерес представляет статья 16, отражающая споры между теми, кто отстаивал принципы заповедности, и авторами вышеуказанных разрешений, по существу превращавших заповедники в спецхозяйства:

«В государственных заповедниках должны выделяться участки, на территории которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы. Размеры этих участков должны определяться исходя из необходимости сохранения всего природного комплекса в естественном состоянии. В заповедниках с большими лесными площадями (более 100 тыс. га) общая площадь таких участков не должна превышать 10% территории заповедника» (Там же, с. 498).

Надо учитывать, что решающее значение при разработке этого документа (как и многих других) имело, конечно же, отнюдь не мнение ученых-консультантов, а непосредственных работников и руководителей ведомства. Начальник Главохоты РСФСР Н.В. Елисеев до конца жизни не хотел даже слышать о прекращении истребления волков в заповедниках, несмотря на все доводы экологов. Кроме того, многие научные работники (особенно охотоведческой школы) сами разделяли прагматические взгляды на заповедники и видели в них объекты для экспериментов.

Раздел 4 «Положения» был посвящен научно-исследовательской работе заповедников, проводимой путем стационарных исследований, направленных на изучение естественных процессов, протекающих в природе, и выявление взаимосвязей между отдельными частями природного комплекса. Заключительный раздел касался охраны заповедников и был весьма кратким, поскольку вскоре было принято отдельное «Положение об охране государственных заповедников, находящихся в ведении Главохоты РСФСР». При оценке этого Положения мы должны отдать должное его общей экологической направленности. Документ резко контрастировал в лучшую сторону с «разработками» Малиновского, хотя и сохранял некоторые черты эпохи социалистического преобразовательства (биотехния, рубки и др.).

Это и не могло быть иначе. Еще в силе был Лысенко, активно поддерживаемый Хрущевым, только что миновал период очередной правительственной атаки на заповедники. Все прикладные биологические дисциплины, особенно такие, как лесоводство и охотоведение, несли на себе яркий отпечаток тенденций покорения («преобразования» или «обогащения») природы. Предоставить тот или иной биогеоценоз, будь то лес или степь, на волю природной стихии в глазах советского специалиста — не только чиновника, но и научного работника — было недопустимо. Синдром регулирования и управления природой проистекал от всей социальной установки на строительство нового общества, был частью системы соцтоталитаризма. Забегая вперед, заметим, что избавиться от этого синдрома оказалось даже труднее, чем изменить общественный и государственный строй. Страсть к преобразованиям и стремление к регуляции сохраняются и в нынешнем, постсоциалистическом обществе.

После отстранения Хрущева от власти в 1964 г. причиненные заповедной системе раны начали затягиваться. «Филиалы» восстанавливались как самостоятельные учреждения, готовились решения о вторичном возрождении Жигулевского и Алтайского заповедников (первый из них был восстановлен в 1966 г., а второй на год позже). Слиш-

ком уж были очевидны тягостные последствия «раззаповедования», да и сама по себе тема охраны живой природы все более проникала в сознание широких масс. Сказывалось влияние таких талантливых книг как «Нам и внукам» Д.Л. Арманда, произведений Даррелла и Гржимека, публицистики О. Волкова, В. Солоухина, В. Пескова и других авторов, уделявших внимание охране природы.

Именно в этот относительно благоприятный момент, когда наметился некий подъем заповедного дела, произошло новое его потрясение, на сей раз сугубо ведомственное, но весьма существенное. Воспряло к жизни Министерство сельского хозяйства СССР, в котором от прежнего главка, руководимого Малиновским, оставалось чисто номинальное управление с двумя неприметными чиновниками. Но возвратившийся в Москву с казахстанской целины новый министр В.В. Мацкевич неожиданно решил не только возродить главк, но и придать ему блеск и силу. Поскольку времена изменились, ограничиться только лесоохотничьими или даже заповедно-охотничьими хозяйствами было никак невозможно. Другое дело: Главное управление по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству — это звучало вполне современно. Во второй половине 1964 г. новый союзный главк начал действовать, а возглавил его Борис Николаевич Богданов. Он родился в Оренбурге в 1913 г., окончил Казахский зооветеринарный институт и вскоре выдвинулся на руководящие посты: был замнаркома земледелия Казахской и Эстонской ССР, замминистра животноводства СССР, замминистра сельского хозяйства и заготовок СССР, директором ВСХВ (ВДНХ). Его заместителями стали опытные охотоведы В.Д. Денисов и И.А. Максимов. Начальником отдела заповедников и лесоохотничьих хозяйств был назначен Вадим Борисович Козловский, специалист по лесоустройству, кандидат сельскохозяйственных наук.

Было решено передать в новый главк девять заповедников Главохоты РСФСР — Астраханский, Воронежский, Дарвинский, Кавказский, Окский, Приокско-Террасный, Сихотэ-Алинский, Хоперский и Центрально-Лесной. Для «союзности» добавили еще четыре из других республик (Березинский, Кзыл-Агачский, Чаткальский и Горно-Лесной). Передача, приемка и всевозможные оформления растянулись года на два, изрядно потрепав нервы и принимающим, и сдающим.

Научная общественность приняла эту новацию с большим скептицизмом, видя в ней подспудные действия Малиновского, хотя в ту пору он уже целиком отошел от заповедных дел. Автору довелось быть свидетелем сцены в Институте географии АН СССР, когда вернувшийся из Минсельхоза СССР С.В. Кириков на вопрос коллег о своем впечатлении от нового ведомства ответил, махнув рукой: «*Ну, какие уж там заповедники, у них только охота на уме*». М.П. Розанов писал тогда Пузанову: «*Отделом заповедников заведует, к сожалению, ярый лесоруб Вадим Козловский, который с пеной у рта при лесоустройстве Крымского лесоохотничьего хозяйства требовал сплошных рубок, чтобы «спасать» старые леса пилой и топором. В Главприроде* (так сразу стали называть новый главк. — *Ф.Ш.*) *изгоняют биологов, насаждают лесорубов..., впрочем, по науке у них первая скрипка АГБ*» (АРАН. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 346). Андрей Григорьевич Банников (АГБ), в самом деле, вошел в тесный контакт с новым ведомством и его руководством (заведуя кафедрой в Московской вет. академии, Банников был хорошо знаком с Богдановым). В то время он часто ездил (в основном по командировкам ВООП) в разные заповедники, после чего была написана книга научно-популярных очерков (Банников, 1966, 1974). Суть взглядов Банникова и Богданова на охрану природы хорошо выражена в заголовке их совместной статьи: «Плановая эксплуатация природных ресурсов — важнейшая предпосылка охраны природы» (Банников и Богданов, 1974).

Богданов и Козловский вскоре выступили в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (ведомственный журнал МСХ СССР, уделявший внимание заповедникам; главным его редактором после Малиновского и Мануйлова стал Олег Кириллович Гусев) с

передовицами, изложив свои взгляды на заповедное дело, которые в основном совпадали с установками 50-х гг. *«Прежде всего,* — писал Козловский в мае 1966 г. — *следует отметить необходимость превращения их* (заповедников. — *Ф.Ш.*) *в центры по изучению эффективного использования и целенаправленного преобразования природы... Заповедность ныне существующих заповедников очень относительна, так как многие из них в той или иной мере эксплуатируются... Существующая сеть заповедников не полностью удовлетворяет и интересы массового туризма и отдыха людей, хотя выполнение подобных функций составляет одну из основных их задач»* (Козловский, 1966, с. 1–2). Автор статьи разделял заповедники на «государственные», имеющие прежде всего научное назначение, и «республиканские», типа национальных парков, приспособленных «для массового отдыха населения», где может осуществляться частичное хозяйственное пользование и реконструкция территорий. Эта «установочная» статья под многозначительным заголовком «Заповедникам — единое руководство» произвела самое удручающее впечатление на большинство ученых-экологов.

При Главприроде МСХ СССР создали Научно-технический совет, заседания которого были довольно многолюдными. Так, на заседании 1–2 июня 1967 г. присутствовало 193 человека. В отчете о работе главка в 1966 г. Богданов сообщил, что Мацкевич издал новый приказ «Об улучшении работы госзаповедников», предусматривающий «организацию и проведение активных мероприятий, направленных на сохранение природных комплексов» (ГАРФ. Ф. 7486. Оп. 33. Д. 118. Л. 49), а также интенсивное строительство производственных и бытовых помещений по спецпроектам, выделение особых зон, где должно проводиться регулирование численности животных, «организацию при заповедниках на базе имеющегося вспомогательного хозяйства и внебюджетных средств хозрасчетных опытно-производственных структурных подразделений, которым поручается выполнение производственной программы, не связанной с нарушениями заповедного режима (отлов животных для расселения, утилизация отходов от рубок ухода, изготовление сувениров и т. д.)». Предусматривалось улучшение материально-технической базы зап-ков и восстановление регулярных печатных изданий. Благодаря личному вниманию министра, в заповедниках должно вестись большое строительство и благоустройство, они обеспечиваются транспортом, улучшается оплата служебного и научного персонала. «На повестке дня стоят вопросы, связанные с организацией туризма и отдыха на природе в заповедниках. До последнего времени вопросом организации туризма и отдыха на природе в зап-ках уделялось недостаточное внимание... необходимо разработать систему мероприятий, включающих в себя капитальное строительство, организацию маршрутов, обслуживание отдыхающих и проч., что позволит позитивно сочетать интересы охраны уникальных памятников природы и развитие массового туризма» (Там же). Для этого предлагается разработка архитектуры «малых форм», оформление туристских маршрутов, постройка музейных комплексов, мест отдыха и купания и т. д. Научно-методические разработки должна обеспечивать Центральная лаборатория охраны природы МСХ СССР (директор Л.К. Шапошников), уделяющая особое внимание заповедникам и национальным паркам.

Поистине «захватывающая» картина нового «расцвета» заповедников, нарисованная докладчиком, произвела сильное впечатление на присутствующих. Дементьев, Ефремов, Гладков, Михеев и другие участники Совета (Формозов на том заседании не был) принялись наперебой объяснять руководству главка принципиальную разницу между научными заповедниками как эталонами природных ландшафтов и национальными или природными парками. Профессор Б.А. Тихомиров, один из авторов отвергнутого Малиновским проекта Таймырского заповедника, сказал, что заповедники должны быть «намертво» закрыты для туристов. Но нужны и другие формы охраны природы, при которых возможны были бы туристические маршруты.

С особым пафосом выступил Ю.К. Ефремов. Сославшись на закон «Об охране природы в РСФСР», он сказал: «*Мы гордимся советской системой заповедников и не имеем права обесценивать такое заповедование нашей природы, по которой мы находимся в авангарде во всем мире. Получать от зап-ков хозрасчетные прибыли — странная идея... мы не должны продавать заповедники... нужен запрет использования заповедников для массового туризма. Он и не нуждается в заповедниках, для этого нужно создавать природно-хозяйственные национальные парки — прежде всего на Селигере, Байкале и т. д.*» (Там же. Л. 137–138).

Наибольшие возражения вызвала созревавшая в главке идея официального зонирования всех заповедников с выделением зоны «полного покоя», просто «заповедной», где ведутся санитарные рубки и регуляция численности животных, и «экспериментальной» для «ведения самого современного заповедного хозяйства, направленного на сохранение и восстановление естественного облика природы, нарушенного деятельностью человека» (Там же. Д. 57. Л. 28). Размеры этих зон предлагалось установить для каждого заповедника отдельно с учетом его площади и назначения. Но протесты ученых (в частности, Ю.А. Исакова) были столь активны, что официальное зонирование было «приостановлено», хотя в ряде заповедников (например, в Березинском, Воронежском и некоторых других) вошло в практику и было закреплено в индивидуальных положениях.

Таким образом, система заповедников РСФСР оказалась расколота: одна часть заповедников «принадлежала» Главприроде МСХ СССР, другая Главохоте РСФСР и третья — Академии наук СССР. Кстати сказать, сеть их в 1963 г. несколько расширилась за счет четырех новых заповедников на Дальнем Востоке, учрежденных по инициативе председателя Дальневосточного филиала АН СССР, чл.-корр. А.С. Хоментовского. Вскоре после «хрущевской реорганизации» он предложил создать заповедники нового типа (наподобие нацпарков), расположив их вблизи крупных промышленных центров: у Хабаровска (Большехехцирский), Комсомольска-на-Амуре (Комсомольский), Облучья (Хинганский) и в районе строящейся Зейской ГЭС (Зейский). Как ни странно, предложение это быстро осуществилось. В 1976 г. эти четыре заповедника были переданы Главприроде МСХ СССР.

На состоявшемся в феврале 1968 г. Всесоюзном совещании «О мерах по улучшению деятельности государственных заповедников и ведению заповедного хозяйства», созванного Главприродой, проф. В.А. Попов удачно заметил, что наши заповедники теперь поделены на категории «гвардейских», «армейских» и «штрафных». Вообще, совещание проходило весьма оживленно и даже бурно. Официальные доклады сделали Козловский и Кондратенко, а о задачах научных работ — О.И. Семенов-Тян-Шанский (лишь благодаря поддержке ряда видных ученых этому выдающемуся натуралисту-исследователю удалось защитить докторскую диссертацию без диплома о высшем образовании). Прозвучали доклады Насимовича («Задачи и пути развития заповедного дела в СССР»), Банникова («О принципах заповедования»), Гусева («Заповедники и туризм»), Семенова-Тян-Шанского («О ведении Летописи природы в заповедниках») и др.

Было много выступлений представителей союзных республик, весьма охотно высказывались участники и в прениях. Резолюция отражала борьбу между приверженцами «заповедного хозяйства» и сторонниками классических представлений о заповедниках как научных и природоохранных организациях. Наиболее смелые из выступающих (например, ленинградский профессор Г.А. Новиков) прямо говорили о тенденциях «барских охот» в заповедниках, о строящихся в них именно для этих целей коттеджах, гостиницах и т. п. В Минсельхозе СССР и не скрывали преобразовательско-хозяйственного курса своих заповедников. На совещании шла бойкая торговля сувенирами из рогов и копыт оленей, добытых при регулировании численности, на стенах были развешаны схемы и

проекты новой застройки в заповедниках и т. д. Охотничьи подвиги не афишировались, но конкретные факты нельзя было скрыть от общественности, так или иначе они становились известными даже при отсутствии гласности. Рассказывали (или шептались) об охотах маршала Гречко в Кавказском заповеднике, поездках членов правительства в сопровождении Мацкевича в Приокско-Террасный и Воронежский заповедники, массовых охотах в Кзыл-Агачском (это прозвучало даже в «Крокодиле») и т. п.

Заповедники Главохоты РСФСР на этом фоне выглядели более «консервативными» (или «менее малиновскими», как говорил Насимович). У каждого ведомства образовались научные подразделения со своими лидерами (Банников, Исаков, Жарков, Криницкий в Главприроде; Теплов, Семенов-Тян-Шанский, Краснитский в Главохоте). В системе Минсельхоза СССР с 1964 г., как указывалось, действовала Центральная лаборатория охраны природы, но и Главохота в 1969 г. добилась создания Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников (первое научное подразделение, в названии которого фигурировали заповедники). Директором ЦНИЛ Главохоты РСФСР пригласили Василия Федоровича Гаврина, ранее возглавлявшего научно-исследовательский Институт животного сырья и пушнины (ВНИИЖСП, который раньше назывался Институтом охотничьего хозяйства, позднее — охоты и звероводства), переведенный в хрущевские времена из Москвы в Киров. Его заместителем по научной работе стал Петр Борисович Юргенсон, к сожалению вскоре скончавшийся. Зав. отделом заповедников был назначен Кирилл Дмитриевич Зыков, ранее работавший в Окском заповеднике, а ведущим сотрудником проявил себя Константин Павлович Филонов (работал в Баргузинском и Ильменском заповедниках).

Тематика лаборатории охраны природы Минсельхоза СССР также была связана с заповедным делом (руководителем этой тематики там был Банников /по совместительству/, а главным исполнителем — Вячеслав Людвигович Рашек, охотовед, работавший в заповеднике «Барса-Кельмес» на Арале). Другие сотрудники уделяли больше внимания проблемам национальных парков (Н.М. Забелина) или вопросам охраны редких видов животных и растений, чем непосредственно заповедникам.

Тогда же в структуре Главохоты РСФСР было создано несколько проектных групп (охотустроительных экспедиций) для проведения охотустройства. В 1968–1969 гг. при выполнении Центральной (Московской) охотустроительной экспедицией под руководством А.И. Матюшина работ в Костромской области ей было поручено подготовить проект организации Южно-Таежного заповедника в Кологривском районе (бассейн реки Унжи), вопрос о котором неоднократно поднимался с 1946 г. и отражен в проекте географической сети (Лавренко и др., 1958). Это был первый опыт целевого проектирования госзаповедника системой Главохоты, закончившийся, как ни печально, неудачей. Госплан СССР восстал на пути организации столь нужного для науки эталона европейской тайги из-за категорических возражений лесопромышленников. В 1968 г., вслед за Жигулевским и Алтайским, был восстановлен Кроноцкий заповедник: это произошло после ходатайства участников 2-го Всесоюзного совещания вулканологов. Правда, на территории заповедника оставались участки, где еще с военных лет работали поисковые геологические экспедиции. До конца 60-х гг. продолжались ограниченные рубки леса также в Лапландском и Кавказском заповедниках, геологи работали в Печоро-Илычском и Баргузинском.

Примером успешной научно-производственной деятельности по материалам заповедников разных ведомств могла служить группа биологической съемки Окского заповедника (С.Г. Приклонский и др. по инициативе и под руководством Теплова). Такие ученые, как Насимович или Юргенсон, стремились охватить проблемы охраны природы и заповедного дела страны в целом, но явно симпатизировали заповедникам Главохоты.

Период 60-х гг. характеризовался укреплением международных контактов. Советские ученые (хотя и немногие) стали выезжать за границу все чаще. Выделялись в этом отношении экологи, связанные с Главприродой МСХ СССР, прежде всего Банников, Шапошников, а также Дементьев, Флинт, и др. В охотжурнале появился раздел «За рубежом», где выступали чаще всего указанные выше деятели, рассказывая об охоте в Финляндии (Банников и Гаврин, 1968), охотугодьях ГДР (Малиновский, 1968), заповедниках Франции (Козловский, 1969) и т. д. Советские биологи — прежде всего те же Банников и Дементьев — стали принимать участие в работе Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП). Вступила в действие международная биологическая программа, доклад о ней применительно к заповедникам на совещании 1968 г. сделал д. б. н. Л.Е. Родин, развернув перспективы выполнения ряда целевых «подпрограмм». Несколько оживилась издательская деятельность, стали чаще выходить в свет «Труды» заповедников, особенно таких, как Воронежский, Дарвинский, Центрально-Черноземный. Главохота РСФСР при публикации научных трудов отдельных заповедников отдавала предпочтение охотхозяйственной тематике, особенно при издании целевых сборников. Вышли в свет два выпуска, посвященные методике учета охотничьих животных (6-й зап-ка «Столбы» и 7-й — Окского), монография Г.Д. Дулькейта об охотничьей фауне и угодьях Алтае-Саянской горной тайги, а также его методические разработки по учету соболей (Дулькейт, 1957, 1964), сводка В.А. Котова и В.Ф. Рябова о промысловых млекопитающих Северного Кавказа (Труды Кавказского зап-ка, вып. 7, 1963). Активно публиковались тогда и ботаники Центрально-Черноземного и ряда других заповедников.

К Международному конгрессу биологов-охотоведов, который с большой помпой прошел в Москве в 1969 г. (он открылся в Колонном зале Дома Союзов и продолжался на ВДНХ), Министерство сельского хозяйства СССР издало книгу «Заповедники Советского Союза» (М.: Колос, 1969) с вступительными статьями Богданова, Банникова и Козловского. Однотомник содержал очерки о большинстве заповедников СССР, в нем было немало разного рода «ляпов» и ошибок, но все-таки выход в свет этой книги был полезен, как и справочника «Заповедники и национальные парки мира», подготовленного сотрудниками ЦЛОП МСХ СССР (М.: Наука, 1969) и содержащего информацию по СССР и другим странам.

Материально-техническая обеспеченность заповедников Главприроды МСХ СССР действительно заметно укрепилась, поскольку союзное ведомство в ту пору было относительно богатым. В отчете за 1967 г. Богданов сообщал, что в заповедники направлено 19 грузовых и 11 легковых машин, автобус, 4 трактора, 6 экскаваторов и т. д. Наиболее «сильные» заповедники, такие, как Кавказский, Воронежский, Астраханский, уже на момент передачи их Минсельхозу в 1966–1967 гг. представляли собой довольно крупные учреждения, в которых так называемое «подсобное хозяйство» явно преобладало над научными подразделениями (табл. 3).

Только на страницах альбомов и буклетов заповедники выглядели «лабораториями в природе», в реальной жизни это были комплексные хозяйства, в коллективах которых преобладали разнорабочие, шофера, слесари, мотористы, электрики, истопники и т. д.

Таблица 3. Численность работников заповедника

Заповедники	Адм.-упр. аппарат	Научный и науч.-техн. персонал	Лесо-инжен. персонал и охрана	Разный обслуж. персонал
Воронежский	11	24	48	51
Кавказский	14	22	54	87
Астраханский	12	36	45	52

В акте приема-передачи Кавказского зап-ка (1967) фигурируют убыточный цех ширпотреба, убытки от экскурсий, туризма и автотранспорта, зато прибыль от переработки древесины, отлова и отстрела диких животных. В перечне «незавершенных объектов» значились автогараж, слесарная и таксидермическая мастерские, кузница, электролиния к «дому охотника» на кордоне Лаура и сам этот «дом», жилые здания и т. д. (ГАРФ. Ф. 7486. Оп. 33. Д. 82). В Воронежском зап-ке по смете спецсредств предусматривались поступления от туризма и музея, коммунального хозяйства, отловов и отстрела оленей и кабанов, от реализации лесопродукции; в Кавказском еще и от изготовления чучел, распиловки леса, переработки древесины, услуг автотранспорта. Размах хозяйственных работ с переходом в систему МСХ СССР существенно возрос, резко увеличились объемы лесохозяйственных и биотехнических мероприятий. Так, в Астраханском заповеднике в 1968 г. проводились подготовка почвы и содействие естественному возобновлению, закладка питомников, различные противопожарные мероприятия, очистка леса от захламленности (несмотря на это, два крупных пожара охватили площадь около 15 тыс. га, убыток определен в 29,3 тыс. р.). Было уничтожено 13 277 бакланов, 10 волков, 26 ворон. Кроме того, отловлено 14 кабанов-сеголеток «для расселения в Подмосковье по распоряжению главка» (Там же. Д. 187. Л. 5).

Даже в крохотном Приокско-Террасном зап-ке (не говоря уже о Воронежском и других) выполнялся довольно интенсивный план рубок и отпуска леса с такими показателями (1968 г.): прореживание на площади 10 га (выход древесины 200 кб.м); биотехническая сплошная рубка на площади 1,6 га (240 кб.м); санрубка и биотехн. выборочная — 22 га (320 кб.м); омолаживание ивы для подкормки зубров, очистка дорог, рубка модельных деревьев 10,5 га (85 кб.м), всего 44,1 га (845 кб.м) с использованием древесины на нужды заповедника. За 1968 г. в этом заповеднике скормлено диким животным: кукурузы 2,2 т, желудей — 7,3 т, свеклы — 14,4 т, картофеля — 0,5 т, гороха — 0,6 т, сена — 1,9 т; сенокошение проведено на площади 119,3 га, получено 135 т сена — все это при площади менее 5 тыс. га. В Хоперском заповеднике (пл. 16 тыс. га) различные виды рубок проводились в 1968 г. на пл. 275 га с объемом в 21,4 тыс. кб.м, в результате чего даже показатель лесопокрытой площади уменьшился на 5 га за счет сплошных рубок (Там же. Л. 27). Кроме того, с 1959 по 1968 г. более тысячи кбм леса было срублено самовольно. В отчете подчеркивается необходимость замены износившихся бензопил. Из 617 га сенокосных угодий 344 используется заповедником, 117 передано в пользование Новохоперскому райисполкому, но область требует выделения еще 230 га для нужд района. В заповеднике выпасается около 200 голов скота на площади 1,6 тыс. га, выставлено 8 пасек на 625 пчелосемей. В Кавказском заповеднике в 1968 г. по тропам прошло 216 630 туристов, 93 тысячи посетило музеи. «На территории заповедника работают Псебайская, Гузерипльская, Ходжохская, Дагомысская и Краснополянская турбазы, они проводят ежегодный ремонт троп и кладок. Заповедник ежегодно выделяет дрова для отопления приютов и деловую древесину для ремонта дорог». Объем рубок в 1968 г. немногим более 20 тыс. кб.м. В Воронежском зап-ке рубки проведены на площади 672 га (17,8 тыс. кб.м), лесопокрытая площадь сократилась на 3 га. «Отпуск древесины производится по нарядам Воронежского и Липецкого облисполкомов» (Там же. Л. 145 и 168). Объемы биотехнических работ в 60-х гг. весьма внушительны: ежегодно зверям скармливалось порядка 200 т свекловичного жома, 40–60 т свеклы, десятки тонн ячменя и сена, развешивалось более 30 тыс. веников, в местах зимней концентрации копытных зверей рубилось для их подкормки до 500 кб.м осины, регулярно закладывались солонцы. С 1962 г. начаты работы по обездвиживанию копытных зверей (оригинальная методика В.А. Комарова, авторское свидетельство на мелкокалиберную пулю с начинкой сухим дитилином получено в 1966 г.). В хронике наиболее важных событий заповедника 1966 г. отмечено строительство в 463 кв. м «комфортабельного дома для

высоких гостей по указанию министра В.В. Мацкевича, который был его первым посетителем» (архив заповедника). Тогда же начата прокладка асфальтированного шоссе от ст. Графской к усадьбе, вскоре были заложены большое административно-музейное здание и жилые дома, новая котельная, комплекс бобровой фермы, буровая скважина, железобетонная плотина на Усманке и т. д. В Кавказском зап-ке по указанию МСХ затеяли перемещение центральной усадьбы из Майкопа в Сочи или «От зубров — к пляжам», как выразилась в критической статье одна из центральных газет, опубликовав коллективный протест ученых. Впрочем, ни эта, ни другая публикация (У моря теплее // Советская Россия, 1970. Март) не возымели действия.

Зато совсем иным выглядел вновь организованный Комсомольский заповедник Дальневосточного филиала СО АН СССР, в котором довелось в тот же период работать автору. Заповеднику передали пригородное Пиванское лесничество, расположенное на правом берегу Амура напротив Комсомольска. Штат заповедника состоял из директора, двух научных сотрудников, лаборанта, лесничего и семи лесников. Разумеется, никаких строительных, лесохозяйственных или биотехнических работ там и в помине не было, велись только научные и фенологические наблюдения, а также обследовались прилежащие территории для создания филиала. Так что сопоставлять разные заповедники РСФСР нужно с осторожностью.

Итак, рассмотренный в главе период был довольно сложным, в него вместились и вторая «реорганизация», и появление на сцене Главприроды МСХ СССР, и новые научные подразделения (ЦЛОП и ЦНИЛ), и Всесоюзное совещание 1968 г. Общая площадь и количество заповедников за эти годы существенно изменялись. Если до событий 1961 г. в РСФСР имелось 29 заповедников площади 4148 тыс. га, то на конец 1969 г., с учетом вновь созданных Северо-Осетинского (1967 г.) и Байкальского заповедника на хребте Хамар-Дабан (167 тыс. га), а также восстановленной в 1969 г. «Галичьей горы» в системе Минвуза РСФСР, их стало 35 при несколько большей площади (4650 тыс. га). Перестал существовать «Денежкин камень»; Алтайский, Жигулевский, Кроноцкий были восстановлены вторично; Марийский учрежден заново в 1967 г.; Байкальский, Большехехцирский, Зейский, Комсомольский, Северо-Осетинский и Хинганский созданы вновь.

Среди событий данного этапа следует особо выделить тему о национальных и природных парках, совершенно забытую с 20-х годов. Она была поднята, как указывалось, и учеными, и новым ведомством по охране природы, а вскоре приобрела остродискуссионный характер, непосредственно коснувшись заповедников. Во втором номере журнала «Охота и охотн. хоз-во» за 1968 г. была помещена «в порядке обсуждения» статья проф. Пузанова «Нам нужны национальные парки». В ней отмечалось, что под напором массового туризма такие заповедники, как Кавказский, Тебердинский, «Столбы» начинают стихийно превращаться в нацпарки, угрожая всей заповедной системе. Автор предлагал упорядочить этот процесс, организовав ряд национальных парков в разных регионах страны и включив в эту сеть упомянутые заповедники (а также Крымский и «Беловежскую пущу»). Реакция на эту статью была неоднозначной. Ведущие специалисты заповедного дела восприняли ее весьма критически. Однако главный редактор журнала О. Гусев, имевший на этот счет свое мнение, опубликовал в качестве отклика на предложения Пузанова статью Е.А. Крутовской «Организованный туризм — не враг заповедникам» (о живом уголке «Столбов»), а внизу мелко подверстал коллективное письмо «В защиту заповедников» с решительными возражениями Пузанову, которое подписали Гептнер, Кириков, Исаков, Кондратенко, Насимович, Формозов, Семенов-Тян-Шанский и Юргенсон. Ученые указывали на принципиальные различия наших заповедников и зарубежных национальных парков, на большой ущерб, приносимый в нацпарках Европы и Америки массовым туризмом, упрекая своего оппонента в измене «самой идее заповедности». Сейчас, когда ни одного из авторов того письма

уже нет с нами, стоит процитировать несколько фраз из него. *«Нам незачем повторять ошибки зарубежных природоохранителей; нужно сберечь наши заповедники от наводнения их территории туристами и от неизбежной порчи в этом случае их прекрасной природы. Национальные парки должны создаваться, но отнюдь не на базе заповедников, а параллельно их сети, причем с самого же начала должны быть приняты меры к регулированию величины и направления потока туристов...»* С возражениями выступил О.К. Гусев, опубликовав большую статью «Заповедники и туризм», где национальные парки трактуются как одна из форм заповедников, а туризм рассматривается как вполне допустимая форма вмешательства в дела заповедной природы, поскольку *«хорошо организованный туризм не должен нарушать векового хода природных процессов»* (Гусев, 1969, с. 16). Как разрешился этот спор жизнью (и разрешился ли он вообще), нам еще предстоит выяснить.

3.1.11. Время поисков и надежд (1970–1976)

Нелирическое отступление. В заповедной сфере появляются новые деятели. Состязание ведомств продолжается. Проектирование или соглашательство? Удачи и разочарования. Биосферные резерваты.

«Эпоха застоя», как сегодня называют период, связанный с пребыванием на посту генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (с 1965 г.), на самом деле характеризовалась весьма интенсивным использованием природных ресурсов (на чем и держалась вся социалистическая система). К освоению нефтегазовых запасов Западной Сибири и строительству «гигантов лесохимии» на Байкале прибавилась эпопея прокладки Байкало-Амурской магистрали, причинившая огромный урон природе таежной зоны. Тревоги экологов за будущее заметно возрастали, а охрана природы в целом находилась тогда на переходе от стадии «ни разговоров, ни дела» к этапу «много разговоров, но мало полезных дел». Заметное наступление хозяйственников сказывалось и на природоохранных ведомствах.

Главохота РСФСР уже в 60-х гг. уделяла первостепенное внимание развитию государственных промысловых хозяйств, то есть производственным, а не прежним контрольно-инспекторским функциям. Главприроду МСХ СССР занимали в то время (помимо зарубежных поездок) «проблемы» массового расселения копытных животных в Подмосковье и активизация биотехнических мероприятий в заповедниках ради устройства в них охоты для высокопоставленных лиц и местного начальства под видом регуляции численности животных. Как заметил Насимович, наступил своеобразный «ренессанс малиновщины».

Научная общественность пыталась этому противодействовать, направляя протесты ученых в различные высокие инстанции. Так, в письме президента МОИП на имя первого заместителя председателя Совета министров СССР Д.С. Полянского от 4.07.1969 г. сообщалось, что МСХ СССР *«не видит разницы между заповедниками и охотничьими хозяйствами или территориями для отдыха в природе... обязывает вести зап-ки хозрасчетную деятельность, а их финансирование ставит в зависимость от выполнения плана реализации природных богатств, которые они должны охранять... Органы госконтроля выявили в Астраханском заповеднике сотни распоряжений и записок от руководства Главприроды МСХ СССР, разрешающие разным лицам рыбную ловлю или охоту. Заповедный режим нарушается руководящими работниками МСХ и других ведомств. Значительные средства истрачены на строительство охотничьих домиков (в Приокско-Террасном, Окском, Воронежском и Кавказском зап-ках) под видом домиков для интуристов»* (архив автора из материалов Формозова).

Зам. председателя МОИП, зоолог В.И. Цалкин, вложивший много усилий в борьбу с Лысенко и в защиту природы, делился своими впечатлениями с Пузановым после одного из заседаний НТС Главприроды по вопросу о заповедниках: «*...вертят там всеми этими делами чиновники, бесконечно далекие и от природы, и от науки, вокруг них кормится компания научной шпаны и полушпаны, составляющая свиту Богданова в его заграничных вояжах, а по сей причине на активные действия вовсе не склонная... Никто у нас всерьез заниматься охраной природы не хочет. Не то, чтобы все были против природы, нет. Но это хлопотно, требует ограничения промышленных и хозяйственных учреждений, затраты средств и даже значительных. По этой-то причине и возникает мысль, что дело-то авось потерпит, а уж потом можно будет им заняться серьезно, и все станет прекрасно*» (АРАН. Ф. 7164. Оп. 1. Д. 374). Здесь отражено настроение, типичное для советского ученого-интеллигента того времени, но ведь эти взгляды не только нельзя было высказать публично, их и в частном письме стоило опасаться (зарождающееся диссидентство преследовалось все активнее); даже простая констатация реальных дел в сфере охраны природы воспринималась как «очернительство», а то и антисоветчина. Автор книги был свидетелем тому, как Малиновский в коридорах Минсельхоза обвинял Формозова в «антисоветских» высказываниях о состоянии охраны животного мира в СССР. При этом Малиновский был по-своему прав. Его убеждения в том, что «природу нельзя охранять бесцельно», что «надо хозяйствовать, а не созерцать» и т. п., полностью отвечали демагогическому партийному принципу «все во имя человека, все для блага человека» (с этим лозунгом людей зачастую попросту губили и морально, и физически). Такую же позицию по сути занимали сонмища официальных и полуофициальных «госэкологов», славящих в своих статьях и книгах социалистический строй, утверждавших, что только при нем человечество будет избавлено от всех бед, а природа станет цветущим садом, восхвалявших плановое хозяйство, рациональное природопользование, «ленинское отношение к природе» и т. д. Под взгляды Малиновского и Мантейфеля подводилась теоретическая «платформа», сходная с той, какой еще недавно пользовались лысенковцы, только термин «покорение природы» для отвода глаз заменялся выражением «обогащение природы» (Гусев, 1972 и др.). Эта «стратегия» приносила их авторам подлинное и вполне реальное обогащение (без всяких кавычек) в виде поощрений, поездок за рубеж, премий, наград и т. д., но вела к непрестанной деградации природных ландшафтов и ресурсов СССР. Иначе говоря, казенное славословие официозных экологов было своеобразной формой паразитирования на бедствиях своей страны. Профессор Скалон образно сравнивал таких деятелей с грифами, слетевшимися на кормежку у тела погибающей природы-матери. Но ведь эти люди занимали служебные посты и определяли экологическую политику государства (мы избегаем называть фамилии, эти деятели и так известны, причем процветают по сей день, ничуть не изменившись от смены власти). Поэтому малочисленным «консерваторам» (или «идеализаторам природы», как назвал их О. Гусев в указанной выше статье) приходилось трудно.

На переломе 60–70-х гг. и в союзном, и в республиканском ведомствах, которые управляли заповедниками, как-то разом произошли кадровые перемены, и на сцене появились новые личности. Выбыл из строя по болезни пожилой А.И. Кондратенко, скоропостижно умер относительно молодой В.Б. Козловский; их замещали в Главохоте РСФСР Валентин Дмитриевич Шамыкин, когда-то работавший в Сихотэ-Алинском заповеднике с Капланoвым и Салминым, а в Главприроде — Ярослав Владимирович Сапетин. В начале 70-х гг. отдел заповедников и лесоохотничьих хозяйств Главприроды МСХ СССР возглавил Василий Васильевич Криницкий, по профессии химик-аналитик, имевший большой опыт работы на руководящих постах в Воронежском, Астраханском, Алтайском и Дарвинском заповедниках. Начальником отдела заповедников Гла-

вохоты РСФСР в 1972 г. стал инженер лесного хозяйства, страстный охотник, Анатолий Михайлович Шалыбков, перешедший сюда из Госплана СССР. Еще до этих событий заместителем Н.В. Елисеева был назначен Анатолий Васильевич Нечаев, агроном по образованию, ранее работавший в Госплане РСФСР и курировавший в Главохоте как госпромхозы, так и заповедники. Скончавшегося в 1976 г. Б.Н. Богданова на посту начальника Главприроды МСХ СССР сменил Александр Михайлович Бородин, в прошлом начальник Управления лесного хозяйства Московской области. Работники заповедников системы МСХ СССР были искренне огорчены кончиной Богданова и поминали его добрыми словами.

В.В. Криницкий был очень удачной фигурой для Главприроды. Базируясь на принципах «заповедного хозяйства» и считая, что невмешательство человека в заповедную природу может привести только к появлению «эталонов деградации» (по его же выражению), он, вместе с тем, старался соблюсти интересы науки, проявлял подлинную заботу об ученых, стремился им помочь, сдерживая ретивых администраторов-директоров, вообще был по натуре дипломатом и мастером деловых интриг. Он рьяно взялся за дело, разработав большой «пакет» служебной документации: индивидуальное положение и научные профили каждого заповедника МСХ СССР, типовые должностные инструкции сотрудников научных отделов (среди них была должность «старший биотехник»), положение о научном фонде, об Ученом совете, инструкции о планировании и отчетности по научно-исследовательской деятельности, схемы составления научных программ и отчетов и т. д. Надо сказать, что пробить вопросы финансирования, снабжения и строительства в заповедниках через мощные союзные и республиканские комитеты, такие, как Госплан, Госкомтруд, ГКНТ (Гос. Комитет по науке и технике СССР), Госстрой, Госснаб и др. было очень сложно. Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 29.12.1972 г. «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» на Министерство сельского хозяйства СССР были возложены функции государственного контроля за охраной живой природы, в частности, в области заповедного дела. В октябре 1972 г. Криницкий разослал для обсуждения проект основных положений «О государственном природно-заповедном фонде СССР», разработанный совместно с ЦЛОП МСХ СССР (В.Л. Рашек, А.Г. Банников и др.). Надо пояснить, что еще положение о госзаповедниках РСФСР 1944 г. определило понятие «заповедного фонда РСФСР» как суммы ***«земельных площадей**, отведенных под заповедники... и исключенных из общей хозяйственной эксплуатации»* («Заповедники СССР», 1951. Т. 1. С. 15, выделено нами). Предлагаемая трактовка «природно-заповедного фонда» принципиально отличалась от указанной, поскольку включала не только заповедные участки, но и заказники, памятники природы и даже внетерриториальные объекты (см. ниже).

Если Главприрода МСХ СССР, находясь в относительно привилегированном положении, занималась своеобразной «дипломатией» в сфере охраны окружающей среды на союзном и даже международных уровнях, то более «консервативная» и деловитая Главохота РСФСР вела значительную работу по расширению системы заповедников и заказников в Российской Федерации. Надо сказать, что еще в конце 50-х гг. было учреждено около 10 республиканских заказников, отличавшихся от местных наличием постоянного контингента охраны и организуемых распоряжениями Совмина РСФСР. Как и все другие заказники, эти территории не относились к числу заповедных, поскольку не изымались из хозяйственного использования, однако имели большое значение для охраны фауны. Если первоначально республиканские и местные заказники ориентировались на увеличение численности охотничье-промысловых зверей и птиц, то в 70–80-х гг. они уделяли больше внимания сохранению редких видов. Большинство из этих объектов до сих пор находятся в подчинении системы Минсельхозпрода РФ.

Перспективный план развития заповедников в РСФСР, основанный на прежних предложениях комиссии АН СССР (с некоторыми дополнениями), неоднократно рассылался Главохотой для детального обсуждения на местах. К числу первоочередных заповедных объектов тогда относили Таймырский, Кондинский, Красночикойский, Кабардино-Балкарский, а также «Тульские засеки» и Московский. То и дело в печати появлялись пожелания о новых заповедниках (озеро Ханка, Дагестан, Тува, различные участки степной зоны страны и т. д.). Главприрода и ЦЛОП МСХ СССР стали проявлять внимание к острову Врангеля, рекомендуя его заповедание. Много научных рекомендаций содержали сборники: «Вопросы охраны ботанических объектов», составленный по материалам Первого Всесоюзного совещания на эту тему в 1968 г. (Л.: Наука, 1971), «Охрана горных ландшафтов Сибири» (Новосибирск: Наука, 1973) и др.

Еще в конце 60-х гг. проектные подразделения, созданные в системе Главохоты РСФСР (Центральная охотустроительная экспедиция в Москве, Западно-Сибирская в Новосибирске и Восточно-Сибирская в Хабаровске), предприняли неудачные попытки проектирования новых заповедников — Южно-Таежного в Костромской области и на озере Ханка. В начале 70-х гг. к таким работам начали подключаться сотрудники ЦНИЛ Главохоты РСФСР (К.Д. Зыков, а также автор этой книги) и ЦЛОП МСХ СССР (С.М. Успенский) в качестве научных руководителей, что несколько улучшило качество проектов. Это давалось трудно, ибо никаких методических пособий не существовало, при их разработках использовались архивные и ведомственные материалы, а также личный опыт (Штильмарк, 1973, 1974, 1975 и др.; Штильмарк, Иващенко, 1976). Центральной проектно-изыскательской экспедицией были составлены проекты заповедников «Малая Сосьва» (Тюменская обл., вариант частичного восстановления Кондо-Сосвинского заповедника), Омельдинского (Хабаровский край, бассейн реки Амгунь, первоначальные предложения выдвинуты К.Г. Абрамовым), «Азас» (Тувинская АССР, очаг обитания аборигенных бобров, инициатива Скалона), Сохондинского (Читинская обл., замена ранее выдвигавшегося Красночикойского варианта), Пинежского (Архангельская обл., инициатор Д.Н. Сабуров), Курильского (Сахалинская обл.), Саяно-Шушенского (Красноярский край, вариант восстановления прежнего Саянского зап-ка). Таймырский заповедник проектировался по двум вариантам — Пясинскому (западному, разработанному сотрудниками Норильского института сельского хозяйства Крайнего Севера ВАСХНИЛ при участии Успенского) и Хатангскому (восточному, первоначальный проект Б. Тихомирова и В. Сдобникова, уточненный Центральной экспедицией Главохоты / Штильмарк, 1974а/). Большинством экспедиционных отрядов по проектированию заповедников в тот период руководил инженер-охотовед ЦПИЭ Борис Петрович Иващенко, приобретший немалый опыт в этой сфере. Проект организации заповедника состоял из описательных глав, научных обоснований, расчетов необходимых средств, штатов, оборудования и т. п. Важнейшей его составляющей являлось землеустроительное дело, опирающееся на земельное законодательство с учетом новейшей документации (например, пост. Совмина СССР от 22.03.1974 г. «Об упорядочении предоставления в пользование земельных участков» и др.). Процесс создания государственных заповедников был довольно труден, хотя надо признать, что в условиях частной собственности на землю он был бы несопоставимо сложнее, поскольку потребовал бы выкупа земель. Действовавшее тогда земельное законодательство относило земли заповедников в категорию земель «несельскохозяйственного назначения» заодно с землями транспорта, промышленности, военных объектов и курортов. Поскольку заповедники были единственными землепользователями природоохранного назначения, закрепляемые за ними территории принципиально отличались от всех иных, кроме курортных; они не выводили землю из строя, а сберегали ее для нынешних и будущих поколений, однако закон и государство всячески препятствовали переводу земель в категорию «несельскохозяй-

ственных» (на это противоречие указывала юрист В.Г. Емельянова при обсуждении земельного законодательства в 1968 г., отмечая необходимость выделения особой категории природоохранных земель).

Для того чтобы Совет министров РСФСР вынес постановление об организации нового заповедника, требовалось прежде всего ходатайство соответствующего облисполкома (крайисполкома или Совета министров АССР), которое принималось на основании решений районных (а также окружных) властей лишь при согласии землепользователей, от мнения которых чаще всего и попадали в полную зависимость проектировщики. Наибольшие трудности возникали в тех случаях, когда в пределы заповедника включались хотя бы совершенно неиспользуемые земли, числящиеся в категории сельскохозяйственных, не говоря уже о колхозных или совхозных землях. Даже крохотные клочки болот и кустарниковых лугов у озера Ханка стали основным препятствием к созданию там заповедника, который намечался еще в начале 30-х гг. Уникальные Торейские озера (Забайкалье) с гнездовьями редчайших птиц местный совхоз соглашался «отдать» под заповедник, но землю вокруг озер долго не уступал. Для заповедания самых северных в мире лесов Ары-Мас и по реке Лукунской на Таймыре пришлось проводить колхозные собрания и уговаривать (с помощью районных властей) председателей колхозов — таких примеров можно привести немало. Правда, социалистическая система предоставляла проектировщикам и определенные преимущества: можно было повлиять на мнение тех же председателей при помощи вышестоящих советских или партийных инстанций, однако же сами эти «инстанции» обычно стояли на страже хозяйственных интересов и отнюдь не ратовали за охрану природы. Почти каждый заповедник был результатом определенных компромиссов, и поэтому при проектировании не столько применялись истинно научные принципы и методы, сколько способы примитивной дипломатии (об этом писал еще Шиллингер в 30-х гг.). Да и сами по себе принципы выделения природоохранных территорий в то время были фактически не разработаны.

Весьма сложным был этап согласований проекта заповедника на районных, окружных и областных уровнях со всеми заинтересованными организациями и ведомствами. Требовались заключения от представителей сельского, лесного, охотничьего, рыбного хозяйства, геолого-разведочных предприятий, лесной промышленности, ставшей для заповедников «врагом № 1», и ряда других учреждений. Но самые главные неприятности и осложнения возникали в столице, когда проекты шли на согласование с Госпланами республики и Союза. Госпланы запрашивали другие ведомства (Минсельхоз, Минлесхоз и т. д.), что затягивало дело иногда на долгие годы. Николай Федорович Васильев, сменивший в 1971 г. Константина Георгиевича Пысина на посту первого заместителя председателя Совмина РСФСР (впоследствии он приобрел известность, будучи руководителем Минводхоза СССР), хотя и возглавлял формально Всероссийское общество охраны природы, отнюдь не жаловал заповедники вниманием и заботой. Он отклонил ходатайства о заповеднике на озере Ханка, вернул с категорическими (хотя и неофициальными) отказами проекты Омельдинского и Малососьвинского заповедников, сославшись на отрицательное мнение Министерства лесной промышленности СССР. Проект Таймырского заповедника вызвал его гнев тем, что при большой площади он может «помешать» поискам полезных ископаемых. А.В. Нечаев не раз рассказывал, как при очередном «заходе» в его кабинет слышал возмущенный вопрос: «Да вы что, товарищ Нечаев, всю Россию хотите заповедать?» Как и многие другие высокопоставленные советско-партийные чинуши, он частенько вставлял в свою речь нецензурную брань — это было как бы знаком расположения к собеседнику. Его референт, Анатолий Владимирович Калабин, принимавший непосредственное участие в решении заповедных проблем, говорил автору этой книги примерно следующее: «Что вы там пишете в своих проектах и обоснованиях про какие-то биоценозы и редкие виды фауны,

кому это у нас интересно? Вот писали бы, что бобры и соболи в заповедниках свои шкурки на деревьях развесят — другое дело, тогда и на организацию можно согласиться...» Эта ирония касалась руководящих лиц, от мнения или даже от настроения которых зависело решение государственных вопросов... Вообще, судьба тех или иных заповедников на протяжении всех этапов их проектирования сплошь и рядом определялась сугубо субъективными факторами, а не научными обоснованиями.

Некоторые заповедники создавались усилиями местных (областных) инстанций, поручавших подготовку документации управлениям лесного хозяйства при содействии заинтересованных научных учреждений. Так был частично восстановлен в 1971 г. (в большой мере усилиями Б.П. Колесникова) Висимский заповедник на Урале, подготовлены материалы по Кабардино-Балкарскому («как это так, в Северной Осетии есть заповедник, в Карачаево-Черкесии тоже, а у нас нет? Надо сделать!»). Байкальский заповедник, названию которого более соответствовал бы «Хамар-Дабанский», был учрежден в связи с новыми постановлениями об охране природы Байкала. Его проект готовило охотпромуправление Бурятской АССР при участии сотрудников Баргузинского заповедника; намеченная площадь была сокращена по требованию работников лесной промышленности.

Когда проект Сохондинского заповедника поступил в Госплан Союза, лесной отдел счел площадь в 240 тыс. га слишком большой. Проектировщики согласились сократить ее на 30 тыс. га за счет западного участка (по р. Бурече), где преобладали лиственничные леса. Вопрос был решен положительно, но областные инстанции провели сокращение площади на другом, восточном участке, исключив из контуров заповедника особо ценные остепненные боры с редкими видами даурской фауны. Довольно быстро был создан Пинежский заповедник, также сокращенный с первоначально намеченных 100 тыс. га до 41,2. В 1974–1975 гг. в РСФСР не было создано ни одного заповедника, а за всю пятилетку с 1971 г. всего четыре, а точнее говоря — только три («Висим», «Сохондо» и «Пинега»). Четвертым было Завидовское спецохотхозяйство Минобороны СССР, официально объявленное в 1972 г. «научно-опытным заповедником». Там по-прежнему тратились бешеные деньги на завоз и подкормку животных ради «царских охот», а «заповедный» статус потребовался, чтобы отвергать претензии местных жителей.

Главприрода МСХ СССР была заинтересована в увеличении количества заповедников своей системы, но предпринятые попытки (довольно робкие) оказались неудачными. При участии Успенского и сотрудников Магаданского института биологических проблем Севера ДВО АН СССР был составлен материал о заповедании острова Врангеля, с которым Минсельхоз СССР «вошел» в союзное правительство. Поскольку вопрос нельзя было решить, минуя Совмин РСФСР, пригласили Васильева, заявившего, что остров хоть и далеко, однако российский и создать там заповедник можно и без Минсельхоза, т. е. в системе республиканской Главохоты.

Между тем подошел 1976 г., а с ним и новая пятилетка. Еще в конце 1974 г. в структуре Госплана СССР был создан отдел охраны природы вообще, внимание к этим проблемам заметно усиливалось. В новом пятилетнем плане имелся соответствующий раздел, и организация заповедников была на этот раз предусмотрена по каждой республике отдельной строкой. Это заметно изменило ситуацию в лучшую сторону. Кроме того, создание новых заповедников предусматривалось международной Конвенцией, заключенной между СССР и Японией об охране перелетных птиц и среды их обитания. Эта проблема (как и охраны природы в более широком плане) стала особенно актуальной в Сибири и на Дальнем Востоке в связи с началом строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В общем, Васильеву дали понять, что «есть мнение» заповедники все-таки создавать, и в начале 1976 г. он вызвал к себе работников Главохоты РСФСР со всеми проектами новых заповедников. Вопрос об острове Врангеля был ре-

шен сразу, за Кабардино-Балкарский хлопотала местная власть, не встретил особых возражений Саяно-Шушенский (первоначально он назывался Западно-Саянским, но был переименован «для дипломатии», чтобы легче проходить в союзных сферах), последним среди первоочередных оказалась «Малая Сосьва». Проект заповедника, имевшего лишь косвенное отношение к прежнему Кондо-Сосвинскому, сократили с 296 тыс. га сначала до 180, а потом — уже в Госплане Союза, при личном участии работников Минлеспрома СССР — до 92 тыс. га, оставив главным образом водоохранную зону вдоль Малой Сосьвы и некоторые болота. Что касается Таймыра, Тувы, Курильских островов и озера Ханка, равно как и Омельдинского, было велено проявить терпение. Так или иначе, но уже в первом квартале 1976 г. новые заповедники «Остров Врангеля», Кабардино-Балкарский, Саяно-Шушенский и «Малая Сосьва» были организованы. Таким образом, в 1976 г. количество заповедников в РСФСР увеличилось до 42, а их площадь возросла с 4,6 до 6,3 млн. га. Правда, пришлось еще долго уточнять границы и площадь Кабардино-Балкарского заповедника, в результате чего ему достались лишь наиболее высокогорные участки, где невозможен выпас домашнего скота. Марийский заповедник после сильных лесных пожаров засушливого 1972 г. был повторно ликвидирован, хотя на совещании в Главохоте РСФСР Насимович возражал против такого решения.

В 1976 г. работало уже несколько проектно-изыскательских групп, намечая ряд новых заповедников: Витимский в Иркутской области, Костамукшский в Карелии, Юганский в Тюменской области; предлагалось расширение Лапландского и некоторых других, создание филиала Хинганского для охраны журавлей и т. д. Используя накопленный опыт и методические разработки ЦНИЛ Главохоты РСФСР, в ряде мест принялись за самостоятельное проектирование (Нижне-Свирского заповедника в Ленинградской области, «Басеги» в Пермской и др.). В том же году Дальневосточное отделение АН СССР передало четыре заповедника Приамурья (Комсомольский, Большехехцирский, Хинганский и Зейский) Главприроде МСХ СССР, одновременно начался выбор новой территории для Комсомольского заповедника, поскольку прежний пригородный вариант вызывал много претензий со стороны местного населения.

Отдел заповедников ЦНИЛ Главохоты РСФСР в 1971–1975 гг. занимался пересмотром и анализом перспективной сети государственных заповедников РСФСР. На основе детального физико-географического районирования и Геоботанической карты СССР масштаба 1:4 000 000 (1954) было выделено 13 крупных регионов, для каждого из которых рекомендовано оптимальное размещение как существующих, так и намечаемых заповедников (Зыков, Нухимовская, 1979). Этим разработкам и рекомендациям предшествовало длительное обсуждение всевозможных предложений и вариантов.

Центральная лаборатория охраны природы МСХ СССР также занималась заповедной проблематикой, в том числе и вопросами размещения заповедников, заказников и природных парков на территории Советского Союза (Банников, Криницкий, Рашек, 1974; Сапетин, Борисов, 1978; и др.). Особое внимание уделялось национальным паркам (работы Н.М. Забелиной, А.Г. Николаевского и др.), которые стали возникать сначала в республиках Прибалтики, а затем в Средней Азии и на Кавказе. Ведомственные лаборатории МСХ и Главохоты были тесно связаны лишь с заповедниками «своих» систем, соответственно они вели рецензирование «Летописей природы», отчетов, научных работ и т. д. Даже библиография составлялась в строго ведомственном порядке. Впрочем, некоторые специалисты, в частности ботаники, стремились давать и обобщенные научные обзоры по заповедникам всей страны (работы Л.В. Денисовой, Ю.Д. Нухимовской и др.).

При Главприроде МСХ СССР продолжал действовать Научно-технический совет, а при Главохоте РСФСР — Научно-методическая группа из сотрудников ЦНИЛ и ведущих работников заповедников данного ведомства. Такая явная ведомственная ра-

зобщенность отрицательно сказывалась на интересах заповедного дела. Поэтому большое значение приобретали совещания и конференции, но их в описываемый период было довольно мало. В 1972 г. Главприрода МСХ СССР провела всесоюзный семинар «Координация деятельности заповедников СССР», а Главохота РСФСР организовала в 1975 г. научную конференцию «Теоретические вопросы заповедного дела в СССР». Семинар проходил в Москве, на ВДНХ, и был довольно представительным, в нем участвовали руководители природоохранных и лесных ведомств ряда союзных республик, директора различных заповедников и ученые, среди которых выделялись как руководители отдельных секций Банников, Исаков и Шапошников. Об итогах 2-й Всемирной конференции по заповедникам доложил Криницкий, от ЦЛОП МСХ выступили Рашек (о природно-заповедном фонде) и Сапетин, от ЦНИЛ Главохоты — Зыков и Филонов. Несмотря на все разговоры о координации, семинар подчеркнул установку Главприроды МСХ СССР как союзного ведомства на общее руководство заповедным делом страны, но не мог преодолеть ведомственной разобщенности. Доклад Ю.А. Исакова «Мероприятия по сохранению экосистем и природных комплексов в заповедниках» по своему уровню был, конечно, несопоставим с примитивными взглядами Малиновского, но все-таки давал определенное теоретическое оправдание и рубкам леса, и регуляции численности животных, полностью отвергая абсолютную заповедность.

На более узкой и деловой конференции в Центрально-Черноземном заповеднике присутствовали такие знатоки заповедников, как Насимович, Зозулин, Арманд, Реймерс, который именно здесь сформулировал представление об оптимальной системе охраняемых природных территорий, развитое им в последующем. *«Эта система, — писал он в тезисах, — неотрывная часть народного хозяйства, без которой неизбежна деградация природных ресурсов, потеря надежности в работе природных систем и в конечном счете их превращение в экологические и (или) экономические пустыни. От 25–30 до почти 100% должны составлять в той или иной степени охраняемые территории в природных зонах СССР»* (Реймерс, 1975, с. 10). В.Д. Утехин представил схему участия заповедников в программе комплексного мониторинга — это известное ныне понятие было еще относительной новинкой. В резолюции («рекомендациях») конференции говорилось о недооценке заповедников со стороны властей и землепользователей, неполноте существующей их сети, слабой разработке теоретических основ заповедного дела, отсутствии единого научно-методического центра, потребность в котором ощущалась постоянно. Отмечалась желательность создания при Академии наук СССР Научного совета по заповедным и другим природоохранным территориям для координации и разработки общей стратегии и научно-исследовательской деятельности как заповедников, так и учреждений, работающих на их территории. Подчеркивалась недопустимость проведения в заповедниках хозяйственной деятельности с утилитарными целями. Вновь поднимался вопрос о возобновлении былых «Научно-методических записок» по заповедникам и об издании периодических сборников «Проблемы заповедного дела в СССР». Выражались пожелания о специальной подготовке научных кадров для российских заповедников. Надо пояснить, что научные труды отдельных заповедников в этот период продолжали выходить в местных издательствах за счет соответствующих ведомств. Центральная лаборатория МСХ СССР с 1971 г. стала издавать малотиражные сборники «Научные основы охраны природы», а ЦНИЛ Главохоты РСФСР более объемистые и хорошо оформленные книги «Охотоведение», в которых публиковались и материалы по заповедному делу.

Научная тематика заповедников Главохоты РСФСР с организацией Центральной лаборатории вновь была пересмотрена. Главной задачей для всех заповедников стала «Летопись природы», программа которой была конкретизирована с усилением ее зоо-

логических разделов (в первую очередь — в отношении млекопитающих). Понятие «фронтальности» из тематического плана исчезло, в нем фигурировало более 30 конкретных тем и 16 научных мероприятий, «исполнителями» которых считались не отдельные сотрудники, а сами заповедники. Биотехнические мероприятия (регулирование численности животных и подкормка) были включены в программу с оговоркой «выполняются при необходимости». Научные программы заповедников Минсельхоза в этом отношении склонялись к стратегии «обогащения природы» и «заповедного хозяйства», были заметно менее «консервативны». Воронежский заповедник продолжал активно расселять речных бобров (в 1973 году там прошло уже пятое Всесоюзное совещание о рациональном использовании данного вида), а также кабанов и оленей. Все заповедники предусматривали развеску искусственных гнездовий, организацию и содержание музеев, проведение экскурсий, лекций и бесед по охране природы и другие формы культурно-просветительной работы.

Важным событием рассматриваемого периода было возникновение концепции так называемых «биосферных заповедников» (точнее — биосферных резерватов, соответственно термину Biosphere reserves). По нашему убеждению, биосферные резерваты представляют собой иную форму особо охраняемых природных территорий, принципиально отличную от отечественных заповедников. Конечно, такие заповедники Минсельхоза СССР, как Березинский, Воронежский и другие, где официально проведено зонирование территории и осуществлялись различные хозмероприятия, более соответствовали определению «биосферных», поскольку там есть территории ограниченного хозяйственного пользования. Что же касается принципа ведения долгосрочных (мониторинговых) наблюдений, то в этом смысле любой наш заповедник отвечает «биосферному» назначению.

Представление о биосферных заповедниках как репрезентативных участках экосистем зародилось в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) в 1970–1971 гг. Среди 13 международных проектов МАБ проект № 8 имел подпроект «биосферные заповедники» (детально история вопроса рассмотрена в специальных работах /Неронов и др., 1983; «Международная программа...», 1981 и др./). Впервые этот термин широко прозвучал у нас в 1972 г. при заключении договора между СССР и США по вопросам охраны окружающей природной среды. Первоначально имелась в виду организация особой сети «биосферных станций-заповедников» на неосвоенных территориях различных природных зон для постоянных долгосрочных наблюдений (Герасимов, Израэль, Соколов, 1976; Герасимов, 1977). Но постепенно стала преобладать (а в дальнейшем и претворилась в жизнь) тенденция придать статус «биосферности» ряду уже действующих в стране заповедников. Это было движение по самому легкому пути. Поскольку все, что было связано в то время с зарубежными контактами, оказывалось весьма престижным и давало ощутимую отдачу, идея получения нашими заповедниками международного статуса «биосферных» очень многим (в частности, Криницкому, проявившему в этой ситуации большую оперативность) показалась весьма заманчивой.

В мае 1976 г. в СССР состоялся первый советско-американский симпозиум по биосферным заповедникам, после чего этот термин и эта тема стали весьма популярны. Для участников симпозиума была организована поездка в Туркмению, в которой их сопровождал известный журналист-эколог В.М. Песков. Символично, что в его газетном очерке описывалось, как экологически мыслящие ученые начали свою экскурсию по пустыне чуть ли не пешком, затем хотели продолжить путь на верблюдах, но вскоре эта экзотика стала их утомлять. Тогда они пересели на мощные вездеходы, «и — прямиком по барханам...». Наука, она, понятное дело, требует жертв!

Если же подводить итоги, то период первой половины 70-х гг. сыграл для заповедного дела роль своеобразной «стартовой площадки», подготовив к переходу в каче-

ственно иное состояние. Время Лысенко и Малиновского окончательно ушло в прошлое, заповедное дело выходило на новые уровни как в мире, так и в нашей стране. От упрощенных охотхозяйственных представлений центр тяжести заповедного дела постепенно перемещался к подлинной экологии. Символическим явился сам по себе факт включения сведений о заповедниках в общесоюзную государственную отчетность. ЦСУ СССР разработало форму статотчетности (Ф. № 1 — заповедник), и в 1976 г. были получены первые официальные данные о 37 заповедниках РСФСР, занимавших в 1975 г. площадь в 5,1 млн. га.

3.1.12. «Дитя подросло — одежка жмет» (1977–1985)

Период «большого скачка» в науке об охраняемых территориях. Новые заповедники и новые книги о них. Разработка «типовых положений» и реальная ситуация на местах. ВНИИПриродаМСХ СССР. Первые биосферные. Генсхемы и ТерКСОПы. Девятый вал совещаний, конференций и публикаций.

Почему явственный подъем заповедного дела пришелся именно на тот период истории СССР, который сегодня называют «застойным»? Мы уже не раз сталкивались с парадоксами и противоречиями, говоря о заповедниках, в этом несомненно имеется своя закономерность. *«Застойный период мог продолжаться долго, но не бесконечно. Ситуация в экономике с каждым годом становилась все тяжелее. К началу 80-х годов даже официальная статистика вынуждена была признать (впервые за послевоенный период!) падение производства и снижение реальных доходов населения. Поток нефтедолларов лишь усилил политическую и моральную деградацию правящей элиты... Усиливались симптомы системного кризиса»* (Абалкин, 1995).

Тем не менее именно в этот период заповедники были признаны обществом и перестали быть в нем изгоями. Конечно, это нельзя назвать процветанием, но относительное благополучие и стабильность имели место. Советское государство было вынуждено осознать и воспринять значимость заповедников и необходимость их дальнейшего развития. Более высокий уровень заповедного дела выражался не только увеличением числа и площадей охраняемых объектов или количества публикаций о них. Если еще недавно заповедники называли «чадящей свечкой», которая могла погаснуть от косого взгляда правителей, то теперь этот огонь горел более уверенно. Они стали в один ряд с другими учреждениями страны, которая шла тогда к новым историческим переломам и рубежам. Даже автор, весьма близкий к диссидентским кругам («невыездной»), постоянный слушатель «вражеских голосов» и усердный читатель всяческой крамолы, не представлял себе, что срок жизни социалистического колосса уже отмерян историей. Правда, неясное ощущение обреченности можно было уловить при общении с определенными эшелонами партийно-советской власти по ходу работы, например, в процессе проектирования дальних заповедников (в 1976–1979 гг. полевые работы и командировки автора охватывали значительную часть РСФСР: от Северного Кавказа до Чукотки, кроме того, были выезды на Украину и в Прибалтику). При поездках по Тюменскому Северу, Восточной Сибири, Дальнему Востоку (в частности, в Магаданской области) в ответ на обращения и призывы к местным руководителям о заповедании от них часто приходилось слышать: «А вот у нас недавно был Косыгин, так он что-то не поминал про заповедники и охрану природы, его волновало другое — нефть, золото, алмазы, древесина...» В Москве рассказывали, как председатель Совета министров СССР отверг очередное предложение об организации Госкомитета по охране природы: дескать, нечего плодить чиновников, все важные вопросы, включая экологические, должно ре-

шать само правительство. Не так-то прост был Алексей Николаевич, далеко смотрел, оказывается!

...Возвращаемся в застойно-брежневский 1977 г. и окунемся для начала в атмосферу научно-производственной конференции «по изучению природных комплексов, их охране и ведению заповедного хозяйства в лесостепной и степной зонах СССР», организованной Главприродой МСХ СССР в государственном Воронежском заповеднике к его 50-летию.

Столь любимый Малиновским термин «заповедное хозяйство», которое в то время ученые часто приводили как пример правового и смыслового нонсенса, не вызывало протеста ни у В.В. Криницкого, ни у директора заповедника Б.В. Кестера, ни у его сотрудников. Мало ли что там толкуют в московских институтах, а здесь свои земные дела и вопросы, которые надо решать. Деньги Минсельхоз СССР на обустройство своих заповедников выделял довольно щедро. Административно-жилищное строительство велось в каждом из них, но особенно интенсивно в Березинском (с прицелом на будущие международные конференции) и Воронежском.

Участники совещания (более 130 специалистов) с удовлетворением отметили, что состояние заповедного дела в целом улучшилось, хотя еще имеют место недостатки, которые надо изживать (несогласованность тематики, отсутствие общепризнанных научных методик, многоведомственность и т. д.). Обратили внимание на целесообразность расширения сети заповедников в лесостепной и степной зонах и необходимость подготовки специалистов для работы в заповедниках. Перечислили заслуги Воронежского заповедника, пожелали ему:

«продолжать укрепление и совершенствование режима заповедности в сложных условиях островного леса, расположенного вблизи крупного индустриального центра и окруженного многочисленными сельскохозяйственными предприятиями с интенсивным землепользованием;

— принять необходимые меры к скорейшему завершению строительства и комплектации научно-экспериментальных лабораторий и баз, оснащению их современными приборами, оборудованием;

— ускорить процессы восстановления исчезнувших и редких компонентов биоценоза путем их завоза, всестороннего изучения, необходимой охраны и создания благоприятных условий обитания (тетерев, европейская норка, филин, можжевельник, клюква и др.);

— принять радикальные меры к скорейшему сокращению численности копытных животных (олень, кабан, лось) до оптимальных для биоценозов заповедника размеров, а также сокращения до минимума чуждых лесостепной зоне видов (енотовидная собака, американская норка);

— расширить и ускорить работы по инвентаризации флоры и фауны заповедника и изучению процессов динамики их развития;

— продолжить дальнейшие усилия по улучшению жилищно-коммунальных условий сотрудников заповедника» («Резолюция...», 1977, с. 6).

Документ свидетельствует о сложных и противоречивых столкновениях прежних преобразовательских тенденций с подлинно экологическими подходами («если хочется кого-то завозить, то займитесь аборигенными, а не чуждыми видами»). Эпоха «заповедного хозяйства» заканчивалась, однако свое влияние продолжала оказывать. Даже наиболее консервативно настроенные экологи (Насимович, Реймерс, Филонов и другие) считали необходимыми некоторые формы вмешательства в жизнь заповедных экосистем, речь шла лишь о масштабах, сроках, методах таких мероприятий, в частности регуляции численности копытных животных. Воронежский заповедник в то время стал рассадником не только бобров, но и копытных зверей (оленей, каба-

нов), расселение которых всячески поощрялось руководством Главприроды МСХ СССР.

Однако прагматическая направленность заповедников все более и более сменялась научно-экологической. Заметно расширялась природоохранная тематика и в ряде академических институтов (ИГАН, ИЭМЭЖ и др.), а также в специализированных лабораториях МСХ СССР и Главохоты РСФСР. Поэтому не приходится удивляться тому, что именно во второй половине 70-х гг. одна за другой начинают выходить в свет монографии или итоговые сборники по заповедному делу.

«Первой ласточкой» явилась изданная в 1977 г. Ростовским университетом небольшая книга Ю.Н. Куражсковского «Заповедное дело в СССР» (ей предшествовала глава «Заповедное дело» в ранее изданной монографии «Очерки природопользования» того же автора).

Во взглядах Ю.Н. Куражсковского, имевшего большой практический опыт работы в заповедниках, сказывалось определенное влияние привычной ему эпохи 50–60-х гг., недаром он включил в оглавление такие главы, как «Заповедное хозяйство», используя разработки Криницкого, и «Обогащение природы», расценивая акклиматизационные работы в заповедниках не только как одну из форм биологического загрязнения природы, но и как некую «школу» управления ею. Многие ученые ставили это Юрию Николаевичу в упрек, хотя и приветствовали появление его книги.

В том же 1977 г. была опубликована монография К.П. Филонова «Динамика численности копытных животных и заповедность» в сб. «Охотоведение» — едва ли не первая сводка, основанная на обработке многолетних данных, накопленных в заповедниках. Эту работу, содержавшую краткий исторический обзор представлений о заповедности и заповедном режиме, положительно отметил Насимович (1978).

Не будет нескромностью выделить выход в свет книги «Особо охраняемые природные территории» (Реймерс и Штильмарк, 1978), поскольку авторы работали над своими разделами фактически независимо друг от друга, а *«основные теоретические разработки принадлежат Н.Ф. Реймерсу»* (Там же. с. 11). Монография сыграла заметную роль в развитии представлений о системе охраняемых природных территорий и роли заповедников как наиболее высокой и значительной формы этой системы. Важное значение имел и сборник «Опыт работы и задачи заповедников СССР», вышедший в 1979 г. под редакцией А.А. Насимовича и Ю.А. Исакова. Его особенностью было соединение признаков коллективной монографии с конкретными авторскими статьями. Неоднородна была и тематика отдельных глав (статей) — история заповедного дела на отдельных его этапах, результаты длительных наблюдений за природными процессами в Дарвинском и Астраханском заповедниках, лесохозяйственные мероприятия и др. Разделы о научных исследованиях в заповедниках, опыте их профилирования, проблемах управления экосистемами в заповедниках были рассмотрены — Насимовичем, главным автором и редактором издания.

В этот же сборник вошли результаты упомянутых выше разработок ЦНИЛ Главохоты о размещении сети государственных заповедников на территории РСФСР (Зыков, Нухимовская, 1979), а также некоторые сведения из опыта их проектирования и организации (Штильмарк, 1979). Отдельная глава, написанная К.П. Филоновым, была посвящена Летописи природы, составление которой в плане НИР 1976–1980 гг. предусматривалось для всех заповедников в качестве обязательной темы № 1. В мае 1979 г. Главохота утвердила и разослала на обсуждение «Программу ведения Летописи природы», которая позднее была доработана с учетом полученных замечаний и в значительно обновленном виде опубликована как методическое пособие, не утратившее своей значимости поныне (Филонов, Нухимовская, 1985).

Научные исследования заповедников Главохоты РСФСР в тот период велись по следующим основным разделам:

I. Наблюдение процессов и явлений в природном комплексе заповедника и их изучение по программе Летописи природы (тема № 1); II. Инвентаризация флоры и фауны, геоботаническое и почвенное картографирование; III. Выявление экологических механизмов, регулирующих популяции животных; IV. Разработка методов сохранения и воспроизводства ценных объектов природы (темы по лесоводству и геоботанике. — *Ф.Ш.*); V. Теоретические вопросы заповедного дела; VI. Культурно-просветительная работа; VII. Содержание и пополнение научного архива и библиотечного фонда; VIII. Издательская деятельность (Архив автора). В конце предыдущего периода (1975–1976 гг.) заповедники РСФСР были лишены права издания периодических научных трудов. Лишь благодаря настойчивым хлопотам зав. отделом НТИ ЦНИЛ Л.С. Таманцевой, Госкомиздат РСФСР разрешил Главохоте РСФСР издавать научные труды в объеме 70 печ. листов в год, которые были поделены между охотничьим хозяйством и заповедным делом. Первой книгой новой серии по заповедной тематике был сборник «Экология птиц морских побережий» (М., 1980). Удачный опыт издания тематических сборников, в которых преобладали работы сотрудников заповедников, был продолжен. В 1981 г. ЦНИЛ Главохоты издала 5 таких сборников, а за весь период — до 1986 г. — 18, общим объемом около 200 печ. листов.

Большой отклик получило новое Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 1 декабря 1978 г. № 984 «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов», в котором были отмечены крупные недостатки в организации заповедного дела, охране животного и растительного мира. В постановлении была критически оценена роль Академии наук СССР и ряда ведомств, которым предписывалось принять те или иные меры для улучшения ситуации. На Госкомгидромет СССР возлагались особые функции контроля за состоянием окружающей среды, большинству ведомств давались те или иные поручения в этой сфере (особо упоминались регион БАМа и Крайний Север). Академии наук СССР совместно с Минсельхозом СССР, Гослескомитетом СССР и Совминами союзных республик поручалась разработка проектов типовых положений о государственных заповедниках, памятниках природы, ботанических садах, зоологических и дендрологических парках, заказниках, природных (национальных) парках[7].

Специальная комиссия, созданная в системе АН СССР под председательством академика В.Е. Соколова для разработки «Типовых положений», первоначально пыталась найти научно-экологический подход к проблемам заповедников, но вскоре инициатива перешла в руки В.В. Криницкого, который, возглавив соответствующую секцию, пошел по пути переработки уже имеющихся ведомственных документов. Из действующих «положений о заповедниках» Главохоты РСФСР и МСХ СССР изъяли наиболее одиозные статьи о биотехнических мероприятиях и борьбе с волками, запретили интродукцию животных и растений. Вообще, статья 13 раздела IV «Типовых положений» о различных запретах была весьма обширной, а наиболее существенным среди них представлялся пункт, запрещающий «все формы отдыха населения» (включить слово «туризм» после долгих споров комиссия не решилась). Но все эти многословные «строгости», по сути, перечеркивались статьей 15 того же документа, разрешавшей в заповедниках «восстановительные», «ветеринарные», «противопожарные», «санитарные» мероприятия, а также *«возведение в установленном порядке построек, необходимых госзаповеднику для выполнения его основных задач»*. Но и этого Криницкому показалось мало, и он добавил: *«проведение других мероприятий, необходимых для сохранения заповедных природных комплексов, выполнения плана научно-исследовательских*

[7] Надо пояснить, что специалисты рассматривают природные и национальные парки как разные категории ОПТ, и сейчас это принято Законом об ООПТ, но в то время эти формы не разделялись.

работ и обеспечения основных задач заповедника» («Справочник...», 1988, с. 40). Спорить с Василием Васильевичем было бессмысленно, он не уступал ни слова, ни буквы...

Именно при разработке «Типовых положений» автор книги убедился в безнадежности попыток восстановления принципов подлинной заповедности в нашем потребительском обществе, основанном на лицемерии и двоемыслии, когда сугубо практические и даже производственные интересы маскируются «обеспечением основных задач заповедника». Последним шансóм казалось сохранение в документе прежней статьи 16 из положения о заповедниках Главохоты РСФСР, согласно коей в заповедниках выделяются участки, «на территории которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы». Мы долго настаивали на ее включении в новый документ, но Филонов, Исаков, Криницкий и другие были против. Ученые повторяли демагогический тезис — «весь заповедник должен быть заповедником», Криницкий же был убежденным противником самой идеи невмешательства. В результате спорный вопрос изъяли из текста.

Единственным действительно новым тезисом «Типовых положений» стала статья 12, согласно которой *«планы восстановительных и санитарных мероприятий, отлова и отстрела животных, сбора коллекционных материалов на территории госзаповедников для научно-исследовательских целей согласовываются соответственно с Академией наук СССР и академиями наук союзных республик и утверждаются органами, в ведении которых находятся государственные заповедники»* (Там же. с. 38–39). Это был вопрос престижа комиссии и ее председателя, поэтому Криницкий не мог его снять. К тому же он понимал очевидную формальность такой записи.

Если пункт о согласовании тех или иных мероприятий, проводимых в заповедниках, с АН СССР был заведомо невыполним, то запись в статье 10 носила принципиальный характер. *«Общее методическое руководство научными исследованиями в государственных заповедниках осуществляют Академия наук СССР и академии наук союзных республик»* (Там же, с. 38). Именно это позволило В.Е. Соколову создать при ИЭМЭЖ АН СССР специальную Комиссию по координации научно-исследовательских работ в заповедниках СССР (ныне Комиссия по заповедному делу РАН, организована Постановлением Президиума АН СССР от 11.02.1982 г.). Указанная Комиссия первоначально действовала в лице ее единственного штатного работника, ученого секретаря, канд. биол. наук Татьяны Михайловны Корнеевой. Председателем значился академик Соколов, его заместителем — Филонов, членами Бюро Комиссии на первом этапе были член-корр. АН СССР Пьявченко, член-корр. ВАСХНИЛ Сыроечковский, а также Криницкий, Зыков и Гунин. В сентябре 1982 г. Президиум АН СССР утвердил состав Комиссии АН СССР по координации научных исследований в государственных заповедниках страны в количестве 55 человек. Основными задачами Комиссии признавалось осуществление общего методического руководства научными исследованиями в госзаповедниках, их координации, подготовки заключений по планам НИР заповедников разных ведомств. Финансовое и организационное обеспечение Комиссии возлагалось на ИЭМЭЖ АН СССР. В ряде союзных республик (в частности, на Украине) были созданы аналогичные комиссии при республиканских Академиях наук. Кроме того, координационный план НИР в рамках Научного совета Академии наук по проблемам биогеоценологии и охраны природы (председатель — академик М.С. Гиляров) предусматривал разработку комплексной темы «Экологические основы создания системы природных охраняемых территорий (заповедники, заказники, природные национальные парки)».

Поскольку «Типовые положения» не удостоились утверждения на правительственном уровне (они были утверждены постановлением Госплана СССР и Гос. комитета

СССР по науке и технике 27.04.1981 г. № 77/106 и опубликованы в Бюллетене нормативных актов министерств и ведомств СССР – 1982. № 12. С. 7–22), они носили рекомендательный, а не законодательный характер. В соответствии с главным принципом развитого социализма («хотели как лучше, а получилось как всегда»), результат оказался прямо противоположным намеченному. Почти каждое ведомство, руководившее заповедниками, принялось составлять на основе «типовых» собственные положения для заповедников своей системы, поэтому вместо желаемого единства лишь увеличились разнобой и неразбериха.

Давно намеченное преобразование Центральной лаборатории охраны природы Минсельхоза СССР (с 1972 г. она стала именоваться «Центральной научно-исследовательской лабораторией» — ЦНИЛОП) во Всесоюзный институт протекало долго и тяжело. В 1975 г. это учреждение возглавил приглашенный Богдановым доктор биологических наук Евгений Евгеньевич Сыроечковский, незадолго до того ставший членом-корреспондентом ВАСХНИЛ и впоследствии сыгравший немаловажную роль в развитии системы заповедников РСФСР. С присущей ему энергией, пользуясь поддержкой отдела науки ЦК КПСС, он провел большую работу для того, чтобы в феврале 1979 г. в структуре Минсельхоза СССР на базе прежней ЦНИЛОП был учрежден Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела (именно такое название удалось отстоять Сыроечковскому).

Отдел заповедников действовал в структуре ЦНИЛОП с конца 60-х гг., руководил им А.Г. Банников (по совместительству), позднее переключившийся на разработку «Красной книги СССР». Когда Сыроечковский пригласил для формирующегося Ученого совета ряд сотрудников, имевших докторские степени (В.Е. Флинт, Ю.П. Язан, Т.В. Кошкина), он возложил руководство заповедным делом на Юрия Порфирьевича Язана, охотоведа мантейфелевской школы и соответствующих взглядов, имевшего опыт работы в Печоро-Илычском заповеднике, где он занимался изучением лосей и способов их промысла. Между тем, во вновь созданном Институте разгорелся острый конфликт между Сыроечковским, которого по ряду причин не поддерживала и не утверждала директором Главприрода МСХ СССР (лесохозяйственник Бородин, сменивший умершего в 1976 г. Богданова, относился к ВНИИПрироде и заповедникам довольно настороженно), и частью коллектива во главе с бывшим директором Шапошниковым. Три с половиной часа зам. начальника главка С.А. Крывда зачитывал «компромат» на Сыроечковского во время партийного собрания ВНИИПриродыМСХ СССР, проходившего под председательством Язана. Четырнадцать кандидатур на должность директора нового Института было рассмотрено и отклонено отделом науки ЦК КПСС, прежде чем был наконец назначен вернувшийся в Москву из США советник по сельскому хозяйству, свекловод Иван Андреевич Гавва. Однако ведущую роль в Институте стал играть секретарь парторганизации, заведующий сектором заповедных территорий Язан, к тому времени сменивший Банникова на посту вице-председателя МСОП и вскоре ставший директором ВНИИПриродыы. Структура этого учреждения усложнилась — отдел заповедников, которым руководил Язан, включал три лаборатории: общих проблем заповедного дела (заведующий — В.Л. Рашек), перспективной сети развития особо охраняемых природных территорий (им первоначально заведовал Я.В. Сапетин, а позднее С.Е. Карасева) и отдел координации научных исследований в госзаповедниках (заведующая — Е.Ф. Забродина). В.Л. Рашек и З.И. Белкова занимались организационно-правовыми вопросами заповедного дела. Лаборатория координации НИР уделяла основное внимание научной деятельности заповедников Минсельхоза СССР, обобщению материалов Летописей природы и т. п. На лабораторию Сапетина под руководством Язана была возложена разработка новой Всесоюзной генсхемы рационального размещения заповедников и национальных парков в СССР до 2005 г. Поскольку правительственное постановление 1978 г. предусматривало разработку террито-

риальных комплексных схем охраны природы (ТерКСОП), за это дело усердно взялась сеть проектных институтов и НИИ, обеспечив себе широкий фронт работ, в которых принимали участие и сотрудники ВНИИПриродыы. Особенно много внимания уделялось ТерКСОПам зоны Байкала и БАМа, на которые были затрачены огромные средства без каких-либо реальных результатов.

С «драмой» ВНИИПриродыы, в результате которой Сыроечковский ушел из системы МСХ СССР и стал заведующим новой лабораторией в Институте морфологии и экологии животных (ИЭМЭЖ) АН СССР, возглавляемом академиком В.Е. Соколовым, в какой-то мере были связаны и события в ЦНИЛ Главохоты РСФСР, где после трагической гибели В.Ф. Гаврина (летом 1975 г. он утонул в Красноярском водохранилище) также была утрачена былая стабильность. Острые фельетоны по адресу ЦНИЛ Главохоты РСФСР в газетах «Правда» (1976) и «Литературной газете» (1980) заставляли руководство менять директоров, а это сильно лихорадило коллектив. В результате такие ведущие работники ЦНИЛ, как Реймерс, Филонов, Зыков (а в 1981 г. и автор книги), оставили это учреждение, перейдя вслед за Сыроечковским в систему АН СССР. Заведующим отделом госзаповедников и заказников ЦНИЛ стал охотовед Вадим Васильевич Дежкин, проявлявший особую склонность к биоэкономической тематике и вскоре защитивший докторскую диссертацию на данную тему.

Тем не менее в конце 70-х гг. отдел заповедников ЦНИЛ работал весьма интенсивно. Л.В. Алексеева на основе обширных фактических материалов главка изучала социально-экономические аспекты заповедного дела, в частности, ею была составлена по заданию главка серия нормативов для госзаповедников, начиная от их размеров и кончая финансово-материальным обеспечением. Это успешно перекликалось с тематикой по экономике природопользования и охраны природы, которой занимался Реймерс в Центральном экономико-математическом институте АН СССР (Федоренко, Лемешев, Реймерс, 1980; Федоренко, Реймерс, 1981; Алексеева, Зыков, 1981, 1981а; Алексеева, Нухимовская, Реймерс, 1983; и др.).

Продолжением темы о перспективной географической сети заповедников в республике стало поручение Госплана РСФСР о разработке «Генеральной схемы рационального размещения государственных заповедников, заказников, охотничьих, лесоохотничьих и промысловых хозяйств» (на эту работу Госплан РСФСР выделил столько же средств, сколько для комплексной Схемы охраны природы одной лишь Московской области).

Генсхема разрабатывалась совместно с Центральной проектно-изыскательской экспедицией, была успешно защищена перед строгой экспертизой Госплана РСФСР в 1979 г. и полностью вошла в указанную выше Генсхему заповедников и национальных парков СССР. Основным ее итогом стала технически сложная карта масштаба 1:2 500 000, а также ряд обобщающих публикаций (Лопырев и др., 1979; Зыков, Нухимовская, Штильмарк, 1981; Шалыбков, Лопырев, Иващенко, 1981). Их удачно дополнял тщательно выполненный обзор различных предложений по оптимизации территорий уже существующих заповедников и их охранных зон (Нухимовская, 1981, 1985, 1985а).

Исполнители Генсхемы не ограничивались сбором официальных сведений и заявок, они посетили все основные регионы РСФСР для уточнения и проверки имеющихся материалов. Это конечно отвлекло их от текущего проектирования для организации новых заповедников. Официальным планом на текущую пятилетку 1976–1980 гг. было предусмотрено создание одного заповедника в год, причем 4 из них, как указывалось, были созданы в 1976 г. Последним, пятым, стал долгожданный Таймырский заповедник, учрежденный в 1979 г. Кроме того, в 1978 г. в системе Дальневосточного научного центра АН СССР удалось организовать «союзный» Дальневосточный морской заповедник, включающий ряд островов Японского моря и прилежащие акватории. Тогда же

был возвращен прежний статус бывшему заповеднику «Лес на Ворскле» (Белгородская обл.), утраченный в 1951 г. Таким образом, в конце пятилетки в РСФСР прибавилось три новых заповедника (общее их число стало 45), а площадь возросла с 6,3 до 7,7 млн. га (за счет Таймырского, пл. 1,3 млн. га). «Повисли» ранее подготовленные проекты заповедников «Азас» в Туве, Курильского, Ханкайского, Витимского, Юганского, Баджальского и других. Свердловское охотпромуправление противодействовало восстановлению заповедника «Де́нежкин камень». В 1979 г. Центральная проектно-изыскательская экспедиция (нач. партии — Б.П. Иващенко) вела проектирование Костамукшского заповедника в Карелии и Ростовского степного в районе озера Маныч-Гудило, а в 1980 г. работала над расширением территории Лапландского заповедника в связи с частичной гибелью его лесов от выбросов Мончегорского комбината.

Сменивший Васильева новый зампред Совета министров РСФСР Лев Борисович Ермин (бывший первый секретарь Пензенского обкома КПСС) относился к созданию новых заповедников более благожелательно. На очередную пятилетку (1981–1985) Главохота РСФСР запланировала пятнадцать заповедников, после чего темпы их организации заметно возросли. В 1980 г. был организован Нижне-Свирский заповедник в Ленинградской области, в 1982 — Магаданский, Витимский, Юганский и «Басеги», в 1983 — Костамукшский и Олекминский, в 1984 — Курильский, в 1985 — Центральносибирский, Усть-Ленский и «Азас», т. е. 11 за пять лет. Это было связано также и с тем, что в начале 80-х гг. к проектированию заповедников в восточной части страны подключился специальный отряд Западно-сибирской проектно-изыскательской экспедиции, которым руководил энергичный зоолог и охотовед, выпускник МГУ, Анатолий Семенович Александров. Умело привлекая научную общественность, рассматривая создание новых заповедников как часть общей территориальной и региональной оптимизации, он успешно выполнял поручаемые ему проекты в Якутии (Олекминский и Усть-Ленский), Туве («Азас») и др. После 1985 г. им были составлены проекты ныне действующих заповедников: Байкало-Ленского (Иркутская обл.), Даурского (Читинская обл.) и Путоранского (Красноярский край). Из научных работников в проектировании указанных объектов принимали участие сотрудники ЦНИЛ Главохоты РСФСР (В.В. Дежкин, А.К. Федосенко и др.), Биологического института СО АН СССР (Ю.В. Швецов), Института биологии Якутского филиала СО АН СССР и другие. В 1985 г. количество заповедников в РСФСР возросло до 56 при общей площади в 13,6 млн. га, причем ряд проектов остались нереализованными. Характерно, что среди последних преобладали варианты степных заповедников (Ростовского, Пензенского, Оренбургского, Хакасского, Тувинского горно-степного, «Ханка»), хотя имелись и таежные, в частности Баджальский. Неудачными оказались и все попытки восстановления «ближних» лесных заповедников («Тульские засеки», «Бузулукский бор», Глубоко-Истринский). Эти усилия, равно как и по расширению Приокско-Террасного заповедника, блокировались Министерством лесного хозяйства РСФСР. Все явственнее обозначалась тенденция на создание заповедников лишь в отдаленных и малоосвоенных регионах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера (Штильмарк и др., 1990).

Расширение заповедной сети в то время было связано не только с официальными постановлениями по проблемам охраны природы (1978 г. и др.), но и с активной разработкой природоохранного законодательства, в частности, Закона «Об охране животного мира СССР» 1980 г., «Типовых положений» о заповедниках, заказниках и других ОПТ, выходом в свет «Красной книги СССР» (1979,1984) и РСФСР (1983), значительным усилением международных контактов в связи с развитием системы биосферных заповедников по линии ЮНЕСКО-МАБ и т. д.

Уже говорилось, что первоначально под термином BIOSPHERE RESERVES понималась своеобразная охраняемая природная территория, принципиально отличная от советского государственного заповедника. Биосферный резерват характеризовался преж-

де всего наличием официально выделяемых зон различного назначения, чего не допускалось в наших заповедниках. Резерваты намечалось создавать на отдаленных неосвоенных территориях различных географических зон для осуществления экологического и геосистемного мониторинга окружающей природной среды.

Однако вскоре началось бурное состязание уже существующих заповедников за право войти в число «первоизбранных», причем шансы на успех оказались предпочтительнее у «гвардейских» союзных заповедников Минсельхоза СССР. Уже во время Всесоюзного совещания «Опыт и методы экологического мониторинга», проведенного в научном центре биологических исследований АН СССР (Пущино) 23–25 октября 1978 г. определились семь кандидатов — Приокско-Террасный, Березинский, Репетекский, Сары-Челекский, Кавказский, Сихотэ-Алинский и Центрально-Черноземный, единственный из системы Главохоты РСФСР, удостоенный чести войти в число «избранников» благодаря тому, что при заповеднике давно действовал стационар Института географии АН СССР. В 1979 г. все они стали первыми официальными биосферными заповедниками Советского Союза. Общее определение им в то время давалось как *«строго охраняемым естественным территориям наиболее типичных биотических регионов Земли, образующих в совокупности мировую сеть эталонов биосферы»* («Приокско-Террасный биосферный заповедник», 1981).

На Всесоюзном совещании по биосферным заповедникам, проведенном Академией наук СССР, Госкомгидрометом СССР и МСХ СССР в декабре 1981 г. («Всесоюзное совещание...», 1981), большие споры развернулись о том, как можно совместить концепцию зонирования биосферного заповедника со статусом, соответствующим недавно принятым «Типовым положениям» о госзаповедниках. Выход был найден в том, чтобы считать всю территорию государственного заповедника «заповедным ядром», не подлежащим зонированию, тогда как зоны охранного режима («буферную») и частичного традиционного природопользования создавать вокруг этого «ядра» на основе договоренности с землепользователями и местными органами советской власти. «Такую территориальную структуру можно определить как биосферный резерват (полигон), что по содержанию соответствует понятию «Biosphere reserves» международной терминологии» (из решения совещания). В Приокско-Террасном заповеднике формально пошли еще дальше, выделив в качестве «буферных» все земли гослесхоза вокруг заповедника (65 тыс. га), а как «хозяйственную зону» — все сельхозугодья и городские земли района, объявив «биосферным заповедником» общую площадь более 100 тыс. га. Аналогичным образом поступили на Украине, провозгласив «биосферным заповедником» все пространства освоенных земель вокруг Аскании-Нова общей площадью 33,3 тыс. га, тогда как подлинное «заповедное ядро» не составляет даже 6 тыс. га. Таким образом открылись большие возможности включать в состав «биосферных заповедников» фактически эксплуатируемые территории.

Пущинское совещание рекомендовало включить в список биосферных заповедников второй очереди (по РСФСР) Астраханский, Баргузинский, Байкальский, Воронежский, Зейский, Ильменский, Кроноцкий, Лапландский, Нижне-Свирский, Окский, Печоро-Илычский, Саяно-Шушенский, Сохондинский, Таймырский и Центрально-Лесной заповедники. Негласное соревнование за «биосферность» нарастало, приобретая порой конъюнктурный характер. Оно еще более усилилось после того, как постановлением Совета министров от 2 сентября 1982 г. № 816 «О порядке создания, реорганизации и ликвидации предприятий, объединений, организаций и учреждений» (СП СССР. Отд. 1. № 25. Ст. 130. 1982) заповедники уже вполне официально были разделены на союзные и республиканские.

Березинский заповедник Минсельхоза СССР фактически зонировался еще задолго до появления концепции биосферных заповедников (отчасти это было связано с хозяй-

ственной освоенностью его территории в период временной ликвидации в 50-х гг.). Это явное отступление от общепринятого заповедного режима оказалось весьма кстати в связи с проведением в Минске осенью 1983 г. Первого Международного конгресса по биосферным заповедникам, организованного ЮНЕСКО и ЮНЕП (программа ООН по окружающей среде) в сотрудничестве с ФАО (продовольственная программа ООН) и МСОП по приглашению СССР. Осуществленное на соответствующем уровне (открыл Конгресс и руководил им замéститель Министра сельского хозяйства СССР В. С. Шевелуха) мероприятие прошло с большим успехом, в нем участвовало более 250 ученых из разных стран. В память о Конгрессе остались довольно интересный сборник тезисов «Охраняемые природные территории Советского Союза...» (М., 1983) и два обширных тома материалов Конгресса, изданных ЮНЕСКО и ЮНЕП («Охрана природы, наука и общество... Материалы конгресса... ЮНЕСКО-ЮНЕП, 1987»).

Автор книги уклонился от чести своего запланированного участия в Конгрессе, предпочитая ему осенние полевые работы в сибирской тайге, правда непосредственно связанные с «биосферной» тематикой. Дело в том, что Е.Е. Сыроечковский проявил инициативу в проектировании крупного заповедника в Средней Сибири (Эвенкийский округ и Туруханский район Красноярского края), который изначально намечался как биосферный. Работа выполнялась ИЭМЭЖ АН СССР в содружестве с ЦПИЭ Главохоты РСФСР и Институтом леса и древесины СО АН СССР. По первоначальному варианту, предложенному Сыроечковским, Центральносибирский заповедник должен был охватывать часть бассейна реки Елогуй по левобережью Енисея, пойму этой реки и участки Средне-Сибирского плоскогорья по ее правому берегу при общей площади более 3 млн. га. Мы были против такой явной гигантомании, тем более, что на смежной с бассейном Елогуя территории Тюменской области одновременно проектировался Верхне-Тазовский заповедник (Б.П. Иващенко и А.М. Васин). В конечном итоге проект был составлен на два «биосферно-заповедных» участка (Центральный и Елогуйский), но принят был в 1985 г. в качестве биосферного заповедника «Центральносибирский», только первый из них площадью 972 тыс. га (Сыроечковский, Штильмарк, 1984).

Много внимания уделялось в конце 70-х – начале 80-х гг. проблемам правового обеспечения заповедного дела, а также классификации и терминологии в сфере особо охраняемых природных территорий. Еще в 1976 г. Главприрода МСХ СССР (Криницкий) заказала кафедре колхозного, земельного права и охраны природы юридического факультета МГУ (проф. В.В. Петров) разработку документа, который получил название «О заповедной охране природы в СССР» (Петров, 1980, 1984, рукопись в архиве автора). Между специалистами возникла острая дискуссия о трактовке понятия «заповедности». Если Насимович, Реймерс, Сыроечковский, Филонов, а также автор этой книги понимали данный термин как определение полного изъятия территории из всякого хозяйственного использования, то Петров, Рашек, Белкова и другие ратовали за расширительное, можно даже сказать, «безразмерное» понятие заповедности как любой формы ограничений природопользования, пусть даже не связанной с изъятием земель из хозяйственной сферы. Именно на таком принципе ими вводились понятия «природно-заповедного фонда», «заповедных территорий», «заповедной охраны» и т. п., против чего не раз выступали оппоненты (Реймерс, Штильмарк, 1978; Сыроечковский, Штильмарк, 1986; Реймерс, 1993; и др.). Дискуссии на эти темы проходили неоднократно, в частности, в редакции журнала «Охота и охотничье хозяйство» и были отражены в ряде публикаций 1983–1984 гг. Именно тогда юристами (Петров) и примкнувшими сотрудниками ВНИИПриродыМСХ СССР (Рашек и др.) была нарушена ранее четко существовавшая грань между ОХРАНЯЕМЫМИ территориями вообще и ЗАПОВЕДНЫМИ землями. Эту крайне опасную, на наш взгляд, позицию поддержали разработчики государственных стандартов в области охраны природы, что еще более осложни-

ло ситуацию. Создался своеобразный блок из юристов, правоведов и некоторых «официальных» экологов, стремившихся «нивелировать» само понятие о заповедности, придать ему самое широкое толкование и тем самым лишить его первоначального смысла. К сожалению, эта позиция была поддержана в таких союзных республиках, как Украина и Киргизия, где, по сути, даже не существовало подлинных заповедников в их классическом понимании (Борейко, 1995), зато именно там законодательно провозглашались документы о природно-заповедном фонде, сети «заповедных объектов» и т. д. Гораздо проще было официально объявлять к мнимому «заповеданию» сотен и даже тысяч всевозможных «природно-охраняемых территорий», нежели сохранить подлинную заповедность хотя бы одной из них. Этот путь открывал фронт работ для множества ученых и проектантов, которые составляли детальные описания разного рода «объектов», издавали многочисленные книги и картосхемы, однако же в выигрыше оказывались лишь сами авторы, но отнюдь не живая природа, реальная охрана которой подменялась бумажной шелухой.

Естественно, что к подобным разработкам в масштабах Союза привлекались прежде всего специалисты из ВНИИПриродыМСХ СССР как единственного в стране специализированного института данного профиля. Между тем, установки лидеров заповедного дела в этом учреждении (Язана, Рашека и др. — охотоведов по образованию), несмотря на современное «экологическое» обрамление, на самом деле тяготели к представлениям школы П.А. Мантейфеля, верными последователями которого оставались его бывшие ученики. Это же в определенной мере относится и к заведующему отделом заповедников ЦНИЛ Главохоты РСФСР В.В. Дежкину, разработавшему инструкции о регуляции численности животных в заповедниках. Есть своя закономерность в том, что именно «балашихинцы» (т. е. выпускники МПМИ) оказались тогда на самых передовых рубежах в сфере природопользования, охраны природы и заповедного дела. Недаром столь торжественно и пышно был отмечен в 1982 г. столетний юбилей Мантейфеля (выпуск специального номера охотжурнала, конференция во ВНИИОЗе и т. д.). Петр Александрович был действительно выдающимся воспитателем (и очень обаятельным человеком), но его пролысенковские и сугубо прагматические убеждения, воспринятые широким кругом последователей и учеников, причинили — и продолжают причинять! — прямой и серьезнейший вред заповедному делу да и всей подлинной охране природы.

Как и в начале 30-х гг., официальная «Охрана природы в СССР» невольно становилась определенной частью общей системы «развитого социализма», а первоначальные принципы эталонности и неприкосновенности вновь и вновь подменялись такими расплывчатыми формулами, как «заповедно-режимные мероприятия», «природоохранная деятельность», «регулирование природных процессов и управление ими» и т. п., тем более что сам по себе термин «охрана природы» явно уступал свои позиции выражению «охрана окружающей среды», хотя разница здесь отнюдь не только лингвистическая. Охрана окружающей (человека) среды имеет смысл скорее медико-гигиенический, далекий от подлинного заповедания природы.

Вместе с тем, надо отдать должное усилиям небольшого по составу отдела заповедников Главохоты РСФСР (А.М. Шалыбков, К.В. Сторчевой, Н.В. Гаспарян и др.) по расширению сети заповедников и республиканских заказников в Российской Федерации, которые приносили реальные результаты. В этом велика заслуга основного куратора отдела А.В. Нечаева, который отстаивал интересы заповедного дела перед начальником главка Н.В. Елисеевым, не одобрявшим увеличения количества заповедников (именно Елисееву принадлежала крылатая фраза «мы плодим нищих»). После кончины Елисеева в 1982 г. его сменил лесохозяйственник Владимир Демьянович Голованов, который также не жаловал своим вниманием заповедники, хотя развитие их системы

при нем продолжалось. Помимо вышеперечисленных заповедников, к середине 80-х гг. было создано более двадцати новых республиканских заказников, некоторые были в дальнейшем преобразованы в заповедники (Даурский, «Малый Абакан» и др.). Возникла практика подчинения отдельных республиканских заказников ближайшим заповедникам (например, Верхне-Кондинского — заповеднику «Малая Сосьва», Цасучейского — Даурскому и др.).

Главприрода Минсельхоза СССР, располагавшая, казалось бы, более значительными возможностями и влиянием, не организовала ни одного нового заповедника за весь двадцатилетний период своей деятельности (удалось лишь несколько расширить территории Хинганского и Комсомольского заповедников, а усилия по увеличению территории Приокско-Террасного не достигли цели).

Рост числа заповедников в РСФСР имел и свою теневую сторону: деятельность этих учреждений постепенно уходила из-под контроля научной общественности и ведомств. Еще в 70-х гг. отмечалось, что расширение штатов в заповедниках происходит главным образом за счет обслуживающего, научно-технического и лесного персонала (Алексеева и Зыков, 1981, 1981а). Статистика свидетельствовала о заметном нарастании государственных вложений: заповедникам отпускались довольно большие бюджетные средства на авиацию, транспорт, материально-техническое обслуживание, лесохозяйственные и заповедно-режимные мероприятия, увеличивалась их оснащенность всевозможными механизмами и моторами, но подчас это оборачивалось во вред живой природе. Стандартные методы лесоустройства с разбивкой лесов на кварталы, разрубкой большого числа просек и визиров, закладка пробных площадей и т. п. причиняли прямой урон природным комплексам. Во вновь организованном Таймырском заповеднике на средства, выделяемые для авиапатрулирования, администрация занялась... истреблением волков, о чем стало известно в Москве лишь благодаря тому, что главный лесничий был ранен нечаянным выстрелом в летящем вертолете. Гусеничные и колесные вездеходы бороздили тундры на острове Врангеля и на Таймыре, гудение моторных лодок постоянно оглашало ранее безлюдные пространства вновь создаваемых отдаленных заповедников, «фактор беспокойства» в них заметно возрастал. При относительной дешевизне горючего и легкости доступа к нему за счет государства, заповедники были подчас «перенасыщены» казенными и личными мотолодками, снегоходами, мотоциклами (хотя постоянно говорилось о недостатке техники). Ленинградские зоологи, в свое время упорно добивавшиеся создания Нижне-Свирского заповедника на Ладоге, стали бить тревогу, поскольку служба лесной охраны и администрация заповедника не хотела считаться ни со спецификой местных экосистем, ни с научными интересами орнитологов. Между учеными Ленинграда и Главохотой РСФСР возник острый конфликт, отнявший много сил и времени у специалистов.

Как свидетельствуют материалы Л.А. Алексеевой, из общей суммы операционных расходов на один «средний» заповедник Главохоты РСФСР, равной 8,2 млн. р. в год (за 1981–1985 гг.) 40,2% расходовалось на зарплату, 29,8% на заповедно-режимные мероприятия, 12,1% на лесохозяйственные мероприятия, 11,0% на канцелярские и хозяйственные нужды и только 3,0% (в среднем 246 тыс. р.) на научно-исследовательские работы. Не менее наглядны были эти соотношения по штатам: работники научных отделов составляли 16,8% состава, а лесного — 44,8% (Алексеева, 1988). Правда, надо учитывать, что часть расходов, выделяемая лесным отделам, использовалась и научными работниками, которые пользовались воздушным, водным и наземным транспортом для проведения учетов, заброски к местам полевых работ и т. п.

Ведущие научные работники заповедников имели возможности для частых рабочих контактов. В тот период не было особых сложностей для служебных поездок по стране. Директора заповедников, их заместители по науке, главные лесничие и бухгал-

теры регулярно выезжали в свои главки и ведомства не только на балансовые комиссии с годовыми отчетами, но и на различные совещания, семинары, конференции и т. п. Главприрода МСХ СССР облюбовала для этих целей ВДНХ, Главохота РСФСР чаще собирала работников системы в своих заповедниках, в частности Тебердинском, или же арендуя хорошо оборудованные турбазы. Основной заботой директоров было максимальное освоение выделяемых средств, заместителей по науке и главных лесничих — своевременная отчетность, Наиболее активные научные сотрудники также не могли пожаловаться на невнимание. В период 1977–1985 гг. состоялось более двадцати специализированных конференций и совещаний, посвященных проблемам деятельности наших заповедников. Наиболее крупными среди них были Всесоюзное совещание «Природные заповедники и основные принципы их работы» (Минсельхоз СССР, Березинский заповедник, ноябрь 1977 г.), Всесоюзный семинар-совещание «Совершенствование деятельности заповедников и заказников» (Минсельхоз СССР, Москва, ВДНХ, ноябрь 1978 г.), республиканское совещание «Современные подходы к анализу популяций растений и животных в заповедниках» (Главохота РСФСР, Тебердинский заповедник, апрель 1980 г.), республиканское совещание «Современные проблемы заповедников» (Главохота РСФСР, Центрально-Черноземный заповедник, Курск, 1980 г.), Всесоюзное совещание «Состояние и перспективы заповедного дела в СССР» (Главприрода МСХ СССР, Москва, ВДНХ, декабрь 1981 г.), Межреспубликанский научный семинар «Теоретические и практические вопросы заповедного дела» (Алма-Ата, ноябрь 1982 г.), Научная конференция по проблеме охраны заповедных природных комплексов на малых территориях (Минвуз РСФСР, заповедник «Галичья гора», май 1983 г.), Всесоюзная конференция молодых ученых «Охрана живой природы» (ВНИИПрирода МСХ СССР, Москва, ноябрь 1983 г.), Всесоюзное совещание «Проблемы охраны генофонда и управления экосистемами в степных и пустынных заповедниках СССР» (АН СССР и УССР, «Аскания-Нова», май 1984 г.), Всесоюзный семинар «Организация природоохранных мероприятий в госзаповедниках СССР» (ВНИИПрирода МСХ СССР, Москва, ВДНХ, август 1984 г.), научная конференция «Современное состояние и перспективы развития заповедного дела» (Главохота РСФСР, Курск, июнь 1985 г.), Всесоюзное совещание «Теоретические основы заповедного дела» (Академия наук СССР и УССР, Львов, декабрь 1985 г.). Здесь не упомянуты более частные совещания по особо охраняемым территориям в Саласпилсе (Латвия), заповедниках «Столбы», Центрально-Лесном, Саяно-Шушенском и др., а также конгрессы и совещания по биосферным заповедникам в Москве, Минске и Пущине, о которых говорилось выше.

Убедительным подтверждением подъема заповедного дела являлось и усиление издательской деятельности в этой области. В начале 80-х гг. активно работал отдел научной информации ЦНИЛ Главохоты РСФСР, регулярно выпуская в свет тематические сборники по заповедникам. Значительно уступал в этом отношении Всесоюзный институт охраны природы и заповедного дела МСХ СССР, прекративший даже регулярное издание «Научных трудов по охране природы» и непериодически выпускавший малотиражные ротапринтные сборнички, в частности, и по заповедной тематике («Организация и охрана заповедных территорий», 1979; «Природные экосистемы и их охрана», 1981; «Исследования в области заповедного дела», 1984; «Вопросы обоснования размещения охраняемых природных территорий», 1985). Если учесть, что каждое из перечисленных выше совещаний публиковало довольно объемистые тезисы, легко видеть, какой поток информации захлестнул отечественную литературу в этот период. В начале главы говорилось о появлении ряда научных монографий по заповедному делу, позднее этот перечень был дополнен работой А.М. Краснитского «Проблемы заповедного дела» (М., 1983), мало известным, но весьма содержательным сборником «Стационарное исследование геосистем», изданным Институтом географии АН СССР в 1984 г., а также переработанным спра-

вочником «Охраняемые природные территории мира» В.А. Борисова, Л.С. Белоусовой, А.А. Винокурова (1985 г.). Годом раньше начался выпуск серии отдельных монографий о заповедниках издательством «Лесная промышленность» (первой книгой была «Заповедник "Кедровая падь"» Н.Г. Васильева с соавторами). В 1985 г. издательство «Мысль» выпустило в свет первую книгу новой серии «Заповедники СССР» под редакцией В.Е. Соколова и Е.Е. Сыроечковского (том «Заповедники Дальнего Востока»), которой предшествовала отдельная монография «Растительный и животный мир Сихотэ-Алинского заповедника» – М., 1982). Одновременно стали одна за другой выходить в свет и региональные обзоры особо охраняемых природных территорий («Красная книга экосистем Кольского Севера» В.В. Крючкова с соавторами, 1983; «Заповедные уголки Воронежской области», 1983; «Заповедные места Свердловской области» Н.П. Архиповой, 1984; «Лесные заповедные участки» Л.П. Рысина и Л.И. Савельевой, 1985; сборники «Биоценологические основы создания природных заказников», 1980; «Охрана природы Причерноморья», 1982; книга В.Е. Викулова «Режим особого природопользования», 1982; и др.). Появились книги не только о заповедниках, но и о других охраняемых территориях — заказниках (Шалыбков, Сторчевой, 1985), памятниках природы (Пысин, 1982; «Лесные памятники», 1986), нацпарках (Николаевский, 1985; Забелина, 1987).

Даже этот весьма беглый обзор свидетельствует о том, на каком бурном подъеме оказалась данная тематика в первой половине 80-х гг. Общественное внимание к ней выразилось и в студенческом движении за охрану природы (создание специализированных межвузовских дружин «Заповедники», провозвестников будущего Социально-экологического союза /Бляхер, Тырлышкин, 1979/), и в потоке журнально-газетной публицистики, среди которых выделялись статьи и очерки Олега Волкова (заголовок одного из них использован нами в данной главе), и даже появлением в официозной газете «Правда» передовицы «Заповедные места» (1985).

В заключение главы нельзя не упомянуть и о том, что в 1983 г. в РСФСР были созданы два первых национальных парка — Сочинский в Краснодарском крае и «Лосиный остров» под Москвой. Тему национальных парков мы продолжим в следующих главах, теперь же заметим, что при их появлении в нашей стране у нас возникало двойственное чувство: с одной стороны, теоретически насущная необходимость этой формы ОПТ не вызывала сомнений, с другой — было ясно, что в реалиях «развитого» социализма, когда вся земля находится в собственности государства, она не имеет условий для своего полноценного функционирования (повторим, что в 1917 г. вся былая Россия стала единым «многонациональным парком»). Поэтому национальные парки с первого момента их возникновения представляли собой невольных конкурентов развивавшейся системе научных заповедников, своего рода «троянского коня», исподволь грозившего ее разрушением. Многие надеялись, что национальные парки снимут с заповедной системы лишние антропогенные нагрузки, фактически же (по закону социализма) опять произошло обратное — возникла тенденция перенести принципы устройства национальных парков на заповедники.

3.1.13. Количество и качество (1986–1991)

Промежуточные итоги. Перестройка дает о себе знать. Комитеты охраны природы. «Зеленое движение» и СоЭС. Новый закон об охране природы и пересмотр положения о заповедниках. «Новгородское вече» и отлучение Академии наук от заповедного дела.

Мы убедились, что в конце 70-х – начале 80-х гг. заповедное дело страны вышло на принципиально новый уровень. Если ранее в заповедниках видели лишь один из спосо-

бов преобразования или «обогащения» природы, то теперь на первом плане оказались иные подходы, основанные на понятиях природного равновесия, экологического баланса, сохранения биологического разнообразия. Утилитарно-ресурсный подход к заповедникам явственно (хотя и медленно) уступал место научно-экологическому. Заповедное дело обогатилось множеством работ не только фактологического, но и проблемно-теоретического плана, включая серьезные монографии. В этой сфере трудилось много исследователей разных научных школ и систем — от академической до непосредственно заповедной. Существовала определенная координация научных работ (в основном благодаря усилиям подразделений АН СССР, ВНИИПриродыМСХ СССР, ЦНИЛ Главохоты РСФСР и других учреждений, связанных с заповедниками). Однако нельзя забывать, что советские заповедники представляли собой вполне определенную часть государственных структур, жили и развивались в соответствии со всей социалистической системой, которая уже вошла в новую «перестроечную» (точнее — предраспадную) эпоху.

Провалилась очередная широко разрекламированная «продовольственная программа», руководителем которой был М.С. Горбачев. Усиливалось общественное движение против афганской войны. Во многих регионах резко ухудшилась экологическая ситуация. Попытки интенсификации экономики за счет прежней тактики «выжимания» ресурсов не приносили более успеха, все держалось на нефтедолларах и взаимообмане. Становилось ясно, что экономическое развитие невозможно без серьезных социально-политических изменений. Ощущение всеобщего кризиса надвигалось все явственнее, и сигналом к тому прозвучал зловещий чернобыльский взрыв накануне первомайских праздников 1986 г.

В 1986 г. вместо прежде могущественного Министерства сельского хозяйства СССР появился новый ведомственный монстр — Государственный агропромышленный Комитет СССР (Госагропром СССР), возглавляемый первым заместителем председателя Совета министров СССР В.С. Мураховским, который одновременно был председателем Комиссии по охране окружающей среды Президиума Совета министров СССР. В течение 1986–1987 гг. в газетах регулярно появлялись информации под заголовками «Забота о природе», где сообщалось о заседаниях этой Комиссии и принятых ею решениях. Речь шла, как правило, о всяческих неблагополучиях, о невыполнении ранее принятых правительственных решений (в частности — по Байкалу), о новых и новых фактах нарушений природоохранного законодательства. В составе Госагропрома СССР функционировал отдел охраны природы, представлявший собою значительно сокращенную Главприроду СССР (уже без Бородина), где обязанности начальника исполнял А.М. Кайдала, заместителями его были С.А. Крывда и Г.В. Висящев, заповедниками же практически занимались Д. Горин, Л. Большова, А. Николаевский и др.

Между тем, страна быстро меняла свой облик. Благодаря усиливавшейся гласности нарастало массовое экологическое движение, вплоть до многолюдных митингов (недаром Горбачев во время одной из своих поездок сказал: «Экология взяла нас за горло»). Обнадеживающим симптомом прозвучали в августе 1986 г. решение Политбюро ЦК КПСС и последующее правительственное постановление о прекращении проектных разработок по переброске стока северных рек в южные районы страны. Это была первая реальная победа научной общественности над ведомственной технократией (здесь велика роль академика А.Л. Яншина и писателя С.П. Залыгина). Подлинные «экобатали» разгорались вокруг ряда особо одиозных объектов (заводы на Ладоге, планируемый отвод стоков из Байкальского ЦБК в реку Иркут, некоторые атомные станции и др.). Возникло молодежное «зеленое движение», в частности, оформился Социально-экологический союз (СоЭС, председатель – биолог Святослав Игоревич Забелин, ранее работавший в Сюнт-Хасардагском заповеднике), официально учрежденный в декабре

1988 г. Этому предшествовало еще одно организационное совещание на Кавказе (в Гузерипле) в августе 1987 г. С момента зарождения СоЭС ориентировался на демократическое движение, но вместе с тем очень активно сотрудничал с международными и западными инстанциями, пользуясь их существенной поддержкой. Начали появляться центральные и многочисленные местные экологические газеты оппозиционного толка.

Принципиальное значение для заповедного дела должно было иметь Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1988 г. «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», которым наконец-то создавался союзно-республиканский Комитет по охране природы (напомним, что его организация предлагалась еще в 20-х гг., а с 1960 г. данный вопрос ставился фактически постоянно). Развернутое постановление содержало в себе немало обоснованных и перспективных позиций, направленных, казалось бы, на действительное улучшение ситуации. Однако партийно-советская и административно-ведомственная системы дали бой делу охраны природы и, по сути, его выиграли. Во-первых, в структуру Госкомитета устремился поток «старорежимных» партийных кадров, отставных номенклатурщиков, заинтересованных прежде всего в личном обустройстве. Во-вторых, хозяйственные ведомства не желали расставаться с теми службами и подразделениями, которые должны были в первую очередь перейти в структуру нового комитета и обеспечить его работу. В-третьих, не выдержал испытания делом человек, возглавивший Госкомитет СССР по охране природы, — известный полевод, один из «героев» распашки казахстанской целины, полтавчанин Федор Трофимович Моргун. В заместителях у него оказались опытные московские чиновники — П.И. Полетаев, руководивший ранее отделом охраны природы Госплана СССР, а затем заместитель Мураховского в Комиссии по охране окружающей среды Президиума Совмина СССР; В.Г. Соколовский, б. заместитель председателя ГКНТ; В.Ф. Костин из Минводхоза СССР. Государственную экологическую экспертизу возглавил Е.В. Минаев, инженер-гидротехник, начальник экспертной комиссии Госстроя СССР, ранее одобривший немало разрушительных проектов (в том числе печально известной ленинградской дамбы). Это были типичные «техно-бюрократы», избегающие реальных действий по охране природы и радеющие за «общегосударственные» (ведомственные) интересы.

«Кому работать в охране природы?.. Здесь уместно вспомнить старый лозунг: кадры решают все. Не могу поверить в возможность перевоспитания чиновников из Госагропрома, Минводхоза, Госкомгидромета, отставных военных, железнодорожников, провинившихся работников советских и партийных органов, что широким клином потянулись сейчас на обильные госкомприродовские хлеба. Ведь многие из них поражены бюрократизмом, командно-административными методами руководства. Может, лучше набрать бойцов из экологической молодежи, выпускников студенческих природоохранных дружин? Привлечь известных ученых-экологов, общественных деятелей?» Так задорно писал в «Комсомольской правде» в июле 1988 г. В. Борейко, в ту пору старший инспектор Госкомитета УССР по охране природы. Но всем становилось понятно, что вместо «боевого аппарата» для защиты природы создается лишь громоздкая бюрократическая структура.

Одной из задач, возложенных на новый Госкомитет, было «руководство заповедным делом и осуществление государственного контроля за ведением охотничьего хозяйства в стране, а также ведение государственного кадастра животного мира и Красной книги СССР» (из текста постановления, газ. «Правда», январь 1988 г.). Даже на этом этапе разработчики документа ухитрились связать заповедность с охотой!

В союзном Госкомитете по охране природы первоначально не нашлось места самостоятельному подразделению для управления заповедниками. Небольшой отдел из бывших работников Госагропрома (б. Главприроды МСХ СССР) во главе с охотоведом Дмитрием Александровичем Гориным (ранее он сменил Криницкого, перешедшего в конце

жизни в лабораторию мониторинга окружающей среды Госкомгидромета и АН СССР) «пристроили» в очень сложном по составу Главном контрольно-инспекционном управлении, начальником которого был назначен Валентин Евгеньевич Зиберов, ранее возглавлявший отдел в Министерстве цветной металлургии. Заместителем его и куратором заповедных дел оставался Глеб Васильевич Висящев, известный с минсельхозовских времен как куратор охотничьих хозяйств Подмосковья, активный сторонник биотехнии и акклиматизации. В подчинении Висящева и Горина оказались союзные заповедники Госагропрома СССР, а также биосферные заповедники Главохоты РСФСР, тоже признанные теперь союзными (Байкальский, Баргузинский, Кроноцкий, Лапландский, Печоро-Илычский, Саяно-Шушенский, Сохондинский, Центральносибирский и Центрально-Черноземный). Этому же ведомству был подчинен и ВНИИПриродыы.

Таким образом, в структуре и организации заповедной системы произошли весьма серьезные изменения. Сами же по себе заповедники в эти «перестроечные» годы до поры до времени особых потрясений не испытывали. С. Приклонский (директор Окского заповедника) считает едва ли не лучшим временем для своей работы период Госагропрома, когда прямой ведомственной опеки почти не было, а бюджетные средства выделялись еще довольно щедро. При новом Госкомитете поменялись бланки и печати, заметно сократились расходы на командировки, но в целом заповедная система оставалась как бы в стороне от происходящих в стране перемен. Впрочем, изменения происходили, но исподволь, неприметно. Прежде всего шла зримая смена поколений. Именно в 80-х гг. ушли из жизни А. Насимович, Н. Елисеев, А. Краснитский, Ю. Исаков, А. Банников, В. Криницкий. Видным теоретиком заповедного дела признавался Н.Ф. Реймерс, однако он не мог реально влиять на ситуацию, его не включили даже в состав Комиссии АН СССР по координации научных исследований в заповедниках. Между тем Комиссия эта (в основном усилиями ее ученого секретаря Т.М. Корнеевой) продолжала активно работать по нескольким направлениям. Одной из реальных форм координации научных работ в заповедниках признавалось регулярное проведение совещаний и школ-семинаров, организуемых Комиссией совместно с природоохранными ведомствами. Обсуждались, в частности, методы ведения Летописей природы в заповедниках различных регионов страны. В 1986–1989 гг. такие обсуждения прошли в Пущине («Проблемы охраны генофонда и управления экосистемами в заповедниках лесной зоны»), во Владикавказе («Ведение Летописи природы и организация научных исследований в заповедниках Кавказского региона»), в заповеднике «Галичья гора» («Ведение Летописи природы и организация научных исследований в степных и лесостепных заповедниках европейской части СССР»), Петрозаводске («Ведение Летописи природы и организация научных исследований в лесных заповедниках европейской части СССР»), Новосибирске (Всесоюзное совещание «Современное состояние и перспективы научных исследований в заповедниках Сибири»), Борке («Гидрологические исследования в заповедниках СССР»), а также в заповедниках Аксу-Джабаглы и Карпатском. В 1990 г. Комиссия при поддержке Госкомприроды СССР провела большое Всесоюзное совещание в Новгороде («Заповедники СССР — их настоящее и будущее»). Если учесть, что по всем совещаниям и семинарам издавались не только программы и решения, но и тезисы докладов, можно видеть, что в заповедную систему продолжала интенсивно поступать научная информация (еще более важную роль играли непосредственные общения специалистов). Кроме того, Комиссия издала несколько специальных «методичек» («Руководство по ведению простейших наблюдений в природе в лесных заповедниках СССР» М.Л. Калецкой, «Указания по оценке состояния лесных зимних пастбищ диких копытных животных в горных районах» К.Ю. Голгофской и др.) и начала издание важной для заповедников серии брошюр по результатам инвентаризации флоры и фауны (с 1987 по 1995 г. вышло в свет около 60 выпусков этой серии). Наконец, в 1986 г. издательство «Наука» выпустило в свет подготовленную Комиссией книгу «Ито-

ги и перспективы заповедного дела в СССР» — первую в продолжающейся поныне серии «Проблемы заповедного дела» (в 1986–1995 гг. издано семь книг). В целом же интенсивность научных и научно-методических разработок по заповедному делу по сравнению с предыдущим периодом несколько снизилась, уменьшился и объем публикаций. Только ЦНИЛ Главохоты РСФСР продолжала регулярно публиковать тематические сборники по заповедному делу (их было издано около 20 с 1986 по 1991 г.); лишь отдельные работы выходили во ВНИИПрироде. Большую издательскую активность в конце 80-х гг. развил Тебердинский заповедник, при котором усилиями Ю.Н. Куражсковского и Н.Н. Поливановой было провозглашено создание «Народной академии экологии и природопользования им. А.Н. Формозова». Под грифом этой «академии» и Тебердинского заповедника в 1987–1989 гг. было выпущено несколько брошюр серии «Экологические рекомендации — перестройке». Поверив в обновление социализма, авторы писали про перестройку природопользования и о роли заповедников в решении такого рода проблем (Куражсковский и др., 1987, 1988; Поливанова, 1989; Салпагаров, 1992; и др.). Надо сказать, что вплоть до 1992 г. советские авторы, вопреки реалиям жизни, отстаивали преимущества социалистической системы, писали о преодолении ею экологического кризиса и т. п. (Ольсевич, Гудков, 1990 и др.).

Продолжали выходить в свет серийные книги «Заповедники СССР» в изд-ве «Мысль» и отдельные монографии в «Агропромиздате». Обратили на себя внимание читающей публики хорошо изданная книга В. Дежкина «В мире заповедной природы» и учебное пособие «Заповедными тропами» (Т.А. Адольф с соавторами). Среди научных монографий можно выделить сводку К.П. Филонова «Копытные животные и крупные хищники на заповедных территориях» («Наука», 1989), а также работу А.А. Гусева «Заповедные экосистемы» (Курск, 1988). Появились и новые методические разработки («Методические указания по проведению регуляционных мероприятий в государственных заповедниках и республиканских заказниках Главохоты РСФСР» /Дежкин, 1987/; «Методические указания по созданию и регулированию вольных популяций зубров» / Перерва, 1991/; «Методические рекомендации по выявлению взаимоотношений популяций хищников, копытных и растительных сообществ горных экосистем биосферных заповедников» /Сочи, 1989/). Много аспектов научной деятельности заповедников СССР было затронуто на конференциях в Новгороде и в Москве (тезисы их составили по три солидных тома). Обширные материалы по социально-экономическим и организационным проблемам заповедников содержали новые работы Л.В. Алексеевой (1988 и др.), базирующиеся на данных Главохоты РСФСР, а также своеобразные, насыщенные большими цифровыми таблицами публикации А.И. Рыжикова (1988, 1988а, 1989, 1991 и др.), построенные в основном на обработке статистических отчетов ЦСУ по заповедникам и национальным паркам. Инженер-землеустроитель по образованию, Алексей Ильич Рыжиков защитил в 1988 г. кандидатскую диссертацию на тему «Организация землепользования и устройство территории заповедников», проявив себя активным популяризатором заповедного дела.

Наряду с авторитетными учеными (Н. Реймерс, К. Филонов, Ю. Пузаченко, В. Дежкин) в заповедное дело включались менее известные прежде сотрудники АН СССР, ВНИИПриродыы, ЦНИЛ и других научных учреждений. Выходило на сцену новое поколение из числа тех, кто еще недавно значился в активистах студенческих дружин по охране природы, инициаторов молодежного «зеленого движения» (Яницкий, 1991). Они поддерживали контакты друг с другом и по окончании вузов, были в курсе текущих событий, вносили оживление в природоохранную деятельность, порой даже возглавляли ее. Группа недавних выпускников Московского и Казанского университетов (М. Бляхер, В. Тырлышкин, ранее — С. Забелин и др.) работали в заповедниках Средней Азии, пытаясь развить новое направление, определявшее заповедники как особые региональ-

ные экологические центры, призванные обеспечивать рациональное природопользование и экологическое просвещение. Предпринимались усилия воплотить эти идеи в Сюнт-Хасардагском заповеднике Туркменской ССР (Андреев, 1985; Забелин, 1985; и др.). На Украине проявил себя как пропагандист и организатор энергичный В.Е. Борейко. В РСФСР директорами некоторых заповедников стали назначаться молодые люди, представители нового поколения.

В Москве на лидерские позиции в деле охраны природы среди ученых выдвинулись в то время член-корреспондент АН СССР Алексей Владимирович Яблоков, будущий советник Президента РФ по экологии профессор Николай Николаевич Воронцов. Оба стали депутатами Верховного Совета СССР, где был создан Комитет по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов под председательством Какимбека Салыковича Салыкова из Каракалпакии (в ВС РСФСР аналогичную структуру возглавлял депутат В.П. Варфоломеев), оба были горячими сторонниками развития заповедного дела. В 1989 г., когда Ф.Т. Моргун был вынужден подать в отставку, и Госкомприрода СССР осталась без председателя, Н.Н. Воронцов представил Председателю Совета министров СССР Н.И. Рыжкову докладную записку, рекомендовав ряд кандидатур на этот пост, а в итоге этой инициативы сам оказался во главе природоохранного ведомства (постановление Совмина СССР от 7.08.1989 г.).

В этот момент многие решили, что настал звездный час заповедников. Осуществились, казалось бы, все главные чаяния — действовал государственный Комитет по охране природы, во главе которого стоял не чиновник-бюрократ, а настоящий ученый-эколог, к тому же известный своей приверженностью к заповедникам. Еще юннатом Николай Воронцов побывал в Дарвинском и Воронежском заповедниках, а студентом МГУ работал в Печоро-Илычском, сохранив глубокое уважение к Ю. Исакову, В. Теплову, О. Семенову-Тян-Шанскому, Е. Кнорре, Л. Лаврову, П. Мертцу и другим ветеранам. При встречах с научной общественностью Воронцов объяснял, что роль заповедников в советское время заключалась не только в сохранении природы, но и в сбережении многих представителей старой интеллигенции, которым удалось пережить в отдаленных резерватах природы самые трудные сталинские времена. Эту концепцию подхватил и развил американский историк Дуглас Вайнер (Уинер), который дал своей книге по истории охраны природы в ее русском издании подзаголовок «Заповедники: архипелаг свободы» (Вайнер, 1991). В 70-х гг., будучи директором Биолого-почвенного института во Владивостоке, Воронцов проявил большое внимание к заповедникам «Кедровая падь» и Уссурийскому (Супутинскому). Последний ему удалось расширить с 17 тыс. га до 40, а в первом был построен по индивидуальному проекту отличный лабораторный комплекс.

Н.Н. Воронцову пришлось выдержать тяжелую борьбу с бюрократическим аппаратом Госкомитета, интересы которого были весьма далеки от подлинной экологии. Новому председателю, воплощавшему собой образ ученого-демократа, противостояли его заместители — Соколовский, Полетаев, Костин и другие, прожившие всю жизнь в условиях старой административной системы и не подававшие никаких надежд на реальную «перестройку». Да и низовые структуры Комитета подобрались вполне соответствующие (это было время талонов и всевозможных распределений, когда почти каждое московское учреждение и ведомство уделяло много сил и времени «самообеспечению» продуктами и товарами). Надо ли говорить, что такая же безрадостная ситуация сложилась и в республиканских госкомитетах по охране природы.

Тем не менее Воронцову удалось добиться определенных успехов. Во-первых, в конце 1989 г. по инициативе группы депутатов во главе с А. Яблоковым было принято постановление Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по экологическому оздоровлению страны», которым предусматривалось, в частности, развитие сети запо-

ведников и национальных парков до уровня 2% от общей территории страны к 1995 г. и до 3% к 2000 г. Во-вторых, впервые в СССР на проблемы экологии распространилась политическая гласность. В открытой печати был издан отчет о состоянии природной среды в 1988 г. с предисловием Н. Воронцова («Состояние...», 1990). По данным этого справочника, *«на 1 января 1989 г. в СССР насчитывалось 164 государственных заповедника (в том числе 22 биосферных, а также 6 заповедно-охотничьих хозяйств), 19 природных национальных парков, более 5000 памятников природы»* (Там же, с. 96). Еще более подробные данные были опубликованы в статистическом сборнике «Охрана окружающей природной среды...», 1989. В 1990 г. был разработан и опубликован (Правительственный вестник, 1990. № 40) проект государственной программы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов СССР на 1991–1995 гг. и на перспективу до 2005 г., где имелся раздел об охраняемых территориях. В проекте национального доклада для конференции ООН 1992 г. была представлена полная и объективная картина состояния окружающей среды в СССР («Национальный доклад...», 1991).

Отправив (конечно, не без труда) некоторых из своих заместителей на вполне заслуженный отдых, Н. Воронцов существенно обновил руководство природоохранного ведомства за счет известных ученых, докторов наук Г.А. Заварзина, А.Д. Базыкина, экономиста В.И. Данилова-Данильяна. Обновление состава госкомитетов по охране природы происходило и в некоторых союзных республиках (УССР, КазССР). Появились реальные надежды на изменение экологического ведомства страны к лучшему.

В марте 1990 г. по Госкомитету был издан приказ о создании Главного управления заповедного дела со штатом из 18 человек. С 16.04.1990 г. начальником его был назначен доктор биол. наук Александр Александрович Никольский, ранее занимавшийся изучением этологии (поведения) млекопитающих в ИЭМЭЖ АН СССР. В главке было создано три отдела: организации заповедного дела (нач. — Д.А. Горин), перспективного развития заповедников (нач. — охотовед М.Ю. Фельдман, ранее работник управления госпромхозов Главохоты РСФСР) и координации научно-исследовательской работы (нач. — зоолог Д.А. Банин). Надо сказать, что Воронцову и Никольскому пришлось преодолеть серьезное сопротивление тех, кто настаивал на объединении в новом главке не только чисто «заповедных», но и охотхозяйственных дел. В подчинении союзного ведомства находилось 27 заповедников СССР (преимущественно биосферных).

Один из первых приказов Госкомприроды СССР (еще при Моргуне) предлагал заповедникам создать «резерв специалистов со знанием иностранных языков для поездок за рубеж». В ноябре 1989 г. рассматривался острейший конфликт в Центрально-Черноземном заповеднике, в результате которого ушел с работы прежний директор (А. Гусев), переименовавший без согласования с Госкомитетом лесной отдел в отдел охраны и допустивший другие несанкционированные инициативы, насмерть поссорившие его с коллективом. Комплексная документальная проверка была проведена и в Центральносибирском заповеднике, где также было выявлено немало недостатков, на что строго указывалось директору А.Г. Рассолову. Год спустя (летом 1990 г.) аналогичный документ был издан в отношении Комсомольского заповедника.

Первый циркуляр, подписанный Никольским в начале 1991 г., опять касался Центральносибирского заповедника, где создался «ненормальный морально-психологический климат между администрацией и научным отделом». Затем последовали письма «О планировании мероприятий по сохранению и восстановлению естественного состава экосистем», а также о создании банка данных наличия вакантных должностей в госзаповедниках. В феврале 1991 г. снова было разослано письмо о результатах проверки Кавказского, Хоперского и Центральносибирского заповедников. Тревогу главка вызывали масштабы личного подсобного хозяйства, многочисленные факты нарушения за-

поведного режима самими же работниками системы. Так, в Хоперском заповеднике выпасалось 119 голов скота на 1672 га заповедной территории (более 10% от всей площади). В Новохоперский райисполком было выслано строгое послание, запрещающее требовать от заповедника сенокосы в порядке шефской помощи. Посягательства местного начальства на заповедник и его природные блага прекратились.

Еще одним успехом Н. Воронцова следует считать смену руководства в Институте охраны природы и заповедного дела. Ю.П. Язан наконец-то вполне нашел себя, став деканом того самого факультета охотоведения (теперь, правда, только заочного) в Балашихе, где когда-то сам учился. Директором ВНИИПриродыбыл назначен Валентин Абрамович Красилов, доктор наук, серьезный эколог-теоретик, намечавший интересные программы, включая международное сотрудничество, однако срок деятельности и Воронцову, и Никольскому, и Красилову был отмерян судьбой недолгий... Они не успели даже наладить выпуск экологической литературы на базе нового издательства «Экология» (формально оно было создано в 1990 г., но это решение было блокировано редакцией прежнего Агропромиздата). Правда, работа о теоретических основах охраны природы все же вышла в свет (Красилов, 1992), но конкретные вопросы заповедного дела там почти не затронуты.

Указом Президента СССР от 1 марта 1991 г. Госкомприрода СССР была преобразована в Министерство природопользования и охраны окружающей среды СССР, а Воронцов соответственно стал министром (помнится, многие тогда, в том числе и автор книги, восприняли это преобразование довольно болезненно, а сам Николай Николаевич говорил, что был просто поставлен перед фактом). Между тем деятельность Главного управления по заповедному делу, которое сохранилось в структуре министерства без изменений, казалось бы, шла на подъем. Активно работали, в частности, Наталья Романовна Данилина (зоотехник по специальности, ранее сотрудница ВНИИПриродыи) и вновь поступивший Всеволод Борисович Степаницкий, один из активистов «зеленого движения», выпускник Московского пединститута им. В.И. Ленина, работавший некоторое время в Магаданском заповеднике, а по совместительству — помощник-секретарь депутата ВС СССР А.В. Яблокова (возможно, что именно это обстоятельство способствовало ускоренной организации новых заповедников в тот период). Правда, вскоре и Степаницкий, и Данилина перешли из союзного Комитета в республиканский, структура и состав которого также претерпели изменения (см. ниже). В целом же главк работал активно и начал осуществлять свою «заповедную политику». Удалось добиться от Министерства финансов значительного (почти вдвое) увеличения бюджетных средств на предстоящий 1992 г., получить фонды на транспорт и строительство. Однако подошел памятный москвичам август 1991 года.

Восьмого августа 1991 г. Минприрода СССР (так называлось тогда союзное министерство в отличие от Минэкологии РСФСР) разослала служебное письмо «Об итогах деятельности госзаповедников за 1990 г.». В нем сообщалось, что все заповедники союзной системы получили положительную оценку (кроме Байкальского). Затраты на содержание союзных заповедников в 1990 г. составили 13,2 млн. р. против 11,3 млн. в 1989 г. Было получено 277 тыс. р. собственных средств за счет мер по восстановлению природных комплексов, работ сторонних организаций и т. д. *«Финансирование заповедников улучшается. Расходы на содержание одного заповедника выросли с 1975 г. до 1989 в два раза — соответственно 112,4 тыс. руб. и 214,2 тыс. руб.»* (Никольский, 1991). В отчетном письме отмечались трудности с капитальным строительством, приостановка ряда строящихся объектов, возникновение лесных пожаров, причинивших ущерб в 208 тыс. р., а также нездоровая морально-психологическая обстановка в некоторых заповедниках. Предписывалось сосредоточить научно-исследовательские работы на изучении природных комплексов, выработке рекомендаций по сохранению и ре-

гулированию экосистем, разработке методов и организации контроля за природными комплексами и прежде всего биотой, развивать исследования по комплексным программам фонового мониторинга. Научной работе в заповедниках вновь уделялось первостепенное внимание.

Десять дней спустя грянул путч, и все видели в те дни на экранах телевизоров министра-демократа Н. Воронцова, стоявшего на танке рядом с Ельциным, единственного среди всех других министров, никогда не состоявшего в КПСС и отказавшегося подчиняться распоряжениям союзных органов (президент России прислал потом благодарность Минприроде СССР за поддержку). Но сразу же вслед за этим последовало упразднение всех центральных министерств и союзных ведомств. Все же еще оставался некий шанс сохранить функции уже не всесоюзного, но межгосударственного органа по координации экологических (в частности, и заповедных) проблем всей территории бывшего СССР (такие структуры предусматривались в проекте несостоявшегося союзного договора). Надежды казались реальными; даже прибалтийские республики считали возможным существование каких-то координирующих и научно-методических органов бывшего СССР. Однако и министерство, и его заповедный главк встретили активное сопротивление Минэкологии РСФСР, во главе которого стоял недавний заместитель Воронцова, экономист Виктор Иванович Данилов-Данильян. Недавние подчиненные Воронцова и Никольского, перешедшие из союзного министерства в республиканское, откровенно радовались крушению союзных структур — ведь при таком повороте событий они становились непосредственными преемниками всего заповедного наследства России. Ранее второразрядные («армейские») госструктуры РСФСР внезапно оказались на самых передовых рубежах, а «гвардейские» союзные инстанции остались не у дел.

Автор книги, сам долгое время работавший в республиканском ведомстве, был убежден, что заповедники СССР не приспособлены к управлению из Москвы и не может столица оперативно править чуть ли не двумя сотнями заповедников пятнадцати республик. Текущие вопросы финансирования и даже кадровые дела безусловно ближе республиканским органам, чем союзным. Но принципиальные установки заповедного режима и ведения научной работы в заповедниках должны исходить из общего центра, поэтому стремление Воронцова и Никольского координировать и осуществлять научно-методическое руководство всей системой заповедников СССР представлялось обоснованным, особенно в отношении биосферных заповедников, требующих строго единого подхода. Перечитывая сегодня статью А. Никольского (1991), довольно убедительно разъяснявшую принципиальные подходы союзного ведомства к заповедникам как научно-исследовательским учреждениям, приходится невольно пожалеть о том, что экологи не задержались у руля управления заповедными делами. Справедливости ради добавим, что от ряда работников с мест нам приходилось слышать весьма критические высказывания по адресу союзного управления заповедного дела и его руководства. Вероятнее всего, здесь сказался недостаточный опыт практической деятельности того главка, но ведь это дело сугубо наживное. Однако же колесо истории не повернешь вспять, «поезд ушел»...

А. Никольский и Н. Воронцов вернулись в сферы научной или общественной деятельности. Многие работники союзного главка (Горин, Фельдман, Большова, Пищелев и др.) пересели в кресла республиканского ведомства, где вновь созданное Управление заповедного дела возглавлял тогда уже не Анатолий Михайлович Шалыбков, а Всеволод Борисович Степаницкий, своего рода «герой новейшего времени».

Здесь уместно рассказать историю деятельности Государственного комитета РСФСР по охране природы, созданного, как и союзный, в начале 1988 г. Его председателем был Алексей Максимович Ковальчук (бывший председатель Иркутского облисполкома). За-

местителем стал Михаил Михайлович Швецов, когда-то работавший в одном из отделов ЦК КПСС и курировавший Главохоту РСФСР (помнится, он был приверженцем борьбы с волками вплоть до полного их истребления). В этом Комитете было создано Управление охраны и регулирования использования растительного и животного мира и заповедных территорий в составе трех отделов, включая отдел заповедников. Управление возглавил А. Шалыбков, пригласивший руководить небольшим по составу отделом заповедников охотоведа Юрия Ивановича Смирнякова из управления госохотхозяйств Главохоты РСФСР.

Для данного этапа характерен постепенный отказ от прежней жесткой централизации и переход заповедников к относительной самостоятельности. Еще в конце 1986 г. приказом за подписью А. Нечаева заповедникам Главохоты РСФСР предписывалось планировать лесохозяйственные и заповедно-режимные мероприятия не по жестким указаниям главка, как было прежде, а на основе собственных разработок, опираясь на рекомендации лесоустройства и решения Научных советов. Санрубки и сенокошение следовало вести так, чтобы «не затрагивать природные комплексы заповедника». Такой же тактики придерживалась и Госкомприрода РСФСР, предлагая согласовывать лесохозяйственные мероприятия с отделом заповедников.

В конце 80-х гг. появились первые кооперативы, ассоциации и ТОО («Товарищества с ограниченной ответственностью») экологического направления. Кто сейчас помнит о кооперативе «Ноосфера», объявившем конкурс на «освоение творческого наследия Вернадского» и «разработку защиты озонового слоя Земли»? Забыто, надо полагать, и Ленинградское отделение Ассоциации содействия экологическим инициативам «Этап» фонда социальных изобретений СССР, заключившее в феврале 1990 г. с Управлением охраны заповедных территорий Госкомприроды РСФСР соглашение о взаимном сотрудничестве, согласно которому ассоциация «оказывает заповедникам рекламно-информационную помощь (в том числе безвозмездную), проектирует усадьбы, музеи, кордоны, оказывает содействие в международных контактах, организует безвалютные и валютные обмены и программы в области охраны природы и природопользования, не противоречащем статусу заповедников, осуществляет рекламу деятельности заповедников в стране и за рубежом, содействует приобретению заповедниками научного оборудования... содействует реализации научных программ заповедников, опыта их охраны, экологического просвещения и др. мероприятиям, не противоречащим заповедному режиму». Со стороны же указанного Управления договор предусматривал предоставление права заключения соответствующих договоров непосредственно с российскими заповедниками и содействие организации различных международных программ при проведении их «в Москве или других научных центрах». Нам неизвестно, что конкретно осуществила ассоциация «Этап», но текст и дух документа свидетельствуют, что коммерческие структуры сразу же проявили большой интерес к заповедникам, разглядев широкие перспективы контактов с ними. Более известна была деятельность Ленинградской ассоциации «Экосервис», занимавшейся совместно с Госкомприродой РСФСР проектированием новых заповедников.

Создавались подобные структуры и непосредственно при заповедниках, например, кооператив «Эколог» при Воронежском заповеднике, увлекшийся переработкой древесины и разведением нутрий в бобровом питомнике. Более чем сомнительную репутацию снискали себе кооператив «Крокус» при Кавказском заповеднике, а также предприятие «Согджой» на Камчатке. Довольно широко начал осуществляться иностранный платный туризм в Кроноцком и Астраханском заповедниках. Тогда же обозначилась и острая проблема приватизации жилья в заповедниках (Малешин, 1995).

Существенным событием для заповедников, в частности, научных отделов, было распространение на госзаповедники постановления Совмина РСФСР от 22 мая 1991 г.

№ 271 «О введении новых условий оплаты работников науки Российской Федерации», по которому вводилась новая («контрактная») система работы. Она встретила двоякое отношение — отрицательное со стороны старых кадров и более-менее положительное со стороны молодых и вновь зачисляемых научных работников.

В 1990 г. республиканский Комитет охраны природы стал называться Госкомитетом РСФСР по экологии и природопользованию, а Управление именовалось «охраны и регулирования использования растительного и животного мира и заповедных территорий» (начальник — А. Шалыбков). В конце того же года структура и руководство комитета вновь изменились. Председателем стал доктор геолого-минералогических наук Игорь Трифонович Гаврилов (он же был первым заместителем председателя Совмина РСФСР, поэтому не уделял Комитету особого внимания), а его заместителем вместо М. Швецова была назначена Лия Николаевна Шелест. Прежнее Управление, где были заповедники, вошло в состав отдела регионального природопользования (начальником его значился зам. председателя Комитета В.А. Вашанов, заместителем был инженер лесного хозяйства Ю.В. Ефремов, сменивший ушедшего в марте 1991 г. на пенсию А. Шалыбкова), в составе которого действовал — как во времена Наркомпроса с его частыми сменами структур — подотдел особо охраняемых территорий и заповедного дела. Именно туда (еще при Шалыбкове) перешли из союзного ведомства Н.Р. Данилина и В.Б. Степаницкий, который стал главным специалистом подотдела. В июле 1991 г. он опубликовал во вновь созданной экологической газете «Спасение» программную статью в форме открытого письма на имя И.Т. Гаврилова под заголовком «Семь заповедных шагов» (совместно с А. Волковым, Е. Забродиной и С. Тарховым), привлекшую внимание общественности тем, что в ней предлагалось *«пересмотреть программу создания особо охраняемых природных территорий до 2005 года в сторону приоритетного развития национальных парков. Проработать вопрос о возможности в ближайшие годы придать отдельным заповедникам статус национальных парков в целях развития экологического туризма и более гармоничного включения этих особо охраняемых природных территорий в хозяйственную структуру регионов»* (Степаницкий и др., 1991). По сути, здесь была четко и кратко сформулирована программа «смены приоритетов» в заповедном деле и реорганизации всей системы заповедников. Там же впервые со времен Малиновского ставились под сомнение организация научной работы в заповедниках и сами принципы, на которых она строилась. В целом эта статья произвела на общественность тягостное впечатление. Даже коллеги Степаницкого (А. Вайсман и др.) вступили с ним в газетную полемику. Известный эколог В.Н. Калякин (в то время сотрудник ВНИИПрироды) направил в редакцию отклик под заголовком «Удар в спину заповедникам», который не был опубликован, как и некоторые другие.

Вскоре после августовского путча Комитет был преобразован в республиканское Министерство экологии и природных ресурсов (Минэкология РСФСР) и в его составе было создано Управление особо охраняемых территорий, редких и исчезающих видов растений и животных. Его начальником был назначен В.Б. Степаницкий, заместителем — Н.Р. Данилина. Министром же в ноябре 1991 г. стал Виктор Иванович Даниловданильян.

Характерно для того времени письмо, разосланное из республиканского Министерства экологии по всем заповедникам в конце 1991 г. за подписью зам. министра Н.П. Лукьянченкова (исполнитель — Данилина). *«В связи с формированием в стране рыночных отношений и в условиях острого дефицита государственного бюджета, система заповедников в РСФСР находится в очень тяжелом положении. Для сохранения ценнейших особо охраняемых природных территорий России необходимы значительные бюджетные средства. В настоящее время в правительстве РСФСР решается вопрос об оказании финансовой помощи госзаповедникам...»* Далее в документе шла речь о том,

чтобы местные комитеты по экологии и природопользованию оказали посильную поддержку «своим» заповедникам. Началась продолжающаяся по сей день «полоса» финансовых трудностей и поисков денег. В середине ноября 1991 г. директора ряда заповедников обратились в Министерство труда и занятости РСФСР с письмом, в котором говорилось о том, что бюджет госзаповедников «не просто недостаточен, он нищенский» и даже самым заядлым энтузиастам приходится увольняться. Письмо заканчивалось просьбой «предотвратить развал заповедников». Подобные же мотивы прозвучали в решении новгородского совещания «Заповедники СССР, их настоящее и будущее» и обращении к президенту СССР (Скокова, 1991). Конференция была многолюдной (только приезжих собралось 358 человек), прошла живо и активно, отразив общественные перемены и новации. Но развал прежней системы заповедников СССР уже был неминуем, его обусловил распад Советского Союза. Что же касается России, то во вновь созданном Управлении Минэкологии РСФСР в конце 1991 г. соединились все бывшие союзные и подавляющее большинство республиканских заповедников Российской Федерации (за исключением четырех заповедников Академии наук и двух Министерства высшего и среднего образования, а также «псевдозаповедных» Завидово и Южно-Уральского). Причем количество заповедников за указанный период, начиная с 1986 г., заметно возросло. Организация новых заповедников в те годы приобрела широкий размах, стала своего рода «поточным производством», как выразился один из тогдашних руководителей. Хотя В.Б. Степаницкий в указанной выше статье «Семь заповедных шагов» обоснованно ставил вопрос о «введении временного моратория» на развитие новых заповедников при расширении сети нацпарков, но как начальник управления занял иную позицию. Срочно составленные проекты стали быстро проходить обсуждение на республиканских и союзных инстанциях, после чего появлялись постановления правительства РСФСР об организации очередных заповедников. Трудности начинались позже, когда нужно было «выбивать» под эти объекты средства и штаты, назначать директоров, обеспечивать первоначальное обустройство. «Мы плодим нищих, пора бы и остановиться» — это крылатое выражение начальника Главохоты РСФСР Н. Елисеева, впервые прозвучавшее еще в начале 80-х гг., становилось все более актуальным. Однако же и Министерство, и его проектные подразделения, что называется, «вошли во вкус» и продолжали создавать новые заповедники. Выход отчасти видели в том, чтобы в них не учреждать научные отделы, уделяя главное внимание «нулевому циклу» — строительству усадьбы, организации охраны территории. Многое, разумеется, зависело от реальной обстановки на местах, от личности директора и его оперативности. Именно этим определялся быстрый рост одних объектов или прозябание других.

Так или иначе, в 1986–1991 гг. был достигнут своеобразный рекорд в отношении организации заповедников РСФСР — за эти годы их создано 19 на территории 5,6 млн. га, общее число составило уже 73 (с учетом Южно-Уральского и Завидовского — 75) при суммарной площади в 19,5 млн. га. Последовательность этого процесса была такова:

1986 г. — Байкало-Ленский (Иркутская обл., 660 тыс. га, ЗСПИЭ); Верхне-Тазовский (Тюменская обл., 631 тыс. га, ЦПИЭ);

1987 г. — «Брянский лес» (Брянская обл., 12,2 тыс. га, местн, орган.); Буреинский (Хабаровский край, 358 тыс. га, ЗСПИЭ и ЦНИЛ); Дагестанский (ДагАССР, 18,9 тыс. га, ЦПИЭ и ЦНИЛ); Даурский (Читинская обл., 44,7 тыс. га, ЗСПИЭ и ИЭМЭЖ);

1988 г. — Поронайский (Сахалинская обл., 56,7 тыс. га, ЦПИЭ); Путоранский (Красноярский край, 1887 тыс. га, ЗСПИЭ, ИЭМЭЖ и ВНИИПрирода); «Шульган-Таш» (ранее — часть Башкирского заповедника);

1989 г. — «Кузнецкий Ала-Тау» (Кемеровская обл., 329 тыс. га, места, орг.); Оренбургский (Оренбургская обл., 21,7 тыс. га, мест, орг.); «Приволжская лесостепь» (Пензенская обл., 8 тыс. га, местн. организации);

1990 г. — Джугджурский (Хабаровский край, 860 тыс. га, ЗСПИЭ, ДВНЦ); Ханкайский (Приморский край, 38 тыс. га, ДВНЦ и ЦНИЛ); «Черные земли» (Калмыцкая АССР, 121 тыс. га, ЦПИЭ и ЦНИЛ);

1991 г. — Вишерский (Пермская обл., 241 тыс. га, местн. орган.); Катунский (Алтайский край, 150 тыс. га, ЗСПИЭ и СО АН); «Чазы» (Хакасия, 24,1 тыс. га, местн. орган, и ЦНИЛ).

Разумеется, создание заповедников не всегда проходило легко и просто. За каждым из объектов стояли и большие усилия проектировщиков, и участие научной общественности, и помощь множества людей, порой принимавших близко к сердцу «заповедные дела» и стремившихся к их успешному разрешению. В создании Путоранского и Даурского заповедников велика была роль академика ВАСХНИЛ Е.Е. Сыроечковского (ИЭМЭЖ АН СССР), который организовал (приводим этот факт как один из примеров) письмо президента Академии наук СССР А. Александрова в Читинский обком КПСС, после чего были решены вопросы отвода земельных участков вокруг Торейских озер. При проектировании Байкало-Ленского заповедника впервые удалось добиться официального сокращения поголовья овец для местного колхоза и района в целом на 4 тыс. голов («победа невиданная», как сообщал нам начальник проектной партии ЗСПИЭ А. Александров, хотя это и не спасло уже созданный заповедник от конфликтов в дальнейшем). О необходимости создания заповедника «Брянский лес» в течение нескольких лет подряд писала областная газета «Брянский рабочий», выделившая для этой темы специальную рубрику. Вообще, участие местной печати помогало созданию новых заповедников, равно как и энергия заинтересованных учреждений и лиц. Можно сказать, что у каждого заповедного объекта был свой «персональный толкач», от настойчивости и активности которого зависел конечный результат всего дела (Васильченко, 1986; Гагина, 1995; и др.). Ряд особо ценных с научной и природоохранной точек зрения объектов, несмотря на все усилия, остались неосуществленными (например, «Тульские засеки», Подмосковный, «Варзуга», Барабинский, «Шайтан-Тау», Баджальский и др.). Гораздо медленнее развивалась организация российских национальных природных парков системы Минлесхоза РСФСР, где был организован специальный отдел. Были созданы парки в Марийской, Кабардино-Балкарской, Татарской АССР, «Самарская лука» в Куйбышевской области, «Прибайкальский» в Иркутской, «Забайкальский» в Бурятии, «Таганай» в Челябинской обл. и др. Всего в 1991 г. в РСФСР имелось 17 национальных парков площадью 3,6 млн. га. Однако же подчас создание парков ограничивалось «сменой вывески», режим охраны практически не изменялся, и даже продолжались рубки леса. В Забайкальском нацпарке проектировщики из «Союзгипролесхоза» запланировали устройство нового лесничества в пос. Курбулик на Святом Носу с прокладкой туда автодороги, что всерьез угрожало особо ценным участкам и объектам (Штильмарк, 1988). Таких примеров усиления хозяйственного воздействия на живую природу во вновь созданных ООПТ можно было привести немало.

Бурное развитие процессов демократизации и реальной гласности вызвало в конце 80-х гг. явственный подъем национально-патриотического движения. В районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока усилилось движение за права малочисленных аборигенных народностей, среди которых выдвинулись такие общественно-политические деятели, как писатели В. Санги, Ю. Шесталов, Е. Айпин. Депутат Верховного Совета СССР по Ханты-Мансийскому автономному округу, выходец из семьи аганских рыбаков и охотников, Еремей Данилович Айпин развернул активную борьбу за предоставление коренным северянам прав на самостоятельное пользование территорией своего обитания, той самой территорией, на которую устремились всевозможные ведомства для безудержной эксплуатации ее природных ресурсов — нефти, газа, леса и т. д. Заголовки публицистических выступлений Айпина («Быть ли моему народу», 1988; «Отдайте мне мою

землю», 1990; «Обреченные на гибель», 1994; и др.) говорили сами за себя. В Ханты-Мансийском округе стали отводить охотникам участки так называемых «родовых угодий», все острее вставал вопрос о создании особой категории природоохранных территорий в интересах коренных народностей Севера (этой темы в 20-х гг. касались некоторые охотоведы и этнографы, в частности Д.К. Соловьев, но затем она была снята ленинско-сталинской национальной политикой, направленной на создание единого «советского народа»). Самой жизнью ставилась задача либо организации неких особо охраняемых (но не заповедных!) территорий традиционного природопользования, либо изменения режима в государственных заповедниках и заказниках, расположенных в районах проживания малых народностей (Таксами, Косарев, 1986; Киселев, 1988). Да и при проектировании новых заповедников (Юганский, Усть-Ленский, Удыльский, Ненецкий и др.) задачи охраны природы все чаще пересекались или даже входили в противоречия с интересами аборигенного населения. Острый конфликт возник вокруг недавно созданного заповедника «Азас», территория которого была сокращена в интересах местного национального колхоза (Васильченко, 1990). Такие же доводы выдвигали хозяйственники в отношении сенокосов и пастбищ западного побережья Байкала.

25.04.1991 г. за подписью Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина был введен в действие новый Земельный кодекс РСФСР, имевший теперь (в отличие от предыдущего) специальную статью 90 «Земли природно-заповедного назначения», согласно которой к данной категории земель относились «земли заповедников, природных (национальных) парков и дендрологических парков, ботанических садов». Здесь смешивались подлинно заповедные территории с такими явно практически используемыми участками как дендропарки и ботсады, не говоря уже о хозяйственных и рекреационных зонах нацпарков, но сейчас нам важнее другое. Статья впервые содержала юридически значимую формулировку следующего содержания: *«В местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов и этнических групп может в случаях, предусмотренных законодательством РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР, допускаться на землях природно-заповедного фонда традиционное экстенсивное природопользование, не вызывающее антропогенной трансформации охраняемых природных комплексов»* («Правительство...», 1991, с. 172). Это вносило принципиально новый смысл в законодательство о заповедниках.

Вообще процессы изменения и перекройки действующего законодательства (не только природоохранного) шли буквально «на ходу», принималось множество новых законодательных актов, юристы не успевали их готовить. «Декларация о государственном суверенитете РСФСР»; «Закон о земельной реформе»; «Закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве»; «Закон о собственности в РСФСР»; «Закон о плате за землю» — лишь примеры бурного законотворчества 1990–1991 гг.

В такие периоды исторических переломов очень многое зависит от личной деловой активности. Быстро «перестроившийся» профессор В.В. Петров из МГУ, долгие годы многословно воспевавший достижения социализма, устремился со своим прежним проектом «О заповедной охране природы» в новые государственные структуры. В союзном Комитете по охране природы они не прошли, зато пришлись ко двору в республиканском, где материалы Петрова включили как особый раздел в проект Закона РСФСР «Об охране окружающей среды», который почти без обсуждения специалистами (лишь бы скорей!) был в пожарном порядке принят 19.12.1991 г., в разгар неразберихи. Одновременно Правительство РСФСР приняло и новое Положение о государственных природных заповедниках РСФСР (СП РСФСР, 1992, № 4, ст. 25), подготовленное Управлением заповедного дела Минэкологии РСФСР под руководством В.Б. Степаницкого и утвержденное даже на день ранее указанного Закона (18.12.1991 г.).

Раздел 9 нового Закона открывала статья 60 «Природно-заповедный фонд РФ» (ПЗФ), согласно которой в это понятие включались заповедники, заказники, национальные природные парки, памятники природы и даже *«редкие или находящиеся под угрозой исчезновения растения и животные, отнесенные к видам, занесенным в Красную книгу РФ, красные книги республик в составе РФ»* («Охрана...», 1993, с. 132). В комментарии к Закону В.В. Петров поясняет, что идея ПЗФ берет начало от ленинского декрета 1921 г., и далее пишет: *«Заповедование — русское слово, имеющее три взаимосвязанных значения: неприкосновенны, запретны, завещаемы... Для режима ПЗФ характерно подразделение заповедного режима на три вида: абсолютного, относительного, смешанного»* (Там же, с. 133). Последняя фраза вызывает недоумение не только по форме (для режима характерно разделение режима...), но и по существу, поскольку охрана каких-либо природных объектов вне конкретных территорий абстрактна и нереальна. *«Представление о внетерриториальных охраняемых природных объектах — ярчайший пример «неэкологического» мышления»* (Реймерс, 1993, с. 212). Приведенное в комментарии Петрова «дробление» понятия о заповедности уже не просто антиэкологично, но прямо противостоит охране природы, это даже хуже советской демагогии 30–50-х годов, ибо там была открытая война с природой, а здесь происходит ее фактическое разрушение исподволь, исподтишка, под видом государственной заботы. Кроме того, данная статья Закона (как и некоторые другие) прямо противоречила недавно принятому Земельному кодексу. Под заповедным фондом резонно понимать сумму площадей реально заповеданных территорий, т. е. изъятых из хозяйственного пользования. Никакого «относительного» или «смешанного» заповедования нет и быть не может, поэтому определения ПЗФ «по Петрову» неправомерны в принципе (Штильмарк, 1992).

Определение заповедников в Законе об охране окружающей среды дано так, что возможны всяческие разнотолкования. Запрещается хозяйственная деятельность, но не любая, а лишь «противоречащая целям заповедования» или «причиняющая вред окружающей среде». Но кто может провести грань между «противоречащей» и «содействующей» деятельностью? Разработчики документов попросту манипулируют словами, подчас скрывая за своими формулировками ведомственные и даже потребительские мотивы.

Это касается и нового положения о заповедниках 1991 г. Оно также представляет собой измененный вариант предыдущего (т. е. «типового»), отличаясь лаконичностью вводных определений и уточнением отдельных моментов, в частности, порядка организации («образования») заповедников. В разделе о задачах заповедников добавлено «проведение экологического мониторинга» и «участие в гос. экологической экспертизе». Упомянуты «бессрочность» и «бесплатность» пользования заповедными землями, запрет их передачи в аренду. Сохранены имевшиеся в «типовых положениях» перечни запретов, зато существенно расширены «разрешительные» статьи 13 и 14. Помимо различных «ветеринарных» и «поддерживающих» мероприятий в заповедниках разрешены: *«организация подсобных сельских хозяйств, выпас скота, предоставление пахотной земли и сенокосов, заготовка дров и деловой древесины, сбор грибов, орехов, ягод, любительский лов рыбы* (причем не только работникам заповедника, но и пенсионерам, а также всем лицам, постоянно проживающим на его территории. — *Ф.Ш.*), *организация и устройство экологических маршрутов, размещение музеев природы (в том числе под открытым небом)* («Сборник...», 1994, с. 13). Отстрел и отлов животных допускается с разрешения соответствующих гос. органов (т. е. самой же Минприроды РФ, по существу получившей теперь права, принадлежавшие ранее только госохотинспекции).

Обращает на себя внимание очень детальное описание организации охраны заповедников и лаконичность раздела о научно-исследовательской деятельности, из которого изъяты прежние принципиальные пункты о методическом руководстве заповедника-

ми со стороны Академии наук. Это важное новшество, открывающее новый этап в заповедном деле и отражающее подлинное отношение Минприроды РФ к «большой» науке. Ведомствам, конечно же, всегда предпочтительнее иметь дело не с ней, а с научными работниками своей системы, которым легко давать необходимые установки.

Итак, новые законоположения юридически превратили прежние заповедники в своеобразные научно-производственные предприятия, изъятые из хозяйственного использования других ведомств. Новое положение о заповедниках 1991 г. во многом восстанавливало параграфы документов времен А. Малиновского. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что основополагающие научные принципы отечественного заповедного дела подверглись ревизии, а отчасти были отменены законоположениями 1991 г. Это подчеркивалось также и фактическим «отлучением» заповедников от научного руководства со стороны Академии наук, что предусматривалось ранее «Типовыми положениями», которые теперь полностью утратили силу. Таким образом, декабрь 1991 г. оказался весьма важной вехой в эволюции заповедного дела России. Это не означает, что в заповедниках сразу же произошли какие-то серьезные перемены. Надо учитывать, что и прежде, и в новейшее время реальная жизнь, как правило, не вписывается в параграфы установленных правил и законоположений. Они нарушались и в прошлом, и в период перестройки, вероятно, то же самое будет происходить и дальше. Но в разумном обществе законы должны опережать жизнь, ориентировать ее на нечто более высокое, чем текущая повседневность. Однако же при разработке новых законодательных актов о заповедниках в 1991 г. и в последующие годы исполнители поставили своей целью привести законы в соответствие с реалиями жизни и тем самым понизили необходимый уровень требований, сместили ориентиры, не считаясь с традициями и морально-нравственными принципами подлинной заповедности.

3.1.14. Заповедники на новых рубежах (1992–1995)

Новая страна — новые ведомства — новое законодательство. Министерские злоключения. Всеволод Борисович Степаницкий как лидер нового типа. «Курс на выживание». Коммерциализация и благотворительность. Обоснована ли «смена приоритетов»? Всероссийский съезд по охране природы и битва за Департамент заповедного дела. Непредсказуемое грядущее.

Этот самый короткий в нашей хронике период весьма сложен и требует особого внимания. Нелегко оценивать текущие события, пока они «не отлежались» в пластах времени. Пусть нас поправят позже, но необходимо продолжить исторический обзор, чтобы вписаться в столетний срок и отразить новейший этап заповедного дела. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что смотрим на него глазами предыдущего, а не нынешнего поколения, но в этом есть своя логика и свое преимущество. Главное — не исказить фактологию, а трактовки и оценки авторские ни для кого не обязательны, только время их рассудит.

...Продолжая тему предыдущей главы о новейшем законотворчестве, мы вынуждены забежать в март 1995 г., когда был утвержден Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» (принят Госдумой 15.02.1995 г., подписан Президентом РФ 14.03.1995 г., опубликован в «Российской газете» 22.03.1995 г., а также в бюллетене «Охрана живой природы», вып. 3, май 1995 г. с комментариями В. Степаницкого). Этот закон готовился еще в конце 80-х гг., но проект его сгорел в Белом доме во время октябрьских событий 1993 г. Вскоре документ был восстановлен и представлен в Госдуму. Автор этой книги имел возможность ознакомиться с ходом его обсуждения в «парламенте» перед самым началом второго чтения и вынес довольно тягостное впечатле-

ние. Полный список поправок и дополнений к проекту закона свидетельствовал, что научные учреждения (помимо ВНИИПриродыы) практически не принимали участия в разработках, осуществлявшихся ведомством и узким кругом депутатов. Рабочую группу Госдумы для обсуждения закона возглавлял бывший директор заповедника «Ханкайский» Валерий Иванович Нестеренко, ранее работавший зам. управляющего местным кирпичным заводом[8].

Тем не менее нельзя отрицать определенных положительных сторон самого факта утверждения Закона об ООПТ. В нем имеются удачные формулировки, в частности, в разделе «Общие положения» довольно тщательно (хотя и не без изъянов) составлен раздел о национальных парках, введено заново понятие «природные парки». Вместе с тем, из проекта изъят важный раздел об охраняемых территориях традиционного природопользования (лишь отголосок прозвучал в разделе о заказниках), что же касается природных заповедников, то здесь использован преимущественно текст «положения» 1991 г., о котором шла речь в предыдущей главе. Однако основная его статья с детальным перечнем запретов и ограничений, установленных для заповедников, была исключена из текста Закона, ее заменила расплывчатая формулировка о запрете *«любой деятельности, противоречащей задачам гос. природного заповедника и режиму особой охраны его территории»* (ст. 9). Как подметил один из депутатов, при желании можно убедить руководство в том, что не только охота и рубка леса, но даже закладка буровой скважины может быть совмещена с задачами заповедника, особенно в «рыночных» условиях. Но если тут еще можно спорить, то как возразить хозяйственникам, опирающимся на пункт статьи 6-й:

«На территориях гос. природных заповедников допускаются мероприятия и деятельность, направленные на:

а) сохранение в естественном состоянии природных комплексов, восстановление и предотвращение изменений природных комплексов и их компонентов в результате антропогенного воздействия; б) поддержание условий, обеспечивающих санитарную и противопожарную безопасность; в) предотвращение условий, способных вызвать стихийные бедствия, угрожающие жизни людей и населенным пунктам; г) осуществление экологического мониторинга; д) выполнение научно-исследовательских задач; е) ведение эколого-просветительской работы; ж) осуществление контрольно-надзорных функций» (цит. по: Российская газета. 1995 г. 22 марта).

Такие широкие и неопределенные «допуски» практически позволяют заниматься в заповедниках едва ли не всем, что только душе и начальству угодно, они полностью развязывают руки администрации — хочешь охраняй, хочешь пользуйся, только с оговорками и обоснованиями, за которыми «деловому» директору далеко ходить не приходится... А вот природу сберечь нетронутой с таким законом сложнее. К пунктам «б» и «в» вполне можно «пристегнуть» необходимость защиты людей от нападения хищников, например медведей, которых частенько стреляют и на Байкале, и на Алтае. Если же развить эту мысль, то почти все животные представляют потенциальную угрозу для *«людей и населенных пунктов»* (переносят опасные заболевания, способны причинить вред хозяйству и здоровью человека), так что при небольшой юридической натяжке по букве закона следует истребить в заповедниках все животное население. А как понимать *«осуществление контрольно-надзорных функций»*? До таких формулировок, в которые можно при желании вложить самый разный смысл, не додумались ни Криницкий, ни даже Малиновский. Таким образом, природные заповедники теперь оконча-

[8] Газета «Известия» посвятила ему статью «Вооружен и к новым выборам готов», в которой, помимо всего прочего, сообщается, что в Ханкайском заповеднике при Нестеренко «не только изрядно браконьерили, но и вели промысловый (!) лов рыбы и добычу ондатры» (Островская, 1995).

тельно изъяты из хозяйственного пользования ДРУГИХ ВЕДОМСТВ ради использования теми, которым подчиняются. Можно возразить, что так было всегда. Но если раньше происходили нарушения законодательства, то теперь сам Закон пошел навстречу «пользователям».

В такой ситуации перед вторым чтением проекта в Госдуме (когда уже поздно было менять готовый текст) оставалась еще возможность внести предложение о выделении в заповедниках участков, где не допускается вмешательство человека в природные процессы (не делая оговорок об ограничении площади таких выделов). Ведь, по сути, все заповедники в реальности так или иначе ранее зонировались. Два депутата внесли такую поправку, и она была принята Думой. Но «на выходе» документа формулировка «*должны выделяться*» была заменена выражением «*могут выделяться*», что в принципе исказило первоначальный смысл поправки (п. 3, ст. 6).

Разнотолкования вызывает и п. 4 ст. 6, согласно которому в заповедниках допускается (с оговорками) деятельность *«которая направлена на обеспечение функционирования гос. заповедника и жизнедеятельности граждан, проживающих на его территории»*. Если умело прочитать эту запись, то перед «*гражданами*» открываются весьма широкие перспективы активной «*жизнедеятельности*»... Так оно зачастую и происходит, но теперь это уже не будет признаваться нарушением заповедного режима.

Самым же примечательным в разделе о заповедниках является тот факт, что здесь впервые для такого документа отсутствуют статьи, посвященные научно-исследовательской работе. Зато не забыты детальные условия пользования различными видами собственных средств, включая штрафы и даже использование символики (этому моменту уделено особое внимание). Закон прямо ориентирует заповедники не столько на госбюджет (как научно-исследовательские учреждения), сколько на получение различного рода средств *«от научной, природоохранной, рекламно-издательской и иной деятельности...»*. Бросается в глаза явное противоречие между п. 1 ст. 11, декларирующим отказ заповедников от коммерции, с последующими пунктами, прямо таковую допускающими. Впрочем, юристы считают, что некоммерческая организация может заниматься предпринимательством (принцип двоемыслия и расхождения слов с делами исконно присущ нашему обществу: «Если нельзя, но хочется, значит, можно...»). Поэтому новый закон трактует заповедники как сложные полифункциональные предприятия, изъятые из прямого использования хозяйственников, в которых допускается разнообразная деятельность. Заповедники в статьях нового закона фактически предоставлены сами себе, а координации научных исследований вообще не предусмотрено.

Все это представляется закономерным, если объективно и критически оценить современный этап постсоциалистического развития государства, определенной структурой которого остаются заповедники. При сохранившемся чисто «советском» мировоззрении общество окунулось в первично-рыночную стихию с криминальным уклоном. Отсюда и «смена приоритетов», обозначенная стремлением перевести заповедники из бюджетно-нищенской научной сферы в доходно-просветительскую, чтобы *«купаться в рублях и валюте»* (Борейко, 1995д, с. 3). Реализацию этой стратегии нетрудно проследить на конкретных фактах во многих заповедниках.

Конечно, на это можно резонно возразить, отметив, что и в прошлом в заповедниках допускалась разнообразная хоздеятельность, оправдываемая соответствующими законоположениями (Степаницкий, 1995а). Размывание классических принципов заповедности происходило в течение продолжительного времени. Если в 30-х г. им противостояла грубая сила тоталитарного сталинского режима, то позднее на смену пришла псевдонаучная и официозно-юридическая демагогия с трактовками типа «природно-заповедный фонд», «различные категории заповедности» и т. п., кончилось же все это стремлением превратить научные заповедники в своеобразные «спецпредприятия», за-

нимающие в своей совокупности огромные территории. Нет сомнений, их можно рассматривать как относительно слабо эксплуатируемые по сравнению с нашим традиционным «хозяйствованием», но говорить об исключении из него не приходится. Тем не менее не следует принимать все это чересчур драматически. Уже говорилось о том, что наши законы расходятся с реалиями жизни. Даже сталинские установки удавалось обходить, а уж нынешние — тем более. Поэтому вполне возможно существование и деятельность подлинных заповедников вопреки новым законам, тем более что они, слава Богу, не обязывают проводить все предусмотренные в них «мероприятия» и милостиво — в порядке исключения! — позволяют оставить хотя бы какие-то участки в покое. Все теперь будет зависеть от людей и обстоятельств, хотя время сейчас, прямо скажем, мало благоприятствует охране природы и заповедному делу.

Закончив с темой законодательства, возвращаемся в переломный и всем памятный 1992 г., когда мы стали жить в другой стране, расставшись с СССР и с РСФСР. Это было и началом «освобождения» цен, принесшее не только благо прощания с очередями, но и немало трудностей. Для таких типично бюджетных учреждений, как заповедники, пришло время тяжелых испытаний, когда сотрудникам по несколько месяцев не выплачивали зарплату, не переводили денег на топливо и транспорт, когда понятие кризиса приобрело совершенно отчетливые очертания. Чтобы ощутить дух этого момента, достаточно обратиться к статье В. Дежкина «Время не ждет», опубликованной в охотжурнале № 1–2 за 1992 г. Статью предварял Указ Президента СССР о награждении орденами прежней державы М.А. Заблоцкого, Г.А. Кривоносова, С.Г. Приклонского и Г.А. Янкуса (это было результатом недавних усилий Н.Н. Воронцова, стремившегося поднять авторитет ветеранов заповедного дела).

В.В. Дежкин размышлял о судьбе заповедников с большой тревогой, отмечая реальные признаки эрозии всей заповедной системы и принципов ее существования. *«Скрытые язвы заповедного дела обнажились и углубились. На горизонте — его новый крах, более опасный, чем предыдущие, ибо он будет вызван не произволом властей, а сложнейшей совокупностью экономических, правовых, этнических и других факторов»* (Дежкин, 1992, с. 5). Главной угрозой нашим заповедникам автору статьи представлялась недооценка их государством, проникновение в заповедную сферу рыночных и коммерческих отношений (приводились конкретные тому примеры, в частности по Кроноцкому заповеднику), отставание соответствующего законодательства. Говорилось в статье и о наличии двух параллельных управленческих структур — союзной и республиканской, но в момент выхода журнала эта проблема отпала сама собой. Все прежние «союзные» биосферные заповедники РСФСР были переданы Министерству экологии и природных ресурсов РФ, в составе которого с февраля 1992 г. действовало Управление заповедного дела во главе с В.Б. Степаницким.

Новый начальник нового управления был человек молодой (он родился в Москве в 1959 г. и окончил Московский государственный педагогический институт в 1982 г.), подвижный, энергичный; его, казалось бы, легче себе представить за рулем патрульной автомашины, чем в кабинете управления целой отраслью, в которую выросла заповедная система. Один из организаторов Социально-экологического союза, Всеволод Борисович представлял собой лидера нового типа: демократичный (вышел из рядов КПСС в марте 1990 г.), общительный, он явно контрастировал со своими вальяжными чиновными предшественниками на посту руководителя заповедниками Российской Федерации. Изменился сам стиль работы ведомства, оно стало более открытым и доступным, среди его новых работников преобладали недавние активисты «зеленого движения».

Пользуясь поддержкой молодежи, хорошо ориентируясь в текущей обстановке, Степаницкий взялся за дело очень активно, о чем свидетельствуют документы того сложного в социально-политическом смысле периода. Сложность эта заключалась и в эко-

номической ситуации, и в явном подъеме национализма, и в неопределенности земельно-правовых отношений (несмотря на весь размах законотворчества). Поэтому главными задачами представлялось тогда оформление заповедников как объектов федеральной собственности, входящих в основу национального богатства страны, а также закрепление за ними права пользования землей. Показательно, что заповедники Якутии вскоре вышли из прямого подчинения Минэкологии РФ на основе официального соглашения, подписанного президентами России и Республики Саха. Аналогичные тенденции проявлялись в Башкирии, Татарии, Туве и в некоторых других регионах, не говоря уже о Чечено-Ингушетии, где создание заповедника намечалось еще в 1940 г. (этот вариант не раз фигурировал в перспективных планах и схемах). Резкое обострение военно-политической ситуации на Кавказе (сначала в Грузии и Абхазии, затем в Северной Осетии, Ингушетии и Чечне) не могло не сказаться на обстановке во всех заповедниках этого региона, в частности, Кабардино-Балкарском, Северо-Осетинском и др.

Первостепенное внимание Управление уделяло инспекторской и охранной работе. Одной из его первых серьезных разработок было «Положение об оперативных группах в гос. природных заповедниках Минэкологии РФ» («Сборник...», 1994); одновременно были утверждены должностные инструкции работников охраны и научных сотрудников госзаповедников. Позже к этому добавились «Табель вооружения ведомственным оружием» и «Методические рекомендации о порядке оформления протоколов и иной документации о нарушении заповедного режима» (Там же). 19.02.1992 г. заповедникам было направлено уже упоминавшееся инструктивное письмо «О порядке ведения ограниченной хозяйственной деятельности на территории государственных заповедников» (Там же. С. 108–109); одновременно были утверждены «Положение о планировании и отчетности по научно-исследовательской работе» и «Положение об Ученом совете госзаповедников Минэкологии РФ» (Там же. С. 202–210). Тогда же был разослан циркуляр «О порядке добычи диких животных на территории госзаповедников» (исполнитель Фельдман). Согласно этому документу, количество «запрашиваемых к добыче животных» должно было включаться в план мероприятий «по сохранению и восстановлению природных комплексов», который после утверждения Управлением должен служить основанием для отстрела и отлова. Таким образом, отстрел зверья в заповедниках превратился в плановое «природоохранное» мероприятие, причем без какого-либо контроля со стороны госохотинспекции. «Порядок и сроки добычи диких животных на территории госзаповедников определяются ежегодно приказом администрации этого заповедника. Полученное при добыче животных мясо сдается торгово-заготовительным организациям, в сеть общественного питания, а также реализуется сотрудникам заповедника...» (циркуляр от 23.02.92. № 14–14/46). В конце 1992 г. было утверждено более официальное «Положение о порядке добывания диких животных в регуляционных и научно-исследовательских целях на территории государственных природных заповедников Российской Федерации», разработанное на основе прежних рекомендаций ЦНИЛ Главохоты РСФСР (это охотведомство преобразовалось в Департамент по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ).

В марте 1992 г. лесные отделы заповедников были заменены службой специальной инспекции; вместо прежних лесничих, мастеров леса и лесников введены должности старших, участковых и просто госинспекторов по охране природы. Главные лесничие стали начальниками охраны, являясь (наряду с директорами и их заместителями) главными госинспекторами. Одновременно осуществлялась контрактная система оплаты труда.

В письме директорам госзаповедников от 5.03.1992 г. № 14–10/55 им предлагалось представить сведения о возможных направлениях коммерческой деятельности («не про-

тиворечащей заповедному режиму»): оказание информационных услуг, в том числе предоставление данных мониторинга природной среды; сотрудничество в создании станций природного мониторинга; туризм в обычном понимании (в охранной зоне); экологические экскурсии с ограниченным числом участников с кратким пребыванием на заповедной территории по специальным маршрутам; допущение гостей по их желанию к участию в НИР по программам заповедника; проведение гостями исследований по собственным программам, согласованным с заповедником; участие гостей в регуляционных мероприятиях в пределах охранных зон; другие возможные формы взаимовыгодного взаимодействия с заинтересованными организациями и частными лицами. Запрашивались также сведения об имеющейся в заповеднике инфраструктуре, пригодной для использования в коммерческих целях (гостиницы, кордоны, средства связи, транспорта, дороги и т. д.); что возможно реально улучшить за счет фирм и организаций, заинтересованных в развитии коммерческой деятельности в заповедниках; возможности заповедника в организации питания гостей, предоставления научно-исследовательской аппаратуры, оружия, снаряжения; наличие в заповедниках сотрудников, способных и желающих выступить в качестве гидов-переводчиков или научных консультантов, руководителей исследовательских работ с участием гостей, в том числе иностранных. Запрашивалась также «информация обзорного характера, которая могла бы использоваться в рекламных целях... При наличии буклетов надо их представить или направить предложения для издания» (подпись В. Степаницкого, исполнитель В. Пищелев). В этом документе уже просматривались зримые черты бюрократического капитализма. Конечно, такие бумаги появлялись «не от хорошей жизни», когда до предела обострилась ситуация с бюджетным финансированием. Однако нельзя не видеть, что Управление заповедного дела Минэкологии РФ решительно взяло курс на принципиальное изменение самой сущности заповедников, на их конвергенцию с национальными парками, о чем Степаницкий с коллегами писали еще в 1991 г.

Уже при А.М. Шалыбкове делались попытки создания независимой специализированной Ассоциации, призванной оказывать содействие заповедникам за счет коммерческой деятельности. Более устойчивой проявило себя ТОО «Природа России», организация которого была согласована с Управлением заповедного дела Минэкологии РФ и Социально-экологическим союзом. Программа деятельности этого ТОО примерно соответствовала тому, что было изложено в указанных выше документах Минприроды. «Природа России» заключала с заповедниками договоры для доставки иностранных туристов, открыто рекламировала некоторые наши заповедники в этих целях (издан буклет «Ecotourism in Russia», М., 1993, с красочными схемами и эффектными фотографиями ряда заповедников). К сожалению, мы не располагаем фактическими материалами о деятельности этого ТОО, естественно, что она не афишируется. Впрочем, и секрета из нее не делают — даже автору книги предлагали сочинить что-нибудь для привлечения гостей в заповедники, используя сибирский фольклор. С рядом заповедников (Кроноцким, Большехехцирским и др.) заключены договоры на прием иностранных туристов. А в Якутии госзаповедник «Олекминский» даже афиширует «10-дневный тур для рыболовов-спортсменов» на реку Нелюки, обещая ночную охоту на тайменя с «мышью», когда возможна добыча особо крупных экземпляров («20 кг и более»). Маршрут — вертолетом из Олекминска в верховья р. Нелюки на кордон «заповедника», далее — сплав по реке с ночевкой в палатках. А ведь таймень стал одним из кандидатов в Красную книгу, он очень редок во многих реках Сибири. И уж, во всяком случае, при проектировании Олекминского заповедника в 1981 г. таких программ не закладывалось. Тогда нам не могло и в голову прийти, что в столь дальних местах создается «резерват» для ловли тайменей! Недаром власти Якутии фактически отказались от организации в Республике Саха новых заповедников (сообщ. В.Б. Степаницкого, см. приложение 3).

Было бы несправедливо считать, что Управление заповедного дела занималось только циркулярами о предпринимательстве или о порядке добычи в заповедниках копытных зверей. Сеть заповедников продолжала активно развиваться, причем к этому делу подключились негосударственные структуры, например, уже упомянутое санкт-петербургское предприятие «Экосервис», благодаря которому был учрежден, например, в 1992 г. Джергинский заповедник в истоках р. Баргузин. В научных планах он никогда не значился, очевидно, инициативу проявило правительство Бурятии.

2.10.1992 г. был издан Указ Президента РФ «Об особо охраняемых природных территориях», согласно которому развитие ОПТ рассматривалось «как одно из приоритетных направлений государственной экологической политики». Предписывалось расширить проектирование заповедников и национальных парков, привлекать для финансирования средства внебюджетных экологических фондов, которые стали играть заметную роль в дополнительном финансировании заповедников. В 1993 г. из средств Федерального экофонда, региональных фондов и других местных источников заповедникам было выделено 291,4 млн. р. Даже ТОО «Природа России» получило от Минэкологии РФ некоторые средства для проектирования, после чего призвало на помощь ветеранов этого дела (Б. Иващенко, Б. Лопырева и др.). Но их усилия по созданию новых заповедников в Амурской, Саратовской, Нижегородской областях и Ставропольском крае оказались безрезультатными. Сроки для составления проектов были весьма сжатыми, а условия подготовки и сдачи заметно усложнились, поскольку в обстановке гласности местное население уже не скрывало своих подлинных чувств к созданию заповедников. Если даже в Сибири и на Крайнем Севере часто возникали осложнения, то в густонаселенных районах европейской части страны они приобретали остро-конфликтный характер, что испытали на себе такие объекты, как «Брянский лес» и создаваемые заповедники Керженский, «Калужские засеки» и др. В создании крупных заповедников Севера — Большого Арктического и Командорского — приняли участие не только ведомства и научные учреждения, но и международные организации, в частности, Всемирный фонд охраны дикой природы (WWF — World Wide Fund for Nature)[9]. *«Институт эволюционной морфологии и экологии животных, Государственный Комитет Севера РФ и российская природоохранная организация «Социально-экологический союз» организовали при финансовой поддержке ВВФ Германии и Международной организации ВВФ изыскательскую экспедицию... которая провела планирование Большого Арктического заповедника»* («Заповедники Таймыра», 1993, глава «Много коммерческих интересов», с. 29–30). Научным руководителем при создании Большого Арктического заповедника был уже не раз упомянутый академик РАСХН Е.Е. Сыроечковский, его же усилиями в 1994 г. была значительно расширена территория Таймырского заповедника, вскоре получившего официальный статус биосферного.

Перечень заповедников, созданных в 1992–1995 гг.:

1992 г.

– Джергинский (Бурятия) — 238 тыс. га;
– «Калужские засеки» (Калужская обл.) — 18,5 тыс. га;
– «Пасвик» (Мурманская обл.) — 14,6 тыс. га;

1993 г.

– Большой Арктический (Красноярский край) — 4169 тыс. га;
– «Большая Кокшага» (Марий Эл) — 21,4 тыс. га;
– Керженский (Нижегородская обл.) — 47 тыс. га;
– Командорский (Камчатская обл.) — 3649 тыс. га;

[9] *Прим. составителя.* Спроектирован Командорский заповедник.

– «Малый Абакан» (Хакасия) — 98 тыс. га;
– «Убсунурская котловина» (Тыва) — 39,6 тыс. га;

1994 г.

– Воронинский (Тамбовская обл.) — 10,8 тыс. га;
– «Нургуш» (Кировская обл.) — 5,9 тыс. га;
– Ботчинский (Хабаровский край) — 267 тыс. га;
– Полистовский (Псковская обл.) — 36 тыс. га;
– Рдейский (Новгородская обл.) — 37 тыс. га;

1995 г.

– Тунгусский (Красноярский край) — 296,5 тыс. га;
– Корякский (Камчатская обл.) — 327,2 тыс. га;
– Ростовский (Ростовская обл.) — 9,5 тыс. га;
– Присурский (Чувашия) — 9,0 тыс. га.

В этот же период удалось расширить территории заповедников «Малая Сосьва», Кавказского, «Басеги», даже Центрально-Черноземного (на 170 га, см.: Золотухин и др., 1995) и «Лес на Ворскле» (на 90 га). Перестало значиться «заповедником» Завидово, место вельможных охотничьих утех. При Горбачеве, который не был охотником, здесь планировался национальный парк, однако теперь этой территории более соответствует нынешнее название «Государственный комплекс» (находится в подчинении Главного управления охраны Президента РФ). В апреле 1994 г. объявлена Федеральным заказником Земля Франца-Иосифа, внесены предложения о создании гос. заказников с закреплением (изъятием) земельных участков, что ранее допускалось только для заповедников и нацпарков, но эта новация не встречает поддержки на местах.

Из вновь созданных 18 заповедников шесть (Керженский, Командорский, Ботчинский, Тунгусский, Корякский и Ростовский) предусматривались предыдущими планами, остальные представляют собой результат чьей-либо инициативы, чаще всего местной. Не станем оспаривать целесообразность их создания, но надо подчеркнуть, что многие давно уже планируемые объекты (Барабинский, Ямальский, «Тульские засеки», заповедники Подмосковья и другие) так и остались невоплощенными. Проектирование большинства заповедников, организованных в 1994–1995 гг. осуществлялось заново созданной группой ЦПИЭ и ЦНИЛ Минсельхозпрода РФ под руководством А.В. Максимука по пересмотренному в сторону упрощения методическому руководству («Сборник...», 1994а).

Следует отметить, что еще при Н. Воронцове намечалось несколько вариантов организации заповедников и нацпарков международного плана в приграничных районах с Финляндией («Дружба-1» и «Дружба-2»), Польшей («Беловежская пуща»), с США (парк «Берингия») и даже с Японией (на Курилах и Хоккайдо), но все это (кроме «Дружбы-1») осталось в проектах. Реальностью стали биосферный заповедник «Убсунурская котловина» на юге Тувы и «Пасвик» в Мурманской области на границе с Финляндией и Норвегией, а также российско-монгольский (с нашей стороны на базе Даурского заповедника) и российско-китайский (на базе Ханкайского).

Постановления Правительства РФ о трех последних в приведенном списке заповедниках приняты в конце декабря 1995 г., после чего оказался перекрыт показатель прироста предыдущего периода (18 заповедников площадью 9,3 млн. га). Общее число заповедников Российской Федерации на 1.01.1996 г. составляет 93 (почти 30 млн. га или около 1,5% от всей площади страны, что превосходит территорию Белоруссии, Латвии и Эстонии, вместе взятых). Показатели таких достижений вызывают двойственные чувства: с одной стороны, рост заповедной сети радует (особенно при создании резерватов в европейской части страны), с другой — настораживает и тревожит, ибо

Таблица 4. Организация заповедников в 1916–1995 гг. (включая ликвидированные объекты)

Периоды (годы)	Создано заповедников	Общая их пл. в млн. га	Средняя пл. одного зап-ка в тыс. га
1916—1925	9	0,7	78
1926—1935	19	6,1	32
1936—1945	13	1,4	11
1946—1955	9	0,5	56
1956—1965	5	0,3	60
1966—1975	6	0,6	100
1976—1985	19	8,7	458
1986—1995	35	17,7	506
ВСЕГО	115	36,0	315

количество объектов, как уже говорилось, все более и более не соответствует их качеству, гигантомания никогда не приводила к добру. Уместно вспомнить, что в программной статье В.Б. Степаницкого и его соавторов довольно убедительно говорилось о необходимости *«пересмотреть программу создания особо охраняемых природных территорий до 2005 года в сторону приоритетного развития национальных парков»* (Степаницкий и др., 1991). Однако, получив реальную возможность влияния на данный процесс в качестве начальника главка (Департамента), В. Б. Степаницкий не последовал собственным рекомендациям, предпочитая развивать структуру Минприроды РФ и тем самым усиливая процессы «конвергенции» и «смены приоритетов», как бы заменяя нацпарки заповедниками. Национальных парков в Российской Федерации сейчас тридцать, их общая площадь приближается к семи миллионам гектаров, т. е. втрое меньше заповедной системы количественно и вчетверо — по площади.

В табл. 4 представлены сведения о развитии российских заповедников за весь период их существования по десятилетним периодам (с учетом как существующих, так и ранее созданных заповедников, включая ликвидированные). Площадь бралась на момент организации, последующие изменения учтены в соответствующие периоды. Таблица наглядно отражает современную тенденцию «гигантомании» в организации заповедников. В период с 1916 по 1996 г. в России, РСФСР и РФ было официально создано 115 государственных заповедников, из которых функционирует 93. Показатели площадей в этой таблице приблизительны (цифры округлены).

В 1994 г. вслед за Указом Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», предусматривающим, в частности, сохранение природного разнообразия и развитие системы ООПТ, было принято правительственное распоряжение, намечавшее до 2005 г. организацию 72 природных заповедников площадью 16,1 млн. га и 43 национальных парков площадью 10,4 млн. га. Эти планы связаны с большими расходами (по расчетам специалистов Управления — порядка 467 млрд. руб. на период 1995–2000 гг., что надо признать малореальным, учитывая фактические затраты в 1994 г. порядка 14,2 млрд. руб. (см. ниже). Хотя эти планы составлены при участии научных подразделений, они вызывают удивление. В перечне заповедников, планируемых к созданию на период до 2005 г., мы видим много объектов, никогда не упоминавшихся в научных разработках (только для Нижегородской, Саратовской и Свердловской областей их предложено по три в каждой), тогда как многие поистине уникальные природные ценности (тот же Бузулукский бор или Теллермановский лес) не вошли в этот план. В отношении национальных и природных парков дело осложняется ведомственной и юридической разобщенностью службы лесного хозяйства, Минприроды и Министерства культуры, которое готовит «свое» отдельное законодательство об охране памятников истории и куль-

туры. На самом же деле природное и культурное наследие неразрывно и должно охраняться в едином комплексе. Однако «перейти Рубикон» между объектами природы и культуры пока не удается даже в так называемых «историко-архитектурных и природных музеях-заповедниках». Одни должны беречь музейные здания, другие — отвечать за состояние окружающей среды, а в результате подчас утрачивается народное достояние в его совокупности. Не оформлено юридически (и не вошло в новейшее законодательство) даже само понятие о природном наследии, хотя оно в последние годы стало употребляться очень часто, на эту тему в 1992–1995 гг. проведено уже несколько многолюдных совещаний (в системе РАН, ВООП и др.), появилась и специализированная литература («Уникальные территории...», 1994 и др.). Как справедливо отмечал один из видных специалистов заповедного дела, сотрудник ИГ РАН А.А. Тишков, создавать новые охраняемые природные территории (даже заповедники) оказалось проще, чем сохранять старые. *«Сегодня в заповедниках России из-за недостаточного финансирования сокращаются штаты, прекращаются научные исследования, учащаются нарушения заповедного режима»* (Тишков, 1994, с. 47). Автор возлагает надежды на создание в скором будущем частных заповедников и нацпарков.

В работе Дежкина с соавторами (1995) приведена таблица, согласно которой количество заповедников страны уже превысило число ее природных провинций. Так, в пределах Русской равнины имеется 24 заповедника при 12 природных провинциях. Но это вовсе не означает, будто бы каждая из них представлена двумя заповедниками. На Русской равнине до сих пор, например, нет степных заповедников (кроме лоскутов в пределах лесостепи) да и не осталось уже былых первозданных степей (Данилов и др., 1983). К сожалению, развитие заповедной системы подчас происходит не столько ради живой природы, сколько в интересах ведомства или из чувства престижа. Приходится с горечью констатировать: во многих случаях (особенно на Крайнем Севере) создание новых заповедников усиливает антропогенные нагрузки на природу, увеличивая факторы беспокойства. Характерно, что экономические трудности, нехватка горючего, прекращение авиаобслуживания, сокращение объема «режимных мероприятий» нередко идет на пользу охраняемым объектам, уменьшая активное вмешательство людей, зачастую создаваемое самой же службой охраны ОПТ и научными исследованиями в них (аналогия общему улучшению экологической обстановки в стране из-за сокращения промышленного производства).

В апреле 1992 г. директорам заповедников (по списку) был разослан важный документ «О подготовке изменений в системе финансирования НИР на территории госзаповедников», разработанный с участием Е. Шварца (ИГ РАН) и А. Волкова (ВНИИПрирода, в официальном названии Института не фигурирует более «заповедное дело»). В нем предлагалось упростить сбор материалов по программе «Летопись природы» и ввести базовое финансирование для сбора «обязательного минимума» данных. Эти предложения вызвали серьезные нарекания со стороны Комиссии РАН по заповедному делу (так стала называться прежняя Комиссия АН СССР «по координации научных исследований в заповедниках СССР», председателем которой стал тогда же член-корр. РАН ботаник Вадим Николаевич Тихомиров, сменивший на этом посту академика Владимира Евгеньевича Соколова).

Едва ли не основное место в работе всех Комитетов и Министерств по охране природы занимало составление многостраничных долговременных программ и обширных отчетов, причем в этом участвовали не только работники министерства, но и привлекаемые научные учреждения. В 1992 г. была составлена Федеральная целевая комплексная программа «Экологическая безопасность России (1993–1995)» с разделом 11.3 «Особо охраняемые природные территории» из 11 пунктов. Под эти разработки Министерство выделяло заповедникам определенные средства (табл. 5).

Таблица 5. Научные исследования заповедников в 1993–1994 гг.
(по данным Управления заповедного дела Минприроды РФ)

Программы	Заповедники-исполнители 1993/1994	Финансирование (млн. руб.) 1993/1994
«Летопись природы» и традиционные исследования, развивающие отдельные разделы Летописи	54	за счет основной деятельности заповедников
Проведение исследований по ГНТП «Экологическая безопасность России»	36/35	58/50
Научная работа по плану НИР и ОКР подведомственных Минприроды России организаций	1/10	5/30

В 1993 г. Министерство экологии РФ было преобразовано в Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов, а в его структуре было создано Главное управление заповедного дела (нач. — В. Степаницкий, зам. — Н. Данилина) с отделами особо охраняемых природных территорий (нач. — Д. Горин), перспективного развития заповедного дела (нач. — М. Фельдман) и обеспечения основной деятельности заповедников (нач.— Э. Чехоева). Характерно, что первоначально в структуре главка не предусматривалось научного подразделения, но затем все же был учрежден отдел эколого-просветительской и научной деятельности (нач. — М. Федоров).

Вскоре создали Экспертный совет во главе с доктором наук Н.Ф. Глазовским (зам. директора Института географии РАН, некоторое время работавший зам. министра Минэкологии РФ). В этот Совет вошло много активистов СоЭС, но даже председатель академической комиссии В.Н. Тихомиров не был включен в его состав. Заседания Совета носили сугубо информативный характер. Курировал новый главк назначенный заместителем министра Амирхан Магомедович Амирханов, прежний директор ЦНИЛ Главохоты РСФСР, ранее работавший в Северо-Осетинском заповеднике, геоботаник по профессии, кандидат биол. наук. При благожелательном отношении к заповедному делу и понимании его проблем А.М. Амирханов далеко не всегда мог оказывать на него влияние и решать рабочие вопросы так, как ему представлялось нужным, поскольку решающее слово принадлежало министру или его первому заместителю. В целом же ситуация в Минприроде РФ оставалась весьма сложной: *«Министерство... постоянно реорганизуется, сфера его компетенции то расширяется, то сужается. РАЗОБРАТЬСЯ, ПОНЯТЬ, КТО ЗА ЧТО ОТВЕЧАЕТ, ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО»* (Евразия, 1993. № 2/10/. С. 1, выделено нами).

В октябре 1993 г. заповедный главк разослал в 19 заповедников РФ письмо «Об усилении эколого-просветительской деятельности в заповедниках», где подчеркивалось, что *«роль эколого-просветительской деятельности на базе заповедников особенно возрастает в последнее время в условиях экономического кризиса и правового нигилизма...»* Предлагалось создать при каждом заповеднике специализированное подразделение (в пределах выделяемых бюджетных ассигнований!) со следующими функциями:

— работы по созданию и функционированию музеев природы и выставок;

— создание и обустройство экологических троп, экскурсионных маршрутов, смотровых площадок, информационных пунктов;

— решение вопросов, связанных с организацией и проведением экологических экскурсий, развитием экотуризма, в т. ч. иностранного, на ОПТ;

— организация эколого-просветительских мероприятий, связей с природоохранным движением, привлечение коммерческих структур к решению проблем заповедника, работа со школьниками, поддержка юннатов.

Все эти вопросы были вынесены на обсуждение семинара, проведенного в Теберде в начале 1994 г. Заповедникам предложили создать специальные подразделения по экологическому просвещению (кое-где им сразу же предлагалась актуальная тема — «поиски источников финансирования»). Но в декабре 1993 г. В. Степаницкий, столь энергично действовавший на министерском поприще, оставил пост начальника главка, объясняя это *«категорическим несогласием со сложившейся в Министерстве практикой управления заповедниками и проводимой финансовой политикой в этой области»* (Степаницкий, 1994а). По его мнению, *«существующие ныне принципы руководства заповедниками и особенно их финансирования представляют торжество косности и непрофессионализма над здравым смыслом и являются губительными для заповедной системы...»* (Там же, с. 1). По словам самого В.Б., ему приходилось ходить на работу «как разведчику в стан врага». Ни он сам, как начальник главка, ни курирующий заповедники А. Амирханов фактически не влияли на «силовые структуры» Министерства, ведающие распределением финансов и определяющие кадровые вопросы. Как известно, подразделения «безразмерного» по объему Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ находятся в разных концах Москвы. Директора заповедников, приезжая в центр, обращались в первую очередь в те отделы, которые определяют финансирование и снабжение, а потом уже на улицу Кедрова, где расположено Главное управление по заповедникам. Такой ситуации не возникало ни в заповедном главке при СНК РСФСР, ни в Главохоте, ни в Главприроде. Даже отправлять служебные бумаги заповедный главк был вынужден через общую канцелярию в другом конце города. На место ушедшего Степаницкого была назначена его заместитель, Наталья Романовна Данилина, что не могло оптимизировать ситуацию. Отношение руководства Минприроды к своему «заповедному» подразделению сразу же ухудшилось. Бывший главк в 1994 г. сначала преобразовали в Управление (при этом как-то «растворился» отдел экопросветительской и научной работы), а в начале 1995 г. оно вошло в состав Департамента биологических ресурсов и заповедного дела, начальником которого был назначен В.Ю. Ильяшенко, зоолог по образованию, ранее работавший в ЦНИЛ Главохоты РСФСР.

Надо отдать должное энергии и активности В.Б. Степаницкого, который, покинув кресло в Минприроде РФ, сохранил позиции неформального лидера, став руководителем программы «Заповедное дело» Центра охраны дикой природы Социально-экологического союза, где группировались такие активисты СоЭС, как Е.А. Шварц, Е.А. Симонов и др. Сохраняя тесный контакт с Управлением по заповедникам, Степаницкий мог оказывать прямое влияние на его текущую работу. Социально-экологический союз и входящий в его структуру Центр охраны дикой природы (ЦОДП), благодаря существенной поддержке международных организаций и фондов, стал довольно действенной и влиятельной структурой. Наладив хорошую деловую связь не только со всей системой российских заповедников и национальных парков, но даже и в пределах СНГ, используя помимо обычной почты новейшие средства связи, ЦОДП весьма оперативно собирает и распространяет текущую информацию, касающуюся ООПТ. С 1993 г. издаются информационные письма (позднее — бюллетени)[10], содержащие различные сообщения и краткие публикации, непосредственно связанные с текущей работой разных подразделений ОПТ. Кроме того, ЦОДП периодически издает рабочий бюллетень «Охрана дикой природы» и серию информационно-методических материалов «Охрана

[10] Современное название этого информационного бюллетеня ЦОДП — «Заповедники и национальные парки» (*прим. ред.*).

живой природы» (иногда совместно с лабораторией охраны биоразнообразия при экологическом центре «Дронт» в Нижнем Новгороде). Положительная сторона этой деятельности ЦОДП и СоЭС не вызывает у нас никаких сомнений, равно как и начатое в 1994 г. (при поддержке ISAR и СоЭС) издание специализированной газеты «Заповедный вестник» (выпускается заповедником «Большая Кокшага» в Йошкар-Оле и рассылается по системе)[11]. Однако нельзя закрывать глаза на довольно многочисленные высказывания в нашей печати о том, что СоЭС поддерживается международными организациями именно потому, что оперативно поставляет особо ценную информацию на экологические темы (Шутова, 1994 и др.). Действительно, техническое оснащение системы современными средствами связи, включая электронную почту, компьютеры и т. д. произведено почти исключительно за счет зарубежных инвестиций.

Признаться, мы не видим в этом ничего страшного, тем более что информационный обмен «по электронике» происходит взаимно. Тем не менее нам приходилось не раз слышать даже от получателей грантов Сороса убежденное мнение в «двойном» (скрытном) смысле деятельности этого фонда и слово «благотворительность» неизменно вызывало скептические усмешки. Возможно, что это особый советский синдром, не беремся делать категорические заключения (тем более что эта тема не раз обсуждалась в наших газетах). Более того, вполне можно допустить, что вчерашние «советские люди», как и вся наша страна, способны вызывать со стороны Запада чувство искреннего сострадания... Так или иначе, финансовое обеспечение СоЭС и ЦОДП как его подразделения пока что сравнительно хорошее. На зарубежные средства в основном проводятся довольно многочисленные поездки работников заповедного дела (по линии Минприроды РФ) за рубеж, а также осуществляются специальные семинары и совещания, среди которых мы выделим лишь наиболее значительные. В январе 1994 г. состоялось совещание директоров российских заповедников в Теберде, а в конце того же года был проведен большой семинар в Сочи на тему «Экологическое просвещение и работа с населением в государственных природных заповедниках и национальных парках России». Тематика семинара соответствовала прежним установкам главка о развитии эколого-просветительской деятельности. Нет сомнений в пользе обмена опытом, но особо примечательным нам показалось выступление депутата Госдумы, недавнего директора Ханкайского заповедника В.Н. Нестеренко о том, что в Комитете по экологии ГД «есть мнение» относительно слияния заповедников и национальных парков. Идея такой конвергенции и фактического объединения их функций под флагом экологического просвещения не только вынашивается, но, по сути, и реализуется управлением заповедного дела Минприроды РФ и Центром охраны дикой природы СоЭС. В. Степаницкий (1995 г.) и Н. Данилина в своих выступлениях подчеркивают, что новый Закон ОБЯЗЫВАЕТ заповедники заниматься экологическим просвещением. В предисловии к брошюре С. Поповой с выразительным названием «Рекламно-издательская и эколого-просветительская деятельность заповедников и национальных парков как средство в поиске дополнительных источников финансирования» (1995 г.) Н.Р. Данилина пишет: *«Каждый из российских заповедников и национальных парков должен иметь свое громкое имя. Наш долг добиться, чтобы заповедники и парки были гордостью России, чтобы представители власти на всех уровнях были убеждены в том, что выделение денег на развитие этих учреждений — важнейший приоритет, а коммерческие структуры и предприниматели почитали за честь вложить свои средства в это благородное дело»* (Попова, с. 2). Эту же идею упорно развивают В.Е. Борейко и другие активисты. Здесь зримо ощутим привычный синдром партийно-комсомольского азарта, когда все силы бросаются на выполнение

[11] о Заповедном вестнике, что его больше нет.

очередной провозглашенной сверху установки ради имитации бурной деятельности и борьбы за достижения. Все эти призывы насчет «гордости нации» и «купания в золоте» несут в себе элемент лозунговости, отражая стремление достичь сложных целей простейшим путем и в кратчайший срок (как говорится, «за пятаки червонцев набрать»). Но самое главное в том, что при этом смешиваются задачи национальных парков, призванных действительно содействовать экопропаганде при общении людей с природой, с принципиально иными целями заповедников, главным смыслом которых является сбережение природных участков от хозяйственной деятельности и проведение научных исследований. Для этого им совсем не требуется «громкое имя», скорее наоборот. Народ же будет гордиться заповедниками, если они выполнят свое высокое назначение, а не разменяются на мелочные дела вроде «символики», саморекламы, публикации календарей, буклетов и т. п.

Резолюция семинара была опубликована в «Информ. бюллетене для гос. заповедников и национальных парков» (ЦОДП, 1994. № 8(10)) и в газете «Заповестник» (1995. № 1(4)) вместе с «Обращением участников семинара к Президенту России», содержавшим довольно острые выпады в адрес Минприроды РФ («*...вопросы распределения финансовых средств и инвестиционной политики решают не квалифицированные специалисты Управления заповедного дела /бывшего Главного управления/, а работники финансово-хозяйственного блока, бесконечно далекие от проблем заповедного дела*»). Член коллегии Минприроды, начальник Главного управления финансирования, бухгалтерского учета и социально-экономического развития Л. Вершков не замедлил откликнуться, опубликовав сведения о финансировании заповедников (табл. 6).

Таблица сопровождалась текстом под выразительным названием *«"Бесконечно далекие" делают все возможное и невозможное»*. Автор подчеркивал, что *«финансово-хозяйственный блок»* есть важнейшее структурное подразделение Министерства, *«в котором работают квалифицированные специалисты, неплохо разбирающиеся в вопросах организации управления заповедным делом»* (Там же). Однако же директора заповедников думают иначе и даже считают, что Вершков действительно «поставил, видимо, задачу удушить заповедники России» (из письма директора N-ского заповедника, 1995 г., архив автора). Другой директор из популярного дальневосточного заповедника пишет еще выразительнее: «Для меня даже письмо написать дело накладное. Один только конверт стоит тысячу рублей, булка хлеба — две тысячи, а литр бензина — двадцать. Зарплату с самого начала года получаем в размере 50%... В этом году заповедник первый раз оказался в долгах. Электроэнергия, связь, коммунальное обслуживание съедают и без того скудный бюджет. Кстати, наш бюджет сокращен ВДВОЕ по сравнению с тем, что требуется по самому минимуму... Все эти зарубежные подачки — так это чушь собачья. Приезжают к нам благотворители, смотрят, спрашивают, знакомятся с природой, обещают — и на этом дело кончено. Ну а если и дадут подачку, то, честно говоря, ее стыдно даже брать» (письмо от июня 1995 г., архив автора).

Таблица 6. Финансирование деятельности госзаповедников в 1993–1994 гг. (млн. руб.) (по Л. Вершкову, газ. «Зеленый мир», № 7, 1995)

Источники финансирования	1993	1994	Рост объемов 1994 г. к 1993 г., раз
Федеральный бюджет (раздел «100»)	2579,6	12376,0	4,8
в т.ч. зарплата	1639,9	8693,0	5,3
Территориальный бюджет	204,8	690,8	3,3
Федеральный экофонд	79,8	794,0	9,9
Территориальный экофонд	121,4	429,2	3,5
ИТОГО:	2985,6	14290,0	4,8

Таблица 7. Динамика государственного финансирования заповедников и национальных парков России (А.А. Никольский, 1995)

Год	Индекс цен	Уровень инфляции	Финансирование всех заповедников и национальных парков в год		Падение реального финансирования по сравнению с 1990 г., раз:	
			Фактическое, млн. руб.	В сопоставимых ценах к 1990 г., млн. руб.	Всех заповедников и нац. парков	В среднем одного заповедника, нац. парка
1975			5,725			
1980			10,587			
1985			16,959			
1986			22,345			
1988			25,983			
1989			28,704			
1990	1	1	33,967	33,967	1,00	1,00
1991	7	7	72,319	10,331	3,29	3,72
1992	26	182	732,282	4,020	8,45	10,28
1993	9	1638	6691,700	4,085	8,32	10,91
1994	3,5	5733	2590,000	4,518	7,52	10,60

Федеральный экологический фонд выделил заповедникам в 1994 г. 965 млн. руб., в том числе 30 млн. на проектирование новых объектов. Такая же сумма была отпущена Институту экономических проблем природопользования Минприроды на разработку «Проекта Федеральной целевой программы государственной поддержки государственных природных заповедников» (Зеленый мир. 1995. № 12, см. ниже). Помогали им, конечно, также и местные экофонды, но за инфляцией угнаться очень трудно.

Бывший начальник союзного главка по заповедникам, доктор биол. наук А.А. Никольский, в 1995 г. представил доклад о состоянии и перспективах развития заповедного дела в России, который содержит детальный анализ изменений бюджетного финансирования наших заповедников за последние годы с учетом изменения масштаба цен (табл. 7). По его расчетам, государство снизило финансирование каждого заповедника и национального парка в 1994 г. в десять раз по сравнению с относительно стабильным 1990 г. Причем площадь заповедников за это время возросла с 19,9 млн. га до 29,3, а нацпарков соответственно с 3,7 млн. га до 6,4. Именно этим фактором объясняют работники Минприроды и СоЭС вынужденность «смены приоритетов» с выдвижением на первый план задач по экологическому просвещению. Правда, такая переориентировка сама по себе требует немалых затрат (как выразился один из коллег, ознакомившись с планами министерства: «если у них нет малых денег для науки, то где взять большие для экотуризма и просвещения?»).

Такие же сомнения были высказаны в газетной статье эколога Н.Г. Овсяникова (1994), где шла речь о том, что экологический туризм опасен для наших заповедников и выгоден лишь «неправительственным» организациям, стремящимся заниматься коммерцией в сфере охраны природы. На это последовал раздраженный отклик В. Степаницкого (Там же, 1994), явно выходивший по стилю за рамки научных дискуссий. Впрочем, этот автор не раз проявлял себя незаурядным публицистом (Степаницкий, 1993, 1993а, 1994а, 1994б, 1995а, 1995б и др.). В установочной статье «Заповедники на распутье» (1994а) он дал ряд рекомендаций для преодоления кризисной обстановки в заповедниках. Приоритет отдавался охране территорий, борьбе с нарушениями заповедного режима. Спору нет — обстановка в правовой сфере за последние годы существенно изменилась к

лучшему, появились реальные возможности серьезного наказания нарушителей: оформился порядок взимания штрафов, резко возросли таксы взысканий за различные нарушения и т. д. В этом несомненна заслуга В. Степаницкого, которому удалось расширить права инспекторской службы в заповедниках и укрепить режим их охраны. Возможности наказания нарушителей заповедного режима в настоящее время несопоставимы с недавним прошлым.

Уже говорилось о том, что большое значение в заповедном деле приобрело внебюджетное финансирование, использование денежных средств различных благотворительных фондов и коммерческих структур. Многие люди старшего поколения смотрят на них с недоверием, молодежь открыто радуется неожиданной и столь ощутимой помощи. Появились даже специальные пособия-инструкции на эту тему («Как экологу получить грант благотворительного фонда США» /Якимец, 1992/; Центр охраны дикой природы издал веселую брошюру «Как просить деньги...» /М., 1994/). Разного рода гранты приобрели известность и стали играть большую роль в текущей жизни многих заповедников, особенно имеющих международные контакты. Ведущую роль здесь играли не благотворительные фонды Сороса или Макартуров, а Всемирный фонд дикой природы (World Wildlife Fund, или WWF, когда-то отделившийся от МСОП). Обзор деятельности WWF (директор программного офиса — зоолог В.Г. Кревер, в прошлом сотрудник ЦНИЛ Главохоты РСФСР) в Российской Федерации в 1992–1994 гг. содержится в рабочем бюллетене «Охрана дикой природы». 1994. № 2 (октябрь. С. 14). Надо пояснить, что еще в 1993 г. был разработан обширный проект «Сохранение биологического разнообразия России» (редакторы В. Кревер, Е. Динерштейн, Д. Ольсон и Л. Уильямс, координаторы С. Забелин и В. Ейчбаум, главные эксперты В. Степаницкий, Н. Данилина, В. Ильяшенко, О. Габузов и В. Дежкин), которым предусматривались крупные финансовые вливания в российские заповедники ради выполнения вышеобозначенной основной задачи. В 1994 г. WWF финансировал в рамках указанной программы некоторые заповедники, в частности, Сихотэ-Алинский, Лазовский, Окский, т. е. прежде всего связанные с охраной редких видов. Часто рекламируемые по телевизору благотворительные акции нашего Межкомбанка для сохранения амурских тигров и японских журавлей (сумма в 146 тыс. долларов, вероятно, не столь значительна по сравнению с доходами от рекламы) осуществляются также при содействии WWF. Из других международных фондов участвуют в поддержке заповедников ISAR (независимый американский фонд), уже упомянутые фонды Сороса и Макартуров, фонд «Евразия», общество охраны птиц Японии и др. Надо учитывать, что Минприрода РФ имеет возможность получать гораздо более крупные суммы по линии Глобального экологического фонда, Всемирного банка реконструкции и развития, а возможно, и ряда коммерческих структур, заинтересованных в использовании природных ресурсов России. Эти пособия, инвестиции и (или) кредиты могут быть истрачены различными способами (признаться, автор не силен в этой сложной финансово-дипломатической сфере). Детальный обзор иностранных инвестиций в охрану природы и заповедное дело РФ содержится в специальной публикации Д.А. Даушева (1995), из которой явствует, что в 1994 г. затраты из иностранных источников при финансировании охраны живой природы России составили 12,5 млн. долларов США, или 24% от общей суммы вложений на эти цели. Гранты непосредственно заповедникам составили порядка 1,5 млн. долларов.

Тот факт, что Запад оплатил одну четверть расходов по сохранению биоразнообразия нашей страны, говорит сам за себя, хотя отношение научной общественности к иностранной помощи в заповедном деле, как уже указывалось, не вполне однозначное. Ведущий государственный эколог, председатель Комиссии по экологической безопасности Совета Безопасности при Президенте РФ, член-корр. РАН А.В.

Яблоков со всей определенностью высказался за то, чтобы Запад взял «на буксир» наши заповедники. Выступая на заседании Президиума РАН, он говорил: *«Например, заповедники. Мы сможем их спасти, если для каждого найдем партнера в Северной Америке или Канаде. Наше государство сейчас не способно обеспечить работу заповедников...»* («Биоразнообразие...», 1994). Большинство наших ученых, непосредственно связанных с охраной живой природы (особенно В.Е. Флинт и другие сотрудники ВНИИПриродыы), разделяют такие позиции. Однако же, некоторые научные и общественные деятели проявляют явную настороженность, памятуя, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», и не одобряя «новый курс» в области заповедного дела при фактическом отходе от госфинансирования. Комиссия РАН по заповедному делу не раз выражала тревогу о сложившейся в наших заповедниках ситуации. В.Н. Тихомиров обращался с письмом к А.В. Яблокову, который в мае 1994 г. направил официальный запрос В.И. Данилову-Данильяну с просьбой *«рассмотреть опасную на мой взгляд тенденцию коммерциализации заповедного дела, связанную с развитием хозяйственной деятельности, экотуризма и организации отдыха населения на территориях государственных заповедников (Ваш приказ № 55 от 10.12.93 г.). Российская система заповедников как высшая форма ОПТ справедливо признана лучшей в мире. Отступать от с трудом завоеванных достижений (едва ли не единственных достижений мирового класса в нашей системе охраны природы) из-за сиюминутных, хотя и крайне острых экономических проблем – крупная стратегическая ошибка, чреватая самыми непоправимыми последствиями. Для экотуризма и отдыха населения есть другая форма ОПТ — национальные парки»* (архив автора). На это был получен развернутый ответ на 4-х страницах за подписью А. Амирханова (исполнитель М. Федотов), где объяснялась вынужденность намеченного министерством «эксперимента по совершенствованию экономического механизма деятельности ООПТ (заметим, что осуществить его пока так и не удалось, но жалеть об этом не стоит. — *Ф.Ш.*). «Министерство видит проблемы, стоящие перед заповедниками, принимает меры по их разрешению...» (там же). Еще более показательна была личная беседа В.Н. Тихомирова и других ученых, активистов заповедного дела, с В.И. Даниловым-Данильяном в 1994 г., когда министр не скрывал своего чисто формального отношения к этой ситуации.

В таких условиях все более ослабевают рычаги государственного управления заповедниками, решающая роль в их судьбе переходит непосредственно в руки дирекций или местных властей. Еще на Тебердинском совещании предлагалось создать некий «Совет директоров» (в 80-х гг. его создал Криницкий для системы биосферных запков), а в Сочи было решено учредить «Ассоциацию работников заповедников и нацпарков» (еще один шаг к реальной «конвергенции»), причем не только Российской Федерации, но и в рамках СНГ (Заповестник. 1995. № 1). Были созданы и действуют региональные («кустовые») ассоциации заповедников — дальневосточная, уральская, северо-западная и другие. Характерно, что Комиссия по заповедникам РАН на сочинский семинар официально не приглашалась.

В настоящее время первостепенное значение для многих заповедников России начинают приобретать финансовые вложения из местных источников, прежде всего — экологических фондов. Это находит одобрение и поддержку со стороны Минприроды РФ, но явственно ослабляет роль ведомства как центра управления заповедной системой. Более того, с отдельными республиками (Башкортостаном и Татарстаном) Минприроды РФ заключило договора о разделении полномочий, согласно которым заповедники фактически ставятся в зависимость от местной администрации. Последствия таких действий могут быть различными в зависимости от конкретных обстоятельств и личностей (в Департаменте заповедного дела считают, что республиканские министер-

ства охраны природы лучше относятся к заповедникам, чем федеральное), но сами по себе свидетельствуют о развитии «центробежных» тенденций. Как известно, права на раздел полномочий сейчас приобретают не только республики, но и области (например, Свердловская). Федеральный закон об охраняемых природных территориях переиздается субъектами Федерации, при этом в него могут вноситься всевозможные толкования. Так или иначе, наряду с интенсивным ростом заповедной системы наблюдается ее явственное размежевание.

На фоне экономического кризиса в особенно тяжелом положении оказались отдаленные заповедники, центральные усадьбы и поселки которых расположены в труднодоступных местностях (Баргузинский и Алтайский, не говоря уже об острове Врангеля или Командорах). Дороговизна электроэнергии, средств транспорта и связи, невозможность прежнего использования авиации, развал «инфраструктуры» и всего уклада жизни, когда люди привыкли к постоянной опеке государства, поставил такие заповедники буквально на грань выживания. При этом трудно предъявлять серьезные претензии к их работе и недостаткам. В несколько более благоприятных условиях оказались заповедники в экономически сильных регионах, например, Ханты-Мансийском округе («Малая Сосьва») или Красноярском крае (Саяно-Шушенский, «Столбы»).

Впрочем, немногим легче состояние таких ранее вполне благополучных и даже процветавших заповедников, как Воронежский или Тебердинский, где в недавнем прошлом были заложены крупные дорогостоящие комплексы, требующие постоянного ухода и финансирования, на что у Минприроды РФ не оказывается теперь средств.

Тем не менее в 1994–1995 гг. Минприродой РФ (совместно с СоЭС) за счет иностранных инвестиций и различных благотворительных фондов вновь проведено несколько крупных совещаний (по проблемам биоразнообразия, экопросвещения и др.), которые проходили в Москве и ряде заповедников (Окском, «Брянский лес»), а также в ближнем и дальнем зарубежье (Украина, Германия, США и др.). По свидетельству очевидцев, возникают удивительные ситуации, когда директора дальних заповедников не имеют бюджетных средств даже на конверты, но значительную часть времени проводят в заграничных командировках, регулярно участвуя в международных и отечественных конгрессах, семинарах или совещаниях.

«Многое удалось увидеть, осмыслить и обсудить с американскими и российскими коллегами за время, проведенное в США, — писал директор заповедника «Брянский лес» И. Шпиленок (1995, с. 3). — *Здесь мы как бы побывали в том будущем, которое ожидает Россию, если она пойдет по американскому пути развития. Далеко не все в этом будущем заманчиво, не все приемлемо, но очень симпатизирует та энергия и решительность, с которой американцы охраняют свою природу».*

Международные контакты специалистов следует всячески приветствовать, но чрезмерно активные попытки механического перенесения на российскую почву заокеанского опыта при одновременном отказе от своего собственного несомненно опасны для заповедного дела. Слишком различны история, традиции и весь образ жизни наших стран и народов.

Среди многих совещаний-семинаров и прочих «тусовок» самым большим событием 1995 г. был Всероссийский съезд по охране природы, осуществленный в Москве в начале июня (материалы его широко публиковались в газете «Зеленый мир», различных бюллетенях ЦОДП, а также изданы отдельными сборниками /«Материалы...», 1995, 1995а/). Основной обсуждаемой проблемой явилась государственная программа «устойчивого развития России» («На пути...», 1995 и др.), вызвавшая длительные принципиальные споры. Надо сказать, что еще в начале 1994 г. был принят Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей сре-

ды и обеспечению устойчивого развития» (Российская газета. 1994. февраль), где упоминалось и о сохранении биоразнообразия[12].

Немало было сказано на съезде и о неудовлетворительном состоянии заповедного дела. В резолюции секции № 3 по проблемам охраняемых территорий и сохранению биологического разнообразия (куратор и председатель Н.Н. Воронцов, заместитель В.Б. Степаницкий, секретарь Е.Н. Коршунова) было предложено создать в Минприроде РФ Департамент заповедного дела, а в Федеральной службе лесного хозяйства — Управление национальных парков, «*возложив на эти подразделения все функции руководства подведомственными гос. природными заповедниками и нац. парками, включая вопросы планирования, финансирования, капитального строительства, труда и заработной платы, подбора и расстановки кадров*» (из текста резолюции, архив автора, см. также «Материалы...», 1995а).

Надо учитывать, что в первоначальных вариантах решения секции предлагалось создание «Комитета Российской Федерации по заповедному делу» (Зеленый мир. 1995. № 1. С. 10). Опыт истории (а также ситуация в Минприроде РФ на конец 1995 г.) убедительно показывает, что заповедникам действительно нужен особый «государственный хозяин», но не менее важно и то, какие люди будут в нем работать, каким будет их отношение к заповедности и к научной работе в заповедниках.

На форуме присутствовали директора ведущих заповедников РФ, которые обратили внимание и секции, и съезда в целом на крайнюю серьезность создавшейся ситуации в руководстве российскими заповедниками. На Минприроду и министра В.И. Данилова-Данильяна было оказано серьезное давление в целях восстановления Главного управления (или Департамента) заповедного дела и возвращения В.Б. Степаницкого к руководству этим подразделением.

Министру охраны окружающей среды и
природных ресурсов Российской Федерации
Данилову-Данильяну В.И.

Группа директоров заповедников — делегатов Всероссийского съезда охраны природы — обращается к Вам от имени ассоциаций заповедников, Комиссии по заповедному делу РАН с заявлением:

Руководствуясь резолюцией секции Съезда «Проблемы охраняемых территорий, сохранения биологического разнообразия» (пункт 7) о принятии неотложных мер по совершенствованию государственного управления в области заповедного дела, а именно — для обеспечения квалифицированного руководства федеральными заповедниками создать в структуре Минприроды России Департамент заповедного дела,

ПРЕДЛАГАЕМ: 1) Создать Департамент заповедного дела (ДЗД — *Ф.Ш.*), *предоставив ему в полном объеме все полномочия руководства решением кадровых, финансовых, научно-методических, организационных и др. вопросов, касающихся деятельности заповедников. Предложить руководство им В.С.* (так в тексте — *Ф.Ш.*) *Степаницкому, зарекомендовавшему себя высококвалифицированным и опытным специалистом по руководству заповедным делом России. 2) Составить разделительные ведомости и провести разделение финансирования между Департаментом финансов, экономики и*

[12] Бурно обсуждаемое понятие «устойчивое развитие» опирается на решения конференции ООН по окружающей среде (Рио-де-Жанейро, 1992). Однако в подлиннике этого документа говорится не об «устойчивом», а о «поддерживающем» или «неистощительном» развитии («Sustainable development»). Как и в случае с биосферными «заповедниками», когда правильнее было оставить слово «резерваты», неведомый переводчик оказал плохую услугу делу охраны природы, ибо слово «устойчивое» несет принципиально иной смысл сугубо «советского» оттенка (Воинов, 1995).

бухгалтерского учета и ДЗД по состоянию 1-го полугодия 1995 года. 3) Для оперативности текущего финансирования заповедников открыть бюджетные и внебюджетные счета ДЗД. Передать право подписи на финансовых документах директору ДЗД. 4) Перевести в главное здание министерства на ул. Б. Грузинская 4/6 Департамент заповедного дела. 5) Составление заявок для финансовой поддержки заповедников из Федерального Экологического Фонда, контроль за их прохождением и распределение полученных средств передать в ДЗД. Ввести представителя корпуса директоров заповедников в состав Правления Фонда. 6) Передать общий контроль за финансовой деятельностью ДЗД зам. министра М.В. Толкачеву.

О принятом Вами решении по вопросам, поднятым в нашем письме, просим поставить нас в известность для информирования о состоянии руководства заповедным делом России ассоциаций заповедников и национальных парков и «директорского корпуса».

Директор заповедника:

Керженский (Е.Н. Коршунова), Костамукшский (С.В. Тархов), Окский (С.Г. Приклонский), Сихотэ-Алинский (А.А. Астафьев), Центрально-Черноземный (Н.А. Малешин), Центрально-Лесной (А.С. Желтухин), Большая Кокшага (А.И. Попов), Хинганский (В.А. Андронов)

(Архив автора, орфография подлинника, июнь 1995 г., Москва).

В результате приказом по Минприроде РФ от 11.07.1995 г. был создан Департамент заповедного дела и его начальником вновь назначен В.Б. Степаницкий. В структуре Минприроды произошла «перестановка» — бывший Департамент биоресурсов стал Управлением, а заповедное Управление — Департаментом. В нем сохранен прежний состав бывшего главка, но воссоздан отдел организации научной и эколого-просветительской деятельности заповедников (нач. А.К. Благовидов), а отдел перспективного развития заповедного дела после кончины в 1995 г. М.Ю. Фельдмана возглавила Н.В. Гаспарян. Самый же трудный вопрос о допущении этого Департамента к распределению финансов и решению кадровых проблем пока остается неразрешенным, т. е. В. Степаницкий вернулся в ту же ситуацию, из коей ушел в декабре 1993 г. Более того, по мере общего осложнения политической и экологической обстановки в стране (выборная кампания, массовые нефтяные разливы, загрязнение и т. п.) руководство Минприроды РФ уделяет все меньше внимания заповедникам («они ему просто неинтересны», как говорят очевидцы).

В последнем квартале 1995 г., завершающего рассматриваемое нами «заповедное столетие», произошло два крупных события: созданы четыре новых госзаповедника (Тунгусский в Эвенкийском авт. округе, Корякский в Корякском авт. округе, Ростовский в Ростовской области и Присурский в Чувашской Республике) и утверждена Указом Президента РФ (от 10.10.1995, № 1032) Федеральная целевая программа государственной поддержки гос. природных заповедников и национальных парков России, предусматривающая ежегодное выделение значительных, по сравнению с нынешним уровнем, объемов ежегодного финансирования, включая операционные затраты, капвложения, ассигнования на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. При этом 83,5% затрат планируется покрыть за счет федерального бюджета, 15,3% — за счет бюджетов субъектов РФ, 0,2% — за счет внебюджетных экологических фондов, 1% за счет собственных средств гос. природных заповедников и нацпарков (по тексту публикации Информбюллетеня для гос. заповедников и нац. парков, ЦОДП, № 5(15), с. 2, 1995).

Это сообщение должно внушать надежды, но обещанное финансирование откроется только с 1997 г. (по капвложениям — с 1996), сейчас же положение большинства

заповедников продолжает оставаться более чем трудным. И в кабинетах Департамента, и непосредственно на местах на все запросы рефреном звучат краткие и категорические ответы — НЕТ СРЕДСТВ. Нет денег на бензин, на строительство, на охрану, на все, даже самое необходимое. Хорошо, если вовремя выплачивают зарплату, и то не всем. Такая ситуация сказывается не только на плановой научной деятельности заповедников, но и на работе станций фонового загрязнения в биосферных заповедниках (Центрально-Лесном, Приокско-Террасном, Кавказском, Воронежском, Астраханском, Саяно-Шушенском, Алтайском, Баргузинском и Сихотэ-Алинском). *«К сожалению, постоянно сокращающееся финансирование станций и головных институтов привело к снижению объема и качества получаемой информации, что требует неотложных мер по исправлению создавшегося положения»*, — пишет зам. директора Ин-та глобального климата и экологии академик РАЕН Ф.Я. Ровинский («Обзор...», 1995). Правда, из этого печального правила есть исключения (вроде явно привилегированного Приокско-Террасного заповедника, опекаемого руководством Минприроды, или же немногих счастливчиков, получивших крупные гранты), но они лишь оттеняют общую трагическую картину. Федеральная целевая программа поддержки госзаповедников и нацпарков, разработанная Институтом экономики природопользования МП РФ на основании постановления «О плане действий Правительства РФ по охране окружающей среды на 1994–1995 гг.» (от 18.05.1994 г.), внушает уважение своей объемностью и детализированностью, но невольно вспоминается грустная судьба множества «хороших и разных» программ, за составление которых так охотно берутся платные разработчики, зная, что выполнять их придется другим. Ведь наступающий 1996 г. наверняка принесет немало перемен и в Правительстве, и в его программах, не говоря уже об их реальном исполнении. Подчеркнем, что документ — вопреки рекомендациям многих специалистов — вновь предусматривает на период до 2000 г. приоритетное развитие заповедников (36 объектов площадью 9,2 млн. га), а не нацпарков (соотв. 28 и 4,9 млн. га).

Трудно предсказать, как будут развиваться дальнейшие события, но, несмотря на принятые недавно меры, все-таки создается впечатление, что осуществлять полноценное руководство заповедниками нынешнее Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации фактически не в состоянии. Это связано и с широтой диапазона этого ведомства, где заповедники не могут занять достойного места среди других забот, и с нехваткой средств, не позволяющих поддерживать живые контакты с периферией, и с составом специалистов, большинство из которых слабо представляет специфику заповедного дела и видят в нем своеобразную хозяйственную отрасль. При размерах нашей страны и нынешнем количестве заповедников Министерство неспособно даже поддерживать с ними простейшие служебные отношения. Не будет преувеличением сказать, что добрая треть заповедников РФ предоставлена сейчас самим себе и деятельность их «покрыта мраком неизвестности» (у Департамента нет средств на командировки в явно неблагополучные заповедники, где необходимо срочно менять руководство, вызывать же директоров или сотрудников в Москву может только министр). Даже о том, что в старейшем Баргузинском заповеднике за одну только осень 1993 г. было убито 14 бурых медведей, в Управлении заповедного дела узнали лишь со страниц массовой печати (Черникин, 1995). Впрочем, этот факт не привлек особого внимания, лишь директор заповедника объяснил случившееся особыми чрезвычайными обстоятельствами (Заповестник. 1995. № 5).

Ничуть не лучше положение с охраной живой природы в тех наших заповедниках, которые находятся в постоянном контакте с ведомством, например, в Кавказском и ближайшем к столице Приокско-Террасном, куда порой высокое начальство наведывается самолично. Ни для кого не секрет, что на границе Кавказского заповедника находится дача Министерства обороны, где маршалы постреливают рогатых зверей. Но сейчас

даже это кажется просто идиллией. Благодаря гласности, не только местные, но и центральные газеты буквально заполнены материалами о том, что творится сейчас в этих двух заповедниках. Глава растянулась бы на полкниги, если бы все излагать, поэтому ограничимся лишь заголовками.

«Звери фронтовой полосы» — таково название недавней статьи зоолога Кавказского заповедника А. Кудактина (1995), где описывается резкое сокращение животных из-за постоянного авиабраконьерства. Газетные статьи «Пикник на обочине» (Сочи. 1994. № 41), «Фактор беспокойства» («Особо неохраняемая территория») (Экологический бумеранг. 1995. В. 1), «Заповедник господина Тимухина» (Там же. В. 5, 1994), подкрепленные публикациями на ту же тему в «Новой газете» (1994. № 129) и «Комсомольской правде» (3.06.1994, 09.1995) детально, со множеством фактов, рассказывают как о массовом, так и о персональном браконьерстве в Кавказском биосферном заповеднике. Директор раздает лицензии на копытных зверей, лесорубочные билеты на деревья каштана, стволы которого вывозятся вертолетами, равно как и туши животных. На кордон «Лаура», где еще при Мацкевиче был поставлен «охотничий домик» (точнее — минидворец), любители охоты приглашаются почти официально: при заповеднике организована ассоциация «Крокус». Даже в известной телепередаче «В мире животных» Н. Дроздов с неизменной улыбкой, но и не скрывая сарказма, приглашал любителей природы на авиапрогулки в заповедник. И не только то страшно, что здесь охотились нынешний министр обороны и многие другие лица, — хуже всего, что *«организовано все было руководством заповедника и местным Комитетом по охране природы»* («Новая газета», 1994). По свидетельству зоологов заповедника, поголовье копытных зверей, включая зубров, ныне сократилось в заповеднике более чем на треть, а медведь вообще становится редок. Свежие материалы на эту тему приведены в краткой, но насыщенной цифрами (даже с диаграммой) публикации С. Любошиц (1995).

Много внимания уделяет пресса истощению уникальной природы на юге Дальнего Востока, в частности, угрозе полного истребления уссурийских тигров. Одна из наиболее ярких статей, принадлежащая журналисту Майклу Спектору, опубликована под заголовком "Нью-Йорк таймс" об уничтожении Уссурийского заповедника» («Последние тигры России», газ. «Советская Россия», 19.09.1995 г.). Факты, приводимые в этой статье (и множестве других), непосредственно касаются заповедников и ярко свидетельствуют о катастрофической ситуации с их охраной.

Немало фактических сведений о реальной ситуации в заповедниках можно почерпнуть из местных газет. Лишь в качестве примера сошлемся на недавнюю статью А. Ахломова (1995) из молодежной газеты Башкирии, где нарисована красочная картина деятельности своеобразной местной «мафии» в Башкирском заповеднике, которая милостиво разрешает научным сотрудникам *«копошиться в своих гербариях при условии невмешательства в... "народнохозяйственные нужды"»* (выпас скота, сенокошение и т. п.).

Заголовки статей о Приокско-Террасном заповеднике также говорят (даже вопиют!) сами за себя: «Последний заповедник Подмосковья осажден снаружи и изнутри» (Сегодня. 1994. декабрь), «Заповедник для директора» (Утро России. 1995. февраль), «Министерство охраны природы предпочитает охранять директора» («Сегодня», февраль 1995 г.). Но неважно, что заповедник стал проходным двором для грибников и ягодников, что в нем не остается зверей, что неблагополучно в питомнике зубров — главное для Минприроды другое. Директор заповедника Е.С. Литкенс проявил себя как хороший организатор-строитель, поэтому средства чуть ли не всей заповедной системы предоставлены ему для возведения административного здания. Если же вдоль границ заповедника как грибы растут новые дачи, то из этого работникам ведомства тоже можно извлечь вполне конкретную пользу. Поэтому министр отклонил в 1994 г. официальное заключение Управления заповедного дела (одобренное зам. министра А.М. Амир-

хановым) о необходимости смены руководства заповедника, и все остается на своих местах по сей день[13]. К тому же Литкенс выступал с резкой критикой управления заповедного дела и его руководства на коллегии Минприроды РФ и в газете «Заповестник» (Литкенс, 1995).

Нельзя удержаться еще от одного яркого примера отношения министерства к заповедному делу. На окраину Курска, рядом с уникальным Центрально-Черноземным заповедником, наметили вывести из Германии вертолетный полк. Местная общественность поддержала протесты заповедника, и уже заколебалось стальное наше Минобороны, когда родная Минприрода РФ в лице нач. отдела экспертизы нормативных материалов и согласования проектов В.Г. Селезнева и главного специалиста отдела А.М. Дурненко дала согласие на размещение полка. Остается только гадать, чем обольстили вояки ведомственных «экспертов», чтобы последние клочки заповедных степей оглашались не пением жаворонков, а мощным гудением винтокрылых машин...

В мае 1995 г. в этом заповеднике состоялась очередная конференция, посвященная его 60-летию («Проблемы...», 1995). По-прежнему совещания специалистов и публикация тезисов остается самым популярным способом общения ученых в сфере заповедного дела. Издательская же деятельность значительно снизилась. Почти ничего не издает ни ВНИИПрирода, ни само министерство (за исключением ежегодных отчетов о состоянии окружающей среды, публикуемых в газете «Зеленый мир» или отдельными изданиями типа «Проблемы экологии России», 1993); прекратилась публикация сборников ЦНИЛ МСХП («лебединой песней» явилось издание монографий о росомахе /Новиков, 1993/; о песце острова Врангеля /Овсяников, 1993/) и уникальной по трудоемкости сводки «Растения красных книг в заповедниках России» /1994/ под редакцией Ю. Нухимовской). Лишь Комиссия по заповедному делу РАН продолжает выпуск брошюр «Фауна и флора заповедников СНГ» и книг серии «Проблемы заповедного дела». В 1995 г., помимо тезисов С.-Петербургского совещания, вышел в свет сборник «Почвенные исследования в заповедниках» и две брошюры, подготовлен первый выпуск возобновляемого ежегодного издания «Научно-методических записок» («Заповедное дело»). На семи томах оборвалась серия «Заповедники СССР» в изд-ве «Мысль», прекратился прежний выпуск монографий и в «Экологии» (прежнем «Агропромиздате»). Резко снизилась издательская активность на местах, почти не появляются былые «труды»; за редкими исключениями, они связаны со знаменательными для заповедников датами («Заповеданная экологическая пирамида», 1994; «Биоценотические исследования...», 1995; и др.). Заслуживает всяческого одобрения оперативная информация, распространяемая по линии СоЭС и ЦОДП, издавшего в 1994 г. «Сборник нормативных актов и документов по заповедному делу» в двух томах (составитель В. Степаницкий)[14] и содействовавшего выходу в свет первого сборника материалов «Летописи природы» за 1991–1992 гг. («Заповедники России», 1994). Последнее издание (ответственный исполнитель А.Е. Волков, новый руководитель отдела заповедников во ВНИИПрироде МП РФ, сменивший Л.В. Кулешову) достойно внимания не только как новейший справочник, но и как одна из первых попыток обобщенно представить текущую научную работу заповедников. Однако критический анализ этого интересного опыта выходит за рамки нашей книги.

Итак, действительность пока не радует, и будущее заповедной системы России, учитывая общую политическую ситуацию в стране, предсказать сейчас трудно. Минприрода РФ как хозяин заповедного дома явно уступает прежним ведомствам, и пожилые сотрудники поминают сейчас добрыми словами Главохоту или Главприроду, которых

---

[13] Евграф Сергеевич Литкенс скончался в 1999 году.

[14] В 2000 г. опубликовано 3-е, переработанное и дополненное, издание этой сводки — «Сборник руководящих документов по заповедному делу» (М.: ЦОДП, 703 с.) (*прим. ред.*).

прежде часто поругивали. Российское ведомство охраны окружающий среды во главе с министром-экономистом слишком занято проблемами, казалось бы, гораздо более насущными по сравнению с охраной дикой природы. В самом деле, если почти ежедневно разливаются сотни тысяч тонн нефти, прячутся под землей радиоактивные отходы, выбрасываются в атмосферу ядовитые газы, за всеми и не доглядишь. А ведь надо еще успеть согласовать и прокладку новых скоростных магистралей, и отвод прибрежных шельфов в чужое пользование — какие уж тут заповедники... Но не стоит впадать в грех отчаяния. История нашего многострадального заповедного дела, будем надеяться, не обрывается столетним его юбилеем.

Можно посмотреть на ситуацию и по-другому. В России создана обширная сеть госзаповедников, занимающих огромные территории. Она объединена в специализированном подразделении природоохранного Министерства. Департамент заповедного дела возглавляется энергичным специалистом, который, несомненно глубоко предан своей работе, стремится преодолеть кризисные явления и добиться успехов. В духе недавнего прошлого не составило бы труда произнести пышную здравицу нынешней «обильной и могучей» заповедной системе, в которой трудится множество замечательных людей, энтузиастов охраны природы, и это — самое главное.

Приводим перечень действующих в РФ на 1.01.1996 г. гос. природных заповедников, а также список всех когда-либо существовавших, проектировавшихся и предлагавшихся к созданию объектов. На этом обзор истории развития заповедников России, РСФСР и Российской Федерации за период 1895–1995 гг. закончен. Некоторые итоги мы подведем в заключительной главе.

ЗАПОВЕДНИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по состоянию на 1 января 1996 г. (данные Минприроды РФ)

Название и подчиненность	Республика, край, область	Год организации	Площадь в тыс. га	Примечание
«АЗАС» Минприрода РФ	Республика Тыва	1985	285,3 (с 1992 г.)	Первоначально 337,3
АЛТАЙСКИЙ Минприрода РФ	Республика Горный Алтай	1932	881,2 (первоначально 1000)	В 1952-1957 и 1961-1965 гг. не функционировал
АСТРАХАНСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Астраханская область	1919	66,8	Первоначальная пл. 21,8 тыс. га
БАЙКАЛО-ЛЕНСКИЙ Минприрода РФ	Иркутская область	1986	659,9	
БАЙКАЛЬСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Республика Бурятия	1969	165,7	
БАРГУЗИНСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Республика Бурятия	1916	374,4	Площадь неоднокр. изменялась
«БАСЕГИ» Минприрода РФ	Пермская область	1982	56,2	Первоначальная пл. 19,4 тыс. га
БАШКИРСКИЙ Минприрода РФ	Республика Башкортостан	1930	49,6	Не функциониров. в 1952-1956
«БОЛЬШАЯ КОКШАГА» Минприрода РФ	Республика Марий Эл	1993	21,4	

БОЛЬШЕХЕ-ХЦИРСКИЙ Минприрода РФ	Хабаровский край	1963	45,1	
БОЛЬШОЙ АРКТИЧЕСКИЙ Минприрода РФ	Красноярский край	1993	4169,2	
БОТЧИНСКИЙ Минприрода РФ	Хабаровский край	1994	267,4	
«БРЯНСКИЙ ЛЕС» Минприрода РФ	Брянская область	1987	11,8	
БУРЕИНСКИЙ Минприрода РФ	Хабаровский край	1987	358,4	
ВЕРХНЕ-ТАЗОВСКИЙ Минприрода РФ	Ямало-Ненецкий авт. округ	1986	631,3	
ВИСИМСКИЙ Минприрода РФ	Свердловская область	1971 (1946)	13,5	В 1946-1951 гг. «Висим» имел пл. 56,4 тыс. га
ВИТИМСКИЙ Минприрода РФ	Иркутская область	1982	585,0	
ВИШЕРСКИЙ Минприрода РФ	Пермская область	1990	241,2	
ВОЛЖСКО-КАМСКИЙ Минприрода РФ	Республика Татарстан	1960	8,0	
ВОРОНЕЖСКИЙ Минприрода РФ	Воронежская область	1927	31,1 (с 1934 г.)	Первонач. 2,7
ВОРОНИНСКИЙ Минприрода РФ	Тамбовская область	1994	10,8	
«ГАЛИЧЬЯ ГОРА» Минкомвуз РФ Воронежский ун-т	Липецкая область	1925	0,2	В 1952-1970 гг. учебно-опытн. хоз-во
ДАГЕСТАНСКИЙ Минприрода РФ	Республика Дагестан	1987	18,9	
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ МОРСКОЙ Ин-т биологии моря ДВНЦ РАН	Приморский край	1978	64,3	
ДАРВИНСКИЙ Минприрода РФ	Вологодская и Тверская области	1945	112,7 (с 1961 г.)	Первоначально 176,2
ДАУРСКИЙ Минприрода РФ	Читинская область	1987	44,8	
«ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ» Минприрода РФ	Свердловская область	1991 (1946)	78,2	В 1962-1990 гг. не функционировал. В 1946-1960 гг. на пл. 135 тыс. га (в 1952-1953 пл. 35 тыс. га)
ДЖЕРГИНСКИЙ Минприрода РФ	Республика Бурятия	1992	237,9	
ДЖУГДЖУРСКИЙ Минприрода РФ	Хабаровский край	1990	860,0	
ЖИГУЛЕВСКИЙ Минприрода РФ	Самарская область	1927	23,1	В 1952-1965 гг. не функционировал
ЗЕЙСКИЙ Минприрода РФ	Амурская область	1963	99,4	Первонач. 82,3
ИЛЬМЕНСКИЙ УНЦ РАН	Челябинская область	1920	30,4	Площадь изменялась

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ Минприрода РФ	Республика Кабардино-Балкария	1976	82,8	Первоначальная пл. 74,9 тыс. га
КАВКАЗСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Краснодарский край и Республика Адыгея	1924	280,3	Пл. знач. изменялась (перв. 350)
«КАЛУЖСКИЕ ЗАСЕКИ». Минприрода РФ	Калужская область	1992	18,5	
КАНДАЛАКШСКИЙ Минприрода РФ	Мурманская область	1932	70,5	Площадь изменялась (первоначально 16,5)
КАТУНСКИЙ Минприрода РФ	Республика Горный Алтай	1991	150,1	Границы уточняются
«КЕДРОВАЯ ПАДЬ» Биолого-почвенный ин-т ДВО РАН	Приморский край	1925	17,9	
КЕРЖЕНСКИЙ Минприрода РФ	Нижегородская область	1993	46,9	Границы уточняются
«КИВАЧ» Минприрода РФ	Республика Карелия	1931	10,9	
КОМАНДОРСКИЙ Минприрода РФ	Камчатская область	1993	3648,7	
КОМСОМОЛЬСКИЙ Минприрода РФ	Хабаровский край	1963	64,5	Первоначалльный. вар. 32,2). Территория изменена в 1980 г.
КОРЯКСКИЙ Минприрода РФ	Корякский авт. округ	1995	327,2	
КОСТОМУКШСКИЙ Минприрода РФ	Республика Карелия	1983	47,6	
КРОНОЦКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Камчатская обл.	1934	1142,0	Не действовал в 1952-1968 гг.
«КУЗНЕЦКИЙ АЛА-ТАУ» Минприрода РФ	Кемеровская область	1989	408,6	Территория изменялась
КУРИЛЬСКИЙ Минприрода РФ	Сахалинская обл.	1984	65,4	
ЛАЗОВСКИЙ (Судзухинский) Минприрода РФ	Приморский край	1940	120,0	В 1952-1957 гг. не функционировал (перв. 339,0)
ЛАПЛАНДСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Мурманская область	1930	278,4	Территория и площадь изменялись
«ЛЕС НА ВОРСКЛЕ» Минприрода РФ и С.-Петерб. ун-т	Белгородская область	1925	1,2	В 1952-1978 гг. учебно-опыт. хоз-во
МАГАДАНСКИЙ Минприрода РФ	Магаданская область	1982	883,8	
«МАЛАЯ СОСЬВА» Минприрода РФ	Ханты-Мансийский авт. округ	1976	225,6 (с 1992 г.)	Первоначально — 92,9 тыс. га
«МАЛЫЙ АБАКАН» Минприрода РФ	Республика Хакасия	1993	97,8	
МОРДОВСКИЙ Минприрода РФ	Республика Мордовия	1936	32,2	
НИЖНЕ-СВИРСКИЙ Минприрода РФ	Ленинградская область	1980	41,4	

«НУРГУШ» Минприрода РФ	Кировская область	1994	5,9	
ОКСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Рязанская область	1935	55,7	Первоначально 22,9 (с 1992 г. 32,8 тыс. га — биосферный полигон)
ОЛЕКМИНСКИЙ Госкомприрода Республики Саха	Республика Саха (Якутия)	1984	847,1	
ОРЕНБУРГСКИЙ Минприрода РФ	Оренбургская область	1989	21,7	
«ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ» Минприрода РФ	Магаданская область	1976	795,7	
«ПАСВИК» Минприрода РФ	Мурманская область	1992	14,6	
ПЕЧОРО-ИЛЫЧСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Республика Коми	1930	721,3	Первоначально 1 млн га. Территория изменялась
ПИНЕЖСКИЙ Минприрода РФ	Архангельская область	1974	41,2	
ПОЛИСТОВСКИЙ Минприрода РФ	Псковская область	1994	36,0	
ПОРОНАЙСКИЙ Минприрода РФ	Сахалинская область	1988	56,7	
«ПРИВОЛЖСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ» Минприрода РФ	Пензенская область	1989	8,2	
ПРИОКСКО-ТЕРРАСНЫЙ (биосферный) Минприрода РФ	Московская область	1945	4,9	
ПРИСУРСКИЙ Минприрода РФ	Республика Чувашия	1995	9,0	
ПУТОРАНСКИЙ Минприрода РФ	Таймырский авт. округ	1988	1887,3	
РДЕЙСКИЙ Минприрода РФ	Новгородская область	1994	36,9	
РОСТОВСКИЙ Минприрода РФ	Ростовская область	1995	9,5	
САЯНО-ШУШЕНСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Красноярский край	1976	390,4	
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ Минприрода РФ	Республика Северная Осетия	1967	29,1	
СИХОТЭ-АЛИНСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Приморский край	1935	349,9 (первон. 1,7 млн. га)	Территория изменялась
СОХОНДИНСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Читинская область	1973	211,0	
«СТОЛБЫ» Минприрода РФ	Красноярский край	1925	47,1	В 1925-1946 гг. 3 тыс. га
ТАЙМЫРСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Таймырский авт. округ	1979	1781,9 (с 1994 г.)	Первон. 1348,3 тыс. га

ТУНГУССКИЙ Минприрода РФ	Эвенкийский авт. округ	1995	295,6	
«УБСУНУРСКАЯ КОТЛОВИНА» (биосферный) Минприрода РФ	Республика Тыва	1993	39,6	
УССУРИЙСКИЙ (Супутинский) Биолого-почвенный ин-т ДВО РАН	Приморский край	1932	40,4	Первоначально — 17 т. га
УСТЬ-ЛЕНСКИЙ Госкомприрода Республики Саха	Республика Саха (Якутия)	1985	1433,0	
ХАНКАЙСКИЙ Минприрода РФ	Приморский край	1990	38,0	
ХИНГАНСКИЙ Минприрода РФ	Амурская обл.	1963	97,8	Первоначально 59,9 т. га
ХОПЕРСКИЙ Минприрода РФ	Воронежская обл.	1935	16,2	
ЦЕНТРАЛЬНО-ЛЕСНОЙ (биосферный) Минприрода РФ	Тверская область	1931	21,4 (первон. 35,0)	В 1952-1957 гг. не функц.
ЦЕНТРАЛЬНО-СИБИРСКИЙ (биосферный) Минприрода РФ	Красноярский край	1985	972,0	
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫЙ (биосферный) Минприрода РФ	Курская и Белгородская области	1935	5,1	Территория изменялась
«ЧАЗЫ» Минприрода РФ	Республика Хакасия	1991	24,1	
«ЧЕРНЫЕ ЗЕМЛИ» (биосферный) Минприрода РФ	Республика Калмыкия	1990	121,9	
«ШУЛЬГАН-ТАШ» Минприрода РФ	Республика Башкортостан	1986 (1957)	22,5	Ранее — Прибельский филиал Башкирского запка
ЮГАНСКИЙ Минприрода РФ	Ханты-Мансийский авт. округ	1982	622,9	
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ Минлесхоз Башкортостана	Республика Башкортостан	1978	254,9	

СПИСОК РАНЕЕ СУЩЕСТВОВАВШИХ (ЛИКВИДИРОВАННЫХ), ПРОЕКТИРУЕМЫХ И ПРЕДЛАГАЕМЫХ ЗАПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В список включены литературные и ведомственные сведения, включая недавний «Перечень государственных природных заповедников, рекомендуемых к организации на территории РФ в 1994–2005 гг.» (Распоряжение Правительства РФ от 12.04.1994 № 572-р). Дублирующие названия приведены без подчеркивания. Всего в списке более 100 пунктов, но это не гарантирует исчерпывающей полноты (некоторые явно умозрительные варианты, например, «Приволжско-Донской» или «Заволжско-Уральский») опущены умышленно. Не учтены также и предложения по созданию заповедных акваторий (Бычков и Вишневская,

1988). Почти все прежние «местные заповедники», включенные в список, фактически были заказниками.

АГРАХАНСКИЙ. Дагестан (Виноградов, 1971). Не осуществлен. Актуальность сохраняется.

АДАКСКИЙ ГОРНЫЙ. Республика Коми, близ слияния р. Адзьвы с Усой. Предложение В. П. Семенова-Тян-Шанского, 1917 г. Не реализован.

АМУРСКИЙ. Амурская обл. «в басс. Зеи, где тайга граничит с лесостепью» (В. Семенов-Тян-Шанский, план 1917 г.). Кроме того — вариант названия действующего СИХОТЭ-АЛИНСКОГО зап-ка (Северцов, 1929). Ныне под этим названием предлагается заповедник на западе Амурской обл. (Приамурские сосновые леса, план 2001–2005 гг.).

АНГАРСКИЙ. Иркутская обл. Предлагался в 60-х гг. Комиссией ОП СО АН СССР (Крылов и Салатова, 1971), не реализован, актуален.

АХТЫНСКИЙ. Дагестан. Новый вариант, план 1994–2005 гг.

БАДЖАЛЬСКИЙ (КОМСОМОЛЬСКИЙ). Хабаровский край (Колесников, 1936; Лавренко и др., 1958). Проектирование 40-х гг. не дало результатов, но ныне актуальность отчасти снята при изменении в конце 70-х гг. территории одноименного действующего КОМСОМОЛЬСКОГО зап-ка. Включен в план организации заповедников 1994–2005 гг.

БАЙКАЛЬСКИЙ (не смешивать с одноименным действующим!). Бурятия и Иркутская обл., Святой Нос, Чивыркуйский залив, остров Ольхон, участки побережья, также местность Синты в Тункинском р-не Бурятии. Учрежден декретом СНК РСФСР в 1921 г., но никогда не действовал. Часть объектов в 80-х гг. вошла в ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК, однако необходимость заповедания отдельных участков Байкала (острова Ольхон, Ушканьих островов /см./ и др.) возрастает.

БАРАБИНСКИЙ. Новосибирская обл. Предложен В. Семеновым-Тян-Шанским в 1917 г. Намечался облисполкомом в 1947 г. В планах АН СССР (Лавренко и др., 1958) назван «Западно-Сибирским лесостепным». Не осуществлен. Актуальность возрастает. Включен в план 1994–2005 гг.

БАРГОЙСКО-ГУСИНООЗЕРСКИЙ. Бурятия (Крылов и Салатова, 1971). Не осуществлен, актуальность, вероятно, утрачена.

«БАСТАК». Еврейская авт. обл. Проектирование 80-х гг. неудачно, включен в план 1994–2005 гг.

«БЕРЕГ БУРЫХ МЕДВЕДЕЙ» — Предложенный О. Гусевым вариант названия заповедного участка на западном побережье Байкала (Бурятия), намечался как филиал Баргузинского зап-ка, ныне часть действ. БАЙКАЛО-ЛЕНСКОГО.

БОГДИНО-БАСКУНЧАКСКИЙ — Вариант СОЛОНЦОВО-СТЕПНОГО зап-ка (см.).

БОЛОНЬСКИЙ. Хабаровский край, новый вариант из плана 2001–2005 гг.

БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКИЙ — Один из вариантов НЕНЕЦКОГО зап-ка (см.).

БОРТЕВОЙ — Башкирия. В 40-х гг. вариант названия Прибельского филиала БАШКИРСКОГО зап-ка, в настоящее время — ШУЛЬГАН-ТАШ.

БУЗУЛУКСКИЙ БОР. Оренбургская обл. Предложение В. Семенова-Тян-Шанского. Действовал в 1932–1949 гг. Актуальность заповедания сохраняется. В планах отсутствует.

ВАЛДАЙСКИЙ. Тверская обл. Предложение В. Семенова-Тян-Шанского 1917 г. Местный заповедник в 30-х гг. Актуален как часть нацпарка.

ВАСЮГАНСКИЙ. Томская обл. (Лавренко и др., 1958). Не реализован, замещен ЮГАНСКИМ зап-ком в Тюменской обл. Актуальность неясна.

«ВЕПССКИЙ ЛЕС». Ленинградская обл. (Зыков, Нухимовская, 1979). Был в плане 1991–1995 гг. Не реализован. Актуален как часть нацпарка.

ВЕРХНЕ-АЛДАНСКИЙ. Якутия. Вариант из плана 1994–2005 гг.

ВЕРХНЕ-АНЮЙСКИЙ. Хабаровский край. «Генсхема», 1979, план 1994–2005 гг.

ВЕРХНЕ-КЛЯЗЬМИНСКИЙ. Московская обл. Действовал с 1945 по 1951 г. Предложения о восстановлении не реализованы. Актуальность утрачена(?).

ВЕРХНЕ-КОЛЫМСКИЙ. Магаданская обл. (Зыков, Нухимовская, 1979). Частично реализован созданием Сеймчанского участка МАГАДАНСКОГО зап-ка.

ВЕРХНЕ-МОСКВОРЕЦКИЙ. Московская обл. Действовал с 1945 по 1951 г. Нереализованные предложения о восстановлении сохраняют актуальность.

ВЕРХНЕ-СУКПАЙСКИЙ (ВЕРХНЕ-ХОРСКИЙ). Хабаровский край. «Генсхема», 1979, новый план 1994–2005 гг.

ВЕРХОЯНСКИЙ. Якутия (Скалон, 1939 и др.). Не реализован. Актуален.

ВИЛЮЙСКИЙ. Якутия (Скалон, 1939; Макаров, 1938). Не реализован. Включен в план 1994–2005 гг.

«ВИСИМ». Свердловская обл. Действовал в 1946–1951 гг. на территории, значительно превышающей нынешний ВИСИМСКИЙ заповедник.

«ВИТЕБЕНЬ». Орловская обл., Знаменский лесхоз. В 1950 г. облисполком выносил решение о создании зап-ка пл. 13,2 тыс. га. Не реализован, актуальность неясна, в планах нет.

ВОЛЧИХИНСКИЙ. Алтайский край. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

ВОСТОЧНОСАЯНСКИЙ — вариант восстановления Саянского зап-ка (см.).

ВЫБОРГСКИЙ ЗАЛИВ. Ленинградская обл. Новый вариант, план 1991—1995 гг., проект подготовлен СПГУ. Актуальность высока.

ГЛУБОКО-ИСТРИНСКИЙ. Московская обл. Действовал с 1945 по 1951 г. Предложения о восстановлении не реализованы, актуальность возрастает.

ГУНИБСКИЙ (Дагестанский). Первоначально предложен В. Семеновым-Тян-Шанским в 1917 г., неоднократно предлагался и позднее (Северцов, 1929; Лавренко и др., 1958; «Генсхема», 1979 и др.). Местный зап-к в 10-х гг. Актуален, но предпочтительнее как нацпарк.

ГЫДАНСКИЙ. Ямало-Ненецкий авт. округ. («Генсхема», 1979 и др.). Проектирование проводилось в конце 80-х гг. (Б. Иващенко, В. Калякин), не реализован, актуальность сохраняется, включен в план 1994–2005 гг.

«ДЕЛЬТА ДОНА». Ростовская обл. Был в плане 1991–1995 гг.

ДИВНОГОРСКИЙ. Воронежская обл., «близ Дивногорского монастыря». Предложение В. Семенова-Тян-Шанского, 1917 г. Не реализован.

ДОНГУЗСКАЯ СТЕПЬ. Оренбургская обл. План 1994–2005 гг.

ДУБРАВНО-САМЫНСКИЙ. Московская обл. Один из намечавшихся участков Московского зап-ка. Не реализован, актуальность утрачена.

«ДЬЯКОВСКИЙ ЛЕС». Саратовская обл. Неудачное проектирование 80-х гг. (Б. Иващенко), включен в план 1994–2005 гг.

ЕНОЗЕРСКИЙ ТУНДРОВОЙ — см. Мурманский тундровой

ЖЕЛЕЗНИНСКИЙ. Тверская обл. Местный зап-к в 20-х гг. (Северцов, 1929). Актуальность требует уточнения.

«ЖИВАЯ КНИГА». Московская обл. Местный зап-к в 20-30 гг. под Богородском (Ногинском). Актуальность утрачена.

ЖИГАНСКИЙ. Якутия. Предлагался неоднократно (Макаров, 1931б; Скалон, 1939 и др.), не реализован, см. ЯКУТСКИЙ.

«ЖУРАВЛИНАЯ РОДИНА» — см. ПОДМОСКОВНЫЙ зап-к.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ. Читинская обл., «на границе тайги с ковыльными степями в Нерчинском округе» (план В. Семенова-Тян-Шанского, 1917 г.).

ЗАВОЛЖСКИЙ СТЕПНОЙ. Саратовская обл. План 1994–2005 гг.

ЗАВИДОВСКИЙ. Тверская и Московская обл. Формально значился в 1972–1992 гг. Фактически был спецохотхозяйством, каковым и остается.

ЗАГАНСКИЙ. Бурятия (Смирнов, Кельберг, 1975; Зыков, Нухимовская, 1979). Не осуществлен. Актуальность сохраняется. В планы не включен.

ЗАЛЕДЕЕВСКИЙ. Красноярский край, бор у Енисейска (факт. заказник в 20-х гг.).

ЗАПАДНО-КАМЧАТСКИЙ. Северо-запад Камчатки. Новый вариант из плана 2001–2005 гг.

ЗАПАДНО-САЯНСКИЙ — Первоначальный вариант названия САЯНО-ШУШЕНСКОГО заповедника (Соколов, 1967).

ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ — Вариант названия БАРАБИНСКОГО заповедника (см.).

«ИВИНСКИЙ РАЗЛИВ». Ленинградская обл. Из плана 1991–1995 гг.

«ИСТОКИ РЕКИ КАМЫ». Удмуртия. Предлагался местными органами в 60-х гг. В научные планы не включался. Актуален. См. «СЫРДЫК».

«ИРЕНДЫК». Башкирия. Был в плане 1991–1995 гг.

КАЙСКИЙ. Кировская обл. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

КАЗЫРСУКСКИЙ. Красноярский край, Западный Саян, река Казыр-Сук, правый приток Енисея. Предлагался И. Окуличем для охраны соболя, не реализован, ныне входит в создаваемый биосферный полигон САЯНО-ШУШЕНСКОГО зап-ка.

КАЛУЖСКИЙ (НАРО-ПРОТВИНСКИЙ). В 30–40 гг. намечался как участок Московского зап-ка. В последующие планы не включался.

КАЛМЫЦКИЙ. Предлагался в 40-х гг. А.Н. Формозовым, включен в планы В. Макарова, отчасти реализован созданием зап-ка «ЧЕРНЫЕ ЗЕМЛИ».

КАМЧАТСКИЙ ГОРНЫЙ (ЦЕНТРАЛЬНО-КАМЧАТСКИЙ). «Генсхема», 1979. Предварит. обследование в конце 70-х гг. Не реализован. Актуален.

КАМСКО-БАКАЛДИНСКИЙ. Нижегородская обл. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

КАРАГИНСКИЙ (КАМЧАТСКИЙ ОСТРОВНОЙ). Камчатская обл. Предложен В. Семеновым-Тян-Шанским в 1917 г. Местный охотничий «зап-к» в 20-х гг. (Северцов, 1929), позднее предлагался В. Макаровым, был в планах 30-х и 90-х гг., не реализован, актуален.

КИТОЙСКИЙ. Иркутская обл. Местный охотничий зап-к в 1915–1923 гг.

КИЛЕМАРСКИЙ. Нижегородская обл. Новый вариант, план 1994–2005 гг.

КИТЧАНСКИЙ. Якутия (Щербаков, 1963). Не реализован.

КЛЯЗЬМИНСКИЙ. Владимирская обл. Действовал с 1935 по 1951 г. Предложения о восстановлении не реализованы. Актуален.

КОДАРО-ЧАРСКИЙ — вариант названия ЧАРСКОГО зап-ка (см.)

«КОЛОГРИВСКИЙ ЛЕС» — новое название ЮЖНО-ТАЕЖНОГО зап-ка (см.)

КОНДО-СОСВИНСКИЙ (КОНДИНСКИЙ). Тюменская обл. Действовал с 1929 по 1951 г. Многочисленные предложения о восстановлении (Лавренко и др., 1958 и др.) отчасти реализованы созданием зап-ка «МАЛАЯ СОСЬВА» и КОНДИНСКОГО ЗАКАЗНИКА. Актуальность зап-ка в бассейне Конды сохраняется.

КОСИНСКИЙ. г. Москва (ранее Московская обл.), действовал в системе Наркомпроса в 20-х гг. (Кожевников, 1925; Северцов, 1929). Заповедание нереально, актуальность охраны озер сохраняется.

КОСТРОМСКОЙ — вариант названия ЮЖНО-ТАЕЖНОГО зап-ка.

КРАСНОЧИКОЙСКИЙ (ЧИКОЙСКИЙ). Читинская обл. (Васильковский, 1929; Лавренко и др., 1958). Отчасти заменен *СОХОНДИНСКИМ* заповедником.

КРАСНОЯРСКИЙ — первоначальное название действ. зап-ка «СТОЛБЫ».

КУБАНСКИЙ — первоначальное название *КАВКАЗСКОГО* зап-ка.

КУЗНЕЦКИЙ. Кемеровская обл. Вариант создания заповедника на западных склонах Кузнецкого Ала-Тау (Зыков, Нухимовская, 1979), заменен действующим заповедником *КУЗНЕЦКИЙ АЛА-ТАУ.*

КУЙБЫШЕВСКИЙ — название *ЖИГУЛЕВСКОГО* (СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОГО) заповедника в 30–40 гг.

КУЛУНДИНСКИЙ. Алтайский край. Предлагался в 60-х гг. Актуален, включен в план 1994–2005 гг.

КУМИКУШСКИЙ. Пермская обл. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

КУНГУРСКАЯ ПЕЩЕРА. Пермская обл. Действовал в 1943–1951 гг. Режим заповедности нереален.

КУНГУРСКИЙ. Пермская обл. Предлагался как восстановление ранее существовавших запков «Предуралье» и «Кунгурская пещера» (Зыков и Нухимовская, 1979). Актуальность требует уточнения.

КУНОВАТСКИЙ. Тюменская обл. («Генсхема», 1979 и др.). Проектирование проведено в конце 80-х гг. (Б. Иващенко), не реализовано, актуальность сохраняется, включен в план 1994–2005 гг.

ЛАХТИНСКИЙ. В черте Санкт-Петербурга. В 20-х гг. — местный «заповедник» вблизи города.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ. Предлагался и намечался ГО СССР и ЛГУ в 1947 г. (участки по границе с Псковской и Новгородской обл.). Не реализован.

ЛЕВАШОВСКИЙ. Ленинградская обл. «Близ ж-д. станции Левашово в б. имении кн. Вяземского» (В. Семенов-Тян-Шанский, 1917 г.). Не реализован.

«ЛЕШАК-ЩЕЛЬЯ». Тюменская обл. («Генсхема», 1979). Не реализован. Актуальность сохраняется, включен в план 1994–2005 гг.

ЛИНДУЛОВСКАЯ РОЩА. Пригород Санкт-Петербурга, охраняемая природная территория, в прошлом местный «заповедник».

«ЛИПОВАЯ ГОРА». Пермская обл. Предлагался в 20-х гг. (Хребтов, 1925). Не реализован. Актуальность неясна.

«ЛИПОВЫЙ ОСТРОВ» (КУЗЕДЕЕВСКИЙ)». Кемеровская обл. Предлагался в 70-х гг. (Салатова, 1973; Малышев, 1980 и др.).

ЛОПАТКИНСКИЙ. Камчатская обл. Местный зап-к в 20-х гг. Актуален.

ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ. Вариант названия Погоно-Лосиноостровского (см.) участка Московского заповедника, ныне национальный парк.

МАЛОЗЕМЕЛЬСКИЙ. Один из вариантов НЕНЕЦКОГО зап-ка (см.).

«МАНГАЗЕЯ». Ямало-Ненецкий авт. округ (Зыков, Нухимовская, 1979). Не реализован, заменен созданием ВЕРХНЕ-ТАЗОВСКОГО зап-ка.

МАРИЙСКИЙ. Республика Марий Эл. Действовал в 1967–1973 гг. Предлагается к восстановлению, но в планах не отражен.

МАТВЕЕВСКАЯ ПАРМА. Свердловская обл., истоки р. Лозьвы. Один из первых проектов охотничьих зап-ков в России (Белоусов, 1915).

МЕЗЕНСКИЙ РАВНИННЫЙ. Архангельская обл. Предложение В. Семенова-Тян-Шанского, 1917 г. Не реализован. Актуальность требует уточнения.

МОЖГИНСКИЙ. Кировская обл. Местный «заповедник» в 30-х гг. (Корсаков, 1931).

МОСКОВСКИЙ. Московская и Калужская обл. В 30–40 гг. проектировался на 10 участках, был создан и действовал в 1945–1948 гг. на пяти (Верхне-Клязьминский, Верхне-Москворецкий, Глубоко-Истринский, Приволжско-Дубнинский, Приокско-Террасный), из которых сохранился только последний. См. также «Дубравно-Самынский», «Протва-Ратовский», «Погоно-Лосиноостровский», «Подмосковный» и «Центральный РСФСР» («Черустинский лес»).

МУГОДЖАРСКИЙ. Челябинская обл. Предлагался Б.П. Колесниковым (1971) на крайнем юге обл. как полупустынный. Актуальность неясна.

МУЕЗЕРСКИЙ. Карелия. Первонач. вариант КОСТАМУКШСКОГО зап-ка.

МУРМАНСКИЙ ТУНДРОВОЙ. Мурманская обл. (Зыков, Нухимовская, 1979; «Генсхема», 1979). Не реализован, актуален, включен в план 1994–2000 гг.

МУРОМСКИЙ. Рязанская и Московская обл. Гипотетический вариант организации «Центрального заповедника РСФСР» (Шиллингер, 1928).

МУЧКАПСКИЙ. Тамбовская обл. Местный «заповедник» в 40-х гг.

НЕНЕЦКИЙ (ряд вариантов — БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКИЙ, МАЛОЗЕМЕЛЬСКИЙ, МОРЕ-Ю, ОСТРОВ ВАЙГАЧ и др., см. Успенский, 1967, Крючков, 1973, Банников и др. 1974, Зыков, Нухимовская, 1979 и др.). Проектирование велось ЦЛОП, ЦПИЭ и ЦНИЛ в 70–90 гг., заповедник не создан, актуальность возрастает, проектирование продолжается (Дежкин и др., 1995).

НЕРЧИНСКИЙ СТЕПНОЙ. Читинская обл. (Макаров, 1938; Малышев, 1980). Не реализован, актуальность требует уточнения.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

НИЖНЕ-ТУНГУССКИЙ. Иркутская обл. Предлагался в 60-х гг. Комиссией ОП СО АН СССР (верхнее течение Н. Тунгуски). Не реализован, актуален.

НИЖНЕ-ХОПЕРСКИЙ. Волгоградская обл. План 1994–2005 гг.

«НИЧАТКА». Озеро в Читинской обл. Предлагалось (Скалон, 1949 и др.) включить в ВИТИМСКИЙ заповедник. Не реализован, актуален.

НОВОЗЕМЕЛЬСКИЙ. Архангельсая обл. (ряд вариантов — Лавренко и др., 1958; Успенский, 1967; «Новая Земля», 1994 и др.). В 1947–1951 гг. действовал филиал заповедника «СЕМЬ ОСТРОВОВ» (бухты Безымянная и Грибова). Предложения о восстановлении не реализованы. Актуальность возрастает, проектирование продолжается.

НОРСКИЙ. Амурская обл. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

ОБДОРСКИЙ РАВНИННЫЙ. Тюменская обл., лесотундра в р-не Салехарда, предложение В. Семенова-Тян-Шанского, 1917 г., не реализован.

ОЗЕРО БОЛЬШОЕ ТОКО. Якутия. Новый вариант, план 1994–2005 гг.

ОЗЕРО КИЕВО. Московская обл. Предлагался как один из участков при проектировании Московского зап-ка в 40-х гг. Не реализован.

ОЗЕРО МОГИЛЬНОЕ. Местный «зап-к» 20-х гг. в Мурманской обл.

ОЛЕНИЙ ОСТРОВ. Местный «зап-к» 20-х гг. в Мурманской области.

ОЛОНЕЦКИЙ ЛЕДНИКОВЫЙ. Мурманская обл. Предложение В. Семенова-Тян-Шанского, 1917 г. Частично заменен *ЛАПЛАНДСКИМ.*

ОМЕЛЬДИНСКИЙ. Хабаровский край. Вариант БАДЖАЛЬСКОГО зап-ка. Проектировался ЦПИЭ в 1969 г., не реализован. Актуален при уточнении.

ОМОЛОНСКИЙ. Магаданская обл. Из плана 1991–1995 гг.

ОМСКИЙ. Омская обл. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

ОРОНСКИЙ. Первоначальный вариант названия ВИТИМСКОГО зап-ка.

ОСТРОВ МЕДНЫЙ. Местный заповедник 20-х гг. в Камчатской обл.

ПАЗОВСКИЙ. Мурманская обл. Из плана 1991–1995 гг.

ПАРАБОЧЕВСКИЙ. Дагестан. Местный «зап-к» в 20-х гг. (Северцов, 1929).

«ПЕЛЫМСКИЙ ТУМАН». Свердловская обл. Из плана 1994–2005 гг.

ПЕНЗЕНСКИЙ. Пензенская обл. Действовал с 1919 по 1927 г., вошел в состав СРЕДНЕВОЛЖСКОГО, затем КУЙБЫШЕВСКОГО *(ЖИГУЛЕВСКОГО)* зап-ка, ликвидирован в 1951 г. В 1989 г. частично вошел в заповедник *«ПРИВОЛЖСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ».*

«ПЕРСИЯНОВСКАЯ СТЕПЬ». Ростовская обл. Особо ценный участок при проектировании РОСТОВСКОГО зап-ка.

ПОГОНО-ЛОСИНООСТРОВСКИЙ («ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ»). Пригород Москвы (теперь частично в черте города). В 30–40 гг. намечался как участок МОСКОВСКОГО зап-ка, ныне действующий национальный парк.

ПОДМОСКОВНЫЙ («ЖУРАВЛИНАЯ РОДИНА», «ЧЕРУСТИНСКИЙ ЛЕС»). Московская обл. Проектирование 90-х гг., не реализован, план 1994–2005 гг.

«ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ». Республика Коми (Зыков, Нухимовская, 1979). Не реализован и не проектировался. Актуальность требует уточнения.

«ПОПЕРЕЧЕНСКАЯ СТЕПЬ». Особо ценный участок б. ПЕНЗЕНСКОГО заповедника, ныне входит в состав зап-ка *«ПРИВОЛЖСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ».*

«ПРАВДИНСКИЙ». Калининградская обл. Из плана 1994–2005 гг.

«ПРЕДУРАЛЬЕ». Пермская обл. Действовал с 1943 по 1951 г. Предложения о восстановлении не реализованы, актуальность сохраняется.

ПРИБРЕЖНЫЙ. Один из вариантов ЧУКОТСКОГО зап-ка (см.).

ПРИВОЛЖСКО-ДУБНЕНСКИЙ. Московская обл. Действовал в 1945–1951 гг. Неоднократно предлагался к частичному восстановлению. Не реализован.

ПРИСУЛАКСКИЙ. Дагестан. Местный «зап-к» в 30-х гг. (Туров, 1933).

ПРОТВА-РАТТОВСКИЙ. Калужская обл. Один из участков Московского зап-ка. Не реализован, актуальность требует уточнения.

«ПУШКИНСКИЙ» («ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК»). Псковская обл., Михайловское. В 20–

50-х гг. официально числился «заповедником» НКП и АН СССР.

ПЯСИНСКИЙ. Таймырский авт. округ. Предлагался как вариант при проектировании действующего *ТАЙМЫРСКОГО* зап-ка. Не реализован.

«РАИФА». Татария. В 20-х гг. местный зап-к (Северцов, 1929), ныне основной участок *ВОЛЖСКО-КАМСКОГО* зап-ка.

«РЕКА РАГУША». Ленинградская обл. Из плана 1991–1995 гг.

«САДКИ». Краснодарский край. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

САКСАРИНСКИЙ (ХАКАССКИЙ СТЕПНОЙ). Хакасия (Куминова, 1976; Зыков, Нухимовская, 1979). Проектирование в 80-х гг. не дало результатов, актуальность варианта сохраняется, несмотря на создание зап-ка *«ЧАЗЫ»*.

САМУРСКИЙ. Дагестан. Наиболее ценный вариант *ДАГЕСТАНСКОГО* заповедника. Не реализован, актуальность велика, но в планах его нет.

«САРОВСКИЕ ЛЕСА» — первоначальный вариант названия *МОРДОВСКОГО* зап-ка.

САЯНСКИЙ (ВОСТОЧНОСАЯНСКИЙ). Иркутская обл. и Красноярский край. Первоначально учрежден в 1915 г., прекратил действовать в 1919 г. Учрежден заново в 1939 г., ликвидирован в 1951 г. Предложения о восстановлении (Лавренко и др. 1958; Салатова, 1973 и др.) не реализованы. Актуальность сохраняется, несмотря на существование *САЯНО-ШУШЕНСКОГО* биосферного зап-ка и Тофаларского федерального заказника.

СВЕТЛИНСКИЙ. Оренбургская обл. Новый вариант, план 1994–2005 гг.

СЕВЕРО-УРАЛЬСКИЙ. Тюменская обл. Первоначальное название *КОНДО-СОСВИНСКОГО* заповедника.

СЕВЕРО-УРАЛЬСКИЙ. Свердловская обл. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

СЕВЕРО-САХАЛИНСКИЙ. Сахалинская обл. («Генсхема», 1979). Не реализован, актуальность сохраняется.

СЕВЕРО-ОЛЬХОНСКИЙ. Бурятия. Предложен в 1971 г. при разработке водоохранной зоны Байкала, не реализован, безусловно актуален, но в официальных планах не отражен.

СЕЛЕМДЖИНСКИЙ. Амурская обл. Новый вариант из плана 1994—2005 гг.

СЕЛЕНГИНСКИЙ (УСТЬ-СЕЛЕНГИНСКИЙ, «СЕЛЕНГИНСКАЯ ДЕЛЬТА»). Бурятия. Первоначально предложен Байкало-Баргузинской экспедицией Иркутского ун-та (В.П. Фаворский). Проектировался в конце 80-х гг. ЗСПИЭ (А.С. Александров). Не осуществлен. Актуальность возрастает, в планах нет.

«СЕМЬ ОСТРОВОВ». Мурманская обл. Действовал с 1938 по 1951 г., частично включен в состав КАНДАЛАКШСКОГО заповедника. Предложения о восстановлении не реализованы, актуальность сохраняется.

СОЛОНЦОВО-СТЕПНОЙ (БОГДИНО-БАСКУНЧАКСКИЙ). Астраханская обл. Предлагался к созданию в 1919 г. вместе с Астраханским (Подъяпольский, 1929 и др.). Актуальность сохраняется, ведется проектирование (Дежкин и др., 1995), намечен к созданию на 1996 г.

«СОСНОВЫЙ БОР». Участок ПЕНЗЕНСКОГО (см.) зап-ка.

СРЕДНЕ-ВОЛЖСКИЙ — название ПЕНЗЕНСКОГО и *ЖИГУЛЕВСКОГО* зап-ков в конце 20-х – начале 30-х гг.

СРЕДНЕ-ЕНИСЕЙСКИИ. Красноярский край, бас. Подкаменной и Нижней Тунгусок (первоначально предложен В. Семеновым-Тян-Шанским, включен в план В. Макарова 1939 г. (Штильмарк, 1974), см. ЭВЕНКИЙСКИЙ зап-к.

СРЕДНЕ-САХАЛИНСКИЙ. Сахалинская обл. Действовал с 1948 по 1951 г. Предложения о восстановлении не реализованы, актуальность сохраняется.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ. Ставропольский край. Неудачное проектирование 80-х гг. Включен в план 1994–2005 гг.

«СУРСКАЯ ШИШКА». Пензенская обл., предложение В. Семенова-Тян-Шанского 1917 г., не реализовано, актуальность требует уточнения.

СУРСКИЙ («ИМЕНИ БРАТЬЕВ УЛЬЯНОВЫХ»). Ульяновская обл., бас. р. Суры, намечался в 60-х гг. на пл. 12 тыс. га, обследования проведены М.Н. Бородиной. Не реализован, актуальность требует уточнения.

«СЫРДЫК». Удмуртия. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

СЮЛЬБАНСКИЙ. Читинская обл. Бас. р. Сюльбан (Крылов, Салатова, 1971; Салатова, 1973). Не реализован, актуальность неясна.

ТАВОЛЖАНСКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ. Тюменская обл. («Генсхема», 1979 и др.). Не реализован, актуальность возрастает, включен в план 1994–2005 гг.

ТАТАРСКИЙ — вариант названия местного заповедника «Раифа».

«ТЕЛЛЕРМАНОВСКИЙ ЛЕС». Воронежская обл. (Лавренко и др., 1958) Не реализован; актуальность сохраняется в отношении нагорных дубрав.

ТЛЯРАТИНСКИЙ. Дагестан. Один из вариантов *ДАГЕСТАНСКОГО* заповедника. Не реализован, актуальность сохраняется. План 1994–2005 гг.

ТОБОЛЬСКИЙ. Тюменская обл. (Крылов, 1972; Зыков, Нухимовская, 1979). Вариант предлагаемого Таволжанского заповедника.

ТОККИНСКИЙ. Якутия. Первоначальный вариант *ОЛЕКМИНСКОГО* зап-ка (Скалон, 1939 и др.). Не реализован.

ТОРЕЙСКИЙ. Читинская обл. Первоначальное название ДАУРСКОГО зап-ка (оз. Барун- и Зун-Торей, местный зап-к 20-х гг., /Северцов, 1929/).

ТРОИЦКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ. Челябинская обл. Действовал в 1927–1951 гг. как база Пермского ун-та. Восстановление предусматривалось (Лавренко и др., 1958). Актуальность сохраняется.

ТРУБЧЕВСКИЙ — вариант названия действующего зап-ка *«БРЯНСКИЙ ЛЕС»*.

ТУВИНСКИЙ (ТУВИНСКИЙ ГОРНО-СТЕПНОЙ) и ряд других вариантов (Салатова, 1973; Сопин, 1977; Зыков, Нухимовская, 1979 и др.). Проектирование велось ЗСПИЭ. Не реализован, актуальность сохраняется.

«ТУЛЬСКИЕ ЗАСЕКИ». Тульская обл. Действовал в 1935–1951 гг., предложения о восстановлении не реализованы, актуальность возрастает, включен в план 1994–2005 гг.

ТУЛАШОРСКИЙ. Кировская обл. Из плана 1994–2005 гг.

УВАРОВСКИЙ. Тамбовская обл. Местный «заповедник» в 40-х гг.

УДА-БИРЮСИНСКИЙ. Иркутская обл. Предлагался Комиссией ОП СО АН СССР в 60-х гг. (Крылов, Салатова, 1971). Не реализован, актуален.

УДЫЛЬСКИЙ. Хабаровский край («Генсхема», 1979 и др.). Не реализован, актуальность возрастает, включен в план 1994–2005 гг.

УРЕЙСКИЙ. Читинская обл., бас. р. Урей в Акшинском р-не, предлагался в 70-х гг., заменен *СОХОНДИНСКИМ* зап-ком.

УРКИНСКИЙ. Амурская обл. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

УРЯНБАШСКИЙ. Ульяновская обл. Местный «заповедник» Наркомздрава в 20-х гг. (Северцов, 1929).

УССУРИЙСКИЙ. Хабаровский край «в области третичных лесов между Сихотэ-Алинем и уссурийской железной дорогой» (план В. Семенова-Тян-Шанского, 1917 г., не реализован, актуальность сохраняется). Не смешивать с действующим *УССУРИЙСКИМ* (б. Супутинским) зап-ком в Приморье.

УСТЬ-ВИЛЮЙСКИЙ. Якутия. Из нового плана 2001–2005 гг.

УТКИНСКИЙ. Местный «заповедник» 20-х гг. в Камчатской обл.

«УТРИШ». Краснодарский край. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

«УЧ-КОСА». Дагестан. Местный «зап-к» в 20-х гг. (Северцов, 1929).

«УФИМСКОЕ ПЛАТО». Свердловская обл. Новый вариант плана 1994–2005 гг.

«УШКАНЬИ ОСТРОВА». Бурятия. Заповедание предлагалось В. Сукачевым, В. Ламакиным и др., но не реализовано. Актуальность возрастает.

ХАКАССКИЙ СТЕПНОЙ — см. *САКСАРИНСКИЙ*.

ХАМАР-ДАБАНСКИЙ — Предлагаемое (более точное) название действующего *БАЙКАЛЬСКОГО* заповедника в Бурятии.

ХВАЛЫНСКИЙ. Саратовская обл. Из плана 1994–2005 гг.

«ХРЕНОВСКОЙ БОР» (БИТЮГСКИЙ). Воронежская обл. (Миловский, 1934; Лавренко и др., 1958). Не реализован, актуальность сохраняется.

«ХРЕНОВСКАЯ СОЛОТНАЯ СТЕПЬ». Воронежская обл. Первоначально намечена как участок *ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО* зап-ка. Не реализовано, как и дальнейшие предложения (Лавренко и др., 1958). Актуально.

ХУНГАРИЙСКИЙ (ГУРСКИЙ). Хабаровский край. Предлагался как вариант действующего *КОМСОМОЛЬСКОГО* заповедника, в 60-х гг. действовал филиал пл. 10 тыс. га (Штильмарк, Власов, 1967). Актуальность возрастает.

ЧАРСКИЙ (КОДАРО-ЧАРСКИЙ). Читинская обл. (Павлов, 1967). Не реализован, отчасти заменен ВИТИМСКИМ зап-ком.

ЧЕРНОМОРСКИЙ. Краснодарский край («от побережья и протягивающийся как можно дальше в горы» — предложение В. Семенова-Тян-Шанского 1917 г.). Отчасти реализован (Кавказский зап-к, Сочинский нацпарк).

ЧЕРСКИЙ (ИНДИГИРСКИЙ, ЯКУТСКИЙ ГОРНЫЙ). Якутия (Скалон, 1939 и др.). Не реализован. Включен в новый план 1994–2005 гг.

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ. Чечено-Ингушетия («Генсхема», 1979 и др.). Намечался к созданию на базе б. республиканского заказника. Не осуществлен. Актуальность требует уточнения, но в настоящее время нереален.

«ЧЕРУСТИНСКИЙ ЛЕС» — См. «Подмосковный» и «Центральный РСФСР».

ЧИВЫРКУЙСКИЙ. Бурятия. Входил в границы несуществовавшего БАЙКАЛЬСКОГО зап-ка (см.), предлагался в проектах расширения БАРГУЗИНСКОГО зап-ка и при проектировании водоохранной зоны Байкала. Входит в пределы действующего Забайкальского национального парка.

ЧИКОЙСКИЙ — вариант названия КРАСНОЧИКОЙСКОГО зап-ка (см.).

ЧИТИНСКИЙ. Читинская обл. Действовал в 1948–1951 гг. Предложений о восстановлении неизвестно, по-видимому, не актуален.

ЧУКОТСКИЙ (ряд вариантов — Лавренко и др., 1958; Успенский, 1967; Зыков, Нухимовская, 1979; Железнов, Васьковский, 1987 и др.). Не осуществлен. Актуальность организации возрастает. В плане 1994–2005 гг. включен вариант под названием ПРИБРЕЖНОГО.

ЧУЛЫМСКИЙ. Томская обл. (Крылов, 1972). Не реализован. Вариант требует уточнения.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РСФСР. Московская обл., р-н ж. д. станции Черусти. Предложен отделом охраны природы НКП РСФСР в 20-х гг. (Шиллингер, 1928; ГАРФ, Ф. 307. Оп. 11. Д. 30. Л. 31–31об.). См. «Подмосковный».

«ШАЙТАН-ТАУ». Башкирия и Оренбургская обл. Предлагался неоднократно (Лавренко и др., 1958; Кириков, 1977; Зыков и Нухимовская, 1979 и др.). Не осуществлен. Актуальность заповедания сохраняется. Включен в план 1994–2005 гг. по Оренбургской обл.

ШАМАН-ТИУЛЬСКИЙ. Хабаровский край, низовья Амура, массив Шаман-Тиуль (Комарова, 1976 и др.). Не реализован, актуален, в планах нет.

ШАНТАРСКИЙ. Хабаровский край. Первоначально предлагался В. Семеновым-Тян-Шанским в 1917 г., М.М. Слепцовым в 40-х гг., позднее «Генсхема», 1979 и др. Не реализован, актуален, включен в план 1994–2005 гг.

«ШИПОВ ЛЕС». Воронежская обл. (Лавренко и др., 1958), не реализован, актуальность сохраняется.

ЮЖНО-ДАГЕСТАНСКИЙ. Дагестан, новый вариант, план 1994–2005 гг.

ЮЖНО-САХАЛИНСКИЙ. Сахалинская обл. Действовал с 1948 по 1951 г. Заменен в 1987 г. *ПОРОНАЙСКИМ* заповедником.

ЮЖНО-ТАЕЖНЫЙ (КОСТРОМСКОЙ). Костромская обл. (Лавренко и др., 1958). Проектировался в 60-х гг. Не осуществлен, несмотря на исключительную актуальность. Включен в план 1994–2005 гг. под названием «КОЛОГРИВСКИЙ ЛЕС».

ЮЖНО-ТАЕЖНЫЙ ПИХТОВЫЙ. Томская обл. Из плана 1994–2005 гг.

ЭВЕНКИЙСКИЙ (ТУНГУССКИЙ). Эвенкийский авт. округ, ряд вариантов (Крылов, Салатова, 1971; Зыков, Нухимовская, 1979), один из них воплощен в 1995 г. под названием Тунгусского.

ЯЙВИНСКИЙ. Пермская обл. Новый вариант из плана 1994–2005 гг.

ЯКУТСКИЙ (ряд вариантов — Скалон, 1939; Лавренко и др., 1958; Щербаков, 1963; Зыков, Нухимовская, 1979 и др.). Реализован *ОЛЕКМИНСКИИ* и *УСТЬ-ЛЕНСКИЙ*, актуальность ВЕРХОЯНСКОГО, ЧЕРСКОГО, ВИЛЮЙСКОГО, ЯНО-ИНДИГИРСКОГО сохраняется. В новый план 1994–2005 гг. включены ЯКУТСКИЙ ГОРНЫЙ, ЯКУТСКИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ, УСТЬ-ВИЛЮЙСКИЙ, ЦЕНТРАЛЬНО-АЛАСНЫЙ. Однако, органы власти Якутии решили создавать не заповедники, а иные формы ООПТ (сообщ. В. Б. Степаницкого).

ЯМАЛЬСКИЙ (ряд вариантов — Успенский, 1967; Зыков, Нухимовская, 1979; Калякин, 1984 и др.). Ямало-Ненецкий авт. округ. Проектировался в 80-х гг. (Б. Иващенко). Не осуществлен. Актуальность организации возрастает, включен в план 1994–2005 гг. См. также след. пункт.

ЯМАЛО-ГЫДАНСКИЙ. Ямало-Ненецкий авт. округ. Из плана 1994–2005 гг.

ЯМБИРСКИЙ. Местный «заповедник» 20-х гг. в Рязанской обл.

ЯНО-ИНДИГИРСКИЙ. Якутия (Зыков, Нухимовская, 1979 и др.). Не реализован, актуальность возрастает. Включен в план 1994–2005 гг.

Примечание. При таком нагромождении вариантов некоторые названия дублируются («Южно-таежный» — «Южно-таежный пихтовый»; Ямальский — Ямало-Гыданский) или звучат неблагозвучно-двусмысленно («Уркинский», «Ивинский разлив», «Камско-Бакалдинский» и др.). На этот существенный аспект как-то не принято обращать внимания. Многочисленность вариантов в отдельных регионах порождает путаницу (Якутия, Ямал, Тува и др.).

3.1.15. Оглядываясь на пройденный путь

Мы проследили историю отечественных заповедников, включая разные формы административного управления ими. Не претендуя на серьезное теоретическое обобщение, следует сделать определенные выводы. Ведь история, как известно, не только бесстрастная свидетельница прошлого, но и великая наставница жизни, дающая убедительные поучения будущему.

Организацию, деятельность и трансформацию российских заповедников невозможно рассматривать вне процессов исторического развития общества. Парадоксальные ситуации, вроде тех, когда строжайше зарегулированная советская заповедная система могла показаться зарубежному историку «архипелагом свободы в океане тоталитаризма» (Вайнер, 1991), лишь подчеркивают зависимость частного от целого. Заповедники были частью общегосударственных структур и эволюционировали вместе с таковыми. Поэтому справедливо выделять для них «ленинский», «сталинский», «брежневский», «ельцинский» и другие этапы, связанные с разными периодами общественно-политического устройства.

Трудно удержаться от эффектного сопоставления 35 десятин деркульской степи, заповеданных в 1895 г. Докучаевым на Деркульской степной станции, с 30 миллионами гектаров, которыми располагают спустя столетие 93 государственных природных заповедника Российской Федерации. Весьма объемен и значителен их вклад в охрану и познание природы отечества. Они оберегают особо ценные природные участки и объекты, служат главной опорой сохранения биологического разнообразия страны, владеют огромным научным материалом, который лишь до некоторой степени отражен в многочисленных публикациях и поистине безмерных рукописях. Большой коллективной заслугой нашего заповедного дела признается сам факт длительного стационарного изучения природных экосистем с использованием сети заповедников как репрезентативных пунктов («реперов») для сопоставления с освоенными территориями. При этом в них отчетливо обозначился углубленный уровень биолого-экологических исследований.

Хорошо известно, что в основу ныне действующей глобальной сети биосферных резерватов заложены принципы устройства наших заповедников.

В этой книге мы не рассматриваем организацию научной работы в заповедниках и ее результаты (на эту тему существуют специальные труды, в частности, К.П. Филонова, Ю.Д. Нухимовской и др.), но придаем ей первостепенное значение, отделяя научные заповедники от национальных парков и всех других охраняемых территорий.

Такая позиция неоднократно подвергалась ревизиям и сомнениям, которые заметно усилились в конце 80-х и особенно — в начале 90-х гг. Исподволь сформировалось представление о том, что «заповедная наука» по уровню и возможностям значительно уступает академическим и ведомственным научным учреждениям, потенциал ее используется лишь в очень слабой мере, накопленные материалы, в частности, многолетние «Летописи природы» оказываются невостребованными. Ситуация усугубилась экономическими трудностями, когда сотрудникам заповедников пришлось уделять много сил и времени подсобному хозяйству, отрываясь от научной работы. Убеждение в неблагополучии научно-исследовательской сферы всей заповедной системы совпало с переломами социального устройства страны, с политическими потрясениями, которые содействовали процессу «смены приоритетов», тенденциям переключения центра тяжести в заповедном деле с науки на другие направления.

«Засилье в заповедном деле чистых биологов, часто не видящих ничего дальше какой-нибудь травки или букашки, не позволяет подойти к заповедникам и национальным паркам с позиций общегуманитарных, политических, культурных, экономических, обществоведческих, религиозных, нравственных, воспитательно-патриотических» (Борейко, 1995д, с. 2). Это пишет опытный специалист, считающийся среди молодежи одним из лидеров заповедного дела. *«Людей вряд ли удастся завлечь мониторингом, эталонностью, биоресурсами и другими, пусть очень важными, но понятными только специалистам штуками. Массы далеки от биологии с экологией и вряд ли воспримут очередные околонаучные откровения специалистов»*, – утверждает тот же автор в другой работе (Борейко, 1995, с. 182).

Здесь впору вспомнить откровения Н.С. Хрущева начала 60-х гг. насчет «дармоедов-ученых» или О.Б. Лепешинской, призывавшей сделать советские заповедники «зажиточными», но то было другое время, когда подобный обскурантизм оправдывали политическими мотивами. Главную причину этих довольно наивных заблуждений прежде всего надо видеть в стремлении поставить знак равенства между заповедниками и национальными парками, объединить их на общей базе просветительской деятельности и «экологического туризма» (термин сомнительный по своей сути, ибо всякий туризм есть общение людей с окружающей их природной средой).

Надо сказать, что проблема эта отнюдь не нова. Еще в 20–30-х гг. широко пропагандировалась идея использования заповедников не только для туризма и просвещения (Молодчиков, 1931 и др.), но и в сугубо коммерческих целях. Для примера можно напомнить статью не раз упоминавшегося Ф. Шиллингера (1931а) под выразительным заголовком «К развитию иностранного туризма в заповедниках и необходимости капиталовложений в это дело» (еще раз подчеркнем, что организация туризма требует весьма серьезных затрат). Идею использования заповедников для туризма и отдыха населения СССР поддерживали даже такие видные экологи, как проф. Д.Н. Кашкаров и И.И. Пузанов, но они настаивали на организации широкой сети крупных национальных парков (отчасти на базе ранее созданных заповедников), в которых обязательно должны выделяться участки полной заповедности, закрытые для любых посетителей.

Однако же национальные парки стали появляться в РСФСР только в 80-х гг. и до сих пор «приживаются» с большими трудностями. Именно к национальным паркам относятся призывы В. Борейко, Н. Данилиной и других о «гордости нации», «нацио-

нальном символе», «воспитательной роли ОПТ» и т. п. Паркам, предназначенным для общения людей с природой (прежде всего в целях экологического просвещения), пойдет на пользу и символика, и реклама, и соответствующая пропаганда, тогда как заповедникам все это явно противопоказано, им вовсе не нужно «завлекать» к себе людей, напротив, они нуждаются в тишине и максимальном «безлюдье». Н.Ф. Реймерс, например, был категорически против издания альбомов и буклетов о заповедниках, он даже не одобрял выход в свет серии «Заповедники СССР» с красочными иллюстрациями и картами, привлекающими внимание туристов и отдыхающих. Зачем заманивать их в заповедники?

«...не следует (просто бессмысленно) заповедовать, запрещать для посещения красивейшие районы страны, любимые места отдыха и странствий миллионов людей. Заповедники же — ради людей! — должны быть от них закрыты. Охраняется святая святых; красоты природы пусть будут предельно доступны и охраняемы, но вне заповедников. ...ученым и литераторам пора наконец четко различать заповедники и парки. ЕСЛИ ЗАПОВЕДНИК НЕ ИМЕЕТ НИЧЕГО, КРОМЕ КРАСОТ, ЕГО СЛЕДУЕТ ПРЕОБРАЗОВАТЬ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК. О заповедниках надо скупо рассказывать, но знать все, что там делается. Зато красоте национальных парков нужно посвящать книги и буклеты, альбомы и проспекты, оды и сонеты. Парки — для красоты и наслаждения, заповедники — во имя науки и для будущего, во имя Великой Пользы» (Реймерс и Штильмарк, 1979, с. 59, выделено нами).

Разумеется, в жизни все сложнее. Какой директор устоит против соблазна получать хорошие деньги за посещение той же Долины гейзеров в Кроноцком заповеднике? Какой Департамент согласится отдать такой «лакомый кусочек» под нацпарк другому ведомству?

При такой постановке вопроса национальные парки представляются более значимой и более «престижной» категорией ОПТ, нежели заповедники. Нет сомнений в том, что их должно быть больше и в количественном отношении, и по площади. Эта более лабильная форма территориальной охраны природы позволяет сочетать с ней традиционное природопользование, тогда как заповедники должны быть в этом отношении крайне строги и бескомпромиссны, будучи полностью изъяты из всех форм потребления, включая и нетрадиционные. Совершенно очевидно, что полностью изъятые из пользования научные заповедники не должны занимать гигантских пространств. Сейчас же мы видим обратную картину — почти сто заповедников занимают территорию, во много раз превышающую суммарную площадь тридцати наших нацпарков, и такая тенденция сохраняется на перспективу. Теоретически выходом могло бы стать преобразование значительной части нынешних заповедников в национальные парки при обязательном выделении там участков подлинной заповедности, но для этого надо прежде всего восстановить само это понятие в действующем законодательстве, а также создать самостоятельную систему государственного управления ООПТ.

Однако разногласия специалистов вокруг заповедников связаны не только с проблемой их «конвергенции» с национальными парками, но и с осуществлением в них научной работы. Здесь, как и по вопросу «смены приоритетов», явственно наметился определенный конфликт между сторонниками прежних, традиционных подходов и представителями более молодого поколения (первые тяготеют к системе РАН, вторые — к СоЭС, ЦОДП и МП РФ). «Старики-консерваторы» считают наиболее важным сохранить постоянство и преемственность в сборе научного материала, тогда как «реформаторы» ратуют за изменение существующей практики с одновременным внедрением новейших методов обработки (компьютеризация, усовершенствование форм отчетности и т. д.). Предлагая свои разработки «новой концепции» научных исследований в заповедниках, Е.А. Шварц (1995), Е.Н. Коршунова (рукопись, 1991, архив автора) и дру-

гие представители среднего поколения видят главные недостатки НИР в их «безвременности», отсутствии регулярного целенаправленного планирования, разрыве между *«идейно-теоретическим развитием современной науки с тематикой исследований в заповедниках»* (Шварц, 1995, с. 3). При этом подчеркивается важность обязательной регулярной обработки и публикации данных «Летописей природы» с использованием новейшей методики.

По мнению автора, в этих спорах много субъективных моментов, связанных с разницей во взглядах людей разного возраста и разных привычек. Пожилым людям трудно освоить новейшие достижения техники в области связи или информатики, они предпочитают водить пером по бумаге, оформлять карточки и дневники наблюдений, ставить «давилки Геро», как это делалось десятилетиями. Неохотно воспринимая новации, они навлекают на себя раздражение и критику «молодежи». Старшее поколение гораздо труднее переносит общественные перемены и преобразования, которые молодежь подчас воспринимает с чувством юмора. Отсюда и разногласия. Что же касается самих заповедников и научной работы в них, то целесообразно вести ее как бы на двух уровнях: выполнять программу-минимум, задаваемую из научно-методического центра (не будем определять какой системы), и осуществлять персональные исследовательские темы, определяемые сотрудниками заповедников. Главное при этом — предоставить возможность научной деятельности настоящим энтузиастам, преданным делу охраны природы, которых следует освободить от жесткого контроля со стороны администрации. Все эти «разборки» с научными советами из бухгалтеров и общественников, мелочные придирки к отчетам и срокам, привычная «обязаловка» должны остаться в социалистическом прошлом. Достойным работникам, настоящим натуралистам-исследователям, надо обеспечивать максимальную свободу творчества, тогда как нерадивым и корыстным людям в заповедниках вообще делать нечего.

В предыдущей главе говорилось о конференции «Заповедное дело в новых социально-экономических условиях», проведенной в 1995 г. Комиссией РАН в Санкт-Петербурге. Принятая резолюция (см. прил. 1 к наст. главе) явственно отражает позицию научной общественности и ее расхождение с официальным курсом Минприроды РФ, хотя эти аспекты представлены в документе весьма дипломатично (напомним, что ни один официальный представитель заповедного главка участия в конференции не принимал). Приводим отрывки из доклада председателя Комиссии, члена-корр. РАН, профессора В.Н. Тихомирова:

«Все беды заповедной системы России в конечном счете проистекают из одного очевидного и неоспоримого факта: никогда, ни один режим, ни одно правительство не были в состоянии правильно оценить значимость природоохранных проблем и уделить им должное внимание... Заповедники в нашей стране никогда не были и не могли быть «богатыми» учреждениями и не имеют оснований рассчитывать на богатство в близком обозримом будущем, если будут строго и честно выполнять свои главные задачи... Однако заповедная система при всех обстоятельствах выживала благодаря тому, что ее существование определяли энтузиасты, понимавшие важность охраны природы... Противостояние преданных делу бескорыстных и компетентных профессионалов партийно-чиновничьему напору было важнейшим фактором, определявшим жизнеспособность и устойчивость заповедной системы. Сейчас ситуация резко изменилась; становится привлекательной возможность использования территории заповедника для решения бытовых проблем, извлечения доходов и прибыли... К сожалению, и многие чиновники Минприроды, и ряд директоров и сотрудников заповедников... стали руководствоваться тезисом, будто заповедники должны... научиться зарабатывать себе на жизнь и пропитание... Все разговоры об «ограниченной хозяйственной» или «коммерческой» деятельности, «доходности», «экологическом туризме» и просто ту-

ризме, прикрываемом лозунгом «экологического образования и просвещения» широких масс на самом деле означают либо непонимание самого принципа заповедности, традиционного для России, либо сознательное его искажение. Развитие в этом направлении — гибельный путь для заповедной системы» (Тихомиров, 1995, с. 3–6).

История и жизнь убедительно показали нам, что в условиях государственного централизованного управления первостепенное значение приобретает та госструктура, которая осуществляет непосредственное и прямое руководство заповедниками. Не менее важно и то, какие личности стоят во главе этих структур, какие люди в них работают. Перед нами прошла череда ведомств и лиц, руководивших заповедниками: подразделения Народного комиссариата по просвещению, Комитет по заповедникам при ВЦИК, Главное управление по заповедникам при СНК РСФСР, Совете министров РСФСР и СССР, Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при СМ РСФСР, Министерство сельского хозяйства СССР, Госагропром СССР, Государственный комитет по охране природы СССР и РСФСР, наконец — нынешнее Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации с его вновь возрожденным Департаментом заповедного дела. Анализируя представленные материалы, нельзя не сделать вывод о том, что **заповедному делу** (или — всей системе особо охраняемых природных территорий) **требуется самостоятельный орган государственного управления, который мог бы решать от начала до конца все текущие вопросы, не будучи вкраплен в ту или иную ведомственную госструктуру. Причем этот орган должен возглавляться человеком не только глубоко преданным делу охраны природы и заповедников, но и влиятельным в политическом плане, имеющим вес в правительстве. Важнейшим условием является наличие в этом органе научных подразделений с экологами высокой квалификации, обладающими «заповедным» опытом.**

Принципы заповедного дела были заложены — и в теории, и на практике — замечательными представителями российской науки (Докучаевым, Бородиным, Кожевниковым, Талиевым, Сукачевым), но эти выдающиеся ученые, как правило, не получали возможности осуществлять реальное руководство заповедным делом, хотя и не чуждались административной работы. Лучшим из руководителей этой отрасли за рассмотренный исторический период был несомненно Василий Никитич Макаров, по существу возглавлявший самостоятельное заповедное управление на протяжении долгого времени (не его вина, что оно было уничтожено той же тоталитарной силой, которая это управление создала). В дальнейшем руководство государственными и научными структурами в сфере заповедного дела принадлежало, как правило, не экологам и природоохранителям, а отраслевым специалистам — лесохозяйственникам, охотоведам практического и преобразовательского направления, прагматикам, чаще всего недооценивавшим или даже не понимавшим основное (т. е. научное) предназначение заповедников.

История показывает, что современный этап в руководстве заповедным делом внешне имеет много общих черт с периодом 1917–1925 гг. (неустойчивость системы управления, частые внутриведомственные преобразования, тяжелое финансовое положение и т. п.). Однако явственное различие здесь видится в том, что в первые годы советской власти, несмотря на все исторические разломы, разруху и войны, в стране находились авторитетные личности (имена их представлены в книге), которые могли противопоставить свои убеждения, знания и опыт на благо охраны природы Отечества. И перед этой праведной силой науки, культуры и духа вольно или невольно отступала любая власть — будь то белая или красная. Так было спасено культурное и природное наследие России, хотя далеко не полностью. Сейчас влияния такой праведной силы не чувствуется. Ведь семьдесят пять лет «отрицательного отбора», когда уничтожалось все лучшее, что было в свойствах народа, не могли пройти бесследно.

Достойно всяческого сожаления, что не удалось осуществить своеобразный эксперимент, когда в 1988–1991 гг. во главе союзного природоохранного ведомства и его заповедных подразделений стояли подлинные ученые-экологи. «Хождение во власть», конечно же, давалось им нелегко. Николай Николаевич Воронцов второй раз на министерскую «амбразуру» не бросится[15], Александр Александрович Никольский — тем более. Нет надежд ни на Географическое общество, ни на Российскую академию наук, ни на другие «академии», число коих возрастает не по дням, а по часам.

Именно слабость нашей экологии и неудачи ученых-экологов вывели на рубежи управления заповедным делом людей совершенно иного склада — молодых энтузиастов, критически настроенных по отношению и к науке, и к прошлому, считающих своей задачей «смену приоритетов» и ревизию классических принципов научного заповедания. Наряду с энергией и работоспособностью этим людям присуще особое стремление к изменениям и преобразованиям (свойство «прометейско-коммунистическое»), к этому добавился и азарт борьбы из обширного опыта природоохранного движения, и стремление к рычагам власти, и почти болезненная нетерпимость к оппонентам. Воспитанные «брежневской» эпохой, они не прониклись глубинным пониманием принципов заповедности, склонны к упрощенному разрешению сложных проблем на сугубо материальной основе. Подчас эти люди просто «не ведают, что творят», они не хотят сделать хуже, но ведь иной раз даже самое большое зло возникает из первоначально добрых замыслов... Справедливости ради следует сделать упрек и старшему поколению, не сумевшему как следует ни воспитать, ни научить тех, кто сегодня пришел ему на смену. Что посеешь, то и пожнешь!

Не приходится удивляться тому, что оптимальным для российских заповедников оказался «брежневский» этап «развитого социализма», несмотря на все присущие ему отрицательные черты. Дело в том, что этот период развития СССР (РСФСР), сочетая в себе черты прежнего тоталитаризма (централизованное управление, плановая система, фондирование и т. д.) с разлагающейся идеологией, вместе с тем вышел на определенный уровень научно-технического прогресса, когда общество и государство осознали значение экологических и природоохранных проблем, в том числе и значимость особо охраняемых природных территорий. Это создало относительно благоприятные условия для системы советских заповедников, приспособленных к социалистическо-плановой структуре управления и регулярному бюджетному финансированию. Поэтому переход к новейшей фазе «недодемократии» и полукриминальному рынку негативно отразился на заповедном деле. Мы объясняем это губительными последствиями коммунистической идеологии, исказившей общественное сознание, мораль и культуру. Тем не менее социалистический строй имел определенные преимущества для развития и функционирования охраняемых природных территорий. Суть в том, что заповедники, как национальные парки и большинство других типов ОПТ, нельзя себе представить в частном владении, они действительно — а не демагогически, как это сделано в отношении всей земли в целом — являются общенародным или даже общечеловеческим достоянием. Национальные парки США и других стран стали символом и гордостью нации, будучи вкраплены в структуру окружающих частных владений, у нас же все вокруг было «мое», а точнее — ничье, «общее», «колхозное», государственное. Какие уж тут парки! Уже говорилось, что это форма ОПТ была в СССР искусственной (увы, пока остается почти такой же и в Российской Федерации). Зато теперь возникло непреодолимое искушение перенести принципы таких нацпарков на заповедники, пожертвовав при этом и заповедностью, и наукой. Другой вопрос, что развитие заповедности могло изначально пойти путем выделения абсолютно неприкосновенных природных

[15] Н.Н. Воронцов скончался в 2000 г. в возрасте 66 лет (*прим. ред.*).

участков на территориях национальных парков. Но этого не произошло, а нынешнее законодательство закрепило разделение заповедников и нацпарков, одновременно предельно сблизив режимы этих принципиально различных категорий ООПТ и, по сути, отказавшись от заповедности в классическом ее понимании.

Одним из главных итогов рассмотренной нами истории заповедного дела в России, РСФСР и Российской Федерации является тот, что провозглашенные отечественной наукой принципы заповедности не выдержали испытание реальностями жизни, вошли с ней в глубокое или даже неразрешимое противоречие. Мы наглядно убедились, что подавляющее большинство сегодняшних «природных заповедников» являются своеобразными «хозяйствами на природе», комплексными научно-производственными предприятиями, очень далекими от своего первоначального «заповедного» замысла, от принципа невмешательства человека в жизнь природы. Иначе говоря, наше государство создало систему охраняемых природных территорий, превратив ее, по сути, в специфическую отрасль хозяйства, но утратив при этом (или почти утратив!) исходный и основной принцип заповедности.

Грустный вывод этот вовсе не нов и не принадлежит автору книги. В недавнем обзоре литературы по заповедному делу Л.А. Юфанова (1992, с. 34) четко констатировала, что *«принцип заповедности является лишь ФОРМАЛЬНЫМ АТРИБУТОМ охраняемых территорий»* (выделено нами. — *Ф.Ш.*). Есть аналогичные высказывания и у других авторов, а иные вообще склонны рассматривать заповедание как «неестественную» форму вмешательства человека в природу, которую он осваивает повсеместно.

В чем же дело? Только ли в противоречивости устройства советских заповедников (т. е. в факторах социальных) или же в более глубоких экологических причинах? Одним из первостепенных постулатов заповедного дела признается принцип эталонности. Но и он может быть подвергнут сомнению, если считать, что деятельность человека в той или иной степени распространяется на всю планету, охватывает все ландшафты, включая даже незаселенные территории. При такой постановке вопроса не могут действовать ни принципы эталонности, ни заповедники в классическом представлении. Однако существует и другой, чисто философский аспект проблемы. Создание научных заповедников может рассматриваться как определенная форма самоограничения человечества ради сохранения его природного наследия. Но это касается лишь «идеальных», а не наших реальных заповедников, организация и деятельность которых сплошь и рядом увеличивает нагрузку на природные комплексы (это определенно зафиксировано в Таймырском и Усть-Ленском заповедниках). Для обширных районов Севера и Сибири экологическое и природоохранное значение не освоенных человеком пространств тайги и тундры значительно превышает роль особо охраняемых территорий. Конечно, если в такие «пустынные» участки приходит промышленность, то даже самый плохой заповедник с контингентом браконьеров вместо службы охраны окажется формой «меньшего зла». Но в сравнении с ненаселенными, пустующими районами Севера нынешние заповедники есть одна из форм реального природопользования, заметно увеличивающая факторы беспокойства. Для животных безразлично, какие вездеходы и вертолеты гудят над ними — Мингеологии или Минприроды; лодочные моторы службы охраны или научных сотрудников загрязняют воды, как и браконьерские (только последние появляются в дальних местах редко, а первые в заповедниках — постоянно).

Можно привести еще более наглядный пример. С официальной точки зрения, для улучшения работы заповедника «Остров Врангеля» ему надо расширить штаты, оснастить оборудованием и снаряжением, выделить дополнительные средства и т. д. С позиций же классического понимания заповедности надо просто убрать всех людей с острова, предоставив территорию «в распоряжение» его исконных обитателей. Не будем сейчас говорить о завезенных на остров северных оленях, об угрозе браконьерских десантов

или необходимости научных исследований (они могли бы вестись приборами или с помощью спутников, но суть не в этом, важна идея сама по себе). Однако автор книги отлично помнит, как один из руководителей Магаданской области сказал при обсуждении заповедных проблем: «Мы не для того отобрали остров у американцев, чтобы превратить его в эталон арктических пустынь». Очень похоже рассуждают и многие специалисты. «Как это без людей? А зачем тогда и заповедник? Кто же будет выполнять планы НИР, осуществлять мониторинг, представлять научные отчеты?» Мы вполне понимаем отвлеченность «классического» варианта, но максимальное сокращение количества людей на острове вообще и в заповеднике особенно есть вполне реальная задача, отвечающая нынешней экологической ситуации. Ведь главным критерием является само по себе состояние природных комплексов заповедника, а не благосостояние его работников или обеспеченность техникой, аппаратурой и материалами. К сожалению, в этом не хотят отдавать себе отчет ни управленческие звенья, ни общественники, ни наши зарубежные благожелатели. Незыблемое право природы на самосуществование не признается даже экологами, чего же можно требовать от пограничников, метеорологов и других нынешних островитян...

Конечно, пример с островом Врангеля трудно перенести на объекты густонаселенной местности, где предоставить участки степи или леса в распоряжение «исконных обитателей» гораздо сложнее. И все-таки это вполне возможно даже в нынешних условиях, причем для этого требуются не какие-то особые сверхсредства, а только собственное желание, пересмотр установившихся взглядов и установок. К сожалению, сегодняшняя реальность отнюдь не содействует заповедному делу даже по современным его критериям, да и ближайшее будущее, по экспертным научным прогнозам, отнюдь не радует (см. прил. 2 /Мартынов, Флинт и др., 1995/). Мы нарочито говорим здесь о теории заповедности (или научного заповедания), а не о заповедном деле. Ибо последний термин получил иное звучание и касается не только научных заповедников, но и всей системы особо охраняемых природных территорий. Наверное, можно согласиться с Н.Ф. Реймерсом в том, что пора обозначить специальную научную отрасль, занятую изучением и развитием охраняемых территорий (Н.Ф. предлагал термин «сепортология»), но пока явно превалирует выражение «заповедное дело», в котором остается все меньше места для теории заповедности в ее классическом понимании.

Понятие ООПТ стало особенно употребляемым и даже, можно сказать, «расхожим» после выхода в свет известной монографии Н.Ф. Реймерса и Ф.Р. Штильмарка (1978). Однако личные взгляды автора этой книги нередко расходились с установками Н.Ф. Реймерса, особенно в отождествлении понятия заповедного дела со всей системой особо охраняемых природных территорий. Главная суть в том, что не существует сколько-нибудь реальных граней между «особо охраняемыми» и хозяйственно используемыми территориями. Если в 70-х гг. нами указывалось несколько категорий ОПТ, то вскоре их стали исчислять едва ли не многими десятками, включая лесоохотничьи хозяйства, фермы по разведению дичи, рыборазводные хозяйства и заводы, *«леса разного специального назначения с ограниченной эксплуатацией»* (Исаков и Криницкий, 1980, с. 48 и др.). Почти любое охотничье хозяйство имеет воспроизводственные участки или «зоны покоя», некоторые колхозы и совхозы берут определенные клочки земли под особую охрану (т. н. «микрозаповедники») — число таких примеров можно продолжить. Наконец, при условии подлинно рационального природопользования наиболее ценные ландшафты и объекты природы вообще не подвергались бы хозяйственной эксплуатации или же она не наносила бы им ущерба. В мире найдутся тому примеры. Вызывают сомнение и очень важные, с точки зрения Н.Ф. Реймерса, положения о роли заповедников в поддержании экологического равновесия. Здесь возникают возможности явных натяжек. В прессе можно прочитать, что экосистемы Сибири и Севера опираются сегодня исключительно на особо

охраняемые территории, тогда как на самом деле их основой служат неосвоенные массивы тайги и тундры, а создание заповедников подчас не снижает антропогенного воздействия, но, как говорилось, даже усиливает его. На одном из экологических семинаров академик С.С. Шварц говорил, что заросли бурьяна и крапивы на пустошах или приусадебные огороды могут быть в общей массе важнее для «производства» кислорода и поддержания экологического баланса, чем все заповедники Земли вместе взятые. Впрочем, это утверждение в наше время может быть и оспорено.

Все-таки надо полагать, что экологическая оптимизация ландшафтов и поддержание природного равновесия планеты или отдельных континентов должны осуществляться не столько созданием специальной системы ООПТ (и уж тем более — не заповедников!), сколько рационализацией природопользования, регуляцией и сокращением его интенсивности в особо уязвимых и ранимых регионах. Мы всегда относились с опаской к явственной тенденции «расширительности» трактовок ОПТ на географические пространства и регионы (Викулов, 1982 и др.), ибо это неизбежно ведет к нарастающей девальвации понятия охраняемых и «заповедных» территорий. Провести грань между таковыми и категориями экстенсивно используемых территорий становится невозможным, а о заповедании в таких масштабах вообще говорить неуместно. Систему ООПТ приходится сейчас внедрять почти насильственно в качестве противодействия нерациональному хозяйствованию и для предотвращения порчи ландшафтов, ценных объектов и т. п. Но ведь всего этого можно избежать — не путем создания заповедников и заказников, а просто рачительным хозяйствованием. Тезис А.А. Никольского (1995а) о том, что глобальная система охраняемых природных территорий есть вершина человеческой цивилизации, можно принять в общефилософском плане как альтернативу обществу потребления, но вряд ли согласятся с этим наши гуманитарии, не говоря уже о технократах. Вспоминая недобрым словом наивные высказывания Н.С. Хрущева о том, что природу надо охранять, но не только созданием заповедников (это повлекло за собой «второй разгром» заповедной системы в 1961 г.), нельзя не согласиться с тем, что отнюдь не заповедниками надо спасать наше хозяйство. Для этого есть более существенные социально-экономические рычаги, у заповедников же своя достаточно узкая, хотя и важная научная задача, которую не разрешить никому, кроме них. Национальные и природные парки (да и многие нынешние псевдозаповедники, уже ставшие таковыми) в социально-общественном смысле значительнее научных заповедников, но не могут их собой заменить. Возникает странная на первый взгляд мысль: если слово «заповедник» так привлекает к себе людей и стало синонимом парков и спецхозяйств, то в интересах охраны природы и науки надо предложить новую форму ОПТ, новый термин, обозначающий НЕПРИКОСНОВЕННЫЕ природные территории.

Приходится повторить простое определение научного заповедания как полного (абсолютного) прекращения непосредственного воздействия человека на природные участки в целях долговременного слежения за происходящими здесь естественными процессами. Если это может вызвать серьезные отрицательные последствия для живой природы (например, угрозу исчезновения редких видов), это означает, что заповедание на данной территории нецелесообразно, нужны те или иные меры вмешательства (выкашивание, выпас, ограждение и пр.). Настоящий же заповедник вовсе не предназначен для того, чтобы радовать взгляд натуралистов и любителей природы — в нем могут происходить и длительные процессы смены формаций, и гибель отдельных компонентов биоценозов, и даже их деградация, — надо иметь терпение и мужество, чтобы фиксировать эти процессы, учитывая, что у природы свои меры времени, они несоизмеримы с нашими, с продолжительностью человеческой жизни.

Сохранение биологического разнообразия (опять-таки только в естественных условиях), а также поддержание экологического баланса может быть лишь дополнитель-

ной функцией заповедников — это общая задача не только всей системы ОПТ, но и природопользования в целом. Научные заповедники заведомо не должны включать в себя уникальные и особо примечательные природные образования, привлекающие к себе внимание людей, не должны специально заниматься экотуризмом и экологическим просвещением, в них неуместны музеи, выставки, стенды и другие формы экологической пропаганды (все это — задача нацпарков). Сведения о них предпочтительнее распространять только среди соответствующих специалистов. Общая площадь государственных научных заповедников в реальности вряд ли может выйти за пределы 0,5% от всей территории страны, тогда как сеть национальных и природных парков, заказников, памятников природы и других ОПТ теоретически неограниченна.

Если нынешнего *Homo faber* («человек-труженик») сменит подлинный *Homo sapiens* («человек разумный»), если его отношение к окружающему миру изменится (а без этого человечеству просто не выжить), отпадет необходимость разделения территорий на охраняемые и хозяйственно используемые. Ведь настоящий хозяин, повторяемся, не станет портить ценные ландшафты, уничтожать природные достопримечательности, истреблять редких животных. Но целесообразность заповедания, смысл существования подлинных заповедников, полностью огражденных от какого-либо воздействия людей, сохранится, ибо это определяется не только интересами науки, но и высшими категориями человеческой нравственности.

Приложение 1

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕЩАНИЯ «ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ»

(Санкт-Петербург, апрель 1995 г.; в сокращении)

...Со времени предыдущей конференции (Новгород, октябрь 1990) произошли глубокие социально-экономические изменения, в частности:

распад ранее единой сети заповедников бывшего СССР на отдельные заповедные системы стран СНГ;

общий экономический спад, приведший к существенному снижению государственного финансирования научно-организационной деятельности;

переход стран СНГ к свободной экономике при общем соц.-экономическом спаде, приведший к резкому увеличению давления на природные ресурсы;

намечающийся в рамках системы управления процесс смены приоритетов и методов управления заповедниками, в том числе их научной деятельности.

...Участники совещания констатируют:

1. Заповедное дело, как система взаимодействия научных и практических мер охраны природы, теоретически обоснованное в конце прошлого и начале нашего столетия ведущими учеными, в полной мере сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Исторические традиции и накопленный опыт уникальны и не имеют аналогов в других странах мира. Единые принципы заповедного дела, заложенные в бывшем СССР, сохраняются и продолжают реализовываться в заповедниках большинства стран СНГ.

2. Система охраняемых территорий, в первую очередь заповедников, является в условиях социально-экономического кризиса гарантом сохранения биоразнообразия и биологических ресурсов и должна рассматриваться как важная составляющая часть национальной безопасности страны.

3. Научные исследования и экологический мониторинг, осуществляемые в непрерывном режиме в системе заповедников, являются незаменимой базой информационного процесса, обеспечивающего реализацию концепции устойчивого развития страны.

4. Заповедники являются общенародным достоянием, составной частью мировой системы ООПТ и выполняют базовые международные функции, отвечающие содержанию программы «Человек и биосфера», Конвенции по биоразнообразию Рио-де-Жанейро, международной программе «Геосфера — биосфера — глобальные изменения» и др.

...Участники совещания считают:

1. Основным фактором, разрушающим действующую систему, является недопустимо низкий уровень бюджетного финансирования, ограничивающий возможности реализации функций охраны и научной деятельности.

2. Эксперименты перевода части заповедников на частичную самоокупаемость недопустимы как полностью противоречащие функциональному назначению зап-ков и способствующие возникновению криминогенных ситуаций.

3. Концепция экотуризма как возможная основа экономического обеспечения заповедников, в той или иной форме поддерживаемая органами управления заповедников и некоторыми общественными организациями, не может быть реализована в системе зап-ков, географическое положение которых, их традиционные цели и функции не допускают массового посещения территорий. Коммерческий экотуризм в типичном виде есть форма прямого хозяйственного использования территорий, разрушительно действующая на природу и существенно меняющая ее функциональное назначение.

4. Для удовлетворения социальных и духовных потребностей общества настоятельно необходимо интенсивное развитие системы национальных и природных парков с их специфической инфраструктурой, ориентированной прежде всего на развитие массового туризма.

5. Успешное выполнение научных функций коллективами заповедников возможно лишь при тесной координации их деятельности с деятельностью научных структур, в первую очередь научных коллективов академий наук. В свете этого совещание приветствует создание в Украине научной лаборатории по изучению проблем заповедности.

6. Учитывая важность сохранения традиционных связей, общность существующих организационных и функциональных проблем, сложившихся в рамках СНГ, учредить Межгосударственный совет по охраняемым природным территориям, приняв соответствующие соглашения на уровне глав государств.

Приложение 2

ОСНОВНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МАКРОПОЛИТИЧЕСИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ДЛЯ ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Из разработок ВНИИПрироды (Мартынов и др., 1995).

Экспертная оценка положительных связей в 100-балльной шкале, в скобках оценка отрицательных связей.

А. ПЕРИОД КРИЗИСА

1. Социально-экологическая нестабильность

а) 31.8 (-8.1) Функционирование заповедников в условиях регулярного нарушения запов. режима выпасом, рекреацией, охотой, сенокосами.

б) 22.7 Сокращение площади и закрытие ООПТ

2. Автаркия, экономическая самоизоляция регионов

а) 64.2 (-11.1) — см. п. 1а

б) 40.5 Искусственный подъем обилия фитофагов или подавление хищников (рост обилия копытных, ухудшение лесовозобновления)

в) 36.1 — см. п. 1б

3. Переход к местным элитам власти над хозяйствующими субъектами

а) 84.6 — см. п. 1б

б) 54.3 (-4.2) — см. п. 1а

в) 45.6 — см. п. 2б

г) 47.7 (-16,6) Возникновение условий для пионерных стадий растительности в горно-лесных ООПТ при превышении плотности копытных

д) 23.7 Сокращение, фрагментация местообитаний, нарушение ключевых биотопов (мест кормежки, убежищ, зимовки, размножения), нарушение условий для крупных видов хищников, копытных, некоторых птиц

4. Инфляция и экономический спад

а) 51.8 — см. п. 2б

5. Структурные изменения в экономике, конверсия ВПК

а) 27.6 Создание ООПТ в труднодоступных, ненарушенных регионах

б) 24.3 Создание ООПТ в местах с сохранившимися фрагментами естественных сообществ среди нарушенных антропогенных ландшафтов

6. Приватизация в промышленности средств производства

а) 40.1 Создание ООПТ в местах, ключевых для сохранения отдельных видов или сообществ

б) 31.0 Поступательное развитие сукцессионного процесса за счет снятия крупных нарушений растительного покрова — пожаров и рубок в лесах, — выпаса и сенокошения в степях, мезофитизация и рост количества фитофагов

в) 24.1 — см. п. 5б

7. Задержка аграрных реформ

а) 66.2 Сокращение ресурсов, изъятие кормовых объектов или первичной продукции (ухудшение лесовозобновления за счет притока животных в сезоны промысла — лось в Приокском заповеднике)

б) 33.2 — см. п. 3г

8. Государственное регулирование в землепользовании сохраняется

а) 57.7 (-12.1) — см. п. 6б

б) 50.9 (-23.3) — см. п. 5б

9. Слабость власти

а) 26.6 — см. п. 7а

10. Социально-политическая активность населения

а) 100.0 — см. п. 6а

б) 83.4 — см. п. 5б

в) 62.6 — см. п. 6б

г) 52.4 — см. п. 5а

Б. БУДУЩЕЕ

11. Монополизация производства консервируется

а) 59.5 — см. п. 3д

б) 35.7 — см. п. 1б

12. Монополизация производства снижается

а) 91.3 — см. п. 6а

б) 29.2 — см. п. 5б

в) 25.8 — см. п. 5а

13. Налоговая система на основе налогов на предприятия

а) 58.1 — см. п. 5б

б) 52.0 — см. п. 6а

в) 48.8 — см. п. 7а

г) 42.3 (-2.0) — см. п. 6б
д) 35.1 — см. п. 3г
е) 34.2 — см. п. 5а

14. Налоговая система на основе ренты и налогов на собственность
а) 99.6— см. п. 6б
б) 59.0 — см. п. 5б
в) 39.2 — см. п. 6а

15. Внешне-экономические связи предприятий ограничиваются государством
а) 37.3 — см. п. 3д

16. Внешне-экономические связи предприятий либерализованы
а) 34.3 — см. п. 5а

17. Властная вертикаль усиливается, автаркия ослабляется
а) 100.0 — см. п. 6б
б) 38.3 (-7.4) — см. п. 5а

18. Высокая инфляция
а) 58.2 — см. п. 1а
б) 35.8 — см. п. 3г
в) 43.8 (-12.5) — см. п. 1б
г) 29.7 (-1,0) — см. п. 2б

19. Высокая деловая и инвестиционная активность
а) 75.1 — Увеличение потока ресурсов, рост первичной продукции (эвтрофикация стоками с водосборов, массовое поступление чуждого семенного материала)

20. Правопослушность и правоохранительная эффективность растет
а) 82.0 — см. п. 5б
б) 63.3 — см. п. 6а
в) 61.4 — см. п. 6б
г) 54.6 — см. п. 5а
д) 38.9 (-11.6) — см. п. 3г

21. Безработица, высокая социально-политическая нестабильность
а) 29.5 (-3.6) — см. п. 1а
б) 23.4 — см. п. 7а

22. Эффективность самоуправления, активность населения
а) 58.2 —см. п. 5б
б) 40.9 — см. п. 6а.

3.1.16. Как Феникс из пепла (вместо заключения)

В советской литературе имеется немало высказываний о крайней теоретической слабости заповедного дела (это не раз звучало и в резолюциях различных конференций), но такое утверждение представляет собой не более чем один из мифов эпохи социализма. Теория и принципы заповедания участков природы с научными целями были созданы в дореволюционной России трудами наших классиков (Докучаев, Кожевников, А. и В. Семеновы-Тян-Шанские и др.), развитыми в последующий период (в СССР и РСФСР). Не приходится удивляться тому, что классические принципы заповедности неоднократно подвергались интенсивным нападкам, ревизовались и даже официально запрещались, причем по мотивам политическим, а не научным. Представления о подлинной заповедности, как правило, становились оппозиционными по отношению к официальным установкам и взглядам широких слоев общества как в царской России, так и в Советском Союзе. Проще всего было бы объяснить это, противопостав-

ляя заповедность как некое «отсталое», «консервативное» начало общественному и техническому прогрессу (лысенковцы в таких случаях говорили о покорении природы, а их нынешние продолжатели предпочитают рассуждать о ее преобразовании и «обогащении»; оппонентов же называли либо «буржуазными лжеучеными», либо «идеализаторами природы»). Однако же проблема сложнее. Это становится очевидным, если обратиться к философским и морально-этическим корням теории заповедности.

Глубинный смысл понятия о заповедности наиболее полно отвечает такому типу отношения людей к окружающему миру, когда человек ощущает этот мир и свое бытие в нем как благо, относится к нему любовно, без желания что-либо изменить или исправить (философы называют данный тип «иоанновским» — от Евангелия по Иоанну). *«Иоанновский мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок.. хочет восстановить всю ту гармонию, которую он чувствует в себе. Так ощущали первые христиане и большинство славян, особенно русских... Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Он не разделяет, чтобы властвовать, не ищет разобщенное, чтобы его соединить. Им не движут чувства подозрения и ненависти, он полон глубокого доверия к сущности вещей»* (Лосский, 1991, с. 244). Этому мировоззрению соответствуют различные оттенки философских учений о нравственном самоограничении, а также об экологической этике (Г. Торо, Л. Толстой, А. Швейцер и др.).

Противоположный тип отношения человека к бытию, именуемый «прометейским» или «героическим», характеризуется отрицательным восприятием мира как царства тьмы и хаоса, *«который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Секуляризация* (отход от религии. — *Ф.Ш.*) *— его судьба, героизм — его жизненное чувство, трагика — его конец. Таковы романские и германские народы».* Далее Н.О. Лосский писал, что *«большевистский режим есть пародия на прометеевский дух. Он вызывает в русском народе ужас, отвращение и рост религиозности. Поэтому можно надеяться, что после падения большевистской власти иоанновский дух русской культуры восстановится и будет иметь благотворное влияние на все человечество»* (Там же, с. 245).

Реальность, однако же, показывает, что философ-эмигрант (он был выслан Лениным за границу в 1922 г.) недооценил влияния «прометейства» на Россию и русский народ. Идеи всяческого переустройства и реорганизации пустили глубокие корни именно в российской земле. Пассионарии-прометейцы жаждут преобразований и в природе, и в обществе, это бунтари и революционеры, разрушители былой веры, воинствующие материалисты, жаждущие быть «покорителями стихий». Они хотят повернуть реки вспять, поставить на них плотины-тромбы, превращая плодородные земли в затхлые «водогноилища», не желают видеть даже захламленную тайгу с гнусом (об этом не раз писал академик Е. Федоров) или «бесплодную» тундру. Их любимые глаголы «обуздать», «переделать», «регулировать», «управлять»...

Парадоксален уже сам по себе факт возникновения научных заповедников в тоталитарном советском государстве, основанном именно на таких сугубо материалистических и атеистических принципах. Большую роль здесь сыграл фактор «социальной мимикрии» («защитной окраски» по Вайнеру), когда энтузиасты заповедного дела сумели представить свои идеи и принципы вполне соответствующими основным установкам новой системы, окружить их ореолом материализма и дарвинизма, обосновать необходимость сохранения эталонов первозданной природы в целях содействия социальному благу новорожденного общественного строя.

Явственные признаки мессианства и всего того, что мы сегодня называем «экологическим мышлением», легко увидеть и в приведенных ранее высказываниях В.В. До-

кучаева (сына сельского священника из Смоленщины), и в большинстве работ Г.А. Кожевникова, связанных с научным заповеданием. Уместно заметить, что старший брат ученого, Владимир Александрович Кожевников, взявший на себя обеспечение учебы младшего брата в Москве, был своеобразным и независимым религиозным философом, проявлявшим особый интерес к проблемам *«прекрасного в природе»* (Лосский, 1991а, с. 346). Можно предположить, что его мировоззрение оказало серьезное влияние на формирование взглядов Г.А. Кожевникова (среди работ В.А. известна и такая, как «Дарвинизм и витализм»).

Теория заповедности с биологических позиций опирается на представление об экологическом равновесии и способности живой природы к самоорганизации, если человек не оказывает на нее прямого воздействия. Отсюда и представление о природном эталоне, о пресловутом «принципе невмешательства», о заповедании первозданных («девственных») участков природы, принимаемых за точку отсчета при хозяйственных преобразованиях (тот же принцип провозглашался и Докучаевым). Путем больших личных усилий Кожевникову в 20-х гг. удалось убедить соответствующие государственные подразделения Наркомпроса РСФСР принять его концепции при закладке системы советских научных заповедников. Несмотря на все дальнейшие потрясения, вынужденные компромиссы и прямые искажения, эти классические основы теории заповедности удавалось сохранить до самого последнего времени. Они получали поддержку от различных научных сфер, прежде всего Академии наук СССР и РАН, от международных инстанций, особенно в программах МБП и МАБ, и в целом прошли испытание временем, хотя и претерпевали искажения под воздействием общественно-политических факторов (акклиматизация чуждых видов в 30-х гг., узко-практическая направленность заповедной тематики в 50-х, намеченная «смена приоритетов» в настоящее время и т. д.).

Необходимо подчеркнуть, что именно российской науке целиком и полностью принадлежит приоритет в теории научного заповедания. Ни одна страна в мире не создавала заповедников на принципе полного невмешательства человека в природные процессы с предоставлением самой природе определенных возможностей для самотворчества. Напомним, что экологи называли наши заповедники «лабораториями природы» (а не «в природе», как чаще пишут теперь). Здесь надо видеть не только глубинный научный смысл, но и высокий морально-этический аспект. Характерно, что практичные американцы, создав хорошо организованную систему национальных парков, резерватов и даже территорий дикой природы («wilderness area»), не смогли выделить участков абсолютной заповедности (Прилепский, Яницкая, 1995, устные сообщения ряда лиц). Поэтому недаром на первой стадии советско-американских научных контактов в 70-х гг. «они» завидовали нам, знакомясь с нашими заповедниками, и только теперь, когда деятелями Минприроды РФ и СоЭС была взята установка на «конвергенцию» заповедников с национальными парками, ситуация зеркально изменилась. Наши чиновники возят в Штаты директоров заповедников, чтобы перенимать чужой опыт (вместо передачи собственного).

Изученные нами материалы по истории и эволюции заповедного дела в России, РСФСР и РФ убедительно свидельствуют о том, что заветы В.В. Докучаева и Г.А. Кожевникова о выделении заповедных участков для предоставления их в пользование «исконных обитателей», о заповедниках как подлинных эталонах природы, полностью исключенных из всякого воздействия человека, чаще всего оказывались невоплощенными, поскольку входили в противоречие с реалиями жизни. Однако же это вовсе не означает полного отказа от этих принципов, ибо реализация их все же возможна, хотя и на определенных условиях, с определенными оговорками.

Наша работа, кратко говоря, посвящена тому, как высокая идея «заповедания с научными целями» была искажена социалистической государственной системой и разного

рода «прометейцами», осуществлявшими конкретные задачи материалистического плана, превратившими подлинное заповедание в «заповедное хозяйство» или в советские научно-исследовательские учреждения низшего разряда. Понятие о заповедности постепенно сменилось своеобразным «природоохранным производством», осуществляемым не столько в интересах живой природы и всех ее обитателей (включая и человечество!), сколько ради многочисленной когорты заинтересованных специалистов. Высокое и даже в полном смысле слова СВЯТОЕ ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО из служения возвышенным идеалам превратилось в «ДЕЛО ЗАПОВЕДНОЕ», своеобразный бизнес на особо ценных природных территориях, сулящий реальные земные блага тем, кто этим занимается.

«Я считаю, — говорил в недавней беседе с корреспондентом один из современных продолжателей идей В.И. Вернадского академик Н.Н. Моисеев, — *что, по большому счету, мы подошли к новому этапу антропогенеза. ДОЛЖНА, И ОЧЕНЬ СКОРО, ПРОИЗОЙТИ КОЛОССАЛЬНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ВСЕЙ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»* (Н.Н. Моисеев, Заповедь новая — семь раз отмерь // Общая газета. 1995. № 32, август , выделено нами).

Возможности нынешней цивилизации, по мнению ученого, сегодня исчерпаны. Или она исчезнет, или произойдут коренные изменения, причем не только технологического, но и — что гораздо важнее! — нравственного порядка. О гибельности развития антропогенеза в его нынешней форме, называй его хоть устойчивым, хоть стабильным, сказано уже немало, это не нами придумано. Шагать ли проверенной дорогой «капитализма» с его пепсикольной культурой, или уныло брести туманными тропами «коммунизма» при планово-карточной системе — все это пути к пропасти. Выход видится только в спасительной экологической альтернативе, предполагающей коренное изменение взаимоотношений между людьми и природой, подлинную, а не мнимую смену приоритетов. И многое из того, что сегодня представляется «идеализацией природы», а то и сущей идеалистической утопией, завтра может стать привычным и естественным.

Не станем ни вразумлять, ни пророчествовать. Высказывая свои взгляды, автор вовсе не претендует на абсолютную истину. Реалистический прогноз на ближайшее будущее, разработанный ведущими специалистами нашей природоохранной науки, читатель может посмотреть в приложении 2 к предыдущей главе. Мы же лишь выразим надежду на то, что в новой «экологизированной» стадии антропогенеза подлинные принципы заповедности, идеи консервации участков природы от прямого вмешательства людей воспрянут, как Феникс из пепла, и будут воплощены в действительности. Да, история доказала нам, что в двадцатом веке эти замыслы потерпели поражение в неравной борьбе с рационализмом, поддержанным государственной системой и общественным устройством. Вся наша книга есть тому наглядное свидетельство. С подлинной (т. е. абсолютной) заповедностью боролись не только запретами или официальными государственными «установками» сталинско-хрущевского периода, не только противопоставляя охране природы «заповедное хозяйство», «пролетарский туризм», «плановую рекреацию» и т. п., но и более изощренными способами. Среди них и принцип «обогащения природы» (плохо замаскированный вариант ее покорения!), и «разумная регуляция», и «управление биоценозами», и «экотуризм». Но за всем этим наукообразием стоит элементарная человеческая жадность и желание изменить окружающий мир в угоду своим растущим потребностям. Между тем вся теория заповедности заключена в принципе «отойди и не трогай», а это в корне противоречит законам современной техногенной цивилизации, в том числе и преданной ей науке.

...Пусть скажут, что автор не дал научного обоснования своим взглядам, что они противоречат общепринятым, пусть назовут идеалистом или «идеализатором». Таким критикам можно ответить известными словами Маяковского: «Заходите через сто лет, тогда и поговорим». Ведь книги всегда умнее своих авторов и гораздо дольше живут.

3.2. Роль Личностей (и их судьбы) в истории заповедников

3.2.1. Григорий Александрович Кожевников (1866–1933)*

Публикуемая статья — ли́шь небольшая «вводная» о жизни и деятельности Г.А. Кожевникова, который достоин не только более подробных очерков, но и обстоятельных монографий. Интерес к истории заповедного дела, надеемся, в скором будущем будет повышаться, а «темные пятна» недоговоренности и умолчания останутся в прошлом.

* * *

Начнем с небольшого письма, полученного Г.А. Кожевниковым 11 апреля 1909 г. от одного из студентов:

«Глубокоуважаемый профессор! Прослушав в Историческом музее Вашу лекцию на тему «Будущее человека», я был поражен той перспективой будущего *Homo sapiens*, которую Вы изобразили. Я понял из Вашей лекции, в каком хаосе незнания бродим мы. Явилось сильное желание хоть сколько-нибудь разобраться в вопросах, затронутых Вашей лекцией, выяснить себе, как жить сообразно требованиям биологии, захотелось разобраться в вопросах о вырождении человечества. Общее естествознание, проходимое нами в высшей школе, почти не дает ответа на затронутые Вами вопросы. Я взял на себя смелость просить Вас, уважаемый профессор, сообщить мне и некоторым моим знакомым, интересующимся вопросами биологии человека, литературу, наиболее существенную по этим вопросам, как русскую, так и иностранную, и сообщить, где таковую (особенно последнюю) можно достать. Заранее извиняюсь за беспокойство, доставленное Вам.

Уважающий Вас — Николай Вавилов.
Адрес для ответа — Москва, Средняя Пресня, дом Вавиловых»[1]

На письме пометка — «отвечено 20.IV.1909».

Н.И. Вавилов не был прямым учеником Кожевникова, но пример этот очень показателен, он говорит о широте интересов Григория Александровича и тематики, которую разрабатывал ученый, о его лекторском таланте, об уважении и внимании слушателей.

К 1909 г. Г.А. Кожевников был в расцвете сил и славы — во всяком случае, среди зоологов и естествоиспытателей, высоко чтивших весьма заслуженного, широко известного ученого, ординарного профессора по кафедре беспозвоночных Московского университета, главного хранителя Зоологического музея (именно при Кожевникове строилось новое здание на Большой Никитской, которым мы все и сегодня гордимся!), автора многих серьезных работ по морским и наземным низшим животным, причем в особую заслугу надо поставить Григорию Александровичу очень тщательное исследование биологии пчел. До сего дня ученые-пчеловоды почитают труды Кожевникова. Он был участником ряда международных съездов, конгрессов и выставок, посетил Европу и Соединенные Штаты Америки, общался с ведущими учеными мира, был отмечен почетными наградами и премиями.

---

* Заповедное дело. Научно-методические записки Комиссии по заповедному делу. М., 1997. Вып. 2. С. 108–114.

[1] Архив МГУ. Ф. 200. Ед. хр. 457.

Вместе с тем, будучи в полном смысле слова «научным светилом», Кожевников оставался на редкость демократичным, скромным и общедоступным. Возможно, это отчасти было связано с его «простонародным» происхождением. Родился Г.А. Кожевников в г. Козлове (нынешнем Мичуринске) в купеческой семье, учился в Московской гимназии и Московском университете благодаря поддержке своих старших братьев — Владимира и Дмитрия. По окончании университета Григорий Александрович стал ассистентом Анатолия Петровича Богданова в Зоологическом музее, где прослужил почти до последних лет жизни. С 1904 г. начинается его преподавательская деятельность. Среди учеников Кожевникова — едва ли не все выпускники-зоологи МГУ почти с начала века до конца 20-х годов, среди которых Л.С. Берг, Б.М. Житков, С.И. Огнев, — вообще список этот столь же звучен, сколь долог.

В редакционном некрологе (Зоол. журн. 1933. Т. XII, вып. 4) сказано немало хорошего о научной и преподавательской работе Г.А. Кожевникова (мельком упомянуто и о его вкладе в дело охраны природы), однако безымянные авторы со скрытым упреком отмечают, что Кожевников принадлежал к «некогда», дескать, распространенному типу ученых, которые старались не смешивать науку с политикой. «*При пресловутом режиме Кассо Л.А. не присоединился к группе передовых профессоров, ушедших из Университета*»[2]. Однако из этого факта не следует делать вывод, будто Кожевников не имел своей гражданской позиции. Просто она несколько отличалась от платформы «передовых». Григорий Александрович считал, что при любом режиме власти дело преподавателя — учить людей, равно как врача — лечить их.

Не следует думать, что Г.А. Кожевников пошел «по линии наименьшего сопротивления», он именно отстаивал свои гражданские взгляды, боролся за них. 7 февраля 1911 г. им была выпущена — на правах рукописи! — «для лиц, лично знающих автора. В продажу не поступало» — статья «Проклятый вопрос» («К современному положению университета»)[3].

Г.А. Кожевников убедительно доказывает неправоту тех, кто ставит на первое место политические взгляды, а на второе — научные интересы.

«Взгляды на задачи профессорской деятельности могут быть разные. Я лично посвятил всю свою жизнь университету ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО РАДИ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАНИМАТЬСЯ ЗООЛОГИЕЙ И ПОСИЛЬНО ПОМОГАТЬ ДРУГИМ ЗАНИМАТЬСЯ ТЕМ ЖЕ. Быть выразителем каких-либо политических идеалов и общественных настроений я задачей профессора, как такового, не считаю».

«Между наукой и правительством в моем утопическом идеале должна бы существовать только одна форма взаимоотношений: правительство дает на нужды науки возможно большее количество денег, а затем — наука не касается правительства, а правительство не касается науки.

ПОЛНАЯ СВОБОДА НАУКИ И ПОЛНАЯ СВОБОДА ОТ ПОЛИТИКИ — вот истинный девиз университета, до сих пор не вполне признаваемый нашим обществом. А долг профессора только в следующем: ПРОФЕССОР ДОЛЖЕН ВСЕМИ СИЛАМИ СВОЕГО УМА И ВОЛИ СОДЕЙСТВОВАТЬ РАЗВИТИЮ НАУКИ И УСВОЕНИЮ ЕЕ УЧАЩИМИСЯ — И ТОЛЬКО... НА СВОЕМ ПОСТУ ОН ДОЛЖЕН ОСТАВАТЬСЯ, НЕСМОТРЯ НИ НА КАКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОКА ИМЕЕТ СИЛЫ И ЖЕЛАНИЕ РАБОТАТЬ».

---

[2] Л.А. Кассо — министр народного просвещения России в 1910–1914 гг.; когда в 1911 г. после студенческих волнений Кассо разрешил ввести полицию в университет, многие профессора (в том числе М.А. Мензбир) подали в отставку в знак протеста, чего не сделал Т.А. Кожевников.

[3] Ксерокопия статьи «Проклятый вопрос» предоставлена мне Дмитрием Александровичем Кожевниковым, внуком старшего брата Г.А.

В 20–30-е гг. это выглядело явной крамолой. Но теперь-то? Если у нас действительно будет свобода личности, то уж во всяком случае — за ней право выбора, право высказать свое мнение публично и поступать по совести.

Подлинную гражданскую активность Кожевников проявлял в полной мере, когда дело касалось охраны живой природы.

Нынешнее заповедное дело России с его разветвленной сетью особо охраняемых природных территорий опирается своим теоретическим фундаментом всего лишь на несколько научных публикаций и высказываний. И едва ли не главное место в этой научной опоре принадлежит работе Г.А. Кожевникова «О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы». Первоначально это был доклад, сделанный Григорием Александровичем на 2-м общем собрании Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 4 сентября 1908 г. в Москве[4]. Вскоре этот текст был опубликован в прекрасно изданных «Трудах» съезда и в 1909 г. выпущен в свет отдельной брошюрой. С некоторыми неуместными сокращениями этот текст был воспроизведен в период хрущевской «оттепели» (Бюл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР». 1960. Вып. IV), а полностью переиздан лишь недавно («Охота и охрана природы». М., 1992. Ч. I). Еще одна статья Г.А. Кожевникова под названием «О заповедных участках» представляла собой текст его доклада на Втором Всероссийском съезде охотников (17–19 ноября 1909 г.) и издана отдельно в 1911 г.

Понятие о заповедности, которое мы сейчас называем классическим, было введено тогда Г.А. Кожевниковым как обозначение абсолютного невмешательства человека в ход природных процессов; оно не было единодушно принято в то время и до наших дней вызывает к себе неоднозначное отношение. Сторонники утилитарного подхода к природе опасаются как возможных экологических последствий (например, распространение в резерватах вредителей с их последующим расселением), так и сложностей реального воплощения заповедных принципов. Именно второе обстоятельство чаще всего и становится препятствием для реального заповедания на практике. Даже специалисты (особенно зоологи-прикладники и охотоведы) подчас рассматривают прекращение антропогенного пресса как процесс «неестественный», как бы «навязываемый» природе, уже «привыкшей» к постоянному воздействию человека. Выход ищут обычно в различных формах регулирования численности животных, в рубках ухода и т. д., которые на практике оборачиваются чаще всего вседозволенным вмешательством[5].

Некоей альтернативой взглядам Кожевникова на абсолютное заповедание была организация так называемых охотничьих заповедников, представлявших, по сути дела, обширные заказники для охраны отдельных наиболее ценных видов зверей и птиц. Первыми оказались «соболиные заповедники» (Китойский, Саянский, Баргузинский), учрежденные в 1914–1916 гг. в Сибири. К 1917 г. Россия имела только один официально созданный государственный заповедник — Баргузинский, а несколько были на стадии учреждения («Кедровая падь», Кавказский и др.). Существовали также частные заповедники, а точнее «охраняемые хозяйства» — «Аскания-Нова», «Лес на Ворскле» и др.

Большое значение для природоохранного движения в России имело участие Г.А. Кожевникова и И.П. Бородина в Первой Международной конференции по охране природы, открывшейся в Берне (Швейцария) 17 ноября 1913 г. по инициативе известного зоолога П. Саразина.

Намечавшиеся усилия Российского государства по охране природы были вскоре подорваны трудностями военного и революционного периодов. Временное правитель-

[4] Создание общества акклиматизации в 1857 г. связано с именем А.П. Богданова, преемником которого стал Г.А. Кожевников.

[5] Подробнее о взглядах Г.А. Кожевникова на устройство и назначение заповедников см. в книге Д. Вайнера (Уинера) «Экология в Советской России» (М.: Прогресс, 1991).

ство предприняло некоторые конкретные меры для спасения заповедных участков в Крыму и на Украине, и Г.А. Кожевников участвовал в этом как постоянный член природоохранительной комиссии, созданной в 1912 г. при Императорском Русском географическом обществе (ИРГО). Последнее заседание этой комиссии, в котором участвовал и Кожевников, проходило в Петрограде 17–19 октября 1917 г. (!). Было предложено создать особый «Комиссариат по охране природы», принять специальный Закон (проект был разработан юристом С.В. Завадским), тогда же был рассмотрен первый проект сети заповедников (национальных парков), разработанный и представленный В.П. Семеновым-Тян-Шанским.

После октябрьского переворота верный принципам не перечить власти, а делать по мере сил свое дело, Г.А. Кожевников с необычайным рвением занимается разнообразной культурно-общественной и научной работой, непосредственно связанной с охраной природы. Он соглашается возглавить (правда, ненадолго) возникший тогда в Наркомпросе отдел охраны природы (позднее он заведовал подотделом по учету и охране фауны и заповедникам), входит во многие комиссии и рабочие группы. Продолжая руководить кафедрой в Московском университете и Зоологическим музеем, Кожевников преподает еще в Педагогическом институте, становится заведующим лабораторией, созданной при НИИ зоологии МГУ, наконец, организует и создает (вкладывая даже свои личные средства) гидрологическую станцию на озерах в Косине, ради которой вскоре учреждается государственный Косинский заповедник. Кажется, в Москве не остается учреждения, связанного с зоологией, которое бы не спасал или не курировал Г.А. Кожевников. Это и Московский зоопарк (тогда он еще звался «зоосад»), и уголок Дурова, и морской плавучий институт. Он возглавляет не только Общество акклиматизации, но и Комиссию по изучению фауны Московской губернии, студенческий научно-педагогический кружок при МГУ, Общество по распространению естественнонаучных знаний (товарищ председателя) и прочее, и прочее. Зато ни в одну политическую партию Г.А. Кожевников никогда не вступал, и это, пожалуй, отличный пример для каждого ученого.

Г.А. Кожевников был одним из непосредственных учредителей и первым председателем Всероссийского общества охраны природы (ВООП), созданного в 1924 г. Первое заседание общества состоялось в помещении МГУ 25 февраля 1925 г. Нарком просвещения А.В. Луначарский не смог приехать, и его доклад «Наркомпрос и охрана природы» не состоялся. Зато нарком здравоохранения Н.А. Семашко изложил свои взгляды на охрану природы «с бальнеологической и санитарной точек зрения». Кожевников прочитал большой доклад «Человек как истребитель и охранитель природы», а проф. Н.М. Кулагин — на тему «Народное хозяйство и охрана природы». В перерывах — а заседание началось в 8 часов вечера — велась запись в члены нового общества.

Кончался этап ленинских декретов, затем НЭПа, маячили впереди новые и новые, уже чисто сталинские этапы... Г.А. Кожевников неутомимо взывал в своих статьях и брошюрах к сознательности нового общества, к провозглашенным принципам справедливости, наконец, просто к разуму человеческому, но дела по всем линиям шли, увы, не к лучшему.

Созданная благодаря настойчивости и энергии Г.А. Кожевникова Косинская гидрологическая станция, несмотря на все усилия учеников и соратников (в частности, заведующего Л.Л. Россолимо), испытывала большие трудности в работе, а сохранить в неприкосновенности косинские озера, хотя и объявленные официально заповедником, оказалось практически невозможно — слишком велик и явственен был разрыв между словом и делом, между хорошими решениями и печальной действительностью. Постоянные распри между Наркомпросом и Наркомземом из-за права управления заповедниками (точнее — права использовать их территории для хозяйственных целей) подчас угрожали гибелью всему заповедному делу. Но стареющий профессор, не поддаваясь жи-

тейским невзгодам и возрасту, продолжал биться с упорством Дон-Кихота. В своих статьях «Значение Косинского заповедника» (Труды Косинской биостанции. 1925. № 2), «Как вести научную работу в заповедниках» (журн. «Охрана природы». 1928. № 2), «Задачи охраны природы в СССР» (Там же. 1928. № 1) он убедительно и ясно обосновывал необходимость создания и деятельности «экологических заповедников», резерватов, предназначенных для изучения постоянных природных процессов и явлений ради овладения тайнами природы в интересах «нового человека» и нового общества. Именно постулаты и заветы Кожевникова легли в основу научной работы всей сети советских заповедников, включая биосферные, они признаны ныне международным сообществом, получили мировое признание. Но тогда, в конце 20-х годов, накануне и во время сталинского «великого перелома», можно было прийти в отчаяние от всего происходившего, от явственно надвигавшейся черной тучи такой реакции, перед которой пресловутый министр Кассо со своей полицией, дерзнувшей войти в храм науки, казался жалким козленком по сравнению с грядущим советским Минотавром. Вулкан борьбы с «буржуазными профессорами» начинал клокотать все ближе и явственнее, все чаще Г.А. Кожевников ощущал неприязнь и отчуждение со стороны буйной поросли представителей новой «советской науки», молодых «спецов» и «красных профессоров», не умевших подчас даже грамотно написать короткое заявление, зато набивших язык и руку на борьбе с «пережитками прошлого». С разных концов страны стали поступать вести об арестах, разгонах научных обществ, редакций и лабораторий. Особенно свирепствовали в Ленинграде, да и в Москве было немногим легче. Идеи заповедности были официально объявлены враждебными установкам на социалистическое строительство, журнал «Охрана природы», где постоянно публиковался Кожевников, стал называться «Природа и социалистическое хозяйство». В последнем номере погибающего журнала словно сигнал SOS должна была звучать статья Г.А. Кожевникова и Н.М. Кулагина о необходимости создания всесоюзного органа по охране природы (Охрана природы. 1930. № 6). Но горько читать сегодня эти строки: «*В последнее время в связи с реконструкцией хозяйства СССР проблема охраны природы рассматривается как один из основных базисов социалистического строительства... Из указанной установки идеи охраны природы вытекает и ход работ по данной проблеме*». Какие мертвые, казенные слова! Можно ли поверить, что их написал тот же убежденный в своей правоте ученый, который всего лишь 20 лет назад провозглашал полную независимость науки от правительства. Поработали, видно, редакторы.

12 сентября 1929 г. всемирно известный зоолог нашел в почтовом ящике узкую полоску папиросной бумаги, на которой едва различался блеклый машинописный текст: «Г.А. Кожевникову. Правление 1-го Моск. Гос. ун-та сообщает, что согласно извещения Центр комиссии по руководству перевыборами профессоров и преподавателей ВУЗов, Вы на должность профессора не избраны, почему с 1.IX. 1929 г. от этой должности освобождаетесь».

Ректор — подпись
Упр. делами — подпись

Так отблагодарила Г.А. Кожевникова новая власть за многолетнее служение науке и народу! Вскоре Кожевников был освобожден и от заведования Зоологическим музеем (его сменил сначала Л.А. Зенкевич, а потом В.Н. Макаров). Фактически он оказался безработным, его знания, педагогический опыт, сотни больших и малых публикаций были не нужны «реконструктивному периоду» и советской передовой науке.

Г.А. Кожевников не сломился, не наложил на себя руки, он продолжал работать, даже участвовал в научных конференциях. Однако же в архиве И.И. Презента я нашел упоминание о том, что, побывав на фаунистической конференции в Ленинграде (1932 г.),

где громили «беспартийную науку», Г.А. Кожевников отказался от своего намерения издавать книгу трудов по охране природы.

«Последним парадом» для Григория Александровича стал Первый Всесоюзный съезд по охране природы в Москве (январь 1933 г.). Он выступал на нем как представитель Сухумского НИИ акклиматизации (в 1926 г. он участвовал в организации там обезьяньего питомника, хотя, по-видимому, еще не успел переехать туда из Москвы). «Еще за день до приведшего к смерти удара он был на заседании съезда по охране природы», — говорится в некрологе.

Даже поверхностно знакомясь с обширным архивом Г.А. Кожевникова в МГУ, поражаешься разнообразию и широте интересов профессора-энтузиаста. Вот, просто наугад — «председатель 3-го съезда по птицеводству и мелкому животноводству»; «товарищ председателя съезда преподавателей в Петербурге»; «Всероссийская конференция по изучению производительных сил страны»; «Первый съезд по рефлексологии человека»; «Докладная о создании Кубанского заповедника»; текст доклада «Аквариум как метод научного исследования».

Сколько приглашений! На III Энтомологический конгресс в Цюрихе, на IV — в Нью-Йорке (никуда, конечно, не пустили большевики!), от пчеловодов — на самых разных языках мира, чуть ли не на все континенты. А вот свидетельство о добровольной сдаче ценностей — медалей от научных обществ. Других профессор за свою долгую жизнь не скопил.

3.2.2. Василий Никитич Макаров (1887–1953)*

Василия Никитича Макарова по праву считают одним из самых выдающихся деятелей в области охраны природы нашей страны (Благосклонов и др., 1967; Благосклонов, Гептнер, 1970; Гладков и др., 1975)[1]. Его многочисленные труды (Макаров, 1947а, б, 1951 и др.) во многом предвосхитили более поздние работы по охране природы. Обращаясь сегодня к памяти В.Н. Макарова, к его наследию, целесообразно рассмотреть не только большой положительный вклад его в развитие заповедного дела, но и те трудности, которые встречала в 1930–40-е гг. деятельность самого В.Н. Макарова и ряда других известных специалистов.

Еще в дореволюционные годы В.Н. Макаров принимал участие в работе Природоохранительной комиссии Русского географического общества (Дементьев, 1958) и в течение всей последующей деятельности стремился претворить в жизнь прочно воспринятый им принцип важности создания заповедников во всех ландшафтно-географических регионах нашей страны (Макаров, 1931, 1951 и др.). За период работы В. Н. Макарова в Комитете по заповедникам при Президиуме ВЦИК и в Главном управлении по заповедникам при СНК РСФСР (с 1945 г. — при Совете министров РСФСР), т. е. с 1933 по 1951 г., было учреждено свыше 20 заповедников общей площадью более 5 млн. га. В Центральном государственном архиве РСФСР хранятся написанные В.Н. Макаровым проекты расширения сети государственных заповедников на территории РСФСР, датированные 1939 и 1947 гг.[2] Они были в определенной степени использованы при

* Василий Никитич Макаров и его роль в развитии заповедного дела (к 25-летию со дня смерти) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1978. Т. 83 (5). С. 143–146.

[1] Жизненный путь В.Н. Макарова отражен в специальных работах (Туров, 1948; Дементьев, 1958) и в настоящем сообщении не освещается. Автор выражает искреннюю благодарность В.В. Макарову, предоставившему весьма ценный архив В.Н. Макарова, использованный при подготовке данной работы.

[2] ЦГА РСФСР, ф. 358, оп. 2, ед. хр. 94 и 827. О содержании этих документов говорится в другой нашей работе (Штильмарк, 1974).

подготовке нового проекта размещения географической сети заповедников СССР (Лавренко и др., 1958).

Сохраняя до конца жизни неизменное убеждение в важности всемерного расширения системы заповедников СССР, В.Н. Макаров по-разному подходил к трактовке основных целей их деятельности, к определению их главных задач. В начале 30-х гг. он был вынужден придерживаться позиций борьбы с так называемым «фетишем неприкосновенности» и даже обосновывать необходимость акклиматизации и реакклиматизации животных в заповедниках (Макаров, 1935, 1938 и др.).

Надо сказать, что вопрос о допустимости и размерах вмешательства человека в регуляцию природных процессов на заповедных территориях был и остается одной из наиболее трудных проблем в заповедном деле. Споры между сторонниками абсолютной заповедности и теми, кто отстаивает необходимость ведения так называемого «заповедного хозяйства», не потеряли остроты и в настоящее время. Однако в начале 30-х гг. известный тезис о невмешательстве человека в природу заповедников был признан не только ошибочным, но и вредным (Макаров, 1932; Марков, 1934 и др.), и В.Н. Макаров должен был полностью принять к руководству и осуществлению господствовавшие тогда представления о необходимости активного преобразования и обогащения живой природы, причем заповедники многими рассматривались как специально предназначенные именно для этой цели. Это нашло отражение в таком официальном документе, как Положение о заповедниках, где одной из целей заповедников признавалось «*выявление новых сырьевых ресурсов, разрешение задач акклиматизации и реакклиматизации диких животных и растений, ценных в научном и хозяйственном отношениях*» (Природа и соц. хоз-во, 1934, с. 226).

В докладе «О работе госзаповедников по реакклиматизации и акклиматизации животных», прочитанном на 2-м пленуме Комитета по заповедникам в декабре 1934 г., В.Н. Макаров говорил о желательности широкого развития акклиматизационных работ в заповедниках, о создании при них специальных помещений для передержки животных, разработке методики их перевозок и т. д. (архив В.Н. Макарова).

Сегодня мы, конечно, должны подойти к оценке такой позиции руководителя заповедного дела критически (Филонов, 1975, 1977), хотя и теперь есть немало активных сторонников использования заповедников в практических охотхозяйственных целях, создания на их базе питомников, ферм и т. д. Однако было бы ошибочно видеть в В.Н. Макарове лишь рьяного «преобразователя» заповедной природы, не понимавшего основных задач заповедников. Он очень хорошо представлял себе реальные трудности, то и дело возникающие перед заповедниками, и пытался их преодолеть. Вот что писал он в одной из докладных записок в 1940 г.: «*С развитием социалистической промышленности и сельского хозяйства разные наркоматы, промышленные предприятия, исполкомы предъявляют и будут предъявлять с каждым годом более и более требований на удовлетворение их потребностей в сырье за счет заповедников: леса, древесины, угля, ископаемых, минералов, выделения пастбищ, заготовки пушных и других зверей и т. д. Так, например, известный украинский степной заповедник «Аскания-Нова» уже превращен в зооферму по разведению домашних животных, овец и свиней; от Крымского заповедника требуют доступа к добыче местных углей; в Воронежском заповеднике — к добыче торфа и минералов; в Тебердинском — выделения пастбищ для колхозного скота; в Алма-Атинском заповеднике были произведены в больших размерах лесоразработки, повлекшие за собой оползни, а в связи с ними и сильные наводнения; в заповеднике «Беловежская пуща» в 1940 г. начали рубку леса в размере около 800 тыс. м³. Такие примеры можно было бы привести почти по каждому заповеднику, и они говорят о том, что хозяйственные наркоматы не представляют себе, что такое заповедники, какова их роль и значение, и под давлением текущих потребностей добива-*

ются разрешения на эксплуатацию природных ресурсов заповедников как самого легкого способа для выполнения своих планов, а СНК союзных республик, как правило, удовлетворяют эти домогательства» (архив В.Н. Макарова).

Далее в той же докладной записке говорится о большом отставании СССР в развитии заповедной сети от США и других стран, о необходимости организации всесоюзного органа по охране природы (об этом В.Н. Макаров и другие руководители Всероссийского общества охраны природы неоднократно писали в конце 20-х – начале 30-х гг.), об актуальности проблем природоохранительного законодательства. «*В Советском Союзе нет до сих пор общесоюзного закона, который ограждал бы на территории СССР неприкосновенность заповедников от тех или иных посягательств и определял бы их место в системе социалистического народного хозяйства*» (архив В.Н. Макарова).

В соответствии со служебными обязанностями В.Н. Макаров вынужден был поддерживать проведение в заповедниках акклиматизационных и биотехнических мероприятий, мириться с некоторыми хозяйственными начинаниями в заповедниках, не соответствующими их главным задачам. Но В.Н. Макарова нельзя упрекнуть в недостатке принципиальности. В 1951 г., уже незадолго до известной «реорганизации» заповедников, ему было поручено выступить на научно-методическом бюро главка с докладом на весьма актуальную в ту пору тему «Переделка природы и заповедное хозяйство». Казалось бы, название доклада говорило само за себя: антинаучные высказывания Т.Д. Лысенко достигли своего апогея, а сама идея заповедности казалась тогда крамольным анахронизмом. Поэтому В.Н. Макаров должен был говорить о том, что в условиях курса на всемерную переделку природы перед заповедниками встают новые задачи, которые, несомненно, отразятся на заповедном режиме. Но несмотря на это, несмотря на отрицательное отношение руководства главка к дальнейшему развитию заповедной сети, В.Н. Макаров делает следующие выводы: а) сеть заповедников должна охватывать все географические ландшафтные зоны, подзоны и провинции СССР; б) территории заповедников должны быть настолько обширны, чтобы включать в себя все природные элементы ландшафта соответствующей ландшафтной зоны, подзоны, провинции; в) заповедные территории по характеру устанавливаемого в них режима разделяются на отдельные участки.

Далее В. Н. Макаров обосновывает возможность сочетания лесохозяйственных и биотехнических мероприятий в одних участках заповедников при сохранении строго заповедного режима на основной территории, т. е. выдвигает принцип зонирования, который, по существу, принят сейчас в большинстве наших заповедников, хотя и отнюдь не бесспорен.

Несомненным и ярким актом гражданского мужества В.Н. Макарова был его отказ от работы во вновь организованном в конце 1951 г. Главном управлении по заповедникам при Совете министров СССР[3]. Некоторое время он работал тогда в Комплексной экспедиции по полезащитному лесоразведению, а затем стал заместителем председателя Комиссии по заповедникам при Президиуме Академии наук СССР. В начале 1953 г., уже незадолго до своей кончины, В.Н. Макаров подготовил проблемный доклад, в котором подробно обосновал научное значение заповедников, их роль как комплексных научно-исследовательских учреждений, огромных «лабораторий природы» (а не «лабораторий в природе», как часто можно слышать).

[3] В 1951 г. были ликвидированы все главные управления по заповедникам при советах министров союзных республик (они имелись в РСФСР, в Украинской, Белорусской, Грузинской, Узбекской, Туркменской, Казахской и Азербайджанской ССР), а их функции были переданы новому союзному Главному управлению по заповедникам при Совете министров СССР, в ведение которого перешли 26 сохранившихся заповедников. В начале 1953 г. этот Главк вошел в состав Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР, и с тех пор заповедники не имеют самостоятельного ведомственного управления.

Текст этого доклада сохраняет свою актуальность и в наше время. Говоря о заповедниках системы Академии наук СССР, которых тогда насчитывалось 16, В.Н. Макаров отмечал: «*Не все заповедники имеют свое лицо, нет утвержденного и единого положения, заповедники не везде существуют как научно-исследовательские учреждения, в некоторых случаях они являются только базами для работ других учреждений, отсутствует координация работ, нет объединяющего методического центра, недостаточна связь с местными организациями*» и т. д. Нет никакого сомнения в том, что если бы В.Н. Макаров продолжал работу по заповедникам в системе АН СССР, то он уже не говорил бы ни о «заповедном хозяйстве» (ибо в заповедниках нет и не может быть никакого хозяйства, в этом вся суть заповедности!), ни о биотехнических и акклиматизационных мероприятиях, и тогда широкая сеть подлинно научных заповедников, возрожденная и созданная заново в самых различных регионах нашей страны, выполняла бы функции комплексных биосферных станций. Но, к сожалению, АН СССР в то время фактически устранилась от руководства заповедниками и от широкого использования их для научных исследований[4].

Все концепции, теории, все научные взгляды проходят испытания временем и практикой. Реальность показала, что те принципы, на основе которых В.Н. Макаров закладывал в 30-х гг. фундамент системы заповедников, не обеспечили их нормальное функционирование, что и послужило причиной последующего краха. В самом деле, обосновывая в 1950 г. необходимость сокращения сети заповедников, А.В. Малиновский[5] пользовался, по существу, теми же доводами и даже повторял почти те же слова, которыми два десятилетия ранее В.Н. Макаров критиковал сторонников абсолютной заповедности. И о «заповедном хозяйстве» (любимый термин А.В. Малиновского, до сегодняшнего дня закрепленный в существовании так называемых «заповедно-охотничьих хозяйств») В.Н. Макаров неоднократно писал в довоенные годы. Вся система заповедников 30-х годов развивалась на зыбком фундаменте, основанном на замене понятия охраны природы ее рациональным использованием. При этом не принимались во внимание серьезные противоречия между охраной природы и ее использованием; об этом недавно убедительно писал видный специалист в области права О.С. Колбасов.

Единственным подлинно научным принципом заповедного дела является именно многократно отвергнутый, но неизменно и неизбежно возрождающийся принцип полного невмешательства в заповедную природу. Тенденциозный упрек его сторонникам в том, будто бы они пренебрегают общественными интересами, ратуют за созерцательность, охрану ради охраны и т. д., принципиально неверен, поскольку классические принципы заповедности и сама идея невмешательства в природу направлены «для людей», а не «от людей», они служат гуманным и высоким общественным целям. Однако классические представления о заповедности не ограничиваются материальными (пусть даже и научными!) целями, но охватывают также сферу духовной жизни. Недаром акад. И.П. Бородин (1914) говорил о том, что создание заповедников есть наш нравственный долг, и сравнивал памятники природы с картинами Рафаэля. Разница здесь, правда, в том, что заповедание требует от общества определенного самоограничения, отказа от утилитарного использования некоторых территорий во имя более значительных и высоких целей.

---

[4] В настоящее время система АН СССР имеет только 3 заповедника (Ильменский, Уссурийский и «Кедровая падь»). Правда, в последние годы много говорится и пишется о «биосферных заповедниках», но практически в этой области пока почти ничего не сделано.

[5] А.В. Малиновский с 1950 г. начальник Главного управления по заповедникам при Совете министров РСФСР, фактически осуществивший «реорганизацию» заповедников в 1951 г., сторонник использования заповедников в прикладных научных целях в сфере лесного, сельского и охотничьего хозяйств.

В.Н. Макаров хорошо понимал культурно-эстетическое значение заповедников. Он писал, что когда у каждого человека максимально возрастут любознательность, умственные и эстетические потребности, роль заповедников значительно увеличится, они будут цениться выше таких материальных ценностей, как золото, нефть, лес, топливо и т. п. (Макаров, 1947).

По своим убеждениям В.Н. Макаров разделял классические принципы заповедного дела. Подтверждением этому могут служить его слова, написанные для выступления, которому не суждено было состояться: «*Не следует также думать, что, раз учредив заповедник, мы на основе его природных ресурсов и разработки методов и приемов все изменим и переделаем так, как нам будет нужно. Нет, в наших руках находится возможность в пределах самого заповедника оставить и сохранить неприкосновенными те природные комплексы и их отдельные объекты, которые понадобятся другим и дальше*» (архив В. Н. Макарова).

Так или иначе, но с именем В. Н. Макарова связан длительный период развития заповедного дела в нашей стране, который по праву может быть назван «макаровским». В нем были и удачи, и трудности, и даже подлинные трагедии. Но накопленный опыт всегда полезен и помогает движению вперед.

3.2.3. Франц Францевич Шиллингер (1874–1943)*

Есть люди, жизнь которых как бы предназначена для жанра старых приключенческих романов — настолько замысловаты и удивительны их судьбы. В самом деле, романист школы Дюма или Жюля Верна, получив в руки биографическую канву такого человека, как Ф.Ф. Шиллингер, легко мог бы облечь этот материал в увлекательное повествование, ничего к нему не добавляя, сохраняя все факты и житейские обстоятельства. Быть может, со временем будут написаны книги с жизнеописанием Франца Францевича — он достоин того. Мы же ограничимся лишь краткими фактическими сведениями.

Основу данной публикации составляет подлинная ИСПОВЕДЬ самого Шиллингера, в которой он рассказывает историю своей жизни. Это — письмо, написанное им в ноябре 1937 г. (не надо пояснять, чем был ознаменован этот год в истории СССР) своему старшему коллеге по прежней работе, известному ученому-зоологу, член-корр. АН СССР и академику ВАСХНИЛ Николаю Михайловичу Кулагину (1860–1940). Знакомы они были давно. Н.М. Кулагин с 1925 г. был председателем Госкомитета по охране природы, созданного (по сути, на «общественных началах») при Главнауке Наркомпроса РСФСР, а Шиллингер — членом бюро и ученым секретарём этого Комитета. Далее они сотрудничали и в Наркомпросе, и в Комитете по заповедникам при Президиуме ВЦИК, и во Всероссийском обществе охраны природы, одним из активных создателей которого был Франц Францевич.

Это письмо — не только откровение, не только «крик души», но и серьезный исторический документ. Подлинник сохраняется в Архиве Российской академии наук (фонд 445, архив Н.М. Кулагина) и представляет собой машинопись (синей лентой на больших листах плотной бумаги) с очень мелким шрифтом[1].

---

* Исповедь, оплаченная жизнью (Удивительные похождения и приключения Франца Шиллингера в России и в СССР) // Охотничьи просторы. Кн. 1. ПТП ЭРА, 1994. С. 216–230. — Соавтор *В.И. Данилов*.

[1] В 70-х годах В.И. Данилов случайно наткнулся в Архиве РАН (АН СССР) на письмо Шиллингера и начал его переписывать, но был остановлен бдительными сотрудниками архива («Зачем это вам? По теме ли это?»). Лишь позднее Ф.Р. Штильмарк завершил переписку материала, который напечатан с разрешения дочери автора, А.Ф. Шиллингер.

Первая публикация о Ф.Ф. Шиллингере была помещена в 1977 г. в журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 5 (автор — Ф. Штильмарк). Позднее этой личностью заинтересовался В.Е. Борейко, опубликовавший в журнале «Уральский следопыт» (1989. № 5) очерк с неудачным, на наш взгляд, названием «Пасынок России». Вместе с дочерью Франца Францевича, Аделью Францевной, Борейко ознакомился со следственным делом Шиллингера и опубликовал одно из его многочисленных обращений, отправленных из мест заключения (Охота и охотничье хозяйство. 1994. № 1). В этой публикации приводятся воспоминания проф. И.И. Пузанова о Шиллингере: «*Это был тучный, рыжеусый человек, лет 55, лесовод по профессии, охотник, фотограф, страстный любитель природы и большой фантазер*». Что касается последнего, то спору нет — Шиллингер был такой же подлинный рыцарь природы, как и прожектер, но в хорошем, а не ироническом значении этого слова. Планы, предложения, проекты — буквально били из Шиллингера фонтаном, порой утомляя чересчур практически мыслящих сослуживцев. То предлагал он создание особых заповедников-звероферм, то намечал сложнейшие экспедиции (часть которых все-таки осуществлялась вопреки всем препонам!), то рисовал контуры Центрального сада природоведения на Воробьевых горах с макетами сложных зданий, сооружений и памятников (опубликованные рисунки сего «Центросада» производят впечатление и сегодня).

Верно и то, что Франц Францевич был мастером фотографии и даже документальной киносъемки, достигнув в этом сложном деле немалых успехов. Но материальная сторона жизни его мало интересовала, он оставался бессребреником, хотя когда-то был обладателем коллекций, имевших огромную денежную ценность (см. текст письма).

А вот внешность Ф.Ф. Шиллингера была иной. Человек очень крупного, могучего телосложения, он вовсе не был «тучным», напротив, даже в пожилом возрасте сохранял статность, легкость движений, живость и бодрость духа, веселый и общительный нрав, неиссякаемое жизнелюбие и оптимизм. Это был великолепный рассказчик, великий труженик, что проявилось в большом количестве написанных им статей и нескольких научно-популярных книг.

Хотя его письмо Кулагину достаточно откровенно, в нем отражены далеко не все заслуги этого поистине выдающегося деятеля и борца за охрану природы России. Еще в 1918 г. Ф.Ф. Шиллингер пророчески провозгласил необходимость создания специального «Комиссариата по охране природы» и вплоть до начала 30-х гг. писал о необходимости такого «надведомственного» государственного органа. В личный архив Шиллингера надо занести не только составление текстов официальных декретов, вышедших за подписью В. И. Ленина, но также создание Центрохоты в 1920 г. и Всероссийского общества охраны природы в 1924 г. Франц Францевич был непосредственным проектировщиком (и прямым создателем) таких известных заповедников СССР, как Печоро-Илычский, Кзыл-Агачский, Алтайский, Наурзумский, Алма-Атинский, «Боровое» и ряда других. Поистине, можно только удивляться энергии и настойчивости Ф.Ф. Шиллингера, с именем которого постоянно сталкиваются исследователи, работающие в наших архивах. Кое-что отражено и в литературе, вот лишь один пример, взятый из книги И. Халифмана «Четырехкрылые корсары» (М., «Детгиз», 1978): «*В феврале 1920 года Сергей Иванович* (речь идет о С.И. Малышеве, видном энтомологе. — *Ф.Ш.*) *списался с известным московским деятелем по охране природы Францем Францевичем Шиллингером, и оба стали готовить письмо о Заповедной роще в Совет народных комиссаров... Прошло не так уж много времени, и «Заповедь» стала частью государственного заповедника «Лес на Ворскле». В заповеднике открылся музей местной природы с богатыми коллекциями насекомых, мастерски выполненными чучелами зверей и птиц. Франц Францевич Шиллингер с дочерью засняли фильм о заповеднике*».

Свидетельства о бурной и плодотворной деятельности этого энтузиаста приходится встречать в самых разных краях. Не так давно одному из авторов этой статьи довелось видеть прекрасные таксидермические панно, выполненные лично Ф.Ф. Шиллингером,— они попали в музей Екатеринбурга из города Кунгура. Некоторая часть обширных коллекций Шиллингера сохраняется в Зоологическом музее МГУ. В архивах Печоро-Илычского заповедника имеются кинопленки, отснятые путешественником во время плавания по Печоре.

Но дадим возможность самому Францу Францевичу поведать с выцветших от времени архивных страниц о своей удивительной жизни…

«Дорогой Николай Михайлович!

Чувство глубокой признательности, любви и доверия к Вам побуждает меня излить перед Вами все те сокровенные чувства горечи и обиды, причиненные мне моим незаслуженным увольнением из Комитета по заповедникам[2]. С начала моего несправедливого увольнения после смерти Петра Гермогеновича[3] в 1935 году я замкнулся в себе и не жаловался, но мой организм не выдержал тяжкого испытания, и я тяжело заболел. Болезнь моя — полное нервное расстройство и все связанное с ним — оказалась серьезной и протекала крайне медленно: только через полгода я стал понемногу поправляться.

Все мои попытки в течение двух лет выяснить причины моего загадочного увольнения ни к чему не привели, я так и не узнал по сегодняшний день, за что меня сняли с работы. Это очень больно, когда сознаешь, что ты ни в чем не виноват, а тебя наказывают. Вот как меня отметили за мою беспредельную преданность делу охраны природы, за мое ревностное отношение к службе в течение 18 лет, и все это благодаря злым людям, которым, по-видимому, я мешал.

Все мои старания поступить вновь на работу ни к чему не привели. Комитет по заповедникам в лице тов. Шведчикова — отказал. Главное управление охоты в лице тов. Бадашова — отказало, отдел лесопаркового хозяйства Моссовета тоже отклонил мое ходатайство, точно так же поступило и Главное курортное управление Наркомздрава СССР, куда я намеревался поступить в качестве зав. курортным парковым хозяйством.

Все это удручающе на меня действует. Чувствуется, что тут имеется какая-то закулисная сторона дела. Распускаются про меня самые дикие и нелепейшие слухи: будто бы я махровый немец и не кто другой, как побочный сын австрийского императора Франца-Иосифа, командующий в мировую войну одной из австро-венгерских армий, действовавших против России, попавший в плен и теперь ловко скрывающийся; что у меня сын за границей, и я с ним поддерживаю связь, что я брат графа Уварова из Поречья; что я безграмотный невежда, авантюрист, простой чучельник, и вообще «продукт революции»; что я бывший крупный землевладелец и фабрикант; что мною было включено в свое время множество колхозов и совхозов в границы заповедников, причем будто бы тридцать колхозов попали в один только Алма-Атинский заповедник; что я пьяница и аферист, в Алма-Ате всех спаивал и только таким путем добился там в 1934 г. утверждения новых границ заповедников Алма-Атинского, Наурзумского, Аксу-Джабаглы и Боровое; что все подписи членов Правительства Казахстана на необходимых мне постановлениях по указанным заповедникам ложны и подделаны мною лично; наконец, что члены Комитета по заповедникам мною были крайне недовольны за то,

---

[2] Ф.Ф. Шиллингер был уволен из Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, где он работал старшим инспектором и ученым консультантом, 1 декабря 1935 года «за переходом на академическую пенсию».

[3] Петр Гермогенович Смидович (1874–1935) — старый большевик, член ВЦИК и ЦИК СССР, председатель Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК.

что я, будто бы, вертел комитетом как хотел, не давал ходу настоящим научным работникам и все делал сам, вследствие чего они обжаловали куда следует мои действия, и я был убран, наконец, со своего поста, который я так долго и упорно занимал.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович, простите мне великодушно мою вольность — я позволил себе обратиться к Вам и высказать Вам все то, что меня так мучает. Признаться, я давно уже чувствовал потребность в том, чтобы облегчить свою наболевшую душу изложением постигшего меня несчастья... Но Ваш возраст, занятость и высокое звание удерживали меня в течение целых двух долгих мучительных лет, и вот теперь, чувствуя наконец, что так дольше жить нельзя и веруя в Вашу испытанную доброту и неиссякаемое человеколюбие, я решился побеспокоить Вас и по возможности вкратце изложить Вам свою историю. Полагаю, Николай Михайлович, что Вам будет легче судить обо мне.

Родился я в Австрии 26 сентября 1874 года в селении Баля-Баторская, уезд Неполомицы, провинция Галиция (теперь это Польша). Мой отец в это время служил ученым лесоводом в историческом казенном лесничестве Баля-Баторская, в лесах которого когда-то польский король Стефан Баторий во время одной из своих охот заблудился и один ночевал под громадной сосной. Насколько мне известно, мой дед и прадед тоже были учеными лесоводами в Австрии. По преданию, род Шиллингеров берет свое начало в Англии времен Крестовых походов. Возвращаясь с одного из них, мой прародич по фамилии Шиллинг, совершенно больной, остался в Богемии, выздоровел, женился на своей спасительнице и в Англию не возвратился. Этот мой прапрадед был громадного роста, и население, спрашивая, кто он, получало ответ, что Шиллинг он, т. е. «Шиллинг эр»; таким образом произошло изменение фамилии.

По документальным данным известно, что мой прадед, дед и отец были женаты на чешках, причем их жены тоже происходили из семей лесничих. Я женился на русскоподданной, дочери агронома; отец жены был поляк, а мать чистокровная чешка. Мои дети — два сына и две дочери — воспитывались по-русски, и домашний язык был русским. Сколько у меня, да и в моей семье, немецкой крови, предоставляю судить более компетентным лицам, думается только, что Гитлер меня, наверное, вычеркнул бы из списка немцев.

Ради единственного сына отец специально нанял для меня учителя-гувернера, что дало мне возможность в 13-летнем возрасте окончить реальное училище в Австрии, город Строчинец, правобережная Буковина (теперь Румыния). Отец мой в то время был управляющим громадными карпатскими лесными имениями барона Александра Петрино, бывшего в то время министром земледелия Австрии.

В 1887 г. мои родители эмигрировали вместе со мною из Австрии в Россию, где отец устроился на службу лесокультурником в Бессарабской губернии Хотинского уезда, село Мендек, у крупного землевладельца Огашевича. Здесь же, 13-летним мальчиком, я поступил на службу лесным практикантом, получая за это 12 р. месячного жалованья. Тут я принял участие в обширных лесокультурных работах по облесению Бессарабских степей. Лесопрактикантом я прослужил три года. Таким образом, у меня теперь 50-летний служебный стаж, т. к. мне недавно исполнилось 63 года.

В мае 1889 г. мой отец, 42 лет от роду, умер от гриппозного воспаления легких на своем посту. Имея аттестат о пройденной мной трехлетней лесокультурной практике, что является одним из условий поступления в лесной институт, я в 1890 г. возвратился в Австрию и поступил студентом в лесохозяйственный институт г. Агсбаха. Наряду с лесным хозяйством в Агсбахе преподавалось и охотничье хозяйство, как вольное, так и искусственное[4]. Имея хорошую подготовку от своего покойного отца и от двух моих

[4] То есть, скорее всего, та самая «биотехния», которую спустя более полувека у нас провозгласили самостоятельной наукой и даже «ядром охотоведения»!

дядей, братьев матери, проживающих с Агсбахом рядом, мне удалось в течение трех лет, т. е. к концу 1892 года, кончить институт на 19-м году жизни. После института я немедленно уехал обратно в Россию, куда меня влекли необъятные пространства и манило широкое поле деятельности. Еще в конце 1892 г. я поступил помощником лесничего в Ломачинское лесничество обширных имений Крупенских (Бессарабская губ., Хотинский уезд). Здесь проводились в больших масштабах лесокультурные работы по облесению Бессарабских степей и формировалось охотничье хозяйство, вплоть до разведения фазанов и проч. Во всяком случае, я здесь в течение двух лет получил великолепную практическую подготовку, столь необходимую для того, чтобы стать самостоятельным лесничим.

В октябре 1894 г. я поступил уже таким лесничим в имение крупного землевладельца Бурдени в селе Селище Хотинского уезда. В селищенских лесах мною в течение двух лет была произведена квартализация лесов, большие лесонасаждения, заложен лесопитомник, упорядочено охотничье хозяйство и устроен музей местной фауны и флоры. По всем этим вопросам мне пришлось неоднократно консультировать по соседним лесничествам.

В 1896 г. мне была предложена должность обер-лесничего, т. е. главного лесничего трех больших лесничеств графини Марии Стадницкой в Подольской губернии (Ново-Ушицкий уезд). Должность эту я принял и занимал в течение пяти лет, т. е. до 1901 г. Все эти лесничества — Отроков, Антоновка и Темков — под моим управлением превратились в образцовые лесные и охотничьи хозяйства. Проведена была квартализация лесов, заложены три больших лесопитомника, засажено несколько сотен десятин искусственного леса, разведено много различной дичи.

Небезынтересно отметить, что накануне моего вступления в управление названных трех лесничеств была произведена в них большая трехдневная охота при 12 охотниках и 36 загонщиках, в результате которой было добыто пять зайцев. Через два года ведения мною лесоохотхозяйства я организовал охоту в одном из лесничеств, и в течение одного дня было добыто 147 зайцев, 2 лисицы и ястребиная сова — всего 150 штук при шести охотниках и двадцати загонщиках.

Благодаря моим удачным работам по ведению лесного хозяйства вообще и лесокультур в частности, а также организации образцового охотничьего хозяйства, мне, за последние годы моего пребывания на посту обер-лесничего у графини М. Стадницкой, было сделано несколько весьма выгодных предложений на пост такого же главного лесовода-охотоведа в имениях братьев Хельминских, графов Орловских, графа Иосифа Потоцкого, князей Сангунеко и Радзивилла. Я отклонил все эти предложения, так как стремился к большей самостоятельности, и поэтому принял в 1901 г. должность управляющего лесами генерал-майора М.М. Устинова (это ближайший родственник того Устинова, который недавно умер на посту полпреда СССР в Литве) в его Каменец-Подольских обширных имениях — Юрковцы, Вендеганы, Хреновка и Мотейков в Могилев-Подольском уезде, а вскоре и в огромных имениях Саратовской губернии Петровского уезда, известных под названием Адриановских с центром в селе Грязнуха. В этой должности мне пришлось руководить обширными лесокультурными посадками, квартализацией лесов и устройством лесного хозяйства в целом. Здесь же я поставил на должную высоту и охотничье хозяйство, усиленно занимался истреблением волков и дичеразведением.

Несмотря на полный успех всех моих начинаний по службе и щедрые награды Устинова, который был большой любитель и знаток культурного лесного хозяйства, я в конце 1903 г. оставил службу, поселился в Нижнем Новгороде и занялся изготовлением преимущественно зоологических препаратов в виде наглядных учебных пособий для школ, естественно-исторических кабинетов и музеев. Эта моя работа длилась до января 1908 г. За это

время мною были обучены таксидермическому искусству пять учеников, а именно: Якечек, прослуживший с 1918 по 1936 год включительно, до самой своей смерти, зоологическим препаратором в различных учреждениях Наркомпроса в Москве; Коксин — служит уже более 25 лет препаратором в Казанском университете; Мазохин — служит препаратором уже 20 лет в Горьковском краевом музее; Ершов и Голубев, которые были убиты во время империалистической войны. За это время мною было собрано и обработано много естественно-исторических коллекций и снабжено ими множество школ, кабинетов и музеев, как, например, музей в Казани, в Костроме, Нижнем Новгороде, Верном (Алма-Ата), музей Дарвина в Москве и других[5].

Начиная с 1908 г. и вплоть до начала мировой войны в 1914 г. я находился почти в беспрерывных экспедициях на Урале, в Сибири и в Монголии. Здесь я должен оговориться. Дело в том, что, начиная со школьной скамьи, я мечтал сделаться путешественником, причем конечной целью я ставил себе Тибет. И вот для того, чтобы достигнуть заветной цели, я соответствующим образом строил свою жизнь. Я твердо шел этап за этапом, причем пришлось рискнуть своим положением, своей карьерой лесовода-охотоведа, оставить службу, так как для меня стало ясно, что мое место управляющего лесами в Тибет не заведет. Зарекомендовавшись еще лесоводом-охотоведом, а впоследствии своими удачными экскурсиями по сбору естественнонаучных материалов, я получил предложение совершить охотничью экспедицию в Саяны для ловли живьем сибирских косуль, маралов и других животных для акклиматизации в царских охотничьих заповедниках[6]. Кроме того, мне поручалось исследовать охотфауну и охотпромыслы Сибири.

Таким образом, я стал приближаться к заветной цели, т. е., во-первых, сделаться, как говорят, присяжным путешественником-исследователем и, во-вторых, достигнуть таким путем экспедиции в Тибет. Конечно, я сознавал, что малейший промах с моей стороны или какая-нибудь неудача могли погубить все. Но мне повезло. Моя первая экспедиция в Минусинский уезд (Саяны, предгорья и степи) дала сверх ожидания хорошие результаты. В 1909 г. мною было привезено в Петербург два вагона живых животных: между прочим, 14 сибирских косуль — почти все выдающиеся экземпляры. Между ними козлы с рогами в 8, 10, 12, 14 и даже 18 отростков. Это и громадные маралы произвели должный эффект, и я тотчас же получил поручение на следующие экспедиции, которые с неменьшим успехом продолжались в Сибири в 1910 и 1911 гг. Средства выдавались на эти мои экспедиции в более чем достаточном размере. Но не в этом было дело. Я стремился в Тибет — к цели моих мечтаний с юных лет, а она, я это стал чувствовать, не приближалась. Нужно было решиться на героический поступок. Я в конце 1911 г. поехал в Вену и прочел там в «Урании» три доклада о своих сибирских экспедициях, причем в конце каждой из них высказал свое желание ехать в Тибет. После этого я тут же получил предложение от бывших венских придворных музеев (теперь — австрийские народные музеи) предпринять для них научно-исследовательскую экспедицию в Сибирь, Монголию и Тибет.

В Вене я готовился к этой экспедиции в течение 10 месяцев. Меня великолепно снарядили научным и таборным снаряжением, выдали крупную сумму наличными деньгами, и я 26 сентября 1912 г. выехал через Москву и Петербург в свою новую экспеди-

---

[5] Ф.Ф. Шиллингер был первоклассным мастером таксидермии, о чем можно судить по его изделиям, встречавшимся нам в музеях Москвы и Свердловска (вероятно, имеются они и в указанных городах Поволжья). Сочетание такого мастерства со страстью к дальним путешествиям позволяет сравнить его со знаменитым Карлом Экли.

[6] Речь идет о строго охраняемых местах царских охот (Гатчина, Крым, Караязы, Беловежская Пуща и др.). Сегодня им примерно соответствуют некоторые спецохотхозяйства.

цию, конечным этапом которой был Тибет! Перед отъездом из Петербурга мною был возложен венок на памятник первого русского исследователя Центральной Азии Пржевальского. Управление бывших царских охот пожелало использовать мою экспедицию для лова и доставки в Россию большой партии сибирско-монгольской и тибетской охотничьей фауны преимущественно для акклиматизационных целей на Кавказе. Таким образом, получилась смешанная австро-русская экспедиция. Все власти на местах и пограничная охрана были извещены и получили указания всячески содействовать моей экспедиции. Мною была развита большая деятельность, и экспедиция работала с большим успехом вплоть до начала войны с Германией и Австрией. Меня арестовали, и я просидел в Москве 72 дня, после чего оставили под надзором в Москве вплоть до установления советской власти. Так кончилась моя мечта попасть в Тибет.

За время этой экспедиции мною были обследованы преимущественно охотпромыслы во всей своей совокупности большей части Саян, в верховьях Енисея, вплоть до Урянхайского края (ныне — Тува), причем мною была отмечена желательность учреждения Саянского заповедника; озеро Косогол, горный хребет Мунку-Сардык, Тункинский край и белки (гольцы), местность с урочищем Синты, где был запроектирован царский охотничий заповедник, озеро Байкал, где запроектированы были на острове Ольхон и полуострове Святой Нос большие вольные зоофермы, а по Баргузинскому побережью — заповедник на соболя[7]. Места эти намечались мною по особому заданию, которое впоследствии было расширено, а мне было предложено выработать проект организации охотничьего хозяйства Сибири. Зимою 1913–1914 гг. проект этот был мною представлен совместно с проектом островного звероводства управляющему имуществ Иркутского генерал-губернаторства, который его одобрил и передал Иркутскому генерал-губернатору, с одобрением коего он был отправлен в Петербург. В конце июня 1914 г. меня туда вызвали и сообщили, что мои проекты, все три — охотхозяйства, звероводства и царский охотзаповедник — утверждаются. Тут же мне было предложено подать заявление о зачислении меня в штаты по охотхозяйству вообще и в частности предложено место управляющего царским охотзаповедником Спала и Скерневицы.

Еще раньше, до этого события, мне было предложено представить свои соображения по охотхозяйству Спала и Скерневицы. По пути в Вену в 1911 г. я посетил эти места и представил свой план реорганизации — главным образом изъятия оттуда двух третей чрезмерно размножившихся оленей, косуль и кабанов — план этот был выполнен. С этой же целью я еще за несколько лет до этого был послан Кочубеем в Беловежскую Пущу. Месяц спустя после моего вызова в Петербург началась мировая война, и я не успел поступить на предлагаемые должности. Таким образом, я не сделался царским чиновником. Из последней Сибирско-Монголо-Тибетской экспедиции мною были направлены крупные транспорты азиатских живых охотничьих животных в различные охотзаповедники России. Кроме того, несколько партий зооколлекций — в венские музеи. Австрийское географическое общество избрало меня перед войной своим действительным членом. С начала войны вплоть до установления советской власти, т. е. с 1914 по 1918 г., я в Москве под надзором полиции занимался изготовлением зоологических препаратов — личным трудом совместно с моей семьей, которая тогда состояла из шести человек.

С 1918 по 1933 год включительно я служил при Наркомпросе по линии охраны природы и заповедников. Сначала я был назначен заведующим и организатором государственных мастерских по изготовлению наглядных учебных пособий, потом заместителем заведующего отделом охраны природы и вскоре заведующим этим же отде-

[7] Варианты, легшие в основу создания Баргузинского заповедника и фактически не созданных байкальских заповедников, о которых был издан декрет за подписью В.И. Ленина в 1921 г.

лом, так как профессор В.И. Талиев отказался в мою пользу от этой должности. Еще весной 1918 г. я представил Правительству через Наркомпрос проект учреждения Народного комиссариата охоты, рыболовства и охраны природы с открытием при нем соответствующего института, который мыслился мною в Царицыне под Москвою в пандан к Петровско-Разумовскому[8]. В результате охота оставалась при Наркомземе, рыболовство при Высшем совете народного хозяйства, а охрана природы при Наркомпросе. В 1918 же году мною были представлены еще два проекта, а именно: 1) учреждение вышеназванных мастерских — «Госманапо», которые были тут же утверждены, и я, как уже сказано, назначен директором-организатором их; 2) проект запрета весенней охоты и убоя лосей. И этот проект был утвержден, подписан Владимиром Ильичем Лениным и опубликован в «Известиях» 29 мая 1919 г.

В конце 1919 г. я представил еще два проекта, это: 1) необходимость учреждения Главного управления охоты (Главохоты); 2) организация байкальских государственных заповедников-зооферм. Оба эти проекта тоже были утверждены Правительством и подписаны самим тов. Лениным — первый в 1920 г., второй — в январе 1921 г.

Что касается охраны природы, то я работал на этом излюбленном мною поприще не покладая рук, проявляя максимум энергии и инициативы. Я был в нескольких экспедициях и поездках по заповедникам, организовывал, обследовал, оформлял границы заповедников, расширял границы существующих заповедников, консультировал и инспектировал заповедники, проводил ревизии и т. д. и т. п. Все это выполнялось мною самым аккуратным образом, так что Комитет по заповедникам и Главнаука Наркомпроса оставались довольны, и никогда за все эти годы я не получал ни малейшего замечания по службе и не совершил никакого политического ляпсуса.

Дело охраны природы и заповедников подвергалось за первые 15 лет своего существования неоднократным нападкам со стороны несознательных элементов, я сказал бы — просто невежественных людей. Так было зимой 1921 г. благодаря индифферентному отношению Троцкой[9] к этому своему подотделу. Дошло до того, что я видел себя вынужденным обжаловать эти действия в Рабоче-крестьянскую инспекцию, в результате чего была назначена ревизия во главе с Н.Н. Подъяпольским и дело немного улучшилось. Тем не менее 5 мая 1923 г. Коллегия Наркомпроса по инициативе проф. Гливенко вынесла постановление о том, чтобы охрану природы и заповедники упразднить, и опять же мне одному пришлось обжаловать это постановление в соответствующие инстанции, после чего была назначена ревизия во главе с Николаем Михайловичем Федоровским всему Наркомпросу. В результате этой ревизии дело охраны природы и заповедников было опять спасено, уцелел и наш комитет. Гливенко был снят с поста заведующего Главнаукой, и учрежден отдел охраны природы при Главнауке.

В начале 1931 г. дело охраны природы, особенно заповедников, опять попало под удар: власти Кавказа да и некоторых других республик, а также Наркомлес, поставили перед Совнаркомом вопрос о ликвидации всего этого дела. Специальная комиссия Рыскулова[10] была занята рассмотрением данного вопроса. Мне почти одному пришлось защищать охрану природы, ее комитет и заповедники. Любимое и столь нужное дело уцелело, и я был счастлив. Однако с начала 1933 г. началась опять атака на охрану природы, заповедники и комитет. На сей раз борьба была очень серьезной — Совнарком, несмотря на пожелания Всесоюзного Съезда охраны природы, постановил все это

---

[8] То есть в дополнение к Петровской (Тимирязевской) сельхозакадемии.

[9] Н.Б. Троцкая (Седова) была в то время заведующей Музейным отделом Наркомпроса, куда входил подотдел охраны природы.

[10] Турар Рыскулов (1894–1938) — зам. председателя Совнаркома РСФСР.

дело передать Наркомзему РСФСР; протест т. Бубнова[11] тоже не помог, так как и он, как я имел случай убедиться, считал все это скорее вредным, чем полезным делом. В защите этого вопроса мне никто не помогал. В последний момент — уже во время передачи дел Наркомзему — я пошел к товарищу Смидовичу, рассказал ему о случившемся, и Петр Гермогенович сумел приостановить передачу и добиться учреждения Комитета по заповедникам при ВЦИК.

После смерти П. Г. Смидовича 16 апреля 1935 г. ВЦИК не назначил нового председателя Комитета, а назначил ревизию ЦК Партии всей охраны природы и заповедников. Ревизия эта длилась в течение октября, ноября и декабря 1935 г. Результат ее был довольно печален для нас, работников охраны природы и заповедников. Решено было передать заповедники Наркомзему СССР. Началась передача, вернее, подготовка к ней. Я уже не служил в комитете, так как после смерти т. Смидовича был уволен без предъявления каких-либо причин, точно так же я не был членом комитета, в котором я состоял с 1918 по 1935 г. Следовательно, я не имел права вмешиваться и защищать это дело, как я это делал так успешно неоднократно раньше (здесь я привел только самые яркие случаи, не касаясь целого ряда более мелких). Когда я убедился, что дело окончательно погибает и никто не пытается его спасти, мною было подано в Отдел науки ЦК Партии особое заявление и в последний момент я в отчаянии написал письмо т. СТАЛИНУ. Это было 20 января 1936 г. Об этом письме никто не знал. Я держал его в тайне от самых близких. Оно получилось обширное — 20 стр. большого формата на машинке. Передача была приостановлена. Комитет уцелел, заповедники не передали Наркомзему, и на их содержание были отпущены крупные суммы; при Совнаркоме учреждены Главное управление по лесоохране и лесонасаждению, а при Наркомземе СССР учреждено Главное управление охоты и звероводства. Я неимоверно счастлив, что хотя бы косвенно причастен к этим учреждениям и не теряю надежды, что еще буду привлечен к работе в них.

По моей инициативе и проекту учреждено в 1924 г. Всероссийское общество охраны природы, а в 1928 г. — журнал «Охрана природы».

В 1928 г. я был приглашен для обследования Украины на предмет организации охотничьего хозяйства и некоторых заповедников. С 1929 по 1932 г. включительно я находился в экспедиции по организации Печорского заповедника, всех заповедников Казахстана и Алтайского заповедника. Кроме этих экспедиций, я совершил ряд поездок по оформлению границ других заповедников, их ревизий и пр. Полагаю нелишним отметить, что средства на эти поездки и экспедиции отпускались крайне скудные. Так, например, в Печорскую экспедицию я был отправлен с одной тысячей рублей, с окладом 200 рублей в месяц без всяких командировочных и суточных; конечно, мне пришлось распродать кое-что из своих вещей, чтобы сколотить необходимую сумму; в Казахстане, тоже не получая суточных, мне пришлось продать свою доху, фотоаппарат и бинокль; в 1926 г. меня направили в Крым со 136 рублями тоже без суточных, с окладом 125 р. в месяц; я тем не менее выполнил все, что мне было задано, работал там 4 месяца, но это мне стоило телескопа Лейца, фото- и киноаппарата, двух ружей. Не желая более загромождать эти строки подробным перечислением, где и сколько я расходовал своих средств, снаряжения и спецодежды, которые я всегда использовал свои, упомяну только, что на это пошло более 10 тысяч рублей, не считая амортизации моего снаряжения и вещей. В 1932 г. я получил за мои авторские экземпляры кинофильма 5000 р. Вместо отпуска и лечения я эти деньги опять же употребил на дополнительное обследование Крыма, в результате чего была издана моя книга[12]. Написал я ее безвозмездно, так же как и книгу об Арало-Тургайском проливе, и все мои статьи и заметки в журнале

[11] Он сменил Луначарского на посту наркома просвещения.

[12] Крымский полуостров, его роль и значение в СССР. М., 1935.

«Охрана природы». Моя работа о Крыме имела последствием то, что теперь на Крым обращено должное внимание и проводятся большие лесокультурные работы.

Мои коллекции, вывезенные из моих довоенных экспедиций по Сибири и Монголии, я в 1918 г. представил Наркомпросу совершенно безвозмездно, несмотря на то, что различные, тогда еще свободно торгующие в Москве фирмы предлагали мне за них большие деньги. В числе этих зоологических коллекций, между прочим, были 240 бурых медведей, 62 белых медведя, 84 росомахи, 107 рысей, 16 барсов, много обыкновенных, сибирских, красных и черных волков, различные виды лисиц, куниц, хорей, диких кошек, горностаев, лосей, маралов, косуль, кабарожек, масса мелких млекопитающих, скелетов и рогов, много препарированных шкурок различных птиц, яиц и гнезд, а также насекомых. Коллегия Наркомпроса постановила тогда прикреплять к экспонатам ярлык: «Экспедиция Ф.Ф. Шиллингера»...

...В 1924 году я совместно с семьей (жена и двое детей — сын и дочь) подали заявление о подданстве СССР, были приняты, получили паспорта и прекратили всякую связь с заграницей. Мой второй сын, Феликс, был со мной в большой экспедиции в Туруханском крае за полярным кругом, откуда я вывез новый подвид глухаря, описанный С.А. Бутурлиным; после этого сын поступил добровольцем в военный воздушный флот, летал 8 лет, сделался командиром эскадрильи и трагически погиб во время ночного полета 25 декабря 1933 г. Моя старшая дочь Мария служила машинисткой в «Центрохоте», получила менингит. Во время работы свалилась со стула и через несколько дней умерла 13 января 1922 г., в возрасте 19 лет. Теперь у меня только одна дочь — Адель, актриса театра М. О. С. П. С.

Дорогой Николай Михайлович! Я открыл перед Вами всю мою жизнь, все мои горести и печали; Вы единственный человек, перед которым я чувствую потребность раскрыть свою душу. Приношу тысячи извинений за свое обращение к Вам, но не могу иначе, судите сами, если я виновен. Да, сейчас живется мне очень тяжело, так как 250 руб. академической пенсии не хватает, а реализовать уже нечего, я это уже все сделал, когда служил — на нужды экспедиций, на пользу охраны природы и заповедников, делу, которому я посвятил свою жизнь. Устроиться на службу нигде не могу, а переквалифицироваться на что-нибудь, пожалуй, поздно. Не думал я, что меня за мою долголетнюю безупречную службу так отметят.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович, простите, что я в своем отчаянии — а оно начинает мною овладевать — обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, если возможно, то помочь мне получить какую-нибудь должность. Я мог бы работать по охране природы и по заповедникам, по охотничьему хозяйству и дичеразведению, по лесопарковому хозяйству Москвы и оживлению лесов соответствующими животными, по лесопарковому хозяйству курортов Крыма; мог бы принять участие в строительстве нового ботанического сада на Воробьевых горах; с большим удовольствием выполнил бы поручение поехать на Алтай и привезти несколько экземпляров рогатого скота, который совершенно тождествен с шотландским и английским полудиким быком... В Тимирязевском институте они могли бы найти применение и подвергнуться изучению. Согласен немедленно вылететь на остров Врангеля ради охраны и подготовки трупа мамонта для отправки в Ленинград. Дело препарирования я изучал в свое время в Вене у братьев Годек и в Кишиневе у Остермана.

На всякий случай прилагаю на 8 листах некоторые справки, отзывы и рекомендации, характеризующие мою деятельность. Может быть, Вы будете любезны просмотреть.

Повторяя свои извинения,
остаюсь вечно Вам обязанный и преданный Ф. Шиллингер.
7 ноября 1937 г. Москва, центр, Телеграфный пер., д. 9, кв. 5.»

А теперь, прочитав эту поистине кровью сердца написанную повесть о жизни, пусть наш читатель вообразит себя старым и заслуженным ученым, получившим такое письмо на исходе кошмарного тридцать седьмого, когда одно слово «иностранец» или «заграница» приводило советского человека в смертельный трепет. Письмо от заведомо «неблагонадежного», давно уволенного со службы человека со столь странным прошлым... Конечно же, ответа на свою исповедь бедняга Шиллингер не дождался, а вскоре его действительно «привлекли инстанции», только не те, какие ему мечтались... Ведь аресты в Москве шли повальные. По воспоминаниям дочери Франца Францевича, чуть ли не каждую ночь у их многоквартирного дома в Телеграфном переулке останавливался «черный ворон», забирали людей. «Однако мне и в голову не могло прийти,— говорит Аделя Францевна,— что это может коснуться столь кристально чистого человека, как мой отец. К советской власти он относился очень уважительно, верил Сталину (как и почти все в то время), даже называл себя «беспартийным большевиком». А к пятидесятилетию вождя (в 1929 г.) Франц Францевич даже послал своему будущему убийце какой-то ценный дар из числа сохранившихся трофеев...»

...Ему присудили восемь лет по знаменитой статье 58 (суровый пункт «ПШ» — подозрение в шпионаже), оснований для этого в глазах следователей, увы, хватало — сколько разъездов-то, подозрительно!

Арестовали и жену его, Розалию Иосифовну Лозинскую (польку и чешку по происхождению), она умерла в Бутырской тюрьме. Дочь также засудили, приговорив к пяти годам ссылки (ст. 58-6), которую она отбыла в Башкирии.

Франц Францевич «не унимался» и в заключении, посылая письма не столько с жалобами и оправданиями, сколько с прежними предложениями об охране природы, использовании его опыта на пользу стране, которая обошлась с ним так несправедливо. Все-таки он был ее настоящим сыном и патриотом, а не отвергнутым пасынком. Иное дело, что даже с лучшими из своих детей страна обращалась сурово, шел настоящий «отрицательный отбор», последствия которого сказываются и сегодня.

Могучий организм Шиллингера, несмотря на преклонный возраст, несколько лет сопротивлялся неизбежной гибели. Франц Францевич умер от пеллагры (иначе говоря, от истощения) в лагере «Сосьва» Свердловской области 4 мая 1943 г. Его последнее письмо, которое в самом деле «нельзя читать спокойно», недавно предано гласности.

Как сообщает В. Борейко, те люди, на сочувствие и помощь которых надеялся Ф.Ф. Шиллингер, побоялись за него «вступиться». Мы не можем сегодня осуждать даже тех, кто проявлял тогда малодушие, настолько чудовищен был сталинский режим. Вся страна стала огромным лагерем и оставалась таковым, по сути, до самого недавнего времени. А чисто лагерный принцип: «Сдохни ты сегодня, а я — завтра»,— пожалуй, сохраняется среди нас и по сей день. Проволоку-то сняли, а «контингент» остался, и психология многих прежняя...

3.2.4. Христофор Георгиевич Шапошников (1872–1938)*

Затрудняюсь дать точное определение профессии моего отца. Агроном по образованию, он был прежде всего зоологом и краеведом, но всего точнее к нему подходит старинное понятие — натуралист. Он был страстным охотником, но при этом его привлекала прежде всего возможность общения с природой, а не добыча. Человек тонкой натуры, он любил поэзию, музыку, живопись, увлекался фотографией, с удовольствием работал в саду и на огороде, столярничал и меня учил этому делу...

---

* *Шапошников Г.Х.* Милые горы, я многое сделал для вас... // Охотничьи просторы. 1995. Кн. 4. С. 230-237 (очерк подготовил к публикации *Ф.Р. Штильмарк*).

Христофор (Хачатур) Георгиевич Шапошников родился в Майкопе 24 марта 1872 года в большой семье купца и первого градоначальника Г.Н. Шапошникова, человека всеми в городе уважаемого. С раннего детства отец увлекся коллекционированием бабочек и других насекомых, сохранив это увлечение до конца жизни. Такому занятию весьма способствовало разнообразие и богатство природных ландшафтов в окрестностях Майкопа, где степные равнины подступают к лесистым кавказским предгорьям.

В 1892 г. Христофор Георгиевич окончил реальное училище в Екатеринодаре (теперь — Краснодар), в 1901 г. после окончания Рижского политехнического института стал агрономом первого разряда, а в 1903–1906 гг. был слушателем Берлинского университета. В эти годы он не только опубликовал большую статью о бабочках Северо-Западного Кавказа, но и сделал «под носом у немцев» несколько интересных энтомологических находок, о чем сообщалось в журналах Германии и Англии. В результате Королевский Зоологический музей в Берлине предоставил ему в 1904 г. научную командировку на восемь месяцев в Северную Африку. Там он собрал большую коллекцию, часть которой до сих пор хранится в Зоомузее РАН Петербурга. Позднее он ездил в научные командировки от Русского географического общества и от Российской академии наук в Закавказье, Среднюю Азию и Турцию, совершая обширные сборы не только насекомых, но и многих других животных. В его коллекциях было немало раковин моллюсков, банок с рептилиями, тушек и чучел птиц, шкур и рогов млекопитающих. Все это требовало тщательной обработки и хранения, зато коллекциями Христофора Георгиевича регулярно пополнялись музеи Петербурга, Москвы, Ростова, Тбилиси; их обрабатывали многие специалисты, которые не только вели постоянную переписку с отцом, но и приезжали в наш майкопский дом, превратившийся в своеобразный музей и хранилище всевозможных экспонатов. Видные зоологи, благодарные Христофору Георгиевичу за ценные материалы, за его бескорыстную и самоотверженную службу науке, увековечили его имя в названиях животных. Известный знаток млекопитающих Кавказа К.А. Сатунин в 1901 году описал новый эндемичный род прометеевых полевок (Prometheomys), единственный вид которого назван в честь отца (*Prometheomys schaposchnikovi* Sat.). Его именем были названы также новые виды кузнечика, шмеля и двух моллюсков. Особенно много материалов получал от Христофора Георгиевича Зоологический музей в Петербурге, с директором которого, Николаем Викторовичем Насоновым, велась постоянная переписка.

После возвращения из Берлина на родину Шапошников работал лесничим Белореченского лесничества Кубанского казачьего войска, успешно сочетая эту должность с научным коллекционированием. В 1907–1909 гг. он обращался к Н.В. Насонову с обоснованием необходимости заповедать территорию великокняжеской «Кубанской охоты», которую члены царской фамилии арендовали у Рады Кубанского войска, причем срок аренды оканчивался в 1909 г. На основании писем Шапошникова Насонов обратился к президенту Академии наук, а тот подал прошение «на Высочайшее имя». Николай Второй утвердил Комиссию под председательством Великого Князя Сергея Михайловича (страстного охотника и арендатора Кубанской охоты) «для выработки мер к охранению кавказского зубра». Эти звери в то время еще были сравнительно обычны в лесах Западного Кавказа, но правительство, к сожалению, не нашло достаточных средств для создания заповедника, хотя проект его был разработан, а границы детально намечены Шапошниковым. Сложная история борьбы за создание Кавказского заповедника детально описана самим Христофором Георгиевичем (Охрана природы. 1928. №№ 1, 2 и 6), а также отражена в книгах В.И. Пальмана «По следам дикого зубра» (1978, 1985) и В.М. Молчанова «А что там, за горами?» (1985).

С 1914 по 1917 г. Христофор Георгиевич был на турецком фронте в чине подпрапорщика, а затем его перевели в Главное артиллерийское управление в Москве. Там он принимал некоторое участие в революционном движении.

...На Кавказе еще была в разгаре Гражданская война, когда отец возобновил свои хлопоты о заповеднике. В марте 1920 г. он поехал в Армавир к уполномоченному Реввоенсовета Кавказского фронта Штейнгаузу, который 5 апреля послал на имя Ленина телеграмму, заканчивавшуюся такими словами: «...временно, вплоть до приезда из Москвы представителя для разработки подробного плана заповедника, прошу о назначении на должность управляющего заповедником, поручив ему же организацию временной охраны, агронома-естественника, бывшего лесничего Шапошникова Христофора Георгиевича, работавшего много лет по охране означенного района, выдвигаемого ныне ревкомом и совнархозом Майкопа».

Вскоре пришел положительный ответ, и уже в мае 1920 г. Христофор Георгиевич получил мандат на организацию заповедника и охранную грамоту на свои коллекции и библиотеку в Майкопе, что позволило ему приступить к практической деятельности. Поэтому более точной датой создания Кавказского заповедника является именно 1920 г. (а не 1924-й, когда был принят известный декрет Совнаркома РСФСР).

Прежде всего надо было оформить статус заповедника, при этом его границы намечались так, чтобы включить наиболее ценные в природном отношении участки и по возможности меньше затронуть экономические нужды местного населения. В конце 1920 года Кубано-Черноморский ревком принял постановление о создании Кубанского высокогорного заповедника (оно опубликовано в газете «Красное знамя» 3 декабря 1920 года).

В зиму с 1920 на 1921 г. на Кубани был голод. Мне тогда было шесть лет, и я хорошо помню и голод, и вшей, и печки-буржуйки. Денег заповедник не имел, не получал зарплату и директор, к тому же в хлопотах о заповеднике он, будучи в Краснодаре, свалился в сыпняке. Управление заповедником в первые годы размещалось в нашем доме во второй по величине комнате. В двух помещениях жила семья (моя мать, сестра и я)[1], а в самой большой размещались коллекции и библиотека. Несмотря на все трудности, Христофор Георгиевич начал подбирать кандидатов на еще не существующие штатные должности, и в первую очередь – егерей. Помогало ему хорошее знание людей в горных станицах и аулах, его авторитет среди жителей. При этом он считал самым главным отношение человека к природе, любовь к ней. Работавший в заповеднике наблюдателем с 20-х годов Борис Артамонович Заславский, с которым мне довелось бродить в горах в 1955 году, объяснял логику отца очень просто: «кого любишь, того и защищать будешь». А в 1937 г. я встретил на вершине горы Оштен И.П. Станкевича, который сказал мне, что зашел сюда «просто так, по пути». Конечно же, его влекло сюда чувство любви к природе, и он до старости лет трудился в заповеднике. Вот кого подбирал Христофор Георгиевич на должности егерей-наблюдателей.

В 1921 г. началась новая экономическая политика, жизнь немного нормализовалась, в Майкоп стали приезжать станичники с продуктами. Среди них были и будущие егеря-наблюдатели, которые практически уже вели наблюдения за состоянием заповедной территории. Помню, как отец выспрашивал у них о зубрах, турах, о местах, где пошаливают банды «зеленых», советовал, куда еще стоит пойти. Когда заповеднику были выделены первые небольшие средства, они пошли на зарплату этим людям, уже работавшим по велению совести. Как писал позднее Христофор Георгиевич: «...два, а затем три человека охраны позволяли мне лишь моральным воздействием проводить охрану природы».

Постепенно увеличивались ассигнования и возможности более надежно охранять и более интенсивно изучать территорию заповедника. Появился и «аппарат» — бухгалтер и

[1] В 1905 г. за революционную деятельность из Москвы в Майкоп была сослана фельдшерица Любовь Ивановна Петрова (13.09.1877–16.06.1941), ставшая женой Христофора Георгиевича. Вскоре у них появилась дочь Гаяна (12.05.1908–26.04.1979), а затем сын Георгий (18.02.1915).

машинистка. Были подобраны и начальники отделов для руководства работой в разных лесничествах, стали приезжать ученые и целые экспедиции. Но в заповедных лесах все еще скрывались «бело-зеленые бандиты», от их рук гибли не только ценные животные, но и люди. Я помню, как в Майкопе судили бандитов во главе с белогвардейским офицером Козловым, который веревкой задушил профессора В.М. Исаева только за то, что тот служил советской власти. Погибли лесничий Постников, наблюдатели Двурядко и Лымарев.

Параллельно с текущей работой по охране заповедника Шапошников добивался укрепления его официального статуса, и наконец 12 мая 1924 года был принят декрет Совета народных комиссаров РСФСР, подтверждающий существование заповедника, названного теперь «Кавказским зубровым». Христофор Георгиевич негодовал и воевал против этого названия: ведь оно могло спровоцировать станичников добить последних зубров, которых оставалось уже совсем мало, чтобы нечего было заповедовать и таким путем вернуть себе столь лакомые для местных жителей луга и леса. Но в Москве этим доводам не вняли, а принятых для спасения зубров мер оказалось явно недостаточно. В 1927 г. в районе горы Алоус были убиты последние экземпляры кавказских зубров, и этот подвид зубра навсегда исчез с лика планеты.

После декрета прибавилось мало денежных средств, зато появилось много забот; директора одолевали хозяйственные дела: строительство мостов, домов для сотрудников и лабораторий, оборудование кордонов, приобретение лошадей и сёдел, трудная борьба с бандитами и браконьерами. Ясно, что директору нужны были помощники. Главнаука Наркомпроса, которой подчинялся заповедник, назначила на подмогу Шапошникову двух своих людей, а не тех, кого он хотел сам. Александра Павловича Гунали я помню; он хоть был жуликоват, но работал. А вот Михаил Павлович Розанов появлялся лишь иногда, он служил в Москве и приезжал на Кавказ по совместительству. В письме от 25 мая 1928 г. к ботанику, профессору Н.А. Бушу отец нелестно отзывался о Розанове и писал, что будет добиваться его удаления из заповедника.

В 1926 г. в заповеднике работала комиссия по урегулированию спорных вопросов о границах заповедника и о местах выпаса скота. Ее возглавлял Николай Ильич Подвойский — известный революционер и видный партийный работник. У отца сложились с ним хорошие отношения. Помню величавую фигуру Подвойского и разговоры о том, что хорошо было бы, если бы он стал директором, а отец его заместителем по науке. Но этого не произошло. Возникла конфронтация с местными властями, которым хотелось иметь не такого принципиального директора, каким был Христофор Георгиевич. Против него началась длительная организованная травля, в которой участвовал не только М.П. Розанов, но и его московские покровители из Главнауки.

Однако в то время еще можно было бороться за справедливость, и в защиту Шапошникова выступил в газете «Правда» известный писатель А.С. Серафимович. Перечислив заслуги Христофора Георгиевича, он писал: «...надо было его спихнуть... Этой травлей были заняты назначенные Шапошникову Главнаукой сотрудники: гражданин Розанов (бывший директор Крымского заповедника), гражданин Гунали (бывший заместитель Розанова в Крымском заповеднике) и товарищ Рябков, помощник директора по хозяйственной части (к сожалению, партиец). Их работа — мелкий саботаж, склочничество, интриги среди служащих, лживые донесения и ряд проступков уже уголовного характера...»

Вмешательство Серафимовича (статья в «Правде» от 27 мая 1930 г.) оказала влияние: в дело вмешалась РКИ («рабоче-крестьянская инспекция»), после чего все прежние обвинения с Х.Г. Шапошникова были сняты, но в заповеднике он больше не работал. Директора там потом часто менялись.

В 30-е годы отец трудился в карантинной инспекции и в УСУ (кажется, это расшифровывали как «Управление службы учета»). Используя свои знания местной энто-

мофауны и опыт энтомолога, он не ограничился учетами насекомых-вредителей сельского и лесного хозяйства, а подготовил к печати рукопись (часть большой монографии) по насекомым — вредителям леса. В начале 1937 года отцу назначили персональную пенсию, и это дало ему возможность уделять больше времени работе с коллекциями. Он хотел завершить две монографии, материалы для которых собирал почти всю жизнь, готовился передать коллекции в Зоологический институт.

В день празднования двадцатилетия Октября городские организации хотели чествовать Христофора Георгиевича как общественного деятеля и старейшину города Майкопа. Но в канун чествования, в ночь с 5 на 6 ноября, он был арестован органами НКВД.

...Попытки узнать что-либо о судьбе отца долгое время оставались безрезультатными. Лишь в октябре 1939 года в Краснодаре мне сообщили: «осужден тройкой НКВД на десять лет лишения свободы и ссылке в отдаленные лагеря без права переписки» (тогда мы не знали, что эта формулировка означала в действительности). Так я и в анкетах писал и как сын «врага народа» лишен был возможности поступить в аспирантуру, куда был распределен после госэкзаменов. Вместо продолжения учебы уехал работать в Сибирь. Как близких «врага народа», в 1942 году из Майкопа в Казахстан выслали брата отца Никиту, известного окулиста, а также и сестру, там они и закончили свою жизнь.

Местные власти объявили, что дом отца должен быть отремонтирован, иначе его отберут. Мать продала мебель, картины, все другое и сделала ремонт, но дом — по существу общегородской музей! — все равно отобрали. Как мне говорили, он был заселен работниками НКВД, а мать уехала к дочери в Ленинград.

На дальнейшие расспросы об отце в 1955 году сообщили, будто бы он умер в феврале 1943 года. В октябре 1956 года Христофор Георгиевич Шапошников был реабилитирован, но правды о нем и тогда не сообщили. Частично мне удалось ее узнать лишь в декабре 1989 года. На запрос в Краснодар из Ленинградского управления КГБ сообщили, что Христофор Георгиевич был арестован в Майкопе по обвинению «в участии в повстанческой контрреволюционной эсеровской организации», будто бы готовившей вооруженное восстание. Постановлением «тройки» НКВД 14 февраля 1938 года приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 25 февраля 1938 года, место захоронения неизвестно, а все документы, дневники, рукописи и письма уничтожены.

У Христофора Георгиевича нет памятника на могиле, нет и самой могилы. Погибло главное его детище — коллекция, пропали две незавершенные монографии. Но памятником ему стал ныне существующий биосферный Кавказский заповедник, который по праву мог бы носить его имя (не раз поднимался вопрос об этом, так же как и об уточнении даты организации заповедника).

Закончу очерк словами отца из его письма ко мне от 16 декабря 1935 года: "...нежит глаз покрытый дымкой-туманом вид на снеговые горы на юге. Ведь больше полувека я любуюсь ими! Дорогие сердцу, уму, родные! И одно приятное чувство: для вас, милые горы, я сделал многое! Всю радость вами данную, все познанное мною в ваших трущобах, я сжал в одну большую идею, и есть теперь заповедник!"

3.2.5. Александр Николаевич Формозов (1899–1973)*

Заслуги А.Н. Формозова в сфере охраны природы нашей страны, его разнообразные и тесные контакты со многими заповедниками и заповедной системой в целом достаточно известны; об этом писали А.А. Насимович, А.А. Формозов и другие авто-

* Александр Николаевич Формозов и заповедное дело // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1999. Т. 104. Вып. 5. С. 23–33.

ры. Наша задача — углубить и детализировать эту тему, используя для этого, в частности, архивные материалы.

Можно выделить несколько основных направлений деятельности А.Н. Формозова в заповедниках. Прежде всего, его непосредственные зоологические и экологические исследования на заповедных территориях. Не менее важным представляется личное участие ученого в организационно-методической работе всей заповедной системы СССР (прежде всего, безусловно, Российской Федерации), а также в создании новых заповедников страны. И наконец, Александр Николаевич — не только лидер советской экологической школы, но и непосредственный руководитель многочисленных его последователей, трудившихся в наших заповедниках.

К студенческому периоду относятся наблюдения А.Н. Формозова в 1923 г. за перелетами летучих мышей в заповеднике «Аскания-Нова», опубликованные в «Докладах АН СССР» (Формозов, 1927). Как указывает его биограф, «*тогда же он обследовал новые заповедные территории — острова Чурюк и Джарылгач на Черном море, съездил в Присивашье*» (Формозов, 1980, с. 46). Эти участки, вошедшие позднее в Азово-Сивашский и Черноморский заповедники, в то время были филиалами «Аскании-Нова».

В 1927–1929 гг. А.Н. Формозов работал на островах Мурманского побережья — Кильдине и Харлове. «*Впоследствии по предложению А.Н. Формозова в этих краях был создан заповедник "Семь островов"*» (Формозов, 1980, с. 63). Роль А.Н. Формозова в создании этого заповедника подчеркивалась многими авторами (Карпович, 1988; и др.). Организованный в 1938 г., он был позднее слит с Кандалакшским и ныне входит в него как отдельный участок. Созданный в 1947 г. Новоземельский филиал (прибрежная полоса губ Безымянной и Грибова) был ликвидирован в 1951 г.

К началу 30-х гг. сравнительно молодой и полный энергии А.Н. Формозов, приват-доцент биофака МГУ и доцент кафедры звероводства Московского зоотехнического института в Балашихе (ВЗИПСХ—МПМИ), — яркая и видная фигура в кругах московских биологов. Его поддерживают такие «столпы» науки, как Н.М. Кулагин, Б.М. Житков, Г.А. Кожевников, возглавлявшие природоохранное движение в стране. Получив в 1935 г. звание профессора и степень доктора биологических наук, А.Н. Формозов сам становится лидером новой экологической школы, отличительной особенностью которой является тесный контакт с живой природой ради ее углубленного познания. Главной базой для этого служила растущая сеть государственных заповедников РСФСР. Первостепенная роль в руководстве заповедниками Российской Федерации в то время принадлежала Василию Никитичу Макарову, который некоторое время занимал также должность директора Зоомузея МГУ (по совместительству) и очень близко общался с преподавателями университета, в частности, и с Формозовым. Сильной стороной деятельности Макарова было его умение привлекать к работе в заповедниках наиболее видных и активных ученых, как правило, охотно откликавшихся на его обращения.

Здесь требуется некоторое отступление. 30-е годы — расцвет эпохи строительства сталинского социализма, период, когда все и вся подчинялось этой цели. Именно тогда охрана природы стала рассматриваться лишь как один из элементов рационального освоения природных ресурсов во имя созидания нового общества. Заповедники могли вписаться в него только при условии соблюдения этих принципов, поэтому прежние представления о невмешательстве человека в заповедную природу были отвергнуты. Началась эпоха «реконструкции», которая с позиций современного заповедного дела воспринимается отрицательно (Филонов, 1977; Штильмарк, 1996). В заповедниках велись активные акклиматизационные работы, выпускались новые виды зверей и птиц, создавались питомники растений и животных. Работая в области прикладной зоологии и охотоведения, А.Н. Формозов так или иначе, конечно, принимал участие во всей этой бурной, но отнюдь не всегда полезной для природы деятельности. Однако в отличие от

многих своих коллег (в частности, от Б.М. Житкова и П.А. Мантейфеля) А. Н. никогда не увлекался идеями активной реконструкции и коренного преобразования фауны СССР, он не был активистом акклиматизации. Как истинный натуралист и подлинный ученый-эколог он слишком уважительно относился к живой природе, чтобы допускать активные эксперименты с ее испытанием или насилием над нею, неизбежным при такой «реконструкции». Зато действовавшая в тот же период «макаровская академия», как называли тогда систему российских заповедников, приносила обильные плоды; это было время расцвета их научной деятельности. И в том общепризнанном факте, что нашу современную экологию невозможно представить себе без исследований, проведенных в заповедниках, велика заслуга именно А.Н. Формозова.

В 1933 г. усилиями В.Н. Макарова, Ф.Ф. Шиллингера и других энтузиастов был создан Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) под председательством П.Г. Смидовича. Фактическим же его руководителем был В.Н. Макаров, значившийся заместителем председателя. В состав этого комитета, наряду с такими учеными, как В.В. Алехин, С.А. Бутурлин, С.А. Северцов, А.С. Серебровский и др., был включен и А.Н. Формозов. Именно с этого времени начинается активная деятельность А.Н. в республиканском заповедном ведомстве. Позднее (с 1937 г.) он становится его официальным научным консультантом (название ведомства неоднократно менялось, но более всего оно известно как Главное управление по заповедникам при Совнаркоме, с 1946 г. — Совете министров РСФСР) и фактическим руководителем работ по экологии животных, осуществляемых во всех заповедниках РСФСР. Он рецензирует научные отчеты, редактирует рукописи будущих публикаций, пишет на них развернутые заключения (тексты которых, кстати, представляют самостоятельный интерес и подчас заслуживают публикации), определяет тематику и методику этих исследований.

Такие заповедники, как Астраханский, Кавказский, Центрально-Лесной, Печоро-Илычский и особенно Наурзумский в Северном Казахстане, становятся, благодаря выездам туда А.Н. Формозова со студентами МГУ, подлинными зоологическими стационарами. «*В 30-е годы из экологической школы А.Н. Формозова, сложившейся в МГУ, вышли А. А. Насимович, А.Г. Томилин, А.М. Сергеев, В.Ф. Рябов, Ю.М. Кафтановский, В.М. Модестов, Н.В. Башенина, В.В. Кучерук, Т.Н. Дунаева, В.И. Осмоловская, Ю.А. Исаков, К.Н. Благосклонов, Н.Ф. Дарская, Д.Н. Бибиков и др.*» (Формозов, 1980, с. 78). Многие деятели из этого списка (который уже сам по себе достаточно представителен) непосредственно работали в заповедниках и внесли большой вклад в развитие заповедного дела и науки об охране природы (в частности, А.А. Насимович, Ю.А. Исаков и др.). В постоянной переписке с А.Н. Формозовым были почти все наиболее известные ветераны наших заповедников, такие, как директор Сихотэ-Алинского заповедника К.Г. Абрамов, научные сотрудники В.П. Теплов, Г.Н. Лихачев, Г.Д. Дулькейт, Г. М. Крепс, П.Б. Юргенсон, И.В. Жарков, — этот список был бы слишком длинен, если приводить его полностью... Под научным и личностным «патронажем» А.Н. Формозова состояли не только выпускники МГУ, но и многие другие натуралисты-исследователи. Наиболее известным и ярким тому примером могут служить Лев Капланов и Вадим Раевский — два друга-зоолога, совместно изучавшие под руководством С.И. Огнева и А.Н. Формозова фауну Подмосковья (Капланов, Раевский, 1928), а затем связавшие свою судьбу с заповедниками. Памяти Л.Г. Капланова, трагически погибшего в 1943 г., А.Н. Формозов посвятил большой очерк (Формозов, 1948). Ученый высоко оценил труд В.В. Раевского «Жизнь кондо-сосьвинского соболя» (1947) и в официальном отзыве указывал, что автор достоин присвоения докторской степени. К сожалению, талантливый зоолог умер в заповеднике от туберкулеза в год выхода в свет своей замечательной книги.

Во многих источниках (Формозов, 1980; Насимович, 1975, 1976 и др.) указывается, что А.Н. Формозов был не только инициатором осуществления «Летописи природы» в наших заповедниках, но и автором данного термина. Подчеркнем, что в настоящее время под «Летописью природы» понимаются многолетние мониторинговые исследования, составляющие основу всей научной работы заповедной системы нашей страны и стран СНГ. Этот же принцип заложен и в основу глобальной сети биосферных заповедников.

В специальной монографии К.П. Филонова и Ю.Д. Нухимовской (1985) показано, что сама по себе идея проведения постоянных научных наблюдений на строго охраняемых заповедных участках восходит к степным стационарам В.В. Докучаева (Деркул, Каменная степь). Она же использовалась на практике в Степном заповеднике имени графини Паниной (Ильин, 1916; и др.), позднее была развита Г.А. Кожевниковым (1925, 1928). Все это так, однако Формозову принадлежит не только авторство термина, но и определенная организационная роль во внедрении стационарных работ по «Летописи природы». Первое известное нам упоминание этого термина в нашей литературе относится к 1939 г.

«*Помимо этого* (приводился перечень научных тем Астраханского заповедника. — *Ф.Ш.*) *из года в год ведется «Летопись природы в дельте», составляемая на основании записей всех научных сотрудников и наблюдателей. Имеется материал за двадцать четыре года*» (Пузанов, 1939, с. 213).

«*Первые официальные указания по ведению Летописи природы в заповедниках были сделаны Главным управлением по заповедникам при СНК РСФСР в 1940 г. Однако только после Великой Отечественной войны они приобрели форму инструкций, основным составителем которых был сотрудник аппарата главка С.М. Преображенский*» (Филонов, Нухимовская, 1985).

Эти сведения могут быть уточнены. Вопрос о разработке инструкций по ведению летописей природы обсуждался на заседании научно-методического бюро при Главном управлении по заповедникам 14 октября 1942 г. (почти сразу же после возвращения главка из Астрахани, куда он был эвакуирован в 1941 г.). В обсуждении участвовали Айзенберг, Боссэ, Бельский, Житков, Кац, Лавренко, Львов, С.П. Наумов, Преображенский (он был сотрудником научного отдела главка), Петряев, Прозоровский, Россолимо, Н.Н. Смирнов, Троицкий, Туров, Формозов (ГАРФ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 190. Л. 48–52). В архивной папке 1943 г. (Там же. Л. 2–45) имеются не только разработки С.М. Преображенского, но и замечания к ним Россолимо, Прозоровского, Дороватовского, Эйтингена и Формозова. В стенограмме очередного заседания научно-методического бюро 22 июня 1943 г. зафиксировано обсуждение доклада Преображенского «Летописи природы заповедника». При этом В.Н. Макаров заметил, что фактически такие летописи ведутся заповедниками с 1937 г., на что последовала реплика А.Н. Формозова: «Летописи природы были начаты по моей инициативе в Астраханском заповеднике» (Там же. Л. 7).

Таким образом, хотя идея стационарных научных работ на заповедных участках берет начало от В.В. Докучаева, сама организация ведения Летописи природы в наших госзаповедниках заложена А.Н. Формозовым.

Это лишь отдельные примеры к теме «А.Н. Формозов и заповедники», вполне достойной быть предметом специального исследования. В государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, бывш. ЦГА РСФСР) и ряде других государственных и частных архивов имеются многочисленные материалы и документы, непосредственно связанные с деятельностью А.Н. в заповедниках и заповедных ведомствах.

Работая над историографией заповедного дела России (Штильмарк, 1996 и др.), мы не ставили своей целью сбор материалов о А.Н. Формозове и сейчас можем привести

лишь некоторые попутно собранные сведения, главным образом из протоколов заседаний научных советов Главного управления и Научно-методического бюро, неизменным и активным членом которых был А.Н. Чаще всего он давал обзоры работ по зоологии позвоночных и экологии животных, выделяя при этом особо отличившихся исполнителей из числа научных сотрудников.

Так, выступая на 4-м пленуме Комитета по заповедникам в марте 1938 г., А.Н. отмечал успешные работы О.И. Семенова-Тян-Шанского (Лапландский зап-к), К.Я. Грунина (Сихотэ-Алинский), А.А. Насимовича, И.В. Жаркова, В.П. Теплова (Кавказский), В.Б. Дубинина (Астраханский), П.Б. Юргенсона (Алтайский). Формозов остро говорил о том, что главк плохо заботится о своих научных кадрах, и приводил такие примеры, которые в то время (1938 г.!) выглядели более чем смело:

«*Г. Л. Граве, человек, который очень много потерял крови, чтобы добиться заповедания большого лесного массива* (Центрально-Лесного заповедника. — *Ф.Ш.*). *Недавно какой-то мерзавец прислал донос, что Граве заповедал этот лес, чтобы сохранить и передать его помещику, если тот вернется. Вопрос этот решался Ворошиловым, но Комитет до сих пор не поддержал просьбу Граве о его реабилитации*» (ГАРФ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 100. Л. 38). Макаров пояснил, что Комитет написал соответствующее письмо, а председатель К.М. Шведчиков заметил, что «такие вопросы решаются другими органами» (Там же).

«*Другой пример*, — продолжал А.Н., — *Абрамов, бывший директор Дальневосточного* (Сихотэ-Алинского. — *Ф.Ш.*) *заповедника в течение ряда лет боролся с вредителями, человек больной, но до сих пор ему не могут дать путевку для лечения. В Кавказском заповеднике ряд лиц уволены под разными предлогами. Аносов* (директор. — *Ф.Ш.*) *уволил Силова... также Аверина, который выступал с критикой Аносова. Пришлось целый ряд важнейших тем снять*» (Там же).

В письме к В.П. Теплову от 18 ноября 1937 г. А.Н. Формозов сообщал: «*Кроме Астраханского, я был этим летом в Тебердинском, а в сентябре — в Кавказском заповеднике. По состоянию К.Г.З. поднял большую бучу, так что даже Шведчиков* (руководитель заповедного ведомства. — *Ф.Ш.*) *туда ездил. Кое-что улучшается, многое остается без изменения*» (архив автора, материалы получены от Н.А. Формозова).

На заседании Научного совета главка 15 декабря 1939 г. обсуждались планы научно-исследовательских работ на 1940 г. и проект расширения сети заповедников РСФСР (по докладам В.Н. Макарова). В своем выступлении А.Н. Формозов вновь отмечал успешную работу зоологов в Кавказском заповеднике, он хвалил директора Астраханского заповедника А.М. Ермолаева за хорошее руководство, а также отметил работы Л.Г. Капланова, недавно переехавшего на Дальний Восток. При обсуждении плана расширения заповедной сети А.Н. дал ряд конкретных рекомендаций, в частности, считал нужным заповедать участки восточноевропейских тундр (Канин Нос как один из вариантов), Барабинской лесостепи (впервые предложено еще В.П. Семеновым-Тян-Шанским), полупустынь в Калмыкии, а также озеро Киево под Москвой (Штильмарк, 1973, 1974). Мы уверены, что А.Н. Формозов обсуждал с С.С. Туровым и А.П. Протопоповым варианты проводившегося в предвоенные годы проектирования Керженского и Московского заповедников, возможно, и ряда других.

Еще один яркий пример вмешательства А.Н. Формозова в заповедные дела по свидетельству переписки с В.П. Тепловым: «*...видимо, придется начинать серьезную войну с К.М.Ш.* (Константин Мартынович Шведчиков. — *Ф.Ш.*), *так как в ряде точек процветают и пользуются его покровительством несколько экземпляров директоров, перед которыми Аносов* (директор Кавказского заповедника, с которым конфликтовал Формозов. — *Ф.Ш.*) *просто ангел и невинный младенец. Дело дошло до того, что один из них засыпал ложными доносами (материалами) главк, прокуратуру и др. учрежде-*

ния, и вот-вот зоолог С.В. Кириков раз и навсегда исчезнет с научного горизонта. А Вы, вероятно, знаете, какой это превосходный натуралист; за его кристальную честность я ручаюсь...» (письмо от 20.02.1945 г.). В 1944–1945 гг. А.Н. Формозов хотел совмещать свою преподавательскую деятельность в Москве с непосредственным руководством научной работой одного из относительно близких к столице заповедников.

Александр Николаевич оставался членом Научного совета и Научно-методического бюро при Главном управлении по заповедникам и в послевоенные годы, но активность его заметно снизилась, особенно на фоне прямых стычек с Т.Д. Лысенко на тему о внутривидовой борьбе и памятной августовской сессии ВАСХНИЛ, после которой Формозов был вынужден оставить Московский университет. Выступая на пленуме Научного совета главка 17 декабря 1949 г., где завязалась острая полемика между В.Г. Гептнером и П.А. Мантейфелем на тему акклиматизации животных, Формозов высказался лишь в пользу реакклиматизации речных бобров и рекомендовал заповедать для этой цели участок на одном из притоков Северной Двины (р. Луза), что вошло в резолюцию (Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 757).

В начале 1950 г. на должность начальника Главного управления по заповедникам при Совете министров РСФСР был назначен лесохозяйственник А.В. Малиновский, который сразу же стал следовать курсу, — возможно, намеченному «сверху» — на «реорганизацию» (а точнее, ликвидацию) заповедной сети страны (Борейко, 1991; Штильмарк, Гептнер, 1993; Штильмарк, 1996). Формозов сразу же встал по отношению к нему в резкую оппозицию и предпринимал большие усилия, чтобы воспрепятствовать намечавшемуся разгрому. Почти не общаясь лично с Малиновским, который третировал подлинных ученых, Александр Николаевич, конечно, был в курсе всех дел главка, прежде всего благодаря работавшим там в то время А.А. Насимовичу и А.В. Михееву. Кроме того, он поддерживал прежние контакты непосредственно с работниками заповедников.

Здесь уместно привести докладную записку А.Н. Формозова в президиум Академии наук СССР от 29 июля 1950 г. (документ предоставлен автору публикации В.И. Осмоловской в 1991 г. и переписан им со второго экземпляра с личной подписью А.Н.Ф. /Архив автора/). Поскольку он опубликован в бюллетене «Охрана живой природы» ЦОДП № 1(12) за 1999 г., текст сокращен.

«Ознакомившись с рядом документов, поступивших в секретариат АН СССР по вопросу о состоянии работы и о необходимости реорганизации государственных заповедников, считаю своим долгом сообщить следующее: значительная часть периода развития и укрепления системы государственных заповедников происходила на моих глазах; мне близко знакома работа ряда заповедников, на территории которых я проводил некоторые из своих исследований (заповедники Кавказский, Центрально-Лесной, Мордовский, Астраханский, «Семь островов», Печоро-Илычский, Наурзумский и Алма-Атинский). С 1931 г. (точнее, с 1933 г. — *Ф.Ш.*) *я принимаю участие в руководстве работой заповедников РСФСР как член Комитета по заповедникам, а позднее как член Научного совета при Главном управлении и некоторое время как его научный консультант.*

Первые заповедники были организованы по декретам, подписанным В.И. Лениным. Известно его высказывание о чрезвычайной важности дела охраны природы, связанное с организацией Астраханского заповедника. Постановление Совета министров Союза от 1944 г. за подписью И.В. Сталина утвердило значение заповедников как системы, охраняющей леса, входящие в особый государственный фонд, находящийся в отношении мер ухода и использования на совершенно особом положении среди других лесов страны. (В 1944 г. Совнарком РСФСР утвердил новое положение о заповедниках, а постановление Совмина СССР, о котором пишет АН. Формозов, было принято в 1948 г. Первые заповедники СССР — Крымский, Астраханский, Пензенский и «Аскания-Нова»

— были созданы без специальных декретов Ленина, усилиями местных органов. — *Ф.Ш.*) *Это постановление, кстати, касается почти всех существующих в РСФСР государственных заповедников; не вошли в него только заповедники, созданные после 1944 г., каковых относительно мало. Вся работа заповедников построена в соответствии с утвержденным правительством положением о заповедниках; научная тематика и направление текущей научной деятельности заповедников обычно обсуждались на заседаниях Научного совета, в состав которого входят многие видные ученые. Так, например, в состав ныне действующего Научного совета при Главном управлении по заповедникам входят: академик В.Н. Сукачев, академик А.А. Григорьев, зоологи, лауреаты Сталинской премии, С.И. Огнев, проф. Г.В. Никольский, проф. П А. Мантейфель, заслуженный деятель науки Н.Н. Смирнов, ряд зоологов МГУ, проф. ТСХА Г.Р. Эйтинген и др.*

В прошлом развитию работы заповедников много содействовали ныне покойные академики Ферсман, Кулагин, Келлер. В связи с приведенными данными вызывает полное недоумение утверждение т. Бовина (А.И. Бовин — в то время министр лесного хозяйства СССР, коллега и друг А.В. Малиновского, активно его поддерживавший. — *Ф.Ш.*), *что работа заповедников якобы «не координируется каким-либо центром». Участие академика В.Н. Сукачева и его учеников, а также проф. Эйтингена в планировании научной тематики заповедников по вопросам биологии лесных пород и лесному хозяйству обеспечивает нужное направление этих исследований. Обращает на себя внимание тот факт, что ни в одном из документов, в частности, и в отчете начальника Главного управления по заповедникам А.В. Малиновского, совершенно не упоминается Научный совет — орган, всегда игравший большую роль в регулировании всей работы госзаповедников РСФСР и в развитии их сети. Этот факт совершенно не случаен, ибо А.В. Малиновский, занявший ответственный пост начальника Главного управления по заповедникам с 1.01.1950 г. в течение полугода не нашел времени собрать Научный совет и выступал с рядом предложений, ведущих к весьма серьезным последствиям (отчет Главного управления от 3.07.1950 г.), не счел нужным привлечь к их предварительному обсуждению той научной общественности, которая в течение десятилетий принимала самое близкое участие в жизни системы госзаповедников. Путь игнорирования большого коллектива крупных научных специалистов, хорошо знающих состояние и работу заповедников, — путь совершенно порочный, он привел и приведет А.В. Малиновского к серьезным ошибкам. Как члену Научного совета при Главном управлении по заповедникам, близко связанному с работой работников управления и самих заповедников, мне известно, что А.В. Малиновский неоднократно выступал с утверждениями, якобы заповедники как система отжили свой век, что в условиях социалистического хозяйства они не нужны* (подчеркнуто автором докладной записки. — *Ф.Ш.*). *С этой глубоко ошибочной концепцией связаны и частные ошибочные положения, нашедшие место в «отчете» Малиновского от 3 июля 1950 г., например следующие: «Вытекает необходимость пересмотра направления работ некоторых заповедников и существующего положения о заповедниках в части изменения режима заповедности с целью использования запасов охотничье-промысловых зверей и проведения лесохозяйственных мероприятий, направленных на улучшение и восстановление лесов».*

Исходя из таких установок, А. Малиновский нашел, например, необходимым дать распоряжение об отстреле в Крымском госзаповеднике текущим летом 1500 оленей (Крым в то время входил в состав РСФСР. — *Ф.Ш.*). *Убить в жаркое время в горах, далеко от мест потребления 1500 оленей — это значит обречь уничтоженных животных на бесполезную гибель, так как мясо несомненно испортилось бы до поступления в санатории, ларьки и т.д. Такое решение (принятое опять же без участия Научного совета) нельзя назвать иначе как головотяпством.*

Отменить его удалось не без борьбы со стороны работников управления. Приведенные факты показывают, что А. Малиновский совершенно не понимает истинной роли, места и специфики наших государственных заповедников. Вся площадь заповедников в СССР равна 12 млн. гектаров, это по отношению к общей площади СССР составляет лишь 0,5%. (Для сравнения заметим, что в США заповедники занимают 4% от всей площади).

Использование «накопленных запасов охотничье-промысловых зверей и проведение лесохозяйственных мероприятий» (А. Малиновский) на площади, составляющей 0,5% от всей площади страны, даст очень немного в общую товарную продукцию СССР и нанесет непоправимый ущерб племенному поголовью животных, охраняемому в заповедниках, а также научной работе.

Работа по охране и обогащению природных ресурсов, по преобразованию природы немыслима без внедрения в сознание масс нового социалистического отношения к растительным, животным, почвенным богатствам страны, к ее водам, лесам и т. д. Не случайно в последнее время в ряде центральных газет появлялись статьи о многочисленных случаях загрязнения рек и озер отходами фабричного производства, отравляющими рыбу и делающими воду непригодной для питья, купания и т. п. В газете «Социалистическое земледелие» К. Паустовский (статья об окских лугах) приводит факты, касающиеся бессмысленного вырубания ценных рощ, незаконного истребления рыбы с помощью взрывчатых веществ и т.д. Каждый ученый, бывающий в экспедициях, знает целый ряд подобных фактов, указывающих, что пережитки буржуазных взглядов на использование природных ресурсов еще слишком часто дают себя знать у нас как на периферии страны, так и в центре. В этих условиях наличие охраняемых государством типичных ландшафтов с их растительным и животным миром, большая культурно-просветительская работа, выполняемая заповедниками, играют большую положительную роль в сохранении для науки, культуры и хозяйства СССР целого ряда ценных животных и растений, которые в условиях царской России были обречены на близкую гибель. Эта роль заповедников исключительно ценна в отношении соболя, выхухоли (эндемик европейской части СССР), пятнистого оленя и ряда других животных...

Заповедники охраняют нерестилища таких ценных рыб, как семга, форель, горбуша, осетровые и др., места массовых зимовок промысловых рыб в дельте р. Волги, массовые зимовки водоплавающих птиц на Каспийском море и т. д. Народнохозяйственное значение этой стороны деятельности заповедников не вызывает никаких сомнений, тем более что избыток бобров, соболей и других животных, выловленных в заповедниках, используется для выпуска на эксплуатируемых охотничьих угодьях в целях обогащения их фауны.

Перелетные птицы, выращенные в заповедниках, служат объектами охоты на местах их пролета и на зимовках, т. е. также не остаются мертвым капиталом.

В свете этих фактов вызывают полное недоумение намеченные в порядке «уточнения границ» сокращения площадей ряда соболиных заповедников (например, Баргузинского, Кондо-Сосьвинского, Кроноцкого, Алтайского, Саянского, Сихотэ-Алинского, Печоро-Илычского). Я не могу это рассматривать иначе, как ничем не обоснованный удар по заповедникам, играющим решающую роль в деле сохранения племенного поголовья наших соболей. Лесные площади, которые могут быть отрезаны от этих заповедников, ничего не дадут нашей лесной промышленности, так как лес в указанных заповедниках или очень малоценный (Кондо-Сосьвинский, Кроноцкий), или не может быть использован надлежащим образом из-за удаленности от железных дорог, сплавных рек и мест потребления (Баргузинский, Саянский, Сихотэ-Алинский и др.). Избыток соболей естественным путем регулярно выселяется из заповедников за их границы и полностью добывается охотниками в угодьях, примыкающих к охранной

зоне. Иными словами, в заповедниках остается только необходимое племенное поголовье, а то, что можно добыть, регулярно добывается. Я считаю совершенно неоправданным и крайне нежелательным сокращение площадей наших заповедников и уверен, что при необходимом, детальном и всестороннем изучении вопроса как это решение, так и решение о намеченной полной ликвидации ряда заповедников (например, «Семь островов», Центрально-Лесного и др.) будет отменено (в то время существовал ряд «смягченных» вариантов реорганизации заповедников, которая фактически была осуществлена в 1951 г. по наиболее жесткому, с полной ликвидацией почти всех перечисленных «соболиных» заповедников. — *Ф.Ш.*)

Госплан СССР, намечая это решение, очевидно, исходил только из односторонней и недостаточно компетентной информации т. А. Малиновского, который, по существу, в системе госзаповедников является человеком новым и достаточно случайным. Укажу, что намеченный к ликвидации заповедник «Семь островов» является у нас единственным учреждением, успешно охраняющим гнездовья гаги (утки, дающей драгоценный гагачий пух) и занимающимся вопросом одомашнивания этой птицы. Богатые гнездовья гаги нашего Севера в течение столетий подвергались хищническому разорению со стороны финнов, норвежцев и отдельных артелей русских поморов и крайне нуждаются в надежной охране в целях восстановления. Центрально-Лесной заповедник (был создан на территории Смоленской области, но в 1950 г. располагался в пределах тогда существовавшей Великолукской, а ныне в Тверской обл. — *Ф.Ш.*) *сыграл выдающуюся роль не только в деле охраны природы, но и в борьбе с немецкими захватчиками; это был партизанский край, куда немцы не смели проникнуть в течение всей Великой Отечественной войны. Кстати, весьма важную роль в этой войне сыграли также Воронежский и Кавказский заповедники. Никогда не следует забывать об этом оборонном значении больших высокоствольных массивов.*

За период своего существования заповедники РСФСР дали очень большую и ценную научную продукцию (более 1800 авт. листов); можно без преувеличения сказать, что все достижения современной биологии и экологии в области изучения промысловых животных (соболь, бобр, лось, олени, туры и др.) обязаны напряженной и самоотверженной работе зоологов заповедников. Поэтому следует восстановить издательскую деятельность Главного управления по заповедникам и опубликовать все научные работы, хранящиеся в архиве ликвидированного редакционного отдела управления. Не подлежит сомнению и положительная роль заповедников как своеобразных лабораторий в природе, где осуществляется и формируется новый тип стационарных комплексных исследований, а также значение заповедников как базы производственной практики студентов — биологов, географов, геологов и т. д. Тысячи молодых научных работников, проводивших свою вузовскую практику в заповедниках, с благодарностью вспоминают помощь, оказанную им персоналом госзаповедников, и замечательную природу.

Ряд замечаний, имеющихся в письме министра лесного хозяйства СССР т. Бовина, основан, видимо, на неполноте той информации, которой он располагал. Например, не соответствует действительности утверждение т. Бовина, что «абсолютная заповедность распространяется в равной мере на все объекты и приводит в некоторых случаях к противоречиям» (в качестве примера приведены данные о вреде избытка охраняемых копытных, наносимом возобновлению леса). Укажу, что вопрос о необходимости сокращения количества копытных там, где они вредят лесовозобновлению, был в Главном управлении решен уже давно, и, в частности, в Крымском заповеднике отстрел оленей и косуль велся по специальному плану, утвержденному Научным советом и главком еще до войны 1941—1945 гг. Истребление волка, медведя и других вредных хищников регулярно ведется во всех заповедниках, равным образом проводится и рубка молодых осинников (например, в Воронежском заповеднике) для подвоза корма

бобрам, ведется акклиматизация новых животных и растений и осуществляются другие формы активного вмешательства в природу в целях ее всемерного обогащения и преобразования. Поэтому пожелание т. Бовина о необходимости такого вмешательства не встречает никаких возражений; работа этого рода давно уже осуществляется и расширяется с каждым годом (вполне ясно, что эти фразы, не соответствующие современным представлениям о заповедности, есть лишь «дань моде» в период разгара лысенковщины. — *Ф.Ш.*). *Недостатки работы заповедников в области охраны леса, отмеченные т. Бовиным и в отчете А. Малиновского, связаны не с порочностью самой идеи заповедания лесов, а с недостатком средств, отпускаемых этой системе на лесоустройство, лесоохрану, с малочисленностью кадров наблюдателей охраны и огромными размерами их обходов и объездов. Учитывая это, необходимо усилить финансирование заповедников по соответствующим статьям, а также улучшить материальные условия научных сотрудников, приравняв последних к сотрудникам исследовательских институтов. Это даст возможность сократить текучесть кадров и повысит уровень подготовки научных специалистов заповедников.*

В целях улучшения работы заповедников РСФСР необходимо также усилить роль Научного совета, пополнив его новым контингентом специалистов; необходимо также упразднить Главное управление, а взамен восстановить Комитет по заповедникам, способный уверенно решить все сложные вопросы заповедного хозяйства и многогранной научной и культурно-просветительской деятельности. Сеть заповедников не только не следует сокращать, а настоятельно необходимо увеличивать в соответствии с решениями, принятыми Географическим и другими научными обществами СССР, а также Научным советом Главного управления по заповедникам. Кстати, это отчасти предусматривается и одним из недавних правительственных решений, еще не проведенных в жизнь, а именно: существует постановление об организации трех новых заповедников в Якутии (Это постановление было официально отменено в 1951 г. одновременно с ликвидацией большинства сибирских заповедников. Первый заповедник в Якутии (Олёкминский) был создан лишь в 1983 г. — *Ф.Ш.*). *Это постановление находится в противоречии с теми неожиданно возникшими новыми решениями, которые стали нам известны из материалов, поступивших в президиум Академии наук СССР и явившихся поводом к появлению настоящего доклада. Что касается заповедников союзных республик, то в большинстве их положение с охраной и руководством научной работой обстоит значительно хуже, чем в РСФСР. Уже неоднократно с мест поступали заявления управлений о необходимости создать соответствующий союзный орган, что, на мой взгляд, является вполне назревшим и необходимым. Передача руководства заповедников в систему Академии наук, на желательность чего указывает т. Бовин, нецелесообразна, так как заповедники по утвержденному правительством профилю представляют собой учреждения не только научно-исследовательского типа, но и хозяйственные, ведущие дело охраны и обогащения природы больших территорий и одновременно культурно-просветительскую работу среди населения. Комитет по заповедникам более целесообразно передать в ведение отдела культуры при Совете министров СССР. Следует признать, что в работе государственных заповедников РСФСР, помимо больших достижений, есть немало недостатков, но все они связаны не с порочностью самой идеи заповедности и не с существом профиля заповедников, а с недостатком внимания, уделяемого этой системе, слабой помощью со стороны руководящих научных учреждений и явно недостаточным финансированием».*

29 июля 1950 г. Личная подпись А.Н. Формозова.

Отправив этот доклад, Александр Николаевич честно исполнил свой гражданский долг, хотя, скорее всего, вполне осознавал безнадежность такого ходатайства. Акаде-

мия наук не могла оказать серьезного влияния на ход событий, который был уже предопределен. «Дело о заповедниках» вскоре перешло из Госплана СССР, где был подготовлен относительно смягченный вариант сокращения заповедной сети, в Министерство народного контроля СССР, возглавлявшееся В.Н. Меркуловым (недавним помощником Л.П. Берия). Горестная история разгрома сложившейся к тому времени системы государственных заповедников СССР с ликвидацией или десятикратным сокращением наиболее крупных из них довольно детально отражена в литературе, хотя еще не все детали уточнены (Борейко, 1991; Штильмарк, Гептнер, 1993; Штильмарк, 1996; и др.). Указанные авторы описали и совещание в Министерстве госконтроля СССР, состоявшееся в декабре 1950 г., в котором наряду с другими учеными участвовал и А.Н. Формозов. Позднее, в 1954 г., выступая на совместном заседании МОИП, Географического общества и ВООП (в то время — Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов), А.Н. Формозов говорил:

«*...я сам участвовал в том заседании, сам спорил с Меркуловым, доводы не принимались во внимание. Мы знаем точно и найдем свидетелей, что решение* («О заповедниках» (1951). — *Ф.Ш.*) *было принято до получения материалов 200 обследований* (речь идет о проверках заповедников ревизорами из Госконтроля СССР. — *Ф.Ш.*). *Очень важно, что правительство было введено в заблуждение своеобразно подготовленным материалом*» (Архив МОИП. Д. 54. Л. 53). Яркое выступление А.Н. Формозова, остро критиковавшего тогдашнее заповедное ведомство, по-прежнему возглавлявшееся А.В. Малиновским, задало соответствующий настрой заседанию, потребовавшему восстановления прежней сети заповедников и реабилитации заповедного дела (Берия и Меркулов к тому времени уже были расстреляны).

А.Н. Формозов был активным членом Комиссии по заповедникам АН СССР, учрежденной в 1951 г. по инициативе академика В. Н. Сукачева, он участвовал в разработке широко известного и отчасти сохраняющего актуальность перспективного плана географической сети заповедников СССР (Лавренко, Гептнер, Кириков, Формозов, 1958), сыгравшего большую роль в последующем процессе восстановления заповедной системы России.

Когда руководство заповедниками РСФСР перешло к созданному в 1955 г. Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР, А.Н. Формозов принимал участие в деятельности этого ведомства по руководству заповедниками, контактируя с его ведущими работниками (зам. нач. главка Г.Е. Бурдин, нач. отдела заповедников А.И. Кондратенко). Позднее в эту систему пришли ученики и коллеги Формозова — П.Б. Юргенсон, В.П. Теплов и др., с которыми А.Н. продолжал держать тесную деловую связь. Он был участником большого совещания директоров охотничьих хозяйств и заповедников, проведенного Главохотой РСФСР в январе 1956 г. (ГАРФ. Ф. 358. Оп. 3. Д. 581), Всесоюзного совещания по заповедникам в марте 1958 г. и ряда других подобных мероприятий, продолжал шефствовать над многими экологами заповедной системы, не отказывая в помощи и консультации всем, кто к нему обращался (в частности, и автору данной статьи).

Новые потрясения в заповедном деле произошли в 1961 г. в связи с известными выступлениями Н.С. Хрущева. И опять А.Н. Формозов активно включился в борьбу за сохранение заповедников, подписывал и посылал очередные обращения в ЦК КПСС, в правительство, в Госплан СССР, благодаря чему удалось смягчить эти удары, а после крушения Хрущева постепенно восстановить утраченные позиции. Конечно, все это требовало больших затрат сил и времени, отвлекало от научной работы.

В 1957 и 1968 гг. А.Н.Формозов совместно с коллегами опубликовал две статьи под одинаковым названием «В защиту заповедников». Первая из них увидела свет в газете

«Известия» 6 апреля 1957 г. (совместно с Г. Боссе, Р. Геккером, В. Гептнером, Н. Кабановым, А. Насимовичем, Г. Никольским, Н. Черненко), а вторая — в журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 7 за 1968 г. (совместно с В. Гептнером, Ю. Исаковым, С. Кириковым, А. Кондратенко, А. Насимовичем, П. Юргенсоном и О. Семеновым-Тян-Шанским).

Если статья в «Известиях» касалась общих проблем заповедного дела, то во второй авторы резко полемизировали с И.И. Пузановым, который в статье «Нам нужны национальные парки» (Охота и охотничье хозяйство. 1968. № 2) предлагал преобразовать в такие парки заповедно-охотничьи хозяйства (Крымское и «Беловежскую Пущу»), а также и некоторые заповедники, в которых традиционно сложился стихийный туризм (Тебердинский, Кавказский, «Столбы»). Сегодня, когда ни одного из авторов уже нет с нами, полезно процитировать несколько фраз из этой забытой статьи, которой нет в списках трудов А.Н. Формозова (даже в дополнении):

«Нам незачем повторять ошибки зарубежных природоохранителей; нужно сберечь наши заповедники от наводнения их территории туристами и от неизбежной порчи в этом случае их прекрасной природы. Национальные парки должны создаваться, но отнюдь не на базе заповедников, а параллельно их сети, причем с самого же начала должны быть приняты меры к регулированию величины и направления потока туристов, к ограничению удобств, предоставляемых туристам (палаточный городок лагерного типа, а не гостиница, столовая, а не ресторан и т.п.), к закрытию, возможно попеременному, части территории для посетителей и т.п.».

«Не вписался» А.Н. Формозов в бурную деятельность созданного в 1964 г. нового всесоюзного природоохранного ведомства — Главного управления по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР (Главприрода МСХ СССР) и его Научно-технического совета, хотя это и сулило определенные шансы на общение с иностранцами, поездки за рубеж и т. д. (научную деятельность там курировали А.Г. Банников, а позднее Ю.А. Исаков). Александр Николаевич не разделял прагматических взглядов на заповедники ярого охотника министра В.В. Мацкевича, начальника главка Б.Н. Богданова и особенно начальника отдела заповедников В.Б. Козловского, видевших подчас в заповедниках не столько природоохранные, сколько своеобразные «спецохотучреждения» для узкого круга лиц. Но в интересах заповедного дела А.Н. Формозов обращался и в Главприроду МСХ СССР. Так, выступая там на очередном совещании работников госзаповедников в день своего семидесятилетия 14 февраля 1969 г., он с горечью цитировал примеры безграмотного отношения к заповедникам со стороны довольно известного писателя А.Е. Рекемчука, автора романа «Скудный материк», опубликованного сначала в журнале «Москва», а потом в книжных издательствах Москвы и Сыктывкара. Незамысловатые критические стрелы этого автора были подсказаны выступлениями Хрущева и направлены на сотрудников Печоро-Илычского заповедника (часть выступления Формозова с обширными цитатами из романа Рекемчука недавно опубликована в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (Борейко, 1998), поэтому мы этот текст полностью не приводим). По тому же пути пошел и С. Михалков, поставивший на телевидении сатирический спектакль с нападками на биологов и природоохранителей. В то время они стали буквально мишенями для фельетонистов и в центральной и в местной печати, и призывы Александра Николаевича к тому, чтобы всесоюзный главк встал на их защиту, были более чем своевременны.

В дополнение к упомянутой публикации В. Борейко можно добавить, что А.Н. Формозов в своем выступлении не ограничился защитой заповедников от нападок невежественных писателей и журналистов, но в свойственном ему стиле вновь резко критиковал присутствующих на заседании работников заповедного главка (Главприроды).

«*Вот за эти дни было очень много сказано об охоте в заповедниках. Нашего докладчика тов. Козловского я бы просил ответить на вопрос: при Ленине было шесть заповедников, но почему-то он не ездил туда охотиться. Почему?*»

В.И. Осмоловская, которая записывала выступление А.Н., рассказывала мне, что Козловский в этот момент отвлекся, и тогда Формозов стукнул кулаком по трибуне, чтобы привлечь его внимание.

Из президиума: «Охота на заповедных территориях не ведется. В Приокско-террасном заповеднике выделено 88 га для охотпользования, на других участках охота не проводится»:

Формозов: «*Ответ не по существу. Ленин из принципа не охотился в заповедниках... А когда крупные деятели страны приезжают в ту же Беловежскую Пущу и охотятся — это дает неприятный резонанс, и поступают даже внешнеполитические отклики. Когда, скажем, приезжает начальство и устраивает массовую охоту в Ленкорани, это дает отголосок на весь Кавказ. Мы хлопочем, чтобы ограничить отстрел дичи на пролете и зимовках, а тут устраивают охоты для отдельных персон в заповедниках. Это не оправдано и имеет отрицательный отклик из-за рубежа. Это надо прекратить!*» Далее Формозов критиковал идею «зонирования» заповедников, официально принятую тогда Главприродой МСХ с выделением зон заповедания и частичного хозяйственного пользования, а также резко осуждал «заповедный туризм», подчеркивая значимость постоянных научных исследований и наблюдений (записи В.И. Осмоловской, фонд автора).

Подобные выступления А.Н. Формозова в защиту охраны природы и заповедного дела бывали настолько остры, что А.В. Малиновский в кулуарах прямо обвинял Александра Николаевича в «антисоветчине» (это автор данной статьи слышал непосредственно от самого Малиновского).

Думается, что подавленное состояние духа и упадок здоровья Александра Николаевича в последнее десятилетие его жизни (о чем очень сдержанно писал, но более откровенно говорил мне в личных беседах его старший сын Александр Александрович) было вызвано неизбежным и глубоким разочарованием в социалистическом строе, с которым советские люди старших поколений связывали искренние и большие надежды. Пафос подъема и соцстроительства 30-х гг., на которые пришелся расцвет жизни А.Н., вовсе не был искусственным, большинство подлинных интеллигентов России поверили в реальную возможность разумного переустройства («реконструкцию») и природы, и общества. Они посвятили свою жизнь этой цели, отдали ей все силы, знания и опыт, но со временем убедились в обмане и лицемерии тех, кто звал их идти ленинско-сталинским курсом. Жизнь наглядно показала всю фальшь мифов о «светлом будущем», «новом, социалистическом отношении к природе», «преодолении буржуазных пережитков в сознании людей» и т. д. Хрущевско-брежневский «развитой социализм» опирался лишь на эксплуатацию и растрату природных ресурсов при почти полном пренебрежении к их охране. Модные в то время обращения к «ленинским принципам охраны природы», постоянные призывы «возврата к Ленину» звучали до предела лицемерно, и А.Н. не мог не осознавать это. Он ясно видел все разрушения и уроны, причиняемые природе родной страны именно СВОИМ ЖЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВОМ. На глазах Формозова погибали от суховеев огромные пространства былых целинных степей после их распашки, столь близкая его сердцу Волга была запружена тромбами плотин, превративших былую реку в цепь затхлых «водогноилищ», научная общественность проиграла битву за чистоту Байкала, в который сливались отходы новых комбинатов, — этот горький перечень можно продолжать страницами... Все это отдавалось, особенно у столь одаренных и чувствительных натур, как А.Н., болью в сердце, сказывалось на состоянии здоровья.

Признанный лидер советской экологической школы, блестящий автор и публицист, одаренный художник и писатель, феноменальный по таланту натуралист, А.Н. Формозов в конце жизни с горечью оглядывался на пройденный путь, хотя сделано им было удивительно много, гораздо больше того, что доступно даже очень крупному научному деятелю.

Так или иначе, но вклад Александра Николаевича Формозова в заповедное дело и охрану природы в целом нельзя переоценить, к нему еще не раз обратятся наши потомки.

3.2.6. Валериан Иванович Белоусов (1891–1938)*

Историки не раз утверждали, что присоединением Сибири наше отечество обязано соболю. Но еще увереннее можно заявить, что этому ценнейшему пушному зверю должна быть навсегда благодарна вся заповедная система нашей страны. Ведь именно для спасения соболя от грозившего истребления были созданы и ныне существующий старейший Баргузинский заповедник, и ряд иных резерватов, названия которых давно забыты (например, Китойский).

Мало кому известно, что в самом начале уходящего века у биосферного Саяно-Шушенского заповедника был своеобразный «предок». В книге «Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем», изданной в Петрограде в 1920 г., можно прочитать: «*Вопрос о создании охотничьего заповедника в местности р. Казыр-Сук поднят был еще в 1910 году, когда от г. Управляющего Государственными Имуществами Енисейской губернии в Департамент Земледелия поступило заявление "о необходимости ныне же принять меры к организации, пока еще возможно, таких заповедных участков, которые могли бы служить естественными рассадниками для окружающих районов ценного зверя"*». При этом площадью, пригодной для данных целей, указывалась вся долина реки Казыр-Сук, ограниченная с трех сторон хребтами и с четвертой — Енисеем, всего около 180–200 тыс. десятин.

Казыр-Сук — горная река в центральной части Западного Саяна, правый приток Енисея, стекает на юг с Ойского хребта. Длина реки 86 км, площадь водозабора 1450 кв. км. Низовья реки входят в охранную зону нынешнего Саяно-Шушенского заповедника. История Казырсукского заповедника достойна внимания.

В связи с катастрофическим падением промысла соболя — этого ценнейшего пушного зверя, согласно принятому в июне 1912 г. «Закону об установлении ограничительных по охоте на соболя мер», соболиный промысел официально был запрещен на три года.

В 1913 г. известный петербургский охотовед и зоолог А.А. Силантьев составил «Проект обследования соболиных районов России в 1913–1915 гг.», в соответствии с которым предлагалось изучить наиболее ценные соболиные угодья для создания там заповедников. Районами этих работ были намечены Баргузинский хребет у Байкала, Саяны и Камчатка. Специальную Саянскую соболиную экспедицию возглавил охотовед-этнограф, путешественник и страстный охотник Д.К. Соловьев, а одним из его главных помощников стал студент-старшекурсник Петербургского лесного института Валериан Иванович Белоусов.

Биографических сведений о Белоусове немного. Как пишет известный современный историк охотоведения Олег Александрович Егоров, В.И. Белоусов родился в 1891 г. в селе Кошайском Верхотурского уезда Пермской губернии. Отец его был заядлым охотником, пристрастившим к охоте своего сына, который еще подростком стал насто-

* Влюбленный в Саяны // Заповедные острова. 1999. № 7(20). С. 4.

ящим таежником, исходив едва ли не весь Пермский север. В 1911 г. юноша поступил в Петербургский лесной институт и обратил на себя внимание основоположника научного охотоведения А.А. Силантьева, который привлек Белоусова к работе «соболиных экспедиций».

«*Во второй половине лета 1912 года два студента Императорского Лесного института, автор настоящего отчета и Е.Н. Фрейдберг, были командированы Департаментом земледелия в северную часть Пермской губернии с целью исследования современного положения соболиного промысла...*» Мы цитируем публикацию В.И. Белоусова «Опыт обследования соболиного промысла и промысловой охоты вообще в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской губернии» (первая из силантьевских «соболиных экспедиций», направленная на север Урала — именно туда, где судьба соболя уже висела на волоске). Данный отчет Белоусова по сути представляет собой **первый в России проект организации заповедника для охраны соболя**. Автором было предложено создать соболиный резерват в урочище «Матвеевская Парма» в истоках рек Колвы и Лозьвы. Белоусов завершал свое исследование пророческими словами относительно будущего заповедника, который, к сожалению, так и не был создан ни тогда, ни позже:

«*Тут с малыми средствами лучше не начинать дела. Самое слово «заповедник» показывает, что дело должно быть поставлено на твердую почву и должно вестись непрерывно и длительно. Если заповедник хоть на один год обратится в «незаповедник», то все пропало. В другой раз на том же месте заповедника не основать...*» К сему приложены не только детальные картосхемы, но и расчеты «*единовременных и ежегодных расходов* ***по содержанию заповедника в Матвеевской Парме***».

В 1915 г. В.И. Белоусов включился в состав Саянской экспедиции Д.К. Соловьева и провел обследования соболиных угодий по реке Кизир, начав свой маршрут из Минусинска и поднявшись, насколько это было возможно, вверх по Кизиру с местными охотниками.

Основной Саянский заповедник был намечен экспедицией в районе Агульского озера, включая истоки рек Агупа, Гутары, Казыра и Кизира (ныне — территория Иркутской области). Фактически он действовал лишь в 1915-1919 гг., позднее (в 1939 г.) был восстановлен, но в 1951 г. опять прекратил существование (сейчас там республиканский заказник).

Что же касается бассейна реки Казыр-Сук, то Д. К. Соловьев, обследовавший эту местность в начале августа 1915 г., выражал сомнения в целесообразности создания здесь заповедника ввиду ее большой роли для местного населения. По Казыр-Суку и Большому Тепселю охотилось до 200 промысловиков из Минусинского округа, а также тувинцы (сойоты) из Танну-Тувы. Тем не менее был составлен проект заповедника, согласно которому центральная усадьба должна была разместиться в устье Казыр-Сука, а четыре кордона — на его границах. «*Таким образом*, — писал Д.К. Соловьев, — *рр. Казыр-Сук и Б. Тепсель со всеми их притоками, как с левой стороны, так и с правой, должны были войти в заповедник*».

Учитывая большое значение Казыр-Сука и Большого Тепселя для местных охотников, было решено превратить эту территорию не в сплошной заповедник, но в особую «промыслово-охотничью дачу», выделяя отдельные ее участки как заказники или естественные питомники для соболя.

Между тем, В.И. Белоусов в 1916 г. успешно закончил лесной институт и в мае того же года был назначен заведующим Казырсукским промыслово-охотничьим хозяйством — первым такого рода в России. Оно было окончательно образовано к 1917 г., и с тех пор Белоусов обосновался в Саянах. Первоначально жил он в Усинском, а затем поселился на лесном кордоне в устье Казыр-Сука. В одном из своих писем Белоусов называ-

ет эту местность «земным раем» — настолько мила стала его душе саянская тайга. «*У себя в комнате*, — сообщал он, — *я устроил лабораторию и положил начало музею... Вместе с ними открою библиотеку. Очень хотелось бы получить для нее бесплатно издания Академии наук...*» О.А. Егоров вполне справедливо характеризует Белоусова как «подлинно российского интеллигента в лучшем смысле этого слова, незаурядную личность, оставившую заметный след в охотоведении».

Бурные события тех лет — революция и Гражданская война — не обошли стороной и Саянские горы, что, конечно же, самым отрицательным образом сказалось на состоянии фауны. Никакие правила и законы охоты тогда не соблюдались, шло сплошное уничтожение ценных зверей. Саянские заповедники прекратили свое существование. В 1926 г. В. И. Белоусов опубликовал статью «Современное состояние Казыр-Сукского заповедника Усинского пограничного района», в которой говорилось о том, что лучшая соболиная тайга в самом сердце Саян подвергается безжалостному разграблению: «*Получается удивительная вещь: официально никто в заповеднике не охотится, а фактически сотни браконьеров, не считаясь ни с чем, громят заповедник... Осенью, по слухам, соболь в Казыр-Суке стал так редок, что некоторые зашедшие туда артели после первых же порош вышли обратно. Соболь куда-то "ушел"*».

Итак, Казыр-Сук в то время был официально закрыт для охоты, но запрет этот не соблюдался. Со временем про Казырсукский заповедник и вовсе забыли.

Мы знали о дальнейшей деятельности В.И. Белоусова в Саянах лишь по его довольно редким очеркам, статьям и заметкам в охотничьих и научных журналах. Белоусов основал небольшую таежную биологическую станцию в устье реки Каракем, впадающей в Енисей выше Казыр-Сука, и жил там постоянно, добывая средства к жизни главным образом охотой. В 1928 г. он публикует статью под странно звучащим заголовком «Хар» — это местное название гона копытных зверей. В следующем году появляются три его публикации: «Перекочевка зверей» (о миграциях белок и других животных), воспоминания «Совершенный егерь» и небольшой очерк «Вечные джимы», посвященный сибирским горным козлам.

В 1934 г. появляется статейка «Медведи, беркуты и волки в западных Саянах». В. Белоусов пишет о том, что многочисленные хищные звери, а также гнездящиеся здесь беркуты уничтожают очень много копытных животных. Этой же теме посвящена и самая последняя заметка Белоусова — «Очистить Саяны от хищников», написанная в 1936 г.

Завершая статью, посвященную В.И. Белоусову, О.А. Егоров пишет, что дальнейшая судьба замечательного таежника-натуралиста и первого проектировщика соболиных заповедников, к сожалению, остается неясной. Последнее из публикуемых писем отправлено с устья реки Тукеек-Кем (Таловка) в конце 1923 г. Белоусов сообщает, что считает целью своей жизни изучение горной тайги, ради чего «*я пренебрег городским комфортом и веду, как пионер, тот образ жизни, который так художественно описывал Джек Лондон в своих клондайских рассказах*».

Он сообщает, что нашел общий язык с местными охотниками (русскими и тувинцами), выучился тувинскому языку, а также что «*высватал в Усу себе невесту, хорошего роду-племени из местных жительниц. Ее зовут Елизаветой Константиновной Киселевой. Она окончила в Минусинске гимназию. В мае буду играть свадьбу. Тогда хозяйство разверну, как задумаю. Моя заимка — постоянный станок и пристань, поэтому жить здесь можно*».

Так что же случилось с Белоусовым после 1936 г.? Увы, то же, что и с миллионами других безвинных людей, ставших жертвами сталинских репрессий. Уже в 1980-х гг. кто-то из сотрудников Саяно-Шушенского заповедника говорил мне, что Белоусова арестовали в годы «ежовщины» и отправили на Колыму, где он и погиб. Другой сотрудник слышал, будто бы Белоусова расстреляли «на месте», в Минусинске.

Директор Усинского лесхоза В.Ф. Иванов (1958–1960 гг.) рассказывал одному из инициаторов и проектировщиков Саяно-Шушенского заповедника, д.б.н. Г.А. Соколову, о том, как он, по распоряжению НКВД, лично принимал участие в аресте В.И. Белоусова на Каракеме. По его сведениям, Белоусов действительно был отправлен на Колыму, но не погиб там, а вернулся будто бы в Ленинград, где и умер в 1951 г. О.А. Егоров считает эту версию маловероятной. Он пытался что-либо узнать о Белоусове от его бывших сокурсников, но все они уже ушли из жизни.

Пусть эта публикация будет обращением в Минусинский райархив и Минусинский краеведческий музей с просьбой уточнить судьбу Валериана Ивановича Белоусова, память о котором не может быть предана забвению.

От редакции:

Спустя год после этой публикации Феликс Робертович получил новые сведения о последних днях Валериана Ивановича и рассказал о них в следующем своем очерке о Белоусове, дав ему прежнее название — «Влюбленный в Саяны (Яркая жизнь и горестная судьба Валериана Ивановича Белоусова – первого проектировщика сибирских соболиных заповедников)» — альманах «Охотничьи просторы», 2000 г. — кн. 1, с. 206–219.

Мы приводим здесь концовку этого очерка, повествующую о гибели В.И. Белоусова:

...Так рождаются легенды... Однако же все они недавно были окончательно развеяны после нашего запроса, благодаря председателю Красноярского отделения общества «Мемориал» В.Г. Сиротинина. На его обращение местные органы ФСБ сообщили, что В.И. Белоусов был арестован на своей биостанции (официально она именовалась метеорологической) погранотрядом НКВД 9 февраля 1938 г. и содержался в минусинской тюрьме, где его подвергали интенсивным допросам, заставляя признаваться, будто бы он был активным борцом против советской власти ещё со времен гражданской войны.

При аресте и обыске у В.И. Белоусова были изъяты: «охотничье ружьё «Джонсон» 20 калибра; винтовка гладкоствольная (вероятно, берданка?) и паспорт». На допросе 11 февраля 1938 г. он упорно отрицал все обвинения в контрреволюционной деятельности, но 14 февраля «признался», будто бы скрывал у себя в тайге белобандитов и лично сам с ними «принимал участие в поимках командира партизанского отряда Щетинкина[1], но наша дружина была разбита и сделать это не удалось. С 1922 года являюсь агентом японской разведки и созданной мной по заданию японской разведки контрреволюционной повстанческой организации на Усинском тракте».

Вопрос: «Когда и кем вы были завербованы в агенты японской разведки?»

Ответ: « Я был завербован бывшим крупным торговцем, в прошлом офицером японской армии, японцем Хако у меня на квартире на Большом Пороге, где я жил в марте 1922 г.... Я увязался по к/р в Минусинске с (таким-то...) и создал в с. Н.-Усинске повстанческую контрреволюционную организацию, которой руководил по день ареста...».

Вместе с Белоусовым по тому же «делу» проходили ещё 23 человека. Постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 2 сентября 1938 г. В.И. Белоусов был приговорен к расстрелу, который и состоялся ровно месяц спустя.

Реабилитирован В.И. Белоусов Военным трибуналом Сибирского военного округа от 16 августа 1960 г. « за отсутствием состава преступления»[2].

---

[1] Петр Ефимович Щетинкин — один из руководителей партизанского движения на юге Енисейского края в годы Гражданской войны; входил в состав армии А.Д. Кравченко на стороне советской власти.

[2] Приведены цитаты из материалов следствия (Дело № 13135, арх. № П 12355) и письма от 09.06.1999 г. № 10/С-46 регионального управления ФСБ по Красноярскому краю.

В селе Нижне-Усинском Ермаковского района Красноярского края жила семья Валериана Ивановича — его жена, Евгения Владимировна, 36 лет — старший наблюдатель Нижне-Усинской метеостанции с тремя детьми — дочерьми Ольминой десяти лет и трехлетней Юлей, а наследнику — сыну, названному Геннадием, было всего четыре месяца. Вполне возможно, что Геннадий Валерианович жив и мог бы откликнуться на нашу публикацию? Первый проектировщик наших первых заповедников достоин доброй памяти.

* * *

Мне приятно сознаться в том, что судьба сводила меня с В.И. Белоусовым и столь близкими его сердцу Саянами не только в библиотеках и архивах. Довелось не раз побывать и в Усинском, и на Казыр-Суке, и на Тепселе, встречаться с козлами-джимами на притоках Енисея (Сарле и других). В 1961 г. я спускался на дощатой весельной лодке от Верхне-Усинского до Минусинска, пройдя все тогда ещё не затопленные енисейские пороги (Большой, Берёзовый, Джойский), мы специально делали стоянку в устье Казыр-Сука. Побывал я и в пределах прежнего Саянского заповедника на Агульском озере, повидал и Казыр, и Кизир, и Гутару… Последний раз проехал по Усинскому тракту осенью 1998 г. и горько думать, не в последний ли раз…

В Саянах названия многих мест (гор, перевалов, ручьёв и речек) связаны с именами конкретных людей. Будет справедливо, если на новейших картах (возможно — в пределах Саяно-Шушенского заповедника, если не возродится прежний Саянский) появится имя Валериана Ивановича Белоусова — человека не только влюбленного в Саяны, но и сложившего за них свою неповинную голову.

3.2.7. Вадим Вадимович Раевский (1909–1947)*

Выдающийся зоолог-натуралист, автор лучшей отечественной книги по экологии соболя, друг и коллега Льва Капланова, В. В. Раевский был человеком трагической судьбы. Он родился 3 (16) февраля 1909 г. в небогатой дворянской семье. Его отец, В.И. Раевский, был сыном талантливого, но очень рано умершего зоолога, служил в земской управе. Мать — Е.С. Мещерская — также принадлежала к древнему дворянскому роду.

Семья Раевских очень бедствовала в годы Гражданской войны: отец погиб, а мать с тремя детьми перебралась в Москву, где перебивалась случайными заработками. Преследуемая как «бывшая дворянка», она подвергалась арестам и ссылкам, которые с ней делила Ольга, старшая сестра Вадима.

Еще в ранней юности Дима Раевский вместе со своим школьным приятелем Левой Капланов стали активистами кружка юных биологов Московского зоопарка (КЮБЗ), где секцией млекопитающих руководила Н.М. Дукельская. Летом 1925–1926 гг. друзья принимаются за изучение фауны млекопитающих Московской губернии, их консультируют известные зоологи С.И. Огнев и А.Н. Формозов.

Сразу после окончания средней школы в 1927 г. Раевский поступает на работу в Государственный музей Центрально-промышленной области, продолжая вместе с Капланов свои исследования. Настойчивым юннатам удается обнаружить ранее неизвестные колонии летучих мышей, они ловят редких и малоизученных грызунов и бурозубок в Подмосковье, выезжают в район озера Селигер для изучения охотничьих зверей. Реальным итогом явилась подлинная, хотя и небольшая монография о фауне млекопитающих

* Натуралист Божьей милостью (к 90-летию со дня рождения Вадима Вадимовича Раевского) // Заповедные острова. 1999. № 9 (22). С. 3.

Центрально-промышленной области, опубликованная в 1928 г., когда Раевскому было 19 лет (Лев Капланов на год младше). Одновременно они совместно публикуют на немецком языке обзор млекопитающих Верхней Волги, а в 1929 г. печатается большая статья Раевского, анализирующая изменения фауны млекопитающих Московской губернии. В знаменитых сводках С. И. Огнева «Звери СССР и прилежащих стран» приведены десятки ссылок на работы и находки молодого зоолога, столь рано и ярко проявившего талант натуралиста. Не раз упоминали имя Раевского и зарубежные авторы.

В КЮБЗе Вадим Раевский сближается с известным будущим зоологом Николаем Калабуховым. Еще летом 1925 года они выезжали в Ростовскую область, где ловили степных грызунов, а с весны 1930 г., уже как сотрудники чумного отделения Ростовского микробиологического института, детально изучали сусликов, пеструшек, домовых мышей и других мелких зверьков. Об этом очень подробно рассказано в книге Н.И. Калабухова «Жизнь зоолога» (1977). Впервые применив оригинальную методику мечения сусликов и домовых мышей с помощью алюминиевых колец, зоологам удалось раскрыть многие «секреты», реально способствуя ликвидации очагов страшной болезни в степях Предкавказья.

В 1933 г. В. В. Раевский вслед за Капланом впервые отправляется в таежную Сибирь, получив назначение заведующим Шухтунгортским биопунктом Уральской зональной станции Союзпушнины. В этом далеком поселке на реке Малая Сосьва, куда надо было добираться из Тюмени или Омска на пароходе и лодках почти месяц, в то время размещалась и центральная усадьба Кондо-Сосьвинского государственного заповедника, директором которого был В.В. Васильев — опытнейший сибирский охотовед, преподавший Вадиму первые уроки «таежной грамоты». Однако душа Раевского-зоолога разрывалась между тайгой и степями Предкавказья.

Вскоре он возвращается в Ростов, где встречается с однофамилицей (или дальней родственницей) Анной Феофиловной Раевской, которая стала его женой. Она была микробиологом и, закончив аспирантуру, получила назначение в Барнаул, куда супруги выехали летом 1934 г.

Как зоологу там работы Раевскому не нашлось, и он стал трудиться в редакции газеты «Красный Алтай». В ту пору ему приходилось работать и в типографии, а это обострило туберкулез, первоначально возникший у Раевского еще в годы революционно-военных лихолетий и голодовок. В начале 1935 г. он обратился к Васильеву с просьбой о возвращении на Малую Сосьву для работы в заповеднике, и директор ответил согласием. Вернувшийся к нему Раевский договорился о том, что жена его будет работать врачом на новой центральной усадьбе заповедника, которая заново строилась в селении Хангакурт (выше Шухтунгорта). Он должен был стать своеобразным центром культуры в таежной глухомани.

Между тем, в Сибири разворачивалась волна репрессий, накатилась волна «ежовщины», и А.Ф. Раевская с большой группой микробиологов была арестована. В.В. Раевский, нежно любивший свою жену, решил дожидаться в сосьвинской тайге ее возвращения, наивно поверив официальному приговору: «десять лет без права переписки» (фактически это означало немедленный расстрел). Своих детей у них не было, они взяли приемную дочь, пожалев ребенка какой-то нищенки. К сожалению, Люба не оправдала их надежд, не сохранив чувства благодарности к приемным родителям.

В заповеднике Раевский вплотную взялся за изучение соболя — ценнейшего для нашей страны зверя, когда-то игравшего первостепенную роль в охотничьем промысле, который был в то время запрещен из-за падения численности этого вида. Отдаленный и труднодоступный бассейн реки Малая Сосьва был одним из основных соболиных резерватов в Западной Сибири. Там же сохранялась и самая крупная в СССР колония сибирских аборигенных речных бобров, оберегаемая заповедником.

Работу В.В. Раевского по изучению соболя в Кондо-Сосьвинском заповеднике с полным основанием можно назвать подвижнической. Чуть ли не месяцами ходил он в одиночку (реже — с проводниками — манси и хантами) на лыжах и пешком по следам соболей, ночуя у костров или в тесных зимовьях, буквально изнуряя себя ради познания всех деталей образа жизни этого зверька. Местную тайгу он знал лучше старожилов, но глубоко уважал аборигенов-таежников, они платили ему тем же. Вместе с тяжелым грузом Вадим Вадимович носил в своих котомках книги и читал их вслух своим спутникам. Он просил сестру присылать ему граммофонные пластинки с классической музыкой, делал переводы с французского, чтобы не забыть языка, которому еще в детстве учили его в семье.

«*Он не курил и не пил вина*, — писала в неопубликованных мемуарах его старшая сестра Ольга Вадимовна, — *но, живя в лесных избушках, иногда устраивал себе встречу Нового года: зажигал все имевшиеся свечи сразу, заваривал хороший кофе и, присоединив к нему какие-либо «лакомства», читал одну из любимых книг, которые таскал в котомке...*»

Раевский разработал оригинальную методику учета соболей по зимним гнездам, он впервые применил для изучения этого вида отлов и мечение специальными ушными метками. В суровые годы войны, когда научный отдел заповедника был расформирован, В.В. продолжал свои исследования в качестве лесника-наблюдателя, причем он дал себе зарок строго соблюдать заповедный режим. В армию его не взяли по состоянию здоровья.

Роковую роль для него сыграло решение руководства заповедника пробить прямую дорогу на Кондинск (ныне пос. Октябрьский) для зимнего завоза грузов. Тяжелая работа зимой на скудном военном пайке подорвала залеченное было тайгой здоровье Раевского — вновь обострился туберкулез. В 1945 г. Раевский поехал в Москву, повез рукопись завершенной монографии «Жизнь Кондо-Сосвинского соболя» (раньше слово «Сосьва» писали без мягкого знака). Главк направил его в санаторий «на кумыс», но было поздно… Он вернулся в Хангакурт, где, уже будучи тяжело больным, завершил обработку всех фаунистических исследований в заповеднике (рукопись «Позвоночные Кондо-Сосвинского государственного заповедника» находится в Госархиве РФ, лишь в 1982 г. она была издана под названием «Позвоночные животные Северного Зауралья»). Последний год его жизни был скрашен приездом Ольги Вадимовны, которая ухаживала за ним до самой кончины (24 июля 1947 г.).

«*Незадолго до смерти*, — вспоминала О.В., — *он говорил мне, что, находясь в тайге, всегда чувствовал жену рядом и мысленно беседовал с ней. Только любимая работа и постоянное общение с природой помогали ему пережить это горе разлуки. Год его смерти был и годом окончания ее десятилетнего срока. Он все ждал и надеялся, что придет от нее какая-нибудь весточка...*»

В Кондо-Сосьвинском заповеднике, как и в ряде других, подчас происходили тяжелые конфликты между сотрудниками. Но никто и никогда не произнес плохого слова о Раевском — его уважали и жалели все до единого человека. Ботаник К.В. Гарновский писал о нем: «*...Раз навсегда полюбил он Кондо-Сосьвинский заповедник и отдал ему всего себя. Этот край стал для него второй родиной, лучшим местом на земле, которое нужно сберечь, сохранить в том виде, в котором он был и есть. Раевский, пожалуй, более, чем кто-либо в Хангакурте, стоял на страже режима заповедности. Уступчивый, когда дело шло о нем самом, он становился бескомпромиссно-принципиальным, когда в чьих-либо действиях видел хоть незначительный ущерб заповедности*».

Его книга «Жизнь Кондо-Сосьвинского соболя», которую он успел подержать в руках перед смертью, до наших дней остается непревзойденным образцом экологических исследований в условиях заповедника. А.Н. Формозов и В.Г. Гептнер единодушно при-

знали ее автора достойным ученой степени доктора биологических наук (Раевский не был и кандидатом!).

Благодарная память о Вадиме Вадимовиче Раевском сохраняется не только в заповеднике «Малая Сосьва», сотрудники которого оберегают памятник на могиле натуралиста, поставленный его сестрой. В районном поселке его именем названа улица, где расположена центральная усадьба заповедника, принявшего эстафету от прошлого. До сих пор в тех краях можно слышать подлинные легенды о Раевском...

3.3. К новейшей истории заповедного дела

О проблемах природных заповедников и заповедного дела на данном этапе*

В своё время, в процессе изучения истории заповедного дела нашей страны, нами были выделены десять этапов его развития, последний из которых начался в 1992 г. с распадом СССР. Он закончился в мае 2000 г. с ликвидацией государственных систем охраны природы и окружающей среды. Современный (уже одиннадцатый по общему счёту) этап характеризуется своеобразным коллапсом федерального управления заповедной системой, соответствующим возрастанием роли региональных и местных органов власти, общим углублением ранее наметившегося административно-управленческого кризиса. На этом фоне продолжает уменьшаться роль заповедников как научных учреждений (заметно сказывается отсутствие научно-методического центра должного уровня), несколько активизируется эколого-просветительское их направление, в котором всё более выделяются коммерческие и предпринимательские составляющие. Особое место здесь принадлежит так называемому экотуризму, перспективы развития которого представляются нам весьма неоднозначными (эта тема требует особого обсуждения). В целом же ситуация в заповедном деле, как и охране природы в целом, вызывает самые серьёзные опасения. Причины этого кроются не только в слабости экологического («зелёного») движения, отсутствии у него достойных и авторитетных лидеров, не только в небывалом снижении роли науки, в частности, экологии (достаточно сказать, что РАН считает своим серьёзным достижением в области биологии очередное издание «Красной книги РФ», которая, по существу, не оказывает реального влияния на поддержание биоразнообразия, а возможно, даже содействует браконьерству; что председателем Высшего экологического совета Госдумы является академик Р. Нигматуллин, ярый сторонник завоза ядерных отходов и т. п.), есть и более серьёзные факторы политического характера. Однако на общем фоне сегодняшнего состояния страны и её общественно-экономических проблем они пока не привлекают к себе внимания ни общества, ни власти. Эту ситуацию усугубляют межэтнические конфликты (в частности, война в Чечне), чрезвычайные события природного и техногенного характера (конкретные примеры известны!), но на первое место следовало бы поставить явственное снижение морально-нравственного потенциала нашего общества, особенно во властных структурах. В стране сплошь и рядом функционирует мафиозная по сути власть полукриминального типа, и вряд ли можно рассчитывать на улучшение этой ситуации в скором будущем (подчеркну при этом, что сказанное отнюдь не означает ностальгию по советскому прошлому, ибо именно это недавнее прошлое и привело к нынешнему

* Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Роль особо охраняемых природных территорий в экономике, экологии и политике сибирского региона», 14–15.10.2003. Ханты-Мансийск, 2003. С. 13–18.

этапу; было бы наивно надеяться, что после 70 лет соцлагерного режима Россия может в одночасье вернуться в ту страну, какой она была до рокового 1917 года). Общий уровень экологического сознания власть имущих крайне низок и убог.

Напомним само понятие НАУЧНОГО ЗАПОВЕДОВАНИЯ — один из трёх корней заповедного дела в целом — возникло в царской России конца XIX в. (За точку отсчёта мы принимаем степные станции Докучаева, в частности, Деркульскую, заложенную в 1895 г. Таким же был целинный участок в Аскании, заложенный Пачосским. Близки к ним орнитологические станции в Прибалтике.) Более глубоким корнем заповедности является древний религиозно-мистический подход. Слившись позднее с эстетическим, он послужил основой для возникновения национальных парков (НП), частично — памятников природы и так называемых природно-культурных «заповедников-музеев». На сугубо прагматических, хозяйственных принципах возникли первые российские охотничьи заповедники — Китойский, Саянский и формально доживший до наших дней Баргузинский (говорю так, поскольку в год своего 80-летия (1996) он утратил прежнюю форму, перейдя на вахтовый метод охраны и исследований с ликвидацией былого центра в Давшее, т. е., по существу, прекратил прежнюю деятельность). На указанных трёх подходах и выросло отечественное заповедное дело, идеалом коего является краткая формула из словаря В.И. Даля: «ПОМНИ ПРАОТЦЕВ — ЗАПОВЕДНОГО НЕ ТРОНЬ», которая при сей простоте полна глубокого нравственного смысла, хотя она явно противостоит не только принципам потребительского общества, но даже и нашему исконному естеству — как это? — не моги тронуть сам, оставь потомкам? Но ведь мы тоже чьи-то потомки, а они в светлом будущем сумеют и сами о себе позаботиться... Отвергая эти суесловные сомнения, нравственный закон заповедности остаётся нерушим, проверкой же ему служит только принцип неприкосновенности, невмешательства в заповедную природу. Есть вмешательство — нет заповедности; просто и ясно! На всей земле дано людям властвовать и хозяйничать, пусть даже и вполне рационально, но должно оставлять заповедные эталоны разных ландшафтов, причём это вовсе не должны быть природные достопримечательности, которые нужно оберегать на иных принципах, исходя из конкретных людских интересов. Заповедники есть научные стационары и лаборатории самой природы, а вовсе не образчики её красот и чудес. Но ни в царской России, ни в СССР, ни в Российской Федерации пока не удалось организационно разобраться в категориях так называемых «заповедных объектов» (в кавычках, ибо часто к ним относят даже улицы и города), а для нынешнего этапа особенно характерно стремление к максимальному расширению трактовки заповедности. Нельзя отрицать того факта, что наши заповедники (а их сегодня в РФ официально 101, хотя пошёл уже второй год, как былой рост заповедной системы полностью остановлен) являются формой особо охраняемых природных территорий (ООПТ), причём наиболее высокой, но также объективно верен и наш тезис о том, что чёткой грани между особо охраняемыми и хозяйственно используемыми территориями не существует, её нет и быть не может! Зато всегда остаётся чёткой и ясной трактовка заповедности как отказ от ПРЯМОГО хозяйственного вмешательства, и даже самого присутствия человека. Конечно же, необходимо отдавать себе отчёт в реальности заповедования при необычайном разнообразии наших заповедников, нацпарков и других ООПТ. Сейчас уделяется большое внимание развитию всевозможных систем — сетей, комплексов, каркасов и т. д. «Севильская стратегия», которой будет посвящен ряд докладов этого совещания, говорит о необходимости создания как всемирной сети, так и национальных сетей биосферных резерватов ради достижения высоких целей «устойчивого развития». Кстати, здесь важно подчеркнуть, что исходный смысл иностранных терминов «Biosphere reserve» («биосферные резерваты») и «Sustainable development» («поддерживающее развитие») по существу искажён не вполне точным переводом. «Биосферные резерваты» принципиаль-

но иной тип ООПТ, поэтому распространенный термин «биосферные заповедники» в основе своей неверен. Тоже касается и понятия «Устойчивое развитие», которое имеет иное звучании, чем английское «поддерживающее» или «неистощительное» развитие. На это указывал, в частности, покойный академик Н.Н. Моисеев.

Применяя принципы «Севильской стратегии», стремясь к расширению роли биосферных заповедников для устойчивого развития, необходимо ориентироваться не столько на интересы общества и учёных (как это сейчас принято), сколько на состояние природы, следить за тем, пойдут ли ей, а не только нам с вами те или иные предлагаемые новации. Мы считаем, что нет необходимости продолжать начатую в своё время Всемирным фондом дикой природы дискуссию о концепциях заповедного дела — их научные и морально-нравственные основы были разработаны отечественными учёными ещё на переломе XIX–XX веков, и нуждаются не в ревизии, а лишь в чёткой реализации.

К сожалению, уже не только отдельные наши оппоненты, но и ряд официальных деятелей напрямую говорят об «архаизме» и «отсталости» прежних классических отечественных представлений в области заповедного дела, о «противопоставлении заповедников социуму» (Степаницкий, 2000; и др.), о необходимости полного внедрения государственных заповедников (ГЗ) в структуру современного общества на соответствующих времени основаниях (т. е. сугубо «рыночных») и т. д. Отсюда идут такие явно негативные, на наш взгляд, процессы, как смена значимости заповедных приоритетов, когда на первое место выходит не научная, а просветительская и общественная их деятельность, отказ от национальных российских традиций в пользу привнесённых западных (прежде всего — северо-американских), привлечение таких «некорректных» для заповедного дела типично потребительских приёмов, как коммерческий туризм, стыдливо маскирующийся фиговой приставкой «эко», рекламой и т. п. Печальнее всего здесь тот факт, что ещё в середине 90-х гг. на всё это смотрели как на полосу временных трудностей в целях необходимости ВЫЖИВАНИЯ, оправдываясь тем, что приходится поступаться, мол, «кое-где и кое-чем» лишь ради сохранения главного — самой по себе заповедности. Но, как это чаще всего бывает, постепенно, словно само собой забылось про «главное», осталась лишь текущая суета сует, заниматься которой оказалось гораздо интереснее и выгоднее, чем просто заповедным делом.

Напомним, что каждая палка о двух концах. Было бы неверным, в частности, ругать развившиеся в 90-х гг. обширные контакты с Западом, отказаться от помощи международных фондов, многочисленных грантов, играющих большую роль в научной работе большинства заповедников, от столь соблазнительных и частых поездок за рубеж и т. д. Мы отнюдь не хотим прибегать к доводам различных ретроградов и псевдопатриотов, видящих вокруг себя одних только врагов, вплоть до масонов и сионистов. Но нельзя забывать про коренные отличия России и её народов от развитых стран Запада, про наш российский «менталитет» и национальные особенности, нельзя механически переносить к нам зарубежный опыт и нравы в природоохранной сфере. У нас разные отношения и к природе, и к действующим законам, самое же главное заключается в том, что заповедники России стоят не ниже, а ВЫШЕ едва ли не всех предлагаемых нам примеров, они сами должны являться образцами для иных, а не копировать их.

Разрастание заповедной системы и бурная инициатива на местах при явном ослаблении федерального центра привела к своего рода «центробежным явлениям», когда многие региональные подразделения желают лишь получать сверху бюджетные средства, не утруждая себя ни соблюдением российского законодательства, ни регулярной отчётностью, чувствуя себя почти «в свободном полёте». Лишь огромными усилиями ведомству ещё удаётся осуществлять (и то весьма относительно!) какое-то руководство. Из-за финансовых и организационных трудностей приходится свёртывать некото-

рые центральные усадьбы и стационары, переходить на «вахтовые» методы охраны и научных исследований, что явно противопоказано для ГЗ.

До сих пор шла речь только о наших заповедниках, тогда как система национальных парков в Российской Федерации стала развиваться лишь с начала 80-х гг., она по сей день значительно уступает заповедникам и в числе и по площади. Нет необходимости подробно разъяснять здесь принципиальные различия наших заповедников и парков, отражённые как в законодательстве, так и в реальной жизни. Подчеркнём лишь главное: «НП предназначены для ОВЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ С ПРИРОДОЙ, тогда как в заповедниках это в принципе вообще недопустимо». Природоохранный статус НП на порядок ниже заповедного, за исключением отдельных участков или зон. Для заповедников приоритетным в их деятельности должно быть научное направление, а в парках — просветительское. В то же время мы не раз подчёркивали, что общественная значимость НП в наше время выше по сравнению с ГЗ. Поэтому рост их сети должен идти опережающими темпами (на самом деле этого не происходит: огромные территории Сибири, Арктики и Дальнего Востока не имеют национальных парков).

К сожалению, наши природоохранные ведомства и, кровно связанные с ними, общественные организации (благотворительные фонды, различные «центры» и т. п.) почти с момента своего возникновения взяли крайне опасный курс на «КОНВЕРГЕНЦИЮ» наших заповедников с национальными парками, чему весьма активно содействовали зарубежные контакты. Это проявилось буквально во всём — и в текущей работе ведомств (хотя национальные парки до недавнего времени подчинялись Рослесхозу, а не Госкомэкологии), и в общественно-просветительской работе, и в информатике. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что расположенные по соседству друг с другом, заповедники и национальные парки в начале 90-х гг. в результате такой «госстратегии» как бы поменялись ролями: заповедники стали заманивать к себе туристов (особенно иностранных), тогда как нацпарки ставили поперёк всех своих дорог шлагбаумы и писали аншлаги со строгими запретами... На специальных семинарах и совещаниях руководителей заповедников учили тому, как надо зарабатывать деньги, а национальные парки, регулярно получая бюджетные поддержки, себя этим вовсе не озадачивали (на самом же деле НП не только обязаны получать прямые доходы от разных форм туризма и природопользования, но даже могли бы делиться ими со строго бюджетными заповедниками).

В результате всего этого долгожданные национальные парки оказались для наших ГЗ своеобразным «троянским конём», ибо они не приняли на себя удары агрессивно-коммерческого «экотуризма», но, напротив, распространили это бедствие (для живой природы) на заповедники, что противоречит законодательству, ибо туризм В ЛЮБЫХ ЕГО ФОРМАХ является видом хозяйственной деятельности, которая должна в заповедниках полностью прекращаться. Другой вопрос, что в реальности это требование не могло в полной мере реализовываться никогда и нигде. Во всех без исключения заповедниках явно или тайно выделялись определённые участки для обеспечения элементарной жизнедеятельности работающих в них людей (сенокошение, выпас скота, сбор дикоросов, рыбная ловля и т. д.). Отказавшись от официального зонирования заповедников (кроме некоторых биосферных), законодатель разрешал такие нарушения, отражаемые в индивидуальных положениях. Сложнее обстояло дело с обязательным выделением абсолютно заповедных участков, где официально запрещалось какое-либо вмешательство человека (вплоть до научных исследований). По этому поводу было очень много споров, а в законе об ООПТ 1995 г. выделение таких территорий лишь милостиво «допускается» (без обязательности!). Таким образом, заповедники (особенно биосферные) в настоящее время оказались, по существу, открытыми для различных форм хозяйственного воздействия. Надо также учитывать, что очень многие заповедники, по

сути, заменяли (или «подменяли») отсутствовавшие в стране национальные парки («Столбы», Теберда, частично — Кавказский, Алтайский и др.), а некоторые из ГЗ были превращены в своеобразные «хозяйства на природе» (наиболее яркий пример тому — Воронежский ГЗ, поэтому теоретически он мог бы стать заповедным участком будущего нацпарка «Усманский бор», так же как заповедник «Брянский лес» — таким же участком одноимённого национального парка по всей территории этого лесного массива).

Мы считаем нынешние тенденции слияния функций и прерогатив госзаповедников и национальных парков ГЛАВНОЙ УГРОЗОЙ ЗАПОВЕДНОМУ ДЕЛУ РОССИИ. Она является следствием не столько общественно-социальной ломки, сколько морально-нравственной деформации нашего общества на фоне переходно-кризисного периода и в результате длительного преобладания ложных идеологических установок, избавление от которых не может свершиться разом, для этого требуется смена поколений. Главный же парадокс состоит в том, что заповедная наша система есть одно из немногих подлинных достижений советского периода. Поэтому её своеобразное «размывание», наблюдаемое в настоящее время, может рассматриваться как исторически предопределённый процесс, хотя и явно отрицательный. Можно надеяться лишь на здоровый консерватизм как всей этой системы в целом, так и ряда работающих в ней лиц, искренне преданных идеалам российского заповедного дела.

Напомним слова одного из мыслителей прошлого о том, что идеалы существуют не для реального достижения, но лишь указывают верное направление движению общественной мысли. В повседневной жизни человек озабочен прежде всего личным преуспеванием (или выживанием), но всё же — в отличие от всех животных! — у него существует своя ДУХОВНОСТЬ, он обращает свой взор к небу, думает о будущем своём и своих потомков, иной посещает храм, иной уединяется на лоне природы; лишь людям дано отличать ложь от правды и добро от зла. Однако не только индивид, но и общество в целом, и такие его ячейки, как заповедники или национальные парки, способны отделить задачи «планового выживания» от столь высоких, хотя и пока недостижимых идеалов подлинной заповедности — единственной реальной людской уступки нашей многострадальной природе.

Учитывая особенности нынешнего этапа, надо отметить, что если прежде судьбы заповедного дела решались прежде всего в кабинетах московских ведомств, всё определялось федеральным центром, то теперь гораздо больше ответственности лежит непосредственно на самих работниках заповедников. Именно от них — от директоров, замов по науке, от научных сотрудников, даже от каждого работника — зависит и место данного заповедника в стране, регионе, области, и его авторитет. Большое значение будут иметь отношения с местной властью, конкретные контакты руководства заповедников с её представителями, и т. д. В заключение надо пожелать мужества, стойкости, выдержки, а за ними стоят и успехи...

*3.3.2. Об истории управления охраной природы в нашем государстве (драма или фарс?)**

В предновогодней домашней уборке недавно переворошил комплекты экологических газет начиная с 1990 года: «Зеленый мир», «Спасение», «Берегиня»... Сколько громких призывов, обращений, цветастых лозунгов звучало тогда в статьях Яблокова, Забелина, Данилова-Данильяна! «Без сильной экологической политики немыслима сильная и здоровая Россия...»; «Нет! — получению прибыли ценой разрушений природы страны!»; «Объединим усилия в решении экологических проблем!»; «Мы — за Российскую экологическую державу!»; «Спасем биосферу — спасем себя! Удачи! Ура!».

* Штильмарк Ф.Р. Драма или фарс? (Об истории управления охраной природы в нашем государстве) // Охрана дикой природы. 2002. № 1 (24). С. 46–48.

Но спустя недолгий срок в нашей экопрессе стали звучать совсем иные нотки. Уже в 1992 г., вернувшись из Бразилии с памятной Конференции ООН по охране окружающей среды, В.И. Данилов-Данильян на специальной пресс-конференции с горечью констатировал: «*Россия является удручающим исключением в мире, ибо только здесь наблюдается спад экологической активности, как в правительственных, так и в общественных кругах*» («Спасение», № 23–24, июль 1992 г.). Дальше — больше... «*С 1996 г. ликвидировано Министерство охраны природы* (точнее, оно было тогда преобразовано в Госкомитет. — *Ф.Ш.*). *Ликвидирован как самостоятельный федеральный орган Госкомсанэпиднадзор. В аппарате Правительства ликвидирован Департамент по охране среды и природопользованию. Ликвидирована правительственная комиссия по охране окружающей природной среды. Упразднен Комитет по мониторингу природной среды. Ликвидирована правительственная комиссия по решению проблем радиоактивных отходов. Ликвидировано экологическое подразделение в Генпрокуратуре РФ. Список можно продолжать*» (газета «Берегиня», № 7, 1998). Сейчас даже странно вспоминать, что А.В. Яблоков когда-то занимал пост советника Президента РФ по вопросам экологии. Хорошо помню, с какой болью говорил страстный заступник за родную природу Сергей Павлович Залыгин об угрозе «экологической гибели» зеленого движения в нашей стране, выступая в Колонном зале Дома союзов, где отмечалось восьмидесятилетие писателя. Грешно сказать, но, быть может, и к лучшему, что не стал он свидетелем жесточайших поражений экологистов на переломе веков, не был участником Чрезвычайного — если не сказать точнее — траурного! — съезда по охране природы в июне 2000 г., где шло, по сути, горестное прощание с последними государственными экологическими структурами страны — Госкомэкологией РФ и Рослесхозом. «*Россия оказывается абсолютно беззащитной перед армадой доморощенных и зарубежных промышленников и коммерсантов, беззастенчиво разворовывающих природные ресурсы. Президент лишает россиян одного из основополагающих прав, гарантированных Конституцией, — права на здоровую окружающую среду... Теперь о независимом экологическом контроле можно забыть... Руководство России, говоря о выходе страны на путь устойчивого развития, разбивает компас и увольняет проводника...*» (Зеленый мир. 2000, июль). Экологи видят в этом победу технократов и промышленников, убравших со своего пути «бревно-экологию», которое доселе сдерживало их аппетиты, не давало развернуться во всю ширь. Собрали потом полтора миллиона подписей протестов для референдума, но председатель Центризбиркома, не скрывая злорадной усмешки, объявил большинство их недействительными. Былые «долгие крики» об экологии стали явно затихать, теперь эта тема почти не появляется ни в центральных газетах, ни по радио, ни в «ящике».

Потому-то в самом начале нового века так уместно бросить общий взор на развитие государственных органов по охране природы и природопользованию в нашей стране на фоне ее социально-общественных преобразований. Точкой отсчета придется взять конец 1916 года — последнего для царской России. Именно тогда Природоохранительная комиссия Российского географического общества (она возникла в 1912 г. под официальным патронажем министра государственных имуществ А.С. Ермолова, но фактическим ее руководителем был известный ботаник, академик И.П. Бородин) высказалась за создание в стране **Государственного органа по охране природы**. На памятном заседании этой Комиссии в октябре 1917 г. (буквально накануне знаменитого «переворота») был официально внесен законопроект о необходимости учреждения **Комиссариата по охране природы**, которому рекомендовано было придать широкие права на конфискацию частных земель в целях их особой охраны. Одновременно с этим рассматривалось «Положение о заповедниках», представленное юристом С.В. Завадским, и проект размещения заповедников в пределах России (автор — географ В.П. Семенов-Тян-Шанский, сын знаменитого путешественника).

Профессор Г.А. Кожевников уже в 1918 г., обращаясь к наркому по просвещению А.В. Луначарскому, писал о необходимости срочной организации высшего государственного органа для охраны природы. «Просвещенный большевик», этот нарком прислушивался к голосу научной общественности: в недрах наркомата по просвещению уже в 1920 г. возник сугубо ведомственный Комитет по охране природы, первым председателем коего был ботаник, проф. В.И. Талиев. Действуя лишь на общественных началах, этот орган все же играл определенную роль в природоохранном движении (подготовка так называемых ленинских декретов, создание первых советских заповедников и т. п.). Этим же Комитетом была подготовлена развернутая и хорошо обоснованная докладная записка от Наркомпроса Председателю ВЦИК М.И. Калинину «О нуждах охраны природы РСФСР»[1].

«*...Недостаточное понимание природы и недостаточное внимание к ней уже сказалось весьма печальными фактами... Из разных мест республики приходят вести об опустошении, производимом беспорядочной рубкой леса... Местами нанесен неисправимый вред естественным условиям природы. Выясняется насущная неотложная потребность в создании заповедников, которые должны быть признаны делом первостепенной государственной важности... но государство не отпускает на эти цели необходимых денежных средств*».

Документ был подписан не только А.В. Луначарским, но также наркомом здравоохранения Н. Семашко, наркомом внешней торговли Л. Красиным, наркомом продовольствия Н. Брюхановым и другими высокими чинами того времени, а также профессорами Г. Кожевниковым, С. Бутурлиным, А. Северцовым, С. Ольденбургом, А. Ферсманом и многими иными известными деятелями. Результатом было некоторое укрепление ведомственного Комитета охраны природы при Наркомпросе, председателем которого стал проф. Н.М. Кулагин, а постоянным секретарем — Ф.Ф. Шиллингер. Но с отстранением А.В. Луначарского с поста наркома дело охраны природы в Наркомпросе быстро заглохло. На фоне строительства «сталинского социализма» иначе и не могло быть. Былой Комитет по охране природы стал именоваться «Комитетом содействия освоению природных богатств» (улавливаете разницу, а также исторические аналогии с нынешней ситуацией?), журнал «Охрана природы» стал называться «Природа и социалистическое хозяйство», и вскоре все эти подразделения постепенно сошли на нет. Последние статьи Г.А. Кожевникова и Ф.Ф. Шиллингера «Еще раз о Всесоюзном органе по охране природы» прозвучали со страниц гибнущего журнала как вопли утопающих, когда корабль уже идет на дно... Правда, чудом удалось (благодаря другому «просвещенному большевику» — П.Г. Смидовичу) создать в 1933 г. Комитет по заповедникам при ВЦИК, который стал затем Главным управлением при Совете народных комиссаров РСФСР (с 1946 г. — при Совете министров). В конце 30-х гг. этот орган представил в Правительство проект создания Всесоюзного органа по охране природы при СНК СССР (ЦГА РСФСР. Ф. 358. Оп .2. Д. 248. Л. 200), данный вопрос в 1939 г. должен был рассматриваться на «высочайшем» уровне, но обсуждение не состоялось. Чья-то мощная рука отодвинула в сторону проблемы охраны природы, нашлись дела поважнее...

В послевоенные годы, в эпоху лысенковщины, термин «экология» перешел в разряд буржуазной лженауки, а само понятие «охрана природы» было, по сути, полностью заменено тезисом «брать у природы — наша задача». Природные ресурсы представлялись безграничными, так же как и силы народные, покоряющие враждебную им природу. Какие могут быть сомнения и трудности при плановом социалистическом хозяйстве? Они же решаются сами собой в процессе производства — именно в таком духе

[1] Этот весьма интересный документ полностью опубликован в журнале «Природа» (1987. № 11. С. 99–100), и поэтому здесь приведены лишь некоторые выдержки из него.

воспитывалось наше поколение, и такие идеи, действительно, овладели массами вплоть до той поры, когда, словно по мановению волшебной палочки, наша земля оказалась вовсе не «в цвету», как привыкли писать газеты, а в беде, в ядовитых отбросах и пыльных бурях. Союзные республики, начиная с Прибалтики, стали издавать законы об охране природы, в 1960 г. дошла очередь и до Российской Федерации. Сейчас мало кто помнит, как председатель Совмина РСФСР Н. Органов, завершая свой доклад по этому вопросу, говорил о предложении создать Государственный Комитет по охране природы и о тех доводах, по которым такое предложение отклонено. Мне рассказывали, что разговор на эту тему в Правительстве звучал примерно так:

«— Чем же будет заниматься этот Комитет?

— Ну, он будет решать важные проблемы: ставить ли новую ГЭС, строить ли и где новые заводы...

— Нет уж, такие важные вопросы решает само правительство. Есть у нас, слава Богу, Госплан, обойдемся без Комитета!»

Позднее, когда прозвучали правительственные постановления — сперва просто об охране природы, потом об усилении этой охраны, — перед экологами открыли фронт работ, вручив им в утешение Красные книги, которые тут же стали плодиться, словно кролики, для читателей всех уровней — от детских садов до университетов (польза от этого была только что в форме гонорара авторам, да еще браконьерам, охочим до сведений о редких видах).

Руководство делом охраны природы официально было возложено на... Министерство сельского хозяйства СССР, которое, между прочим, при наличии своего ведомственного Института охраны природы, за долгие годы не создало ни единого заповедника — для своей системы оно отбирало их у республиканских ведомств... Начальный принцип «что имеем, то и охраняем», по существу, был заменен лицемерным призывом «что охраняем, то и употребляем». И только в конце 80-х гг., когда в самом деле «экология взяла нас за горло» (слова М. Горбачева), грянуло столь долгожданное Постановление ЦК КПСС и Правительства СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», в соответствии с чем были созданы Комитеты по охране природы СССР и союзных республик.

Но на дворе был уже 1988 г., считанное время оставалось до распада СССР. Первым председателем союзной Госкомприроды стал Герой соцтруда Ф. Моргун, в сотрудники к нему устремились всевозможные партийные отставники, превратившие Комитет в некую «тихую гавань». Попытался изменить ситуацию профессор Н.Н. Воронцов, подлинный ученый, радетель охраны природы и заповедного дела, но ему был отпущен судьбой на это слишком короткий срок... Его преемнику по Комитету (ранее преобразованному в Министерство природопользования и охраны окружающей среды) Российской Федерации, проф. В.И. Данилову-Данильяну, удалось продержаться на своем посту значительно дольше, претерпев еще несколько ведомственных преобразований (из Министерства обратно в Госкомитет). В этой структуре довольно активно функционировал Департамент заповедного дела под руководством В.Б. Степаницкого при кураторстве А.М. Амирханова. За 1992–1999 гг. сделано немало: существенно расширилась сеть госзаповедников (учреждено более 20 новых резерватов, в том числе наиболее обширных по площади), укрепилась правовая база ООПТ, прежде всего в связи с федеральным законом, принятым в 1995 г., и подзаконными актами, возросла роль инспекций по охране природы, повысился уровень текущей информации. Этот управленческий «заповедный блок» удалось сохранить даже после указа Президента В.В. Путина в мае 2000 г. об упразднении Госкомэкологии и Рослесхоза, функции которых были переданы ранее неприметному Министерству природных ресурсов, возникшему на базе прежних геологических и водных ведомств.

Министр Б.А. Яцкевич, геолог-прагматик, надо сказать, встретил новичков довольно приветливо, вроде бы помог на первых порах материально, подал надежду на оживление природоохранного дела в новых условиях. Но в соответствии с законами «перестройки вечной» сменилось не только руководство Министерства, но и вся его структура, вплоть до кадровой. Уход опытного руководителя заповедным делом В.Б. Степаницкого весьма и весьма показателен.

Стиль руководства нового министра В.Г. Артюхова заставляет нас вспомнить о самых тяжелых для дела охраны природы временах недавнего прошлого, когда судьба заповедников зависела от личных взглядов отдельных власть имущих лиц. Все это прежде всего есть свидетельство крайне низкого уровня экологической культуры общества вообще и руководящих его слоев в особенности. В газете «Заповедный вестник» (2001. № 12) интервью В.Б. Степаницкого, объясняющего причины его ухода, соседствует со статьей В.Е. Борейко о разгроме заповедной системы в 1951 г. Говорят, что история повторяется дважды — первый раз как драма, второй — в виде фарса. В мрачные годы сталинско-лысенковского мракобесия тогдашний руководитель заповедного дела В.Н. Макаров строил свое здание (расширял заповедную систему) буквально на песке, оно было явно обречено. Сейчас время иное, однако именно «заповедным» руководством (а не верховной властью) был сформулирован столь же самоубийственный, сколь и принципиально ошибочный тезис об архаичных традиционных основах нашего заповедного дела, якобы не соответствующего современным запросам социума. Заповедники несомненно могли сохраняться, оставаясь «всего лишь» лабораториями природы и священными пространствами «от людей для людей».

Но наши ведущие деятели (В.Б. Степаницкий, Н.Р. Данилина, В.В. Дёжкин и др.) решительно взяли курс на то, чтобы волевым путем достичь соответствия заповедников запросам социума, вписать их в общество путем «смены приоритетов», замены примата науки экопросвещением и экотуризмом, курсом на «конвергенцию» национальных парков и заповедников («от науки и запретов — к просвещению, туризму и Маршам парков»). В результате сейчас уже не нужно ликвидации системы заповедников — она перерождается и гибнет сама собой под радостные звуки маршей и в блеске экотуристских костров, ибо происходит своего рода «раззаповедование», утрата традиционных основ и тех идеалов, без которых не может быть ни заповедников, ни подлинной охраны природы. И это явление даже страшнее событий 1951 года.

*3.3.3. «Но надежда все поет вдали...»**

Эволюция заповедного дела в России прошла длительный и сложный путь. Однако было бы наивным гордиться наличием примерно сотни заповедников и сорока национальных парков при значительной их общей площади, приближающейся к 40 млн. га. Почти на всем протяжении XX века мы создавали заповедники в первую очередь не там, где они нужнее всего, а там, где удавалось это сделать... Каковы же были основные этапы развития заповедной системы нашей страны в уходящем веке?

Начало XX века (1900–1917)

Если говорить о Российской империи, то история наших заповедников берет начало в XIX веке, причем преимущественно на территории современной Украины («Аскания-Нова»; Деркульский стационар и другие заповедные участки, заложенные В.В. Докучаевым). В начале XX века возникают своеобразные заповедные стационары или биостан-

* Охрана дикой природы. 2000. № 1–2 (16–17). С. 73–76.

ции — сначала в Прибалтике («Вайка», «Морицсала»), затем и в России (например, степной заповедник графини Паниной за Валуйками, «Кедровая падь» в Приморье и некоторые другие). Одновременно появляются охотничьи заповедники для охраны ценных пушных зверей, прежде всего — соболя. Первым из них следует считать Кроноцкий на Камчатке, заложенный еще в прошлом веке, затем — Китойский (1914) и Саянский (1915) в Иркутской губернии. Но создание лишь одного из них — Баргузинского, в самом конце 1916 г. было официально оформлено на правительственном уровне, поэтому он является не только старейшим, но и единственным государственным заповедником царской России. К сожалению, не воплотился в жизнь хорошо подготовленный проект создания заповедника для охраны зубров на Северном Кавказе. Поэтому хронологически вторым заповедником стал Крымский, созданный Временным правительством летом 1917 г. на месте бывшей императорской охоты (после свержения монархии, но до октябрьского переворота). Кроме того, в этот период (до 1917 г.) усилиями Природоохранной Комиссии Русского географического общества были обследованы и намечены отдельные участки для некоторых будущих заповедников (в дельте Волги и др.). Юрист С.В. Завадский разработал первое и очень подробное «Положение о заповедниках», а В.П. Семенов-Тян-Шанский — проект географической сети «заповедников типа национальных парков». Понятия «национальный парк» и «заповедник» рассматривались как синонимы.

Сеть советских заповедников (1918–1932)

Формировавшаяся в первой половине XX века сеть советских заповедников находилась в подчинении Народного комиссариата по просвещению. Это заповедники — Астраханский (1919), Пензенский (1919), Косинский (1921), Ильменский (1920), Кавказский (1920), Средне-Волжский (Жигулевский, 1927), Печоро-Илычский (1930), Башкирский (1930), Центрально-Лесной (1931), Алтайский (1932), «Бузулукский бор» (1932). В системе Наркомзема РСФСР и других охотхозяйственных ведомств действовали Баргузинский, Воронежский (1923), Кондо-Сосьвинский (1929), Лапландский (1930), Кандалакшский (1932) заповедники. К «местным» относились «Столбы», «Лес на Ворскле», «Галичья гора» (все — 1925), Троицкий (1927), «Кивач» (1931), Супутинский (1932). На этом этапе заповедники были заметной частью развивающейся советской научной системы.

Организация Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК (1933–1940)

Сеть заповедников активно развивается, созданы новые резерваты: Клязьминский, «Тульские засеки», Сихотэ-Алинский, Центрально-Черноземный, Окский, Хоперский (все — 1935 г.), Мордовский и Тебердинский (1936), «Семь островов» (1938), Саянский (1939), Судзухинский, ныне Лазовский (1940), намечены Керженский, Московский, Дарвинский. Переданы в систему Комитета (Главка) Баргузинский, Кондо-Сосьвинский и Воронежский заповедники. Довольно интенсивно работает Ученый совет при Главке, привлекая к работе заповедников многих видных ученых из Академии наук СССР и различных вузов. В этот же период перед заповедниками помимо прежних научных ставятся сугубо прагматические задачи по акклиматизации животных и растений, организации туризма и т.п. (предложения по созданию национальных парков были, но не осуществлены). Бурно развивается сеть охотничьих заказников.

Военное время (1941–1949)

Деятельность заповедников протекает сначала в экстремальных условиях военного времени или восстановительного периода, некоторые из них оккупированы, во многих

ведутся рубки леса, различные разработки, прокладка новых трасс. Однако заповедная сеть продолжает расширяться, созданы заново: «Предуралье» и «Кунгурская ледяная пещера» (1943), Московский на пяти участках (1945, три года спустя каждый из них становится самостоятельным), Дарвинский (1945), «Висим» и «Денежкин камень» (1946), Читинский (1948), Северо- и Южно-Сахалинский (1948). На Новой Земле создан филиал заповедника «Семь островов». Принято постановление об организации трех заповедников в Якутии (вскоре отменено). В конце периода научная тематика пересматривается в свете решений сессии ВАСХНИЛ 1948 г., а общая ситуация в сфере заповедного дела резко ухудшается.

«Реорганизация» заповедной системы (1950–1954)

Краткосрочный пятый этап протекает на фоне серьезных ведомственных преобразований (ликвидация республиканских главков и создание единого союзного, который существовал менее трех лет). Происходит «реорганизация» заповедной системы, в результате чего из 47 заповедников РСФСР общей пл. 11,7 млн. га сохраняются 20 при общей их площади в 0,8 млн. га. Официально изменяются принципы и задачи заповедного дела, которое переориентируется в «интересах сельского, лесного и охотничьего хозяйства». Эти негативные изменения встречают осуждение не только научной общественности, но и местных органов власти.

Частичное восстановление системы заповедников (1955–1963)

Управление заповедным делом в РСФСР переходит к Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР (Главохота РСФСР), которое вместе с Комиссией по заповедникам Академии наук СССР (создана в 1952 г. по инициативе В.Н. Сукачева и А.Н. Формозова) постепенно приступает к частичному восстановлению разрушенной прежней системы. В конце 50-х гг. восстанавливаются Башкирский, Алтайский, Судзухинский, Лапландский заповедники, расширяются площади Баргузинского и ряда других. Впервые за десятилетие создается новый заповедник Волжско-Камский (1960). Однако в 1961 г. происходят новые потрясения и новые уроны (упразднен «Денежкин камень», вновь ликвидированы Алтайский и Кроноцкий, ряд других заповедников объединены или сокращены по площади). Научная тематика увязывается с конкретными практическими вопросами. Госплан СССР получает право накладывать «вето» на создание новых заповедников. Вопреки всему этому Академия наук СССР создает в 1963 г. на Дальнем Востоке четыре новых «пригородных» заповедника (Большехехцирский, Зейский, Комсомольский и Хинганский). С конца 50-х гг. развивается сеть республиканских (РСФСР) охотничьих и комплексных заказников.

Новое могучее ведомство (1964–1975)

В этот период возникает Главное управление по охране природы, заповедникам, лесному и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР (Главприрода МСХ СССР). Это могучее в то время ведомство получает в свое подчинение 13 заповедников (в том числе 9 — РСФСР) и берет на себя ответственность за охрану природы и заповедное дело. Вкладывая в «свои» заповедники большие средства, Главприрода использует их для хозяйственных целей (отловы животных, отстрел в целях «регуляции численности» и т. п.), что осуждается научной общественностью. В системе Главохоты РСФСР восстановлены Алтайский, Кроноцкий и Лапландский заповедники, создано еще несколько новых: Северо-Осетинский (1967), Марийский (1967, зак-

рыт в 1973-м), Байкальский (1969), Висимский (1971), Сохондинский (1973), Пинежский (1974). В системе Минвузов восстановлены заповедники «Лес на Ворскле» и «Галичья гора». Разворачиваются плановые работы по проектированию новых заповедников в РСФСР (ЦПИЭ и ЦНИЛ Главохоты РСФСР). В Прибалтике создаются первые национальные парки («Лахемаа», «Гауя» и др.).

Сеть заповедников стремительно растет (1976–1985)

С развитием экологического кризиса и усилением внимания государства к проблемам охраны природы сеть заповедников РСФСР увеличивается растущими темпами, их проектирование осуществляют Центральная и Западно-Сибирская проектно-изыскательские экспедиции в сотрудничестве с научными и местными организациями. За эти 10 лет создано 15 заповедников (преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке), их общая площадь составляет более 12 млн. га, превышая показатели 1951 г. Часть существующих заповедников получает статус «биосферных» (хотя понятие биосферного резервата принципиально отличается от наших заповедников). Развивается теория заповедного дела (работы Ю.Н. Куражсковского, А.М. Краснитского, А.А. Насимовича, Ю.А. Исакова, Н.Ф. Реймерса, К.П. Филонова, Ю.Г. Пузаченко, А.А. Тишкова и ряда других авторов). Возрождается Комиссия по заповедному делу Академии наук СССР. Утверждаются «Типовые положения» о различных категориях ООПТ, подготовлены Генеральные схемы их развития в стране и отдельных ее регионах. Резко возрастает число республиканских и местных заказников. Возникают первые национальные парки в РСФСР (Сочинский, «Лосиный остров» и др.).

Рост заповедной сети продолжается (1986–1991)

В годы «перестройки», особенно после создания союзного и республиканского (РСФСР) Государственных комитетов по охране природы (1988), действовавший в стране сложный порядок учреждения новых заповедников существенно упрощается, система их проектирования хорошо разработана, поэтому процесс роста заповедной сети идет ускоряющимися темпами, независимо от ведомственных преобразований. В этот период также создано 15 заповедников, общая их площадь превысила 25 млн. га. Руководство заповедниками сосредотачивается в специальных государственных органах (Комитетах охраны природы). Вместе с тем, происходит определенная «девальвация» понятия заповедности, существенно ослабевает прежняя роль Академии наук СССР как координатора научной работы заповедной системы. Закон «Об охране окружающей среды» 1991 г. не учитывает ее специфики. В конце периода резко сокращается плановое государственное финансирование заповедников и других типов ООПТ. Продолжается рост системы национальных парков лесного ведомства.

От подъема к депрессии (1992–2000)

Первый период этапа (1992–1995) характеризуется максимальным ростом заповедной сети (появилось 18 новых заповедников общей площадью более 10 млн. га, включая такие гиганты, как Большой Арктический и Командорский). После 1995 г. из-за кризиса экономики страны организация новых заповедников практически прекращена (созданные в 1996 г. не имеют постоянного штата). Управление заповедниками РФ (за небольшими исключениями) осуществляется одним ведомством (Минэкологии, Госкомэкологии), имеющим в своей структуре специальное подразделение. Дальнейшее сокращение государственного финансирования заставляет заповедники и национальные

парки искать нетрадиционные способы самообеспечения и выживания, в частности, за счет благотворительной поддержки иностранных (реже — отечественных) организаций. Это содействует негативному процессу сближения («конвергенции») заповедников и национальных парков, этих принципиально различных по своим задачам и статусу учреждений. Закон «Об охраняемых природных территориях» (1995) несколько облегчает их деятельность, несмотря на заложенные в этом законе существенные недостатки. Основное внимание в работе заповедной системы переключается от научной деятельности на экологическое просвещение, связанное с возможностями дополнительного финансирования (издается ряд официальных пособий на эти темы).

Продолжается, хотя и медленными темпами, расширение сети национальных парков, остающихся в системе Рослесхоза и подчас не выполняющих своих основных функций. Республиканские заказники сохраняются только в Госкомэкологии, тогда как остальные по сути спускаются на уровень «местных» (финансируются органами охотничьего хозяйства). Выделяются участки Всемирного культурного и природного наследия (Байкал, Камчатка, леса Коми, западный Кавказ). Для этого этапа характерно резкое повышение уровня информатики, появление специализированных массовых изданий (газет, бюллетеней и т. д.), а также активизация деятельности в России зарубежных природоохранных благотворительных фондов. Усилия науки сосредотачиваются на проблемах «устойчивого развития» и «биоразнообразия». Выдвигаются новые концепции развития *системы ООПТ,* первоначально разработанные в 80-х гг. Н.Ф. Реймерсом. Возрастает количество различных форм ООПТ при снижении их природоохранной роли.

Подведем некоторые итоги. Нет прежних заповедников в Подмосковье (из 7 сохранился 1), в сибирской лесостепи (Барабинского и Таволжанского, предложенных очень давно), нет заповедника «Шайтан-Тау», в среднерусских дубравах (Теллермановский лес и др.), нет их на всех арктических островах, кроме О. Врангеля, намечавшихся с давних пор в Якутии и на Ямале, не удалось восстановить былые заповедники «Тульские засеки», «Бузулукский бор», Клязьминский... Этот печальный перечень очень длинен! Но более всего должны нас тревожить тенденции отхода от классических отечественных основ заповедного дела, тенденции «смены приоритетов» в деятельности заповедников, их отход от научных исследований, придание им новых, сугубо чужеродных функций, заимствованных со стороны. Мы объясняем это общей организационной слабостью нашей экологической науки (в частности, в академической системе), неудачами ученых, в свое время потерпевших жестокие поражения в деле охраны природы (фактическая гибель Волги, Байкала, катастрофа в Чернобыле и др.). Одним из печальных результатов был тот факт, что научное управление заповедным делом перешло из рук подлинных ученых (надо вспомнить составы Ученых советов Комитета по заповедникам в 30–40-е гг., куда входили едва ли не все выдающиеся натуралисты XX века: Сукачев, Формозов, Дементьев, Ферсман, Алехин и др.) к молодым энтузиастам, своего рода «ревизионистам», критически настроенным как по отношению к науке вообще, так и к научной деятельности заповедников в особенности. Это поколение очень энергичных и деятельных людей, стремящихся к самоутверждению, но склонных упрощать сложные ситуации и находить из них выходы простейшими средствами. Все это грозит окончательной утратой самого понятия подлинной заповедности, основанного на одном-единственном принципе «неприкосновенности», провозглашенном Докучаевым более ста лет назад, отвергнутом в годы строительства «сталинского социализма», но бережно сберегаемом подлинными энтузиастами на протяжении всего нашего страшного века. История свидетельствует, что между начальным (1910—1920) и современным его периодами очень много общего (неустойчивость систем управления, частые

их смены, материальные трудности и т. п.). Но существенное различие в том, что *тогда* на защиту природы вставали люди из поколений конца XIX века, которые могли поставить на службу отечеству свои убеждения, знания и опыт. Перед этой праведной нравственной силой отступали все формы зла — и «белые», и «красные». Увы, поколение, воспитанное сталинско-брежневской эпохой, такой силой не обладает. Поэтому судьба наших заповедников, к сожалению, сегодня непредсказуема. «**Но надежда все поет вдали...**»

Сокращения

Агропромиздат — Гос. (союзное) изд-во литературы по сельскому хозяйству (ранее «Колос», см. также *Россельхозиздат*), Москва
АзССР (Азербайджан) — Азербайджанская ССР
АМГУ — Архив Московского государственного университета, Москва
АН СССР — Академия наук СССР, Москва
АРАН — Архив Российской академии наук, Москва, СПБ
АРГО — Архив Русского (Российского) географического общества СПБ, Москва
АрмССР (Армения) — Армянская ССР
БелССР (Белоруссия) — Белорусская ССР
бот. — ботанический (я, е)
БСЭ — Большая советская энциклопедия
бюлл. — бюллетень
ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР, Москва
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, Москва (в настоящее время — *РАСХН*)
ВЗИПСХ — Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства (Балашиха Московской обл.), позднее — *МПМИ*
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНИИПрирода — Всесоюзный (Всероссийский) научно-исследовательский институт охраны природы (и заповедного дела) (Минсельхоза СССР, Минприроды РФ), Москва (Знаменское-Садки)
В/О — Всесоюзное объединение
ВООП — Всероссийское общество охраны природы, Москва
ВПК — Военно-промышленный комплекс
врио — временно исполняющий обязанности
ВС — Верховный Совет (СССР, РСФСР)
Всекохотсоюз — Всероссийский кооперативный союз охотников
Всеобуч — Всеобщее обучение
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства, Москва
ВСПИЭ — Восточно-Сибирская проектно-изыскательская экспедиция Главохоты РСФСР (Хабаровск)
ВСХВ (ВДНХ) — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (Выставка достижений народного хозяйства)
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет, Москва
ВЦСПС — Всесоюзный центральный Совет профессиональных Союзов
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГД — Государственная дума (нижняя палата Совета Федерации)
ГКНТ — Государственный комитет СССР по науке и технике, Москва
ГИЗ — Государственное издательство
Главк — Главное управление (в составе министерства или при высшем органе власти)
Главлесоохрана — Главное управление лесоохраны и лесонасаждений
Главлесхоз — Главное управление лесного хозяйства
Главмузей — Главное музейное управление Наркомпроса, Москва
Главнаука — Главное управление научными, художественными, музейными и по охране природы учреждениями Наркомпроса РСФСР (Москва)
Главохота РСФСР — Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР (Москва)

Главприрода МСХ СССР — Главное управление по охране природы, заповедникам, охотничьему и лесному хозяйству Минсельхоза СССР, Москва
ГО СССР — Географическое общество СССР
гос. — государственный (ая, ые)
Госагропром — Государственный агропромышленный комитет СССР
Госзаповедник — государственный заповедник
Госкомгидромет — Государственный комитет СССР по гидрометеорологии и контролю за окружающей средой
Госкомиздат — Государственный комитет (СССР, РСФСР) по печати, полиграфии и книжной торговле
Госкомитет — Государственный комитет
Госкомприрода — Государственный комитет (СССР, РСФСР) по охране природы, Москва (Гос. комитет по экологии и природопользованию РФ)
Госкомстат — Государственный комитет (СССР, РФ) по статистике
Госкомтруд — Государственный комитет СССР по труду и зарплате
Госкомснаб — Государственный комитет по снабжению (СССР, РСФСР)
Госстрой — Государственный комитет по строительству (СССР, РСФСР)
Гослескомитет — Государственный комитет СССР по лесному хозяйству
Гослесоохотхозяйство — Государственное лесоохотничье хозяйство
Госплан — Государственный плановый комитет правительства (СССР, РСФСР)
Госпромхоз — Государственное промыслово-охотничье хозяйство
ГПУ — Государственное политическое управление
ГрузССР (Грузия) — Грузинская ССР
ГУЗ — Главное управление по заповедникам при СНК (СМ) РСФСР
ГЭФ — Глобальный экологический фонд
Д. — дело (в архивах — то же, что «единица хранения»)
Далькрайисполком — Дальневосточный краевой исполнительный комитет
ДВ — Дальний Восток
ДВНЦ — Дальневосточный научный центр АН СССР (РАН), Владивосток
ДВР — Дальневосточная республика (центр — Чита)
дес. — десятина
дисс. — диссертация
ДСП — для служебного пользования
Заготживсырье — Всесоюзное объединение заготовок животного сырья и пушнины Наркомата (Министерства) заготовок СССР, Москва
зам. — заместитель
зампред. — заместитель председателя
зап. — записки
зап-к (зап-ник) — заповедник
зоол. — зоологический (ая)
ЗСПИЭ — Западно-сибирская проектно-изыскательская экспедиция Главохоты РСФСР, Новосибирск
ИГАН — Институт географии АН СССР (РАН), Москва
изв. — известия
изд. (изд-во, издат.) — издательство, издательский
Имп. — Императорский (-я, -е)
ИРГО — Императорское русское географическое общество, СПБ
ИПЭЭ — Институт проблем эволюции и экологии им. А Н. Северцова РАН (ранее *ИЭМЭЖ*)
ИЭМЭЖ — Институт эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Се-

верцова АН СССР (РАН), Москва (в настоящее время — Институт проблем экологии и эволюции — *ИПЭЭ* РАН, ранее — Институт морфологии животных АН СССР)
КазССР (Казахстан) — Казахская ССР
КГЗ — Кавказский гос. заповедник
КиргССР (Киргизия) — Киргизская ССР
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза (ранее ВКП/б/)
Л. — лист, Ленинград
ЛатвССР (Латвия) — Латвийская ССР
ЛГУ — Ленинградский гос. университет
Лесхоз — Лесное хозяйство (учреждение)
ЛитССР (Литва) — Литовская ССР
МАБ — Долгосрочная программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (Man and Biosphere)
МБП — Международная биологическая программа (предшествовала МАБ)
МВД — Министерство внутренних дел, Москва
МГК — *Мингосконтроль*
МГУ — Московский государственный университет
метод. — методический (ая, ое)
Минводхоз — Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР
Мингосконтроль — Министерство гос. контроля (СССР, РСФСР)
Минлеспром — Министерство лесной промышленности СССР
Минлесхоз — Министерство лесного хозяйства (СССР, РСФСР)
Минприрода СССР — Министерство природопользования и охраны окружающей среды СССР, Москва
Минприрода РФ — Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации, Москва
Минсельхоз (СССР, РСФСР) — Министерство сельского хозяйства
Минсельхозаг — Министерство сельского хозяйства и заготовок (СССР), Москва
Минобороны — Министерство обороны СССР, РФ
Минсельхозпрод РФ — Министерство сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации, Москва
Минфин — Министерство финансов (СССР, РСФСР), Москва
Минэкология РФ — Министерство экологии и природных ресурсов Российской Федерации, Москва
МОИП — Московское общество испытателей природы
Мосгубсовнархоз — Московский губернский совет народного хозяйства
МП — Минприрода (СССР, РФ)
МПМИ — Московский пушно-меховой институт (Балашиха, Московской области), ранее — *ВЗИПСХ*
МСОП — Международный союз охраны природы
МСХ — Министерство сельского хозяйства
Наркомвнешторг — Народный комиссариат внешней торговли, Москва
Наркомзаг — Народный комиссариат заготовок, Москва
Наркомзем — Народный комиссариат земледелия, Москва
Наркомлес — Народный комиссариат лесной промышленности, Москва
Наркомпрос — Народный комиссариат по просвещению, Москва
Наркомснаб — Народный комиссариат по снабжению, Москва
нац. — национальный (Нацпарк — национальный парк)
НИИ — научно-исследовательский институт
НИР — научно-исследовательская работа
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел, Москва

НКВТ — см. *Наркомвнешторг*
НКЗ — см. *Наркомзем*
НКП — см. *Наркомпрос*
НМБ — научно-методическое бюро
НМЗ — научно-методические записки Комитета по заповедникам при ВЦИК (Главного управления по зап-кам при СНК /СМ/ РСФСР)
НС — Научный совет
НТИ (ОНТИ) — Отдел научно-технической информации
НТС — Научно-технический совет
НЭП — новая экономическая политика
об. — оборот
об-во — общество
обком — областной комитет ВКП(б) (КПСС)
обл. — область (областной, ая, ое)
облисполком — областной исполнительный комитет Облсовета
облсовет — областной Совет депутатов трудящихся
ООН — Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк
ООПТ — особо охраняемые природные территории
ОП — охрана природы
ОПТ — охраняемые природные территории
оргтруппа — организационная группа
отд. — отдел (отделение)
охотн. — охотничий (-ья, -ье)
Охотпромуправление — Управление охотничье-промыслового хозяйства
охотхозяйство — охотничье хозяйство (учреждение)
Птг. — Петроград (С.-Петербург, Ленинград)
ПЗФ — Природно-заповедный фонд
пл. — площадь
пред. — председатель
прил. — приложение
пром. — промышленность
РАН — Российская академия наук, Москва
РАЕН — Российская академия естественных наук, Москва
райисполком — районный исполнительный комитет
райком — Ррайонный комитет ВКП(б) (КПСС)
РАСХН — Российская академия сельскохозяйственных наук (б. ВАСХНИЛ)
РГАЭ — Российский государственный архив экономики, Москва
РГО — Русское (Российское) географическое общество, СПБ, Москва
ред. — редакция, редактор
Росгипролесхоз — см. *Союзгипролесхоз*
Россельхозиздат — Российское (РСФСР) гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, Москва
р. п. — рабочий поселок
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ — Российская Федерация (Россия)
РЦХиИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (б. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС)
с. — страница
сб. — сборник
сельхозотдел — сельскохозяйственный отдел

СМ — Совет министров (СССР, РСФСР)
СНК — Совнарком (СССР, РСФСР)
СО АН СССР — Сибирское отделение АН СССР, Новосибирск
сов. — советский
Совмин — Совет министров (СССР, РСФСР)
Совнарком — Совет Народных Комиссаров (СССР, РСФСР)
сост. — составитель
соч. — сочинения
соц. (социал.) — социалистический (ая, ое)
СоЭС — Социально-экологический союз, Москва
Союзгипролесхоз — Всесоюзный гос. проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт лесного хозяйства, Москва (в настоящее время — *Росгипролесхоз*)
Союзлеспром — Всесоюзное объединение лесной промышленности Наркомлеса СССР
Союзпушнина — Всесоюзное объединение заготовок пушнины НКВТ (позднее — Союззаготпушнина Наркомзага, затем В/О Заготживсырье)
СПБ (СПб) — Санкт-Петербург (Ленинград)
СПГУ — Санкт-Петербургский университет
СП СССР — Собрание постановлений правительства СССР
ССР — Советская Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТаджССР (Таджикистан) — Таджикская ССР
ТГУ — Томский государственный университет
ТерКСОП — Территориальная комплексная схема охраны природы
ТуркССР (Туркмения) — Туркменская ССР
ТЭУ — Туристско-экскурсионное управление
УНЦ — Уральский научный центр РАН, Екатеринбург
ФАО — Продовольственная и сельскохозяйственная программа ООН
ХМГА — Ханты-Мансийский государственный (окружной) архив
ЦБК — целлюлозно-бумажный комбинат
Центрохота — Центральное управление по делам охоты в структуре Наркомзема РСФСР, Москва
ЦИК — Центральный исполнительный комитет СССР
ЦЛЗ — Центрально-Лесной заповедник
цит. — цитирование, цитата
ЦЛОП (ЦНИЛОП) — Центральная (научно-исследовательская) лаборатория Главприроды МСХ СССР (Москва)
ЦНИЛ — Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников (Главохоты РСФСР, Минсельхозпрода РФ), Москва
ЦПИЭ — Центральная проектно-изыскательская экспедиция Главохоты РСФСР (Минсельхозпрода РФ), Москва
ЦОДП — Благотворительный фонд «Центр охраны дикой природы», Москва
ЦСУ — Центральное статистическое управление (СССР, РСФСР)
ЮНЕП — Программа ООН по окружающей среде
ЮНЕСКО — Организация ООН по вопросам образования, науки, культуры
ЭстССР (Эстония) — Эстонская ССР
ISAR — Независимый американский благотворительный фонд
WWF — World Wide Fund for Nature — Всемирный фонд дикой природы

Литература

Абалкин Л. Прелюдия // Моск. правда, газ. 1995, 22 марта.

Абуков А. Х. Туризм сегодня и завтра. М.: Профиздат, 1978.

Агаронян Ж. А., Таманян К. Г., Файвуш Г. М. Дилижанский заповедник // Заповедники Кавказа. М.: Мысль, 1990.

Адольф Т. А. и др. Заповедными тропами. М.: Просвещение, 1980–1988.

Акатов В. В., Голгофская К. Ю. и др. Кавказский заповедник // Заповедники Кавказа. М.: Мысль, 1990.

Акодус Я., Зарубин А. Через Кавказский государственный заповедник. Путеводитель. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930.

Александров Ю. Москва заповедная. М.: Моск. правда, 1991.

Александрова А. Ю. Экономика и организация заповедников и национальных парков. Центр. рекламно-информ. бюро «Турист», 1991.

Алексеева Л. В. Особенности организационно-экономической структуры заповедников и задачи ее совершенствования // Актуальные вопросы заповедного дела. Сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. М., 1988. С. 40–63.

Алексеева Л. В., Зыков К. Д. Современное состояние и оптимизация штатов заповедников // Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. М.: ЦНИЛ Главохоты, 1981.

Алексеева Л. В., Зыков К. Д. Материально-техническое обеспечение деятельности заповедников / / Природные охраняемые территории. 1981а. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. № 570).

Алексеева Л. В., Нухимовская Ю. Д., Реймерс Н. Ф. Особо охраняемые природные территории: реальность, проблемы и перспективы // Природа. 1983. № 8. С. 34–43.

Алехин В. В. Лотаревская степь в Усманском уезде Тамбовской губернии в б. имении кн. Вяземского // Дневник I Всерос. съезда рус. ботаников в Петрограде в 1921 г. Пг., 1921. № 4.

Андреев Н. Б. Сюнт-Хасардагский заповедник как региональный научно-исследовательский центр охраны природы // Проблемы освоения пустынь. 1985. № 4.

Архипов С. С. Об организации заповедного хозяйства // Науч.-метод. зап. Ком. по заповедникам. М., 1938. Вып. 1.

Архипов С. С. Формы заповедного хозяйства // Науч.-метод. зап. Ком. по заповедникам. М., 1939. Вып. 2.

Архипова Н. П. Заповедные места Свердловской области. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1984.

Арциховский В. Об организации на Дону степных заповедников и научной станции при них // Докл. общему собр. Новочеркас. отд-ния Рус. бот. о-ва 18 декабря 1918 г. Новочеркасск, 1919.

Астафьев В. П. Вечно живи, речка Виви // Собр. соч. Т. 12. Красноярск: Офсет, 1998.

Ахломов А. И мой гербарий одинокий... или больные вопросы заповедных территорий // Ленинец, газ. Уфа, 1995, янв. № 5.

Балаш А. П. и др. Наиболее интересные для охраны объекты растительности Ростовской области // Интродукция растений. Ростов н/Д., 1970.

Балаш А. П., Зозулин Г. М. Об охране степных участков в Ростовской области // Вопросы охраны ботанических объектов. Л., 1971.

Банников А. Г. По заповедникам Советского Союза. М.: Мысль, 1966; 1974.

Банников А. Г. Заповедники и охрана природы // Заповедники Советского Союза. М.: Колос, 1969.

Банников А. Г., Богданов Б. Н. Плановая эксплуатация природных ресурсов — важнейшая предпосылка охраны природы // Охрана природы и рациональное использование диких животных. М., 1974. (Сб. науч. тр. Моск. ветеринар. акад. Т. 72).

Банников А., Гаврин В. Охотничье хозяйство Финляндии // Охота и охотн. хоз-во. 1968. № 3.

Банников А., Криницкий В., Рашек В. Перспективы организации заповедников в СССР // Охота и охотн. хоз-во. 1974. № 9.

Барабаш-Никифоров И. И., Формозов А. Н. Териология. М.: Высш. шк., 1963.

Баришпол И. Ф., Ларина В. Г. У природы друзей миллионы. М.: Лесн. пром-сть, 1984.

Башкиров И. Кавказский зубр // Кавказский зубр. М., 1940.

Белоусов В. И. Опыт обследования соболиного промысла и промысловой охоты вообще в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской губернии. Пг., 1915. (Мат-лы к познанию рус. охотн. дела. Вып. 7).

Белоусов В. И. Соболиная тайга реки Кизир // Лесн. журн. 1917. № 7–8.

Белоусов В. И. Современное состояние Казыр-сукского заповедника Усинского пограничного района // Урал. охотник. 1926. № 3.

Берлин В. Э. Гражданин Лапландии. М.: Мысль, 1985.

Биогеоценологические основы создания природных заказников (На примере заказника «Верхняя Москва-река»). М.: Наука, 1980.

Биоразнообразие — ключевая проблема современности. Дискуссия в Президиуме РАН // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 9.

Биосферные заповедники. Тр. I сов.-амер. симп., 5–17 мая 1976 г. Л.: Гидрометеоиздат, 1977.

Биосферные заповедники. Современное состояние и перспективы развития. Тез. докл. Всесоюз. совещ. (15–18 дек. 1981 г.). Пущино, 1981.

Благосклонов К. Н., Гептнер В. Г. Ленинские принципы охраны природы // Зоол. журн. 1970. Т. 49. Вып. 9.

Благосклонов К. Н., Иноземцев А. А., Тихомиров В. Н. Охрана природы. М., 1967.

Блошенко Е. Г. Обзор деятельности Государственного междуведомственного Комитета содействия развитию природных богатств РСФСР за первое полугодие 1933 г. // Природа и соц. хоз-во. 1933. Т. 6.

Бляхер М., Тырлышкин В. Студенческий отряд «Заповедники» // Охота и охотн. хоз-во. 1979. № 7.

Борейко В. Е. Пасынок России // Уральский следопыт. 1989. № 5.

Борейко В. Е. Краеведческое движение и охрана природы (20–30-е годы) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1991. Т. 123. Вып. 3.

Борейко В. Это не должно повториться // Охота и охотн. хоз-во. 1991а. № 9.

Борейко В. Второй разгром заповедников: 1961 год // Охота и охотн. хоз-во. 1993. № 1.

Борейко В. Е. Аскания-Нова: тяжелые версты истории (1826–1993). Киев, 1994.

Борейко В. Е. Розстріляна еколоія. Київ: Вид-во газ. «Зеленый світ», 1994а.

Борейко В. Последнее письмо Ф. Шиллингера // Охота и охотн. хоз-во. 1994б. № 1.

Борейко В. Е. История заповедного дела в Украине. Киев, 1995.

Борейко В. Е. «Царские охоты»: от Владимира Мономаха до Владимира Щербицкого. Киев, 1995а.

Борейко В. Разоблачители // Охота и охотн. хоз-во. 1995б. № 2.

Борейко В. История боли и героизма // Охота и охотн. хоз-во. 1995в. № 1–12.

Борейко В. Распоряжение И. В. Сталина. 1951 год. Новые сведения о трагедии заповедников СССР // Охота и охотн. хоз-во. 1995г. № 8.

Борейко В. Заповедники как гордость нации и национальный символ // Заповедный вестн., газ. 1995д. № 4 (7).

Борейко В. Е. Неуслышанная правда. Александр Николаевич Формозов (1899–1973) // Охота и охотн. хоз-во. 1998. № 5. С. 6–7.

Борейко В. Е. Святилища дикой природы. Наброски к идеологии заповедного дела. Киев, 1998а. 112 с. (Охрана дикой природы. Вып. 8).

Борейко В. Опасные тенденции и ошибки в экопросветительской деятельности российских заповедников // Зеленый мир, газ. 2000. № 21–22. С. 26–27.

Борейко В. Е., Поминова Е. В. Зарубежные философы дикой природы. Киев, 2000. 124 с. (Охрана дикой природы. Вып. 17).

Борисов В. А. К истории становления советской системы заповедников (обзор) // Научные основы охраны природы. М., 1971. Вып. 1.

Борисов В. А., Белоусова Л. С., Винокуров А. А. Охраняемые природные территории мира. Национальные парки, заповедники, резерваты. М.: Агропромиздат, 1985. 310 с.

Бородин И. П. Охрана памятников природы // Постоянная природоохранит. комис. Рус. геогр. о-ва. Спб., 1914. № 1.

Боссэ Г. Г. Советские заповедники // Наука и жизнь. 1937. № 11.

Брызгалин Г. А., Захаров Б. А. Что такое национальные парки и для чего они учреждаются? Харьков: Союз, 1919.

Будыко М. И. Глобальная экология. М.: Мысль, 1977.

Бычков В. А. Морские заповедные акватории в Европейской части СССР и Сибири // Заповедники СССР, их настоящее, прошлое и будущее. Новгород, 1990. Ч. 1. С. 198–201.

Бычков В. А., Вишневская Т. Ю. Перспективная сеть заповедных акваторий СССР. М., 1988. Деп. в ВИНИТИ, 502.72:551.461 (47+57).

В защиту заповедников / *Боссе Г., Геккер Р., Гептнер В., Кабанов Н., Насимович А., Никольский Г., Формозов А., Черненко Н.* // Известия, газ. 1957, 6 апр.

В защиту заповедников / *Гептнер В., Исаков Ю., Кириков С., Кондратенко А., Насимович А., Формозов А., Юргенсон П., Семенов-Тян-Шанский О.* // Охота и охотн. хоз-во. 1968. № 7. С. 16–17.

Вайнер (Уинер) Д. Р. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991. 400 с.

Васильев Н. Г., Матюшкин Е. Н., Купцов Ю. В. Кроноцкий заповедник // Заповедники Дальнего Востока. М.: Мысль, 1985.

Васильев Н. Г., Матюшкин Е. Н., Купцов Ю. В. Заповедник «Кедровая падь» // Заповедники Дальнего Востока. М.: Мысль, 1985а.

Васильев Н. Г., Харкевич С. С., Шибнев Ю. С. Заповедник «Кедровая падь». М.: Лесн. пром-сть, 1984.

Васильковский А. П. Охрана природы и краеведы. Л.; М., 1927.

Васильковский А. П. Перечень участков и отдельных объектов природы, заслуживающих охраны // Краеведение. 1929. Т. 6. № 6.

Васильченко А. Учредить Даурский заповедник // Охота и охотн. хоз-во. 1986. № 3.

Васильченко А. Заповедник «Азас» в опасности // Охота и охотн. хоз-во. 1990. № 3.

Вейцман Х. С. Заповедники будущего // Природа и соц. хоз-во. 1934. Т. 7.

Вернандер Т. Б. Анализ растительности на степях б. Орловского уезда // Изв. Сев.-Черноозем. обл. с.-х. опыт. станции. Орел, 1929. Т. 3. Вып. 2.

Вершков Л. «Бесконечно далекие» делают все возможное и невозможное... // Зеленый мир, газ. 1995. № 7. С. 7.

Викулов В. Е. Режим особого природопользования (на примере озера Байкал). Новосибирск: Наука, 1982.

Вильдермет Г. О пользе выдела заказных рощ // Лесн. журн. 1837. № 9.

Виноградов В. В Дагестане нужен заповедник // Охота и охотн. хоз-во. 1971. № 9.

Виноградов Н. П., Голицын С. В. Ледниковые реликты внутри эрратики. Заметки о флоре и растительности бассейна р. Потудани // Тр. Воронеж. ун-та. 1956. Т. 36. Вып. почв.-бот.

Воинов А. Чем устойчивое развитие отличается от застейнабильного? // Спасение, газ. 1995. № 4.

Волков О. В. «Чур», заповедано! М.: Сов. Россия, 1976.

Вопросы количественного учета животных. Красноярск, 1967. (Тр. гос. зап-ка «Столбы». Вып. 6).

Вопросы обоснования размещения охраняемых природных территорий. Сб. науч. тр. М.: ВНИИПрирода, 1985.

Вопросы учета и рационального использования охотничьих животных. М.: Лесн. пром-сть, 1967. (Тр. Окского гос. зап-ка. Вып. 7).

Воробьева Ф. М. Изменчивость биологических свойств культурных растений при выращивании на разных высотах // Тр. Тебердин. гос. зап-ка. Ставрополь, 1960. Вып. 2.

Гагина Т. Н. История организации заповедника «Кузнецкий Ала-Тау» // Биоценотические исследования в заповеднике «Кузнецкий Ала-Тау». Новосибирск, 1995.

Гарновский К. В. В Кондо-Сосьвинском заповеднике (1940–1945). Шадринск, 1993.

Генеральная схема рационального размещения государственных заповедников, заказников, охотничьих, лесоохотничьих и промысловых хозяйств в РСФСР. Рукопись. ЦНИЛ и ЦПИЭ Главохоты РСФСР, 1979.

Гептнер В. Г. Инструкция по изучению фауны млекопитающих в заповедниках // Науч.-метод. зап. Гл. упр. по заповедникам. 1940. Вып. 6.

Гептнер В. Г., Благосклонов К. Н. Ленинские принципы охраны природы // Зоол. журн. 1970. № 4.

Герасимов И. П. Антропогенные преобразования природных экосистем и пути их изучения в биосферных станциях-заповедниках // Биосферные заповедники. Тр. I сов.-амер. симп. Л., 1977.

Герасимов И. П., Израэль Ю. А., Соколов В. Е. Об организации биосферных заповедников (станций) в СССР // Всесторонний анализ окружающий среды. М.: Гидрометеоиздат, 1976.

Гинецинская Т. А. Степная станция // Очерки по истории Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. СПб., 1993. (Тр. С.-Петерб. о-ва естествоиспыт. Т. 91. Вып. 1).

Гладков Н. А., Михеев А. В., Галушин В. М. Охрана природы. М., 1975.

Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. 495 с.

Голяков П. В. Флора Олекминского заповедника. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. СПб., 1997. 17 с.

Горожанкин И. Н. Материалы для флоры Московской губернии // Бюл. МОИП. 1888. Вып. 2. С. 349–372.

Горяшко А. Житие заповедных зверей и людей // Независимая газ. Круг жизни. М., 2000, 5 окт. № 16. С. 4.

Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1991 г.» // Зеленый мир, газ. 1992. № 41–42.

Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1992 г.» // Евразия. 1993. № 9 (17).

Граков Н. Реконструкция охотничье-промысловой фауны: правда и вымысел // Охота и охотн. хоз-во. 1994. № 6.

Гребенщиков О. С. Регулирование развития травяных экосистем в заповедных условиях // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 123–129.

Гусев А. А. Заповедные экосистемы. Курск, 1988.

Гусев О. Заповедники и туризм // Охота и охотн. хоз-во. 1969. № 2. С. 12–16.

Гусев О. Человек и природа: стратегия взаимоотношений // Охота и охотн. хоз-во. 1972. № 5.

Гусев О. К. Стратегия обогащения природы // Охота и охотн. хоз-во. 1975. № 2.

Гусев О., Швецов М., Крывда С. Национальные парки Америки // Охота и охотн. хоз-во. 1978. № 8.

Гусев Р. К., Петров В. В. Правовая охрана природы в СССР. М.: Высш. шк., 1979.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1863–1866.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Рус. яз., 1978.

Данилина Н. Заповедники не нужно реформировать. Их нужно сохранить // Зеленый мир, газ. 1994. № 15. С. 11.

Данилина Н. О заповедниках — без лукавства // Зеленый мир, газ. 1995. № 7. С. 6–7.

Данилина Н. Р. Заповедники на рубеже веков // Заповедные острова, газ. 2000. № 10 (35). С. 1.

Данилов В. И., Нухимовская Ю. Д., Штильмарк Ф. Р. Проблемы создания степных заповедников в РСФСР // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1983. Т. 88. Вып. 6.

Данилов В. И., Штильмарк Ф. Р. Исповедь, оплаченная жизнью // Охотничьи просторы. М., 1994. Кн. 1.

Данилов-Данильян В. И. ... // Спасение, газ. 1992, июль. № 23–24.

Даушев Д. А. Финансирование сохранения биологического разнообразия в Российской Федерации в 1994 г. // Охрана дикой природы. М.: ЦОДП, 1995. № 6–7.

Дегтярев И. В., Осипов Л. И. Земельное право и земельный кадастр. М.: Юрид. лит., 1975.

Дежкин В. В. В мире заповедной природы. М.: Сов. Россия, 1989.

Дежкин В. Время не ждет // Охота и охотн. хоз-во. 1992. № 1–2.

Дежкин В. В. Концепция развития сети особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации // Теория и практика заповедного дела. М., 1993.

Дежкин В. В. Категории и задачи охраняемых природных территорий России (к обновленной концепции заповедного дела) // Сб. науч. тр. экол. фак. Науч. тр. МНЭПУ. Сер. экологии. Вып. 1. М.: МНЭПУ, 1999. С. 126–141.

Дежкин В. В. Назойливые проблемы (к концепции заповедного дела) // Охота и охотн. хоз-во. 1999а. № 3–4.

Дежкин В. В., Алексеева Л. В., Бибикова Л. А. и др. Итоги и перспективы развития системы государственных заповедников Российской Федерации // Актуальные вопросы заповедного дела. Сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. М, 1988. С. 9–23.

Дежкин В., Максимук А., Алексеева Л., Фельдман М. А заповедники все-таки создаются // Охота и охотн. хоз-во. 1995. № 4.

Дежкин В. В., Нухимовская Ю. Д., Кревер В. Г. Заповедники и другие особо охраняемые природные территории СССР. Обзорная информ. М., 1985.

Дежкин В. В., Пузаченко Ю. Г. Концепция системы особо охраняемых природных территорий (авторская версия). М.: ВВФ, 1999. 66 с.

Дежкин В. В., Снакин В. В. Заповедное дело. Толковый терминол. слов.-справ. с коммент. М.: НИА-Природа, 2003. 307 с.

Декреты, инструкции и распоряжения Наркомпроса по охране природы. М.; Л.: Главнаука, Госиздат, 1929.

Дементьев Г. П. Деятельность Комиссии по охране природы АН СССР за первый год ее существования // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1957. Вып. 2.

Дементьев Г. П. Василий Никитич Макаров (некролог) // Охрана природы и заповедное дело в СССР. М., 1958. Вып. 3.

Дитмар Б. П. Охрана природы в России (исторический обзор) // Охрана природы. 1928. № 5.

Дневник съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 по 6 января 1910 г. М., 1910. Отд. 2. № 4.

Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь // Избр. соч. Спб., 1892. Т. 2.

Докучаев В. В. Труды экспедиции, снаряженной Лесным департаментом под руководством профессора Докучаева. СПб., 1895.

Докучаев В. В. Сочинения. М.; Л., 1947–1961. Т. 1–8.

Доппельмаир Г. Г. Об охотничьих заповедниках в России // Ежегодник Всерос. союза охотников. 1922.

Доппельмаир Г. Г. Краткий исторический очерк работ Баргузинской экспедиции и организация заповедника // Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала. Мат-лы Баргузин. эксп. Г.Г. Доппельмаира 1914–1915 гг. Верхнеудинск; Ленинград, 1926.

Дорст Ж. До того, как умрет природа. М., 1968. 415 с.

Дрогобыч Н. Е., Семенова-Тян-Шанская А. М. История ботанических исследований в заповедной степи Аскания-Нова (к столетию заповедника) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1988. Т. 93. Вып. 3.

Дулькейт Г. Д. Вопросы экологии и количественного учета соболя. М., 1957.

Дулькейт Г. Д. Охотничья фауна, вопросы и методы оценки производительности охотничьих угодий Алтае-Саянской горной тайги. Красноярск, 1964. (Тр. гос. зап-ка «Столбы». Вып. 4).

Егоров О. А. Анатолий Алексеевич Силантьев. М.: Агропромиздат, 1990.

Егоров О. А. Один из первых русских охотоведов // Охота и охотн. хоз-во. 1994. № 7. С. 8–10.

Емельянова В. Г. Законодательство о заповедниках, заказниках, памятниках природы. М.: Юрид. лит., 1971.

Емельянова В. Г. Охрана заповедников, заказников, памятников природы. М.: Юрид. лит., 1975.

Жарков И. В. Простейшие наблюдения в природе (пособие для наблюдателей заповедников). М., 1954.

Железнов Н. К., Васьковский А. П. Природоохранные территории Крайнего Северо-Востока СССР. Владивосток, 1987.

Житков Б. М. О промысле и охране птиц в дельте Волги. СПб., 1914. (Мат-лы к познанию рус. охотн. дела. Вып. 4).

Жуков Б. «Все хорошо, товарищ замминистра...» // Сегодня, газ. 1995.

Забелин С. И. Некоторые итоги научно-исследовательской деятельности Сюнт-Хасардагского заповедника // Проблемы освоения пустынь. 1985. № 4.

Забелина Н. М. Национальный парк. М.: Мысль, 1987. 172 с.

Заблоцкий М. А. Загонное содержание, кормление и транспортировка зубров (инструкция). М.: Центр. зубровый питомник, 1957.

Заповеданная экологическая пирамида. Исследования динамики и структуры биогеоценозов Кавказского заповедника. Сочи, 1994.

Заповедники и национальные парки мира. Крат. справ. М.: Наука, 1969.

Заповедники России. Сборник материалов летописей природы за 1991/1992 годы. М.: Росагросервис, 1994.

Заповедники СССР. М., 1964.

Заповедники Таймыра. Oslo: WWF, 1993.

Заповедные уголки Воронежской области. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1983.

Земельное право. М.: Юрид. лит., 1971.

Земельный кодекс РСФСР // Ведом. Верх. Совета РСФСР. 1970. № 28.

Зозулин Г. М. О создании Донского степного государственного заповедника // Бот. журн. 1961. Т. 46. № 12.

Зозулин Г. М. О создании сети охранных ландшафтов в пределах Нижнего Дона и Западного Предкавказья // Тез. докл. 1-й конф. по флоре, растительности и растительным ресурсам Северного Кавказа. Нальчик, 1962а.

Зозулин Г. М. Вопросы охраны типичных ландшафтов территории Ростовской области // Охрана природы Нижнего Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1962б.

Зозулин Г. М. Научные и практические аспекты создания Донского степного государственного заповедника // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк. Естеств. науки. 1973. № 1.

Зозулин Г. М. Необходим эталон природы // Дон. 1976. № 2.

Зозулин Г. М. Вопросы рационального использования природных растительных ресурсов Ростовской области // Проблемы комплексного изучения, использования и охраны природных богатств Ростовской области. Ростов н/Д., 1977.

Зозулин Г. М., Пашков Г. Д. Охрана редких растений Ростовской области // Географические проблемы изучения и освоения природных ресурсов Нижнего Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1971.

Золотухин Н. И., Малешин Н. А., Рыжков О. В. История организации и общие сведения // Природа Лысых гор. М.: КМК Sci. Press, 1995. (Тр. Центр.-Чернозем. гос. зап-ка. Вып. 14).

Зонн С. В. Владимир Николаевич Сукачев. М.: Наука, 1991.

Зыков К. Д., Нухимовская Ю. Д. Размещение сети заповедников на территории РСФСР // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 129–182.

Зыков К. Д., Нухимовская Ю. Д., Штильмарк Ф. Р. Разработка и совершенствование перспективного плана создания заповедников в РСФСР // Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. М., 1981.

Ильин В. С. История возникновения, организация и деятельность Степной биологической станции имени графини С.В. Паниной // Тр. Петрогр. о-ва естествоиспыт. 1916. Т. 46. Вып. 3. Отд-ние бот. № 1.

Ильин В. С. О некоторых растительных сообществах заповедника Степной биологической станции имени графини С.В. Паниной // Тр. Петрогр. о-ва естествоиспыт. 1916а. Т. 46. Вып. 3. Отд-ние бот. № 2.

Исаева-Петрова Л. С., Денисова Л. В., Никитина С. В. Степная растительность СССР и проблемы ее охраны. М.: ВНИИТЭИСХ, 1983.

Исаков Ю. А., Криницкий В. В. Система особо охраняемых территорий в Советском Союзе, ее структура и перспективы развития // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1980. № 3.

Итоги изучения природных экосистем Кавказского биосферного заповедника. Тр. Кавказ. гос. биосфер. зап-ка. Сочи, 1994. Вып. 15.

Кавказский государственный заповедник // Изв. Кавказ. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1913–1914. Т. 22. Вып. 2.

Как просить деньги на некоммерческие проекты у благотворительных фондов. М.: Пед. об-ние «Радуга», 1994.

Калякин В. Н. О необходимости создания Южно-Ямальского заповедника // Исследования в области заповедного дела. М., 1984.

Калякин В. Н. К проекту создания биосферного заповедника на острове Вайгач // Вопросы обоснования размещения охраняемых природных территорий. М., 1985. С. 15–29.

Калякин В. Н., Романенко Ф. А., Молочаев А. В. и др. Гыданский заповедник // Заповедники Сибири. М.: Логата, 2000. Т. 2. С. 56–81.

Камышев Н. С. Аспекты Хреновской степи и прогноз сроков сенокошения // Бюл. О-ва естествоиспыт. при Воронеж. ун-те. 1951. Т. 7.

Камышев Н. С. Анализ естественной флоры Хреновской степи // Тр. Воронеж. ун-та. 1955. Т. 42. Вып. 1.

Камышев Н. С. Современное состояние степей Воронежской области и пути их улучшения // Тр. Воронеж. ун-та. 1956. Т. 36. Вып. почв.-бот.

Камышев Н. С. Степные, луговые и болотные памятники // Памятники природы Воронежской области. Воронеж, 1970.

Капланов Л. Г. Тигр, изюбрь, лось. М.: Изд-во МОИП, 1948.

Капланов Л. Г., Раевский В. В. Материалы к фауне млекопитающих Центрально-промышленной области // Тр. Гос. музея Центр.-промышл. обл. М., 1928. Вып. 5. С. 31.

Карпов В. Письмо в редакцию («Что такое охрана природы?») // Охрана природы. 1930. № 8–10.

Карпович В. В. Кандалакшский заповедник // Заповедники европейской части РСФСР. М., 1988. Ч. 1. С. 20–60.

Каталог млекопитающих СССР. Л.: Наука, 1981.

Кауфман Н. Н. Московская флора, или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. М., 1866.

Келлер Б. А. Степь как производительная сила природы и значение степных заповедников // Степи Центрально-Черноземной области. М.; Л., 1931.

Кириков С. В. Где следует учредить дубравно-степной заповедник // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1977. Т. 82. Вып. 3.

Кириков С. В. По южному Уралу и Башкирии. М.: Изд-во МГУ, 1989.

Киселев А. Н. Учет этногеографических и эколого-социальных факторов при организации государственных заповедников в районах проживания народностей Севера и Дальнего Востока / / Актуальные вопросы заповедного дела. Сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. М., 1988. С. 127–142.

Кнорре Е. П. Итоги двухлетних опытов по одомашнению лося // Науч.-метод. зап. Гл. упр. по заповедникам. М., 1939. Вып. 4.

Кожевников Г. А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Тр. Всерос. юбилейн. акклиматизац. съезда 1908 г. в Москве. М., 1909. Вып. 1. [Переизд.: Охрана природы и заповедное дело в СССР. М., 1960. Вып. 4.]

Кожевников Г.А. О заповедных участках // Тр. 2-го Всерос. съезда охотников в Москве (17–25 ноября 1909 г.). М., 1911. С. 371–378.

Кожевников Г. Монастыри и охрана природы // Утро России, газ. 1914. № 278.

Кожевников Г. А. Значение Косинского заповедника // Тр. Косин. биол. станции. 1925. Вып. 2.

Кожевников Г. А. Как вести научную работу в заповедниках // Охрана природы. 1928. № 2.

Кожевников Г. А. Вопрос об охране природы // Живая природа. 1928а. № 12.

Кожевников Г. А. Задачи охраны природы в СССР // Охрана природы. 1928б. № 1.

[Кожевников] Проф. Г. А. Кожевников (некролог) // Зоол. журн. 1933. Т. 12. Вып. 4. С. 3–7.

Козло П. Г. Некоторые вопросы охраны и постановки научных исследований в заповедниках // Изучение природных комплексов, их охрана и ведение заповедного хозяйства в условиях лесостепной и степной зон Советского Союза. Воронеж, 1977.

Козловский В. Заповедникам единое руководство // Охота и охотн. хоз-во. 1966. № 5.

Козловский В. Заповедники Франции // Охота и охотн. хоз-во. 1969. № 5.

Колбасов О. С. Совершенствовать правовой режим заповедников // Охота и охотн. хоз-во. 1970. № 4.

Колбасов О. С. Природа под охраной закона. М.: Моск. рабочий, 1975. 128 с.

Колбасов О. С. Экология: политика — право. Правовая охрана природы в СССР. М.: Наука, 1976. 230 с.

Колесников Б. П. Заповедники охотской флоры и фауны // Заповедники Дальневосточного края. Хабаровск, 1936.

Колесников Б. П. Охрана ботанических объектов Урала // Вопросы охраны ботанических объектов. Л.: Наука, 1971.

Комаров Н. Ф. Хрипунская степь // Двадцать пять лет научно-педагогической и общественной деятельности Б.А. Келлера (1902–1927). Воронеж, 1931а.

Комаров Н. Ф. Степи юго-востока Россошанского округа // Степи Центрально-Черноземной области. М.; Л., 1931б.

Комаров Н. Ф. Современное распространение и причины вымирания *Potentilla pimpinelloides* L. в степной полосе // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1940. Т. 22. № 1.

Комарова Т. А. Рекомендации по созданию заповедника в пределах горного массива Шаман-Тиуль (Хабаровский край) // Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов. Мат-лы 3-й конф. молодых ученых и специалистов. Хабаровск, 1976.

Кондратенко А. И. Заповедники СССР, их научное и культурно-просветительное значение (заочная консультация). М., 1960.

Корсаков А. М. Можгинский заповедник // Природа и соц. хоз-во. 1931. № 4–5.

Коршунова Е. Н. Предложения по улучшению научно-исследовательской деятельности заповедников. Рукопись, 1991. Арх. авт.

Котов В. А. Кубанский тур, его экология и хозяйственное значение // Тр. Кавказ. гос. зап-ка. М., 1968. Вып. 10.

Котов В. А., Рябов Л. С. Промысловые и ценные млекопитающие предгорных и горных районов Краснодарского края // Тр. Кавказ. гос. зап-ка. Майкоп, 1963. Вып. 7.

Котляров Е. А. География отдыха и туризма. М.: Мысль, 1978.

Кравков С. П. Исследования над некоторыми физическими свойствами чернозема девственной степи // Труды опытных лесничеств. Деркульское лесничество. СПб., 1901.

Красилов В. А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М., 1992.

Красильников В. «Зеленые» юбилеи человечества — 2000 // Зеленый мир, газ. 2000. № 23–24. С. 30–31.

Красная книга СССР. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. М., 1978.

Краснитский А. М. Лесохозяйственные мероприятия и их место в заповедном деле // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1975. Т. 80. Вып. 2.

Краснитский А. М. Основные задачи специализации заповедного дела // Растительный мир охраняемых территорий. Рига, 1978.

Краснитский А. М. Лесохозяйственные мероприятия и их место в заповедном деле // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 113–122.

Краснитский А. М. Проблемы заповедного дела. М.: Лесн. пром-сть, 1983. 191 с.

Краснобрыжев В. Работа Кавказского государственного заповедника // Охрана природы. 1930. № 7.

Кривенко В. и др. Сохранить Восточный Маныч // Охота и охотн. хоз-во. 1975. № 11.

Криницкий В. В., Митрюшкин К. П., Исаков Ю. А. Заповедные территории Советского Союза // Человек и среда. Тез. докл. и сообщ. XXIII геогр. конгр., 16–26 июля 1976 г. М., 1976.

Крутовская Е. А. Были заповедного леса. Красноярск, 1990.

Круть И. В., Забелин И. В. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. М.: Наука, 1988.

Крылов Г. В. Деревья, травы жизни, заповедные места. Новосибирск: Наука, 1972.

Крылов Г. В., Салатова Н. Г. Рациональная сеть заповедных территорий в Сибири // Рациональное использование и охрана живой природы Сибири. Томск: ТГУ, 1971.

Крючков В. В. Крайний Север: проблемы освоения природных ресурсов. М.: Мысль, 1973.

Крючков В. В. Север на грани тысячелетий. М.: Мысль, 1987. 269 с.

Крючков В. В., Кондратович И. И., Андреев Г. Н. Красная книга экосистем Кольского севера. Апатиты, 1983.

Кудактин А. Звери фронтовой полосы // Природа и человек (Свет). 1995. № 1.

Кузнецов Н. И. Охрана памятников природы на Кавказе // Тр. Кавказ. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1911.

Кулагин Н., Кожевников Г. К вопросу о Всесоюзном органе по охране природы // Охрана природы. 1930. № 6.

Куллапери А. А. Заповедник Вилсанди // Заповедники СССР. Заповедники Прибалтики и Белоруссии. М.: Мысль, 1989.

Куминова А. В. Некоторые вопросы использования и охраны растительного мира // Растительный покров Хакасии. Новосибирск, 1976.

Куражсковский Ю. Н. Владимир Ильич Ленин и природа. Астрахань, 1958.

Куражсковский Ю. Н. Заповедное дело в СССР. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. 160 с.

Куражсковский Ю. Н. и др. Заповедное дело в решении проблем современности. Теберда; Черкесск, 1987.

Куражсковский Ю. Н. и др. Основы социалистического природопользования. Черкесск; Теберда, 1988.

Куренцов А. И. Степи в бассейне Верхней Оки в бывшей Орловской губернии. Орел, 1929.

Лавренко Е. М. Степи СССР // Растительность СССР. М.; Л., 1940. Т. 2.

Лавренко Е. М. Характеристика степей как типа растительности // Растительность европейской части СССР. Л., 1980.

Лавренко Е. М., Гептнер В. Г., Кириков С. В., Формозов А. Н. Перспективный план географической сети заповедников СССР (проект) // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1958. Вып. 3.

Ламарк Ж.-Б. Аналитическая система положительных знаний человека // Избр. произв. в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2.

Ларин В. Заповедный курорт // Энергия. 1992.

Ларина В. Г. Из истории Всероссийского общества охраны природы (1924–1941) // Сов. архивы. 1983. № 3.

Лесное хозяйство СССР. М., 1977.

Лесные памятники. М.: Агропромиздат, 1986.

Литкенс Е. Плач по руководящему креслу // Заповедный вестн., газ. 1995. № 7–8.

Лопырев Б., Иващенко Б., Штильмарк Ф., Зыков К., Шурупов И. Охраняемые территории и охотничьи хозяйства РСФСР // Охота и охотн. хоз-во. 1979. № 3.

Лопырин А. И., Логинова Н. В., Инякова А. П. Опыт скрещивания овец и коз с туром и серной // Тр. Тебердин. гос. зап-ка. Ставрополь, 1960. Вып. 2.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.

Лосский Н. О. История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991а.

Лусиги В., Робертсон Д. Сохранение в целях развития // Курьер ЮНЕСКО. 1981, май. С. 28–29, 34.

Любошиц С. Заповедный пикник // Моск. комсомолец, газ. 1995, 19 сент.

Макаров В. Н. Наши задачи // Природа и соц. хоз-во. 1931. № 1–2.

Макаров В. Н. Заповедники // Большая сов. энцикл. М., 1931а. Т. 26.

Макаров В. Н. Сеть госзаповедников и перспективы их работы на ближайшие годы // Природа и соц. хоз-во. 1931б. № 9–10.

Макаров В. Н. К Всесоюзному съезду по охране природы и содействию развитию природных богатств СССР // Природа и соц. хоз-во. М., 1932. Т. 5.

Макаров В. Н. Государственные заповедники РСФСР и перспективы их развития // Тр. 1-го Всесоюз. съезда по охране природы в СССР. М., 1935.

Макаров В. Н. Об итогах научной работы госзаповедников за 1936–1937 гг. и проблемно-тематическом плане научно-исследовательской работы заповедников на третье пятилетие (1938–1942 гг.) // Науч.-метод. зап. Ком. по заповедникам. М., 1938. Вып. 1.

Макаров В. Н. О задачах и содержании научно-исследовательской работы госзаповедников // Науч.-метод. зап. Ком. по заповедникам. М., 1938а. Вып. 1.

Макаров В. Н. Заповедники СССР. М.: Сельхозгиз, 1940.

Макаров В. Н. Хозяйственное, научное и культурное значение охраны природы в Советском Союзе // Науч.-метод. зап. Гл. упр. по заповедникам. М., 1947а. Вып. 9.

Макаров В. Н. Охрана природы в СССР. М., 1947б; 1949.

Макаров В. Н. Заповедники Советского Союза // Заповедники СССР. М.: Географгиз, 1951. Т. 1.
Макаров В. Н. Заповедники // Большая сов. энцикл. 2-е изд. М., 1952. Т. 16.
Малешин Н. Приватизация жилого фонда российских заповедников // Право и экономика, газ. 1995, март. № 8 (46).
Малиновский А. В. Заповедники Советского Союза // Достижения науки и передового опыта в сел. хоз-ве. 1953. № 7.
Малиновский А. Бонитировка угодий в ГДР // Охота и охотн. хоз-во. 1968. № 7.
Малышев А. А. Повесть о таежном следопыте. Владивосток, 1966; 1971.
Малышев А. А. Встреча ветров. М.: Сов. писатель, 1982.
Малышев Л. И. Совещание по актуальным вопросам охраны растительного мира Сибири (Новосибирск, 4–5 мая 1979 г.) // Бот. журн. 1980. Т. 65. № 6.
Малышев С. Лес на реке Ворскле // Охрана природы. 1928. № 6.
Малышев С. И. Типы энтомологической работы в заповедниках // Науч.-метод. зап. Гл. упр. по заповедникам. 1939. Вып. 4.
Малькович Т. А. Акклиматизация морских выдр на Мурмане // Природа. 1938. № 7–8. С. 194–197.
Мантейфель П. А. Реконструкция охотничье-промысловой фауны млекопитающих СССР // Соц. реконструкция и наука. М., 1934. Вып. 2.
Мантейфель П. А. Состояние и перспективы работы Всероссийского общества охраны природы // Тр. 1-го Всесоюз. съезда по охране природы в СССР. М., 1935.
Мантейфель П. А. К проблеме акклиматизации // Тр. 1-го Всесоюз. съезда по охране природы в СССР. М., 1935а.
Маркграф О. В. Русский зоопромышленный парк. СПб., 1903.
Марков Е. Л. Охотничье хозяйство Закавказья. Тифлис, 1934.
Мартынов А. С., Флинт В. Е. и др. Анализ социально-экономических факторов, влияющих на состояние биологического разнообразия. М.: ПАИМС, 1995.
Мартюшов В. З., Смирнова Е. Г., Тарасова О. В. и др. Экологический мониторинг в Восточно-Уральском государственном заповеднике // Координация экомониторинга в ООПТ Урала. Екатеринбург, 2000. С. 96–111.
Материалы для обсуждения на заседаниях тематических секций. Всерос. съезд по охране природы, 3–5 июня 1995 г. М.: РЭФИА, 1995.
Материалы Всероссийского съезда по охране природы, 3–5 июня 1995 г. М.: РЭФИА, 1995а.
Материалы Первого съезда Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов, проходившего 15–17 августа 1955 г. в Москве. М., 1956.
Международная программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) в СССР (справочник). М.: Гидрометеоиздат, 1981. Вып. 1.
Мекаев Ю. А. Заповедники юга европейской части СССР, их состояние и перспективы // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1980. Т. 112. № 2.
Мельхеев М. Н. Охрана заповедных рощ Забайкалья // Охрана природы Сибири. Иркутск, 1959.
Мень А. В. Свет во тьме светит. М.: Вита-Центр, 1991.
Мизонов Б. С. Предоставление земель для несельскохозяйственных нужд. М.: Госсельхозиздат, 1974.
Миллер Е. Об охране памятников природы // Тр. Бессараб. о-ва естествоиспыт. и любит. естествозн. 1911/12. Т. 3.
Миловский С. Ф. Об организации Битюгского (Хреновского) комплексного заповедника // Природа и соц. хоз-во. 1934. Т. 7.
Михайлов Н. Н. Круг земной. М.: Сов. писатель, 1976.
Многоязычный словарь терминов охраны природы. Морж, Швейцария, 1976.
Моисеев Н. Н. Быть или не быть… человечеству? М., 1999. 288 с.
Моисеев Н. Н. Обращение… // Мыслитель планетарного масштаба. М.: МНЭПУ, 2000. С. 15–19.
Молодчиков А. И. На путях к советскому Йеллоустону // Природа и соц. хоз-во. 1931. № 6–8.
Молодчикова Л. Научно-организационные основы педагогической биостанции Кавказского заповедника // Природа и соц. хоз-во. 1931. № 9–10.
Молчанов В. М. А что там, за горами? Краснодар, 1985. (Сер. Природа и мы).

Морозов Г. Ф. Стенограмма выступления // Дневник съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. М., 1910. Отд. 2. № 4.

На пути к устойчивому развитию России. М.: Центр экол. полит. России, 1995. № 1.

Налимов В. Н. Священные рощи удмуртов и мари // Охрана природы. 1928. № 4.

Насимович А. А. Сохранился ли зубр на Кавказе // Природа и соц. хоз-во. 1934. Т. 7.

Насимович А. А. Регулирование природных комплексов на территории заповедников в зарубежных странах. Геогр. сб. ВИНИТИ. 1966. Вып. 2.

Насимович А. А. Научные основы заповедного дела // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1974. Т. 79. Вып. 5.

Насимович А. А. Памяти Александра Николаевича Формозова // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1975. Т. 80. Вып. 1. С. 5–18.

Насимович А. А. Пионер отечественной экологии // Природа. 1976. № 3. С. 117–121.

Насимович А. Копытные в заповедниках // Охота и охотн. хоз-во. 1978. № 6.

Насимович А. А. Дореволюционный период в развитии заповедного дела // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 7–20.

Насимович А. А. Научные исследования в заповедниках // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979а. С. 37–40.

Нат С. Г. Очерк промысловой охоты в Печорском крае Вологодской губернии // Мат-лы для изучения естеств. производ. сил России. № 43. Лес, его изучение и использование. 1-й лесной сб. Пром.-геогр. отд. КЕПС. Пг., 1922.

Научные исследования в заповедниках и национальных парках России (федеральный отчет за 1992–1993 гг.). М., 1997. 393 с.

Национальный доклад СССР к конференции ООН 1992 г. по окружающей среде и развитию (проект). М., 1991.

Немилов А. В. Заметки ученого // ВАРНИТСО. 1939. № 6.

Неронов В. М., Тушинский С. Г., Семенова Т. Ю. Биосферные заповедники и глобальный мониторинг окружающей среды. М., 1983. (Итоги науки и техники. Охрана природы и воспроизводство природных ресурсов. Т. 14).

Никитин Д. П., Новиков Ю. В. Окружающая среда и человек. М.: Высш. шк., 1980.

Николаевский А. Г. Национальные парки. М.: Агропромиздат, 1985.

Никольский А. Заповедное дело в СССР // Охота и охотн. хоз-во. 1991. № 6.

Никольский А. А. Заповедники, парки и государственное финансирование // Информ. бюл. для гос. зап-ков и нац. парков. М.: ЦОДП, 1995. № 2 (12).

Никольский А. Летопись природы прерывается... Заповедное дело в России: состояние и перспективы // Спасение, газ. 1995а, авг.

Никольский А. А. Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела // Охрана дикой природы. М.: ЦОДП, 1996. № 11. С. 15–17.

Новая Земля: концепция формирования системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий. М., 1994.

Новиков Б. В. Росомаха. М.: ЦНИЛ Главохоты, 1993.

Новиков Г. А. Полевые исследования по экологии наземных позвоночных. 2-е изд. М.: Сов. наука, 1953. 502 с.

Новопокровский И. В. О сохранении целинной степи для почвенных и ботанических наблюдений и об организации при опытных полях защитных участков целины // Тр. совещ. по опытному делу (2–5 мая 1911 г., Новочеркасск). Новочеркасск, 1911.

Новопокровский И. В. Краткий отчет о деятельности Новочеркасского отделения Русского ботанического общества по организации на Дону степных заповедников // Журн. Новочеркас. отд-ния Рус. бот. о-ва. 1919. № 1.

Новопокровский И. В. К вопросу об устройстве на Дону и Северном Кавказе степных заповедников // Краеведение на Сев. Кавказе. 1928. № 3–4.

Новопокровский И. В., Богданов В. М. К организации степного заповедника в Донецком округе. Новочеркасск, 1927.

Новые законы России. М., 1991.

Носова Л. М. Сохранившиеся участки степей Пензенской области // Бот. журн. 1965. Т. 50. № 6.

Носова Л. М. Новые данные по растительности степей Орловской области // Вестн. Моск. ун-та. Сер. геогр. 1966. № 1.

Нухимовская Ю. Д. Биологические и экологические предпосылки оптимизации территорий заповедников // Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. М., 1981.

Нухимовская Ю. Д. Материалы по оптимизации заповедных территорий // Социально-экономические и экологические аспекты совершенствования деятельности заповедников. М., 1985.

Нухимовская Ю. Д. Роль охранных зон в функционировании заповедников // Социально-экономические и экологические аспекты совершенствования деятельности заповедников. М., 1985а.

Нухимовская Ю. Д., Алексеева Л. В. Влияние внешних антропогенных факторов на экосистемы заповедников // Актуальные вопросы заповедного дела. Сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. М., 1988. С. 104–126.

«О нуждах охраны природы...» // Природа. 1987. № 11. С. 98–101.

Об организации государственных природных заповедников и национальных парков на территории Российской Федерации в 2001–2010 годах // Зап-ки и нац. парки. 2001. № 35. С. 9–11.

Об охране окружающей среды. Сборник документов партии и правительства 1917–1985 гг. М.: Политиздат, 1986.

Обзор фонового состояния окружающей природной среды на территории стран СНГ за 1994 г. М.: ИГКЭ, 1995.

Общественное экологическое движение в России. Справ. пособие. М.: Экология, 1995.

Овсяников Н. Г. Поведение и социальная организация песца. М., 1993.

Овсяников Н. «Культурная революция» в заповедном деле. Куда она заведет? // Зеленый мир, газ. 1994. № 9. С. 5.

Ольсевич Ю. Я., Гудков А. А. Критика экологической критики. М.: Мысль, 1990.

Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. 200 с.

Организация научных исследований в заповедниках и национальных парках. Сб. докл. семинара-совещ., Пущино-на-Оке, 18–26 дек. 1999 г. М., 1999. 242 с.

Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик // Ведом. Верх. Совета СССР. 1968. № 51.

Островская Н. Вооружен и к новым выборам готов // Известия, газ. 1995, 25 авг. № 159.

Охрана окружающей природной среды. Постатейный комментарий к закону России. М.: Республика, 1993.

Охрана окружающей природной среды и рациональное использование природных ресурсов в СССР. Стат. сб. М.: ФиС, 1989.

Охрана природы. Сборник нормативных актов. М.: Юрид. лит., 1971.

Охрана природы. Справочник. 2-е изд. М.: Агропромиздат, 1987.

Охрана природы и заповедное дело в СССР. М.: АН СССР, 1956–1961. Вып. 1–6.

Охрана природы, наука и общество. Мат-лы I Междунар. конгр. по биосфер. зап-кам. М., 1987. Т. 1–2.

Охрана природы Причерноморья. М.: Лесн. пром-сть, 1982.

Охрана растительного мира Сибири. Новосибирск, 1981.

Охраняемые природные территории: материалы к созданию концепции системы охраняемых природных территорий России. М.: РПО ВВФ, 1999. 246 с.

Охраняемые природные территории Советского Союза, их задачи и некоторые итоги исследований. М., 1983.

Павлов Е. И. В Читинской области должен быть заповедник // Охрана природы и воспроизводство естественных ресурсов. Чита, 1967. Вып. 1.

Павлов М. П. Калан // Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР. Киров, 1973. Ч. 1.

Пальман В. И. По следам дикого зубра. М., 1978; 1985.

Пачоский И. К. Очерк растительности Днепровского уезда Таврической губернии. Одесса, 1904.

Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Ист. альм. М.; СПб., 1991. Вып. 1.

Пестряков Б. Свободу туристским территориям // Природ.-ресурс. ведом., газ. 2000. № 27 (44).

Петров В. В. Проблемы эколого-правовой терминологии // Правовые проблемы экологии. М., 1980.
Петров В. В. Правовая охрана природы в СССР. М.: Юрид. лит., 1984.
Подъяпольский Н. Н. Владимир Ильич Ленин и охрана природы // Охрана природы. 1929. № 2.
Покровский В. Нужен институт охраны природы // Охота и охотн. хоз-во. 1970. № 11.
Полевая геоботаника. Метод. руководство. М.; Л., 1959; 1960; 1964; 1972. Т. 1–4.
Поливанова Н. Н. Тебердинский заповедник. Черкесск, 1989.
Положение о заповедниках // Природа и соц. хоз-во. 1934. Т. 7.
Полуяхтов К. К. К охране растительных объектов Горьковской области // Вопросы охраны ботанических объектов. Л., 1971.
Полян П. М. Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский. М.: Наука, 1989.
Попов Т. И. Краснянские степи Борисоглебского округа // Степи Центрально-Черноземной области. М.; Л., 1931.
Попова С. Да недаром слово молвится... Рекламно-издательская и эколого-просветительская деятельность заповедников и национальных парков как средство в поиске дополнительных источников финансирования. Йошкар-Ола, 1995.
Постановление ВЦИК и СНК РСФСР. Об охране и развитии природных богатств РСФСР // Охрана природы. 1930. № 6.
Постановления и резолюции, вынесенные секциями Конференции и утвержденные пленумом 8 июня 1923 г. Секция растительности // Тр. Юго-Вост. плановой комиссии. Ростов н/Д., 1923. Вып. 3.
Правительство России постановляет. Земельный кодекс РСФСР. М., 1991.
Привлечение и переселение полезных насекомоядных птиц в лесонасаждения степной и лесостепной зоны. Тр. совещ. 25–27 нояб. 1952 г. М., 1954.
Прилепский Н. Г., Яницкая Т. О. Охраняемые природные территории США: краткий обзор // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1995. Т. 100. Вып. 1. С 90–102.
Приокско-Террасный биосферный заповедник. Биосферная станция «Пущино». Пущино: ГСМОС ЮНЕП, 1981.
Природные заповедные объекты Украинской ССР. М.: ГУГК, 1977.
Природные охраняемые территории. Науч. тр. по охране природы. Тарту, 1981. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 570).
Природные экосистемы и их охрана. Сб. науч. тр. М., 1981.
Проблемы сохранения разнообразия природы степных и лесостепных регионов. Мат-лы Рос.-Укр. науч. конф., посвящ. 60-летию Центр.-Черноозем. зап-ка, 22–27 мая 1995 г. М.: КМК Sci. Press, 1995.
Проблемы экологии России. М., 1993.
Промптов Ю. По Кавказскому заповеднику. М.: Профиздат, 1947.
Пузанов И. Даниил Фомич Седун // Охрана природы. 1930. № 1.
Пузанов И. И. Отчет об обследовании научной работы Астраханского заповедника // Науч.-метод. зап. Ком. по заповедникам. М., 1939. Вып. 3.
Пузанов И. И. По нехоженому Крыму. М.: Географгиз, 1960.
Пузанов И. Нам нужны национальные парки (в порядке обсуждения) // Охота и охотн. хоз-во. 1968. № 2.
Пузанов И.И. Исторический очерк заповедного дела в СССР // Научные основы охраны природы и их преподавание в высшей и средней школе. Томск, 1970.
Пути и методы использования птиц в борьбе с вредными насекомыми. Тр. совещ. 25–28 нояб. 1953 г. и 21–23 дек. 1954 г. М.: Изд-во МСХ СССР, 1956.
Пысин К. Г. О памятниках природы России. М.: Сов. Россия, 1982.
Раевский В. В. Жизнь кондо-сосьвинского соболя. М., 1947.
Раевский В. В. Позвоночные животные Северного Зауралья. М.: Наука, 1982.
Растения красных книг в заповедниках России. М., 1994.
Растительный и животный мир Сихотэ-Алинского заповедника. М.: Наука, 1982.
Рахилин В. К. Общество и живая природа. Краткий очерк взаимодействия. М.: Наука, 1989.

Рахилин В. К. Из истории развития идеи заповедности в нашей стране // Теория и практика заповедного дела. М., 1993.

Рашек В. Л. О понятии «государственный природно-заповедный фонд СССР» // Теоретические вопросы заповедного дела в СССР. Тез. докл. науч. конф., 15–18 сент. 1975 г. Курск, 1975.

Резолюция по вопросам охраны природы, принятая IV Съездом зоологов, анатомов и гистологов 12 мая 1930 г. // Охрана природы. 1930. № 6.

Резолюция по докладу тов. Макарова В.Н. «Сеть госзаповедников и перспективы работы их на ближайшие годы» // Природа и соц. хоз-во. 1931. № 9–10.

Резолюция Всесоюзного совещания по вопросам развития заповедного дела в СССР (Москва, 17–21 марта 1958 г.). М., 1958.

Резолюция научно-производственной конференции по изучению природных комплексов, их охране и ведению заповедного хозяйства в лесостепной и степной зонах СССР. Раб. пос. Панино, 1977.

Реймерс Н. Ф. Природные охраняемые территории в системе народного хозяйства (географические, экологические и экономические основы создания оптимальной сети природных охраняемых территорий) // Теоретические вопросы заповедного дела в СССР. Тез. докл. науч. конф., 15–18 сент. 1975 г. Курск, 1975.

Реймерс Н. Ф. Природные особо охраняемые территории // Человек и природа. М.: Знание, 1979. № 6.

Реймерс Н. Ф. Природопользование. Слов.-справ. М.: Мысль, 1990.

Реймерс Н. Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М.: Россия молодая; Экология, 1992.

Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль, 1978. 295 с.

Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Эталоны природы. Заповедники нашей страны. М.: Знание, 1979.

Розанов М. П. Зоологическая экспедиция Главнауки в Кавказский заповедник // Охрана природы. 1928. № 3.

Розанов М. П. Заповедники за границей и в СССР // Изв. Центр. бюро краеведения. 1929. № 10.

Российское законодательство об охране окружающей среды и природопользовании. Сб. нормотив. актов. М., 1993. Т. 1. Ч. 1–3.

Руденко Д. И. Государственный Ильменский минералогический заповедник // Охрана природы. 1928. № 2.

Рыжиков А. И. Некоторые методические вопросы создания заповедников // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1979. Т. 111. Вып. 6.

Рыжиков А. И. Организация землепользования и устройство территории заповедников. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1988.

Рыжиков А. И. «Крупность» заповедников и затраты на их содержание // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1988а. Т. 120. Вып. 1.

Рыжиков А. И. О «доходности» заповедных территорий // Геогр. и природ. ресурсы. 1989. № 2.

Рыжиков А. И. Влияние социальных и природных факторов на распределение заповедников по территории СССР и их связь с экономикой заповедного дела // Геогр. и природ. ресурсы. 1991. № 2.

Рыжиков А. И. Заповедное и его восприятие человеком // Вопр. психол. 1993. № 5.

Рысин Л. П., Савельева Л. И. Лесные заповедные участки. М.: Агропромиздат, 1985.

Савич В. М. Лесные заказники и их государственное значение // Вестн. Тифлис. бот. сада. 1910. Вып. 18.

Савич В. М. Заповедные участки Тифлисского ботанического сада // Вестн. Тифлис. бот. сада. 1910а. Вып. 18.

Салатова Н. Г. Развитие сети заповедников и природных парков как основа охраны горных ландшафтов Сибири // Охрана горных ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1973.

Салпагаров Д. С. Опыт перестройки заповедного дела. Ставрополь, 1992.

Сапетин Я. В., Борисов В. А. Об учете охраняемых природных территорий СССР // Тайга в глобальной экосистеме Земли. Мат-лы VIII расш. засед. Науч. совета СО АН СССР по компл. освоению таежных терр., май 1977 г. Иркутск, 1978.

Сатимбеков Р. Древние заповедники Средней Азии и Казахстана // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1981. Т. 113. Вып. 3.

Сборник материалов по результатам изучения млекопитающих в государственных заповедниках. М.: Изд-во МСХ СССР, 1956.

Сборник нормативных актов и документов по заповедному делу (по состоянию на 1 мая 1994 г.). М., 1994.

Сборник нормативных актов и документов по заповедному делу (по состоянию на 15 декабря 1994 г.). М., 1994а. Т. 2.

Сборник нормативных актов по охране природы. М.: Юрид. лит., 1978.

Сборник руководящих документов по заповедному делу. М.: ЦОДП, 2000. 703 с.

Сводный список особо охраняемых природных территорий Российской Федерации. М., 2001. 452 с.

Северцов С. А. К вопросу об акклиматизации животных в заповедниках // Охотник. 1927. № 9.

Северцов С. А. Заповедники СССР // Охрана природы. 1929. № 2–4.

Семенов-Тян-Шанский А. П. Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. СПб., 1908.

Семенов-Тян-Шанский А. П. О приютах природы и их значении в Средней России // Новое время, газ. 1911, 22–23 мая.

Семенов-Тян-Шанский В. П. Заповедники и заказники СССР // Изв. Центр. бюро краеведения. 1928. № 3.

Семенов-Тян-Шанский О. И. Экология тетеревиных птиц // Тр. Лапланд. гос. зап-ка. М., 1959. Вып. 5.

Семенова-Тян-Шанская А. М. Накопление и роль подстилки в травяных сообществах. Л.: Наука, 1977.

Семенова-Тян-Шанская А. М. Деятельность В.Н. Сукачева в области охраны природы // Бот. журн. 1981. Т. 66. № 6.

Семкин С. Т., Штильмарк Ф. Р. Новые заповедники России // Природа и человек. 1981. № 4.

Скалон В. Н. К вопросу об организации заповедников в Якутии // Науч.-метод. зап. Ком. по заповедникам. 1939. Вып. 2.

Скалон В. Н. Об организации Витимского заповедника // Охрана природы. 1949. Вып. 8.

Скворцов А. К. Степная растительность в бассейне среднего течения р. Осетра в Московской области // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1947. Т. 52. Вып. 6.

Скворцов А. К. О степной флоре и растительности на северо-восточной окраине Среднерусской возвышенности // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1951. Т. 56. Вып. 3.

Скокова Н. Н. Эхо «новгородского веча» // Природа. 1991. № 8. С. 49–55.

Смирнов М., Кельберг Г. Необходим лесостепной заповедник // Охота и охотн. хоз-во. 1975. № 2.

Смирнов П. А. Растительность Межпьянья Сергачского и Арзамасского уездов // Предварительный отчет о работах Нижегородской геоботанической экспедиции в 1926 г. Н. Новгород, 1927. С. 47–53. (Производит. силы Нижегород. губ. Вып. 6).

Снакин В. В. Экология и охрана природы (словарь-справочник). М.: Academia, 2000.

Соболев Н. А. Особо охраняемые природные территории и охрана природы Подмосковья // Научные чтения, посвященные памяти Н.Ф. Реймерса: Докл. 4-й конф. в связи с 850-летием г. - Москвы. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 26–56.

Совещание об охране природы в Петрограде // Природа. 1917. № 11–12. С. 1161.

Современная разруха и охрана природы // Природа. 1917. № 11–12. С. 1163.

Соколов Г. А. Создать заповедник на берегу Енисейского моря // Природа. 1967. № 10. С. 106–109.

Соловьев Д. К. Типы организаций, способствующих охране природы. Пг., 1918. (Мат-лы к познанию рус. охотн. дела. Вып. 10).

Соловьев Д. К. Заповедники, их выделение, значение, организация и пр. // Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Тр. экспед. по изуч. соболя и исслед. соболиного промысла. Сер. 2. Саянская экспедиция. Пг.: ГИЗ, 1920.

Соловьев Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Отчет Саянской экспедиции // Тр. экспед. по изуч. соболя и исслед. соболиного промысла. Сер. 2. Саянская экспедиция. Пг.: ГИЗ, 1920а. 458 с.

Солянов А. А. О необходимости охраны луговых степей на Приволжской возвышенности // Вопросы охраны ботанических объектов. Л., 1971.
Сопин Л. Аргали // Охота и охотн. хоз-во. 1977. № 6.
Состояние природной среды в СССР в 1988 году. М.: Лесн. пром-сть, 1990.
Справочник по заповедному делу. Киев: Урожай, 1988.
Справочник путешественника и краеведа. М.: Географгиз, 1949–1950. Т. 1–2.
Спрыгин И. И. Из области Пензенской лесостепи. I. Травяные степи Пензенской губернии. М., 1925.
Спрыгина Л. И. Иван Иванович Спрыгин. М.: Наука, 1982.
Стационарные исследования геосистем. М., 1984.
Сташкевич Л. Ф. Арктическая заповедь. Записки директора заповедника. Магадан, 1991.
Степаницкий В. Заповедники России в беде // Охота и охотн. хоз-во. 1993. № 3.
Степаницкий В. Край распуганных птиц // Спасение, газ. 1993а. № 30–31.
Степаницкий В. Маленькая ложь внушает большое недоверие // Зеленый мир, газ. 1994. № 11. С. 14.
Степаницкий В. Заповедники на распутье. Размышления отставного управленца // Заповедный вестн., газ. 1994а, апр. [№ 1].
Степаницкий В. Окровавленный заповедник // Спасение, газ. 1994б. № 31.
Степаницкий В. Б. Комментарии к Федеральному закону «Об особо охраняемых природных территориях» // Охрана живой природы. Н. Новгород, 1995. Вып. 3.
Степаницкий В. Об эволюции и прочих негативных тенденциях в заповедном деле // Заповедный вестн., газ. 1995а. № 2 (5).
Степаницкий В. Реквием Главку заповедного дела // Заповедный вестн., газ. 1995б. № 6 (9).
Степаницкий В. Б. Деятельность государственных природных заповедников на современном этапе: концептуальный аспект // Организация деятельности государственных природных заповедников России на современном этапе. Мат-лы семинара-совещ. директоров гос. природ. запков России, 20–26 нояб. 2000 г., Красная Поляна. М., 2001.
Степаницкий В. Б. Почему я покинул МПР России? // Заповедный вестн., газ. 2001а. № 12 (74).
Степаницкий В., Волков А, Забродина Е., Тархов С. Семь заповедных шагов. Открытое письмо зам. пред. Совета Министров РСФСР И.Т. Гаврилову // Спасение, газ. 1991. № 7.
Стоилов Д. Тенденции в сверовната практика но създаването и опозването на защищените природни территории // Природа. София: БАН, 1979. Т. 28. № 3.
Сукачев В. Н. Об охране природы Жигулей // Зап. Симбир. обл. естеств.-ист. музея. 1914/1915. Вып. 2.
Сукачев В. Н. Крымский государственный лесной заповедник // Лесовод. 1924. № 2–3.
Сукачев В. Н. О направлениях и содержании ботанических работ в заповедниках // Сов. бот. 1936. № 3.
Сыроечковский Е. Е., Рогачева Э. В. Большой Арктический заповедник и проблемы охраны природы Арктики //Арктические тундры Таймыра и островов Карского моря. М., 1994. Т. 1. С. 17–43.
Сыроечковский Е., Штильмарк Ф. Биосферный заповедник в центре Сибири // Охота и охотн. хоз-во. 1984. № 5.
Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Понятие о государственном кадастре заповедников СССР и предварительные материалы для его разработки // Итоги и перспективы заповедного дела в СССР. М.: Наука, 1986. С. 47–72.
Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Перспективы развития заповедной системы в Сибири // Заповедники Сибири. М.: Логата, 2000. Т. 2.
Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Серия монографий «Заповедники России (СССР)» в десяти томах, 1985–2000 (история создания и некоторые итоги) // Заповедники Сибири. М.: Логата, 2000а. Т. 2. С. 230–238.
Сюзев П. В. Охрана памятников природы // Зап. Урал. о-ва любит. естествозн. Екатеринбург, 1911. Т. 31. Вып. 1.
Таксами Ч. М., Косарев В. Д. Экология и этнические традиции народов Дальнего Востока // Природа. 1986. № 12. С. 28–32.

Талиев В. И. Судьба докучаевской опытной станции // Бюл. Харьков. о-ва любит. природы. 1915. № 4.

Теория и практика организации международной биосферной территории на примере сети ООПТ Горного Алтая. Барнаул, 1999. 61 с.

Теплов В. П. О привлечении наблюдателей заповедников к сбору массовых зоологических материалов путем регистрации встреч животных и следов их деятельности // Науч.-метод. зап. Гл. упр. по заповедникам. 1939. Вып. 4.

Типовые программы по фронтальным темам научно-исследовательских работ государственных заповедников на 1960–1965 гг. М., 1960.

Тихомиров В. Н. Хронические и «благоприобретенные» беды заповедной системы в России // Заповедное дело в новых социально-экономических условиях. Тез. докл. СПб., 1995.

Тишков А. А. Заповеданная природа России: сегодня и завтра // Энергия. 1994.

Толковый словарь по охране природы. М.: Экология, 1995.

Требуем экологизации политики // Берегиня, газ. 1998. № 7.

Троицкий Н. Д. Крымский государственный заповедник, его значение и история // Крымский государственный заповедник, его природа, значение и история. М.: Главнаука, 1927.

Труды 1-го Всероссийского съезда по охране природы. М., 1930.

Труды Всесоюзного съезда по охране природы в СССР. М., 1935.

Тугаринов И. А. История ВАРНИТСО, или Как ломали Академию в «год великого перелома» // Природа. 1990. № 7. С. 92–101.

Туров С. С. К вопросу о Баргузинском соболином заповеднике // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1923. Т. 41. Вып. 2.

Туров С. С. К фауне Присулакского заповедника // Зоол. журн. 1933. Т. 12. № 4.

Туров С. С. Василий Никитич Макаров // Охрана природы. М.: ВООП, 1948. Вып. 2.

Туров С. С. Очерки охотника-натуралиста. М.: Изд-во МОИП, 1952.

Туров С. С. По родному краю. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. М., 1994.

Уранов А. А. Материалы к фитосоциологическому описанию заповедной степи Пензенской губернии в связи с законом константности. М., 1925.

Успенский С. Заповедники и заказники Крайнего Севера // Охота и охотн. хоз-во. 1967. № 3.

Успенский С. М. Система природоохранных учреждений в Советской Арктике и Субарктике // Состояние и перспективы заповедного дела в СССР. Тез. Всесоюз. совещ. М., 1981. С. 121–122.

Федоренко Н. П., Лемешев М. Я., Реймерс Н. Ф. Социально-экономическая эффективность охраны природы // Природа. 1980. № 10. С. 2–13.

Федоренко Н. П., Реймерс Н. Ф. Сближение экономических и экологических целей в охране природы // Природа. 1981. № 9. С. 3–12.

Филонов К. П. О заповедности и заповедном режиме // Охота и охотн. хоз-во. 1975. № 8.

Филонов К. П. Динамика численности копытных животных и заповедность // Охотоведение. М.: Лесн. пром-сть, 1977.

Филонов К. П. Летопись природы // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 40–53.

Филонов К. П. Развитие принципов заповедного дела в СССР // Итоги и перспективы заповедного дела в СССР. М.: Наука, 1986. С. 13–47.

Филонов К. П. Копытные животные и крупные хищники на заповедных территориях. М.: Наука, 1989.

Филонов К. П., Нухимовская Ю. Д. «Летопись природы» в заповедниках СССР. Метод. пособие. М.: Наука, 1985.

Фокина В. Д. Организация заповедного дела в СССР и за рубежом. Обзорная информ. М., 1978.

Формозов А. А. Александр Николаевич Формозов (1899–1973). М.: Наука, 1980.

Формозов А. Н. О перелетах летучих мышей (Chiroptera, Vespertilionidae) // Докл. АН СССР. Сер. А. 1927. № 17. С. 272–274.

Формозов А. Н. Памяти Л.Г. Капланова // Капланов Л.Г. Тигр, изюбрь, лось. М.: Изд-во МОИП, 1948.

Харпер Дж. Биосферное мышление, империализм и заповедники // Сиб. экол. вестн. 2000. № 13–14. С. 42–49.

Хоментовский А. Создать Оренбургский степной заповедник // Охота и охотн. хоз-во. 1980. № 5.

Хребтов А. А. Об устройстве заповедника на Липовой горе // Экономика. Пермь, 1925. № 7.

Хроника. Естественно-историческая хроника Крыма // Зап. Крым. о-ва естествоиспыт. и любит. природы. 1925. Т. 8; 1928. Т. 11.

Хроника. О реорганизации Комиссии по заповедникам в Комиссию по охране природы // Охрана природы и заповедное дело в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 1.

Хрусталев В. М. Охрана природы и организация первых заповедников в Российской Федерации (1918–1921) // Сов. архивы. 1979. № 1.

Хрусталев В. М. У истоков ленинских природоохранительных декретов // Природа. 1980. № 4. С. 18–21.

Хрусталев В. М. Из истории охраны природы и организации заповедного дела в первые годы Советской власти (1921–1925) // Природа. 1981. № 9. С. 13–16.

Хрусталев В. М. Союз ССР и охрана природы. 1919–1927 // Природа. 1982. № 11. С. 2–9.

Хрусталев В. М. Образование системы заповедников в РСФСР (1921–1933) // Сов. архивы. 1983. № 1.

Хрусталев В.М. Создание первых заповедников в Советской России (1918–1920) // Сов. архивы. 1983а. № 3.

Хрусталев В. М. Образование и деятельность системы государственных заповедников в РСФСР (1917–1937). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

Черникин Е. Медведь в заповеднике: год невиданной агрессивности // Охота и охотн. хоз-во. 1995. № 1.

Чибилев А. Сохранить навечно // Природа и мы. Челябинск, 1978.

Чугунов Ю. От заповедника к национальному парку // Утро России, газ. 1998, 4 апр. № 63 (1722).

Цингер О. Я. Опыты по применению гербицида 2,4-Д для борьбы с сорняками на лугах Мордовского заповедника // Тр. Морд. гос. зап-ка им. П.Г. Смидовича. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1964. Вып. 2.

Шалыбков А. М., Лопырев Б. Н., Иващенко Б. П. Справочник по охотничьим угодьям. М.: Лесн. пром-сть, 1981.

Шалыбков А. М., Сторчевой К. В. Природные заказники. М.: Агропромиздат, 1985.

Шапошников Г. Х. Милые горы, я многое сделал для вас... Жизнь и деятельность создателя и первого директора Кавказского заповедника Христофора Шапошникова // Охотничьи просторы. М., 1995. Кн. 4. С. 230–237.

Шапошников Л. К. Академия наук и охрана природы // Охрана природы и заповедное дело в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 1.

Шапошников Л. К. (сост.) Охрана природы и заповедное дело в СССР за 50 лет (обзор литературы). М., 1967.

Шапошников Л. К. (ред.) Примечательные природные ландшафты СССР и их охрана. М.: Наука, 1967а.

Шапошников Х. Г. Кавказский государственный заповедник // Охрана природы. 1928. № 1, 2, 6.

Шварц Е. Разработать концепцию организации научных исследований в заповедниках // Заповедный вестн., газ. 1995. № 6 (9).

Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 573 с.

Шиллингер Ф. Современное состояние охотничьего хозяйства в Восточной Сибири и способы улучшения его // Семья охотников. 1914. № 6, 7.

Шиллингер Ф. Лоси и проект Муромского заповедника // Охрана природы. 1928. № 2.

Шиллингер Ф. Ф. Информационный доклад о работе Печоро-Илычской экспедиции // Охрана природы. 1929. № 6.

Шиллингер Ф. Ф. Торре-Порре-Из и Болвано-Из // Охрана природы. 1930. № 1, 2.

Шиллингер Ф. Ф. Еще о Всесоюзном органе по охране природы // Охрана природы. 1930а. № 8–10.

Шиллингер Ф. Ф. Государственный Алтайский заповедник // Природа и соц. хоз-во. 1931. № 9–10.

Шиллингер Ф. Ф. К развитию иностранного туризма в заповедниках и о необходимости капиталовложений в это дело // Охрана природы. 1931а. № 6–8.

Шиллингер Ф. Ф. Крымский полуостров, его роль и значение в СССР. М., 1935.

Шмидт Р. Г. Проект инструкций, коими должен руководствоваться предполагаемый «Попечительский комитет» по охране памятников природы на Кавказе // Изв. Кавказ. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1912. Т. 21. № 3.

Шпиленок И. Заповедная Америка, какая она? // Заповедный вестн., газ. 1994. № 3.

Штильмарк Ф. Р. Река Хунгари как биогеографический рубеж Нижнего Приамурья и вопросы охраны местной фауны и флоры // Охрана, рациональное использование и воспроизводство естественных ресурсов Приамурья. Хабаровск, 1965. С. 39–42.

Штильмарк Ф. Р. Таежные дали. М.: Мысль, 1972; 1976.

Штильмарк Ф. Р. Методическое пособие по проектированию заповедников и республиканских заказников в РСФСР (Раздел 2. Справочные материалы о формировании сети заповедников в СССР). М., 1973.

Штильмарк Ф. Р. Формирование сети заповедников на территории РСФСР (история и перспективы) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1974. Т. 79. Вып. 2.

Штильмарк Ф. Заповедник на Таймыре должен быть создан // Охота и охотн. хоз-во. 1974а. № 5.

Штильмарк Ф. Р. Методические рекомендации по проектированию государственных заповедников и республиканских заказников. М., 1975.

Штильмарк Ф. Р. Таежные дали. М.: Мысль, 1976.

Штильмарк Ф. Р. Франц Францевич Шиллингер (энтузиасты заповедного дела) // Охота и охотн. хоз-во. 1977. № 5. С. 26–27.

Штильмарк Ф. Р. Василий Никитич Макаров и его роль в развитии заповедного дела (к 25-летию со дня смерти) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1978. Т. 83. Вып. 5.

Штильмарк Ф. Р. Проектирование и организация заповедников // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 183–189.

Штильмарк Ф. Р. Развитие заповедного дела после Октябрьской революции // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979а. С. 23–37.

Штильмарк Ф. Р. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты) // Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. М., 1981. С. 60–76.

Штильмарк Ф. Р. Заповедники и заказники. М.: ФиС, 1984.

Штильмарк Ф. Раздумья на берегу Байкала // Вокруг света. 1988. № 11.

Штильмарк Ф. Две жизни — две судьбы // Охотничьи просторы. 1991. Вып. 48.

Штильмарк Ф. Где закон — там и неправда. Почему меры по охране природы оборачиваются порой ее разорением? // Зеленый мир, газ. 1992. № 15–16. С. 5.

Штильмарк Ф. Р. Лукоморье — где оно? М.: Мысль, 1993.

Штильмарк Ф. Р. Жизнь, посвященная тайге (судьба охотоведа А.Г. Костина) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1995. Т. 100. Вып. 4. С. 99–104.

Штильмарк Ф. Р. Историография российских заповедников (1895–1995). М.: Логата, 1996. 340 с.

Штильмарк Ф. Р. Заповедное дело в современной России // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. 1996а. № 1 (65). С. 60–69.

Штильмарк Ф. Р. Анализ эволюции системы государственных заповедников Российской Федерации. Дис. в виде науч. докл. ... докт. биол. наук. М., 1997. 27 с.

Штильмарк Ф. Р. Григорий Александрович Кожевников (1866–1933) // Заповедное дело. Науч.-метод. зап. Комис. по заповедному делу. М., 1997а. Вып. 2. С. 108–114.

Штильмарк Ф. Р. Александр Николаевич Формозов (1899–1973) и заповедники // Охрана дикой природы. 1999. № 1 (12). С. 3–7.

Штильмарк Ф. Р. О судьбе Саянского заповедника // Охрана дикой природы. 2001. № 2 (21). С. 43–45.

Штильмарк Ф. Р. Отчёт о прожитом (записки эколога-охотоведа). М.: Логата, 2006. 528 с.

Штильмарк Ф. Р., Аваков Г. С. Первый проект географической сети заповедников для территории СССР // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1977. Т. 82. Вып. 2. С. 153–156.

Штильмарк Ф. Р., Аваков Г. С. Первый проект географической сети заповедников // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 20–23.

Штильмарк Ф. Р., Александров А. С., Иващенко Б. П. Развитие сети заповедников и опыт их проектирования в Российской Федерации // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1990. Т. 95. Вып. 6. С. 111–123.

Штильмарк Ф. Р., Власов И. М. Хунгарийский филиал Комсомольского заповедника // Охрана, рациональное использование и воспроизводство естественных ресурсов Приамурья. Хабаровск, 1967.

Штильмарк Ф. Р., Гептнер М. В. Трагедия советских заповедников (к 40-летию «реорганизации» заповедной системы в СССР) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1993. Т. 98. Вып. 2. С. 97–113.

Штильмарк Ф. Р., Иващенко Б. П. Практика проектирования государственных заповедников и республиканских заказников в РСФСР // Охотничье хозяйство и заповедное дело. М.: Россельхозиздат, 1976. С. 73–81.

Штильмарк Ф. Р., Костин Д. А. Счастливый неудачник. Шадринск, 1994.

Штильмарк Ф. Р., Сухомиров Г. И. О двух направлениях («школах») в советском охотоведении / / Бюл. МОИП. Отд. биол. 1991. Т. 96. Вып. 1.

Шурин Д. WWF приступил к реализации Алтай-Саянского проекта // Сиб. экол. вестн. 2000. № 13–14. С. 72–73.

Шутова Т. Осень «зеленых» // Природа и человек (Свет). 1994. № 8.

Щербаков И. П. К вопросу об организации заповедников в Якутии // Проблемы охраны природы в Якутии. Якутск, 1963.

Элеш В. М. На берегах Волги и Тихого океана. М.: Сов. Россия, 1970.

Юфанова Л. А. Заповедники: статус, задачи, проблемы. Аналит. обзор. Новосибирск, 1992.

Яблоков А.В. Среда обитания и права человека // Журн. рос. права. 1998. № 4–5. С. 47–57.

Якимец В. Н. Как экологу получить грант благотворительного фонда США. М., 1992.

Яницкий О. Н. Социальные движения. М.: Моск. рабочий, 1991.

Snyder T. The National Wilderness Preservation System // Sierra Club Bull. 1976. V. 61. N 9.

Weiner D. R. Models of Nature. Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington: Indiana Univer. Press, 1988.

Список опубликованных трудов Ф. Р. Штильмарка*

1957

Образцов Б.В., Штильмарк Ф. Р. Лесохозяйственное значение мышевидных грызунов в дубравах Европейской части СССР // Труды Института леса АН СССР. Т. 35. С. 5–121.

Штильмарк Ф. Р. Влияние мышевидных грызунов на естественное возобновление в островных дубравах // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 62. Вып. 1. С. 113.

Штильмарк Ф. Р. Очерк промысловой фауны кедрово-болотной подзоны западносибирской тайги по наблюдениям в верховьях реки Пур // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 62. Вып. 6. С. 67.

1958

Горчаковская Н. Н., Преображенская Н. К., Штильмарк Ф. Р. Зоопаразитологическая характеристика одного из природных очагов клещевого энцефалита в Кемеровской области // Вирусные нейроинфекции / Тезисы докл. XI научн. сессии Ин-та вирусологии им. Д.И. Ивановского АМН СССР, 27—31 января 1958 г. М. С. 43–45.

Штильмарк Ф. Р. Рецензия на книги В. Н. Скалона. 1. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск: ОГИЗ 1957, 83 с. 2. Охраняйте природу. Иркутск, ОГИЗ, 1957, 107 с. // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 63. Вып. 4. С. 146–148.

1959

Штильмарк Ф. Р. Изучение при помощи мечения динамики заселения мышевидными грызунами небольших участков леса после их обработки фосфидом цинка // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 64. Вып. 2. С. 123–125.

Штильмарк Ф. Р., Броздин П. И., Антифеев Д. И., Тарасов В. М. Применение фосфида цинка в борьбе с мышевидными грызунами в дубравах // Лесное хозяйство. № 11. С. 46-47.

1960

Горчаковская Н. Н., Преображенская Н. К., Тощигин Ю. В., Штильмарк Ф. Р. Зоологопаразитологическая характеристика одного из природных очагов клещевого энцефалита в Кемеровской области // Вопросы медицинской вирусологии. М. Вып. 6. С. 165–176.

Штильмарк Ф. Р. Вредная деятельность мышевидных грызунов и борьба с ними в дубравах // Научные записки Воронежского лесотехнического ин-та. Т. 20 / Восстановление и повышение производительности дубрав Центральной лесостепи. С. 253–255.

Сыроечковский Е. Е., Соколов Г. А., Штильмарк Ф. Р. Изменения фауны Сибири в зависимости от характера использования охотничьих угодий и проблема освоения промысловых ресурсов тайги // Мат-лы конференции по вопросам зоогеографии суши, 15–21 августа 1960 г. Алма-Ата. С. 123—124.

1961

Штильмарк Ф. Р. Защита посевов дуба от мышевидных грызунов в Теллермановском лесном массиве // Сообщения Лаборатории лесоведения АН СССР. Вып. 3. С. 3–32.

Штильмарк Ф. Р. Подвижность и перемещение лесных мышевидных грызунов в Теллермановской дубраве // Сообщения Лаборатории лесоведения АН СССР. Вып. 3. С. 46–58.

Штильмарк Ф. Р. Экологические комплексы млекопитающих в кедровых лесах Западного Саяна // Первое всесоюзное совещание по млекопитающим. М.: МГУ. Т. 2. С. 109–110.

Штильмарк Ф. Р. «Инстинкт дома» у мышевидных грызунов // Природа. № 1. С. 111.

1962

Штильмарк Ф. Р. Материалы о динамике населения лесных мышевидных грызунов в Теллермановской дубраве // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 67. Вып. 2. С. 17–23.

---

* Список составлен *Н. К. Носковой*. Названия книг выделены крупным шрифтом.

Соколов Г. А., Хлебников А. И., Штильмарк Ф. Р. Численность соболя в кедровой тайге Западного Саяна и задачи ее регулирования // Вопросы экологии (по мат-лам четвертой экологич. конф.). Киев: КГУ, Высшая школа. Т. 6. С. 147–148.

Штильмарк Ф. Р. Некоторые черты экологии мышевидных грызунов, бурундука и северной пищухи в кедровых лесах Западного Саяна // Вопросы экологии (по мат-лам четвертой экологич. конф.). Киев: КГУ, Высшая школа. Т. 6. С. 171–172.

Штильмарк Ф. Р. Лесохозяйственное значение позвоночных животных Сибири и задачи исследований в этой области // Первое совещание по изучению лесов Сибири и Дальнего Востока, Красноярск. С. 87–89.

Сыроечковский Е. Е., Соколов Г. А., Штильмарк Ф. Р. Некоторые изменения фауны Сибири в зависимости от характера использования охотничьих угодий и вопросы освоения промысловых ресурсов тайги // Зоол. жур. Т. 41. Вып. 10. С. 1459–1468.

Штильмарк Ф. Р. Изучение экологии и учет численности бурундука при помощи мечения // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 67. Вып. 2. С. 142–143.

Штильмарк Ф. Р., Лоскутов Р. И., Поликарпов Н. П. Млекопитающие и птицы – вредители культур кедра сибирского и опыты по защите посевов // Проблемы зоологических исследований в Сибири. Горно-Алтайск. С. 264–265.

Штильмарк Ф. Р. В метель на Чемборчане (Из дневника охотоведа) // На суше и на море (повести, рассказы, очерки). М.: Географгиз. С. 92–116.

1963

Штильмарк Ф. Р. Об экологии бурундука в кедровых лесах Западного Саяна // Зоол. журн. Т. 42. Вып. 1. С. 92–103.

Штильмарк Ф. Р. Новые сведения по экологии азиатской лесной мыши и северной пищухи в Саянской тайге // Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 68. Вып. 5. С. 137–138.

Штильмарк Ф. Р., Соколов Г. А., Хлебников А. И., Елистратова Н. П. Материалы о распространении и численности млекопитающих в лесах среднегорной полосы Западного Саяна // Защита лесов Сибири от насекомых-вредителей. М.: Изд-во АН СССР. С. 195–207.

Штильмарк Ф. Р. Материалы о фауне и размещении по биотопам грызунов верхнеленской тайги // Защита лесов Сибири от насекомых-вредителей. М.: Наука. С. 208–215.

Штильмарк Ф. Р. Некоторые особенности распространения и экологии европейской рыжей полевки в лесах Южной Сибири // Мат-лы третьего всесоюзного совещания по зоогеографии суши (тезисы докл.). Ташкент. С. 362–363.

Штильмарк Ф. Р., Ким Т. А. Материалы о фауне и размещении птиц среднегорной полосы Западного Саяна // Ученые записки Красноярского пединститута. Кафедра зоологии. Т. 24. Вып. 5. С. 3–32.

Штильмарк Ф. Р., Климова Л. П., Носкова Н. К., Ким Т. А., Скиданова Л. В., Елистратова Н. П. Зоологопаразитологические материалы к изучению природных очагов инфекций в лесах Западного Саяна // Ученые записки Красноярского пединститута. Т. 24. Вып. 5. С. 44–69.

Штильмарк Ф. Р. Европейская рыжая полевка в лесах Западного Саяна и Салаирского кряжа // Ученые записки Красноярского пединститута. Т. 24. Вып. 5. С. 70–75.

Штильмарк Ф. Р. Лесохозяйственное значение позвоночных животных в лесах Сибири и задачи исследований в этой области // Материалы по изучению лесов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск. С. 273–280.

Штильмарк Ф. Р., Хлебников А. И. Сбор кедрового ореха и таежная фауна // Природа. № 1. С. 106–107.

Штильмарк Ф. Р. Картирование населения мелких млекопитающих в условиях горной тайги // Вопросы зоологической картографии. М.: Изд-во МОИП. С. 130–131.

Штильмарк Ф. Р., Хлебников А. И. Северная пищуха – вредитель кедрового леса // Природа. № 8. С. 111–112 .

1964

Соколов Г., Штильмарк Ф. Беречь богатства кедровых лесов // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 17–18.

1965

Штильмарк Ф. Р. О влиянии деятельности человека на очаги клещевого энцефалита Южной Сибири // Медицинская паразитология и паразитарные болезни. М.: Медицина. Вып. 3. С. 271–273.

Штильмарк Ф. Р. Основные черты экологии мышевидных грызунов в кедровых лесах Западного Саяна // Фауна кедровых лесов Сибири и ее использование. М.: Наука. С. 5—53.

Хлебников А. И., Штильмарк Ф. Р. Лесохозяйственное значение северной пищухи в Западном Саяне // Фауна кедровых лесов Сибири и ее использование. М.: Наука. С. 91—102.

Земкова Р. И., Штильмарк Ф. Р. Материалы о питании насекомоядных птиц в кедровых лесах Западного Саяна // Фауна кедровых лесов Сибири и ее использование. М.: Наука. С. 103–120.

Ким Т. А., Штильмарк Ф. Р. К фауне млекопитающих Казыр-Кизирского междуречья (Восточный Саян) // Экология животных Красноярского края: Ученые зап-ки Красноярского пединститута. Красноярск. С. 310—325.

Штильмарк Ф. Р. Изменения орнитоценозов в лесах Западного Саяна и Салаирского кряжа // Новости орнитологии: Мат-лы 4-ой всесоюз. орнитологич. конф., 1–7 сентября 1965. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР. С. 425–426.

Штильмарк Ф. Р. Река Хунгари как биогеографический рубеж правобережного Приамурья и вопросы охраны местной фауны и флоры // Вопросы географического изучения Дальнего Востока: Тезисы докл. Хабаровск. С. 39–42.

Штильмарк Ф. Р., Носкова Н. К. Мелкие млекопитающие Комсомольского заповедника // Вопросы географического изучения Дальнего Востока: Тезисы докл. Хабаровск. С. 69–72.

Штильмарк Ф. Р. Охотник-профессионал – центральная фигура промысла // Охота и охотничье хоз-во. № 3. С. 2–3.

Штильмарк Ф. Р. Не забывать о главном (обсуждаем вопросы биотехнии) // Охота и охотничье хоз-во. № 4. С. 18.

Штильмарк Ф. В. К. Арсеньев – охотник и натуралист. К 35-летию со дня смерти // Охота и охотничье хоз-во. № 9. С. 38.

Штильмарк Ф. Р. Дикуша // Дальневосточный Комсомольск. Рубрика «В защиту природы». 26 февраля.

Штильмарк Ф. Р. Таинственные обитатели Приамурья // Там же. 25 апреля.

Штильмарк Ф. Р. Береги зеленого друга // Там же. 21 мая.

Штильмарк Ф. Р. Птицы на гнездах // Там же. 20 июня.

Штильмарк Ф. Р. Таежная лаборатория (к 30-летию Сихотэ-Алинского заповедника) // Там же. июль.

Штильмарк Ф. Р. Хунгари – краса Приамурья // Там же. 12 августа.

Штильмарк Ф. Р. Хозяева тайги (о мнимой и действительной опасности встреч с медведями) // Там же. 3 ноября.

Штильмарк Ф. Р. Помощь пришла вовремя // Там же. ноябрь.

Штильмарк Ф. Р. Солнце на лето – зима на мороз // Дальневосточный Комсомольск. Рубрика «Заметки фенолога». 2 февраля.

Штильмарк Ф. Р. Весна пришла // Там же. 13 марта.

Штильмарк Ф. Р. Весна света и воды // Там же. 11 апреля.

Штильмарк Ф. Р. Здравствуйте, пернатые! // Там же. 28 апреля.

Штильмарк Ф. Р. Зеленый шум // Там же. 1 июня.

Штильмарк Ф. Р. Пора цветения // Там же. 13 июня.

Штильмарк Ф. Р. Прощание с летом // Там же. август.

Штильмарк Ф. Р. Летят перелетные птицы // Там же. октябрь.

Штильмарк Ф. Р. Роняет лес багряный свой убор // Там же. 10 октября.

Штильмарк Ф. Р. Предзимье // Там же. 31 октября.

Нечаев А., Штильмарк Ф. Сохранить природу Хунгари // Тихоокеанская звезда. № 168 (13915), 20 июля. С. 2. (Уточнить год)

1966

Штильмарк Ф. Р. Мелкие грызуны в кедровых лесах Западного Саяна (Экология и практическое значение) // Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. биол. наук. Владивосток. 24 с.

Штильмарк Ф. Р. Динамика населения бурундука в кедровых лесах Западного Саяна // Вопросы зоологии: Мат-лы к III совещанию зоологов Сибири, 22–26 ноября 1966 г. Томск. С. 272–273.

Штильмарк Ф. Р. Заповедник на Амуре // Охота и охотничье хозяйство. № 10. С. 10–11.

Штильмарк Ф. Р. Наши зимние гости // Дальневосточный Комсомольск. Рубрика «В защиту природы». 15 марта.

Штильмарк Ф. Р. Торжество обновления // Там же. 4 мая.

Власов И. М., Штильмарк Ф. Р. Заповедник на Амуре // Там же. 16 июля. С. 3.

Штильмарк Ф. Р. Слово о зеленом друге // Там же. 18 сентября.

Штильмарк Ф. Р. Весенние ветры // Дальневосточный Комсомольск. Рубрика «Заметки фенолога». 29 марта.

Штильмарк Ф. Р. Крылатые вестники // Там же. 24 апреля.

Штильмарк Ф. Р. Весна зелени и цветов // Там же. 27 мая.

Штильмарк Ф. Р. Благодатное раннее лето // Там же. 12 июня.

Штильмарк Ф. Р. Полдень года // Там же. 9 июля.

Штильмарк Ф. Р. Щедрость осени // Там же. 17 сентября.

Штильмарк Ф. Р. Прощание с осенью // Там же. 25 октября.

1967

Штильмарк Ф. Р. Изучение динамики населения и подвижности бурундука путем длительных наблюдений за мечеными зверьками // Экология млекопитающих и птиц. М.: Наука. С. 39–49.

Штильмарк Ф. Р. Об охране и рациональном использовании ценных млекопитающих и птиц Нижнего Приамурья // Охрана, рациональное использование и воспроизводство естественных ресурсов Приамурья: Тез. научн. конф. Хабаровск. С. 126–128.

Штильмарк Ф. Р., Власов И. М. Хунгарийский филиал Комсомольского заповедника // Охрана, рациональное использование и воспроизводство естественных ресурсов Приамурья: Тез. научн. конф. Хабаровск. С. 257–258.

Штильмарк Ф. Р. Забота о природе Приамурья // Природа. № 8. С. 97–98.

Штильмарк Ф. Р. Коварный шадак // Юный натуралист. № 9. С. 23–24.

Штильмарк Ф. Довести дело до конца // Охота и охотничье хозяйство. № 7. С. 11.

Штильмарк Ф. Р. Уникальные обитатели Приамурья // Неделя.

Штильмарк Ф. Р. Подвиг первопроходца (о первом русском исследователе Нижнего Приамурья Р. К. Мааке) // Дальневосточный Комсомольск. 22 января.

Штильмарк Ф. Р. Ученый-энтузиаст (об А. П. Нечаеве) // Там же. 14 марта.

Штильмарк Ф. Р. Охраняйте пернатых // Там же. 6 мая.

Штильмарк Ф. Р. Во имя будущего (о конф. по охране природы Приамурья в г. Хабаровске) // Там же. 13 мая.

Штильмарк Ф. Р. Пути весенние (о плавании по Хунгари) // Там же. 27 мая.

Штильмарк Ф. Р. У самого озера Кизи (об Удыль-Кизинской низменности) // Там же. 2 августа. С. 3

1968

Штильмарк Ф. Р. Изменения фауны млекопитающих и птиц в лесах Западного Саяна и Салаирского кряжа под влиянием деятельности человека // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 73. Вып. 5. С. 45–55.

Штильмарк Ф. Р., Емельянова Н. Д. Блохи насекомоядных, грызунов и зайцеобразных центральной части Западного Саяна // Известия противочумного института Сибири и Дальнего Востока. Т. 27. Иркутск. С. 241–253.

Штильмарк Ф. Р. Замечательная река Приамурья // Природа. № 1. С. 100–104.

Штильмарк Ф. Р. Животный мир Еврейской автономной области // Вопросы географии Приамурья. Хабаровск. С. 58–67 (*В. Т. Тагирова*).

Штильмарк Ф. Р. Некоторые особенности проявления вредной деятельности мелких грызунов в кедрово-широколиственных лесах Нижнего Приамурья в зимний период // Проблемы регионального зимоведения. Вып. 2. Чита. С. 107–108.

Штильмарк Ф. Р. Бурундук (листая Брема) // Юный натуралист. № 5. С. 11–12.

Штильмарк Ф. Р. Бурундук // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 14–16.

Штильмарк Ф. Р. Сказ о кедре // Юный натуралист. № 8. С. 9–11.

Штильмарк Ф. Р. Гималайский медведь // Пионер. № 2. С. 67–68.

Штильмарк Ф. Р. Челны, долбленки, оморочки // Пионер. № 9. С. 66–68.

Штильмарк Ф. Р. Следы невиданных зверей (комментарий к очерку О. Куваева «Очень большой медведь» — в этом же номере) // Вокруг света. № 5. С. 68.

1969

Штильмарк Ф. Р. Комсомольский заповедник // Заповедники Советского Союза. М.: Колос. С. 212–217.

Штильмарк Ф. Р. Правомерен ли заповедник близ города? // Ежегодник «Земля и люди». М.: Мысль. С. 106–107.

Штильмарк Ф. Р. Вредная деятельность лесных позвоночных животных в связи с проблемой доместикации фауны // Синантропизация и доместикация животного населения: Мат-лы к совещ. 19–20 ноября 1969 г. М. С. 73–74.

Штильмарк Ф. Р. Изменения орнитофауны Нижнего Приамурья под влиянием хозяйственной деятельности // Орнитология в СССР. Кн. 2. / Материалы (тезисы) V Всесоюз. орнитолог. конф. Ашхабад. С. 727-729.

Штильмарк Ф. Р. Разноцветная Супутинка // Пионер. № 7. С. 34–36.

Штильмарк Ф. Р. В тайге цветут рододендроны // Юный натуралист. № 4. С. 7–11.

Штильмарк Ф. Р. Каков он, серый разбойник? // Юный натуралист. № 12. С. 17–19.

Штильмарк Ф. Р. Встреча с медведем: опасности действительные и мнимые // Наука и жизнь. № 10. С. 154–155.

Штильмарк Ф. Правдиво и талантливо (рец. на кн. В. Соловьева «Охотничья тетрадь») // Охота и охотничье хозяйство. № 8. С. 39.

Штильмарк Ф. Книга, необходимая охотоведам (рец. на кн. В. А. Туголукова «Следопыты верхом на оленях») // Охота и охотничье хозяйство. № 12. С. 40.

1970

Штильмарк Ф. Р., Сухомиров Г. И., Сапаев В. М., Кучеренко С. П. Динамика запасов охотничье-промысловых зверей Нижнего Приамурья за последние 100 лет // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 25. Вып. 3. С. 29–39.

Штильмарк Ф. Р., Кучеренко С. П. Сохранить кедрово-широколиственные леса // Природа. № 5. С. 92–94.

Штильмарк Ф. Р. Заповедники в тайге // Природа, ее охрана и рациональное использование Тезисы докл. второй Иркутской конф. по охране и рац. использованию природных ресурсов. Иркутск. С. 21–23.

Штильмарк Ф. Р. Сохранить уникальную популяцию бобров // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 24–25.

Штильмарк Ф. Р. Ресурсы животного сырья (рец. на кн. «География СССР», вып. 7, М., 1969) // Охота и охотничье хозяйство. № 10. С. 17.

Штильмарк Ф. Р. Заветные челны // Ежегодник «На суше и на море». М.: Географгиз. С. 258–272.

Штильмарк Ф. Р., Матюшин А. И., Штильмарк Ф. Р. Жемчужина Тюменского севера // Тюменская правда, 30 декабря.

Штильмарк Ф. Р. Кондо-Сосвинский государственный заповедник // Ленинская правда, 16 октября.

Штильмарк Ф. Р. Будут жить бобры на Конде // Путь Октября, 4 сентября.

Штильмарк Ф. Р. Куда девался бобровый воротник? // Советская Россия. № 30, 6 февраля.

1971

Штильмарк Ф. Р. Некоторые особенности размещения и экологии мелких млекопитающих в лесах Нижнего Приамурья // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 76. Вып. 2. С. 76-85.

Штильмарк Ф. Р. О влиянии концентрированных рубок леса на охотничью фауну в условиях горной и равнинной тайги // Рациональное использование и охрана живой природы Сибири. Мат-лы научн. конф. Томск. С. 138—139.

Штильмарк Ф. Р. О восстановлении Кондо-Сосвинского заповедника // Рациональное использование и охрана живой природы Сибири. Мат-лы научн. конф. Томск. С. 231–232.

Штильмарк Ф. Р. Таёжные приюты // Земля и люди. Географический ежегодник. М.: Мысль. С. 263–267. [9 оригинальных фотографий: зимовья, чумы, избушки]

Штильмарк Ф. Р. Караязские джунгли // Юный натуралист. № 4. С. 37–38.

Штильмарк Ф. Р. Зверь-инквой // Знание – сила. № 4. С. 24–26. [О речных бобрах].

Костин А., Штильмарк Ф. Памяти П. П. Игнатенко // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 24–35.

Штильмарк Ф. Проблемы северного оленя // Охота и охотничье хозяйство. № 1. С. 20–21.

Штильмарк Ф., Носкова Н. Зоологическая арифметика // Юный натуралист. № 11. С. 1–5.

Сыроечковский Е., Штильмарк Ф., Рогачева Э. Создать государственную службу учета // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 1–2.

Штильмарк Ф. Р. Нужды охотничьего хозяйства Ханты-Мансийского округа // Охота и охотничье хозяйство. № 10. С. 4–5.

Штильмарк Ф. Р. Сохранить бобров // Тувинская правда, 27 апреля.

Штильмарк Ф. Р. Новое содержание старой профессии (об учетах охотничьих животных) // Тувинская правда. № 134 (8012), 5 июня. С. 3.

1972

Штильмарк Ф. Р. Таежные дали (Очерки биолога-охотоведа). М.: Мысль, 238 с.

Штильмарк Ф. Р. Лесоэксплуатация и охотничье хозяйство // Об усилении охраны и воспроизводстве диких животных Восточной Сибири // Мат-лы зонального семинара. М.: ВООП. С. 35–41.

Штильмарк Ф. Р. Прошлое и современное состояние кондо-сосьвинского очага аборигенных речных бобров // Зоологические проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, сиб. отд. С. 502–503.

Штильмарк Ф. Р. Опыт проектирования заповедников в таежной зоне // Охрана природы и воспроизводство естественных ресурсов. Записки Забайкальского филиала Географического о-ва СССР. Вып. 2. Чита. С. 14–16.

Штильмарк Ф. Р., Руденко Ю. Т. Об организации заповедников в Читинской области // Охрана и воспроизводство естественных ресурсов. Записки Забайкальского филиала Географического о-ва СССР. Вып. 2. Чита. С. 16–19.

Штильмарк Ф. Р. Тропами амурского заповедника // Ежегодник «На суше и на море» (Путешествия, приключения, фантастика). М.: Мысль. С. 235–245.

Штильмарк Ф. Р. Конференция по охране природы Сибири // Охота и охотничье хозяйство. №5. С. 25.

Штильмарк Ф. Р. Натуралист большого таланта (о В. В. Раевском) // Охота и охотничье хозяйство. № 6. С. 28.

Штильмарк Ф. Р. Туранский госпромхоз // Охота и охотничье хозяйство № 10. С. 12–13.

Тихомиров Ф. (псевдоним) Собольим следом // Юный натуралист. № 1. С. 32–35, 52.

Штильмарк Ф. Р. Косолапое семейство // Неделя. №16 (632).

Иващенко Б., Штильмарк Ф. Забайкалью нужен заповедник // Забайкальский рабочий (Чита). № 100 (15189). 28 апреля.

Штильмарк Ф. Р. Не гневайся, Сохондо! // Там же. № 193—194, 18 августа.

Штильмарк Ф. Р. Когда охотники не виноваты (некоторые соображения о промысле в угодьях Мензинского госпромхоза) // Там же. 29 ноября.

Штильмарк Ф. Идем к Шаману (горный массив в Приамурье) // Советская Россия. 22 августа.

1973

Штильмарк Ф. Р. Методическое пособие по проектированию заповедников и республиканских заказников в РСФСР. Раздел 2. Справочные материалы о формировании сети заповедников в СССР. – М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР, 85 с.

Штильмарк Ф. Р. Влияние лесохозяйственной деятельности на численность охотничьих животных Сибири // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири (Мат-лы семинара 8–10 июня). Улан-Удэ. С. 46–64.

Штильмарк Ф. Р. Современное состояние аборигенных популяций азиатских бобров, организация их охраны и возможности использования // Рациональное использование запасов речного бобра в СССР (Тезисы докл. 5-го Всесоюзного совещания по бобру. Ноябрь, 1973). Воронеж. С. 53–54; –То же // Редкие виды млекопитающих фауны СССР и их охрана. М.: Наука. С. 67–68.

Штильмарк Ф. Р. Животный мир Удыль-Кизинской низменности // Природные условия Удыль-Кизинской низменности. Новосибирск: Наука. С. 144–153.

Штильмарк Ф. Р. Наземные позвоночные Комсомольского-на-Амуре заповедника и прилежащих территорий // Вопросы географии Дальнего Востока. Вып. 11. Зоогеография. Хабаровск. С. 30–124.

Штильмарк Ф. Р. Сохондо // Вокруг света. № 3. С. 50–54.

Шкатулова А., Штильмарк Ф. Торейские озера нуждаются в охране // Охота и охотничье хозяйство. № 8. С. 8–10.

Штильмарк Ф. Р. Золотая тайга (некоторые проблемы охотничьего хозяйства и охраны сибирской тайги) // Охотничьи просторы. № 30. С. 60–68.

Штильмарк Ф. Р. Магистраль в арсеньевские края // Ежегодник «Земля и люди». М.: Мысль. С. 193–194.

Штильмарк Ф. Р. О возможности применения зимнего маршрутного учета в Сибири и на Дальнем Востоке // Учеты охотничьих животных на больших территориях (Мат-лы к 3 Всесоюзному совещанию (март, 1973). Пущино-на-Оке. С. 20—21.

Штильмарк Ф. Р. Загадка остается загадкой (о реликтовой чайке) // Юный натуралист. № 6. С. 37–38.

Штильмарк Ф. Р. Наедине с тайгой (рец. на кн. Э. Кольера «Трое против дебрей». М.: Мысль, 1971) // Знание-сила. № 9. С. ???.

Штильмарк Ф. Р. Тундра с птичьего полета // Красноярский рабочий. 2 августа.

Штильмарк Ф. Р. Пясина – край оленей // Там же. 27 сентября.

Штильмарк Ф. Р. Охраняемые территории // Там же. 16 ноября.

Штильмарк Ф. Р. Границы заповедника определены // Советский Таймыр. 18 сентября.

Матюшин А., Штильмарк Ф. Беречь природу тундры // Там же. 26 июня.

1974

Штильмарк Ф. Р. Проблемы организации заповедников в Сибири // Природа, ее охрана и рациональное использование (Мат-лы Третьей Иркутской областной конференции), Иркутск. С. 38–42.

Штильмарк Ф. Р. Формирование сети заповедников на территории РСФСР (история и перспективы) // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 79. Вып. 2. С. 142–152.

Штильмарк Ф. Р. Роль Кондо-Сосьвинского заповедника в изучении и охране охотничьей фауны Зауралья // Охотоведение. М.: Лесная промышленность. С. 311–318.

Штильмарк Ф. Р. Роль анкетного и опросного методов для ориентировочной оценки запасов охотничьих животных // Охотоведение. М.: Лесная промышленность. С. 166–185.

Зыков К. Д., Реймерс Н. Ф., Филонов К. П., Штильмарк Ф. Р. Некоторые аспекты теории и практики организации таежных заповедников // Охотоведение. М.: Лесная промышленность. С. 304–310.

Штильмарк Ф. Р., Долгов В. А. Землеройки (Mammalia, Soricidae) Нижнего Приамурья // Фауна и экология наземных животных юга Дальнего Востока СССР / Тр. Биол.- почв. ин-та. Т. 17. Владивосток. С. 58-64.

Штильмарк Ф. Р. Создается заповедник // Охотничьи просторы. № 31. С. 51–57.

Штильмарк Ф. Р. Как создаются заповедники? // Ежегодник Земля и люди. М.: Мысль. С. 87–93.

Штильмарк Ф. Р. Зачем заповедник Таймыру? // Вокруг света. № 12. С. 39–43.
Штильмарк Ф. Р. Заповедник на Таймыре должен быть создан // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 24–26.
Штильмарк Ф. Р. Новый заповедник в Забайкалье // Охота и охотничье хозяйство. № 7. С. 28–29.
Штильмарк Ф. Р. Проблемы надо решать (дискуссия об организации заповедников) // Охота и охотничье хозяйство. № 10. С. 13.
Штильмарк Ф. Р. У самой колыбели Амура // Дальневосточные путешествия и приключения. Хабаровск. Вып. 5. С. 157–175.
Штильмарк Ф. Р. Амурские низовья // По родной стране. М.: Просвещение. С. 227–231.
Носкова Н., Штильмарк Ф. Краснозобая казарка // Юный натуралист. № 9. С. 33–35.
Штильмарк Ф. Р. Деятельность В.В. Раевского в Кондо-Сосьвинском заповеднике // Доклады МОИП (зоология и ботаника). М.: МГУ.
Штильмарк Ф. Р. Сибирь: человек и тайга // Вокруг света. № 1. С. 1.
Гагина Т., Скалон В., Штильмарк Ф. Берегите тайгу (размышления об охране природы на трассе БАМ) // Известия, 17 декабря. С. 2.
Штильмарк Ф. Р. Тайга – это гордость! // Восточно-Сибирская правда, 3 сентября. С. 3.
Штильмарк Ф. Р. Что ищет человек с рюкзаком? // Литературная газета. № 44, 30 октября. С. 7.

1975

Штильмарк Ф. Р. Методические рекомендации по проектированию заповедников и республиканских заказников. М.: ЦНИЛ Главохоты. 68 с.
Штильмарк Ф. Р. Современное состояние аборигенных популяций азиатских бобров, организация их охраны и возможности использования // Труды Воронежского гос. заповедника. Вып. 21. Т. 1. Рациональное использование запасов речного бобра в СССР. Мат-лы V Всесоюз. совещания. С. 145–150.
Штильмарк Ф. Р. Экологическая ниша дикого северного оленя таежной зоны в связи с антропогенными преобразованиями лесных ландшафтов // Дикий северный олень в СССР. М.: Советская Россия. С. 104–107.
Штильмарк Ф. Р., Азаров В. И. Дикий северный олень в бассейне реки Конды // Дикий северный олень в СССР. М.: Советская Россия. С. 186–189.
Штильмарк Ф. Р. Проблемы проектирования и организации заповедников в РСФСР // Теоретические вопросы заповедного дела в СССР (Тезисы докл. научной конференции 15–18 сентября 1975 г.). Курск. С. 15–17.
Штильмарк Ф. Р. Кондо-сосьвинская популяция речных бобров и их сохранение // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 80. Вып. 4. С. 78—86.
Штильмарк Ф. Р. Судьба тайги на трассе БАМ // Вокруг света. №9. С. 4–9; –То же // БАМ. Вып. 2. Хабаровск. С. 290–300.
Водопьянов Б. Г., Наумов П. П., Устинов С. К., Штильмарк Ф. Р. Авиаоценка численности копытных на зимовках в районах западной части трассы БАМ // Копытные фауны СССР. Экология, морфология, использование, охрана. М.: Наука. С. 41-42
Гагина Т., Скалон В., Штильмарк Ф. Природа на трассе БАМ // Человек и природа (Земля под колесами — транспорт и охрана природы), М.: Знание. № 9. С. 71–75.
Штильмарк Ф. Р. Человек и тайга (письма на БАМ) // Дальневосточные путешествия и приключения. Вып. 6. Хабаровск. С. 141–152.
Штильмарк Ф. Р. Тайга поманила // Охотничьи просторы. Вып. 32. С. 35–41.
Штильмарк Ф. Р. Наши кедровые леса // Наш современник. № 9.
Штильмарк Ф. Р. Судьба Ары-Маса // Ежегодник Земля и люди М.: Мысль. С. 98–99.
Штильмарк Ф. Р. Познать и сберечь (о серии брошюр изд-ва Лесная промышленность — Они должны жить) // Природа. № 10. С. 125–126.
Штильмарк Ф. Р. Медведь белогрудый // Юный натуралист. № 1. С. 23–25.
Носкова Н., Штильмарк Ф. Новости с таёжной тропы // Юный натуралист. № 9. С. 8–11.
Штильмарк Ф. Таймырские странники // Юный натуралист. № 12. С. 30–34.
Штильмарк Ф. Р. Осторожно: тайга! // Комсомольская правда, 9 августа.

Штильмарк Ф. Р. Сколько кедров на БАМе? // Литературная газета № 36, 3 сентября.
Штильмарк Ф. Р. Птицы в лесу и в клетке // Комсомольская правда № 207, 4 сентября.
Штильмарк Ф. Р. Мода по-браконьерски (о краснокнижных видах) // Комсомольская правда, 22 февраля.
Штильмарк Ф. Р. Дума о Кунерме (из записок охотоведа) // Восточно-Сибирская правда (Иркутск), 3 июля.
Устинов С., Водопьянов Б., Штильмарк Ф., Наумов П. С заботой о тайге // Восточно-Сибирская правда, 19 апреля.

1976

Штильмарк Ф. Р. ТАЕЖНЫЕ ДАЛИ (2-ое издание, переработанное). М.: Мысль, 240 с.
Штильмарк Ф. Р. Организация государственной службы учета охотничьих животных в РСФСР // Охотничье хозяйство и заповедное дело. М.: Россельхозиздат. С. 31–41.
Штильмарк Ф. Р., Иващенко П. П. Практика проектирования государственных заповедников и республиканских заказников в РСФСР // Охотничье хозяйство и заповедное дело. М.: Россельхозиздат. С. 73–81.
Штильмарк Ф. Р. Некоторые сведения о краснозобой казарке на Таймыре // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 81. Вып. 1. С. 134–136.
Штильмарк Ф. Р. Об организации охраняемых природных территорий на Таймыре // Дикий северный олень: Бюллетень научно-технич. информации. Норильск. С. 96–98.
Штильмарк Ф. Р. О новых заповедниках // Охотничьи просторы. Вып. 33. С. 49–54.
Штильмарк Ф. Р. Наедине с тундрой // Альманах «На суше и на море». М.: Мысль. С. 289–300.
Штильмарк Ф. Р. Заказник в Тофаларии // Ежегодник «Земля и люди». М.: Мысль. С. 66–67.
Штильмарк Ф. Р. Сергей Сергеевич Туров (1891–1975) // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 81. Вып. 6. С. 126–129.
Штильмарк Ф. Р. Заповедник «Малая Сосьва» // Охота и охотничье хозяйство. № 12. С. 20–21.
Штильмарк Ф. Р. Что ищет человек с рюкзаком? (о заповеднике «Столбы») // Земля людей (нар. университет). М.: Знание. С. 121–127.
Shtilmark F. R. Network of nature reserves // Geographical magazine. № 12, September. P. 743–746.
Штильмарк Ф., Деков В., Седов Л. Заповедная Сосьва // Тюменская правда, 24 августа.
Штильмарк Ф. Р. Кордон на Малой Сосьве // Комсомольская правда, 18 марта.
Штильмарк Ф. Р. Заповедник «Малая Сосьва» // Путь Октября № 104, 31 августа.
Штильмарк Ф. Р. Тайга и магистраль (Беречь природу в зоне сооружения БАМа) // Строительная газета. №7 (6461), 16 января. С. 3.
Штильмарк Ф. Р. Таёжными маршрутами (автор рассказывает о своей книге «Таежные дали») // Книжное обозрение, 1 октября.

1977

Stilmark F.R. VOLANI TAYGA. Praga. 245 p. [«Таежные дали» на чешском языке].
Штильмарк Ф.Р. (составитель). Алтайский заповедник. М.: Планета. [альбом]
Штильмарк Ф.Р., Аваков Г.С. Первый проект географической сети заповедников для территории СССР // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 82. Вып. 2. С. 153–156.
Штильмарк Ф.Р., Вороницына Н.В., Толчинская А.С. Природоохраняемые территории в зоне строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 82. Вып. 6. С. 101–105.
Штильмарк Ф.Р. Практика проектирования заповедных территорий // Природные заповедники и основные принципы их работы (Тезисы Всес. совещ. Ноябрь, 1977. Березинский заповедник) Минск. С. 97–98.
Зыков К.Д., Шалыбков А.М., Штильмарк Ф.Р. Развитие сети заповедников в Российской Федерации // Природные заповедники и основные принципы их работы (Тезисы Всес. совещ. Ноябрь, 1977, Березинский заповедник). Минск. С. 101–104.
Смиренский С.М., Штильмарк Ф.Р. Значение Среднего Приамурья для сохранения дальневосточного аиста, японского и даурского журавлей // VII Всесоюзная орнитологическая конференция: Тез. докл. (Черкассы, 27–30 сентября 1977 г.). Ч. 2. Киев: Наукова Думка. С. 246–247.

Волков О. В., Штильмарк Ф. Р. Земля надежд // Сельская молодежь. № 12. С. 28–31. [авторский заголовок – «Земля надежд и тревог»]
Штильмарк Ф. Р. Заказник в Тофаларии // Ежегодник Земля и люди М.: Мысль. С. 77–78.
Штильмарк Ф. Р. Рядом – БАМ // Ежегодник Лес и человек М. С. 55–56.
Штильмарк Ф. Р. Поход на Чермал // Дальневосточные путешествия и приключения. Хабаровск. Вып. 8. С. 291–308.
Штильмарк Ф. Р. Защити самого себя // Вокруг света. № 9. С. 32–34.
Штильмарк Ф. Р. Франц Францевич Шиллингер (энтузиасты заповедного дела) // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 26–27.
Нечаев А., Шалыбков А., Зыков К., Штильмарк Ф. Совершенствовать заповедное дело // Охота и охотничье хозяйство № 8. С. 3–4.
Штильмарк Ф. Р. Первыми заповедниками в России были опытные степные станции (к 100-летию научного заповедания) // Заповестник. ???.
Штильмарк Ф. Р. Хранить природы дар // Труд. № 198, 24 августа.
Нечаев А. П., Штильмарк Ф. Р. Сохранить и сберечь // Тихоокеанская звезда, 4 декабря.

1978

Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль. 295 с.
Штильмарк Ф. Р. Василий Никитич Макаров и его роль в развитии заповедного дела (к 25-летию со дня смерти) // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 83. Вып. 5. С. 143–146.
Штильмарк Ф. Р. Василий Николаевич Скалон (к 75-летию со дня рождения) // Проблемы экологии позвоночных Сибири. Сб. научн. трудов. Кемерово. С. 187–191.
Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории и охотничье хозяйство // Пути и методы рациональной эксплуатации и повышения продуктивности охотничьих угодий: Тезисы докл. научн. конф. М. С. 264–266.
Штильмарк Ф. Р. Заповедники и заказники: проблемы сегодняшние и будущие // Охотничьи просторы. Вып. 35. С. 57–59.
Штильмарк Ф. Р. Памяти Василия Никитича Макарова (1887–1953) // Охота и охотничье хозяйство. № 11. С. 44–45.
Штильмарк Ф. Р. Последняя осень Виктора Зырянова // Охота и охотничье хозяйство. № 4. С. 8–9.
Штильмарк Ф. Р. Бобровая вотчина (о Верхне-Кондинском республиканском бобровом заказнике) // Юный натуралист, ноябрь; –То же // Путь Октября, 21 декабря.
Иващенко Б. П., Штильмарк Ф. Р. Эталоны первозданной природы (о создании заповедников в Якутии) // Социалистическая Якутия, 30 августа. С. 2.

1979

Штильмарк Ф. Р. Свидание с Таймыром. Красноярск: Красноярское книжное изд-во. 157 с. [Первоначальное название – «Долгие поиски» — документальная повесть о проектировании заповедника на Таймыре].
Штильмарк Ф. Р., Реймерс Н. Ф. Эталоны природы // Человек и природа. М.: Знание. № 3. 868 с.
Штильмарк Ф. Р., Аваков Г. С. Первый проект географической сети заповедников // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука. С. 20–23.
Штильмарк Ф. Р. Развитие заповедного дела после Октябрьской революции // Опыт и задачи заповедников СССР. М.: Наука. С. 23–37.
Штильмарк Ф. Р. Проектирование и организация заповедников // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука. С. 183–189.
Штильмарк Ф. Р. Денежкин Камень // Охотничьи просторы. Вып. 36. С. 62–66.
Лопырев Б., Иващенко Б., Штильмарк Ф., Зыков К., Шурупов И. Охраняемые территории и охотничьи хозяйства РСФСР // Охота и охотничье хозяйство № 3. С. 12–15.
Штильмарк Ф. О книге и ее авторе // Туров С. С. По родному краю (очерки зоолога-натуралиста). М.: МГУ. С. 3–6.
Штильмарк Ф. Р. Чудо, которое нельзя потерять // Вокруг света. № 6. С. 16–18. [о Сохондо и Забайкальской тайге].

Штильмарк Ф. Р. Гордость Южного Забайкалья (о Бальдже) // Забайкальский рабочий, 16 февраля.
Штильмарк Ф. Р. Горький дым (о весенних палах) // Комсомольская правда, 8 мая. С. 3.
Штильмарк Ф. Р. Сохранить и сберечь (о расширении Комсомольского заповедника) // Тихоокеанская звезда, 4 декабря.
Штильмарк Ф. Р. Дела заповедные // Красноярский рабочий, октябрь.

1980

Штильмарк Ф. Р. Справочное пособие по проектированию государственных Ззаповедников и республиканских заказников в РСФСР. М.: ЦНИЛ Главохоты, 103 с.
Шаргаев М. А., Штильмарк Ф. Р. Заповедники и заказники Забайкалья и перспективы их развития // Фауна и ресурсы позвоночных бассейна озера Байкал. Улан-Удэ: АН СССР. СО. Бурятский филиал. Отд. биологии. С. 131–137.
Сташкевич Л., Штильмарк Ф. Зауральская заповедь // Охота и охотничье хозяйство. № 2. С. 17.
Штильмарк Ф. Р. Всегда первостепенна // В мире книг. № 6. С.???.

1981

Stilmark Felikz. KAUGE TAIGA. Tallinn: Valgus. 222 p. [«Таежные дали» на эстонском языке].
Штильмарк Ф. Р. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты) // Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР. С. 60–76.
Зыков К. Д., Нухимовская Ю. Д., Штильмарк Ф. Р. Разработка и совершенствование перспективного плана создания заповедников в РСФСР Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР. С. 87–109.
Штильмарк Ф. Р. Принципы заповедности и развитие системы биосферных заповедников // Биосферные заповедники: современное состояние и перспективы развития (Тезисы совещ. 15–18 декабря 1981 г.). Пущино. С. 20–24.
Штильмарк Ф. Р. Изучение и охрана соболя в заповедниках Российской Федерации // Охрана и рациональное использование ресурсов соболя в РСФСР (Тезисы докл. научно-производственного совещания 20–24 июля 1981 г.). Красноярск. С. 62–63.
Штильмарк Ф. Р. Заповедники и заказники Крайнего Севера // Биологические проблемы Севера (Тезисы докладов IX симпозиума). Сыктывкар. С. 220.
Семкин С. Т., Штильмарк Ф. Р. Новые заповедники России // Природа и человек. № 4. С. 42–45.
Штильмарк Ф. Р. Новые заповедники Советского Союза // Природа. № 9. С. 104.
Штильмарк Ф. Р. Бальджа (о Сохондинском заповеднике) // Ежегодник «Земля и люди». М.: Мысль. С. 117–120.
Штильмарк Ф. Р. Проблемы заказников Российской Федерации // Охота и охотничье хозяйство. № 4. С. 1–2.
Штильмарк Ф. Р. Слово о тайге (предисловие к фотоальбому «Тайга» М.: Физкультура и спорт — Хельсинки). С. 5–17.
Штильмарк Ф. Р. Тропы, которые нельзя прокладывать (рец. на кн. «Заповедными тропами». Пособие для учащихся под ред. Т. А. Адольф. М.: Просвещение, 1980, 192 с.) // Природа. № 9. С. 121.
Штильмарк Ф. Р. Удмуртские встречи // Юный натуралист. № 4. С. 4–6.

1982

Дежкин В.В., Штильмарк Ф.Р. Ландшафтные заказники – перспективная форма охраны природы // Проблемы охраны фауны. М.: МГУ. Ч. 1. С. 18–20.
Штильмарк Ф.Р., Носкова Н.К. Моральные аспекты охраны редких животных // Проблемы охраны фауны. М.: МГУ. Ч. 2. С. 110–111.
Штильмарк Ф.Р. Биотехния и заповедное дело // Обогащение фауны и разведение охотничьих животных: Мат-лы Всесоюз. научно-практической конф., посв. 100-летию со дня рождения П.А. Мантейфеля (19–21 мая 1982 г.). Киров. С. 58.

Бибиков Д. И., Штильмарк Ф. Р. Биотехническая практика и несостоятельная теория. (Рец. на кн. «Теоретические основы и практические работы в Сибири». Отв. ред. С. С. Фолитарек. Новосибирск, 1980) // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 87. Вып. 6. С. 133–135.

Штильмарк Ф. Р. Ответственный редактор, автор предисловия и комментариев к кн. В.В. Раевского «Позвоночные животные Северного Зауралья» М.: Наука, 1982, 147 с.

Штильмарк Ф. Р. Перспективы развития заповедников и заказников в зонах тундры и северной тайги // Охрана растительного мира северных регионов (тезисы докл.), Сыктывкар.

Тихомиров Р. (псевдоним). Памятник природы // Природа и человек. № 6. С. 72. [О ленских «столбах»]

1983

Данилов В. И., Нухимовская Ю. Д., Штильмарк Ф. Р. Проблемы создания степных заповедников в РСФСР // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 88. Вып. 6. С. 92–104.

Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Заповедники и заказники Крайнего Севера СССР, их современное состояние и перспективы развития // Охрана и рациональное использование биологических ресурсов Крайнего Севера. М.: Колос. С. 259–285.

Штильмарк Ф. Р. Что такое заповедность? // Охота и охотничье хозяйство. № 3. С. 5–6.

1984

Штильмарк Ф. Р. Заповедники и заказники. М.: Физкультура и спорт (серия «Молодому охотнику»). 144 с.

Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Степные заповедники Сибири: проблемы организации // Проблемы охраны генофонда и управления экосистемами в заповедниках степной и пустынной зон (Тезисы докладов всесоюзн. совещ. 21—25 мая 1984 г., Аскания-Нова), М. С. 58–60.

Сыроечковский Е., Штильмарк Ф. Биосферный заповедник в центре Сибири // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 22–23.

Александров А., Сторчевой К., Штильмарк Ф. Олекминский – первый заповедник Якутии // Охота и охотничье хозяйство. № 8. С. 3.

Тихомиров Р. (псевдоним) Ара – гроза бурундуков // Охотничьи просторы. Вып. 41. С. 45—50.

Штильмарк Ф. Р. А. А. Черкасов – охотник, натуралист, писатель (к 150-летию со дня рождения) // Охотничьи просторы. Вып. 41. С. 118–121.

Штильмарк Ф. Р. Предъявите охотничий билет (интервью Павла Пэнэжко с Ф. Р. Штильмарком) // Сельская молодежь. № 1. С. 20–24.

Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Дуб – оптом и в розницу (о лесопарковом поясе столицы) // Московская правда, 15 августа.

Штильмарк Ф. Р. Костер на заповедной поляне // Известия, 5 октября.

Сыроечковский Е., Штильмарк Ф. Заповедано в тайге (о Центральносибирском заповеднике) // Советская Россия, 12 июля.

1985

Сташкевич Л. Ф., Штильмарк Ф. Р., Буйдалина Ф.Р., Васин А. М., Васина А. Л., Гаврилов М. И., Загузов А. В., Лыхварь В. П. Заповедник «Малая Сосьва». Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во. 176 с.

Штильмарк Ф. Р. Что мы творим? (размышления специалиста о возможных последствиях научных рекомендаций) // Природа и человек. № 1. С. 23–26.

Штильмарк Ф. Р. Современные тенденции формирования сети заповедников РСФСР // Современное состояние и перспективы развития заповедного дела (тезисы докл. конф., посвященной 50-летию Центрально-черноземного заповедника 11—15 июня 1985 г.) Курск. С. 73–74.

Штильмарк Ф. Р. Проблемы оптимального размещения заповедных территорий в РСФСР // Теоретические основы заповедного дела: Тезисы докладов Всесоюзн. совещ., Львов, 18–19 декабря 1985 г. М. С. 313–316.

Штильмарк Ф. Р. Определение и смысл заповедности // Организация заповедного дела. Сб. научн. тр. Казахского гос. университета и Ин-та географии АН Казахской ССР. Алма-Ата. С. 35–36.

Штильмарк Ф. Р. Жизнь, отданная заповеднику (о Е. А. Крутовской) // Охота и охотничье хозяйство. № 4. С. 3.

Штильмарк Ф. Р. Бальджа сегодня (к публ. очерка А. А. Черкасова «Бальджа») // Охота и охотничье хозяйство № 1. С. 41.

Штильмарк Ф. Р., Струнин Б. М. Быть или не быть? // Природа и человек. № 11. С. 35. [О суломайских столбах на Подкаменной Тунгуске].

Штильмарк Ф. Р. Новизна страны Сургутии // Ежегодник «Лес и человек». М. С. 58–59.

Штильмарк Ф. Р. Таежный эталон // Тюменская правда, 2 марта. С. 3

1986

Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Понятие о государственном кадастре заповедников СССР и предварительные материалы для его разработки // Итоги и перспективы заповедного дела в СССР М.: Наука. С. 47–72.

Штильмарк Ф. Р. Мифы и реальность Аскании // Природа и человек. № 6. С. 15–18.

Александров А., Сторчевой К., Штильмарк Ф. Усть-Ленский – крупнейший заповедник в СССР // Охота и охотничье хозяйство. № 8. С. 8–9.

Штильмарк Ф. Р. Заповедник на обочине // Неделя. № 35 (1379).

Штильмарк Ф. Р. Охота на волков // Неделя. № 49 (1393).

Корсакова Т., Штильмарк Ф. Лес столичной окраины (о Лосином острове) // Комсомольская правда.

Штильмарк Ф. Р. «Микро» — это немало! // Литературная газета, декабрь.

Штильмарк Ф. Р. Заповедники в альбомах (от показной красоты к показу действительности) // В мире книг. № 7. С.???.

Штильмарк Ф. Р. Новые заповедники Крайнего Севера // Северные просторы. № 5. С. 12–13.

Штильмарк Ф. Р. Зачем заповедникам реклама? // В мире книг. № 11.

Штильмарк Ф. Р. От Смелижа до Трубчевска // Брянский рабочий, октябрь.

1987

Штильмарк Ф. Быль Брянского леса // Природа и человек. № 4. С. 24–27.

Штильмарк Ф. Р. Вернуть долг Байкалу // Природа и человек. № 8. С. 11—15.

Штильмарк Ф. Р. Под сенью Красной книги // Природа и человек. № 7. С. 40–42.

Штильмарк Ф. Р. Наука разочарования // Сельская молодежь. № 5. С. 26–30.

Штильмарк Ф. Р. Главное дело жизни (к 100-летию В. Н. Макарова) // Охота и охотничье хозяйство. № 3. С. 18–19.

Тихомиров Р. (псевдоним). Как измерить пульс биосферы? // Юный натуралист. № 2. С. 33–35. [О кордоне «Лаура» в Красной Поляне].

Штильмарк Ф. Р. Кедровая нива // Юный натуралист. № 8. С. 30–33.

Штильмарк Ф. Р. Защищать от «защитников»? (отклик на статью С. Беденко и А. Санина «Белый лебедь в прорези прицела» — о действиях ВНИИ Природы) // Студенческий меридиан. Август. С. 44.

Штильмарк Ф. Р. Тревожная судьба Катуни // Турист. № 11. С. 18–19.

Штильмарк Ф. Р. Проблемы асканийского сфинкса // Известия. № 245, 1 сентября.

Шаргаев М. А., Штильмарк Ф. Р. Национальный парк глазами эколога (о Забайкальском национальном парке) // Правда Бурятии № 260, 11 ноября. С. 3.

Штильмарк Ф. Р. Рыцарь природы (о М. Т. Яковлеве) // Ленинская правда (Ханты-Мансийск), 5 мая. С. 2.

Штильмарк Ф. Р. Восемь таежных месяцев // Охотничьи просторы. Вып. 44. С. 31–42.

Штильмарк Ф. Р. Небольшой детектив о большом романе // В мире книг. № 4. С. 44–47. [Об истории создания романа Р. А. Штильмарка «Наследник из Калькутты»]

1988

Соколов В. Е., Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Перспективы развития сети заповедников на севере европейской части РСФСР // Заповедники европейской части РСФСР. Т. 1. С. 280–282.

Штильмарк Ф. Р. Раздумья на берегу Байкала (впечатления от поездки в недавно созданный государственный Забайкальский национальный природный парк) // Вокруг света. № 11. С. 2–7.

Петункин Н. И., Стрельников Е. Г., Штильмарк Ф. Р. Редкие наземные позвоночные среднетаежной подзоны Западной Сибири // Редкие наземные позвоночные Сибири. Новосибирск: Наука. С. 161–164.

Штильмарк Ф. Р. Заповедь Гиппократа // Чувство земли (советские ученые об охране родной природы, об экологии хозяйствования). М.: Мысль. С. 141–164.

Штильмарк Ф. Р. Вернуть заповедник Уралу // Природа и человек. № 6 (или №4?). С.???.

Штильмарк Ф. Р. Заповедник меж двух Юганов // На суше и на море. М.: Мысль. С. 7–18.

Штильмарк Ф. Р. Чермальское пепелище // Охотничьи просторы. Вып. 45. С. 77–81, 86–89.

Штильмарк Ф. Р. Об авторе «Урюма» (об А. А. Черкасове) // Охотничьи просторы. Вып. 45. С. 146.

Штильмарк Ф. Р. Беды «бедного родственника» // Северные просторы. № 6. С. 40–41.

Штильмарк Ф., Сухомиров Г. Следы троянского коня (об акклиматизации животных) // Природа и человек. № 9. С. 27–29.

Штильмарк Ф. Р. Кала-и-Шерон — крепость львов (Гиссарский заповедник) // Вокруг света. № 3. С. 23–25.

Сыроечковский Е., Штильмарк Ф. Заповедными тропами Севера // Полярный круг. М.: Мысль. С. 81–101.

Штильмарк Ф. Р. О книге и ее авторе (Валерий Орлов. «В краю большого медведя». М.: Мысль, 1988. 175 с.) – Предисловие – С. 1–4.

Штильмарк Ф. Р. В стране лесных сказок // Юный натуралист. № 9. С. 8–11. [О Литовском национальном парке].

Штильмарк Ф. Р. Об авторе статьи (М. Т. Яковлев «Чем жила Земля?») // Юный натуралист. № 8. С. 1–2) // Там же. С. 2–3.

Яблоков А., Тихомиров В., Штильмарк Ф. Время развязать асканийский узел, угрожающий последней в Европе заповедной степи // Известия, 19 мая. С. 4.

Штильмарк Ф. Р. Не навредить! (комментарий специалиста к ст. Ю. Радченко «Заповедник застоя?» — документальная история о том, как руководит Асканией-Нова администрация Украинского научно-исследовательского ин-та животноводства степных районов) // Рабочая газета. Рубрика «Природа: для нас и потомков». 27 мая. С. 4.

Штильмарк Ф. Р. О заповедниках без умиления // Лесная промышленность, 29 ноября. С. 3.

Штильмарк Ф. Р. Спецохота или привилегия на выстрел // Лесная промышленность. Рубрика «Экология и нравственность». 20 сентября. С. 3.

Штильмарк Ф. Р. Нужен как воздух (о заповеднике «Столбы») // Красноярский рабочий, 26 мая. С. 2.

Штильмарк Ф. Р. Заповедник без запретов? («Столбы») // Красноярский рабочий, 21 декабря. С. 3,

Штильмарк Ф. Р. Пока не поздно (о малых народностях) // Ленинская правда (Ханты-Мансийск), 10 декабря. С. 2.

Штильмарк Ф. Р. Дом Колчина (из серии «Таежные были») // Бурятская правда, 21 января. С. 3.

Штильмарк Ф. Р. Вообще говоря, это – чудо… // Альманах Енисей № 6 (186). Ноябрь-декабрь. Красноярск. С. 67–73. [О романе Р. А. Штильмарка «Наследник из Калькутты»]

1989

Штильмарк Ф. Р. Заповедано! // Северные просторы. № 1 (январь-февраль). С. 10–12.

Соколов В. Е., Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Перспективы развития географической сети заповедников юга европейской части РСФСР // Заповедники европейской части РСФСР. Т. 2. М.: Мысль. С. 393–398.

Штильмарк Ф. Заповедная история. Заповедник: что за вывеской? // Природа и человек. № 1. С. 24–27. [Об Аскании]

Штильмарк Ф. Р. Не хочет жить в Байкале нерпа // Природа и человек. № 4. С. 6–7.

Тихомиров Р. (псевдоним). На кордоне «Лаура» // Ежегодник «Лес и человек». М.: Лесная промышленность. С. 91–92

Штильмарк Ф. Р. О «Столбах» и «столбизме» // Ежегодник «Лес и человек». С. 98–100.
Штильмарк Ф. Р. Нерусса просит помощи // Турист. № 9. С. 6–7.
Штильмарк Ф. Р. Памяти А. Я. Артюхова // Охотничьи просторы. Вып. 46. С. 157.
Штильмарк Ф. Р. «Вообще говоря, это – чудо...» Послесловие (с. 761–779) к роману Р. А. Штильмарка «Наследник из Калькутты». Красноярское кн. изд-во,1989. 779 с.
Штильмарк Ф. Р. Крепостной театр (публикация фрагмента книги-рукописи Р. А. Штильмарка «Горсть света» с лагерными рисунками Игоря Маслова) // Северные просторы. № 2 (март-апрель). С. 30—35; № 3 (май-июнь). С. 31—35.
Штильмарк Ф. Р. Крепостной театр (публикация фрагмента книги-рукописи Р. А. Штильмарка «Горсть света») // Красноярский комсомолец. №33 (7337), 28 марта – Литературно-публицистический выпуск «Лукоморье».
Штильмарк Ф. Р. Крепостной театр (фрагмент книги «Горсть света») // Речник Енисея. № 34 (26 августа), № 35 (2 сентября), № 36 (9 сентября), № 37 (16 сентября).
Штильмарк Ф. Р. Конверты со штампом «ГУЛАГ» (публикация писем отца-«спецпоселенца» из Енисейска) // Красноярский рабочий, 2 апреля и Спецвыпуск — на восстановление Спасского монастыря в Енисейске – сентябрь.
Штильмарк Ф. Р. «Батя-романист» — так называли в сталинских лагерях моего отца Р. А. Штильмарка, которому в эти дни исполнилось бы 80 лет // Лесная промышленность, 4 апреля.
Штильмарк Ф. Р. Горькие раздумья в год юбилея (к 80-летию Р. А. Штильмарка) // Книжное обозрение. № 14, 7 апреля.

1990

Штильмарк Ф. Р., Александров А. С., Иващенко Б. П. Развитие сети заповедников и опыт их проектирования в Российской Федерации // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 95. Вып. 6. С. 111–123.
Штильмарк Ф. Р. «Наше бедное, многострадальное дело» // Экологическая альтернатива. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. С. 128–147.
Александров А., Иващенко Б., Штильмарк Ф. Новые заповедники России // Охотничьи просторы. Вып. 47. С. 99–106.
Штильмарк Ф. Р. Путем правды и мужества: писателю О.В. Волкову 90 лет // Охотничьи просторы. Вып. 47. С. 3–4.
Штильмарк Ф. Р. Служение научной истине (к 110-летию со дня рождения академика В. Н. Сукачева) // Ежегодник «Лес и человек». М.: Лесная промышленность. С. 59–60.
Штильмарк Ф. Р. В краю лесных сказок (Литовский национальный парк – Игналино) // Ежегодник «Лес и человек». С. 85—86.
Штильмарк Ф. Р. Как будем сохранять? // Северные просторы. № 1. С. 14–15 (*Н. Г. Овсяников*).
Штильмарк Ф. Р. Станут ли пушные звери кандидатами в «Красную книгу»? // Экоотклик. М.: Молодая гвардия. С.???.
Штильмарк Ф. Р. Александр Александрович Черкасов – натуралист, охотовед, писатель — предисловие (с. 7–14) к кн. А.А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири». М.: Физкультура и спорт. 574 с.
Штильмарк Ф. Р. «Инициатор акции» // Вся наша жизнь. М.: СоЭС. С. 69–71.
Штильмарк Ф. Р. Послесловие к роману Р. А. Штильмарка «Наследник из Калькутты» — переиздание в г. Кишиневе.
Штильмарк Ф. Р. Откуда приплыл «Наследник из Калькутты»? // Вильнюс. № 10. С. 147–157.
Штильмарк Ф. Р. Очарованный странник наших дней (об отце – публикация главы из романа-рукописи «Горсть света» — Солнечное затмение) // Вокруг света. № 4. С. 31–37.
Штильмарк Ф. Р. Публикация, предисловие, послесловие и примечания к очерку Р. А. Штильмарка «И вот сижу я в Туруханском крае» // Полярные горизонты (Енисейский Север, Красноярская Арктика). Красноярское кн. изд-во. С. 82–105.
Штильмарк Ф. Р. «Вот и возникает тягостное ощущение» (публикация писем Р. А. Штильмарка к сыну Феликсу) // Книжное обозрение. № 8, 23 февраля.

1991

Штильмарк Ф. Р. О двух направлениях («школах») в советском охотоведении // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 96. Вып. 1. С. 77–87 (*Г. И. Сухомиров*).

Штильмарк Ф. Р. Две жизни – две судьбы (В. Я. Генерозов, П. А. Мантейфель) // Охотничьи просторы. Вып. 48. С. 83–89.

Штильмарк Ф. Р. Благодарная память потомков (к 200-летию со дня рождения С. Т. Аксакова) // Охотничьи просторы. Вып. 48. С. 146–152.

Штильмарк Ф. Р. Научная редакция и послесловие (с. 375–384) к книге Д.Р. Уинер «Экология в Советской России». М.: Прогресс, 398 с.

Штильмарк Ф. Р. «С другого берега» (послесловие к книге Дугласа Р. Уинера «Экология в советской России». М.: «Прогресс», 398 с.) // Зеленый мир. № 47–48. С. 11.

Штильмарк Ф. Р. Лукоморье – легенды и реальность // Ежегодник «Лес и человек». М.: Лесная промышленность. С. 40–41.

Штильмарк Ф. Р. Житие Вадима Раевского // Уральский следопыт. № 4. С. 8–10.

Штильмарк Ф. Р. «Иные берега, иные волны» (о Енисейске – по письмам отца) // Красноярский краевед. Сб. очерков, статей, публикаций — Красноярск. С. 196–214.

Штильмарк Ф. Р. Публикация фрагментов романа Р. А. Штильмарка «Горсть света» // Вильнюс. №№ 5–11.

Штильмарк Ф. Р. Книга удивительной судьбы (историко-библиографическая справка) – послесловие (с. 767) к роману Р. А. Штильмарка «Наследник из Калькутты». М.: Правда, 768 с.

Штильмарк Ф. Р. Господин из Бенгалии (публикация фрагмента романа «Горсть света» // Огонек. № 34, август. С. 14–18.

Штильмарк Ф. Р. Горький триумф (издателя романа «Наследник из Калькутты») // Книжное обозрение. № 6.

1992

Штильмарк Ф. Р. Охота и охрана природы (из классических работ) – (Составитель и автор предисловия). М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР. Ч. 1. С. 161; Ч. 2. С. 193.

Shtilmark F.R. The Evolution of Concepts about the Preservation of Nature in Soviet Literature // Journal of the History of Biology. V. 25. № 3. P. 429–447.

Штильмарк Ф. Р. Представляем новую книгу (Д. Р. Уинер «Экология в Советской России») // Охота и охотничье хозяйство. № 3–4. С. 18–20.

Штильмарк Ф. Р. От заповедности – к заповедности (дискуссия) // Спасение. № 17–18 (33–34), май. С. 2.

Штильмарк Ф. Р. Где закон – там и неправда (почему меры по охране природы оборачиваются порой ее разорением?) // Зеленый мир (рубрика – Экология и право). № 15–16. С. 5.

Штильмарк Ф. Р. Воплощенные просторы мгновений // Отечественные записки. М. Вып. 1. С. 8–10. [Публикация и вступление к роману Р.А. Штильмарка «Горсть света»]

Штильмарк Ф. Р. Главная книга «бати-романиста» (вступление, послесловие и комментарии к книге Р. А. Штильмарка «Падшие ангелы» — сокращенный вариант «Горсти света») – г. Душанбе, 575 с. С. 3-6, 571-575.

Штильмарк Ф. Р. «Два обручальных кольца» // Москва, февраль-апрель. С. 34–46. [Публикация глав из кн. Р. А. Штильмарка «Горсть света»]

Штильмарк Ф. Р. Введение к роману Р. А. Штильмарка «Наследник из Калькутты». М.: Транспорт. С. 3–4.

Штильмарк Ф. Р. «Все начиналось с романтики…» // Литературный альманах «Дядя Ваня». М.: ГИС. С. 280–336. [Публикация и предисловие к отрывку романа «Горсть света» Р. А. Штильмарка — «Острие кинжала»]

Штильмарк Ф. Р. Господин в сером (лагерные сцены с рисунками Игоря Маслова) – отрывок из кн. Р. А. Штильмарка «Горсть света» (публикация и предисловие) // Вечерний клуб. 1991–1992 гг.

1993

Штильмарк Ф. Р. Лукоморье – где оно? М.: Мысль, 333 с.

Штильмарк Ф. Р., Гептнер М. В. Трагедия советских заповедников (к 40-летию «реорганизации» заповедной системы в СССР) // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 98. Вып. 2. С. 97–113.

Штильмарк Ф. Р. Мысли и надежды бессмертны – Николай Федорович Реймерс (1931–1993) // Природа и охота. № 4. С. 58.

Штильмарк Ф. Р., Колычев В. Б. За соболем с ружьем и собакой // Природа и охота. № 5—6. С. 2–6.

Штильмарк Ф. Р. Страницы ненаписанного романа (Жизнь и деятельность зоолога Вадима Раевского) // Югра (Ханты-Мансийск). № 9 (23). С. 17–22; –То же // № 10 (24). С. 15–20.

Штильмарк Ф. Р. О заповедности, природопользовании и вегетарианстве // Зеленый мир. № 10. С. 12.

Штильмарк Ф. Р. (публикатор, автор предисловия и послесловия). Сахалинские письма Н. Ф. - Реймерса «Нужно идти наперекор всему» // Зеленый мир. № 11. С. 12–13.

Бибиков Д. И., Штильмарк Ф. Р. «Враг народа» или пушной зверь? (Нужно изменить статус волка) // Зеленый мир. № 12. С. 15.

Штильмарк Ф. Р. Жизнь, тайге посвященная (об Александре Григорьевиче Костине)// Жизнь Югры (г. Березово). № 97-98 (8479). 11 декабря. С. 5.

Штильмарк Ф. Р. Книга удивительной судьбы — послесловие к книге Р. А. Штильмарка «Наследник из Калькутты». М.: ТОО «Локус». 768.

1994

Штильмарк Ф. Р., Костин Д. А. Счастливый неудачник. Шадринск, Исеть. 47 с. [Жизнь охотоведа А. Г. Костина].

Штильмарк Ф. Р. Составитель кн. А. А. Черкасов «Из записок сибирского охотника». М.: Физкультура и спорт. 639 с.

Штильмарк Ф. Р. Малая книга – большое событие (К. В. Гарновского «В Кондо-Сосьвинском заповеднике 1940–1945 гг.») // Югра. № 4. С. 51.

Штильмарк Ф. Р. История и перспективы акклиматизации и реакклиматизации речных бобров в Ханты-Мансийском округе // Югра (Ханты-Мансийск). № 6. С. 24–29; № 7. С. 28–33.

Штильмарк Ф. Р. Один на один с тайгой // Сибирский промысел № 1. С.???.

Данилов В. И., Штильмарк Ф. Р. Исповедь, оплаченная жизнью // Охотничьи просторы. Вып. 1, 1994 (1). С. 216–230 [о Ф. Ф. Шиллингере].

Штильмарк Ф. Р. Книга, которой нельзя верить (рецензия на кн. В. А. Горохов. С. С. Вишневская «По национальным паркам мира». М.: Просвещение, 1993) // Охота и охотничье хозяйство. № 9. С. 38–39.

Штильмарк Ф. Р. Спорить надо по-честному (о полемике в журнале «Охота и охотничье хозяйство») // Спасение. № 6 (февраль).

Штильмарк Ф. Р. Каждая палка о двух концах // Зеленый мир. № 15. [О статье Н. Овсяникова – «ЗМ», № 9 и В. Степаницкого – «ЗМ», № 11, 1994]

Штильмарк Ф. Р. Дух растлился – новогоднее послание газете «Берегиня» // Берегиня. № 1 (15).

Штильмарк Ф. Р. Острова надежды или осколки прошлого? (заповедники) // Новости Югры. Экологический вестник (Ханты-Мансийск), 26 февраля. С. 6.

Штильмарк Ф. Р. Печальные закономерности // Новости Югры. Экологический вестник. № 27, 1 июля. [о Юганском заповеднике]

Штильмарк Ф. Р. Жить ли бобрам в нашем округе? // Новости Югры. Экологический вестник, 18 августа. С. 6–7.

Штильмарк Ф. Р. Как превратить чистый храм в заплеванную мастерскую? // Утро России. № 11 (19), 17–23 марта. С. 2.

Штильмарк Ф. Р. «...Но заслуживает снисхождения» // Утро России. № 17 (25), 26 апреля – 4 мая. [О судьбе рукописи романа Р. А. Штильмарка «Горсть света»]

1995

Штильмарк Ф. Р. Проблема «Заповедники и туризм» // Заповедное дело в новых социально-экономических условиях (Тезисы докл. международного совещания 24—26 апреля 1995 г.). СПб. С. 43–45.

Штильмарк Ф. Р. Заповедное в загоне (штрихи к новейшей истории заповедного дела) // Свет (Природа и человек) № 7. С. 18–19.

Штильмарк Ф. Р. Жизнь, посвященная тайге (судьба охотоведа А. Г. Костина) // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 100. Вып. 4. С. 99–104.

Штильмарк Ф. Р. Таежные университеты (публикация писем А. Г. Костина) // Природа и охота. № 2–3. С. 48–50.

Штильмарк Ф. Р. Заповедники в годы войны (к 50-летию победы) // Югра (Сургут). № 5. С. 30–31; –То же // Новости Югры. Экологический вестник, 28 марта. С. 4; –То же // Берегиня. № 5 и № 6. С. 9.

Штильмарк Ф. Р. Краевед П. П. Игнатенко // Югра (Сургут). № 7. С. 32–33.

Штильмарк Ф. Р. Заповедные питомники // Природа и охота. № 4–5. С. 60–62.

Штильмарк Ф. Р. Смертию смерть поправ (жизнь и деятельность Вадима Раевского – дворянина и натуралиста) // Охотничьи просторы. Вып. 1. 1995 (3). С. 216–224.

Штильмарк Ф. Р. Охотовед, орнитолог, борец за охрану природы (к 60-летию А. А. Васильченко) // Охота и охотничье хозяйство. № 12. С. 13.

Штильмарк Ф. Р. Эволюция заповедности (штрихи из новейшей истории заповедного дела) // Зеленый мир. № 5. С. 14.

Штильмарк Ф. Р. Тьма сгущается перед рассветом // Зеленый мир. № 23. С. 6. [О кризисе заповедного дела]

Штильмарк Ф. Р. Создал школу, воспитал учеников (о Н. Ф. Реймерсе) // Спасение. № 8 (147), март. С. 2.

1996

Штильмарк Ф. Р. Историография российских заповедников (1895–1995). М.: Логата. 340 с.

Штильмарк Ф. Р. О научно-методических записках Комитета по заповедникам // Заповедное дело (Научно-методические записки Комиссии РАН по заповедному делу). Вып. 1. С. 110–114.

Штильмарк Ф. Р. Заповедное дело в современной России // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток. № 1(65). С. 60–69.

Штильмарк Ф. Р. Речной бобр в Западной Сибири // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 101. Вып. 1. С. 19–27.

Штильмарк Ф. Р. «А он, мятежный, просит бури…» // Охотничьи просторы. № 2, 1996(8). С. 220–236. [О В. Н. Скалоне]

Штильмарк Ф. Р. Жизнь и судьба // Новости Югры. Экологический вестник, 28 ноября. С. 5. [сокращенный вариант очерка о В. Н. Скалоне]

Штильмарк Ф. Р. Загадка «Наследника из Калькутты» (о романе и его авторе) // Звезда Востока (Ташкент). № 5. С. 115–127.

1997

Штильмарк Ф. Р. Анализ эволюции системы государственных заповедников Российской Фдерации – Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора биологических наук. М. 27 с.

Штильмарк Ф. Р. Этапы развития заповедного дела России в XX веке // Проблемы сохранения и оценки состояния природных комплексов и объектов (Мат-лы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Воронежского зап-ка, 8–11 октября 1997 г.). Воронеж. С. 22.

Штильмарк Ф. Р. Заповедное дело в России (в свете теории Н. Ф. Реймерса) // Сб. мат-лов третьей научной конференции «Реймерсовские чтения». М.: МНЭПУ. С. 6–17.

Штильмарк Ф. Р. Николай Реймерс со шпагой в руках (из переписки 1964–68 гг.) – публикатор писем Н. Ф. Реймерса // Сб. мат-лов третьей научной конф. «Реймерсовские чтения». М.: МНЭПУ. С. 52–79.

Штильмарк Ф. Р. Григорий Александрович Кожевников (1866–1933) // Заповедное дело (научно-методические записки Комиссии по заповедникам РАН). Вып. 2. С. 108–114.

Штильмарк Ф. Р. Рецензия на кн. В. Е. Борейко «Популярный биобиблиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, России и СССР (1860–1960)», т. 1, 2, Киев, 1995 // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 102. Вып. 6. С. 66–68.

Штильмарк Ф. Р. Охотник-натуралист (жизнь и деятельность С. С. Турова) // Охотничьи просторы. 4, 1997 (14). С. 228–237.

Штильмарк Ф. Р. Охота в газетных строках (заметки читателя-охотоведа) // Охотничьи просторы. 4, 1997(14). С. 243–249.

Штильмарк Ф. Р. И для промысловика, и для любителя… // Сибирский промысел. № 1, 1997/9. С. 38–40.

Бибиков Д., Филонов К., Штильмарк Ф. Б. П. Завацкому 60 лет // Охота и охотничье хозяйство. № 8. С. 25.

Штильмарк Ф. Р. Кок и Костя // Муравейник. № 2. С. 44–48. [о собаках]

Штильмарк Ф. Р. Трудное становление: Юганскому заповеднику 15 лет // Новости Югры. Экологический вестник, 28 июля. С. 6.

Тихомиров Р. (псевдоним). Столы круглые – проблемы острые… (поиск путей к устойчивому развитию и сохранению биоразнообразия) // Бурятия, 3 июля. С. 6.

Штильмарк Ф. Р. Об авторе. Послесловие к роману Р. А. Штильмарка «Наследник из Калькутты». Н. Новгород, ГИПП «Нижполиграф». С. 717–718.

1998

Штильмарк Ф. Р. Поэтическая экология. Киев, Эколого-культурный центр, Центр охраны дикой природы. 158 с.

Штильмарк Ф. Р. Заповедники и национальные парки России (региональные очерки). М.: Логата. 159 с.

Штильмарк Ф. Р. Экологическое просвещение и поэзия // Сбережение биоразнообразия и заповедное дело в Украине. Киев. № 5. С. 21–22.

Штильмарк Ф. Р. В поисках Лукоморья // Мир Севера. № 4. С. 94–95; –То же // Югра (Ханты-Мансийск). № 10. С. 46–47; –То же // Литературная Россия. № 9 (1829), 27 февраля. С. 3. [Раздумья о проблемах Сибири и Югорского края].

Штильмарк Ф. Р. Судьба архива В. Я. Генерозова // Охота и охотничье хозяйство. № 8. С. 33.

Штильмарк Ф. Р. «Тигр, тигр!» // Охотничьи просторы. № 3, 1998(17). С. 33–35.

Штильмарк Ф. Р. Человек-легенда // Охотничьи просторы. № 4, 1998 (18). С. 13–15. (о К. Д. Янковском)

Штильмарк Ф. Р. Публикация и предисловие (отрывок из романа-хроники Р. А. Штильмарка «Горсть света» — «Сцены из лагерных времен») // Мир Севера. № 3. С. 28–32.

1999

Штильмарк Ф. Р. (отв. редактор-составитель). Заповедники Сибири. Т. 1. М.: Логата. 240 с.

Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Исторический обзор развития заповедной системы Сибири // Там же. С. 18–27.

Васин А.М., Васина А.Л., Гаврилов М.И., Лыхварь В.П., Рогачева Э.В., Сыроечковский Е.Е., Штильмарк Ф.Р. Заповедник «Малая Сосьва» // Там же. С. 28–47.

Байкалова А.С., Переяславец В.М., Переяславец Т.С., Стрельников Е.Г., Штильмарк Ф.Р. Юганский заповедник // Там же. С. 48–47.

Стахеев В. А., Сонникова А.Е., Завацкий Б.П., Житлухина Т.И., Рассолов А.Г, Куваев В.Б., Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р. Саяно-Шушенский заповедник // Там же. С. 116–127.

Васильченко А. А., Васильченко З.А., Баранов П.В., Житлухина Т.И., Малков Е.Э., Штильмарк Ф. Р. Сохондинский заповедник // Там же. С. 199–209.

Штильмарк Ф. Р. Благодарная память потомков // Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні. Киев. № 7, березень. С. 22–23; –То же // Охрана дикой природы. № 1(12). С. 30–31. [Рец. на кн. В. Е. Борейко «Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники». М.: Логата, 1998]

Штильмарк Ф.Р. Таинство заповедания (к обсуждению идеологии охраны природы) // Гуманитарный экологический журнал. Т. 1. Вып. 1. Киев. С. 35–45.

Штильмарк Ф.Р. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты) // Гуманитарный экологический журнал. Т. 1. Вып. 1. Киев. С. 46–51.

Штильмарк Ф.Р. Эволюция представлений об охране природы в советской литературе // Гуманитарный экологический журнал. Т. 1. Вып. 2. С. 25–38.

Штильмарк Ф.Р. О концепциях особо охраняемых природных территорий и принципе заповедности // Охрана дикой природы. № 3 (14). С. 35–38.

Штильмарк Ф.Р. Приглушенное слово в защиту природы (периодическая печать на тему охраны природы в советское время) // Охрана дикой природы. № 4 (15). С. 52–55.

Штильмарк Ф.Р. Три съезда – три книги (Об истории съездов по охране природы и их отражении в книгоиздании) // Охрана дикой природы. № 3 (14). С. 45–49.

Штильмарк Ф.Р. Александр Николаевич Формозов и заповедное дело // Бюллетень МОИП. Отд. биол. Т. 104. Вып. 5. С. 23–33.

Штильмарк Ф.Р. Александр Николаевич Формозов (1899–1973) и заповедники // Охрана дикой природы. №1 (12). С. 3–7.

Штильмарк Ф.Р. Томов премногих тяжелей… (о дневниках О. И. Семенова-Тян-Шанского «Дневники из Петровки») // Живая Арктика. № 1(15). С. 18.

Штильмарк Ф.Р. Размышления у полки с красивыми Красными книгами // Живая Арктика. № 1(15). С. 28–30.

Штильмарк Ф.Р. Заповедные заботы полвека назад (опись циркуляров Главного управления по заповедникам при СМ РСФСР на 1949 год) // Охрана дикой природы. № 2 (13). С. 39–40.

Штильмарк Ф.Р. Вечные джимы (В. И. Белоусов) // Мир Севера. № 5–6. С. 44–46.

Штильмарк Ф.Р. Влюбленный в Саяны (В. И. Белоусов) // Заповедные острова. № 7 (20), июль. С. 4.

Штильмарк Ф.Р. Натуралист Вадим Раевский // Югра. № 10. С. 48–49.

Штильмарк Ф.Р. Натуралист божьей помощью (к 90-летию со дня рождения В. В. Раевского) // Исток (Экологический вестник Тюменской области). № 3 (99); –То же // Заповедные острова. № 9 (22), сентябрь. С. 3.

Штильмарк Ф.Р. Один из наших старейших и весьма заслуженных // Зеленый мир. № 14. [об охотоведе Э.М. Леонтьеве, вступление к его статье «Все ли заказники законны?»]

Штильмарк Ф.Р. Слово о Советском // Литературная Россия. № 35 (1907), 10 сентября. С. 6. [поселок в Ханты-Мансийском округе]

Штильмарк Ф.Р. В страстную субботу двадцать второго года (публикация и предисловие) – отрывок из кн. Р.А. Штильмарка «Горсть света» — к 90-летию писателя // Литературная Россия. № 12 (1884), 26 марта. С. 14–15.

Штильмарк Ф.Р. Охраняемые природные территории // Материалы создания концепции системы охраняемых природных территорий России. М.: РПО ВВФ. С. 191.

2000

Штильмарк Ф. Р. (ответственный редактор-составитель) Заповедники Сибири. Т. 2. М.: Логата. 256 с.

Квашнина А. Е., Штильмарк Ф. Р. Заповедник «Денежкин Камень» // Там же. С. 25–31.

Попов В. В., Мельников Ю.И., Устинов С.К., Степанцова Н.В., Степаненко В.Н., Шабурова Н.И., Швецов Ю.Г., Штильмарк Ф. Р. Байкало-Ленский заповедник // Там же. С. 175–190.

Бойченко В.С., Баскаков В.С., Краснопевцева А.С., Ермакова О.Д., Карабаинов Ю.М., Штильмарк Ф.Р., Сыроечковский Е.Е., Рогачева Э.В. Байкальский заповедник // Там же. С. 191–204.

Сыроечковский Е.Е., Штильмарк Ф.Р. Перспективы развития заповедной системы в Сибири // Там же. С. 217–229.

Сыроечковский Е.Е., Штильмарк Ф.Р. Серия монографий «Заповедники России (СССР)» в 10 томах [1985–2000] (история создания и некоторые итоги) // Там же. С. 230–238.

Штильмарк Ф.Р. Трансформация понятий и трактовок о заповедности в XX веке // Особо охраняемые природные территории (Мат-лы 2-ой международной конференции Русского географического общества). СПб. С. 14–15.

Штильмарк Ф.Р. Основные этапы развития заповедной системы нашей страны в XX веке // Мониторинг биологического разнообразия и особенности его использования в учебном процессе в школе и вузе. Сб. научн. статей. Хабаровск. С. 224–228.

Штильмарк Ф.Р. «Но надежда все поет вдали...» (об эволюции заповедного дела в России) // Охрана дикой природы. № 1–2 (16–17). С. 73–76.

Штильмарк Ф.Р. О мерах охраны гусей в период весеннего перелета // Проблемы охраны и изучения гусеобразных птиц Восточной Европы и Северной Азии. М.: МГУ. С. 134.

Штильмарк Ф.Р. Что оставим потомкам? // Мир Севера. № 1. С. 68–71.

Штильмарк Ф.Р. Айка, Найда и Кутуз // Мир Севера. №3. С. 34–37; –То же // Охота и охотничье хозяйство. № 12. С. 34–37.

Штильмарк Ф.Р. Меж двух Юганов // Мир Севера. № 5. С. 27–31.

Штильмарк Ф.Р. «Охотничьим просторам» — полвека // Охота и охотничье хозяйство. № 12. С. 41.

Штильмарк Ф.Р. У истоков соболиных заповедников // Сибирский промысел. Красноярск. Вып. 1 (14). С. 48–49. Вып. 14. № 1.

Штильмарк Ф.Р. Влюбленный в Саяны // Охотничьи просторы. № 1, 2000(23). С. 206–215. [о В. И. Белоусове]

Штильмарк Ф.Р. Автобиография охотника-натуралиста (С. Н. Алфераки) — послесловие к ней // Охотничьи просторы. № 3. 2000(25). С. 211.

Штильмарк Ф.Р. Выдающийся натуралист-таежник (к 90-летию Л. Г. Капланова) // Охотничьи просторы. № 4. 2000(26). С. 187.

Штильмарк Ф.Р. «Откуда, как разлад возник?» // Муравейник. № 1. С. 26–28; № 2. С. 26–27. [отрывок из кн. «Поэтическая экология»]

Штильмарк Ф.Р. Заповедники, экологическое просвещение и экотуризм (размышления по поводу нескольких газетных публикаций) // Зеленый мир. № 27–28.

2001

Штильмарк Ф. Р. От старых кедров к бессмертию человечества. Николай Федорович Реймерса (1931–1993). Жизнь и деятельность // Серия: Жизнь замечательных ученых. М.: МНЭПУ. 266 с.

Штильмарк Ф. Р. Жизнь и творчество Н.Ф. Реймерса (1931–1993) // Научные труды МНЭПУ. Вып. 2, серия: «Реймерсовские чтения». С. 36–42.

Штильмарк Ф. Р. Основные черты личности Николая Федоровича Реймерса (1931–1993) или Н. Ф. Реймерс как верующий эколог (Доклад на восьмых Реймерсовских чтениях в Политехнич. музее 14 февраля 2001 г.) // Астраханский вестник экологического образования. № 1–2. С. 79–83.

Штильмарк Ф. Р. «От старых кедров к бессмертию человечества» — книга обреченная на успех // Зеленый мир. № 19–20; № 21–22.

Штильмарк Ф. Р. Н. Ф. Реймерс как верующий эколог (к 70-летию ученого) // Гуманитарный экологический журнал. Т. 3. Вып. 2. С. 9–12.

Штильмарк Ф. Р. Формирование системы государственных природных заповедников России в XX веке и обзор их географического размещения // Заповедное дело (научно-методические записки). Вып. 9. М. С. 140–158.

Штильмарк Ф. Р. Малая книга – большое событие (о кн. Л. А. Буториной «История деятельности Ильменского заповедника» Екатеринбург-Миасс, 2001 г. 166 с.) // Заповедное дело (научно-методические записки). Вып. 9. М. С. 170–172.

Штильмарк Ф. Р. Абсолютная заповедность – последний оплот реальной охраны дикой приоды // Гуманитарный экологический журнал. Т. 3. Спецвыпуск. С. 111–113.

Штильмарк Ф. Р. Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики // Гуманитарный экологический журнал. Т. 3. Спецвыпуск. С. 127–128; –То же // Мат-лы научной конференции, посвященной 30-летию Висимского заповедника / «Исследования эталонных природных комплексов Урала». Екатеринбург. С. 13–15.

Штильмарк Ф. Р. Природные заповедники России как социально-общественный феномен // Современные проблемы географии и природопользования, Барнаул, Изд-во Алтайского университета. Вып. 5–6. С. 202–207.

Штильмарк Ф. Р. Сочетание научных и морально-этических аспектов в заповедном деле // Человек и окружающая среда в Баренц-регионе в начале XX1 века. / Мат-лы международной научной конференции 6–11 августа 2001 г. Петрозаводск-Варишпельда. Петрозаводск. С. 41–42.

Штильмарк Ф. Р. «Макаровская академия» (феномен эпохи сталинского социализма) // Охрана дикой природы. № 1 (20). С. 49–52.

Штильмарк Ф. Р. О судьбе Саянского заповедника // Охрана дикой природы. № 2 (21). С. 43–45.

Тихомиров В. Н., Штильмарк Ф. Р. Не перейти грань! (о проблеме экотуризма на особо охраняемых территориях) // Охрана дикой природы. № 3 (22). С. 28–29.

Штильмарк Ф. Р. Сергей Сергеевич Туров // Московские териологии. М.: МГУ. С. 645–655.

Штильмарк Ф. Р. Вытропи свой след! // Охотничьи просторы. № 3. 2001(29). С. 194–229.

Штильмарк Ф. Р. Охота в моей жизни // Охота и охотничье хозяйство. № 8. С. 7–9.

Штильмарк Ф. Р. Что оставим потомкам? // Мир Севера. № 1. С. 68–71.

Штильмарк Ф. Р. Худая власть // Мир Севера. № 4. С. 90–91. (о Казымском восстании остяков)

Штильмарк Ф. Р. Не пора ли остановить краснокнижную вакханалию? // Российская охотничья газета, 17 октября. С. 2.

Штильмарк Ф. Р. Советские песни на рыночный лад // Зеленый мир. № 12–13. [Резонанс на реплику Н. Пузаченко «Нужна ли этика заповедному делу?» в «ЗМ» № 21, 1999]

Штильмарк Ф. Р. Отклик на публикацию в «Заповестник» статьи Г. Х. Шапошникова «Всего себя – природе» // Заповестник. № 2–3 (67).

Штильмарк Ф. Р. Комментарии (о системе управления заповедниками) // Заповестник. № 12 (74).

Штильмарк Ф. Р. «Горсть света» во тьме издательств // МОЛ (Московская организация литераторов). № 2 (11). [О попытках издать рукопись романа отца – Р. А. Штильмарка]

Штильмарк Ф. Р. Очарованный странник уходящего века // Штильмарк Р. А. «Горсть света». М.: Тера — Книжный клуб. Ч. 1. 576 с. С. 5–30. [Вступительная статья].

2002

Штильмарк Ф.Р. На службе природе и науке (Документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике и о людях, которые там работали). М.: Логата. 159 с.

Штильмарк Ф. Р. Драма или фарс? (об истории управления охраной природы в нашем государстве) // Охрана дикой природы. № 1 (24). С. 46–48; –То же // Астраханский вестник экологического образования. №1. С. 84–86; –То же // Зеленый мир. № 9—10.

Штильмарк Ф. Р. К спорам о дикой природе, заповедности и антропоцентризме // Гуманитарный экологический журнал. Т. 4. Спецвыпуск. С. 49–51.

Штильмарк Ф. Р. Сочетание научных и морально-этических аспектов в заповедном деле // Мат-лы международной школы-семинара «Трибуна-8» «Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты», 27–30 мая 2002 г. Киев: Логос. С. 9–12.

Штильмарк Ф. Р. Новые книги об охраняемых природных территориях Сибири (1. «Система особо охраняемых природных территорий Алтае-Саянского региона» Изд-во «Азия», Кемерово, 2001 г. 173 с., 2. «Охраняемые природные территории бассейна оз. Байкал» Иркутск, 2001, 185 с.) // Заповедники и национальные парки. № 39. С. 40–41.

Штильмарк Ф. Р. В самом деле – за что и кому мы платим? (отклик на статью Э. Леонтьева «Человека забыли») // Охота и охотничье хозяйство. № 6. С. 19.

Верещагин Н., Штильмарк Ф. Не утратить чувства меры и ответственности (Красные книги плодятся, как кролики, но спасают ли они живую природу?) // Охота и охотничье хозяйство. № 10. С. 2–3.

Штильмарк Ф. Р. Матвей Александрович Шаргаев (некролог) // Охрана дикой природы. № 1. С. 56.

Штильмарк Ф. Р. Из прошлого (Страна Сургутия в 1956 году) // Охотничьи просторы. 3, 2002(33). С. 196–211.

Штильмарк Ф. Р. Из другой жизни (воспоминания о стране Сургутии) // Мир Севера. № 6. С. 49–53.

Штильмарк Ф. Р. В Саянах с карельской лайкой (или как возникают мемуары) // Охотничьи собаки. М. № 5 (сентябрь-октябрь). С. 24–28.

Штильмарк Ф. Р. О небосводе российского охотоведения и звездах на нем (грустная история про новейший справочник охотоведов и его мнимого автора, который сам себя высек) // Российская

охотничья газета, 6 марта. [О справочнике: Мельников В. К. 2001. Справочник биологов–охотоведов выпускников: МПМИ, ИСХИ-ИГСХА, КСХИ-ВГСХА, СХИЗО-ВАУЗО. 168 с.]

Штильмарк Ф. Р. Поэтическая экология (о подготовке книги) // Зеленый мир. № 23–24.

Штильмарк Ф. Р. Подвижник идеи дикой заповедной природы (о В. Н. Макарове) // Заповедные острова. № 3 (52), март. С. 4-5. [По материалам Ф. Р. Штильмарка]

Штильмарк Ф. Р. Интересно или грустно? (вольные размышления на тему об «именных» заповедниках) // Заповестник, декабрь.

Бианки Е., Штильмарк Ф. В. Бианки ищет Лукоморье. Наше расследование. (неизвестный В.В. Бианки «Журавушка») // Литературная Россия. № 25 (2053), 21 июня. С. 8-9.

Штильмарк Ф. Р. Очарованный странник // Литературная Россия. № 18 (2046), 3 мая. [Об отце – Р. А. Штильмарке: воспоминания, письма]

2003

Shtilmark F. HISTORY OF THE RUSSIAN ZAPOVEDNIKS (1895–1995). Edinburg: Russian Nature press. 308 p.

Штильмарк Ф. Р. О проблемах природных заповедников и заповедного дела в России на современном этапе // Экологические проблемы заповедных территорий России (к 130-летию со дня рождения И. И. Спрыгина) / Тольятти: Ин-т экологии Волжского бассейна РАН. С. 16–19.

Штильмарк Ф. Р. Система заповедников Сибири в прошлом и настоящем // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Роль особо охраняемых природных территорий в экономике, экологии и политике сибирского региона», 14–15 октября 2003 г. Ханты-Мансийск. С. 7–8.

Штильмарк Ф. Р. О проблемах природных заповедников и заповедного дела на данном этапе // Там же. С. 13–18.

Штильмарк Ф. Р. Вклад Василия Николаевича Скалона в дело охраны природы Сибири и защиту малых народностей Севера // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов России (Мат-лы междунар. научно-практической конф., посвященной 100-летию В. Н. Скалона, 28 мая – 1 июня 2003 г.). Иркутск. С. 97–101.

Штильмарк Ф. Р. Иркутские впечатления 1955–1956 гг. // Там же. С. 93–97.

Штильмарк Ф. Р. О судьбе Саянского заповедника // Там же. С. 184–190.

Штильмарк Ф. Р. В. Н. Скалон об охотоведах Сибири (к 100-летию ученого) // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 16–18.

Штильмарк Ф. Р. Познавательные воспоминания (Н. К. Верещагин «От ондатры до мамонта», СПб.: Астерион, 2002, 336 с.) // Природа. № 10. С. 89–91.

Штильмарк Ф. Р. Жизнь продолжается // Охотничьи просторы. № 3, 2003(37). С. 137–138. [памяти В. П. Астафьева]

Штильмарк Ф. Р. Из прошлого (охотэкспедиция по Туруханскому району в 1963 г.) // Охотничьи просторы. № 3, 2003(37). С. 190–210.

Штильмарк Ф. Р. Плюсы и минусы одной книги (обзор откликов на книгу «На службе природе и охоте» // Охотничьи просторы № 4, 2003 (38). С. 267–269.

Штильмарк Ф. Р. Заповедно! // Северные просторы. № 3–4. С. 42–48.

СМ. *Штильмарк Ф. Р.* 1989. Заповедано! // Северные просторы. № 1 (январь-февраль). С. 10–12.

Штильмарк Ф. Р. Память — о книге «На службе природе и науке» // Зеленый мир. № 1–2. С. 16.

Штильмарк Ф. Р. Смертию смерть поправ // Мир Севера. № 1. С. 36–40. [о В. В. Раевском]

Бианки Е., Штильмарк Ф. Р. Публикация рассказа В. Бианки «Тор-сабль-юх» // Югра. №6. С. 50–56.

Штильмарк Ф. Р. Письмо в редакцию // Заповестник. № 1 (82), январь-февраль. [О гибели Алексея Туруты].

2004

Shtilmark F.R. How Four Zapovedniks were created in Uncertain Times. The Anti-Zapovednik Campaign of the Early 1960s // Russian Conservation News, special issue: Russian Far East Ecoregion. № 34, Fall/Winter 2003–2004. P. 21–22.

Shtilmark F.R. History of the Historian // Russian Conservation News. № 37, Fall 2004. P. 28–29.

Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории // М. Новая Большая Российская энциклопедия (Россия), сводный том. С. 149–154.

Штильмарк Ф. Р. Двенадцать ошибок в экопросветительской деятельности российских заповедников // Гуманитарный экологический журнал. Т. 6. Вып. 1. С. 19-20. [участие в дискуссии]

Штильмарк Ф. Ровесники века (Д. М. Вяжлинский и С. Д. Перелешин) // Охота и охотничье хозяйство. № 2. С. 6–8.

Штильмарк Ф. Р. О заповедниках вообще, о проблемах управления ими особо, а также о науке и просвещении в частности // Охрана дикой природы. № 4 (30). С. 4–7.

Штильмарк Ф. Р. Размышления о кризисе заповедного дела в нашей стране и его причинах // Зеленый мир. № 19–20. С. 23.

Штильмарк Ф. Р. В дебрях Главохоты (отрывок из книги-рукописи «Отчет о прожитом») // Российская охотничья газета. № 46 (538). 10 ноября. С. 2-3.

Штильмарк Ф. Р. Помни праотцев… (о кризисе заповедного дела) // Красноярский рабочий. № 36 (267). 23 сентября.

Штильмарк Ф. Р. Из прошлого (осеннее Верхоленье 1955 года с позднейшими дополнениями) // Охотничьи просторы. № 4(42). С. 218–231.

2005

Штильмарк Ф. Р. Помни праотцев – заповедного не тронь! (к продолжению давнего спора о проблемах заповедного дела) // Охота и охотничье хозяйство. № 1. С. 12–14.*

Штильмарк Ф. Р. Идея абсолютной заповедности (Помни праотцев – заповедного не тронь!). Киев: Киевский эколого-культурный центр, Центр охраны дикой природы. 114 с. [Сборник опубликованных ранее работ и отрывков из книги-рукописи «Отчет о прожитом», публикация В.Е. Борейко]

Штильмарк Ф. Р. Последнее слово Феликса Штильмарка — «Понятие абсолютной заповедности… юридически почти утрачено» // Гуманитарный экологический журнал. Т. 7. Вып. 2 (17). С. 4–8. [Спецвыпуск – посвящен памяти Ф. Р. Штильмарка.]

Штильмарк Ф. Р. Заповедники в годы войны (глава из книги «Историография российских заповедников) // Охрана дикой природы. № 2 (32). С. 22–24.

Штильмарк Ф. Р. Эталоны цветущей степи // Степной бюллетень. № 18 (лето). С. 6–9. [О необходимости создания степных заповедников – статья была написана в 1985 г.]

Штильмарк Ф. Р. Отчет о прожитом. (записки эколога-охотоведа) // Северные просторы. 2004/2005. С. 104–109. [Отрывок из рукописи книги с одноименным названием].

Штильмарк Ф. Р. Отчет о прожитом // Российская охотничья газета, 16 февраля. [Отрывок из рукописи книги].

2006

Штильмарк Ф. Р. Отчет о прожитом (записки эколога-охотоведа). М.: Логата. 528 с. 120 фотографий. [публикация Н.К. Носковой]

2007

Штильмарк Ф. Р. Попутная охота // № 3 Охотничьи просторы. Кн. №3(53). С. 72-84.

Архив Феликса Робертовича сдан в РГАЭ (Российский государственный архив экономики) – Москва, ул. Большая Пироговская, 17. Личный фонд Ф. Р. Штильмарка – 818.

Некролог (В.В. Дежкин) // Охрана дикой природы № 4 (30). С. 29–30.

* Последняя прижизненная публикация.

Основные даты жизни и деятельности Ф.Р. Штильмарка*

2 сентября 1931 г.	Родился в Москве в семье Р.А. Штильмарка и Е.Д. Белаго-Плетнер.
1942–1943 гг.	Жил с матерью в эвакуации в пос. Котуркуль Северо-Казахстанской области. Там учился в школе.
Конец 1943 – начало 1944 г.	Жил с родителями в Ташкенте (отец после ранения и контузии преподавал там в пехотном училище).
Начало 1944 г.	Возвращение в Москву.
12 июня 1944 г.	Смерть матери.
Февраль 1945 г.	Гибель на фронте старшего брата (по матери) Олега Плетнера.
5 апреля 1945 г.	Арест отца 58-10 ст., 10 лет.
1947 г.	Работа в Зоомузее МГУ в таксидермической мастерской.
Весна 1948 г.	Зачислен лаборантом в Институт леса АН СССР для работы в экспедиции в Теллермане (с Б. В. Образцовым).
1948–1949 гг.	Лаборант секции ихтиологии Московского зоопарка.
Зима 1949 г.	Участие в работе по авиаотстрелу волков в Саратовской области.
1950 г.	Препаратор первичного цеха фабрики № 3 «Медучпособие».
1951 г.	Сдал экстерном экзамены за курс средней школы, получил аттестат и поступил в Московский пушно-меховой институт (МПМИ) на зверо-охотоведческий факультет.
Август 1954 г.	Первая поездка в Сибирь – в Енисейск и Маклаково, где отец отбывал ссылку.
Конец 1954 – начало 1955 г.	Проведение зимних учетов куницы в Костромской области.
Сентябрь 1955 – февраль 1956 г.	Преддипломная практика в Качугском р-не Иркутской области (Верхоленье) с охотниками-эвенками.
1956 г.	Окончание МПМИ (получение диплома в Ветеринарной академии – это был последний выпуск МПМИ).
Октябрь – декабрь 1956 г.	Охотовед Сургутского района.
Май – сентябрь 1957 г.	Зоолог в отряде Института вирусологии АМН СССР (по борьбе с клещевым энцефалитом в Кемеровской области).
1957 г.	Публикация первой научной работы (Лесохозяйственное значение мышевидных грызунов в дубравах Европейской части СССР).
Ноябрь 1957 – апрель 1958 г.	Егерь (охотовед) Кривандинского охотхозяйства Московской области.

* Составитель *Н.К. Носкова.*

Апрель 1958 – март 1959 г. Ст. лаборант Ин-та леса АН СССР.

Сентябрь 1959 – январь 1963 г. М.н.с. Ин-та леса и древесины СО АН СССР (г. Красно ярск).

5 августа 1961 г. Женитьба на Н.К. Носковой.

3 июля 1962 г. Рождение дочери Евгении.

Январь 1963 г. Возвращение в Москву.

Май 1963 – февраль 1964 г. Ст. охотовед в составе Енисейской экспедиции ИГ АН СССР (рук. Е.Е. Сыроечковский).

Февраль 1964 – январь 1968 г. М.н.с. (зам. по научной работе) Комсомольского (на Амуре) заповедника ДВФСО АН СССР.

Лето 1966 г. Защита кандидатской диссертации (во Владивостоке).

15 марта 1967 г. Рождение дочери Натальи.

Январь – май 1968 г. м.н.с. Центр. лаборатории охраны природы МСХ СССР.

Май 1968 – сентябрь 1969 г. Ст. инженер отдела лесоохотничьих хозяйств в проектно-изыскательском институте «Союзгипролесхоз».

Сентябрь 1969 г. Ст. н. с. ЦНИЛ Главохоты РСФСР в отделе организации и устройства охотничьих угодий.

Октябрь 1969 г. Учеты охотничьих животных в Зауралье и начало деятельности по организации заповедников.

Лето 1970 г. Обследование территории бывшего Кондо-Сосвинского заповедника – попытки его восстановления.

Апрель – июнь 1970 г. Проектирование заповедника «Сохондо».

1972 г. Вышла в свет книга «Таёжные дали».

Лето 1973 г. Проектирование Таймырского заповедника.

Март – апрель 1975 г. Организация учетов охотничьих животных на территории трассы БАМ (Иркутская область).

Октябрь 1975 г. Вышли в свет «Методические рекомендации по проектированию заповедников и республиканских заказников».

1976 г. Проектирование Витимского (Иркутская обл.) и Юганского (Ханты-Мансийский нац. округ) заповедников. Выход второго издания книги «Таёжные дали».

Сентябрь 1976 г. В ЦНИЛе переведен в отдел заповедников и заказников.

1977–1979 гг. Проектирование заповедников в Якутии. Работа над «Генеральной схемой заповедников и республиканских заказников в РСФСР до 2000 года».

1978 г. Издана книга «Особо охраняемые природные территории» (в сооавторстве с Н.Ф. Реймерсом).

1979 г.	Выход из печати книги «Свидание с Таймыром».
Апрель 1981 г.	Переход из ЦНИЛ в ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова АН СССР.
Лето 1981 г.	Проектирование степных заповедников в Хакасии и Туве.
1984 г.	Издана книга «Заповедники и заказники».
Октябрь 1984 – сентябрь 1985 г.	Зам. дир. по науке Юганского заповедника.
30 сентября 1985 г.	Возвращение в Москву. Смерть отца.
1985–1997 гг.	Журналистика. Член профкома литераторов.
1993 г.	Книга «Лукоморье – где оно?».
1994 г.	Книга «Счастливый неудачник».
1996 г.	Книга «Историография российских заповедников» (1895—1995).
Апрель 1997 г.	Возвращение в ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН на должность ст. научн. сотрудника.
14 мая 1997 г.	Защита докторской диссертации.
1998 г.	Книга «Поэтическая экология».
1998–2000 гг.	Работа над двухтомником «Заповедники Сибири».
2001 г.	Книга «От старых кедров к бессмертию человечества» (Жизнь и деятельность Н.Ф. Реймерса (1931–1993).
2002 г.	Книга «На службе природе и науке» (Документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике и о людях, которые там работали).
27 января 2005 г.	Операция на сердце (аорто-коронарное шунтирование).
31 января 2005 г.	Скончался в реанимации от отёка легких.

Фотоиллюстрации

К разделу «Практика заповедного дела»*

Центрально-Лесной заповедник, 1929 г. А.М. Копчиу, Г.Л. Граве, студенты БЮНа — Ж.Н. Рысов, В. Покровский *(фото Д. М. Вяжлинского)*.

На учёте дичи в Лапландском заповеднике, 1951 г.

* Использованы фотографии из архивов Ф. Р. Штильмарка, Д.М. Вяжлинского, Т.А. Адольф, В. Е. Борейко, К.В. Авиловой, отдельных заповедников. Авторство многих снимков не установлено.

Пожар в Баргузинском заповеднике в 1960 г., пос. Давша *(фото Т.Н. Гагиной)*.

Евгений Евгеньевич Сыроечковский на биостанции в пос. Мирное, 1963 г. *(фото Ю.А. Симукова)*.

Обследование долины р. Хунгари с целью расширения Комсомольского заповедника. Ф.Р. Штильмарк *(слева)* и первый директор заповедника И.М. Власов, 1964 г.

На летней студенческой практике на Звенигородской биостанции. К.Н. Благосклонов со студентами вечернего отделения биологического факультета МГУ, 1965 г.

Живой уголок «Приют доктора Айболита» в заповеднике «Столбы», Е.А. Крутовская *(фото Ю.И. Устюжанина)*.

Во время проектирования заповедника «Малая Сосьва». Ф.Р. Штильмарк – научный руководитель проекта, р. Конда, 1970 г.

Экспедиция по созданию заповедника в Туве, р. Азас, 1971 г. *(фото К.Д. Зыкова).*

Проектирование Сохондинского заповедника в Забайкалье в 1972 г. Ф. Р. Штильмарк на вершине ольца Сохондо.

Проектирование Таймырского заповедника в 1973 г. Доставка экспедиции в устье Логаты.

Экспедиционный лагерь на р. Логате и основное плавсредство во время проектирования заповедника, 1973 г.

Проектирование Таймырского заповедника. Сплав по р. Логате, 1973 г. *(фото Н.К. Носковой).*

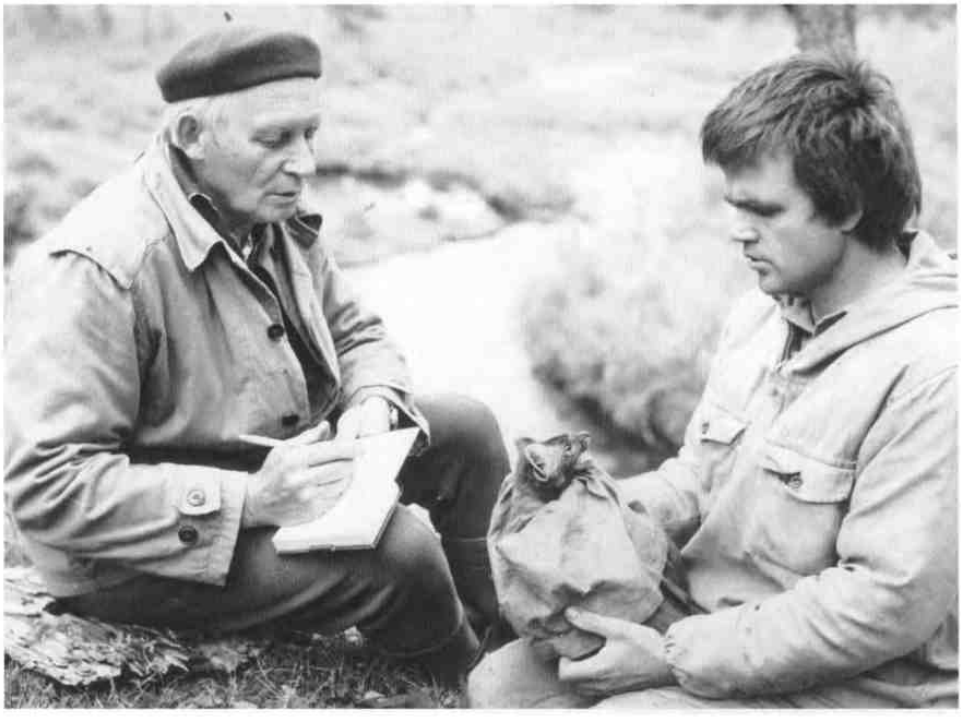
Справа налево: руководитель Таймырской экспедиции Ф.Р. Штильмарк, В.А. Шестопалов и спасенный ветеринар (заблудился в тундре) А.Я. Грицков (р. Логата, 1973 г.).

К.П. Филонов на полевых работах в Молочном лимане (Приазовье), 1974 г.

В Саяно-Шушенском заповеднике, Б.П. Завацкий *(справа)* и Б. Гущин.

Мечение соболей в Баргузинском заповеднике. Е.М. Черникин и лесник Олег Романенко (*фото Г. Я. Егеря*).

Орнитолог А.А. Васильченко *(справа)* на полевом маршруте.

Всесоюзное совещание по бобру в Воронежском заповеднике, 1976 г.

Б.П. Иващенко (начальник отряда) с дочерью Татьяной (техник-лесовод) на Енисее во время проектирования Саяно-Шушенского заповедника, 1975 – г. Борис Петрович Иващенко (1928–1996) – охотовед, долгие годы работал начальником партии Центральной охотустроительной экспедиции Главохоты РСФСР, принимал участие в проектировании многих заповедников.

Проектирование Олекминского заповедника. *Первый слева*: Анатолий Семенович Александров (р. 1946) – зоолог, начальник отряда Западно-Сибирской проектно-изыскательской экспедиции Главохоты РСФСР. Олекминск, 1981 г. *(фото Ф.Р. Штильмарка).*

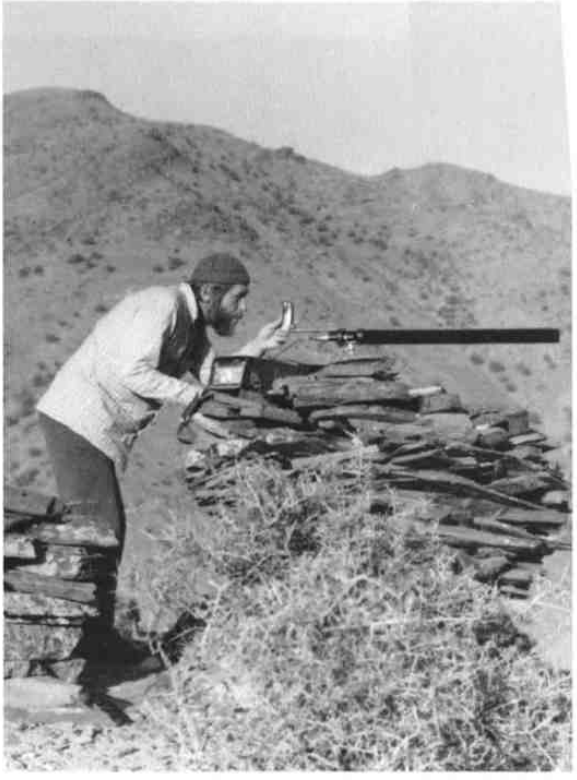
Проектирование степных заповедников в Хакасии и Туве. Экспедиционная «антилопа-гну», 1981 г.

На полевых работах в Сюнт-Хасардагском заповеднике, 1981 г. Святослав Игоревич Забелин (р. 1950) – инициатор "десанта" выпускников студенческих дружин по охране природы в заповедники Туркменской ССР в конце 1970-х – начале 1980-х гг.

Проектирование Центральносибирского заповедника. Е.Е. Сыроечковский *(справа)*, руководитель проекта, в Мирном, 1982 г.

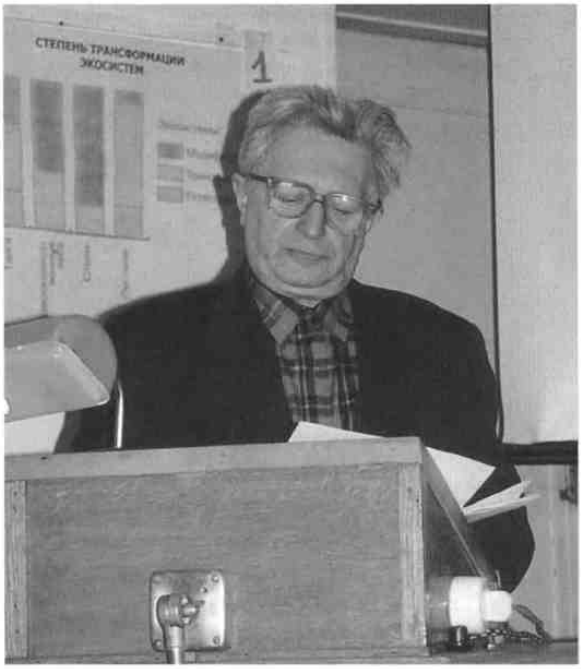
Изучение звуковой сигнализации волка в Нуратинском заповеднике. А.А. Никольский записывает на магнитофон вой волков, 1985 г.

Семинар экологов в Кавказском заповеднике, кордон Пслух, апрель 1986 г.

Ф.Р. Штильмарк во время проектирования заповедника «Брянский лес», р. Нерусса, 1986 г. *(фото И.П. Шпиленка)*.

Ф.Р. Штильмарк, доклад в ИПЭЭ РАН, 1999 г.

А.А. Никольский *(справа)* с коллегами определяют температурный режим нор степного сурка в Харьковской области, 2000 г.

К разделу «История заповедного дела России»

Василий Васильевич Докучаев (1846–1903) — доктор минералогических и геологических наук, автор классического труда «Русский чернозём» (1883). Первым в России выдвинул идею создания заповедников в качестве научных станций, первым употребил термины «заповедник», «заповедность».

Биологическая экскурсия на Оке на месте будущего Приокско-Террасного заповедника, Лужки, 1901 г.

Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн (1863–1920) – владелец Аскания-Нова, создатель первого частного заповедника в Российской Империи, член Природоохранительной комиссии ИРГО и МОИП *(фото Г. Риберегера)*.

Франц Францевич Шиллингер.

Христофор Георгиевич Шапошников (1872–1938) – лесовод и натуралист, один из организаторов и первый директор Кавказского заповедника. Репрессирован, погиб в заключении.

Пушкинский зверосовхоз, 1920 г. *За рулем машины:* Борис Михайлович Житков (1872–1943) – зоолог, первый научный проектировщик Астраханского заповедника. Создатель научной школы охотоведения, директор Лаборатории пушного промысла (ныне – ВНИИОЗ).

Валерий Иванович Талиев (1872–1932) – ботаник, проф. Харьковского университета, автор одной из первых в России книг по охране природы – «Охраняйте природу», один из организаторов ВООП, некоторых заповедников («Галичья гора», а также в Крыму и на Кавказе).

Третий слева: Г.А. Кожевников (1866–1933) со своими учениками, 1926 г.

Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский (1866–1942) – энтомолог, поэт и переводчик, идеолог теории заповедного дела в России.

Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (1870–1942) — географ, краевед, член Природоохранительной комиссии ИРГО, автор первого плана заповедной сети (1917) и списка намечаемых заповедников СССР (1928).

Иван Иванович Спрыгин (1873–1942) – ботаник, д. б. н., организатор и первый директор Жигулевского заповедника, который ныне носит его имя. Участвовал в создании Наурзумского и Мордовского заповедников.

Даниил Николаевич Кашкаров (1878–1941) – зоолог. Основал кафедру зоологии в Ташкентском университете, первым читал там курс лекций по экологии и охране природы. Занимался созданием заповедников в Средней Азии, в частности заповедника Аксу-Джабаглы.

Участники Первого Всероссийского съезда по охране природы, 1929 г.

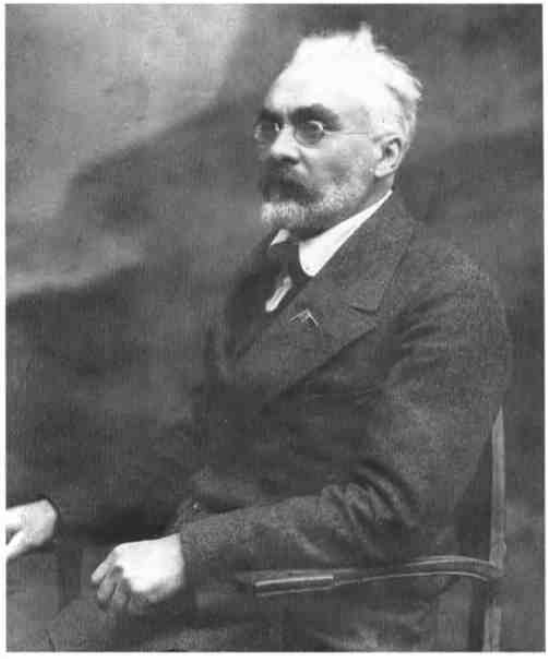

Выпуск зоологов-позвоночников биологического отд. физ.-мат. ф-та МГУ, 1930 г. *Второй ряд:* преподаватели М.А. Мензбир, Б.С. Матвеев, С.А. Северцов, А.Н. Северцов, Б.М. Житков, С.И. Огнёв. *Верхний ряд* – выпускники, *в центре* Н.П. Наумов, *от него слева:* В.Г. Гептнер, А.Н. Формозов, В.И. Цалкин; *в нижнем ряду второй слева:* Н.А. Гладков.

Григорий Леонидович Граве (1872–1957) – зоолог, проф. Смоленского университета, организатор и первый директор Центрально-Лесного заповедника.

Петр Гермогенович Смидович (1874–1935) – революционер-большевик, член ЦИК и ВЦИК, председатель Комитета по заповедникам при ВЦМК в 1933–35 гг. Его имя присвоено Мордовскому заповеднику *(фото из Музея Революции)*.

Сергей Алексеевич Северцов (1891–1947) – проф. Московского университета. Читал лекции по зоологии, сравнительной анатомии, систематике животных, общей экологии и охране природы. При его активном участии организованы первые заповедники СССР. Работал в Комитете по охране природы Наркомпроса РСФСР, возглавлял лабораторию в Институте эволюционной морфологии АН СССР, носящем ныне имя его отца.

Воронежский заповедник. *Слева:* В. Н. Макаров, 1934 г. *(фото В. К. Хлебович).*

Николай Михайлович Кулагин (1860–1940) – выдающийся зоолог, академик БССР и ВАСХНИЛ, чл.-корр. АН СССР, автор разработки научных основ охраны природы, председатель Комитета по охране природы Наркомпроса РСФСР, член Комитета и главка по заповедникам.

Константин Георгиевич Абрамов (1883–1961) – организатор и первый директор Сихотэ-Алинского заповедника, автор книги «Соболь в охотничьем хозяйстве Дальнего Востока». Фото 1938 г.

Василий Владимирович Васильев (1889–1941) – организатор и первый директор Кондо-Сосвинского заповедника *(фото из архива заповедника «Малая Сосьва»)*.

Кронид Всеволодович Гарновский (1905–1988) и Евгения Витальевна Дорогостайская (1916–1999) – ботаники Кондо-Сосвинского и Ильменского заповедников, 1940 г.

Владимир Владимирович Станчинский (1882–1942) – д. б. н., биолог широкого профиля. Организатор Смоленского университета, его профессор, зав. кафедрой зоологии, автор новых направлений в экологии и биоценологии. Репрессирован, умер в Вологодской тюрьме.

Лев Георгиевич Капланов (1910–1943) – зоолог, талантливый натуралист-самородок (выражение А.Н. Формозова). Директор Судзухинского (Лазовского) заповедника. Убит браконьером во время обхода территории заповедника. Автор книги «Тигр, изюбрь, лось».

Первое совещание зоопарков и зоосадов, 20 ноября 1940 г. *В первом ряду слева:* Петр Александрович Мантейфель (1882–1960) – проф. МПМИ, руководитель КЮБЗа.

Второй справа: Владимир Георгиевич Гептнер (1901–1975) – зоолог и зоогеограф, проф. МГУ, член научных советов Главного управления по заповедникам в 1940–50-х гг. *Слева от него:* Александр Николаевич Дружинин (1902–1959) – доцент, зав. отделением сравнительной анатомии Зоомузея МГУ; Орад Аурчельдиев. *Справа:* Андрей Бахман. *В первом ряду:* выпускницы биологического факультета МГУ 1940 г. — Т. А. Адольф, Зоя Шапошникова; Нюра Грачёва.

К.П. Филонов в апреле 1942 г. На несколько дней его отпустили с фронта.

Мариам (Мира) Львовна Калецкая (1920–2013) – зоолог, многолетний научный сотрудник Дарвинского заповедника (1948–2002). Фото – май 1945 г.

Деятели охраны природы и заповедного дела 1930–40-х годов, 1948 г.

Сергей Иванович Огнев (1886–1951) – выдающийся зоолог, проф. МГУ, автор капитальных монографий, член многих научных обществ *(фото Т.А. Адольф)*.

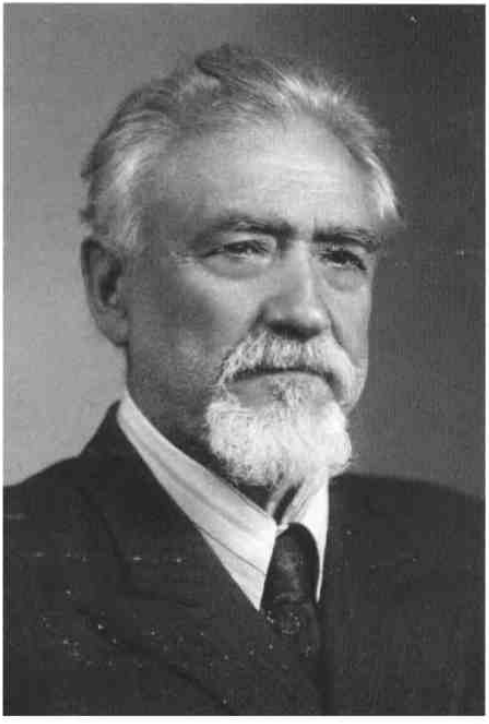

Третий справа: Алексей Александрович Малышев (1907–2001) – ботаник и агроном, д. б. н., писатель, работал в Тебердинском, Алтайском и Приокско-Террасном заповедниках, автор научных работ и популярных книг о заповедниках.

В Баргузинском заповеднике в 1954 г. В.Н. Скалон, К.П. Филонов, Олег Кириллович Гусев (1930–2012) – сотрудник заповедника, в дальнейшем – главный редактор журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Александр Петрович Протопопов (1880–1959) – член Комитета по охране природы при Наркомпросе РСФСР, энтузиаст заповедного дела, обследовал многие заповедники, организовал новые, участвовал в восстановлении закрытых в 1951 г. Фото 1955 г.

Владимир Николаевич Сукачев (1880–1967) – ученый широкого профиля (лесная типология, биогеоценология), академик АН СССР, директор Института леса АН СССР, президент МОИП. Организатор Комиссии по охране природы при АН СССР, инициатор восстановления многих заповедников (после «реорганизации» 1951 г.).

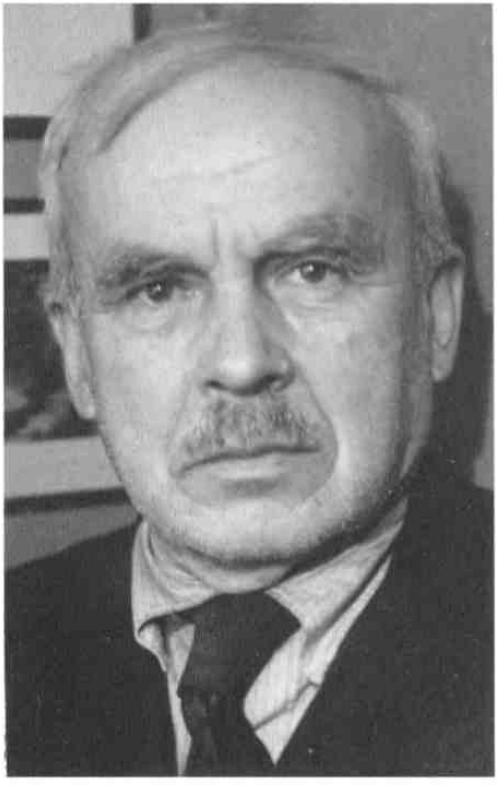

Георгий Петрович Дементьев (1898–1969) – орнитолог, проф. МГУ, член научных советов Главного управления по заповедникам, председатель Комиссии и Совета по охране природы АН СССР, организатор национальной секции Международного совета по охране птиц (ICBP).

Петр Борисович Юргенсон (1903–1971) – зоолог, д. б. н., работал в Алтайском, Куйбышевском, Центрально-Лесном, Печоро-Илычском заповедниках, начальник научного отдела Главка по заповедникам РСФСР и СССР в 1949–53 гг., зам. директора ЦНИЛ Главохоты РСФСР в 1970–71 гг.

Иван Иванович Пузанов (1885–1971) – зоолог, заслуженный деятель науки УССР, проф. Горьковского и Одесского университетов, член Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК. Работал в Крымском заповеднике, инициатор расширения его территории, готовил проект Керженского заповедника в Горьковской области.

Василий Николаевич Скалон (1903–1976) – зоолог, охотовед, проф. ИСХИ, в 1938–40 гг. – зам. директора по науке Кондо-Сосвинского заповедника, инициатор создания Витимского, Олекминского и других заповедников.

Константин Николаевич Благосклонов (1910–1985) – зоолог, доцент биологического ф-та МГУ, автор первого курса лекций и первого учебника по охране природы, куратор студенческой Дружины по охране природы, организатор природоохранного просвещения. Звенигородская биостанция МГУ, 1962 г.

Справа: Александр Степанович Хоментовский (1908–1986) — член.-корр. АН СССР, председатель Дальневосточного филиала АН СССР. Инициатор создания четырех дальневосточных заповедников вблизи крупных городов (Большехехцирский, Зейский, Комсомольский, Хинганский). В Комсомольском заповеднике, 1964 г. *(фото Ф.Р. Штильмарка).*

Б.Н. Богданов (1913–1976), возглавлял Главприроду МСХ СССР в 1960–70-х гг., С.Г. Приклонский, Ю.А. Купцов, А.С. Раш. В Окском заповеднике, 1966 г.

Николай Фёдорович Круторогов (1913 – после 1980) – охотовед, выпускник МПМИ 1936 г., зам. начальника Главохоты РСФСР (до 1974 г.) , внес значительный вклад в создание ЦНИЛ Главохоты.

Слева: Валентин Дмитриевич Шамыкин – охотовед, в 1930–40-х гг. работал в Сихотэ-Алинском заповеднике, в 1960–70-е гг. – в отделе заповедников Главохоты РСФСР.

Николай Павлович Наумов (1902–1982) – проф., зав. кафедрой зоологии позвоночных, декан биолого-почвенного ф-та МГУ. Воспитал плеяду замечательных ученых. В 1960–70-е гг. представлял Советский Союз в Международном союзе биологических наук.

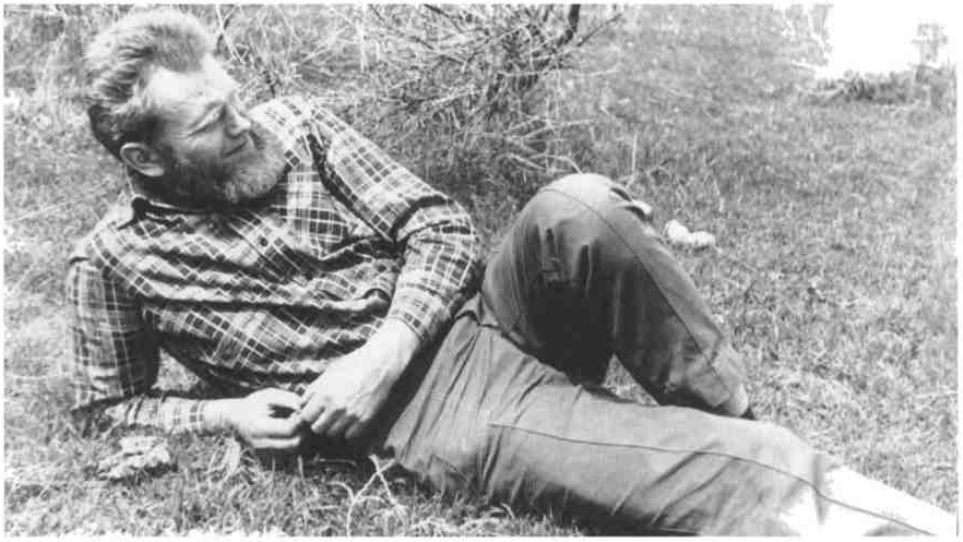
Андрей Григорьевич Банников (1915–1985) – зоолог, д. б. н., зав. отделом заповедников в ЦЛОП МСХ СССР в 1960–70-е гг. и Василий Федорович Гаврин (1918–1975) – орнитолог, охотовед, директор ЦНИЛ Главохоты РСФСР со дня основания лаборатории в 1968 г. до своей гибели (утонул в Енисее).

Алексей Васильевич Михеев (1907–1999) – орнитолог, д. б. н., н. с. и зав. научного отдела Главка по заповедникам в 1940-х гг.; Тамара Августиновна Адольф (1912–2001) – зоолог, преподаватель МГПУ, автор популярных книг и статей по заповедному делу. Фото 1970 г.

Л.Ф. Сташкевич; Андрей Андреевич Васильченко (р. 1935) – охотовед, орнитолог, сотрудник заповедника «Кузнецкий Алатау», ранее работал в Байкальском, Сохондинском и заповеднике «Азас»; Александр Михайлович Васин – зам. директора по науке заповедника «Малая Сосьва». Тебердинский заповедник, 1970 г.

Алексей Владимирович Яблоков (р. 1933) – член-корр. РАН, председатель Комиссии по экологической безопасности Совета безопасности при Президенте РФ (1993–1996), руководитель Центра экологической политики России (1993–2006). Иссык-Куль, 1971 г.

Участники зонального семинара по охране животного мира Сибири, Улан-Удэ, июнь 1972 г. *Первый ряд, в центре:* В.Н. Скалон, *слева от него:* Татьяна Борисовна Саблина (1911– 1992) – зоолог, н. с. ИЭМЭЖ АН СССР, руководитель секции «Охрана зверей и птиц» ВООП.

Сотрудники отдела заповедников ЦНИЛ Главохоты РСФСР К.Д. Зыков, В.К. Абрамов, К.П. Филонов.

Елена Александровна Крутовская (1914–1984) – зоолог, натуралист, сотрудница заповедника «Столбы», заведовала там метеостанцией, организовала и вела живой уголок «Приют доктора Айболита». Автор книг по поведению животных.

Петр Петрович Смолин (1897–1975) – руководитель кружка юных биологов ВООП, воспитатель многих известных ученых-натуралистов.

Виталий Петрович Попадьин – директор Саяно-Шушенского заповедника в 1976–94 гг.; А.М. Шалыбков; Анатолий Васильевич Нечаев (1917–1989) – зам. начальника Главохоты РСФСР, основной куратор заповедного дела в 1970–80-х гг.; Кирилл Дмитриевич Зыков (р. 1932) – зав. отд. заповедников ЦНИЛ (1970–79 гг.), работал в Окском заповеднике, в ИПЭЭ РАН; В.В. Дежкин.

Конференция, посвященная теоретическим вопросам заповедного дела (Центрально–Черноземный заповедник, 1975 г.). *Первый ряд, второй слева:* А.А. Насимович (1911–1983) – выдающийся деятель заповедного дела, сотрудник ряда заповедников. *Второй ряд, второй слева:* Давид Львович Арманд (1905–1976) – автор книги «Нам и внукам»; *третий:* Анатолий Михайлович Шалыбков (р. 1930) – начальник отдела заповедников Главохоты РСФСР; *в центре:* Алексей Михайлович Краснитский (1923–1985) – директор Центрально-Черноземного заповедника, автор книги «Проблемы заповедного дела». *Верхний ряд, в центре:* Н.Ф. Реймерс; *справа от него:* К.П. Филонов, К.Д. Зыков, К.В. Сторчевой – сотр. отд. заповедников Главохоты РСФСР.

Святослав Георгиевич Приклонский (р. 1932) – зоолог, д. б. н., заслуженный работник заповедного дела, многолетний директор и сотрудник Окского заповедника. Фото 1974 г.

Владимир Иванович Данилов (1935–2013) – ботаник, краевед, историк, сотрудник заповедников «Галичья гора» и Приокско-Террасного. Фото 1970-х гг.

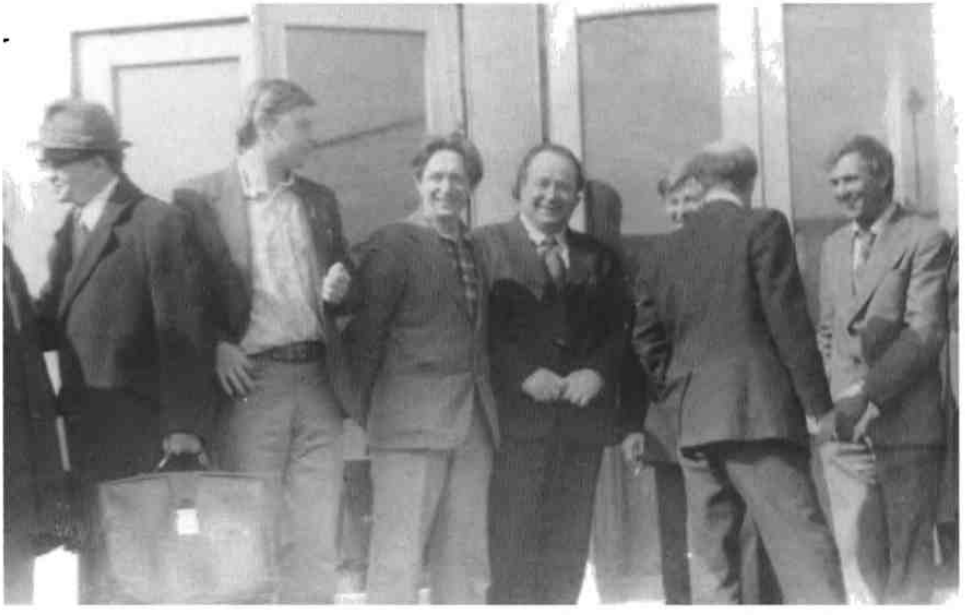
Олег Измайлович Семенов-Тян-Шанский (1906–1990) – зоолог, многолетний сотрудник Лапландского заповедника. Фото 1978 г.

Константин Павлович Филонов (1921–1998) – зоолог, д. б. н., теоретик заповедного дела, зам. пред. Комиссии по заповедникам АН СССР и РАН, работал в Баргузинском, Башкирском и Ильменском заповедниках. Заседание МОИП, 1979 г.

Участники совещания в Таллинне. *В клетчатом пиджаке:* Юрий Андреевич Исаков (1912–1988) – орнитолог, проф., зав. отделом биогеографии ИГ АН СССР, работал в Астраханском и Дарвинском заповедниках в 1945–54 гг.

Во время совещания в Красноярске, апрель 1980 г. *В центре:* Ф.Р. Штильмарк и В.В. Дёжкин.

Евгений Михайлович Черникин (1928–2009) – многолетний сотрудник Баргузинского заповедника, автор выдающихся исследований по экологии соболя. Фото 1980 г.

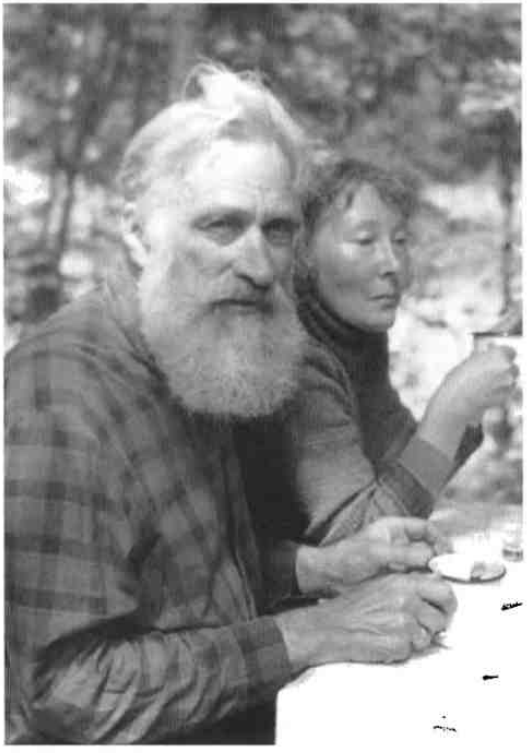

Совещание по заповедникам на ВДНХ в 1980 г. *На трибуне* – Юрий Порфирьевич Язан (1929–1999) – охотовед, директор ВНИИПриродыы МСХ СССР. *Сидят:* Д.А. Горин; В.В. Криницкий; Глеб Васильевич Висящев (р. 1931) – инженер лесного хозяйства, зам. начальника Главприроды МСХ СССР, куратор заповедного дела в системе Госкомприроды СССР в 1980-х гг.; К.П. Филонов.

Василий Васильевич Криницкий (1913–1989) – директор Воронежского, Алтайского, Дарвинского заповедников; Дмитрий Владимирович Бондарев (р. 1932) – н. с. Астраханского заповедника. Фото 1980 г.

Олег Васильевич Волков (1900–1996) – писатель, автор книги «Чур! Заповедано», статей и очерков о заповедниках. В Сохондинском заповеднике с женой Маргаритой Сергеевной, 1980 г. *(фото А.А. Васильченко)*.

Справа: Анатолий Николаевич Кудактин (р. 1947). *Слева:* гости – писатель-натуралист Джеральд Даррелл (1925–1995) с женой Ли. В Кавказском заповеднике, 1980 г.

О.И. Семенов-Тян-Шанский и Вячеслав Людвигович Рашек (1923–2011) – биолог-охотовед, зам. директора по науке в заповеднике Барса-Кельмес, зав. лабораторией общих проблем заповедного дела ВНИИПриродыМСХ СССР в 1970–80-х гг. Фото 1981 г.

Лидия Васильевна Заблоцкая (1918–2006) – зоолог, зам. директора по науке в Приокско-Террасном заповеднике в 1960–80-х гг.

Михаил Александрович Заблоцкий (1912–1996) – зоолог и зоотехник-звероводд, заслуженный работник заповедного дела, с 1936 г. руководил работами по восстановлению зубра в стране, в 1948 г. создал зубровый питомник в Приокско-Террасном заповеднике. Фото 1981 г.

Справа: Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) — писатель, знаток и защитник сибирской природы, 1983 г. *(фото Ф. Р. Штильмарка).*

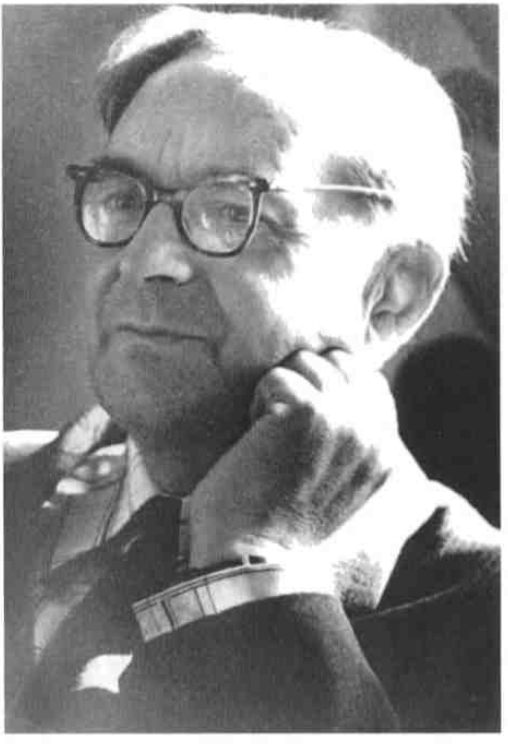

Константин Михайлович Эфрон (1921–2008) — ученый секретарь МОИП в 1940–60-х гг., работал в Госкомприроде СССР, член Комиссии по заповедникам РАН; А.А. Насимович; Б.А. Смирнов-Русецкий; Юрий Константинович Ефремов (1913–1999) — географ, н. с. МГУ и ИГ РАН, участник восстановления Кавказского заповедника, председатель секции ООПТ ВООП в 1970–80-е гг.

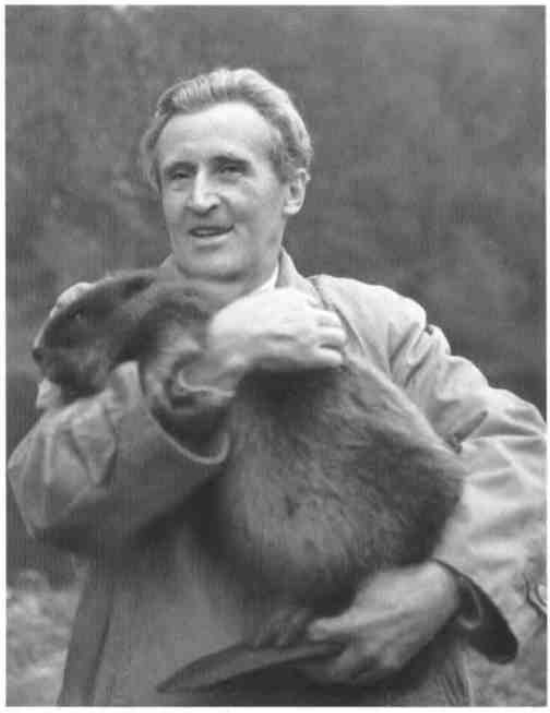

Вадим Николаевич Тихомиров (1932–1998) — ботаник, проф., член-корр. РАН, зав. кафедрой высших растений биологического ф-та МГУ, директор Ботсада МГУ, инициатор создания и куратор студенческой Дружины по охране природы, председатель Комиссии по заповедному делу РАН в 1990-х гг.

Юрий Николаевич Куражсковский (1923–2007) – зоолог, проф. Ростовского университета, в 1953–60 гг. работал в Воронежском и Астраханском заповедниках, автор первой монографии по теории заповедного дела в СССР.

Леонид Сергеевич Лавров (1911–1991) – зоотехник-зверовод, специалист по разведению бобра, с 1936 г. работал в Воронежском заповеднике.

Дмитрий Александрович Горин (р. 1932) – охотовед, многолетний руководящий работник заповедных ведомств СССР и РФ.

Николай Николаевич Воронцов (1934–2000) – биолог, проф., председатель Госкомитета по охране природы и министр природопользования и охраны окружающей среды СССР (1989–91), депутат Верховного Совета СССР, РСФСР-РФ и Госдумы РФ (1989–96), председатель секции ООПТ на Всероссийском съезде по охране природы в 1995 г.

Николай Фёдорович Реймерс (1931–1993) – эколог, теоретик заповедного дела, инициатор создания МНЭПУ, автор книги «Надежды на выживание человечества: концептуальная экология».

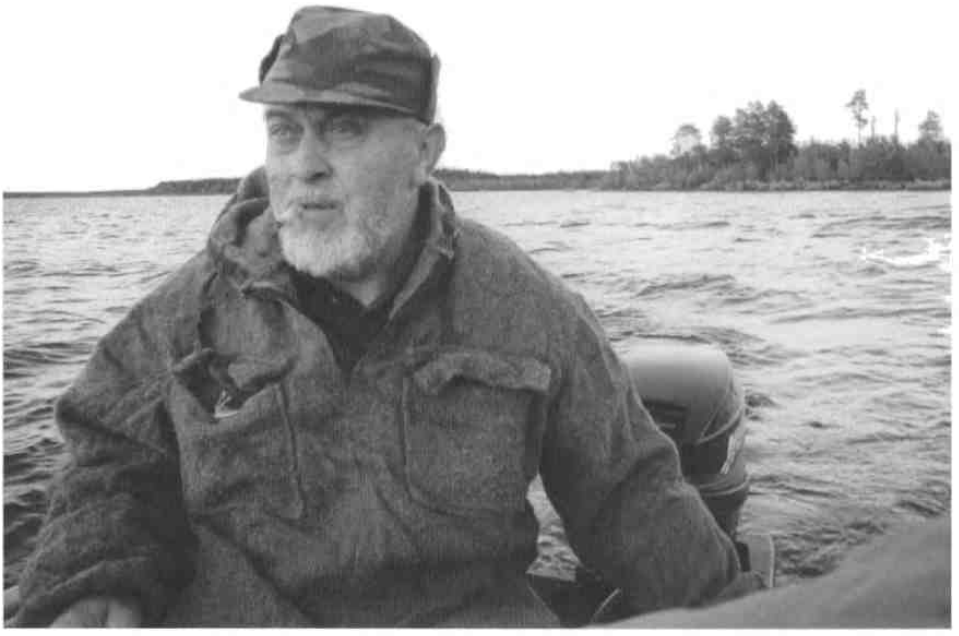
Владимир Евгеньевич Соколов (1928–1998) – зоолог, академик АН СССР, директор ИПЭЭ РАН, зав. кафедрой зоологии позвоночных биологического ф-та МГУ, председатель Комиссии по заповедникам АН СССР в 1970–80-х гг.

Евгений Евгеньевич Сыроечковский (1929–2004) – зоолог, академик РАСХН, инициатор создания и научный руководитель проектирования заповедников: Центральносибирский, Большой арктический, Путоранский, Таймырский, Даурский и др., зам. председателя Комиссии по заповедникам АН СССР.

Вадим Васильевич Дежкин (1930–2010) – биолог-охотовед, д. б. н., работал в Воронежском заповеднике, сотрудник и директор ЦНИЛ Главохоты РСФСР, автор многих книг и статей по заповедному делу.

Леонид Фёдорович Сташкевич (1935–2014) — директор заповедников «Малая Сосьва», «Остров Врангеля», «Курильский» *(фото Т. М. Андреевой, 1990).*

Александр Александрович Никольский (р. 1939) – зоолог, д. б. н., начальник Главного управления заповедного дела Госкомприроды СССР в 1990–91 гг. *Справа:* Виталий Александрович Николаенко (1938–2003) – биолог-натуралист, специалист по бурому медведю, фотограф, многолетний сотрудник Кроноцкого заповедника, где в 1991 г. сделано это фото.

Амирхан Магомедович Амирханов (р. 1952) – заслуженный эколог РФ, зам. руководителей Минприроды, Госкомэкологии, Росприроднадзора РФ (с 1992 г.), много лет курировал заповедную систему в стране. Фото 2011 г.

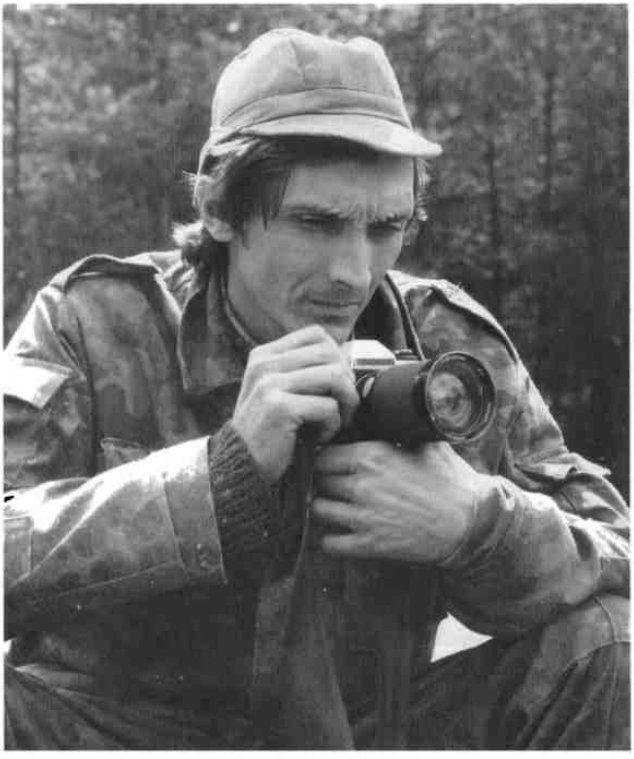

Всеволод Борисович Степаницкий (р. 1959) – один из лидеров молодежного природоохранного движения, с 1991 г. возглавляет заповедные ведомства в России, заслуженный эколог РФ. В заповеднике «Брянский лес», 1999 г. *(фото И.П. Шпиленка)*.

Борис Петрович Завацкий (1937–2013) – охотовед и зоолог, многолетний сотрудник Саяно-Шушенского заповедника, исследователь биологии медведя. Фото 1997 г.

Игорь Петрович Шпиленок (р 1960) – организатор и директор заповедника «Брянский лес» фотограф.

Ф.Р. Штильмарк *(справа)* с американским историком Дугласом Уинером (Douglas Weiner) – автором книги «Экология в советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы». Фото 2001 г.

Ф.Р. Штильмарк и Джеффри Харпер (Geoffrey Harper) – переводчик книги «Историография российских заповедников». Фото 2003 г.

Нина Александровна Литвинова – заслуженный эколог РФ, многолетний директор Астраханского заповедника (1998–2014).

Владимир Евгеньевич Борейко (р. 1960) — заслуженный природоохранник Украины, руководитель Киевского эколого-культурного центра, историк и популяризатор заповедного дела. Один из лидеров молодежного природоохранного движения СССР и УССР, автор многих работ по заповедному делу. Фото 2012 г.

Алексей Иванович Олигер, А.Б. Вишерский, Т.Д. Дульней, Т.А. Макашова, В.А. Яковлев, Н.А. Ирисова, Н.И. Золотухин с семьёй, Л.И. Борисова, И. Денисова. Алтай, 2002 г.

К разделу «Роль Личностей (и их судьбы) в истории заповедников»

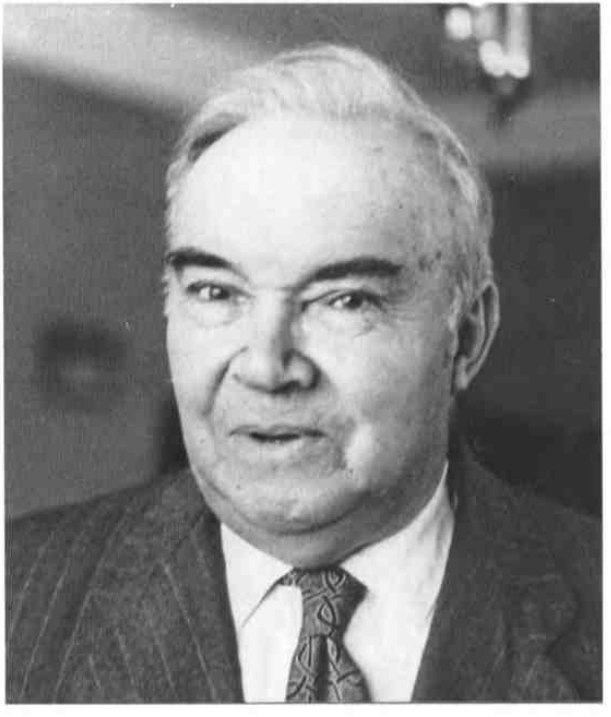
Григорий Александрович Кожевников (1866–1933)

Василий Никитич Макаров (1887–1953)

Франц Францевич Шиллингер (1874–1943)

Александр Николаевич Формозов (1899–1973)

Валериан Иванович Белоусов (1891–1938)

Вадим Вадимович Раевский (1909–1947)

Научное издание

ШТИЛЬМАРК Феликс Робертович
ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО РОССИИ:
теория, практика, история.
Избранные труды
Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2014. 511 с.

Редакторы *Н.К. Носкова, А.В. Зименко*
Оригинал-макет: *М.А. Кирюшкин*

Для заявок:

123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 5.11.2014. Заказ № 2061
Формат 70×100/16. Объём 32 п.л. Усл. печ. л. 41,6
Бумага офсетн. и мелов. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6.